CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXV. — ТОМЪ CCLXXXV. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1901.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

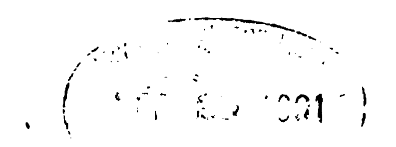
1901

3079

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1901.



РУССКІЙ КНЯЖЕСКІЙ ДВОРЪ

въ

ГОРОДѢ ГОРСЕНСѢ

1780 — 1807 г.

Лѣтъ пять тому назадъ вышелъ въ свѣтъ весьма интересный историческій трудъ датскаго писателя Фрійса, который впервые обстоятельно воспользовался документами, хранящимися въ государственномъ архивѣ, въ Копенгагенѣ. При ихъ помощи оказалось возможнымъ возстановить полную и живую картину пребыванія въ Даніи принцевъ и принцессъ Браунштейгскихъ, послѣднихъ изъ потомства царя Іоанна Алексѣевича, — потомства, извѣстнаго въ исторіи превратностями судьбы; эта превратность и послужила темою для многочисленныхъ крупныхъ и мелкихъ, какъ строго историческихъ, такъ и историко-беллетристическихъ трудовъ.

Почти во всѣхъ подобныхъ трудахъ судьба русскихъ Браунштейговъ, однако, подробно трактовалась лишь до переселенія ихъ въ Данію, такъ какъ авторамъ этихъ трудовъ были доступны лишь русскіе источники. О пребываніи же Браунштей-ь въ Даніи имѣлись до появленія труда г. Фрійса лишь весьма дныя свѣдѣнія. Такъ, напр., въ 1837 г., въ I части „Тру-ь Россійской Академіи“ была помѣщена статья В. А. Полѣ-а: „Отправленіе Браунштейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ скія владѣнія“, гдѣ самой жизни Браунштейговъ на новой

родинѣ посвящены были лишь двѣ-три страницы; въ 1874 г., та же статья, съ нѣкоторыми мелкими добавленіями, была вновь перепечатана въ „Русской Старинѣ" (апрѣль, стр. 645). Затѣмъ, въ 1873 году, въ „Русской Старинѣ" появилась замѣтка академика Куника: „Дѣти правительницы Анны Леопольдовны" (январь, стр. 67), и въ 1875 г.—небольшая статья академика Грота: „Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ (апрѣль, стр. 760). Свѣдѣнія, содержавшіяся въ упомянутыхъ статьяхъ о жизни Браунштейговъ въ Даніи, были не только скудны, но и не всегда вѣрны. Такъ, изъ статьи Полѣнова и изъ статьи Куника получается впечатлѣніе, что житье Браунштейговъ въ Даніи — главнымъ образомъ, послѣдней изъ нихъ, принцессы Екатерины—было далеко не сладкимъ. Въ статьѣ Куника даже помѣщено письмо принцессы, въ которомъ она высказывала императору Александру I прямыя жалобы на свое житье-бытье и на своихъ датскихъ приближенныхъ, которыхъ называетъ лукавыми и корыстолюбивыми.

Перепечатка этого письма въ датскомъ журналѣ „Historisk Archiv" произвела сенсацію и вызвала со стороны датскихъ ученыхъ и писателей горячее желаніе разслѣдовать дѣло и снять обвиненіе съ датчанъ, буде оно окажется незаслуженнымъ. Въ 1874 г., въ іюльской книжкѣ того же датскаго журнала, появилась статья г. Гранцова—„Добавочныя свѣдѣнія о русскомъ дворѣ въ Горсенсѣ", въ которой авторъ старался доказать, на основаніи датскихъ источниковъ, ложность высказанныхъ въ упомянутомъ письмѣ жалобъ. Я. К. Гротъ, въ указанной выше статьѣ своей въ „Русской Старинѣ" (апрѣль, 1875 г.), вкратцѣ ознакомилъ русскихъ читателей съ датской точкой зрѣнія на данный вопросъ, но самъ, повидимому, не былъ убѣжденъ въ ея безусловной вѣрности. Извѣстный историкъ и писатель, профессоръ Брикнеръ (какъ говоритъ г. Фрійсъ въ своемъ трудѣ, стр. 223—224), также вначалѣ держался того мнѣнія, что положеніе принцессы было именно таково, какимъ оно рисовалось въ ея письмѣ. Ознакомившись съ возраженіями съ датской стороны, онъ, однако, нѣсколько поколебался въ своемъ мнѣніи, а личное знакомство съ датскими документами, во время его посѣщенія датскаго государственнаго архива, окончательно убѣдило его въ неосновательности этого мнѣнія, какъ онъ самъ и заявилъ г. Фрійсу, который какъ разъ занимался тогда изученіемъ тѣхъ же документовъ, желая составить подробное, основанное на строго-историческихъ данныхъ, жизнеописаніе Браунштейговъ.

Въ 1895 г., г. Фрійсу и удалось закончить свой интересный трудъ, въ которомъ вся судьба русскихъ Брауншвейговъ развертывается передъ читателями шагъ за шагомъ. Для первой части своего труда г. Фрійсъ воспользовался, съ разрѣшенія автора, трудомъ профессора Брикнера: „Die Familie Braunschweig in Russland im XVIII Jahrhundert"; вторая же часть написана на основаніи датскихъ документовъ и представляетъ по новизнѣ данныхъ наибольшій интересъ для нашихъ читателей, а потому мы и остановимся на ней болѣе подробно. Нельзя не согласиться съ выводомъ г. Фрійса, высказываемымъ имъ въ предисловіи къ своему труду, что вообще „очень рискованно дѣлать *общія* заключенія изъ какого-нибудь *отдѣльнаго*, даже съ виду и вполнѣ достовѣрнаго документа, если не представляется возможнымъ знать или хотя угадывать настоящей причины его происхожденія".

I.

Небольшому датскому городку Горсенсу суждено было въ теченіе двадцати-семи лѣтъ служить тихимъ пристанищемъ для злополучнаго потомства царя Іоанна Алексѣевича, а именно для четырехъ младшихъ дѣтей родной внучки царя, правительницы Анны Леопольдовны, и мужа ея, принца Антона-Ульриха Брауншвейгскаго. Судьба этого семейства, какъ извѣстно,—настоящая драма, начало которой разыгралось въ Петербургѣ въ 1740 году, а эпилогъ—въ Даніи 1780—1807 гг.

Первыя дѣйствія этой драмы достаточно извѣстны, и ихъ мы коснемся лишь мимоходомъ. Въ октябрѣ 1740 г. скончалась императрица Анна Іоанновна, и россійскій престолъ перешелъ къ двухмѣсячному внучатному племяннику ея, Іоанну Антоновичу, объявленному наслѣдникомъ еще при жизни императрицы. Регентомъ, согласно послѣдней волѣ почившей государыни, сталъ многолѣтній любимецъ Анны Іоанновны и въ теченіе всего ея царствованія почти неограниченный распорядитель судебъ Россіи, герцогъ курляндскій, Эрнестъ Биронъ. Родители малютки-императора, родная племянница покойной императрицы, принцесса Анна Леопольдовна, и ея супругъ, принцъ Антонъ-Ульрихъ, были устранены отъ всякаго вліянія на дѣла государства, что̀, конечно, не могло не возбуждать ихъ неудовольствія, съ теченіемъ времени все увеличивавшагося, благодаря крайне надменному и безцеремонному обхожденію съ ними всемогущаго ре-

гента. Общая ненависть къ Бирону помогла Аннѣ Леопольдовнѣ низвергнуть его 8 ноября того же года, послѣ чего сама принцесса приняла титулъ правительницы; но всего черезъ годъ съ небольшимъ, въ ночь съ 24 на 25 ноября, былъ низверженъ и самъ малютка-императоръ, — а на россійскій престолъ вступила родная дочь Петра Великаго, Елизавета Петровна.

Первоначальнымъ намѣреніемъ ея было отправить эксъ-императора съ родителями за границу, на родину принца-отца, и черезъ двѣ недѣли послѣ переворота принцъ и принцесса Брауншвейгскіе съ сыномъ Иваномъ, которому было годъ 4 мѣсяца, и дочерью Екатериной, 4-хъ мѣсяцевъ, выѣхали изъ Петербурга въ Ригу. Сопровождавшему ихъ камергеру Салтыкову былъ отданъ приказъ позаботиться о томъ, чтобы „Брауншвейгская фамилія“ была переправлена черезъ границу возможно скорѣе, съ такимъ разсчетомъ, чтобы 9 января 1742 г. уже быть въ Кёнигсбергѣ. Не успѣла, однако, Брауншвейгская фамилія отъѣхать отъ Петербурга особенно далеко, какъ ее нагналъ курьеръ, который передалъ Салтыкову тайный приказъ императрицы, напротивъ, замедлять путешествіе, насколько возможно; Салтыковъ повиновался, и въ результатѣ путешественники достигли Риги лишь 9 января. За это время намѣренія императрицы относительно устройства судьбы Брауншвейгской фамиліи успѣли, подъ вліяніемъ обстоятельствъ и различныхъ политическихъ соображеній, радикально измѣниться, и черезъ недѣлю послѣ прибытія Анны Леопольдовны и Антона-Ульриха съ дѣтьми въ Ригу ихъ, вмѣсто того, чтобы отправить за границу, отправили въ мѣстную тюрьму, гдѣ они и просидѣли почти годъ, до декабря.

13 декабря 1742 г. былъ полученъ отъ императрицы приказъ отправить Брауншвейговъ въ крѣпость въ Дюнамюнде, гдѣ съ ними стали уже обращаться какъ съ обыкновенными арестантами. Въ крѣпости у Анны Леопольдовны родился третій ребенокъ, дочь Елизавета. Въ январѣ 1744 г. злополучную Брауншвейгскую фамилію было приказано отправить въ г. Раненбургъ, рязанской губерніи, который, однако, долженъ былъ служить лишь промежуточнымъ этапомъ, такъ какъ окончательное убѣжище для злополучной семьи подыскивалось—на Бѣломъ морѣ. Въ іюлѣ того же 1744 г. въ Раненбургѣ былъ полученъ приказъ отправить Анну Леопольдовну съ мужемъ и дѣтьми въ Архангельскъ. При этомъ барону Корфу, на котораго возложили исполненіе этого приказа, предписано было ѣхать лишь по ночамъ, чтобы никто не могъ видѣть арестованныхъ; останавли-

ваться разрѣшено было лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ получены были заранѣе распоряженія о ихъ пріемѣ. Кромѣ того, барону Корфу поручено было разлучить четырехлѣтняго Іоанна Антоновича съ родителями, сдавъ его на руки маіору Мюллеру, для слѣдованія съ нимъ въ теченіе всего пути въ особомъ закрытомъ возкѣ. Кромѣ кучера, на козлахъ могъ помѣщаться только еще одинъ солдатъ для услугъ; самый возокъ долженъ былъ оставаться закрытымъ всю дорогу, чтобы ничей посторонній глазъ не могъ заподозрить, что маіоръ везетъ съ собою въ возкѣ ребенка. Называть послѣдняго приказано было маіору Григорьемъ.

Изъ донесенія барона Корфа министру Воронцову въ Петербургъ видно, какое горе и отчаяніе овладѣло членами Брауншвейгской фамиліи, когда они узнали, что ихъ отправляютъ изъ Раненбурга еще куда-то дальше,—быть можетъ, въ Сибирь, въ г. Пелымъ, куда Анна Леопольдовна въ свое время сослала Бирона. Громовымъ ударомъ было также для принцессы сообщеніе, что ея бывшей фрейлинѣ и любимой подругѣ, Юліанѣ фонъ-Менгденъ, не дозволено слѣдовать съ ними, и она должна остаться въ раненбургской крѣпости. Подруги разстались въ полномъ отчаяніи, обливаясь слезами. Распоряженіе о разлученіи со старшимъ сыномъ вызвало у принцессы новый припадокъ отчаянія. Силой вырвали ребенка изъ рукъ матери, утѣшая ее въ то же время обѣщаніями свиданія съ нимъ на одной изъ ближайшихъ станцій. Обѣщанія эти сдержаны не были,—Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ такъ никогда больше и не видѣли своего старшаго сына.

Только въ октябрѣ мѣсяцѣ, послѣ трехмѣсячнаго путешествія, достигли злополучные принцъ и принцесса съ двумя младшими дочерьми береговъ Бѣлаго моря. Позднее время года не позволяло продолжать путешествія до намѣченнаго пункта заточенія Брауншвейговъ, Соловецкаго монастыря,—все море было загромождено льдомъ,—и баронъ Корфъ обратился за новыми инструкціями въ Петербургъ, указывая съ своей стороны на подходящее для Брауншвейгской фамиліи мѣстопребываніе въ маленькомъ городкѣ Холмогорахъ, расположенномъ на рѣкѣ Сѣверной Двинѣ, нѣсколько южнѣе Архангельска. Холмогоры служили раньше резиденціей архіерея, теперь же бывшее архіерейское подворье стояло пустымъ, и его, по мнѣнію Корфа, легко было приспособить для помѣщенія Брауншвейговъ. Въ подворьѣ, примыкавшемъ къ церкви и обнесенномъ высокимъ прочнымъ заборомъ, находился большой жилой двухъ-этажный домъ въ двад-

цать комнатъ, который можно было раздѣлить на двѣ совершенно отдѣльныя половины, и еще небольшой домикъ у воротъ, который могъ быть отведенъ для команды караульныхъ солдатъ, назначенныхъ стеречь Іоанна Антоновича. Для другой команды караульныхъ, приставленной стеречь Анну Леопольдовну съ мужемъ и дочерьми, можно было выстроить особый домикъ, отдѣляющійся отъ перваго, какъ и вообще вся половина, отведенная семьѣ Брауншвейговъ, отъ половины Іоанна Антоновича, глухой стѣною, такъ чтобы между этими половинами не существовало, согласно распоряженіямъ свыше, никакого сообщенія.

Совѣтъ барона Корфа былъ принятъ въ Петербургѣ, всѣ нужныя приготовленія и передѣлки въ бывшемъ архіерейскомъ подворьѣ быстро сдѣланы, и вотъ, ночью въ началѣ ноября 1744 г., въ ворота одной половины подворья въѣхали двѣ повозки; изъ одной вынесли закутаннаго Іоанна Антоновича и водворили его въ новомъ помѣщеніи, послѣ чего размѣстилась и команда караульныхъ, а черезъ три дня, также ночью, во вторую половину подворья въѣхалъ цѣлый обозъ повозокъ, доставившій Брауншвейгскую фамилію со спутниками. По водвореніи на новомъ мѣстѣ, Аннѣ Леопольдовнѣ пришлось пережить жестокое разочарованіе въ своей надеждѣ свидѣться здѣсь съ Юліаной Менгденъ и сыномъ. Напрасно она плакала и жаловалась, напрасно добивалась разъясненій у караульнаго офицера; ей даже не отвѣчали ни на какіе разспросы,—это было строго воспрещено. Злосчастные родители не только никогда не свидѣлись въ этой жизни со своимъ первенцемъ, но не могли даже узнать, гдѣ онъ и чтò съ нимъ, хотя онъ и содержался подъ одной кровлей съ ними въ теченіе одиннадцати лѣтъ слишкомъ. Въ 1756 г. Іоаннъ Антоновичъ былъ тайно перевезенъ въ шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и убитъ въ 1764 г. своими стражами, во время безумной попытки освободить его, затѣянной поручикомъ Мировичемъ.

Печальное существованіе потянулось для злополучныхъ Брауншвейговъ въ бывшемъ архіерейскомъ подворьѣ, наглухо отдѣленномъ отъ всего остальнаго міра высокимъ заборомъ и строго охраняемомъ бдительнымъ, безсмѣннымъ карауломъ. Видъ изъ оконъ дома открывался на юго-востокъ—на Двинскую губу, на юго-западъ — на песчаную дорогу, ведшую въ Петербургъ, и, наконецъ, въ маленькій запущенный садъ по другую сторону, поросшій крапивой и папоротникомъ. Кромѣ пары-другой тощихъ березокъ, другихъ деревьевъ въ саду не было. Этотъ садъ, имѣвшій въ окружности 200 саж., маленькій, затянувшійся плѣсенью

прудъ, старая, негодная лодка да старинная архіерейская карета, стоявшая въ сараѣ, составляли всѣ рессурсы для развлеченія заключенныхъ на свѣжемъ воздухѣ. Лошадей не было, и въ карету впрягались солдаты, когда хотѣли позабавить дѣтей катаньемъ вокругъ сада. Зимою же выступали на сцену карты и шашки. Книгъ, кромѣ русскихъ богослужебныхъ да молитвослововъ, имъ не позволено было имѣть. Объ образованіи дѣтей при такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Да это, повидимому, и не входило въ разсчеты императрицы, которая даже отдала въ 1750 г., т.-е. когда старшимъ принцессамъ, Екатеринѣ и Елизаветѣ, было 8—6 лѣтъ, приказъ: „Дѣти извѣстной персоны (т.-е. принца Антона-Ульриха) не должны обучаться ни читать, ни писать безъ особаго на то изволенія". Отецъ, однако, съ грѣхомъ пополамъ обучилъ дѣтей русской грамотѣ; на томъ ихъ образованіе и закончилось. Они росли, окруженные одними солдатами да простыми слугами. Немногочисленныя жены офицеровъ, начальниковъ караула, не имѣли права ни посѣщать, ни принимать у себя Брауншвейговъ. Послѣдніе, кромѣ того, не смѣли ни получать, ни сами посылать ни писемъ, ни какихъ-либо пакетовъ или посылокъ. Каждый шагъ ихъ находился подъ надзоромъ и былъ извѣстенъ черезъ донесенія окружающихъ самой императрицѣ, слѣдившей за узниками съ неусыпнымъ вниманіемъ. Ей доносилось о всѣхъ мелочахъ повседневнаго быта Брауншвейговъ, даже о такихъ случаяхъ, какъ, напр., починкѣ печной трубы, ломкѣ одной ножки у стола, покражѣ куска сала изъ погреба, ссорѣ между слугами, и т. п. Самая караульная команда и штатъ прислуги оставались на своихъ постахъ безсмѣнно; для увольненія кого бы то ни было изъ состава, требовалось особое высочайшее разрѣшеніе. Общеніе съ внѣшнимъ міромъ имъ было воспрещено не менѣе строго, чѣмъ самимъ заключеннымъ. Ни единая чужая душа не могла проникнуть въ „холмогорскій острогъ". Единственнымъ постороннимъ лицомъ, появлявшимся въ немъ время отъ времени, былъ архангельскій губернаторъ, обязанный слѣдить за Брауншвейгской фамиліей.

Аннѣ Леопольдовнѣ недолго пришлось влачить печальное существованіе въ Холмогорахъ. 28 февраля 1746 г. она скончалась отъ родильной горячки, черезъ десять дней по рожденіи третьяго своего сына, Алексѣя. Тѣло ея, согласно ранѣе порученнымъ инструкціямъ, было набальзамировано и отправлено въ Петербургъ, гдѣ и схоронено по церемоніалу, примѣненному

уже однажды при похоронахъ матери принцессы, герцогини Екатерины Іоанновны Мекленбургъ-Шверинской.

Смерть бывшей правительницы и матери эксъ-императора Іоанна Антоновича не внесла никакихъ перемѣнъ къ лучшему въ существованіе ея мужа и младшихъ дѣтей. Ихъ продолжали содержать въ такомъ же строгомъ заключеніи, подъ такимъ же надзоромъ. Можно себѣ представить, какъ тяжело было первое время несчастному вдовцу, оставшемуся со смертью жены окончательно одинокимъ, съ четырьмя малыми сиротами на рукахъ. Старшей дочери, принцессѣ Екатеринѣ, было всего пять лѣтъ отъ роду; она страдала глухотой, говорила крайне невнятно и постоянно хворала. Слѣдующая, принцесса Елизавета, была крѣпче и лучше сложена, высокаго роста, и обнаруживала болѣе страстный и энергичный характеръ, съ сильной, однако, наклонностью къ меланхоліи. Старшій изъ принцевъ, родившихся въ Холмогорахъ, Петръ, былъ кривоногъ, болѣзненъ и, повидимому, склоненъ къ чахоткѣ; младшій же, Алексѣй, сравнительно здоровъ и крѣпокъ. Ухаживали за дѣтьми двѣ няньки, а главный надзоръ имѣла Лина фонъ-Менгденъ (сестра любимой фрейлины и подруги Анны Леопольдовны), которая только одна изъ всего прежняго штата и сопровождала бывшую правительницу въ Холмогоры.

Безрадостное существованіе въ строгомъ заключеніи и затѣмъ смерть Анны Леопольдовны, однако, такъ потрясли нервную систему бѣдной дѣвушки, что она вскорѣ помѣшалась. Оставить Холмогоры ей, тѣмъ не менѣе, не было разрѣшено, изъ опасенія, что она все-таки сохранила достаточно разсудка, чтобы разнести кое-какія вѣсти о „секретныхъ арестантахъ“. И вотъ, несчастная помѣшанная должна была оставаться въ холмогорскомъ острогѣ, къ большому стѣсненію окружающихъ, но въ то же время и къ ихъ развлеченію. Какъ это ни грустно, выходки больной служили желанной забавой для малоразвитыхъ караульныхъ офицеровъ, солдатъ и слугъ, обреченныхъ въ сущности на такое же томительное заключеніе, какъ и сами находившіеся подъ ихъ надзоромъ Брауншвейги. Поэтому Лину фонъ-Менгденъ часто нарочно дразнили и доводили до припадковъ неистовства, во время которыхъ она швырялась ножами, вилками, тарелками и т. п., бранилась и даже дралась. Наконецъ, болѣзнь ея настолько усилилась, что совмѣстное пребываніе ея съ другими стало небезопаснымъ для окружающихъ и, главное, убыточнымъ для казны, такъ какъ она била стекла и посуду, ломала и портила мебель и т. п., и несчастную, по приказу императрицы,

по прежнему входившую во всѣ подробности житья-бытья Брауншвейгской фамиліи, заперли въ отдѣльной каморкѣ, куда пищу и питье просовывали ей сквозь небольшое отверстіе въ двери. Въ такомъ двойномъ заключеніи бѣдная дѣвушка пробыла три года. По истеченіи этого срока, имя ея перестало упоминаться въ бумагахъ, касающихся пребыванія Брауншвейговъ въ Холмогорахъ, и надо полагать, что смерть положила конецъ ея страданіямъ.

Для Антона-Ульриха и особенно его дѣтей, оставшихся безъ матери, потеря этой единственной и воспитанной, и образованной изъ приближенныхъ женщинъ была большимъ несчастіемъ, еще усугублявшимъ крайне неблагопріятное для воспитанія и образованія дѣтей стеченіе обстоятельствъ. Принцъ Антонъ-Ульрихъ остался теперь единственнымъ ихъ воспитателемъ, руководителемъ и учителемъ, но, самъ небогато одаренный отъ природы, не особенно образованный, къ тому же вялый, не энергичный, стѣсненный явнымъ нежеланіемъ императрицы, чтобы дѣти его получили образованіе, и лишенный какихъ бы то ни было учебныхъ пособій и руководствъ, онъ, разумѣется, могъ научить дѣтей весьма и весьма немногому,—какъ уже упоминалось выше,—только съ грѣхомъ пополамъ русской грамотѣ. Что̀ бы, впрочемъ, ни было у самого принца на душѣ, положеніе свое онъ сносилъ съ виду тихо, терпѣливо, безропотно. Бо̀льшую часть времени онъ проводилъ, когда позволяла погода, задумчиво расхаживая по дорожкамъ своего сада.

Дѣти, сроду не знавшія иной жизни, кромѣ той, которую они вели въ заключеніи, конечно, не могли такъ страдать отъ этого уединеннаго, безрадостнаго существованія, какъ ихъ родители или Лина фонъ-Менгденъ. Всѣ четверо очень любили другъ друга и жили между собой очень дружно. Лѣтомъ они возились въ своемъ саду, кормили куръ и гусей, содержавшихся въ особой загородкѣ въ саду и т. п.; зимою скользили по льду, затягивавшему садовый прудъ, катались на салазкахъ, перечитывали имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи книжки духовнаго содержанія, играли въ шашки и карты, а принцессы занимались также шитьемъ бѣлья.

На содержаніе Брауншвейгской фамиліи, согласно приказу императрицы, отпускалось изъ суммъ архангело-городского магистрата отъ 10 до 15 тысячъ ассигн. въ годъ, которыя архангельскій губернаторъ долженъ былъ по частямъ, по мѣрѣ надобности, высылать завѣдывавшему хозяйствомъ холмогорскаго острога. Къ несчастью, бывшій тогда губернаторомъ Головцынъ

былъ человѣкъ очень недобросовѣстный, деньги получались отъ него неаккуратно, и эконому часто приходилось входить въ долги у купцовъ въ Архангельскѣ, а самимъ Брауншвейгамъ терпѣть нужду въ самомъ необходимомъ. Съ кончиной императрицы Елизаветы и особенно съ воцареніемъ Екатерины II, матеріальное положеніе Брауншвейговъ значительно улучшилось. Кромѣ того, блеснула-было и надежда на освобожденіе. Въ государственномъ совѣтѣ еще лѣтомъ 1762 г. былъ поднятъ вопросъ о томъ, что̀ слѣдовало бы сдѣлать для облегченія судьбы Брауншвейгской фамиліи; многіе изъ членовъ совѣта были за полное освобожденіе и высылку Брауншвейговъ за границу, но большинство все-таки высказалось за оставленіе ихъ подъ надзоромъ въ Россіи. Черезъ годъ возникъ планъ предложить свободу лишь самому принцу Антону-Ульриху; дѣти же его, какъ родившіяся въ Россіи, должны были оставаться въ заключеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Екатерина пожелала составить себѣ болѣе точное представленіе о самихъ Брауншвейгахъ и о ихъ житьѣ-бытьѣ, и командировала въ Холмогоры своего адъютанта, Бибикова. Послѣдній сообщилъ принцу предложеніе выѣхать за границу одному, но принцъ отказался отъ свободы на подобныхъ условіяхъ, предпочитая дѣлить заточеніе со своими дѣтьми. Возвратясь изъ командировки, Бибиковъ съ такимъ жаромъ принялся ходатайствовать за Брауншвейговъ и такъ живо описалъ императрицѣ даровитость и привлекательность второй принцессы, Елизаветы, что произвелъ этимъ на Екатерину крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Результатомъ было полное ея охлажденіе къ Бибикову, и послѣднему пришлось даже удалиться отъ двора и запереться у себя въ имѣніи. Командировка Бибикова между тѣмъ возбудила надежды въ Брауншвейгахъ, и принцъ Антонъ-Ульрихъ написалъ императрицѣ нѣсколько писемъ, прося у нея себѣ свободы вмѣстѣ съ дѣтьми,—но такъ и не дождался отвѣта. Горе и нездоровыя условія жизни состарили его преждевременно; онъ хирѣлъ все больше и больше, совсѣмъ ослѣпъ и, наконецъ, умеръ 60-ти лѣтъ отъ роду, 4-го мая 1774 г. Схоронили его на кладбищѣ въ Холмогорахъ безо всякой подобающей ему, какъ принцу, оффиціальной торжественности, точно украдкой; на могилѣ его не было поставлено ни креста, ни памятника, и присутствовавшимъ на погребеніи солдатамъ строго-на́-строго приказано было держать въ тайнѣ мѣсто, гдѣ злосчастный принцъ нашелъ себѣ вѣчное успокоеніе.

И только черезъ четыре года послѣ смерти принца для дѣтей его пробилъ часъ освобожденія изъ холмогорскаго острога,

гдѣ они провели 36 томительныхъ лѣтъ. Судьба послала имъ лучшаго предстателя и покровителя, какого только они могли пожелать, въ лицѣ вновь назначеннаго генералъ-губернаторомъ архангельскимъ А. П. Мельгунова; доброе сердце и рѣдкій тактъ послѣдняго и довели до благополучнаго конца планъ облегченія участи ни въ чемъ неповинныхъ холмогорскихъ узниковъ, планъ, уже однажды потерпѣвшій крушеніе, благодаря неумѣлости Бибикова. Мельгунову также было поручено лично познакомиться съ Брауншвейгами, и онъ провелъ съ ними шесть дней, въ теченіе которыхъ успѣлъ внушить имъ полное довѣріе къ себѣ, такъ что принцесса Елизавета рѣшилась отъ лица всей семьи высказать ему ихъ желанія. Теперь дѣло шло уже не о полномъ освобожденіи ихъ; они уже не хотѣли покидать мѣста, гдѣ выросли и достигли зрѣлыхъ лѣтъ; жизнь въ чуждомъ имъ свѣтѣ, среди чужихъ людей, пугала ихъ, такъ какъ они находили, что имъ поздно учиться всему тому, что̀ было необходимо для этой жизни. Теперь имъ хотѣлось хотя бы только получить разрѣшеніе выходить изъ острога, прогуливаться въ окрестностяхъ, а также принимать у себя и посѣщать женъ караульныхъ офицеровъ. Кромѣ того, имъ хотѣлось имѣть портного, такъ какъ иначе они не знали, какъ имъ быть съ присланными имъ императрицей въ подарокъ мѣхами, матеріями и проч. Въ заключеніе принцесса высказала, что еслибы императрица согласилась исполнить эти ихъ просьбы,—они впредь уже не стали бы докучать ей.

Мельгуновъ предложилъ принцессѣ Елизаветѣ изложить упомянутыя желанія въ собственноручномъ письмѣ на имя императрицы, но принцесса отклонила это предложеніе, заявивъ, что вполнѣ полагается на предстательство самого Мельгунова. Послѣдній, по возвращеніи въ Петербургъ, и не замедлилъ доложить дѣло Екатеринѣ, притомъ въ такомъ видѣ, что съумѣлъ тронуть ее положеніемъ холмогорскихъ узниковъ, и она твердо рѣшила немедленно заняться устройствомъ ихъ судьбы.

Небезъинтересно ознакомиться съ характеристикою четырехъ младшихъ дѣтей Анны Леопольдовны, сдѣланною Мельгуновымъ [1]).

„Старшая сестра Екатерина имѣетъ отъ роду 38 лѣтъ; сухощавая и небольшого росту; бѣлокура и похожа на отца. Въ молодыхъ лѣтахъ [2]) потеряла слухъ и такъ косноязычна, что словъ

[1]) „Русская Старина", апрѣль 1874 г., стр. 652—654: „Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ датскія владѣнія", ст. В. Полѣнова.

[1]) По свидѣтельству самой принцессы—на 8-мъ году.

ея нельзя почти разумѣть. Братья и сестры объясняются съ нею знаками. При всемъ томъ имѣетъ столько понятія, что когда братья и сестры, не дѣлая никакихъ знаковъ, говорятъ ей что-нибудь шопотомъ, она понимаетъ ихъ по одному движенію губъ и отвѣчаетъ имъ сама, иногда тихо, иногда довольно громко, такъ что и не привыкшій къ такому разговору можетъ разумѣть ее. Изъ обхожденія ея видно, что она робка, уклонна, вѣжлива и стыдлива; нраву тихаго и веселаго: увидя, что другіе въ разговорахъ смѣются, хотя и не знаетъ тому причины, смѣется вмѣстѣ съ ними. Впрочемъ, она сложенія здороваго; только отъ цынготной болѣзни почернѣли у ней зубы и нѣсколько ихъ уже выкрошилось.

„Меньшой сестрѣ Елизаветѣ—36 лѣтъ. Отъ паденія съ каменной лѣсгницы, съ самой верхней ступени до низу, на 10 году возраста, она расшибла голову, отчего часто подвержена головной боли, а особливо въ перемѣнныя погоды и ненастье. Для предупрежденія боли сдѣланъ ей на правой рукѣ фонтенель. Она подвержена также частымъ припадкамъ по слабости желудка. Ростомъ и лицомъ похожа на мать. Словоохотливостью, обхожденіемъ и разумомъ Елизавета далеко превосходитъ братьевъ своихъ и сестру. Всѣ они ей повинуются и исполняютъ все, что она ни прикажетъ. Она большею частью за всѣхъ ихъ говоритъ, за всѣхъ отвѣчаетъ и поправляетъ иногда ошибки въ ихъ словахъ. Въ 1777 году, отъ приключившейся ей горячки и другихъ женскихъ немощей, она была нѣсколько мѣсяцевъ въ помѣшательствѣ; но послѣ поправилась и теперь въ совершенномъ умѣ. Нельзя, однакоже, сказать, чтобы Елизавета имѣла въ себѣ что-нибудь чрезвычайное. Выговоръ ея, такъ, какъ и братьевъ, соотвѣтствуетъ нарѣчію того мѣста, гдѣ они родились и выросли.

„Большой братъ Петръ—35-ти лѣтъ. Поврежденный въ дѣтствѣ, онъ имѣетъ спереди и сзади небольшіе и съ перваго взгляда почти непримѣтные горбы. Правый бокъ у него нѣсколько кривъ; ногами косолапъ и одна также крива. Онъ очень простъ, робокъ, застѣнчивъ и молчаливъ. Всѣ пріемы его, такъ же какъ и меньшаго брата, приличны только малымъ дѣтямъ. Нрава онъ слишкомъ веселаго: смѣется и хохочетъ, когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшного. Временемъ бываютъ у него гемороидальные припадки; впрочемъ, онъ сложенія здороваго, но боится даже до обмороку, когда заговорятъ о крови. Такую сильную боязнь приписываетъ онъ тому, что мать его, бывши имъ беременна, чрезвычайно испугалась отъ порѣза своего пальца и теченія крови.

„Меньшой братъ Алексѣй—34-хъ лѣтъ. Съ такою же про-

стотою, какъ и старшій его братъ, онъ кажется однакоже нѣсколько связнѣе, смѣлѣе и осторожнѣе его. Сложеніе имѣетъ здоровое и нравъ довольно веселый. Оба брата росту небольшого, бѣлокуры и лицомъ похожи на отца.

„Какъ братья, такъ и сестры живутъ между собою дружелюбно и притомъ незлобивы и человѣколюбивы. Лѣтомъ работаютъ въ саду; ходятъ за курами и утками и кормятъ ихъ, а зимою—бѣгаютъ въ запуски на лошадяхъ по пруду, находящемуся въ саду ихъ, читаютъ церковныя книги и играютъ въ карты и шашки. Дѣвицы, сверхъ того, занимаются иногда шитьемъ бѣлья. Въ томъ состоятъ всѣ ихъ упражненія".

Нельзя сказать, чтобы описаніе Мельгунова было особенно лестнымъ для Брауншвейговъ; но, быть можетъ, онъ даже намѣренно нѣсколько сгустилъ краски, разсчитывая такимъ образомъ вѣрнѣе возбудить состраданіе Екатерины къ ни въ чемъ неповиннымъ и, судя по этому описанію, вполнѣ безвреднымъ въ политическомъ отношеніи холмогорскимъ узникамъ. Какъ уже упомянуто, донесеніе Мельгунова произвело на Екатерину надлежащее дѣйствіе, такъ какъ она не стала больше откладывать освобожденія Брауншвейговъ. Подъ освобожденіемъ послѣднихъ подразумѣвалась, впрочемъ, высылка ихъ за границу, подъ присмотръ одного изъ иностранныхъ дворовъ, связанныхъ съ ними узами родства. Брауншвейги имѣли родственниковъ при дворахъ брауншвейгскомъ, берлинскомъ и вѣнскомъ, но Екатеринѣ, видимо, было желательно устроить Брауншвейговъ гдѣ-нибудь болѣе въ сторонкѣ отъ большого политическаго свѣта. По крайней мѣрѣ, минуя остальные родственные дворы, императрица обратилась, въ 1780 г., съ письмомъ къ родной сестрѣ принца Антона-Ульриха, вдовствующей королевѣ датской Юліанѣ-Маріи, испрашивая ея согласія на то, чтобы четверо дѣтей покойнаго ея брата были переправлены изъ Архангельска въ Норвегію и поселены тамъ гдѣ-нибудь въ маленькомъ городкѣ, гдѣ бы могли дожить свой вѣкъ незамѣтно, въ „тиши и спокойствіи". Королева Юліана-Марія была моложе принца Антона-Ульриха на 15 лѣтъ и видѣла его въ послѣдній разъ четырехлѣтней дѣвочкой, такъ что, въ сущности, онъ всю свою жизнь оставался для нея чужимъ; поэтому готовность ея дать пріютъ четверымъ своимъ племянникамъ надо, пожалуй, объяснить не столько голосомъ родственной привязанности, сколько политическими соображеніями—желаніемъ поддержать дружественныя отношенія къ главѣ сосѣдняго, могущественнаго государства. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Екатеринѣ королева датская позволила себѣ выставить лишь

одно возраженіе противъ плана императрицы,—а именно, она находила неудобнымъ избрать для мѣстожительства Брауншвейговъ Норвегію, такъ какъ всѣ города норвежскіе расположены у моря и являются портовыми городами, куда заходитъ много кораблей, и своихъ, и иностранныхъ, вслѣдствіе чего племянники и племянницы королевы и не могли бы найти тамъ такого тихаго убѣжища, какъ то было желательно императрицѣ. По мнѣнію королевы, маленькій датскій городокъ Горсенсъ, въ Ютландіи, скорѣе соотвѣтствовалъ бы цѣли, какъ расположенный внутри страны, далеко отъ открытаго моря и главныхъ путей сообщенія. Екатерина не замедлила согласиться съ представленіемъ датской королевы, такъ какъ, само собой, дѣло было не столько въ томъ, чтобы Брауншвейги получили возможность вести „тихую, уединенную" жизнь въ интересахъ ихъ личнаго удобства и спокойствія, сколько въ интересахъ политическаго спокойствія Россіи, и датское правительство, какъ принимающее на себя отвѣтственность за „тихое, мирное" житье Брауншвейговъ, имѣло и право голоса при выборѣ для нихъ надежнаго убѣжища.

О томъ, что императрица вообще не считала освобожденія Брауншвейговъ дѣломъ вполнѣ безопаснымъ, свидѣтельствуетъ то, что всѣ подготовительные шаги къ этому освобожденію, равно и само послѣднее, совершены были съ соблюденіемъ строгой тайны.

12 февраля Мельгуновъ, въ сопровожденіи секретаря Чертова, человѣка вообще испытаннаго въ исполненіи различныхъ секретныхъ порученій, и штабъ-хирурга Фриса, выѣхали изъ Петербурга въ Холмогоры, куда и прибыли черезъ недѣлю. 24 февраля Мельгуновъ былъ въ Архангельскѣ и отдалъ отъ имени государыни командиру порта приказаніе приготовить къ плаванію стоявшій въ порту фрегатъ „Полярная звѣзда", а также снарядить въ теченіе извѣстнаго срока рѣчное судно съ одной большой каютой и тремя поменьше, которое и выслать въ Холмогоры. Одновременно съ тѣмъ начались и всѣ прочія необходимыя приготовленія по снаряженію Брауншвейговъ въ путь. Императрица пожелала снарядить ихъ „по княжески", какъ то приличествовало ихъ званію, и, по ея приказанію, на это была отпущена солидная сумма, половина которой пошла на закупку въ Петербургѣ шолковыхъ матерій, разныхъ галантерейныхъ предметовъ, серебряной и фарфоровой посуды, столоваго бѣлья и разныхъ припасовъ, напр. $^1/_2$ пуда лучшаго чая, ящикъ вейновой водки, два антала венгерскаго вина и пр. Каждому изъ принцевъ было сдѣлано полное приданое, въ составъ котораго

вошло: по 5 бархатныхъ вышитыхъ кафтановъ, по 2 гродетуровыхъ и по два суконныхъ, по 3 фрака, по 1 плащу, по 2 сюртука, по двѣ шубы (лисья и соболья), по бобровой муфтѣ, по нѣскольку шлафроковъ, фуфаекъ, халатовъ, шолковые чулки, платки, колпаки, рубахи, башмаки, сапоги, туфли, всякое бѣлье, и носильное, и постельное, и разная мелочь. Кромѣ того, каждый получилъ по бриллiантовому перстню, по табакеркѣ, осыпанной бриллiантами, по золотымъ часамъ съ цѣпью и по чайному серебряному прибору. Принцессъ также снабдили богатымъ гардеробомъ, шубами изъ золотого глазета на собольемъ мѣху и разными украшенiями и драгоцѣнностями, какъ-то: бриллiантовыми серьгами, медальонами, браслетами, перстнями, табакерками и часами. Драгоцѣнностями и мѣхами императрица одарила Брауншвейговъ изъ личныхъ своихъ средствъ. Для заготовленiя такого обширнаго гардероба въ сравнительно короткiй срокъ, нужно было много рабочихъ рукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло должно было вестись въ тайнѣ, и, вотъ, для заготовленiя гардероба была устроена въ Ярославлѣ обширная портняжная мастерская съ 7 мастерами нѣмцами и 50 русскими. Для снимания мѣрокъ, разумѣется, ни одинъ изъ мастеровъ не могъ быть допущенъ въ Холмогоры, и всѣ мѣрки были сняты штабсъ-хирургомъ Фрисомъ, который назначенъ былъ сопровождать Брауншвейговъ за границу въ качествѣ судового врача.

Всѣ заготовленныя для Брауншвейговъ вещи въ 12 огромныхъ сундукахъ доставлены въ крѣпость Новодвинскую (на устьѣ Сѣверной Двины), куда „Полярная звѣзда“ должна была зайти, чтобы закончить тамъ свою нагрузку. Командиромъ „Полярной звѣзды“ назначили капитана Арсеньева, который уже нѣсколько разъ ходилъ на судахъ вокругъ Нордкапа и хорошо зналъ фарватеръ. Затѣмъ, сопровождать Брауншвейговъ назначены были: полковникъ Циглеръ, комендантъ шлиссельбургскiй, вдова ландрата Лилiенфельдъ съ двумя дочерьми, священникъ съ двумя церковнослужителями и семь слугъ и служанокъ изъ холмогорскаго штата, изъ которыхъ пять родились въ холмогорскомъ острогѣ и выросли съ принцами и принцессами.

Сами холмогорскiе узники между тѣмъ и не подозрѣвали о своемъ близкомъ освобожденiи и о всѣхъ этихъ приготовленiяхъ. Когда послѣднiя уже подходили къ концу, признано было своевременнымъ начать подготовлять Брауншвейговъ къ вѣсти объ освобожденiи. Въ Холмогоры прибылъ упомянутый полковникъ Циглеръ и объявилъ принцамъ и принцессамъ, что императрица не только соблаговолила удовлетворить всѣ тѣ ихъ желанiя, о

которыхъ они говорили Мельгунову, но скоро дастъ имъ и еще бо̀льшія доказательства своей милости. Бѣдные узники едва вѣрили своимъ ушамъ. Спустя же нѣкоторое время, явилась въ Холмогоры госпожа Лиліенфельдъ съ дочерьми, которыя должны были заняться принцессами и хоть нѣсколько подготовить ихъ къ предстоящей перемѣнѣ судьбы, еще не заикаясь, впрочемъ, о томъ, въ чемъ будетъ состоять самая перемѣна. Повидимому, дама эта и ея дочери не нашли, однако, нужнымъ особенно затруднять себя въ этомъ смыслѣ, считая, вѣроятно, что все равно ихъ труды пропадутъ даромъ,—настолько принцессы отстали во всемъ, что̀ касалось общей культурности и образованія. Мельгуновъ, прибывъ въ свою очередь въ Холмогоры, остался очень недоволенъ пассивнымъ образомъ дѣйствій госпожи Лиліенфельдъ и ея дочерей, и поручилъ принцессъ пріѣхавшей съ нимъ женѣ, урожденной Салтыковой, надѣясь, что она съумѣетъ лучше воспользоваться остающимися нѣсколькими недѣлями до отъѣзда.

И только уже передъ самымъ отъѣздомъ Брауншвейги узнали отъ Мельгунова о томъ, что царица даруетъ имъ свободу, отсылая ихъ къ теткѣ ихъ, вдовствующей королевѣ датской, и обезпечиваетъ ихъ существованіе въ Даніи ежегодной пенсіей въ 32.000 рублей. Къ этому Мельгуновъ прибавилъ, что въ случаѣ, если они проявятъ неблагодарность по отношенію къ государынѣ, то лишатся и пенсіи, и милости ея величества. На это принцесса Елизавета, всегда говорившая за своихъ братьевъ и сестру, отвѣчала: „Боже насъ сохрани, чтобы мы, получивъ такія милости, были когда-нибудь неблагодарны. Вѣрьте мнѣ, мы никогда изъ воли ея величества не выступимъ. Она—наша мать и покровительница. Мы на одну только ее и надѣемся,—такъ возможно ли, чтобы мы осмѣлились когда-нибудь прогнѣвать ея величество и лишиться на вѣкъ ея милостей“ [1]).

Затѣмъ, принцесса просила Мельгунова повергнуть къ стопамъ императрицы ихъ безпредѣльную благодарность, и стала разспрашивать, помѣститъ ли ихъ тетка при дворѣ у себя или оставитъ жить въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ, причемъ прибавила, что они сами предпочли бы второе, такъ какъ считаютъ себя уже слишкомъ старыми, чтобы учиться всѣмъ придворнымъ обычаямъ и манерамъ, да къ тому и не знаютъ датскаго языка. На это Мельгуновъ не могъ отвѣтить ничего положительнаго, но высказалъ Брауншвейгамъ свою увѣренность, что все, конечно, будетъ устроено наилучшимъ образомъ къ ихъ

---

[1]) „Русская Старина“, апрѣль 1874 г., стр. 658.

благополучію, спокойствію и полному удовлетворенію. Онъ постарался также по мѣрѣ возможности разсѣять вполнѣ понятныя опасенія принцевъ и принцессъ, сроду не выѣзжавшихъ изъ четырехъ стѣнъ, относительно переѣзда водою, и согласился на ихъ просьбы, чтобы жена его поѣхала съ ними до крѣпости Новодвинской, гдѣ ждалъ ихъ фрегатъ.

27 іюня 1780 г., въ часъ ночи, Брауншвейги, наконецъ, покинули холмогорскій острогъ, въ которомъ провели 36 лѣтъ; двѣ кареты отвезли ихъ со всею свитой на судно, которое доставило ихъ къ Новодвинской крѣпости. Завидѣвъ крѣпость, братья и сестры очень испугались,—имъ пришла мысль, что ихъ ждетъ здѣсь новая тюрьма, еще хуже старой. Мельгуновъ, однако, скоро успокоилъ ихъ на этотъ счетъ, помѣстивъ ихъ до пересадки на фрегатъ въ комендантскомъ домѣ, разрѣшивъ имъ гулять по валу и посѣщать его съ женой на суднѣ. 1 іюля, опять-таки ночью, „Полярная звѣзда“ снялась съ якоря и увезла Брауншвейговъ на новую родину.

Насколько серьезно продолжала Екатерина смотрѣть на выпущенныхъ ею изъ предѣловъ Россіи государственныхъ плѣнниковъ видно, напримѣръ, изъ секретныхъ инструкцій командиру фрегата Арсеньеву и сопровождавшему Брауншвейговъ полковнику Циглеру. Этимъ двумъ лицамъ было приказано строго слѣдить въ пути за Брауншвейгами, не дозволять имъ ни писать, ни отсылать, ни получать какихъ-либо писемъ, не спускать ихъ самихъ съ судна и не допускать на судно во все время пути ни одного посторонняго лица. Если же бы кто, сверхъ ожиданія, отважился войти на фрегатъ силой, а тѣмъ болѣе вознамѣрился отнять изъ рукъ Циглера принцевъ и принцессъ, слѣдовало отражать силу силой и обороняться до послѣдней капли крови.

Затѣмъ почти весь составъ караульныхъ и слугъ Брауншвейговъ въ Холмогорахъ, за весьма малыми исключеніями, былъ обреченъ до конца жизни оставаться съ своими семьями въ Холмогорахъ, даромъ что сами узники и были освобождены. Наконецъ, весь штатъ слугъ, вернувшійся обратно изъ Даніи, и даже матросы рѣчного судна и фрегата, перевозившихъ Брауншвейговъ, должны были всѣ вернуться въ Холмогоры и также жить тамъ неотлучно всю жизнь. Въ видѣ же награды и возмѣщенія за такое ограниченіе личной свободы, всѣмъ этимъ людямъ назначена была небольшая пенсія, дано по клочку земли и дарована свобода отъ податей. Только впослѣдствіи разрѣшено было выѣхать, куда пожелаютъ, дѣтямъ этихъ людей, родившимся уже послѣ отъѣзда Брауншвейговъ, или видѣвшимъ послѣднихъ въ

столь еще юномъ возрастѣ, что не могли сохранить о нихъ особенно ясныхъ воспоминаній, и, слѣдовательно, представлявшимъ меньше опасности въ смыслѣ разглашенія „холмогорской тайны“.

Характерно еще то обстоятельство, что когда Мельгуновъ, немедленно по отъѣздѣ Брауншвейговъ отправившійся въ Петербургъ доложить царицѣ обо всѣхъ подробностяхъ отъѣзда, сообщилъ Екатеринѣ о томъ, что изъ состраданія къ принцессамъ онъ позволилъ женѣ своей сопровождать ихъ на яхтѣ по рѣкѣ до крѣпости Новодвинской, то императрица очень разгнѣвалась, и Мельгуновъ чуть было серьезно не поплатился за свое доброе сердце.

Плаваніе „Полярной звѣзды“ было не особенно счастливымъ. Бури и противные вѣтры порядкомъ потрепали фрегатъ и сильно замедлили его плаваніе, такъ что лишь десять недѣль спустя, 10 сентября 1780 г., Брауншвейги достигли береговъ Норвегіи, а именно гавани города Бергена. Здѣсь имъ пришлось перейти съ русскаго фрегата на военное датское судно „Марсъ“, которое должно было доставить ихъ къ берегамъ Ютландіи. Въ Бергенѣ, согласно приказу императрицы, Брауншвейгамъ было выдано на руки, въ ихъ личное распоряженіе, 2.000 голландскихъ дукатовъ; вѣроятно, изъ этихъ-то денегъ принцесса Елизавета и вручила отъ имени всѣхъ четырехъ принцевъ и принцессъ командиру „Полярной звѣзды“ тысячу рублей въ видѣ презента за то вниманіе и хорошее обхожденіе, которымъ они пользовались во время пути. Отъ царицы же Арсеньевъ, по возвращеніи въ Петербургъ, получилъ подарокъ въ 3.000 рублей и былъ повышенъ въ рангѣ. Дождался благодарности за исполненіе своей миссіи по отношенію къ Брауншвейгамъ и Мельгуновъ: вдовствующая датская королева, узнавъ о всѣхъ подробностяхъ отъѣзда Брауншвейговъ, написала императрицѣ письмо, въ которомъ горячо благодарила ее за тѣ милости, которыми она осыпала племянниковъ и племянницъ королевы, а также высказала искреннюю признательность Мельгунову. Тогда и Екатерина сложила гнѣвъ на милость и наградила Мельгунова андреевскимъ крестомъ.

Первоначальнымъ намѣреніемъ королевы Юліаны-Маріи было лично познакомиться съ племянниками и племянницами, и она сообщила Екатеринѣ о своемъ желаніи, чтобы они на пути въ Горсенсъ заѣхали въ Копенгагенъ. Императрица отвѣтила на это, что вообще предоставляетъ королевѣ дѣйствовать по отношенію къ своимъ родственникамъ такъ, какъ ей самой кажется луч-

шимъ, но въ то же время поспѣшила отправить русскому посланнику въ Копенгагенѣ, барону Сакену, инструкцію, въ которой ему предписывалось, подъ благовиднымъ предлогомъ, выѣхать изъ Копенгагена на время пребыванія тамъ Брауншвейговъ и кромѣ того принять всѣ мѣры, чтобы никто изъ членовъ русскаго посольства въ Копенгагенѣ не обмѣнялся письмомъ или запиской съ Брауншвейгами. Посѣщеніе послѣдними копенгагенскаго двора, однако, не состоялось, такъ какъ и сами принцы и принцессы не обнаружили къ тому охоты, и королева, въ свою очередь, разсудила, что посѣщеніе это только поведетъ къ взаимному стѣсненію, неловкости и неудобству. Зато сопровождавшіе Брауншвейговъ изъ Россіи полковникъ Циглеръ и госпожа Лиліенфельдъ представлялись на обратномъ пути королевѣ и получили отъ нея—первый крестъ Даннеброга, а вторая—портретъ королевы и кольцо.

II.

Посмотримъ теперь, что̀ было сдѣлано для Брауншвейговъ со стороны родственнаго датскаго двора. По полученіи изъ Россіи извѣстія, что Брауншвейги будутъ доставлены въ гавань Бергена на русскомъ фрегатѣ, датское правительство отправило крейсировать около Бергена, въ ожиданіи прихода „Полярной звѣзды“, военный корабль „Марсъ“ съ 50 пушками, 166 матросами и 89 солдатами, подъ начальствомъ командора Люткена. Вторымъ по старшинству на суднѣ назначенъ былъ камергеръ Плейартъ, которому собственно и ввѣрялся непосредственный надзоръ за Брауншвейгами. Вся миссія должна была быть выполненной въ строжайшемъ секретѣ, и въ донесеніи Люткена изъ Бергена отъ 18 іюля читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: „Здѣсь никто не знаетъ о настоящей цѣли нашего плаванія; такъ и останется впредь, насколько это зависитъ отъ насъ; если же встрѣтятся русскіе корабли, я также выполню данный мнѣ основной приказъ скрыть истину. Мѣсто пересадки высокихъ персонъ, какъ приказано, извѣстно лишь камергеру Плейарту съ супругою. Начальникъ области Багеръ получилъ распоряженія, касающіяся пріема высокихъ персонъ въ Бергенѣ, и они будутъ выполнены неукоснительно“.

13 сентября Люткенъ отправилъ такое донесеніе: „Главная цѣль экспедиціи выполнена съ прибытіемъ русскаго фрегата въ Баггезундъ, въ милѣ отъ нашей стоянки. Названіе фрегата—„Полярная звѣзда“; вооруженіе—10 пушекъ; вымпела нѣтъ, но ве-

дется судно офицерами ея императорскаго величества и командиромъ капитаномъ Арсеньевымъ. Они вышли изъ Архангельска 9 іюля, и плаваніе было очень трудное по причинѣ погоды; высокія персоны, однако, находятся въ желанномъ здравіи, равно и ихъ свита, и всѣ, въ количествѣ 29 человѣкъ, приняты нами на судно.—Высокіе путешественники вступили на палубу „Марса" вчера, 12 сентября, и были привѣтствуемы 15 пушечными выстрѣлами. Всѣ здоровы и благополучны. Я не осмѣлюсь выйти въ море безъ попутнаго вѣтра, чтобы не очутиться въ затрудненіи насчетъ провіанта, который здѣсь и безъ того трудно доставать, особенно для такого знатнаго общества; мнѣ приходится ежедневно продовольствовать 70 человѣкъ, и да пошлетъ намъ Провидѣніе скорое и благополучное плаваніе, такъ какъ запасы провіанта уже пошли на убыль. Всѣ на суднѣ здоровы, нѣтъ ни одного серьезно больного. 16 сентября былъ день именинъ принцессы Елизаветы, въ честь чего и было дано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ".

Такимъ образомъ, Брауншвейгамъ не дали даже ступить на норвежскую почву, а немедленно перевели ихъ, съ соблюденіемъ столь же строгой тайны, съ одного судна на другое, въ четырехъ миляхъ отъ самаго Бергена. 23 сентября „Марсъ" направилъ курсъ къ берегамъ Ютландіи, но и на этомъ пути Брауншвейгамъ не повезло: „Марсъ" подвергся жестокому шторму.

4 октября, въ 5 часовъ пополудни, „высокія персоны", какъ именовали теперь Брауншвейговъ, были высажены со свитой и багажомъ на берегъ въ Фладстрандѣ, для слѣдованія сухимъ путемъ въ Горсенсъ, причемъ имъ пришлось здѣсь разстаться со всѣмъ своимъ русскимъ штатомъ, за исключеніемъ священника и двухъ церковнослужителей. Датское правительство, принимая на себя отвѣтственность передъ русской царицей за „мирную и тихую" жизнь Брауншвейговъ, пожелало принять соотвѣтствующія мѣры предосторожности противъ какихъ бы то ни было „авантюръ" со стороны новоявленныхъ родственниковъ. Вполнѣ естественно поэтому, что оно нашло нужнымъ окружить ихъ чисто датскимъ штатомъ, на который могло вполнѣ положиться, и который не допустилъ бы проникнуть къ Брауншвейгамъ никакого посторонняго элемента. Екатерина, съ своей стороны, вполнѣ согласилась съ представленіемъ датской королевы по этому вопросу, хотя и предвидѣла, какъ писала о томъ королевѣ Юліанѣ-Маріи, что Брауншвейгамъ будетъ страшно тяжела внезапная разлука съ людьми, съ которыми они сжились со дня

рожденія, къ которымъ были крѣпко привязаны и на которыхъ вполнѣ могли положиться.

Дѣйствительно, для Брауншвейговъ было настоящимъ громовымъ ударомъ узнать во Фладстрандѣ, что отнынѣ они останутся одни въ чужой странѣ, среди людей, языка которыхъ не понимаютъ. Не легко было имъ проститься и съ сравнительно недавно состоявшими при нихъ лицами, которыхъ, однако, успѣли оцѣнить и полюбить, какъ-то съ полковникомъ Циглеромъ, хирургомъ Фрисомъ, госпожей Лиліенфельдъ, ея дочерьми и капитаномъ Бошнякомъ. Разлука же со старыми и любимыми слугами показалась имъ до того нестерпимой, что они выражали желаніе лучше вернуться назадъ, въ свою холмогорскую тюрьму. Принцесса Елизавета, отличавшаяся болѣе впечатлительной натурой, нежели ея сестра и братья, такъ никогда вполнѣ и не оправилась отъ этого удара, который надо считать одною изъ существенныхъ причинъ ея преждевременной смерти.

Единственнымъ утѣшеніемъ могло служить для Брауншвейговъ то обстоятельство, что назначенный состоять при нихъ, въ качествѣ главнаго распорядителя ихъ маленькаго двора въ Горсенсѣ, камергеръ Плейартъ былъ также человѣкомъ въ высшей степени обходительнымъ, симпатичнымъ и хорошо говорилъ по-русски, такъ какъ въ теченіе семи лѣтъ служилъ въ русскомъ военномъ флотѣ.

Самое путешествіе въ предѣлахъ Даніи совершилось благополучно, съ необходимыми роздыхами и ночевками въ разныхъ усадьбахъ, мѣстечкахъ и городахъ, гдѣ путешественниковъ, во вниманіе къ ихъ высокому положенію и родству съ королевскимъ домомъ, принимали съ подобающимъ почетомъ и гостепріимствомъ. Съ тѣхъ поръ какъ Брауншвейги высадились въ Ютландіи, особы ихъ перестали окружаться той тайной, которая до сихъ поръ окутывала все ихъ существованіе и каждый шагъ, а подобающіе имъ по праву рожденія титулъ и общій почетъ были присвоены имъ уже съ той минуты, какъ они поступили подъ непосредственное покровительство датскаго двора. Вообще, по взаимному соглашенію русскаго и датскаго дворовъ, Брауншвейги должны были, поселяясь на жительство въ Даніи, быть обставлены, какъ подобало ихъ высокому сану. Всѣ расходы брала на себя императрица, датское же правительство приняло на себя заботы заблаговременно приготовить для Брауншвейговъ въ Горсенсѣ соотвѣтствующее помѣщеніе и сформировать штатъ для „маленькаго двора". Въ городѣ были куплены два лучшіе, расположенные рядомъ, дома со службами, дворами и

садами, оба участка соединены вмѣстѣ, дома перестроены, и получилось приличное помѣщеніе, которому было присвоено оффиціальное наименованіе „Горсенскаго дворца". Работами по устройству помѣщенія завѣдывалъ спеціально командированный съ этой цѣлью изъ Копенгагена придворный архитекторъ, профессоръ Гарсдорфъ, а ближайшимъ сотрудникомъ его явился бывшій адъютантъ короля, подполковникъ фонъ-Шенкъ, назначенный интендантомъ горсенскаго дворца. Кромѣ того, Гарсдорфъ имѣлъ непосредственнаго помощника въ лицѣ городского архитектора Крузе. Срокъ для всѣхъ приготовленій данъ былъ сравнительно небольшой, и работы пришлось вести съ усиленной энергіей. На подмогу мѣстнымъ рабочимъ было выписано нѣсколько искусныхъ столяровъ и плотниковъ изъ города Оргуса; изъ Копенгагена же потребовалось выписать „искуснаго трубочиста для занятія постоянной должности главнаго городского трубочиста". О томъ, сколько работы предстояло трубочисту во дворцѣ, можно судить по числу печей. Всего въ горсенскомъ дворцѣ, согласно отчету архитектора, насчитывалось: 2 камина и 56 печей различныхъ величинъ и системъ. Количество же печей даетъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ самаго помѣщенія, такъ какъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ и размѣрахъ покоевъ не сохранилось. Обстановка и вся хозяйственная утварь, за исключеніемъ привезенной изъ Россіи, были выписаны изъ Копенгагена, равно какъ и экипажи: кабріолетъ, фаэтонъ, охотничья каретка и три парадныя кареты: желтая, голубая и сѣрая, съ плюшевой обивкой, лакированныя и украшенныя позолотой. О качествѣ обстановки можно судить по нѣкоторымъ строкамъ изъ донесенія гофъ-интенданта, упоминающаго о „диванахъ, стульяхъ и табуретахъ, обитыхъ шолковымъ дама̀, о креслахъ съ высокими спинками, богато украшенныхъ изящной рѣзьбой и съ сидѣньями, набитыми волосомъ, о прекрасномъ билліардѣ, 2 карточныхъ столахъ съ инкрустаціей изъ розоваго дерева и о кроватяхъ для высокихъ особъ (лучшихъ изъ общаго числа 52, размѣщенныхъ во дворцѣ) съ балдахинами, тонкими сырцовыми занавѣсями, 3 перинами и 3 подушками, 2 парами тонкаго полотна простынь, 2 наволочками и кожанымъ соломеннымъ матрасомъ, общей стоимостью въ 110 риксдалеровъ [1]) каждая". Затѣмъ, для дворцовой конюшни были присланы, согласно донесенію гофъ-интенданта, „великолѣпная гнѣ-

---

[1]) Приблизительно столько же рублей.

дая упряжка изъ 6 лошадей, стоившая 1.076 риксдалеровъ, и вторая вороная, изъ 6 лошадей, тоже очень хорошая".

Заботясь объ устройствѣ для Брауншвейговъ вполнѣ удовлетворяющаго ихъ вкусамъ и потребностямъ житья-бытья, не забыли устроить во дворѣ и маленькую домашнюю церковь, а около дворца разбить хотя небольшой, но хорошій садъ, для котораго были выписаны изъ Любека разныя фруктовыя деревья, розовые кусты и изъ Голландіи цвѣточныя луковицы разныхъ сортовъ. Выходъ въ садъ былъ прямо со стеклянной террасы, находившейся въ среднемъ главномъ зданіи дворца, и самый садъ былъ совершенно скрытъ отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ, такъ что „высокія персоны,—какъ доносилъ архитекторъ,—могли гулять въ саду вполнѣ спокойно, безъ всякихъ помѣхъ и стѣсненій". Въ саду воздвигнуты были 2 бесѣдки и обвитая зеленью плетеная арка. Одна изъ бесѣдокъ носила названіе „турецкой палатки", такъ какъ построена была въ восточномъ стилѣ. Затѣмъ, садъ украшали 4 статуи и 4 большія бѣлыя вазы. Въ общемъ можно сказать, что при устройствѣ будущаго мѣстожительства Брауншвейговъ не было упущено ничего, что̀ только могло скрасить ихъ жилище и сдѣлать для нихъ пребываніе въ Горсенсѣ спокойнымъ и пріятнымъ. Не былъ забытъ, между прочимъ, и гербъ Брауншвейгско-Люнебургскаго дома, образецъ котораго заботливо былъ присланъ изъ Копенгагена и который долженъ былъ украшать главныя ворота, а также красоваться во всѣхъ прочихъ подходящихъ мѣстахъ. Сооруженіе и полная обстановка дворца обошлись въ общемъ итогѣ въ 60.000 риксдалеровъ; датское правительство ожидало, что сумма эта будетъ погашаться по частямъ изъ ежегодной пенсіи Брауншвейговъ, но Екатерина II немедленно выплатила всю сумму сполна.

Когда дворецъ былъ вполнѣ законченъ, гофъ-интендантъ Шенкъ занялся сформированіемъ необходимаго штата прислуги. О штатѣ приближенныхъ позаботилась сама королева Юліана-Марія; да и прислуга частью назначена была по высочайшему повелѣнію. Такъ, напримѣръ, по распоряженію короля, въ горсенскій штатъ были включены два лейбъ-кучера и два форейтора изъ копенгагенской королевской конюшни. Весь же горсенскій дворцовый штатъ по первоначальному плану долженъ былъ состоять изъ 44 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и русскаго священника съ двумя церковно-служителями.

Помѣщеніе, столъ и одежду отъ двора получалъ не весь штатъ; нѣкоторые изъ низшихъ служащихъ, имѣвшіе свои семьи въ городѣ, пользовались взамѣнъ того извѣстной прибавкой къ

жалованью. Такъ было удобнѣе для обѣихъ сторонъ: и помѣщеніе оказалось бы тѣсно для такого количества людей, и продовольствіе представило бы еще бо̀льшія трудности. И безъ того гофъ-интенданту было порядочно хлопотъ съ обезпеченіемъ продовольствія и фуража въ такомъ маленькомъ городкѣ. Къ счастью, жители городка и окрестныхъ усадьбъ и мѣстечекъ оказались очень услужливыми и предупредительными, такъ что дѣло мало-по-малу уладилось ко всеобщему удовольствію.

Главноуправляющій горсенскимъ дворомъ, камергеръ Плейартъ разъ навсегда получилъ свыше инструкцію относительно общаго церемоніала и порядковъ при маломъ дворѣ. За столъ съ высокими особами ежедневно должны были садиться самъ камергеръ съ женою—гофмейстериной, гофъ-интендантъ, придворный кавалеръ и двѣ придворныя дамы; всего же 10 персонъ. Изъ винъ для этого стола опредѣлено было по 6 бут. краснаго за обѣдомъ и 6 бут. за ужиномъ ежедневно. Отъ этого же стола полагалась порція дежурному караульному офицеру. Въ дежурной комнатѣ долженъ былъ накрываться особый столъ для ключницы, 2 камеристокъ, 2 горничныхъ и 2 камердинеровъ, всего на 7 чел., на которыхъ полагалось 7 бут. вина и пива ежедневно.

Заведеннаго порядка держались при горсенскомъ дворѣ ненарушимо съ перваго дня прибытія двухъ принцессъ и двухъ принцевъ Брауншвейгскихъ (13 октября 1780 г.) и до послѣдняго дня жизни пережившей своихъ братьевъ и сестру принцессы Екатерины (1807 г.). Порядокъ этотъ, установленный самой королевою Юліаной-Маріей, обезпечивалъ Брауншвейгамъ, правда, однообразное, но солидное, вполнѣ комфортабельное и безпечальное существованіе. Хорошій, разнообразный столъ и общій комфортъ были вполнѣ достижимы при тѣхъ средствахъ, какія отпускались русскимъ правительствомъ ежегодно, и при существовавшихъ въ тѣ времена цѣнахъ, какъ на предметы первой необходимости, такъ и роскоши. Съ теченіемъ времени дороговизна жизни, конечно, возростала, но зато и число самихъ особъ убывало, что̀ и уравновѣшивало расходы. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы отъ ежегодной ренты въ 32 тысячи рублей оставались даже значительные излишки. Тѣмъ не менѣе, подъ конецъ существованія горсенскаго двора, въ Россію дошла жалоба отъ имени принцессы Екатерины, гласившая, что принцесса часто терпитъ нужду въ самомъ необходимомъ и вообще обставлена очень плохо, благодаря корыстолюбію и эгоизму ея датскаго штата. Въ своемъ мѣстѣ жалоба

эта будетъ разобрана подробно, здѣсь же ограничимся ссылкой на утвержденіе автора датскаго труда, г. Фрійса, что виновникомъ нареканій на окружавшихъ принцессу датчанъ былъ недовольный своимъ положеніемъ духовникъ принцессы, іеромонахъ Ѳеофанъ.

Священники, которыхъ русское правительство прикомандировало на извѣстное число лѣтъ къ горсенскому двору, вообще чувствовали себя, если судить по датскимъ источникамъ, не по себѣ въ иновѣрческой странѣ, среди „еретиковъ“, и относились къ окружающимъ ихъ датчанамъ съ явною враждебностью. Происхожденію послѣдней немало содѣйствовало, вѣроятно, и то обстоятельство, что, по придворному этикету, этимъ русскимъ священникамъ не отводилось того первенствующаго положенія при дворѣ, на которое они, по ихъ мнѣнію, имѣли всѣ права, какъ по своему сану духовниковъ высокихъ особъ, такъ и потому, что были здѣсь единственными земляками ихъ. Между тѣмъ, для священника даже не полагалось помѣщенія въ самомъ дворцѣ, и хотя нанимавшееся ему помѣщеніе въ городѣ было вполнѣ прилично, и онъ получалъ отъ двора и отопленіе и освѣщеніе, но это обстоятельство особенно сильно уязвляло всѣхъ состоявшихъ при горсенскомъ дворѣ русскихъ священниковъ. Помѣщайся они въ самомъ дворцѣ, они, пожалуй, могли бы разсчитывать на ежедневныя приглашенія запросто къ столу высокихъ особъ, а теперь удостоивались лишь оффиціальныхъ приглашеній, черезъ главноуправляющаго дворцомъ, по воскресеньямъ, или въ особенно торжественныхъ случаяхъ.

Но какъ же такъ случилось, что въ устраивавшемся для Брауншвейговъ съ такой заботливостью жилищѣ не оказалось помѣщенія для столь важнаго лица въ придворномъ штатѣ, какъ духовникъ высокихъ особъ? Какъ могло произойти такое упущеніе при распланировкѣ дворца?

Устраивавшій дворецъ архитекторъ, профессоръ Гарсдорфъ, полагая, что и православные священники, какъ католическіе, обречены на безбрачіе, предназначилъ для духовника двѣ комнатки рядомъ съ домашней церковью. Между тѣмъ, у перваго же изъ русскихъ священниковъ оказалась цѣлая семья. Что̀ было дѣлать? Архитектору дано было знать свыше, что весь датскій штатъ, назначенный состоять при Брауншвейгахъ, обязательно долженъ помѣщаться въ самомъ дворцѣ; вслѣдствіе этого онъ и не могъ ничего измѣнить въ распланировкѣ и назначеніи дворцовыхъ покоевъ, которыхъ только какъ разъ и хватало для

всего этого штата. Вотъ и пришлось нанять для священника особое помѣщеніе, гдѣ онъ могъ жить своимъ хозяйствомъ.

По мѣрѣ хода разсказа, въ подробностяхъ рисующаго житье-бытье горсенскаго двора, роль духовниковъ, равно и основательность жалобъ, дошедшихъ до русскаго правительства, выяснятся читателямъ самѝ собою; поэтому мы и не будемъ дольше останавливаться на этомъ вопросѣ теперь, а перейдемъ къ изложенію дальнѣйшаго.

Въ началѣ управляющему дворомъ, камергеру Плейарту были даны очень строгія инструкціи относительно надзора за принцами и принцессами, а офицеру, начальнику ежедневно отряжаемаго во дворецъ „почетнаго" караула, предписано было проводить ночь въ передней дворца; но когда Плейартъ хорошенько ознакомился съ личностями охраняемыхъ, надзоръ былъ ослабленъ до предѣловъ возможности, чтобы никоимъ образомъ не стѣснять и не пугать высокихъ особъ. Съ теченіемъ времени камергеръ Плейартъ добился для нихъ и разрѣшенія посѣщать, во время ихъ ежедневныхъ прогулокъ въ экипажѣ, помѣщичьи усадьбы въ окрестностяхъ Горсенса. Только заночевать гдѣ-либо внѣ своего дворца въ Горсенсѣ Брауншвейгамъ ни разу не было разрѣшено за все время.

Какъ извѣстно уже изъ предыдущаго, всѣ четверо сестеръ и братьевъ жили между собой очень дружно. Всѣ они были кроткаго нрава, имѣли доброе сердце, всегда были готовы сдѣлать добро, и придворный штатъ не могъ пожелать лучшихъ господъ. Всѣ окружающіе сходились во мнѣніи, что сестры были умнѣе и даровитѣе братьевъ, и что преобладающую роль играла всегда принцесса Елизавета, хотя и не предпринимала ничего безъ согласія остальныхъ. Принцессы охотно читали, занимались рукодѣльями; принцы же главнымъ образомъ проводили время въ движеніи на свѣжемъ воздухѣ, верховой ѣздѣ и въ играхъ—на билліардѣ, въ шашки, въ карты и проч.

Камергеру Плейарту поручено было всячески постараться помочь Брауншвейгамъ поскорѣе освоиться въ чуждой обстановкѣ, причемъ онъ былъ обязанъ каждую недѣлю увѣдомлять копенгагенскій дворъ о томъ, какъ идутъ дѣла при горсенскомъ дворѣ и, главное, какъ чувствуютъ себя высокія особы. Всѣ желанія послѣднихъ, не выходившія изъ границъ установленнаго распорядка ихъ жизни, камергеру вмѣнено было въ обязанность исполнять немедленно. Каждому принцу и принцессѣ отпускалось изъ общей суммы ихъ ежегодной ренты по тысячѣ рублей въ годъ на гардеробъ и прочіе личные расходы, причемъ, однако,

деньги эти не выдавались на руки самимъ высокимъ особамъ, такъ какъ онѣ „не имѣли привычки распоряжаться деньгами, и нечего было ихъ пріучать къ этому“, а за всѣ покупки и въ другихъ случаяхъ расплачивались постоянно сопровождавшая принцессъ придворная дама или сопровождавшій принцевъ придворный кавалеръ.

Какъ выше говорилось, принцы и принцессы привезли изъ Россіи богатый гардеробъ; поэтому имъ въ первое время и не приходилось особенно тратиться на туалетъ въ Даніи. Расходы ограничивались, по преимуществу, возобновленіемъ запаса разныхъ „предметовъ галантереи“ да косметиковъ и парфюмеріи. То былъ, какъ извѣстно, вѣкъ пудры, помады, румянъ, бѣлилъ и мушекъ, и Брауншвейги въ Даніи не отставали отъ моды, а къ благовоннымъ эссенціямъ и куреньямъ питали даже особое пристрастіе, почему и расходовали на нихъ не мало. По той же причинѣ священникъ не жалѣлъ во время богослуженій ладана.

Около Рождества 1780 г. изъ Копенгагена пришелъ цѣлый ящикъ всякой галантереи, выписанной принцами и принцессами по личному ихъ желанію. Между прочимъ, принцы выписали себѣ по тросточкѣ съ золотымъ набалдашникомъ, по маленькой серебряной табакеркѣ, по бѣлому атласному жилету, вышитому серебромъ и черными шолкомъ, а принцессы—по серебряной вызолоченной табакеркѣ въ видѣ медальона, по три кольца и по парѣ золотыхъ пряжекъ для башмаковъ.

Изъ тѣхъ же отпускавшихся въ личное распоряженіе принцевъ и принцессъ 4.000 рублей въ годъ они расходовали извѣстныя суммы на дѣла благотворительности, на поддержку нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій и на подарки. Такъ, напримѣръ, наканунѣ новаго года (1781 г.) Брауншвейги пожертвовали 100 риксдалеровъ въ пользу бѣдныхъ Горсенса и такую же сумму—на высшую городскую школу, а городской пробстъ г. Фримадъ получилъ 40 риксдалеровъ, такъ какъ къ его приходу былъ приписанъ весь штатъ прислуги горсенскаго дворца.

Камергеръ Плейартъ скоро увидѣлъ, какъ трудно глухой принцессѣ Екатеринѣ обходиться безъ русской прислуги, и, выполняя возложенное на него порученіе, печься объ удобствахъ высокихъ особъ, обратился къ королевѣ Юліанѣ-Маріи съ представленіемъ о необходимости отыскать для ея свѣтлости дѣвушку, которая понимала бы по-русски, и даже указалъ на подходящую—служанку жены кавалера Туксена, по имени Мареу, русскую по происхожденію, которая „удовольствовалась бы 30 риксдалерами въ годъ жалованья, а столоваться могла бы съ горничной“.

Вскорѣ пришелъ и отвѣтъ отъ королевы: „Согласна. Юліана-Марія".

Кромѣ того, въ своихъ заботахъ о возможномъ облегченіи для принцевъ и принцессъ жизни въ новой обстановкѣ, камергеръ Плейартъ, тотчасъ по прибытіи въ Горсенсъ, началъ учить по-русски свою тринадцатилѣтнюю племянницу и пріемную дочь, Елену фонъ-Сальдернъ. Способная дѣвочка, пользуясь отчасти уроками дяди (выше было уже упомянуто, что Плейартъ отлично владѣлъ русскимъ языкомъ), и отчасти русскаго священника, сдѣлала быстрые успѣхи и скоро могла оказывать существенную помощь и облегченіе при сношеніяхъ высокихъ особъ съ остальнымъ штатомъ, который никакъ не могъ преодолѣть трудностей русскаго языка.

Мѣсяцъ спустя по прибытіи Брауншвейговъ на жительство въ Горсенсъ, ихъ посѣтилъ двоюродный братъ, принцъ Фредерикъ, сынъ вдовствующей королевы Юліаны-Маріи. Посланъ онъ былъ послѣднею, вѣроятно, отчасти для того, чтобы привѣтствовалъ вновь прибывшихъ родственниковъ на новосельѣ, отчасти же для того, чтобы удостовѣриться въ исполненіи всѣхъ приказаній относительно общаго устройства горсенскаго двора. Принцу было тѣмъ легче сдѣлать это, что горсенскій дворъ былъ, по желанію королевы, до извѣстной степени скопированъ съ двора самого принца.

Въ первый разъ въ жизни пришлось Брауншвейгамъ познакомиться съ близкимъ родственникомъ, и, конечно, эта встрѣча сильно взволновала ихъ; принца окружили, зацѣловали и облили слезами. Но на томъ дѣло и остановилось; установленію болѣе близкихъ и тѣсныхъ отношеній помѣшалъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, какъ-то: обоюдное незнаніе языка, глухота принцессы Екатерины, совпавшее съ пріѣздомъ принца нездоровье принцессы Елизаветы, а также крайняя робость принцевъ, доходившая, особенно у принца Петра, до настоящаго ужаса передъ датскимъ родственникомъ. Принцъ прогостилъ въ Горсенсѣ два дня, оба дня обѣдалъ съ родственниками, а на третій день обѣщалъ зайти къ нимъ проститься, но измѣнилъ своему намѣренію,— вѣроятно, чтобы избѣгнуть новыхъ слезъ и не разстраивать нервовъ и себѣ, и Брауншвейгамъ,—уѣхалъ въ 7 час. утра, пославъ имъ, вмѣстѣ съ заочнымъ привѣтомъ, два золотыхъ кольца и двѣ золотыя табакерки въ знакъ памяти.

Визитъ принца не остался безъ послѣдствій для Брауншвейговъ. Узнавъ отъ сына, какъ плохо шла или, вѣрнѣе, вовсе не пошла у него бесѣда съ русскими родственниками, королева не

замедлила черезъ министра Гульберга предписать камергеру Плейарту пригласить къ принцамъ и принцессамъ преподавателя иностранныхъ языковъ. Приводимъ это предписаніе въ дословномъ переводѣ: „Его величество, искренно желая, чтобы высокія персоны были поставлены въ возможность доставлять себѣ удовольствіе, которое вообще только можетъ дать бесѣда въ обществѣ, всемилостивѣйше изволилъ приказать мнѣ написать вашему высокоблагородію, чтобы вы позаботились пригласить учителя языковъ изъ Ольберга. Знающаго по-русски должно предпочесть всѣмъ другимъ, и тогда останется только пригласить его на службу и условиться о вознагражденіи, которое, по моимъ соображеніямъ, не должно превышать 250 риксдал. въ годъ.— Гёгъ Гульдбергъ. Христіансборгъ, 16 дек. 1780 г.“.

На это вскорѣ послѣдовалъ отвѣтъ отъ камергера Плейарта.

„Согласно упомянутому приказанію, мною проглашенъ учитель языковъ синьоръ Юпертъ на жалованье 250 риксдал. въ годъ.—Плейартъ“.

Заниматься съ вновь нанятымъ учителемъ стали, главнымъ образомъ, принцессы, и отчасти принцъ Алексѣй. У принца же Петра, наименѣе одареннаго духовно изъ всѣхъ четвертыхъ братьевъ и сестеръ, дѣло вовсе не пошло. Для занятій были выписаны изъ Лейпцига нужные учебники, между прочимъ русско-нѣмецкій словарь въ 2 тома, стоившій 18 риксд., и книги для чтенія, въ родѣ „Робинзона Крузе“ и т. п.

Не была оставлена безъ вниманія и глухота принцессы Екатерины, выяснившаяся изъ разсказовъ Фредерика. Придворный медикъ рекомендовалъ послать принцессѣ слуховую трубку, и трубка была немедленно выслана въ Горсенсъ изъ Копенгагена. Вмѣстѣ съ трубкою высланы были и двѣ грѣлки для ногъ, въ которыхъ могли нуждаться принцессы въ зимнее время.

Привычнымъ къ суровой сѣверно-русской зимѣ Браунщвейгамъ, конечно, не пришлось сѣтовать на датскую, а первая весна (1781 г.) на новой родинѣ, съ ея куда болѣе раннимъ и энергичнымъ расцвѣтомъ, принесла имъ съ собой совершенно невѣдомыя радости. Прогулки въ экипажахъ по оживающимъ, день ото дня представляющимъ новыя красоты окрестностямъ города становились все чаще и продолжительнѣе. А принцы Петръ и Алексѣй скоро перестали даже удовлетворяться и такими прогулками, которыя совершались все-таки въ опредѣленные часы дня и слѣдовали по избитымъ дорогамъ, а пожелали имѣть верховыхъ лошадей, чтобы пользоваться въ прогулкахъ большею свободой и непринужденностью. Въ конюшнѣ горсен-

скаго дворца стояло 14 лошадей, въ числѣ которыхъ были и верховыя—для форейторовъ и конюховъ, но камергеръ Плейартъ сомнѣвался, прилично ли будетъ принцамъ пользоваться тѣми же лошадьми, какъ и ихъ слуги, и онъ обратился за разрѣшеніемъ вопроса въ Копенгагенъ. Вскорѣ пришелъ и отвѣтъ,—три прекрасныя верховыя лошади изъ королевской конюшни.

Принцы были въ восторгѣ, немедленно обзавелись англійскими сапогами и перчатками для верховой ѣзды, серебряными шпорами и проч., и начали, въ сопровожденіи придворнаго кавалера, для котораго и предназначалась третья лошадь, разъѣзжать по окрестностямъ, заглядывая въ разныя усадьбы и уголки, куда ихъ только манило.

Привыкнувъ пользоваться удовольствіемъ верховой ѣзды въ теплое время года, принцы не захотѣли отказаться отъ него и зимою. Заботливый же Плейартъ, опасаясь какой-нибудь бѣды изъ-за этихъ выѣздовъ верхомъ въ суровую погоду и въ гололедицу, обратился въ Копенгагенъ съ представленіемъ о необходимости для принцевъ имѣть закрытый манежъ, а также принанять еще одного конюха для ухода за верховыми лошадьми. На это изъ Копенгагена былъ полученъ отвѣтъ: „Его величество разрѣшаетъ вамъ принанять одного конюха, съ жалованьемъ 60 риксдал. въ годъ и ливреей; а если вы считаете необходимымъ манежъ, то придите къ соглашенію съ горсенскимъ архитекторомъ Крузе“. Названный архитекторъ выстроилъ манежъ на свой счетъ, и принцы пользовались имъ въ теченіе десяти лѣтъ за годовую плату въ 120 риксдалеровъ. Манежъ этотъ имѣлъ 60 аршинъ въ длину, 20 аршинъ въ ширину и 6 аршинъ въ высоту; освѣщался же десятью большими окнами подъ потолкомъ.

Нѣсколько позже изъ Копенгагена была прислана „карусель со всѣми принадлежностями“. Ее установили въ манежѣ, и она доставляла много развлеченія принцамъ и принцессамъ. Большимъ удовольствіемъ для нихъ было также катанье зимой въ саняхъ съ бубенчиками, колокольчиками, султанами и прочимъ убранствомъ сбруи и лошадей. Мѣховыя полости и зимнія одежды, какъ для господъ, такъ и для слугъ, были привезены изъ Россіи и, по свидѣтельству придворной дамы, Елены фонъ-Сальдернъ, были верхомъ великолѣпія, невиданнымъ въ Даніи.

Такимъ образомъ, въ 1771 г., въ конюшнѣ горсенскаго дворца содержалось уже 18 лошадей. Въ 1793 г., спустя болѣе пяти лѣтъ по смерти принца Алексѣя, число это убавилось до 12-ти; въ 1798 г., когда и принца Петра не стало въ живыхъ,

осталось только 10, а затѣмъ и 8, которыхъ, конечно, было вполнѣ довольно для обихода одной оставшейся въ живыхъ принцессы Екатерины.

По части развлеченій для высокихъ особъ камергеръ Плейартъ вообще не щадилъ стараній, заботясь о томъ, чтобы имъ жилось по возможности пріятно и весело—какъ то и было возложено на него инструкціей. Къ счастью, высокія особы очень любили играть въ карты, а также, для разнообразія—въ билліардъ, шашки и т. п. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, для нихъ стали устраиваться во дворцѣ маленькіе концерты, на которые приглашались городскія музыкальныя силы. Если въ городъ пріѣзжала какая-нибудь труппа лицедѣевъ, ее также немедленно приглашали во дворецъ дать свое представленіе. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ отчетности по управленію горсенскимъ дворцомъ, которая велась образцово.

Ни единый, самый мелкій, расходъ не производился, не бывъ занесеннымъ въ книги, а для уплаты изъ дворцовыхъ суммъ даже по самому пустяшному счету, требовалось, чтобы счетъ былъ просмотрѣнъ, признанъ и помѣченъ разрѣшеніемъ произвести по немъ уплату, во-первыхъ, помощникомъ интенданта, во-вторыхъ, самимъ интендантомъ и, въ-третьихъ, главноуправляющимъ дворомъ. Такимъ образомъ, о злоупотребленіяхъ со стороны мелкихъ служащихъ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что высшіе сами близко входили во всякое дѣло.

Между прочимъ, мы находимъ въ расходной книгѣ помѣтку о расходахъ на сооруженіе на закрытой садовой галлереѣ „подмостковъ для комедіантовъ“. Въ другомъ мѣстѣ помѣченъ расходъ въ 15 риксдал. „на вознагражденіе нижнимъ чинамъ стоявшаго въ Горсенсѣ кирасирскаго полка, которыми былъ въ полковомъ манежѣ исполненъ, для развлеченія высокихъ особъ, рядъ военныхъ упражненій съ оружіемъ, вольтижировка и пр.“

Находимъ въ расходныхъ книгахъ и помѣтки, свидѣтельствующія, что вѣдавшія этимъ дѣломъ лица пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, напр. именинами, днями рожденій высокихъ особъ и разными праздниками, чтобы такъ или иначе порадовать, потѣшить ихъ; напримѣръ, въ числѣ расходовъ приводятся расходы: на „устройство транспаранта и деревянной пирамиды для иллюминаціи по случаю Новаго Года“, на „сооруженіе большой буквы C. для иллюминаціи въ честь дня рожденія принцессы Екатерины (Catharina)“, на „сооруженіе буквы для иллюминаціи въ честь дня рожденія наслѣднаго принца“ и проч.

О томъ, какъ исполнялась королевская инструкція относи-

тельно удовлетворенія разныхъ желаній принцевъ, которыя не выходили изъ извѣстныхъ границъ, можно судить уже и по предыдущимъ сообщеніямъ, но не лишнимъ будетъ привести здѣсь и еще одинъ фактъ этого рода.

Въ одной изъ помѣщичьихъ усадьбъ, куда принцы заѣзжали на прогулкахъ, была ручная обезьяна, которая такъ восхитила принца Петра, что онъ непремѣнно пожелалъ самъ имѣть такого забавнаго звѣрка. Камергеръ Плейартъ немедленно помѣстилъ въ копенгагенской газетѣ соотвѣтствующее объявленіе, и вскорѣ обезьяна „съ цѣпочкой, гардеробомъ, клѣткой и маленькой пушкой для стрѣльбы" была пріобрѣтена всего за 10 риксдалеровъ. Провозъ же ея обошелся въ 5 риксдалеровъ. Пріобрѣтеніе обезьяны обогатило расходную книгу новой рубрикой, такъ какъ расходы на ея содержаніе не сочли возможнымъ отнести къ расходамъ ни по содержанію высокихъ особъ, ни слугъ, ни конюшни, ни, наконецъ, птичьяго двора.

Лѣтомъ 1781 года Брауншвейги получили чрезвычайно обрадовавшій ихъ подарокъ: большой, писанный масляными красками портретъ ихъ предка Фердинанда-Альбрехта I—перваго герцога Брауншвейгъ-Бевернскаго, умершаго въ 1687 году. Насколько дорогъ былъ Брауншвейгамъ этотъ портретъ, видно изъ того, что пережившая обоихъ своихъ братьевъ и сестру принцесса Екатерина завѣщала на смертномъ одрѣ вырѣзать портретъ изъ рамы, свернуть въ трубку и положить съ нею въ гробъ, что̀ и было исполнено. Вообще, хотя всѣ четверо потомковъ принца Антона-Ульриха и принцессы Анны Леопольдовны выросли, не зная и даже не слыша ничего о своихъ родныхъ, родственныя чувства въ нихъ были необыкновенно сильно развиты, и, живя въ Даніи, они усиленно интересовались всѣмъ, что̀ касалось ихъ родныхъ. Дни рожденія послѣднихъ праздновались при горсенскомъ дворѣ всегда очень торжественно, а теткѣ своей, датской королевѣ Юліанѣ-Маріи, принцессы даже посылали маленькіе подарки собственной работы. Такъ, въ первый разъ 4-го сентября 1781 г. королева получила отъ принцессы Елизаветы вышитый ею мѣшечекъ для рукодѣлій, а отъ принцессы Екатерины—собственноручный рисунокъ, изображавшій подсолнечникъ, освѣщенный солнцемъ. Подъ рисункомъ же были написаны привѣтственные стихи. Принцесса Екатерина обладала природнымъ даромъ рисованія и, никогда не учась, рисовала довольно хорошо [1]).

[1]) Изъ ея рисунковъ сохранились помѣщенные въ трудѣ г. Фрійса: рисунокъ, изображающій холмогорскій острогъ (см. „Русскую Старину", январь 1873 г., стр.

Въ то время вообще была большая мода на стихи, которые и писались на всевозможные случаи и всѣми, кто только мало-мальски умѣлъ подбирать риѳмы. Нечего и говорить, что при горсенскомъ дворѣ тоже не было недостатка въ такихъ слагателяхъ виршей, которые не пропускали ни одного мало-мальски торжественнаго, трогательнаго или забавнаго эпизода придворной жизни, чтобы не увѣковѣчить его въ стихахъ. Такъ, напримѣръ, стоило разъ за ужиномъ лакею уронить блюдо съ жаркимъ, какъ и это событіе было немедленно воспѣто въ длинныхъ виршахъ, подъ заглавіемъ: „Der verunglückte Hammelbraten des Abends 13 Mai 1782“.

П. Ганзенъ.

66—67), и рисунокъ, изображающій бурное плаваніе Брауншвейговъ отъ Архангельска до береговъ Норвегіи. Въ книгѣ г. Фріиса послѣдній рисунокъ окруженъ четырьмя силуэтами Брауншвейговъ. Тѣ же самые силуэты приложены къ статьѣ В. Полѣнова („Русская Старина“, апрѣль, 1874 г.), съ помѣткой, что они рисованы лекаремъ Бошнякомъ.

МИЛУША

РАЗСКАЗЪ.

Въ одинъ декабрьскій морозный день по Литейному мосту торопливо шла молодая женщина съ красивымъ, но блѣднымъ и усталымъ лицомъ, на которомъ житейскія заботы провели преждевременныя морщины. Одѣта она была прилично, но самая горькая бѣдность выглядывала изъ каждой складки ея старомоднаго коротенькаго пальтеца, поношеннаго клѣтчатаго платья и старенькой, вязаной шапочки, низко надвинутой на лобъ. Въ одной рукѣ она несла большой бумажный свертокъ, а другою вела дѣвочку лѣтъ пяти-шести въ голубомъ полинялом салопчикѣ и въ такомъ же голубомъ капорѣ, сверху еще обвязанномъ ветхимъ оренбургскимъ платкомъ, который женщина, очевидно, сняла съ себя, чтобы покрыть дѣвочку. Было очень холодно, и сильный вѣтеръ дулъ имъ на встрѣчу; женщина спѣшила, и дѣвочка едва поспѣвала за нею, быстро перебирая своими тоненькими ножками и иногда подскакивая на ходу, чтобы попасть матери въ ногу.

Вдругъ въ крѣпости глухо ударила пушка; на лицѣ женщины выразилось безпокойство.

— Скорѣй, скорѣй, Милуша!—озабоченно сказала она, прибавляя шагу.—Ахъ, Боже мой, кабы не опоздать!.. Пожалуй, и не увидимъ сегодня папу!

При словѣ „папа“ дѣвочка опять подскакнула и побѣжала быстрѣе. Но вѣтеръ дулъ ей въ лицо такъ упорно и свирѣпо, что она скоро выбилась изъ силъ, и ея покраснѣвшее личико сморщилось отъ холода, какъ у гуттаперчевой куколки, когда ее сожмутъ рукою.

— Мамочка, я озябла...—жалобно сказала она.—У меня носикъ замерзъ, и ручки замерзли... Скоро мы придемъ?

— Скоро, скоро, Милуша,—не останавливаясь, отвѣчала мать.—Еще немножечко... Ты потерпи, Милуша!

— Хорошо, мамочка, я пожалуй потерплю. А мы будемъ чай пить у папы?

— Нѣтъ, не будемъ,—отрывисто произнесла мать.

— Не бу-удемъ? — разочарованно протянула Милуша.—А зачѣмъ же ты накупила столько булочекъ, мама?—И, не получивъ отвѣта, она продолжала:—А я, мамочка, очень хочу кушать... Вѣдь булочекъ-то много! Я думала, мы будемъ у папы чай пить... и тамъ есть одна булочка такая кругленькая, съ сахаромъ наверху,—знаешь, которую я люблю?

— Ахъ, Боже мой, ну хорошо, хорошо, Милуша!—нетерпѣливо воскликнула мать, передергивая плечами.—Хорошо, я дамъ тебѣ эту булочку, только ты молчи и иди скорѣй. Нельзя разговаривать на вѣтру...

Дѣвочка замолчала и съ покорнымъ видомъ снова принялась перебирать своими озябшими ножками. Онѣ были уже на Выборгской и, свернувъ вправо отъ моста, пошли по Арсенальной набережной, мимо угрюмыхъ зданій артиллерійской академіи. Послѣ толкотни и сутолоки Литейнаго моста съ вереницею возовъ, съ звонящей конкой, окриками извозчиковъ и скрипомъ полозьевъ, здѣсь казалось тихо и пустынно. Желтыя стѣны казенныхъ зданій смотрѣли строго и важно, какъ застегнутый на всѣ пуговицы департаментскій чиновникъ въ часы службы; бѣлая скатерть Невы сверкала холоднымъ, острымъ блескомъ въ лучахъ зимняго солнца,—и люди, копошившіеся на ея ледяной поверхности, исчерченной тропинками и дорогами, были похожи на жалкихъ мухъ, запутавшихся въ предательской паутинѣ. Но женщина не смотрѣла ни на сверкающую Неву, ни на дома, и торопилась, едва переводя дыханіе отъ усталости и волоча за собою озябшую и голодную дѣвочку.

Впрочемъ, идти пришлось не очень долго, и скоро онѣ остановились передъ большими, сводчатыми воротами съ тяжелою рѣшетчатою калиткою, за которою чернѣлъ силуэтъ сторожа. При видѣ этой массивной калитки и этого непривѣтливаго чернаго силуэта женщина сильно заволновалась и, прежде чѣмъ войти, долго искала чего-то въ карманѣ, мигая покраснѣвшими отъ холода вѣками и судорожно вздыхая. Наконецъ, она вытащила носовой платокъ, высморкалась, вытерла глаза и рѣшительно подошла къ калиткѣ, которую стражъ отворилъ передъ

нею. Онѣ очутились на небольшомъ квадратномъ дворикѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ высокими кирпичными стѣнами; прямо передъ воротами высилось такое же кирпичное зданіе съ церковнымъ куполомъ наверху и обширнымъ подъѣздомъ, а за стѣнами тянулись многоэтажные каменные корпуса съ безчисленными рядами оконъ. И надъ всѣми этими каменными зданіями, надъ сверкающимъ куполомъ и крестомъ церкви, надъ сводчатыми воротами и квадратнымъ дворикомъ царила необычайная тишина, странная тишина, среди которой какъ будто бы совершалась какая-то тайна...

— Мамочка, развѣ папа здѣсь живетъ?—спросила дѣвочка, нѣсколько испуганная безмолвіемъ и безжизненностью многоглазыхъ каменныхъ громадъ.

— Здѣсь, здѣсь, Милуша...—дрожащимъ голосомъ отвѣчала мать.

— Какъ здѣсь гадко!.. Какіе гадкіе дома! И отчего нѣтъ людей? Гдѣ люди, мама? Отчего тамъ у насъ вездѣ люди, а здѣсь нѣтъ?

Женщина не отвѣчала. Отъ волненія и оттого, что ей мѣшалъ свертокъ въ рукахъ, она никакъ не могла отворить тяжелую дверь. Ей помогъ пожилой господинъ, только-что вошедшій вслѣдъ за нею въ ворота. У него тоже было взволнованное и озабоченное лицо, и въ рукахъ онъ держалъ такой же бумажный пакетъ. Отворивъ дверь, онъ пропустилъ впередъ женщину съ ребенкомъ и, видя, что она опять остановилась, нерѣшительно оглядываясь, указалъ ей направо.

— Вотъ сюда, сюда... Не споткнитесь, здѣсь ступеньки.

— Ахъ, благодарю васъ...—растерянно пробормотала женщина и, несмотря на предостереженіе, все-таки оступилась и чуть-было не упала.

Они всѣ трое спустились по невысокой лѣсенкѣ внизъ и очутились въ обширной сводчатой комнатѣ съ низкими потолками и маленькими окнами, скупо пропускавшими свѣтъ. Отъ стѣнъ пахло сыростью; асфальтовый полъ былъ замызганъ безчисленными слѣдами ногъ; комната смотрѣла хмуро, неуютно, холодно, какъ постоялый дворъ, или какъ передняя полицейскаго участка. У стѣнъ помѣщалось нѣсколько деревянныхъ длинныхъ скамеекъ; по срединѣ, подъ аркой, стоялъ большой, некрашеный, залитый чернилами столъ съ единственнымъ стуломъ передъ нимъ; нѣсколько посѣтителей, робкихъ, унылыхъ, жалось на скамейкахъ; въ углу, привалившись спинами къ стѣнѣ и не выпуская ружей изъ рукъ, храпѣли два солдата.

— Вы, вѣроятно, въ первый разъ? — спросилъ пожилой господинъ, обращаясь къ женщинѣ.

— Въ первый...—тихо и съ какимъ-то испугомъ сказала та.

— Къ кому пришли?

— Къ мужу.

— А... Такъ вы положите свой билетикъ на столъ, вонъ туда. Придетъ дежурный офицеръ и будетъ вызывать по очереди.

Женщина торопливо развязала узелокъ на носовомъ платкѣ и, вынувъ оттуда розовый билетикъ, на которомъ значилось, что Катеринѣ Ивановнѣ Рябовой разрѣшается свиданіе съ арестантомъ Рябовымъ, положила его на столъ, гдѣ уже лежалъ цѣлый рядъ такихъ же розовыхъ билетиковъ.

Между тѣмъ Милуша, не выпуская изъ рукъ материной юбки, пугливо озиралась вокругъ, пораженная необычайностью обстановки, этимъ полумракомъ, спящими солдатами, низкими потолками, а главное, тишиной, этой странной, пугающей тишиной, которую всѣ какъ будто боялись нарушить. Лицо дѣвочки блѣднѣло... брови сдвинулись, нижняя губка вспухла и капризно оттопырилась впередъ,—Милуша что-то обдумывала,— и вдругъ громко и сердито заговорила:

— Мама, я не хочу здѣсь долго сидѣть! Зачѣмъ мы сюда пришли? Гдѣ папа? Я хочу къ папѣ!..

Катерина Ивановна вся вспыхнула и съ испугомъ наклонилась къ дѣвочкѣ.

— Тише, тише, Милуша...—умоляюще зашептала она.— Молчи, дѣвочка... здѣсь нельзя такъ громко говорить.

— Отчего нельзя? — упрямо и еще громче повторила дѣвочка въ припадкѣ злого удовольствія оттого, что она дѣлаетъ всѣмъ на зло.—Я не хочу молчать, я хочу говорить... Отчего здѣсь всѣ молчатъ? Какіе противные!

Ея громкій, капризный голосокъ странно раздавался подъ сводами мрачной комнаты и спугнулъ тяжелую, холодную тишину, давившую всѣхъ посѣтителей, застывшихъ на своихъ скамьяхъ. Они оживились, задвигались, переглядывались между собою, улыбаясь на забавное существо въ голубомъ салопчикѣ, протестовавшее противъ всякихъ установленныхъ порядковъ и правилъ. Даже одинъ изъ спящихъ солдатъ проснулся, подхватилъ чуть-было не выпавшее изъ рукъ ружье и, мигая опухшими отъ сна вѣками, съ удивленіемъ уставился на дѣвочку, а одна изъ посѣтительницъ, скромная старушка въ плюшевой ротондѣ и бархатной шляпкѣ, достала изъ ридикюля носовой платокъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, стала тихонько всхлипывать.

Милуша, между тѣмъ, продолжала:

— Мама, пойдемъ! Слышишь? Пойдемъ же!..

Катерина Ивановна растерялась.

— Слушай, Милочка, нельзя такъ... Если ты будешь кричать, насъ прогонятъ, и мы не увидимъ папу. Ты злая, Милуша, ты не любишь ни меня, ни папу... Я заплачу сейчасъ... вотъ видишь...

И изъ глазъ ея полились слезы. Милуша оторопѣла, нѣсколько секундъ испуганно и виновато смотрѣла на плачущую мать и бросилась къ ней на шею.

— Мамочка, не плачь, не плачь!—шептала она, цѣлуя ее въ ухо и въ щеку и размазывая слезы оборкой своего капора. —Я не буду больше, вотъ увидишь, ей Богу, не буду, мамочка...

Въ эту минуту въ публикѣ произошло движеніе, спавшіе солдаты вскочили, звякнувъ ружьями, и Катерина Ивановна, отстранивъ отъ себя дѣвочку, торопливо принялась вытирать заплаканные глаза. Въ комнату вошелъ благообразный молодой человѣкъ въ мундирѣ, съ жгутами на плечахъ; онъ равнодушно, мелькомъ взглянулъ на ожидавшихъ его людей, сѣлъ къ столу и, привычнымъ движеніемъ собравъ въ кучу розовые билеты, началъ вызывать. Первою была вызвана плюшевая старушка съ ридикюлемъ; припадая на одну ногу и волнуясь, она торопливо схватила билетъ и ушла; за нею послѣдовала высокая дама въ густомъ вуалѣ, изящно одѣтая; потомъ вышелъ студентъ-технологъ съ рыжими бачками и съ связкою книгъ подъ мышкой; потомъ чахоточный человѣкъ въ чуйкѣ, съ черными, какъ сапожная кожа, руками...

— Госпожа Рябова!—выкликнулъ, наконецъ, молодой человѣкъ.—Вы, кажется, въ первый разъ?—спросилъ онъ, небрежно окидывая взглядомъ ея потертую фигурку и внимательнѣе остановившись на дѣвочкѣ.—Съ ребенкомъ? Напрасно-съ!.. А впрочемъ, какъ угодно.

— Мнѣ разрѣшено,—поспѣшно сказала Катерина Ивановна, притягивая къ себѣ Милушу, точно ее хотѣли отнять у нея.

— Ваше дѣло-съ! — вымолвилъ молодой человѣкъ, и искра участія, на мгновеніе сверкнувшая въ его глазахъ, снова смѣнилась холоднымъ равнодушіемъ. — Наверхъ идите, тамъ укажутъ,—отрывисто прибавилъ онъ.—Слѣдующій!..

Катерина Ивановна вышла изъ комнаты и почти бѣгомъ стала подниматься по широкой лѣстницѣ наверхъ, таща за собою дѣвочку. Сердце ея отъ волненія шибко колотилось, точно въ

угарѣ; голова кружилась. Милуша едва поспѣвала за нею и два раза споткнулась на черезчуръ высокихъ для нея ступенькахъ.

— Ахъ, да чего же ты ползешь, какъ черепаха! — раздраженно крикнула на нее мать, дергая ее за руку.

Этотъ окрикъ очень удивилъ и обидѣлъ дѣвочку, не привыкшую къ такому рѣзкому обращенію. Она взглянула на мать съ недоумѣніемъ и досадой, но, увидѣвъ ея красное лицо, дрожащія губы и полные слезъ глаза, затаила про себя обиду. Маленькое сердце ея сжалось отъ страха и отъ жалости.

Комната, въ которую онѣ вошли, была большая, свѣтлая и чистая, но здѣсь такъ же, какъ и внизу, по стѣнамъ стояли скамейки, а по срединѣ тянулся широкій прилавокъ, загроможденный связками книгъ, узлами и бумажными пакетами. Молодой парень съ бѣлобрысыми усами и блѣднымъ, недовольнымъ лицомъ, весь въ черномъ, стоялъ передъ прилавкомъ, развертывалъ пакеты, вынималъ оттуда булки и лимоны, разрѣзалъ ихъ на куски и снова клалъ въ пакеты, сдвигая въ сторону. Катерина Ивановна положила на прилавокъ свой пакетъ, и сейчасъ же бѣлобрысый парень въ черномъ вытряхнулъ изъ него содержимое и безжалостно сталъ кромсать булки, не пощадивъ даже и той кругленькой съ сахаромъ, о которой такъ мечтала Милуша. Дѣвочка смотрѣла на все это съ возроставшимъ изумленіемъ, и ея большіе голубые глаза раскрывались все шире, а маленькое сердечко сжималось все больнѣе. Она уже не задавала никакихъ вопросовъ и, присмирѣвъ, жалась къ матери, какъ испуганный цыпленокъ. Онѣ отошли въ сторону и, присѣвъ на скамью, стали чего-то ждать. И другіе также ждали и волновались. Изящная дама подъ вуалью то садилась, то вставала и подходила къ окну, то принималась поправлять свою шляпку, хотя это было вовсе не нужно, и при этомъ видно было, какъ дрожали ея тоненькія ручки, затянутыя въ хорошенькія перчатки. Студентъ журавлиными шагами расхаживалъ по комнатѣ, нервно пощипывая свои рыжія бачки, и при каждомъ стукѣ вздрагивалъ и оборачивался. Человѣкъ въ чуйкѣ смиренно сидѣлъ въ самомъ темномъ уголку и изрѣдка вздыхалъ: „Ахъ, Господи, Боже мой, Господи, Боже мой“!.. Вдругъ гдѣ-то захлопали двери, зазвенѣли ключи, послышались какіе-то громкіе, смѣлые голоса; всѣ встрепенулись и насторожились. Въ комнату вошелъ высокій, бородатый человѣкъ, съ ключами въ рукахъ, и сталъ громко вызывать присутствующихъ по фамиліямъ.

— Рябова, Рябова... Кто Рябова? Идите, васъ, васъ зовутъ... — зашептали кругомъ, участливо подталкивая куда-то

Катерину Ивановну, отъ волненія не расслышавшую своей фамиліи.

Катерина Ивановна рванулась впередъ; нижняя губа ея стала дрожать еще сильнѣе, въ глазахъ все потемнѣло и зашаталось, и она, сама не зная ка̀къ, очутилась въ слѣдующей комнатѣ, перегороженной какими-то шкафами съ проволочными рѣшотками вмѣсто дверецъ. Въ шкафахъ стояли люди и громко разговаривали съ кѣмъ-то; Катерина Ивановна впопыхахъ сунулась въ первый попавшійся шкафъ и прильнула лицомъ къ рѣшоткѣ...

— Не сюда, не сюда, куда вы лѣзете?—грубо крикнулъ на нее кто-то, и ее толкнули въ сторону, къ сосѣднему шкафу.

Катерина Ивановна, едва переводя дыханіе остановилась и заглянула сквозь рѣшотку. За нею была вторая такая же, и сквозь частую проволочную сѣть, въ сумракѣ, чуть-чуть бѣлѣлъ чей-то не то знакомый, не то чужой обликъ. Блѣдное, черезчуръ блѣдное, одутловатое лицо, лихорадочно сверкающіе глаза, темныя пятна подъ ними, одичалая улыбка на бѣлыхъ, какъ мѣлъ, губахъ,—все это было такъ странно, такъ необычайно и такъ жутко... Нѣсколько минутъ—и Катерина Ивановна, и тотъ, кто, точно дикій звѣрь, стоялъ тамъ, за двойною рѣшоткою, молча, смотрѣли другъ на друга, не зная, съ чего начать разговоръ. Вѣдь переговорить нужно было такъ много, а времени отпущено всего тридцать минутъ... успѣешь ли, вспомнишь ли все, что̀ нужно!..

Наконецъ, они заговорили,—отрывисто, торопливо, обмѣниваясь робкими улыбками, и стараясь скрыть другъ отъ друга слезы радости, изъ боязни, чтобы эти счастливыя слезы не были приняты за слезы горя.

— Ну, здравствуй... Какъ ты? Устроилась?

— Я ничего... А ты? Ты не боленъ? Отчего ты такой блѣдный?

— Ерунда! Мнѣ отлично. Хорошо ли тебѣ? Деньги есть ли? А Милуша какъ?

— Ахъ, Боже мой, Милуша!.. Вѣдь она со мной, я и забыла. Милуша, ты гдѣ? Вотъ папа, хочешь повидаться съ папой?

Катерина Ивановна подняла дѣвочку къ рѣшоткѣ. Милуша широко открытыми глазами посмотрѣла на блѣдный силуэтъ съ блѣдною улыбкой, и отчаянный дѣтскій крикъ огласилъ большую комнату, перегороженную шкафами.

— Папочка! Папочка! Что̀ они съ тобой сдѣлали!..

Произошло смятеніе. Блѣдный силуэтъ исчезъ во мракѣ, точно призракъ; зазвенѣли ключи, захлопали двери, чей-то голосъ крик-

нулъ: „Довольно, довольно! Свиданіе прекращается"!.. Катерина Ивановна, съ рыдающей дѣвочкой на рукахъ и сама плача навзрыдъ, спускалась съ лѣстницы, сопровождаемая негодующими голосами: „И зачѣмъ съ дѣтьми пускаютъ? Чтò за моду выдумали? Я говорилъ, что не нужно съ дѣтьми пускать... Въ другой разъ чтобы этого не было"!.. Но Катеринѣ Ивановнѣ было уже не до того: она выбѣжала на улицу, наняла извозчика и, усадивъ Милушу въ сани, велѣла ѣхать какъ можно скорѣе на Малую Итальянскую.

А дѣвочка все оглядывалась назадъ и, протягивая руки къ молчаливымъ каменнымъ громадамъ съ тысячью глазъ, кричала: „Папочка, папочка, чтò они съ тобой сдѣлали"!..

Катерина Ивановна нанимала маленькую комнатку на Малой Итальянской, въ квартирѣ нѣкоей пани Рудыньской, вдовы чиновника, поддерживавшей свое существованіе ничтожною пенсіей, но главнымъ образомъ отдачею комнатъ внаймы. Ея небольшая квартирка въ четвертомъ этажѣ представляла изъ себя настоящій Ноевъ ковчегъ по обилію жильцовъ. Во-первыхъ, у нея жили три такъ называемыя „надеждинки"—слушательницы надеждинскихъ акушерскихъ курсовъ, — всѣ три очень молодыя, очень хорошенькія и очень бѣдныя, ухитрявшіяся жить втроемъ въ одной комнатѣ и на двадцать-пять рублей въ мѣсяцъ. Онѣ часто не обѣдали, ходили въ лютые морозы въ коротенькихъ пальтецахъ, подбитыхъ вѣтеркомъ, но всегда были веселы, оживлены и наполняли всю квартиру пани Рудыньской своими звонкими голосами, смѣхомъ, бѣготней и пѣніемъ малороссійскихъ пѣсенъ изъ репертуара Садовскаго и Заньковецкой, которыхъ онѣ „обожали". Рядомъ съ этими веселыми надеждинками помѣщалась портниха съ тремя дѣтьми, изъ которыхъ самому старшему мальчику было семь лѣтъ, а младшій еще качался въ люлькѣ и по временамъ оглашалъ квартиру неистовымъ ревомъ, представлявшимъ довольно оригинальный аккомпаниментъ къ поэтическимъ мелодіямъ Украйны. Портниха была завалена работой и съ утра до поздней ночи стучала на машинкѣ, такъ что крикливый младенецъ всецѣло находился на попеченіи старшихъ дѣтей, которыя развлекали его всевозможными способами, начиная отъ самоварной крышки, привязанной на нитку, и кончая колыбельными пѣснями, по бòльшей части собственнаго сочиненія. Непрерывный стукъ машинки, звонъ крышки отъ самовара, баюканье, плачъ младенца — все это сливалось въ одинъ общій оглушительный

шумъ, вносившій пріятное разнообразіе въ репертуаръ Заньковецкой и Садовскаго, и хотя навѣрное можно сказать, что ни одинъ, даже самый геніальный человѣкъ не приготовился бы при такихъ условіяхъ къ экзамену на степень магистра философіи, но жильцы пани Рудыньской нисколько на эти условія не жаловались и, повидимому, были всѣмъ очень довольны. Сама пани Рудыньска тоже была довольна, несмотря на то, что, уступивъ всѣ лучшія комнаты жильцамъ, ютилась вмѣстѣ со своей четырнадцатилѣтней дочкой, Францусей, за дощатою перегородкою въ кухнѣ, гдѣ, кромѣ кухарки, постоянно гнѣздились какія-то темныя личности,—горничныя въ ожиданіи разрѣшенія отъ бремени, выпивающіе лакеи безъ мѣстъ и неизбѣжный кумъ-пожарный съ застѣнчивою улыбкой и гомерическимъ аппетитомъ, ради котораго на плитѣ вѣчно что-то трещало и чадило, а пани Рудыньска нерѣдко оставалась безъ ужина.

Катерина Ивановна поселилась здѣсь всего только два дня тому назадъ и не успѣла еще хорошенько ознакомиться съ обитателями квартиры, но пани Рудыньска отнеслась къ ней очень радушно и, узнавъ, что она въ Петербургѣ въ первый разъ, приняла ее подъ свое покровительство. Пани Рудыньска была рослая и довольно тучная дама лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ остатками былой красоты, сохранившейся только въ орлиныхъ очертаніяхъ носа, да въ огнѣ большихъ черныхъ глазъ съ темными вѣками, указывавшими на пылкій темпераментъ пани. Все остальное сильно пострадало отъ времени, а можетъ быть и отъ всевозможныхъ злоключеній, которыя привелось ей испытать на своемъ вѣку. Щеки, несмотря на обильный слой пудры, были покрыты прыщами и морщинами; подъ глазами висѣли мѣшки; сквозь взбитые волосы просвѣчивала кожа, а орлиный носъ былъ подозрительно красенъ и намекалъ на близкое знакомство пани съ „зубровкой“ и „старой-вудкой“, которыми пани любила подкрѣплять себя въ минуты усталости и нервнаго разстройства. Эти освѣжительныя средства хранились постоянно въ особомъ шкафикѣ, запиравшемся секретнымъ ключомъ, и не разъ въ теченіе дня изъ помѣщенія пани слышался всѣмъ знакомый мелодическій звонъ этого ключа... Къ вечеру, обыкновенно, пани чувствовала себя уже настолько подкрѣпившеюся, что не могла больше выходить изъ комнаты и, запершись, начинала громко молиться, прося у Пана-Бога всякихъ щедротъ для себя и своихъ друзей и предавая анаѳемѣ всѣхъ враговъ—бывшихъ, настоящихъ и будущихъ. Эти вечернія молитвы были извѣстны въ квартирѣ подъ названіемъ „конфесьоновъ“, и пани Рудыньска изли-

вала въ нихъ всѣ свои горести и обиды, когда-либо претерпѣнныя ею въ жизни. А жизнь у нея была бурная, и пани любила разсказывать изъ нея кое-какіе, особенно замѣчательные эпизоды, щедро расцвѣчивая ихъ своей неистощимой фантазіей и часто, по забывчивости, одно и то же событіе передавая въ двухъ совершенно различныхъ редакціяхъ. Такъ, напримѣръ, по ея словамъ выходило, что у нея было то два мужа, то три, а то даже и четыре, и всѣхъ ихъ она постоянно смѣшивала между собою и перепутывала. Первый мужъ у нея превращался то въ графа, то въ барона; то онъ ее похищалъ изъ какого-то средневѣковаго зáмка, по веревочной лѣстницѣ; то она сама убѣгала отъ него черезъ подземный ходъ, потому что онъ былъ ревнивъ, какъ Синяя-Борода. Только о послѣднемъ мужѣ она почти-что ничего не разсказывала, потому что онъ былъ не графъ и не баронъ, а скромный почтамтскій чиновникъ, и никого не похищалъ, по веревочнымъ лѣстницамъ не лазилъ, а смиренно просидѣлъ всю свою жизнь на продавленномъ стулѣ и умеръ отъ геморроя.

Катерина Ивановна тоже уже успѣла познакомиться съ романическою біографіей своей хозяйки, и хотя эти бурныя изліянія, съ широкими жестами, съ трагическими возгласами, немножко тяготили молодую женщину, но она мирилась съ ними, потому что пани Рудыньска ей нравилась своимъ добродушіемъ и искреннимъ участіемъ къ ея горю. Узнавъ, что Катерина Ивановна совершенно одинока въ Петербургѣ, пани даже не взяла съ нея денегъ впередъ за квартиру и, махнувъ рукой, сказала: „Да ну— бо, пани, отдадите, когда будутъ, а я пока обойдусь и безъ вашихъ денегъ“! Зато въ этотъ же день Катерина Ивановна была угощена длиннѣйшей исторіей о бѣгствѣ пани Рудыньской съ ея первымъ мужемъ, и долго послѣ этой исторіи у нея гудѣло въ ушахъ и въ головѣ.

Возвратившись съ Выборгской, Катерина Ивановна еще не успѣла раздѣться, какъ въ комнату къ ней вошла пани и заключила ее въ свои мягкія объятія.

— Ну что̀? Были? Видѣли?—спросила она и, замѣтивъ красные глаза жилицы, воскликнула:—Э, да у васъ глаза на мокромъ мѣстѣ? Ну, это совсѣмъ не по моему! Вы посмотрите на меня,— да я столько перенесла въ своей жизни, что другой на моемъ мѣстѣ умеръ бы сто разъ, якъ Бога кòхамъ! Ну, а я? Живу себѣ, да и живу, и еще сто лѣтъ проживу, хоть бы всѣ мои недруги полопались отъ злости. Вотъ у меня какой характеръ, пани!—съ гордостью прибавила она.

— Я завидую вашему характеру, Бронислава Игнатьевна,— сказали Рябова.

— Ого!—пріосанившись, вымолвила пани.—Э, кабы вы знали, какая мятежная была моя жизнь! А я все стою, какъ столбъ, и еще долго простою... недаромъ мой второй мужъ, покойный Стасикъ, называлъ меня монументомъ... Э, нѣтъ, стойте, это же не Стасикъ называлъ меня монументомъ, а Владекъ... да, конечно же, Владекъ, а Стасикъ звалъ меня рыбочкой и птичкой... Бѣдный Стасикъ, онъ меня больше всѣхъ любилъ, да и я же его любила и всегда, какъ вспоминаю его, то плачу...

Хоть пани Рудыньска въ молодости своей и похожа была, можетъ быть, на „рыбочку“ и „птичку“, но Катерина Ивановна при этихъ словахъ не могла удержаться отъ улыбки, а Бронислава Игнатьевна достала платокъ и прослезилась о бѣдномъ Стасикѣ, умершемъ, по крайней мѣрѣ, тридцать лѣтъ тому назадъ.

Пока мама бесѣдовала съ хозяйкой, Милуша стащила съ себя голубой салопчикъ, сняла гамаши и сѣла въ уголку, молчаливая и печальная. Всю дорогу съ Выборгской мама проплакала, и Милуша чувствовала себя въ этомъ виноватой. Еслибы она не испугалась и не закричала, увидѣвъ папу въ клѣткѣ,—страшные черные люди съ ключами не прогнали бы ихъ и мама не плакала бы, а теперь вотъ и папу онѣ больше не увидятъ, и мама огорчена. Милушѣ было очень жаль маму и хотѣлось къ ней приласкаться; но мама, какъ нарочно, не обращала на нее никакого вниманія, и Милуша боялась къ ней подойти. Но вотъ, наконецъ, хозяйка ушла; Милуша тихонько прокралась къ матери и, положивъ локти ей на колѣни, заглянула въ лицо.

— Мама, не плачь! — прошептала она.—Не плачь же... я тебѣ своего сладкаго старика отдамъ...

Сладкій старикъ — это была самая любимая ея игрушка, которую она берегла, какъ зѣницу ока, и никогда съ нею не разставалась. Ей подарили его на прошлогодней рождественской елкѣ,—не здѣсь, въ этомъ противномъ Петербургѣ, а тамъ, далеко, въ свѣтломъ, южномъ городкѣ, гдѣ они жили тогда всѣ вмѣстѣ. Онъ былъ такой славный, этотъ старикъ,—весь бѣлый, въ бѣломъ тулупѣ, обсыпанномъ крупнымъ сахаромъ, въ бѣлой мохнатой шапкѣ, съ бѣлой бородой, розовыми щеками и большими, веселыми голубыми глазами. Но главное достоинство его состояло въ томъ, что онъ былъ сладкій, въ чемъ Милуша убѣдилась давно, поцѣловавъ его однажды въ румяную щеку. Этотъ сладкій поцѣлуй навелъ Милушу на нѣкоторыя размышленія, и

были минуты, когда она испытывала страшное искушеніе не ограничиться однимъ поцѣлуемъ, а откусить старику хоть кусочекъ носа. Но старикъ такъ довѣрчиво и весело смотрѣлъ на нее своими стеклянными голубыми глазами, что ей становилось стыдно, и она воздерживалась отъ искушенія; однако, ложась спать и кладя его себѣ подъ подушку, Милуша всегда на прощанье тихонько лизала его языкомъ, и отъ этого сладкій старикъ съ одной стороны какъ будто немножко похудѣлъ и поблѣднѣлъ.

— Ну, мама же!—продолжала дѣвочка, одной рукой тереби Катерину Ивановну за платье, а другою выставляя на видъ соблазнительнаго старика. — Не плачь же, мама, слышишь? Я больше никогда не буду кричать и плакать, вотъ увидишь. И противную овсянку буду ѣсть, и касторку тоже буду пить, только ты не плачь. Слышишь, мама? Не плачь! Вонъ, посмотри, и сладкій старикъ тоже проситъ тебя не плакать. Ну, посмотри же!

Катерина Ивановна посмотрѣла, и не выдержала—улыбнулась. Обрадованная Милуша сейчасъ же взобралась къ ней на колѣни и прильнула къ ея груди своей гладко остриженной, круглою головкой.

— Ты меня прости, мама...—шептала она, чувствуя, какъ тепло материна тѣла согрѣваетъ и успокоиваетъ ея взволнованную душу.—Я была гадкая, злая... и я такъ испугалась... Ты опять плачешь? — съ горестнымъ изумленіемъ воскликнула она снова. И, припомнивъ, какъ, бывало, ее самое уговаривали не плакать, она прибавила разсудительно:—Не плачь, мамочка, а то глазки распухнутъ и носикъ будетъ красный.

Катерина Ивановна, молча, обняла ее и поцѣловала въ макушку.

Такъ сидѣли онѣ съ полчаса; наконецъ, Милушѣ уже надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ и притомъ захотѣлось ѣсть.

— Мамочка, — вкрадчиво заговорила она. — А мы ныньче обѣдать не будемъ?

— Какъ не будемъ? Будемъ. Ты хочешь?

— Очень хочу, мамочка! А у насъ что̀ ныньче будетъ за обѣдомъ?

— Овсянка.

Милуша поморщилась, но, вспомнивъ, что дала обѣщаніе безпрекословно ѣсть овсянку, затаила въ себѣ недовольство и стала помогать матери накрывать на столъ. Катерина Ивановна покупала провизію сама, а хозяйская кухарка готовила обѣдъ; это было и удобнѣе, и дешевле, чѣмъ обѣдать въ кухмистер-

скихъ. А средства у нея были ограниченныя, и она съ безпокойствомъ думала, удастся ли ей найти въ Петербургѣ какую-нибудь работу? Эти мысли разсѣяли и отвлекли ее отъ печальныхъ впечатлѣній свиданія съ мужемъ, и Катерина Ивановна за обѣдомъ уже почти совсѣмъ успокоилась.

Между тѣмъ проголодавшаяся дѣвочка съѣла свою овсянку и котлету, выпила чашку молока и посмотрѣла на мать. Ей очень хотѣлось спросить:—„а что̀ кушаетъ теперь папа?"—но, побоявшись, что мама опять будетъ плакать, и отложивъ до болѣе удобнаго времени и этотъ, и еще множество другихъ, касающихся папы вопросовъ, она степенно вышла изъ-за стола.

— Мама, а что̀ мы будемъ дѣлать послѣ обѣда? — спросила она.

— Я отдохну, Милуша, я очень устала, а ты поиграй одна.

— А когда же мы будемъ чемоданъ твой разбирать, мама?

— Подожди, подожди, Милуша, теперь некогда,—нетерпѣливо сказала Катерина Ивановна.—Разберемъ въ другой разъ, а теперь ты поиграй.

Милуша вздохнула и отошла въ уголокъ, гдѣ въ деревянномъ ящикѣ лежали всѣ ея игрушки. Усѣвшись на полъ, она принялась перебирать ихъ, но онѣ почему-то не занимали ее теперь, и притомъ съ каждою изъ нихъ было связано какое-нибудь воспоминаніе о папѣ, возбуждавшее въ ней жалость и грусть. Вотъ безносая кукла, Катька, которой папа придѣлалъ волосы изъ мочалки, совсѣмъ какъ настоящіе и даже заплетенные въ косу. А вотъ кубики, которые ей подарилъ папа; вотъ самоваръ, изъ котораго они съ папой „нарочно" пили чай; вотъ „кувяка",—огромный ребенокъ съ проломленной картонной головой, которую папа обклеилъ газетной бумагой... всѣ онѣ здѣсь, всѣ цѣлы, и безносая Катька улыбается по прежнему, и Кувяка таращитъ свои глупые глаза,—только папы нѣтъ и не съ кѣмъ пить „нарочно" чай, не съ кѣмъ играть въ кубики. Но зачѣмъ же папа сидитъ тамъ, въ этомъ противномъ домѣ, и не вышелъ къ нимъ изъ клѣтки? Зачѣмъ тамъ всѣ эти гадкіе черные люди и солдаты? Какіе они всѣ большіе, страшные и злые, а папа показался ей такимъ маленькимъ и несчастнымъ... Милуша вспомнила, какъ она закричала, и ей стало скучно и захотѣлось плакать. Она бросила игрушки и оглянулась посмотрѣть, что̀ дѣлаетъ мама. Мама лежала на кровати, укрывшись пледомъ, и спала. Милушѣ стало еще скучнѣе. Тихонько, чтобы не разбудить маму, она подкралась къ двери, отворила ее и выглянула въ коридоръ.

Въ коридорѣ было тихо, какъ всегда въ послѣобѣденное время. Пани Рудыньска почивала; надеждинки куда-то ушли; даже машина въ комнатѣ портнихи молчала, потому что хозяйка ея понесла кому-то оконченную работу. Только въ кухнѣ слышался плескъ воды и звонъ перемываемой посуды, да въ уголку коридора, у сундука, на которомъ спала хозяйкина дочка, Франуся, кто-то въ полголоса перешептывался. Тамъ, подъ предводительствомъ долговязой Франуси, собралось все дѣтское населеніе квартиры,—портнихинъ сынъ, Костя, съ младенцемъ на рукахъ, его сестренка, Люба, и кухаркина дочь, Душка. Всѣ они примостились на сундукѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и оживленно о чемъ-то бесѣдовали. Скрипъ двери заставилъ ихъ оглянуться, и, замѣтивъ Милушу, робко выглядывавшую изъ своей комнаты, они притихли и съ любопытствомъ стали ее разсматривать.

— Это нашей новой жилички дочь,—сказала, наконецъ, бойкая Франуся.—Иди къ намъ, коханка, познакомимся!

Милуша вышла совсѣмъ въ коридоръ, но подойти къ сундуку все еще не рѣшалась. Тогда Франуся, въ качествѣ хозяйки дома, рѣшила оказать ей покровительство и, схвативъ дѣвочку за руку, потащила ее къ сундуку.

— Ну, иди же, не бойся! — говорила она, смѣясь. — Вотъ дикая какая,—откуда ты пріѣхала? Или ты думаешь, что мы кусаемся? Развѣ ужъ мы такіе страшные? Ой, ой, да какая же ты смѣшная стрижка! Стрижка-рыжка, пустая кубышка!—пропѣла Франуся, проводя рукою по гладкой Милушиной головкѣ.

Дѣти разсмѣялись, глядя на Милушу. Этотъ смѣхъ ободрилъ ее, и она тоже улыбнулась и поближе придвинулась къ сундуку.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали, пристально разсматривая другъ друга; только младенецъ не обнаружилъ никакого любопытства и сосредоточенно сосалъ свой собственный кулакъ, уставившись глазами въ красный бантикъ, торчавшій на головѣ Франуси, точно рожки у чортика. Франуся, впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ была похожа на шаловливаго чертенка: высокая, тоненькая, смуглая, съ черными, какъ смоль, кудрявыми волосами, съ живыми, блестящими глазами, она минуты не могла посидѣть спокойно на мѣстѣ и съ утра до вечера шныряла взадъ и впередъ по коридору, всѣмъ попадаясь подъ ноги и звонко распѣвая свою любимую пѣсенку:

Подъ пантофлемъ мой дѣдуня,
Подъ пантофлемъ мой татуня,
Подъ пантофлемъ вшистцы вшендзе,
Подъ пантофлемъ и мой бендзе!..

— Тьфу ты, быдло!—бранилась пани Рудыньска на свою вертлявую дочку.—И цо ты лятаешь, якъ Марко по пекли?—хоть бы часочекъ посидѣла спокойно. Ну, сядешь ты когда-нибудь?

На это Француся вздергивала свой лукавый носикъ, пожимала плечиками и, встряхнувъ кудрявой головкой, исчезала съ глазъ строгой матери. А черезъ минуту, смотришь, она уже на другомъ концѣ коридора затѣваетъ какую-нибудь шалость, и ея голосокъ звенитъ на всю квартиру, возвѣщая всѣмъ и каждому о печальной участи ея будущаго супруга.

Несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, Француся уже очень хорошо знала, что она хорошенькая, и любила прифрантиться, нацѣпить на себя какой-нибудь бантикъ, ленточку, утащенную у матери изъ комода, и въ такомъ видѣ пробѣжаться по улицѣ, а при случаѣ и подмигнуть прохожему, заглядѣвшемуся на ея румяныя щечки и яркіе глазки. Въ этого рода дѣлахъ она уже обнаруживала большую опытность и знала много такого, чего ей вовсе не слѣдовало бы знать. Пани строго преслѣдовала ее за кокетство и частенько, подъ вліяніемъ зубровки, даже колотила, но Францусѣ это было все равно, что съ гуся вода, и, получивъ родительское внушеніе, она все-таки ухитрялась напустить себѣ чолку на лобъ, подвязать на шею затѣйливый галстучекъ и при каждомъ удобномъ случаѣ повертѣться передъ зеркаломъ, послать себѣ воздушный поцѣлуй и прошептать: „душка"!

Портнихинъ сынъ, Костя, былъ типичный петербургскій „вырожденецъ". Маленькій, худенькій, съ блѣднымъ, одутловатымъ лицомъ, съ неправильнымъ черепомъ, изуродованнымъ англійскою болѣзнью, съ длинными обезьяньими руками и кривыми ногами, онъ родился и выросъ на зараженной почвѣ мрачнаго города, и съ ранняго возраста всосалъ въ себя все зло и все добро преждевременнаго знанія жизни. Его школой была улица, а учителями были бѣдность, болѣзнь и тяжелый трудъ, и отъ этого въ семь лѣтъ Костя зналъ жизнь, какъ тридцатилѣтній мужчина, и ничто уже не могло его удивить. Въ семьѣ своей онъ былъ необходимымъ человѣкомъ, и мать давно уже привыкла смотрѣть на него какъ на взрослаго. Въ то время, какъ она шила, Костя ходилъ въ лавку за покупками, относилъ заказы, получалъ деньги и исполнялъ всякія порученія, иногда весьма сложнаго характера. И мать вполнѣ ему довѣряла, зная по опыту, что Костю не проведешь, и онъ за себя постоять съумѣетъ. Его острые, маленькіе глазки глядѣли твердо и независимо, а рыжіе вихры на головѣ воинственно торчали во всѣ стороны, какъ иглы ежа, и, казалось, говорили: „ну-ка, попробуй, тронь!" Семью свою

онъ любилъ страстно, и хотя часто ругался съ матерью, а сестрёнку даже колотилъ, относясь къ нимъ, какъ къ бабамъ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но въ то же время стоялъ за нихъ горой и готовъ былъ вцѣпиться въ глаза всякому, кто посмѣлъ бы ихъ обидѣть. Такъ, однажды, онъ укусилъ за палецъ дворника, который ни за что, ни про что далъ Любѣ подзатыльника, а въ другой разъ запустилъ горячимъ утюгомъ въ Франусю, которая вздумала поднять на смѣхъ его мать. За это онъ получилъ во дворѣ прозвище „сибирнаго", а всѣ окрестные лавочники и суровщики прибавили еще къ этому эпитетъ „ищейки", потому что Костя никогда не позволялъ себя ни обсчитать, ни обмѣрить. Хотя его никто не училъ, но онъ какимъ-то образомъ выучился читать и писать и каждый вечеръ аккуратно велъ приходо-расходную книгу, въ которой записывалъ: „цыцу (это значило: ситцу) петь арши. по 8 копе. Макаръ 1 фу. ищо караси 2". Все это было не совсѣмъ грамотно, и съ непривычки трудно было понять, что подъ „Макаромъ" подразумѣвались макароны, а подъ двумя „карасями"—керосинъ, но Костя былъ доволенъ и гордился своей приходо-расходной книгой, которую время отъ времени любилъ перечитывать не только про себя, но даже и вслухъ, доставляя этимъ большое удовольствіе своей сестрёнкѣ—Любѣ.

Люба была миловидная, но тоже болѣзненная и хилая дѣвочка, напоминавшая своимъ видомъ тѣ странныя, блѣдныя растенія, которыя появляются въ темныхъ и сырыхъ помѣщеніяхъ. Она была немножко мечтательна и меланхолична, любила слушать страшныя и печальныя исторіи, послѣ которыхъ боялась потомъ одна выходить въ коридоръ, и часто сама выдумывала разныя фантастическія происшествія, которыхъ никогда не было, но которыя она выдавала за истинныя. За это ее считали вруньей и наказывали, но Люба не унималась и, отбывъ положенное ей время въ углу коридора, возвращалась оттуда съ такими необыкновенными разсказами, что на исправленіе ея терялась всякая надежда. Несмотря на этотъ недостатокъ, Любу всѣ любили за тихій и кроткій нравъ, за услужливость и доброту. Получивъ какой-нибудь гостинецъ, она никогда не съѣдала его тайкомъ, какъ это дѣлала хитрая Франуся, а непремѣнно дѣлилась имъ со всѣми, оставляя себѣ худшую и меньшую часть. Ни съ кѣмъ она не ссорилась, никого не задирала и страшно боялась шума и драки. Въ этихъ случаяхъ она обыкновенно забивалась куда-нибудь въ уголокъ и, дрожа какъ листъ, горько плакала, сама не зная, о чемъ, въ то время какъ Фра-

нуся, съ блестящими отъ удовольствія глазами, съ раздувающимися ноздрями, устремлялась въ самый центръ ссоры, сгорая отъ любопытства. Впрочемъ, Костя тоже былъ не прочь поглазѣть на уличную драку, даже поощряя иногда дикимъ свистомъ и улюлюканьемъ драчуновъ, и оба они съ Франусей, какъ натуры болѣе простыя и житейскія, никакъ не могли понять, о чемъ тутъ плакать, когда это такъ забавно, и часто поднимали Любу на смѣхъ за ея слезы. А Люба, въ отвѣтъ на эти насмѣшки, смотрѣла на нихъ удивленными и испуганными глазами, точно спрашивая, зачѣмъ люди бьютъ и мучаютъ другъ друга, и въ эти минуты она становилась еще болѣе похожей на блѣдный, прекрасный цвѣтокъ, выросшій среди плѣсени, въ темнотѣ и грязи.

Третья достопримѣчательная особа, засѣдавшая на сундукѣ, была кухаркина Душка, пузатая, краснощекая дѣвица съ улыбающеюся рожицей, вѣчно вымазанной какою-нибудь ѣдой. Она только недавно выучилась говорить, и поэтому ей доставляло громадное удовольствіе произносить самыя длинныя и самыя трудныя слова, иногда совершенно ни къ селу, ни къ городу. Сидитъ-сидитъ молча, глядя на всѣхъ своими улыбающимися, свѣтлыми глазами, и вдругъ скажетъ: „сковорода“ или „утиральникъ“ и зальется счастливымъ смѣхомъ. Смѣялась она часто и чрезвычайно заразительно, такъ что когда ея разсыпчатый хохотъ слышался гдѣ-нибудь, другія дѣти, еще не зная, надъ чѣмъ смѣется Душка, тоже начинали хохотать. Притомъ она отличалась большимъ юморомъ и часто, несмотря на скудный запасъ имѣющихся въ ея распоряженіи словъ, вставляла такія мѣткія замѣчанія въ общій разговоръ, что вызывала самыя шумныя одобренія своихъ собесѣдниковъ. А между тѣмъ жизнь ея вовсе не на розахъ протекала, и на Душкину долю выпадало гораздо больше непріятностей, чѣмъ радостей. Мать ея, раздраженная вѣчною возней около раскаленной плиты, въ чаду и угарѣ кухни, постоянно угощала Душку подзатыльниками; на дворѣ ее обижали мальчишки, и даже кумъ-пожарный не упускалъ случая дать ей легонькаго туза, съ педагогическими цѣлями, извѣстными только ему одному. Но Душка переносила всѣ эти невзгоды по-сократовски и ограничивалась только тѣмъ, что во время засѣданій на сундукѣ сообщала съ своимъ обычнымъ юморомъ: „а меня нынче мама опять чикъ-чикъ“! И, представивъ въ лицахъ, какъ все это было, она весело смѣялась, и всѣ смѣялись вмѣстѣ съ нею,—точно въ жизни Душки произошло какое-то необыкновенно радостное событіе.

Таковы были новые знакомые Милуши. Кромѣ нихъ былъ еще младенецъ; но такъ какъ онъ существовалъ пока только какъ придатокъ Кости или Любы и свою самостоятельность проявлялъ единственно въ томъ, что все, попадавшееся ему подъ руку, начиная отъ собственной ноги и кончая Франусинымъ бантикомъ, тащилъ себѣ въ ротъ, то особеннаго интереса не представлялъ и никакой выдающейся роли въ засѣданіяхъ на сундукѣ играть не могъ. Его только терпѣли и при каждомъ удобномъ случаѣ укладывали спать, несмотря на его громкіе протесты. Такимъ образомъ, бѣдный младенецъ бо̀льшую часть своей жизни проводилъ въ люлькѣ и только тогда доставлялъ всѣмъ истинное удовольствіе, когда спалъ.

Насмотрѣвшись другъ на друга, дѣти, наконецъ, рѣшили приступить къ взаимному допросу, съ котораго, обыкновенно, и начинается всякое порядочное знакомство.

— Ты откуда пріѣхала?—спросилъ Костя.

Милуша сказала.

— Это далеко?

— Не знаю. Мы съ мамой два дня ѣхали по желѣзной дорогѣ.

— По желѣзной?—съ завистью воскликнулъ Костя.—Скоро идетъ?

— Ско-о-ро! Столбики такъ и бѣгутъ, бѣгутъ... Я въ окно смотрѣла.

— Ишь ты!—продолжалъ Костя сочувственно, и прибавилъ со вздохомъ:—А я никогда еще не ѣздилъ по желѣзной дорогѣ.

— А я ѣздила!—вмѣшалась вдругъ Люба, оживляясь.

Костя посмотрѣлъ на нее презрительно.

— Ври!—оборвалъ онъ сестру.—Когда ты ѣздила? Вовсе не ѣздила!

— Право, ѣздила! Она такая большущая, красная, а лошади у ней всѣ бѣ-ѣлыя—разбѣлыя...

— Ври больше,—какія лошади? Желѣзная дорога безъ лошадей ѣздитъ. Ты ей не вѣрь,—обратился онъ къ Милушѣ.—Она у насъ врунья!

Люба жалостно замигала глазами и умолкла; Милуша поглядѣла на нее, и ей стало почему-то очень жалко эту блѣдную дѣвочку, хоть она была и врунья.

— Ко-че-лга!—по складамъ выговорила вдругъ Душка и засмѣялась, съ торжествомъ обведя всѣхъ глазами.

Франуся фыркнула; за нею засмѣялись Костя и Люба; глядя на нихъ, засмѣялась и Милуша. Даже младенецъ, увлеченный общей веселостью, вынулъ изо рта кулакъ и испустилъ какое-то радостное восклицаніе.

Когда взрывъ смѣха прекратился, Костя опять началъ свой допросъ.

— Вы бѣдные?

— Не знаю,—съ недоумѣніемъ отвѣчала Милуша.

— Должно быть, бѣдные,—авторитетно замѣтила Франуся.— Они мамѣ еще до сихъ поръ за квартиру не заплатили, а вѣдь у насъ впередъ.

— А я видѣлъ, что у твоей мамы башмаки худые!—вставилъ Костя.

Милуша молчала. Она никогда не думала о томъ, что есть бѣдные и богатые; ей никто еще объ этомъ не говорилъ. И про себя Милуша рѣшила спросить у мамы, что̀ это такое.

— А папа у тебя есть?—продолжалъ Костя.

— Папа есть!—поспѣшно сказала Милуша, обрадованная тѣмъ, что на этотъ вопросъ она можетъ отвѣтить.—Папа у меня хорошій, я его люблю. Онъ мнѣ сладкаго старика подарилъ.

— А у насъ папа умеръ!—вмѣшалась опять Люба.—Онъ лежалъ-лежалъ и умеръ; его взяли и схоронили въ серебряномъ гробикѣ.

— И врешь, не въ серебряномъ, а въ желтомъ!—перебилъ ее Костя.—Ты и на кладбищѣ-то не была, тебя не брали.

— Я сама не пошла. Я плакала,—печально сказала Люба. —Мнѣ папу жалко было. Теперь мы сиротки!

— Сиротки?—съ удивленіемъ спросила Милуша, которой было незнакомо это слово.

— Ну да. Дѣти безъ отца, безъ матери—сиротки,—объяснилъ Костя.

— Селедки!—выпалила Душка неожиданно, и опять всѣ засмѣялись.

— Ну, будетъ тебѣ!—сказалъ Костя, грозя ей пальцемъ.— Чикъ-чикъ сдѣлаю. А гдѣ же твой папа?—обратился онъ къ Милушѣ.

— Онъ здѣсь. Онъ живетъ въ большомъ-большомъ домѣ съ рѣшотками. Мы у него нынче были.

— Были?—съ любопытствомъ спросилъ Костя.—А отчего же онъ съ вами вмѣстѣ не живетъ?

Этотъ вопросъ опять поставилъ Милушу втупикъ. Отчего въ самомъ дѣлѣ папа съ ними не живетъ?..

— Я не знаю,—въ смущеніи вымолвила она и задумалась.

Въ эту минуту Франуся, куда-то исчезавшая, вернулась съ огромнымъ ломтемъ хлѣба подъ фартукомъ и сказала:

— А я знаю, почему твой папа не живетъ съ вами!

— Почему?—въ одинъ голосъ воскликнули дѣти.

— Потому, что онъ незаконный.

— Незаконный?—повторила Милуша, все болѣе и болѣе теряясь.

— Ну да, незаконные никогда вмѣстѣ не живутъ. У насъ въ прошломъ году тоже одна жиличка жила, такъ у ней мужъ въ одномъ домѣ, а она въ другомъ. Такъ и жили, потому что незаконные.

— Я маму спрошу...—прошептала Милуша.

Франуся въ знакъ согласія кивнула головой и, вытащивъ изъ-подъ фартука ломоть, разломила его на шесть равныхъ частей.

— На-те, ѣшьте,—сказала она, одѣляя всѣхъ.—Да поскорѣе, а то мама скоро встанетъ,—она мнѣ задастъ!

Дѣти принялись за угощеніе, и нѣсколько минутъ въ коридорѣ только и слышалось довольное чавканье и сопѣнье. Покончивъ съ своимъ кускомъ, Костя заговорилъ снова.

— Такъ ты говоришь, твой папа въ большомъ домѣ живетъ?

— Да.

— Что̀ же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Въ клѣткѣ сидитъ.

— Въ клѣткѣ? А, такъ я знаю, кто онъ такой!—съ торжествомъ воскликнулъ Костя.—Онъ—волосатый человѣкъ!

— Какой волосатый?—съ удивленіемъ спросила Милуша.

— Ну какой,—обыкновенный волосатый человѣкъ, которыхъ за деньги показываютъ. Я видѣлъ лѣтомъ въ Зоологическомъ саду. Страшный такой, косматый, и тоже въ клѣткѣ сидитъ!

— Мой папа вовсе не страшный!—обиженно возразила Милуша.

— Франуська!—послышался вдругъ въ коридорѣ зычный голосъ пани.

— Зàразъ, зàразъ!—отозвалась Франуся и, поспѣшно вытеревъ фартукомъ ротъ, вихремъ понеслась на зовъ матери.

— Самоваль!—сказала Душка и озабоченно заковыляла по коридору въ кухню, а вслѣдъ за нею ушли и Костя съ Любой, унося младенца. Въ одно мгновеніе компанія разсѣялась, сундукъ опустѣлъ, и Милуша вернулась къ себѣ въ комнату.

Катерина Ивановна проснулась, но вставать ей не хотѣлось, и она, ёжась подъ пледомъ, жмурила глаза, чтобы не видѣть

кислыхъ петербургскихъ сумерекъ, наполнявшихъ комнату холодомъ и сыростью. Но сколько она ни куталась, какъ ни закрывала глаза, противная кислятина эта все-таки забиралась подъ пледъ, пронизывала холодомъ ея тѣло и, казалось, проникала даже въ мозгъ, возбуждая въ немъ самыя горькія, самыя безнадежныя мысли. Больше всего безпокоила Катерину Ивановну Милуша, и она очень сожалѣла, что взяла ее сегодня на свиданіе съ отцомъ. Дѣтямъ нужно или ничего не говорить, или говорить все; но сказать Милушѣ это „все“ у Катерины Ивановны не хватало духу и не находилось словъ, и сколько она ни ломала головы надъ вопросомъ, какъ бы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое она сама поставила себя своей неосторожностью,—ничего не выходило, и вопросъ такъ и оставался вопросомъ.

Вдругъ двѣ маленькія тепленькія ручки обвились вокругъ ея шеи, и кругленькая головка просунулась къ ней подъ пледъ.

— Ты спишь, мамочка?—спросила Милуша и, не дожидаясь отвѣта, продолжала оживленно:—А я, мамочка, сейчасъ въ коридорѣ сидѣла! Тамъ много дѣтей, и мы разговаривали. Знаешь, мама, тамъ одинъ мальчикъ говоритъ, что папа—волосатый человѣкъ!

— Что такое?—воскликнула Катерина Ивановна, смѣясь.

— Онъ говоритъ, что волосатые люди въ клѣткахъ сидятъ, а вѣдь папа въ клѣткѣ. А большая дѣвочка говоритъ, что нѣтъ, что папа потому съ нами не живетъ, что онъ незаконный. Правда, мама, а?

— Какія глупости!—сказала Катерина Ивановна.

— А почему же папа съ нами не живетъ?

— Да потому, что ему теперь нельзя!

— Почему нельзя? Его эти черные люди не пускаютъ?

— Да,—со вздохомъ сказала Катерина Ивановна.

— Какіе противные!—съ негодованіемъ проговорила дѣвочка.—Я ихъ не люблю, не люблю... Почему они не пускаютъ папу?

— Вотъ подожди, Милуша, папа вернется,—онъ самъ тебѣ все разскажетъ.

— А скоро онъ вернется?

— Черезъ годъ.

— Черезъ го-о-дъ?—протянула Милуша и вдругъ затопала ногами и закричала въ слезахъ:—Я не хочу черезъ годъ! я не хочу! Я хочу, чтобы папа сейчасъ вернулся! Сейча-асъ!..

Катерина Ивановна отстранила ее отъ себя и встала.

— Ну, Милуша,—сказала она съ упрекомъ, зажигая лампу.— Зачѣмъ же ты мнѣ давеча обѣщала не капризничать? Я тебѣ повѣрила, а ты опять! Какъ это нехорошо!..

Милуша взглянула на опечаленное лицо матери и бросилась къ ней.

— Скучно, скучно, мамочка, безъ папы!. Скучно!—твердила она, прижимая къ колѣнямъ Катерины Ивановны свою круглую головку.

Онѣ помирились, и вечеръ прошелъ у нихъ тихо и мирно. Душкина мать принесла самоваръ, и въ комнатѣ стало теплѣе и свѣтлѣе; Милуша разложила на столѣ всѣ свои игрушки, и сладкій старикъ улыбался такъ весело, какъ будто папа былъ съ ними; потомъ Катерина Ивановна достала изъ чемодана книжку и прочла вслухъ хорошую сказку о рыбакѣ и рыбкѣ. Милуша совсѣмъ было-развеселилась; но когда въ коридорѣ пробило 9 часовъ, и Катерина Ивановна уложила дѣвочку въ постель, ей опять вспомнился папа въ домѣ съ рѣшотками, и захотѣлось плакать. Живо представила она себѣ маленькій домикъ въ томъ южномъ городкѣ, гдѣ они жили прежде. Тамъ у нихъ всегда было свѣтло и весело, и солнце почти каждый день глядѣло во всѣ окна, и въ саду цвѣли розы и жасмины, а на дворѣ было множество куръ, и Милуша по утромъ кормила ихъ просомъ и пшенною кашей. Но самое главное было то, что папа жилъ тогда съ ними,—значитъ, онъ былъ еще „законный“. По утрамъ онъ, обыкновенно, ходилъ на службу, а вечеромъ игралъ съ Милушей, разсказывалъ сказки и пѣлъ пѣсни. Онъ былъ очень веселый и добрый, и мама тоже тогда была не такая скучная и блѣдная, какъ теперь, и не плакала никогда, и не говорила потихоньку, а часто смѣялась, разговаривала громко и любила играть „на музыкѣ“. Иногда къ нимъ приходили гости,— „барины и барыни“,—мама играла, пѣли хоромъ пѣсни, танцовали и смѣялись. Было очень хорошо и весело... Потомъ вдругъ что-то такое случилось. Разъ ночью Милуша проснулась отъ страшнаго шума. Всѣ двери были растворены настежь, и какіе-то незнакомые „барины“ ходили по ихъ квартирѣ, громко разговаривали и чего-то искали. Одинъ изъ нихъ подошелъ даже къ ея кроваткѣ и засунулъ руку подъ подушку; Милуша испугалась и закричала, и ее унесли въ кухню, гдѣ сидѣла и плакала ихъ кухарка, Марья. Милуша тоже начала плакать, но потомъ заснула; а когда проснулась, людей чужихъ уже не было въ домѣ, только папа и мама были скучные и все шептались между собою. Потомъ папа вдругъ уѣхалъ, и мама ходила его провожать на

желѣзную дорогу, откуда вернулась вся заплаканная и сказала Милушѣ, что онѣ тоже поѣдутъ туда, гдѣ папа. Все продали, музыку продали и стали собираться къ папѣ, и хотя Милушѣ очень грустно было разставаться и съ домикомъ, и съ цвѣтами въ саду, и съ курами, и съ Марьей, и съ музыкой, но она радовалась, что опять увидитъ папу, и всѣ они снова будутъ жить вмѣстѣ. И вдругъ ничего этого нѣтъ... папа сидитъ въ домѣ съ рѣшотками, мама все плачетъ, солнца никогда не видно, и Петербургъ этотъ такой противный, такой большой и скучный, и за стѣною вѣчно что-то стучитъ-стучитъ...

Милуша хотѣла-было спросить маму, что̀ такое стучитъ, но сонъ уже сковалъ ея любопытный язычокъ, и она крѣпко уснула, не успѣвъ даже лизнуть на ночь своего сладкаго старика.

На утро ее разбудилъ тотъ же однообразный и упорный стукъ за стѣною, и, поднявъ голову, Милуша увидѣла, что Катерина Ивановна уже сидитъ за самоваромъ и разбираетъ какія-то письма и бумаги.

— Мамочка, мы къ папѣ нынче пойдемъ?—спросила Милуша.

— Нѣтъ, не пойдемъ,—разсѣянно отвѣчала Катерина Ивановна.

— Отчего? Я ужъ теперь плакать не буду. Ты, можетъ, думаешь, я буду? Вотъ увидишь, не буду!

— Хорошо, хорошо, но къ папѣ нельзя каждый день ходить, и сегодня не пойдемъ. Вставай, будемъ чемоданъ разбирать.

Милуша быстро вскочила и стала одѣваться. Вдругъ дверь пріотворилась, и въ нее просунулась сначала голова Франуси съ краснымъ бантикомъ на макушкѣ, потомъ рука съ булкой.

— Булку пани!—сказала она и лукаво, какъ старой знакомой, подмигнула Милушѣ.

Милуша засмѣялась и схватила вмѣстѣ съ булкой и руку Франуси. Эта бойкая дѣвочка ей очень нравилась.

— Ну, пусти, душко мòя!—прошептала Франуся, выдергивая свою руку.—Въ коридоръ придешь послѣ обѣда?

— Приду.

— Приходи, я нынче рѣдьку купила. Рѣдьку будемъ ѣсть!

— Рѣдьку? Хорошо. А что̀ это тамъ все стучитъ?—спросила Милуша, указывая на стѣну.

— Какъ что? Машина!—воскликнула Франуся и, смѣясь, убѣжала.

Но Милушѣ уже некогда было думать о таинственной машинѣ, потому что видъ раскрытаго чемодана на полу приковалъ все ея вниманіе. Въ этомъ чемоданѣ для нея заключалась часть

ея маленькой жизни—жизни съ папой!—и теперь она сгорала отъ любопытства скорѣе пересмотрѣть всѣ вещи, уложенныя въ чемоданѣ, чтобы убѣдиться,—остались ли онѣ такія же, какія были и при папѣ, или сдѣлались совсѣмъ другія. Вѣдь, можетъ быть, и онѣ хотѣли бы вернуться домой, гдѣ постоянно свѣтитъ солнце и гдѣ имъ всѣмъ было такъ хорошо...

Милуша наскоро выпила чай и, дѣловито усѣвшись на полу, стала помогать матери разбирать чемоданъ. Сперва вынули бѣлье, которое аккуратно было уложено въ комодѣ; потомъ на свѣтъ божій появились книги, къ которымъ Милуша чувствовала уваженіе, потому что онѣ были такія большія, тяжелыя и умныя, и, наконецъ, на днѣ чемодана оказались самыя привлекательныя для Милуши вещи—альбомы съ карточками и портреты, украшавшіе когда-то стѣны веселаго домика. Тутъ былъ и папинъ портретъ, и маминъ, и еще портреты разныхъ писателей, изъ которыхъ одинъ былъ извѣстенъ подъ именемъ „писателя съ бородкой", а другой—подъ именемъ „глазастаго писателя", и наконецъ самый большой портретъ изображалъ Карла Маркса. Этого Милуша знала особенно твердо, потому что имя его чаще другихъ произносилось въ разговорахъ взрослыхъ, а однажды папа съ мамой даже такъ изъ-за него поссорились, что цѣлый день не разговаривали другъ съ другомъ...

— Мама, мы ихъ и здѣсь развѣсимъ на стѣнѣ?—озабоченно спросила Милуша, обѣими руками придерживая тяжелаго Карла Маркса.

— Развѣсимъ, развѣсимъ!—отвѣчала Катерина Ивановна, роясь въ чемоданѣ.

— Мама, ты папу у меня надъ кроваткой повѣсь,—я, какъ проснусь, такъ на него и буду смотрѣть,—нарочно, будто онъ дома. Слышишь?

— Слышу, слышу.

— А свой портретъ ты у себя надъ кроваткой повѣсь, вотъ и ты на него будешь смотрѣть, на папу-то. Вѣдь это все равно, что ты, что твой портретъ,—а, мама? Вѣдь хорошо?

— Ахъ, Господи, хорошо, хорошо,—не приставай!

— А Карла Маркса мы, знаешь, гдѣ повѣсимъ? Вонъ тамъ, на большой стѣнкѣ, въ серединѣ. Его въ серединѣ, потому что онъ большой, а по бокамъ писателя съ бородкой, и глазастаго,—они маленькіе. Хорошо, мама?

Катерина Ивановна не отвѣчала, но неугомонная Милуша до того къ ней приставала, что она, наконецъ, бросила разложенныя на полу книги и принялась развѣшивать портреты. Когда

все было кончено, пустой чемоданъ задвинули подъ кровать, к Милуша, отойдя къ двери, съ любопытствомъ осмотрѣлась. Знакомыя лица глядѣли на нее со стѣнъ; комната ожила и странно измѣнилась,—совсѣмъ какъ будто тамъ, въ свѣтломъ домѣ;— вонъ и Карлъ Марксъ по прежнему хмуритъ свои черныя брови, и папа улыбается, какъ живой... и вдругъ Милушѣ стало такъ грустно, такъ грустно, что она отвернулась къ стѣнкѣ и тихонько заплакала.

Послѣ обѣда Катерина Ивановна достала рекомендательныя письма, которыми провинціальные знакомые всегда снабжаютъ ѣдущихъ въ Петербургъ, и собралась уходить. Милуша, сердитая, нахмуренная, недовольно смотрѣла на ея сборы; она тоже хотѣла бы пойти съ мамой, но мама сказала, что этого нельзя, и дѣвочка чувствовала себя оскорбленной.

— Ну, Милуша,—сказала Катерина Ивановна,—смотри же, будь умница. Вотъ тебѣ игрушки, картинки,—сиди и играй, и никуда безъ меня не выходи. Я скоро вернусь, принесу тебѣ сахарную булочку, и будемъ чай пить. Слышишь?

Но Милуша молчала и дулась. Катерина Ивановна поцѣловала ее въ надутыя губы и ушла. Дѣвочка осталась одна, обиженная и огорченная. Долго она сидѣла неподвижно, ни за что не принимаясь; играть ей не хотѣлось; игрушки и картинки казались такія противныя, и самыя грустныя мысли копошились въ ея головкѣ. „Никто меня не любитъ, всѣ бросили!“ думала она. „Папа не любитъ, мама не любитъ; еслибы любила,— не оставила бы одну, когда мнѣ скучно“... И Милуша стала плакать. Но такъ какъ около нея не было никого, кто бы ей посочувствовалъ, то источникъ ея слезъ скоро изсякъ, и вниманіе ея было отвлечено другими предметами. Она взобралась на стулъ и заглянула въ окно,—но тамъ была большая, желтая стѣна, и Милуша, разочарованная, отошла отъ окна. Гдѣ-то внизу играли на рояли („совсѣмъ какъ наша музыка!“—подумала Милуша), а за стѣной все слышался однообразный и глухой стукъ швейной машины. „Это машина!“—подумала Милуша. „Какая машина? И почему она постоянно стучитъ?“ И, приложивъ ухо къ стѣнѣ, она стала слушать. Машина все стучала и стучала, и стукъ этотъ все усиливался, разростался и наполнилъ всю Милушину голову; ей вдругъ представилось что-то страшное, и въ комнатѣ было такъ пусто и безмолвно, и Карлъ Марксъ такъ сердито смотрѣлъ на нее со стѣны, что Милуша не вытерпѣла, дико вскрикнула и бросилась къ дверямъ.

Вся вчерашняя компанія была въ сборѣ и засѣдала на томъ же сундукѣ,—не было только Франуси. Въ коридорѣ ничего не было страшнаго, и Милуша немножко оправилась отъ своего испуга, увидѣвъ, что ея знакомые заняты своими обычными дѣлами. Костя няньчилъ младенца; Люба тоненькимъ голоскомъ напѣвала ему пѣсенку, а Душка, улыбаясь во весь ротъ отъ удовольствія, повторяла за нею каждое слово.

— А, здравствуй!—сказалъ Костя, увидѣвъ Милушу.—Иди сюда!

Милуша колебалась. Ей очень хотѣлось къ дѣтямъ, но мама, уходя, просила ее не выходить изъ комнаты, и теперь она не знала, какъ поступить. Вдругъ она вспомнила, что вѣдь мама ее обидѣла и оставила ее одну, что ей было страшно и она плакала, и, снова почувствовавъ себя оскорбленной, Милуша рѣшительно отворила дверь и, на зло мамѣ, вышла въ коридоръ.

— Ты ревѣла?—спросилъ ее Костя, устремляя на нее свои острые глазки.—У тебя глаза красные. Отчего?

— Мнѣ... мнѣ страшно было. Мама ушла, и я... я боюсь одна.

— Боишься?—съ презрѣніемъ воскликнулъ Костя.—Чего?

— Я не знаю... Тамъ все стучитъ что-то... Такъ страшно!

Костя вытаращилъ на нее глаза и расхохотался. Люба перестала пѣть и тоже засмѣялась; за нею, хотя и не понимая хорошенько причины смѣха, но не желая отставать отъ товарищей, закатилась и Душка.

— Стучитъ?—воскликнулъ Костя.—Да это мама стучитъ.

При этихъ словахъ въ воображеніи Милуши вѣчно стучащая машина отождествилась съ Костиной матерью, и ей представилось что-то чудовищное.

— Твоя мама—машина?—съ ужасомъ спросила она.

Костя обидѣлся, и глазки его гнѣвно засверкали.

— Дура ты!—оборвалъ онъ Милушу сердито.—Какая машина? Мама—человѣкъ, а не машина. Она шьетъ на машинѣ, а сама вовсе не машина.

— А какъ же она... стучитъ?—трепетно продолжала Милуша.

— Ну, дура! Любка, нà, подержи его, а я пойду, покажу ей, какая мама машина. Пойдемъ!

И, передавъ младенца Любѣ, онъ взялъ Милушу за руку и, несмотря на ея сопротивленіе, потащилъ въ свою комнату.

Когда они вошли, стукъ прекратился, и изъ-за стола, заваленнаго грудой разноцвѣтныхъ матерій и обрѣзковъ, на нихъ взглянула блѣдная, худая женщина.

— Мама,—обратился къ ней Костя. — Вотъ эта дѣвочка думаетъ, что ты—машина.

Блѣдная женщина усмѣхнулась и, наклонившись надъ столомъ, снова мѣрно застучала — трр-трр-трр... И видно было только, какъ ея блѣдная, костлявая рука быстро мелькала въ воздухѣ, да длинная голубая полоса выползала изъ-подъ машинной иголки и, какъ змѣя, извивалась на колѣняхъ швеи.

— Ну, видѣла теперь?—вразумительно сказалъ Костя.— Стучитъ машина, а мама на ней шьетъ. Что̀ хочешь сошьетъ,— и платье, и рубашку, и деньги за это получитъ. На машинѣ-то вѣдь шить скорѣе. А ты, дура, выдумала! Да что̀!—прибавилъ онъ съ снисходительнымъ презрѣніемъ:—вѣдь вы, дѣвчонки, всѣ трусихи и дуры! Только и всего.

Милуша молчала. Хотя она теперь и видѣла Костину мать, и убѣдилась, что о̀на не машина, но отрѣшиться совсѣмъ отъ страшнаго о̀браза, созданнаго ея воображеніемъ, еще не могла, и блѣдная портниха съ блѣдными пальцами, изъ-подъ которыхъ, шурша, ползла голубая змѣя, внушала ей непобѣдимый ужасъ. Никогда, никогда больше не пойдетъ она въ эту страшную комнату!..

А машина все стучала: трр-трр...

Они вернулись на сундукъ. Люба съ видомъ опытной няньки укачивала братца и пѣла своимъ пріятнымъ голоскомъ:

Птичка подъ моимъ окошкомъ
Гнѣздышко для дѣтокъ вьетъ.

А Душка, въ восхищеніи, вторила ей, старательно выдѣлывая рулады:

Тиська подъ нанимъ окоськомъ
Нѣдуська для дѣтосикъ!..

Этотъ дуэтъ былъ прерванъ появленіемъ Франуси, румяной, веселой, съ развѣвающимися лентами въ косѣ и съ запахомъ улицы въ складкахъ платья. Милуша обрадовалась.

— Гдѣ ты была? — спросила она, чувствуя, какъ всѣ ея страхи разсѣиваются при видѣ этой улыбающейся, хорошенькой рожицы.

— А какъ ты думаешь?—лукаво усмѣхаясь, сказала Франуся.

— Да тутъ и думать нечего!—вмѣшался Костя.—Я и такъ знаю.

— Что̀ ты знаешь?—задорно спросила Франуся.

— Да все знаю. По панелямъ шлялась, да прохожимъ под-

мигивала. Недаромъ давеча передъ зеркаломъ вертѣлась, да шпильку на свѣчкѣ нагрѣвала.

— Зачѣмъ шпильку?—съ удивленіемъ спросила Милуша.

— Кудри завивать. Я всѣ ея штуки знаю!

— Не слушай его, мòя душко!—зашептала Франуся, подсаживаясь къ Милушѣ нà сундукъ и вытаскивая изъ-подъ фартучка рѣдьку, хлѣбъ и соли въ бумажкѣ.—Давай лучше рѣдьку кушать,—хорошая рѣдька, сладкая, какъ медъ! А Костѣ не дадимъ, бо онъ фискалка!

— Да и не нужно!—сказалъ Костя, стараясь не глядѣть на рѣдьку.

— Да и не дамъ!—поддразнивала его Франуся.—Фискалка!

— Я фискалка, а ты шлюха!

Франуся вскочила, какъ ужаленная, и со всего размаху ударила Костю рѣдькой по головѣ; Костя подпрыгнулъ и вцѣпился въ Франусины кудри. Нѣсколько минутъ они молча, съ сдержаннымъ пыхтѣньемъ, возились и таскали другъ друга за волосы; но Франуся, наконецъ, одолѣла Костю, схватила его за руки и притиснула въ уголъ между сундукомъ и стѣной. Помертвѣвшая Люба горько плакала, прижавъ къ груди недоумѣвающаго младенца.

— Ну что̀, будешь теперь фискалить? — грозно шептала Франуся.

— Буду. Пусти руки!—весь красный отъ обиды, что его одолѣла дѣвчонка, шипѣлъ Костя.

— А, будешь? Ну, такъ вотъ же еще тебѣ, еще... разъ-два-три!..

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта стычка, еслибы не выручила Душка.

— Балыня идетъ!—закричала она вдругъ на весь коридоръ.

Въ одно мгновеніе ока все измѣнилось. Франуся отскочила отъ Кости, Люба перестала плакать, и всѣ замерли на своихъ мѣстахъ, точно представляя живую картину. Но тревога оказалась фальшивой: изъ комнаты пани доносился мирный храпъ; у портнихи стучала машина, и мало-по-малу завсегдатаи сундука начали приходить въ себя.

— Ты что̀ же это врешь, гадина?—сказала Франуся, давая Душкѣ подзатыльникъ. И, нàскоро поправивъ свою всклокоченную прическу, она добавила, какъ ни въ чемъ не бывало:—Ну, а теперь давайте рѣдьку ѣсть!..

Всѣ усѣлись въ кругъ, и Франусина рѣдька была разрѣзана

на куски, посыпана солью и съѣдена съ такимъ аппетитомъ, какъ будто она, дѣйствительно, была сладкая, какъ медъ.

Катерина Ивановна вернулась поздно вечеромъ усталая, иззябшая и разочарованная. Какъ водится, съ провинціальными рекомендательными письмами вышелъ цѣлый рядъ неудачъ. Одного адресата она не нашла, другого не застала дома; двое совсѣмъ выбыли изъ Петербурга, и, наконецъ, тѣ, которые не выбыли и которыхъ она застала, приняли ее сухо, видимо старались отъ нея отдѣлаться, а относительно работы—ограничились обѣщаніемъ „подумать“ и „посмотрѣть“—слова, подъ которыми добрые русскіе люди, не желающіе огорчить своего ближняго, подразумѣваютъ извѣстное Дантовское изреченіе: „оставьте надежду навсегда“! И съ холодомъ въ душѣ возвращалась Катерина Ивановна отъ этихъ добрыхъ людей, пронизываемая насквозь вѣтромъ, такимъ же холоднымъ, какъ притворное участіе сытаго человѣка къ голодному.

Дома она немножко отогрѣлась. Въ комнатѣ было тепло и свѣтло, на столѣ уже кипѣлъ самоваръ, Милуша встрѣтила ее радостными восклицаніями, и на сердцѣ у Катерины Ивановны стало повеселѣе. Она заварила чай, а Милуша, уже позабывъ, что она была сердита на маму, подсѣла къ ней и сейчасъ же начала дѣлиться своими впечатлѣніями.

— А я, мамочка, опять въ коридорѣ была! — начала она торопливо.—Мы нынче рѣдьку ѣли—вкусная-развкусная!—потомъ Костя мнѣ свою маму показывалъ. Это она стучитъ здѣсь, я теперь знаю. Она на машинѣ шьетъ, и это совсѣмъ не страшно, а я, было, испугалась. Вѣдь не страшно, мама, правда?

— Конечно, не страшно.

— Ну, и мнѣ тоже теперь не страшно,—прилгнула немножко Милуша: въ глубинѣ души она все-таки еще побаивалась Костиной матери съ ея вѣчнымъ стукомъ и голубой змѣей.— Ахъ, мамочка, а какая Франуся смѣшная, еслибы ты видѣла! Она подралась съ Костей, и она постоянно поетъ: „Виватъ, виватъ, кавалерскій станъ“!—правда, хорошая пѣсня? Это она поетъ, и мы всѣ пѣли. А я нянчила маленькаго,—мнѣ Люба дала его подержать. Онъ совсѣмъ не тяжелый, и голова у него настоящая, а не обклеена газетной бумагой, какъ у моего Кувяки. Я, мама, Кувяку теперь не люблю, онъ нехорошій.

— Кувяку тебѣ папа подарилъ, — напомнила Катерина Ивановна.

Милуша прикусила язычокъ. Правда, вѣдь Кувяка—папинъ, и папѣ, пожалуй, будетъ обидно, если Милуша разлюбитъ его,

но что же дѣлать, когда онъ такой уродъ? И, взглянувъ въ уголъ, откуда на нее смотрѣла безобразная физіономія Кувяки, дѣвочка сказала со вздохомъ:

— Хорошо, мамочка, я буду любить Кувяку... для папы... Но онъ все-таки вѣдь очень некрасивый, Кувяка-то,—правда, мамочка? Костинъ братецъ лучше. А я, мамочка, теперь знаю, кто мой папа!—неожиданно закончила она.

— Кто?

— Костя говоритъ, онъ—солдатъ!

— Какой любопытный твой Костя!—сказала Катерина Ивановна.—И что ему за дѣло до твоего папы, когда у него свой есть!

— У него нѣту, мамочка. У него папа умеръ. И онъ былъ переплетчикъ. А у Франуси папа былъ чиновникъ. А мой папа—солдатъ!

— Вовсе не солдатъ,—возразила Катерина Ивановна.

— А кто же онъ?—съ жаднымъ любопытствомъ спросила Милуша.

— Ну, какъ кто? Просто, человѣкъ!

— Да вѣдь и мы человѣки, мамочка? А кромѣ человѣка?

— Кромѣ человѣка—ничего,—смѣясь, отвѣчала Катерина Ивановна.

— Ничего...—прошептала огорченная Милуша.—Какъ же это такъ, мамочка? Костинъ папа былъ переплетчикъ, Франусинъ папа—чиновникъ, а мой—ничего?..

И Милуша глубоко задумалась.

Прошло нѣсколько дней. Каждый день Катерина Ивановна, одѣвшись въ свое лучшее платье, уходила изъ дому на поиски работы, и каждый вечеръ возвращалась разбитая, измученная и ни съ чѣмъ. Наскоро съѣвъ разогрѣтый обѣдъ, который становился все скуднѣе и скуднѣе, она ложилась на постель и засыпала, какъ убитая. А на утро опять надо было вставать, одѣваться и идти... Катерина Ивановна начала терять надежду, и мрачное уныніе овладѣвало ею. За квартиру все еще не было заплачено, и хотя пани Рудыньска не требовала денегъ и продолжала выказывать Катеринѣ Ивановнѣ свое шумное сочувствіе, но Катерина Ивановна ужасно мучилась и старалась не попадаться хозяйкѣ на глаза. Возвращаясь домой, она тихонько проскальзывала въ свою комнату и скорѣе запиралась на ключъ, чтобы быть совсѣмъ одной. Даже на Милушу ей было непріятно

смотрѣть, и дѣвочка теперь цѣлые дни проводила въ коридорѣ съ своими новыми друзьями, избѣгая оставаться наединѣ съ раздражительной и озабоченной матерью.

Но однажды Катерина Ивановна пришла домой раньше обыкновеннаго и принесла съ собою цѣлую груду газетъ. Ей, наконецъ, повезло, и одинъ истинно добрый человѣкъ далъ ей корректурную работу въ одномъ изъ петербургскихъ изданій. Правда, работа требовала много времени и оплачивалась довольно скудно, но призракъ голодной смерти, мучившій Катерину Ивановну и во снѣ, и на яву, исчезъ, и она почувствовала, что снова живетъ, и вѣритъ, и любитъ людей, которыхъ уже начинала ненавидѣть. Нужда не располагаетъ къ нѣжнымъ чувствамъ, и любовь къ человѣчеству для бѣдняка—такая же роскошь, какъ хорошій обѣдъ и итальянская опера. Можетъ быть, поэтому бѣдняки не склонны къ самопожертвованію, и изъ плебеевъ рѣдко выходятъ Гракхи...

Съ сіяющимъ лицомъ, съ высоко поднятою головой Катерина Ивановна вошла въ коридоръ и, встрѣтивъ хозяйку, сообщила ей радостное извѣстіе. Добрая пани такъ обрадовалась, что предложила жилицѣ зайти къ ней въ комнату и выпить „румочку“, но Катерина Ивановна отказалась отъ любезнаго приглашенія и торопливо прошла къ себѣ. Ей хотѣлось поскорѣе увидѣть Милушу, передъ которой она чувствовала себя виноватой. „Бѣдная моя дѣвочка! — думала она.—Совсѣмъ я ее забросила съ этими проклятыми заботами и дѣлами! Кажется, будто я куда-то далеко уѣзжала отъ нея и только теперь вернулась. Ну, слава Богу, теперь это кончено, и мы опять съ ней!“

— Здравствуй, Милуша! — весело сказала она, входя въ комнату.

Дѣвочка, сидѣвшая въ своемъ уголку съ игрушками, съ удивленіемъ оглянулась на веселый голосъ матери. Въ эти грустные дни она такъ привыкла видѣть Катерину Ивановну сердитою и молчаливою, что теперь ей казались странными и ея веселыя слова, и улыбка на лицѣ. Она молчала.

— Ну, что же ты, Милуша?—говорила между тѣмъ Катерина Ивановна, снимая съ себя пальто и кладя свертки на столъ. Иди скорѣе сюда... смотри, что̀ я тебѣ принесла. Ну же, скорѣе, топъ-топъ сюда!..

Милуша медленно спустила ноги со стула и, все еще недовѣрчиво глядя на мать, подошла къ ней. Катерина Ивановна схватила ее на руки, подняла и поцѣловала.

— Бѣдненькая моя Милуша!—сказала она, садясь.—Ну что̀, соскучилась ты безъ меня?

Милуша почувствовала, что у нея чешутся глаза, и спрятала голову въ складки мамина платья. Она уже теперь знала отъ Кости, что „ревѣть“ стыдно, и старалась подавить свои слезы.

— Соскучилась...—прошептала она сдержанно.

— Ну, что̀ дѣлать, Милуша!—со вздохомъ проговорила Катерина Ивановна.—Я сама скучала и оттого была злая.

— А теперь опять добрая будешь?—спросила Милуша, поднимая голову.

— Да, буду добрая.

— Отчего?

— Оттого что, вотъ видишь, Милуша, сколько я газетъ принесла? Вотъ за эти газеты я къ Рождеству мно-ого денегъ получу, и тогда сошью тебѣ платьице новое, и елку устроимъ, и все у насъ будетъ. Оттого я и веселая, и добрая.

— Мы—бѣдные, мама?—съ серьезнымъ видомъ продолжала Милуша.

Катерина Ивановна засмѣялась и покачала головой.

— Ахъ, Милуша, Милуша, какая ты удивительная! И откуда ты все это знаешь?

— Мнѣ Костя сказалъ. Онъ все знаетъ. Онъ говоритъ, что бѣдные—это которые пѣшкомъ ходятъ, потому что у нихъ денегъ на извозчика нѣтъ, и они постоянно работаютъ. А богатые въ каретахъ ѣздятъ, у нихъ денегъ много, и дѣлать имъ совсѣмъ нечего, оттого они постоянно ѣдятъ. И все самое-самое вкусное!.. колбасу, апельсины и самое лучшее пирожное!

— Ну, однако же, и Костя твой удивительный... Я и не знала, что богачи ѣдятъ только колбасу, апельсины и пирожное.

— Нѣтъ, мамочка, это ужъ правда! Костя не вретъ. Это Люба вретъ, а онъ никогда не вретъ,—убѣжденно вымолвила дѣвочка.

— Ну, хорошо, Милуша, я вѣрю,—сказала Катерина Ивановна, вставая.—А теперь давай, будемъ обѣдать, потомъ я за работу примусь. Вѣдь мы бѣдные, намъ съ тобой работать нужно,—пошутила она.—А не будемъ работать, и елки у насъ не будетъ.

Милуша, наморщивъ лобикъ, о чемъ-то думала. Потомъ, нерѣшительно взглянувъ на мать, она спросила вкрадчиво:

— Мамочка, а папа... придетъ къ намъ на елку?

— Нѣтъ, Милуша, папа не придетъ, — со вздохомъ отвѣчала Катерина Ивановна.

Милуша больше не разспрашивала. Она теперь была уже особа опытная, и понимала, что мама что-то такое скрываетъ отъ нея про папу, такъ что лучше къ ней не приставать съ разспросами,—все равно, ничего не скажетъ. И хотя сама про себя Милуша постоянно думала объ отцѣ и ломала свою маленькую головку надъ вопросомъ, что такое съ нимъ случилось, но рѣшила какъ можно меньше говорить объ этомъ и дѣлать видъ, что это ее совсѣмъ не интересуетъ. Изъ бесѣдъ съ всезнающимъ Костей и хитрою Франусей она многому научилась и поняла многое такое, чего не понимала прежде. Между прочимъ она узнала, что такъ-называемые „большіе"—очень странные и совсѣмъ особенные люди, ничуть не похожіе на „маленькихъ". У нихъ свои особенныя дѣла и своя жизнь, которую они скрываютъ отъ маленькихъ. Маленькіе играютъ, а большіе работаютъ. Маленькіе ничего не понимаютъ, а большіе ихъ обманываютъ. Это было очень горько Милушѣ, и ей не хотѣлось вѣрить, чтобы ея папа и мама когда-нибудь ее обманывали, но ужъ если Костя говоритъ,—значитъ, это правда. Костя хотя и былъ тоже „маленькій", но онъ вертѣлся постоянно среди „большихъ", и потому хорошо зналъ всѣ ихъ обычаи и порядки. Въ ихъ дѣтскомъ мірке онъ былъ профессоромъ, а всѣ остальные—учениками, и Милушу все больше и больше тянуло изъ комнаты матери къ завѣтному сундуку въ коридорѣ, гдѣ она знакомилась не съ выдуманной, а съ настоящей жизнью. Здѣсь ничего не было „нарочно", какъ бывало въ играхъ съ папой; здѣсь все было настоящее, все правда. Ѣли „взаправдашнюю" рѣдьку, нянчили „взаправдашняго" младенца и разсказывали не сказки, а настоящія исторіи, не въ книгахъ написанныя, а происходившія или на улицѣ, или въ домѣ, или въ квартирѣ, и видѣнныя „своими собственными глазами", какъ выражались Костя и Франуся. Это было гораздо занимательнѣе, и Милуша вдругъ разлюбила всѣхъ своихъ прежнихъ любимцевъ—уродливаго Кувяку, безносую Катьку и даже... сладкаго старика, который такъ утѣшалъ ее прежде во всякомъ горѣ своими сладкими поцѣлуями... Заброшенные, запыленные, валялись они всѣ въ углу, въ старомъ ящикѣ, и безмолвно тосковали о своей маленькой хозяйкѣ, которая цѣлые дни проводила теперь среди своихъ новыхъ знакомыхъ, жадно впитывая въ себя новыя впечатлѣнія.

День въ квартирѣ пани Рудыньской начинался очень рано. Первою обыкновенно вставала портниха, зажигала лампу и, пока дѣти спали, принималась за работу. На дворѣ еще висѣла густая, какъ кисель, ночная мгла, и, задыхаясь въ этомъ

киселѣ, раздраженно и хрипло выли фабричные гудки, и весь Петербургъ спалъ тяжелымъ предразсвѣтнымъ сномъ, а неугомонная машинка уже выстукивала свое обычное „трр... трр...“ и изъ-подъ блѣдныхъ проворныхъ пальцевъ портнихи выходили на свѣтъ божій разныя очаровательныя nouveautés, которымъ надлежало, можетъ быть, завтра же украшать чьи-нибудь мраморныя плечи подъ названіемъ „послѣдняго крика“ парижской моды. Вслѣдъ за портнихой поднималась кухарка и, кряхтя, начинала ставить самовары. Если она была въ духѣ, все шло гладко, самовары не чадили, водопроводъ дѣйствовалъ исправно и дрова подъ плитой разгорались, какъ имъ и слѣдовало разгораться; но если наканунѣ произошла какая-нибудь серьезная размолвка съ хозяйкой или кумъ-пожарный не былъ достаточно любезенъ, тогда въ кухнѣ происходило настоящее вавилонское столпотвореніе, посуда падала на полъ и разбивалась, вода изъ крана не шла, дрова не горѣли, удушливый чадъ расползался по всей квартирѣ, и ни въ чемъ неповинная Душка получала увеличенную порцію „чикъ-чиковъ“. Несмотря на эти осложненія, къ восьми часамъ всѣ самовары были уже готовы, и Душкина мать будила жильцовъ. Просыпались надеждинки, выносили въ коридоръ гладильную доску, на которой спала одна изъ нихъ, за неимѣніемъ лишней кровати, и, приведя въ порядокъ свою комнату и себя самихъ, сейчасъ же, какъ птицы, запѣвали хоромъ что-нибудь въ родѣ „Тамъ за Дашевимъ, пидъ Сорокою, множество ляховъ пропало“, а отзывчивый портнихинъ младенецъ, разбуженный воинственными звуками украинскаго марша, принимался усердно имъ вторить.

— Ну, проснулись мамзели-Чинизели! — ворчала кухарка, въ сущности очень любившая веселыхъ курсистокъ, но относившаяся къ нимъ нѣсколько покровительственно.—Циркъ, чистый циркъ, прости меня, Господи! Вѣдь лопать нечего, а онѣ все поютъ...

Пани Рудыньска вставала позже всѣхъ, пила кофе въ постели и весьма долго и тщательно занималась своимъ туалетомъ. Къ этому времени квартира уже пустѣла,—всѣ расходились по своимъ дѣламъ: кухарка—за провизіей; Катерина Ивановна—въ типографію съ корректурами; надеждинки—на лекціи, Франуся —въ школу кройки и шитья, Костя—съ порученіями матери. Потомъ, величественно задрапировавшись въ бархатную „сукню“, уходила и пани; и тогда, точно мышата изъ норки, тихонько выползали въ коридоръ Милуша, Люба и Душка. Въ эти часы онѣ чувствовали себя большими,—вся квартира была въ ихъ

распоряженіи, никто имъ не мѣшалъ, и дѣвочки съ серьезными лицами начинали играть въ жизнь. Самою главною игрушкой и объектомъ ихъ особенныхъ заботъ былъ злополучный младенецъ. Милуша и Люба поочередно исполняли роль его матери и, къ великому его неудовольствію, то пеленали его, то раздѣвали, укладывали спать, поднимали, кормили и продѣлывали съ нимъ тысячу всевозможныхъ вещей. Иногда, снисходя къ умильнымъ просьбамъ Душки позволить ей тоже быть матерью, дѣвочки передавали младенца ей; но такъ какъ она, пользуясь педагогическими пріемами своей матери, черезчуръ злоупотребляла „чикъчиками", то младенецъ снова у нея отбирался, и Душкѣ предоставлялось довольствоваться скромной ролью няньки. Въ большинствѣ случаевъ Душка съ этимъ совершенно примирялась, но иногда на нее находилъ духъ упрямства, и она, насупившись, какъ быкъ, отказывалась исполнять свои обязанности.

— Ну, Душка, ну какъ же ты этого не понимаешь?—горячо доказывала ей Люба.—Вѣдь безъ няньки нельзя, никакъ нельзя; вѣдь кто же бѣлье-то будетъ стирать, а? Что же маленькому, по твоему, въ грязномъ ходить, да?

— Не хосу!—упрямо твердила Душка.—Исъ вы какія! Стилайте сами!

Такъ какъ безъ няньки игра была не въ игру, Милуша рѣшила умаслить Душку, подаривъ ей Кувяку. Выходило совсѣмъ отлично: у нихъ съ Любой будетъ младенецъ, и у Душки младенецъ, правда, не живой, но зато удобный тѣмъ, что когда его колотятъ, онъ не кричитъ. Сдѣлавшись матерью Кувяки, Душка можетъ наказывать его сколько угодно, и, такимъ образомъ, все уладится. Выдумка Милуши оказалась удачной, и Кувяка привелъ Душку въ неистовый восторгъ. Сначала она долго смотрѣла на него въ нѣмомъ восхищеніи, потомъ крѣпко прижала его къ своей груди и засмѣялась.

— Тлубосистъ!—воскликнула она радостно и со всѣхъ ногъ пустилась въ кухню, показать матери свое сокровище.

Съ этого дня Кувяка такъ уже и назывался трубочистомъ, и Душка никогда больше съ нимъ не разставалась, отчего онъ вскорѣ принялъ такой видъ, что вполнѣ оправдывалъ свое названіе. Однажды онъ даже попалъ какимъ-то образомъ въ помойное ведро, гдѣ утратилъ послѣдніе остатки своей былой красоты, но Душка послѣ этого печальнаго приключенія полюбила своего трубочиста еще больше и съ материнской нѣжностью нянчила его, пеленала и распѣвала надъ нимъ про „тиську подъ нанимъ окоськомъ". Портнихинъ младенецъ былъ забытъ,

и Душка уже не предъявляла больше претензій на званіе его матери.

Часамъ къ 12-ти Костя возвращался домой, иззябшій, съ краснымъ носомъ и съ цѣлымъ ворохомъ самыхъ свѣжихъ уличныхъ новостей.

— А я сейчасъ видѣлъ, какъ пьяный подъ конку попалъ!—сообщалъ онъ дѣвочкамъ.—Народу собралось—страсть! Взяли его, положили на извозчика и поволокли въ участокъ.

— Тамъ ему чикъ-чикъ будетъ?—спрашивала Душка.

— Ну ужъ конечно, начешутъ морду-то,—компетентно говорилъ Костя.

— За что?—съ испугомъ спрашивала Милуша.

— А за то,—не лѣзь пьяный подъ лошадь. Что̀ онъ, не видитъ что-ли,—конка идетъ, а онъ прямо на рельсы претъ.

— Отчего онъ пьяный?—продолжала Милуша.

— Какъ отчего? Вотъ дура-то! Водки напился, оттого и пьяный.

— И я водку пила!—заявляетъ вдругъ Душка весело.

— Когда ты пила?—недовѣрчиво говоритъ Костя.

— А мнѣ завтра кумъ-пожарный давалъ. Го-орькая!..

— Зачѣмъ же ты пила? Водку пить нельзя,—пьяница будешь.

— Пляница! восклицаетъ Душка и хохочетъ. Это слово новое для нея, и оно ей очень нравится. Хорошее слово, — гладкое такое и звучное; Душка любитъ такія слова и съ удовольствіемъ ихъ повторяетъ. Зато вотъ сло̀ва „офицеръ“ Душка терпѣть не можетъ, потому что оно никакъ ей не дается, и у нея все выходитъ вмѣсто „офицеръ“—„осопѣлъ“.

— Душка, а ты любишь кума-пожарнаго? — спрашиваетъ Милуша.

Душкино лицо омрачается.

— Нѣ... не люблю,—говоритъ она и энергично трясетъ головой.—Онъ—стелва!

— Отчего?

— Делется...

И Душка при этомъ кажется такой маленькой и жалкой, что дѣти единодушно проникаются къ ней сочувствіемъ, и громко выражаютъ свое негодованіе противъ всѣхъ пожарныхъ въ мірѣ, а Костя даже обѣщается при случаѣ такъ отколотить кума, чтобы у него „сердце кверху хвостомъ перевернулось“. Бесѣда на сундукѣ принимаетъ серьезный характеръ, и долго разсуждаютъ дѣти о томъ, какъ бы хорошо было, еслибы большіе

не обижали маленькихъ, а еще лучше было бы, еслибы маленькихъ совсѣмъ не было, а прямо родились бы всѣ сразу большими.

Эту бесѣду обыкновенно прерывалъ оглушительный звонокъ, и дѣти уже знали, что это звонитъ Франуся. Она врывалась, какъ вѣтеръ, мимоходомъ цѣловала одного, щипала другого, будила заснувшаго младенца, и солидная тишина квартиры сразу смѣнялась смѣхомъ, плачемъ, бѣготней, пѣніемъ. Появленіе Франуси служило какъ бы сигналомъ къ общему сбору, потому что вслѣдъ за нею прибѣгали надеждинки, возвращалась изъ типографіи съ новымъ тюкомъ печатной бумаги Катерина Ивановна, и, наконецъ, приплывала пани Рудыньска. На нѣкоторое время квартира превращалась въ какой-то водоворотъ: вездѣ звенѣла посуда; опять ставились самовары; дымъ и чадъ разстилался по коридору, и среди всего этого, какъ основной мотивъ, слышались ругательства Душкиной матери, обреченной, по ея словамъ, за шесть цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, на вѣчную каторгу.

Послѣобѣденное время было у дѣтей самое любимое, потому что „большіе" всегда въ это время запирались въ своихъ комнатахъ, а „маленькіе" всѣ были въ сборѣ. И „маленькіе" широко пользовались часами своей полной свободы. Тутъ у нихъ завязывались самые интересные разговоры, затѣвались разныя веселыя игры, и главною зачинщицей была, разумѣется, Франуся. Кромѣ того, что она каждый разъ приносила подъ фартукомъ какое-нибудь угощеніе въ родѣ сушенаго гороха, моркови, рѣпы, которые съѣдались тутъ же, на сундукѣ, и казались дѣтямъ вкуснѣе всякихъ лакомствъ, въ ея изобрѣтательной головѣ всегда имѣлся неистощимый запасъ всякихъ забавныхъ выдумокъ. То она представляла шарманщика и, при помощи гребенки, довольно похоже разыгрывала разныя уличныя аріи, начиная отъ предсмертныхъ жалобъ Травіаты и кончая пѣсней чухонскаго рыбака: „Вѣтеръ былъ, лайба плылъ, моя ошень рада былъ"; то наряжалась въ красныя фланелевыя панталоны пани Рудыньской, привязывала къ поясу швабру вмѣсто сабли, выводила себѣ самой залихватскіе усы и изображала офицера, а однажды принесла откуда-то коробку папиросъ и угостила ими всѣхъ своихъ товарищей. Послѣднее удовольствіе кончилось не совсѣмъ благополучно, потому что Любу и Милушу жестоко рвало, а Душка даже сдѣлалась совсѣмъ какъ сумасшедшая, лѣзла на стѣну и подъ конецъ свалилась съ сундука и набила себѣ на лбу огромную шишку. Послѣ этого дѣти рѣшили никогда больше не курить, а Франуся такъ перетрусила, что сейчасъ же забросила

папиросы въ печку и на другой день, въ видѣ утѣшенія, принесла подъ фартукомъ двойную порцію жаренаго гороху.

Когда сумерки дѣлались похожими на разбавленныя водою чернила, въ коридорѣ зажигалась лампа, и дѣти съ сожалѣніемъ покидали свой таинственный уголокъ. Ихъ фантастическій міръ разрушался; въ яркомъ свѣтѣ лампы все казалось какимъ-то другимъ, скучнымъ и сѣрымъ; наступало царство большихъ, и дѣти притихали, затаивъ про себя свои маленькіе секреты, и принимались наблюдать исподтишка, что̀ дѣлаютъ большіе. Къ Душкиной матери приходилъ кумъ-пожарный, и дѣти, подъ предводительствомъ предпріимчивой Франуси, шли смотрѣть на него въ щелку двери. Около кухни происходила давка; каждый лѣзъ впередъ, сгорая отъ любопытства; слышалось тяжелое дыханіе; Душка громко сопѣла.

— Ну, что? — спрашивалъ съ нетерпѣніемъ Костя у Франуси, которая такъ и прилипла къ щелкѣ. — Что̀ онъ дѣлаетъ?

— Сморкается! Пьяный-распьяный... Чай хочетъ пить.

— Пусти, я посмотрю!—стонетъ Костя.

— И я! И я! — шепчутъ Люба и Милуша.

Франуся съ неудовольствіемъ уступаетъ свое мѣсто, и Милуша съ Любой, стукаясь впотьмахъ лбами, смотрятъ въ щелку. Но Милуша разочарована: она воображала себѣ кума-пожарнаго какимъ-то чудовищемъ въ родѣ волосатаго человѣка, о которомъ ей разсказывалъ Костя, а вмѣсто того сидитъ обыкновенный мужикъ, съ краснымъ добродушнымъ лицомъ и рыжими усами, и, какъ всѣ, пьетъ чай.

— Я думала, онъ страшный!—говоритъ Милуша.—А онъ совсѣмъ не страшный... и такой смѣшной... а усы кошачьи!

Иногда младенецъ, который обыкновенно присутствовалъ тутъ же, у кого-нибудь на рукахъ, испуганный исключительностью положенія и притиснутый къ стѣнѣ, поднималъ дикій ревъ. Дѣти мгновенно разсыпались въ разныя стороны, и разсерженная Душкина мать, выйдя изъ кухни, натыкалась только на швабру, которою предусмотрительная Франуся припирала снаружи дверь.

— Ну, что̀ же это за наказанье, Господи Боже мой!—ворчала Душкина мать.—Ни тебѣ дня, ни тебѣ ночи,—какой ни на есть чай, и того напиться не дадутъ. А все эта Франуська скрозьземельная, все она, польская кровь! (Такъ Душкина мать по своему переводила любимое ругательство пани Рудыньской: „пся кревъ“). Ну ужъ подожди, разскажу я маменькѣ, какъ ты подслушиваешь да подглядываешь!

— А я разскажу, какъ ты своего кума мамашиными кот-

летами кормишь!—неожиданно заявляла Франуся, появляясь изъ коридора.

— Тьфу! — въ отчаяньѣ плевалась Душкина мать, исчезая въ кухнѣ, а Франуся съ торжествующимъ видомъ посылала ей вслѣдъ дулю и принималась танцовать, напѣвая на мотивъ стрѣлочка:

Цо, паненка, цо ты машь, цо ты машь...

Но самый большой праздникъ былъ для дѣтей, когда къ надеждинкамъ приходили въ гости ихъ знакомые курсистки и студенты. Они появлялись всегда гурьбой, съ шумнымъ говоромъ и смѣхомъ, и Душка стремглавъ неслась изъ передней оповѣщать пріятелей объ ихъ прибытіи.

— „Осопѣлы" пришли! — задыхаясь, сообщала она.

Дѣти бросали все, даже младенца, мчались въ переднюю и съ восхищенімъ смотрѣли, какъ гости снимаютъ галоши и пальто. Барышни всѣ были такія розовенькія, веселенькія: „осопѣлы"— молоденькіе, чистенькіе, пуговицы у нихъ свѣтленькія (за эти пуговицы Душка и считала ихъ офицерами), и все это вмѣстѣ такъ нравилось дѣтямъ, что они не могли скрыть своего восторга и, переглядываясь другъ съ другомъ, заливались безпричиннымъ смѣхомъ.

— Вы что̀ смѣетесь, пузыри?—обращался къ нимъ кто-нибудь изъ студентовъ, замѣтивъ ихъ смѣющіяся рожицы.

— Пузыли!..—повторяла Душка, и вслѣдъ за этимъ слѣдовалъ новый взрывъ смѣха, къ которому иногда присоединялись и гости.

Потомъ барышни и студенты проходили въ комнату надеждиновъ, которыя встрѣчали ихъ радостными привѣтствіями, и вскорѣ по всей квартирѣ разливались могучія волны заунывной хоровой пѣсни.

— Ну, разгулялись наши мамзели-Чинизели!—ворчала Душкина мать, проносясь по коридору съ кипящимъ самоваромъ. — Теперь до полуночи прокутятъ; на цѣлый пятиалтынный имъ ситнаго купила!..

Но могучая пѣсня, отъ которой вѣяло просторомъ зеленой степи и вѣковѣчною мужицкою тоской, прошибала насквозь и ея заскорузлое въ чаду и угарѣ петербургской кухни сердце. Подавъ самоваръ и затворивъ за собою дверь, она останавливалась въ коридорѣ, подпирала рукою щеку и, пригорюнившись, всей душою переносилась въ родную деревню, гдѣ у нея ничего не оставалось хорошаго и которая все-таки почему-то неудержимо

тянула къ себѣ и звала. Должно быть, такое же впечатлѣніе производила пѣсня и на кума-пожарнаго, потому что онъ высовывалъ изъ кухни свою красную, усатую рожу и, блаженно улыбаясь, издавалъ разныя прочувствованныя восклицанія въ родѣ того: „Ишь ты!.. Ну-ну!.. Эна какъ!.. Здо̀рово!“.. И портниха въ своей комнатѣ переставала вертѣть колесо машинки, и нѣчто въ родѣ блѣдной улыбки появлялось на ея блѣдныхъ, давно не улыбавшихся губахъ; и Катерина Ивановна забывала о своихъ корректурахъ, переносясь мыслью на Выборгскую и чувствуя, какъ что-то жгучее загорается въ ея сердцѣ... А ребятишки, разинувъ рты и вытаращивъ глаза, какъ очарованные, стояли около двери, и даже легкомысленная Француся вся замирала, не замѣчая, что младенецъ давно уже завладѣлъ ея бантомъ и запихалъ его себѣ въ ротъ.

— Вотъ это такъ поютъ!—со вздохомъ произносилъ Костя, когда пѣвцы умолкали.—Это не то, что ты, Француська: цо-цо, и больше ничего.

— Пошелъ ты къ чорту! — огрызалась Француся, отворачиваясь въ сторону, чтобы вытереть фартукомъ мокрые отъ слезъ глаза. —Іезусъ-Марія, а гдѣ же моя лента? Чертенокъ этакій, вѣдь онъ ее всю изжевалъ!..—Мокрую и скомканную ленту извлекали изо рта младенца, и очарованіе пѣсни разрушалось самымъ прозаическимъ ревомъ. Кухарка возвращалась въ кухню еще болѣе недовольная своей каторжной жизнью и съ горя посылала кума за новой парой пива; машинка снова начинала свою неустанную стукотню, а ребятишки принимались дѣлиться впечатлѣніями.

— У насъ тоже прежде такъ пѣли!—печально говорила Милуша.—У насъ и музыка была. Большущая такая! И мы такъ веселились, такъ веселились!..

— Когда?—спрашивалъ Костя.

— При папѣ. Намъ при папѣ лучше было. У насъ тогда все было, а теперь ничего...

Эти слова снова наводили Костю на мысли о таинственномъ Милушиномъ папѣ, и онъ глубокомысленно замѣчалъ:

— Должно быть, твой папа-то въ трубу вылетѣлъ, больше ничего.

— Какъ въ трубу?

— Да очень просто: въ долгъ набралъ, а платить нечѣмъ, вотъ онъ и накрылся хвостомъ. У насъ въ прошломъ году лавочникъ внизу былъ, тоже прогорѣлъ. За квартиру не заплатилъ, у всѣхъ занялъ, закрылъ лавку, да и сбѣжалъ.

Милуша, хотя и не совсѣмъ понимала разъясненія Кости,

но чувствуя, что „вылетѣть въ трубу“ значитъ что-то очень скверное, возражала обиженно:

— Неправда! Мой папа хорошій былъ.

— Постойте, постойте!—шептала Люба, прислушиваясь.— Офицеры опять поютъ...

— Какіе офицеры?—говорилъ Костя.—Не офицеры вовсе,— это Душка выдумала,—студенты!

— Ну, студенты. Они хорошіе, я ихъ люблю.

— А нашъ дворникъ говоритъ, что ихъ всѣхъ переколотить надо.

— За что?—въ одинъ голосъ спрашивали Люба и Милуша.

— Бунтуютъ, учиться не хотятъ. У нихъ тамъ, на Васильевскомъ, академія есть, вотъ они соберутся туда, да и бунтуютъ...

Ой, у поли жито, копытами вбито...

—запѣвали снова „бунтовщики“, и дѣти, толкаясь и шикая другъ на друга, приникали къ завѣтной двери. А кухарка въ это время, вдохновившись четвертымъ стаканомъ пива, говорила куму:

— Нѣтъ, уйду я отсюда, вотъ тебѣ и сказъ. Да, ей Богу, уйду, ты что̀ думаешь? Пропади они пропастью и съ шестью цѣлковыми! Что я, крѣпостная что-ли? Вотъ уйду, и уйду...

Пожарный на это только икалъ и ничего не говорилъ, потому что хорошо зналъ, что ни Душкиной матери, ни ему, въ сущности, уйти совершенно некуда.

Въ 10 часовъ матери напоминали дѣтямъ, что пора спать, и они съ сожалѣніемъ расходились по своимъ комнатамъ. При этомъ часто оказывалось, что Душка подъ шумокъ давно уже спитъ, свернувшись крючечкомъ на полу и даже во снѣ прижимая къ груди безобразнаго Кувяку. Такъ она здѣсь и оставалась до тѣхъ поръ, пока мать, проводивъ кума, не вспоминала о ней и вмѣстѣ съ Кувякой не перетаскивала къ себѣ въ кухню. Къ 12-ти часамъ гости, обыкновенно, расходились, Франуся тушила въ коридорѣ лампу, разстилала на сундукѣ тощій, какъ лепешка, тюфячокъ и ложилась спать. Въ квартирѣ все затихало; только портнихина машинка продолжала свою неустанную работу, да въ комнатѣ пани Рудыньской долго еще горѣла лампада передъ образомъ Остробрамской Божіей Матери, которая съ безмолвной кротостью внимала пламеннымъ „конфесьонамъ“ пани, изливавшей въ нихъ всю свою мятежную жизнь.

— Мати Боска! — взывала Бронислава Игнатьевна, ударяя себя кулакомъ въ могучую грудь, которая гудѣла при этомъ какъ

пружинный тюфякъ, изъ котораго выколачивали пыль. – Мати Боска, Святое Сердце, не забудь въ своемъ райскомъ мѣстѣ мужа моего, пана Станислава, бо онъ имѣлъ благородную душу и ни разу въ жизни пальцемъ меня не тронулъ, хотя я была ревнивая, какъ вѣдьма, и часто обижала его, моего бѣднаго Стасика... У него же была сестра—Ягася, которая въ 1867 году вышла замужъ за пана Звольскаго и умерла, бѣдняжка, родами,—прошу, Мати Боска, и за Ягасю,—хорошая была женщина! Іезусъ-Марія, не забудь ужъ кстати и пана Владислава Рудыньскаго,—грѣшный онъ былъ человѣкъ и дрался, какъ пьяный москаль, а въ 1879 году подъ самое Рождество мою лисью сукню пропилъ, но прости его, Боже, бо и я уже давно простила... А вотъ пана-маршалка Дубневича, проклятаго здрайцу (измѣнника), чтобъ его кости семьдесятъ-семь разъ въ гробу перевернулись (голосъ пани Рудыньской принималъ угрожающее выраженіе, и слова сыпались съ ея языка, какъ грозный потокъ), за то, что онъ меня обманулъ и женился на этой рыжей лисицѣ, Дыськѣ, да кстати и билетъ второго внутренняго займа взялъ у меня хитростью и не отдалъ,—накажи его, Господи, за это, и пусть онъ на томъ свѣтѣ столько плачетъ, сколько я изъза него здѣсь плакала...

Приближалось Рождество. Хотя праздничное веселье и изобиліе не любятъ подваловъ и чердаковъ, однако въ квартирѣ пани тоже запахло и праздникомъ, и жаренымъ гусемъ. Машинка стучала теперь не только днемъ, но и ночью; надеждинки шныряли все чаще съ какими-то свертками и узелками, а сама пани каждое утро отправлялась съ Душкиной матерью на Сѣнную, и обѣ возвращались оттуда, нагруженныя мерзлыми поросятами, индюшками и гусями, при видѣ которыхъ душа кума-пожарнаго наполнялась сладостнымъ умиленіемъ. Душкинъ лексиконъ обогатился новыми словами „пласукъ“ и „андюська“, и какъ лицо, ближе всѣхъ стоящее къ дѣлу, Душка посвящала своихъ пріятелей во всѣ кухонныя событія. Благодаря ей, въ квартирѣ всѣ заранѣе узнали, что у „пласука“ въ животѣ будетъ каша, что гуся изжарятъ съ капустой, а на первый день Рождества за обѣдомъ будетъ подана „маматняя андюська“.

— Какая помадная Андрюшка?—съ изумленіемъ спрашивали дѣти.

— Вотъ такищая!—разъясняла Душка, разводя руками. Съ крыльями и съ пупочкомъ, а головы нѣтъ.

— Такъ это индюшка, а не Андрюшка,—догадывались дѣти, и недоразумѣніе оканчивалось при общемъ смѣхѣ.

Милуша, въ свою очередь, сообщила, что мама обѣщала сдѣлать ей елку, и это сенсаціонное извѣстіе вызвало на сундукѣ оживленный обмѣнъ мыслей.

— Гдѣ дѣлаются елки? спросила Люба.

— Ихъ не дѣлаютъ,—сказала Франуся авторитетно.—Ихъ приносятъ съ неба ангелы для дѣтей, которыя не шалятъ.

— Тебѣ приносили?

— А какъ же,—когда я была маленькая, всегда приносили,—отвѣчала Франуся, хотя трудно было повѣрить, чтобы она когда-нибудь не шалила.

— И все ты врешь!—недовѣрчиво возразилъ Костя.—Какіе тамъ еще ангелы,—вовсе не ангелы!

— А кто же, по твоему?

— Кто,—мужики продаютъ около Гостинаго двора,—вотъ кто!

— А мужики гдѣ ихъ берутъ?—задорно спросила Франуся.

— А мужики...—началъ-было Костя—и замолчалъ, потому что самъ не зналъ, гдѣ берутъ ихъ мужики.

— Ну, вотъ и не знаешь,—съ торжествомъ воскликнула Франуся.—А не знаешь, такъ молчи! Конечно, ангелы,—я сама своими глазами сколько разъ ихъ видѣла...

— Видѣла?—произнесла Люба и съ уваженіемъ поглядѣла на Франусю.

— Какіе же они бываютъ?

— Хорошенькіе, бѣленькіе, съ крылышками, а на головкѣ золотой вѣнчикъ! Постой, вотъ я тебѣ сейчасъ покажу...

Она убѣжала и черезъ минуту вернулась съ картинкой, на которой былъ изображенъ ангелъ съ бѣлоснѣжными крыльями, золотымъ ореоломъ вокругъ головы и съ большою розой въ рукахъ. Дѣти долго разсматривали картинку въ благоговѣйномъ молчаніи.

— Посмотрѣть бы, какой онъ живой!—со вздохомъ сказала Люба.—Они гдѣ живутъ?

— Конечно, на небѣ!—отвѣчала Франуся.

— А черти въ аду!—подхватилъ Костя, которому хотѣлось заявить, что и онъ тоже кое-что понимаетъ въ этихъ серьезныхъ вопросахъ.—Въ аду страшно: тамъ всегда огонь горитъ, а въ огнѣ грѣшники. А хвостатые черти ихъ кочережками подпихиваютъ, чтобы они лучше жарились.

— Какъ пласуковъ!—радостно воскликнула Душка.

— А вотъ погоди, какъ тебя самое будутъ жарить, вотъ тогда и увидишь!

— А насъ тоже жарить будутъ?—съ испугомъ спросила Люба.

— Тебя-то первую, за то, что не ври! И Франуську тоже. Тамъ ей кудри-то завьютъ! Горячей кочергой...

— А тебѣ языкъ прижгутъ, бо ты сплетникъ!—отпарировала Франуся.

Милуша съ любопытствомъ слушала эти разговоры, въ которыхъ для нея открывался какой-то другой, совершенно невѣдомый для нея міръ. До сихъ поръ она думала, что на свѣтѣ только и есть „человѣки", да разные звѣри,—анъ, оказывается, еще и черти бываютъ!..

— Костя, а гдѣ адъ?—спросила она.

— Какъ гдѣ? Подъ землей!—сказалъ Костя, удивленный, что Милуша не знаетъ такихъ простыхъ вещей.

Милуша, въ свою очередь, тоже удивилась.

— Подъ землей? Да подъ землей ничего нѣту; вѣдь земля круглая, какъ арбузъ, и на той сторонѣ тоже человѣки живутъ, а чертей тамъ нѣтъ.

— Мати Боска!—воскликнула Франуся, всплеснувъ руками. —Что же она говоритъ,—чертей нѣтъ, и какъ же можно жить на свѣтѣ безъ чертей?

— Постой!—сказалъ Костя.—Что ты врешь, Милуша, какая же земля круглая? И кто это тебѣ сказалъ?

— Папа сказалъ.

Костя презрительно фыркнулъ.

— Ну ужъ твой папа! Вретъ онъ!

— Анъ не вретъ, и черти подъ землей не живутъ!—крикнула Милуша запальчиво.—Это, можетъ, вы съ своей матерью врете, а мой папа не вретъ!

— Ну ужъ нѣтъ!—возразилъ Костя, блѣднѣя.—Моя мать честная, а вы, извѣстно, мазурики. Про васъ и дворникъ говоритъ, что вы—подозрительные..

— А вы, а вы...а вы... сво.лочи!—взвизгнула Милуша.

Костя бросился на дѣвочку, и они сцѣпились. Въ свалкѣ задѣли младенца, и онъ свалился на полъ; Люба рыдала, младенецъ визжалъ, Франуся хохотала. Вдругъ въ передней загремѣлъ звонокъ, и дѣти моментально разсѣялись въ разныя стороны; на мѣстѣ битвы остался только чей-то чулокъ, да валялась изгрызенная младенцемъ погремушка.

Вошла Катерина Ивановна и очень удивилась, не найдя Милуши ни въ коридорѣ, ни у себя въ комнатѣ.

— Милуша! А Милуша!—окликнула она дѣвочку.

Молчаніе.

— Ну, Милуша, выходи же, гдѣ ты?—продолжала Катерина Ивановна.—Сейчасъ елку пойдемъ покупать,—слышишь?

Елка подѣйствовала. Висѣвшее въ углу платье, завѣшанное простыней, зашевелилось, и изъ-подъ простыни показалась круглая головка. Катерина Ивановна взглянула на дѣвочку и ахнула.

— Боже мой, Милуша, да что̀ это съ тобой?—воскликнула она.

Милуша стояла передъ ней въ смущеніи, съ поникшей головой. На обѣихъ щекахъ у нея краснѣли еще незасохшія царапины,—слѣды чьихъ-то острыхъ ногтей, а рукавъ платья былъ оторванъ и висѣлъ на ниточкѣ.

— Ай-ай-ай, Милуша!—съ упрекомъ проговорила Катерина Ивановна.—Да кто же это тебя такъ изукрасилъ?

— Я съ Костькой подралась,—угрюмо отвѣчала, наконецъ, Милуша.

— Изъ-за чего?

— А онъ не смѣй папу ругать!—сказала Милуша, и глаза ея загорѣлись негодованіемъ при воспоминаніи о полученной обидѣ.

— Да что̀ же онъ могъ про папу говорить? Пустяки какіе-нибудь!

— Нѣтъ, не пустяки!—плачущимъ голосомъ возразила Милуша.—Онъ ужъ давно про папу разныя гадости говорилъ, а ныньче говоритъ: „вы мазурики, и твой папа все вретъ, и про васъ дворникъ говоритъ, что вы по-доз-ритель-ные“!..

На этомъ словѣ, которое почему-то казалось Милушѣ особенно обиднымъ, она уже совсѣмъ не выдержала и захлебнулась слезами.

— Ахъ, Милуша, Милуша!—сказала Катерина Ивановна, лаская дѣвочку.—Ну, какъ же тебѣ не стыдно изъ-за такихъ глупостей драться и плакать? И что̀ я теперь скажу папѣ про тебя? Онъ думаетъ, ты умница, а ты что̀ дѣлаешь!

— А ты ему ничего не говори!..—стыдливо прошептала Милуша.

— Да какъ же не говорить, если онъ спроситъ?

Милуша обѣими руками взяла мать за щеки и прижалась къ ея лицу своей исцарапанной рожицей.

— Не говори, мамочка, я больше не буду!..—сказала она въ порывѣ искренняго раскаянія.—И драться не буду!.. только Костю я ужъ больше не люблю. И елочку мнѣ купи—хоть самую маленькую!..

Черезъ полчаса Катерина Ивановна съ Милушей, уже совсѣмъ одѣтыя, вышли изъ своей комнаты. Въ коридорѣ онѣ встрѣтились съ Костей, который тащилъ изъ кухни раскаленный утюгъ для матери. Они обмѣнялись съ Милушей враждебными взглядами, и дѣвочка величественно, точно маленькая королева, прошла мимо.

— Елку пошли покупать...—сказала Люба печально.—Небось насъ теперь ужъ не позовутъ!

— Ну и чортъ съ ними!—съ притворно-безпечнымъ видомъ отвѣчалъ Костя.—Больно нужна намъ ихняя елка!

Но, несмотря на этотъ вызывающій тонъ, въ сердцѣ у него больно защемило, и ему стало скучно...

Милушѣ плохо спалось въ эту ночь. Наканунѣ Катерина Ивановна сказала ей, что онѣ завтра понесутъ папѣ праздничные гостинцы, и Милуша страшно боялась проспать. Она безпокойно возилась на своей постели, то закрывая, то открывая глаза и напряженно вглядываясь въ одинъ изъ угловъ комнаты, гдѣ стояло какое-то чудовище со множествомъ рукъ. Но Милуша хорошо знала, что это не чудовище, а елка, которую онѣ съ мамой будутъ убирать завтра вечеромъ, и отъ этой мысли ея нетерпѣніе — скорѣе дожить до завтра—еще болѣе возростало. „Ахъ, противная ночь!—шептала дѣвочка:—вѣрно, она никогда не кончится"... Но тутъ вдругъ Милуша совсѣмъ незамѣтно для себя заснула, а когда проснулась, уже разсвѣло, и за окномъ завыли гудки! Милуша высунула голову изъ-подъ одѣяла и посмотрѣла на маму,—мама спала. Тогда Милуша начала тихонько скрипѣть ногтемъ по стѣнѣ, въ надеждѣ, что этотъ скрипъ, котораго мама не любила, разбудитъ ее,—нѣтъ, все спитъ! Терпѣніе Милуши истощилось: она сбросила съ себя одѣяло, торопливо одѣлась и подошла къ елкѣ. Елка была восхитительная,—жалко, что папа ее не увидитъ,—бѣдный папа! Но если у него не будетъ елки, зато будутъ гостинцы,—вонъ они стоятъ на табуреткѣ, въ большой корзинѣ, отъ которой такъ хорошо пахнетъ. А что̀ если взять, да положить въ корзину маленькую вѣточку отъ елки? Папа навѣрное догадается, что это Милуша прислала, и ему будетъ пріятно. Съ трудомъ, исколовъ себѣ всѣ пальцы,

Милуша оторвала пахучую зеленую вѣтку и втиснула ее въ корзину, между булками и колбасой...

И вотъ опять тѣ же угрюмыя, глубокія, какъ пропасть, ворота, и тотъ же черный сторожъ безмолвно отворилъ передъ ними рѣшотчатую калитку, и такъ же пристально и жутко глядѣли на нихъ изъ-за высокихъ стѣнъ безчисленные окна-глаза. Катерина Ивановна съ Милушей вошли въ подъѣздъ и очутились на знакомой лѣстницѣ, по которой озабоченно сновали люди съ корзинами и безъ корзинъ, но всѣ одинаково взволнованные. Милуша сейчасъ же узнала среди нихъ и плюшевую старушку съ ридикюлемъ, и рыженькаго технолога, и элегантную даму подъ вуалемъ. Не было только чахоточнаго человѣка въ чуйкѣ... Можетъ быть, онъ уже умеръ, а можетъ быть, ему было не на что̀ купить гостинцевъ. Всѣ эти люди уже перезнакомились другъ съ другомъ и оживленно разговаривали между собою, читая вывѣшенное на стѣнѣ объявленіе, въ которомъ заключался списокъ съѣстныхъ припасовъ, дозволенныхъ для приноса заключеннымъ. Какой-то толстякъ, вѣроятно, самъ любящій покушать и потому притащившій съ собой огромную корзину, биткомъ набитую всякими снѣдями, очень смущался малыми количествами дозволенныхъ припасовъ и все восклицалъ: „Полфунта колбасы!.. Хм... Каково? Только полфунта!“ —а плюшевая старушка, должно быть, въ сстый разъ разсказывала всѣмъ и каждому, какой былъ кроткій и послушный мальчикъ ея Володенька, и какъ она была поражена, когда узнала, что его посадили въ тюрьму. Только изящная дама подъ вуалемъ по прежнему держалась особнякомъ и ни съ кѣмъ не дѣлилась своимъ затаеннымъ горемъ.

Наверху, у прилавка, тѣснилась цѣлая толпа. Посѣтители по очереди передавали усталымъ и озабоченнымъ надзирателямъ свои корзины, и тѣ небрежно ихъ хватали, срывали сверху бумагу, торопливо кромсали булки, лимоны и апельсины и снова кое-какъ запихивали все это обратно, крича: „Слѣдующій“! Они работали съ утра, народу было много, и имъ некогда было деликатничать съ вещами, которыя вчера, можетъ быть, укладывались въ корзины съ любовью и тщательностью, чтобы доставить какъ можно больше удовольствія тому, для кого онѣ предназначались. А посѣтители, проводивъ глазами свою растрепанную и перерытую кверху дномъ посылку, со вздохомъ отходили прочь. Весь полъ въ комнатѣ былъ усѣянъ грудами разорванной бумаги, мочалой и соломой; теплый воздухъ былъ пропитанъ запахомъ апельсиновъ, и надзиратели уже совсѣмъ охрипшими голосами выкрикивали: „Слѣдующій! Слѣдующій“!..

— Касаткинъ! Кто Касаткину подавалъ?—послышалось вдругъ у прилавка.

Плюшевая старушка, которая только-что начала было разсказывать Катеринѣ Ивановнѣ про своего Володеньку, встрепенулась.

— Ахъ, Боже мой!..—испуганно воскликнула она и мелкими шажками устремилась къ прилавку.

— Возьмите это назадъ! Нельзя!—отрывисто проговорилъ суроваго вида надзиратель, возвращая старушкѣ коробку конфектъ.

— Ка...какъ нельзя?—заикаясь, вымолвила старушка.

— Нельзя! Возьмите скорѣй, мнѣ некогда!

— Бомбошекъ, сударыня, арестантамъ не полагается! —разъяснилъ другой надзиратель, въ противоположность своему суровому товарищу отличавшійся наклонностью къ юмору.—Получите свои бомбошки и скушайте ихъ сами на здоровье.

— Господи Боже мой...—лепетала растерянная старушка.— Да какъ же это?.. Конфеточки... Почему нельзя? Господинъ надзиратель!..

Но „господинъ надзиратель" уже не слушалъ ее и, сунувъ ей въ руку коробку, принялся рыться въ слѣдующей корзинѣ. Старушка отошла, держа конфекты обѣими руками, и крупныя слезы капали у нея изъ глазъ прямо въ физіономію лиловой дамы, изображенной на крышкѣ коробки. Увидѣвъ Милушу, которая смотрѣла на нее полнымъ недоумѣнія и нѣмого участія взглядомъ, она подошла къ ней.

— Возьми, дружочекъ, себѣ!—вымолвила она, подавая дѣвочкѣ коробку.—Скушай за моего Володеньку... вѣдь онъ тоже маленькій былъ... и любилъ... любилъ конфеточки-то... любилъ...

Она не договорила и, заливаясь слезами, вышла.

— Мамочка, а, мамочка?—прошептала Милуша, высоко держа въ рукахъ подаренную старушкой коробку. — Можетъ, и папѣ тоже не дадутъ ничего?

Но Катерина Ивановна не слыхала ея вопроса, озабоченная судьбою своей корзины, которая уже стояла на прилавкѣ. На полъ полетѣла оберточная бумага, посыпались крошки отъ булокъ, и вдругъ Милуша съ негодованіемъ увидѣла вѣтку отъ своей елки, валявшуюся въ грудѣ сора. Она быстро протолкалась сквозь толпу, подняла эту затоптанную и измятую вѣточку и обратилась къ суровому надзирателю.

— Зачѣмъ вы бросили папину елочку? — грозно сверкая глазами, сказала дѣвочка. — Положите ее назадъ... это папина елочка!

Надзиратель съ удивленіемъ обернулся, посмотрѣлъ на крошечное существо, съ вызывающимъ видомъ стоявшее передъ нимъ, и его суровое лицо на мгновеніе озарилось добродушной улыбкой.

— Папина? — вымолвилъ онъ.—Ну, коли папина, такъ давайте ее сюда!..

Онъ сунулъ вѣтку въ корзину и сейчасъ же, словно стыдясь за свою чувствительность, сдѣлалъ еще болѣе суровое лицо и грубо крикнулъ въ толпу: „Эй, кто тамъ еще? Слѣдующій“!..

Милуша вернулась съ Выборгской задумчивая, и по ея лицу видно было, что у нея въ головѣ сидитъ какая-то серьезная мысль. Она часто взглядывала на коробку съ конфектами и при видѣ блѣднаго пятна, расплывшагося на носу лиловой дамы, вспоминала бѣдную плачущую старушку и этотъ страшный глазастый домъ, въ которомъ почему-то нельзя ѣсть „бомбошекъ“. Почему?..

Наступилъ вечеръ. Елка была уже убрана и смутно поблескивала въ сумракѣ своими мишурными украшеніями. Усталая Катерина Ивановна, окончивъ всѣ праздничныя приготовленія, прилегла на кровать, а Милуша прикурнула возлѣ нея и о чемъ-то думала.

— Мамочка...—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.— А помнишь, какъ мнѣ папа про Христа-то разсказывалъ? Помнишь?

— Помню.

— И я тоже помню... Вѣдь Христосъ очень-очень добрый былъ, мамочка, да?

— Конечно, добрый. А вотъ ты такъ злая, драчунья.

— Да вѣдь я не буду теперь злая. А что, мамочка, вѣдь Христосъ всѣхъ любитъ?

— Да.

— И арестантовъ?

— Какихъ арестантовъ?

— А которые въ глазастомъ домѣ-то живутъ...

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Черный дядя, который мою елочку на полъ бросилъ. Ну, мамочка, я ужъ теперь знаю,—скажи по правдѣ, вѣдь и папа тоже арестантъ?

— Ну, арестантъ!

— Вотъ видишь, мамочка!— съ торжествомъ воскликнула Милуша.—А ты говорила—человѣкъ...

И усѣвшись поудобнѣе на кровати, такъ какъ предстояла очень занимательная бесѣда, она дѣловымъ тономъ закончила:

— Ну, а теперь, мамочка, ты мнѣ разскажи, что̀ такое арестантъ...

Въ это же самое время у дверей въ коридорѣ, приникнувъ ухомъ къ щелкѣ, стояла Франуся и съ жаднымъ вниманіемъ прислушивалась къ каждому слову. То, что̀ она услышала, было такъ удивительно, что необходимо было сейчасъ же съ кѣмъ-нибудь подѣлиться сенсаціонной новостью, и, увидѣвъ Костю, тащившаго къ себѣ заснувшаго младенца, Франуся подозвала его.

— Костя, а Костя!.. Иди сюда скорѣй,—что̀ я тебѣ скажу!..

Костя былъ не въ духѣ и медлилъ. Онъ былъ огорченъ ссорой съ Милушей, которая ему нравилась, и до сихъ поръ еще не могъ рѣшить, кто правъ: онъ или она? Съ одной стороны, какъ будто она, потому что онъ первый началъ ссору, обидѣвъ ея отца, но, съ другой стороны, зачѣмъ же сволочью-то ругаться? И потомъ, какъ это такъ чертей не бываетъ, когда они есть, и всѣ это знаютъ, даже старшій дворникъ? Нѣтъ, во всемъ виновата Милуша, что̀ тамъ и толковать,—и хотя въ глубинѣ души Костѣ жаль было ее, но онъ старался увѣрить себя, что она—скверная дѣвчонка, и всячески подогрѣвалъ въ своемъ сердцѣ злость противъ нея.

— Ну, что-жъ ты не идешь, мѣшокъ? — продолжала Франуся нетерпѣливо. — Ползетъ-ползетъ себѣ, якъ рогатое быдло! Слушай сюда, что̀ я узнала: вѣдь Милушкинъ-то отецъ арестантъ, въ острогѣ сидитъ,—что̀ ты скажешь?

Костя молчалъ, еще не зная, какъ ему отнестись къ этому извѣстію. Но, вспомнивъ обидное слово „сволочь“, онъ почувствовалъ злорадное удовольствіе, и острые глазки его загорѣлись.

— А ты не врешь?—спросилъ онъ.

— Якъ Бога кохамъ! Да вотъ послушай самъ...

Они оба приникли къ дверямъ и стали слушать...

А черезъ полчаса Франуся съ самымъ невиннымъ видомъ постучалась къ Катеринѣ Ивановнѣ и передала ей, что „мама проситъ пани на сочельникъ“.

Когда Катерина Ивановна, уложивъ Милушу, пришла къ пани Рудыньской, тамъ уже все было готово для торжественной встрѣчи Рождества. Каморка, обыкновенно заваленная всякимъ хламомъ, была тщательно прибрана и выметена; передъ образомъ Остробрамской Божіей Матери горѣла лампада, и ея розоватый свѣтъ придавалъ странную жизненность красивому, продолговатому лику Богоматери съ ея загадочнымъ взглядомъ и золотыми

мечами вокругъ головы. Въ узкомъ пространствѣ между комодомъ и диваномъ былъ втиснутъ большой кухонный столъ, накрытый скатертью, подъ которою, по польскому обычаю, было подостлано сѣно, а на столѣ, среди самыхъ разнообразныхъ закусокъ, соотвѣтствующихъ данному моменту, возвышалась бутылочка съ неизмѣнною зубровкой. Ей, какъ аристократкѣ, было отведено самое почетное мѣсто, и только кіевская наливка удостоилась чести стоять рядомъ съ нею; пиво же, какъ напитокъ плебейскій, было изгнано подъ столъ и скромно появлялось оттуда лишь по мѣрѣ надобности.

Пани Рудыньска, принаряженная въ шолковое платье и съ подобіемъ греческой прически на головѣ, встрѣтила Катерину Ивановну по обыкновенію очень шумно и сейчасъ же усадила ее за столъ, гдѣ уже засѣдали двѣ особы женскаго пола, тоже приглашенныя на сочельникъ. Одна изъ нихъ была длинная и сухая, какъ вобла, съ постнымъ лицомъ и совершенно втянутыми въ ротъ губами, а другая — толстая, приземистая, курносая, какъ мопсъ, съ пронзительными черными глазками, вся въ кольцахъ, браслетахъ, цѣпочкахъ и брошкахъ, натыканныхъ вездѣ, гдѣ только было можно. При видѣ Катерины Ивановны обѣ дамы какъ-то особенно переглянулись, причемъ худая еще больше втянула въ себя губы, а курносая подозрительно оглядѣла всѣ свои драгоцѣнности и подобралась, точно собираясь прыгнуть. Когда же Франуся, по приказанію матери, привела еще двухъ надеждинокъ—третья была на дежурствѣ—и онѣ явились такія жизнерадостныя, улыбающіяся, въ своихъ дешевенькихъ ситцевыхъ косовороткахъ, пропитанныхъ запахомъ карболки и іодоформа,—дамы окончательно были афраппированы и впали въ каталептическое состояніе, принявъ видъ двухъ деревянныхъ истукановъ.

— Франуська!—сказала пани Рудыньска.—Иди, скажи, чтобы давали намъ кушать!

Франуся, развѣвая своимъ новымъ огненно-краснымъ платьемъ, только на вершокъ не достававшимъ до полу—изъ-за этого вершка между нею и матерью вышла цѣлая баталія,—умчалась въ кухню, а Бронислава Игнатьевна обратилась къ гостямъ:

— Ну, а теперь прошу пани до закуски и по румочкѣ зубровки!

Катерина Ивановна и надеждинки отказались, но два истукана мгновенно ожили и простерли руки къ зубровкѣ. Появился на столѣ разварной судакъ,—онѣ и передъ судакомъ выпили. Потомъ Душкина мать принесла узваръ—опять выпили. Въ заключеніе подали кутью, художественно украшенную мармеладомъ

и всякими сластями — выпили и передъ кутьей. Истуканы въ дѣлѣ выпивки оказались весьма компетентными и нисколько не отставали отъ хозяйки, но въ то время, какъ она съ каждою „рюмочкой“ становилась все оживленнѣе и радушнѣе, партнёрки ея все больше и больше замыкались въ себя, и физіономіи ихъ принимали зловѣщее выраженіе. Впрочемъ, пани не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія и съ одушевленіемъ разсказывала разные эпизоды изъ своей „мятежной“ жизни, сильно напоминавшіе приключенія пана Заглобы изъ романа Сенкевича. Сначала она разсказала, какъ, будучи десяти лѣтъ отъ роду, объѣздила дикую лошадь; потомъ перешла къ исторіи своего перваго замужества, которая хотя давно уже всѣмъ была извѣстна, но каждый разъ украшалась такими подробностями, что измѣнялась до неузнаваемости и отъ этого никогда не переставала быть интересной; наконецъ, пани до того разошлась, что забыла уже всякую мѣру, съ необычайнымъ паѳосомъ разсказавъ, какъ она однажды, спасаясь отъ преслѣдованія влюбленнаго въ нее высокопоставленнаго лица, спряталась въ костелѣ, въ органной трубѣ, и принуждена была просидѣть тамъ всю обѣдню. Этотъ послѣдній разсказъ произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе, и даже истуканы вдругъ зашевелились и начали издавать какіе-то скрипящіе звуки, похожіе на смѣхъ.

— Ой, ой, ой!—вымолвила наконецъ курносая, отдышавшись и откашлявшись.—Какая же это, должно быть, труба, если пани могла въ ней помѣститься, и какой долженъ быть органъ, если въ немъ такія трубы!

— А что-жъ!—хладнокровно возразила пани Рудыньска.— Натурально, первый органъ во всей Варшавѣ; такого органа на всемъ свѣтѣ нѣтъ, а я жъ тогда была не такая толстая, какъ теперь, а худенькая и стройна, какъ пальма.

Истуканы снова заскрипѣли, а тощая дама отъ избытка чувствъ даже расчихалась.

— Ну, а что, пани?—продолжала курносая, когда пароксизмъ смѣха прекратился.—Хотѣла бы я знать, какъ же тотъ органъ игралъ, когда вы въ немъ сидѣли?

Бронислава Игнатьевна вдругъ грозно нахмурилась, и ея пышныя щеки задрожали отъ гнѣва.

— А такъ и игралъ! — крикнула она, ударивъ по столу ладонью такъ, что вся посуда задребезжала.—Что вы тамъ смѣетесь? Развѣ я вру? Можете вы мнѣ сказать, вру я или нѣтъ?

— Не знаю, пани!—сказала курносая кротко, хотя ея глазки

позеленѣли, точно у змѣи, которая собирается ужалить.—Какъ же могу я это знать, когда я съ вами вмѣстѣ въ трубѣ не сидѣла!

На минуту наступило зловѣщее молчаніе. Гостья нервно улыбалась, ощупывая всѣ свои драгоцѣнности, а хозяйка повидимому совершенно погрузилась въ разсматриваніе ея носа.

— А вѣрно, не сидѣли! — заговорила она, наконецъ, спокойно и даже добродушно.—Вы не сидѣли, дрòга мòя пани, бо въ то время торговали на толкучкѣ старыми пантофлями, а послѣ держали секретную кассу ссудъ и брали ой-ой-ой какіе хорошіе проценты!

„Дрòга пани“ при этихъ словахъ вся налилась кровью, какъ піявка, и глаза ея засверкали.

— Можетъ быть, я и брала съ кого-нибудь хорошіе проценты, только не съ васъ, пани-кохана, — зашипѣла она язвительно.—Вы же всегда были голая, какъ мышь, а мужъ вашъ былъ всему свѣту извѣстный пьяница и колотилъ васъ каждый день, какъ извозчикъ лошадь!

— А что жъ, и колотилъ, но зато меня никогда не сѣкли въ полиціи за хорошія дѣла, а вашу мосць сѣкли, да, можетъ, и еще высѣкутъ!

Эти слова переполнили чашу. Оскорбленная гостья подпрыгнула и залилась визгливымъ лаемъ, совершенно какъ разсвирѣпѣвшій мопсъ.

— А, сѣкли? Меня сѣкли? Ну нѣтъ, пани, меня еще не сѣкли, а вотъ васъ такъ высѣкутъ,—стоитъ мнѣ сказать одно слово въ полиціи про вашъ длинный языкъ, да про ваши шурымуры съ разными тамъ студэнтами и студентэссами, съ которыми и сидѣть-то рядомъ совѣстно, бо отъ нихъ неприлично пахнетъ...

Пани Рудыньска приподнялась (хотя и съ трудомъ), величественно простерла руку къ двери и произнесла тономъ трагической актрисы:

— Ну если такъ, пани, и если вамъ мои гости неприлично пахнутъ, то и прòшу пани до порогу!

Обѣ дамы не заставили себя долго просить и стали поспѣшно вылѣзать изъ-за стола.

— А, вотъ какъ?.. Ну ужъ если такъ... такъ ужъ, конечно...— бормотала тощая отрывисто.

— Хорошо, мы уйдемъ!—вторила ей курносая, съ усиліемъ протискивая свою круглую фигурку въ узкое пространство между столомъ и диваномъ.—Мы уйдемъ, но я этого не оставлю такъ себѣ, пани Рудыньска! Я вамъ не какая-нибудь; я женщина сим-

патичная! Я у самого ксендза постоянно чай пью и шутить съ собой не позволю...

— А я каждый годъ у частнаго пристава дѣтей крещу!— торжественно воскликнула тощая уже въ дверяхъ.

— Ну, и цѣлуйтесь съ вашимъ приставомъ! — пустила ей вслѣдъ пани Рудыньска и, замѣтивъ, что другая гостья безнадежно завязла за столомъ, обратилась къ дочери:—Франуська, душко мôя, пропихни ее сзади хорошенько, бо пани до завтра не вылѣзетъ...

Франуся съ готовностью исполнила приказаніе матери, и гостья кубаремъ выкатилась изъ-за стола. Но у порога она на минуту остановилась и, задыхаясь отъ бѣшенства, крикнула: „Быдло! Мужичка“! Въ отвѣтъ на это пани Рудыньска мужественно ринулась въ аттаку, вытѣснила животомъ своимъ гостью въ коридоръ и, захлопнувъ дверь, возвратилась къ столу.

— Атъ, подлыя бабы!—сказала она, переводя духъ.—Съѣли мой узваръ, съѣли мою кутью, выпили мою зубровку, да еще и наскандалили... А ну, чортъ съ ними, и думать больше о нихъ не хочу. Выпью еще полкилишки (полрюмки), да и будемъ себѣ гадать!

И съ видомъ побѣдительницы она опрокинула въ ротъ рюмку и, запѣвъ не лишеннымъ пріятности басомъ: „Нашъ Стефанъ-Баторій велькій“, начала вытаскивать изъ-подъ скатерти сѣно.

— Смотри, Франуська! — сказала она, вытянувъ длинную былинку. — Вотъ увидишь, что въ этомъ январѣ мы выиграемъ двѣсти тысячъ!

— Да вѣдь вы, мама, и въ прôшлый сочельникъ говорили то же самое!—лукаво возразила Франуся.

— Ну, мало ли чтò было въ прошлый сочельникъ, а теперь выиграемъ. Паненки, а вы что же не гадаете? Кому же и гадать еще, какъ не вамъ?

Но паненки рѣшительно отказались гадать и начали прощаться. Катерина Ивановна послѣдовала ихъ примѣру.

— Э, да чтò же это вы, куда спѣшите?—сказала пани.— Посидѣли бы еще, поговорили; я бы вамъ разсказала, какъ въ 1867 году...

— И правда, чего вы такъ рано ушли?—говорила и Франуся, провожая гостей въ коридоръ.—Такъ хорошо было, весело, а эти жабы все испортили. И вѣдь это каждый годъ бываетъ, каждый годъ!

— Неужели?—съ удивленіемъ спросила Катерина Ивановна.

— Обязательно! Да вы чтò думаете,—онѣ больше никогда

не придутъ? Какъ же! Придутъ, и опять поругаются, и мама опять ихъ выгонитъ, а онѣ все-таки придутъ... Что же тутъ такого особеннаго?

А Милуша въ это время крѣпко спала, далекая отъ всякихъ земныхъ радостей, золъ и бѣдствій, которыхъ еще много ждало ее впереди.

Разбудилъ ее не вой гудковъ и не обычная трескотня машины, а торжественный гулъ колоколовъ, и Милуша вскочила радостная и изумленная.

— Христосъ уже родился, мама?—спросила она, протирая заспанные глаза.

— Родился, Милуша, вставай скорѣй, а то чай простынетъ.

— Сейчасъ встану. Ахъ, мамочка, какъ хорошо нынче, свѣтло, и колокола звонятъ,—отчего это? Все оттого, что Христосъ родился,—правда? Отчего каждый день этого не бываетъ? Еслибы каждый день Рождество,—вотъ бы хорошо было!..

Она потянулась къ стулу, чтобы взять свою одежду, и ахнула отъ удивленія. Вмѣсто ея стареньскаго, съ дырявыми локтями платьица, лежало какое-то совсѣмъ другое, синее, съ красными горошками, и тутъ же висѣли новые красные чулки, а у кровати, на полу, стояли тоже новые желтые башмаки съ пуговками. И все это вмѣстѣ,—и новое платье, и звонъ колоколовъ, и солнечный свѣтъ, придавшій красоту даже мрачной стѣнѣ за окномъ,—все это наполнило Милушину душу какимъ-то особеннымъ, тоже новымъ и необычайно высокимъ настроеніемъ. Ей казалось, что она теперь стала совсѣмъ другою дѣвочкой, чинной, разсудительной и благоразумной, и что теперь уже надо всегда быть такою, потому что всѣмъ это пріятно, и всѣ любятъ чинныхъ и добрыхъ дѣтей. Съ такими чувствами Милуша встала, умылась и одѣлась, стараясь дѣлать все это какъ можно степеннѣе и не выказавъ нетерпѣнія даже тогда, когда новые башмаки не хотѣли скоро застегнуться. Также степенно она выпила свою чашку чаю и, чтобы не мѣшать мамѣ писать письма („теперь ужъ никогда больше не буду мѣшать!“), отошла къ елкѣ. Елка была очень красива, но... Милуша вдругъ почувствовала, что любоваться на елку одной очень скучно, и что непремѣнно надо подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ новымъ настроеніемъ и показать свое новое платье. Она взяла коробку съ конфектами и вышла въ коридоръ, надѣясь найти на сундукѣ кого-нибудь изъ своихъ пріятелей. Но тамъ не было ни души, и Милушу поразила необыкновенная тишина и торже-

ственность, разлитыя повсюду. На чисто вымытомъ полу коридора разстилались опрятныя дорожки; изъ-подъ дверныхъ щелей пробивались веселые солнечные лучи; машина молчала, и даже въ кухнѣ не было слышно никакихъ зловѣщихъ звуковъ. „Должно быть, такъ и нужно, чтобы ныньче никто не шумѣлъ!"—подумала Милуша, все болѣе и болѣе проникаясь высокимъ настроеніемъ. „Христосъ родился... Онъ любитъ, чтобы всѣ были добрые... И я буду добрая, всегда-всегда буду добрая, буду всѣхъ любить... даже Костю"... И въ порывѣ самыхъ великодушныхъ чувствъ Милуша подошла къ портнихиной комнатѣ и тихонько пріотворила дверь.

Костя и Люба, пріодѣтые, причесанные и тоже чинные, какъ Милуша, сидѣли у стола, и яркій солнечный свѣтъ падалъ сквозь промерзшія стекла на ихъ склоненныя головы. Самой портнихи не было; младенецъ спалъ въ корзинѣ и страшная машина безмолвно стояла въ углу подъ футляромъ. Костя нараспѣвъ читалъ свою приходо-расходную книжку, а Люба, открывъ ротъ, благоговѣйно слушала.

— Те-ля-тины два фунта!—тянулъ Костя.—И мас-ла на 10 копѣекъ, итого съ фитилемъ на лампу 64 копѣйки... Ишь ты, пропасть какую деньжищъ-то истратили!—озабоченно прибавилъ онъ уже отъ себя.

Скрипъ двери заставилъ ихъ оглянуться, и, увидѣвъ Милушу, оба они смутились. Милуша подошла къ нимъ.

— У тебя, Люба, тоже новое платье?—заговорила она дружелюбно.—И у меня новое! Посмотри, какое!

И, растопыривъ руки, Милуша перевернулась на одной ножкѣ, раздула юбку пузыремъ и присѣла на полъ.

Но ей никто не отвѣчалъ. Костя угрюмо ковырялъ столъ пальцемъ, а Люба, испуганно моргая, смотрѣла не на Милушу, а на брата, точно спрашивая его, что ей дѣлать.

— Правда, хорошее?—продолжала Милуша, ничего не замѣчая.—И башмаки тоже новые. Они очень тугіе, но это ничего, мама говоритъ—разносятся. А ваша мама гдѣ?

— Она въ церковь ушла...—прошептала Люба.

— Молиться? Я тоже вчера молилась. Я теперь драться никогда больше не буду; мама говоритъ: стыдно!—и Христосъ же не любитъ, чтобы драться... Пойдемте на сундукъ конфекты ѣсть. Смотрите, какія! Это мнѣ вчера одна барыня дала, когда мы къ папѣ ходили.

И Милуша довѣрчиво протянула коробку къ Любѣ.

— Не бери!—сказалъ вдругъ Костя, дернувъ сестру за рукавъ.—Очень нужно всякую дрянь ѣсть.

— Отчего?—спросила Милуша съ удивленіемъ.—Онѣ вкусныя, ты попробуй!

— Не бери, тебѣ говорятъ!—повторилъ Костя. - Можетъ, онѣ еще краденыя... Не знаешь, что-ль, кто ея отецъ-то? Острожникъ, вотъ кто!

Растерявшаяся Милуша такъ и окаменѣла съ протянутою и отвергнутою рукой, а Костя, чувствуя, что если перестанетъ говорить, то непремѣнно зареветъ, продолжалъ торопливо съ какими-то истерическими всхлипываніями:

— Да, конечно, острожникъ... въ тюрьмѣ сидитъ, за хорошія дѣла!.. А туда же еще форситъ... ругается! Фря какая, подумаешь!.. Мы-то еще въ острогѣ не сидѣли, а вотъ твой отецъ ужъ сидитъ!.. Небось, укралъ чего-нибудь,—вотъ и посадили... Любка, не смѣй ревѣть, отколочу!—крикнулъ онъ на сестру, которая давно уже плакала навзрыдъ, и, обратившись снова къ Милушѣ, закончилъ со слезами въ голосѣ:—А ты пошла отсюда... Не хотимъ мы съ тобой водиться!.. Острожница!..

Милуша не могла больше этого вынести и, забывъ о своемъ новомъ платьѣ, въ которомъ такъ недавно еще чувствовала себя совсѣмъ солидной особой, забывъ обо всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ всѣхъ любить и никогда не драться, съ поднятыми кулаками ринулась на Костю.

— Батюшки мои, да что же это такое?—воскликнула портниха, появляясь на порогѣ въ праздничномъ нарядѣ, пропитанномъ еще запахомъ кадильнаго дыма и восковыхъ свѣчей.

Ея появленіе было встрѣчено общимъ ревомъ. Плакалъ Костя, плакали Люба и Милуша, заливался проснувшійся младенецъ, и праздничная тишина квартиры огласилась такимъ громогласнымъ концертомъ, котораго не могли даже заглушить рождественскіе колокола... Въ комнату вбѣжала испуганная Катерина Ивановна, и обѣ матери приступили къ судебному разбирательству.

Черезъ нѣсколько времени дѣти, съ распухшими и красными отъ слезъ носами, съ изрядно пострадавшими во всей этой передрягѣ праздничными костюмами, но уже счастливыя и примиренныя, сидѣли на сундукѣ вокругъ Милушиной коробки съ конфектами и, успокоительно всхлипывая, заѣдали горечь жизни сладостью кондитерской помадки. Милуша особенно усердно уго-

щала Костю, а Костя энергично отказывался и, подставляя Милушѣ свои взъерошенные вихры, шепталъ:

— Ты меня побей, Милуша, ей Богу, побей... на̀ вотъ, тресни хорошенько по башкѣ, чтобы зазвенѣло,—такъ мнѣ и надо... да ей Богу!.. Я вѣдь злющій, я самъ знаю... я тебя нарочно дразнилъ, со злости, а вовсе не потому, что ты остро... остро...острожница... Ну на̀ же, тресни!..

— Не надо! Зачѣмъ трескать?—возражала Милуша.—Теперь ужъ не надо... Ты лучше конфетку ѣшь, а вечеромъ мы елку зажжемъ, танцовать будемъ, я тебѣ хлопушку подарю... Ну, Костя, не плачь!

И, выбравъ самую лучшую конфекту, она насильно втискивала ее Костѣ въ ротъ, а Костя машинально жевалъ и всхлипывалъ, и слезы текли у него по лицу, падая въ физіономію лиловой дамы, съ которой еще не изгладились блѣдныя пятна отъ вчерашнихъ слезъ Володенькиной матери.

В. І. Дмитріева.

ЛОНДОНСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

и

ЕГО ОРГАНЫ

I.

Въ муниципальномъ отношеніи Лондонъ отстаетъ отъ многихъ западныхъ городовъ, даже менѣе крупныхъ по размѣрамъ и значенію. До средины 50-хъ годовъ, въ Лондонѣ даже не было почти никакого муниципальнаго устройства. За исключеніемъ одной квадратной мили, занятой Сити и имѣвшей, да и сохранившей по настоящее время свое совершенно своеобразное самоуправленіе, остальныя части Лондона управлялись отчасти на основаніи мѣстныхъ законовъ, отчасти на основаніи обычнаго права, какъ обыкновенные деревенскіе приходы, связанные между собою лишь механически, улицами и путями сообщенія. Въ 1855 г. была сдѣлана первая попытка объединить Лондонъ однимъ общимъ для всего города управленіемъ, и на основаніи парламентскаго акта былъ учрежденъ „совѣтъ столичныхъ работъ“ („Metropolitan Board of Works“), который получилъ право производить разныя работы на общій счетъ всѣхъ частей Лондона. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ членовъ, которые выбирались разными приходскими правленіями изъ своего же состава, и такъ какъ эти правленія сами далеко не могли служить истинными представителями населенія, то не удивительно, что и совѣтъ, избиравшійся ими, не оказался на высотѣ своей задачи. Онъ все-таки успѣлъ дать Лондону очень хорошую си-

стему канализаціи для отвода нечистотъ и выстроилъ широкую и красивую набережную на южномъ берегу Темзы, отъ зданія парламента до Блэкфрайерскаго моста.

Въ 1889 г. „совѣтъ столичныхъ работъ" уступилъ свое мѣсто „совѣту лондонскаго графства" („London County Council"), вполнѣ демократическому и въ нѣкоторомъ родѣ всеобъемлющему учрежденію, составляющему то, что въ Россіи извѣстно подъ именемъ городской думы. Этотъ совѣтъ состоитъ изъ 118 совѣтниковъ и 19 ольдерменовъ. Первые выбираются черезъ прямую подачу голосовъ всѣми налогоплательщиками, въ число которыхъ входятъ не только домовладѣльцы и содержатели лавокъ и мастерскихъ, но и всякій, мужчина или женщина, содержащій квартиру хотя бы изъ одной лишь комнаты. Ольдермены же избираются уже самими совѣтниками.

Въ началѣ настоящаго года Лондонъ готовился уже къ выборамъ на пятое трехлѣтіе своей думы. Выборы назначены были на 2-ое марта, и всюду и вездѣ можно было видѣть плакаты съ просьбой вотировать за того или другого кандидата. Обѣ думскія партіи—прогрессивная и умѣренная, или, какъ она сама стала теперь называть себя, консервативная — каждый вечеръ устраивали почти во всѣхъ 58 избирательныхъ участкахъ публичные митинги, и обычная предвыборная агитація развернулась во всю ширь свою.

Однако, какъ ни широки полномочія совѣта лондонскаго графства, какъ ни велико можетъ быть вліяніе его на внѣшнее благоустройство Лондона и на благосостояніе его жителей, значеніе этихъ городскихъ выборовъ далеко не такъ глубоко, какъ можетъ казаться по шуму, который они поднимаютъ. Лондонъ и послѣ 1888 г., какъ и послѣ 1855 г., продолжаетъ управляться въ сущности не думой, а своими участковыми правленіями, этими ячейками громаднаго города. Благодаря именно самостоятельной дѣятельности этихъ муниципальныхъ ячеекъ, лондонское самоуправленіе представляло собою до 1-го ноября прошлаго года, а отчасти представляетъ и теперь, нѣчто въ родѣ пестраго одѣяла, сшитаго изъ разныхъ лоскутковъ. Оно состояло изъ 29 приходовъ (vestries), имѣвшихъ самостоятельныя муниципальныя права, и изъ 47 меньшаго размѣра приходовъ, самостоятельно не имѣвшихъ муниципальныхъ правъ, но представлявшихъ собою 12 независимыхъ муниципалитетовъ, дѣйствовавшихъ подъ именемъ участковыхъ правленій общественныхъ работъ (District Boards of Works). Къ этому нужно, конечно, прибавить 30 попечительствъ, избираемыхъ на основаніи „закона о бѣдныхъ", и

нѣкоторыя другія учрежденія. Въ общемъ, число лицъ, избиравшихся каждые три года въ правители Лондона, превышало пять тысячъ.

Принятый въ 1899 г. и вошедшій въ силу 1-го ноября 1900 г. билль о лондонскомъ самоуправленіи многое измѣнилъ и сократилъ. Оставивъ попечительства о бѣдныхъ, училищный совѣтъ, правленіе Сити и совѣтъ лондонскаго графства на старыхъ началахъ, онъ обратилъ 127 учрежденій въ 28 самостоятельныхъ муниципалитетовъ, и теперь весь Лондонъ разбитъ на 29 частей (считая и Сити), каждая изъ которыхъ, кромѣ Сити, получила названіе „города" (borough), а правленіе ея—„столичнаго городского совѣта" („Metropolitan Borough Council"). По существу своихъ правъ и обязанностей эти только-что открытыя муниципальныя учрежденія—лишь простые преемники прежнихъ разнородныхъ учрежденій; въ нихъ только объединено то, что̀ раньше дѣлалось въ разбродъ, а въ территоріальномъ отношеніи установлены болѣе рѣзкія и болѣе естественныя границы между разными частями города. Если поэтому кто хочетъ изучить Лондонъ въ муниципальномъ отношеніи, тотъ долженъ изучить каждую часть его отдѣльно. Муниципалитеты отдѣльныхъ частей города—отъ думы, отъ такъ называемаго совѣта лондонскаго графства, ничѣмъ не зависятъ. У нихъ свой кругъ дѣятельности, а у него—свой, и ни въ какой подчиненности они другъ у друга не состоятъ.

Быть можетъ, здѣсь умѣстно будетъ указать на общую черту, отличающую мѣстное самоуправленіе въ Англіи. Черта эта состоитъ въ томъ, что обычная на континентѣ система китайскаго ящика—въ Англіи совершенно неизвѣстна. Вы, конечно, знаете устройство китайскаго ящика. Маленькій ящикъ вкладывается въ другой, который побольше; этотъ другой вкладывается въ третій, третій—въ четвертый и т. д., пока всѣ ящики не умѣстятся въ самомъ большомъ, который и запирается на ключъ. На континентѣ система эта, которая имѣетъ своимъ девизомъ „чинъ чина почитай", очень распространена, и ученые называютъ ее не системою китайскаго ящика, а „бюрократической централизаціей". По этой системѣ власть деревни, напримѣръ, ограничивается властью села, или волости, или стана; власть послѣдняго находится подъ властью уѣзда или округа; власть округа зависитъ отъ губерніи, или департамента, или „провинціи"; губернія, въ свою очередь, можетъ сгибаться передъ генералъ-губернаторствомъ, пока наконецъ все не замыкается властью центральной, имѣющей свое мѣстопребываніе въ столицѣ.

Въ Англіи ничего подобнаго нѣтъ. Тутъ нѣтъ промежуточныхъ инстанцій и звеньевъ. Каждое мѣстное учрежденіе, какъ бы мало оно ни было, даже какой-нибудь „приходскій митингъ" (ежегодный сходъ маленькаго деревенскаго района съ населеніемъ меньше трехсотъ жителей) непосредственно сносится съ министерствомъ, съ Local Government Board, если ему ужъ нужно сноситься съ кѣмъ-либо повыше себя. Въ своемъ мѣстномъ самоуправленіи англичане выказываютъ тотъ же духъ и тѣ же наклонности, которые обнаруживаются и въ ихъ частной жизни, особенно въ выборѣ жилищъ. Они не любятъ, чтобы кто-либо жилъ надъ ними, стоялъ бы, такъ сказать, между ними и небомъ, и предпочитаютъ квартирамъ въ одномъ этажѣ отдѣльные домики, которые они бы могли сами занять сверху до низу. И въ земскомъ, и въ муниципальномъ отношеніи каждая деревня (Parish Council), каждое мѣстечко (Urban Council) живетъ совершенно „особнякомъ" и между ними и центральной властью никакихъ посредниковъ нѣтъ. Да и центральная власть въ лицѣ министерства и парламента можетъ проявляться въ очень рѣдкихъ и закономъ вполнѣ опредѣленныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ, вновь созданные биллемъ 1899 года „столичные города"—не только города по имени, но и на самомъ дѣлѣ совершенно самостоятельные муниципалитеты, и лондонская дума имѣетъ дѣло лишь съ такими муниципальными задачами, которыя касаются всего города и требуютъ денежнаго участія всѣхъ частей его, какъ, напр., распространеніе техническаго образованія, устройство жилищъ для рабочихъ, проведеніе новыхъ улицъ, регулированіе Темзы, очистка города и много другихъ. Центръ же тяжести жизни народа въ Лондонѣ, какъ и во всей Англіи, лежитъ именно въ первичныхъ общественныхъ клѣточкахъ, работа которыхъ хотя очень мало замѣтна, но въ высшей степени важна. Ее часто скрываетъ болѣе видная, болѣе шумная дѣятельность парламента съ его милліарднымъ бюджетомъ, съ его министрами и партіями, или дѣятельность лондонской думы съ ея бюджетомъ въ 36 слишкомъ милліоновъ рублей и также съ ея партіями и „политикой". Но стоитъ только присмотрѣться поближе къ этимъ маленькимъ организмамъ большого муниципальнаго тѣла, чтобы достойно оцѣнить ихъ громадную роль въ ростѣ и развитіи столицы Англіи. Благодаря дѣятельности именно участковыхъ управленій, въ родѣ vestries или District Boards, Лондонъ за послѣднія десять лѣтъ сталъ почти неузнаваемъ. Высоко-полезныя общественныя предпріятія, о которыхъ въ началѣ 90-хъ годовъ лондонцы еще только мечтали, усѣяны те-

перь по всему Лондону и кажутся уже настолько обычнымъ и естественнымъ явленіемъ, что отсутствіе ихъ въ какомъ-либо участкѣ вызываетъ недоумѣніе.

II.

Для того, чтобы увидѣть, какъ далеко шагнулъ Лондонъ за послѣдніе годы въ муниципальномъ отношеніи и какую роль въ развитіи и улучшеніи его жизни играютъ мѣстные, участковые муниципалитеты, посѣтимъ одинъ изъ его самоуправляющихся участковъ. Какъ уже сказано, въ настоящее время, т.-е. съ ноября прошлаго года, такихъ участковъ, считая и Сити, имѣется 29, занимающихъ площадь въ 121 квадр. милю. Для нашего осмотра мы выбираемъ участокъ Шордичъ, который лежитъ почти въ центрѣ города, на сѣверо-восточномъ краю Сити. Билль 1899 года почти не измѣнилъ его границъ, такъ что нынѣшній „столичный городъ Шордичъ", это—прежнее „вестри", прежній шордичскій приходъ. По количеству населенія и пространству онъ меньше другихъ участковъ Лондона, но зато по своей муниципальной предпріимчивости онъ стоитъ въ ряду первыхъ. Его площадь составляетъ 648 акровъ,—немногимъ, значитъ, больше одной квадратной англійской мили. Населеніе его въ 1896 г. составляло 122.358 чел., и его недвижимость, подлежащая оплатѣ налогами, была оцѣнена, въ 1899 г., въ 708.644 фунт. стерлинговъ, или, перекладывая на русскія мѣры, можно приблизительно сказать, что, въ среднемъ, десятина земли въ Шордичѣ, занятая строеніями, стоитъ около 35 милліоновъ рублей. Почти половина этого участка, извѣстнаго главнымъ образомъ производствомъ мебели, покрыта фабриками, мастерскими, складами и вообще торговыми заведеніями; а вторая половина занята домами съ квартирами, въ которыхъ живетъ главнымъ образомъ рабочее населеніе. Общій видъ этой трудовой, очень бойкой и промышленной части Лондона нельзя называть особенно увлекательнымъ и жизнерадостнымъ. По своей внѣшности Шордичъ больше угрюмъ, чѣмъ красивъ, больше купецъ и мастеровой, чѣмъ интеллигентъ или аристократъ; но онъ все-таки очень опрятенъ и, повидимому, даже эстетикъ, то-и-дѣло порывающійся къ украшенію себя разными затѣйливыми фронтонами, башенками и чугунными рѣшотками.

Десять лѣтъ тому назадъ, вы бы не могли найти въ Шордичѣ ни одного муниципальнаго зданія, если не считать его „го-

родского дома", такъ называемаго „Town Hall". Безъ такого зданія не обходится ни одна часть Лондона. Это—общественное зданіе, въ которомъ находится мѣстное правленіе и въ которомъ собираются на засѣданія члены муниципалитета. Раньше въ немъ собирались члены „вестри", а теперь въ немъ засѣдаютъ ихъ преемники, „городскіе совѣтники".

Въ Шòрдичѣ Town Hall выходитъ на улицу очень красивымъ фасадомъ, съ портикомъ, опирающимся на коринѳскія колонки, съ баллюстрадой и вазами надъ фронтономъ. Поднимаясь въ подъѣздъ съ улицы, вы вступаете въ длинный и высокій коридоръ, выложенный мозаикой и отдѣланный мраморомъ. Коридоръ приводитъ васъ къ двери огромной залы въ два свѣта. Въ одномъ концѣ залы находится эстрада съ длиннымъ столомъ, передъ которымъ стоитъ кресло съ очень высокой спинкой; по сторонамъ этого кресла стоятъ стулья съ не столь высокими спинками, но не менѣе торжественно-внушительные. Сейчасъ видно, что тутъ не сидятъ, а засѣдаютъ, и притомъ не кто-нибудь, а люди съ вѣсомъ и значеніемъ. Посреди залы, передъ эстрадой поставленъ длинный столъ, вдоль котораго съ обѣихъ сторонъ тянутся диваны, покрытые сафьяномъ, а за диванами поставлены кресла. Спинки у дивановъ снабжены досками, служащими чѣмъ-то въ родѣ партъ для тѣхъ, которые сидятъ за ними въ креслахъ. Въ сторонѣ находится длинный столъ и на стѣнѣ повыше его виднѣется надпись: „Пресса". Эта часть залы отдѣляется отъ другой длиннымъ диваномъ, поставленнымъ поперекъ залы. За этимъ диваномъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ, поставленныхъ уже не вплотную, а съ перерывами и проходами. Первая часть залы предназначена для совѣтниковъ, вторая—для публики.

Мы посѣщаемъ городскую залу, конечно, въ такое время, когда тамъ происходитъ засѣданіе совѣта. Обыкновенно „столичные городскіе совѣты" собираются разъ въ двѣ недѣли, по вечерамъ. Въ Шòрдичѣ они собираются въ первый и третій вторники мѣсяца. Засѣданіе назначено въ половинѣ седьмого вечера, и ровно въ этотъ часъ оно и открывается. На предсѣдательское кресло садится мэръ, рядомъ съ нимъ, по правую руку его—городской секретарь (town clerk), а тамъ дальше—стенографъ и его помощникъ. По лѣвую сторону предсѣдателя занимаетъ мѣсто какой-то другой скромный служащій совѣта. За столомъ ниже эстрады занимаютъ мѣста совѣтники и ольдермены. Раньше, до введенія билля 1899 г., тутъ сидѣли „вестримены", а въ предсѣдательскомъ креслѣ—„предсѣдатель вестри". Билль же все и всѣхъ переименовалъ, создавъ, вмѣсто вестри-

меновъ,—совѣтниковъ и ольдерменовъ, которые избираются тѣмъ же порядкомъ, какъ совѣтники и ольдермены лондонской думы, а вмѣсто „предсѣдателя вестри“ теперь во главѣ корпораціи стоитъ „мэръ“. Число совѣтниковъ для каждой части Лондона отдѣльно опредѣляется министерствомъ и не должно превышать 60; число же ольдерменовъ составляетъ одну шестую часть совѣтниковъ, такъ что весь составъ совѣта ни въ одной части Лондона не можетъ превышать 70, а если мэръ избирается совѣтниками не изъ своей среды, а изъ постороннихъ, то все число членовъ можетъ достигнуть лишь цифры 71. Въ Шордичѣ весь составъ совѣта состоитъ изъ 42 совѣтниковъ, одинъ изъ которыхъ мэръ, и 7—ольдерменовъ, вмѣсто бывшихъ тамъ 120 вестрименовъ. И мэръ, и совѣтники, и ольдермены одѣты по-просту, кто въ пиджакѣ, кто въ сюртукѣ, а кто въ жакеткѣ. Но эта простота—въ нѣкоторомъ родѣ маленькое вольнодумство со стороны шордичанъ. Въ большинствѣ другихъ „столичныхъ городовъ“ Лондона мэръ и ольдермены во время засѣданій одѣваются въ особыя мантіи, завели себѣ цѣпи, жезлы, булавы, треуголки и прочія эмблемы муниципальной власти. Въ Шо̀рдичѣ же, Панкрасѣ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Лондона муниципалитеты оказались выше этого и рѣшили никакихъ внѣшнихъ знаковъ своей должности не присвоивать.

За столомъ печати сѣли репортеры мѣстныхъ газетъ, которые, конечно, лучше всего другого свидѣтельствуютъ о существованіи въ Лондонѣ особыхъ, мѣстныхъ, участковыхъ интересовъ, своей обособленной мѣстной жизни и своего чисто-мѣстнаго патріотизма. Каждая часть города имѣетъ свои газеты, выходящія обыкновенно разъ или два-три раза въ недѣлю, свой консервативный и свой либеральный о̀рганъ. И Шордичъ, какъ одна изъ старыхъ частей города, имѣетъ цѣлыхъ три мѣстныхъ газеты.

Часть залы, отведенная для публики, совершенно пуста. Очевидно, шордичане мало интересуются тѣмъ, что̀ происходитъ въ ихъ городскомъ совѣтѣ, лишь бы результаты были ощутительны. И дѣйствительно, ничего чрезвычайнаго тамъ происходить не можетъ. Программа занятій, напримѣръ, въ вечеръ нашего посѣщенія состоитъ изъ выслушиванія отчетовъ и одобренія докладовъ разныхъ комитетовъ—финансовъ, освѣщенія, подметанія улицъ, постройки жилищъ для рабочихъ, хозяйственнаго, санитарнаго, баннаго и другихъ. Но хотя по содержанію занятія въ „городскихъ совѣтахъ“ не могутъ отличаться особой сенсаціонностью, дебаты часто носятъ въ нихъ болѣе оживленный и

болѣе горячій характеръ, чѣмъ даже въ парламентѣ. Засѣданія бывшихъ „вестри“ были всегда богаты „инцидентами“, и это даже составляло одно изъ ихъ отличительныхъ свойствъ. Объяснялась же эта нѣкоторая безалаберность и безцеремонность засѣданій тѣмъ, что въ члены вестри, бывало, избираются главнымъ образомъ мелкіе торговцы, ремесленники, владѣльцы не очень крупной недвижимости и вообще народъ мелкій и сѣрый, не привыкшій къ особенно утонченнымъ разговорамъ и парламентскимъ дебатамъ. Представители либеральныхъ профессій, за очень рѣдкими исключеніями, держались въ сторонѣ; титулованная аристократія считала ниже своего достоинства быть членомъ вестри, а люди богатые находили это просто скучнымъ занятіемъ. И въ концѣ концовъ званіе „вестримена“ изъ почетнаго обратилось даже во что-то насмѣшливое и комичное. Вестрименъ—значитъ, птица не важная, а такъ себѣ обыватель со смѣшнымъ тщеславіемъ лѣзть въ общественные дѣятели. И одной изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ преобразованію вестри и переименованію ихъ въ городскіе совѣты было именно желаніе придать больше достоинства мѣстной муниципальной дѣятельности и привлечь къ ней наиболѣе интеллигентныя и компетентныя силы.

Съ цѣлью придать себѣ больше значенія, нѣкоторые лондонскіе городскіе совѣты въ первомъ своемъ засѣданіи, 9-го ноября прошлаго года, избрали себѣ въ мэры очень извѣстныхъ и вліятельныхъ лордовъ, связанныхъ съ мѣстными интересами. Насколько такіе мэры будутъ полезны для городского хозяйства, для муниципальнаго прогресса—вопросъ другой, но несомнѣнно, что ихъ высокіе титулы и званія производятъ извѣстное впечатлѣніе и поднимаютъ въ глазахъ многихъ то учрежденіе, надъ которымъ они предсѣдательствуютъ. Ужъ разъ участіе въ учрежденіи можетъ быть почетно для лорда, для бывшаго министра, для милліонера, то оно уже навѣрное почетно для болѣе мелкихъ сошекъ. Совѣтъ лондонскаго графства обязанъ, напримѣръ, своимъ нынѣшнимъ престижемъ не мало тому обстоятельству, что его первымъ предсѣдателемъ былъ лордъ Розбери. Послѣ него кандидатами въ члены совѣта стали выступать лорды, члены парламента и всякаго рода милліонеры. И теперь мы поэтому также видимъ, что для поднятія своего значенія „городъ“ Челси избралъ своимъ мэромъ графа Кадогана, лорда-лейтенанта Ирландіи, „городъ“ Гоборнъ избралъ герцога Бедфордскаго, „городъ“ Вестминстеръ—герцога Норфолькскаго и т. д.

Въ общемъ, однако, составъ новыхъ городскихъ совѣтовъ по своему характеру остался прежній, и въ большинствѣ случаевъ въ члены

его выбраны тѣ же лица, что и въ старые „вестри"; муниципальными дѣлами, значитъ, правитъ теперь тотъ же классъ людей, который правилъ и раньше и, слѣдовательно, муниципальное краснорѣчіе, да и весь характеръ дебатовъ остались прежніе. И теперь, напримѣръ, въ составѣ новаго муниципалитета Шордича очень легко открыть прежній типъ совѣтника, который любитъ говорить, протестовать, вносить предложенія, поправки, требовать голосованія и вообще—шумѣть какъ можно больше изъ-за совершеннѣйшаго пустяка,—какъ говорится, изъ-за выѣденнаго яйца. Такой совѣтникъ бьетъ себя въ грудь, стучитъ по столу или по спинкѣ дивана и говоритъ съ одинаковымъ паѳосомъ какъ о починкѣ мостовой, такъ и о постройкѣ лишняго ватерклозета.

Засѣданіе, на которомъ мы присутствуемъ, начинается съ того, что мэръ предлагаетъ выразить королю соболѣзнованіе по случаю смерти его матери-королевы. Предложеніе это поддерживается однимъ изъ совѣтниковъ, бывшимъ предсѣдателемъ въ прежнемъ вестри, и проходитъ единогласно, какъ вещь формальная, не требующая споровъ. Кажется, тѣмъ дѣло и кончилось; но не тутъ-то было. Какой-то совѣтникъ встаетъ и заявляетъ протестъ не противъ предложенія,—это еще было бы понятно,—но противъ нарушенія мэромъ формальности, такъ какъ онъ внесъ предложеніе, не сдѣлавъ предварительнаго заявленія. „Протестую и протестъ мой прошу занести въ отчетъ о засѣданіи",—заявляетъ совѣтникъ грозно и садится. Начинается докладъ секретаря финансовой коммиссіи. Дѣло идетъ о томъ, въ какомъ изъ мѣстныхъ банковъ открыть текущій счетъ. Докладываются предложенія отъ разныхъ банковъ и заключеніе коммиссіи. Опять протестъ и длинная рѣчь со стороны того же совѣтника. Онъ находитъ, что процентъ, предлагаемый или взимаемый, слишкомъ малъ или слишкомъ великъ,—словомъ, какую-то ужасную несправедливость. Слѣдующій докладъ той же финансовой коммиссіи о взысканіи пени за несвоевременную уплату городскихъ налоговъ вызываетъ у него уже настоящій потокъ краснорѣчія. Онъ стоитъ за интересы бѣдныхъ налогоплательщиковъ; онъ находитъ какую-то безтактность въ поступкахъ податныхъ сборщиковъ, требуетъ новаго разсмотрѣнія дѣла и, наконецъ, вноситъ новое предложеніе. Его рѣчь вызываетъ, въ свою очередь, много другихъ рѣчей. Мэръ даетъ объясненіе, но съ нимъ несогласны. Кто-то давно порывается говорить, а ему не даютъ: другіе опережаютъ. Мэръ стучитъ молоткомъ, ставитъ вопросъ на голосованіе, но поступокъ его вызываетъ новые протесты. Опять стуки

молоткомъ съ одной стороны, и обвиненія мэра въ желаніи ограничить дебаты—съ другой стороны. Мэръ отвергаетъ это обвиненіе, его прерываютъ. Раздаются крики: „порядокъ! порядокъ!"— и проходитъ добрыхъ полчаса, пока все не утихаетъ и совѣтъ не приступаетъ къ слѣдующему пункту программы занятій. Вы чувствуете, что вѣчно-протестующій совѣтникъ хотя по существу можетъ быть и правъ, но на самомъ дѣлѣ онъ не только не содѣйствуетъ, а мѣшаетъ занятіямъ, и что для него важна не та крупица правды, которая заключается въ его протестахъ и рѣчахъ, а важенъ самый процессъ преній и препирательствъ.

Прислушиваясь къ дальнѣйшимъ докладамъ разныхъ комитетовъ, которые, конечно, составляются изъ тѣхъ же совѣтниковъ и ольдерменовъ, вы невольно знакомитесь не только съ кругомъ обязанностей совѣта, но и съ разными бытовыми черточками. Напримѣръ, хозяйственный комитетъ докладываетъ о заявленіи разныхъ лицъ и обществъ, желающихъ воспользоваться залой засѣданія въ опредѣленные часы. При этомъ мы узнаемъ, что 2-го февраля, въ субботу, предполагается въ залѣ состязаніе боксеровъ-любителей; въ понедѣльникъ—бенефисный концертъ, въ среду, 20 февраля—танцы и концертъ членовъ клуба, состоящаго изъ обывателей Боундерей-Стрита (всѣ дома на этой улицѣ принадлежатъ думѣ и выстроены недавно, какъ „жилища для рабочихъ"). По воскресеньямъ, въ послѣобѣденные часы, въ февралѣ и мартѣ въ залѣ предполагаются религіозныя собранія; въ среду, 6-го марта, концертъ и балъ въ пользу общества румынскихъ евреевъ; 27 февраля—митингъ избирателей; 28-го— вечеръ мѣстной либеральной и радикальной ассоціаціи. Совѣтъ согласенъ уступить залу всѣмъ этимъ лицамъ и обществамъ; но отъ боксеровъ онъ беретъ девять гиней, а отъ концертантовъ— шесть гиней. Проповѣдникъ же, устраивающій послѣобѣденныя службы, платитъ всего по двѣ гинеи за воскресенье.

Отзвуки войны вы слышите въ докладѣ комитета освѣщенія, который предлагаетъ разрѣшить еще на три мѣсяца выдачу по 10 шиллинговъ въ недѣлю женамъ тѣхъ служащихъ, которые находятся на войнѣ.

На этомъ же засѣданіи происходятъ дебаты, изъ которыхъ можно видѣть, какъ сами совѣтники и мэръ смотрятъ на свою роль. Дѣло въ томъ, что по случаю смерти королевы мэръ Шордича издалъ прокламацію, въ которой очень напыщеннымъ и стариннымъ, оффиціальнымъ стилемъ онъ оповѣстилъ жителей о днѣ похоронъ, о закрытіи въ этотъ день торговыхъ заведеній и предстоящей панихидѣ въ мѣстной приходской церкви, „куда

всѣ вѣрноподданные обыватели симъ приглашаются отправиться, дабы въ положенный часъ и въ указанномъ мѣстѣ оплакивать кончину лучшей и самой святой жизни, какая только когда-либо украшала тронъ". Прокламація была подписана: „Каршоу, мэръ", и многимъ она показалась настолько забавной, что въ день же ея появленія на стѣнѣ „городского дома" была выпущена и расклеена другая, составленная однимъ изъ мѣстныхъ шутниковъ и представлявшая собою недурную пародію на первую. Само собою разумѣется, что этотъ казусъ не могъ пройти неотмѣченнымъ на ближайшемъ собраніи совѣтниковъ. Многіе изъ послѣднихъ заявили протестъ противъ безполезной траты общественныхъ денегъ на никому ненужныя мѣстныя прокламаціи, разъ была издана общая для всей Англіи королевскимъ указомъ. Другіе указали на неумѣстность подписи безъ иниціаловъ, напоминавшей по своей формѣ подпись монарха или, по меньшей мѣрѣ,—лорда. Поднялся горячій споръ, не лишенный ѣдкости и игриваго остроумія, и, наконецъ, дебаты заключились довольно характернымъ отвѣтомъ самого мэра. По его словамъ, прокламація была издана имъ съ разрѣшенія финансоваго комитета; содержаніе ея было составлено „городскимъ секретаремъ", но одобрено имъ, мэромъ, какъ выраженіе чувства большинства населенія; что же касается до подписи, то хотя онъ не лордъ, но, какъ мэръ, онъ—„самый старшій въ своемъ участкѣ, и выше его, кромѣ короля, нѣтъ здѣсь никого".

III.

На засѣданіи совѣта вы знакомитесь только съ бумажной или, если хотите, устной частью муниципальной дѣятельности участка. Чтобы увидѣть въ натурѣ ее, намъ нужно выйти на „улицу", которая и является вѣдь главнымъ предметомъ заботъ всякаго муниципалитета. Въ мою задачу не входитъ останавливаться на всѣхъ правахъ и обязанностяхъ „городскихъ совѣтовъ", на всемъ томъ, что̀ дѣлается или что̀ долженъ и что̀ можетъ дѣлать, напримѣръ, совѣтъ Шордича. Достаточно сказать, что полномочія ихъ очень широки и касаются какъ народнаго здравія, такъ и наблюденія за внѣшнимъ благоустройствомъ улицъ и домовъ. Цѣль же моя здѣсь—лишь дать очеркъ тѣхъ работъ, которыя главнымъ образомъ и характеризуютъ дѣятельность мѣстныхъ муниципалитетовъ Лондона за послѣднія пять-десять лѣтъ, т.-е. со времени изданія нѣкоторыхъ новыхъ законовъ, значи-

тельно расширившихъ компетенцію ихъ и измѣнившихъ порядокъ ихъ избранія.

Итакъ, выйдя на улицу, да еще вечеромъ, вы, конечно, раньше всего замѣчаете уличное освѣщеніе, которое составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ гордость Шордича. Освѣщеніе это—электрическое, но суть тутъ не въ электричествѣ. Электрическое освѣщеніе улицъ распространяется всюду, во всѣхъ частяхъ Лондона, и само по себѣ ничего особеннаго не представляетъ. Но въ Шордичѣ впервые стали освѣщать улицы разнымъ домашнимъ и уличнымъ мусоромъ. Раньше этотъ мусоръ вывозился за городъ и не только ничего „городу" не приносилъ, но требовалъ еще не мало расходовъ на свое удаленіе. Въ срединѣ же девяностыхъ годовъ шордичскій муниципалитетъ рѣшилъ не вывозить его, а сжигать, и теплотой, которая отъ этого получается, воспользоваться для электрическаго освѣщенія. Съ этой цѣлью былъ выстроенъ электрическій заводъ съ „мусоро-сожигателемъ", ставшимъ однимъ изъ лондонскихъ достопримѣчательностей. И дѣйствительно, электрическій заводъ Шордича стòитъ посѣтить. Это—огромное зданіе, состоящее изъ двухъ рядовъ котловъ. Одинъ рядъ согрѣвается каменнымъ углемъ, а другой—всякимъ мусоромъ. Послѣдній привозится сюда на телѣгахъ муниципалитета, собирающихъ его по улицамъ и домамъ, или же изъ мастерскихъ, на счетъ ихъ хозяевъ. Весь этотъ безконечно-разнообразный отбросъ, состоящій изъ старыхъ подошвъ, ломаныхъ гвоздей, коробокъ, тряпокъ, опилокъ, объѣдковъ, костей, овощей, и т. д., и т. д., сваливается прямо съ возовъ въ отверстіе, сдѣланное въ подвальный этажъ, гдѣ онъ попадаетъ въ огромные ящики, которые поднимаются посредствомъ электрическихъ элеваторовъ въ самый верхъ, подъ крышу, и здѣсь опоражниваются въ трубы и попадаютъ въ печи. Этимъ путемъ было предано пламени въ прошломъ году свыше 26.000 тоннъ мусору. Количество это, однако, далеко не все сгораетъ, и въ прошломъ году было вынуто обратно изъ печей въ видѣ шлака, камня и сожженной земли до 12 тысячъ тоннъ, пепла—328 тоннъ и 115 тоннъ сажи. Одной старой жести оставалось въ печахъ 136 тоннъ. Эта-то невозможность использовать все количество доставляемаго мусора дѣлаетъ употребленіе его, какъ матеріала для топлива, не очень выгоднымъ, и, съ увеличеніемъ частныхъ заказовъ на электрическую силу и свѣтъ, муниципалитету приходится все больше увеличивать количество печей, которыя отапливаются не отбросами, а каменнымъ углемъ. Въ прошломъ году электрической силой муниципалитета пользовалось до 600 годовыхъ

заказчиковъ и освѣщалось 169 уличныхъ фонарей; при этомъ стоимость единицы электричества для частныхъ заказчиковъ была по 2 пенса въ часъ. За уличный же фонарь взималось по $2^{1}/_{2}$ пенса.

Примѣру Шордича въ сжиганіи мусора для цѣлей добычи электричества послѣдовали и нѣкоторые другіе муниципалитеты, какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціи,—съ бóльшимъ или мéньшимъ успѣхомъ.

Отъ свѣта электрическаго—прямой переходъ къ свѣту образованія. Съ элементарнымъ школьнымъ образованіемъ Шордичъ, какъ муниципалитетъ, ничего общаго не имѣетъ. За школьное образованіе юношества городскія думы въ Англіи вообще не отвѣтственны. Въ кругъ ихъ обязанностей или правъ не входитъ устройство и содержаніе школъ, и никакихъ налоговъ съ этой цѣлью онѣ взимать не вправѣ. Для школьнаго образованія имѣются особыя представительныя учрежденія, извѣстныя подъ именемъ „School Boards" (школьныхъ совѣтовъ), и каждое графство—для жителей деревень, и каждый городъ—для городскихъ жителей—имѣютъ свой школьный совѣтъ. Въ Лондонѣ также элементарное образованіе сосредоточено въ рукахъ совѣта, который избирается населеніемъ независимо отъ думы. Одно лишь техническое образованіе входитъ въ кругъ вѣдѣнія муниципалитетовъ и совѣтовъ графствъ, и въ Лондонѣ оно сосредоточено въ рукахъ совѣта графства. Шордичскій муниципалитетъ, однако, много содѣйствуетъ распространенію образованія если не школами, то читальнями и библіотеками. Нельзя сказать, чтобы библіотеки въ Шордичѣ были лучше и богаче обставлены, чѣмъ въ другихъ частяхъ Лондона, но ужъ достойно отмѣтить то, что онъ, во-первыхъ, имѣетъ библіотеки, въ то время какъ нѣкоторыя другія части Лондона, хотя бы даже лежащій рядомъ съ нимъ Гекни, ихъ не имѣютъ, а во-вторыхъ его библіотеки не хуже другихъ.

Чтобы оцѣнить муниципальную дѣятельность Шордича въ отношеніи библіотечномъ, слѣдуетъ объяснить, что муниципалитеты въ Англіи не имѣютъ права строить и содержать библіотеки на общественный счетъ безъ спеціальнаго на то разрѣшенія своихъ избирателей, т.-е. налогоплательщиковъ. Если поэтому какая-нибудь группа жителей хочетъ, чтобы ихъ муниципалитетъ основалъ библіотеку или читальню, то они должны объ этомъ подать заявленіе, подписанное не меньше, чѣмъ 10 лицами, и тогда муниципальное правленіе обязано разослать всѣмъ избирателямъ своимъ вопросные листки. Если большинство высказывается за открытіе, то муниципалитетъ получаетъ право

установить спеціальный библіотечный налогъ, высшій размѣръ котораго составляетъ одно пенни на каждый фунтъ стерлинговъ стоимости облагаемаго имущества,—а также совершить заемъ на постройку библіотечныхъ зданій. Большинство частей города въ Лондонѣ, благодаря такого рода ясно выраженному желанію большинства обывателей, обзавелось очень хорошими общественными читальнями и библіотеками; но осталось еще не мало городскихъ частей, которыя до сихъ поръ, несмотря на многократныя голосованія (въ годъ дозволяется лишь одинъ разъ голосовать), упорно отказываются обложить себя налогомъ въ пользу общедоступнаго и дарового чтенія книгъ и газетъ. Очень много для распространенія библіотекъ сдѣлано частными лицами, особенно Пасморомъ Эдуардсомъ. Онъ выстроилъ въ Лондонѣ—всецѣло на свой счетъ или при участіи другихъ жертвователей и налогоплательщиковъ—до 30 библіотечныхъ зданій, заручившись предварительно согласіемъ соотвѣтствующаго населенія на введеніе у себя библіотечнаго налога, т.-е. на содержаніе выстроенныхъ имъ библіотекъ.

И Шордичъ тоже воспользовался доброхотствомъ Пасмора Эдуардса и, при его помощи, выстроилъ у себя двѣ прекрасныхъ библіотеки съ читальнями при нихъ. Въ настоящее время библіотечный налогъ въ Шордичѣ составляетъ $^3/_4$ пенни съ фунта стерлинговъ облагаемаго имущества и, въ общемъ, даетъ 2.260 фунтовъ въ годъ, да 250 фунтовъ выдается изъ доходовъ муниципальнаго электрическаго завода. О размѣрахъ шордичскихъ библіотекъ и объ общемъ, такъ сказать, умственномъ оборотѣ Шордича могутъ дать нѣкоторое понятіе слѣдующія цифры за прошлый отчетный годъ. Всего въ двухъ библіотекахъ было томовъ 29.015; выдано читателямъ на домъ—129.862; среднее число посѣтителей читаленъ въ день 3.593. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что цифры эти не только не исключительныя, а далеко уступаютъ тѣмъ, которыя даютъ нѣкоторыя другія части Лондона. Въ Шордичѣ населеніе, повидимому, слишкомъ занято добываніемъ насущнаго хлѣба, слишкомъ погружено въ заботы дня, чтобы посвящать много времени чтенію книгъ. Впрочемъ, если познакомиться съ болѣе подробными данными, то окажется, что хотя обыватели Шордича, сравнительно говоря, не очень много читаютъ, но зато по своимъ литературнымъ вкусамъ они очень мало отличаются отъ другихъ обывателей Лондона. Берутъ они для чтенія на домъ главнымъ образомъ беллетристику, составлявшую въ прошломъ году до 85% изъ всѣхъ взятыхъ книгъ. Самое малое число книгъ выпадаетъ на языкознаніе—всего около

0,3%, т.-е. 334 тома. Также очень мало интересуются въ Шордичѣ поэзіей, богословіемъ, соціологіей и юриспруденціей, и оказываютъ лишь нѣкоторое вниманіе естественнымъ наукамъ, исторіи, путешествіямъ и прочимъ предметамъ положительнаго знанія.

Въ читальняхъ имѣются особыя залы для газетъ, для журналовъ, для книгъ. Есть также отдѣльныя комнаты для читателей младшаго возраста, которые, однако, должно полагать, бываютъ очень рѣдкими посѣтителями читаленъ. По крайней мѣрѣ, въ день моего посѣщенія, комнаты, отведенныя для нихъ, оказались совершенно пустыми. Зато были переполнены газетныя залы. Въ вестибюлѣ одной изъ посѣщенныхъ мною библіотекъ стояла большая витрина, въ которой были выставлены очень рѣдкія иллюминованныя книги старинной печати. По словамъ библіотекаря, каждый новый интересный экземпляръ книги, поступающій въ библіотеку и чѣмъ-либо замѣчательный въ типографскомъ или переплетномъ отношеніи, выставляется временно въ витринѣ, „для развитія художественнаго вкуса посѣтителей“.

Изъ библіотекъ берутъ на домъ не только книги, но и ноты, и эти послѣднія настолько часто требуются, что администрація библіотеки нашла нужнымъ обзавестись произведеніями наиболѣе выдающихся и популярныхъ композиторовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Этотъ спросъ на ноты, конечно, свидѣтельствуетъ какъ о развитіи музыкальнаго вкуса въ населеніи Шордича, такъ и объ увеличеніи его досуга. Книги еще можно читать,—да обыкновенно въ Лондонѣ ихъ такъ и читаютъ,—по дорогѣ на службу и обратно или во время обѣденнаго перерыва. По нотамъ же въ вагонѣ или конкѣ не играютъ, и для пользованія ими требуются подходящая обстановка и время.

IV.

Между электрическимъ заводомъ и одной изъ библіотекъ находится третье муниципальное предпріятіе Шордича, одно изъ тѣхъ, которыя стали особенно распространяться въ Лондонѣ за послѣдніе годы, а именно баня съ прачешной. Входъ съ улицы скорѣе напоминаетъ какое-нибудь зданіе министерства, чѣмъ баню. Являясь главнымъ чистительнымъ аппаратомъ Шордича, сама баня своимъ блескомъ и чистотой служитъ какъ бы себѣ самой символомъ. Стѣны въ коридорахъ выложены глазированнымъ кирпичомъ; крыши—стеклянныя, вентиляція—совершенная, и посѣ-

тители купаются не только въ водѣ, но въ цѣломъ морѣ свѣта и воздуха. Баня состоитъ изъ ваннъ и купаленъ и разсчитана для двухъ классовъ посѣтителей, для платящихъ по 2 пенни и по 6 пенсовъ за теплыя ванны, по 1 пенни и по 3 п. за холодныя ванны и по 2 и по 4 п. за пользованіе купальнями. Въ обоихъ классахъ ванны изъ фарфора; стѣнки, отдѣляющія ихъ одну отъ другой—изъ мрамора, а вся отдѣлка—изъ металла. Ванны обыкновенно расположены въ видѣ отдѣльныхъ клѣтушекъ по обѣимъ сторонамъ длинной комнаты, съ коридорчикомъ по срединѣ, во всю длину комнаты. Въ каждой клѣти полагается зеркало, щетки, гребенки, полотенца. Ванныя открыты всю недѣлю съ утра до 8 ч. вечера, за исключеніемъ воскресныхъ дней, когда онѣ открыты лишь до 11 часовъ утра. Само собою разумѣется, что баня состоитъ изъ двухъ отдѣленій, мужского и женскаго.

Баню въ Шордичѣ мнѣ показывалъ одинъ изъ членовъ мѣстнаго „городского совѣта", и, очевидно желая поразить меня неожиданностью, онъ, ничего не говоря, раскрылъ вдругъ въ одномъ изъ коридоровъ дверь—и передъ мною оказалась блестящая и огромная зала, вся уставленная стульями и креслами. Вдоль боковыхъ стѣнъ тянулась широкая галлерея, поднимавшаяся амфитеатромъ и уставленная длинными и мягкими диванами. Въ концѣ залы, въ одну линію съ галлереей, поднимался полукругомъ балконъ, уставленный пюпитрами и очевидно разсчитанный для оркестра. Въ противоположномъ концѣ залы находилась очень умѣстительная, высокая эстрада изъ полированнаго дерева и окруженная мѣднымъ, сверкающимъ барьеромъ, покоившимся на такихъ же мѣдныхъ столбикахъ. Съ высокой стеклянной крыши спускались люстры съ затѣйливыми гроздьями изъ электрическихъ лампочекъ съ разноцвѣтными колпачками.

Мой провожатый взглянулъ на меня и безусловно остался доволенъ впечатлѣніемъ, которое неожиданный видъ этой роскошной залы въ общественной банѣ долженъ былъ произвести на меня. „Чтò это такое?"—спросилъ я не безъ изумленія. „Это—лѣтняя купальня!—отвѣтилъ онъ. — Подъ нами резервуаръ для воды,—продолжалъ онъ меня поражать:—все, чтò вы видите здѣсь внизу: полъ, стулья, кресла, эстрада—все это временно, все это ставится здѣсь лишь на зимній сезонъ, когда помѣщеніе купальни превращается въ концертный и танцовальный залъ, въ мѣсто для политическихъ и всякихъ иныхъ митинговъ, для гимнастическихъ представленій, выставокъ и пр. Мѣста здѣсь, считая только одни сидѣнья, хватитъ для 2.000 человѣкъ. Му-

ниципалитетъ выручаетъ такимъ образомъ отъ сдачи залы въ наемъ не мало денегъ".

Эта зала была купальней перваго класса. Вдоль стѣнъ ея были сложены очень искуснымъ образомъ перегородки, дверцы и скамейки, составлявшія теперь какъ бы панельную обшивку стѣнъ. Лѣтомъ эти разборныя части выдвигаются и составляютъ раздѣвальныя комнатки или, скорѣе, клѣтушки для купающихся.

Въ купальнѣ второго класса полъ былъ также настланъ, но вмѣсто стульевъ и эстрады здѣсь стояли высокіе деревянные кбзлы, висѣли трапеціи и веревки съ желѣзными кольцами, высились шесты, лѣсенки, рогатки. Это была временная, на зимній сезонъ, гимнастическая зала, въ которой могъ упражняться, подъ руководствомъ спеціалиста-инструктора, любой человѣкъ, уплатившій два пенса за входъ. За эти деньги полагается и пара резиновыхъ башмаковъ, употребляющихся для гимнастики. Мы застали въ залѣ человѣкъ пять-шесть молодежи изъ рабочаго класса, которые съ увлеченіемъ и ухарствомъ кувыркались, качались, прыгали и выдѣлывали всевозможныя „штуки", какъ настоящіе акробаты.

Лѣтомъ муниципальныя купальни служатъ также школами плаванія, и муниципалитетъ предоставляетъ особыя льготы ученикамъ разныхъ школъ, городскихъ и частныхъ, для пользованія ими. Въ прошломъ году, напр., было выдано однихъ школьныхъ билетовъ слишкомъ 20.000 штукъ.

Какъ мы уже сказали, при банѣ имѣется и прачешная, въ которой, уплативъ пенни за часъ, женщина можетъ заняться стиркой своего бѣлья. При нашемъ посѣщеніи прачешная была полна женщинъ, то-и-дѣло приходившихъ и уходившихъ съ своими узлами и узелками. Стирка и просушка какихъ-нибудь 20—30 штукъ бѣлья производятся здѣсь, благодаря пару, машинамъ и всякимъ новѣйшимъ приспособленіямъ, меньше чѣмъ въ полчаса. За прошлый отчетный годъ прачешной воспользовались 56.763 женщины, или, правильнѣе сказать, было произведено 56.763 отдѣльныхъ стирокъ. Если исключить воскресные и праздничные дни и принять для ровнаго счета годъ въ 300 рабочихъ дней, то въ среднемъ, значитъ, получимъ около 189 стирокъ въ день.

Очевидно, эта муниципальная баня и прачешная отвѣчаютъ насущной потребности, если судить по тому, что шордичскій муниципалитетъ нашелъ необходимымъ выстроить еще одну баню съ прачешной, которыя на дняхъ и открываются.

Всѣ этого рода предпріятія, описанныя нами выше, не составляютъ принадлежности одного лишь Шордича. Электриче-

ское освѣщеніе съ сожигателями мусора, библіотеки, читальни, бани и прачешныя имѣются въ огромномъ большинствѣ лондонскихъ „городовъ"; при чемъ нѣкоторые изъ нихъ устроили у себя и болѣе крупныя, и болѣе богато обставленныя предпріятія этого рода. Такъ, по отчету статистика лондонской думы (совѣта лондонскаго графства), въ концѣ 1899 г. въ Лондонѣ уже было 36 муниципальныхъ бань съ общимъ количествомъ ваннъ 2.539. (Десять лѣтъ тому назадъ, ихъ было всего 12, съ количествомъ ваннъ, не превышавшимъ 400). Прачешенъ было—26, купаленъ—85. Къ этимъ 36 банямъ въ теченіе 1900 года должно было прибавиться еще восемь. Библіотекъ и читаленъ, содержимыхъ на счетъ муниципалитетовъ въ концѣ того же 1899 года, было въ Лондонѣ 59, съ общимъ количествомъ книгъ въ 601.526, изъ которыхъ для выдачи на домъ предназначалось 471.630, а справочнаго характера—127.272.

Такъ что въ отношеніи этихъ предпріятій Шордичъ далеко не занимаетъ исключительнаго мѣста. Но зато его муниципалитетъ владѣетъ однимъ очень крупнымъ предпріятіемъ, какого въ другихъ лондонскихъ муниципалитетахъ мы еще пока не находимъ. Это—жилища для рабочихъ, выстроенныя и содержимыя на счетъ мѣстныхъ налогоплательщиковъ. Раньше, однако, чѣмъ перейти къ описанію ихъ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ и о другомъ муниципальномъ предпріятіи, о которомъ вообще не принято говорить. Предпріятіе это тоже не составляетъ исключительнаго преимущества одного Шордича; оно быстро теперь распространяется и въ другихъ частяхъ Лондона; но Шордичъ, кажется, былъ въ этомъ дѣлѣ піонеромъ. Я говорю объ общественныхъ отхожихъ мѣстахъ. Еще не далѣе какъ 10—15 лѣтъ тому назадъ, Лондонъ въ этомъ отношеніи представлялъ собою мерзость запустѣнія. Всѣ эти необходимыя мѣста составляли частную собственность и находились при кабакахъ гдѣ-нибудь подъ воротами, и человѣку хотя бы и съ слабымъ чувствомъ брезгливости было рѣшительно невозможно пользоваться ими. Въ началѣ же 90-хъ годовъ заботу о такихъ мѣстахъ взяли на себя мѣстные муниципалитеты—и Лондонъ сталъ быстро усѣиваться гигіенично-устроенными и даже роскошно-обставленными общественными мѣстами. Всѣ они строятся подъ мостовой, отдѣланы мраморомъ, освѣщаются электричествомъ, снабжены туалетными комнатами, гдѣ за 2 пенса получаете теплую и холодную воду, мыло, полотенца, щетки и пр. принадлежности, необходимыя для приведенія своей внѣшности въ нѣкоторый порядокъ. Въ Шордичѣ такихъ туалетныхъ станцій или, какъ онѣ

обозначаются въ оффиціальныхъ отчетахъ, „подземныхъ мѣстъ удобства“, имѣется пять, каждая изъ которыхъ обошлась, въ среднемъ, 2.000 фунтовъ стерлинговъ.

Но обратимся къ жилищамъ. Устройство жилищъ для рабочихъ—одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, занимающихъ теперь Лондонъ. На основаніи закона 1890 года, муниципалитеты въ Англіи имѣютъ право владѣть домами и заниматься отдачей въ наемъ квартиръ. Съ этой цѣлью они могутъ заключать займы и взимать налоги. Закономъ этимъ воспользовалась пока въ широкихъ размѣрахъ въ Лондонѣ лишь одна дума; изъ мѣстныхъ же лондонскихъ муниципалитетовъ этимъ правомъ воспользовался только Шордичъ. Онъ заключилъ заемъ въ полмилліона рублей, половину котораго взяла на себя дума, и на эти деньги былъ пріобрѣтенъ участокъ земли, занятый раньше очень старыми и никуда негодными постройками, и возведены четыре пятиэтажныхъ новыхъ зданія съ квартирами для 400 человѣкъ. Всего квартиръ въ этихъ зданіяхъ имѣется 75. Изъ нихъ 50 въ три комнаты каждая и 25—въ двѣ комнаты. Плата за трехкомнатную квартиру—8 шилл. 6 пенс. въ недѣлю, а за двухкомнатную—6 шилл. 6 пенсовъ. Каждая квартира снабжена всѣми необходимыми принадлежностями и совершенно отдѣлена отъ другихъ. Коридоровъ въ этихъ зданіяхъ нѣтъ, и всѣ квартиры выходятъ прямо на лѣстницы, сдѣланныя изъ камня, хорошо освѣщенныя, вентилированныя и не лишенныя уютности. Во всѣ квартиры проведено электрическое освѣщеніе, которымъ квартиранты могутъ пользоваться за приплату 10 пенсовъ въ бòльшихъ и 6 пенсовъ въ мèньшихъ квартирахъ. Въ каждой квартирѣ имѣются чуланчикъ, шкафъ, судомойная доска, большое ведро, два водопроводныхъ крана и, конечно, ватерклозетъ. Послѣдній устроенъ особо отъ квартиры, на лѣстницѣ, за перегородкой. Всѣ рѣшительно квартиры выходятъ съ одной стороны на улицу, а съ другой—на дворъ, вымощенный асфальтомъ и открытый съ двухъ сторонъ.

У тротуара, вдоль одного изъ этихъ зданій, муниципалитетъ устроилъ лари для отдачи въ наемъ уличнымъ торговцамъ. Лари эти устроены изъ досокъ, которыя въ обыкновенное время висятъ между двумя чугунными столбами и которыя можно поднять и положить съ какимъ угодно уклономъ. Вечеромъ лари могутъ освѣщаться электрическими лампочками, придѣланными къ столбамъ.

Таковы главныя муниципальныя предпріятія Шордича. Въ нѣкоторыхъ другихъ лондонскихъ участкахъ можно найти не мало и другихъ интересныхъ опытовъ муниципальной предпріим-

чивости. Можно было бы, напримѣръ, указать на Баттерси, гдѣ въ прошломъ году были введены воскресные концерты на муниципальный счетъ и гдѣ, для этой цѣли, нанятъ даже спеціальный дирижеръ, съ жалованьемъ въ 150 ф. стерл. въ годъ, и заказанъ органъ для мѣстной городской залы, стоимостью въ 30.000 рублей. Можно было бы указать на Ньюингтонъ, лежащій недалеко отъ Баттерси, открывшій складъ удобренія, фабрикуемаго имъ изъ уличныхъ и домашнихъ отбросовъ. Можно было бы привести въ примѣръ Челси, основавшій муниципальный клубъ для юношей, и т. д. Но останавливаться на всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ проявленіяхъ муниципальной дѣятельности отдѣльныхъ участковъ Лондона—значило бы не только выйти изъ предѣловъ Шордича, но и изъ рамокъ, которыя мы себѣ поставили для этой статьи.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ЖЕЛТАЯ МУХА.

Въ рощѣ сижу я и радуюсь лѣтнему зною.
Желтая муха влетѣла въ полоску луча
И, неподвижная, словно виситъ предо мною,
Только прозрачными крыльями чуть трепеща.

Вотъ она въ сторону кинулась быстро, но снова
Тотчасъ вернулась на прежнее мѣсто свое.
Я понималъ, что въ полоскѣ луча золотого
Воздухъ струею горячею нѣжилъ ее.

Такъ повторивъ наслажденіе раза четыре,
Муха внезапно пропала въ тѣни безъ слѣда...
Ахъ, хорошо мнѣ живется еще въ этомъ мірѣ,
Но изъ него я исчезну Богъ знаетъ куда!

II.

ЛИПЫ.

Нѣтъ мнѣ сегодня пріюта милѣе,
Какъ этихъ липъ благовонныхъ пріютъ!
Всею нарядной семьею въ аллеѣ
Липы цвѣтутъ.

Пчелы слетѣлись; ихъ рой благодарный
Въ улья богатую дань унесетъ.
Будетъ и намъ ароматный, янтарный,
Липовый медъ.

Слѣдуя людямъ стариннаго вѣку,
Въ предохраненье зимою отъ бѣдъ
Можно бы въ сельскую всыпать аптеку
Липовый цвѣтъ.

Добрыя липы, конечно, полезны;
Я же въ нихъ больше цѣню красоту,
И особливо мнѣ лѣтомъ любезны
Липы въ цвѣту.

Ежели скоро умру я, неужто
Лѣтомъ друзья обо мнѣ не вздохнутъ:
„Жалко, что нѣтъ его здѣсь, потому что
Липы цвѣтутъ“?..

Алексѣй Жемчужниковъ.

Іюнь, 1901.
Ильиновка.

ВЪ СРЕДѢ ОБРАЗОВЪ ЗВѢРИНЫХЪ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XVI *).

Хлуденевъ получилъ письмо отъ Зои Викторовны.

„Я пишу вамъ совсѣмъ несчастная!—значилось въ письмѣ:—русская моя виллежіатура уже окончилась, и завтра я уѣзжаю въ Остенде, не только съ полнаго согласія, но даже по совѣту дядюшки. Если вамъ деревенскія идилліи тоже успѣли понабить оскомину,—какъ я очень подозрѣваю,—то я еще не теряю надежды столкнуться съ вами гдѣ-нибудь за границей. Ахъ, какъ я измучена! Вы представить себѣ не можете, что̀ творится въ здѣшнихъ милыхъ краяхъ. Я только удивляюсь, какъ мой столичный эскулапъ—а еще профессоръ и знаменитость!—зная мои нервы, могъ пустить меня сюда. Въ газетахъ, положимъ, писали о неурожаѣ, о голодающихъ; собирали пожертвованія; поднялись въ путь отряды Краснаго креста. Но все это не давало истиннаго понятія о положеніи дѣлъ. Повѣрите ли вы, что по цѣлому нашему уѣзду развились цынга и тифъ, что даже при всей осторожности весьма легко натолкнуться на подобныхъ больныхъ,

---

*) См. выше: августъ, 554 стр.

и что, наконецъ, какіе-то гг. земскіе врачи, студенты, делегаты Краснаго креста, и пр., и пр.—являются къ дядюшкѣ непосредственно отъ больныхъ, садятся съ нами за столъ, ѣдятъ, пьютъ и бесѣдуютъ—все о тѣхъ же цынготныхъ и тифозныхъ. Другой темы нѣтъ! Пойдетъ ли тутъ кусокъ въ горло? Я говорила дядюшкѣ, что, конечно, слѣдуетъ помочь несчастнымъ, щедро помочь. Я дала своихъ нѣсколько сотенъ рублей. Но зачѣмъ же рисковать заразой? Зачѣмъ разстраивать себя вѣчной бесѣдой на тяжелую и даже неопрятную тему? Зачѣмъ отравлять душу чувствомъ брезгливаго отвращенія? Притомъ же и народъ здѣсь совсѣмъ обезумѣлъ, вышелъ изъ всѣхъ границъ. Представьте, напримѣръ, что вчера, когда я гуляла въ саду—на деревню я, разумѣется, не показываюсь—какая-то баба прорвалась ко мнѣ съ цынготнымъ ребенкомъ и, съ воемъ, съ причитаніями, стала совать его ко мнѣ чуть не на руки. Господи! Какой это видъ и... какой запахъ! Я едва не потеряла сознаніе, но, къ счастію, у меня еще достало силы убѣжать. Дядюшка говоритъ, что, по обязанностямъ предводителя дворянства, онъ не можетъ уклониться отъ непосредственнаго общенія со всѣми врачующими и болящими, благотворящими и голодающими. Однако, и онъ понялъ, что подобный режимъ не для моихъ чуткихъ нервовъ. Я, слава Богу, уѣзжаю. Я слишкомъ измучилась, изстрадалась за этихъ несчастныхъ. Знать, что тутъ же рядомъ съ тобою погибаютъ люди, братья, и не имѣть никакой возможности имъ помочь — это слишкомъ ужасное положеніе. Я, наконецъ, задыхаюсь. Боже, хотя немножко радости и красоты, этого хлѣба душевнаго,—или я погибну! Я вовсе не сильна, вовсе не героиня, и боюсь страданій...

„Ну, а вы что̀ подѣлываете, мой добрый другъ и благоразумно-осмотрительный поклонникъ? Все еще не разочаровались въ „дворянской миссіи“? Дядя увѣряетъ, будто никакая подобная миссія немыслима уже просто потому, что самихъ дворянъ нѣтъ. Исчезли. А то, что̀ подъ этимъ именемъ осталось... Дядя не договариваетъ, но присвистываетъ весьма значительно. Напишите мнѣ о себѣ поподробнѣе. Поживши съ провинціальными чудищами, я научилась лучше цѣнить своихъ столичныхъ друзей, чему доказательствомъ является это очень длинное письмо.

„Пишите, разумѣется, poste-restante. По крайней мѣрѣ, весь іюль я пробуду въ Остенде.

„Зоя“.

Хлуденевъ даже удивился тому, какъ мало впечатлѣнія про-

извело на него письмо Зои Викторовны. Скакать за нею въ Остенде онъ вовсе и не подумалъ, хотя очевидно могъ разсчитывать на благосклонную встрѣчу.

„Я не мальчикъ, — говорилъ онъ себѣ, — чтобы бросать серьезное дѣло изъ-за пары ласковыхъ взглядовъ, а затѣмъ опять тянуть старую и довольно-таки нелѣпую канитель. Пожалуй, и права Зоя, называя меня „благоразумно-осмотрительнымъ поклонникомъ“. Въ омутъ изъ-за несчастной любви я прыгать не стану. Можетъ быть, вообще глупо, что я затѣялъ рубить дерево не по себѣ, особливо если мнѣ придется жить и работать здѣсь. Въ деревнѣ какъ-то трезвѣешь. Гм! Оригинальную фигуру изображала бы собою Зоя Викторовна въ моемъ Хлуденевѣ... и, разумѣется, тоже не выдержала бы такого „режима“ со своими „нервами“. Вѣдь покорять, восхищать и дурачить здѣсь некого. А помимо этого—чѣмъ же, собственно говоря, заняться? Музыка, книги, конечно; но гдѣ взять трепетную и благоговѣющую аудиторію, къ которой мы уже такъ привыкли? Какъ обойтись безъ ѳиміамовъ?“

Юрій Андреевичъ съ улыбкой пожалъ плечами.

„А гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, — спросилъ онъ себя, — настоящая жизнь, настоящая правда и красота? Тамъ или здѣсь? Это вѣдь два міра, совершенно чуждые другъ другу, даже непримиримые. И я рѣшительно не умѣю отвѣтить на вопросъ. Здѣсь, конечно, милліоны, а тамъ—только сотни. Но что̀ же изъ этого слѣдуетъ? Разумъ и красота подсчитываются не цифрами. Высшія проявленія человѣческаго духа всегда оказывались въ немногихъ избранныхъ. Какой-нибудь одинъ Гёте или Беконъ Веруламскій сдѣлали для человѣчества больше, чѣмъ цѣлые безслѣдно исчезнувшіе народы. Даровитая, чуткая, умная и блестящая Зоя Викторовна не является ли болѣе совершенной представительницей женщины-человѣка, чѣмъ отупѣлая крестьянская баба, нелѣпыя дамы Завистовскаго или даже грязно-одѣтая, неуклюжая Марья Ивановна Провальная, способная и Тютчевымъ зачитываться, и позабыть о всякихъ стихахъ за какою-нибудь лоханью съ помоями, за счетомъ куриныхъ яицъ или въ иныхъ хозяйственныхъ занятіяхъ. Все это очень полезно, очень необходимо, не спорю; безъ кухарки Шекспиръ никогда не могъ бы сдѣлаться Шекспиромъ; однако, значитъ ли это, будто она выше его? значитъ ли, будто высшее проявленіе разума, истины и красоты обрѣтается именно въ кухаркѣ? А съ другой стороны, какимъ нелѣпымъ и пустымъ дѣломъ кажется отсюда, изъ деревни, многое, чѣмъ дорожатъ и восторгаются столицы. Сколько фальши

и шутовства въ „интеллигентныхъ“ увлеченіяхъ! Сколько грубаго эгоизма и безсердечія, сколько животныхъ аппетитовъ—въ ученой проповѣди! Мудрена жизнь“...

Хлуденевъ довольно небрежно бросилъ письмо Зои Викторовны въ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола, и только-что собрался выйти изъ своего кабинета, когда въ дверяхъ, безъ доклада, появился Петръ Семеновичъ Почаевъ.

— Здравствуйте!—воскликнулъ онъ весело, протягивая руку.—Надѣюсь, вы свободны? Я вѣдь за вами, по условію. Везу васъ къ Чекальцеву, къ Порановскому, а затѣмъ ужъ вы продолжайте объѣздъ сами. Похристославьте по всѣмъ правиламъ искусства. Это нужно. Вѣдь вы свободны теперь, можете ѣхать?

— Свободенъ, свободенъ! Но какимъ образомъ вы явились такъ, что никто не прибѣжалъ ко мнѣ съ докладомъ?

— А я черезъ садъ, пѣшкомъ. Теперь ужъ вѣрно и тарантасъ мой здѣсь. Но я-то заѣзжалъ къ Провальному и проводилъ Марью Ивановну пѣшкомъ по деревнѣ... Однако, оспа у васъ не на шутку разыгрывается.

— Развѣ? Я не слыхалъ.

— Какъ же! Болѣютъ даже взрослые; и уже двое дѣтей умерли. Одинъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати былъ.

— Скверно! Почему мнѣ никто не говорилъ?

— Привыкли здѣсь къ этому. О чемъ, молъ, разсказывать? Барина это не касается.

— Ну, позвольте! Оспа не очень-то званія разбираетъ, чиниться не любитъ. Зараза, такъ зараза для всѣхъ.

— Конечно. Только у насъ какъ-то на этотъ счетъ просто. Воля, молъ, Божія. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-жъ тутъ уберечься? Никакія дизинфекціи не помогутъ... Однако, собирайтесь. Платья и бѣлья возьмите съ собою дней на семь — раньше не отдѣлаетесь.

— А если домой заѣзжать?

— Чтò вы, помилуйте, зачѣмъ? Кто же у насъ не понимаетъ, что человѣкъ, заѣхавшій за тридцать верстъ отъ дому и предполагающій ѣхать еще далѣе, вынужденъ ночевать въ гостяхъ. Это круговая порука. Такъ и къ вамъ пріѣзжать будутъ. А кромѣ того это выгодно и въ политическихъ видахъ. Никто не будетъ считать себя обиженнымъ, почему къ другимъ посѣтитель ранѣе явился: все дѣло объясняется географіей уѣзда и точкою отправленія. Чтò ни говорите, а Божій міръ премудро устроенъ.

XVII.

Хозяинъ и гость уговорились ѣхать вмѣстѣ, въ тарантасѣ Почаева; а экипажъ Хлуденева долженъ былъ слѣдовать сзади. Петръ Семеновичъ не захотѣлъ ни чай пить, ни завтракать, а Юрій Андреевичъ то и другое уже исполнилъ ранѣе; поэтому они рѣшили ѣхать тотчасъ же. Настасья Ѳедоровна выслушала соотвѣтствующія распоряженія, и черезъ полчаса все было готово: лошади поданы; искусно и тщательно наполненный чемоданъ Хлуденева сложенъ „подъ сидѣнье“ въ любимомъ и просторномъ фаэтонѣ покойной Натальи Николаевны; даже, „на всякій случай“, засунута была туда же корзинка съ бутылкой вина, булкой и парою жестянокъ со снѣдью.

Однако, на самомъ крыльцѣ путникамъ пришлось нѣсколько задержаться: въ нѣсколькихъ шагахъ, почтительно снявъ шапки и въ очевидномъ выжиданіи, стояли крестьяне, человѣкъ двадцать.

— Чтò вамъ угодно?—спросилъ Юрій Андреевичъ.

— Мы къ ихней милости,—съ низкими поклонами, отвѣтила толпа, указывая на Почаева.

— Ко мнѣ? Ладно. Ужъ извините, Юрій Андреевичъ, задержу васъ на минутку. Ну, здравствуйте, братцы! Чтò вамъ?

— Къ вашей милости, Петръ Семеновичъ. Не дадите ли намъ, значитъ, бычка въ стадо? изъ заводскихъ? А мы вамъ послужимъ что-нибудь со всѣмъ удовольствіемъ.

— Изъ какихъ же это заводскихъ?

— Да намъ ужъ хоть бы изъ сѣренькихъ, которые помельче. За большими-то мы ужъ не гоняемся, куда намъ!

Почаевъ расхохотался.

— Губа-то у васъ не дура! Знаете, чтò это за сѣренькіе?—обратился онъ къ Юрію Андреевичу.—Джерзейская порода, ни больше, ни меньше. Около двухъ-сотъ ведеръ удоя на кругъ. Почему же вы не хотите опять ярославскаго быка?—спросилъ Почаевъ у крестьянъ.

— Да что-жъ, баринъ, хотимъ тоже своего счастья попытать. Теперь—вѣкъ будемъ поминать вашу милость—коровенки-то у насъ, прямо сказать, посправнѣли вò-какъ, въ лучшемъ видѣ. Дядя Силантій, надысь, за свою бѣлорогую съ купца восемьдесятъ-два съ полтиной взялъ. Вотъ те Христосъ, истинная правда. Да и какъ не взять? По ведеркѣ вѣдь съ новотела-то.

— Такъ чего же вамъ еще? Видите сами, что ярославскіе быки вашъ скотъ поправили.

— Это точно такъ. Благодарить Бога и вашу милость. А сѣренькіе-то на молоко, слышь, еще попревосходнѣе будутъ. На плохихъ коровенокъ мы бы и просить не стали. А какъ теперь посправнѣли наши-то... Ужъ окажите божескую милость!

— Дать, скажемъ, можно. Только вотъ что̀, братцы, это—порода заграничная, нѣжная. Если ее плохо содержать и кормить, она хуже всякой простой выродится, или даже вовсе потратится. Такъ что̀-жъ толку-то будетъ?

— Нешто мы не знаемъ?—зашумѣли крестьяне.—Мы, можетъ, сколько разовъ съ вашимъ скотникомъ, съ Ѳиногенычемъ, толковали. Потрафимъ въ лучшемъ видѣ. Какъ у васъ, такъ и мы будемъ. Сами себя убьемъ, а ужъ теляточекъ соблюсти надо, какъ слѣдоваетъ. Нешто мы себѣ лиходѣи?

— Ну, коли такъ, ладно — дамъ. Только вѣдь это порода рѣдкая, дорогая. Сдеру съ васъ много, хоть и отработками.

— А вы насъ пожалѣйте, Петръ Семеновичъ!

— Ну, что̀ вздоръ говорить!—неожиданно вмѣшался высокій крестьянинъ-старикъ съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ.—За такое дѣло нельзя не содрать, на кого ни доведись; а у насъ спины свои, не купленныя. Извольте, батюшка Петръ Семеновичъ, назначать безъ сумлѣнія, а мы отработаемъ, будьте спокойны, на совѣсть. Мы и такъ вѣчно должны за васъ Бога молить.

— Вѣрно! Вѣрно! — зашумѣли въ толпѣ.—Правильно сказалъ Кириллъ Матвѣичъ. Что̀ прикажете, то и сдѣлаемъ.

— А не доглядите за быкомъ, не вернете мнѣ его осенью въ хорошемъ видѣ—полтораста рублей, и условіе засвидѣтельствовать въ волости. Слышите?

— Со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ. Доглядимъ, Богъ милостивъ. Нешто мы не понимаемъ, какая это животина!

— Ну, ладно. Приходите ко мнѣ въ Плавунцы дня черезъ три-четыре. Я дома буду. Тогда и покончимъ обо всемъ.

— Покорнѣйше благодаримъ вашу милость. Заслужимъ! Будьте спокойны. Счастливо оставаться!

Изъ толпы выдѣлился крестьянинъ среднихъ лѣтъ, съ большой рыжей бородой и по-дѣтски-голубыми глазами. Онъ вертѣлъ въ рукахъ свою шапку, упорно глядя на Почаева.

— Ну, тебѣ что̀?

— Да я... какъ по моей охотѣ... Нельзя ли будетъ такъ-то яичекъ купить хоть десяточекъ отъ вашихъ бѣлыхъ утокъ?

— Отъ пекинскихъ? Приходи, дамъ. А кстати! Что̀ же у васъ куры-то мои заводскія развелись, что̀-ли?

— Пріѣзжай, Петръ Семеновичъ, посмотри! По всей деревнѣ, въ лучшемъ видѣ. Пѣтушищи есть прямо въ индюка.

— А ужъ какъ ты насъ романовскими баранами уважилъ— и сказать невозможно! Овцы-те отъ печенки совсѣмъ перестали дохнуть. Зарѣжешь—чистая! Червей этихъ самыхъ—ни званія! Опять же—приплодъ. По одному ягненку и нѣтъ вовсе—по двое, а у которыхъ даже тройни сразу! Прямо сказать, одѣлъ ты насъ и накормилъ этими баранами.

— Ну, и слава Богу. Такъ прощайте пока. А тебѣ что̀?

Изъ толпы выдвинулся еще одинъ крестьянинъ.

— Я, значитъ, посовѣтовать; насчетъ своей разобиды.

— По суду?

— Точно такъ. Волостные, значитъ...

— Постой! Когда судъ былъ?

— Третьяго дня.

— Ну, такъ времени еще довольно, срока не пропустишь. Приходи ко мнѣ тоже въ Плавунцы. А теперь некогда. Либо, еще лучше, посовѣтуйся съ Провальнымъ. Онъ тебѣ плохо не скажетъ, и ближе, чѣмъ я. Ну, ѣдемте, Юрій Андреевичъ!

Хлуденевъ былъ искренно пораженъ всей это сценой.

— Петръ Семеновичъ!— воскликнулъ онъ невольно послѣ того, какъ они усѣлись въ тарантасъ и покатили по веселому проселку, среди оглашенныхъ жаворонками полей высокой уже ржи.—Сколько добра вы дѣлаете крестьянамъ! И какъ они васъ очевидно цѣнятъ и любятъ! Я бы не повѣрилъ такимъ отношеніямъ, еслибы не убѣдился въ нихъ собственными чувствами.

— Почему не повѣрили бы? Это вы начитались разныхъ глупостей объ антагонизмѣ и взаимной эксплоатаціи между крестьянами и помѣщиками. Конечно, подобныя отношенія существуютъ и даже нерѣдко. Въ каждомъ сословіи найдутся дураки или негодяи. Но знайте, что все-таки ни къ кому въ мірѣ мужикъ не отнесется съ такимъ полнымъ довѣріемъ, какъ къ порядочному помѣщику; что „баринъ“ для него все-таки высшее на землѣ выраженіе безкорыстія, доброты и знанія—ужъ конечно несравнимо высшее, чѣмъ, напримѣръ, свой же братъ, разбогатѣвшій и даже образованный крестьянинъ. Вотъ почему деревня безъ дворянъ въ самомъ дѣлѣ и буквально „осиротѣла“.

— Да, но много ли есть дворянъ, похожихъ на васъ!

— Мало, не спорю. Но вѣдь только потому, что ихъ мало вообще. Да и тѣ, которые остались, слишкомъ озабочены собственнымъ имущественнымъ положеніемъ, черезчуръ и незаслуженно тяжелымъ.

— Вы увлекаетесь, Петръ Семеновичъ. Въ томъ-то и дѣло, что вы—исключеніе. У васъ, вонъ, и имущественное положеніе оказывается вовсе не тяжелымъ, хотя хозяйственныя условія для всѣхъ одинаковы. Вы съумѣли съ ними управиться.

— Можетъ быть, только потому, что я—одинокій человѣкъ съ ничтожными потребностями и безъ копѣйки долга. Но дѣло не въ средствахъ. Взгляните на Провальнаго. Онъ бьется изъ-за куска хлѣба; а для крестьянъ—нужнѣе и полезнѣе меня вдесятеро.

— Какимъ образомъ?

— Да очень просто. Потому, что, оставаясь дворяниномъ по совѣсти и уму, дворяниномъ въ лучшемъ смыслѣ слова, онъ въ то же время усвоилъ себѣ всѣ интересы крестьянства, сдѣлался для мужика именно своимъ человѣкомъ, близкимъ и кровнымъ. А я этого не могу. Я все-таки—баринъ, лѣнтяй и сластёна.

— Вы-то?!

— Вы какъ полагаете,—всѣ эти мои быки, бараны, куры, сѣмена травъ, и пр., и пр., проникли бы къ крестьянамъ, завоевали бы себѣ между ними твердое положеніе, еслибы не Иванъ Алексѣевичъ? Какъ же! Держи карманъ! Я умѣлъ только дать,—а это не очень трудно, если есть изъ чего. Но кто неусыпно слѣдилъ за каждой телушкой? кто убѣждалъ, показывалъ и доказывалъ? кто добивался тяжелымъ трудомъ и заботою? Провальный! И безъ него все кончилось бы ничтожными и неудачными попытками.

— Скажите, неужто въ своемъ положеніи онъ находитъ еще время и силы для идейной работы?

— Въ томъ-то и залогъ удачи, что никакими исключительно идейными стремленіями онъ не задается. Онъ трудится для себя, для своей личной выгоды, какъ всякій умѣлый и усердный работникъ. Но въ то же время онъ вполнѣ свой между крестьянами, а слѣдовательно является для нихъ живымъ урокомъ и проповѣдью. Неодолимая убѣдительность этой проповѣди на томъ и держится, что всѣ ее не только слушаютъ, но и видятъ, со всѣми непосредственными послѣдствіями, и притомъ именно въ обстановкѣ, для крестьянъ знакомой и привычной.

— Скажите, почему Трофимовъ-Завистовскій такъ не жалуетъ Провальнаго?

— Еще бы онъ его любилъ! Иванъ Алексѣевичъ мѣшаетъ ему грабить и своевольничать въ своей волости.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Всякому обиженному крестьянину онъ — свой человѣкъ: научитъ его, направитъ, куда слѣдуетъ, напишетъ жалобу. Завистовскому уже раза два влетало отъ губернатора, именно благодаря Провальному. Волей-неволей земскій начальникъ вынужденъ стѣсняться и не слишкомъ рисковать.

— А какъ же говорятъ, будто на земскихъ начальниковъ и управы нигдѣ не найти?

— Смотря по тому, чтò они творятъ. Сосѣдъ Завистовскаго, напримѣръ, Сивачовъ, въ своемъ участкѣ собралъ съ крестьянъ всю продовольственную ссуду полностью, несмотря на льготу, объявленную манифестомъ, и конечно все лишнее положилъ себѣ въ карманъ. Завистовскій, повѣрьте, не задумался бы сдѣлать то же, но побаивается. Даже и Сивачову Богъ вѣсть пройдетъ ли это даромъ; крестьяне, говорятъ, собираются жаловаться, не смотря на угрозы волостныхъ властей и полиціи. А ужъ въ такой волости, гдѣ водятся Провальные, жалобы не миновать, и очень настойчивой.

— Но неужто возможны подобныя вещи?! Неужто никто не вступился за крестьянъ Сивачовскаго участка?

Петръ Семеновичъ пожалъ плечами.

— Кому охота добровольно лѣзть на вражду и крупныя непріятности? Не забудьте, что въ нашемъ уѣздѣ такой „смутьянъ" возстановилъ бы противъ себя всѣ власти—одна вѣдь шайка. Да еще выставили бы дѣло такъ, что „ябедничаетъ" онъ по личному разсчету и озлобленію.

— Но вѣдь не трудно доказать, что это не ябеда, а правда.

— Конечно, и вмѣстѣ навѣсить на себя ярлыкъ опаснаго или даже вреднаго человѣка. А вы думаете, губернскія-то власти будутъ вамъ благодарны за такое „вмѣшательство не въ свое дѣло"? Знаете ихъ „motto" въ наилучшемъ случаѣ?

— Какое же?

— Абы лихо тихо. Дальше этого не идутъ. И вѣрьте мнѣ, „вмѣшательство посторонняго человѣка" никогда не бываетъ ни забыто, ни прощено.

— Хорошіе нравы и порядки!

— Оттого-то, Юрій Андреевичъ, порядочные и независимые люди должны дорожить властью въ уѣздѣ. Не для себя это, а великая служба Россіи и горькой русской деревнѣ.

— Та-къ. А знаете ли, чтò Завистовскій говорилъ мнѣ про васъ, не далѣе, какъ вчера?

— Ну?

Юрій Андреевичъ пересказалъ Почаеву всю свою бесѣду съ земскимъ начальникомъ въ возможной точности и подробности.

Петръ Семеновичъ расхохотался.

— Хитеръ, бестія, и—умный малый, нечего сказать! Подготовляетъ себѣ мѣстечко и лазейку очень искусно. Если его не знаешь, какъ свои пять пальцевъ—обойдетъ непремѣнно. Ну, какъ, въ самомъ дѣлѣ, не повѣрить такой откровенности и благородному безпристрастію, если на свѣжаго-то человѣка?

— Неужто это все только роль и притворство?

— Поживете—увидите.

XVIII.

Юрій Андреевичъ проѣздилъ по уѣзду не семь, а девять дней, исколесилъ болѣе двухъ-сотъ верстъ и, несмотря на большой интересъ, возбужденный въ немъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, возвращался домой съ явнымъ удовольствіемъ. Онъ утомился; и не столько физически,—хотя въ качествѣ петербуржца не привыкъ къ колесной ѣздѣ въ большихъ порціяхъ,—сколько умственно, вслѣдствіе быстрой смѣны лицъ, идей, свѣдѣній и черезчуръ напряженнаго вниманія.

А заинтересовался Юрій Андреевичъ очень серьезно, несравнимо больше, чѣмъ разсчитывалъ. Онъ, не колеблясь, признался себѣ, что еще никогда ранѣе не случалось ему такъ близко и непосредственно подойти къ дѣйствительной жизни со всѣми ея, казалось бы, маленькими и ничтожными, но на самомъ дѣлѣ такими неотвратимыми, такими настоящими требованіями и отправленіями. Онъ воочію увидалъ, какъ изъ мелкихъ людей, мелкихъ интересовъ и мелкихъ событій слагается нѣчто стихійно-огромное, подавляюще-значительное и реально-трезвое, ломающее и разбивающее въ прахъ, какъ дѣтскую игрушку, многое изъ тѣхъ вѣрованій и представленій, которыя людямъ книжнаго знанія кажутся такими важными и принципіально-необходимыми. Юрій Андреевичъ съ изумленіемъ припоминалъ блестящія, остроумныя, глубокія рѣчи, слышанныя имъ въ разныхъ петербургскихъ коммиссіяхъ или совѣщаніяхъ, и задавалъ себѣ вопросъ: да неужто въ самомъ дѣлѣ ихъ говорили люди съ мѣста, делегаты вотъ этой самой провинціи, въ которую онъ теперь окунулся? „Но вѣдь это же совсѣмъ не то, что̀ нужно!“—хотѣлось ему теперь крикнуть заднимъ числомъ. „Не въ томъ дѣло! Къ чему красивое празднословіе, когда о самомъ существенномъ и

необходимомъ еще не сказано ни слова? Къ чему дальнозоркія соображенія и споры объ испанскихъ зàмкахъ, пока въ спертомъ воздухѣ еще дышать нечѣмъ?" Откуда же взялись всѣ эти quasi-представители? и зачѣмъ, зачѣмъ говорятъ они... такой дрянной вздоръ? Или ужъ это петербургская атмосфера такъ дѣйствуетъ?

Юрій Андреевичъ вынесъ изъ поѣздки кое-какія рѣшенія и для себя лично. Во-первыхъ, онъ убѣдился, что уѣздный предводитель дворянства едва-ли не болѣе всѣхъ остальныхъ русскихъ людей оффиціальнаго положенія способенъ принести настоящей пользы и добра населенію, способенъ даже сыграть, можетъ быть, невидную, но очень существенную роль въ исторіи народнаго развитія. Во-вторыхъ, онъ окончательно увѣрился, что, при желаніи, онъ въ самомъ дѣлѣ можетъ разсчитывать на почти общее въ уѣздѣ сочувствіе къ своей кандидатурѣ въ предводители, и „пройдетъ" на выборахъ не только значительнымъ большинствомъ, а даже безъ протеста и соперниковъ. Выводомъ же изъ этого явилось рѣшеніе: баллотироваться, осѣсть на мѣстѣ и приняться за дѣло со всевозможнымъ усердіемъ.

Ходъ мыслей Юрія Андреевича складывался такимъ образомъ. „Даже и въ Петербургѣ,—говорилъ онъ себѣ,—несмотря на хорошія средства, связи, службу, умственные и художественные интересы, я частенько томился пустотой жизни и даже чуть ли не обманывалъ самъ себя разными присочиненными чувствами и желаніями. Очевидно, я не изъ тѣхъ людей, которые могутъ довольствоваться случайными, мимолетными благами, и не созданъ для порханія съ цвѣтка на цвѣтокъ. Это же доказывается тѣмъ, какъ сильно и сразу захватила меня провинція съ ея трудной, неизящной, но удивительно реальной жизнью. Мнѣ нужно дѣло, увѣренность, что я чего-то добиваюсь, чему-то радуюсь, для чего-то нуженъ. Только съ этой стороны я и могу заботиться о своемъ личномъ интересѣ, такъ какъ средствъ у меня больше, чѣмъ нужно, а къ чиновному честолюбію я вполнѣ равнодушенъ. Но если такъ,—какой же интересъ могу я себѣ создать, кромѣ извѣстной серьезной задачи? А жить *такъ*, безъ интереса, безъ цѣли—это не жизнь!—по крайней мѣрѣ, не жизнь для меня, насколько я понимаю. Не ясно ли, что я долженъ ухватиться за неожиданную возможность быть первымъ слугою цѣлаго уѣзда? Если мнѣ удастся исполнить эту роль, какъ слѣдуетъ—честолюбіе мое будетъ вполнѣ удовлетворено, самъ я вѣроятно почувствую себя счастливымъ и довольнымъ; ибо не только по моимъ силамъ, да и по всякимъ—дѣло уѣзднаго пред-

водителя вовсе не маленькое и не легкое. Конечно, я теперь, пока, совсѣмъ къ нему не подготовленъ. Но при осторожности и хладнокровіи я все-таки вѣроятно не надѣлаю вреда, и во всякомъ случаѣ съумѣю не допустить такія явленія, какъ многое изъ слышаннаго про Трофимова-Завистовскаго, Сивачова, исправника и тому подобныхъ господъ. А затѣмъ—даже медвѣдей учатъ. Неужто я настолько тупъ, что всегда буду думать только чужой головой и смотрѣть чужими глазами? Прежде всего нужно зарыться по уши въ серьезную работу, сдѣлаться настоящимъ хозяиномъ-практикомъ, гоняться безъ устали за грошомъ, позабывъ о томъ, что онъ мнѣ лично, въ сущности, лишній. Нужно переболѣть всѣми страданіями мѣстныхъ людей, испытать на себѣ самомъ горе хозяйственныхъ неудачъ и торжество достиженія, узнать на дѣлѣ всѣ условія трудового существованія, всѣ взаимоотношенія мѣстныхъ силъ и интересовъ. Неужто я этого не достигну въ два, въ три года? А затѣмъ я уже буду во всеоружіи, могу явиться настоящимъ представителемъ цѣлыхъ тысячъ населенія, могу добиваться для нихъ и вмѣстѣ съ ними всякихъ желанныхъ благъ, могу провести на общественной почвѣ свою глубокую борозду. Развѣ это не краситъ, не наполняетъ, не осмысливаетъ жизнь? Если я, однако, безповоротно рѣшаюсь, то слѣдуетъ и за дѣло приниматься немедленно. Прежде всего желательно рѣшить вопросъ о Провальномъ. Если онъ согласится быть моимъ управляющимъ, то развяжетъ мнѣ руки для занятій по должности предводителя, а главное, вмѣстѣ съ Почаевымъ, явится для меня драгоцѣннымъ и надежнымъ учителемъ. Даже и лучше, если онъ нѣсколько озлобился, какъ намекалъ Трофимовъ-Завистовскій; тѣмъ скорѣе и полнѣе я буду знать всѣ свои промахи. Мнѣ только слѣдуетъ добиться, чтобы общеніе между нами было самое тѣсное, довѣрчивое или даже дружеское“...

Размышленія Юрія Андреевича прерваны были неожиданной встрѣчей. Изъ простой крестьянской телѣги, запряженной парою невзрачныхъ клячонокъ, на которую Хлуденевъ не обратилъ-было никакого вниманія, вдругъ кто-то энергически замахалъ ему фуражкой и раздался крикъ: „Постойте! Остановитесь!“

— Стой!—крикнулъ Хлуденевъ кучеру.—Что̀ такое?

Оказалось, что въ телѣгѣ обрѣтается земскій врачъ, Сергѣй Кирилловичъ Бологонцевъ. Онъ проворно вылѣзъ и подошелъ къ коляскѣ Юрія Андреевича.

— Вы домой возвращаетесь?—спросилъ онъ послѣ перваго привѣтствія.

— Да.

— А я только-что изъ Хлуденева, и считаю нужнымъ васъ предупредить, что тамъ неблагополучно. Оспа разыгралась очень серьезно, заболѣванія пресквернаго характера и даже перекинулись къ вамъ на усадьбу. Правда, пока только одинъ случай... Третій день теперь.

— Кто заболѣлъ?

— Дѣвочка-сиротка, которая служитъ при скотномъ дворѣ. Едва ли вы ее видали.

— Мароуша? Знаю.

— Она самая. Да еще бѣда въ томъ, что она совсѣмъ одинокая. Нѐкуда ее было изъ усадьбы-то выселить. Впрочемъ, Марья Ивановна обѣщала ее какъ-то пристроить. Можетъ быть, теперь ужъ ее и взяли отъ васъ.

— Какая Марья Ивановна?

— Дочка Провальнаго.

— А она тутъ при чемъ?

— Какъ при чемъ! Да вѣдь она же за всѣми больными безъ меня приглядываетъ. Совсѣмъ съ ногъ сбилась, бѣдняжка. Дѣтвора вѣдь все больше, капризничаютъ, не слушаются; возня съ ними большая.

Юрій Андреевичъ былъ чрезвычайно пораженъ.

— Чтò вы говорите?—воскликнулъ онъ. — Неужто Марья Ивановна сама возится съ оспенными больными?

— Чему вы такъ удивились? Она давно вѣдаетъ всю медицину въ Хлуденевѣ, даже съ согласія управы и земскаго собранія. Ей отпускаются нѣкоторыя лекарства, и она такъ научилась фельдшерскому дѣлу, что, право, знаетъ вдвое больше настоящихъ фельдшеровъ.

— Положимъ. Но вѣдь это же оспенные, то-есть, полная вѣроятность заразы. Наконецъ, какъ отецъ ея позволяетъ?

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, Юрій Андреевичъ. А какъ же мы-то, врачи, не боимся?

— Да, но это ужъ ваше призваніе, обязанность. Вы—тѣ же солдаты на войнѣ. А молодая дѣвушка, дочь, наконецъ, членъ семьи! Ради чего же?..

— Вы хотите сказать, что торговать жизнью ради денегъ еще возможно и понятно; а даромъ рисковать даже неприлично...

— Нѣтъ, не неприлично, а необыкновенно... какъ-то въ глаза бросается; чуется въ этомъ нѣкоторая неестественность, напыщенность.

— Это... это... столичное сужденіе!—рѣзко замѣтилъ Боло-

гонцевъ, весь вспыхивая.—У насъ люди проще. Мы даже не подозрѣваемъ того, что инымъ можетъ казаться позой или рисовкой... Еслибы вы могли увидѣть Марью Ивановну за дѣломъ, вы, можетъ быть, устыдились бы своихъ словъ. Честь имѣю кланяться!

Бологонцевъ торопливо отошелъ къ своей телѣгѣ, не замѣтивъ протянутой ему руки Юрія Андреевича.

— Шевелись! Трогай!—свирѣпо прикрикнулъ онъ на своего возницу.

„Съ чего этотъ чудакъ разгнѣвался?"—подумалъ Хлуденевъ.

XIX.

Подобно всѣмъ столичнымъ обывателямъ интеллигентнаго разряда, Юрій Андреевичъ преисполненъ былъ нѣкотораго чуть не мистическаго ужаса передъ всякими „болѣзнетворными микробами". Ему вѣрилось, что въ комнатѣ каждаго тифознаго или дифтеритнаго больного человѣкъ вдыхаетъ ядъ, отъ зараженія которымъ можетъ спастись только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, какимъ-то почти чудомъ. Онъ не имѣлъ случая подумать о томъ, что, помимо комнаты или вещей зазнамо больного, существуютъ еще сотни безвѣстныхъ „очаговъ зараженія", отъ которыхъ уберечься невозможно ни при какихъ условіяхъ, а слѣдовательно, еслибы эти очаги были въ самомъ дѣлѣ настолько губительны, то лечить больныхъ было бы давно некому, за отсутствіемъ здоровыхъ. Далеко не трусливый по природѣ, Юрій Андреевичъ считалъ однако, что избѣгать заразы такъ же естественно и разумно, какъ, напримѣръ, уйти изъ-подъ выстрѣловъ, если не принимаешь участія въ битвѣ, или войти въ спокойную гавань, если штормъ грозитъ кораблю опасностью. Но изо всѣхъ заразныхъ болѣзней самой противной и опасной казалась ему „непосредственно прилипчивая" оспа. Поэтому легко понять, что извѣстія Бологонцева о томъ, что эпидемія „разыгралась въ Хлуденевѣ очень серьезно" и даже проникла въ барскую усадьбу, поразили и смутили его самымъ непріятнымъ образомъ. Онъ не могъ отдѣлаться отъ мыслей, возбужденныхъ въ немъ бесѣдою съ докторомъ. Однако, чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ своей усадьбѣ, тѣмъ болѣе неожиданный поворотъ эти мысли принимали. Вспомнилось ему и письмо Зои Викторовны, ея дядя, угощающій обѣдами земскихъ врачей и студентовъ въ зараженныхъ костюмахъ, „по обязанности предводителя дворян-

ства". Выходило, пожалуй, такъ, что уйти изъ-подъ выстрѣловъ въ самомъ дѣлѣ естественно и благоразумно, но не въ томъ случаѣ, когда отъ нихъ кругомъ гибнутъ товарищи и близкіе. „Если ужъ я разъ живу въ деревнѣ, если я крупный помѣстный дворянинъ, —говорилъ себѣ Юрій Андреевичъ,—то я не въ правѣ голодъ или эпидемію признавать стороннимъ для себя дѣломъ, отъ котораго слѣдуетъ только получше оградиться. Это ясно. Либо ступай въ Остенде и будь „всесвѣтнымъ гражданиномъ", либо знай, что коли любишь кататься, то нужно и саночки возить".

Когда изъ-за веселой рощи, одѣтой весенней зеленью, выглянула хлуденевская колокольня, блестя на солнцѣ своимъ золотымъ крестомъ, то Юрій Андреевичъ уже говорилъ себѣ съ какимъ-то трудно опредѣлимымъ чувствомъ вызова и озлобленія:

„Если Марья Ивановна, дѣвушка безъ средствъ и досуга, считаетъ возможнымъ лично возиться съ цѣлою дюжиною больныхъ, конечно съ вѣдома отца и братьевъ, если Бологонцевъ чуть не каждый день вертится среди эпидемій—могу же я, чортъ возьми, хоть навѣстить больную дѣвочку, которая, какъ бы то ни было, выросла въ тетушкиной усадьбѣ, на тетушкиномъ хлѣбѣ, затѣмъ служила ей и мнѣ, какъ могла и умѣла, а теперь—одна на цѣломъ свѣтѣ, безъ всякихъ правъ на чью-либо помощь или участіе. Вѣдь, въ сущности, я же наиболѣе близкій ей человѣкъ, связанный съ нею хоть какими-нибудь отношеніями".

Когда Хлуденевъ пріѣхалъ домой, однимъ изъ первыхъ его вопросовъ Настасьѣ Ѳедоровнѣ было:

— А что̀ Марѳуша?

— Плоха. Очень горитъ.

— Гдѣ она?

— Марья Ивановна устроила ее въ избѣ у Агаѳьи Силаевой. Агаѳьина-то дочка все равно больна, теперь ужъ даже поправляется; а больше у нихъ въ избенкѣ никого и нѣтъ.

— Зачѣмъ это понадобилось?—нахмурился Юрій Андреевичъ. —И напрасно вы отпустили къ чужимъ людямъ. Хорошо ли ей тамъ? Избенка, пожалуй, плохая... Наша вѣдь она сиротка; грѣхъ.

— Докторъ, Сергѣй Кирилловичъ, распорядился. И то безпокоился, что она три дня въ усадьбѣ пролежала. Досадовалъ, что васъ нѣтъ. Потомъ, говоритъ, претендовать будете. Комнату, гдѣ она была, всю сулемой обмыли, сѣрой обкурили. Если, говоритъ, баринъ найдетъ нужнымъ, то пусть прикажетъ стѣны перебѣлить. А доски и постель, на которыхъ лежала Марѳуша, перенесли къ Агаѳьѣ.

— Ну, пусть и такъ.

Юрій Андреевичъ переодѣлся съ дороги, позавтракалъ, напился чаю и вслѣдъ затѣмъ направился въ деревню, разыскивать дворъ Агаѳьи Силаевой.

„Что̀ будетъ, то будетъ,—рѣшилъ онъ твердо.—Отъ судьбы не уйдешь; а краснѣть передъ самимъ собою и играть жалкую роль трусишки въ глазахъ мѣстнаго люда я не намѣренъ".

Избенка Агаѳьи оказалась именно такою, какой и полагалось быть по одинокому вдовьему положенію ея владѣлицы. Вросшая въ землю, подгнившая, перекосившаяся на-бо̀къ, она уныло встрѣтила Юрія Андреевича подслѣповатымъ взглядомъ своихъ тусклыхъ и маленькихъ оконцевъ.

„Ну, такъ и есть!—подумалъ онъ. — Нищета полнѣйшая; то-есть, грязь, вонь и спертый воздухъ. Все въ подобающемъ порядкѣ".

Низко наклонивъ голову, онъ, не стукаясь ею о притолку, благополучно проникъ въ темныя, крошечныя сѣни, а оттуда— въ горницу, которая, однако, оказалась, несмотря на свой земляной полъ, содержимой гораздо чище, чѣмъ это можно было предполагать по внѣшнему виду избенки. Полъ былъ тщательно утрамбованъ глиною съ пескомъ и мелкимъ кирпичнымъ мусоромъ, убогія стѣны довольно чисто выкрашены мѣломъ, а столъ и двѣ скамейки повидимому вымыты или даже выскоблены совсѣмъ недавно.

У стола сидѣла крестьянка лѣтъ сорока-пяти на видъ, крупная, сильная, и внимательно чистила ножомъ сырой картофель, очень скупо срѣзая съ него верхнюю кожицу. Ближе ко входу, на лѣвой сторонѣ, нѣсколько отступя отъ стѣны, стояла широкая скамья, чѣмъ-то застланная, на которой лежала, прикрывшись кое-какой ветхой одежонкой, женщина или дѣвушка съ испятнаннымъ лицомъ. Прямо напротивъ Юрія Андреевича, тоже у стѣны и тоже отступя отъ нея на аршинъ или болѣе, прилажены были на грубо сколоченныхъ козлахъ „доски" больной Марѳуши. Сама дѣвочка, лѣтъ пятнадцати на видъ, худенькая, съ покраснѣвшимъ лицомъ и мутными глазами, полусидѣла на своемъ ложѣ, поддерживаемая Марьей Ивановною, которая, обнимая больную одной рукою, другою подносила ей ко рту стаканъ съ какой-то жидкостью, уговаривая выпить все сразу.

— Пей, Марѳуша милая! Тебѣ легче станетъ. Докторъ приказалъ. Я тебѣ дамъ кисленькимъ закусить. Пей, моя радость!— услыхалъ Юрій Андреевичъ.

Его не сразу замѣтили, потому что входная дверь была прі-

отворена, и онъ вошелъ безъ шума, а въ избенкѣ всѣ были заняты своимъ дѣломъ очень внимательно (женщина съ испятнаннымъ лицомъ медленно и осторожно водила по немъ губкою).

Марѳуша, перекрестившись, проглотила лекарство и опустилась на изголовье.

— Здравствуйте, Марья Ивановна!—проговорилъ тогда Хлуденевъ.

Она быстро обернулась къ нему. Лицо ея похудѣло и поблѣднѣло, подъ глазами образовались темные круги.

— Здравствуйте!—отвѣчала она, не принимая его протянутой руки.—Зачѣмъ вы?.. Уходите. Здѣсь оспа.

— Здравствуйте, Агаѳья!—поклонился Юрій Андреевичъ и хозяйкѣ избы, поспѣшно поднявшейся со своего мѣста.—А здѣсь я по тому же праву,—спокойно отвѣтилъ онъ Марьѣ Ивановнѣ,—по какому и вы здѣсь; или даже по бо́льшему. Зачѣмъ вы потревожили бѣдную Марѳушу? Неужто я въ своей усадьбѣ не могъ бы обставить ее, какъ нужно? Здравствуй, Марѳуша! Каково тебѣ?

Онъ твердо подошелъ къ больной и положилъ руку на ея пылающій лобъ.

— Ого! Какъ горитъ!

— Тридцать девять и восемь, — сказала Марья Ивановна. Но въ то же время строгое и озабоченное лицо ея сверкнуло на Хлуденева такимъ ласковымъ, свѣтлымъ взглядомъ, что онъ въ этотъ мигъ готовъ былъ признать ее красавицей.

— Простите, я не знала, что вы такъ къ этому относитесь. Во всякомъ случаѣ, докторъ приказалъ. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, заносить заразу въ усадьбу, гдѣ столько народу и, можетъ быть, дѣло еще обойдется благополучно? А Марѳушѣ, увѣряю васъ, здѣсь хорошо будетъ. Мы съ теткой Агаѳьей—старые пріятели.

— Будьте спокойны, баринъ!—степенно поклонилась крестьянка.—Догляжу по совѣсти. Коли мою сиротку Господь помиловалъ,—она кивнула головой на женщину съ испятнаннымъ лицомъ и истово перекрестилась, — неужто жъ я звѣрь какой? Да и лекариха наша не сутерпитъ: коли плохо будетъ—хоть ночью, а прибѣжитъ да прибѣжитъ навѣдаться.

— Ну, я ухожу!—объявила Марья Ивановна.—Смотри же, Таня,—обратилась она къ больной съ испятнаннымъ лицомъ,—примачивай губкой, пока не захочется спать, а пальцамъ воли не давай. Перетерпи, какъ бы ни зудѣло.

— Не бойся, не стану.

— Чѣмъ это она примачиваетъ и съ какой цѣлью? — полюбопытствовалъ Юрій Андреевичъ.

— Просто грѣтой водкою. Это утоляетъ зудъ и на тѣлѣ рябинъ не останется.

— Вы и о рябинахъ заботитесь?

— Только съ Таней. Вы теперь судить не можете, какая у нея прелестная наружность—глазъ не отведешь... Жаль вѣдь! И такая она веселая, милая, первая плясунья, первая пѣсенница—цѣлому селу утѣха.

— Ну, ужъ ты, Марья, наскажешь!—застыдилась дѣвушка, отворачиваясь къ стѣнѣ.

— А что же, развѣ не такъ? И сердце хорошее, и работящая на совѣсть, и товарищъ надежный...

— Какъ вы вашихъ больныхъ любите!—тихо удивился Хлуденевъ, глядя на просіявшую Марью Ивановну.

— А какъ же иначе?—удивилась и она въ свою очередь.— Вѣдь это же все наши, свои. Вѣдь вотъ, напримѣръ, съ Таней, такъ же какъ и съ десяткомъ другихъ однолѣтковъ, мы вмѣстѣ росли, вмѣстѣ играли, дрались, цѣловались, въ лѣсъ бѣгали, учились работать. Я и теперь отлично помню, какъ тетка Агаѳья насъ обѣихъ крапивой высѣкла за то, что мы у нея трехъ гусенятъ задавили...

— Нашла ты, о чемъ поминать! да еще барину!—запротестовала Агаѳья, съ невольной, однако, улыбкой.

— А что же? Было, такъ было. Изъ пѣсни слова не выкинешь. Ну, я иду, однако; пора.

— Постой! Ты куда теперь?—спросила Агаѳья.

— Къ Ѳеоктистовымъ дѣткамъ.

— Такъ тебѣ по дорогѣ. Занеси, милая, чугунокъ Харитоновнѣ. Я обѣщала ей отдать сегодня.

— Хорошо, давай.

— Я васъ провожу, если позволите, — замѣтилъ Юрій Андреевичъ.—Мнѣ еще кое-о-чемъ хотѣлось бы спросить васъ.

— Пойдемте.

Хлуденевъ хотѣлъ подслужиться Марьѣ Ивановнѣ и отобрать у нея чугунокъ.

— Пожалуйте, я понесу,—предложилъ онъ.

— Что вы, Богъ съ вами!—разсмѣялась дѣвушка. — Перепачкаетесь совсѣмъ.

— А вы-то?

— Мнѣ ужъ до вечера все равно нельзя и мечтать о чистотѣ.

Вотъ вечеромъ, какъ все кончу—тогда и вымоюсь, и переодѣнусь съ головы до ногъ.

— Не кокетка вы!

— Откуда же взять на это средства? Да и зачѣмъ? Всякому своя доля; а моя, слава Богу, не хуже другихъ.

— Скажите, Марья Ивановна, не нужно ли чего-нибудь для Мареуши? Не могу ли я что-нибудь сдѣлать?

— Пока ничего.

— А сколько у васъ теперь всѣхъ больныхъ оспой?

— Четырнадцать человѣкъ.

— Вы видимо утомились и даже похудѣли.

— Ничего... А къ намъ братья мои пріѣхали!—вдругъ объявила она, даже обернувшись къ Юрію Андреевичу и радостно сіяя глазами.—Вчера; и на все лѣто теперь. Вы еще не знаете? У меня два брата, оба большіе, гимназисты старшихъ классовъ, отлично учатся, и вообще славные, честные, добрые люди.

— Вотъ, Богъ дастъ, познакомимся съ ними поближе, по-сосѣдски... Мнѣ бы хотѣлось повидать вашего батюшку.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Боюсь его безпокоить. Вотъ вы оба, небось, визита мнѣ не отдали!—шутливо прибавилъ Юрій Андреевичъ.

— Потому что вы насъ не звали!—весело отразила Марья Ивановна.—Да еще удобно ли вамъ съ нами знакомство водить?—вдругъ усомнилась она, становясь серьезною.—Вѣдь у насъ вамъ придется за однимъ столомъ съ простыми крестьянами сидѣть. Что-жъ, они—наши старые друзья; десятки лѣтъ съ отцомъ душа въ душу жили. Для насъ они—самые дорогіе люди. А вамъ будетъ непріятно и неловко... да, пожалуй, имъ-то самимъ еще и больше вашего.

— А какъ же Почаевъ бываетъ у вашего батюшки?

— Почаевъ—совсѣмъ другое дѣло. Онъ хоть и богатый, но простой, нашъ деревенскій, и никогда не чинится.

— Я тоже не черезчуръ сложный и поучусь не чиниться.

— Странно...

— Что̀ странно?

— Я думала, вы...

— Я?

— Совсѣмъ столичный. Не нашего поля ягода.

— Ягоды бываютъ на кустахъ, а кусты можно пересаживать на новое мѣсто. Вотъ и я попробую пересадить себя на деревенское поле.

— Дай Богъ. Для насъ смерть Натальи Николаевны была большой потерей; всѣмъ селомъ горевали. Ну, вотъ и Харитоновна. Я зайду чугунокъ отдать. До свиданія.

— Погодите еще на минуту. Какъ ваши больные?

— Двое очень плохи. Зато иные уже поправляются, хотя и медленно. Подправить-то ихъ нечѣмъ.

— Вотъ я объ этомъ и хотѣлъ узнать. Не нужно ли чего?

— Нуженъ бы хорошій бульонъ, виноградное вино, да гдѣ ихъ взять? Земство не можетъ давать. И безъ того на медицину много денегъ уходитъ—съ народа же.

-- Положимъ. Но въ Хлуденевѣ я могу помочь.

— Я ужъ у Настасьи Ѳедоровны выманила супцу для двоихъ. Знала, что вы не будете сердиться. А вина такого у васъ нѣтъ.

— Какое же нужно?

— Настасья Ѳедоровна говоритъ, что у васъ дешевле и нѣтъ, какъ рубля полтора за бутылку. Не поить же такимъ!

— А хоть бы и десять рублей, если нужно.

— Чтò вы, зачѣмъ это! На такія большія деньги можно много вещей, болѣе нужныхъ, сдѣлать. А больные, Богъ дастъ, все равно поправятся, хотя бы недѣлей или двумя позже.

— Значитъ, лучше, если я это вино выпью ради прихоти?

— То—другое дѣло. Вѣдь безъ вина вы все равно не останетесь—купите новое. Но жаль тратить свободныя средства на пустяки, если можно сдѣлать болѣе важное. А живетъ каждый по своимъ деньгамъ и потребностямъ. Я, вотъ, тоже каждый день чай пью, вкусно ѣмъ; когда ѣду въ городъ или иду въ гости—надѣваю нарядное платье...

„Это ея мантилька-то нарядная!"—съ ужасомъ подумалъ Юрій Андреевичъ.

— ...Конечно, не всѣ могутъ такъ жить. Можетъ быть, это несправедливо,—но не нами оно строилось, не нами и отмѣнится. Да еще какъ судить. Богъ-то лучше насъ съ вами знаетъ, кому чтò нужно по характеру и свойствамъ. Пусть лучше человѣкъ дорогое вино пьетъ, но остается благодушнымъ, любящимъ, готовымъ на всякое доброе дѣло, чѣмъ если онъ озлобится и станетъ хищникомъ отъ непосильнаго воздержанія. Это вѣдь и въ смыслѣ выгоднаго разсчета ясно.

— Марья Ивановна! Да вы—философъ!

Дѣвушка разсмѣялась.

— Ну, ужъ право не знаю, моя ли это собственная философія, или чужая. Мнѣ столько споровъ приходилось слышать

на эту тему, что я теперь не знаю, сама ли я думаю, или только попугайничаю. Вѣрнѣе послѣднее.

— Споровъ? между кѣмъ же?

— Между моимъ отцомъ и докторомъ Бологонцевымъ. Онъ вѣдь, пять лѣтъ тому назадъ, пріѣхалъ къ намъ отчаяннымъ радикаломъ, атеистомъ, революціонеромъ, и пр., и пр.

— А теперь?

— Теперь онъ говоритъ о великомъ значеніи помѣстнаго дворянства, о необходимости властей и порядка, постится въ первую, четвертую и страстную недѣли великаго поста; но въ остальномъ—тотъ же, что̀ былъ и прежде, превосходный, честнѣйшій и горячій человѣкъ, всегда готовый забыть о себѣ для другихъ.

— Какъ же вы это объясняете... съ философской точки зрѣнія?—улыбнулся Юрій Андреевичъ.

— Развѣ дѣло въ умѣ, въ идеяхъ? Совѣсть, сердце—вотъ что̀ на первомъ мѣстѣ въ человѣкѣ. Однако, вы начинаете надо мной подтрунивать. Я ухожу. До свиданія!

— До свиданія.

Юрій Андреевичъ протянулъ руку.

— Ну, нѣтъ! Руки я вамъ не подамъ,—улыбнулась дѣвушка.—Хотя и стоило бы, за насмѣшку. Видите, моя—вся въ копоти.

XX.

Въ тотъ же день, подъ вечеръ, Юрій Андреевичъ рѣшилъ посѣтить Провальнаго и направился къ нему обычной дорогой черезъ все село. Онъ уже близился къ околицѣ, когда возлѣ одного изъ крайнихъ дворовъ наткнулся на цѣлую кучку крестьянъ, въ центрѣ которой разглядѣлъ самого Ивана Алексѣевича.

Крестьяне бесѣдовали или даже спорили о чемъ-то очень оживленно; „галдѣнье“ ихъ Хлуденевъ разслышалъ еще издали, въ тишинѣ лѣтняго вечера; но когда подошелъ „баринъ“, всѣ смолкли и поснимали шапки.

Юрій Андреевичъ, раскланявшись съ толпою, протянулъ руку Провальному.

— Вы заняты, Иванъ Алексѣевичъ?—спросилъ онъ.

— Напротивъ, именно бездѣльничаю, пока дѣти работаютъ. Такъ вотъ, болтаю съ сосѣдями кое-о-чемъ. А что̀?

— Я, было, къ вамъ собрался.

— Что же. Очень радъ. Пожалуйте.

— А не секретъ, о чемъ у васъ такъ горячо говорили?

— Нѣтъ, какіе секреты... Непріятное и скверное дѣло опять случилось ночью. Воровство. Да еще обокрали-то женщинъ; взломали сундуки, повынули полотна, денегъ рубля полтора, шаль новую и т. д. Бѣдныя одинокія бабы бьются изо всѣхъ силъ, недосыпаютъ, недоѣдаютъ; а у насъ въ деревнѣ находятся такіе молодцы, которые сами гнуть спину не любятъ, зато въ кабакѣ—первые рачители; такъ вотъ—чужое, бабье туда и тащатъ. Правда вѣдь, Василій Антоновичъ, есть у насъ такіе ухари?

Головы всѣхъ крестьянъ мгновенно обратились въ одну сторону, и Хлуденевъ узналъ въ опрошенномъ своего недавняго антагониста—Ваську Козлова.

— Съ чего же ты меня-то спрашиваешь, Иванъ Алексѣевичъ?—хмуро и раздраженнымъ тономъ отвѣтилъ Васька.—У тебя, помимо меня, есть много пріятелей-растабаровъ.

— Я къ тому, Василій Антоновичъ, что другіе-то, можетъ, въ такихъ дѣлахъ еще несмыслёночки, хоть и постарѣе васъ. Не всякій вѣдь наберется удали послѣдній кусокъ хлѣба у нищей бабы отобрать. Иному еще, пожалуй, и жалко покажется. Подумаетъ: мнѣ въ кабакъ, а баба убивалась, убивалась—да и нѣтъ ничего; только повоетъ съ горя, какъ голодные волки зимою. Иному, Василій Антоновичъ, послѣ этого, пожалуй, зазорно станетъ и на крестъ церковный помолиться.

— Вѣрно! Вѣрно! — вдругъ подтвердили нѣкоторые изъ крестьянъ.—Ужъ такое баловство, что хуже некуда.

— Что̀ ужъ вы, Иванъ Алексѣевичъ, больно до бабъ жалостливы стали?—дрожащимъ отъ озлобленія голосомъ отозвался Васька Козловъ.—По вашему, по-господски—вѣдь вы тоже въ родѣ какъ изъ желтошниковъ [1]) будете—можетъ, оно и такъ показывается. Ну, а мы, можетъ, горя-то да нужды не поменьше, а еще и побольше вашихъ бабъ видѣли. И ничего—живы, слава тебѣ, Господи. Перетерпѣли. Перетерпятъ, небось, и онѣ—цѣлы будутъ. Нѐвидаль тоже, что бабы!

— Такъ, Василій Антоновичъ. Что-жъ, покуда Богъ и люди терпятъ, не зѣвай, удалый молодецъ! Сегодня поло̀тна изъ сундука, завтра—лошаденки сосѣдскія, а тамъ—и за дубье приниматься пора. Дорога эта—извѣстная; бѣсъ да кабакъ ее давно проторили. Прощенья просимъ. Задержалъ я васъ, Юрій Андреевичъ, извините.

---

[1]) То-есть, изъ людей, кушающихъ въ яйцѣ только желтокъ, избалованныхъ, прихотливыхъ. Народное словцо.

— Напротивъ, напротивъ! Мнѣ было очень интересно послушать. Хорошъ этотъ гусь, Васька Козловъ, однако!

— А что̀ вы думаете? Въ сущности, вовсе не дурной малый, я вѣдь его давно знаю. Но лодырь и пьяница; да еще въ компанію настоящихъ мерзавцевъ попалъ. Двое тутъ есть пріятелей изъ сосѣдней деревни, изъ Чертороя... Ну, тѣ—прирожденные преступники и спаиваютъ Ваську въ своихъ видахъ.

До Хлуденева и Ивана Алексѣевича стали долетать возбужденные возгласы изъ оставленной ими кучки крестьянъ.

— Лучше повинись, Васька!.. Ой, попомни!.. До добра не доживешь... Черторойскіе колодники, никто больше...

— Черти! Дьяволы! Чего пристали?—отвѣчалъ на эти возгласы Васька даже не крикомъ, а какимъ-то хриплымъ визгомъ.— Вы поймайте сначала. Кто видѣлъ? Кто можетъ доказать? Можетъ, еще изъ васъ кто сундукъ-то разбилъ.

— Однако, вашъ „не дурной малый", повидимому, особенной склонностью къ раскаянію не отличается,—замѣтилъ Хлуденевъ.

Иванъ Алексѣевичъ пожалъ плечами.

— Въ азартѣ человѣкъ. Теперь ему море по колѣно. А что̀ онъ будетъ думать или чувствовать завтра—не узнаете. Чужая душа потёмки, Юрій Андреевичъ, и не такъ-то легко о ней судить. Человѣкъ не дерево и не камень; по кожѣ не угадаешь, что̀ именно въ немъ сидитъ тамъ, поглубже.

— Иванъ Алексѣевичъ, я къ вамъ съ просьбой.

— Что̀ прикажете?

— Не подарите ли вы мнѣ нѣсколько часовъ?

— То-есть?

— Вы вѣдь теперь, вѣроятно, пашете паръ?

— Да.

— Позвольте мнѣ придти къ вамъ на работу и покажите мнѣ на дѣлѣ, какъ отличить хорошую пахоту отъ плохой, чего можно отъ рабочихъ требовать, и даже, если у васъ терпѣнья хватитъ, поучите меня самого пахать. Настоящимъ пахаремъ мнѣ, конечно, не быть; но если возьмусь за соху самъ, то, вѣроятно, скорѣе пойму, въ чемъ дѣло.

Иванъ Алексѣевичъ внимательно и ласково посмотрѣлъ на Хлуденева.

— Приходите, Юрій Андреевичъ; покажу вамъ все, что̀ самъ знаю, съ удовольствіемъ. Я радъ, что наше тихое и маленькое дѣло не кажется вамъ черезчуръ ничтожнымъ.

— Иванъ Алексѣевичъ! Я буду съ вами откровеннымъ, по-

тому что—прямо говорю—очень въ васъ нуждаюсь и жду отъ васъ превеликихъ милостей.

— Отъ меня?

— Да. Но объ этомъ рѣчь впереди, когда-нибудь послѣ, когда я заслужу ваше довѣріе. Теперь же я скажу вамъ, къ чему стремлюсь. У меня есть своего рода честолюбіе. Мнѣ хочется служить въ уѣздѣ, играть видную роль, сдѣлать что-нибудь полезное для себя и для другихъ—словомъ, оставить за собою слѣдъ въ жизни. За великими столичными почестями я не гонюсь, чиновной высокопоставленности не желаю; но быть чѣмъ-нибудь у себя дома, среди своихъ близкихъ, трудиться для серьезнаго дѣла—въ этомъ вижу истинный смыслъ жизни, даже личное удовлетвореніе, если не счастье. Въ городѣ, по моимъ понятіямъ и вкусамъ, мнѣ дѣлать нечего. А въ деревнѣ я, на бѣду, покуда совсѣмъ новичокъ. Отсюда сами заключайте, насколько мнѣ дороги совѣты и указанія такихъ людей, какъ вы, Петръ Семеновичъ Почаевъ, Хостовцевъ и т. под. Вотъ я и пришелъ къ вамъ съ просьбою: не сторонитесь отъ меня, учите меня, даже браните и укоряйте, когда нужно—не ради меня лично, ибо я, конечно, этого ничѣмъ еще не заслужилъ, а ради возможной пользы и выгоды для многихъ.

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь, Юрій Андреевичъ,—суховато отвѣтилъ старикъ.—Я человѣкъ настолько мелкій и поглощенный заботою о кускѣ хлѣба, что никогда не задавался даже мыслью о какой-либо идейной дѣятельности. Помилуйте, мнѣ приходится жить изо дня въ день. Насъ вѣдь четверо на восьмидесяти десятинахъ. Гдѣ же мнѣ плавать съ такими большими кораблями, какъ вы!

Юрій Андреевичъ посмотрѣлъ на старика, непріятно озадаченный. Онъ почему-то не ждалъ этого уклончиво-холоднаго отвѣта.

— Однако, „плаваете“ же вы вмѣстѣ съ Почаевымъ; плавали и съ моей покойной тетушкой...

— Ну, ужъ вмѣстѣ! Петръ Семеновичъ и Наталья Николаевна знали меня съ дѣтства, когда я былъ еще бариномъ, а не лапотникомъ. Ну, и благоволили ко мнѣ по старой памяти. Но это еще не значитъ, чтобы я-то самъ съ ними ровнялся.

— Иванъ Алексѣевичъ, если я окажусь неблагонадежнымъ пустозвономъ, вы всегда успѣете выбросить меня за бортъ. Но отчего не взять меня на испытаніе?

— Простите, Юрій Андреевичъ, я васъ плохо понимаю. Вамъ угодно было спросить меня насчетъ пахоты. Это по мо-

имъ силамъ, это я знаю, и готовъ показать вамъ все съ истиннымъ удовольствіемъ, безъ какихъ-либо уговоровъ. Точно такъ же, разумѣется, я поступлю и во всякомъ другомъ подобномъ случаѣ, насколько это позволятъ мои очень скромныя условія. Вообще, я вамъ радъ, каждый разъ, когда вамъ угодно будетъ сдѣлать мнѣ честь вашимъ вниманіемъ. Но согласитесь, что было бы странно, забавно или даже неблаговидно—на сторонній взглядъ,—еслибы я, старый деревенскій лапотникъ, затесался къ вамъ въ интимное пріятельство. Притомъ же у меня дѣти, молодежь, которой еще нужно привыкать къ своему мѣсту, къ своему „шестку"...

— Хорошо, Иванъ Алексѣевичъ,—мягко возразилъ Хлуденевъ.—Простите меня за назойливость. Я понялъ и буду терпѣливъ. Я только теперь сообразилъ, что никакого права въ самомъ дѣлѣ пока не заслуживаю ничѣмъ, кромѣ добрыхъ намѣреній. А это матеріалъ черезчуръ дешевый; имъ, говорятъ, цѣлый адъ вымощенъ. Не слишкомъ удивляйтесь моей глупости. Мы, городскіе, книжные люди, вообще привыкли смѣшивать слова съ дѣломъ.

Иванъ Алексѣевичъ улыбнулся, но промолчалъ.

Собесѣдники въ это время входили уже въ ворота крошечной усадебки Провальнаго. Тамъ они увидали Марью Ивановну, которая, высоко подоткнувъ свой вылинявшій сарафанъ, доставала воду изъ колодца. Она весело и дружелюбно, съ улыбкой кивнула Хлуденеву, проговоривъ:

— Здравствуйте, Юрій Андреевичъ!

А затѣмъ обратилась къ отцу.

— Папа, пригласи гостя посидѣть у воротъ на скамейкѣ. У меня дома еще не все готово.

— Полы подтираешь?—спросилъ Иванъ Алексѣевичъ спокойнымъ тономъ.—А Параша?

— Въ коровникѣ. Сейчасъ и я туда побѣгу. Юрій Андреевичъ, вы у насъ побудете?

— Непремѣнно.

— Вотъ какъ!—пошутилъ старикъ.—Мою дочурку, я вижу, вы уже успѣли совсѣмъ завоевать... Она съ вами чуть ли не по-пріятельски обращается. Скоренько!

— Прикажете досказать вашу мысль?

— Пожалуйста.

— То-то, молъ, молодо-зелено! Ну, а ужъ меня, стараго воробья, никакому столичному скорохвату не удастся обвести вокругъ пальца. Такъ вѣдь, Иванъ Алексѣевичъ?

— Что-жъ, пожалуй, и такъ отчасти,—разсмѣялся старикъ. —Впрочемъ, какая вамъ и прибыль обводить-то меня!

Хлуденевъ проводилъ глазами Марью Ивановну, которая съ нѣкоторымъ усиліемъ пронесла въ домъ два ведра съ водою.

— Не слишкомъ ли утомляется ваша дочь?—замѣтилъ онъ Провальному.—Теперь у нея много сверхсмѣтныхъ хлопотъ съ больными.

Въ глазахъ старика мелькнула печаль.

— Пусть трудится,—сказалъ онъ тихо.—Вѣдь ей никакого другого интереса въ жизни не предстоитъ. Больше работается, меньше думается... Можетъ быть, подъ старость вотъ изъ нихъ кто-нибудь дастъ ей спокойный уголъ и кусокъ хлѣба. Буди воля Божія!

Старикъ показалъ на двухъ рослыхъ крестьянскихъ парней, которые видимо возвращались съ поля, верхомъ, таща за собою перевернутыя сохи. Оба были въ лаптяхъ, рубахахъ грубаго крестьянскаго полотна и домодѣльныхъ соломенныхъ шляпахъ. Суконныя „свиты“ (армяки) обычнаго деревенскаго покроя лежали у нихъ на лошадяхъ, исправляя должность сѣделъ. Ѣхали они шагомъ.

— Ваня, Алеша, слѣзайте!—остановилъ ихъ у воротъ Иванъ Алексѣевичъ.—Вотъ!—обратился онъ къ Хлуденеву.—Позвольте мнѣ вамъ представить. Это мои сыновья. Пріѣхали домой на вакацію. Они—гимназисты восьмого и седьмого класса.

Юноши крѣпко и довѣрчиво пожали руку Юрія Андреевича. Ему понравилось, что они видимо не стѣснялись ни своими лаптями, ни грубыми, грязными рубахами.

— Сестра намъ говорила про васъ,—коротко, но ласково замѣтилъ старшій, Ваня. А затѣмъ оба куда-то повели своихъ лошадей и скрылись.

XXI.

Юрій Андреевичъ провелъ у Провальныхъ пріятный вечеръ. Молодежь сразу отнеслась къ нему добродушно и просто. Гимназисты и Марья Ивановна, не стѣсняясь, говорили между собою о хозяйственныхъ мелочахъ, о деревенскихъ событіяхъ, людяхъ или отношеніяхъ. На сцену выступали то рыжая корова, сразу утратившая молочность, то просяной сѣвъ, то предсказаніе какого-то дяди Леонтія о большомъ дождѣ въ концѣ недѣли, то ссора Валяихи съ Филатовой изъ-за яицъ, такъ какъ куры обѣихъ повадились нестись въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а запи-

рать ихъ на ночь обѣ почему-то находили невыгоднымъ или неудобнымъ. Много говорили о воровствѣ полòтенъ, о Козловѣ и его черторойскихъ друзьяхъ, о разборѣ подобныхъ дѣлъ въ волостномъ судѣ, о старшинѣ, писарѣ, урядникѣ и т. д. Все это, на первое время, казалось Хлуденеву и поучительнымъ, и интереснымъ. Онъ просилъ объясненій, дѣлалъ вопросы, и ему охотно отвѣчали.

Юрія Андреевича поразило, однако, что и самъ Иванъ Алексѣевичъ, и его дѣти—люди, очевидно, образованные—относились къ деревнѣ, къ крестьянамъ, къ своей собственной жизни и дѣятельности между ними—безъ малѣйшей претензіи на какую-либо просвѣтительную, благотворящую или иную идейную задачу. Они видимо смотрѣли на все съ точки зрѣнія исключительно личныхъ своихъ интересовъ и успѣшности своего явно нелегкаго труда. Никто не заикнулся о какихъ-либо цѣляхъ либо достиженіяхъ не непосредственно будничнаго, семейнаго характера. Даже объ уѣздной администраціи и земскомъ дѣлѣ упоминали только вскользь, какъ о чемъ-то, въ сущности, мало интересномъ и неблизкомъ, почти не затрогивающемъ настоящую суть трудовой практики.

Это очень смутило Юрія Андреевича, привыкшаго „словечка въ простотѣ“ не слыхать и не читать о деревнѣ, привыкшаго вѣрить, что единственной достойной задачей всякаго образованнаго человѣка, даже опредѣляющей всю его нравственную личность, является забота о „малыхъ сихъ“, о подъемѣ ихъ духовнаго и матеріальнаго благосостоянія, о признаніи ихъ правъ и потребностей. Такое именно отношеніе къ „малымъ симъ“ считалъ Юрій Андреевичъ не только обязательнымъ для себя, какъ для порядочнаго и воспитаннаго человѣка, но даже необходимымъ, какъ единственный источникъ самоуваженія и довольства собою. Почему же никакихъ слѣдовъ такого взгляда или настроенія не замѣчалось въ семьѣ Провальнаго? Юрій Андреевичъ почувствовалъ теперь даже, что онъ краснѣетъ, вспоминая свою великолѣпную рѣчь Ивану Алексѣевичу о намѣреніи служить уѣзду,—до того эта рѣчь казалась неподходящей и неумѣстной въ данной средѣ...

— Какъ же, однако, объяснить безкорыстную заботу Марьи Ивановны о больныхъ?—подумалъ Хлуденевъ.—Почему Иванъ Алексѣевичъ, дворянинъ съ университетскимъ дипломомъ, не захотѣлъ служить, а осѣлъ въ деревнѣ на ничтожномъ клочкѣ земли? Почему онъ вступается за крестьянскія обиды, пишетъ прошенія, жалобы и даже сдерживаетъ этимъ, какъ говорилъ

Почаевъ, чрезмѣрную безцеремонность земскаго начальника? Очевидно, идейная подкладка есть въ жизни и дѣятельности этихъ людей, но она приняла здѣсь какія-то незнакомыя мнѣ формы.

Юрій Андреевичъ попробовалъ свернуть разговоръ на литературу, разсчитывая, что ему лучше удастся понять своихъ собесѣдниковъ, если они выскажутъ свои мысли и симпатіи въ области явленій общественнаго порядка. Оказалось, что и старикъ, и молодые зачитывались произведеніями Толстого, Тургенева, Достоевскаго и другихъ великихъ мастеровъ нашего слова, что многое изъ поэтовъ они знаютъ наизусть и цитируютъ съ энтузіазмомъ, что новая книга журнала для нихъ—праздникъ. Но художественная сторона чудесъ нашей литературы, очевидно, интересовала юношей несравнимо болѣе общественной; къ послѣдней они были почти глухи во всѣхъ случаяхъ, когда она не касалась вопросовъ личной правды и совѣсти въ человѣческихъ взаимоотношеніяхъ.

Юрій Андреевичъ заговорилъ о народникахъ, марксистахъ, о писаніяхъ народно-экономическаго характера и даже прямо о послѣднихъ, наиболѣе видныхъ явленіяхъ публицистики.

Но въ этомъ смыслѣ его собесѣдники оказались весьма мало свѣдущими, довольно индифферентными и сослались на невозможность для нихъ „слѣдить за газетами". Даже такіе вопросы, какъ о народномъ просвѣщеніи, о преимуществахъ фабрично-заводской либо земледѣльческой промышленности, о разработкѣ рудныхъ богатствъ, привлеченіи капиталовъ и т. п.—оставляли молодежь и самого Ивана Алексѣевича почти безучастными. Это, наконецъ, задѣло Хлуденева, и онъ поставилъ старику въ упоръ такой вопросъ:

— Неужто вы не интересуетесь благосостояніемъ простого народа, деревни, крестьянства?

— Съ моей стороны это было бы празднымъ притязаніемъ.

— Какъ!? Я не понимаю.

— Еслибы я остался „бариномъ", я вѣроятно, подобно другимъ, позволилъ бы себѣ роскошь благотворенія. Я вѣдь понимаю, какое удовольствіе — дать, сдѣлать, оставить по себѣ память. Люди, владѣющіе милліонами, строятъ клиники, основываютъ университеты, созидаютъ народные дома и т. п. Люди менѣе обезпеченные имѣютъ возможность посвящать, по крайней мѣрѣ, свой досугъ вопросамъ народнаго блага и придумывать для этого всякія мѣры. Но я вѣдь не баринъ. Какъ видите, моя семья въ такомъ положеніи, что и мечтать не въ правѣ о какомъ-либо благодѣтельствованіи; помоги только Богъ самой въ

немъ не нуждаться. Какой же для насъ смыслъ тратить время и силы на явно недостижимыя и стороннія цѣли? Вѣдь это въ своемъ родѣ была бы нѣкая mania grandiosa, то-есть нѣчто очень смѣшное и жалкое.

— Позвольте мнѣ предположить, что вы или не откровенны, или... или кокетничаете.

— Это же почему?—удивился Провальный.

— Да вотъ хоть бы такое представляется соображеніе. Вы—дворянинъ и человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Кто мѣшалъ вамъ служить, подобно большинству? Но вы пошли на всякія лишенія въ деревнѣ. Чего ради?

— Да ради того, чтобы быть сытымъ и здоровымъ. Позвольте! Чего я могъ добиться службою? Двухъ, трехъ тысячъ жалованья въ лучшемъ случаѣ, послѣ двадцатилѣтняго корпѣнія въ канцеляріи. Да что же бы я этимъ выигралъ? Вѣдь въ городѣ я не могу надѣть лаптей и посконной рубахи, не могу питаться съ собственнаго огорода либо курятника. Посмотрите на моихъ дѣтей—молодцы! Могъ ли бы я выростить ихъ такими въ городѣ на казенномъ жалованьѣ? Могъ ли бы я самъ чувствовать себя тамъ независимымъ и спокойнымъ? А еслибы на половинѣ жизни меня со службы прогнали или я бы умеръ—куда бы дѣлась семья? Вѣдь восемьдесятъ десятинъ заброшенной земли не накормятъ, если надъ головою даже крыши нѣтъ. Знаете поговорку: „щей горшокъ, да самъ большой“? А я еще кстати ненавидѣлъ городъ и чувствовалъ себя счастливымъ только въ деревенской обстановкѣ, лицомъ къ лицу съ природою. Помилуйте! Да въ подобныхъ условіяхъ было бы просто глупостью обивать пороги въ канцеляріяхъ.

— Хорошо, положимъ. А что заставляетъ васъ ссориться съ земскимъ начальникомъ изъ-за чужихъ интересовъ? Почему вы заступаетесь за обиженныхъ крестьянъ, даже безплатно ведете ихъ дѣла? Почему Марья Ивановна ухаживаетъ за больными? Это все тоже изъ своекорыстныхъ разсчетовъ?

— Разумѣется, нѣтъ. Только я не понимаю, при чемъ же здѣсь благо народа, простого или какого бы то ни было?

— А какъ же?

— Если вы видите человѣка въ бѣдѣ—принца или сапожника, это все равно—и ему поможете, развѣ вы сдѣлаете это для народнаго блага? Сдѣлаете просто потому, что иначе вамъ будетъ не по себѣ, потому что вамъ такъ хочется. И если ужъ говорить объ этомъ, то еще я передъ сосѣдями въ долгу, а не они передо мною.

— Какъ это?

— Да такъ. Когда я еще начиналъ только приводить свое маленькое хозяйство въ порядокъ, Машѣ было три года, а покойная жена забеременѣла Ваней, у меня въ одинъ прескверный іюльскій день сгорѣла вся усадьба. Остался я безъ крова, безъ денегъ, яко благъ, яко нагъ. Куда дѣться зимою? А вѣдь я съ ребенкомъ и съ больной женою! Смотрю—одинъ сосѣдъ приноситъ краюху хлѣба, яичекъ; другой—очищаетъ для жены моей свою лѣтнюю свѣтлицу; третій, четвертый, пятый вызываются въ рабочее время даромъ съѣздить въ лѣсъ за бревнами для постройки; сосѣдка-дворянка—тетушка ваша покойная—предлагаетъ мнѣ свой лѣсъ по дешевой цѣнѣ, съ разсрочкой платежа на пять лѣтъ; сосѣдъ-мѣщанинъ, лавочникъ, кулакъ и закладчикъ, заявляетъ мнѣ, что у него есть лишняя коровенка, такъ пусть покуда побудетъ у меня,—дѣвочкѣ моей, дочкѣ, да и больной женѣ на молочко пригодится; сосѣди-крестьяне цѣлымъ обществомъ являются на мое поле, снимаютъ рожь, возятъ ее на скирдникъ, и затѣмъ наотрѣзъ отказываются не только отъ денегъ, но даже отъ угощенья водкою. А я—видитъ Богъ—никогда прежде и ни для кого изъ нихъ даже копѣйкой не поступался. Гдѣ ужъ! Самъ тише воды, ниже травы былъ. Глядь, въ концѣ августа, задолго до холодовъ, у меня уже одна горенка въ новомъ домѣ готова; а къ октябрю и весь онъ отстроенъ. Въ карманѣ же послѣ пожара копѣйки ломаной не было! Вотъ, сударь, коли переживешь этакое,—старикъ молитвенно перекрестился,—такъ ужъ не станешь справляться о народномъ благѣ, а радъ послужить всякому несчастному, кто бы онъ ни былъ. И какъ вы думаете, если я теперь прошеніе какое-нибудь напишу сыну того самаго крестьянина, который мнѣ даромъ лѣсъ возилъ—расквитаюсь я этимъ или нѣтъ?

Юрій Андреевичъ даже онѣмѣлъ, пораженный разсказомъ.

— Иванъ Алексѣевичъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ.—Да неужто бываютъ такія вещи? Да почему же ничего о нихъ неизвѣстно? Почему разсказываютъ, напротивъ, о крестьянахъ совсѣмъ иначе, рисуютъ ихъ какими-то безсовѣстными грабителями?

— Я пережилъ то, о чемъ говорю. А крестьяне дѣйствительно могутъ оказаться такими или иными, по условіямъ и обстоятельствамъ. Творятъ они и возмутительныя вещи... Ну, а кто можетъ за себя поручиться, что онъ всегда будетъ ровнымъ, даже просто самимъ собою?.. Да, если не старость меня обманываетъ, именно въ послѣднее время совѣсть и правда у кре-

стьянъ очень, очень въ умаленіи. И вотъ вышло же такъ, несмотря на постоянную заботу разныхъ радѣтелей народнаго блага.

— Вы, кажется, не очень-то цѣните этихъ радѣтелей?

— А знаете, почему у насъ вся интеллигенція поголовно либо заботится, либо хотя только болтаетъ о мéньшемъ братѣ?

— Почему?

— Старыя барскія дрожжи еще живы. Не можемъ воздержаться, чтобы не опекать и не благодѣтельствовать. А, можетъ быть, пора бы и мелкимъ людямъ сознавать себя полноправными; не весь же вѣкъ на помочахъ ходить, да съ барскаго плеча подарки получать. Прошлое хоронить пора бы.

— Чтò вы называете подарками съ барскаго плеча?

— Да вотъ хотя бы даровую дворянскую службу.

XXII.

Хлуденевъ упорно учился сельскому хозяйству, вглядывался въ бытъ деревни и очень часто посѣщалъ Ивана Алексѣевича, у котораго за чаемъ или стаканомъ молока не разъ сиживалъ вмѣстѣ съ почтенными домохозяевами изъ простыхъ крестьянъ, прислушиваясь къ немудреной, но всегда добродушной и содержательной бесѣдѣ. Крестьяне сначала чинились молодого „барина“, вставали при его появленіи, собирались тотчасъ же уходить, но скоро освоились. Иванъ Алексѣевичъ, по просьбѣ самого Хлуденева, заявлялъ имъ очень вѣско, что у него и для него они—гости болѣе давніе и дорогіе, чѣмъ петербургскій баринъ, а потому всякая перемѣна былого обычая явится для него кровной обидою, да и „барину“, пожалуй, будетъ въ огорченіе: онъ вѣдь не пугало, чтобы отъ него добрые люди бѣгали. Самъ Хлуденевъ, по совѣту Ивана Алексѣевича, воздержался отъ торопливой навязчивости и популярничанья съ крестьянами. Онъ держалъ себя серьезно, но просто, говорилъ мало; но, не стѣсняясь и съ явнымъ интересомъ, разспрашивалъ о томъ, чтò ему въ бесѣдѣ оказывалось непонятнымъ или новымъ, отнюдь не прикидываясь ни болѣе, ни менѣе освѣдомленнымъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Крестьяне съ явной готовностью или даже удовольствіемъ объясняли ему все, чтò требовалось. Встрѣчаясь затѣмъ со знакомыми по бесѣдамъ у Ивана Алексѣевича, гдѣнибудь въ иномъ мѣстѣ, Хлуденевъ раскланивался съ ними любезно, называя нѣкоторыхъ по имени и отчеству, а иной разъ

и заговаривалъ съ ними, но не иначе, какъ если въ самомъ дѣлѣ было о чемъ сказать или спросить. Съ крестьянами же, лично ему неизвѣстными, держалъ себя сухо и не слишкомъ доступно, сразу обрывая всѣ попытки эксплоатировать его займами, просьбами „отложить работку", пожаловать мѣсяца за четыре впередъ, потому что лошадку купить нужно, и т. п. Чѣмъ униженнѣе и льстивѣе были ходатайства, тѣмъ рѣшительнѣе былъ отказъ. Когда же нѣкоторые пробовали валиться ему въ ноги—Хлуденевъ тотчасъ отворачивался и уходилъ прочь, не говоря ни слова, а затѣмъ не возобновлялъ бесѣду ни подъ какимъ предлогомъ. Воздержался онъ и отъ какихъ бы то ни было подачекъ или пособій, какъ бы они ни были серьезно мотивированы. Иванъ Алексѣевичъ и Марья Ивановна единодушно заявили ему, что никакими подачками и никому серьезно пособить нельзя, но онѣ развращаютъ и губятъ крестьянъ. Дѣйствительно помочь бѣднякамъ можно только предоставляя имъ безобидный заработокъ, особливо въ зимнее время. „Чѣмъ шире и разнообразнѣе вы поведете хозяйство, — говорилъ Хлуденеву Иванъ Алексѣевичъ,—тѣмъ менѣе нуждающихся будетъ вокругъ. Взгляните на Почаева: у него не такъ много земли, а кормитъ онъ три деревни. Иное дѣло—милостыня. Вотъ одинокимъ, то-есть, по нашему, обмирущимъ, старухамъ либо старикамъ помогайте, сколько угодно. За это и Богъ васъ не оставитъ. Больнымъ, когда нужно, супцу либо молочка прикажите дать. Дѣтишкамъ побѣднѣе дайте какіе-нибудь стоптанные сапожишки либо отслужившую одежонку, чтобы можно было зимой въ школу бѣгать. Это все настоящія добрыя дѣла... А затѣмъ, ужъ если хотите непремѣнно благотворить—устраивайте что-нибудь для общей пользы: хоръ въ церкви, ремесленную выучку какую-нибудь или т. п. Подачки же отдѣльнымъ лицамъ—великій вредъ, по крайней мѣрѣ у насъ въ деревнѣ".

Хлуденевъ послѣдовалъ совѣтамъ Ивана Алексѣевича и не раскаялся. Онъ скоро заслужилъ довѣріе и уваженіе крестьянъ. Про него даже говорили, что онъ „изъ молодыхъ да ранній". Самъ же онъ въ душѣ удивлялся тому, съ какимъ тактомъ и вѣжливостью умѣли отнестись къ нему тѣ крестьяне, съ которыми ему довелось лично познакомиться. Въ ихъ обращеніи съ нимъ не было даже намековъ на неумѣстную фамильярность, либо льстивое подхалимство и попрошайничество; они вели себя сдержанно, въ мѣру почтительно, но въ то же время ласково и тепло, съ тѣмъ неопредѣлимымъ благоволеніемъ, которое обыкновенно замѣчается въ отношеніяхъ старика къ молодому чело-

вѣку, успѣвшему понравиться. Хлуденевъ спрашивалъ себя, много ли онъ зналъ столь совершенныхъ джентльменовъ („perfect gentlemen") въ Петербургѣ, въ той высокообразованной средѣ, гдѣ онъ привыкъ вращаться?

Разумѣется, такія отношенія Хлуденева къ его ближайшимъ деревенскимъ сосѣдямъ отлились въ окончательную форму не сразу и не скоро. Зато тѣсное и почти дружеское сближеніе съ семьею Ивана Алексѣевича установилось въ какія-нибудь двѣ, три недѣли. Самъ старикъ вѣроятно подался бы не такъ быстро; но противъ воли увлеченъ былъ довѣрчивымъ энтузіазмомъ своей молодежи. Дѣтямъ его Юрій Андреевичъ необыкновенно понравился; можетъ быть, именно потому, что петербургскій „богачъ и аристократъ" рисовался въ ихъ воображеніи чѣмъ-то совершенно инымъ. Гимназисты частенько забѣгали къ нему то за книгами, то въ садъ, чтобы полюбоваться цвѣтникомъ и оранжереей. Даже Марья Ивановна возобновила свои нерѣдкія посѣщенія Настасьи Өедоровны, съ которою давно состояла въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Юрій Андреевичъ принималъ этихъ молодыхъ гостей радушно и любезно, но, предоставляя имъ полную свободу, не стѣснялся и самъ ихъ присутствіемъ. Кромѣ того, онъ отнюдь не стремился угощать ихъ чѣмъ-либо съ особымъ усердіемъ, ни, тѣмъ болѣе, дарить имъ что-либо, хотя бы совсѣмъ малоцѣнное, и этимъ быстро снискалъ полнѣйшее ихъ довѣріе. Молодые люди не опасались быть въ тягость Юрію Андреевичу, ничѣмъ ему не обязывались, ничего не ждали, кромѣ обычныхъ добрыхъ отношеній, начало которымъ положилъ самъ Хлуденевъ, а потому и чувствовали себя въ его усадьбѣ какъ нельзя лучше. При появленіи же „иноземцевъ", то-есть гостей „высшаго разряда"—оба словечка изобрѣтены были всегда веселой Марьей Ивановной—молодые люди неизмѣнно и немедленно исчезали, дѣлая въ этомъ случаѣ исключеніе только ради Почаева. Въ первое время они избѣгали, однако, попасть къ Юрію Андреевичу на обѣдъ или завтракъ, или, застигнутые врасплохъ, хотя не отказывались сѣсть за столъ, но ѣли видимо неохотно и мало. Но это измѣнилось послѣ случайной бесѣды въ ихъ присутствіи Сергѣя Кирилловича съ Хлуденевымъ.

Земскій врачъ вообще сошелся съ молодымъ помѣщикомъ какъ-то очень быстро и близко, гораздо откровеннѣе и задушевнѣе, чѣмъ кто-либо изъ Провальныхъ. Можетъ быть, этому способствовало бóльшее сходство въ ихъ образѣ мыслей, та идейность во взглядахъ на жизненную задачу, которою они оба были проникнуты. Бологонцевъ, притомъ, оказался очень умнымъ, чест-

нымъ и наблюдательнымъ человѣкомъ, убѣжденнымъ поклонникомъ земскаго дѣла, хотя далеко не признавалъ его правильно и цѣлесообразно организованнымъ. Къ Юрію Андреевичу сталъ онъ заѣзжать очень часто, при каждомъ удобномъ случаѣ, и проводилъ съ нимъ цѣлые часы, посвящая его во всѣ тайны и подробности мѣстной уѣздной политики. Онъ былъ нѣсколько увлекающимся, но интереснымъ собесѣдникомъ, умѣвшимъ не только правильно судить о вещахъ съ общественной точки зрѣнія, но и освѣщать ихъ довольно новыми и цѣнными мыслями. Хлуденеву онъ очень нравился, я какъ знакомый, и какъ человѣкъ.

Юрій Андреевичъ однажды вечеромъ засталъ его у Провальныхъ, куда продолжалъ заходить каждые три-четыре дня, не считаясь со старикомъ, который заглянулъ въ „барскую усадьбу“ только разъ или два на очень короткое время. Между иной болтовней Сергѣй Кирилловичъ со смѣхомъ разсказалъ Хлуденеву, что ему вчера довелось быть у Селищевыхъ, и что г-жа Селищева, Калерія Николаевна, находится въ превеликомъ огорченіи, потому что Хлуденевъ подъѣхалъ къ нимъ какъ разъ въ то время, когда семья сидѣла за столомъ, и пришлось угощать гостя „чѣмъ попало“. „Понимаете, я чуть не сгорѣла со стыда,— изливалась Бологонцеву почтенная хозяйка:—щи, солонина и молочная кашка, можете себѣ представить! Это столичному-то гостю!“ — Чтò-жъ, — спрашиваю, — развѣ Юрій Андреевичъ не сталъ ѣсть такого обѣда?—„Ахъ, нѣтъ, чтò вы! Онъ премилый, онъ даже вида не показалъ“.

— Я думаю!—расхохотался Хлуденевъ.—Я попалъ къ Селищевымъ изъ Кураевки, проѣхавши двадцать-пять верстъ на тощакъ, съ двумя стаканами чаю въ желудкѣ. Аппетитъ у меня былъ волчій, и я только молча дивился искусству ихъ повара.

— А въ самомъ дѣлѣ вы удивительно неприхотливы,—замѣтила мимоходомъ Марья Ивановна.

— Почему „удивительно“?

— Ну, вѣдь вы же привыкли къ изысканному столу.

— То-есть, вы хотите сказать, къ сложной стряпнѣ, консервамъ и вѣчно прянымъ или острымъ соусамъ? Это иной разъ надоѣдаетъ до нѣльзя, до отвращенія.

— Вотъ какъ!..

— Калерія Николаевна хотя и терзается стыдомъ, но вообще въ полномъ отъ васъ восхищеніи, — заявилъ Хлуденеву Сергѣй Кирилловичъ.—Признаетъ васъ „человѣкомъ тонкаго воспитанія“. Одно только горе: мужа ея вы какими-то трюфелями угощали, а у нея — солонина! „Бѣдный Алексѣй Аверьяновичъ“ послѣ

этого даже кушать совѣстился во всю и только облизывался на ваши чудеса. А вѣдь это танталова пытка!

— Давно ли вы, Сергѣй Кирилловичъ, насмѣхаться стали надъ стѣсненностью человѣка съ небольшими средствами?— сухо спросила Марья Ивановна.—А мнѣ кажется это вполнѣ естественнымъ и понятнымъ. Каждый имѣетъ право не пользоваться у другого тѣмъ, чего самъ не можетъ предложить ему.

— Можно ли такъ строго относиться къ шуткѣ? — видимо смутился Сергѣй Кирилловичъ.

— А я, простите, васъ не понимаю, Марья Ивановна,— замѣтилъ Хлуденевъ.—Каждый изъ насъ живетъ, ѣстъ и пьетъ по своимъ средствамъ,—слѣдовательно, угощая своего знакомаго, дѣлится съ нимъ какъ разъ такою же относительно долею своихъ средствъ, какую и самъ отъ него затѣмъ получаетъ. Здѣсь—полнѣйшее равенство. А потому каждый имѣетъ полное право обидѣться или, по крайней мѣрѣ, счесть за крайнюю мелочность или невѣжливость со стороны своего знакомаго, если замѣтитъ, что онъ намѣренно избѣгаетъ его стола либо всякаго иного гостепріимства, только потому, что оно похуже или получше даннаго образца. Кажется, иначе нельзя и судить объ этомъ. Богатство или бѣдность одинаково не даютъ права оскорблять друга, пріятеля или даже просто добраго знакомаго задними мыслями или неискренностью отношеній.

На этотъ разъ пришлось густо покраснѣть и крайне смутиться самой Марьѣ Ивановнѣ. Она видимо растерялась; но Бологонцевъ поспѣшилъ выручить ее шуткою.

— Что до меня касается,—сказалъ онъ,—я о такихъ тонкостяхъ даже думать не намѣренъ. Попы и врачи—на особомъ положеніи. Мы вездѣ ѣдимъ и пьемъ до отвалу, никого сами взаимно не угощая. Имѣйте это въ виду, господа.

Всѣ разсмѣялись, и бесѣда приняла иное направленіе.

„Провальная дѣтвора“—еще словечко Марьи Ивановны— затѣмъ не разъ весело и непринужденно сидѣла за столомъ Юрія Андреевича, къ искреннему его удовольствію.

Отношенія становились все болѣе интимными. Взаимное довѣріе укрѣплялось.

XXIII.

Приспѣло время косовицы. Народъ повалилъ на луга.

Хлуденевъ довольно раннимъ утромъ отправился на свои покосы, въ шарабанѣ, такъ какъ приходилось ѣхать верстъ за

пять. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Сергѣя Кирилловича, трусившаго верхомъ на плохой крестьянской лошаденкѣ.

— Куда вы?

— Въ Хлуденево.

— Есть какая-нибудь экстренная надобность?

— Нѣтъ, такъ.

— Чай пили?

— Пилъ.

— Поѣдемте со мной на покосъ, а оттуда—завтракать. Если есть дѣло не особенно чрезвычайное, и послѣ успѣете.

— Поѣдемъ. Я, собственно, къ Провальному...

— Да вѣдь и онъ коситъ.

— Ну, ладно, зайду и къ нему на покосъ, попозже.

Походили по роскошному лугу, посмотрѣли на рядъ косцовъ, оставлявшихъ за собою длинные валы скошенной, совсѣмъ свѣжей травы, послѣдили за пестрой толпою чисто одѣтыхъ женщинъ, ворошившихъ невдалекѣ уже готовое почти сѣно деревянными граблями, посчитали сметанныя копны. Юрію Андреевичу показалось однако, что Бологонцевъ, несмотря на превосходный день и веселую, оживленную картину косьбы, настроенъ какъ-то особенно серьезно или даже грустно.

Находившись, оба присѣли или полулегли на ворохахъ свѣжаго, душистаго сѣна.

— Скажите, Сергѣй Кирилловичъ,—спросилъ Хлуденевъ:— вамъ вездѣ приходится такъ же часто бывать, какъ въ нашемъ селѣ? или это только по случаю оспы, которая, впрочемъ, теперь, слава Богу, кажется, совсѣмъ затихаетъ?

Бологонцевъ угрюмо усмѣхнулся.

— Ну, нѣтъ, въ Хлуденевѣ я бываю чаще, чѣмъ гдѣ-нибудь... Какъ только найдется свободная минута.

— Отчего же? — вырвалось у Юрія Андреевича, хотя онъ самъ тотчасъ же почувствовалъ, что такой вопросъ можетъ оказаться нескромнымъ.

Бологонцевъ, дѣйствительно, помолчалъ съ минуту.

— Отчего же, впрочемъ, и не сказать вамъ? Вы—добрый и порядочный человѣкъ, зубоскалить не станете... Дѣло въ томъ, что я, вотъ уже три года, связанъ по рукамъ и по ногамъ. Развѣ бы я иначе оставался въ вашемъ уѣздѣ, служилъ бы подъ вѣдѣніемъ гг. Пинегина и Листовертова?!

— Уѣздъ, положимъ, не виноватъ, что предводитель и предсѣдатель вамъ не по вкусу. Но чѣмъ вы связаны?

— Можетъ быть, это и глупо по вашему... Чувствомъ. Люблю я. Ну, да! Люблю больше жизни.

— И... безъ отвѣта?

— То-то, что нѣтъ. Еслибы безъ отвѣта, у меня, достало бы силы бѣжать... То-есть, можетъ быть, все-таки достало бы.

— Но если такъ,—зачѣмъ же дѣло стало? Или, простите, она замужемъ?

— Кто? Марья Ивановна? Чтò вы!.. Да, вѣдь я вамъ, впрочемъ, не сказалъ. Но развѣ сами вы не догадались?

Юрій Андреевичъ былъ искренно удивленъ. Ничто подобное ему въ голову не приходило.

— Сергѣй Кирилловичъ!—сказалъ онъ, пожимая руку Бологонцева.—Я очень тронутъ вашимъ довѣріемъ и благодарю васъ. Нечего говорить, что и выбору вашему я сочувствую всей душой. Марья Ивановна—прекрасная, рѣдкая дѣвушка. Я только не вижу, почему... разъ что вы оба любите...

— Потому что она не хочетъ; да и права, и возразить нечего, если не вовсе оскотинился. А все-таки это мученье!

— Какое же основаніе?...

— Очень простое. Она нужна отцу, нужна братьямъ, которые еще доучиваются. А моей помощи не желаетъ. „Еслибы, молъ, я лично и приняла ее съ радостью, по праву, то могу ли я навязывать ее отцу, старику, котораго, я знаю, она давить будетъ? Онъ скорѣе послѣднія силёнки свои растратитъ, въ могилу ляжетъ. А еще у насъ пойдутъ дѣти! Возьметъ онъ тогда хоть грошъ, да и увѣрены ли мы, что этотъ лишній грошъ будетъ?“... Вотъ тутъ и спорь съ нею! „Если, молъ, вы, Сергѣй Кирилловичъ, въ самомъ дѣлѣ меня любите, то вы не заикнетесь о томъ, виду не покажете ни отцу, ни братьямъ. Поймите, имъ и безъ того не легка жизнь“. А я, молъ, за чтò мучаюсь? Мучаюсь вдвойнѣ, вѣдь и за васъ тоже—вѣдь я же знаю, что вы меня тоже любите. „Ну, отецъ постарше насъ съ вами, и горя побольше видѣлъ; и цѣлый вѣкъ свой только и зналъ, что для другихъ жилъ. Добить его теперь за это?“

— Однако, не способенъ же Иванъ Алексѣевичъ изъ эгоизма жертвовать счастьемъ своей дочери!

— Вотъ-вотъ! Поэтому-то мнѣ и не дозволяется не то что словечко сказать, а хотя вздохнуть лишній разъ при людяхъ. „Уѣзжайте, молъ, Сергѣй Кирилловичъ! Уѣзжайте, дорогой, милый! За чтò вамъ мучиться? Не судьба намъ. А я цѣлый вѣкъ буду счастлива и го... горда... тѣмъ... тѣмъ...“ То-есть, слезы ручьемъ отъ этого превеликаго счастья на цѣлый вѣкъ. Ну, и

гдѣ выходъ? Терпѣть, терпѣть, терпѣть!.. Но не всегда хватаетъ терпѣнья.

— Выходъ есть, Сергѣй Кирилловичъ,—тихо сказалъ Хлуденевъ:—если вы же мнѣ поможете осуществить мое давнее и горячее желаніе, все, Богъ дастъ, уладится.

— Какое желаніе? О чемъ вы говорите?

— Настасья Ѳедоровна не дальше, какъ вчера, спрашивала меня, когда я отпущу ее въ монастырь. Вы вѣдь знаете ея рѣшеніе?

— Да. Но въ чемъ же это касается...

— Погодите! Я хозяйства пока не знаю, только хочу изучить его. Но и затѣмъ я самъ вести его, какъ хотѣлось бы, то-есть на пользу себѣ и населенію, не буду въ силахъ, потому что намѣренъ служить по выборамъ, и не какъ-нибудь, не сложа руки, а „во всю“, какъ вы же иногда выражаетесь. Но для этого мнѣ необходимо развязать себѣ руки. Уговорите Провальныхъ, старика, Марью Ивановну, чтобы Иванъ Алексѣевичъ взялъ на себя управленіе моимъ хозяйствомъ — разумѣется, за хорошее вознагражденіе и по контракту на шесть лѣтъ. Я надѣюсь, Марья Ивановна повѣритъ мнѣ, что отецъ ея будетъ для меня старшимъ другомъ и учителемъ, что я умѣю цѣнить, какъ слѣдуетъ, цѣлую жизнь неотступнаго труда и святого подвига. А если это горячее мое желаніе осуществится, то и Марья Ивановна уже не будетъ необходимою для семьи. Какъ видите, я вамъ предлагаю недурную взятку за содѣйствіе! — добавилъ Хлуденевъ, улыбаясь.

Бологонцевъ такъ былъ озадаченъ неожиданностью, что не отвѣтилъ ни слова, только попеременно раскрывая и опять закрывая ротъ.

— Поѣдемте-ка завтракать!—взялъ его Юрій Андреевичъ подъ руку.—Дома еще поговоримъ обстоятельнѣе.

Поуспокоившись и одумавшись, Сергѣй Кирилловичъ, конечно, сообразилъ выгодную сторону предложеній Хлуденева и для семьи Провальнаго, и для себя лично.

— Почему вы, однако, думаете, что мое посредничество нужно или полезно?—спросилъ онъ.—Иванъ Алексѣевичъ самъ умѣетъ считать не хуже меня...

— То-то и дѣло, что вопросъ не въ однѣхъ цифрахъ. Третьяго дня я нарочно ѣздилъ къ Почаеву, чтобы посовѣтоваться. Я вѣдь боюсь не только неудачи, но и не хотѣлъ бы чѣмъ-нибудь испортить мои дружескія отношенія къ семьѣ Ивана Алексѣевича, которыми серьезно дорожу. Почаевъ сказалъ мнѣ, что старику

уже два раза предлагали управленіе имѣніями на хорошихъ условіяхъ, но оба раза онъ отказался наотрѣзъ.

— Я знаю,—кивнулъ головою Бологонцевъ.—Слышалъ про это отъ Марьи Ивановны. Первый-то разъ—это было уже давно—одинъ изъ богатыхъ и вліятельныхъ родственниковъ Ивана Алексѣевича предложилъ ему мѣсто, повидимому, въ видѣ помощи. Онъ же предлагалъ ему и казенную службу.

— Развѣ у Провальнаго есть сильная родня?—удивился Юрій Андреевичъ.—Мнѣ почему-то казалось, что онъ совсѣмъ одинокъ.

— Много родни, но не близкой. Мѣсто ему предлагалъ его двоюродный дядя и однофамилецъ, извѣстный Сергѣй Сергѣевичъ Сабуровъ-Курагинъ. Теперь ужъ онъ покойникъ.

— Конечно, знаю его. Но какой же онъ однофамилецъ? Сабуровъ-Курагинъ и Провальный!

Сергѣй Кирилловичъ разсмѣялся.

— Да вѣдь Провальный только кличка,—отъ Провальнаго хутора. Развѣ вы не знали?

— Какъ, кличка? Да я даже записки всегда адресовалъ Провальному, и никакихъ протестовъ не было.

— Это понятно. Иванъ Алексѣевичъ самъ ухватился за свое прозвище и обрадовался ему. „Какой я, говоритъ, Сабуровъ-Курагинъ? На смѣхъ. Чѣмъ полнѣе люди меня забудутъ, тѣмъ и лучше для обѣихъ сторонъ".

Хлуденевъ только покачалъ головою.

— Ну, а другой разъ почему онъ отказался?

— Другой разъ было всего лѣтъ шесть тому назадъ. Марья Ивановна говоритъ, что они такъ разсудили: особенной, молъ, нужды ужъ нѣтъ, выбились; а приходится покидать свое старое гнѣздо, людей, съ которыми вѣкъ прожитъ. Чего, молъ, ради? Да еще зависимое положеніе. Притомъ, кто знаетъ, удержишься ли на мѣстѣ? А свой уголъ придетъ въ разореніе; а тяжелый физическій трудъ старику послѣ отвычки покажется вдвое тяжелѣе. Марья Ивановна говоритъ, что она видѣла, какъ Ивану Алексѣевичу непріятно было уѣзжать куда-то на рискъ; онъ только колебался, не зная, какъ посмотрятъ на это дѣти, которыя, будто бы, переносятъ много лишеній. А Марьѣ Ивановнѣ и самой очень не хотѣлось уѣзжать ото всего близкаго и родного, чтобы сдѣлаться вороной въ чужихъ перьяхъ, какъ она выражается. Понятно, что она горячо отсовѣтовала, и рѣшили отказаться. Почаевъ, черезъ котораго шло предложеніе, сначала былъ недоволенъ, но потомъ и самъ согласился съ доводами Марьи Ивановны, даже расцѣловалъ ее и назвалъ умницею.

— Ну, вотъ видите! — воскликнулъ Юрій Андреевичъ.—А вы еще спрашиваете, зачѣмъ мнѣ нужно ваше посредничество! Да затѣмъ и нужно, чтобы вы прежде всего сдѣлали мнѣ изъ нея союзника.

Бологонцевъ задумался.

— Вотъ что̀, Юрій Андреевичъ! Поговорите вы лучше сами съ нею. Вамъ она лучше повѣритъ именно потому, что вы—человѣкъ, менѣе меня заинтересованный въ успѣхѣ. Не вы, а я нуждаюсь въ вашемъ посредничествѣ. Попросите Марью Ивановну за меня. Попросите ее сжалиться надо мною... да и надъ собою тоже, смѣю сказать. Трехлѣтній искусъ, безъ надежды, безъ намековъ даже на сколько-нибудь интимное сближеніе, безъ скромной радости услышать хотя бы задушевное „ты“—это, я полагаю, достаточный опытъ для прочности и серьезности чувства. Я... я не умѣю говорить...—Сергѣй Кирилловичъ покраснѣлъ и почти задыхался отъ волненія.—Но—вы поймете. Однимъ словомъ, мое личное все тутъ. Уйдетъ оно, обманетъ, и я останусь живой машиной безъ души, безъ чувства, безъ желаній... Да вѣдь и ей не легче, я знаю. Поговорите же съ нею, Юрій Андреевичъ, ради Бога! Вѣдь если Иванъ Алексѣевичъ согласится на ваше предложеніе, ему не нужно ни уѣзжать изъ Хлуденева, ни терять изъ виду свой хуторокъ, ни порывать какія-либо отношенія. Пусть хоть попробуетъ, убѣдится,—можетъ быть, дѣло и пойдетъ на ладъ. А я буду ждать еще годъ, два, сколько угодно... только бы хоть лучъ надежды... Слушайте, Юрій Андреевичъ! Если вы это сдѣлаете для меня—я вѣчный, неоплатный вашъ должникъ.

— Позвольте, Сергѣй Кирилловичъ, какой тутъ долгъ, когда дѣло идетъ объ общей нашей выгодѣ. Разумѣется, я готовъ говорить, убѣждать, доказывать. Но—не разсердится ли Марья Ивановна на мое вмѣшательство? Не сочтетъ ли нескромностью, что вы сказали мнѣ о вашихъ отношеніяхъ?

— О, нѣтъ! Къ вамъ она относится прекрасно. И вы еще не знаете Марьи Ивановны. Честнѣй ея, сердечнѣе, а вмѣстѣ проще и смѣлѣе нѣтъ женщины на свѣтѣ. Она боится, чтобы о чувствѣ ея не узнали отецъ или братья, чтобы не подозрѣвали ея самопожертвованія, не мучились имъ. Но передъ всѣмъ остальнымъ міромъ она не задумалась бы сознаться въ своей любви. Звонить о ней она, конечно, не станетъ, но и скрываться, или тѣмъ болѣе лгать—не въ ея характерѣ. Ахъ, Юрій Андреевичъ, какая это дѣвушка! какая высокая, чистая, невѣроятная душа!

Бологонцевъ вскочилъ со стула и исчезъ за дверью; на глазахъ его блестѣли слезы.

„Ему выплакаться понадобилось! — подумалъ Хлуденевъ.— Да, вотъ какъ люди любятъ!.. И я его понимаю. Я, кажется, самъ могъ бы влюбиться въ Марью Ивановну, въ ея милую улыбку, въ ея честный, ласковый взглядъ... Или я ужъ слишкомъ отравленъ острыми чарами раздражающаго флирта и свѣтски-изнѣженной, на половину искусственной красоты?“

XXIV.

Послѣ завтрака Юрій Андреевичъ съ Бологонцевымъ отправились на Провальный хуторъ.

— Да вѣдь Иванъ Алексѣевичъ, пожалуй, тоже на покосѣ,— предположилъ Хлуденевъ.

— Такъ что же, мы и на покосъ пройдемъ. Это близко. Посмотримъ на нихъ тамъ, какъ они управляются. А я еще и подсоблю, бываетъ; не въ первой вѣдь.

— Развѣ вы умѣете косить?

— Ну, косить не косить; изъ косарей меня пригласили уйти къ сторонкѣ, до грѣха. Но сѣно ворошить или копны сметать — это и я могу въ лучшемъ видѣ. На бабью работу гожусь, однимъ словомъ.

Ивана Алексѣевича съ семьей они, дѣйствительно, нашли на лугу за работой. Самъ старикъ съ обоими сыновьями и двумя пріятелями-крестьянами—изъ знакомыхъ Юрію Андреевичу—косилъ густую траву, чуть не въ поясъ вышиною; а Марья Ивановна съ другой молодой женщиной или дѣвушкой разбивала и переворачивала ряды нѣсколько поодаль.

— Вотъ трава, такъ трава! Ну, лугъ!—не могъ не воскликнуть Юрій Андреевичъ, дивясь на пышный покосъ.

— Хуже вашихъ по природѣ!—отозвался ему старикъ Провальный.—Но распаханный, удобренный и засѣянный. Никто не мѣшаетъ и вамъ то же дѣлать, если нравится.

Марья Ивановна очень обрадовалась Бологонцеву.

— Ну, были у избитаго?—спросила она тотчасъ же.

— У какого избитаго?

— Да вѣдь я же вамъ вчера записку послала.

— Не получалъ.

— Какъ, не получали!

— Говорю же вамъ,—нѣтъ. Вчера вѣдь былъ мой пріемный день,—значитъ, я никуда и не отлучался.

— Господи, что же это значитъ?

— Да въ чемъ дѣло?

— Скверная исторія. Вчера наши хлуденевскіе крестьяне пропивали отрѣзки. Продали лавочнику Семену Карнѣевичу, вонъ изъ ихней деревни.—Она кивнула на крестьянъ, работавшихъ съ ея отцомъ.—Ну, перепились у него, разумѣется. Нѣкоторые еще и за свой счетъ доложили, и къ ночи толпою человѣкъ въ двѣнадцать возвращались домой, позже прочихъ. Вотъ эта-то самая пьяная компанія на бѣду встрѣтила у своей околицы какого-то прохожаго, странника, что-ли, и, повидимому, тоже пьянаго. У прохожаго оказался цѣлый полуштофъ водки, да Василій Козловъ несъ съ собою осьмуху, которую предполагалось еще распить дома. Стали пить всѣ вмѣстѣ на околицѣ тутъ же, сначала совсѣмъ мирно. Но потомъ, Богъ знаетъ изъ-за чего, напали всѣ на странника да съ пьяныхъ глазъ избили его такъ, что онъ лишился сознанія. Вѣроятно, и совсѣмъ бы убили, еслибы не прибѣжали съ деревни и не вступились болѣе трезвые. Я пробовала привести въ чувство бѣднаго странника; но—что же я могла сдѣлать? Распорядилась только сейчасъ же послать къ вамъ. А избитый и до вечера вчера не приходилъ въ сознаніе,—я была у него поздно, часовъ около одиннадцати. Не знаю, какъ теперь... И вы не получили мою записку?

— Нѣтъ. Я сейчасъ иду. Гдѣ онъ лежитъ?

— Въ свѣтлицѣ у старосты.

Хлуденевъ взялъ свободныя грабли и началъ помогать Марьѣ Ивановнѣ неумѣло, но съ усердіемъ.

— Узнаёте мою Таню?—спросила она ласково и весело, показывая на работавшую съ нею дѣвушку.—Больная-то, Агаѳьина дочка! Поглядите на нее теперь, какая хорошенькая!

Таня застыдилась и опустила голову.

— Въ самомъ дѣлѣ, красавица. И рябинъ—ни слѣда.

— Какъ же было не пожалѣть такое личико?

Дѣвушка, пунцовая какъ заря, усиленно работала граблями, совсѣмъ отвернувшись въ сторону.

„Конфузится! — подумалъ Юрій Андреевичъ.—Чего бы не дали наши столичныя барышни, чтобы сдѣлаться на это способными, хотя по заказу!“

— Съ Иваномъ Алексѣевичемъ, — сказалъ онъ вслухъ,—я вижу, работаютъ его пріятели изъ Дурновки. Что они, подсобляютъ или по найму?

— Ни то, ни другое. Они, впрочемъ, сейчасъ уйдутъ—вонъ только до того столбика докосятъ. Это по условію, на промѣнъ. Мои братья за то у нихъ на покупной землѣ косить будутъ, тоже на трехъ десятинахъ, и тоже двѣ косы на троихъ. Они думаютъ убирать лугъ недѣлькой или двумя попозже; а впятеромъ легче ухватить сѣно за погоду, чѣмъ втроемъ.

— Почему же не уговорились на весь лугъ?

— Да вѣдь у нихъ только три десятины, а у насъ пять.

Минутъ черезъ десять, дѣйствительно, лугъ былъ прокошенъ до столбика, и дурновскіе крестьяне, дружелюбно со всѣми простившись, ушли, поблескивая на солнцѣ вскинутыми на плечо косами. Остальные продолжали работу.

Юрій Андреевичъ рѣшилъ не отставать отъ Марьи Ивановны и Тани. Сначала ему это показалось совсѣмъ не трудно. Но уже черезъ полчаса онъ почувствовалъ, что выбивается изъ силъ: ему стало невыносимо жарко, звонъ стоялъ въ ушахъ, а главное—невыносимо заломило въ поясницѣ. Марья Ивановна, замѣтивъ его пылающее лицо и неловкія, порывистыя движенія, ласково сказала:

— Отдохните, Юрій Андреевичъ.

— Да, совсѣмъ спасовалъ!—сознался онъ, останавливаясь и выпрямляя наболѣвшую спину.—Сергѣй Кирилловичъ сказалъ мнѣ, что онъ хоть на бабью работу годится; а я, оказывается, и къ той неспособенъ. Даже стыдно!

— Просто не привыкли. А докторъ пробовалъ съ нами даже рожь жать, да тоже немного наработалъ,—разсмѣялась Марья Ивановна.—Нѣженки вы, господа!

Хлуденевъ съ удивленіемъ поглядывалъ на сухую, сгорбленную, ничтожную фигурку старика Ивана Алексѣевича, который безостановочно и плавно размахивалъ косою, каждымъ взмахомъ срѣзая широкую полосу травы.

„Откуда,—думалъ онъ,—такая сила и выдержка берется у старика? Кажись бы, въ чемъ душа держится“...

— Марья Ивановна!—спросилъ онъ вслухъ.—Почемъ теперь поденные косцы?

— Дорого. Дешевле сорока копѣекъ не наймете; а то и за всѣ пятьдесятъ. Время горячее. Вотъ нашей сестрѣ цѣна всегда одинаковая: за пятнадцать копѣекъ сколько угодно.

„Господи!—подумалъ Юрій Андреевичъ.—Человѣкъ съ университетскимъ дипломомъ, рѣдкаго ума, рѣдкой чистоты и честности, наконецъ—Сабуровъ-Курагинъ, вынужденъ нести каторжный трудъ изъ-за пятидесяти копѣекъ, которыя я бросаю какому-

нибудь толстомордому, облѣнившемуся швейцару за ловко поданную шинель. Дочь его работаетъ за пятиалтынный, то-есть, за монету, которую даже горничная Зои Викторовны не признала бы вовсе денежнымъ знакомъ. Гдѣ же справедливость? Гдѣ же здравый смыслъ въ устройствѣ человѣческихъ отношеній?"

Юрій Андреевичъ вновь взялся за грабли. Но солнце уже близилось къ зениту, и минутъ черезъ пятнадцать Иванъ Алексѣевичъ, докосивъ рядъ, объявилъ роздыхъ.

— Довольно пока!—провозгласилъ онъ съ веселымъ видомъ. —Поработали не плохо.—Идемъ, дѣти, обѣдать.

Идти приходилось не далеко, менѣе полуверсты. А не доходя усадьбы, встрѣтили Бологонцева, который возвращался изъ села.

— Ну, что, видѣли странника?—тотчасъ освѣдомилась Марья Ивановна.

— Нѣтъ. Онъ исчезъ.

— Какъ! Куда?

— Очевидно потому мнѣ и записку вашу не доставили. Крестьяне испугались отвѣтственности, взвалили ночью избитаго на телѣгу, да и сплавили изъ деревни. Сколько можно понять, его ночью подкинули въ Воропаево, въ сосѣдній уѣздъ.

Хлуденевъ совсѣмъ удивился.

— Живого?—воскликнулъ онъ.

— Живого. Говорятъ, даже очнулся, только бормоталъ все что-то безсмысленное; вѣроятно, бредилъ.

— Какая, однако, мерзость! Какое дикое варварство! И вмѣстѣ вѣдь нелѣпость. Развѣ этимъ можно избавиться отъ отвѣтственности? Еще хуже. Строже отнесутся.

— Не скажите,—замѣтилъ Иванъ Алексѣевичъ.—Придумали довольно хитро. Если странникъ помретъ—концы въ воду. Если образумится, то въ больницѣ сосѣдняго уѣзда. Поди ищи, гдѣ его били, онъ—чужакъ. Да еще захочетъ ли онъ искать-то? Съ какой цѣлью? Притомъ же и самъ вмѣстѣ пьянствовалъ, самъ дрался.

— Нельзя же, однако, чтобы подобная мерзость такъ и прошла даромъ, безнаказанно!—воскликнулъ Юрій Андреевичъ въ горячемъ негодованіи.—Слѣдовало бы земскому начальнику заявить.

— А чего ради?—спросилъ Бологонцевъ.

— Какъ чего ради? По чувству справедливости.

— Fiat justitia, pereat mundus? Ну, накажутъ виновныхъ; можетъ быть, очень строго. Выздоровѣетъ отъ того избитый?

Или перестанутъ пьяницы пьянствовать? Только неповинныя семьи лишатся своихъ кормильцевъ либо навсегда, либо на время.

— Положимъ... Но, воля ваша, совѣсть возмущается. Знать про подобное дѣло и спокойно молчать—это...

— Отчего же вы знаете и молчите въ другихъ случаяхъ?—вдругъ вмѣшалась Марья Ивановна, которая слушала споръ съ очень омраченнымъ лицомъ.—Вотъ, напримѣръ, вы знаете, что земскій же начальникъ Сивачовъ обобралъ свой участокъ. Это вѣдь тоже мерзость и варварство. Почему вы не вступаетесь? Не потому ли, что опасно и непріятно, а съ бѣдняками и мелкими людьми церемониться нечего? Между тѣмъ Сивачовъ долженъ бы побольше крестьянъ знать, что хорошо и что дурно.

Юрій Андреевичъ замолчалъ, очень озадаченный и больно задѣтый. Онъ и не нашелъ сразу отвѣта, и обидѣлся.

Остальные тоже примолкли. Общая неловкость прикрыта была тѣмъ, что въ это время подошли къ усадьбѣ, и каждый могъ сдѣлать видъ, что занятъ самъ собою.

Юрій Андреевичъ остановился-было передъ воротами. Онъ хотѣлъ сухо проститься и уйти. Онъ бросилъ взглядъ на Марью Ивановну. Лицо ея было раскраснѣвшееся и печальное; но въ ласковыхъ обыкновенно глазахъ—твердая рѣшимость. Она считала себя правой.

„Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это такъ!"—вдругъ подумалъ Юрій Андреевичъ, и лучшее чувство одержало въ немъ побѣду.

— Марья Ивановна!—сказалъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ и протягивая ей руку.—Помиримся. Я признаю, что вы правы, и покорно принимаю урокъ.

Она подала ему руку, но страшно смутилась, и слезинки повисли на ея опущенныхъ рѣсницахъ.

— По существу, разумѣется, права,—замѣтилъ Иванъ Алексѣевичъ съ явной строгостью и неудовольствіемъ.—Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было такимъ тономъ говорить съ человѣкомъ, отъ котораго мы кромѣ совершенной вѣжливости, любезности или даже доброты ничего не видѣли. Приходится ужъ мнѣ, старику, извиняться передъ вами, Юрій Андреевичъ.

— Полноте, полноте! Взгляните на вашу дочь. Она извиняется, если это ужъ нужно, хотя молча, но больше васъ.

Дѣйствительно, дѣвушка въ своемъ чрезвычайномъ конфузѣ, раскаяніи и безпомощности была до такой степени трогательно мила, что Юрій Андреевичъ невольно залюбовался ею.

„Совсѣмъ не дуракъ Бологонцевъ!"—подумалъ онъ даже съ завистью.

— Простите... мою грубость...—пролепетала Марья Ивановна.

— Довольно, довольно, Марья Ивановна! Право, мнѣ по дѣломъ досталось,—разсмѣялся Хлуденевъ.—Я только озадачился въ первую минуту, потому что никогда петербургскія дамы не преподносили мнѣ своихъ мнѣній въ столь откровенномъ видѣ; но... ей Богу, хлуденевскій способъ мнѣ въ концѣ концовъ несравнимо больше нравится. А впрочемъ, погодите! Мы еще съ вами сочтемся. Будетъ и на моей улицѣ праздникъ.

— Пожалуйста! Хорошенько меня! — обрадовалась Марья Ивановна очень искренно.

— Тогда, чуръ, не гнѣваться!

— Посмотримъ!

Юрій Андреевичъ и Бологонцевъ отказались отъ ѣды, сославшись на недавній завтракъ, но просидѣли съ Иваномъ Алексѣевичемъ и его семьею до конца обѣда, послѣ котораго старикъ и оба сына отправились соснуть, признавая это необходимымъ въ тяжелый рабочій день, чтобы набраться силъ для его второй половины.

— А вы, Марья Ивановна?—освѣдомился Хлуденевъ.

— Нѣтъ, я никогда не могу заснуть днемъ.

— Прекрасно. И найдутся у васъ свободные полчаса для серьезной бесѣды?

— Конечно.

— Еще прекраснѣе. Въ такомъ случаѣ пожалуйте-ка теперь на расправу. Пришла и моя очередь. Не все вамъ торжествовать надъ моей беззащитностью да прикидываться святой праведницей Незамутиводу... Сергѣй Кирилловичъ! Куда же вы? Оставайтесь. При васъ даже лучше...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не могу!—испуганно замахалъ руками Бологонцевъ.—Только не томите меня... Ради Бога! Я тутъ въ садикѣ поджидать буду.

— Да зачѣмъ...

— Не могу! Не могу!

И онъ почти выбѣжалъ изъ комнаты.

XXV.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій Хлуденево было взволновано неожиданнымъ обстоятельствомъ. Извѣстный Васька Козловъ повинился передъ народомъ въ убійствѣ стран-

ника и заявилъ, что идетъ въ городъ, на судъ, чтобы добровольно принять за свой грѣхъ наказаніе. Разсказывали и еще какія-то несуразныя подробности о видѣніяхъ, трескѣ человѣческихъ костей и тому подобныхъ нелѣпостяхъ, въ которыхъ сразу невозможно было разобраться и что-нибудь понять.

Первое извѣстіе обо всемъ этомъ получилъ Юрій Андреевичъ черезъ Настасью Ѳедоровну, которая и сама еще ничего толкомъ не знала.

„Но когда же Козловъ успѣлъ убить странника?—удивлялся Хлуденевъ. — Неужели онъ для этого въ Воропаево нарочно ѣздилъ? И съ какой цѣлью? Наконецъ, если такъ ужъ понадобилось убивать, то виниться-то тутъ же вслѣдъ съ какой стати? Одно съ другимъ не вяжется.

— Видѣніе, говорятъ, было.

— Какое видѣніе?

— Этого ужъ не разберешь. Плетутъ разное.

— Видѣніе... Чортъ знаетъ что̀! Да не просто ли Козлову вся эта чепуха съ перепою приснилась? Вотъ какъ у пьяницъ иногда чортики передъ глазами пляшутъ.

— Нѣтъ, какое тамъ! Водки теперь въ ротъ не беретъ. Страшнымъ зарокомъ, говорятъ, зарекся. Да и самого не узнать. Извелся совсѣмъ, словно два мѣсяца больной вылежалъ. И все винится, все винится, всѣмъ въ ноги кланяется. Что̀ и прежде было, какіе грѣхи случались—все припомнилъ, во всемъ на людяхъ кается. У вдовы у Мироновой, что обокрали-то недавно, въ ногахъ, какъ песъ, валялся да выдъ.

— Что̀ же вдова?

— „Богъ съ тобой, говоритъ. Прощаю Христовымъ именемъ. Теперь, видно, душенькѣ твоей не до полотенъ нашихъ бабьихъ, а настоящая истома огненная. Проси у Господа молитвы слезной, родимый, чтобы рѣкой лились. Только слезми тотъ огонь и гасится".

— Да неужто, Настасья Ѳедоровна?

— Что̀ неужто?

— Такъ и сказала Миронова?

— А зачѣмъ мнѣ врать? Изъ какой прибыли? Только-что прибѣгала ко мнѣ ея племяненка, что съ ней вмѣстѣ живетъ.

Юрій Андреевичъ настолько заинтересовался этими извѣстіями, что тотчасъ пошелъ къ Провальнымъ.

„Тамъ,—подумалъ онъ,—навѣрное обо всемъ узнаю".

Онъ не ошибся въ ожиданіяхъ и пришелъ какъ разъ во-

время, потому что почти вслѣдъ за нимъ появился—самъ Василій Козловъ.

Этотъ недавно еще веселый, даже безшабашный и плутоватый крестьянинъ былъ неузнаваемъ. На поблѣднѣвшемъ и осунувшемся лицѣ его появилась печать глубокой думы, страданія и вмѣстѣ непреклонной рѣшимости; въ опущенныхъ, теперь строгихъ глазахъ вспыхивалъ иногда огонь вызова и ненависти.

Козловъ тихо отворилъ дверь, перешагнулъ порогъ и, помолившись на икону, отвѣсилъ глубокій поклонъ.

— Здравствуйте, Василій Антоновичъ! Что скажете?—спросилъ его старикъ Провальный.

— Къ вамъ, Иванъ Алексѣевичъ. Убивецъ я, душу человѣческую загубилъ, и за это казнь принять желаю, по старинному, чтобы трехвосткою на площади. А тамъ ужъ, если выживу, пущай ссылаютъ. Такъ вотъ—вы больше нашего знаете. Куда мнѣ объявку подать и прошеніе, что я, значитъ, желаю, чтобы плетьми, безъ снисхожденія? А то ныньче и по судамъ все милости пошли, *ему* въ угоду.

— Казни, Василій Антоновичъ, по прошенію не бываетъ, а по закону. Плеть отмѣнена вовсе.

— Та-акъ... А то научите, Иванъ Алексѣевичъ. Вы мнѣ вѣрное слово сказали: отъ полотенъ къ лошадкамъ, а тамъ ужъ и за дубье принимайся. Все такъ. Лошадки-то въ Дурновкѣ и подъ Нечай-Корытомъ пропадали—мой грѣхъ! И на конецъ того душу загубилъ дубьемъ. Значитъ, ужъ вовсе *ему* работникомъ сталъ. Ну, однако, я больше не согласенъ!—добавилъ Козловъ со внезапно блеснувшимъ взглядомъ.—Хотя и пропалъ, безъ поворота теперича, а *ему*, врагу, не слуга больше.

— Объявку можно подать и въ полицію, и судебному слѣдователю... А ужъ тамъ—дѣло суда.

— Научите, Иванъ Алексѣевичъ, чтобы пострадать, чтобы какъ можно... Душа моя горитъ!—тихо объяснилъ Козловъ, какъ бы про себя, но съ такой невыразимой тоской, что всѣ на минуту примолкли, охваченные однимъ общимъ жуткимъ чувствомъ.

— Какъ же вы убили?—рѣшился спросить Хлуденевъ.

— Полѣномъ. Спьяну навалились. Я и ну лупить, себя не помню. Вдругъ, какъ саданулъ—слышу, а въ немъ кости хрустнули, въ странникѣ-то. Батюшки, что-жъ это я надѣлалъ? Куда и хмель дѣвался. Самого меня ровно ножомъ по сердцу полоснуло. Бросилъ полѣно, а онъ ужъ готовъ, лежитъ какъ пластъ. Началъ я тутъ другихъ отбивать, расталкивать... Да ужъ поздно! Назадъ не вернешь.

— Ну, можетъ быть, Богъ милостивъ, странникъ-то еще и отлежится. Это вѣдь неизвѣстно.

— Кончился онъ, вчера вечеромъ,—тихо сказалъ Козловъ, опуская голову.—Я такъ и зналъ раньше...

— Вы что же, справлялись?

— Зачѣмъ справляться! Самъ пришелъ объявиться, поблагодарить... Спасибо, молъ, Василій Антоновичъ, за ублаготворенье.

— Кто самъ?

— Упокойникъ.

— Что вы! Богъ съ вами, Василій Антоновичъ!

— Вѣрно вамъ говорю. Лганье мое теперь кончилось. Вчера иду я съ мельницы,—только-что поровнялся съ Захаровымъ огородомъ, а онъ вдругъ и заступилъ мнѣ дорогу. Я даже обрадовался. „Откуда,—спрашиваю,—милый человѣкъ? Какъ живешь-попрыгиваешь?“ А онъ поклонился мнѣ вотъ этакъ, низко-низко, да тутъ же на глазахъ у меня и сгинулъ.

— Послушайте, Василій Антоновичъ, о чемъ же вы станете на судѣ объявлять?—замѣтилъ Хлуденевъ.—Били не вы одинъ. Почему знать, отъ чьихъ побоевъ странникъ умеръ, если еще онъ въ самомъ дѣлѣ умеръ. Опять же били вѣдь не для убійства, а просто пьяная драка вышла. Никакой судъ за это строго не наказываетъ.

— Ваше высокородіе! Помогите, заставьте за себя Бога молить! Вѣдь я же знаю, кто убивецъ. Вѣдь покуда Господь не приведетъ пострадать за это—я на крестъ церковный глянуть не могу. Хочу посмотрѣть—глаза не поднимаются, ноги сами прочь бѣгутъ. Иванъ Алексѣевичъ, старый человѣкъ, праведный, точка въ точку мнѣ сказалъ. Какъ тутъ жить? Тянетъ вѣдь *онъ* меня; веревку въ руки подсовываетъ. „Одинъ конецъ, шепчетъ. Вѣшайся, что-ли, чего ждешь?“ И не выдержу, добрые люди, ей Богу, не выдержу, коли казни настоящей мнѣ не будетъ. Иванъ Алексѣевичъ, научи, Христа ради!

— Хорошо, Василій. Ступай въ городъ, объявись и жди, къ чему присудятъ. Если послѣ того не полегчаетъ тебѣ—иди на богомолье, работай въ монастыряхъ до кроваваго пота, служи панихиды по убіеннымъ, покуда Господь надъ тобою смилуется, и въ душѣ у тебя тихо не станетъ. Повѣситься—это къ одному смертному грѣху другой прибавить. А ты кайся! Кайся и душою, и тѣломъ, и слезами, и потомъ. Для Бога все возможно. Онъ и разбойника уже на крестѣ помиловалъ. Сколько бы у тебя

грѣховъ ни нашлось, а у Него милости еще больше. Съ Богомъ-то *ему* не совладать.

Василій Козловъ съ минуту постоялъ въ раздумьѣ, но лицо его почти просвѣтлѣло. Затѣмъ онъ поклонился Ивану Алексѣевичу въ ноги и молча вышелъ, осторожно притворивъ за собою дверь.

— Это, очевидно, совсѣмъ больной человѣкъ!—воскликнулъ Юрій Андреевичъ.—Его просто лечить нужно. Галлюцинатъ.

— Больной-то больной, вы правы!—возразилъ Иванъ Алексѣевичъ.—Только врачамъ его не вылечить. Это—больная совѣсть...

— Однако, именно онъ до сихъ поръ особенной чуткостью совѣсти не отличался. Откуда же на него вдругъ налетѣло?

— То-то, что вдругъ ли? Мы съ вами въ его душу не заглядывали... Когда человѣкъ живетъ въ тяжелой и грубой обстановкѣ, то и совѣсть его будятъ только рѣзкіе и сильные толчки... Вообще, вамъ трудно судить о насъ, деревенскихъ, покуда вы не освоитесь съ нашими масштабами. Въ столицѣ рубль почти не деньги, а у насъ—большое дѣло. Въ столицѣ какой-нибудь ничтожный недочетъ въ средствахъ, маленькое стѣсненіе, либо даже просто необходимость отказаться отъ излишествъ—представляются тяжелой, нестерпимой бѣдою, мучительнымъ страданіемъ, чуть не поводомъ для преступленія и самоубійства. А у насъ даже настоящая, тяжелая нужда—дѣло привычное и всѣмъ знакомое, не только не способное возбудить въ комъ-либо острое состраданіе, но даже самими нуждающимися переносимое довольно индифферентно. Проголодью или прохолодью насъ не удивишь и ничьей совѣсти особенно не встревожишь. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы этой совѣсти совсѣмъ не было... Не знаю, понятно ли я говорю? И такъ во многихъ, многихъ отношеніяхъ. Деревенскій масштабъ и столичный—почти несоизмѣримы или, по крайней мѣрѣ, очень различны. Поэтому-то столько вздора говорится и пишется про деревню, даже при самомъ искреннемъ стремленіи къ безпристрастію и правдѣ.

— Можетъ быть, и такъ.

— Право, такъ. Отсюда и разница въ понятіяхъ. Вонъ, есть замѣтка въ „Свѣтѣ“, я вчера получилъ. Позвольте, я вамъ прочту. „Наша соотечественница, столь многимъ въ Петербургѣ извѣстная, Зоя Викторовна N., временно пребывающая въ Остенде, 7-го августа участвовала въ благотворительномъ концертѣ въ пользу мѣстнаго пріюта имени Сердца Іисуса. Намъ пишутъ, что успѣхъ прелестной и даровитой г-жи N. превзошелъ всѣ

ожиданія. Нѣкоторыя изъ высокопоставленныхъ лицъ сочли нужнымъ купить билеты на концертъ непосредственно у Зои Викторовны, платя удесятеренныя цѣны. Одинъ изъ членовъ дома, царствующаго въ Англіи, оставилъ въ ея рукахъ сто фунтовъ стерлинговъ, которые вложены были въ конвертъ, художественно расписанный знаменитымъ акварелистомъ Л., личнымъ другомъ изящнаго принца. Участіе въ концертѣ нашей блестящей соотечественницы доставило такимъ образомъ пріюту не одну сотню лишнихъ рублей. Здѣсь много говорятъ объ этомъ тріумфѣ одной изъ представительницъ русскаго бомонда". Видите? И вѣдь въ самомъ дѣлѣ такъ. Не участвуй въ концертѣ эта Зоя Викторовна, а другая артистка, можетъ даже болѣе даровитая, но скромная по красотѣ и общественному положенію—не было бы и этихъ сотенъ. Дали ихъ не изъ желанія помочь нуждающимся, а изъ любезности, угодливости, почти по инерціи. „Такъ дѣлается, такъ принято". Я не говорю о томъ, хорошо это или дурно. Но у насъ въ деревнѣ оно просто невозможно и непонятно, никому не можетъ придти въ голову. Даже сама эта Зоя Викторовна, будь она въ голодающей русской деревнѣ, не стала бы распѣвать, а поспѣшила бы устроить столовую либо раздачу пищи. И Боже мой, какой огромной суммой показались бы ей эти нѣсколько сотенъ рублей, брошенныхъ за границей такъ себѣ, можетъ быть, просто изъ тщеславія или отъ скуки... Простите, я совсѣмъ отвлекся въ сторону. Я хотѣлъ только выяснить, какъ легко чужому человѣку ошибаться въ своихъ сужденіяхъ о деревнѣ и ея дѣлахъ или людяхъ... Бѣдняга Василій! Жестоко онъ поплатился.

По странному совпаденію случайности, Юрій Андреевичъ у себя дома нашелъ письмо Зои Викторовны.

„Остенде, въ сущности, довольно противная дыра,—писала она между прочимъ.—Несмотря на обиліе знакомствъ и увеселеній, я здѣсь очень таки серьезно стосковалась. Я не въ силахъ довольствоваться одной свѣтской жизнью, я болѣе требовательна; сердце мое настойчиво проситъ и своей доли"...

И немного далѣе, черезъ нѣсколько строкъ:

„Надѣюсь, что сельскими идилліями вы уже насладились достаточно. Надѣюсь на это потому, что, по правдѣ сказать, безъ васъ скучаю. Довольны ли вы этимъ признаніемъ? Мнѣ здѣсь холодно, холодно между совсѣмъ чужими людьми. Пріѣзжайте отвести мнѣ душу. Я жду васъ въ Біаррицѣ, куда отправлюсь завтра же. Поболтаемъ дружески, по старинному"...

Юрій Андреевичъ небрежно дочиталъ письмо и небрежно, даже съ насмѣшливой улыбкой, бросилъ его въ ящикъ.

— Нѣтъ, Зоя Викторовна!—сказалъ онъ мысленно.—*Это* умерло навсегда и забыто. Ищите себѣ другую грѣлку для души или сердца, если они еще въ васъ имѣются. А мое рѣшеніе принято. Я просто буду жить здѣсь на своемъ мѣстѣ и трудиться надъ своимъ дѣломъ, какое бы оно ни было. Кажется, это—единственный путь быть вѣрнымъ себѣ и своему долгу.

Можетъ быть, найдутся читатели, которые пожелали бы знать, какъ принялъ Иванъ Алексѣевичъ предложеніе Хлуденева, попалъ ли послѣдній въ предводители дворянства, женился ли Бологонцевъ на Марьѣ Ивановнѣ и т. д.

Догадывайтесь сами, господа.

Ѳ. Ромеръ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ТРУДЫ

ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II

I.

Когда говорятъ объ историческихъ трудахъ Екатерины II, имѣютъ въ виду ея „Записки касательно россійской исторіи“, печатаніе которыхъ началось въ 1783 въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“ и которыя вышли потомъ отдѣльной книгой, въ шести частяхъ [1]). На первомъ изданіи имени автора не поставлено, какъ вообще не ставилось имени автора на всѣхъ сочиненіяхъ Екатерины II, при ея жизни изданныхъ; оно явилось только при изданіи „Записокъ“ 1801 года,—кѣмъ оно здѣсь прибавлено, пока неизвѣстно.

Въ тѣхъ же восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія „Записки“ были переводимы на нѣмецкій языкъ, и здѣсь имя автора означено заглавными буквами, дававшими, конечно, ясное указаніе. Такимъ образомъ въ нѣмецкой литературѣ была возможность говорить объ ея авторствѣ,—и здѣсь мы опять встрѣчаемъ сомнѣніе и недовѣріе, какія мы имѣли случай указывать относительно другихъ сочиненій Екатерины—ея драматическихъ пьесъ, писемъ къ Вольтеру, „Антидота“.

[1]) „Записки касательно россійской исторіи. Въ Санктпетербургѣ. Печатано въ Императорской типографіи“. Шесть частей: I—IV, 1787 г.; V—1793; VI—1794. Вторымъ изданіемъ считается перепечатка одного заглавнаго листа: „Записки кас. россійской исторіи. Сочиненіе Государыни Императрицы Екатерины II. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Императорской типографіи“. Шесть частей, 1801.

Въ 1794 такое сомнѣніе высказано было въ книгѣ извѣстнаго нѣмецкаго историка Шпиттлера [1]): онъ говорилъ, что „почти можно сомнѣваться въ подлинности". Въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ, въ разборѣ книги Шпиттлера, это сомнѣніе объясняется и продолжается такъ: „Тайная литературная исторія говоритъ, что „Записки касательно россійской исторіи" извлечены изъ ненапечатаннаго, въ пять квартантовъ, сочиненія г. гофрата Стриттера" [2]). Очевидно, что тайная литературная исторія (die geheime Litterargeschichte) шла въ Берлинъ изъ Петербурга, всего вѣроятнѣе изъ нѣмецкой ученой колоніи въ академіи и также въ кругу нѣмцевъ-переводчиковъ, работавшихъ для императрицы Екатерины. Но въ этомъ случаѣ „тайная исторія" ошибалась. Хотя до сихъ поръ и не раскрытъ достаточно ходъ историческихъ работъ имп. Екатерины, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ были болѣе сложны и болѣе самостоятельны, чѣмъ простое извлеченіе изъ готовой книги Стриттера,—а главное, есть основаніе думать, что „Записки касательно россійской исторіи" составлялись гораздо раньше труда Стриттера.

Чтобы кончить съ этимъ вопросомъ объ отношеніи „Записокъ" къ книгѣ Стриттера, приводимъ одинъ документъ, давно напечатанный,—котораго, впрочемъ, намъ не случилось встрѣтить между архивными бумагами Екатерины II. Это — замѣтки ея на сочиненіе Стриттера, сообщенныя въ книгѣ Старчевскаго о русской исторической литературѣ до Карамзина [3]). Сообщая

---

[1]) Entwurf der Geschichte der Europäischen Staaten, vom Hofrath Spittler in Göttingen. Zweyter Theil, Berlin 1794, стр. 370. Этого перваго изданія мы не имѣли въ рукахъ. Во второмъ изданіи (Spittler's Entwurf etc., mit einer Fortsetzung bis auf die neuesten Zeiten versehen von Georg Sartorius. Zweyter Theil, Berlin 1807, стр. 446), въ исчисленіи источниковъ приведенъ нѣмецкій переводъ „Записокъ" съ такимъ отзывомъ:

— Aufsätze betreffend die Russische Geschichte von J. K. (ais.) M. (aj.) d. K. a. R. Berlin u. Stettin, 1786 f. I—IX B. geht bis 1225. Fast sollte man an der Authentie zweifeln.

[2]) Neue Allgemeine Deutsche Bibliothek. Des fünf und zwanzigsten Bandes zweytes Stück. Eünftes bis achtes Heft. Kiel, 1796, стр. 420. Здѣсь добавляется, что „Записки" доведены въ русскомъ подлинникѣ до 1276 г.

[3]) Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина. Спб. 1845, стр. 234—236. Старчевскій уже зналъ многое изъ неизданныхъ въ то время бумагъ и писемъ Екатерины: „Намъ неизвѣстно,—говорилъ онъ,—у кого хранятся подлинныя письма государыни, но списки съ нихъ находятся у не многихъ любителей отечественной старины. Мы имѣли случай видѣть ихъ у знаменитаго нашего литератора князя Петра Андреевича Вяземскаго, который вѣроятно издастъ ихъ въ свѣтъ". Изданы они Вяземскимъ не были. Отсюда вѣроятно Старчевскій и взялъ приводимыя дальше замѣтки на книгу Стриттера.

свѣдѣнія объ историческихъ трудахъ Екатерины, Старчевскій говоритъ: „Здѣсь кстати упомянуть о замѣчаніяхъ императрицы Екатерины II-й, сдѣланныхъ на Штриттерову *Русскую Исторію*. Каждый русскій съ удивленіемъ увидитъ, какъ вѣнценосная покровительница отечественной исторіи вникала въ малѣйшія подробности исторической критики, съ какою любовью занималась лѣтописями древней русской славы, какъ исправляла ошибки ученыхъ: она отдаетъ автору справедливость, но замѣчаетъ и его погрѣшности, и очищая трудъ его отъ примѣси ложныхъ выводовъ, дѣлаетъ полезнымъ для употребленія въ отечествѣ, котораго благо и честь сердцу ея были дороже всего".

Замѣчанія Екатерины, повидимому только одинъ отрывокъ, были таковы:

„Ольга. I. Здѣсь паки вообновлены нелѣпыя басни, кои выкинуты изъ Записокъ, о убивствѣ Древлянъ, что пословъ древлянскихъ въ яму зарыли и птицами Коростинъ зажгли.

„NB. Мой совѣтъ есть, чтобъ вы приказали изъ сего нѣмецкаго труда (заглядывая непрестанно въ Записки касательно россійской) сдѣлать исторію, выбирая изъ того и другого все то, что здравому разсудку не противно будетъ.

„На 46 страницѣ во 122 примѣчаніи названъ Юрій Владиміровичь ростовскій Юрій Дмитріевичемъ.

„Во 126 примѣчаніи Переяславъ названъ Переславь.

„Вообще справедливость отдать должно сочинителю, что всячески старается дополнить исторію россійскую и что полнѣе ее ни единой нѣту.

„Между прочимъ есть тутъ четвертый сынъ Святослава Игоревича, которой отысканъ въ византійской исторіи, гдѣ названъ Сфенго; но греки и Святослава называли Сфентослава; и такъ Сфенго, чаю, Свенго назвать можно: что не вовсе чуже будетъ варяжскому отродію: ибо Звено и Свенго въ Швеціи и Даніи отыскать въ ихъ исторіи не трудно.

„1) Соблазнительно покажется всей Россіи, аще пріимете толкованіе г. Стриттера о происхожденіи россійскаго народа отъ финновъ.

„2) Самое отвращеніе и соблазнъ не малое доказательство, что происхожденія розныя.

„3) Хотя Россіяне со Славяны разнаго происхожденія конечно, но отвращеніе не находится между ними.

„4) Г. Стриттеръ откуда уроженецъ? Конечно онъ какую ни есть національную систему имѣетъ, къ которой натягиваетъ. Остерегитесь отъ сего.

„5) Сравните россійскаго крестьянина съ финскимъ: похожи ли другъ на друга? похожъ ли языкъ?

„6) О Варягахъ Несторъ говоритъ: Варяги-Русь.

„7) Я нашла во многомъ здравую критику Записокъ касательно россійской исторіи; но что написано, то написано; по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство во оныхъ не унижены".

Отсюда ясно, что „Записки" явились не только раньше книги Стриттера, но уже подвергались въ ней критикѣ. Екатерина въ то время видимо не знала Стриттера, если справлялась, откуда онъ уроженецъ. Въ его критикѣ „Записокъ" она признавала много здраваго; но съ своей стороны считала недостаткомъ, что Стриттеръ ввелъ въ исторію баснословные разсказы о мщеніи Ольги древлянамъ. Въ „Запискахъ", дѣйствительно эти „басни" не только пропущены, но объ нихъ даже не упомянуто. Это сдѣлано было не потому, чтобы Екатерина хотѣла,—какъ въ другихъ случаяхъ бывало,—скрасить исторію и не хотѣла бросить тѣнь, фактъ жестокости, на княгиню Ольгу, которую она очень высоко ставила; причина умолчанія была просто въ томъ, что это были „басни", которыя она отвергала по исторической разсудочности XVIII-го вѣка, пренебрегавшей баснословіемъ, какъ слѣдствіемъ „грубаго невѣжества". Раціонализмъ XVIII вѣка еще не видѣлъ, что само баснословіе есть историческій фактъ, а именно, что въ немъ отражалось міровоззрѣніе древности и народная поэзія.

Наконецъ, точныя свѣдѣнія о трудѣ Стриттера даетъ онъ самъ въ предисловіи къ своей „Исторіи", вышедшей въ 1800—1802 годахъ [1]).

Іоганнъ-Готтгильфъ Стриттеръ, уроженецъ Нассау, былъ по обычаю восемнадцатаго вѣка выписной нѣмецкій академикъ и прославился своимъ громаднымъ трудомъ „Memoriae populorum" и пр., представлявшимъ извлеченіе изъ византійскихъ историковъ свѣдѣній о народахъ, жившихъ по Дунаю, Черному и Азовскому морю, на Кавказѣ и наконецъ на сѣверѣ, въ нынѣшней Россіи. Книга вышла на латинскомъ языкѣ въ 1771—79, а раньше издано было имъ же русское извлеченіе (въ переводѣ Вас. Свѣтова, 1770—76: „Извѣстія византійскихъ историковъ" и пр.), но послѣднее ограничивалось только свѣдѣніями, относившимися непосредственно къ русской исторіи. „Memoriae populorum" очень долго были для нашихъ историковъ древняго

---

[1]) Исторія россійскаго государства, сочиненная статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Иваномъ Стриттеромъ. Спб. 1800—1802, три тома, 4°.

періода главнымъ, даже единственнымъ источникомъ византійскихъ данныхъ. По смерти Г. Ф. Миллера, онъ былъ назначенъ въ московскій архивъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ „предисловіи отъ сочинителя" такъ разсказано имъ о составленіи „Исторіи россійскаго государства".

„Къ распространенію Наукъ въ Россійской Имперіи, Коммиссія объ учрежденіи школъ положивъ похвальное намѣреніе издавать нужныя книги разнаго рода для школъ подъ ея вѣдѣніемъ, почла за долгъ обратить свое вниманіе на Исторію Россійскаго Государства. Чтобъ дать ей всевозможную точность и достовѣрность, недовольно было извѣстій сего рода отпечатанныхъ, но надлежало искать источниковъ, особливо же своихъ собственныхъ. Главные изъ нихъ щитаются: 1-е. Лѣтописи, а хронографы, степенныя книги, родословныя росписи, разрядныя и тому подобныя суть только ручейки, коими Россія весьма изобильна; 2-е, совершенно достовѣрныя архивскія современныя записки, а особливо Московской Архивы Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ которой постановленія Россійскаго Двора съ иностранными въ великомъ количествѣ, и съ такою точностію находятся, каковой почти нигдѣ нѣтъ; и 3-е, иностранные, а особливо современные и достовѣрные писатели, которые, яко посланники, или путешественники посѣщая Россію, издали описанія оной.

„О сочиненіи таковой Исторіи учинено мнѣ отъ Коммиссіи объ учрежденіи школъ предложеніе съ лестнымъ для меня отзывомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1783 года, и съ того самаго времени посвятилъ я большую часть досуга моего съ такимъ раченіемъ, сколько дозволяли мои силы.

„При семъ сочиненіи употреблялъ я всѣ до нынѣ отпечатанныя и рукописныя Россійскія лѣтописи, вводя ихъ въ примѣчаніяхъ, между коими такъ называемыя: Ростовскій списокъ и Архивская лѣтопись могутъ почесться превосходнѣйшими.

„Публика обязана за изданіе сей Исторіи благословенному Царствованію Государя Императора Павла I. При Его правленіи пріемлетъ все новую силу и дѣятельность. Коммиссія объ учрежденіи школъ съ самаго того времени возбудила и сочинителя къ неутомимому продолженію сего труда, и предприняла къ изданію онаго такія распоряженія, что 1 часть сего сочиненія издается въ свѣтъ.

„Продолженіе сего сочиненія находится нынѣ у меня въ готовности до 1594 года.—Впрочемъ оное, по чрезвычайно обширнымъ и по большей части необработаннымъ еще предмѣтамъ

своимъ, съ толикою сопряжено трудностію, что одинъ человѣкъ едвали въ томъ успѣть можетъ.—Но дарованный сочинителю отъ Всемилостивѣйшаго Монарха досугъ, даетъ пріятную надежду къ вящшимъ въ семъ дѣлѣ успѣхамъ, поелику онъ время свое единственно на то посвятитъ можетъ".

Печатное изданіе доведено только до 1462 года. Стриттеръ умеръ въ 1801 г.

Такимъ образомъ Коммиссія объ учрежденіи школъ предложила Стриттеру сочиненіе его Исторіи только *въ концѣ* 1783 года, между тѣмъ „Записки касательно россійской исторіи" уже печатались въ „Собесѣдникѣ" въ самомъ *началѣ* этого года и приготовлены были, конечно, ранѣе.

По самому личному и политическому характеру Екатерины II, у нея можно было бы впередъ предположить усиленные историческіе интересы. Она отличалась вообще живымъ умомъ и любознательностью. Вступивъ на русскую почву, она рѣшила достойнымъ образомъ приготовиться къ той роли, которая ей предстояла; и тѣмъ больше тогда, когда она стала во главѣ государства—она хотѣла объединиться съ тою націей, которою должна была повелѣвать. Она старалась изучить русскую жизнь, и замѣчательно въ этомъ успѣла; несомнѣнно давно она старалась познакомиться и съ исторіей Россіи,—высокимъ образцомъ давно сталъ для нея Петръ Великій, котораго она знала не только по молвѣ, но и по прямому изученію.

Дальше мы постараемся собрать литературныя данныя и разнообразныя замѣтки, сохранившіяся въ ея бумагахъ, въ которыхъ выражалась ея историческая любознательность. Первыя проявленія ея историческихъ занятій трудно услѣдить, но свидѣтельствомъ того, что ея интересы въ этомъ направленіи опредѣлились уже въ первые годы ея царствованія, можетъ служить „Антидотъ". Принадлежность его имп. Екатерины для насъ не подлежитъ сомнѣнію, и обличая аббата Шаппа, авторъ нерѣдко обращается къ исторіи. Собравъ историческія данныя и цитаты „Антидота" (1770), легко видѣть, что по существу онѣ вполнѣ согласны съ тѣми представленіями о русской древности, какія позднѣе Екатерина II излагала въ „Запискахъ касательно россійской исторіи". Автору совершенно знакомы подробности древняго періода русской исторіи; въ отзывахъ объ историческихъ фактахъ и лицахъ господствуетъ тотъ самый оптимистическій взглядъ, какой отличаетъ „Записки" и вообще представленія

императрицы о русской древности: русское государство (какъ позднѣе у Карамзина) основано съ призваніемъ Рюрика, и съ тѣхъ поръ, безъ всякаго приготовительнаго періода, идетъ установленный государственный порядокъ. По поводу описанія царской свадьбы, приводимаго Шаппомъ по старому документу, кѣмъ-то для него переведенному, авторъ „Антидота" обличаетъ разныя его ошибки, исправляетъ имена, объясняетъ обычаи, — и, въ срединѣ обличенія, находитъ самый документъ, служившій Шаппу источникомъ, именно описаніе царской свадьбы, полученное изъ архива, какъ нерѣдко Екатерина II обращалась къ архивамъ. Автору близко знакома и новѣйшая исторія, временъ Петра Великаго, Анны и Елизаветы; онъ приводитъ подробности, сообщаетъ историческіе анекдоты, упоминаетъ о старыхъ нравахъ и обычаяхъ, — какъ это бывало послѣ въ ея литературныхъ произведеніяхъ и въ ея мемуарахъ. Словомъ, въ „Антидотѣ" видны уже опредѣленные, сложившіеся интересы. Дальше увидимъ, что именно къ этому времени относится ея дѣятельное покровительство трудамъ по русской исторіи.

Обильныя, хотя отрывочныя свѣдѣнія объ историческихъ трудахъ Екатерины II доставляетъ, нѣсколько позднѣе, дневникъ извѣстнаго ея секретаря, Храповицкаго.

Дневникъ Храповицкаго обнимаетъ только 1782—1793 годы и очень отрывоченъ; тѣмъ не менѣе его записи сообщаютъ много любопытныхъ указаній на историческіе интересы имп. Екатерины. Самъ Храповицкій вообще не участвовалъ въ ея историческихъ работахъ (далѣе приведемъ только одинъ-два случая подобнаго рода), но разговоры и отдѣльныя замѣчанія Екатерины II, занесенныя имъ въ дневникъ, между прочимъ нерѣдко касаются и самыхъ ея работъ, ея историческихъ воспоминаній и соображеній. Къ восьмидесятымъ годамъ именно относится наибольшее развитіе историческихъ ея работъ.

Въ 1782, подъ 18 іюля, Храповицкій записываетъ, очевидно, слова императрицы: „Въ 60 лѣтъ всѣ расколы изчезнутъ; сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно".

— 15 августа: „Не можно было видѣть открытіе монумента Петра Перваго безъ чувствительности".

Въ 1786, 31 іюля: „Отыскалъ бумаги, во время житья въ Ермитажѣ писанныя о древности Славянъ, съ изысканіемъ первобытнаго народа. Тутъ есть записки Г. А. П. Шув—ва" (гр. Андрея Петр. Шувалова).

Повидимому, дѣло идетъ о „Запискахъ касательно россійской

исторіи", гдѣ принималъ извѣстное участіе Шуваловъ, который имѣлъ участіе и въ „Антидотѣ".

Въ 1787, во время путешествія въ Крымъ, подъ 27 января записано: „Въ Черниговѣ говорено... о древности соборной церкви Преображенія Господня, которая начата въ 1002-мъ году Мстиславомъ, сыномъ Владиміра І-го".

На пути въ Малороссію, 4 мая записано: „Говорено о благорастворенномъ воздухѣ и теплотѣ климата... Жаль, что не тутъ построенъ Петербургъ; ибо, проѣзжая сіи мѣста, воображаются времена Владиміра I, въ кои много было обитателей въ здѣшнихъ странахъ. Теперь нѣтъ Татаръ и Турки не тѣ".

— 21 мая, въ Бакчисараѣ (незадолго передъ тѣмъ столицы крымскаго хана): „Говорено съ жаромъ о Тавридѣ. Пріобрѣтеніе сіе важно: предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, Петромъ I выбритыхъ".

— 15 іюля: „...Говорено о Славенѣ, сочиненіи Ип. Богдановича".

— 19 августа. „Читалъ предъ Е. В-мъ предисловіе Морского устава, откуда, для примѣра въ наслѣдіи, хотѣли взять неудобство, отъ раздѣла Владимірова происшедшее".

— 20. „Читать мнѣ изволила пасажъ изъ „Правды воли монаршей". Тутъ, или въ манифестѣ Екатерины I, сказано, что причиною несчастія Цар. Ал. П. (Алексѣя Петровича) было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ".

— 13 ноября. „За туалетомъ, говоря о наставшей зимней дорогѣ, отозвались, что теперь за Кременчугомъ совсѣмъ иное. Ma seconde pensée y est toujours".

— 14. „О Пассековой, при разборѣ почты: она бы, при им. А. (Аннѣ) высѣчена была кнутомъ, а при им. Е. (Елизаветѣ) сидѣла бы въ Тайной; есть такія письма, кои надлежало сжечь и не можно было отдать Шеш." (Шешковскому).

Въ 1788, 3 марта. „При разсматриваніи кабинетскихъ вѣдомостей, изволила изъясняться о разности придворныхъ во время имп. Ел. Пет. и нынѣшнее; тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, Сиверсъ изъ лакеевъ. Я сказалъ, что тогда страхъ и опасеніе замѣняли нынѣшнее почитаніе и усердіе, разсказавъ, съ какою робостію батюшка ходилъ на караулъ"...

— 22. „По слухамъ шведскаго вооруженія: что имп. Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ. Сія твердость тогда подѣйствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе".

— 27 іюня. „...Замѣтилъ, что въ день баталіи Полтавской выдаются указы на Шведовъ. Сей анекдотъ принятъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ“.

— 28. „...Правду сказать, Петръ I близко (т.-е. къ непріятелю) сдѣлалъ столицу. (NB. Онъ ее основалъ прежде взятія Выборга, слѣдовательно надѣялся на себя)“.

— 15 августа. „Велѣно собрать бумаги для продолженія Россійской Исторіи“.

— 18 августа. „...Предъ обѣдомъ поднесъ реестръ собраннымъ мною изъ библіотеки и сундуковъ историческимъ книгамъ и манускриптамъ. Почти все читала. Хороши записки Герберштейна. — Я всѣ тѣ книги съ реестромъ уклалъ на столъ въ кабинетѣ“.

— 17 ноября. „Петръ I не былъ любимъ, но его страшились; есть о семъ страшное описаніе бывшаго тогда вѣнскаго министра, которое Бишингъ напечаталъ въ своихъ сочиненіяхъ.— Я говорилъ о временахъ царствованія Ел. П. и властвованіи бояръ, разсказавъ шутку, что брошусь сперва къ кн. Тр—му (Трубецкому), потомъ къ гр. Ш—ву (Шувалову), а когда не помогутъ, то пусть будетъ воля Божія.—Усмѣхнулись.—Я, кажется, сіе поправила, не ссылая въ ссылку и не казня.—Повторено тоже и сказано, что тѣми же людьми испорченное исправляла.—Кн. Г. Г. Орловъ, примѣтя иногда злоупотребленія, спрашивалъ, не клонится ли сіе къ упадку имперіи, но, имѣя въ томъ tact, часто отвѣчала, что изъ клѣва выпущенные телята скачутъ и прыгаютъ, случается и ногу сломятъ, но послѣ перестанутъ, и такимъ образомъ все войдетъ въ порядокъ“.

Въ 1789, 5 января. „Неспокойны... Судя, что̀ въ царствованіе короля англійскаго произошло, можно съ ума сойти. Таковы у меня трудныя обстоятельства. Я возразилъ поспѣшно, что у короля англійскаго недостало головы. А у Петра I-го?... Онъ въ такихъ случаяхъ бился лбомъ въ стѣну“.

— 7. „Показывали, что во вчерашній день прочтена половина книги доктора Тейлса. Тутъ невыгодна негоціація Петра I-го: C'est la nécessité des circonstances“.

— 10. „Читаютъ Тейлса, и взнесены книги о разныхъ негоціаціяхъ, по отмѣткѣ въ каталогѣ Вейтбрехта“.

— 11. „Отданы для сообщенія гр. Сегюру на прочтеніе: Memoires pour servir à l'histoire de Charles XII, par W. Theyls, à Leyde, 1722, и приказано отыскать въ библіотекѣ, посольства: de M. du Frêne Canaye, du Président Jeannin, de Mr d'Angoulème, de Bassompierre, du Cardinal du Perron, du Cardinal

d'Ossat, de Paul de Foix, de Mr. d'Estrade, de Montluc, et de Villeroi. — Je suis à présent dans la politique, никогда за эти книги не принималась".

— 17. „Разговоръ о „Oeuvres posthumes de Fréderic' II, Roi de Prusse". Тутъ много неправды о Россіи. Я, можетъ быть, напишу замѣчанія; сыщи купить для себя и принеси ко мнѣ. Я сказалъ, что сколько случилось прочесть, то похваляется царствованіе имп. Анны Іоанновны и гр. Минихъ уподобляется принцу Евгенію. Какой вздоръ. Въ вечеру досталъ „Oeuvres posthumes" и читалъ до двухъ часовъ за полночь. Тутъ покойникъ признается, что отъ кончины Елиз. Петровны послѣдовало спасеніе Пруссіи и не попала она въ раздѣлъ. Раздробленіе Польши въ другое время не могло бы состояться. Англія и Франція, конечно бы, помѣшали. Сей проектъ его. Успѣхамъ нашимъ въ прошедшую турецкую войну и онъ, и Австрія завидовали".

— 18. „Поднесъ „Oeuvres posthumes". Читали мнѣ заготовленную записку для отвѣта въ Берлинъ... Они во всѣ дѣла хотятъ мѣшаться. Я привелъ въ примѣръ изъ „Oeuvres posthumes" покойнаго короля, что Герцбергъ похожъ теперь на интригана Шуазеля, какимъ его король описывалъ. Тутъ сказано, что покойникъ былъ уменъ и постигалъ всѣ причины, а теперь трудно ладить съ глупымъ преемникомъ его престола"...

— 19. „Позвавъ меня, сказать изволила о началѣ чтенія Oeuvres posthumes; прочли avant-propos. Я дополнилъ, что покойный король начинаетъ съ 1740 года и описываетъ тогдашнее состояніе Европы. Теперь книгъ до шести вдругъ читаю, on dira que j'ai de la lecture.—Давно уже всѣ это знаютъ.—Dit-on cela? Конечно, знаютъ, что давно въ ономъ упражняться изволили, и для васъ нѣтъ теперь новаго въ литературѣ"...

Въ мартѣ, 1-го. „Когда поднесъ „Essay sur l'histoire du Roi de Prusse par l'abbé Denina pour servir de préliminaire à ses oeuvres posthumes", то сказали, что не имѣютъ къ нимъ большой вѣры съ тѣхъ поръ, какъ увидѣли на страницахъ Герцберговы замѣчанія".

— 7. „Давая много приказовъ и имѣя многое въ головѣ, повторили прежде сказанное, что не мудрено сойти съ ума, какъ королю англійскому. Я возразилъ, что не та голова. Trouvez-vous cela? Сослался на дѣла и на исторію аббата Денина о покойномъ прусскомъ королѣ, отдававшемъ справедливость Е. В—у, подалъ ту исторію со стола, ее читали и выходя къ волосочесанію, on m'a fait une mine significative".

— 9. „Показывали 40 страницъ, прочтенныхъ изъ Денина,

на поляхъ коихъ сдѣланы письменныя замѣчанія: сей экземпляръ будетъ рѣдокъ".

Въ апрѣлѣ, 9-го. „Показывали книги, въ Царское Село назначенныя; въ числѣ ихъ Oeuvres posthumes de Fréderic II, roi de Prusse"...

— 10. „Изволила пожаловать „Essai sur la vie et le règne de F. II", par l'abbé Denina, съ собственноручными, на страницахъ, замѣчаніями, чтобъ мнѣ прочесть, никому не показывая".

— 15. „...Сіе не въ одной пожалованной грамотѣ дворянству утверждено, но въ докладныхъ отъ Синода пунктахъ, чтобъ не лишать дворянства безъ государевой конфирмаціи и безъ суда; c'est un prérogatif, qu'on a extorqué à Pierre I, il était cruel, и духовные подали докладъ".

Въ маѣ, 20-го. „Принятіе иностранныхъ въ нашу службу дѣлаетъ эмюляцію въ русскихъ. Петръ I симъ пользовался, и наши скоро наметаны быть могутъ. Есть двѣ эпохи, во время коихъ Русскіе отъ Европы отстали: время власти татарской и время междоусобія, когда Шведы и Поляки большую партію имѣли; тутъ старались только о частныхъ выгодахъ, а общее дѣло забывали; но и тутъ вышли великіе люди. Я сказалъ: les malheurs font les grands hommes. Повторено и мысль сія утверждена".

Въ октябрѣ, 24-го. „Разговоръ о рѣзныхъ камняхъ: какъ они утѣшны и какъ ими занимаются".

— 25. „Разбирали камни. Еще разговоръ о нихъ: c'est une maladie. Я: avec une maladie de cette espèce on se porte bien. Да, тутъ открывается исторія, разныя познанія,—это дѣло императорское".

Въ декабрѣ, 1-го. „...Теперь за законы не могу приняться, но думаю, что могу взяться за исторію".

Въ январѣ 1790, 12. „Послѣ обѣда переводятъ Плутарха, и мнѣ читали жизнь Алкивіада".

— 21 и 22. „Переписывалъ Алкивіадову жизнь".

— 28. „Разсматривали сравненія жизней, сочиненныхъ въ продолженіе Плутарховыхъ. Il ne faut jamais faire cela, car les modernes ne peuvent pas avoir le tact des anciens. Я сказалъ, что это похоже на поддѣльные антики. Правда".

Въ февралѣ, 2-го. „Отдали для переписки конецъ жизни Алкивіада. Тутъ замѣтили, что по его славѣ, всѣ неудачи не относили къ невозможности, а къ нехотѣнію. Я признаюсь, что и со мной то же случалось".

— 18. „Читая изъ Плутарха жизнь Коріолана, замѣчено,

что при церковныхъ обрядахъ провозвѣстники кричали: hoc age, „вонми“ и есть также у нихъ „оглашенные изыдите“. Нарочно за симъ былъ позванъ“.

Въ маѣ, 27-го. „Отдавая листъ перевода изъ Плутарха, сказано: это одно только утѣшеніе, cela me fortifie l'âme“.

Въ сентябрѣ, 2-го. „Говорено о безпорядочномъ при имп. Елисаветѣ Петровнѣ торжествѣ мира, и что при имп. Аннѣ Іоанновнѣ гораздо было порядочнѣе; а тутъ занимались только церемоніею и производили въ чины безъ всякихъ правилъ“...

Въ 1791, 22 іюня. „Принялись за Россійскую Исторію; говорили со мной о Несторѣ. Я: nous l'avons vu en original“...

— 23. 24. „Упражняются въ продолженіи Исторіи Россійской; поднесъ книги и выписки, къ тому принадлежащія“.

— 6 іюля. „Упражняются въ продолженіи Исторіи“.

— 27. „Показывалъ я рѣку Сить, въ Ярославской губерніи. Она впадаетъ въ Мологу, а Молога въ Волгу. На Ситѣ убитъ князь Владиміръ Юрьевичъ Рязанскій отъ Татаръ [1]). Думали доказать, что онъ перешелъ Волгу гораздо ниже, чтобы Татаръ атаковать; но рѣка Сить показываетъ, что Владиміръ бѣжалъ къ Твери. Симъ открытіемъ не очень довольны для сочиняемой Исторіи“.

Въ августѣ, 7. „Призванъ для выслушанія раздробленія Россіи на удѣльныя княженія, во время нашествія Татаръ; ихъ сочтено до 70-ти; jugés si les Tartars n'avoient pas beau jeu. Я еще новое напишу примѣчаніе о тогдашнихъ Татарахъ“.

— 21. „Получилъ отъ Ея Величества благодарность за историческія книги, исправно перевезенныя и разложенныя по порядку“.

Въ сентябрѣ, 17-го. „Поднесъ „Древнюю Россійскую Идрографію“ и описаніе Кавказа, Ренекса, получа за то благодарность“.

— 21, 22. „Во время разговоровъ объ Исторіи Россійской, сказано мнѣ, что Александръ Невскій былъ герой; нашли то, чего никто здѣсь не написалъ, т.-е., что Папа, отправя нарочнаго легата, поощрялъ въ Норвегіи, Даніи и Швеціи составить кроасаду противъ Александра Невскаго, но намѣреніе сіе осталось бездѣйственнымъ“.

— 25. „Позванъ, и съ часъ времени читали мнѣ Исторію Россійскую. Тутъ есть примѣчаніе о Татарахъ и ихъ силѣ при нашествіи на Россію; жизнь св. Александра Невскаго безъ чудесъ“.

---

[1]) Г. Барсуковъ исправляетъ ошибку: это былъ князь Георгій Всеволодовичъ.

Въ октябрѣ, 29-го. „Занимаются главнѣйше Россійскою Исторіею и дѣлами французскими. Получены вновь Лѣтописцы отъ митрополита Платона, и мнѣ два раза подтверждено, чтобъ скорѣе переплесть“.

— 30. „Поднесъ переплетенные Лѣтописцы, отъ митрополита Платона присланные, и пріискавъ тутъ извѣстіе о кончинѣ кіевскаго Великаго Князя Владиміра Рюриковича, получилъ благодарность“.

— 31. „Два раза призыванъ былъ для разговора о Россійской Исторіи. Довольны, что нашли въ Степенной книгѣ имя опекуна Короля Шведскаго Вольдемара I, съ коимъ сражался св. Александръ Невскій“.

Въ ноябрѣ, 1-го. „Еще призыванъ для разговора объ Исторіи. Удивлялись малому соображенію князя Щербатова“.

— 2. „Исторію Курбскаго приказали мнѣ для прочтенія послать къ Евграфу Ал. Черткову“.

— 7. При волосочесаніи призванъ для разговора объ Исторіи и о рѣдкостяхъ, представленныхъ Алексѣемъ Иван. Мусинымъ-Пушкинымъ. Это былъ рубль, неизвѣстно котораго Владиміра; въ немъ ¼ фунта чистаго серебра. Полтина отъ слова *полотить*“.

Въ декабрѣ, 9-го. „Приказали написать къ Черниговскому Епископу, чтобъ, списавъ вѣрно изъ библіотеки тамошней семинаріи Лѣтописецъ, въ 1699 году Боболинскимъ сочиненный, присылалъ сюда черезъ почту по тетрадямъ“ [1]).

— 29. „...Принялись было за Исторію“ (во время болѣзни).

Въ 1792, 25 марта. „При разборѣ внутренней почты мнѣ сказывали, что упражняются теперь въ составленіи родословной Россійскихъ Великихъ Князей, и что это повѣрка исторіи и хронологіи“.

Въ 1793, 4 мая. „...Сказывали, что Елагинъ дивится, откуда собранъ Родословникъ древнихъ Князей Россійскихъ, и многое у себя въ Исторіи поправилъ“.

— 24 іюля. „Читано мнѣ родословіе Князей Литовскихъ по теченію исторіи, въ коей Ея Величество упражняется“.

Еще многочисленныя, хотя опять случайныя, указанія объ историческихъ занятіяхъ Екатерины II разбросаны въ ея многолѣтней перепискѣ съ Мельхіоромъ Гриммомъ. Онъ, конечно, былъ

[1]) Ср. въ Письмахъ имп. Екатерины, письмо 139.

чуждъ ея историческимъ интересамъ, но это былъ умный, образованный человѣкъ, аккуратный исполнитель ея порученій; наконецъ, это былъ souffre-douleur, человѣкъ, съ которымъ она охотно вела письменную бесѣду, нерѣдко вѣроятно довѣряя ему то, чего не хотѣла говорить въ своемъ обычномъ кругу. Она много разъ писала Гримму о своихъ занятіяхъ русской исторіей, и говорила иногда съ немалымъ самодовольствомъ,—которое и указываетъ ея представленіе о своемъ трудѣ.

Первое упоминаніе о „Запискахъ касательно россійской исторіи" въ письмахъ къ Гримму сдѣлано, кажется, 3-го марта 1783. Императрица говоритъ о своемъ планѣ писать „исторію, раздѣленную на пять эпохъ и начинающуюся съ 480 года; и такъ предстоитъ обозрѣть тысячу триста лѣтъ. Дай Богъ хорошаго пищеваренія тѣмъ marmots, которымъ придется это переваривать; сегодня мы уже на 988 годѣ, остается почти столько же".

На тѣхъ же дняхъ, 9-го марта, Екатерина пишетъ, что завалена корреспонденціей, и чтобы отвѣчать на все, ей приходится отложить „вторую эпоху исторіи Россіи для господина Александра и сира Константина" (pour l'usage de M. Alexandre et de sire Constantin); а всѣ, кто видѣлъ первую эпоху этой исторіи, нашли, что это—блестящее произведеніе своего рода; въ томъ числѣ князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, sire factotum и многіе другіе люди, которымъ вовсе не легко угодить. Это одобреніе поощряетъ насъ къ этому дорогому труду, и мы уже закончили (bâclé) жизнь и дѣянія святого Владиміра, который, на зло вамъ и невѣрующимъ, есть сеньоръ, qui n'est pas de paille. А, г. souffre-douleur, не правда ли, что вы уже нюхаете воздухъ, не пахнетъ ли переводомъ? Надѣйтесь, но не такъ скоро, потому что я бываю увѣрена въ законченности эпохи только по мѣрѣ того, какъ перехожу въ слѣдующія". Въ томъ же письмѣ, среди живой болтовни, читаемъ: „Что касается моихъ святыхъ, я беру ихъ въ святцахъ, и когда мнѣ бываетъ нужно, я ищу между ними людей, которые служили государству или человѣческому роду; иногда мнѣ бываетъ трудно ихъ найти, и тогда я беру звучное имя, и кончено. Господъ новыхъ кавалеровъ св. Владиміра [1]) я велѣла выбрать между первыми и лучшими слугами государства; на этомъ основаніи, а не на другомъ, они попадутъ въ рай, если могутъ. Если вы меня раздосадуете, я сообщу вамъ, что святой Владиміръ былъ дѣдомъ французской королевы, что онъ былъ двоюродный братъ импе-

[1]) Этотъ орденъ былъ установленъ въ 1782.

ратора Оттона второго, что онъ былъ beau-fils Романа, императора константинопольскаго; одна изъ его дочерей была замужемъ за Стефаномъ, королемъ венгерскимъ, другая за королемъ чешскимъ; вы видите изъ этого, что это былъ сеньоръ съ очень хорошимъ родствомъ,—и несмотря на то вы все-таки меня спрашиваете, откуда я его взяла; и какая наконецъ польза быть въ ладахъ съ небомъ и землей, если со всѣмъ этимъ останешься неизвѣстнымъ черезъ 900 лѣтъ?"

Въ письмѣ 20 апрѣля того же года: „...Я должна васъ извѣстить, что вамъ угрожаетъ потопъ, худшій всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли утопить васъ въ бумагахъ. Вы будете трепетать отъ страха, когда услышите, что для васъ переводятъ на нѣмецкій языкъ первую эпоху русской исторіи, т.-е. отъ сотворенія міра до 862 года. Она заключаетъ страницъ сорокъ, это составляетъ часть Александро-Константиновской библіотеки; нужно же, чтобы souffre-douleur имѣлъ ее; кромѣ того г. Февей представится вашему пр-ству буквально переведенный на французскій языкъ, какъ вы этого желаете; быть можетъ, вторая эпоха, по крайней мѣрѣ вдвое болѣе обширная, чѣмъ первая, будетъ закончена и переведена до отправки этого письма. Если это несчастье случится, вы будете имѣть одно посланіе вмѣсто двухъ; вы получите ихъ вмѣстѣ. Эта вторая эпоха начинается съ 862 года и кончается въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія; все это было закончено (bâclé) въ три мѣсяца или около того; это будетъ антидотомъ противъ негодяевъ (gredins), которые унижаютъ исторію Россіи, какъ лекарь Леклеркъ и учитель Левекъ, которые, съ вашего позволенія, глупцы, и притомъ скучные или отталкивающіе. Я впередъ прошу у васъ извиненія за весь этотъ fatras; отъ васъ зависитъ бросить это въ огонь, и такъ же поступить съ послѣдними тремя эпохами, которыя непосредственно послѣдуютъ за двумя первыми, потому что всего ихъ будетъ пять. Вы скажете, что ея величество становится скучной и несносной особой: какъ быть? Каждый принимаетъ тонъ и духъ своего званія; таково мое; не жалѣете ли вы также моихъ marmots, которымъ придется переваривать такіе большіе куски? Въ ожиданіи, они начали учиться, писать и рисовать; учителя Александра говорятъ, что онъ дѣлаетъ успѣхи, удивительные для его возраста"...

„Еслибы г. factotum такъ не спѣшилъ, я послала бы вамъ экземпляръ первой эпохи исторіи Россіи, въ нѣмецкомъ переводѣ, и мнѣ очень любопытно знать ваше мнѣніе объ этой вещи, которой, кажется, остались довольны всѣ, кто ее читали; ее

переписываютъ, но сомнѣваюсь, чтобъ она была готова къ отправкѣ этого письма".

Въ письмѣ 1—10 іюня:

„Представьте, что у меня случилось вчера: г. Фридрихъ Николаи въ Берлинѣ посылаетъ мнѣ напечатаннымъ нѣмецкій переводъ одной части bibliothèque Alexandrine.

„Что вы скажете о первой эпохѣ исторіи Россіи? Надо ли вамъ посылать остальное? Или, можетъ быть, это вамъ наскучаетъ?

„7 іюня. Чтобы вознаградить г. Фридриха Николаи въ Берлинѣ за то, что онъ присылаетъ мнѣ все, написанное имъ самимъ, я только-что послала ему рукопись всей bibliothèque Alexandrine, въ нѣмецкомъ переводѣ; что вы скажете еще объ этомъ?"

Въ письмѣ 16 августа:

„...Это пишется на оберткѣ второй эпохи исторіи Россіи, которая служитъ мнѣ подкладкой. Благодарите небо, что она еще не кончена и не переведена, потому что, еслибъ это было, она упала бы вамъ на голову какъ кусокъ свинца.

„...Да будетъ вамъ извѣстно, что уже четыре мѣсяца выходитъ въ Петербургѣ русскій журналъ [1]... Вообще, этотъ журналъ есть salmigondis весьма забавныхъ вещей. Я всунула туда первую эпоху исторіи Россіи, и ею вообще довольны; NB. это говорится изъ скромности, потому что успѣхъ, кажется, полный"...

Въ письмѣ, писанномъ отъ 20 сентября до 20 декабря 1783:

„...Я очень рада, что первая эпоха исторіи Россіи доставила вамъ удовольствіе, и dass Sie darinnen finden Kraft und Saft.

„Я пишу исторію въ мои часы досуга; когда мнѣ надо писать письма, я оставляю исторію; это совсѣмъ просто, не правда ли? Эта исторія печатается въ русскомъ журналѣ, который n'est pas de paille и который выходитъ каждый мѣсяцъ; столько-то царствованій въ мѣсяцъ, это даетъ исторію въ руки всѣхъ, и я не могу отрицать, что она имѣетъ успѣхъ; она считается за самую сносную изъ бывшихъ до сихъ поръ, и въ ней находятъ внушеніе ревности къ отечеству, которымъ согрѣвается чувство".

Въ томъ же письмѣ, подъ 13 октября:

„...Какъ бы вы смѣялись, еслибы прочитали множество галиматьи этого журнала („Собесѣдника"), но онъ не будетъ уже такъ хорошъ, потому что les bouffons журнала поссорились съ

---

[1]) Рѣчь идетъ о „Собесѣдникѣ".

издателями. Не кричите; я надѣюсь послать вамъ часть второй эпохи исторіи Россіи въ компаніи этого письма" [1]).

Подъ 19 декабря: „Я могла бы написать вамъ книгу о всѣхъ прекрасныхъ открытіяхъ, какія я дѣлаю каждый день, когда пишу или когда порчу (en gâtant) вторую эпоху русской исторіи; но бо̀льшую часть своихъ соображеній я соберу въ родъ общаго вывода (récapitulation), и послѣ этого вывода я окончу свою работу, потому что въ Москвѣ, въ архивѣ, помощники (les subdélégués) покойнаго Миллера [2]) составляютъ для Normalschulen исторію Россіи гораздо лучше моей; быть можетъ, при каждой эпохѣ я постараюсь потомъ сдѣлать общій выводъ по моей манерѣ; что̀ вы скажете объ этомъ?"...

Очевидно, рѣчь идетъ объ „Исторіи", которую поручено было составить Стриттеру.

Подъ 20 декабря: „Знаете ли вы, что несмотря на г. Леклерка, у котораго, по моему мнѣнію, нѣтъ здраваго смысла, исторія Россіи болѣе наполнена событіями и движеніемъ (remue-ménage), чѣмъ какая-нибудь исторія на свѣтѣ? Вотъ, приблизительно, планъ общаго вывода, который я хочу сдѣлать для второй эпохи:

1) Замѣчательные перевороты.

2) Послѣдовательныя перемѣны въ порядкѣ вещей.

3) О населеніи и финансахъ.

4) О договорахъ и документахъ.

5) Примѣры ревности или небреженія государей, и ихъ послѣдствія.

6) Замѣчанія о томъ, чего было бы можно избѣжать.

7) Примѣры мужества и другихъ особенныхъ добродѣтелей.

8) Черты пороковъ, какъ: жестокость, неблагодарность, невоздержность и пр., и ихъ послѣдствія.

„На этотъ разъ, я думаю, съ васъ довольно".

Въ письмѣ отъ декабря 24 образчики словопроизводства историческихъ именъ, которымъ какъ будто шутя, но въ сущности серьезно увлекалась Екатерина II и которымъ, съ подобнымъ успѣхомъ, увлекались тогда не только Сумароковъ и Тредьяковскій, но и Шлёцеръ. Въ концѣ письма говорится:

„...Знайте, что мы теперь заняты самыми странными разы-

---

[1]) Относительно этихъ указаній на „Собесѣдникъ" см. замѣтки Грота въ „Письмахъ имп. Екатерины II къ Гримму", Спб. 1878, стр. 289, 291, и „Сборникъ" Имп. Р. Истор. Общества, т. XX.

[2]) Знаменитый Герардъ-Фридрихъ Миллеръ умеръ передъ тѣмъ, 4 октября 1783, въ Москвѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ государственнымъ архивомъ.

сканіями о древнихъ славянахъ и что всѣ имена, которыя ничего не значатъ во всякомъ другомъ языкѣ, имѣютъ свои прекрасныя значенія на славянскомъ; напримѣръ: Ludwig, *lud* значитъ люди, dwig — идти (aller), это какъ бы: двигать, приводить въ движеніе людей; Ramir или Radmir значитъ радующійся миру: Rad—радующійся, mir—миръ. Не подвинулись ли мы въ этомъ впередъ? Но если вы не знаете, чтò значитъ какое-нибудь имя, смѣло обращайтесь къ намъ; мы вамъ это скажемъ. Мы знаемъ еще, что Рюрикъ, первый великій князь Россіи, до своего возвышенія въ этотъ санъ былъ во Франціи и въ Англіи, и помогалъ норманнамъ сдѣлать ихъ завоеваніе. Сообщивъ вамъ сполна мои глубокія познанія, говорю вамъ прощайте, и желаю, чтобъ онѣ показались вамъ столько же интересны, какъ намъ, которые собираемъ по годамъ подвиги славянъ изъ всѣхъ возможныхъ исторій; après cela vous trouverez à qui parler".

Въ письмѣ отъ 9 сентября 1784:

„...Пока" (въ ожиданіи выздоровленія отъ болѣзни) „я прочитала полъ-дюжины русскихъ лѣтописей и три тома „Monde primitif" [1]). Знаете ли вы эту книгу? Я велѣла также достать мнѣ словари, какіе только я могла найти, между прочимъ финскій, черемисскій, вотяцкій, и этимъ наполнены всѣ мои столы; кромѣ того я собрала много свѣдѣній о древнихъ славянахъ, и скоро я буду въ состояніи показать, что они дали имена бòльшей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и странъ Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ мѣстъ".

Въ письмѣ отъ 14 сентября—12 октября 1784 упоминается о посылкѣ двухъ тетрадей (cahiers) русской исторіи въ нѣмецкомъ переводѣ, и затѣмъ опять длинныя истолкованія историческихъ именъ народовъ и лицъ изъ славянскаго языка. Толкованія, конечно, совершенно произвольны и основàны только на созвучіи. Напримѣръ: „...Это только для васъ однихъ, потому что это еще не достаточно выработано: именно, что салійцы и салическій законъ, Хильперикъ I, Кловисъ и весь родъ Меровеевъ были славянскаго происхожденія, также какъ всѣ вандальскіе короли Испаніи... Не удивляйтесь больше, что французскіе короли принимаютъ присягу на славянскомъ евангеліи при ихъ короновании въ Реймсѣ" [2])... Отмѣтимъ еще отзывъ объ авторѣ

[1]) Это была книга французскаго филолога конца XVIII вѣка, Court-de-Gébélin: Paris, 1773—81, 8 томовъ. Екатерина II нѣсколько разъ возвращается въ письмахъ къ этой книгѣ, которая очень ее интересовала и ей нравилась; см., напр., письма 17 сентября 1784, 5 марта, 10 августа 1785.

[2]) Рѣчь идетъ о знаменитомъ Реймсскомъ евангеліи.

„Monde primitif": „Еслибы г. Куръ-де-Жебеленъ зналъ по-славянски или по-русски, онъ сдѣлалъ бы еще больше интересныхъ открытій. Я считаю его всеобщую грамматику однимъ изъ превосходнѣйшихъ сочиненій, какія явились въ этомъ вѣкѣ" [1]).

Въ письмѣ отъ 20 февраля 1785 Екатерина замѣчаетъ, что „русская исторія спитъ".

Въ письмѣ отъ 15 апрѣля 1785, говорится мимоходомъ о древнемъ славянствѣ по поводу Герцберга: „... Что за скучная роль г. Герцберга! Каждый годъ правильно онъ усыпляетъ свою академію, и никто не обращаетъ вниманія на эти безконечныя диссертаціи; кромѣ того онъ усиливается заглушить историческія истины: онъ утверждаетъ, что славянъ никогда не было въ государствѣ его короля, тогда какъ всѣ ихъ города и деревни носятъ славянскія имена, также какъ рѣки, озера и горы; о, если я когда-нибудь разверну передъ вами мои открытія по этимъ тремъ пунктамъ, вы разинете ротъ, но такъ какъ это можетъ кончиться зѣвотой, то я остерегусь повергать васъ въ эти глубины"...

Затѣмъ въ письмахъ къ Гримму надолго перерывъ извѣстій о „Запискахъ"; онѣ возвращаются въ письмѣ отъ 28 іюня—5 августа 1793. Подъ этимъ послѣднимъ днемъ Екатерина пишетъ: „Уголъ моего стола заваленъ вашими письмами, на которыя я должна отвѣчать, и чтобы не забыть, я положила на вашихъ письмахъ старую ливонскую хронику. Но у меня нѣтъ времени отвѣчать, потому что я составляю второй томъ генеалогіи для исторіи Россіи: NB, что всѣ, кто касался исторіи Россіи, впадали въ одну ошибку за другой, потому что не имѣли этого генеалогическаго порядка, который мы имъ дадимъ. Первый томъ уже напечатанъ и считается классической книгой, съ которой надо справляться на каждомъ шагу, какой дѣлаешь въ исторіи Россіи; онъ кончается 1224 годомъ, гдѣ начинается второй, который идетъ до настоящаго времени. О, какъ прекрасна эта номенклатура! Это по истинѣ работа лѣниваго ума, у котораго нѣтъ идеи. Г. Елагинъ, который изложилъ русскую исторію въ стилѣ декламаторскомъ, потому что онъ краснорѣчивъ и скученъ, теперь переправляетъ свою исторію по нашей генеалогіи. Я нахожу теперь въ этой генеалогіи все то, что̀ имѣетъ отношеніе къ исторіи, совсѣмъ какъ Вестрисъ [2]) читалъ настоящее счастіе Франціи въ менуэтѣ тогдашняго дофина"...

---

[1]) Ср. замѣчанія въ письмѣ отъ 10 авг. 1785.

[2]) Знаменитый балетмейстеръ.

Въ письмѣ отъ 12 января 1794:

„Небо назначило этотъ день очевидно для того, чтобы я представила вамъ свои поздравленія къ новому году, потому что до сихъ поръ я не имѣла для этого ни минуты, благодаря дѣламъ и старымъ лѣтописямъ. Достигши 1321 года, я сдѣлала паузу и отдала переписать страницъ восемьсотъ de griffonnage. Вообразите себѣ, какая страсть (quelle rage) писать о древнихъ событіяхъ, о которыхъ никто не заботится и, я увѣрена, никто не будетъ читать, исключая двухъ педантовъ, одинъ—по имени Фолькнеръ (Volckner), мой переводчикъ, другой—Буссе, библіотекарь академіи, который усиленно хвалитъ мою точность и пр. въ журналахъ, которыхъ не читаютъ въ Европѣ и четыре человѣка, а я довольна, что привела въ порядокъ все то, что̀ можетъ служить для исторіи Россіи, лучше чѣмъ было сдѣлано до сихъ поръ. Можно бы сказать, что мнѣ платятъ за это, столько я прилагаю къ этому заботы, труда, соображенія и проницательности, и когда я кончаю страницу, я говорю: „ахъ, какъ это хорошо, это прекрасно, это превосходно“,—но я остерегаюсь сказать это кому-нибудь, кромѣ васъ, потому что надо мной стали бы смѣяться, какъ вы можете представить.... Что касается Елагина, онъ умеръ, и его исторія останется, вѣроятно, не конченной; но онъ оставилъ неслыханный ворохъ (fatras inoui), написанный имъ о масонствѣ, который показываетъ, что онъ сошелъ съ ума“.

Дальше увидимъ, что въ архивахъ сохранилась громадная масса бумагъ импер. Екатерины, относящихся къ „Запискамъ касательно россійской исторіи“; въ государственномъ архивѣ находится также и „неслыханный ворохъ“ масонскихъ бумагъ и твореній Елагина.

Въ письмѣ отъ 26 августа 1794 Екатерина упоминаетъ мимоходомъ о своей работѣ: „ахъ, мои любезныя лѣтописи, вы спокойно отдыхаете; когда я снова растревожу васъ? Я нахожусь теперь въ 1368 или 1369 году“.

Въ письмѣ отъ 5 апрѣля 1795 Екатерина возвращается къ упомянутой раньше полемикѣ съ Герцбергомъ... „Cette pécore de Hertzberg seule mérite d'être tapée d'importance: у него не больше знаній въ исторіи, чѣмъ у моего попугая. Онъ осмѣливается говорить, что Россія не могла предъявить никакихъ правъ (point de titres à produire), когда овладѣла Полоцкомъ; онъ могъ сказать, что Россія не придавала значенія правамъ слишкомъ старымъ (surannés). Потому что Полоцкъ данъ былъ Владиміромъ I его старшему сыну Изяславу; онъ былъ старшій изъ

двѣнадцати сыновей Владиміра I, между которыми отецъ раздѣлилъ свои области, когда женился на Аннѣ, дочери греческаго императора, и сталъ христіаниномъ и отослалъ шесть своихъ женъ и ихъ дѣтей въ назначенные имъ удѣлы. Итакъ, отъ этого старшаго сына Владиміра произошли князья Полоцкіе; потомъ, великій князь литовскій Владиміръ I далъ Литву своему сыну Святославу, не имѣвшему потомства. Пятый сынъ Ольгерда, въ 1386, Ягеллонъ или Яковъ сдѣлался королемъ польскимъ и принялъ католичество подъ именемъ Владислава, женившись на Гедвигѣ, королевѣ и наслѣдницѣ Польши. Такимъ образомъ онъ присоединилъ Литву къ Польшѣ". Дальше Екатерина II пишетъ по-нѣмецки: „Но глупый, невѣжественный государственный министръ ничего объ этомъ не знаетъ; высокомѣріе дѣлаетъ его невѣжественнымъ, и глупымъ и грубымъ, какъ померанскій быкъ. Der ungemästete (le feu roi le laissait mourir de faim selon son prорre aveu) не знаетъ, что не только Полоцкъ, но и цѣлая Литва всѣ дѣла во всѣхъ дикастеріяхъ до самаго 17 вѣка производила на русскомъ языкѣ, что всѣ литовскіе архивы писаны на русскомъ языкѣ, что всѣ акты писаны русскими буквами на русскомъ языкѣ, что годы отъ сотворенія міра обозначены по нашему греческому церковному обычаю и что даже обязательно каждый разъ указываются греческіе церковные индикты; что это доказываетъ, что въ самомъ 17-мъ столѣтіи греческая религія была dominante не только въ Полоцкѣ, но и въ цѣлой Литвѣ, и была религіей князей и великихъ князей, что тамъ всѣ церкви, особенно главныя церкви, всѣ построены алтаремъ на востокъ, по обычаю Восточной церкви: если вамъ нужно больше доказательствъ, то можете требовать, истину показать не трудно". (Далѣе по-французски:) „Кромѣ того, Полоцкъ двадцать разъ былъ взятъ и отнятъ, и ни одинъ договоръ не заключался безъ того, чтобы та или другая сторона не возбуждала требованій части или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ". (Опять по-нѣмецки:) „Глупый государственный министръ можетъ быть еще больше durchgedroschen werden по случаю его невѣжества о народахъ, которые онъ приписываетъ къ владѣніямъ своего глупаго господина. Оселъ!" (Конецъ опять по-французски:) „Вы видите, что въ этой диссертаціи вѣжливость уступила желанію васъ посмѣшить; впрочемъ, диссертаціи педантовъ бываютъ не всегда вѣжливы, когда ихъ увлекаетъ гнѣвъ или усердіе, какъ вы это очень хорошо знаете, а я очень хорошо подкована обо всемъ этомъ, имѣя дѣло съ архивами и лѣтописями, какъ вамъ также не безъизвѣстно".

Въ письмѣ отъ 13 апрѣля 1795, по поводу графа Н. П.

Румянцова, съ которымъ Гриммъ былъ знакомъ, когда Румянцовъ былъ резидентомъ во Франкфуртѣ:

„Я поздравляю графа Николая Румянцова, что онъ знаетъ, кто Рюрикъ, первый князь своей династіи въ Россіи. Мои догадки объ этомъ напечатаны въ драмѣ Рюрикъ съ комментаріями Болтина [1]); но кто знаетъ больше, тому и книги въ руки, говоритъ русская пословица.

„Чтобы отвѣтить на второй вопросъ: какой народъ Несторъ называетъ руссами? я думаю, что на это можно бы отвѣчать, но это могло бы повлечь работу, которой полезно избѣжать весной. Относительно словъ, поставленныхъ въ свобкахъ („и Польша тоже всю Русь"), я просила бы, чтобы не говорили „Польша", но вмѣсто „Польша" поставили „Литва", и это было бы правильно, и та часть этого письма, гдѣ бичуется невѣжество великаго Герцберга, достаточно это доказываетъ. Но Польша, столицею которой былъ въ древности Краковъ, есть страна особая, быть можетъ, также населенная славянами, какъ это можетъ доказать ихъ языкъ"... Дальше опять нѣкоторыя этимологическія соображенія о славянскомъ языкѣ и о громадномъ распространеніи славянскаго народа въ древности.

Въ запискѣ Екатерины, помѣщенной въ изданіи Грота при письмѣ отъ 25 мая 1795:

„... „Не рѣшаюсь внести мои догадки относительно Рюрика въ исторію, такъ какъ онѣ основывались только на нѣсколькихъ словахъ, спрятанныхъ Несторомъ въ его лѣтописи, и одномъ мѣстѣ Далина въ его исторіи Швеціи, и читая тогда Шекспира по-нѣмецки, я вздумала внести свои догадки въ драму, въ 1786, и она была напечатана. Никто не обратилъ вниманія на это оригинальное сочиненіе, которое никогда не было играно на сценѣ, и я отправилась въ Тавриду. Въ 1792 году покойный Болтинъ прислалъ мнѣ, черезъ Пушкина, прокурора синода, свою критику на князя Щербатова и его исторію Россіи, и такъ какъ они много занимались исторіей Россіи и я была рада отдать на суровую критику Болтина ce que je griffonnais объ исторіи, я сказала однажды Пушкину, что эта драма заключала мои догадки относительно Рюрика, но что никто не обратилъ на нихъ вниманія, и оказалось, что ни Болтинъ, ни Пушкинъ никогда ее не читали и не видали. Когда драма попала въ руки Болтина, онъ сталъ ее комментировать и просилъ меня велѣть ее напечатать съ его комментаріемъ, что̀ онъ и сдѣлалъ; а

---

[1]) Рѣчь объ этомъ шла также въ письмѣ отъ 27 августа. „Письма", стр. 605.

слова Нестору говорятъ, что Гостомыслъ, славянскій князь, царствовавшій въ Новгородѣ, сказалъ, умирая, чтобы взяли въ князья на его мѣсто князей, которые покрыли себя славою въ прошлыхъ войнахъ: Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки отъ его старшей дочери.

„Далинъ говоритъ, что на сѣверѣ въ старину почиталось стыдомъ не только для князей, но и для всякаго родовитаго человѣка, не служить когда-нибудь на морѣ. Итакъ, надо было искать въ седьмомъ (?) вѣкѣ, когда происходили главныя морскія войны, и наши три князя очень легко нашли тамъ свое видное мѣсто...

„Вотъ жизнеописаніе св. Александра, Туманскаго. Но это— не лучшее. Жизнеописаніе св. Александра, напечатанное, но, можетъ быть, еще не переведенное, въ шестомъ томѣ моего собранія, которое г. Буссе титуловалъ Aufschreibungen, потому что по-русски оно называется „Записки“, оставляетъ прежнее далеко позади, и я съ увѣренностью вызываю найти больше, чѣмъ тамъ есть“.

Въ письмѣ отъ 16 сентября 1795 опять идетъ рѣчь объ историческихъ фактахъ польскихъ отношеній:

„Слушайте о Польшѣ историческое евангеліе, которое я докажу, съ документами на лицо. Польша, въ началѣ и до 1386 г., состояла изъ палатината Краковскаго, Сендомирскаго, Мазовіи и того, что̀ называютъ Великою Польшею за Вислой. Въ 1386, Гедвига, королева польская, вышла замужъ за Ягеллона, великаго князя литовскаго, происходившаго, по прямой линіи, отъ Владиміра I, великаго князя Россіи, который далъ своему старшему сыну Изяславу Полоцкъ, а другому Литву, которая по наслѣдству перешла къ линіи Изяслава. Такимъ образомъ, въ раздѣлѣ я не имѣла на свою долю ни дюйма Польши, но то, что̀ сами поляки не переставали называть Червонной Русью, палатинатомъ кіевскимъ, подольскимъ и волынскимъ, котораго столицей былъ городъ Владиміръ; эта столица была построена Владиміромъ I, въ 992, а Литва никогда не входила въ составъ Польши, также какъ Самогитія. Такимъ образомъ, не взявши ни дюйма Польши, я не могу также принять титула королевы польской. Кромѣ того, если эта нація потеряла даже свое имя, мнѣ кажется, что она могла бы и заслужить этого, нарушивъ сама всѣ договоры, которые обезпечивали ея существованіе, не хотѣвши никогда слышать никакого резона и потерявъ всякое слово примиренія, когда два человѣка никогда ни въ чемъ не соглашались. Продажные, испорченные, легкомысленные, болтли-

вые, притѣснители, прожектеры, предоставляющіе управлять своими частными имѣніями евреямъ, которые сосали ихъ подданныхъ и имъ давали очень мало: вотъ въ одномъ словѣ поляки tout crachés. Они не знаютъ даже, что въ моемъ владѣніи нѣтъ ни одного дюйма Польши, и предлагаютъ мнѣ быть королевой польской! Передъ тѣмъ они просили у меня моего внука, у короля прусскаго—его сына, у вѣнскаго двора—эрцгерцога, все это за разъ; у курфирста саксонскаго—его дочери, у короля испанскаго—инфанта, у дома Бурбоновъ—принца, а у себя дома ставили закономъ имѣть только Пяста. Все это очень хорошо укладывается въ польской головѣ, хотя въ этомъ и нѣтъ здраваго смысла".

Въ письмѣ 18 сентября 1795:

„Я совершенно согласна съ шотландскимъ пёромъ относительно Петербурга. Но по исторіи Россіи, владѣтели сѣвера имперіи легко становились господами юга этой имперіи. Владѣтели юга, безъ сѣвера, всегда были слабы и вялы въ своей власти. Но сѣверъ могъ очень хорошо обходиться безъ юга или южныхъ провинцій. А столица этой имперіи, на мой взглядъ, еще не найдена, и вѣроятно не я ее найду. Еслибы во время шведской войны я не была здѣсь, нужно было бы на шестьдесятъ тысячъ войска больше, чтобы обезпечить насъ отъ этого стремительнаго нападенія"...

Кромѣ древней исторіи,—которою, какъ мы видѣли, Екатерина воспользовалась и для событій новѣйшихъ, именно для объясненія польскихъ отношеній,—въ письмахъ къ Гримму не однажды заходила рѣчь объ ея собственной исторіи, въ первый разъ еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Такъ, въ запискѣ отъ 4 марта 1778, начатой по-французски и продолжаемой по-нѣмецки:

„Ce 24 mars. La missive du sieur patriarche a retardé celle-ci jusqu'à ce jour; la voilà.

„А еслибы вы знали, какое большое 16-лѣтнее изслѣдованіе (Prüfung,—или испытаніе, экзаменъ) мы предприняли! да, можно сказать, изслѣдованіе, которое не многимъ придетъ въ голову и которое не всякій можетъ сдѣлать—за недостаткомъ матеріала или другихъ документовъ; наше столь богато, что иного при récapitulation разберетъ скука. Подождите немного; вы узнаете кое-что объ этомъ; это—предисловіе, называемое Prüfung, маленькій образчикъ дѣлъ, разсказовъ, писанья и молчанья, при хорошемъ нюхательномъ табакѣ (kleines Exempelchen von Thun und

Lassen, von Sagen, Schreiben und Schweigen, vor gutem Nasenschnupftoback“).

Гротъ замѣчаетъ, что здѣсь разумѣется „записка о 16-ти первыхъ годахъ царствованія Екатерины II, ею самою составленная“. „Къ сожалѣнію,—прибавляетъ онъ,—въ Государственномъ архивѣ сохранилась (и то въ копіи) только небольшая часть этой любопытной записки, именно то самое начало ея, которое было напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1865, стр. 480“.

Дальше встрѣчаемъ еще упоминаніе объ этомъ въ письмѣ отъ 24 августа 1778:

„Потерпите, вы получите die sechzehnjährige Prüfung, какъ оно вышло изъ-подъ моего пера. Вы можете быть увѣрены, что мы не сдѣлали ничего лучше, но такъ какъ у всѣхъ нѣтъ моихъ дѣлъ въ головѣ (tout le monde n'a pas mon ménage dans sa tête), какъ у меня, то есть нѣсколько темныхъ мѣстъ, которыя выправляютъ (on arrange) на моихъ глазахъ и на глазахъ князя Потемкина, который—вовсе не льстецъ по характеру—считаетъ эту вещь мастерскимъ произведеніемъ и чрезвычайно интересуется ея исполненіемъ. Кн. Орловъ также находитъ ее очень хорошей; г. Шуваловъ говоритъ, что это пьеса академическая; другіе плачутъ, читая ее; иные возбуждаются. Я съ своей стороны нахожу, что тамъ есть длинный рядъ важныхъ идей (grandes idées), предметъ самъ по себѣ такъ обширенъ, что это утомляетъ вниманіе, и что поэтому немногіе въ состояніи слѣдить за чтеніемъ, которое слишкомъ быстро опять по множеству вещей, которыя здѣсь заключаются, тѣмъ болѣе что стиль отличается чрезвычайной точностью (concision précieuse), но этимъ самымъ увеличивается трудность слѣдить для всѣхъ тѣхъ, кто не привыкъ къ дѣламъ или къ изученію“.

„PS. (По-нѣмецки). Шестнадцатилѣтнее изслѣдованіе есть зеркало, гдѣ видны многія вещи и причина многихъ вещей. (По-французски). Мы даемъ немного отчетъ въ вещахъ, никакъ однако не подавая объ этомъ вида; это идетъ совсѣмъ естественно, и можно бы побожиться, что совсѣмъ необходимо, чтобы это было такъ; кромѣ того, прочитавши это, вы сказали бы, что вы все это знаете, и вы это знали, но знали не изъ написаннаго“.

Послѣднее упоминаніе о Prüfung находимъ въ двухъ словахъ въ письмѣ отъ 17 декабря 1778: „...Что касается до перевода sechzehnjährige Prüfungen, это въ настоящее время невозможно, потому что Соломонъ говоритъ: alles hat seine Zeit (всему свое время)“.

Отмѣтимъ еще отзывъ изъ послѣднихъ лѣтъ ея жизни, о чужой книгѣ, панегирикѣ.

„Catharina in ihren Thaten! таково заглавіе книги, которую я вынула изъ трехъ обертокъ, въ какія вамъ заблагоразсудилось ее завернуть,—писала Екатерина 4 декабря 1793.—Послушайте, наконецъ, souffre-douleur, непозволительно хвалить такъ людей безъ всякой мѣры, чтобы не прослыть крайнимъ льстецомъ, и авторъ совсѣмъ представляется такимъ; и вотъ въ мои старые годы я стала образцомъ царей, если ему вѣрить. Боже мой, Боже мой, какой плохой образецъ, если вѣрить всему тому дурному, что̀ обо мнѣ говорили и что̀ еще говорятъ! Знаете ли вы, что пользу приносили мнѣ не похвалы, но, когда говорили обо мнѣ дурно, тогда я съ благородной увѣренностью говорила себѣ, смѣясь надъ ними: отмстимъ, сдѣлаемъ ихъ лгунами! Но это славословіе похвалъ (kyrielle de louanges)—что это, къ чему оно годно? Это длинно и скучно читать, и больше ничего".

Книга, присланная Гриммомъ, называлась собственно такъ: „Catharina II dargestellt in ihren Werken zur Beherzigung der Völker Europens" (Berlin, 1794); авторомъ ея былъ нѣкто Мюллеръ, и хотя на ней поставленъ 1794 годъ, она вышла въ 1793. Что касается ея содержанія, отзывъ Екатерины былъ совершенно вѣренъ; намъ достаточно привести слова г. Бильбасова:

„Никакихъ „дѣлъ" Екатерины авторъ не разсматриваетъ по очень простой причинѣ—онъ ихъ не знаетъ; авторъ просто нанизываетъ рядъ хвалебныхъ отзывовъ, при чемъ ярко выступаетъ его невѣжество и наглость" [1]).

Мы имѣемъ пока очень неопредѣленныя извѣстія объ „Историческомъ собраніи", которое учреждено было имп. Екатериной въ декабрѣ 1783 года подъ начальствомъ гр. Андрея Петровича Шувалова. Въ это время значительная часть ея собственныхъ „Записокъ касательно россійской исторіи" была уже напечатана въ „Собесѣдникѣ" этого года (гдѣ онѣ помѣщались со 2-й книжки журнала); впослѣдствіи, въ полномъ составѣ, „Записки" изданы были вновь въ шести частяхъ въ 1787—94 годахъ [2]).

„Историческое собраніе", какъ увидимъ, должно было заняться тѣми же предметами, на которыхъ останавливалась импе-

[1]) Исторія Екатерины Второй. Томъ двѣнадцатый, часть первая. Берлинъ (1896), стр. 512—513.

[2]) Часть 1—4, 1787; ч. 5-я, 1793; ч. 6-я, 1794. Второе изданіе, 1801 года, совершенно тождественно съ этимъ; припечатана лишь новая обложка.

ратрица въ „Запискахъ“, и съ той же точки зрѣнія: требовалась та же чисто внѣшняя исторія въ хронологическомъ порядкѣ,—но, повидимому, предполагалась бо̀льшая подробность изложенія.

Документъ, утверждавшій основаніе „Собранія“, изданъ былъ въ 1830, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина, въ извѣстіи о книгѣ, которая уже тогда считалась большой библіографической рѣдкостью: „Выпись хронологическая изъ исторіи Русской“ [1].

Рѣдкость книги, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ свѣдѣній о „Собраніи“, видны изъ слѣдующаго. Въ библіотекѣ Академіи Наукъ имѣется экземпляръ „Выписи“, подаренный въ 1837 году библіотекѣ Россійской Академіи извѣстнымъ въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ историкомъ Ст. Руссовымъ, и здѣсь въ началѣ книги приклеенъ листъ, гдѣ Руссовъ привелъ копію этого документа (не весьма исправную), не зная, что уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ былъ напечатанъ въ „Отеч. Запискахъ“.

Выписавъ документъ, Руссов прибавлялъ:

„Лѣтъ около 20 назадъ случайно попался мнѣ одинъ екземпляръ трудовъ описаннаго выше собранія; покорнѣйше прошу Россійскую Императорскую Академію принять оной отъ меня въ даръ для помѣщенія въ ея библіотекѣ.—Ст. Руссовъ.—Ноября 27, 1837 года“.

Такимъ образомъ Руссовъ считалъ „Выпись“ плодомъ трудовъ „Историческаго собранія“; но предположеніе его не имѣло основанія; самый документъ былъ извѣстенъ ему въ неисправной копіи и дата его помѣчена 14-мъ ноября 1783, вмѣсто 4-го.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ документъ приведенъ въ слѣдующемъ видѣ:

„ДОКЛАДЪ.

„Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила подъ начальствомъ и наблюденіемъ Графа Андрея Петровича Шувалова назначить нѣсколько человѣкъ, коихъ совокупные труды составили бы полезныя записки о древней исторіи, наипаче касающейся до Россіи.

„Число членовъ таковаго собранія назначается до *десяти человѣкъ*, которыхъ Графъ Андрей Петровичъ, избравъ, имѣетъ *Ея Величеству* представить. Между ими три или четыре должны быть такіе, кои не были бы обременены другими должностями,

---

[1] Въ статьѣ: „Библіографическое извѣстіе. Выпись хронологическая изъ исторіи Русской“,—„Отеч. Зап.“, часть сорокъ вторая, апрѣль 1830, № 120, Смѣсь, стр. 131—141.

или же по крайней мѣрѣ могли имѣть достаточное время трудиться по сему поручаемому имъ дѣлу, хотя имѣя за таковой трудъ и нѣкоторое особое жалованье; прилежность и точность, при выборѣ въ сіе мѣсто, долженствуютъ предпочтены быть остроумію.

„Началомъ ихъ упражненія будетъ осьмый вѣкъ, потомъ седьмый, за тѣмъ шестый, и такъ постепенно входить изъ вѣка въ вѣкъ до той древности, куда только писатели ихъ руководствовать могутъ.

„Слогъ, ими употребляемый, да будетъ простой, краткій и ясный. Сіи три качества тутъ прямо свойственны и всегда наблюдаемы быть должны.

„Назначаемые къ сему упражненію, разберутъ между собою древнія Россійскія лѣтописи, и внѣшнихъ писателей сочиненія по матеріямъ, какъ-то, исторіи: Греческой Имперіи, Германіи, Польши, Испаніи, Даніи, Венгріи, Швеціи, Франціи, Англіи, Калифовъ Египетскихъ и Аравскихъ, Китайцевъ и проч.

„Работа каждаго изъ нихъ, состоящая въ краткой выпискѣ, долженствуетъ быть подвержена единообразному порядку всѣми наблюдаемому, то-есть: чтобъ всякая статья содержала въ себѣ теченіе пяти лѣтъ, на примѣръ, отъ 800-го года до 805-го, отъ 805 до 810-го и такъ далѣе, а пять таковыхъ статей составятъ полное число, для отдачи тетради въ печать. По чему каждый нумеръ, изъ печати выходящій, содержать будетъ двадцать пять лѣтъ или четверть вѣка, что, кажется, имѣетъ удобность для сочинителей и для читателей.

„Каждый, упражняющійся въ семъ дѣлѣ, когда принесетъ свою краткую выписку изъ двадцати пяти лѣтъ, той или тѣхъ исторій, такой-то земли, кои взялъ на себя, то и потребно будетъ всѣ сіи выписки или записки переписать и поставить въ такой порядокъ, чтобъ вдругъ можно было обнять взоромъ, по крайней мѣрѣ теченіе пятилѣтняго времени исторій. Лучшимъ сему примѣромъ служить будетъ книга: L'art de verifier les dates, съ тѣмъ что удобнѣе будетъ для читателя поставить графы не вдоль, а поперегъ, потому, что длина строкъ ничего не мѣшаетъ, напротивъ того отмѣнная краткость ихъ, что непремѣнно послѣдуетъ, когда графы будутъ вдоль, отягощаетъ и нѣсколько безпокоитъ читателя.

„Хотя работа сія весьма сокращена была бы, ежели бы только выписывать одно до Россіи касающееся; но для лучшаго порядка, и для доставленія вящшей точности, потребно сдѣлать сперва выписки изъ разныхъ земель и народовъ, что-бы послѣ

оттуда заимствовать для Россійской Имперіи [1]) экстрактъ или экстракта.

„Впрочемъ таковая работа, будучи сдѣлана, можетъ обращена быть на пользу изданіемъ ея въ печать, для просвѣщенія юношества въ исторіи, при ихъ воспитаніи. Что же точно до Россіи относится, въ которой либо исторіи: означать въ печати отличнымъ наборомъ буквъ, или отмѣтками, употребляемыми въ тисненіяхъ.

„Какъ сіе собраніе будетъ состоять подъ *Высочайшимъ* покровительствомъ *Ея Императорскаго Величества*, то начальствующій надъ онымъ, раздѣляя трудъ между членами, наблюдая въ успѣшномъ и порядочномъ его теченіи, исправляя ошибки, и собирая всѣхъ членовъ по надобности и по его усмотрѣнію, обязанъ будетъ доносить *Ея Величеству* объ успѣхѣ, представлять труды собранія и отдавать, по *Высочайшему* дозволенію, въ печать.

„Труды сего собранія будутъ печатаемы въ вольной типографіи, на Кабинетскомъ иждивеніи; а на всякіе расходы по собранію отпущены будутъ на первое время тысяча рублей изъ Кабинета, кои въ расходъ употребляются по распоряженію начальствующаго; по издержаніи же ихъ онъ подаетъ краткую вѣдомость *Ея Величеству*, для полученія вновь потребной суммы.

„*Высочайшая* Резолюція: *Быть по сему*.

„1783. 4 Декабря. Екатерина".

Приводимъ нѣсколько подробностей изъ библіографической замѣтки „Отеч. Записокъ", указывающихъ между прочимъ странную судьбу этой книги.

„Одна книга (т.-е. „Выпись") въ 4 д. л. на 224 страницахъ, безъ означенія мѣста и года печатанія; но вѣроятно въ С.-Петербургѣ, и не прежде 1783 года издана на счетъ Кабинета Е. И. В. Содержитъ въ себѣ: краткое показаніе событій въ Россіи и владѣтельныхъ въ ней Великихъ и удѣльныхъ Князей, съ современниками ихъ, по большой части Европейскихъ Государей, начиная отъ смерти Гостомысла, сына Буривоя Новгородскаго, или съ 860 года... Выпись сія доведена только до 1141 года... Событія и имена Русскихъ Князей помѣщены въ особыхъ графахъ для каждаго Княженія, въ видѣ таблицы, сообразно съ ходомъ Великаго Княженія; изъ современниковъ же ихъ, занимающихъ послѣднюю графу, или край правой или лѣвой страницы, показаны сверхъ Европейскихъ Владѣтелей, четыре

[1]) Такъ въ текстѣ; должно быть: „Исторіи".

Патріарха вселенскіе, Митрополиты Всероссійскіе, Папы Римскіе; а изъ внѣ-Европейскихъ государей: Аравійскіе и Египетскіе Калифы, Алепскіе, Иконіумскіе и Дамасскіе Султаны. Въ сей же книгѣ оставлено 16 пробѣловъ или порозжихъ мѣстъ для изображенія лицъ нѣкоторыхъ Князей, и знатнѣйшихъ событій. Таковыхъ изображеній уже приготовлено было до сорока, изъ коихъ каждое особенно выгравировано на мѣдныхъ доскахъ (длин. 7, шир. 4½ англійск. дюйм., *Макаровымъ* и *Харитоновымъ*, какъ на нѣкоторыхъ означено). Самые же кружки въ видѣ медалей, на которыхъ изображены лица Князей, величиною до 3-хъ Англійск. дюйм. въ поперечникѣ; вырѣзаны всѣ почти на оныхъ доскахъ съ лѣвой руки такъ, что они занимаютъ только половину мѣста, а другая оставлена вѣроятно для изображенія относящихся къ симъ лицамъ событій. Гравировка довольно хороша, по тому времени, въ которое приготовлялось сіе изданіе"... (Указываются далѣе страницы, къ которымъ должны относиться изображенія, и имена князей, и также списокъ 20 изображеній для продолженія книги). „Оттиски сихъ изображеній могутъ составить и особую тетрадь или папку, если кто пожелаетъ оныя изображенія и портреты имѣть въ видѣ атласа, одной съ книгою величины или формата въ 4-ю же долю листа.

„При изслѣдованіи объ изданіи сей книги, недавно лишь (?) показавшейся въ свѣтъ [1]) и въ небольшомъ числѣ экземпляровъ въ описанномъ здѣсь видѣ, а до того едва ли кому извѣстной (кромѣ 2 экз., хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ и 1 экз. въ собраніи рѣдкихъ книгъ А. Ф. Смирдина), не можно было получить обстоятельныхъ свѣдѣній; по соображеніи же оной съ извѣстными всякому любителю отечественныхъ дѣяній, *Записками касательно Россійской Исторіи...* [2]), нѣтъ сомнѣнія, что это одно и то же сочиненіе Императрицы Екатерины Великой. Оно также издано и на нѣмецкомъ языкѣ, въ Библіотекѣ для Великихъ Князей Александра и Константина (Bibliothek der Grossfürsten Alexander und Constantin), Берлинъ 1784—1786 г., 7 книгъ, 12 д. л., и помѣщено въ послѣднихъ 4 книжкахъ сего изданія. Здѣсь сіи записки доведены: съ 862 до 1157 года (Георгій II) и также какъ въ обоихъ русскихъ изданіяхъ напечатаны не въ видѣ таблицъ, очевидно потому, что не позволялъ форматъ въ 8 и 12 долю листа. Причину выгоднѣйшаго *описываемаго* теперь *изданія* въ 4 д. л. съ пред-

[1]) Руссовъ, какъ выше упомянуто, писалъ въ 1837 году, что пріобрѣлъ эту книгу лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ.

[2]) Приведенныя здѣсь указанія изданій „Записокъ" не вполнѣ точны.

ставленіемъ событій въ графахъ, равно какъ и обстоятельства *составленія* такихъ *таблицъ*, можно усмотрѣть изъ прилагаемой при семъ весьма любопытной статьи: Высочайше утвержденный докладъ 1783 года, Декабря въ 4 день [1]). Хотя же намъ и не извѣстны имена тѣхъ лицъ (*до десяти Членовъ*), которые по сему Докладу предназначались быть сподвижниками своей Ученой Государыни въ приготовленіи припасовъ для Отечественной Исторіи и остается ожидать отъ ревностныхъ любителей подробнѣйшаго объясненія сего близкаго къ Русскому сердцу обстоятельства; но между тѣмъ находимъ явные слѣды, что сей чести удостоены были два знаменитые Профессоры бывшіе въ Московскомъ Университетѣ: 1) Антонъ Алексѣевичъ *Барсовъ* († 1791), отвергшій изъ любви къ наукамъ предложеніе Князя Потемкина-Таврическаго, который съ высоты счастія своего простиралъ къ нему руку дружбы, какъ бывшему своему наставнику въ Москвѣ, и отвѣчавшій ему словами истиннаго мудреца: „Я и въ своемъ состояніи счастливъ". 2) Харитонъ Андреевичъ *Чеботаревъ* († 1815), отказавшійся съ такой же скромностью ученаго отъ лестнаго званія Библіотекаря Екатерины Великія. Оба они, какъ видно изъ ихъ жизнеописаній, представили въ кабинетъ сей Государыни, по волѣ Ея возложенные на нихъ труды свои для записокъ Русской Исторіи, начертанныхъ тою же Десницею, которая не довольно долго устрояла, но на долго устроила счастье Россіи. А все сіе не убѣждаетъ ли каждаго просвѣщеннаго Россіянина обратить на сію полезную книгу особеннаго своего вниманія?"

Затѣмъ, въ библіографическомъ извѣстіи находимъ любопытное указаніе, что какъ „Выпись", такъ и атласъ къ ней находились въ продажѣ.

„Книгу сію: *Выпись хронологическую изъ исторіи Русской*,— читаемъ здѣсь, — съ вышеписаннымъ Атласомъ, заключающимъ сорокъ историческихъ изображеній и портретовъ на хорош. бум., въ 2 папкахъ переплетенныхъ, получить можно по 35 руб. въ небольшой книжной лавкѣ подъ № 6, состоящей по Садовой и Гороховой улицамъ въ угловомъ домѣ г. Поплевина, отъ собирателя Библіографическихъ рѣдкостей, книгопродавца *Ивана Ильина*. Иногородные Особы съ требованіями своими адресуясь прямо на имя его, получатъ оную чрезъ почту за ту же цѣну".

Какимъ образомъ и откуда книга попала въ „небольшую книжную лавку" въ домѣ Поплевина, т.-е. очевидно къ буки-

[1]) Этотъ докладъ приведенъ нами выше.

листу, неизвѣстно. Мы знаемъ эту книгу по экземплярамъ Академической и Публичной Библіотеки въ обыкновенномъ форматѣ 4^{0} и въ томъ же форматѣ съ большими полями, въ видѣ большого фоліанта; но атласа портретовъ, принадлежащихъ къ „Выписи“, намъ пока не удалось найти ни въ той, ни въ другой библіотекѣ.

Предположенія статьи „Отеч. Записокъ“ объ участіи въ „Историческомъ собраніи“ московскихъ профессоровъ А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева основаны вѣроятно только на преданіи, которое утверждено было въ „Словарѣ“ митр. Евгенія. Сухомлиновъ далъ обширную литературную біографію Барсова въ „Исторіи россійской Академіи“ и здѣсь сообщилъ также объ его участіи въ доставленіи матеріаловъ для „Записокъ касательно россійской исторіи“: это были сводныя выписки изъ лѣтописей, съ примѣчаніями, начиная съ 1224 года [1]).

Подобнымъ образомъ для „Записокъ“ работалъ и Чеботаревъ. Сухомлиновъ упоминаетъ, что въ Государственномъ Архивѣ находятся матеріалы Чеботарева, состоящіе изъ такихъ же выписокъ съ 1374 по 1380 годъ; прибавимъ, что значительная масса этихъ записокъ за дальнѣйшее время находится въ собраніи рукописей Русскаго Отдѣленія Библіотеки Академіи Наукъ. Доставленіе этихъ матеріаловъ помѣчено уже 1795-мъ годомъ, когда имп. Екатерина все еще думала о продолженіи „Записокъ касательно россійской исторіи“. Подробное описаніе матеріаловъ къ „Запискамъ“, находящихся въ Государственномъ Архивѣ и въ Библіотекѣ Академіи Наукъ, мы сообщимъ въ своемъ мѣстѣ впослѣдствіи.

Какъ мы видѣли, Руссовъ (въ 1837) считалъ „Выпись“ именно трудомъ, исполненнымъ членами „Историческаго собранія“, но въ „Отеч. Запискахъ“ (въ 1830) было уже замѣчено, что „это—одно и то же сочиненіе имп. Екатерины Великой“, что „Записки касательно россійской исторіи“. Дѣйствительно, это только табличная форма тѣхъ же самыхъ данныхъ, и въ Государственномъ Архивѣ сохранился въ семи громадныхъ томахъ „Записокъ“ и этотъ табличный матеріалъ, въ автографѣ Екатерины II. Весь характеръ труда одинъ и тотъ же—собраніе и приведеніе въ порядокъ всѣхъ фактическихъ данныхъ о генеалогіи и хронологіи князей, о преемственности ихъ на великомъ княженіи, о распредѣленіи удѣльныхъ княженій и т. д. Импера-

[1]) Исторія росс. Академіи, вып. 4-й. Спб. 1878, стр. 228—229, 496. Сухомлиновъ упоминаетъ, что въ Государственномъ Архивѣ сохранились эти матеріалы, доставленные „сотрудникомъ Барсова“.

трица гордилась этимъ трудомъ, какъ отмѣчено въ дневникѣ Храповицкаго, когда, напр., тогдашнему историку Елагину пришлось поправлять по ея „Запискамъ“ свои ошибки.

Въ IV-й части „Записокъ“ помѣщены уже готовые тексты для „Медалей ко второй эпохѣ Россійской исторіи“, начиная съ Гостомысла. Здѣсь, послѣ Гостомысла, представлены призваніе князей и дѣянія Рюрика и его братьевъ (двадцать двѣ медали), княженіе Олега, въ качествѣ опекуна, и Игоря (медали, № 23—49), Святослава (№ 50—85), Ярополка (№ 86—94), Владиміра (№ 95—150) и т. д. [1]).

„Выпись“, по своему плану, должна была дать и учебникъ, и справочную книгу, и собраніе иллюстрацій для нагляднаго знакомства съ главнѣйшими фактами русской исторіи.

Этому плану не суждено было придти къ концу. Начало его, въ видѣ упомянутаго изданія, было забыто и уже много времени спустя попало, необъясненнымъ пока образомъ, въ лавку букиниста и составляетъ теперь большую библіографическую рѣдкость.

Упомянемъ, наконецъ, что въ 1885 году, въ общемъ собраніи Импер. Р. Историческаго Общества, 18 февраля, Н. Ѳ. Дубровинымъ прочитана была записка о заботахъ имп. Екатерины II по разработкѣ русской исторіи, причемъ авторъ пользовался архивными документами,—но эта записка осталась неизданной [2]).

А. Пыпинъ

---

[1]) Въ словарѣ русскихъ граверовъ, Д. А. Ровинскаго, нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній объ этомъ изданіи. При имени гравера Харитонова указано, что подлинные его рисунки хранятся въ Эрмитажѣ.

[2]) „Правительственный Вѣстникъ“, 1885, № 41.

ВЪ ОГОНЬ и ВЪ ВОДУ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Старикъ Ульянъ Семеновичъ побирался. Хотя ему было всего лѣтъ шестьдесятъ, но работать онъ уже почти не могъ. „Былъ конь, да изъѣздился“,—говорили про него. Рядъ несчастій довелъ его до нищеты. Два пожара, разъ за разомъ, сибирка, отъ которой пали лошади и которая три года не давала заводить новыхъ, смерть старшаго сына, уже бравшагося за соху, и наконецъ болѣзнь, состарившая его лѣтъ на десять,—вотъ причины, по которымъ онъ, по крестьянскому выраженію, „сошелъ на нѣтъ“. Длинная борода, вѣчно всклокоченная, также какъ и волосы, которые онъ врядъ ли стригъ больше разъ въ годъ, ввалившіяся щеки и мутные глаза—все вмѣстѣ давало ему видъ какой-то страшный, такъ что дѣти его боялись. Одѣтъ онъ былъ и зиму и лѣто въ одну и ту же шубу. Шуба эта служила ему одна съ молодости. Собственно говоря, въ ней не было ни одного кусочка изъ той шубы, которую онъ носилъ сорокъ лѣтъ назадъ, а шуба все-таки была та самая. Перешивалъ онъ ее ежегодно, причемъ тамъ, гдѣ отъ времени овчина истлѣвала и образовывалась дыра, онъ клалъ заплату. Такимъ образомъ его шуба всегда была пестрая, большею частью темно-грязная отъ времени, со вставками, гдѣ бѣлыми, гдѣ кирпично-красными. То рукава были старые, а пола новая; когда же пола старилась,—приходило время мѣнять куски въ рукавахъ. По этой шубѣ его можно было узнать издали. Руки всегда у него были грязныя.

Несмотря на эту наружность и на бѣдность его, онъ поль-

зовался въ обществѣ почетомъ. Ульяномъ его не звали, а либо „Ульянъ Семеновичъ“, либо „дѣдъ Ульянка“, причемъ въ этомъ „Ульянка“ не было ничего презрительнаго. Даже на сходѣ, гдѣ обыкновенно впередъ выступаютъ богачи-міроѣды, ему всегда было почетное мѣсто. И слушали его внимательно, когда онъ говорилъ. А говорилъ онъ громко и отчетливо, хотя рѣзко, точно лаялся на кого.

А слушали его потому, что онъ считался самымъ правильнымъ мужикомъ на деревнѣ. На сходѣ *ли*, свидѣтелемъ ли при допросѣ начальства, онъ безбоязненно и нелицепріятно говорилъ, что̀ зналъ, хотя бы это касалось его ближайшихъ родственниковъ или сосѣдей.— Однова умирать,—говорилъ онъ.—Я душой кривить не люблю. Хоть отецъ родной будь, что̀ знаю, то и говорю.—Къ этому какъ-то привыкли, и на него за его нескромность не сердились, какъ обыкновенно сердятся на слишкомъ откровенныхъ свидѣтелей. Больше того: его боялись и уважали; и даже ребятишки, когда шалили, увидя дѣда Ульянку, переставали шалить, хотя дѣдъ Ульянка шелъ съ котомкой за спиной.

Въ другихъ онъ баловства не любилъ, зато и самъ къ себѣ былъ строгъ. Правдивѣе его мужика не было, и если онъ обѣщался отдать, когда что̀ занималъ, къ какому-нибудь сроку, то можно было съ увѣренностью сказать, что онъ обѣщаніе сдержитъ. Когда онъ старъ сталъ, помѣщикъ сосѣдній его уговаривалъ взять земли подъ работу, такъ какъ не было добросовѣстнѣе и аккуратнѣе работника.

— Ну, а кто, баринъ, за меня работать будетъ? Вотъ кабы мой старшой живъ былъ, тогда такъ; а теперь я не возьму. Потому коли обвяжешься, надо сработать. А я не могу. Мочи моей нѣтъ.

И не бралъ подъ работу, хотя, чтобы накормить старуху свою и маленькаго сынишку, приходилось идти побираться. И побирался онъ, главнымъ образомъ, по своей же деревнѣ, не стыдясь этого.—Пока силы были,—скажетъ онъ, бывало,—работалъ, не побирался; а теперь, какъ Богъ здоровье отнялъ, да еще убытки разные послалъ, пришлось Христа ради просить. Ну, что-жъ? Просить не грѣхъ, а потому и не стыдно. Вотъ, воровать грѣхъ, а просить, коли работать не можешь, въ этомъ грѣха нѣтъ. Подадутъ—спасибо; нѣтъ—тоже спасибо.

И ему подавали охотно.

Въ молодости дѣдъ Ульянка былъ, еще при крѣпостномъ правѣ, женатъ насильно на помѣщичьей дворовой дѣвкѣ. Онъ въ чемъ-то провинился передъ господиномъ и наказанъ былъ

тѣмъ, что женатъ на дворовой тоже провинившейся. Вина ея состояла въ томъ, что своей красотой ввела въ грѣхъ молодого барчука,—грѣхъ, отразившійся не на барчукѣ, а на ней самой. Сначала, было, дѣдъ Ульянка ее за этотъ грѣхъ наказывалъ, но затѣмъ былъ тронутъ ея покорностью, и отношенія между супругами установились нормальныя, а мало-по-малу перешли въ самыя дружескія. Въ женѣ онъ находилъ всю жизнь вѣрную подругу, всегда готовую раздѣлить его радости и его горе; и если онъ, несмотря на всѣ свои несчастія, не палъ духомъ, то этимъ главнымъ образомъ обязанъ былъ своей Матренѣ.

— Ну, что же? Богъ милостивъ,—говорила она,—можетъ, подъ старость поправимся, а главное, выведемъ въ люди дѣтей своихъ.

Но и въ дѣтяхъ имъ счастья не было. Старшія умирали маленькими, а одинъ сынъ умеръ уже лѣтъ пятнадцати. Когда дѣдъ Ульянка, послѣ продолжительной болѣзни, оказался уже неспособнымъ къ труду и ему пришлось идти съ рукой, у нихъ остался всего одинъ сынъ-послѣдышъ, лѣтъ десяти. Матрена души въ немъ не чаяла, и если что смущало ее, то только невозможность удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ Миши. Она день и ночь работала, какъ могла, чтобы одѣть его и накормить его, какъ слѣдуетъ. Но, при всемъ томъ, часто ему цѣлые мѣсяцы зимой нельзя было выйти изъ избы, за недостаткомъ обуви: часто приходилось цѣлые дни ничего не ѣсть, кромѣ собранныхъ отцомъ кусочковъ.

Не одинъ разъ Матрена плакала, глядя на него.

„Когда-то ты у насъ выростешь?“ — думала она, и шла въ церковь поставить купленную на послѣднюю копѣйку свѣчку.

Очень богомольная, она рѣдкій благовѣстъ пропускала, чтобы не идти церковь, хотя приходилось тащиться болѣе двухъ верстъ, иногда по непролазимой грязи. Въ церковь она, когда могла, брала и Мишу, который радъ былъ стоять съ мальчишками и шалить. Онъ то-и-дѣло входилъ и выходилъ изъ церкви и всегда былъ коноводомъ всякихъ шалостей.

— Ты бы, бабушка, смотрѣла за сынкомъ-то,—говорилъ ей церковный староста, почтенный мужикъ:—а то онъ, страсть, баловаться гораздъ. Я его и трепалъ кое-когда, а онъ, знай, все свое. И въ церкви-то постоять не можетъ!

— Знамо дѣло, батюшка, ребенокъ еще! Чего съ него спрашивать? Да и я какъ за нимъ глядѣть-то буду? Мое дѣло бабье— стой себѣ сзади. Какъ же мнѣ за нимъ углядѣть? А ты, когда онъ мимо свѣчного ящика-то выйти хочетъ, за ухо его, да и назадъ!

— Онъ те дастся! Такой баловной, Богъ съ нимъ!

Баловнымъ Миша былъ и въ школѣ, и учительница на него постоянно жаловалась родителямъ. При всемъ томъ, учиться онъ былъ способный и тринадцати лѣтъ сдалъ экзаменъ народнаго училища, пробывъ въ немъ всего три года. Успѣхи его происходили отъ хорошихъ способностей. Онъ запоминалъ легко, что̀ слышалъ, и быстро соображалъ. Зато усидчивости въ немъ не было ни капли. Пробовала ему учительница и по окончаніи курса давать кое-какія книжки, но онъ ихъ употреблялъ на цигарки, которыя выучился курить еще въ школѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ выросталъ, онъ дѣлался все болѣе и болѣе шаловливъ и по цѣлымъ днямъ не возвращался домой. Оставить же его на дѣлѣ, хотя бы лошадей сельскихъ караулить, отецъ не могъ: черезъ часъ онъ уже игралъ на улицѣ съ ребятами. И отецъ, и мать его наказывали, но это не помогало. Бить они его не били.

— Еще маленекъ, — утѣшали они себя;—подростетъ—поумнѣетъ. Чего съ него спрашивать?

Пятнадцати лѣтъ онъ былъ первымъ, когда надо было лазить по деревьямъ и разрушать гнѣзда, всегда находилъ, гдѣ украсть табачку на цигарку, и раза два уже замѣченъ былъ матерью съ виннымъ запахомъ изо рта. Зимой дѣдъ Ульянка бралъ его иногда съ собой побираться. Мальчикъ при отцѣ держалъ себя хорошо, потому что боялся его. Дѣдъ Ульянка, хотя жалѣлъ его, никогда не билъ, извиняя шалости малолѣтствомъ, но на словахъ былъ строгъ.

— Ты смотри у меня! Не будешь слухаться—запорю! Вотъ увидишь, запорю!

Лѣтомъ онъ пріучалъ сына работать. У богатаго сосѣда было три лошади, а работникъ въ семьѣ былъ онъ одинъ. Ему и отдавалъ сынишку дѣдъ Ульянка на выучку. Миша пахалъ и косилъ сосѣдову ниву, а сосѣдъ за это обработывалъ дѣда Ульянки десятину. Къ работѣ мальчикъ былъ способенъ и всему научался скоро: на второй годъ онъ уже и соху самъ налаживалъ, и крюкъ отбивалъ. Возьмется—работа кипитъ у него, но зато если найдетъ на него, какъ на норовистую лошадь—ничѣмъ работать не заставишь.

II.

Къ восемнадцати годамъ онъ уже совсѣмъ опредѣлился: первый въ работѣ, первый и въ кабакѣ. Трезвый—онъ былъ тихій, даже веселый малый, услужливый и смѣлый; пьяный—буянъ, го-

товый всегда побить всякаго, хоть родного отца. Когда онъ уже слишкомъ, бывало, разойдется и, по распоряженію начальства, его хотѣли взять, чтобы отправить въ волостную,—приходилось брать его хитростью, обманомъ: вообще сильный, онъ въ это время могъ бы одолѣть цѣлую толпу. Со страшными ругательствами, онъ схватывалъ, что попало.

— Ну, подходи теперь! — кричалъ онъ: — всякому голову снесу... Мнѣ все равно, околѣвать, такъ околѣвать. Небось, не испугаюсь, черти проклятые!.. Михайла Ульянкина взять вздумали!.. Отойди, говорятъ вамъ...

Всѣ, конечно, разбѣгались.

Красивый, голубоглазый, краснощекій парень, молодецъ плясать и пѣть, онъ считался хорошимъ женихомъ. Пить онъ на свои не начиналъ, и чѣмъ старше, тѣмъ въ работѣ былъ прилежнѣе. Дѣдъ Ульянъ побираться пересталъ.

— Не будь онъ во хмелю таковъ, золото былъ бы, а не малый. Надо женить его; остепенится, Богъ дастъ, — говорилъ онъ старухѣ.

И порѣшили его женить. Когда ему сообщили это рѣшеніе,— „ну, что жъ?—сказалъ онъ,—коли Аринка за меня пойдетъ, я жениться готовъ“.

Аринка была красивая дѣвка, чуть не самая бѣдная въ деревнѣ. У ея матери, какъ и у Михайлиной, былъ въ молодости свой романъ. Ея мать жила тогда кухаркой на барскомъ дворѣ, и хотя ея мужъ жилъ тутъ же въ садовникахъ, но народъ болталъ, что ее по ночамъ видѣли въ домѣ, гдѣ останавливался не надолго пріѣзжавшій молодой помѣщикъ. Когда Арина выросла стройная, хорошенькая, съ двумя рядами чудныхъ зубовъ, вѣчно открытыми отъ почти постоянной улыбки, и съ большими, тоже вѣчно-улыбающимися глазами, то старики вспомнили разсказы о похожденіяхъ ея матери, и не стали ее иначе называть, какъ „дворянка“. Арина этимъ даже гордилась.

— Ну, что-жъ? Дворянка, такъ дворянка; я дворянка, а вы мужики!

Мать ея, когда намекали на происхожденіе Аринки, тоже не обижалась.

— Нашли, кѣмъ попревать: бариномъ! Вотъ кабы нищимъ попрекали—такое дѣло! А то бариномъ! Аль завидно?

Не обижался и Аринкинъ отецъ.

— Чего ни говорите, а дочь моя! Купцы и тѣ заглядываются. Вотъ, выдамъ ее за краснорядца—не то запоете!

Но за краснорядца выдать ее не пришлось,—а влюбилась она

въ Михайла. И Михайло въ нее влюбился. Ульянка съ Матреной заслали сватовъ. Не испугала Аринку бѣдность ихъ, не испугалъ и буйный характеръ Михайла.

— Хоть я, — говорила она, — и дворянка, а вѣдь тоже не чай пью, а воду, а насчетъ буйства небось: не забуянитъ онъ у меня!

Но въ этомъ она ошиблась. Какъ они ни любили другъ друга, а буянить Михайло не пересталъ и послѣ свадьбы. Какъ напьется, такъ непремѣнно набѣдокуритъ: или подерется съ кѣмъ, или наскандалитъ. Тогда звали Аринку.

— Ты что̀, антихристъ, буянишь. Э-э-э!.. и не стыдно!

И Михайло, какъ ни пьянъ былъ, какъ ни ругался, сейчасъ же, бывало, присмирѣетъ.

— Ну, не буду, не буду! Только не серчай.

И Аринка вела его домой, гдѣ онъ, бывало, сейчасъ же ложился спать и успокоивался.

Дѣдъ Ульянка и Матрена уже были очень стары и души не чаяли въ своей снохѣ.

Разъ годъ былъ плохой, и Михайлу пришлось отдаться на барскій дворъ въ работники. Жалованья ему положили больше, чѣмъ другимъ, и назначили старшимъ работникомъ. Такую должность придумалъ для него нѣмецъ управляющій, чтобы поощрить его. Нѣмецъ былъ хитрый и любилъ всякія нововведенія. Завелъ машины разныя. Первымъ на этихъ машинахъ выѣзжалъ всегда Михайло, и, надо сказать, всегда умѣлъ ихъ наладить. И съ жнеей, и съ рядовой сѣялкой онъ справлялся, тогда какъ другой и дня не проработаетъ и уже везетъ машину къ мастерской для починки. Очень полюбилъ Михайла нѣмецъ и всегда ставилъ его другимъ въ примѣръ.

Придумалъ разъ нѣмецъ рожь въ пшеницѣ косить. Пришло время выпалывать рожь изъ пшеницы. Староста и говоритъ нѣмцу:

— Пора, Петръ Богдановичъ, пшеницу полоть.

— Полоть? полоть дорого. Рожь нужно скосить.

— Какъ скосить? вы, Петръ Богдановичъ, что-то чудно говорите!

— Чудно! Тебѣ все чудно... Эй, Антипка!

Шедшій мимо работникъ Антипъ подошелъ.

— Ты вотъ что̀: возьми косу и ступай начни рожь выкашивать въ пшеницѣ. Она выколосилась и выше пшеницы. Возьми косу и выкашивай ее повыше; понимаешь?

— Понять-то понимаю, а что-то чудно! Рожь полоть надо, а не косить.

— Ты слушай, что̀ тебѣ говорятъ! Ступай!

Взялъ Антипъ косу и пошелъ, а черезъ часъ вернулся.

— Нѣтъ, Петръ Богдановичъ. Ты что-то не то. Нешто ее, косу-то, на вѣсу продержишь? Я и пшеницу косить-было сталъ!

Позвали Михайла; объяснили ему, въ чемъ дѣло. Михайло пошелъ, и къ вечеру всѣ головки ржи покосилъ на цѣлой десятинѣ.

Понятно, что Михайла нѣмецъ любилъ. И нѣмца Михайло любилъ за его хитрость. Какъ поднесутъ ему послѣ дня хорошей работы стаканъ водки, онъ словъ не находилъ—и въ глаза, и за глаза превозноситъ нѣмца.

— Вотъ это человѣкъ! Чего не придумаетъ? и все умно! И людей понимаетъ. Знаетъ, кто чего стоитъ. Мы съ Петромъ Богдановичемъ такихъ бы дѣловъ раздѣлали... только держись!

Даже пьяный, онъ при появленіи Петра Богдановича понижалъ голосъ.

— Ты послухай, Петръ Богдановичъ. Вѣдь ты меня знаешь: я хоть куда за тебя готовъ. Вѣдь обида! Вѣдь надо Антипкѣ въ зубы дать? Ну, скажи: надо?

— Ты, Михайло, ступай спать; ты пьянъ.

— Я?.. я пьянъ?.. Ахъ ты нѣмецкая морда!.. Я пьянъ?..

И лѣзетъ на управляющаго. Въ этихъ случаяхъ его успокоивали.

— Нѣтъ, нѣтъ... я ошибся, ты не пьянъ, Михайло...

И звали Арину. Та его уводила.

Голодный годъ прошелъ. Урожай былъ хорошій. И Михайло ушелъ домой жить. Свободу онъ свою цѣнилъ дорого. Когда особенная нужда была въ немъ, за нимъ посылалъ управляющій, и онъ съ гордостью говорилъ:

— Какъ что̀ похитрѣе, такъ безъ Михайла не обойтись!

III.

Время полой воды съ самаго ранняго дѣтства его неудержимо привлекало къ мосту. Когда, бывало, въ мартѣ начинали отовсюду съ полей стекаться ручейки воды, еще маленькимъ мальчишкой онъ бѣжалъ къ рѣчкѣ и наблюдалъ, какъ вода прибываетъ и ледъ поднимается. Почти у самаго Ульянкина дома улица поворачивала при выходѣ изъ села и черезъ маленькій мостъ пересѣкала рѣчку. Рѣчку эту лѣтомъ почти вездѣ куры въ бродъ переходили. Кое-гдѣ были родники и образовывались

довольно глубокія мѣста, которыя назывались озерами и гдѣ народъ собирался купаться. Вода въ этихъ озерахъ была всегда холодная отъ родниковъ. Вдоль рѣчки по одинъ берегъ тянулись крестьянскіе огороды, по другой—помѣщичій лугъ. Кое-гдѣ у самой рѣчки стояли ветлы и осокори, бо̀льшею частью скривившіеся, полусгнившіе, расщепленные грозой; иногда, впрочемъ, толстые, съ громадной шапкой нависшей надъ водою листьевъ.

Мостикъ, бывшій неподалеку отъ Ульянкиной избы, былъ уже старъ, на нѣсколькихъ парахъ не толстыхъ и не глубоко вбитыхъ свай, съ вѣчно поломанными перилами. Къ этому мостику сбѣгалась деревенская дѣтвора, съ Мишей во главѣ. Тутъ они смотрѣли, какъ въ рѣчку, шурша, сбѣгали ручейки, тутъ они какъ бы помогали, раскалывая снѣгъ, этимъ ручейкамъ скорѣе добраться до главнаго русла.

— Мамушка, глядь!—вбѣгая въ избу, кричалъ Миша:—иди, погляди, какъ вода прибавляется! Еще два дня, говоритъ дѣдъ Аѳонька, и вода пойдетъ.

— Есть мнѣ когда глядѣть на твою воду! Смотри, на мостъ не ходи!

А Миша какъ разъ на мостъ и бѣжалъ черезъ минуту.

Когда ледъ трогался отъ напора вздувшейся рѣчки, радости дѣтской конца не было.

— Икры, икры, глядите... икры пошли!—кричали ребятишки, показывая на льдины.

Съ такимъ восторгомъ встрѣчалась каждая новая льдина. Какъ трепетно, стоя на мосту, ждали ребятишки, когда эта льдина ударится объ сваи моста и весь мостъ задрожитъ!.. Какъ трудно было старшимъ согнать ихъ съ моста, когда являлась опасность, при сравнительно сильномъ ледоходѣ, что весь мостъ будетъ снесенъ!.. Раньше всѣхъ утромъ являлся на мостъ, позже всѣхъ уходилъ, больше всѣхъ кричалъ, топалъ, шумѣлъ, бѣсновался Миша... Когда вода усиливалась и, не умѣщаясь въ пролетахъ моста, начинала быстро нестись стремительнымъ потокомъ черезъ гать, иногда размывая ее,—новые восторги, новыя ожиданія какого-нибудь изъ ряда вонъ выдающагося происшествія при переѣздѣ черезъ этотъ потокъ.

Эта страсть къ полой водѣ осталась у Михайлы и тогда, когда онъ возмужалъ. Но тутъ онъ уже являлся не простымъ зрителемъ, а самымъ горячимъ работникомъ, когда нужно было помочь кому-нибудь переправиться. Ѣхала ли почта, или какой-нибудь другой проѣзжій, Михайло всегда былъ тутъ. Въ его распоряженіи была тогда почти круглая, плоскодонная, осмолен-

ная лодка, и онъ, забравъ конецъ веревки, переѣзжалъ, отгребаясь лопатой вмѣсто весла, черезъ потокъ, чтобы съ того конца гати веревкой притягивать переѣзжающихъ. Иногда потокъ былъ такъ быстръ, что онъ никакъ не могъ его переплыть: его уносило по теченію, онъ возвращался, но все-таки добивался своего, цѣной громаднаго напряженія своихъ молодыхъ силъ.

Разъ переѣзжать потокъ пришлось возвращавшейся изъ города небогатой помѣщицѣ. Михайло былъ пьянъ. Вода не очень была сильна, и потокъ не особенно страшенъ. Веревку перекинули, прицѣпили къ санямъ, и на мосту за одинъ конецъ взялся Михайло, за другой—сосѣдъ его, тоже здоровый мужикъ, Тарасъ. Потянули, лошади вошли въ воду, поплыли сани. Вдругъ Михайло бросилъ свой конецъ веревки.

— Стой, а ты сколько дашь?

— Три рубля!.. пять рублей!—кричала помѣщица.

— Врешь, а помнишь, ты меня обсчитала на цѣлковый, какъ я тебѣ молотилку пущалъ?

— Дамъ; ей Богу дамъ!.. Ай, лошади!.. Гибнемъ!

Тѣмъ временемъ Тарасъ тащилъ свой конецъ. Сани поплыли бокомъ. Вода хлынула въ нихъ. Михайло—съ крикомъ: „А! попала-ась? Будешь надувать добрыхъ людей?“—схватилъ бывшій при немъ колъ и ударилъ Тараса по рукамъ, чтобы и тотъ пустилъ веревку. Сани, ничѣмъ не сдерживаемыя, поплыли по теченію, почти совсѣмъ погрузившись въ воду. Помѣщица кричала благимъ матомъ; кучеръ ея тоже оралъ. Минуту лошади все барахтались въ водѣ, чтобы выйти на мостъ, но ихъ стало относить... Еще мгновеніе—и поплыли бы и лошади, и люди... Къ счастью, сбѣжавшійся народъ, несмотря на крики и угрозы Михайла, поймалъ концы веревки и вытащилъ на смерть перепуганную и до костей промокшую помѣщицу. Ее отвезли въ ближайшую избу, гдѣ она согрѣлась и переодѣлась въ платье, привезенное ей съ барскаго двора. Михайла отвезли въ холодную, и кромѣ того была подана на него жалоба земскому начальнику. Но онъ сходилъ къ помѣщицѣ и выпросилъ у нея прощенье... Тѣмъ дѣло и кончилось.

На слѣдующій годъ полая вода была особенно сильна. По обыкновенію на мосту стояли ребятишки. Тутъ же были и нѣкоторые большіе, въ томъ числѣ и Михайло. Одна льдина, не особенно большая, неслась быстро къ мосту и ударилась объ сваю... Мостъ затрещалъ... Всѣ кинулись съ моста, и черезъ минуту мостъ плылъ по теченію рѣчки... Съ мостомъ, схватившись за стойку перилъ, плылъ съ крикомъ—„мама!“ — пятилѣтній

мальчишка... Еще минута—и онъ погрузился въ воду, и опять появился, все держась за стойку... Крикъ: „мама!"—былъ уже какой-то сдавленный отъ ужаса...

Но Михайло это видитъ!.. онъ уже въ лодкѣ и, отгребаясь лопатой, летитъ по потоку вслѣдъ за уплывающимъ мостомъ... Мальчикъ уже далеко... крикъ его еле слышенъ... но къ плывущему мосту уже подплылъ Михайло, схватилъ мальчика, и вмѣстѣ несутся они въ бурномъ потокѣ... Но онъ лопаты не бросилъ... неимовѣрными усиліями онъ направляетъ лодку на ветлу, очутившуюся при разлитіи посреди рѣки, и, когда лодка объ нее ударилась, бросаетъ лодку и лопату и, обнявъ мальчика лѣвой рукой, правой цѣпляется за большой сукъ, нагнувшійся надъ водой... Еще мгновенье... и онъ своей шубой согрѣваетъ ребенка, сидя на деревѣ...

Народъ у моста, молча и притаивъ дыханіе, слѣдилъ за этой борьбой смѣльчака со стихіей. Нѣкоторые бѣгутъ по берегу вдоль теченія, и черезъ часъ мальчикъ—на рукахъ у обезумѣвшей матери... а Михайло—въ кабакѣ...

Вечеромъ онъ, пьяный, пришелъ къ матери ребенка.

— Ишь, дьяволъ, хочешь, я те виски надеру, коли не будешь за малымъ глядѣть!.. Слышала?..

Онъ бы ее побилъ, еслибы Арина не пришла.

IV.

Были еще случаи, гдѣ приходилось Михайлу проявлять свое геройство: это пожары. Когда пожаръ случался на ихъ деревнѣ, то Михайло прибѣгалъ всегда однимъ изъ первыхъ. Если пожаръ былъ въ другомъ мѣстѣ, но не такъ далеко, чтобы не было надежды помочь, онъ или верхомъ, или съ бочкой, а то и съ трубой съ помѣщичьей усадьбы, летѣлъ туда, гдѣ горѣло. Онъ точно съ ума сходилъ; все забывъ, кромѣ своей цѣли—помочь на пожарѣ,—онъ стремглавъ скакалъ, насколько позволяли силы лошади, которая ему попадалась подъ руку, чья бы она ни была. Тутъ онъ ничего не разбиралъ, ни ухабовъ, ни канавъ, ни иныхъ препятствій. Тутъ всякій самъ держись и не попадайся: онъ могъ задавить скорѣе, чѣмъ свернуть.

На пожарѣ онъ сразу дѣлался хозяиномъ положенія, и народъ слушался его приказаній безпрекословно. Помѣщикъ ли былъ какой, старшина ли, урядникъ ли, даже раза два самъ становой, проѣздомъ попавшій на пожаръ,—всѣ ему были ни

по чемъ. Онъ всѣми распоряжался; всѣ его слушались. Сейчасъ подъѣдетъ, гдѣ по направленію вѣтра долженъ пожаръ идти дальше; сообразитъ, чтò надо дѣлать: ломать ли какую постройку, поливать ли чтò или гдѣ поставить людей съ вѣтками тушить галки;—и начинаетъ командовать громовымъ голосомъ, самъ, конечно, первый на работѣ, шагъ за шагомъ, какъ бы нèхотя, уступая мѣсто огню, когда самъ почти загорался.

На пожарахъ его звали: Михаилъ Ульянычъ.

— Михаилъ Ульянычъ пріѣхалъ; авось Богъ дастъ... — говорилъ народъ и дружно принимался за работу. Сейчасъ его окружали мужики съ просьбами.

— Михаилъ Ульяновичъ, ты мою поливать прикажи. Вѣдь, гляди, срубъ-то новый стоитъ. Еще можно растащить...

— Ну, чего твою поливать, коли горитъ ужъ? надо, чтобы огонь дальше не пущать.

— Чтò же это мою хату ломать? Вѣдь, можетъ, такъ отстоять можно. Это чтò-жъ такое?

— Твою не ломать,—кричалъ Михайло,—а всему порядку горѣть дать? Небось, страховку получишь! Ломай, ребята, говорятъ вамъ! Чего рты разинули? Нечего его слухать!

И избу ломали, а пожаръ останавливался.

Но коли видѣлъ Михайло, что дѣйствительно можно спасти что-либо цѣнное или скотину какую согнать съ горящаго уже двора, онъ летѣлъ самъ въ опасность и съ опаленными волосами и одеждой, а то и съ ожогами, вырывалъ добычу у разъяренной стихіи.

На пожарѣ онъ былъ, пока была опасность. Когда видѣлъ, что дальше горѣть не будетъ, онъ успокоивался и садился отдыхать. Скажетъ кто:

— Михаилъ Ульянычъ, ты вели мою избу поливать! можетъ, еще какое берно спасти можно!

Или скажутъ:

— Какъ бы вѣтромъ не раздуло! Ты ужъ побудь, посмотри за народомъ.

Онъ отвѣчалъ:

— На это у васъ старшина есть. Что мнѣ головешки заливать прикажете, чтò-ли!

— Ну, спасибо, спасибо, родной! Кабы не ты, право слово, всему селу бы горѣть,—говорили мужики и бабы, до которыхъ огонь не дошелъ.

И Михайло принималъ эти благодарности за должное. Зато къ вечеру онъ тутъ же непремѣнно напивался послѣ трудовъ

праведныхъ, и всѣ съ радостью его поили, сколько его душѣ было угодно. А побьетъ кого—не обижались и не жаловались.

Пьяный онъ часто грозился поджечь.—„Спалю васъ подлецовъ!"—закричитъ, бывало. И въ судъ за эти угрозы жаловались, и сидѣлъ онъ подъ арестомъ, но его это не исправляло. Разъ предсѣдатель волостного суда, желая его постращать, сказалъ ему въ судѣ:

— Вотъ что̀, Михайло, коли ты еще будешь буянить и грозиться поджогомъ, мы тебя приговоримъ къ тѣлесному наказанію.

Въ судѣ Михайло промолчалъ, но послѣ, одинъ-на-одинъ, сказалъ предсѣдателю,—онъ былъ совсѣмъ трезвый:

— Ты вотъ что̀, Антонъ Терентьевичъ, послухай. Ты шутить шути, сколько хошь, и подъ арестъ меня сажай, сколько влѣзетъ, а не вздумай взаправду того... насчетъ розогъ, что̀ ты сказалъ. Помни мое слово: коли только меня присудишь къ розгамъ, что̀ у тебя ни есть—ничего не останется, да и голову вамъ всѣмъ раскрою: и тебѣ, и женѣ твоей, и дѣтямъ твоимъ... Помни... я не шучу!..

— Да ты что̀, Михайло, я взаправду что-ль? Я вѣдь такъ только сказалъ; думалъ тебя постращать.

— То-то постращать! А взаправду—не дай тебѣ Богъ!..

Про Михайла на деревнѣ были разнаго мнѣнія. Кто считалъ его трезваго за самое безобидное существо, и въ буйствѣ его видѣли родъ сумасшествія.

— Отойти отъ него надо,—говорили такіе,—не онъ буянитъ, а вино. Проспится—онъ зла не помнитъ.

Другіе, наоборотъ, считали его и трезваго злопамятнымъ и способнымъ отомстить врагу.

— Онъ пьяный только то говоритъ, что̀ трезвый въ душѣ держитъ. Отъ него что ни дальше быть, то лучше.

Съ однимъ только человѣкомъ на деревнѣ онъ былъ въ открытой враждѣ. Это былъ Тарасъ, тотъ самый, котораго онъ заставилъ бросить веревку, когда купалась въ полую погоду бѣдная помѣщица. Съ нимъ онъ какъ-то повздорилъ пьяный и пригрозилъ, по обыкновенію, и поджогомъ, и убійствомъ. Съ тѣхъ поръ Тарасъ почему-то сталъ носить на всякій случай гирьку. Черезъ нѣсколько времени, Михайло, пьяный, опять забуянилъ. Тарасъ, вмѣсто того, чтобы отойти, какъ дѣлали другіе, сталъ съ нимъ перебраниваться. Михайло полѣзъ драться и ударилъ Тараса. Тарасъ гирькой отвѣтилъ ему и нанесъ рану въ голову. Михайло, обливаясь кровью, упалъ и двѣ недѣли пролежалъ

больной. Потомъ выздоровѣлъ. Съ тѣхъ поръ онъ и пьяный къ Тарасу не приставалъ.

— Онъ трусъ, — говорилъ Тарасъ.—Лѣзетъ, когда знаетъ, что его возьметъ. А коли кто его не боится и отпоръ дастъ— того онъ не тронетъ.

Зато за глаза Тарасу отъ Михайла доставалось. Даже женѣ онъ говорилъ, когда та его усмиряла:

— Ну, это хорошо. Я тебя послухаю всегда. А Тарасу, помни, не нынѣ—завтра отплачу. Ему, подлецу, не сдобровать. Будетъ меня помнить, какъ гирьками драться.

— Да будетъ же,—говорила Арина,—подрались, его взяла, ну и будетъ. Не вѣкъ зло помнить! А то еще бѣду наживешь!

— Ладно, ладно! Будь я анаѳема проклятъ, коль не пущу его по міру!

Трезвый онъ и женѣ ничего не говорилъ.

Разъ дѣло было на Флора и Лавра: священники обходили съ иконами деревни и служили молебны по случаю лошадинаго праздника. Къ вечеру Михайло былъ пьянъ и шумѣлъ у кабака. Пьянъ былъ и Тарасъ.

— Ты не очень шабарши! — сказалъ онъ Михайлѣ: — разъ получилъ на орѣхи,—еще получишь. Ишь, разошелся! правда, думаетъ, сладу съ нимъ нѣтъ.

Михайло промолчалъ и, какъ будто, присмирѣлъ. Купилъ бутылку водки — дѣло было вечеромъ — и ушелъ домой, легъ спать на гумнѣ. Арина была очень довольна.

— Мой-то нонѣ не скандалитъ. Какъ добрый человѣкъ, выпилъ и спать легъ. Надоѣло, знать, драться. Можетъ, остепенится.

И пошла спать въ хатку. Вскорѣ все село заснуло. Умолкли послѣдніе голоса на улицѣ: въ рабочую пору долго не гуляютъ. Ночь была темная. Михайло всталъ.

— А ты меня еще дразнить сталъ, проклятый! Я тебѣ покажу!

Онъ залпомъ выпилъ водку, которую принесъ изъ кабака, взялъ спичекъ и направился задами къ Тарасову двору, осмотрѣлся — никого не было... Онъ зажегъ сѣрничекъ, подсунулъ его подъ пелену и быстро отбѣжалъ. Черезъ минуту вся крыша на дворѣ и на Тарасовой избѣ были въ огнѣ. Кто-то не спалъ, увидалъ огонь и первымъ дѣломъ бросился будить Тарасову семью. Крики: „пожаръ, горимъ!“—подняли село на ноги. Объ имуществѣ не думали; думали, какъ бы спасти себя и дѣтей.

А Михайло засѣлъ двора черезъ два въ одоньяхъ и смотрѣлъ.

— Будетъ меня помнить, проклятый!—говорилъ онъ.

Между тѣмъ огонь расходился, занялась сосѣдняя изба. Крики ужаса становились все громче. Стали вынимать на улицу домашній скарбъ; тутъ же толпились бабы съ дѣтьми и голосили. По всему селу, даже тамъ, гдѣ не грозила ни малѣйшая опасность, мужики выводили заспанную скотину, удивленную, что ее такъ не вò-время выгоняютъ. А пожаръ хоть не скоро—вѣтеръ былъ слабый—все распространялся по наваленной всюду соломѣ.

Михайло не работалъ. Онъ вышелъ изъ одоньевъ, въ которыхъ было-спрятался, и стоялъ на улицѣ съ народомъ, молча и не сводя глазъ съ Тарасовой избы.

— Жеребецъ-то, жеребецъ-то сгорѣлъ на дворѣ! Господи! отчего же это случилось? И холсты-то мои всѣ сгорѣли! Чѣмъ-то я буду дѣтокъ своихъ одѣвать?—голосили Тарасовы бабы.

— Хлѣбъ остался бы! А то нищими будемъ,—сидя на сундукѣ сосѣда, говорилъ Тарасъ. Ноги его не ходили, и онъ безпомощно только смотрѣлъ на разрушеніе съ такимъ трудомъ накопленнаго хозяйства... Вдругъ онъ увидалъ Михайла, тоже не работавшаго и смотрѣвшаго на его хату...

— Ужъ не его ли это дѣло?—сказалъ онъ, указывая на него.

Стоявшіе тутъ мужики и бабы слышали это, но ничего не отвѣтили. Слышалъ это и Михайло, но сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

„Небось, никто не видалъ! Говори, чтò хошь!"—подумалъ онъ.

— Вѣдь сзади загорѣлось-то, со двора,—говорилъ народъ.—Само собой не загорится. Знать, недобрый человѣкъ былъ. Да мы-то за чтò страдаемъ? Ахъ, негодяй онъ этакій!

„А вправду,—думалъ Михайло,—эти-то за чтò страдаютъ? Вѣдь они не виноваты". И глаза его съ Тарасовой избы перешли на сосѣднія, тоже объятыя огнемъ. „Чтò же это я надѣлалъ-то? Кинуться спасать? Чего теперь сдѣлаешь? Народъ въ разбродѣ! Ни воды, ни инструментовъ. Боже! чтò я надѣлалъ!"

Издали доносился набатъ. Вѣтеръ, какъ всегда это бываетъ, поднялся мѣстный, отъ самаго пожара. Ужъ горѣло пять дворовъ. Народу набиралось больше и больше. Кое-кто прибѣжалъ съ ведрами, привезли двѣ бочки. Собрались... Красный отблескъ огня придавалъ зловѣщій видъ подбѣгавшимъ къ горѣвшимъ зданіямъ людямъ... Всюду шумъ увеличивался... А Михайло все стоялъ... Онъ уже не смотрѣлъ на Тарасову избу, а на тѣ, которыя горѣли дальше. Вотъ пылаетъ разваленная хата Климона Макарова; онъ уже два года, какъ болѣетъ и еле ноги таскаетъ; жена побирается. Вотъ загорается изба вдовы Василисы. У нея было шестеро малолѣтнихъ дѣтей.

„Боже! Эти за что? — думалъ Михайло. — И это я, все я надѣлалъ!“

Хмель у него прошелъ. Въ вискахъ стучало. Онъ всталъ. Вдругъ передъ Василисинымъ домомъ поднялся шумъ.

— Катька, Катька!—кричала она не своимъ голосомъ:— Катька гдѣ?

Она искала дочь кругомъ себя. Остальныя дѣти были тутъ, даже маленькій Миша, а пятилѣтней Катьки не было.

— Боже! Я ее забыла! Она на задникѣ лежала!

Кто-то хочетъ броситься, но вся изба уже въ огнѣ. Не идти же на вѣрную, безполезную смерть. Кругомъ охаютъ, ахаютъ, а сдѣлать ничего уже нельзя. Михайло моментально все сообразилъ; онъ уже лѣзетъ къ избѣ, бросается въ сѣни...

— Михайло, не ходи!.. все равно, пропадешь и ее не спасешь! Боже, онъ идетъ!.. Господи, сохрани его! — слышатся голоса.

Народъ—какъ стоялъ, такъ и остановился. Про все забыли на время, и про пожаръ, и про добро свое. Видятъ одно: человѣка, рискнувшаго всѣмъ, чтобы спасти ребенка...

Но Михайло не слышитъ криковъ... онъ не боится смерти... Смерть?.. Тѣмъ лучше!.. Не давать же погибать ребенку отъ огня, имъ же самимъ зажженнаго!..

Онъ уже въ сѣняхъ... Ничего не видать. Минута проходитъ... вѣчность для матери. Вдругъ вдребезги летитъ окно; въ окнѣ — Михайло... Кругомъ него дымъ, огонь... въ рукахъ у него что-то есть.

— Неужто спасетъ? Боже! помоги!..—проносится въ толпѣ.

— Поливай!—громовымъ голосомъ крикнулъ Михайло.

Двое подбѣжали съ ведрами, плеснули на него водой; онъ вылѣзаетъ... еще мгновенье... но потолокъ рушится... исчезаетъ Михайло со своей ношей!.. Дымъ... огонь... и больше ничего.

На другой день вся округа хоронила обгорѣлые трупы Михайла и маленькой Кати.

Дѣдъ Ульянка опять побирается. Онъ проситъ за упокой Михайла. Бабка Матрена, отъ слезъ или отъ старости, ослѣпла. Арина замужъ не пошла — она воспитываетъ своего сынишку.

Александръ Новиковъ.

ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО

ВЪ

РОССІИ

ОЧЕРКЪ.

Два обстоятельства предвѣщаютъ скорое усиленіе значенія церковной школы въ общемъ строѣ нашего начальнаго образованія. Это, во-первыхъ, ассигновка изъ государственнаго казначейства въ пособіе церковнымъ школамъ новыхъ трехъ съ половиной милліоновъ и, во-вторыхъ, законъ о фиксаціи земскаго обложенія. Законъ этотъ, несомнѣнно, пріостановитъ быстрый ростъ, которымъ отличалась за послѣдніе годы земская школа, и церковной школѣ будетъ нетрудно получить рѣшительный количественный перевѣсъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ до извѣстной степени устранится одно изъ важныхъ препятствій, задерживающихъ теперь притокъ къ церковной школѣ мѣстныхъ средствъ: крестьянскія общества, содержащія свѣтскую школу, отказываются помогать церковной; но если новыя земскія школы будутъ открываться медленнѣе, то церковно-школьные дѣятели, конечно, воспользуются этимъ и привлекутъ къ поддержкѣ своихъ школъ тѣхъ крестьянъ, которые при другихъ условіяхъ содержали бы земскія школы, и вмѣсто новыхъ земскихъ будутъ выростать новыя церковныя школы. Все это, въ связи съ тѣми знаками высокаго вниманія, которыми была почтена за послѣднее время церковная школа, заставляетъ думать, что въ недалекомъ буду-

щемъ она станетъ преобладающимъ типомъ начальной нашей школы. Это обстоятельство должно привлечь къ ней особенное вниманіе изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что положеніе церковно-школьнаго дѣла пока очень мало выяснено. У насъ есть почти одни сырые матеріалы, которые еще ожидаютъ разработки и объединенія въ одну полную картину. Правда, матеріалы эти— въ видѣ отчетовъ училищныхъ совѣтовъ, наблюдателей церковныхъ школъ, протоколовъ ихъ съѣздовъ и т. п.—по недостаточной полнотѣ и особенно по малой объективности не всегда представляютъ надежный источникъ для сужденій, но все-же они могутъ дать много цѣннаго для отвѣта на вопросъ, чтò представляетъ изъ себя наша церковная школа.

Настоящій очеркъ не задается, конечно, цѣлью пополнить пробѣлы изслѣдованій и исчерпать весь накопившійся матеріалъ. Это и не нужно для выясненія лишь главныхъ чертъ нынѣшняго положенія учебнаго и воспитательнаго дѣла въ церковныхъ школахъ и его результатовъ. Условія, въ которыхъ стоитъ церковная школа, настолько однообразны, что даже отдѣльная мѣстность даетъ вполнѣ вѣрное отраженіе цѣлаго. Но я старался, насколько было возможно, увеличить количество источниковъ, положенныхъ въ основаніе выводовъ. Такимъ образомъ, главнымъ матеріаломъ для настоящаго очерка послужили отчеты училищныхъ совѣтовъ и епархіальныхъ наблюдателей по 24 губерніямъ [1]). Положеніе церковныхъ школъ въ 9-ти губерніяхъ сѣверо- и юго-западнаго края было мною изображено въ другомъ мѣстѣ [2]), и теперь я только отчасти пользуюсь нѣкоторыми данными для этой мѣстности. Наконецъ, еще по 5-ти губерніямъ [3]) есть нѣкоторыя данныя по отдѣльнымъ вопросамъ. Такимъ образомъ, настоящій очеркъ основанъ на знакомствѣ, въ предѣлахъ

[1]) Это губерніи: астраханская, бессарабская, владимірская, вологодская, вятская, курская, нижегородская, новгородская, олонецкая, оренбургская, орловская, пензенская, пермская, полтавская, псковская, саратовская, ставропольская, таврическая, тамбовская, тульская, уфимская, харьковская, херсонская и черниговская. По всѣмъ этимъ губерніямъ есть отчеты за 1898, а по нѣкоторымъ и за 1899 годъ. Для остальныхъ губерній этихъ болѣе новыхъ отчетовъ достать не удалось,—они или не составлены, или не опубликованы. Для мѣстностей съ небольшимъ количествомъ церковныхъ школъ (привислянскій край, отчасти Кавказъ) матеріалы не собирались. Сибири я также не касался, такъ какъ положеніе тамъ церковныхъ школъ достаточно выяснено въ статьѣ г. Арефьева въ „Русск. Бог.“ 1900 года. Нужно добавить, что не всѣ школьные отчеты составляются одинаково полно; особенно ощутителенъ недостатокъ при нѣкоторыхъ статистическихъ таблицъ.

[2]) См. „Образованіе“ 1900 г., № 7—8.

[3]) Воронежской, екатеринославской, костромской, симбирской и смоленской.

имѣющихся оффиціальныхъ данныхъ, съ положеніемъ церковныхъ школъ въ 38 губерніяхъ, а этого, полагаемъ, совершенно достаточно для правильныхъ выводовъ въ объемѣ поставленной нами себѣ задачи.

I.

Къ 1-му января 1899 года въ Россіи числилось, по даннымъ св. синода, 39.650 церковныхъ школъ съ 1.450.000 учащихся.

Изслѣдованіе средствъ содержанія церковныхъ школъ, относительнаго значенія различныхъ категорій поступленій, роста ихъ, и т. д., не входитъ въ задачи нашего очерка. Но для насъ очень интересно выяснить, во сколько обходится содержаніе одной церковной школы. Отвѣтить на этотъ вопросъ можно по даннымъ для 13-ти губерній. Содержаніе одной одноклассной церковно-приходской школы обошлось въ годъ въ 5-ти губерніяхъ отъ 198 до 246 руб., въ 3-хъ губерніяхъ—отъ 261 до 295 руб., въ 2-хъ губ.—323 и 245 руб. и въ 3-хъ губ.—отъ 360 до 380 руб. Содержаніе одной школы грамоты обходилось, по даннымъ для 11 губерній, въ 6-ти губерніяхъ – отъ 54 до 89 руб., въ 2-хъ губ. —137 и 148 руб. и въ 3-хъ губ.—отъ 167 до 190 руб. [1]).

Скудость средствъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ отчетовъ, „поразительная", а она должна вліять самымъ тяжелымъ образомъ на качественную сторону школьнаго дѣла.

Прежде всего и всего сильнѣе отражается эта дешевизна церковныхъ школъ на составѣ учительскаго персонала. Учителя церковныхъ школъ дѣлятся на двѣ категоріи. Къ первой принадлежатъ члены клира, главнымъ образомъ діаконы и псаломщики, ко второй —лица свѣтскія. Но совмѣщеніе діаконскихъ или псаломщицкихъ занятій съ учительскими, помимо неподготовленности членовъ клира къ учительству, имѣетъ такъ много неудобствъ, что число учителей изъ лицъ духовныхъ уменьшается все больше, и ихъ мѣсто занимаютъ спеціальные свѣтскіе учителя. Но составъ этихъ учителей крайне неудовлетворителенъ. Среди нихъ преобладаютъ лица „неправоспособныя къ учительскому званію", съ начальнымъ, низшимъ или „домашнимъ" образованіемъ и не выдержавшія экзамена на званіе учителя. По даннымъ для 21 губерніи въ 1898 году процентъ „неправо-

---

[1]) Къ 1 января 1898 г. одноклассныхъ ц.-прих. школъ было 16.861, школъ грамоты—21.614.

способныхъ" учителей равнялся: въ 5 губерніяхъ отъ 31 до 38, въ 6 губерніяхъ—отъ 41 до 57, въ 5 губ.—отъ 61 до 68, и въ 5 губерніяхъ—отъ 70 до 94. Эти учителя представляютъ очень пестрое смѣшеніе лицъ самыхъ различныхъ профессій и общественнаго положенія. Объединяетъ ихъ только нужда да полная непригодность къ тому дѣлу, за которое они взялись. Ставропольскій отчетъ указываетъ на необходимость вытѣснить такихъ учителей, „какъ отставные унтеръ-офицера, заштатные волостные писаря и прочій людъ, берущійся за обученіе ребятъ, какъ за послѣдній рессурсъ ихъ разбитой, неудавшейся жизни". Кишиневскій отчетъ говоритъ, что „большинство учителей и учительницъ хотинскаго уѣзда дѣло воспитанія и обученія ведутъ вообще неумѣло. Многіе изъ нихъ незнакомы съ методами и способами преподаванія; другіе, будучи знакомы съ общеупотребительными методическими руководствами, не умѣютъ примѣнять эти руководства къ обученію; третьи, удовлетворительно занимаясь обученіемъ и сосредоточивая на учебной части главное свое вниманіе, оставляютъ въ сторонѣ воспитательную часть". Черниговскій отчетъ также характеризуетъ неправоспособныхъ учителей какъ „людей случайныхъ, почти совершенно незнакомыхъ съ простѣйшими и болѣе усовершенствованными пріемами преподаванія".

До какихъ размѣровъ можетъ доходить невѣжество такихъ учителей—видно изъ примѣра, отмѣченнаго однимъ изъ наблюдателей церковныхъ школъ симбирской губерніи. Въ одной изъ осмотрѣнныхъ имъ школъ учителемъ служитъ „старикъ, который слабъ зрѣніемъ (отчего страдаетъ ужасно дисциплина), самъ крайне безграмотенъ и къ пѣнію неспособенъ".

Не далеко ушли отъ этого старика и слушатели учительскихъ курсовъ въ с. Лютенькѣ, полтавской губерніи. Составъ ихъ, по словамъ отчета, оказался настолько слабымъ, что пришлось обратить „особое вниманіе на усовершенствованіе курсистовъ въ учебныхъ предметахъ начальной школы", а не на усвоеніе ими пріемовъ преподаванія. Попадаются среди этого собранія неудачниковъ и люди сомнительной нравственности. На съѣздѣ уѣздныхъ наблюдателей костромской губерніи было отмѣчено, что „учителя изъ крестьянъ домашняго образованія въ школахъ грамоты нерѣдко являются не вполнѣ благонадежными въ нравственномъ отношеніи. Весьма рѣдко за учительство въ школѣ грамоты берется степенный крестьянинъ изъ исправныхъ хозяевъ".

„Въ учителя школъ грамоты обыкновенно идутъ или лица, не

имѣющія собственнаго хозяйства, или лица съ физическими недостатками, препятствующими имъ работать". И въ полтавской губерніи пришлось дѣлать въ зѣньковскомъ уѣздѣ „священникамъ-завѣдывающимъ напоминаніе о томъ, что они отвѣтственны за допущеніе къ учительству въ хуторскихъ школахъ грамоты лицъ сомнительной нравственности, каковы нѣкоторые изъ среды малограмотныхъ отставныхъ солдатъ".

Эта полная неспособность большинства учителей успѣшно выполнять свое дѣло есть прямое слѣдствіе страшно низкой оплаты въ церковныхъ школахъ учительскаго труда. Вотъ данныя по этому вопросу для 13 губерній, въ которыхъ было 6.966 учащихъ, не принадлежащихъ къ клиру. Изъ нихъ 2.096 человѣкъ получали въ годъ менѣе 50 руб.; 1.317—получали отъ 50 до 100 руб.; 1.232—отъ 100 до 150 руб.; 936—отъ 150 до 200 руб. и 1.485 получали болѣе 200 руб. Слѣдовательно, около трети всѣхъ учащихъ получаютъ менѣе 50 рублей въ годъ. Не трудно представить, каковы условія ихъ жизни, и какія лишенія имъ приходится терпѣть. Судьба многихъ изъ нихъ часто бываетъ по истинѣ трагичной, и отголоски этихъ житейскихъ драмъ иногда проникаютъ даже на сухіе столбцы школьныхъ отчетовъ. „Вслѣдствіе скуднаго содержанія,—говоритъ волынскій отчетъ,—учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ приходилось терпѣть по истинѣ и голодъ, и холодъ, нести трудъ свой по обученію крестьянскихъ дѣтей при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, заниматься буквально съ ранняго утра до поздняго вечера". „Нѣкоторые учителя,—пишутъ „Подольскія Епарх. Вѣдомости",—получаютъ 50, 30 и даже 20 руб. за учебное время, т.-е. за шесть мѣсяцевъ. Большая часть такихъ учителей умерла бы безъ сомнѣнія съ голоду, еслибы священники не спасали ихъ отъ голодной смерти своею благотворительностью, а кое-гдѣ и сельскія общества не соглашались кормить ихъ на общественный счетъ, т.-е. давать обѣдъ по очереди ежедневно". „Епархіальныя женскія училища,—читаемъ въ отчетѣ пензенскаго епархіальнаго наблюдателя,—даютъ учительницъ нетребовательныхъ въ отношеніи жизненныхъ удобствъ и не падающихъ духомъ, не теряющихъ интереса къ дѣлу въ борьбѣ съ лишеніями и неудобствами. Отмѣтимъ Соболевскую и Любимову, долгое время жившихъ на удивительно скудномъ окладѣ и въ холодныхъ, угарныхъ школьныхъ зданіяхъ,—однако не ожесточившихся и сохранившихъ необходимое въ школьномъ дѣлѣ доброе настроеніе".

Но, пожалуй, наиболѣе краснорѣчиво говоритъ о невоз-

можно тяжелыхъ условіяхъ учительской службы повальное бѣгство учителей церковныхъ школъ со своихъ мѣстъ, едва къ этому представляется малѣйшая возможность.

По словамъ одного изъ отчетовъ, учителя, „не удовлетворяясь получаемымъ ими ничтожнымъ вознагражденіемъ за свой нелегкій трудъ, стремятся переходить на службу въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ учительскій трудъ оплачивается лучше, или же ищутъ другихъ, болѣе выгодныхъ мѣстъ, до должности сельскаго писаря включительно“. О размѣрахъ этого бѣгства учителей дадутъ лучшее понятіе цифры. Изъ 6.266 учителей въ 12 губерніяхъ, 1.265 прослужили менѣе года, 1.640 прослужили 1 годъ, 1005—2 года, 811—3 года, 463—4 года и 984—болѣе 4-хъ лѣтъ. Такимъ образомъ, половина всѣхъ учителей покидаетъ свои мѣста не позже чѣмъ черезъ годъ, а учащимся дѣтямъ постоянно приходится переходить къ новому учителю. Руководители церковныхъ школъ, конечно, видятъ, что низкая оплата учительскаго труда гонитъ изъ церковной школы всѣхъ мало-мальски удовлетворительныхъ учителей, и потому признаютъ желательнымъ повышеніе жалованья. Но проекты эти, въ большинствѣ случаевъ, настолько умѣренны, что, и осуществившись, не могли бы обезпечить церковнымъ школамъ правоспособныхъ постоянныхъ учителей. Напримѣръ, съѣздъ витебскихъ наблюдателей полагаетъ, что „высшимъ размѣромъ вознагражденія учителя грамоты изъ учениковъ второклассныхъ школъ можно признать 120 руб., причемъ въ каждой мѣстности опредѣлителемъ жалованья означеннымъ учителямъ долженъ служить средній годовой заработокъ мѣстнаго крестьянства. Если по мѣстнымъ условіямъ достаточно для такого учителя 60, 80, 100 руб. въ годъ, то этимъ и слѣдуетъ ограничиться. Учителя школъ грамоты, окончившіе учебныя заведенія не ниже двухклассной школы, могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворительными учителями школъ грамоты,—поэтому имъ назначить 40—80 руб. въ годъ жалованья; для учителей, окончившихъ одноклассныя школы, но признанныхъ удовлетворительными по веденію школьнаго дѣла—20—60 руб. въ годъ“. Костромскіе наблюдатели оказываются болѣе щедрыми. Они полагаютъ, что „плата за трудъ учителя школъ грамоты должна быть нѣсколько выше средней зимней заработной платы даннаго уѣзда. Такъ, учителю съ образованіемъ одноклассной школы слѣдовало бы назначить по разнымъ уѣздамъ отъ 40 до 120 р., съ образованіемъ двухклассной—120 руб. въ годъ“. Но и тѣ изъ руководителей школьнаго дѣла, которые не дѣлаютъ крестьянскій заработокъ мѣриломъ для оплаты

учительскаго труда, не далеко уходятъ отъ него въ своихъ предположеніяхъ. Такъ, псковской училищный совѣтъ ходатайствовалъ предъ синодомъ „объ отпускѣ съ начала 1900 года въ жалованье учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ по меньшей мѣрѣ 15 руб. въ мѣсяцъ въ уѣздахъ и 20 руб. въ городахъ, съ прибавленіемъ содержанія на 25% годового жалованья черезъ каждое пятилѣтіе. Въ жалованье учащимъ въ школахъ грамоты отпускать по крайней мѣрѣ по 60 руб. въ годъ каждому". Смоленскій училищный совѣтъ установилъ слѣдующіе оклады жалованья для учителей церковно-приходскихъ школъ: 240 руб. въ годъ учителю съ среднимъ образованіемъ; 150 руб.—съ неполнымъ среднимъ, но со свидѣтельствомъ на учительское званіе, и 120 руб.—не имѣющему учительскаго званія. По мнѣнію нижегородскаго епархіальнаго наблюдателя, „неотложно необходимо увеличить жалованье всѣмъ учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ по крайней мѣрѣ до 240 р., а школъ грамоты—до—120 руб.". Училищный совѣтъ воронежской епархіи предположилъ постепенное увеличеніе жалованья вмѣстѣ съ продолжительностью службы: учителямъ и учительницамъ, прослужившимъ въ церковно-приходскихъ школахъ болѣе трехъ лѣтъ, прибавляется 1/4 оклада жалованья; прослужившимъ болѣе шести лѣтъ—1/2 оклада; прослужившимъ болѣе девяти лѣтъ и окончившимъ среднія учебныя заведенія или получившимъ спеціальное педагогическое образованіе—полный окладъ 300 руб. въ годъ; остальнымъ—200 руб. Интересно отмѣтить, что учителей, прослужившихъ болѣе девяти лѣтъ, нашлось въ воронежской епархіи всего 8 человѣкъ.

Новгородскіе руководители церковныхъ школъ даже доказываютъ невозможность при нынѣшнихъ условіяхъ платить учителямъ достаточное жалованье. „По отношенію къ обезпеченію учащихся всѣ отдѣленія выражаютъ желаніе,—читаемъ мы въ отчетѣ,—чтобы размѣръ ихъ вознагражденія былъ уравненъ съ таковымъ же вознагражденіемъ учащихъ въ гражданскихъ школахъ, для устраненія въ учащихъ повода искать лучшихъ учительскихъ мѣстъ внѣ церковно-школьнаго вѣдомства. Есть, правда, средство достигнуть этого, и оно заключается въ томъ, чтобы, при увеличивающихся съ каждымъ годомъ ассигновкахъ со стороны училищнаго совѣта при св. синодѣ, не увеличивать количества школъ до того времени, пока существующія школы не будутъ доведены до желаемаго благоустройства, но это средство—слишкомъ рискованное: съ одной стороны, насильственная пріостановка поступательнаго развитія церковно-школьнаго дѣла можетъ

вызвать неудовольствіе крестьянскихъ обществъ и нареканія ихъ на духовно-учебное вѣдомство за то, что оно не удовлетворяетъ ихъ исторически сложившимся потребностямъ въ нравственно-религіозномъ воспитаніи и обученіи, а съ другой—это средство угрожаетъ опасностью дальнѣйшему увеличенію размѣровъ ассигновокъ со стороны училищнаго совѣта при св. синодѣ".

А между тѣмъ, пока не будетъ повышена оплата учительскаго труда, всѣ другія средства поднять педагогическую правоспособность учителей церковныхъ школъ не могутъ имѣть никакого серьезнаго значенія. А какъ разъ на нихъ возлагаются главныя надежды. Такими чрезвычайно важными мѣрами руководители школьнаго дѣла считаютъ второклассныя школы и краткосрочные учительскіе курсы. Второклассныя школы, по мысли ихъ учредителей, должны быть разсадниками хорошихъ учителей для церковныхъ школъ.

На самомъ дѣлѣ спеціально педагогической элементъ въ этихъ школахъ очень невеликъ, и онѣ являются лишь лучшими изъ начальныхъ школъ. Только предъявляя къ учителю слишкомъ низкія требованія, можно признавать лицъ, окончившихъ второклассныя школы, хорошими учителями. Къ тому же число этихъ школъ очень невелико, и онѣ еще долго не будутъ въ состояніи давать достаточный контингентъ учителей: къ 1898 году на 38.475 церковныхъ школъ было всего 225 второклассныхъ.

Совершенно ясно также, что и окончившіе второклассныя школы будутъ точно также бѣжать отъ тяжелой учительской жизни, какъ и всѣ остальные учителя. Новгородскій епархіальный наблюдатель, признавая, что „лучшими кандидатами на учительскія мѣста въ школахъ грамоты являются окончившіе курсъ во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ", справедливо указываетъ, что „такихъ кандидатовъ немного и можно опасаться, что если средства школъ грамоты не улучшатся, то воспитанники второклассныхъ школъ не пойдутъ въ нихъ на службу".

Но важнѣйшей мѣрой, которая всего болѣе должна способствовать улучшенію педагогической подготовки учителей, служатъ, по мнѣнію всѣхъ руководящихъ школьнымъ дѣломъ, краткосрочные лѣтніе учительскіе курсы. Они получили повсемѣстное распространеніе, и можно изъ каждаго почти школьнаго отчета выписать цѣлые панегирики курсамъ, которые, будто бы, „принесли неоцѣнимую пользу", „оказали огромное вліяніе на поднятіе преподаванія" и т. п. Одинъ изъ уѣздныхъ наблюдателей минской

губерніи, напримѣръ, пишетъ: „Присутствуя въ отчетномъ году на урокахъ учителей, побывавшихъ на курсахъ, и сравнивая ихъ теперешнее преподаваніе съ прошлогоднимъ я, буквально, былъ пораженъ цѣлесообразностью и правильностью ихъ дидактическихъ пріемовъ. Вмѣсто прежней робости, неувѣренности въ себѣ, неумѣнья оріентироваться въ массѣ дѣтей съ ихъ чрезвычайно разнообразнымъ развитіемъ и подготовкой, незнанія самыхъ элементарныхъ правилъ дидактики относительно распредѣленія учебнаго матеріала, явилась бойкость въ преподаваніи, способность примѣняться къ дѣтскимъ понятіямъ“, и т. д. подробно разсказывается о необыкновенно полезномъ вліяніи курсовъ.

Есть, однако, много основаній думать, что подобныя характеристики представляютъ не болѣе какъ плодъ чрезмѣрнаго увлеченія ихъ авторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, учительскіе курсы продолжаются, въ среднемъ, не болѣе мѣсяца,—время совершенно недостаточное, чтобы дѣйствительно улучшить подготовку такихъ лицъ, какъ „неправоспособные“ учителя церковныхъ школъ; число курсистовъ всюду очень невелико,—отъ 50 до 100 человѣкъ въ большинствѣ случаевъ,—значитъ, на курсы попадаетъ лишь незначительная часть нуждающихся въ нихъ учителей. Но всего важнѣе то, что курсы являются главнымъ образомъ, иногда почти исключительно, курсами церковнаго пѣнія. На пѣніе уходитъ бо̀льшая часть уроковъ, а на остальные предметы почти не остается времени. Въ подтвержденіе приведемъ нѣсколько типичныхъ росписаній занятій на курсахъ. На курсахъ въ Екатеринославѣ въ 1899 г. было 103 урока пѣнія, 26 уроковъ русскаго языка и 17 уроковъ счисленія. Въ Кишиневѣ на курсахъ 1898 г. всѣхъ часовыхъ уроковъ за все время курсовъ (одинъ мѣсяцъ) было: по Закону Божію—8, по дидактикѣ и методикѣ обученія славянской грамотѣ и русскому языку—21, счисленію—11, чистописанію—2, церковному пѣнію—59. На пермскихъ курсахъ, продолжавшихся полтора мѣсяца, было 123 урока пѣнія, 27 уроковъ русскаго языка и 15 уроковъ ариѳметики.

При такомъ характерѣ курсовъ нельзя, конечно, ждать повышенія общаго педагогическаго уровня учащихъ; единственно, чего, можетъ быть, курсы достигаютъ, это нѣкотораго улучшенія въ преподаваніи церковнаго пѣнія. По остальнымъ предметамъ они могутъ для немногихъ отдѣльныхъ лицъ улучшить ихъ знанія, но для всей массы неподготовленныхъ учителей, даже еслибы и удалось (что̀ въ дѣйствительности невозможно) провести ее черезъ курсы, значеніе курсовъ совершенно ничтожно.

Но еслибы курсы даже и приносили дѣйствительные результаты, они все-же не могутъ ни измѣнить тяжелыхъ условій жизни учителей, ни удержать ихъ отъ стремленія перейти на болѣе обезпеченныя мѣста. Для лучшихъ изъ учителей курсы даже облегчаютъ этотъ переходъ. „Нужно жалѣть,—пишетъ въ своемъ отчетѣ новгородскій епархіальный наблюдатель,—что курсы, возвышая педагогическую подготовку учителей и учительницъ, тѣмъ самымъ облегчаютъ и ускоряютъ для нихъ переходъ на службу въ лучше, матеріально, обезпеченныя гражданскія школы. Это обстоятельство, вредно отзываясь на успѣхахъ церковныхъ школъ вообще, особенно тяжело отзывается на дѣятельности наблюдателей: всѣ старанія и заботы ихъ о возвышеніи педагогической подготовки учащихъ при этомъ остаются безрезультатными; съ каждымъ годомъ на мѣстѣ болѣе опытныхъ и лучшихъ учителей и учительницъ они встрѣчаютъ новичковъ, которыхъ снова нужно учить тому же, чему учили ихъ предшественниковъ, и опять для того, чтобы послѣ новыхъ трудовъ надъ ихъ подготовкой проститься съ ними и отпустить на службу въ гражданскія школы".

Мы видимъ, такимъ образомъ, что по вопросу о повышеніи педагогическаго уровня учителей церковно-школьные дѣятели считаютъ достаточными мѣры, которыя оказываются на дѣлѣ, въ лучшемъ случаѣ, слабыми палліативами. Объясняется это ихъ отношеніемъ къ неправоспособнымъ учителямъ. Конечно, руководители церковной школы не могутъ не признавать, что неподготовленный учитель хуже подготовленнаго и что „неправоспособные" учителя нерѣдко оказываются никуда негодными, но все-же взглядъ на нихъ не настолько отрицательный, чтобы могъ повлечь за собой энергичныя мѣры къ уменьшенію этой наиболѣе значительной части учительскаго персонала. Отчеты и училищныхъ совѣтовъ, и епархіальныхъ наблюдателей, признаютъ дѣятельность неправоспособныхъ учителей, въ общемъ, если и не вполнѣ безупречною, то во всякомъ случаѣ удовлетворительною, и постоянно повторяютъ стереотипную фразу, что они „недостатокъ своей подготовки и опытности восполняли особымъ усердіемъ и прилежаніемъ къ дѣлу". Правда, для такого „восполненія" нужно по истинѣ гигантское количество труда со стороны и учителя, и учениковъ. „Начало учебныхъ занятій ежедневно съ восходомъ солнца и конецъ ихъ съ закатомъ—это обычное явленіе въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителями состоятъ ревностные труженики изъ неправоспособныхъ",—говоритъ кишиневскій отчетъ. Волынскій отчетъ также указываетъ на необходимость для

многихъ учителей „заниматься буквально съ ранняго утра до поздняго вечера". „Наличный составъ учителей школъ грамоты,—по словамъ черниговскаго отчета,—достигаетъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ результатовъ только благодаря исключительному упорному труду".

Это въ общемъ благопріятное отношеніе къ неправоспособнымъ учителямъ иногда порождаетъ сужденія, предъ которыми можно только остановиться въ недоумѣніи.

„Значительный процентъ учащаго персонала въ церковныхъ школахъ волынской епархіи составляютъ лица неправоспособныя, но отъ этого дѣло обученія не страдаетъ,—пишетъ въ своемъ отчетѣ волынскій епархіальный наблюдатель.—Эти лица своею усидчивостью, своимъ усердіемъ, своимъ высокимъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ подъ добрымъ водительствомъ о.о. завѣдующихъ, вліяютъ на крестьянскую среду нерѣдко благотворнѣе, чѣмъ учителя правоспособные, мало прикрѣпленные къ мѣсту и служенію, въ ожиданіи высшаго содержанія и лучшей въ матеріальномъ и болѣе легкой въ нравственномъ отношеніи должности: послѣдніе и при успѣшныхъ занятіяхъ въ школѣ за краткостью времени бываютъ не въ состояніи упрочить свое вліяніе, дать устои своимъ добрымъ начинаніямъ и стремленіямъ, собрать школу; вся ихъ заслуга ограничивается выпускомъ съ правами на льготу нѣсколькихъ учениковъ школы; неправоспособные же учителя, для которыхъ не такъ широко открыты пути жизни, прикрѣпляются къ мѣсту, медленно, шагъ за шагомъ идутъ къ намѣченной цѣли, развивая и образовывая самихъ себя, улучшая годъ отъ году и учебную постановку своей любимой ими школы, вырабатывая часто себѣ помощниковъ и сотрудниковъ изъ своихъ питомцевъ, которымъ влагаютъ свою любовь къ школѣ, къ книгѣ. При знаніи церковнаго пѣнія, при любви къ школѣ, неправоспособные учителя умѣютъ привлечь симпатіи дѣтей къ школѣ, пользуются надлежащимъ уваженіемъ и въ средѣ взрослыхъ: во всѣхъ нужныхъ имъ случаяхъ крестьяне идутъ къ нимъ за совѣтомъ и указаніями, у нихъ учатся правильно молиться Богу, отъ нихъ узнаютъ исторію праздника и житіе святыхъ, такъ что они являются добрыми руководителями и мѣстнаго общества, и надежными сотрудниками пастырей въ высокомъ дѣлѣ религіознаго воспитанія народа".

Обращаясь теперь къ вліянію дешевизны церковныхъ школъ на школьную обстановку, въ которой приходится работать учителямъ, посмотримъ, насколько обезпечены церковныя школы необходимыми учебными принадлежностями и пособіями. Очень

многіе отчеты жалуются на недостатокъ въ школахъ книгъ и письменныхъ принадлежностей, на то, что ихъ доставляютъ иногда очень поздно, и что вообще это дѣло организовано не совсѣмъ удовлетворительно. Кое-гдѣ пытались помочь бѣдѣ, обязавъ учениковъ являться въ школу со своими книгами и тетрадями,—но эти попытки всегда кончались неудачей. Слѣдовательно, степень обезпеченія церковныхъ школъ учебными книгами, пособіями и письменными принадлежностями зависитъ исключительно отъ расходовъ на этотъ предметъ училищныхъ совѣтовъ. По даннымъ для 9-ти губерній среднія годовыя издержки на книги и пособія въ одной церковно-приходской одноклассной школѣ составляли: въ 4-хъ губерніяхъ отъ 7 до 10 руб., въ 3-хъ губерніяхъ—отъ 12 до 18 руб. и въ 2-хъ губерніяхъ—30 и 37 руб.; на письменныя принадлежности расходовалось въ 7 губерніяхъ отъ 4 руб. 23 коп. до 9 руб. 30 коп. и въ 2-хъ губерніяхъ—12 руб. 60 коп. и 20 руб. На одну школу грамоты, въ среднемъ, израсходовано на книги и пособія въ 6 губерніяхъ отъ 1 руб. 70 коп. до 5 руб. 78 коп. и въ 3-хъ губерніяхъ—отъ 9 руб. до 11 руб. 45 коп.; на письменныя принадлежности въ 6-ти губерніяхъ—отъ 83 коп. до 4 руб. и въ 3-хъ губерніяхъ—отъ 5 руб. 50 коп. до 7 рублей.

Долженъ неблагопріятно отражаться на успѣхахъ школьнаго дѣла и недостатокъ удобныхъ помѣщеній для школъ. Правда, нѣкоторые училищные совѣты расходуютъ довольно значительныя суммы на постройку школьныхъ зданій, но все-же въ 11 губерніяхъ, для которыхъ у насъ есть данныя, на 3.765 школьныхъ помѣщеній „удобныхъ", по терминологіи школьныхъ отчетовъ, приходится 3.849 „неудобныхъ". „Помѣщеніемъ для большинства школъ грамоты служатъ наемныя крестьянскія избы со всѣми ихъ неудобствами",—читаемъ въ отчетѣ новгородскаго епархіальнаго наблюдателя. Отчетъ черниговской епархіи говоритъ: „Въ ряду условій, задерживающихъ развитіе церковныхъ школъ, нужно поставить, прежде всего, то обстоятельство, что церковныя школы и главнымъ образомъ школы грамоты, за скудостью матеріальныхъ средствъ, поступающихъ на содержаніе этихъ школъ, или совсѣмъ не располагаютъ собственными помѣщеніями —и потому вынуждены бываютъ ютиться въ крайне неудобныхъ и тѣсныхъ крестьянскихъ избахъ, или же помѣщаться хотя и въ собственныхъ зданіяхъ, но настолько тѣсныхъ, что увеличеніе числа учащихся въ нихъ становится положительно невозможнымъ, и потому многимъ дѣтямъ, желающимъ учиться, приходится отказывать въ принятіи въ школу. Въ 1898 году

16 школъ грамоты прекратили свое существованіе за недостаткомъ помѣщеній".

Гродненскій отчетъ даетъ такое описаніе „средняго" помѣщенія церковной школы: „Обыкновенная крестьянская изба, размѣрами 7—8 аршинъ или около того, съ небольшими, въ два стекла окнами, пропускающими мало свѣта, иногда съ землянымъ поломъ вмѣсто деревяннаго, съ огромной печью, на которой пріютились домашніе со своими прялками да съ грудными дѣтьми, составляетъ помѣщеніе школы; учащихся среднимъ числомъ 20—25 человѣкъ, расположившихся на скамьяхъ и по обѣимъ сторонамъ столовъ; столы иногда изъ узенькихъ досокъ во всю длину комнаты; въ тѣснотѣ нерѣдко пользуются какъ столомъ первой попавшейся подъ руку удобной вещью".

Что̀, казалось бы, привлекательнаго можно найти въ подобныхъ картинахъ? Но обычный оптимизмъ не покидаетъ и тутъ руководителей церковно-школьнаго дѣла, и какъ бы въ pendant къ приведенному уже нами диѳирамбу волынскаго наблюдателя неправоспособнымъ учителямъ, его таврическій коллега не менѣе краснорѣчиво превозноситъ въ своемъ отчетѣ „неудобныя" школьныя помѣщенія. „Очень многія школы,—пишетъ онъ,—помѣщаются въ такихъ тѣсныхъ и ветхихъ зданіяхъ, что занятія въ нихъ могутъ происходить съ чрезвычайнымъ трудомъ. Уже при началѣ уроковъ въ классѣ чувствуется недостатокъ воздуха, такъ что даже во время сильныхъ холодовъ требуется открывать въ классѣ дверь, чтобы дѣти имѣли чѣмъ дышать, а для защиты отъ холода позволяется дѣтямъ сидѣть въ полушубкахъ, въ теплыхъ платкахъ и под. Есть школы, въ которыхъ, буквально, негдѣ поворотиться, негдѣ поставить учительскаго столика, повѣсить классную доску, гдѣ дѣти чуть не вплотную сидятъ отъ стѣнки до двери, пишутъ, держа доски на плечахъ другъ у друга. Думать ли тутъ объ удобствахъ, о чистотѣ, о строгомъ порядкѣ? При всемъ томъ, и въ этихъ тѣсныхъ, душныхъ и грязныхъ школахъ учатся, учатся малютки, стараясь проникнуть въ тайны книжной премудрости, и учатся нисколько не хуже, если не лучше, тѣхъ счастливыхъ дѣтей, на долю которыхъ выпала возможность обучаться въ свѣтлыхъ, просторныхъ и удобныхъ земскихъ школахъ, возвышающихся иногда рядомъ съ убогими церковными школами".

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ вліяніе дешевизны церковной школы на тѣ стороны школьнаго дѣла, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависятъ успѣшные его результаты. Къ этимъ результатамъ мы теперь и перейдемъ.

II.

Церковныя школы преслѣдуютъ главнымъ образомъ задачи религіозно-воспитательныя; образовательныя задачи стоятъ у нихъ на второмъ планѣ. Церковныя школы—гласитъ § 1 правилъ о нихъ—имѣютъ цѣлью „утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и сообщать первоначальныя полезныя знанія". „Церковная школа ставитъ на первомъ планѣ воспитательную цѣль, а не тѣ или другіе методы преподаванія... Церковно-приходская школа призвана къ возможному осуществленію церковнаго и всенароднаго идеала начальнаго обученія, черты коего въ теченіе минувшаго 25-лѣтія, къ сожалѣнію, искажены были невѣрнымъ и мечтательнымъ представленіемъ о народной школѣ, какъ о средствѣ распространять въ народѣ реальныя знанія посредствомъ искусственныхъ пріемовъ обученія, заимствованныхъ изъ чужеземной практики" [1]).

Школьные дѣятели на мѣстахъ строго держатся этихъ взглядовъ и стараются проводить ихъ на практикѣ. Такъ, напр., съѣздъ наблюдателей церковныхъ школъ харьковской епархіи постановилъ, что „не обученіе должно составлять основную задачу народной школы, а воспитаніе—въ духѣ подчиненія церковной и гражданской власти, по уставу церкви православной, на началахъ христіанской вѣры и любви". Точно также и завѣдующіе и учащіе пензенской епархіи „заботились о воспитаніи въ дѣтяхъ набожности, религіозно-нравственнаго чувства и патріотическаго духа, пріучали ихъ къ порядку, точности, вѣжливости, благопристойности и послушанію".

Требуя такимъ образомъ отъ школы не развитія ума и сообщенія извѣстныхъ знаній, а воспитанія опредѣленныхъ чувствъ и настроеній, церковно-школьные дѣятели пытаются обосновать этотъ взглядъ весьма своеобразными представленіями о психикѣ ребенка. „Воспитаніе важнѣе обученія, — говорилъ полтавскій преосвященный Илларіонъ на съѣздѣ уѣздныхъ наблюдателей.— Дѣтская головка сквозная, и то, что попадаетъ въ нее, скоро вывѣтривается. Сердце же глубоко и далеко; запавшее въ него доброе сѣмя надолго въ немъ остается". Эти указанія „члены съѣзда приняли въ обязательное руководство какъ для совѣщаній на съѣздѣ, такъ и для выполненія по школамъ на дѣлѣ".

Воспитательнымъ цѣлямъ служитъ прежде всего весь строй

---

[1]) Всеподданнѣйшій отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1889 г., стр. 106 и 108.

школьной жизни, который направленъ къ возможно тѣсному единенію школы и церкви; эту цѣль преслѣдуютъ—чтеніе и пѣніе молитвъ въ началѣ и концѣ учебнаго дня, обязательное присутствіе учениковъ по праздникамъ и наканунѣ ихъ на богослуженіи и участіе въ немъ въ качествѣ пѣвчихъ, чтецовъ и прислужниковъ, обязательное говѣніе всей школой и т. п. Религіозно-воспитательныя цѣли преслѣдуетъ преподаваніе Закона Божія, церковнаго пѣнія и церковно-славянской грамоты—трехъ главныхъ предметовъ школьнаго курса. Но результаты воспитательнаго дѣла зависятъ не столько отъ общаго распорядка школьной жизни, сколько отъ живого вліянія людей, которые руководятъ имъ. Среди нихъ первое мѣсто занимаютъ священники—учредители и руководители школъ, отвѣтственные за православно-церковное ихъ направленіе, и преподаватели Закона Божія. Всѣ училищные совѣты отзываются съ большой похвалой о дѣятельности духовенства въ церковно-школьномъ дѣлѣ; сельскіе священники, по словамъ отчетовъ, отдаютъ школамъ много любви и энергіи. Но такъ какъ для доказательства этихъ общихъ фразъ отчеты не приводятъ почти никакихъ фактовъ, то о ревности духовенства къ школьному дѣлу приходится судить главнымъ образомъ по очень быстрому росту числа школъ,—вѣдь на священникахъ лежатъ заботы объ ихъ открытіи. Но на самомъ дѣлѣ этотъ ростъ является результатомъ скорѣе начальственныхъ предписаній, чѣмъ добровольнаго рвенія сельскаго духовенства. Такъ напр., указомъ орловской консисторіи было объявлено въ 1899 г. священникамъ распоряженіе преосвященнѣйшаго Никанора „о возможно безотлагательномъ открытіи школъ грамоты въ тѣхъ приходахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ школъ“. Благодаря этому, въ 1899 г. открылось 120 новыхъ школъ грамоты, тогда какъ въ предыдущемъ году ихъ открылось всего 17. Такое увеличеніе числа школъ служитъ весьма слабымъ показателемъ сочувствія къ нимъ сельскихъ священниковъ, да и ихъ собственные голоса, къ сожалѣнію, очень рѣдкіе въ печати, свидѣтельствуютъ о томъ же. Вотъ что̀, напр., пишетъ одинъ изъ „сельскихъ священниковъ“ [1]). „Церковныя школы народились всюду, какъ грибы послѣ дождя; настроили ихъ почти исключительно священники. Священниковъ же силкомъ заставляло строить церковно-приходскія школы епархіальное начальство. Пріѣзжаетъ начальство для ревизіи въ извѣстное село, спрашиваетъ священника: „а есть

---

[1]) „С.-Петерб. Вѣд.“ 1900 г., № 98. „О церковныхъ школахъ“ (письмо въ редакцію).

у тебя, отче, церковно-приходская школа?“ Священникъ отвѣчаетъ, что церковно-приходской нѣтъ, а есть земская. За эту „земскую“ бѣдный пастырь получаетъ порядочную головомойку вмѣстѣ съ приказаніемъ: во что бы то ни стало выстроить церковно-приходскую школу; въ противномъ случаѣ грозятъ перевести въ другой, худшій приходъ... Большинство не только что изъ народа, а изъ тѣхъ же священниковъ не сочувствуютъ церковной школѣ; но разъ высшее ихъ начальство наваливаетъ силкомъ имъ на плечи эту школу, да еще вдобавокъ безъ всякаго матеріальнаго вознагражденія, а только подкрѣпляетъ приказаніе свое подходящими текстами изъ Священнаго Писанія, ну и смиряется бѣдный священникъ, думая, что плетью обуха не перешибешь“. Обязательное устройство школъ и руководство школьнымъ дѣломъ въ полномъ его объемѣ есть задача совершенно чуждая духовенству и насильно ему навязанная; для осуществленія этой задачи, священникамъ не дано никакихъ средствъ, и, конечно, трудно и ожидать съ ихъ стороны другого отношенія къ церковной школѣ, кромѣ чисто формальнаго. Да и сами руководители церковно-школьнаго дѣла, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они въ своихъ отчетахъ отъ общихъ фразъ переходятъ къ фактамъ, подтверждаютъ наше предположеніе. Очень любопытенъ въ этомъ отношеніи докладъ преосвященному Илларіону полтавскаго наблюдателя объ осмотрѣ 20 школъ константиноградскаго уѣзда. Выдержки изъ этого доклада дадутъ прекрасныя иллюстраціи къ интересующему насъ вопросу. Замѣтимъ, что полтавская епархія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по развитію церковно-школьнаго дѣла. Епархіальный наблюдатель пишетъ:

„Въ г. Константиноградѣ соборная церковно-приходская школа открыта только въ половинѣ ноября“. Къ этому мѣсту преосвященный Илларіонъ приписываетъ: „И то по настоянію. Священникъ Леусовъ дорожитъ уроками, которые оплачиваются. Старшій священникъ Леусовъ всегда былъ бездѣятеленъ. Протоіерей занятъ“.

„С. Песчанка—женская церковно-приходская школа. По Закону Божію пройдено весьма мало. Недостаточное количество уроковъ объясняется хлопотами о. Ильяшевича по дѣламъ семейнымъ.

„С. Лебяжье—женская церковно-приходская школа. По Закону Божію мало пройдено; нужно, чтобы священники посѣщали школу.

„С. Нагорная Игрушка—церковно-приходская школа. Свя-

щенникъ живетъ на хуторѣ. Школа эта не достойна имени церковно-приходской.

„Зачетиговская церковно-приходская школа. По Закону Божію требуется упорядочить дѣло, такъ какъ второгодники, не зная священной исторіи, изучаютъ катехизисъ, причемъ и познанія эти неудовлетворительны.

„С. Богатая Чернетчина—женская церковно-приходская школа. По Закону Божію старшія проходятъ о страданіяхъ Спасителя, отвѣчали слабовато; среднія проходятъ разные отдѣлы.

„С. Константиновка—церковно-приходская школа. По Закону Божію съ первогодниками, которыхъ имѣется 43, занятія не ведутся, и они читаютъ молитвы по домашнему, съ искаженіями; со второгодниками учитель учитъ молитвы; съ третьегодниками занимается священникъ и дѣти учатъ книгу наизусть, причемъ дошли только до жертвоприношенія Исаака.

„С. Даръ-Надежда — женская церковно-приходская школа. Завѣдующій благочинный священникъ Левченко. По Закону Божію старшія дѣвочки читаютъ объ Іаковѣ, священникъ на урокахъ въ этомъ году не былъ. Въ прошломъ году въ этой школѣ по журналу было 13 дѣвочекъ, въ нынѣшнемъ 6. Прозябаетъ она шестой годъ и ее считаютъ школою церковно-приходскою". Преосвященный къ этому мѣсту замѣчаетъ: „Очень жаль, что благочинный имѣетъ школу не ради показа, такъ какъ и показывать нечего, а ради того, чтобы записать въ клировую вѣдомость. Дурной примѣръ для подвѣдомыхъ въ благочиніи".

„Д. Чернолазовка—церковно-приходская школа. По Закону Божію старшіе учатъ о пророкахъ, а средніе о дѣтяхъ Ноя; священники не посѣщаютъ школъ.

„С. Варваровка—женская школа грамоты. Законоучитель является на уроки два раза въ недѣлю, и дѣти наизусть учатъ по самымъ краткимъ „Начальнымъ урокамъ", назначеннымъ для захолустныхъ школъ грамоты; старшія учатъ о тайной вечери, среднія принялись за Новый завѣтъ раньше Ветхаго; младшія ничего не учатъ и читаютъ молитвы съ искаженіями, по домашнему".

Такимъ образомъ въ половинѣ осмотрѣнныхъ школъ священники, и какъ руководители, и какъ законоучители, заботятся не объ успѣхахъ школьнаго дѣла, а единственно о полнотѣ клировыхъ вѣдомостей. Такое же чисто формальное отношеніе отмѣчаетъ епархіальный наблюдатель и среди благочинныхъ. „При просмотрѣ журналовъ уѣзднаго отдѣленія училищнаго

совѣта замѣчено, что о.о. благочинные совсѣмъ не посѣщаютъ собраній отдѣленія". Въ концѣ своего доклада епархіальный наблюдатель довольно неожиданно замѣчаетъ, что „общее знакомство съ 20-ью школами въ константиноградскомъ уѣздѣ приводитъ къ заключенію, что школьное дѣло стоитъ здѣсь на пути приближенія къ надлежащей нормѣ". Къ этимъ словамъ преосвященный Илларіонъ прибавляетъ: „Пора бы и приблизиться; мало энергіи въ духовенствѣ, а у оо. благочинныхъ еще меньше; на нихъ смотря, и подвѣдомые привыкаютъ кое-какъ отчетываться".

Чтобы полнѣе охарактеризовать законоучительскую дѣятельность священниковъ и выяснить положеніе преподаванія Закона Божія—этого основного предмета въ церковной школѣ, приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ школьныхъ отчетовъ.

„Отсутствіе непосредственнаго живого руководства учениками со стороны оо. законоучителей при изученіи Закона Божія—общій недостатокъ въ церковныхъ школахъ кирсановскаго уѣзда тамбовской епархіи". „Къ наиболѣе существеннымъ недостаткамъ преподаванія Закона Божія,—говоритъ харьковскій епархіальный наблюдатель,—относится требованіе отъ учащихся, чтобы они заучивали задаваемый урокъ по учебнику безъ предварительныхъ объясненій, вслѣдствіе чего, содержаніе урока часто заучивается дословно, безъ пониманія и пользы".

„Въ нѣкоторыхъ школахъ хотинскаго уѣзда кишиневской епархіи дѣти, по словамъ отчета, механически заучивали молитвы, совершенно не понимая ихъ смысла; ученіе о богослуженіи проходилось теоретически, безъ практическаго ознакомленія дѣтей съ частями храма, богослуженія и обрядами. Объясняетъ это о. наблюдатель тѣмъ, что Законъ Божій во многихъ школахъ на самомъ дѣлѣ преподаютъ учителя, которые большею частью не могутъ толково и разумно передать содержаніе уроковъ по этому предмету". Епархіальный наблюдатель херсонской епархіи докладывалъ архіерею, что въ церковныхъ школахъ „утреннія молитвы совершаются безъ должнаго вниманія: такъ, нерѣдко ученики, посѣщающіе школу по двѣ или даже по три зимы, не могутъ прочитать безошибочно утренней молитвы. Видно, что законоучители и учители школъ не пріучаютъ дѣтей къ порядку повторять устами молитвенныя слова, а разъ ученики не пріучаются къ этому, то можно ли говорить о благотворномъ вліяніи молитвы на сердце дитяти?"

„По Закону Божію въ школахъ съ меньшею успѣшностью,—говоритъ отчетъ по пензенской епархіи,—законоучители ограни-

чивались задаваніемъ и прослушиваніемъ уроковъ по учебнику, причемъ очень часто эти уроки заучивались учениками наизусть, механически, безъ пониманія. Изъ школъ съ наименьшей успѣшностью отмѣтимъ Ингереръ-Пятинскую. Здѣсь даже ученики старшаго отдѣленія во вторую половину учебнаго года не знали молитвы Господней".

Такимъ образомъ, въ очень многихъ мѣстахъ преподаваніе Закона Божія стоитъ, какъ мы видимъ, весьма неудовлетворительно и вовсе не свидѣтельствуетъ о любовномъ отношеніи священниковъ къ школьному дѣлу.

Говоря о преподаваніи Закона Божія, нельзя не отмѣтить миссіонерскихъ цѣлей, которыя преслѣдуются при этомъ въ мѣстностяхъ съ инославнымъ населеніемъ. „Въ школахъ приходовъ, зараженныхъ сектантствомъ и старообрядчествомъ,—читаемъ въ отчетѣ по астраханской епархіи,—кромѣ положеннаго по программѣ, всѣ почти законоучители знакомили учащихся съ предметами, пререкаемыми со стороны отдѣлившихся отъ церкви". Полтавскій наблюдатель указываетъ на необходимость примѣнять къ урокамъ Закона Божія миссіонерскую программу въ мѣстностяхъ, гдѣ распространенъ штундизмъ, и встрѣчаетъ въ своемъ мнѣніи полное одобреніе архіерея. Тамбовскій отчетъ свидѣтельствуетъ, что „въ нѣкоторыхъ приходахъ шацкаго уѣзда, зараженныхъ сектантствомъ или расколами, преподаваніе Закона Божія носило миссіонерскій характеръ". Церковной школѣ въ подольской губерніи предстоитъ, по мнѣнію ея руководителей, „выполнить въ отношеніи инославнаго католическаго и раскольническаго населенія весьма трудную задачу — миссіонерскую, возвратить его въ лоно православной церкви и тѣмъ пріобщить къ русской народной національности, немыслимой безъ православія".

Послѣ Закона Божія второе мѣсто среди предметовъ школьнаго преподаванія занимаетъ церковное пѣніе, эта „душа церковной школы", по выраженію одного изъ епархіальныхъ наблюдателей. Дѣйствительно, на этотъ предметъ направлены главныя заботы руководителей школьнаго дѣла. Церковное пѣніе они считаютъ лучшимъ средствомъ установить тѣсную связь между школой и церковью, поднять нравственный уровень населенія и привлечь къ церковной школѣ народныя симпатіи. Если, по общему признанію, нынѣшнее положеніе церковнаго пѣнія еще далеко отъ той желательной цѣли, когда въ каждой школѣ всѣ учащіеся будутъ составлять стройный церковный хоръ, то это зависитъ отъ трудностей, которыя встрѣчаетъ над-

лежащая организація преподаванія, требующая отъ учителя спеціальныхъ знаній и умѣнья. Но церковно-школьные дѣятели принимаютъ энергичныя мѣры для улучшенія дѣла. Такъ, напр., минскимъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ „объявлено къ свѣдѣнію учителей и учительницъ школъ, что тѣ изъ нихъ, относительно которыхъ будетъ замѣчено, что они уклоняются подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отъ преподаванія пѣнія, будутъ переведены на худшія мѣста, а затѣмъ, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, и совершенно будутъ удаляемы отъ службы; напротивъ, учителямъ и учительницамъ, кои, при удовлетворительныхъ успѣхахъ по другимъ предметамъ, будутъ съ усердіемъ и успѣхомъ заниматься церковнымъ пѣніемъ, будутъ предоставлены лучшія мѣста, а также имъ, по мѣрѣ возможности, будетъ увеличиваемо жалованье“. И въ волынскомъ училищномъ совѣтѣ „при выборѣ кандидатовъ на учительскія должности было обращаемо особое вниманіе на то, чтобы таковые могли обучать церковному пѣнію и могли устроить церковные хоры; кандидаты на учительскія должности, не удовлетворяющіе послѣднему условію, допускались только въ тѣхъ школахъ, гдѣ къ обученію церковному пѣнію и устройству церковныхъ хоровъ находятся способные псаломщики“.

Мы видѣли также, что лѣтніе учительскіе курсы представляютъ, въ сущности, не что иное, какъ курсы церковнаго пѣнія. Всѣ эти мѣры дадутъ, быть можетъ, церковной школѣ учителей, способныхъ успѣшно преподавать пѣніе, и оно займетъ среди предметовъ школьнаго курса то мѣсто, на которомъ хотятъ его видѣть руководители церковно-школьнаго дѣла. Церковныя школы обратятся тогда въ пѣвческія капеллы. Это превращеніе, можетъ быть, будетъ способствовать развитію музыкальныхъ способностей среди народа, но, къ сожалѣнію, пѣніемъ хотя бы и самыхъ благочестивыхъ пѣсенъ нельзя разогнать тьму народнаго невѣжества, а въ этомъ какъ разъ и должна заключаться единственная задача начальной школы.

Третье по возможности мѣсто въ числѣ предметовъ школьнаго курса занимаетъ церковно-славянское чтеніе. Успѣхи дѣтей по этому предмету, по словамъ отчетовъ, вполнѣ удовлетворительны и обычно выше, чѣмъ по русской грамотѣ. Впрочемъ, понятіе удовлетворительныхъ успѣховъ часто сводится лишь къ усвоенію процесса чтенія безъ достаточнаго пониманія смысла текста. На это указываютъ многіе отчеты. „При обученіи церковно-славянской грамотѣ,—говоритъ, напримѣръ, вологодскій отчетъ,—въ нѣкоторыхъ изъ осмотрѣнныхъ школъ мало вниманія

обращалось учащими на то, чтобы постепенно вводить учащихся въ пониманіе, насколько возможно, смысла читаемаго ими текста". „Успѣхи по церковно-славянской грамотѣ въ общемъ были удовлетворительны, хотя нельзя не обратить вниманія на то, что многіе учащіе конечной цѣлью при преподаваніи этого предмета полагаютъ только механическое чтеніе, оставляя безъ вниманія смыслъ читаемаго",—говоритъ отчетъ по кишиневской епархіи. Да и трудно ожидать лучшихъ успѣховъ. Обученіе славянскому чтенію представляетъ большія трудности, преодолѣть которыя не подъ силу нынѣшнему составу учителей, особенно если они, по совѣту объяснительной записки къ преподаванію этого предмета, станутъ придерживаться „стариннаго способа" и начинать обученіе прямо съ церковно-славянской азбуки раньше русской. Въ лучшемъ случаѣ можно научить дѣтей бѣгло читать, но объ ясномъ пониманіи текста не можетъ быть и рѣчи.

Итакъ, успѣхи по тремъ главнымъ предметамъ церковной школы въ общемъ очень незначительны.

Въ зависимости отъ этого, конечно, не достигаются и воспитательныя цѣли, лежащія въ основѣ преподаванія этихъ предметовъ. Къ тому же и личный составъ учащихъ совершенно непригоденъ для воспитательнаго воздѣйствія на своихъ питомцевъ. Если даже священники дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи далеко не всегда успѣшно, то чего же можно ждать отъ „свѣтскихъ" учителей, этихъ въ большинствѣ случаевъ полуголодныхъ, бродящихъ съ мѣста на мѣсто невѣждъ или неудачниковъ?

Поэтому только „словами", не имѣющими никакой реальной подкладки, считаемъ мы тѣ краснорѣчивыя общія фразы о воспитательномъ значеніи церковной школы, которыми неизмѣнно заканчиваются школьные отчеты. Эти фразы поражаютъ и своей неожиданностью,—настолько онѣ не вяжутся съ остальными данными тѣхъ же отчетовъ,—и совершенно явными преувеличеніями. Чистѣйшей риторикой звучатъ, напримѣръ, такія слова полтавскаго епархіальнаго наблюдателя:

„Питомцы церковныхъ школъ по преимуществу обнаруживаютъ настроеніе стараго *благочестія,* а не настроеніе современной новой *борьбы за существованіе.* Путемъ школы дичекъ прививается къ маслинѣ Христовой, а не къ древу познанія добра и зла". Примѣръ курьезнаго преувеличенія даетъ уфимскій отчетъ, когда говоритъ, что „бѣдная и грязная обстановка жилища инородческаго населенія постепенно улучшается въ отношеніи чистоты, которая особенно требуется отъ учениковъ-инородцевъ въ школѣ".

Уѣздныя отдѣленія подольскаго училищнаго совѣта свидѣтельствуютъ, что подъ вліяніемъ церковныхъ школъ „драки по праздничнымъ днямъ, безцѣльное шатаніе молодежи по улицамъ съ безобразными криками, пѣніемъ грязныхъ пѣсенъ съ разными шалостями, мало-по-малу прекращаются, а въ иныхъ мѣстахъ и совершенно прекратились. Только подъ вліяніемъ грамоты и притомъ церковной, грубые и народные нравы и обычаи измѣняются, суевѣрія искореняются, вредные обычаи разсѣеваются, нравственныя и религіозныя чувства становятся болѣе возвышенными, преданность населенія православной церкви и благоговѣйное отношеніе къ ея уставамъ и пастырямъ умножается". Въ отчетѣ псковского епархіальнаго наблюдателя читаемъ: „О вліяніи церковной школы на учащихся о.о. уѣздные наблюдатели въ своихъ годовыхъ отчетахъ дѣлаютъ такіе отзывы: церковныя школы весьма способствуютъ развитію религіозныхъ чувствъ въ учащихся, преданности православной вѣрѣ, государю и отечеству; сглаживаютъ укоренившіяся дурныя привычки въ народѣ, нравственнымъ своимъ воздѣйствіемъ устраняютъ отъ подражанія худымъ примѣрамъ. Дѣти дѣлаются болѣе опрятными, скромными, вѣжливыми и привѣтливыми другъ къ другу, у нихъ развивается чувство состраданія, чувство жалости даже и къ животнымъ; они не только сами удерживаются, но и другихъ удерживаютъ отъ сквернословія. Будучи сами учениками, нерѣдко въ то же время становятся и учителями: обучаютъ дома своихъ братьевъ и сестеръ молитвамъ, для неграмотныхъ родителей и родственниковъ читаютъ религіозно-нравственнаго и полезнаго содержанія книги и вообще, можетъ быть и незамѣтнымъ образомъ, воспитательно вліяютъ не только на младшихъ, но и на старшихъ членовъ семьи". Но все впечатлѣніе отъ этой тирады исчезаетъ, когда мы вслѣдъ за ней читаемъ: „Къ сожалѣнію, о.о. наблюдатели въ отчетахъ своихъ не указываютъ ни одного разительнаго факта, который бы свидѣтельствовалъ о такомъ благотворномъ вліяніи церковной школы на учащихся и на населеніе. Безъ сомнѣнія, такихъ фактовъ есть не мало, но въ виду того, что они теперь стали обычнымъ явленіемъ, имъ и не придаютъ такого важнаго значенія, какое они имѣютъ на самомъ дѣлѣ".

Къ сожалѣнію, и о.о. наблюдатели другихъ губерній, какъ бы сговорившись между собой, не приводятъ никакихъ фактовъ воспитательнаго вліянія церковныхъ школъ. Происходитъ это вовсе не потому, чтобы такихъ фактовъ не стоило отмѣчать, какъ слишкомъ обыденныхъ и общеизвѣстныхъ. Причина гораздо проще: всѣ громкія фразы о вліяніи церковной школы на населеніе

представляютъ изъ себя только риторическія упражненія, предназначенныя для бо́льшаго эффекта школьныхъ отчетовъ, но разсчитанныя на слишкомъ ужъ наивныхъ и довѣрчивыхъ читателей.

III.

Разсмотримъ теперь результаты преподаванія въ церковныхъ школахъ предметовъ „свѣтскихъ", сообщающихъ ученикамъ „первоначальныя полезныя знанія".

Это—русское чтеніе, письмо и ариѳметика.

Конечно, уже самое положеніе этихъ предметовъ, какъ второстепенныхъ, должно быть, даже и при хорошихъ учителяхъ, важнымъ препятствіемъ для значительныхъ успѣховъ; вдобавокъ къ этому, система преподаванія, которую предписываютъ учебные планы, сводитъ къ minimum'у и безъ того небольшое образовательное значеніе, которое могли бы имѣть эти предметы.

Объяснительная записка къ программѣ преподаванія въ церковно-приходскихъ школахъ русскаго языка говоритъ, что „при преподаваніи русскаго языка въ церковно-приходскихъ школахъ, необходимо обращать исключительное вниманіе на изученіе языка, а не задаваться побочными цѣлями,—напримѣръ, сообщеніемъ учащимся разнообразныхъ свѣдѣній изъ окружающаго міра (міровѣдѣніе), каковыя цѣли, обыкновенно, преслѣдуются учащими въ начальныхъ одноклассныхъ и двухклассныхъ школахъ на предметныхъ урокахъ, связанныхъ съ обученіемъ родному языку, и на урокахъ объяснительнаго чтенія". Точно также, въ объяснительной запискѣ къ преподаванію ариѳметики рекомендуется не задавать дѣтямъ задачъ, не встрѣчающихся „въ житейскомъ обиходѣ".

Школьные отчеты даютъ очень мало свѣдѣній объ успѣхахъ дѣтей по свѣтскимъ предметамъ. Одни совершенно обходятъ молчаніемъ этотъ вопросъ; другіе, наполнивъ цѣлыя страницы лирическими восторгами по поводу великаго вліянія церковной школы на народные нравы, въ характеристикѣ преподаванія свѣтскихъ предметовъ ограничиваются стереотипными общими фразами. Объединяя эти скудныя данныя школьныхъ отчетовъ объ успѣхахъ по русскому чтенію, можно сказать, что только въ лучшихъ церковно-приходскихъ школахъ ученики выучиваются читать бѣгло и толково, въ худшихъ же школахъ они, какъ выражается одинъ отчетъ, „не достигали правильнаго и осмысленнаго чтенія по-русски". А такъ какъ „худшихъ" школъ, гдѣ учатъ „неправо-

способные", очень много, то и успѣхи въ общемъ не могутъ быть значительны.

По общему признанію школьныхъ отчетовъ, они обыкновенно ниже, чѣмъ успѣхи по церковно-славянской грамотѣ, — потому, конечно, что послѣдней удѣляется гораздо больше вниманія. Нѣкоторые изъ составителей отчетовъ предлагаютъ, впрочемъ, для этого факта другое объясненіе. Въ отчетѣ по кишиневской епархіи читаемъ: „само собою понятно, что преподаваніе русскаго языка въ школахъ съ молдавскимъ населеніемъ было сопряжено съ большими трудностями, и успѣхами учениковъ рѣдкая школа могла похвалиться", несмотря на то, что „ученики обучались въ школѣ не менѣе 4—5 лѣтъ". Также и подольскій отчетъ свидѣтельствуетъ, что „успѣхъ дѣтей въ русскомъ языкѣ оставляетъ желать лучшаго. Объясняется это тѣмъ, что дѣти-ученики школъ, какъ малороссы, поступаютъ въ школу совершенно неознакомленными съ русской рѣчью". Вмѣстѣ съ тѣмъ оба отчета признаютъ успѣхи дѣтей по церковно-славянскому чтенію вполнѣ удовлетворительными. Остается предположить, что славянскій языкъ дается молдаванамъ и малороссамъ легче, чѣмъ русскій! Въ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ очень яркую иллюстрацію того, какъ преобладающее значеніе церковно-славянскаго языка въ школьной программѣ парализируетъ успѣхи по русскому языку.

Обученіе письму даетъ повсюду мало результатовъ: школы, какъ мы видѣли, не обезпечены письменными принадлежностями, да и учителямъ почти не остается времени, чтобы руководить учениками въ такомъ трудномъ дѣлѣ, какъ письмо. Къ тому же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ руководители церковной школы заботятся о строгомъ выполненіи весьма страннаго требованія программы—обучать дѣтей письму полууставомъ, и этимъ, конечно, еще больше затрудняютъ успѣхи въ русскомъ письмѣ. Напримѣръ, съѣздъ наблюдателей полтавской епархіи обратилъ вниманіе, что „славянское письмо полууставомъ, вопреки программѣ, не вездѣ ведется".

Успѣхи по счисленію настолько незначительны и притомъ рѣшительно повсюду, что даже составителямъ школьныхъ отчетовъ, несмотря на всю ихъ снисходительность, приходится признать это безъ всякихъ почти оговорокъ. „Обученіе счисленію,—читаемъ, наприм., въ кишиневскомъ отчетѣ,—нельзя сказать, чтобы вездѣ велось вполнѣ успѣшно; въ преподаваніи этого предмета замѣтно было отсутствіе систематичности, постепенности и раціональности. Программа ариѳметики пройдена съ выпускными учениками, но знанія ихъ не всегда отличались основательностью".

Херсонскій епархіальный наблюдатель указываетъ, что „по счисленію основной недостатокъ тотъ, что учителя школъ отдаютъ предпочтеніе счисленію письменному предъ устнымъ, забывая, что ученикъ, окончившій народную школу, меньше всего будетъ имѣть дѣло съ грифелемъ или карандашомъ. Весьма нерѣдко бываетъ, что и ученики, приготовленные къ выпуску, затрудняются устно сосчитать 34 + 37,—знакъ, что учитель не заложилъ твердаго основанія для подобнаго рода вычисленій, именно неосновательно прошелъ счисленіе въ предѣлахъ первыхъ двухъ десятковъ и не уяснилъ имъ, что десятокъ—это та же единица". „Изъ всѣхъ предметовъ курса одноклассной церковно-приходской школы наиболѣе слабо обученіе счисленію,—говоритъ отчетъ по подольской епархіи:—видно, что на эту область учители и завѣдующіе не обращаютъ надлежащаго вниманія и мало упражняютъ учениковъ въ изустномъ счисленіи".

Такіе результаты даетъ преподаваніе свѣтскихъ предметовъ въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Въ школахъ грамоты дѣло обстоитъ еще хуже. Несмотря на то, что школы грамоты составляютъ преобладающее большинство церковныхъ школъ, руководители школьнаго дѣла не любятъ останавливаться на нихъ въ своихъ отчетахъ достаточно подробно. Они или обходятъ благоразумнымъ молчаніемъ неприглядныя картины, которыя пришлось бы нарисовать, или стараются представить ихъ въ возможно смягченномъ видѣ. Вотъ, для примѣра, нѣсколько типичныхъ характеристикъ: „Успѣхи обученія въ школахъ грамоты курской епархіи не столь удовлетворительны, какъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Во второй годъ ученики читали болѣе или менѣе бѣгло и плавно и передавали прочитанное. Въ нѣкоторыхъ школахъ писали довольно грамотно. По счисленію изученіе велось съ меньшимъ успѣхомъ сравнительно съ другими предметами". Въ школахъ грамоты минской губерніи „ученики по степени своихъ познаній дѣлятся на группы, иногда на двѣ, иногда на три. Успѣхи обученія въ этихъ школахъ самые разнообразные: если, съ одной стороны, встрѣчаются школы, которыя по успѣхамъ обученія съ честью могутъ соперничать съ хорошими одноклассными школами, то, съ другой, не мало и такихъ, которыя не удовлетворяютъ и самымъ ограниченнымъ требованіямъ начальнаго обученія. Большинство школъ занимаютъ средину между этими двумя крайностями". „Обращаясь къ школамъ грамоты,—говоритъ въ своемъ отчетѣ тамбовскій епархіальный наблюдатель,—мы можемъ констатировать, что эти скромные и простѣйшіе разсадники просвѣщенія въ общемъ вполнѣ удовлетво-

ряли своему назначенію—сообщать юному поколѣнію необходимыя элементарныя свѣдѣнія по предметамъ первоначальнаго образованія. Учащіеся въ нихъ обучены болѣе или менѣе толковому и бойкому чтенію, болѣе или менѣе правильному, въ каллиграфическомъ и орѳографическомъ отношеніи, письму, ознакомлены въ большей или меньшей степени съ устнымъ и письменнымъ счисленіемъ и пріемами рѣшенія простыхъ задачъ".

Приведемъ еще одну выдержку отъ отчета симбирскаго епархіальнаго наблюдателя. Она показываетъ, до какого низкаго уровня можетъ спускаться школьное дѣло. Послѣ осмотра чувашскихъ церковныхъ школъ въ двухъ уѣздахъ, епархіальный наблюдатель пишетъ: „Учащіе недостаточно употребляютъ времени на обученіе сознательному русскому чтенію и пересказу читаемаго самостоятельными русскими предложеніями. Занятія этого рода ведутся съ учениками только старшаго отдѣленія. Что же касается учениковъ младшаго отдѣленія, то изученіе ими русскаго языка ограничивается однимъ механическимъ чтеніемъ русской книжки, безъ перевода читаемаго на родной чувашскій языкъ и тѣмъ болѣе безъ пересказа. Краткая священная исторія изучается буквально, безъ всякаго измѣненія языка русскаго учебника, и механически, безъ пониманія содержанія изучаемаго. Также буквально и механически заучивается и каждая статья, читаемая на урокахъ русскаго языка. Школы, въ которыхъ не зазубривается, а разсказывается своими русскими словами священная исторія и читаемыя на урокахъ русскаго языка статьи, составляютъ рѣдкое исключеніе".

Въ большинствѣ школъ ученики старшаго отдѣленія, обучающіеся третью зиму, не могли дать отвѣта на слѣдующіе вопросы по-русски: „которую зиму учится? сколько лѣтъ отъ роду? какъ тебя зовутъ? какъ отца зовутъ?" и т. п.

Итакъ, результаты просвѣтительной дѣятельности церковныхъ школъ по истинѣ плачевны. Это не должно насъ удивлять послѣ того, какъ мы знаемъ, въ какихъ условіяхъ находится учебное дѣло. Школы, гдѣ главное мѣсто принадлежитъ предметамъ чисто-церковнымъ, школы, въ которыхъ учатъ дѣтей лица, пригодныя къ чему угодно, только не къ учительству, школы, у которыхъ нѣтъ ни помѣщеній, ни учебныхъ пособій, естественно не могутъ выполнять своего назначенія — быть очагами свѣта и знанія въ густой тьмѣ народнаго невѣжества.

IV.

Какъ относится къ церковной школѣ населеніе,—пользуется ли она народными симпатіями? Вопросъ этотъ представляетъ большой интересъ, но, къ сожалѣнію, въ наличномъ матеріалѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для его рѣшенія. Чтобы выяснить его окончательно, нужны особыя мѣстныя изслѣдованія, а пока они не сдѣланы, всѣ сужденія pro и contra останутся мало обоснованными. Церковно-школьные дѣятели, правда, много говорятъ о симпатіяхъ населенія къ церковной школѣ, но говорятъ съ обычной своей голословностью. Никакихъ особенныхъ фактовъ они не приводятъ и ссылаются только на увеличеніе числа школъ, которыя содержатся въ значительной мѣрѣ на средства, ассигнуемыя по приговорамъ волостныхъ и сельскихъ обществъ. Фактъ несомнѣненъ—мѣстныя средства составляютъ одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ содержанія церковныхъ школъ; для открытія новой школы нужно согласіе крестьянъ помочь ей деньгами; вопросъ лишь въ томъ, можно ли всегда считать эти ассигновки выраженіемъ истинныхъ народныхъ симпатій къ церковной школѣ? Думаемъ, что нельзя, и вотъ въ доказательство рядъ фактовъ изъ школьныхъ отчетовъ.

„Наблюдатели кишиневской епархіи обращались лично и письменно къ земскимъ начальникамъ съ просьбою побудить сельскія общества къ обезпеченію содержаніемъ церковныхъ школъ, или къ болѣе аккуратному исполненію данныхъ обществами обязательствъ по отношенію къ школамъ. Дѣятельность о.о. наблюдателей въ данномъ случаѣ часто имѣла благіе результаты“. Наоборотъ, „послѣдствіемъ несочувственнаго отношенія администраціи къ церковнымъ школамъ является то, что въ участкахъ нѣкоторыхъ гг. земскихъ начальниковъ до послѣдняго времени нѣтъ ни одной школы, содержимой на средства мѣстныхъ обществъ“. Витебскій отчетъ говоритъ, что „при несомнѣнной симпатіи крестьянъ къ такому простому, удобному для нихъ и недорогому типу школы, какъ школы грамоты, о каковой симпатіи единогласно свидѣтельствуютъ всѣ уѣздныя отдѣленія, медленное развитіе ихъ въ послѣднее время можетъ быть объяснено исключительно только недостаткомъ мѣстныхъ средствъ на ихъ открытіе и недостаточностью пособія на этотъ предметъ отъ полоцкаго епархіальнаго училищнаго совѣта. И дѣйствительно, значительное пособіе отъ крестьянскихъ обществъ получаютъ только школы грамоты витебскаго и лепельскаго уѣздовъ;

школы же грамоты прочихъ уѣздовъ получаютъ это пособіе въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ или вовсе его не получаютъ. Ясно поэтому, что дальнѣйшее правильное развитіе школъ грамоты въ епархіи можетъ осуществиться только тогда, когда на помощь приходскому духовенству придутъ уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія привлеченіемъ къ содержанію школъ грамоты крестьянскихъ обществъ, какъ уже сдѣлали это крестьянскія присутствія витебское и лепельское". И въ подольской губерніи, по словамъ отчета, „неодинаковость обезпеченія церковныхъ школъ мѣстными средствами содержанія въ различныхъ уѣздахъ объясняется главнымъ образомъ неодинаковымъ отношеніемъ къ церковно-школьному дѣлу мировыхъ посредниковъ: тамъ, гдѣ послѣднее встрѣчаетъ себѣ сочувствіе и поддержку со стороны мирового посредника, церковныя школы всегда пользуются и большимъ обезпеченіемъ отъ крестьянъ; гдѣ же мировой посредникъ равнодушенъ вообще къ народному образованію и — въ частности — къ церковно-школьному дѣлу, тамъ и школы терпятъ нужду и не находятъ себѣ денежной, матеріальной поддержки со стороны мѣстныхъ крестьянъ". То же явленіе наблюдается и въ волынской губерніи: „благодаря содѣйствію мировыхъ посредниковъ, содержаніе нѣкоторыхъ церковныхъ школъ увеличено приходскими обществами". Переяславское отдѣленіе полтавскаго училищнаго совѣта, говоря объ ассигнованіи нѣкоторыми сельскими обществами пособія на церковныя школы, прибавляетъ: „надо признать, что въ этихъ случаяхъ большое содѣйствіе къ пожертвованіямъ оказали нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ". Коммиссія по устройству второклассныхъ школъ въ вологодской епархіи предположила обратиться „къ гг. земскимъ начальникамъ съ просьбой оказать воздѣйствіе на крестьянъ подвѣдомственныхъ имъ участковъ съ цѣлью расположить послѣднихъ къ составленію приговоровъ въ пользу второклассныхъ школъ".

Мы видимъ изъ этихъ примѣровъ, что крестьянское „начальство" нерѣдко оказываетъ давленіе на приговоры крестьянъ о пособіи церковнымъ школамъ. Въ такихъ приговорахъ нельзя уже видѣть свободнаго выраженія мнѣній „міра". Это обстоятельство и заставляетъ насъ съ большой осторожностью относиться къ сужденіямъ, которыя въ значительномъ числѣ крестьянскихъ ассигнованій на церковно-школьное дѣло видятъ доказательство живыхъ къ нему симпатій.

V.

Главная причина неудовлетворительнаго положенія церковно-школьнаго дѣла заключается въ томъ, что вопросы о задачахъ школы и ея назначеніи поставлены совершенно ложно. Школѣ навязываются цѣли ей по существу чуждыя, а прямыя ея задачи оттѣсняются на задній планъ. И какъ во всякомъ дѣлѣ, гдѣ смѣшиваются цѣли, совершенно разнородныя, ни одна изъ нихъ не достигнута съ успѣхомъ и общій результатъ ничтоженъ. Особенно страдаютъ задачи образовательныя.

Церковная школа стремится дать народу религіозно-нравственное воспитаніе въ духѣ православія, укрѣпить извѣстныя чувства и навыки. Развитіе ума, сообщеніе первоначальныхъ знаній она признаетъ вещью второстепенной и не особенно важной. Это мнѣніе построено на противоположеніи ума и сердца: дѣтское сердце—вотъ главный объектъ, на который школа должна устремить свое вниманіе. Тутъ кроется глубокое и пагубное заблужденіе. „Пусть откроютъ намъ секретъ,—писалъ Вл. С. Соловьевъ,—какимъ образомъ, помимо развитія сознанія, помимо умственной просвѣтительной работы, можно воздѣйствовать на сердце народа вѣрующаго, но темнаго, и по темнотѣ своей способнаго совершать злыя дѣла, принимая ихъ за добрыя? А пока этого секрета не откроютъ, приходится думать, что противоположеніе ума сердцу есть только соблазнъ лживаго ума и испорченнаго сердца для обманчиваго оправданія духовной немощи и умственной лѣни. И не грозитъ ли изобрѣтателямъ этого пагубнаго соблазна евангельскій приговоръ: лучше было бы человѣку тому, еслибы навязали жерновъ на шею ему и ввергли его въ море?“

Итакъ, основныя идеи, положенныя въ организацію церковныхъ школъ, заключаютъ крупныя ошибки. Практическое же руководство школьнымъ дѣломъ отдано въ совершенно неподготовленныя руки, и благодаря этому еще болѣе умаляется просвѣтительное значеніе церковныхъ школъ. На предыдущихъ страницахъ мы видѣли достаточно примѣровъ поразительной отсталости и рутинности взглядовъ, которые царятъ даже среди высшихъ руководителей школьнымъ дѣломъ на мѣстахъ,—членовъ училищныхъ совѣтовъ, наблюдателей церковныхъ школъ. Требованія, которыя они предъявляютъ къ школѣ, очень малы; уровень школьнаго дѣла, который они считаютъ достаточнымъ, очень низокъ и не гарантируетъ успѣховъ. Только при господствѣ та-

кихъ взглядовъ и возможно нынѣшнее быстрое увеличеніе числа церковныхъ школъ. Количество школъ, а не качество ихъ, всего больше заботитъ руководителей школьнаго дѣла,—а быстро ростущія матеріальныя средства поглощаются главнымъ образомъ этимъ количественнымъ ростомъ, очень мало отражаясь на качествѣ школъ. Мы разсмотрѣли уже результаты, къ которымъ приводитъ эта система.

Наростаніе негодныхъ школъ нужно считать только минусомъ для народнаго образованія: дѣти, наполняющія такія школы, не получаютъ въ сущности никакого образованія, никакихъ прочныхъ знаній, и тысячи этихъ фиктивныхъ разсадниковъ просвѣщенія существуютъ безъ всякой пользы, мѣшая только возникновенію въ тѣхъ же мѣстахъ дѣйствительно полезныхъ школъ. Поэтому съ тревожнымъ опасеніемъ за дальнѣйшую судьбу нашего народнаго просвѣщенія смотримъ мы на ростущее съ каждымъ годомъ значеніе церковныхъ школъ.

Н. В. К—вичъ.

РОДИНА

РОМАНЪ.

— Henry Bordeau. Le pays natal. Paris, 1901.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Парижскій курьерскій поѣздъ подошелъ къ станціи. Оберъ-кондукторъ обошелъ вагоны, небрежно повторяя:

— Аннеси, поѣздъ стоитъ десять минутъ.

Люсьенъ Галандъ ушелъ изъ узкаго прохода, гдѣ онъ курилъ, стоя у окна, и любовался яснымъ іюньскимъ утромъ, красиво освѣщавшимъ поля Савойи. Онъ неторопливо собралъ свой мелкій багажъ, съ равнодушіемъ человѣка, котораго нисколько не привлекаетъ цѣль его путешествія, спустился со ступенекъ вагона и однимъ изъ послѣднихъ направился къ выходу.

Аннеси! Это названіе ничего больше не говорило его сердцу. Послѣдній разъ онъ пріѣзжалъ сюда, двадцатилѣтнимъ юношей, торопясь къ своей умиравшей матери. Уже десять лѣтъ прошло со дня этой потери, и эти десять лѣтъ вырыли глубокую пропасть между его прежней и теперешней жизнью. Прежде, когда онъ былъ гимназистомъ, а потомъ студентомъ на юридическомъ факультетѣ, для него не существовало бо̀льшаго счастья, чѣмъ пріѣздъ въ Аннеси,—куда родители выѣзжали его встрѣчать,—и путешествіе въ экипажѣ въ старый замокъ Авюлли. Это было ихъ родовое имѣніе, которое онъ называлъ въ то время *домомъ*, какъ будто это былъ единственный домъ на свѣтѣ! Теперь же

никому не было дѣла до его пріѣзда, и его самого нисколько не радовали ни цѣль его путешествія, ни этотъ запоздалый возвратъ къ прошлому.

Когда онъ сходилъ съ платформы, то къ нему подошелъ старый крестьянинъ съ хитрыми глазками и тщательно выбритымъ лицомъ.

— Вы господинъ Галандъ?

— Ахъ, это вы, Фаверà! Въ провинціи, какъ видно, не старѣютъ. Вы все такой же. Ну, а меня-то вы узнали?

— Нѣтъ, г-нъ Люсьенъ, васъ бы я не узналъ. Вы къ намъ больше и глазъ не кажете. Вотъ батюшку вашего мы точно что помнимъ, и, должно полагать, похожи вы на него,—оттого ваше лицо мнѣ сразу и припомнилось. Только батюшка вашъ былъ еще повыше васъ, ну и еще какъ будто пощеголеватѣе.

Произнося эти слова, старикъ выпятилъ нижнюю губу, съ выраженіемъ презрительности и той скрытой ироніи, которая такъ свойственна крестьянамъ. Ему не особенно нравился этотъ тонкій, стройный и изящный молодой человѣкъ. Онъ вспоминалъ его отца, который съ перваго взгляда ободрялъ и приводилъ всѣхъ въ веселое настроеніе своимъ свѣжимъ лицомъ, энергичными манерами и живою рѣчью.

Люсьенъ Галандъ усѣлся въ шарабанъ, запряженный нескладною молодою лошадкой.

— Ну, а что старая вороная кобыла?—спросилъ онъ.— Умерла естественною смертью въ конюшнѣ?

— О, нѣтъ! Вашъ управляющій ужъ сколько лѣтъ какъ продалъ ее. Стара вѣдь она была, ну а старыхъ теперь въ Авюлли не очень-то долюбливаютъ.

Въ губахъ Фаверà появилось прежнее презрительное выраженіе.

— Вижу я, старина, что вамъ мой управляющій не нравится.

— Нѣтъ, что-жъ, я вѣдь дурного не говорю, г-нъ Люсьенъ. Онѣ умѣетъ изъ земли соки выжимать и ужъ конечно и себя не забываетъ. Только я зналъ вашего батюшку и дѣдушку. Они старую скотину сохраняли и о старикахъ пеклись. Они находили время заниматься своимъ имѣніемъ, а вѣдь г-нъ Анри былъ депутатомъ въ Тюренѣ, а г-нъ Альберъ—въ Парижѣ.

— Знаю, знаю,—проговорилъ Люсьенъ сухо.

Экипажъ, выѣхавъ изъ города, катился теперь по направленію къ Авюлли. Онъ проѣзжалъ по платановой аллеѣ; вѣтви, покрытыя молодой зеленью, сплетались, образуя своды. Между

стволовъ виднѣлось озеро, покрытое легкой голубоватой дымкой. Вода блѣдными тонами сливалась съ берегомъ; едва замѣтно вырисовывались горы, окружающія озеро, какъ края глубокаго сосуда. Ясно обозначались только извилистыя ребра горъ, и эти линіи отдѣляли ихъ отъ неба, гармонировавшаго своимъ неопредѣленнымъ цвѣтомъ съ землею и озеромъ. На Турнеттѣ плавали золотистые туманы, сопровождавшіе появленіе солнца. Возлѣ дороги полосы розоваго свѣта дрожали среди прибрежныхъ камышей.

Люсьенъ, нагнувшись впередъ, наслаждался этими радостными тонами, разсѣянными повсюду, вмѣстѣ съ утренней росой. Потомъ ему стало казаться, что въ самой нѣжности ихъ было что-то для него жестокое. Онъ выпрямился и пересталъ смотрѣть на окружавшій пейзажъ. Онъ думалъ о десяти годахъ, въ теченіе которыхъ ни разу не возвращался въ родной край. Каждый разъ, какъ онъ собирался туда поѣхать, являлись какія-нибудь препятствія, созданныя имъ самимъ въ его новой жизни. А какъ ничтожна была эта жизнь, проходившая среди безплодныхъ порывовъ и желаній, безъ опредѣленной цѣли и безъ всякой точки опоры! Ему было грустно, что въ этомъ прошломъ, которое онъ вызывалъ въ своей памяти, не оказывалось ничего значительнаго, даже ни одной мучительной страсти, изъ тѣхъ, которыя расширяютъ сердце, поселяясь въ немъ, а исчезая, оставляютъ въ человѣкѣ по крайней мѣрѣ сознаніе, что онъ жилъ настоящей жизнью,—единственное утѣшеніе людей, не умѣющихъ ничего создать.

Окончивъ ученье и обладая состояніемъ, обезпечивавшимъ ему полную свободу, онъ лишился родителей, умершихъ черезъ годъ одинъ послѣ другого, покинулъ Савойю, любимый край своихъ, отличавшихся честностью и трудолюбіемъ, предковъ и сталъ вести въ Парижѣ образъ жизни пріятный и совершенно безплодный. Любовь къ политическимъ наукамъ и путешествіямъ спасала его отъ полнаго бездѣйствія. У него вѣчно появлялись новые планы: то собирался онъ слушать курсъ медицины, то готовился писать историческое сочиненіе. Но дни проходили; свѣтская жизнь, лѣнь или какая-нибудь страсть увлекали его, и онъ никогда не доводилъ ничего до конца. Ему не хватало упорной и сильной воли, безъ которой умъ становится похожимъ на цвѣтокъ, лишенный запаха. Въ Парижѣ много такихъ людей, лишенныхъ почвы, богато одаренныхъ, которые въ округленныхъ фразахъ преобразовываютъ общество и литературу, пишутъ красивыя названія на чистыхъ тетрадяхъ и возвращаются

въ своимъ на время покинутымъ привычкамъ, совершенно забывая о своей родинѣ и о томъ, что могли бы стать ея украшеніемъ.

Люсьенъ самъ осуждалъ себя мысленно безъ всякаго снисхожденія:

„Ни мой умъ, ни мое сердце никогда не сосредоточивались всецѣло на какомъ-нибудь одномъ чувствѣ или мысли,— думалъ онъ.—Когда я приближаюсь къ привлекающимъ меня вещамъ, то онѣ утрачиваютъ для меня всякій интересъ. Во время моихъ путешествій, страны, плѣнявшія меня заранѣе своими громкими именами или страстными описаніями путешественниковъ, скоро утомляли мое вниманіе; а когда я возвращался на родину, то онѣ опять представлялись мнѣ желанными и прекрасными. Увлеченія мои также никогда не бывали продолжительны; всѣ они умерли, оставивъ мнѣ только одно сожалѣніе, относящееся скорѣе къ неудовлетворенному желанію любви, чѣмъ къ самимъ увлеченіямъ. Мнѣ тридцать лѣтъ; въ юности я не испыталъ плодотворной радости, въ жизни у меня нѣтъ интереса, а измѣнить я уже ничего не могу“...

Экипажъ съѣхалъ съ ментонской дороги и сталъ подниматься къ зàмку.

Въ этомъ мѣстѣ потокъ составлялъ естественную границу имѣнія. Черезъ него переправлялись по деревянному мосту, за которымъ шла извилистая дорога, обсаженная величественными старыми соснами и дубами. На границѣ парка они какъ бы протягивали руки, торжественно благословляя и осѣняя путника подъ непрерывный глухой шумъ потока. Въ этомъ въѣздѣ въ паркъ была особая красота, строгая и романтическая. По ней можно было ясно судить о томъ, какъ извѣстная мѣстность вліяетъ на человѣческую душу, и о томъ, какъ важно въ юности сливаться съ жизнью старыхъ деревьевъ, прислушиваясь къ ропоту потока.

Для Люсьена этотъ въѣздъ въ старый паркъ былъ полонъ воспоминаній. Онъ переносился въ дѣтство. Это тѣнистое мѣсто было все полно прошедшимъ, не утратившимъ своей свѣжести. Воспоминанія былого вылетали передъ нимъ изъ чащи вѣтвей, какъ вспугнутыя птицы. Онъ какъ будто затерялся въ жизни, и теперь только снова нашелъ самого себя. Онъ чувствовалъ вокругъ себя и въ себѣ самомъ трепетъ пробужденія.

Вдругъ онъ привсталъ въ шарабанѣ.

— А гдѣ же ясеневая роща? Большіе ясени? Вѣдь это здѣсь было? Я не узнаю этого мѣста.

— Да вѣдь ихъ срубили, — отвѣчалъ Фаверà съ недоброй усмѣшкой.

— Какъ срубили?

— Да такъ, г-нъ Люсьенъ. Вашъ управляющій сказывалъ, что вы ихъ запродали въ Парижѣ. Для каретниковъ это самое первое дерево; за него хорошія деньги даютъ.

Экипажъ двигался на солнцепекѣ по опустошенному мѣсту, которое когда-то осѣняли ясени. Еще видны были остатки деревьевъ, спиленныхъ почти вровень съ землею; рабочіе выкорчевывали пни. У дороги печально торчала старая, грубая скамья, выставивъ на припекъ свои доски, покрытыя червоточинами и привыкшія за многіе годы къ тѣнистой свѣжести.

Крестьянинъ указалъ на нее пальцемъ.

— Придется ее снести,—проговорилъ онъ.—Даромъ только стоитъ; никто на нее и не садится. Ее вашъ батюшка велѣлъ поставить и любилъ, бывало, отдыхать на ней. Сюда къ нему и приходили по дѣламъ имѣнія.

Фаверà продолжалъ съ упорной жестокостью напоминать Люсьену объ его отцѣ.

Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ. Онъ вспоминалъ о томъ, какъ однажды отдалъ приказаніе срубить и продать эту рощу. Въ его памяти промелькнулъ женскій силуэтъ, полузабытый и поблѣднѣвшій, какъ старинная пастѐль, и это воспоминаніе вызвало въ немъ чувство непріятнаго удивленія. Это была Ліана Мей, танцовщица, такая же граціозная, какъ и ея имя, даже не хорошенькая, лукавая, хитрая и злая до невозможности и при этомъ стоившая очень дорого. Ему было нужно много денегъ. За ясени предложили большую цѣну.

Живя далеко, забываешь красоты природы, и потому трудно бываетъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ преступленіи, которое совершаешь, уничтожая ихъ.

„Маленькая негодяйка не стоила того, чтобы изъ-за нея терять такое великолѣпіе,—заключилъ мысленно Люсьенъ и прибавилъ:—впрочемъ, это не важно, вѣдь я все равно продамъ имѣніе“.

„Продамъ“—это слово вдругъ приняло для него какое-то новое значеніе. Ему даже захотѣлось произнести его громко, чтобы услышать, какъ оно звучитъ; но, взглянувъ на своего возницу, онъ не рѣшился этого сдѣлать. Изумленіе Фаверà, по существу своему весьма равнодушнаго, послужило бы для него явнымъ доказательствомъ неодобренія, и онъ постарался оправдаться передъ самимъ собою.

— Ну, что-жъ такое! Я продалъ эту ясеневую рощу изъ-за жалкой интриги, которая, однако, доставляла мнѣ тогда удовольствіе. Я нанялъ управляющаго, чтобъ подтянуть немножко этихъ стариковъ, ужъ слишкомъ нѣжно обращающихся съ землею. Теперь мнѣ предлагаютъ великолѣпную цѣну за мой зàмокъ со всѣми угодьями и службами. Состояніе мое немного поразстроилось. Съ деньгами, полученными отъ продажи Авюлли, я могу продолжать въ Парижѣ мой прежній образъ жизни, даже еще шире. Колебанія невозможны. Если я не продамъ, то мнѣ придется въ одинъ прекрасный день совсѣмъ похоронить себя въ деревнѣ. А развѣ возможно жить въ провинціи! Ничто не привлекаетъ меня больше въ Савойю. Я порвалъ съ нею всякія связи. Меня отдѣляютъ отъ нея послѣднія десять лѣтъ моей жизни. Не растрогаюсь же я въ самомъ дѣлѣ какими-то воспоминаніями дѣтства. Такая сентиментальность была бы просто глупостью.

Шарабанъ проѣхалъ вдоль каштановой рощи, тянувшейся съ задней стороны зàмка вплоть до Тонской долины, подъѣхалъ къ строеніямъ, обогнулъ старую романскую башню, самый древній остатокъ старины и, миновавъ сводчатыя ворота, остановился во внутреннемъ дворѣ.

Управляющій, маленькій сухой человѣкъ съ рѣзкими чертами лица и властнымъ видомъ, но старавшійся быть любезнымъ до приторности, стоялъ во дворѣ, снявъ шапку.

Люсьенъ вышелъ изъ экипажа. Его лицо, обыкновенно очень привѣтливое, теперь омрачилось. Онъ едва взглянулъ на управляющаго, котораго еще совсѣмъ не зналъ.

— Вы господинъ Бюрлé? Хорошо. Благодарю васъ, что вы меня ожидали. Я сейчасъ васъ позову. Мы поговоримъ. До свиданья.

— Не очень-то ласковый хозяинъ!—невольно пробормоталъ управляющій.

— Ну, ужъ нѣтъ, добрѣе его поискать, такъ не сыщешь!— возразилъ Фаверà, ненавидѣвшій Бюрлé.

Старая, худая крестьянка, съ выдающимися какъ веревки шейными мускулами и съ лицомъ, сморщеннымъ какъ переспѣлое яблоко, стояла, прислонившись къ входной двери, и не вытирала слезъ, капавшихъ у нея изъ глазъ.

— Чтò съ тобой, Жюльена?—спросилъ Фаверà у жены.

— Я его кормила, а онъ меня не призналъ!—отвѣчала старуха сквозь рыданія.—Я его матери глаза закрыла, а онъ меня не призналъ!

Такъ какъ Бюрле́ въ это время уже уходилъ, то Фавера̀ рѣшился сказать:

— Конецъ намъ пришелъ, старуха. Этотъ-то не въ отца уродился. Хоть и не долго намъ жить осталось, а все-таки не придется здѣсь помереть. Я дожидался его пріѣзда, терпѣлъ; долго пришлось дожидаться. Теперь не стану я больше терпѣть этого его Бюрле́. Уѣдемъ отсюда.

Теперь ужъ старуха, переставъ плакать, старалась всячески его успокоить.

Люсьенъ быстро вошелъ въ домъ, даже не замѣтивъ женщины, для которой его пріѣздъ былъ такимъ праздникомъ и которую такъ огорчило его невниманіе. Въ первомъ этажѣ, взойдя въ гостиную, онъ распахнулъ настежь всѣ три окна. Изъ нихъ открывался красивый видъ на озеро, сверкавшее какъ блестящая чаша, и на окружавшія его горы. Косые солнечные лучи, попадая въ долины, перерѣзывали горы полосами золотистой пыли. Люсьенъ едва взглянулъ на этотъ волшебный пейзажъ. Онъ осмотрѣлъ всю мебель, нашелъ все на прежнихъ мѣстахъ и особенно долго останавливался передъ картинами, висѣвшими по стѣнамъ. Это все были фамильные портреты: члены городского управленія, важные и спокойные, безъ всякаго оттѣнка грусти, одѣтые въ красные мундиры савойскаго сената; женщины изъ буржуазіи, съ серьезными, кроткими лицами, нарядившіяся особенно тщательно въ свои простенькіе костюмы, чтобы сдѣлать честь своимъ мужьямъ.

Три портрета особенно привлекли вниманіе Люсьена. На первомъ былъ изображенъ старикъ съ тщательно выбритымъ лицомъ, гладкимъ лбомъ, обрамленнымъ длинными сѣдыми кудрями, съ тонкой, насмѣшливой улыбкой на губахъ и съ фуляромъ на шеѣ по старинной модѣ. Внизу портрета стояла подпись: „Анри Галандъ, членъ савойскаго сената, депутатъ сардинскаго парламента, 1805—1875“.

На другомъ портретѣ былъ представленъ мужчина съ лицомъ, дышавшимъ энергіей, смѣлостью и добротой. Въ немъ чувствовалось больше гордости и силы, чѣмъ въ первомъ. У него были красивыя рѣзкія черты лица, высокій, большой лобъ, еще увеличенный лысиной, глаза съ пламеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкимъ выраженіемъ, вообще—одно изъ тѣхъ лицъ, при взглядѣ на которое хочется сказать: „вотъ настоящій человѣкъ“. На подписи стояло: „Альберъ Галандъ, адвокатъ, членъ національнаго собранія, членъ палаты депутатовъ, 1829—1882“. На слѣдующемъ портретѣ, висѣвшемъ рядомъ, была изображена еще

молодая женщина съ тонкими чертами лица, блѣдная и бѣлокурая. Подъ этимъ портретомъ не было никакой подписи.

„Дѣдушка, а вотъ и отецъ съ матерью,—подумалъ Люсьенъ.—Какимъ чужимъ я имъ долженъ казаться!“

Видъ этихъ портретовъ взволновалъ его, но онъ постарался разсѣять это волненіе, сказавъ самому себѣ съ легкой ироніей:

— Что это, я точно разыгрываю сцену предъ портретами изъ „Эрнани“!

Къ большой гостиной примыкалъ будуаръ его матери. Онъ прошелъ туда. Изъ двухъ оконъ этой комнаты одно выходило на озеро, а другое—на большія деревья парка. На каминѣ онъ увидалъ двѣ фотографіи. Передъ одной изъ нихъ, изображавшей его отца на смертномъ одрѣ, еще стояла венеціанская ваза съ высохшими цвѣтами. Когда онъ прикоснулся къ этимъ цвѣтамъ, простоявшимъ тамъ десять лѣтъ, они всѣ разсыпались какъ пепелъ. Онъ зналъ, что эти цвѣты были поставлены туда его матерью за нѣсколько дней до ея смерти.

На другой фотографіи была изображена дѣвочка въ короткомъ платьѣ, лѣтъ двѣнадцати или тринадцати. У нея былъ немного робкій видъ и большіе грустные глаза. Люсьенъ смахнулъ пыль, покрывавшую фотографіи, и улыбнулся въ первый разъ. Ему вспомнился этотъ милый ребенокъ.

„Моя маленькая пріятельница Анни Меранъ, — подумалъ онъ.—Мать назначала мнѣ ее въ жены. Но сколько ей можетъ быть теперь лѣтъ? Она лѣтъ на шесть или на семь моложе меня. Ей года двадцать-два или двадцать-три и, конечно, она уже замужемъ“.

Старый Фаверà стоялъ на порогѣ комнаты, вертя въ рукахъ шапку. Замѣтивъ его, Люсьенъ поставилъ фотографію на прежнее мѣсто.

— Старуха моя вамъ кое-что состряпала,—сказалъ крестьянинъ.—Только, можетъ быть, вамъ ея стряпня придется не по вкусу.

— Напротивъ, я поѣмъ съ удовольствіемъ ея стряпни. Позовите сюда саму Жюльену. Я хочу ее видѣть. Я увѣренъ, что она меня узнаетъ, она одна.

Фаверà повернулся, чтобы уйти, но Люсьенъ остановилъ его.

— Скажите мнѣ, Фаверà, Мераны все еще наши сосѣди?

— Конечно. Только помѣстье г-на Мерана еще разрослось.

Люсьенъ не спросилъ, вышла ли замужъ m-lle Анни, хотя ему это очень хотѣлось знать. Черезъ нѣсколько минутъ жена Фаверà вошла въ комнату, поставила на столъ подносъ и оста-

новилась въ ожиданіи. Видъ у нея былъ надменный и суровый. Люсьенъ подошелъ къ ней.

— Ты ничего не хочешь мнѣ сказать, Жюльена? Неужели ты также меня забыла?

И, улыбнувшись улыбкой, которая сразу сдѣлала его моложе на десять лѣтъ, прибавилъ:

— А я-то собирался тебя расцѣловать. Теперь ужъ не посмѣю.

— Ахъ, господинъ Люсьенъ!—воскликнула старуха, принимаясь снова плакать.

Онъ обнялъ ее, но безъ увлеченія, а она все приговаривала:

— Добрый вы мой господинъ Люсьенъ!

Успокоившись немного, она спросила молодого человѣка:

— Зачѣмъ вы насъ покинули? Я считала дни и недѣли. Гдѣ же это видано, чтобы господа бросали такъ свою землю!

— Да чего же вы хотите, Жюльена? Здѣсь мнѣ нечего было дѣлать,—отвѣчалъ онъ снисходительнымъ тономъ.

Крестьянка возмутилась.

— Какъ нечего дѣлать?—закричала она, тряся головою и приводя въ движеніе всѣ свои морщины на лицѣ.—Нечего дѣлать! А наши земли, а деревня, а цѣлый край! Ваши предки были для насъ всѣхъ какъ отцы родные. Еслибы вы оставались здѣсь, то были бы нашимъ депутатомъ.

— Ну ужъ нѣтъ, извини пожалуйста, только не это!—возразилъ онъ, смѣясь.

Острые глазки крестьянки сейчасъ же замѣтили фотографію Анни Меранъ. Она указала на нее пальцемъ и проговорила, хотя онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы остановить ее.

— Когда вы были еще совсѣмъ молоденькіе, то барыня мнѣ говорила, что вы женитесь на этой маленькой барышнѣ. Теперь-то она ужъ совсѣмъ взрослая. Ваши поля примыкаютъ къ ихнимъ полямъ. Все помѣстье-то какъ бы разрослось!..

Она остановилась. Изъ его молчанія она заключила, что надоѣла ему своей болтовней, и ушла. Онъ же, напротивъ, нашелъ, что она только высказала тѣ мысли, которыя ему какъ разъ пришли въ голову.

Онъ быстро позавтракалъ на уголку стола, не уходя изъ гостиной, которая была свѣтлѣе столовой, и сошелъ внизъ, чтобы пройтись по парку. На лѣстницѣ ему попался управляющій. Слѣдомъ за нимъ шла Жюльена, чтобы убрать со стола.

— Господинъ Бюрлé, — обратился Люсьенъ къ управляющему,—благодарю васъ за ваши услуги. Такъ какъ я собираюсь

продать имѣніе, то не нуждаюсь больше въ вашей помощи. Въ нашемъ контрактѣ стоитъ эта оговорка. Представьте мнѣ, пожалуйста, счетъ, и я заплачу вамъ за два мѣсяца впередъ, какъ это у насъ было условлено.

Въ это время къ нимъ подошла Жюльена и, поймавъ на лету послѣднюю фразу, начала улыбаться всѣми своими морщинками. Уже уходя, Люсьенъ услыхалъ, что она разбила тарелку. Онъ былъ бы крайне удивленъ, еслибы могъ видѣть, какъ въ эту минуту она весело припрыгивала по гостиной, чего совершенно нельзя было ожидать отъ такой почтенной старушки.

Молодой человѣкъ направился прямо вглубь парка. Тамъ стройные кипарисы, съ острыми какъ копья вершинами, окружали простой памятникъ изъ бѣлаго мрамора. Онъ состоялъ изъ двухъ плитъ, лежавшихъ на землѣ, и большого креста, на подножіи котораго было вырѣзано слѣдующее: „Альберъ Галандъ, Марія Силанъ“ и внизу—болѣе мелкими буквами: „In memoria aeterna erit justus“.

Подъ этимъ памятникомъ покоились его родители, похороненные на собственной землѣ, гдѣ они жили и любили другъ друга. Люсьенъ снялъ шляпу, но въ немъ не было необходимаго спокойствія, чтобы сосредоточиться. Мысли его были тяжелыя и грустныя. Десять лѣтъ тому назадъ, прежде чѣмъ уѣхать изъ имѣнія, онъ самъ хлопоталъ, чтобы перевезти въ это мѣсто прахъ своихъ родителей. Это тянулось долго и было сопряжено со многими трудностями. Все это время онъ одиноко и грустно жилъ въ замкѣ. Онъ находилъ, что исполняетъ священный долгъ, устраивая такъ, что родители были похоронены на своемъ любимомъ мѣстѣ. Тогда онъ уже рѣшилъ уѣхать, но ему было жалко совсѣмъ покинуть имѣніе и казалось, что дорогіе покойники останутся караулить его. Теперь онъ жалѣлъ, что тогда ему пришла въ голову такая суевѣрная фантазія. При продажѣ имѣнія ему предстояло снова перенести покойниковъ на деревенское кладбище, и ему была тяжела мысль, что опять придется потревожить ихъ прахъ. Но все-таки это было лучше, чѣмъ оставить ихъ здѣсь одинокими среди чужихъ владѣній. Съ тоской ушелъ онъ отъ могилъ.

Онъ пошелъ вдоль ограды по направленію къ Ментону и приблизился къ пролому въ стѣнѣ, задѣланному желѣзной рѣшоткой съ острыми колючками, которыя въ большомъ ходу у помѣщиковъ, относящихся враждебно и недовѣрчиво къ своимъ сосѣдямъ. Прежде этотъ проломъ былъ плохо защищенъ самымъ примитивнымъ заборомъ. Купы розовыхъ кустовъ, нѣсколько со-

сенъ и каменная скамья придавали этому мѣсту уютный и поэтичный видъ. Его называли „уголкомъ влюбленныхъ", потому что часто влюбленныя парочки перелѣзали черезъ заборъ, чтобы отдохнуть тамъ и нарвать себѣ цвѣтовъ. Галандъ-отецъ никогда не соглашался поправить стѣну. Онъ слишкомъ дорожилъ возможностью доставить кому-нибудь удовольствіе своими розами.

Люсьену, вспомнившему всѣ эти подробности, показалось очень непріятнымъ неумѣстное усердіе г-на Бюрлé, но онъ сдѣлалъ рукою неопредѣленный жестъ, означавшій: „быть можетъ, завтра все это уже не будетъ мнѣ принадлежать".

Прибѣжалъ крестьянскій мальчишка и отвелъ его отъ этихъ размышленій. Онъ передалъ ему, что его дожидается какой-то толстый господинъ, и Люсьенъ сообразилъ, что это нотаріусъ, явившійся отъ лица покупателей.

„Вотъ ужъ и начинается продажа,—подумалъ онъ.—Черезъ нѣсколько минутъ, можетъ быть, удастся все и покончить". И однако онъ продолжалъ срѣзать розы и не особенно торопился.

Въ гостиной онъ засталъ Тайлара, бывшаго нотаріусомъ въ Аннеси. Это былъ толстый господинъ, отъ котораго такъ и вѣяло здоровьемъ и веселостью, съ широкимъ лицомъ, круглымъ какъ булка, съ короткими руками и толстыми ногами.

— Присядьте пожалуйста!—сказалъ Люсьенъ.—Черезъ минуту я буду къ вашимъ услугамъ.

Онъ прошелъ въ будуаръ своей матери и поставилъ принесенные цвѣты въ венеціанскую вазу на каминѣ. По его мрачному лицу можно было заключить, что нотаріусъ не вызвалъ въ немъ особенной симпатіи. Ставя цвѣты въ вазу, онъ думалъ:

„Это навѣрное ужасно фамильярный господинъ, любящій грубыя шутки. Это извѣстный способъ усыплять недовѣрчивость мужиковъ. Мнѣ нужно было бы предложить ему что-нибудь выпить. Онъ хоть и не пѣшкомъ пришелъ, но ему навѣрное жарко,—онъ все время вытираетъ себѣ лицо. Я увѣренъ, что онъ можетъ пить до безконечности. Но ничего онъ отъ меня не получитъ, я не предложу ему даже стакана лимонада. Совершенно достаточно, что онъ заберетъ у меня мое имѣніе для своего кліента".

Когда онъ вернулся въ гостиную, то нотаріусъ изложилъ ему всѣ условія покупателя: немедленное заключеніе контракта, уплата всѣхъ денегъ въ день совершенія купчей и вводъ во владѣніе въ мѣсячный срокъ.

Люсьенъ слушалъ, ничего еще не обѣщая.

— Такимъ образомъ мы пришли къ полному соглашенію,— заключилъ нотаріусъ.

— Не будете ли вы такъ добры назвать мнѣ покупателя?— спросилъ молодой человѣкъ.—Авюлли имѣніе родовое; мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно попало въ хорошія руки. Это соображеніе для меня очень важно.

Нотаріусъ улыбнулся необыкновенно тонко.

— Я это отлично понимаю, вы будете вполнѣ удовлетворены въ этомъ отношеніи. Мой кліентъ—вашъ сосѣдъ, господинъ Меранъ, муниципальный совѣтникъ въ Аннеси и личный другъ вашего покойнаго отца. Уваженіе, которымъ онъ пользуется...

— Я его знаю,—перебилъ Люсьенъ, но расходившійся нотаріусъ продолжалъ болтать:

— Кажется, онъ предназначаетъ Авюлли въ приданое за своей дочерью. Теперь вамъ понятно, что онъ торопится покончить всѣ дѣла до замужества m-lle Меранъ.

— M-lle Меранъ выходитъ замужъ?

— Нѣтъ, но это у насъ самая богатая невѣста, и надо удивляться, какъ она до сихъ поръ еще не замужемъ.

Люсьенъ промолчалъ нѣсколько минутъ и, наконецъ, сказалъ:

— Я хочу повидать г-на Мерана прежде чѣмъ что̀ бы то ни было подписывать.

Добродушная физіономія нотаріуса вытянулась, но онъ покорно собралъ свои бумаги въ портфель. Онъ надѣялся сразу же покончить дѣло. Помолчавъ немного, онъ сказалъ:

— Господинъ Меранъ въ паркѣ. Онъ пріѣхалъ со мною. Онъ не вошелъ къ вамъ, думая, что его присутствіе безполезно, такъ какъ, судя по вашимъ письмамъ, вы были согласны на его цѣну, и оставалось только обсудить подробности продажи.

— Я никогда ничего не обѣщалъ,—сказалъ молодой человѣкъ, особенно отчеканивая слова.

— Я и не хотѣлъ совсѣмъ этого сказать,—мягко возразилъ нотаріусъ. Лицо его отъ волненія все покрылось каплями пота.

— Такъ пойдемте же, отыщемъ въ паркѣ г-на Мерана,— сказалъ Люсьенъ, вставая.

Они нашли Мерана на пустырѣ, образовавшемся на мѣстѣ прежней ясеневой рощи. Онъ не видѣлъ, какъ они подошли, потому что стоялъ спиной къ дорогѣ, опершись на свою трость и глубоко задумавшись.

— Здравствуйте, г-нъ Меранъ! — сказалъ Люсьенъ.—Вы осматриваете ваше будущее владѣніе?—Онъ произнесъ эти слова любезно, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сухости.

Меранъ повернулъ къ молодому человѣку свое тонкое и пріятное лицо. Это былъ мужчина средняго роста, немного полный, съ сѣдою бородою à la Henri IV. Особенно глаза придавали всему его лицу выраженіе пріятности и кротости. Это были глаза человѣка, много видавшаго на своемъ вѣку, глаза, слегка подернутые влагой, какіе всегда бываетъ у людей, наклонныхъ къ чувствительности и мечтательности. Этимъ глазамъ не совсѣмъ соотвѣтствовалъ ротъ. Чувственныя губы, на которыхъ часто появлялась ироническая улыбка, указывали на страстную натуру съ тонко развитымъ умомъ.

— Г-нъ Галандъ,—произнесъ онъ медленно, дѣлая широкій жестъ своей тростью,—здѣсь была прежде большая роща вѣковыхъ ясеней, а теперь нѣтъ ничего. Это производитъ впечатлѣніе смерти. Я отношусь къ произведеніямъ природы съ любовью и уваженіемъ. Когда мнѣ попадается прекрасное дерево или родникъ, я невольно привѣтствую ихъ. Это можетъ показаться смѣшнымъ,—вѣроятно, это признакъ приближающейся старости.

И такъ какъ Люсьенъ началъ хмуриться, Меранъ прибавилъ:

— Вы, конечно, извините мнѣ мою болтовню, какъ старому другу вашего отца. Вы пріѣзжаете такъ рѣдко,—совсѣмъ забыли вашихъ старыхъ друзей.

Эти слова смягчили Люсьена. Онъ вспомнилъ, какъ его когда-то принимали у Merановъ, когда онъ возвращался съ прогулокъ вмѣстѣ съ Анни.

— Вы должны были бы прямо придти ко мнѣ, вмѣсто того, чтобы оставаться въ паркѣ. Я постарался бы принять васъ такъ, какъ это сдѣлалъ бы мой отецъ.

Меранъ поклонился и, помолчавъ, сказалъ:

— Чтò же, вы пришли къ соглашенію съ господиномъ Тайларомъ?

— Къ сожалѣнію, я не могу отвѣтить вамъ утвердительно,—проговорилъ рѣшительно Люсьенъ.—Я не продамъ моего имѣнія.

Лицо нотаріуса выразило крайнее изумленіе. Онъ не старался скрыть впечатлѣнія, произведеннаго на него этими словами, и даже сдѣлалъ жестъ, какъ бы стараясь удержать ускользавшій отъ него контрактъ. Меранъ пристально и вопросительно посмотрѣлъ на Люсьена, и вдругъ протянулъ ему руку:

— Я теряю прекрасное имѣніе, но я васъ уважаю за то, что вы хотите сохранить землю, гдѣ погребены ваши родители. Теперь вы должны проводить здѣсь хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Я надѣюсь, что вы останетесь у насъ на нѣкоторое время.

— Я, право, не знаю,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, взволнованный своимъ внезапнымъ рѣшеніемъ, такъ быстро созрѣвшимъ въ немъ подъ вліяніемъ все усиливавшихся грустныхъ впечатлѣній дня.

— Нѣтъ, вы должны остаться у насъ хоть нѣсколько дней. Да не пріѣдете ли вы къ намъ завтракать послѣ-завтра въ „Тополи“. Моя жена пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. Она будетъ очень рада увидать васъ послѣ такого долгаго отсутствія.

Люсьенъ принялъ приглашеніе не сразу, но Меранъ такъ настойчиво убѣждалъ его пріѣхать, что онъ въ концѣ концовъ уступилъ.

Проводивъ гостей и вернувшись къ себѣ, Люсьенъ прошелъ въ маленькую гостиную своей матери и сѣлъ, облокотившись, у окна. Онъ почти машинально возвращался именно въ эту комнату, гдѣ когда-то такъ любилъ проводить время.

Передъ окномъ на первомъ планѣ находились деревья и лужайки, еще сохранявшія свѣжій весенній цвѣтъ. За ними внизу раскинулось озеро, подернутое легкой рябью, сверкавшей при лучахъ уходящаго солнца. Какъ разъ противъ окна былъ виденъ склонъ горы, покрывавшійся сизою тѣнью. Солнце медленно уходило съ горизонта. Озеро засіяло розовымъ блескомъ, а въ небѣ появились лиловатые и золотистые тона. Казалось, что вдали шелъ дождь изъ цвѣтовъ.

„Однако я поставилъ себя въ довольно-таки затруднительное положеніе, — думалъ Люсьенъ.—Мнѣ предстоитъ часть года жить въ деревнѣ и выносить общество провинціаловъ, подобныхъ этому Тайлару. Даю голову на отсѣченіе, что всѣ савойцы похожи на него, какъ двѣ капли воды. Это будетъ невыносимое существованіе. Вотъ къ чему ведетъ сентиментальность. Мнѣ никогда не удавалось избавиться отъ этого недостатка. Нѣтъ ничего легче, какъ влачить безполезное существованіе въ Парижѣ, но въ деревнѣ или надо быть геніемъ, или впасть въ рамолисментъ“.

Когда онъ отошелъ отъ окна, въ полусвѣтѣ умиравшаго дня еще можно было различать картины на стѣнахъ.

„Эти портреты просто раздражаютъ меня“,—подумалъ онъ вслухъ, и тотчасъ же прибавилъ съ полною откровенностью:

„Я знаю, отчего это происходитъ. Они упрекаютъ меня. Они служили родинѣ, предавались мирнымъ занятіямъ и были счастливы законной любовью. Мнѣ кажется, что ихъ добродушныя лица киваютъ мнѣ изъ потемнѣвшихъ рамъ, совѣтуютъ по-

ступать такъ, какъ они поступали, и увѣряютъ, что счастье для меня еще возможно. Но я не привязанъ къ землѣ, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до народа, и я раздѣляю мнѣніе писателя, который предпочиталъ высшее разнообразіе красотѣ".

Онъ вдохнулъ въ себя ароматъ розъ, принесенныхъ имъ изъ сада и поставленныхъ передъ портретомъ отца. А между тѣмъ онъ чувствовалъ глубокую усталость отъ пустой, бездѣятельной жизни. Его недавнее прошлое разсыпалось пепломъ отъ первой попытки сознательно отнестись къ нему, какъ утромъ разсыпались высохшіе цвѣты, когда онъ коснулся ихъ рукою. Свѣжіе весенніе цвѣты вызывали въ немъ новыя мысли и чувства.

Вошла Жюльена, чтобы звать его къ обѣду.

— Правда ли, г-нъ Люсьенъ,—безцеремонно обратилась она къ нему,—правда ли это, что̀ разсказываетъ управляющій?

— А что̀ онъ разсказываетъ, моя милая Жюльена?

— А онъ тамъ внизу у себя укладываетъ вещи и говоритъ, будто бы вы все тутъ продали толстому господину, который приходилъ днемъ?

— Нѣтъ, неправда, я ничего не продалъ.

— Ну вотъ!—воскликнула, торжествуя, старуха.—Я такъ и знала. Мнѣ и то сдавалось, что господинъ Бюрлѐ это со злости говорилъ.

— А, кстати,—сказалъ Люсьенъ:—вѣдь теперь мнѣ надо будетъ вернуть управляющаго. Онъ мнѣ понадобится.

— Нѣтъ, нѣтъ! — быстро возразила старуха, умоляюще складывая руки, на которыхъ рѣзко выступали жилы.—Мы съ мужемъ будемъ работать за молодыхъ, и вы тутъ всегда съ нами будете, и вамъ легко всегда будетъ все самому провѣрить.

— Какъ это всегда! Положимъ, я согласенъ, пусть управляющій уѣзжаетъ, но я только изрѣдка буду къ вамъ наѣзжать, всего на два или на три мѣсяца, моя милая Жюльена.

И когда старуха побѣжала сообщить радостное извѣстіе мужу, Люсьенъ прибавилъ:

— Постараюсь оставаться здѣсь какъ можно меньше.—Но въ немъ уже не было прежней увѣренности.

II.

— Позвольте вамъ представить блуднаго сына. Къ завтраку у насъ будетъ откормленный телецъ въ видѣ индюшки съ трюфелями.

Такъ Меранъ отрекомендовалъ своимъ гостямъ Люсьена Галанда. Г-жа Меранъ встрѣтила молодого человѣка такъ, какъ будто его отсутствіе продолжалось всего нѣсколько дней. Онъ нашелъ, что она немного постарѣла, пополнѣла и вообще утратила прежнюю свѣжесть, но осталась, какъ и была, любезной, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ равнодушія и полной невозмутимости. Анни удивительно походила на прежняго прелестнаго ребенка. Годы коснулись ея съ такою же почти осторожной нѣжностью, съ какой въ эту минуту ея тонкіе пальцы поправили цвѣты въ жардиньеркѣ, сдвинутой съ мѣста ея отцомъ, съ тою же воздушной легкостью, которая была и въ ея походкѣ, когда она возвращалась на свое прежнее мѣсто. Люсьенъ любовался ея темноголубыми глазами, напоминавшими своей таинственной и немного грустной красотой прозрачныя прекрасныя лѣсныя озера; любовался ея пепельными вьющимися волосами, ея стройностью и граціей и почти дѣтской чистотой, придававшей ей еще болѣе юный видъ. Ему захотѣлось поговорить съ ней, напомнить ихъ прежнюю дружбу; но она или забыла его совсѣмъ, или была застѣнчива, потому что замѣтно удалялась отъ него. Напротивъ того, ея младшая сестра Жанна, которую онъ едва помнилъ шести- или семилѣтней дѣвочкой, усѣлась съ нимъ рядомъ съ неловкостью влюбленной пансіонерки. Однако онъ не обратилъ почти никакого вниманія ни на свѣтлые глаза и темно-рыжіе волосы, ни на свѣжее личико молодой дѣвушки.

Высокій бѣлокурый и державшійся необыкновенно прямо молодой человѣкъ съ остроконечной бородкой и съ какимъ-то холоднымъ, металлическимъ взглядомъ, подошелъ къ нему развязной, увѣренной походкой и пожалъ ему руку.

— Здравствуй, Люсьенъ. Ты въ первый разъ измѣняешь Парижу.

Черезчуръ сильное пожатіе руки и это безцеремонное обращеніе на „ты“ со стороны бывшаго товарища по гимназіи и университету произвели довольно непріятное впечатлѣніе на Люсьена, но изъ вѣжливости онъ все-таки чувствовалъ себя обязаннымъ выразить Жаку Альвару нѣкоторую радость при этой неожиданной встрѣчѣ.

— Ты поселился въ Аннеси? — спросилъ онъ, внутренно упрекая себя въ слабости, заставившей и его поддержать это нежелательное обращеніе на „ты“.

Его всегда возмущала обязательная близость, близость, въ которой довольно часто отказываютъ настоящимъ друзьямъ и ко-

торую приходится выносить со стороны забытыхъ товарищей далекаго прошлаго.

На его вопросъ отвѣтилъ Меранъ. Указывая на Жака, который принялъ необыкновенно горделивый видъ, онъ проговорилъ:

— Это лучшій адвокатъ въ нашемъ округѣ и нашъ будущій депутатъ.

— Это вполнѣ зависитъ отъ васъ, г-нъ Меранъ,—сказалъ Альваръ.—Вѣдь вы главный избиратель въ нашемъ краю.

Два другіе гостя, графъ и графиня Феррези, были совершенно неизвѣстны Люсьену.

— Вотъ уже два года какъ они поселились въ Таллуарѣ, въ двухъ шагахъ отъ Ментона,—объяснила ему г-жа Меранъ, которую онъ велъ къ столу. — Прекрасная парочка и такая дружная! Она переѣхала въ Савойю изъ за-мужа. Римъ его утомлялъ. Онъ слабаго здоровья. А жена прехорошенькая, не правда ли?

Графиня Феррези была въ полномъ расцвѣтѣ той физической красоты, которая составляетъ особенность знаменитыхъ красавицъ Тиціана. Ея блестящіе черные волосы великолѣпно оттѣняли кожу бѣлоснѣжную и прозрачную какъ раковина.

— Хорошая ѣда полезна для души!—произнесъ съ комической торжественностью, садясь за столъ, Меранъ.

Онъ старался расшевелить собравшихся гостей, такъ какъ любилъ видѣть вокругъ себя довольныя и веселыя лица.

— Однако въ вашемъ изреченіи очень мало духовнаго,— презрительно замѣтила прекрасная графиня.

— Духовное слѣдуетъ за ѣдой и никогда не предшествуетъ ей. Пока наши инстинкты не получили удовлетворенія, они заставляютъ и воображеніе работать себѣ на пользу, но зато послѣ удовлетворенія мы смѣло и свободно переходимъ къ области отвлеченнаго. Греки заканчивали свои пиры метафизическими преніями, а пустынники очень часто послѣ усиленныхъ молитвъ терзались искушеніями по части ѣды или чего-то другого,— отъ которыхъ ихъ спасла бы болѣе нормальная жизнь.

Анни, сидѣвшая рядомъ съ Жакомъ Альваромъ, внимательно слушала его разсказы о выборахъ. Онъ говорилъ очень громко, очевидно съ цѣлью, чтобы его могли слушать всѣ сидѣвшіе за столомъ.

„Кажется, здѣсь нечего ждать какихъ-нибудь другихъ разговоровъ, кромѣ гастрономическихъ и политическихъ“,—желчно подумалъ Люсьенъ, приглядываясь къ восхищеннымъ взглядамъ, которыми молодая дѣвушка дарила своего сосѣда.

Феррези освѣдомился о днѣ выборовъ. Альваръ отвѣтилъ:

— Во вчерашнемъ нумерѣ „Le Temps" они были назначены на 20-е августа. Значитъ, ровно черезъ два мѣсяца.

Говоря это, онъ погладилъ свою бѣлокурую бородку и подумалъ о своемъ близкомъ успѣхѣ, въ которомъ ни на минуту не сомнѣвался. Меранъ обратился къ Люсьену:

— Ваши предки, г-нъ Галандъ, несомнѣнно не узнали бы этого края, гдѣ столько лѣтъ они представительствовали, окруженные полнымъ почетомъ и уваженіемъ. Теперь онъ въ рукахъ кабатчиковъ и низкихъ интригановъ, которые льстятъ народу, чтобы его удобнѣе обмануть.

— Вы клевещете на избирателей Савойи,—возразилъ Альваръ.

— Замѣтно, что вы одинъ изъ кандидатовъ,—сказалъ Меранъ.—Нашъ теперешній депутатъ—нѣкій господинъ Фроссаръ, бывшій промышленникъ, набитый дуракъ и ходячая пошлость. Каждое утро онъ рѣшаетъ дѣла Европы, за абсентомъ. Онъ—полный невѣжда въ исторіи, въ финансахъ, въ политической экономіи,—однимъ словомъ, во всемъ томъ, что̀ необходимо знать депутату.

— Ну, такихъ много наберется и въ палатѣ,—рѣшился замѣтить Люсьенъ.

— Ихъ, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ. Нашъ Фроссаръ превосходитъ ихъ только наглостью. На послѣднихъ выборахъ, когда противъ него выступилъ баронъ Роше́, онъ увѣрялъ напуганный народъ, что его противникъ собирается вернуть прежніе порядки: и десятину, и барщину, и рабство. Въ прекрасной импровизаціи,—а импровизируетъ онъ постоянно,—онъ утверждалъ, что Роше́, въ случаѣ своего избранія, прикажетъ крестьянамъ выгонять лягушекъ изъ прудовъ, чтобы тѣ не мѣшали ему спать. Одинъ изъ стариковъ, никогда не слыхавшій объ этой странности старинной фамиліи Роше́, осмѣлился спросить:

— Да правда ли это?

— Конечно, правда! — подтвердилъ вошедшій въ азартъ Фроссаръ,—еще бы не правда! Вѣдь доказательство-то на лицо!

Стали разсуждать о томъ, будетъ ли выбранъ Жакъ Альваръ на предстоящихъ выборахъ.

— Битва будетъ жаркая,—сказалъ онъ.—Префектъ хочетъ избранія Фроссара.

Меранъ хитро улыбнулся на его слова.

— Я знаю, почему онъ хочетъ этого.

И продолжалъ, отвѣчая на молчаливый вопросъ Люсьена:

— Я вамъ все сейчасъ объясню въ курительной комнатѣ. А интересуетесь ли вы политикой, г-нъ Галандъ?

— Я никогда не принималъ никакого участія въ выборахъ. Я, какъ Талейранъ, по утрамъ держусь одного мнѣнія, послѣ обѣда—другого, а вечеромъ у меня нѣтъ ровно никакого.

— Ваши слова, г-нъ Галандъ, были бы жестокимъ ударомъ для вашего отца, еслибы онъ ихъ могъ слышать. Вы идете въ разрѣзъ съ его самыми горячими убѣжденіями. Онъ считалъ себя естественнымъ представителемъ этого края; онъ говорилъ, что къ этому его обязывало богатство и общественное положеніе его семьи. Народъ гибнетъ, такъ какъ теперь у него уже нѣтъ естественныхъ представителей, въ родѣ тѣхъ, которые всегда поддерживали и продолжаютъ поддерживать общественные интересы въ Англіи. Это доказано моимъ сосѣдомъ Тэномъ.

— Тэнъ вашъ сосѣдъ?—спросилъ Люсьенъ.

— Онъ лѣтомъ живетъ въ Ментонѣ,—отвѣтила г-жа Меранъ.

— По его наружности трудно догадаться, что это великій человѣкъ,—прибавила графиня Феррези.

Худой, маленькій и сгорбленный графъ, сидѣвшій все время наклонившись надъ своей тарелкой, вдругъ выпрямился и, повернувъ блѣдное лицо съ большими усами въ сторону жены и Жака Альвара, посмотрѣлъ на нихъ съ нескрываемой насмѣшкой.

— Вѣдь вы, Леонора, любите исключительно теноровъ и тореадоровъ,—презрительно произнесъ онъ.

— Тэнъ былъ муниципальнымъ совѣтникомъ въ Ментонѣ,—продолжалъ Меранъ,—но затѣмъ ему предпочли какого-то паромщика, служившаго на понтонномъ мосту въ гавани.

Альваръ сталъ защищать народныя права. Онъ доказывалъ, что, предоставленный самому себѣ, народъ инстинктивно изберетъ сильныхъ и энергичныхъ представителей; всякое же давленіе свыше должно несомнѣнно отозваться неблагопріятно на избирательномъ началѣ.

Графиня Феррези поддержала его, а молодыя дѣвушки, хотя ничего не говорили, но видимо тоже были на сторонѣ Альвара. Страстный и звучный голосъ придавалъ еще болѣе яркости его чисто внѣшнему краснорѣчію. Графъ Феррези придерживался крайнихъ мнѣній,—онъ увлекался соціализмомъ и склонялся къ анархіи. Слабый здоровьемъ и терзаемый постоянными физическими страданіями, онъ старался заглушить ихъ, предаваясь умственнымъ интересамъ.

— Политики ничего не смыслятъ въ эволюціи мысли. Переворотъ неизбѣженъ и совершится помимо ихъ. Соціализмъ и

анархія—вотъ два могущественные рычага противъ современнаго варварства. Варварство—вотъ настоящее слово для опредѣленія современнаго положенія. Повсюду мы видимъ одну неправду и вся сила теперь въ деньгахъ. Деньги—нашъ богъ, ревниво охраняемый существующими законами.

Альваръ разговаривалъ о чемъ-то въ полголоса со своей сосѣдкой, Анни Меранъ. Графиня Феррези внимательно слѣдила за ними, и Люсьенъ прочелъ глубокое страданіе въ ея глазахъ. Выраженіе ихъ часто смѣнялось: то въ нихъ загорался страстный огонь, то они дѣлались нѣжными и покорными.

Обѣдъ былъ оконченъ. Меранъ пригласилъ мужчинъ въ курительную комнату. Предлагая гостямъ сигары, онъ остановился около Люсьена.

— Я обѣщалъ вамъ кое-что разсказать. Это—настоящій анекдотъ подъ заглавіемъ: „Вотъ какъ порываютъ связи“. Въ немъ вы найдете разгадку, почему выбрали именно Фроссара. По нашему презрительному отношенію, вы, конечно, уже давно поняли, что онъ не имѣлъ за собой ровно ничего, чтобы быть выбраннымъ. Все дѣло въ томъ, что существуетъ нѣкая г-жа Фроссаръ, бывшая красавица, про которую говорятъ, что будто бы префектъ пользовался ея благосклонностью. Въ 1889 году нашъ префектъ сталъ добиваться другого назначенія,—вѣроятно ему просто наскучила эта связь,—но назначеніе не состоялось. Тогда префектъ постарался убѣдить Фроссара, что свойственное ему краснорѣчіе обязываетъ его занять мѣсто депутата. Онъ сдѣлалъ все, чтобы Фроссаръ былъ выбранъ, и такимъ образомъ сразу вернулъ себѣ свободу.

— Но вашъ префектъ настоящій мудрецъ, — замѣтилъ Люсьенъ.—Онъ не побоялся задать работу цѣлому округу для спокойствія своей жизни.

— Больше всего былъ изумленъ избраніемъ самъ Фроссаръ, —сказалъ Жакъ.

— Пустяки!—возразилъ Меранъ.—Онъ нашелъ это вполнѣ естественнымъ. Я видѣлъ его вечеромъ послѣ избранія. Разгоряченные избиратели, подзадоренные собственнымъ успѣхомъ, въ которомъ они видѣли чуть ли не спасеніе цѣлой страны, втащили Фроссара на столъ. Я отлично помню испуганную фигуру нашего толстаго и краснаго депутата. Для него нѣтъ ничего на свѣтѣ дороже собственнаго спокойствія. Онъ всячески старался быть на высотѣ задачи, но его оглушали эти бурныя выраженія восторга и сильно смущалъ шаткій столъ. Нашлись дуры, которыя протягивали ему своихъ маленькихъ дѣтей, а онъ

положительно не зналъ, что̀ съ ними дѣлать. Увѣряю васъ, онъ былъ смущенъ только этой торжественной обстановкой, но никакъ не самымъ фактомъ избранія.

— А избиратели все-таки будутъ за него,—проговорилъ Альваръ, не способный думать ни о чемъ другомъ, кромѣ своей кандидатуры.

— Чиновники, продавшіе свою свободу за жалованье, должны были бы быть лишены права голоса,—сказалъ Люсьенъ.—Они могутъ только присутствовать при выраженіи народныхъ требованій, безмолвные и неподвижные какъ евнухи въ присутствіи султана.

Жакъ между тѣмъ разспрашивалъ у Мерана кое-какія подробности объ округѣ сѣвернаго Аннеси, гдѣ тотъ былъ главнымъ совѣтникомъ. Графъ Феррези снова принялся проповѣдывать анархизмъ и соціализмъ, а Люсьенъ пытался ему доказать, что обѣ доктрины діаметрально противоположны, но обѣ равно шатки, какъ не имѣющія прочнаго основанія: одна разсматриваетъ человѣка слишкомъ отвлеченно, другая совершенно не принимаетъ во вниманіе общества, въ которомъ онъ живетъ.

Въ разговоръ вмѣшался и Жакъ.

— Наполеонъ былъ правъ, насмѣхаясь надъ людьми увлекающимися отвлеченными идеями. Всякая сильная воля сразу уничтожила бы теоретиковъ, создающихъ всѣ безпорядки, а народъ, увѣрившись въ безплодности возмущенія, скоро примирился бы съ существующимъ порядкомъ вещей.

— Держу пари, что вы заговорите совсѣмъ другое на первомъ же собраніи,—замѣтилъ Меранъ.

— Весьма возможно,—согласился со смѣхомъ молодой человѣкъ.

— И въ томъ, и въ другомъ есть своя правда,—продолжалъ Меранъ.—Подъ вліяніемъ соціализма мы можемъ внести больше справедливости въ наши общественныя отношенія; анархизмъ же сдѣлаетъ то, что отдѣльная личность больше не будетъ приноситься въ жертву государству.

Въ эту минуту открылась дверь, и на порогѣ показались графиня Феррези и Анни Меранъ. Графиня нѣжно обнимала молодую дѣвушку за талію.

— Бросьте всѣ ваши теоріи, онѣ ни къ чему не поведутъ,—съ улыбкой проговорила она.—Насъ послала за вами г-жа Меранъ. Вы такъ надолго насъ покинули, что мы соскучились безъ васъ.

Жакъ Альваръ окинулъ обѣихъ женщинъ дерзкимъ взгля-

домъ, и въ эту минуту онъ показался особенно несимпатичнымъ Люсьену.

Анни нѣжно и робко смотрѣла на будущаго депутата, который изысканнымъ тономъ произносилъ какую-то банальность.

Меранъ и Люсьенъ Галандъ вышли изъ комнаты послѣ всѣхъ.

— Вы хорошо знаете Альвара?—спросилъ Меранъ.

— Мы вмѣстѣ учились. Позднѣе я встрѣтился съ нимъ въ университетѣ. Онъ всегда былъ самоувѣренъ и честолюбивъ. Я не любилъ его. Съ тѣхъ поръ онъ, какъ видно, нисколько не измѣнился.

— О, онъ добьется успѣха, хотя у насъ онъ пришлый. Вы, вѣроятно, знаете, что его отецъ, парижскій банкиръ, пріобрѣлъ нѣкоторыя помѣстья въ Савойѣ, отошедшія къ банку за долги, но разорился и принужденъ былъ ихъ продать. Сынъ его, не имѣя ровно никакихъ связей въ округѣ, все-таки съумѣлъ добиться популярности. Я его поддерживаю, потому что Фроссаръ положительно смѣшонъ, но, откровенно говоря, немного побаиваюсь его честолюбія и безпринципности.

— А я думалъ, что онъ богатъ,—сказалъ Люсьенъ.—Значитъ, его отецъ разорился передъ смертью?

— Ну, это разореніе относительное,--другіе пострадали больше, чѣмъ онъ самъ. Альваръ пришелъ къ соглашенію со своими кредиторами, и ему удалось кое-что спасти. Отца называли въ округѣ разорителемъ, ну, а сынъ возстановилъ фамильную честь. Онъ у насъ блестящій адвокатъ.

— А если его выберутъ, то къ какой же парламентской партіи будетъ онъ принадлежать?

— Я думаю, что онъ и самъ еще этого не знаетъ. Онъ рѣшитъ, сообразуясь съ обстоятельствами. Да, г-нъ Галандъ, революція была подготовлена аристократами, которые побросали свои помѣстья и переселились въ Парижъ. Они открыли широкое поле дѣятельности для людей ничтожныхъ и алчныхъ.

Люсьенъ не успѣлъ на это ничего отвѣтить, такъ какъ въ эту минуту Меранъ отворилъ дверь въ гостиную.

Когда немного позднѣе онъ собрался идти домой, то Жакъ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ и вызвался его проводить.

— Я замѣчаю, что ты увлекаешься политикой,—обратился Люсьенъ къ своему спутнику, вполнѣ увѣренный, что заинтересуетъ его такимъ разговоромъ.

— Да, она доставляетъ мнѣ необыкновенное наслажденіе. Я смотрю на исторію какъ на политику прошлаго и считаю политику исторіей живыхъ людей. Живое существо привлекаетъ

меня больше статуи уже по одному тому, что въ немъ чувствуется жизнь. Принимать участіе въ судьбѣ цѣлой націи, видѣть, какъ твоя дѣятельность отражается на всемъ народѣ—вотъ въ чемъ задача жизни и въ то же время высокое наслажденіе для общественнаго дѣятеля. Увѣряю тебя, что это наслажденіе превосходитъ даже наслажденія любви.

И Люсьенъ понялъ, что для Альвара общественная дѣятельность была только средствомъ усилить жизненныя впечатлѣнія.

— Но въ большинствѣ случаевъ роль людей въ общественныхъ переворотахъ такая ничтожная!—произнесъ онъ.

— Я знаю только одно: моя настоящая жизнь меня не удовлетворяетъ,—продолжалъ Жакъ съ возростающей силой,—и я заставлю крестьянъ, въ которыхъ едва пробуждается сознаніе, работать для меня и положить начало моей будущей карьерѣ. Четыре года я провелъ въ этомъ заброшенномъ краю, я много и упорно работалъ надъ его устройствомъ, но не хочу остаться навсегда его рабомъ. Я сознаю свою силу. Мнѣ необходима трибуна, меня манитъ борьба, блескъ и великолѣпіе Парижа. Я жажду власти, какъ другіе жаждутъ любви.

Въ его словахъ слышалась гордость и неистовство невполнѣ удовлетвореннаго человѣка. Люсьенъ удивленно посмотрѣлъ на него, пораженный этими неожиданными признаніями. Жакъ Альваръ понялъ его взглядъ.

— Здѣсь я никому не довѣряю и льщу толпѣ; но иногда я чувствую потребность сказать кому-нибудь, до какой степени мнѣ опротивѣла эта провинціальная среда. Ты не здѣшній, пріѣхалъ только на время и можешь меня понять.

Онъ видимо не считалъ нужнымъ скрываться передъ своимъ бывшимъ товарищемъ, и потому продолжалъ:

— Здѣсь смотрятъ на депутата какъ на слугу, исполняющаго приказанія, и какъ на поставщика всевозможныхъ мѣстъ. Я же, какъ только меня выберутъ, постараюсь какъ можно скорѣй забыть всѣхъ моихъ избирателей. Я хочу быть депутатомъ для себя, а не для нихъ, и черезъ четыре года добьюсь такого положенія, что меня выберутъ вторично, если не изъ любви, то изъ страха.

— Ну, а что̀ ты скажешь о твоей политической программѣ? О ней я еще не слышалъ ни слова. Не думаешь ли ты обойтись безъ нея совсѣмъ? — спросилъ уже съ оттѣнкомъ ироніи Люсьенъ.

— Моя политическая программа удовлетворитъ всѣхъ и въ то же время не особенно стѣснитъ меня самого.

— А какого направленія ты будешь держаться?

— Того, которое мнѣ обезпечитъ успѣхъ.

— Однако, ты конкуррентъ, какъ я вижу, не изъ опасныхъ.

— Я опаснѣе, чѣмъ ты думаешь. Фроссаръ никому не мѣшаетъ, а его природная грубость даже нравится избирателямъ. Меня они считаютъ черезчуръ молодымъ. У насъ крестьяне любятъ почтенный видъ и большую бороду,—вотъ почему я и отпустилъ свою. Консервативная же партія не имѣетъ своего кандидата и довольно нерѣшительна. Меранъ управляетъ ею безъ всякаго труда. Отъ него, собственно говоря, и зависитъ все.

И послѣ минутнаго молчанія онъ началъ опять, почти не мѣняя тона:

— Графиня Феррези прехорошенькая женщина. Ты только обрати вниманіе на ея походку, на всѣ ея движенія, на линію ея бедеръ. Въ ней есть какая-то возбуждающая красота. Свѣжесть молодости соединяется въ ней съ нѣкоторой полнотою. Ей нравится, когда за нею ухаживаютъ, а ты, кстати, уже плѣнилъ ея мужа, пустившись обсуждать его дикія теоріи.

— Мнѣ и въ голову не приходило ухаживать за графиней Феррези.

— Напрасно, напрасно. Ты здѣсь не найдешь любовницы, которая бы сдѣлала тебѣ больше чести и доставила бы больше удовольствія; и еслибы я не собирался жениться...

— Ты женишься?

— Да, завтра я собираюсь просить у Мерана руки его дочери Анни. Я заручился поддержкой г-жи Меранъ.

— Вотъ какъ!—произнесъ Люсьенъ просто.

Жакъ сталъ перечислять всѣ выгоды для себя отъ этого брака.

— Дѣвочка мила. Меранъ очень богатъ. Кромѣ того, это обезпечиваетъ мой выборъ.

— Поздравляю!—произнесъ наконецъ Люсьенъ.—Въ самомъ дѣлѣ это тебя великолѣпно устраиваетъ.

— Да, не правда ли?—проговорилъ Жакъ, не замѣтивъ ироніи, и, какъ будто повторяя самую обыкновенную истину, прибавилъ:

— Либеральныя профессіи больше не приносятъ никакой выгоды. Одной только женитьбой можно себѣ составить сразу большое состояніе.

Они обогнули строенія Авюлли и подошли къ той сторонѣ лѣса, которая выходила къ потоку. Здѣсь они пожали другъ другу руки и разошлись, обѣщаясь видаться.

Прежде чѣмъ идти домой, Люсьенъ остановился среди сосенъ и дубовъ, такъ знакомыхъ ему съ дѣтства. Въ эту минуту онъ не любовался красотой этихъ деревьевъ, а весь предался самымъ грустнымъ мыслямъ.

„Третьяго дня я былъ очарованъ и растроганъ этими родными мѣстами,—думалъ онъ. — Мнѣ здѣсь нечего дѣлать, а я чуть-было не рѣшился здѣсь остаться. Я—чужой, заѣхавшій сюда на время, какъ объявилъ мнѣ Жакъ; а между тѣмъ я принадлежу къ семейству, которое благодѣтельствовало этой странѣ, а онъ—сынъ подозрительнаго банкира, неизвѣстнаго происхожденія, пользуется легковѣріемъ народа для удовлетворенія собственнаго эгоизма и тщеславія. Завтра же сообщу Мерану, что я перерѣшилъ“.

Но когда онъ вошелъ въ гостиную, то невольно залюбовался красотой полей и озера, озаренныхъ вечернимъ свѣтомъ. Его захватывала прелесть стариннаго помѣстья.

„Толстый нотаріусъ сказалъ мнѣ, что Меранъ назначилъ мою землю въ приданое за своей дочерью,—вспомнилъ онъ.— Въ такомъ случаѣ Жакъ, женившись на ней, займетъ здѣсь мое мѣсто, поселится въ этой комнатѣ, будетъ любоваться этимъ видомъ. Анни будетъ занимать будуаръ моей матери“.

Хотя въ послѣднемъ представленіи и не было ничего непріятнаго, однако онъ почувствовалъ сильнѣйшее внутреннее раздраженіе.

„Эти тихонькія дѣвушки изъ буржуазіи, поглядывающія тайкомъ на мужчинъ и влюбляющіяся, по словамъ итальянскаго графа, въ тенора или въ тореадора, коварны какъ море. Жакъ плѣнилъ ее своей наружностью и своими округленными ораторскими фразами, которыя катятся какъ шары по наклонной плоскости“.

Онъ снялъ съ камина фотографію Анни въ дѣтствѣ и поднесъ ее къ свѣту, чтобы лучше разглядѣть. Его невольно тронули ея кроткіе глаза и наивное личико. Въ ней было что-то безпомощное и томное, какъ будто она хотѣла сказать:—Полюбите меня.—И ему вспомнилась ихъ прежняя дружба и то довѣріе, съ которымъ она относилась къ нему, какъ къ болѣе смѣлому, когда они бѣгали вмѣстѣ по лѣсамъ, гдѣ иногда ихъ застигалъ вечерній сумракъ. Она забыла и его, и все это ихъ общее прошлое. Стоило явиться Жаку, чтобы померкли и исчезли всѣ эти дѣтскія воспоминанія.

Долго еще онъ сидѣлъ задумавшись, при ясномъ свѣтѣ медленно догоравшаго дня.

„Жакъ не пойметъ ее. Онъ ее не любитъ. Она будетъ несчастна. Однако, я впадаю въ глупую сентиментальность,— остановилъ онъ самъ себя, уже отходя отъ окна.—Чего мнѣ, въ сущности, безпокоиться о томъ, что представителями этого уголка Франціи являются разные Фроссары и Альвары, и чего я растрогиваюсь судьбой молодой дѣвушки, къ которой я совершенно равнодушенъ! Не на мнѣ лежитъ забота объ этомъ краѣ и я совсѣмъ не собирался свататься къ Анни“.

Но, несмотря на эти разсужденія, онъ чувствовалъ тоску и безпокойство.

III.

На утро Жакъ Альваръ проснулся очень рано и сейчасъ же усѣлся за работу. Сдѣлавъ нѣсколько необходимыхъ для него справокъ, онъ принялся готовиться къ завтрашнему докладу. Работалъ онъ быстро, всецѣло отдаваясь своему занятію и не думая ни о чемъ постороннемъ. Въ девять часовъ онъ уже одѣлся, на этотъ разъ особенно тщательно, и отправился на лодкѣ въ Ментонъ. Въ это утро онъ испытывалъ необыкновенную жизнерадостность.

„Итакъ, сегодня утромъ я прошу руки Анни Меранъ,— думалъ онъ.—Я уже предупредилъ ея отца, что мнѣ нужно съ нимъ поговорить, но онъ, конечно, думаетъ, что мы будемъ разговаривать о моей кандидатурѣ. Въ восемь часовъ вечера у меня соберутся члены избирательнаго комитета. Люблю, когда день до такой степени наполненъ“.

Однако, сознаніе, что въ этотъ день рѣшались два самые важные вопроса его жизни, нисколько не помѣшало его утренней работѣ.

Меранъ уже ожидалъ его и тотчасъ же заговорилъ съ нимъ о политикѣ:

— Я прочелъ вашу программу, которую вы мнѣ дали раньше, чѣмъ опубликовать ее, но еще не могу рѣшительно вамъ обѣщать своего содѣйствія. Консервативной партіи уже надоѣли союзники, которые не приносятъ ей никакой пользы, а только дискредитируютъ ее. Вы, напримѣръ, ничего не говорите о школахъ, а между тѣмъ вопросъ образованія—одинъ изъ самыхъ важныхъ и онъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о свободѣ общины. Да и, наконецъ, я просто чувствую приближеніе старости и жажду покоя.

„Однако, такое начало не предвѣщаетъ ничего хорошаго“,— подумалъ Альваръ.

Но онъ былъ рожденъ для борьбы, и ему захотѣлось добиться побѣды. Онъ принялся съ жаромъ доказывать настоятельную необходимость сосредоточить всѣ силы умѣренной партіи противъ единственнаго кандидата, этого Фроссара, опаснаго именно своимъ ничтожествомъ и своей приверженностью къ сектантству. И на Мерана, къ его собственному удивленію, и на этотъ разъ подѣйствовало это краснорѣчіе, всю поверхностность котораго онъ такъ хорошо зналъ; онъ сдѣлался мягче и податливѣе. Жакъ это замѣтилъ и, чтобы окончательно привести старика въ хорошее настроеніе, довольно ловко предоставилъ ему случай разсказать одинъ изъ своихъ любимыхъ анекдотовъ, все по поводу того же злополучнаго Фроссара.

— Но сегодня я къ вамъ явился совсѣмъ не для того, чтобы разговаривать о политикѣ,—началъ Жанъ, съ серьезнымъ и даже немного грустнымъ лицомъ, когда наконецъ почва была уже достаточно подготовлена.—Въ данную минуту, увѣряю васъ, выборы для меня—вещь второстепенная,—прибавилъ онъ, придавая нѣжное выраженіе своему голосу.—Вопросъ идетъ о счастьѣ всей моей жизни, и это счастье—въ вашихъ рукахъ.

Меранъ понялъ Жака, но это не доставило ему ни малѣйшей радости. Альваръ это замѣтилъ.

„Конечно, было бы всего лучше поговорить съ самой Анни, —подумалъ онъ.—Дѣвочка не сводитъ съ меня глазъ, но невозможно найти случай поговорить съ нею наединѣ“.

И онъ заговорилъ о своей давнишней любви къ Анни. Онъ расхваливалъ ее, какъ будущую прекрасную жену и великолѣпную хозяйку. Чрезвычайно осторожно и ловко онъ коснулся вопроса о неравенствѣ ихъ матеріальнаго положенія, но въ то же время безъ всякой ложной гордости упомянулъ о своей будущей карьерѣ. Онъ былъ очарователенъ, очень мягокъ и крайне убѣдителенъ. Меранъ отвѣтилъ довольно уклончиво. Онъ сдѣлалъ видъ, что очень польщенъ, обѣщалъ подумать, поговорить съ женой и дочерью. Дочь, по его словамъ, была такого нѣжнаго и хрупкаго сложенія, что ей необходимо было еще нѣсколько времени продолжать привычный спокойный образъ жизни. Торопиться было нечего, тѣмъ болѣе, что избирательная горячка, повидимому, должна была на извѣстный срокъ наполнить существованіе Жака. Но молодой человѣкъ энергично опровергнулъ всѣ его доводы и, стараясь замаскировать свою непреклонную

рѣшимость добиться успѣха, сталъ говорить растроганнымъ голосомъ о томъ, что вся жизнь его зависитъ отъ этой любви.

— Почему бы вамъ не поговорить сегодня же съ вашей женой и дочерью? — настаивалъ онъ. — Если вы дѣйствительно одобряете мое намѣреніе, то кто же больше васъ можетъ содѣйствовать его осуществленію? Мнѣ тяжело уѣзжать изъ Ментона, унося въ своей душѣ ту же мучительную тревогу, съ которой я сюда пріѣхалъ.

Меранъ наблюдалъ за нимъ и думалъ:

„Ты хочешь жениться на моей дочери для денегъ и для своей карьеры. Не будетъ моя Анни твоею женою. Но, однако, отъ тебя будетъ довольно трудно отдѣлаться“.

Жакъ съ большимъ тактомъ пересталъ настаивать на полученіи немедленнаго отвѣта. Онъ самъ предложилъ отправиться къ Люсьену Галанду, имѣніе котораго находилось по сосѣдству, и тамъ „дожидаться рѣшенія своей участи“. Мерану показалось, что онъ много выигрывалъ этой полудневной отсрочкой, и онъ согласился.

Жакъ ушелъ, а Меранъ отправился въ садъ. Жена его съ садовыми ножницами въ рукахъ тщательно срѣзала съ розовыхъ кустовъ завядшія розы. Когда мужъ сообщилъ ей о сватовствѣ Альвара, то она ограничилась только словами: — „Ну, вотъ какъ хорошо!“ — и срѣзала при этомъ вѣтку съ розоваго куста. Меранъ не зналъ хорошенько, относятся ли эти слова къ предложенію Жака, или къ цвѣтамъ, и воскликнулъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

— Да оставь ты свои ножницы! Дѣло идетъ о счастьѣ нашей дочери.

Г-жа Меранъ очень удивилась этой горячности, такъ несвойственной миролюбивому и кроткому характеру ея мужа. Она была такъ счастлива въ жизни, что ко всему относилась оптимистически, не различая важнаго отъ мелочей, и теперь замужество дочери она ставила на одинъ планъ съ занятіями садоводствомъ. Счастье всегда мѣшало ей относиться ко всему болѣе сознательно.

Она уронила садовыя ножницы на землю, и ея воображеніе тотчасъ же нарисовало ей счастливую будущность Анни.

— Онъ очень милъ, этотъ молодой человѣкъ. Онъ будетъ депутатомъ, а впослѣдствіи и министромъ. Съ его наружностью и краснорѣчіемъ онъ можетъ всего добиться. Мы будемъ ѣздить въ гости къ Анни въ Парижъ, будемъ обѣдать у нихъ въ министерствѣ съ посланниками и академиками.

Обыкновенно Меранъ восхищался спокойствіемъ и ясностью своей жены, но на этотъ разъ она привела его въ отчаяніе.

— Ну, такъ знай же,—сказалъ онъ,—что я отказалъ вашему претенденту.

Она улыбнулась, какъ всегда, невозмутимо и кротко.

— Вижу, что ты шутишь,—проговорила она.—Я ужъ объявила объ этой свадьбѣ самой Анни, а кстати и графинѣ Феррези. Графиня-то, кажется, этому не очень обрадовалась.

— Ты говорила объ этомъ предложеніи Анни?

— Ну да. Я терпѣть не могу никакихъ тайнъ. Дѣвочка очень довольна. Вчера Жакъ мнѣ намекнулъ кое о чемъ, и сегодня утромъ я разсмѣялась, когда увидѣла, что онъ опять является. А Жанна, она прехитрая, и говоритъ сестрѣ: „Вотъ твой женихъ!“ И я совершенно просто имъ сказала: „Это гораздо вѣрнѣе, чѣмъ вы думаете“. Онѣ теперь вмѣстѣ гуляютъ въ аллеѣ.

Она замолчала, понявъ по суровому виду своего мужа, что сдѣлала какой-то промахъ. Меранъ едва сдерживался.

— Но вѣдь это безуміе! — воскликнулъ онъ. — Я не хочу отдавать мою чистую и кроткую Анни этому тщеславному эгоисту Альвару. Неужели ты не видишь, что онъ сватается къ ней только изъ-за денегъ и чтобы обезпечить себѣ мою поддержку на выборахъ? Ты не хочешь ни о чемъ думать, и устроиваешь несчастіе собственнаго ребенка, обрѣзая розы своими дурацкими ножницами!

Г-жа Меранъ, нимало не смущаясь, постаралась сейчасъ же отклонить отъ себя эти упреки и уладить возникшія непріятности къ общему удовольствію.

— Ну, что же, позовемъ Анни. Скажемъ, что выбрали ей другого жениха, и она насъ послушаетъ.

— И что̀ за идея пришла тебѣ въ голову объявлять объ этой свадьбѣ графинѣ Феррези?

— Господи, да о чемъ же мнѣ было съ ней разговаривать вчера вечеромъ!

— Ее считаютъ любовницей Альвара, а ты въ лицо бросаёшь ей это извѣстіе, да еще къ тому же и ложное.

— Какая гнусность! Легкій флиртъ, самый обыкновенный легкій флиртъ и ничего больше. Графиня обожаетъ своего мужа. Не нужно никогда вѣрить сплетнямъ. Жакъ воспитывался у монаховъ, и не сталъ бы свататься къ нашей дочери, еслибы любилъ какую-нибудь тварь.

Въ это время въ глубинѣ аллеи показались Анни и Жанна. Издали сестры казались одинхъ лѣтъ,—обѣ были совершенно оди-

наково тонки и изящны. Солнечные лучи, проникая сквозь листву, бросали блики на ихъ головы, придавая волосамъ Жанны горячій, почти золотой оттѣнокъ.

— Анни, поди къ отцу, онъ хочетъ поговорить съ тобой,— сказала г-жа Меранъ, когда обѣ дѣвушки приблизились къ нимъ. Ей и въ голову не пришло самой сообщить дочери непріятное извѣстіе.

Анни подумала, что ей хотятъ объявить счастливую новость, и послѣдовала за отцомъ въ его рабочій кабинетъ. Она чувствовала необыкновенную легкость, и ей казалось, что ея ноги едва касаются земли.

Меранъ посмотрѣлъ на нее долгимъ любовнымъ взглядомъ. Вѣдь у него едва не отняли это сокровище. Онъ восхищался этимъ лицомъ, трепетавшимъ въ ожиданіи желаннаго извѣстія, этими глазами, ясное выраженіе которыхъ было готово смѣниться страхомъ, и пепельными волосами, слегка развившимися отъ вѣтра. Еще никогда онъ не чувствовалъ такъ глубоко той нѣжной прелести, которой было проникнуто все существо этого ребенка, граціознаго и хрупкаго, какъ драгоцѣнная статуэтка, которую всегда страшно разбить. Онъ взялъ ее за руку.

— Не правда ли, милочка, вѣдь тебѣ не хотѣлось бы насъ покинуть? Ты не чувствуешь себя несчастной подлѣ насъ? Мы тебя такъ любимъ.

Она ничего не отвѣтила, только ея глаза приняли грустное выраженіе. Онъ привлекъ ее къ себѣ и посадилъ на колѣни, какъ маленькую дѣвочку.

— Альваръ приходилъ просить твоей руки,—началъ онъ.— Мама уже говорила тебѣ объ этомъ. Ты знаешь, какъ я желаю твоего счастья. Выслушай меня: никто тебя такъ не любитъ, какъ я. Это замужество не дастъ тебѣ счастья. Альваръ—честолюбецъ, онъ не способенъ любить. Ты слишкомъ молода, чтобы понять это. Не стремись стать его женой. Вѣдь ты этого и не хочешь, Анни?

Она смотрѣла на него, и долго потомъ онъ не могъ забыть этого взгляда, полнаго страданья и нѣжности. Она прислонилась къ нему головой. Онъ подумалъ, что она плачетъ, нагнулся къ ней и почувствовалъ, что она падаетъ. Безъ единаго слова, безъ всякаго движенія она лишилась чувствъ.

— Анни!—воскликнулъ Меранъ.—Дитя мое, я сдѣлаю все, что ты хочешь!

Онъ перенесъ ее на свою кровать въ альковъ, находившійся рядомъ съ кабинетомъ. Ухаживая за нею, онъ умолялъ ее успо-

коиться въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Блѣдное лицо молодой дѣвушки, ея безжизненные глаза и окоченѣлые члены вызывали въ его испуганномъ воображеніи представленіе о смерти. Она тихонько пришла въ себя, устремила на отца тотъ же взглядъ, полный нѣжности и страданья, увидала, что онъ плачетъ, отыскала его руку и прошептала:

— Я останусь съ вами, папа.

Онъ сталъ возражать:

— Такъ ты его любишь, Анни? Какъ ты его полюбила?

— Не знаю,—отвѣчала она, слабо улыбнувшись.

„Зачѣмъ это я у нея спросилъ?—упрекнулъ себя Меранъ.— Развѣ можно знать, за что̀ любишь, и развѣ нужно непремѣнно знать человѣка, чтобы полюбить его?“

Прежде онъ ужасно любилъ въ своей дочери эту удивительную чувствительность, заставлявшую ее такъ легко приходить въ восторгъ и сострадать. Онъ не понималъ, что, благодаря именно этой чувствительности, любовь должна была сразу покорить ее. Онъ самъ развивалъ въ ней любовь къ природѣ и самъ вызывалъ восторгъ ко всему прекрасному. Его радовали страстные порывы этой пробуждающейся души. Онъ не подозрѣвалъ, что самъ такимъ образомъ сдѣлалъ ее беззащитной и неспособной противустоять красотѣ, молодости и краснорѣчію. Жакъ Альваръ не способенъ оцѣнить всей ея нѣжности и душевной чуткости; онъ осквернитъ и уничтожитъ эти тонкія, стыдливыя движенія души, какъ варваръ вырываетъ цвѣты, которые ему кажутся совершенно безполезными.

Но она его любила, и ему одному принадлежала вся прелесть ея еще больной улыбки, ея большихъ и все еще грустныхъ глазъ,—ея лица, такого прелестнаго, несмотря на сильную блѣдность; вся ея красота принадлежала ему одному. Отецъ уже занималъ второстепенное мѣсто въ этомъ сердцѣ, переполненномъ нѣжностью.

Меранъ не счелъ себя вправѣ оберегать будущность дочери, разбивая ея слишкомъ очевидную привязанность. Онъ ласково прикоснулся къ шелковистымъ завиткамъ волосъ, спустившимся на лобъ молодой дѣвушки, и произнесъ съ необыкновенной добротой:

— Ты любишь его. Ну, тогда другое дѣло. Я этого не зналъ. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Сейчасъ же пойду за нимъ. Ты довольна?

Невыразимая улыбка озарила все ея лицо. Щеки ея вспыхнули. Въ эту минуту она была похожа на лужайку, которую

вдругъ озарило солнце послѣ грозы и ливня. Она поднесла къ губамъ руку отца и прошептала:

— Я тебя ужасно люблю. Ахъ, какъ я тебя люблю!

Она встала, чтобы уходить, и въ эту минуту вошла г-жа Меранъ.

Она обладала необыкновеннымъ инстинктомъ, оберегавшимъ ее отъ всякихъ непріятныхъ сценъ. Она обняла Анни, потомъ своего мужа, и сейчасъ же принялась придумывать, кого бы пригласить свидѣтелями на свадьбу, выбирая ихъ среди знакомыхъ, занимавшихъ наиболѣе видное положеніе въ обществѣ.

Меранъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, отправился за Альваромъ.

Альваръ позавтракалъ у своего стараго товарища, слегка удивленнаго подобной безцеремонностью. Они не заговаривали болѣе о предстоящей женитьбѣ Жака, но по спокойному лицу послѣдняго Люсьенъ Галандъ могъ заключить, что его предложеніе уже принято.

Люсьенъ расхаживалъ въ большомъ волненіи по гостиной, а Жакъ Альваръ, съ удовольствіемъ прихлебывая кюрасо высокой марки, найденное въ погребахъ зàмка, старался завербовать своего пріятеля въ члены своего избирательнаго комитета.

— Тебя самого здѣсь не знаютъ,—говорилъ онъ,—но твое имя будетъ производить самое благопріятное впечатлѣніе. Представь себѣ, что здѣсь еще отлично помнятъ твоего отца и дѣда. Вѣдь эти здѣшніе старики отличаются необыкновенной преданностью.

И, замѣтивъ входящаго Мерана, онъ воскликнулъ:

— Люсьенъ будетъ членомъ моего избирательнаго комитета!

— Нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ Галандъ:—я совсѣмъ не занимаюсь политикой... Я буду слѣдить за тобой въ качествѣ простого дилеттанта.

Онъ съ изумленіемъ замѣтилъ перемѣну въ лицѣ Мерана. Послѣдній обратился къ Жаку и произнесъ упавшимъ голосомъ:

— Васъ ждутъ. Идите. Я приду потомъ.

Жакъ всталъ, пожалъ ему руку и обнаружилъ волненіе слишкомъ внезапное, чтобы быть вполнѣ искреннимъ. Онъ простился съ Люсьеномъ и направился къ выходу; но когда онъ былъ уже въ дверяхъ, Меранъ остановилъ его и, подойдя совсѣмъ близко, прошепталъ:

— Вы не можете себѣ представить, какая она слабенькая и нервная. Ее нужно очень беречь. Я поручаю ее вамъ.

— Вы можете на меня положиться. Я сдѣлаю все, чтобы она была счастлива,—отвѣтилъ Жакъ.

Когда онъ ушелъ, Меранъ въ изнеможеніи опустился на кресло. Онъ не старался скрывать своего горя отъ Люсьена, къ которому чувствовалъ большую симпатію. Наконецъ онъ произнесъ:

— Вѣдь вотъ, проводишь всю жизнь въ томъ, что наблюдаешь и разсуждаешь о людяхъ и цѣлыхъ государствахъ, и въ то же время не замѣчаешь того, что̀ дѣлается у тебя подъ носомъ, въ собственномъ домѣ!

Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не удалилъ во̀-время изъ своего дома Жака, и думалъ:

„Нужно зорко слѣдить за молодыми дѣвушками. Ихъ единственная мечта—это полюбить кого-нибудь. Это вполнѣ естественно, но мы обязаны руководить ихъ чувствами. Я дурной отецъ“.

И онъ прибавилъ вслухъ:

— Дѣти очень забывчивы, г-нъ Галандъ; имъ все равно, что ихъ близкіе страдаютъ.

Онъ ревновалъ свою дочь и страдалъ отъ мысли, что она любитъ кого-нибудь больше, чѣмъ его.

Люсьенъ его понималъ; онъ догадывался о любви Анни и о томъ, что отецъ противился ея браку. И несмотря на то, онъ отвѣчалъ довольно рѣзко:

— Вполнѣ естественно, что дѣти устраиваютъ свое счастье, какъ сами его понимаютъ, а не для того, чтобы сдѣлать удовольствіе своимъ родителямъ.

Онъ старался не интересоваться судьбой молодой дѣвушки, но она невольно волновала его.

Съ минуту они оба молчали. Ихъ занимала одна и та же мысль. Они ясно представляли себѣ слишкомъ позднее разочарованіе Анни. Меранъ всячески старался себя успокоить:

— Я ни въ чемъ не могу упрекнуть Жака Альвара. Онъ вполнѣ порядочный человѣкъ, умный и энергичный. Я страдаю отъ какихъ-то туманныхъ предчувствій. Я не могу забыть этого раздирающаго взгляда Анни. Что̀ мнѣ оставалось дѣлать передъ проявленіемъ такого сильнаго чувства?

Люсьенъ первый прервалъ молчаніе, спросивъ довольно церемонно:

— M-lle Меранъ выходитъ замужъ за г-на Альвара?

— Да, выходитъ. Развѣ я уже не сказалъ вамъ объ этомъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Онъ пошелъ въ сосѣднюю комнату и вернулся съ фотографіей, которую подалъ Мерану.

— Вотъ Анни въ дѣтствѣ,—сказалъ онъ.—Этотъ портретъ

остался здѣсь послѣ матери. Какая она тутъ хорошенькая! Когда-то мы были съ нею большими друзьями. Насъ соединяла общая любовь къ лѣсамъ и къ озеру. Она все это забыла.

Въ лицѣ его промелькнула грустная улыбка. Ему вспомнилось далекое дѣтство. Можетъ быть, онъ тогда уже безсознательно любилъ эту дѣвочку съ мечтательными и ясными глазами. Но эта мысль показалась ему странной, и онъ не сталъ останавливаться на ней.

Меранъ поставилъ фотографію на столъ.

— Незадолго до своей смерти,—сказалъ онъ,—ваша мать, глядя на свою любимицу Анни, которая пришла ее навѣстить вмѣстѣ со мной, положила ей руку на голову и сказала мнѣ: —„Когда-нибудь, черезъ много лѣтъ, если мой сынъ будетъ достоинъ, я попрошу ее у васъ себѣ въ дочери". — Потомъ она прибавила, такъ какъ уже начинала догадываться, что болѣзнь ея смертельна:—„Нѣтъ, не дождаться уже мнѣ этой радости".—Я совсѣмъ забылъ объ этомъ, а теперь вспомнилъ, взглянувъ на эту старую фотографію.

И Люсьену при этомъ пришло въ голову, не лишилъ ли его слишкомъ запоздалый пріѣздъ и счастья, и спокойствія, а вслухъ онъ произнесъ только банальность, которую обыкновенно принято говорить при извѣстіи о чьей-нибудь помолвкѣ:

— Надѣюсь, что м-lle Анни будетъ счастлива.

Отворяя калитку въ паркъ, Жакъ увидалъ Анни, срывавшую розы съ ближайшихъ отъ входа кустовъ. Онъ заранѣе радовался, что увидитъ, какъ будетъ проявляться любовь въ этомъ ребенкѣ, о глубокомъ чувствѣ котораго онъ догадался раньше, чѣмъ она сама. Она не видала, какъ онъ вошелъ. Онъ замѣтилъ ослѣпительную бѣлизну ея затылка и свѣтовые блики, дрожавшіе на ея пальцахъ, точно она ловила солнечные лучи. Съ минуту онъ наблюдалъ, какъ склонялась къ цвѣтамъ ея стройная фигура; въ немъ вспыхнуло грубое желаніе, и ему захотѣлось сравнить ее съ своей любовницей.

„Она очень мила, хотя очень худа,—подумалъ онъ.—У Леоноры линіи болѣе округленныя".

Онъ совершенно не испытывалъ того чувства уваженія, смѣшаннаго со страхомъ осквернить что-то святое, которое является у самыхъ большихъ развратниковъ, и останавливаетъ ихъ при видѣ чистаго лица молодой дѣвушки.

Вдругъ онъ увидѣлъ, какъ щеки Анни вспыхнули. Она обер-

нулась и замѣтила его присутствіе. Она вся затрепетала отъ приближенія любви, которой такъ ждала. Уронивъ розы, она поднесла руку къ сердцу, которое забилось слишкомъ сильно.

Жакъ умѣлъ необыкновенно хорошо выражать чувства, которыхъ онъ не испытывалъ. Онъ подошелъ къ Анни и проговорилъ голосомъ нѣжнымъ и ласкающимъ:

— Я долженъ сообщить вамъ важную вещь. У меня есть къ вамъ большая просьба, и ваши родители позволили мнѣ поговорить съ вами.

Она уже знала, о чемъ онъ собирался говорить, но все-таки его слова вызвали въ ней приливъ новаго волненія, и въ ея затуманенныхъ слезами глазахъ отразилась вся ея душа.

— Ваши родители разрѣшили мнѣ просить вашей руки у васъ самой. Согласны ли вы?...

И, взявъ ее за руку, какъ будто у него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея согласіи, онъ прибавилъ съ нѣжностью, пріятно удивившей его самого:

— Анни, полюбите ли вы меня немножко?

Она молча плакала, но въ ея волненіи не было никакой тревоги за будущее.

— Полюбите ли вы меня немножко, Анни?—повторилъ онъ, но на этотъ разъ голосъ его уже не прозвучалъ такъ музыкально и убѣдительно.

— Да,—скорѣе вздохнула, чѣмъ прошептала она, и ей казалось, что она произноситъ это слово навѣки.

Она почувствовала на своемъ лбу его поцѣлуй, но въ это мгновеніе къ ея блаженству примѣшалось едва замѣтное непріятное чувство: она замѣтила, что этотъ поцѣлуй, вызвавшій трепетъ во всемъ ея существѣ, нисколько не нарушилъ обычнаго спокойствія самого Жака и не согналъ съ его лица торжествующей улыбки.

— Я ждала васъ и приготовила вамъ эти розы,—съ очаровательнымъ смущеніемъ проговорила она, указывая на упавшіе на землю цвѣты.

Къ нимъ подошла г-жа Меранъ съ младшей дочерью. Мать слишкомъ привыкла къ счастью, чтобы придавать ему особенно большое значеніе. Она нисколько не сомнѣвалась въ томъ, что все устроится необыкновенно хорошо и что ея будущій зять представляетъ собою образецъ всѣхъ совершенствъ. Кромѣ всего этого, она была очень довольна, что можетъ теперь спокойно окончить подрѣзываніе вновь посаженныхъ кустовъ садовыми ножницами, которыя она все еще держала въ рукахъ. Жанна съ

любопытствомъ посматривала на сестру, замѣтно похорошѣвшую отъ волненія, и мечтала о собственномъ женихѣ, который явится за нею съ края свѣта, но, можетъ быть, уже и живетъ совсѣмъ близко, гдѣ-нибудь по сосѣдству.

Когда Жакъ собрался домой, г-жа Меранъ позволила Анни— проводить его до калитки.

И онъ ушелъ съ ея розами въ рукахъ.

Онъ направлялся домой, мысленно обсуждая, что̀ будетъ говорить на предстоящемъ собраніи членовъ избирательнаго комитета. Такъ какъ его сватовство удалось, то онъ о немъ и не думалъ больше. А въ это самое время Анни шла назадъ къ дому по знакомой аллеѣ, повторяя мысленно: „Я люблю его, я люблю его!“ Но вдругъ одно воспоминаніе блеснуло молніей въ ея умѣ, и она въ ужасѣ замерла на мѣстѣ. Онъ спросилъ, любитъ ли она его, но не сказалъ, что самъ ее любитъ, и вслѣдъ за этимъ въ ея ушахъ опять зазвучали слова отца: „Онъ не способенъ любить“.

Но молодость и любовь заставляли ее вѣрить въ счастье и разогнали мало-по-малу всѣ тяжелыя предчувствія.

IV.

Большая скала округленной формы, поросшая папоротникомъ и мелкимъ лѣсомъ, отдѣляетъ Ментонъ отъ Таллуара. Она вдается мысомъ въ озеро, къ которому прилегаетъ Аннеси. Съ этой скалы, почти отвѣсно возвышающейся надъ водою, открывается широкій видъ на окрестныя горы.

Недалеко отъ самой вершины скалы находится лужайка. Въ это уединенное и дикое мѣсто графиня Феррези очень любила приходить читать увлекательные романы любимыхъ писателей своей родины. Туда часто приходили къ ней Жанна и Анни Меранъ, относившіяся къ графинѣ съ тѣмъ восторженнымъ обожаніемъ, которое часто является у молодыхъ дѣвушекъ къ молодымъ женщинамъ, обращающимъ на нихъ вниманіе. Ихъ отецъ вначалѣ относился съ неудовольствіемъ къ этому знакомству, сдѣланному его женой со свойственной ей неразборчивостью. Его смущали туманные слухи, ходившіе относительно прекрасной итальянки и Жака Альвара, но, привыкшій не вѣрить провинціальнымъ сплетнямъ, онъ мало-по-малу сталъ смотрѣть сквозь пальцы на новое знакомство.

Усѣвшись на травѣ, графиня Феррези составляла букетъ изъ

цвѣтовъ, которые она нарвала, поднимаясь по тропинкѣ. Разбирая и перекладывая цвѣты, она напѣвала въ полголоса грустную рыбачью пѣсенку.

Было утро. Голубое небо и свѣжій морской вѣтерокъ навѣвали пріятныя, веселыя мысли, но, несмотря на это, графиня была очень грустна. Тѣни подъ глазами и неровный цвѣтъ ея лица уже говорили объ уходящей молодости, но гибкая фигура еще не утратила своей прежней прелести. Ее мало занимали цвѣты и пѣсни; она думала о своей любви.

Пріѣхавъ изъ Рима въ этотъ уголокъ Савойи, свѣжій воздухъ котораго былъ необходимъ ея болѣзненному мужу, она очень тосковала о прекрасномъ небѣ Италіи и о свѣтскихъ развлеченіяхъ, удовлетворявшихъ ея довольно легкомысленную натуру. Скука и тоскливая жизнь молодой женщины подлѣ больного мужа, наконецъ страхъ утратить молодость, не испытавъ всѣхъ радостей, которыя она могла дать,—все это вмѣстѣ бросило ее въ объятія Жака Альвара. Безъ кокетства и безъ колебаній отдалась она этому молодому человѣку съ нахальнымъ взглядомъ и разсчитаннымъ цинизмомъ въ отношеніяхъ съ женщинами. Эта запоздалая страсть ее поработила. Ея любовникъ обращался съ ней грубо; но она, чтобы избѣжать презрѣнія къ самой себѣ, старалась себя убѣдить, что ея покорность и слабость были слѣдствіемъ сердечной нѣжности, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ носили гораздо болѣе чувственный характеръ.

Она вспомнила, какъ недавно онъ объявилъ ей о своей женитьбѣ и она плакала, умоляя его подождать еще нѣсколько лѣтъ. Она увѣряла его, что скоро состарится, но онъ только смѣялся въ отвѣтъ. „Это совсѣмъ не такъ важно,—говорилъ онъ.—Я женюсь, потому что мнѣ нужны средства и мѣсто депутата. Не станешь же ты ревновать къ этой дѣвочкѣ. Послѣ моей свадьбы ты поѣдешь за мною въ Парижъ. Ты увѣришь своего мужа, что тамъ онъ найдетъ умственныя развлеченія, необходимыя въ его болѣзненномъ состояніи. Не дури же, пожалуйста!“ Она покорилась, какъ всегда, и даже готова была жалѣть бѣдную Анни, которой предстояло столько мученій.

„А что̀, если онъ ее полюбитъ? — мелькнуло въ ея головѣ.—Боже мой, какъ я несчастна, что обожаю этого человѣка!“

Шорохъ листьевъ, раздавшійся возлѣ нея, заставилъ ее вздрогнуть. Большой англійскій сетеръ, черный съ огненными подпалинами, выскочилъ на лужайку и подбѣжалъ къ ней.

— Стопъ!—позвала она и стала ласкать собаку.—Это вы,

мои милыя?—сказала она, повернувъ голову въ сторону Анни, которая появилась изъ-за раздвинутыхъ вѣтвей.

— Жанна устала, и сегодня я пришла одна,—проговорила молодая дѣвушка.

Обѣ женщины, по обыкновенію, обнялись и расцѣловались. Анни имѣла особенно свѣжій видъ, ея щеки раскраснѣлись отъ быстрой ходьбы, а въ глазахъ ея сіяло счастье. Графиня Феррези не чувствовала себя особенно интересной въ эту минуту, и потому, невольно восхищаясь дѣвушкой, она въ то же время завидовала ей.

— Какое чудесное утро! Вы только посмотрите!—вскричала Анни, увлекая своего друга за руку къ самому краю лужайки.

Безоблачное небо надъ ихъ головой было темно-голубого цвѣта, а къ горизонту свѣтлѣло, переходя въ розовато-фіолетовую дымку. Озеро отражало чистую синеву неба. Отъ времени до времени по его поверхности проходила легкая зыбь, свидѣтельствовавшая о таинственной жизни, скрытой въ его глубинѣ. Изъ чащи зелени выступали бѣлыя башни Дюэна. Направо виднѣлся Аннеси, и надъ нимъ возвышался зáмокъ Немуръ, придававшій всему мѣстечку видъ средневѣковой крѣпости. Во всемъ чувствовалась прелесть и нѣга лѣтняго утра.

Легкій вѣтерокъ, приносившійся съ озера, ласкалъ лица обѣихъ женщинъ, и онѣ чувствовали его свѣжесть сквозь легкія платья. Анни, отвернувшись отъ пейзажа, взглянула на своего друга. Она хотѣла бы всему свѣту объявить о своемъ счастьѣ, но боялась, что оно было слишкомъ исключительно и могло вызвать ревность въ менѣе счастливыхъ. Она замѣтила, что Леонора грустна, и не рѣшилась говорить ей о своей тайнѣ. Ей и въ голову не могло придти, что эта тайна была уже извѣстна графинѣ раньше, чѣмъ ей самой, и составляла причину ея грусти.

Онѣ вернулись на лужайку. Графиня Феррези украсила цвѣтами волосы и платье молодой дѣвушки, которая только улыбалась на это.

— Вы теперь настоящая невѣста!—сказала она, украсивъ ее всю.

Анни покраснѣла.

— Ахъ, вы маленькая скрытница!—продолжала графиня.—Ваша мамá уже сообщила мнѣ о вашей свадьбѣ.

— А!—прошептала удивленная Анни:—такъ вы уже знаете!

И съ граціознымъ движеніемъ младшей сестры, которая желаетъ, чтобы ее приласкали, она обвила шею графини и поцѣловала ее.

Глаза Леоноры наполнились слезами. Она плакала надъ несчастьемъ этого ребенка и надъ своимъ собственнымъ, надъ ихъ общимъ горемъ, надъ ихъ общей любовью. Однимъ своимъ словомъ она еще могла спасти молодую дѣвушку. Анни съ удивленіемъ замѣтила ея слезы и спросила:

— Что̀ съ вами? Скажите, о чемъ вы плачете?

— Не знаю, что̀ со мной, — отвѣчала графиня, стараясь подыскать наиболѣе мягкія выраженія для той ужасной истины, которую она хотѣла сообщить:—мнѣ вспомнилось то время, когда я сама была невѣстой. Къ свадьбѣ готовятся обыкновенно какъ къ величайшему празднику, а потомъ падаютъ съ небесъ на землю. Ожиданіе счастья гораздо заманчивѣе самого счастья. Мнѣ все казалось, что вы выйдете замужъ за Люсьена Галанда; онъ такой мягкій, такой чуткій и, мнѣ кажется, болѣе способенъ понять нашу женскую натуру. Вы не знаете Жака Альвара...

Въ какихъ словахъ могла она открыть этой невинной дѣвушкѣ, что Жакъ Альваръ былъ ея любовникомъ? Но она все-таки собиралась это сдѣлать; безумная страсть убила въ ней всякую гордость. Его одно имя вызвало въ ней прежнюю ревность и знакомое желаніе. Въ ней еще усилилась потребность довѣрить свою тайну, тѣмъ болѣе, что она не совсѣмъ ясно отдавала себѣ отчётъ въ своемъ позорѣ и не чувствовала ни малѣйшаго раскаянія, какъ это бываетъ съ сильно влюбленными женщинами. Она понимала, что своимъ признаніемъ можетъ вызвать къ себѣ презрѣніе Анни, и все-таки во что бы то ни стало хотѣла ее спасти, а главное сохранить для себя одной ласки Жака. Раздѣлять съ кѣмъ-нибудь его любовь казалось ей невозможнымъ. Рано или поздно эта дѣвочка, такъ довѣрчиво прильнувшая къ ней, все равно узнаетъ измѣну своего мужа. Своимъ признаніемъ она сразу спасала и себя, и ее.

Анни ожидала взволнованная, съ серьезнымъ лицомъ, приготовившись защищать своего жениха. Фраза, которую должна была произнести графиня Феррези, уже была готова въ ея умѣ. Она должна была просто сказать:

— Вы не можете выйти замужъ за Жака. Онъ—мой любовникъ.

Послѣ этой фразы она уже могла говорить съ ней, защищая свою любовь, которую эта дѣвочка должна была понять, потому что любитъ сама. Пусть будетъ то, что̀ будетъ, но прежде всего было необходимо сказать правду: это была рѣшительная фраза, въ ней заключалось освобожденіе.

Но несчастная женщина не произнесла ее.

Въ глазахъ Анни заключалась какая-то таинственная сила. Эта сила остановила ея отца, когда онъ хотѣлъ помѣшать ея браку, и теперь она оказала свое дѣйствіе. Прежде чѣмъ начать говорить, графиня Ферреви взглянула на Анни, и ее охватила настоящая жалость, жалость простой, чувственной женщины, измученной горемъ и испуганной новымъ предстоящимъ страданіемъ. У нея даже явилось желаніе преклониться, какъ предъ неизвѣстнымъ божествомъ, передъ этой молодой дѣвушкой съ ея идеальной, безконечной любовью, съ которой она не смѣла и сравнивать свою чувственную страсть. Она жила, какъ и большинство женщинъ, только настоящей минутой. Ей ясно представилось, какое глубокое страданіе она причинитъ, и у нея не хватило силы быть жестокой. Такъ какъ она продолжала молчать, то Анни спросила:

— Чтò вы хотѣли сказать про Жака?

— Я? Ничего. Я хотѣла васъ напугать, потому что вы имѣли ужъ слишкомъ счастливый видъ. Непозволительно быть такой счастливой! И кромѣ того, я просто не знаю... я какая-то безумная сегодня.

И она нервно разсмѣялась.

Въ эту минуту ей какъ разъ припомнился ея послѣдній разговоръ съ Жакомъ по поводу его женитьбы.

„Если вы чѣмъ бы то ни было помѣшаете моей свадьбѣ, то не увидите меня больше никогда",—сказалъ онъ.

Она невольно вздрогнула, вспомнивъ рѣшительный тонъ, которымъ было произнесено это „никогда". Такимъ образомъ ея собственное благополучіе такъ же требовало молчанія, какъ и внезапная, охватившая ее, жалость.

Она встала съ своего мѣста и быстро пошла по лужайкѣ, повторяя:

— Я васъ огорчила, но я безумная, совсѣмъ безумная!..

Она подошла къ краю обрыва, къ тому мѣсту, гдѣ скала образовывала входящій уголъ и съ котораго на глубинѣ тридцати метровъ, невольно притягивая къ себѣ, синѣли воды озера.

— Ленора!—воскликнула Анни, называя графиню ея сокращеннымъ именемъ.

Леонора пристально смотрѣла на воду, не испытывая ни малѣйшаго головокруженія, потомъ оглянулась и проговорила съ прежнимъ нервнымъ смѣхомъ:

— Одинъ прыжокъ отдѣляетъ насъ иногда отъ смерти. Надо его сдѣлать, закрывъ глаза.

Анни страшно поблѣднѣла. Графиня подбѣжала къ ней и проговорила:

— Вы такъ испугались за меня, милочка! Какой вздоръ! Ахъ, еслибы вы знали!..

— Зачѣмъ такъ страшно шутить?—прошептала Анни.

— Я нисколько не шутила. Неужели вы думаете, что у меня никогда не является мысль о смерти?

— Вы такая молодая и красивая,—проговорила Анни,—вы можете приносить столько счастья другимъ. Я ужасно боюсь смерти и совсѣмъ не хочу умирать. Особенно теперь, — прибавила она тихонько.

Графиня Феррези услыхала эти слова и спросила:

— Вы очень его любите?

Анни ничего не отвѣтила, только улыбнулась, но эта улыбка была краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Въ эту минуту съ озера до нихъ донеслась пѣсенка. Это былъ простой напѣвъ, съ протяжными переливами и припѣвами въ концѣ каждаго куплета:

Тамъ на горѣ высоко
Есть птичка, и поетъ
Она и днемъ, и ночью,
Ли-у-ла,
Поетъ и днемъ и ночью,
Какъ сладостна любовь...

Анни осторожно подошла къ краю обрыва. Она увидѣла лодку, плывшую вдоль скалы. На веслахъ сидѣлъ старикъ, а сзади него худенькая дѣвочка лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, съ непокрытой головой, вся залитая солнцемъ, пѣла во все горло, отчетливо выговаривая наивныя слова пѣсенки. Въ нихъ была изображена исторія двухъ влюбленныхъ, которыхъ разлучили жестокіе родители.

Графиня Феррези смотрѣла на неясный силуэтъ молодой дѣвушки, склонившейся надъ обрывомъ. Она слишкомъ подробно изучала собственную красоту, чтобы не понять всю изящную прелесть Анни, чистыя линіи ея шеи и плечъ и граціозную гибкость ея немного узкаго и худенькаго стана. Хотя она съ презрѣніемъ относилась къ невполнѣ развившимся формамъ, но все-таки не могла не позавидовать юной свѣжести этой дѣвственной фигуры.

Голосъ маленькой рыбачки удалялся. Влюбленный защищалъ права любви, несмотря на жестокость непреклонныхъ родителей:

Ни мой отецъ, ни мать
Ни братъ, никто на свѣтѣ,
Нѣтъ, мнѣ не помѣшаетъ,
Ли-у-ла,
Нѣтъ, мнѣ не помѣшаетъ
Обнять тебя, мой другъ!..

„Онъ будетъ ее обнимать,—думала графиня Феррези, продолжая смотрѣть на молодую дѣвушку.—Я ничто въ сравненіи съ этимъ очаровательнымъ ребенкомъ, и никто не устоитъ передъ ея прелестью. Онъ будетъ ее обнимать, какъ обнимаетъ меня, и я знаю навѣрное, что онъ ее полюбитъ. А меня онъ вышвырнетъ, какъ ненужную вещь".

Она выпрямилась и вся затрепетала отъ остраго чувства ревности. До ея слуха долеталъ послѣдній куплетъ пѣсенки уже совсѣмъ издалека:

Ты невѣстою стала другого,
Я уѣду изъ края родного
На зло и людямъ, и судьбѣ,
Ли-у-ла,
На зло и людямъ, и судьбѣ,
Все стану думать о тебѣ.

Анни наклонялась все болѣе и болѣе впередъ, чтобы лучше слышать удаляющуюся пѣсенку. Въ ней говорилось о любви, и это такъ увлекало ее, что она не сознавала, что подвергается опасности, стоя на самомъ краю обрыва.

„Онъ полюбитъ ее, — мысленно повторяла графиня Феррези.—Я не хочу, чтобы онъ ее полюбилъ".

Въ ней проснулась мрачная злоба. Она приблизилась къ молодой дѣвушкѣ. Вѣдь, въ сущности, такъ просто: одно движеніе, и ея соперница исчезнетъ въ безднѣ...

Когда Анни обернулась, съ улыбкой на лицѣ, она увидѣла, что графиня Феррези лежитъ на травѣ, закрывъ голову руками, и задыхается отъ рыданій. Она подбѣжала къ ней.

— Что съ вами, графиня? Скажите мнѣ, что васъ такъ мучитъ! Умоляю васъ!.. Я васъ такъ люблю!

Итальянка приподнялась, повернула къ ней свое заплаканное и взволнованное лицо, оттолкнула ее, проговоривъ:

— Оставьте меня! Я вамъ говорю, что я безумная! Оставьте меня! Прощайте, прощайте!—и бросилась бѣжать по тропинкѣ.

Анни проводила ее глазами, ничего не понимая.

„У нея какое-нибудь горе, и оттого она такая,—подумала она:—надо быть съ нею добрѣе".

И она отправилась домой. Ей удалось схватить мотивъ пѣсенки, и она напѣвала, думая о своей собственной любви:

На зло и людямъ, и судьбѣ,
Я стану думать о тебѣ.

Ей и въ голову не могло придти, что она только-что избѣжала смертельной опасности.

V.

Въ уютномъ уголкѣ сада, превращенномъ въ лѣтнюю гостиную, г-жа Меранъ, въ присутствіи своихъ дочерей и графини Феррези, была занята глубокомысленными вычисленіями:

— Сегодня воскресенье 13 августа, будущее воскресенье 20,—день выборовъ. Надо же дать немножко вздохнуть этому бѣдному Жаку. Ты ничего не будешь имѣть противъ четверга 14 сентября, Анни? Свадьба въ деревнѣ—это всегда такъ мило. Всю церковь украсятъ гирляндами изъ мха. Но ты ничего не говоришь, Анни. Всѣ эти хлопоты у меня одной на шеѣ.

— Она занята газетой. Оставь ее!—проговорила, смѣясь, Жанна.

Анни читала „Будущность Верхней Савойи", органъ избирательнаго комитета. Она зачитывалась краснорѣчивыми біографіями новаго кандидата, написанными подъ редакціей самого Жака, и отчетами о потрясающемъ впечатлѣніи, произведенномъ его рѣчами. Въ ея глазахъ это быстрое приближеніе Жака къ власти представлялось какимъ-то геройскимъ подвигомъ.

— Анни совершенно права,—объявила мать, всегда все охотно одобрявшая.—Это очень хорошо, что она восхищается своимъ будущимъ мужемъ.

— Все ли готово къ вечеру?—обратилась она къ младшей дочери, которая въ послѣднее время ей помогала по хозяйству вмѣсто Анни, занятой исключительно своей любовью.

— Отецъ пригласилъ чуть ли не весь избирательный комитетъ, а они всѣ—большіе гастрономы. Въ этой области они уже во всякомъ случаѣ законодатели и не имѣютъ соперниковъ.

Жанна сообщила, что меню составлено вполнѣ основательно. Г-жа Меранъ нашла нужнымъ извиниться передъ графиней Феррези, которая, стоя отъ нихъ въ двухъ шагахъ, смотрѣла черезъ деревья на заходившее солнце и, видимо, ничего не замѣчала изъ того, что̀ происходило вокругъ нея. Она припоминала всѣ униженія своего печальнаго романа.

Она была вчера у него, уже плохо отдавая себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Это было утромъ, какъ разъ передъ его отъѣздомъ на общее собраніе. Онъ только еще одѣвался. „Вы и здѣсь!—закричалъ онъ на нее.—Ты сошла съума. Сейчасъ же убирайся вонъ!"—продолжалъ онъ, переходя на „ты", что̀ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда бывалъ съ нею особенно грубымъ. Она пыталась обратить все въ шутку: „Но вѣдь бываютъ же у васъ иногда по дѣлу хорошенькія женщины",—проговорила она.

Въ эту минуту они услыхали чьи-то шаги на лѣстницѣ, и онъ поспѣшилъ ее увести въ свою спальню. Ей бросилась въ глаза фотографія Анни на каминѣ и рядомъ съ нею—ея собственныя послѣднія нераспечатанныя письма. Она готова была его умолять, чтобы онъ любилъ ее, сколько можетъ; ей хотѣлось сказать ему, что она хочетъ умереть, потому что у нея уже больше нѣтъ силы бороться, нѣтъ силъ встрѣчаться съ его невѣстой, которую ей почти ежедневно навязываетъ мужъ, увлеченный внезапнымъ порывомъ дружбы къ Мерану. Она приготовилась сказать ему столько трогательнаго и нѣжнаго, и хорошо сознавая, какъ мало значенія имѣетъ для него любовь въ виду его громаднаго честолюбія, она все-же разсчитывала, что онъ хоть немного пожалѣетъ и приласкаетъ ее. Но она не успѣла ему ничего сказать. Быстро взглянувъ на часы, онъ грубымъ и властнымъ движеніемъ привлекъ ее къ себѣ. И уже какъ будто сквозь тяжелый сонъ разслышала она безчеловѣчную фразу: „Теперь прошу оставить меня въ покоѣ до моей женитьбы. Черезъ три недѣли послѣ свадебнаго путешествія я къ тебѣ вернусь". Говоря это, онъ смѣялся. О, этотъ унизительный смѣхъ! Когда она спустилась съ лѣстницы, она чувствовала къ нему одну ненависть. Ей хотѣлось кричать, кусаться. Она его возненавидѣла. Ей такъ хотѣлось его ненавидѣть...

Анни уронила газету, и она лежала на землѣ, причемъ въ глаза бросалось крупнымъ шрифтомъ отпечатанное заглавіе статьи: „Рюмилли радостно привѣтствуетъ кандидатуру Альвара".

Она думала о Жакѣ и чувствовала, какъ что-то начинало тускнѣть въ ея душѣ. Въ ней просыпались какія-то смутныя страданія, причинявшія ей чуть замѣтную боль, точно отъ укола молодыхъ шиповъ. Она могла перечислить тѣ немногія ласковыя слова, которыя ей говорилъ женихъ. Кромѣ того, онъ произносилъ ихъ при другихъ, такъ что всѣ могли ихъ слышать. Это заставляло ее краснѣть и портило ей всякую радость. Онъ совсѣмъ не старался оставаться съ нею наединѣ, что̀, по ея понятіямъ о любви, было необходимо. Онъ всегда говорилъ какъ

будто публично. Кромѣ того, онъ слишкомъ часто сообщалъ ей объ избирательной борьбѣ и о своей политической карьерѣ. Она предчувствовала, что его самолюбивыя стремленія принесутъ ей много горя, но постаралась подавить свою грусть и разубѣдить самоё себя. Развѣ можно было требовать отъ Жака тонкаго вниманія! Какъ могла она жаловаться, когда каждый вечеръ, исполнивъ всѣ свои общественныя обязанности, онъ являлся ухаживать за нею! Она была черезчуръ требовательна. Послѣ выборовъ онъ, конечно, посвятитъ себя ей всецѣло. Черезъ недѣлю всѣ ея печальныя мысли разлетятся сами собой.

Въ эту минуту глаза Анни встрѣтились съ глазами графини Феррези, и она улыбнулась ей. Графиня все-таки замѣтила безпокойство молодой дѣвушки, и это доставило ей удовольствіе. Однако, несмотря на это злорадство, она совсѣмъ не такъ сильно ненавидѣла свою соперницу, какъ это ей казалось. Ей случалось, не дѣлая надъ собой никакого усилія, брать ее за руку, цѣловать ее. Вѣдь Жакъ еще не былъ ея мужемъ и еще цѣлый мѣсяцъ оставался до свадьбы. Въ мѣсяцъ многое можетъ случиться. Графиня, суевѣрная отъ природы, предавалась самымъ невозможнымъ надеждамъ, вѣрила въ случайности и по-итальянски молилась Богу, чтобы Онъ сохранилъ ея возлюбленнаго для нея одной.

Повѣяло вечерней прохладой послѣ тяжелаго, знойнаго дня. Г-жа Меранъ принялась разговаривать со своими розами, такъ какъ не могла молчать, а ея собесѣдницы не поддерживали разговора. Жанна безъ шляпы прогуливалась по аллеѣ, любуясь солнечнымъ закатомъ. Но вдругъ она побѣжала назадъ съ крикомъ:

— Вотъ ѣдетъ шарабанъ графа Феррези!

Она казалась очень обрадованной и вся раскраснѣлась, но никто не обратилъ на нее особеннаго вниманія.

Графъ Феррези и Люсьенъ Галандъ вышли изъ экипажа. У послѣдняго лицо разгорѣлось отъ поѣздки на свѣжемъ воздухѣ, а въ его обыкновенно довольно небрежныхъ манерахъ появилось что-то болѣе энергичное и мужественное.

— М-lle Анни, — произнесъ графъ любезно, — вы видите передъ собой избирателей вашего жениха. Черезъ полчаса онъ самъ будетъ здѣсь. Въ эту минуту онъ наслаждается своимъ тріумфомъ. Онъ произнесъ блестящую рѣчь.

Женитьба Жака успокоила его относительно жены. Уже два мѣсяца какъ онъ всячески расхваливалъ молодого человѣка въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ и старался незамѣтно втиснуть въ его программу нѣсколько параграфовъ, дальше кото-

рыхъ уже нельзя было идти въ смыслѣ излюбленной имъ свободы личности.

— Вы поздоровались со всѣми кромѣ меня,—сказала Жанна, обращаясь къ Люсьену, а г-жа Меранъ требовала, чтобы ей подробно разсказали объ общемъ собраніи.

У графа сдѣлался припадокъ кашля, и онъ долженъ былъ уступить слово Люсьену.

— Представьте себѣ террасу, возвышающуюся надъ главной площадью. На самомъ верху стоитъ кандидатъ и произноситъ рѣчь. Въ подобающихъ мѣстахъ голосъ его начинаетъ дрожать. Женщины плачутъ, старики покачиваютъ головами, одобрительно хихикая, а у молодыхъ людей застыла на устахъ счастливая улыбка. Въ прозрачномъ чуткомъ вечернемъ воздухѣ такъ и раздаются слова: „свобода, справедливость, братство". Слушатели очарованы. Ну, вотъ вамъ.

— Вы слишкомъ сократили вашъ разсказъ,—проговорила г-жа Меранъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Анни.

— Въ такомъ случаѣ я буду продолжать. Представьте толпу въ пятьсотъ человѣкъ, мужчинъ въ блузахъ или однѣхъ жилеткахъ, женщинъ въ свѣтлыхъ праздничныхъ косынкахъ, собравшихся въ тѣни огромныхъ платановъ. Передъ ними возвышается терраса, съ которой ораторъ, ярко освѣщенный солнцемъ, произноситъ рѣчь. Хотите вы имѣть образчикъ его краснорѣчія? Было страшно жарко, и солнце припекало прямо въ темя Жака. Одинъ почтенный крестьянинъ замѣтилъ это, отыскалъ стулъ, влѣзъ на него и сталъ защищать нашего друга своимъ огромнымъ краснымъ дождевымъ зонтикомъ. Но Жакъ любитъ жестикулировать во время рѣчи. Бѣдняга крестьянинъ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы слѣдить за его движеніями и двигать за нимъ свою импровизированную палатку,—онъ яростно двигалъ стуломъ. Кандидатъ неистовствовалъ. Крестьянинъ дѣлалъ самыя разнообразныя движенія, а дождевой зонтъ описывалъ въ воздухѣ самыя замысловатыя линіи. И что жъ бы вы думали? Никто и не замѣтилъ этой картины, въ которой было больше наивности и доброжелательства, чѣмъ величія.

Анни укоризненно смотрѣла на молодого человѣка. Ее обижала самая легкая насмѣшка. Ему стало непріятно, что онъ безъ нужды причинилъ ей неудовольствіе.

— Это ораторъ просто безконечный,—подтвердилъ графъ Феррези, оправившись отъ своего кашля, и никто не понялъ, хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что Жакъ могъ безъ конца говорить, или дѣйствительно выражалъ свой восторгъ.

— Вчера въ Дуссарѣ,—продолжалъ онъ,—маленькія дѣвочки, всѣ въ бѣломъ, поднесли ему букетъ полевыхъ цвѣтовъ. Мы были всѣ продушены имъ. А потомъ онѣ подставили ему свои лбы, для отеческаго поцѣлуя. Въ Таллуарѣ здоровые парни несли его на плечахъ, и онъ двигался, окруженный славой на подобіе какого-то бога.

Г-жа Меранъ, не забывавшая думать объ обѣдѣ, спросила Люсьена:

— Не знаете ли вы, кого мужъ привезетъ вечеромъ?

— Жака, нотаріуса Шаравѐ и адвоката Брена̀, тонскаго мэра. Онъ недоволенъ, что Альваръ пользуется популярностью въ его коммунѣ.

— Если собраніе уже окончилось, почему Жакъ не возвращается?—прошептала Анни.

— А теперь онъ обязанъ со всѣми выпить, — объяснилъ графъ Феррези.—Со стаканомъ въ рукѣ, напоминающій юнаго Вакха и окруженный сочувствующей ему толпой, онъ, пожалуй, еще обольстительнѣе, чѣмъ въ то время, когда произноситъ свои блестящія рѣчи. Трактиръ, сударыня, это народный дворецъ, а народъ, какъ цвѣтокъ, нуждается въ поливкѣ.

Песокъ заскрипѣлъ подъ чьими-то тяжелыми шагами, и въ аллеѣ показался высокій, державшійся прямо, довольно толстый старикъ съ очень краснымъ лицомъ, одѣтый въ плотно облегавшій его свѣтлый пиджакъ. Онъ видимо волновался и уже издали закричалъ могучимъ голосомъ:

— Альваръ? Да гдѣ же самъ Альваръ?

— Онъ будетъ сейчасъ здѣсь, майоръ. Мы его ждемъ,— отвѣтила г-жа Меранъ, направляясь къ нему на встрѣчу.

Это былъ главный совѣтникъ въ Фавержѣ, майоръ Бардо̀, оказывавшій наиболѣе сильную поддержку Жаку. У него не было никакихъ опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, но онъ ненавидѣлъ Фроссара, и эта ненависть побудила его сдѣлаться союзникомъ Альвара.

Онъ пріѣхалъ на лодкѣ и горѣлъ нетерпѣніемъ узнать какъ можно скорѣе всѣ новости.

— Итакъ, все идетъ довольно успѣшно?—обратился онъ къ Люсьену и, не дожидаясь отвѣта на свой вопросъ, сталъ раскланиваться съ графиней Феррези и съ молодыми дѣвушками, осыпая ихъ старомодными комплиментами. Онъ взялъ тихонько за ухо Анни и проговорилъ писклывымъ голосомъ:

— Однако, мы честолюбивы. Мы задумали сдѣлаться женою министра,—потому что онъ непремѣнно имъ будетъ. Но гдѣ же

онъ теперь ораторствуетъ, нашъ тріумфаторъ?—И прибавилъ, уже обращаясь ко всему собранію: — Я дамъ себя знать Фроссару. Въ моемъ кантонѣ онъ не имѣетъ ни одного голоса, слышите— ни единаго. Этотъ человѣкъ—просто позоръ для всей страны!

— Едва ли онъ извѣстенъ всей странѣ,—замѣтилъ Люсьенъ.

— Милостивый государь, — возразилъ ему старикъ: — въ 1870 году я командовалъ однимъ изъ батальоновъ національной гвардіи. Господинъ Фроссаръ три раза подавалъ въ отставку, чтобы не попасть въ походъ, и это, однако, нисколько не мѣшаетъ ему въ настоящее время предсѣдательствовать на празднествахъ въ честь старыхъ воиновъ и провозглашать тосты за процвѣтаніе отечества. И при этомъ у него есть ордена, а у меня ни одного.

Это было его скрытое больное мѣсто. Онъ всего только и командовалъ, что однимъ батальономъ, который никогда не былъ въ дѣлѣ, но онъ всегда былъ одержимъ воинственнымъ духомъ и, обработывая свои земли, проектировалъ уничтоженіе Германіи и еще нѣкоторыхъ странъ. По привычкѣ и потому еще, что его манеры сохраняли слѣды военной выправки, всѣ продолжали называть его майоромъ. Это былъ человѣкъ вполнѣ порядочный, добродушный и тщеславный. Онъ сообщилъ Люсьену, что готовитъ сочиненіе о савойскихъ генералахъ временъ первой имперіи.

— Вотъ только со слогомъ никакъ не могу справиться,— заключилъ онъ.—Обо мнѣ заговорятъ, когда Фроссаръ провалится. Но не правда ли,—это невѣроятно, что онъ предсѣдательствовалъ на этомъ банкетѣ вмѣсто меня?

Въ то самое время, какъ всѣ собесѣдники направились по аллеѣ къ дому, въ ворота въѣхало ландо.

— Да здравствуетъ нашъ депутатъ! — воскликнулъ Баро своимъ громовымъ голосомъ.

Жакъ, граціозно склонивъ голову и улыбаясь, дѣлалъ видъ, что раскланивается съ воображаемой толпой. Экипажъ остановился; изъ него вышли: Меранъ, Альваръ, нотаріусъ Шараве и адвокатъ Брена.

— Майоръ, большой успѣхъ въ Тонѣ!—воскликнулъ Жакъ, бросаясь прежде всего къ Баро и выказывая ему исключительное вниманіе, какъ наиболѣе могущественному союзнику въ дѣлѣ избранія.

Печальное выраженіе появилось на лицѣ Анни. Не къ ней первой обратился Жакъ. Только теперь онъ подошелъ къ ней и поздоровался съ той особой ласковой фамильярностью, съ

которой почему-то всегда считалъ нужнымъ обращаться съ нею. Онъ улыбался, глаза его радостно блестѣли. Въ его ушахъ еще звучали крики народнаго восторга. Онъ даже похорошѣлъ отъ полной увѣренности въ своемъ торжествѣ, и она любовалась имъ, забывъ о той боли, которую онъ ей только-что причинилъ. Всѣ взошли на крыльцо и почти тотчасъ же прошли въ столовую, украшенную великолѣпнымъ букетомъ розъ, составлявшихъ гордость г-жи Меранъ.

Анни, сидѣвшая рядомъ съ Жакомъ, съ которымъ уже не видалась нѣсколько дней, была совершенно обманута въ своихъ ожиданіяхъ. Она живо представляла себѣ, въ какихъ выраженіяхъ онъ будетъ ей описывать, какъ страдалъ въ разлукѣ, а онъ только и говорилъ, что о подробностяхъ своего торжества.

— Ну, а что̀ же вы ничего не разсказываете о непріятелѣ?— закричалъ майоръ Баро. — Что̀ же Фроссаръ? Вы не сказали о немъ ни слова.

Но Фроссаръ всегда принадлежалъ Мерану, и тотъ съ радостью ухватился за свою излюбленную тему.

— Фроссаръ удивительный ораторъ. Я хочу этимъ сказать, что въ его пустой головѣ стоитъ постоянный гулъ отъ наплыва мыслей, которыя мечутся тамъ, точно майскіе жуки, попавшіе въ барабанъ. Онъ прислушивается самъ къ себѣ, когда говоритъ, такъ что узнаетъ собственныя мысли вмѣстѣ съ публикой, а иногда и позднѣе, чѣмъ она. Онъ сказалъ блистательную рѣчь о прессѣ и ея злоупотребленіяхъ. Этой своей рѣчью онъ положительно заслужилъ безсмертіе. „Я требую,—говорилъ онъ торжественно и авторитетно,—я требую закона, который при безусловномъ уваженіи къ праву каждаго человѣка писать, что̀ ему угодно, тѣмъ не менѣе внесъ бы нѣкоторыя ограниченія въ свободу печати“...

— Въ настоящее время онъ увѣряетъ, что духовенство въ опасности и что Франціи необходимо добиться уваженія со стороны другихъ государствъ,—сообщилъ Люсьенъ.

Эти слова заставили майора Баро нетерпѣливо нахмурить свои густыя брови. Онъ былъ почему-то противъ духовенства. Жакъ, за это время успѣвшій сказать нѣсколько нѣжныхъ словъ, подкупившихъ Анни и огорчившихъ несчастную графиню Феррези, ни на минуту не терялъ нити общаго разговора. Онъ замѣтилъ раздраженіе Баро, и сейчасъ же постарался заговорить о другомъ. Нужно было быть большимъ дипломатомъ, чтобы поддерживать согласіе среди разнородныхъ и случайныхъ членовъ избирательнаго комитета.

Молодой нотаріусъ Шараве, человѣкъ въ высшей степени аккуратный и педантичный, въ нѣсколькихъ словахъ обрисовалъ положеніе партій и предсказалъ, что Жакъ будетъ выбранъ большинствомъ пятисотъ голосовъ.

— Успѣхъ довольно сомнителенъ, — замѣтилъ Брена́. Онъ сталъ возражать, и его возраженія подѣйствовали самымъ расхолаживающимъ образомъ на увлеченное общество. Его нашли неделикатнымъ. Онъ говорилъ грубо, но не безъ ѣдкости. Это былъ старый республиканецъ, крайне нетерпимый въ отстаиваніи либеральныхъ догматовъ. Онъ служилъ яркимъ доказательствомъ, до чего могутъ быть скучны люди съ разъ навсегда установившимися понятіями и слишкомъ увѣренные въ правотѣ своихъ взглядовъ. Онъ завидовалъ Жаку, отнявшему у него первое мѣсто въ адвокатурѣ, называлъ его стѣснительной личностью, желалъ, чтобы онъ уѣхалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ его избранія.

Добродушная и одинаково любезная со всѣми гостями г-жа Меранъ поддерживала благодушное и пріятное настроеніе духа среди сидѣвшихъ за столомъ. Она распространяла вокругъ себя спокойствіе, и всякая вражда затихала передъ ея опредѣленнымъ оптимизмомъ.

Кофе подали на террасу. На землю тихо спускалась прекрасная лѣтняя ночь, одна изъ тѣхъ ночей, въ которыя небо остается до такой степени свѣтлымъ, что звѣзды кажутся блѣдными. Тихій вѣтеръ, весь пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, слегка шелестилъ листвой. За лужайкой виднѣлось озеро, на неподвижной поверхности котораго еще отражались послѣдніе лучи заката. Вдалекѣ туманными очертаніями рисовались уходившія въ темноту горы. Мѣрный шопотъ тысячей ночныхъ жизней тихо и музыкально поднимался надъ землей.

Шумный разговоръ замолкалъ, такъ какъ всѣ невольно подчинялись очарованію вечера. Голоса зазвучали тише и мысли стали серьезнѣе. Только одинъ майоръ Баро по прежнему нарушалъ тишину.

Графиня Феррези стала играть по памяти на роялѣ норвежскіе танцы, отъ которыхъ повѣяло чѣмъ-то далекимъ, печальнымъ и немного дикимъ. До террасы звуки этой музыки долетали смягченными и слегка заглушенными. Жакъ стоялъ около графини и смотрѣлъ, какъ сверкали драгоцѣнные камни на ея блѣдныхъ пальцахъ. Изрѣдка онъ наклонялся и что-то говорилъ ей. Жанна наблюдала за ними черезъ открытое окно. Анни вся отдавалась красотѣ ночи. То, что̀ она испытывала, было такъ глу-

боко и проникнуто такой нѣжностью, что она вся трепетала отъ этого чувства. Какая-то незнакомая ей истома надвигалась на нее, радовала и въ то же время угнетала ее. Въ эту минуту предметомъ ея безграничной любви была сама любовь. Вся отдаваясь ей, стояла она одиноко, облокотившись на перила балкона.

Люсьенъ, недовольный и сумрачный, отдѣлился отъ группы курильщиковъ и, не чувствуя красоты вечера, старался найти вѣрную оцѣнку всему окружающему и отдать себѣ ясный отчетъ въ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него членами избирательнаго комитета.

„Жакъ изумляетъ меня своею дѣятельностью,—думалъ онъ,—своимъ полнымъ презрѣніемъ къ соціальнымъ вопросамъ и своимъ отвращеніемъ къ народу. По вечерамъ онъ воркуетъ здѣсь,—правда, довольно-таки умѣренно,—и очень поздно возвращается въ Аннеси. По утрамъ очень рано онъ садится въ коляску, приводитъ въ порядокъ свои замѣтки и подготовляетъ рѣчи, которыя онъ приноравливаетъ къ мѣсту и обстоятельствамъ. Еще на этихъ дняхъ онъ защищалъ какое-то дѣло въ судѣ и, кромѣ того, онъ постоянно пишетъ для своей газеты, чтобы обезпечить собственное восхваленіе. Онъ обѣщаетъ золотыя горы избирателямъ и, самоувѣренный до крайности, нисколько не стѣсняется издѣваться надъ ними за глаза. Вотъ, кажется, это его единственное слабое мѣсто. И этотъ человѣкъ будетъ блистать среди представителей нашей демократіи, лишенной всякаго нравственнаго чутья и настоящей любви къ народу!.. Что же касается до его пестраго комитета, которымъ онъ управляетъ съ такимъ же трудомъ, съ какимъ пастухъ справляется съ непослушными козами, то имъ руководитъ исключительно личный интересъ. Майоръ Баро хочетъ отомстить Фроссару, который за все время депутатства не выхлопоталъ ему ни одного ордена. Нотаріусъ Шараве подкарауливаетъ богатыхъ кліентовъ въ родѣ Мерана и другихъ представителей консервативной партіи. Адвокатъ Брена́, фонды котораго стоятъ еще довольно низко, только и жаждетъ удаленія Жака, а умный, но слабохарактерный Меранъ восхищается довольно опасной энергіей своего будущаго зятя, такъ какъ самъ отличается полнымъ отсутствіемъ этого качества. Даже я далъ свою подпись этому честолюбцу, я пожертвовалъ ему моимъ уважаемымъ въ этой странѣ именемъ исключительно изъ-за одного глубокаго равнодушія къ судьбѣ моей родины... Несчастный народъ, опьяняемый соблазнительными обѣщаніями и одурманенный банальными фразами, ты хотѣлъ добиться самоуправленія, а самъ увлекаешься кандидатами вполнѣ

къ тебѣ равнодушными,—ты блуждаешь съ завязанными глазами, отыскивая свое счастье! Мнѣ жаль тебя, но не мнѣ просвѣтить тебя. Требуй свѣта отъ тѣхъ, кто эксплуатируетъ твое невѣжество, чтобы обогатиться твоими послѣдними крохами!..“

Графиня Феррези перестала играть, вышла на террасу и подошла къ Анни и ея сестрѣ. Люсьенъ Галандъ поднялъ голову, взглянулъ на ночной пейзажъ и на трехъ женщинъ.

Итальянка, заложивъ руки за спину, облокотилась на балюстраду спиной къ озеру. Красота вечера ее мало трогала и вообще она презрительно относилась ко всему, что неподвластно людямъ. Волнистыя пряди черныхъ волосъ обрамляли ея лицо, отбрасывая на него тѣнь. Когда она повертывала голову, то ея тонкій профиль рисовался блѣднымъ силуэтомъ на фонѣ ночи, а матовыя лицо и шея казались прозрачными, точно освѣщенными какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ.

Подъ звѣзднымъ небомъ Анни была похожа на какое-то видѣніе,—такъ много въ ней было чего-то чистаго, тонкаго и мистическаго.

Люсьенъ попеременно любовался обѣими женщинами, восхищаясь ими, какъ восхищаются удачными произведеніями искусства. Онъ совершенно забылъ о Жаннѣ. Она сидѣла, вся закутавшись въ бѣлую шаль, и въ прозрачномъ сумракѣ ночи особенно очаровательно выступала ея едва начавшая развиваться красота. Она придерживала своей маленькой рукой платокъ на груди и смотрѣла на молодого человѣка своими глубокими глазами съ выраженіемъ ребенка, который борется съ слишкомъ серьезной для него мыслью. Ея слегка освѣщенные рыжіе волосы окружали ея головку темно-золотымъ ореоломъ.

Изъ группы курильщиковъ, къ которымъ присоединился и Альваръ, долетали отрывки разговоровъ о политикѣ. Только графъ Феррези и Люсьенъ отдавались чарующему обаянію природы.

— Въ вашихъ глазахъ отражается вся красота ночи,—проговорилъ, наконецъ, графъ, обращаясь къ Анни,—и это отраженіе еще прекраснѣе самой дѣйствительности. Красота пейзажа перестала меня увлекать съ той поры, какъ я засмотрѣлся на ваши глаза.

Она вся вспыхнула.

„Ахъ, почему эти слова были сказаны не Жакомъ!“

— Ну, вы, влюбленные!—воскликнулъ майоръ Баро, проходя мимо молодой дѣвушки и направляясь въ гостиную, потому что боялся за свой ревматизмъ. — Голубка вы моя, въ такой

вечеръ сидите соломенной вдовушкой! О чемъ же думаетъ нашъ великій человѣкъ?

Эти шутки, казавшіяся очень забавными самому добряку, терзали Анни. Люсьенъ это понялъ и, чтобы удалить несноснаго старика, предложилъ отправиться на Турнетту, чтобы смотрѣть восходъ луны.

— Мы сядемъ въ лодки, которыя вытащены на берегъ неподалеку отъ лужайки.

Жанна захлопала въ ладоши. Графиня Феррези, Анни и Жакъ одобрили планъ Люсьена.

— Пожалуйста, будьте осторожны!—мимоходомъ проговорила г-жа Меранъ больше для успокоенія совѣсти.

Молодые люди спустились по аллеямъ на берегъ, къ лодкамъ. Жакъ посадилъ Анни въ ту лодку, которая была поменьше, и первый отъѣхалъ отъ берега. Доплывъ до середины озера, онъ остановился, и Люсьенъ, приналегшій на весла, скоро догналъ его. Луна только-что взошла, и слабый свѣтъ скользнулъ по верхнему краю большой скалы, врѣзывавшейся въ озеро. Черезъ нѣсколько времени хлынулъ цѣлый потокъ серебристаго свѣта, и на блестящемъ дискѣ рѣзко вырисовались каменистыя выступы. Среди торжественной тишины ночи луна выплыла и отдѣлилась отъ скалы. Благодаря своему быстрому движенію, она казалась чѣмъ-то живымъ. Еще выше поднялась она въ небѣ и отразилась дрожащимъ столбомъ свѣта въ темныхъ водахъ озера, точно разсыпала по нимъ цѣлыя пригоршни звѣздъ. Этотъ столбъ переливался и разбивался и, сообразно измѣнчивому движенію воды, образовывалъ то круги блестящихъ точекъ, то цѣлыя полосы дрожавшаго серебристаго свѣта. Стало свѣтло какъ днемъ, только сіянье этого дня было слабѣе и блѣднѣе. Турнетта и сосѣдняя съ нею скала печально возвышались, какъ разрушенные зáмки, выдѣляясь на небѣ своими изящными очертаніями. Отдаленные предметы казались особенно таинственными и ихъ контуры особенно мягкими.

Все общество въ лодкахъ молчало. Они были очарованы этой небывалой красотой, разлитой во всей природѣ, и имъ хотѣлось уловить ее и сохранить въ душѣ, какъ срываютъ и уносятъ на память рѣдкій цвѣтокъ.

Среди глубокаго молчанія вдругъ раздался женскій голосъ, страстный, горячій и удивительно глубокій. Это былъ итальянскій романсъ. Иногда звучала только одна постепенно усиливавшаяся нота, и все вокругъ оживало и наполнялось мучительной нѣгой. Это графиня Феррези пѣла, выпрямившись во весь ростъ

на лодкѣ, слегка покачивавшейся въ столбѣ луннаго свѣта. Луна сіяла ей прямо въ лицо. Но вдругъ въ самой серединѣ пѣсни она замолчала, упала на дно лодки, рыдая съ отчаяніемъ, схватила руку Люсьена и сжала ее такъ, что онъ почувствовалъ, какъ ея ногти впиваются въ его пальцы. И онъ увидѣлъ, какъ въ сосѣдней лодкѣ, спрятавшись въ полумракѣ, Жакъ обнималъ Анни, и ему самому неожиданно стало грустно: Онъ понялъ, что итальянка ревновала, хотя и не зналъ ея настоящихъ отношеній къ Жаку. Онъ только не видѣлъ, какъ Жанна, сидя неподвижно на кормѣ лодки, вся закутанная въ бѣлую шаль, беззвучно плакала, не вытирая слезъ. А между тѣмъ онъ отлично могъ бы разглядѣть при свѣтѣ луны, какую нѣжную любовь и какую глубокую тревогу выражалъ взглядъ молодой дѣвушки, начинавшей, какъ и онъ, догадываться объ отношеніяхъ графини и Жака.

— Вернемся, мнѣ холодно,—проговорила Леонора Феррези, овладѣвъ собою.

Жакъ замѣтилъ ея волненіе. Онъ что-то нѣжно нашептывалъ своей невѣстѣ, но не оттого, что испытывалъ приливъ влюбленности подъ вліяніемъ этой удивительной ночи. Онъ почувствовалъ, когда они сѣли въ лодку, что окружавшая ихъ красота дѣйствовала сильнѣе на сердце Анни, чѣмъ всѣ его слова, а при его страсти властвовать онъ не выносилъ соперниковъ, и потому у него явилось непреодолимое желаніе самому заставить свою невѣсту испытать еще болѣе глубокое волненіе.

„Эта Леонора какая-то безумная,—подумалъ онъ.—Она готова все открыть Анни. Ну, ужъ я отомщу ей“.

Анни, даже не замѣтившая, какъ рѣзко оборвалось пѣніе, почувствовала только, что Жакъ вдругъ сталъ думать о чемъ-то другомъ, и когда ихъ лодка вступила въ полосу луннаго свѣта, то Люсьенъ разглядѣлъ страданіе на ея лицѣ.

„И въ той, и въ другой лодкѣ,—подумалъ онъ,—есть женщина, любящая Жака, и обѣ эти женщины страдаютъ, каждая по своему“.

Онъ старался не думать и забыть о собственныхъ мученіяхъ.

Лодки причаливали къ берегу, оставивъ за собою на водѣ полосы свѣта, въ которыхъ, какъ въ разбитомъ зеркалѣ, отражалась луна. Когда весла поднимались, то съ нихъ скатывались капельки воды, сверкавшія какъ драгоцѣнные камни. Въ глубинѣ водъ на неизмѣримомъ разстояніи отраженія звѣздъ сверкали блѣднымъ свѣтомъ, точно проступалъ другой небесный сводъ, съ древнихъ временъ поглощенный водою.

Возвращаясь домой и входя въ гостиную, Жакъ шутилъ, отдыхая отъ вынужденнаго сентиментальничанья. Стали запрягать экипажи, и гости собрались уѣзжать.

— Да поцѣлуйтесь же! — сказалъ майоръ Баро, подталкивая другъ къ другу жениха и невѣсту.

Жаку представился удобный случай отомстить Леонорѣ. Злобно взглянувъ на нее, онъ прикоснулся губами къ щекѣ Анни. Та вспыхнула. Ей было стыдно за этотъ поцѣлуй при всѣхъ. Для нея въ ласкахъ заключалась особая близость и тонкое очарованіе, совершенно пропадавшее, если ихъ видѣли посторонніе люди. Между тѣмъ графиня Феррези въ волненіи кусала свой платокъ.

Чтобы имѣть возможность на другой день рано утромъ уѣхать въ кантонъ Фавержъ, Жакъ и майоръ Баро должны были воспользоваться гостепріимствомъ г-жи Меранъ и остаться ночевать въ Ментонѣ. Альваръ отправился провожать Люсьена Галанда до воротъ парка Авюлли. Передъ ними по дорогѣ двигались ихъ тонкія, вытянувшіяся тѣни.

— У меня впереди еще цѣлая недѣля усиленной работы,— сказалъ Жакъ.—Каждый день публичныя собранія, пріемы членовъ комитета, газетная полемика; но даю тебѣ слово,—мнѣ жалко, что время выборовъ скоро кончится. Мнѣ ужасно нравится этотъ дѣятельный образъ жизни, эта борьба. Чувствуешь, что живешь.

— Однако,—возразилъ Люсьенъ,—ты долженъ былъ бы радоваться, что скоро освободишься. Не забывай, что вѣдь ты женихъ.

— Я думаю,—возразилъ Жакъ,—что три недѣли, которыя пройдутъ отъ выборовъ до свадьбы, покажутся мнѣ скучными и длинными. Мнѣ такъ хотѣлось бы поскорѣй жениться и устроиться въ Парижѣ.

— Но вѣдь все-таки нужно ближе сойтись съ своей невѣстой, чтобы потомъ было легче съ нею ладить,—замѣтилъ Люсьенъ.

— О, это совсѣмъ не такъ сложно. Анни по натурѣ очень простая и меня обожаетъ.

Нужна была вся притягательная сила Жака, чтобы не показаться смѣшнымъ, высказывая такое нахальное самодовольство. Люсьенъ зналъ, что Альваръ говорилъ правду. Онъ былъ мраченъ, и не понималъ самъ, почему эти слова его такъ огорчали. Еще не дойдя до парка, онъ неожиданно и быстро простился съ Жакомъ.

Черезъ нѣсколько времени, когда Жакъ уже спалъ, возстановляя свои силы для завтрашней борьбы, Анни и Люсьенъ сидѣли, облокотившись каждый у своего окошка, стараясь опредѣлить причину своихъ смутныхъ страданій, а Леонора Феррези, сидя рядомъ со своимъ мужемъ въ экипажѣ, увозившемъ ихъ въ Таллуаръ, мысленно повторяла себѣ, что хорошо было бы умереть, но что смерть все-таки ужасна.

П. С.

АМЕРИКАНСКАЯ „ЗЛОБА ДНЯ“

I.

Рѣшеніе верховнаго суда о колоніяхъ.

27-го мая, всего за день до окончательной отсрочки засѣданій верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ на четыре лѣтніе мѣсяца, и послѣ того какъ наша публика и пресса вполнѣ приготовились къ тому, чтобы ждать рѣшеній этого суда по вопросамъ новой колоніальной политики до слѣдующей осени, онъ неожиданно вынесъ эти рѣшенія по всѣмъ заслушаннымъ имъ въ связи съ этими вопросами дѣламъ [1]). Рѣшенія эти безусловно поддерживаютъ „макъ-кинлеизмъ“ и окончательно легализируютъ и новыя территоріальныя пріобрѣтенія Союза, и всю предшествовавшую и предполагаемую политику правительства въ этомъ отношеніи. Верховный судъ Союза полагаетъ, что составители конституціи, написанной слишкомъ столѣтіе съ четвертью тому назадъ, не предвидѣли и не могли предвидѣть столь отдаленнаго будущаго и возможности колоніальнаго расширенія, и что конституція съ ея ограниченіемъ власти конгресса дѣйствуетъ ipso facto только въ предѣлахъ полноправныхъ штатовъ; что же касается территорій, владѣніе ими связано только до извѣстной степени международнымъ правомъ, и конгрессъ относительно ихъ является верховною властью, съ абсолютной юрисдикціей во всѣхъ отношеніяхъ, и будетъ оставаться таковой, пока особымъ актомъ не сочтетъ возможнымъ распространить дѣйствіе конституціи и всего

---

[1]) См. мою статью: „Президентская кампанія 1900 года въ С.-А. С. Штатахъ“, „Вѣстникъ Европы“, 1901 г., іюнь.

съ нею связаннаго и на нихъ. Какъ цѣлесообразность и своевременность такого акта, такъ и рѣшеніе относительно желательности и выгодности удержанія за собой новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній вообще, представляютъ собою вопросы не юридическіе, а чисто-политическіе, и ихъ рѣшеніе зависитъ исключительно отъ американскаго народа въ лицѣ конгресса; верховный же судъ Союза въ нихъ отнюдь не компетентенъ. Ратификаціи сенатомъ трактата объ уступкѣ Союзу извѣстной территоріи послѣ удачной войны недостаточно для того, чтобы такая территорія сразу вступила подъ сѣнь американской конституціи;—необходимо извѣстное переходное время, и въ теченіе этого періода приходится положиться на мудрость конгресса, который можетъ даже впослѣдствіи высказаться за дарованіе новому пріобрѣтенію независимости, или безусловной, или съ извѣстными ограниченіями. Такія территоріи въ теченіе такого предварительнаго, такъ сказать, періода, составляютъ владѣнія Союза относительно всего внѣшняго міра и въ глазахъ международнаго права, но остаются на особомъ положеніи относительно всѣхъ ихъ внутреннихъ дѣлъ и отношеній къ Союзу, не исключая и ввозныхъ въ него тарифовъ. Такія новыя пріобрѣтенія, какими являются, напр., въ данномъ случаѣ острова Порто-Рико и Филиппинскіе, могутъ быть совершенно чужды нашему національному духу, нашей государственности, нашимъ законамъ и системѣ налоговъ, и столь рѣзкая перемѣна, какъ внезапный переходъ отъ испанскаго ига къ американской свободѣ можетъ оказаться для нихъ непосильнымъ бременемъ. Очевидно, что временное устройство, сначала чисто военное, подъ непосредственнымъ руководствомъ президента, затѣмъ такое, какое конгрессъ сочтетъ нужнымъ, представляетъ собою единственный выходъ, — и верховный судъ не находитъ въ конституціи ни одного слова, которое бы противорѣчило такому временному порядку. О правѣ же конгресса установлять особые спеціальные тарифы и ограждать границы Союза отъ ввоза товаровъ изъ такихъ территорій барьерами, которые онъ находитъ въ данное время нужными, не можетъ быть и спора—конституція воспрещаетъ такіе барьеры въ предѣлахъ штатовъ, а не такихъ территорій, которыя только принадлежатъ Союзу, но еще не приняты въ число штатовъ, и, можетъ быть, никогда не будутъ приняты.

Верховный судъ Союза состоитъ изъ девяти членовъ, включая предсѣдателя, носящаго званіе chief justice, и рѣшенія эти были приняты большинствомъ пяти судей противъ четырехъ, причемъ по главному вопросу, слѣдуетъ ли конституція за знаменемъ

ipso facto, большинство въ своей мотивировкѣ раздѣлилось на группы (изъ 2-хъ, 3-хъ и 2-хъ), хотя и пришедшія къ одному и тому же отрицательному рѣшенію, но руководствовавшіяся совершенно различными основаніями. Выше я привожу только общее резюме, не выдѣляя этой разницы. Меньшинство же единогласно отрицало и право Союза владѣть колоніями, и право конгресса учреждать для нихъ какое-либо временное устройство внѣ основъ конституціи. Рѣшенія эти были отнюдь не партійныя, такъ какъ въ средѣ большинства были члены-демократы, меньшинства—республиканцы. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они были не результатомъ какого-либо партійнаго давленія или связей, а искреннимъ убѣжденіемъ членовъ этой чрезвычайно высоко стоящей въ глазахъ американскаго народа коллегіи.

Не могу не признаться, что, прочитавъ и перечитавъ нѣсколько разъ полный текстъ рѣшеній съ величайшимъ вниманіемъ, я лично значительно поколебался въ моей увѣренности доселѣ въ томъ, что право было безусловно на сторонѣ анти-имперіалистовъ. Строгая логика большинства суда, безъ какихъ бы то ни было натяжекъ, не можетъ не подѣйствовать болѣе или менѣе на безпристрастнаго человѣка, желающаго добиться истины въ этомъ сложномъ вопросѣ. Не остается безъ вліянія и приводимый большинствомъ цѣлый рядъ историческихъ прецедентовъ, расширившихъ первоначальныя 13 колоній слишкомъ въ десять разъ за послѣднія 125 лѣтъ, причемъ всякое такое расширеніе, покупкой ли, войнами ли, добровольнымъ ли присоединеніемъ, всегда сопровождалось именно такимъ же временнымъ устройствомъ, какое практикуется и теперь. Всѣ личныя симпатіи,—сентименты, такъ сказать,—идутъ съ меньшинствомъ, но голова не можетъ не признать, что логика и аргументація большинства, по всей вѣроятности, сильнѣе и, главное, основаны на отвлеченномъ правѣ, а не на личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Это, несомнѣнно, одинъ изъ рѣзкихъ примѣровъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ нашей жизни, когда мораль, общее нравственное міровоззрѣніе человѣка идутъ въ разрѣзъ съ правомъ и закономъ, съ безжалостными, сухими требованіями слѣпой Ѳемиды.

Черезъ нѣсколько дней по опубликованіи рѣшеній верховнаго суда, я встрѣтился въ городѣ съ однимъ старымъ пріятелемъ, такимъ же старымъ республиканцемъ въ политикѣ, какъ и я, не подавшимъ, однако, на послѣднихъ выборахъ своего голоса за Макъ-Кинлея именно на основаніи анти-имперіалистскихъ тенденцій, что̀ сдѣлалъ и я. Мы оба принадлежимъ къ тому зна-

чительному классу американскихъ гражданъ, который, интересуясь самымъ серьезнымъ образомъ политикой страны, не причастенъ какъ бы то ни было къ общественному пирогу, и потому безусловно независимъ въ своихъ сужденіяхъ о разныхъ политическихъ вопросахъ.

— Что̀, верховный-то судъ погладилъ насъ противъ шерсти, не правда ли?—привѣтствовалъ онъ меня.

— Я еще не вполнѣ освоился со всѣмъ, что̀ его рѣшенія несутъ съ собой, все еще не могу вполнѣ согласиться съ большинствомъ,—отвѣчалъ я.

— Нашего съ вами согласія и не нужно,—никто о немъ не освѣдомится. Единогласно ли рѣшеніе, большинствомъ ли всего одного голоса, это совсѣмъ не важно. Рѣшеніе, согласно закону, послѣдовало, и оно для всѣхъ насъ обязательно, и на немъ будетъ основана вся наша будущая политика.

— Обидно, однако, что мнѣніе одного человѣка дѣлаетъ такое несимпатичное толкованіе вопроса такой чрезвычайной важности обязательнымъ для семидесяти-пяти-милліоннаго народа, — не упустилъ я случая проявить все еще не угомонившуюся во мнѣ, вѣчно присущую россійскому интеллигенту будирующую, задорную струйку.

— Это все бурлитъ въ васъ ядъ вашего европейскаго скептицизма, ваша неспособность мыслить вполнѣ по нашему, и по нашему же понимать нашу государственность и наше отношеніе къ ней. Вы все ищете пятенъ на солнцѣ. А республикамъ, батюшка, нуженъ извѣстный безспорный авторитетъ, извѣстный незыблемый якорь, который бы держалъ ихъ противъ всякой бури, противъ всякой непогоды. Верховный судъ и есть такой якорь.

— Съ которыхъ это поръ вы перешли въ католичество? Догматъ о непогрѣшимости папы въ религіозныхъ вопросахъ желаете пристегнуть и къ политикѣ, и въ ней создать изъ верховнаго суда того же папу?

— Въ католичество я не переходилъ и непогрѣшимость тутъ совершенно ни при чемъ. Это былъ вопросъ права, вопросъ сложный и спорный, но въ которомъ ни политика, ни личныя страсти и влеченія не должны были играть ни малѣйшей роли. Ни вы, ни я, ни десятки милліоновъ нашихъ вѣчно занятыхъ по горло своими житейскими дѣлами согражданъ въ немъ не компетентны,—у насъ не имѣется ни предварительной подготовки, ни достаточныхъ знаній, ни необходимаго безпристрастія. А члены этого трибунала и посажены туда, благодаря ихъ доказанному

всей ихъ жизнью превосходству именно въ этихъ необходимыхъ для нихъ аттрибутахъ. Непогрѣшимость, совершенство—и недостижимы, и ненужны, и я не приписываю ихъ верховному суду, и не жду отъ него; но я твердо, непоколебимо вѣрю въ то, что онъ рѣшилъ этотъ вопросъ безпристрастно и именно такъ, какъ повелѣвала ему его совѣсть и мудрость,—и съ меня этого достаточно. Они—такіе же люди, какъ и я, но поставлены дѣлать именно это спеціальное дѣло, и въ немъ я имъ безусловно довѣряю и всегда слѣпо руководствовался и буду руководствоваться ихъ рѣшеніями. Вѣдь не подозрѣваете же вы трибуналъ этотъ въ продажности или партійности?

— Конечно нѣтъ. Къ этому у меня никогда не было и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній, — и какъ ни непріятно мнѣ лично настоящее рѣшеніе, тѣмъ не менѣе я ни на секунду не остановился на какихъ-либо подозрѣніяхъ. Рѣшеніе мнѣ не симпатично, вотъ и все.

— Въ вопросахъ права не должно быть симпатій или антипатій. Я, напротивъ, до этого рѣшенія искренно сомнѣвался въ правѣ Союза и Макъ-Кинлея и захватывать эти острова, и управлять ими на отжившій манеръ, безъ согласія управляемыхъ. Въ этомъ сомнѣніи и была для меня вся загвоздка. Я обвинялъ администрацію въ узурпаціи, въ беззаконіи,—а оказывается, что въ этомъ отношеніи она была вполнѣ въ предѣлахъ своихъ полномочій. Но изъ того, что она имѣла законное право продѣлать все это и навязать намъ новое ярмо въ формѣ колоніальной политики, отнюдь не слѣдуетъ, что это намъ желательно и полезно. Мудрость верховнаго суда я вижу особенно въ томъ умѣньѣ и силѣ, съ которыми онъ подчеркнулъ эту разницу. Человѣкъ можетъ имѣть право прицѣпить къ своей ногѣ ядро на цѣпи—но изъ этого еще не вытекаетъ, что такая прицѣпка будетъ ему пріятна и полезна. Мы съ вами думаемъ, что захватъ Порто-Рико и Филиппинъ намъ не только безполезенъ, но и вреденъ,—рѣшеніе верховнаго суда отнюдь не препятствуетъ намъ и продолжать думать такимъ же образомъ; оно только освобождаетъ правительство отъ незаслуженныхъ обвиненій и сдаетъ въ архивъ только эту правовую сторону вопроса. До этого рѣшенія мы надѣялись, что можемъ отдѣлаться отъ того будущаго, которое сулитъ намъ колоніальная политика, безъ всякой работы съ нашей стороны, безъ доказательствъ, такъ сказать, на основаніи права и закона;—теперь мы должны перейти къ другимъ методамъ и доказать нашу правоту, если мы дѣйствительно правы въ политическомъ смыслѣ, по существу, такъ

сказать, а не потому, что наши законы были, якобы, попраны. Мы сдѣлали ошибку—верховный судъ указалъ намъ на нее, и, кромѣ того, установилъ и тотъ путь, на который намъ давно слѣдовало бы выйти. Вотъ и все. Въ Европѣ были бы недовольны такимъ рѣшеніемъ, какъ мы съ вами; стали бы конспирировать, какъ бы обойти его или устроить какой-нибудь coup d'état—говорятъ, за послѣднія тридцать лѣтъ Франція чуть ли не десять разъ передѣлывала уже свою конституцію до основанія—а у насъ такіе недовольные подчинятся безусловно авторитету верховнаго суда и направятъ свою энергію туда, гдѣ ей бы и слѣдовало быть съ самаго начала. Вотъ весь секретъ устойчивости нашихъ учрежденій:—мы не заражены традиціоннымъ европейскимъ антагонизмомъ между правительствами и народами, и, надѣюсь, съумѣемъ избѣжать его и въ будущемъ. Попомните меня, что къ слѣдующимъ президентскимъ выборамъ, — да и раньше, къ конгрессіоннымъ будущаго года,—у насъ уже будетъ организована анти-имперіалистская партія, которая послѣдуетъ указанію суда и дастъ оппозиціи основу въ аргументаціи фактовъ и доказательствъ, а не въ неправильно понятомъ правѣ, какъ это оказалось такъ безуспѣшно до сихъ поръ. И такая аргументація окажется, конечно, болѣе дѣйствительной, чѣмъ юридическія тонкости, которыхъ никогда не понять народнымъ массамъ и которыя имъ вообще антипатичны. И у такой оппозиціи будетъ больше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ она будетъ и интереснѣе, и понятнѣе. Погодите,—и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

Внимательно слѣдя, послѣ этого разговора, за нашей вліятельной политической прессой, я уже успѣлъ убѣдиться, что мой пріятель былъ въ значительной степени правъ. Оппозиція имперіализму нисколько не была поколеблена рѣшеніями верховнаго суда, — она только перешла съ почвы юридической на чисто политическую, и обѣщаетъ дать совершенно иную пищу и богатый матеріалъ ораторамъ будущей политической кампаніи 1902 года.

II.

Политическое перерожденіе Юга.

Рабовладѣльчество и хлопокъ, съ одной стороны, и свободный трудъ и мануфактурное развитіе, съ другой, рѣзко раздѣлили Союзъ на двѣ неравныя части почти съ самаго его основанія;— это раздѣленіе вызвало междоусобную войну 1861—1865 го-

довъ, которая ввела въ него новый элементъ—жгучую, казалось, непримиримую ненависть къ побѣдоносному Сѣверу со стороны побитаго, униженнаго Юга. Еще только десять лѣтъ тому назадъ, когда его дѣлами все еще всецѣло руководило то поколѣніе, которое вызвало и вынесло на своихъ плечахъ эту войну и такъ страшно за нее поплатилось, эта ненависть была такъ ярка и такъ неразумно необузданна, что о какомъ-либо примиреніи не могло быть и рѣчи. Негры были въ большинствѣ во всѣхъ хлопковыхъ штатахъ, и ихъ бѣлое населеніе жило въ ежечасномъ смертельномъ страхѣ возможности ихъ политическаго преобладанія и цѣлыхъ тридцать лѣтъ направляло всю свою энергію, всю свою изобрѣтательность на то, чтобы лишить ихъ этой возможности, — и съ теченіемъ времени вполнѣ успѣло въ этомъ, сначала de facto, а потомъ и de jure,—посредствомъ хитро составленныхъ добавленій къ своимъ штатнымъ конституціямъ. Въ настоящій моментъ негръ лишенъ права голоса на американскомъ Югѣ такъ же прочно и основательно, какъ и когда онъ былъ рабомъ, и совершенно исчезъ фантомъ его возможнаго господства, ужасавшій и раздражавшій кровнаго южанина цѣлыхъ тридцать-пять лѣтъ и заслонявшій въ его глазахъ рѣшительно все остальное. За то же время совершенно сошло со сцены и дрожавшее передъ этимъ фантомомъ поколѣніе:—новые люди, возмужавшіе при другихъ условіяхъ и на которыхъ этотъ „гвоздь" утратилъ свое преобладающее, исключительное вліяніе, люди, относившіеся гораздо шире къ потребностямъ времени, смѣнили его на общественной аренѣ и не могли не видѣть отсталости Юга и невозможности какого-либо прогресса при слѣпомъ слѣдованіи отжившимъ, мертвымъ идеаламъ своихъ предубѣжденныхъ предшественниковъ. Еще въ семидесятыхъ годахъ началось развитіе неисчислимыхъ естественныхъ богатствъ южныхъ штатовъ;—сначала оно шло очень медленно, постоянно натыкаясь на тѣ безчисленные подводные камни, которые представлялись косностью и односторонностью мѣстнаго населенія въ связи съ измѣнчивымъ, ненадежнымъ южнымъ темпераментомъ.

Восьмидесятые годы наводнили Югъ, къ тому времени почти совершенно обнищавшій, сѣверными капиталами и сѣверными энергіей и предпріимчивостью; огромный процентъ и тѣхъ, и другихъ погибли въ этой борьбѣ, но часть удержалась, и, въ теченіе девяностыхъ годовъ, при помощи постоянныхъ новыхъ подкрѣпленій съ Сѣвера, успѣла-таки добиться своего и укрѣпилась во многихъ мѣстахъ прочно и основательно. Добываніе каменнаго угля въ штатахъ Теннеси и Кентукки, производство стали въ

Алабамѣ и Джорджіи, фосфатовъ во Флоридѣ, разработка лѣсныхъ богатствъ въ обѣихъ Каролинахъ, добыча нефти въ Тексасѣ, хлопчатобумажныя, прядильныя и ткацкія фабрики во всемъ хлопковомъ районѣ, перерабатывающія теперь около ²/₃ всего потребляемаго на внутреннемъ рынкѣ Союза хлопка на мѣстѣ его производства, громадные сахарные заводы Луизіаны, могущіе работать только при высокомъ протекціонномъ тарифѣ —все это перевернуло внутреннюю жизнь Юга и развивается съ каждымъ годомъ все быстрѣе и шире. Передовые современные люди Юга не могли не видѣть, что, съ кореннымъ перерожденіемъ всей экономической жизни страны, ея старый политическій строй, основанный на безграничной ненависти и оппозиціи всему, что̀ представляетъ собою Сѣверъ,—только потому что это Сѣверъ, когда-то побившій ихъ отцовъ,—является рѣзкимъ, ненормальнымъ диссонансомъ, вредящимъ больше всего именно самому Югу.

Какъ разъ въ самый разгаръ уясненія этихъ новыхъ вѣяній, въ тотъ моментъ, когда они начинали входить въ народное сознаніе и принимать болѣе или менѣе опредѣленную форму во многихъ штатахъ, особенно въ Луизіанѣ, Алабамѣ, Теннеси и Сѣверной Каролинѣ, пришла какъ нельзя болѣе кстати испано-американская война. Тому высокому градусу подъема патріотическаго духа, который такъ ярко проявилъ, благодаря ей, американскій народъ, всего больше способствовалъ внезапно прорвавшійся страстный южный характеръ. Штаты Юга одинъ передъ другимъ спѣшили заявить свою лойяльность Союзу, и ихъ бѣлое населеніе стекалось сотнями тысячъ подъ то недавно ненавистное ему звѣздное знамя и съ гордостью облекалось въ презираемый доселѣ синій мундиръ Сѣвера. Макъ-Кинлей, изъ ряду вонъ ловкій дипломатъ и политиканъ, не преминулъ воспользоваться этимъ стихійно-массовымъ возбужденіемъ:—онъ объѣхалъ главные центры Юга, говоря патріотическія рѣчи, и довелъ весь Югъ до бѣлаго кипѣнія, когда назначилъ генералами въ дѣйствующую армію нѣсколькихъ вождей бывшей конфедераціи. Ничто не могло такъ изгладить сорокалѣтнія предубѣжденія сорокалѣтней острой, крайне убыточной обѣимъ сторонамъ борьбы, какъ именно такая популярная внѣшняя война и такая ловкая и своевременная эксплоатація южной гордости и южнаго высокомѣрія. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что, съ узко-націоналистической точки зрѣнія, одно это объединеніе американскаго народа, заживившее давнія, зіявшія язвы на государственномъ тѣлѣ страны, которыя могли, при извѣстныхъ неблагопріятныхъ усло-

віяхъ, сдѣлаться серьезно опасными, заплатило во много разъ за всѣ жертвы, принесенныя по поводу этой войны американскимъ народомъ. И Сѣверъ, и Югъ теперь уже вполнѣ поняли и вполнѣ оцѣнили этотъ ея результатъ. Примиреніе состоялось и санкціонировано свободной волей большинства южнаго бѣлаго населенія;—это чувствовалось въ теченіе всей прошлой президентской кампаніи, проявилось въ серьезной перемѣнѣ всего тона вліятельной южной печати, въ публичныхъ рѣчахъ южныхъ вожаковъ, сознается даже въ коммерческихъ и частныхъ сношеніяхъ Юга съ Сѣверомъ. Въ теченіе послѣдней сессіи конгресса нѣкоторые южные сенаторы и представители въ палатѣ послѣдовательно голосовали за всѣ предложенія администраціи, наперекоръ традиціонной оппозиціи ей демократовъ, какъ партіи; еще только три года тому назадъ это было бы совершенно немыслимо, такъ какъ это было бы сочтено Югомъ за измѣну, и такимъ отщепенцамъ грозилъ бы самый неумолимый и абсолютный общественный остракизмъ у себя дома. Въ самое послѣднее время наиболѣе энергичные выразители идеи необходимости политическаго перерожденія Юга уже не довольствуются такими пассивными признаками факта примиренія,—они рѣшили оформить его публично и возстановить, такъ сказать, политическую свободу совѣсти въ предѣлахъ Юга. Они смѣло бросили перчатку вызова бурбонизму въ южной демократіи въ самомъ ея очагѣ—въ штатѣ Южной Каролинѣ, колыбели отпаденія Юга въ 1861 году. Немедленно по окончаніи президентской кампаніи прошлаго года, одинъ изъ двухъ сенаторовъ отъ этого штата въ федеральномъ сенатѣ, Макъ-Лоринъ, энергично и явно поддерживавшій администрацію Макъ-Кинлея за послѣдніе два года, объявилъ публично своему коллегѣ въ этомъ сенатѣ, Тильману, самому яркому представителю бурбонизма на всемъ Югѣ, что онъ считаетъ старую традиціонную политику непримиримости отжившей свой вѣкъ и вредной современному Югу, и предлагаетъ ему вмѣстѣ выйти въ отставку и предоставить народу штата рѣшить всеобщимъ голосованіемъ—кто изъ нихъ правъ по этому самому жизненному въ настоящій моментъ вопросу. Макъ-Лоринъ извѣстенъ какъ отмѣнно ловкій, отлично освѣдомленный политиканъ во всемъ, что̀ касается общественнаго настроенія и своего штата, и всего Юга, тогда какъ Тильманъ представляетъ собою самую крупную силу на почвѣ сентиментализма въ пользу стараго общественнаго строя Юга—и, по всѣмъ видимостямъ, всѣ шансы на сторонѣ Макъ-Лорина,—онъ не рѣшился бы сдѣлать такой вызовъ, еслибы не былъ увѣренъ въ результатахъ. Какъ бы то ни

было, борьба между ними занимаетъ въ настоящее время не только ихъ штатъ, но и весь Югъ, и даже весь Союзъ, такъ какъ на ожидаемомъ вердиктѣ будетъ, конечно, основана вся ближайшая политика всего Юга. До сихъ поръ Югъ былъ инертенъ—онъ былъ демократомъ, несмотря ни на что, нерѣдко противъ своихъ собственныхъ выгодъ. Онъ добровольно лишалъ себя свободы выбора въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ,—не замѣчая, что все то, за что онъ стоялъ, безвозвратно умерло и давно погребено. Онъ ждалъ чуда, воскресенія, и не видѣлъ, что отстаетъ отъ жизни, отъ прогресса, отъ роста. „Старосвѣтскіе помѣщики“, гдѣ бы они ни проявлялись, глубоко трогательны, даже отчасти симпатичны,—но отъ нихъ тѣмъ не менѣе, неизбѣжно вѣетъ могилой, и если ихъ заколдованный мірокъ крѣпко держитъ въ себѣ и народныя массы, какъ, напр., въ данномъ случаѣ,—онъ оказывается далеко не такой безобидной идилліей, какою кажется снаружи.

III.

Возвращеніе американскихъ экономистовъ къ теоріи меркантилизма.

Только-что вышедшій въ свѣтъ отчетъ статистическаго бюро министерства финансовъ опредѣляетъ экспортъ Союза за принятый здѣсь фискальный годъ, оканчивающійся 30 іюня, въ $ 1.487.654.544; импортъ—въ $ 822.756.533; торговый балансъ въ пользу Союза—$ 664.900.011. Въ сравненіи съ предшествовавшимъ фискальнымъ годомъ, экспортъ увеличился на $ 93.173.462; привозъ уменьшился на $ 27.184.351. Производство золота въ Союзѣ, за то же время, дало 77 милліоновъ долларовъ и ввозъ его изъ-за границы 94 милл., такъ что запасъ золота въ странѣ за прошлый фискальный годъ увеличился на 171 милл. долларовъ. Наши финансисты вычисляютъ, что, за ввезеннымъ золотомъ, остатокъ торговаго баланса въ нашу пользу, около 570 милл., былъ полученъ слѣдующимъ образомъ: проценты на помѣщенный въ предѣлахъ Союза европейскій капиталъ—около 80 милл.; изведено американскими туристами за границей около 50 милл.; уплачено Союзомъ за океанскую перевозку товаровъ иностраннымъ судамъ около 40 милл.; куплено Союзомъ европейскихъ бумажныхъ цѣнностей, въ формѣ государственныхъ и желѣзнодорожныхъ займовъ, около 120 милл.;

куплено обратно американскихъ бумажныхъ цѣнностей, доселѣ бывшихъ въ рукахъ европейскихъ капиталистовъ, около 280 милл. По поводу этихъ двухъ послѣднихъ статей существуетъ разногласіе; возможно, и даже вѣроятно, что первая изъ нихъ—гораздо больше, равняясь, можетъ быть, цѣлой половинѣ суммы обѣихъ. Подъемъ цѣнности американскихъ бумагъ за послѣднее время былъ такъ великъ, что государственныя облигаціи приносятъ по теперешнему курсу всего отъ 1,03 до 1,73 процента на сто; банковыя акціи—отъ 1 до 2; муниципальные займы—отъ 2,75 до 3; большинство надежныхъ желѣзнодорожныхъ облигацій и акцій—не больше 3, тогда какъ Европа предлагаетъ равныя по своей надежности и обезпеченности бумажныя цѣнности, приносящія не меньше $3^1/_2$ и до 5 процентовъ. Произошелъ радикальный переворотъ, настоящая финансовая революція:—американскій процентъ на деньги, донынѣ стоявшій всегда значительно выше европейскаго и привлекавшій сюда европейскіе капиталы для выгоднѣйшаго помѣщенія, понизился до того, что сталъ ниже европейскаго и началось обратное движеніе капиталовъ,—Союзъ изъ націи-должника другихъ странъ дѣлается націей-кредиторомъ Европы. Разсчитываютъ, что maximum европейскаго капитала, помѣщеннаго въ Америкѣ, достигалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двухъ билліоновъ долларовъ; съ тѣхъ поръ онъ значительно понизился, и теперь его общая сумма является спорной; имѣются оптимисты въ средѣ самыхъ серьезныхъ нашихъ финансистовъ, которые думаютъ, что такой европейскій капиталъ уже вполнѣ уравновѣшенъ долгами Европы Америкѣ. Всѣ наши главныя желѣзнодорожныя, банковыя, страховыя и мануфактурныя компаніи, выплачивающія регулярные дивиденды, утверждаютъ единогласно, что за послѣдніе годы составъ ихъ акціонеровъ измѣнился самымъ существеннымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что проживаютъ они въ Америкѣ, а не за границей, какъ это было прежде, т.-е. что владѣніе этими акціями перешло изъ европейскихъ въ американскія руки.

Само собой разумѣется, что всѣ подобныя вычисленія и распредѣленія международныхъ долговъ и балансовъ болѣе или менѣе гадательны—невозможно усчитать ихъ съ полной достовѣрностью, за легкостью, разнообразіемъ и многочисленностью путей для международныхъ денежныхъ сношеній, вызванныхъ современными потребностями промышленности и торговли. Тѣмъ не менѣе, сущность дѣла понимается и опредѣляется вполнѣ вѣрно—и фактъ денежнаго, какъ и промышленнаго и торговаго

превосходства Союза едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію. Несмотря на то, что за послѣдніе три года развитіе промышленности поглотило огромные капиталы [1]), изобиліе денегъ повсюду изумительное, небывалое: въ государственномъ казначействѣ скопилось до полубилліона золота, несмотря на постоянный выкупъ государственныхъ облигацій и быстрое уменьшеніе государственнаго долга; частные банки завалены депозитами, и не знаютъ, что съ ними дѣлать; сберегательные—понижаютъ процентъ каждое полугодіе. А европейская пресса,—въ особенности газеты Австріи и Германіи, а за послѣднее время и Англіи,—бьетъ неумолчный набатъ и призываетъ весь цивилизованный міръ къ бойкоту американскихъ товаровъ и къ коалиціи противъ порабощенія Стараго свѣта Америкой. Извѣстный своей чуткостью и наблюдательностью англичанинъ Dr. Макъ-Кензи въ „London Daily Mail“ раскрылъ на дняхъ удивительнѣйшіе факты. Оказывается, что англійское почтовое управленіе было вынуждено заказать Америкѣ всѣ телефоны и всѣ принадлежности англійской государственной телефонной системы, на нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, что Шеффильдъ удвоиваетъ каждый мѣсяцъ свои заказы на американскую сталь въ болванкахъ; что весь инструментъ въ его машинныхъ мастерскихъ—американскаго издѣлія; что американскіе печатные станки вытѣсняютъ англійскія машины во всѣхъ типографіяхъ съ ужасающей быстротой, такъ какъ ихъ введеніе сразу дѣлаетъ какую бы то ни было конкурренцію мѣстныхъ прессовъ невозможною. Одна американская машина для обработки манильской пеньки, при томъ же числѣ рабочихъ, дѣлаетъ работу слишкомъ четырехъ англійскихъ, хотя и стоитъ не дороже одной изъ нихъ. Электричество, въ примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ, особенно городскимъ и подгороднымъ, неудержимо быстро вытѣсняетъ паръ, а американскіе электрическіе вагоны и всѣ ихъ принадлежности несравненно дешевле и, главное, неизмѣримо практичнѣе англійскихъ, такъ что ихъ мануфактура въ Англіи, въ сущности, уже оставлена. Но самымъ разительнымъ примѣромъ американскаго техническаго

---

[1]) Постройка торговаго флота идетъ крайне быстро, давъ американскому флоту за одинъ прошлый годъ новыя суда вмѣстимостью около полумилліона тоннъ; куплено нѣсколько принадлежавшихъ Европѣ океанскихъ пароходныхъ линій; на увеличеніе и усовершенствованіе каменноугольнаго и желѣзно-стальнаго дѣлъ издержано свыше ста милліоновъ; почти столько же—на введеніе свекло-сахарнаго производства и другихъ мануфактуръ; выстроено до 20.000 миль электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, капитализированныхъ почти въ билліонъ долларовъ.

превосходства служатъ недавніе торги на желѣзнодорожные мосты, строимые англійскимъ капиталомъ и англійскими инженерами въ Азіи и Африкѣ, мосты, заказы на которые въ Америкѣ вызвали такую бурю въ средѣ англійскихъ заводчиковъ. Вотъ сравнительныя цифры:

1) Мостъ черезъ р. Атбару, притокъ Нила, въ 622 тонны, сданъ Америкѣ за 53 долл. за тонну; срокъ поставки 14 недѣль. Низшая англійская цѣна на него была 75 долл. за тонну, поставка въ 26 недѣль.

2) Віадуктъ въ Гоктейкѣ, въ Бирмѣ, въ 4.332 тонны, сданъ Америкѣ по 75 долл. за тонну; срокъ поставки—одинъ годъ. Низшая англійская цѣна на него была 133 долл. за тонну; поставка въ 3 года.

3) Віадукты въ Грандѣ, въ Центральной Африкѣ, въ 7.000 тоннъ, сданы Америкѣ по 90 долл. за тонну; срокъ поставки—46 недѣль. Низшая англійская цѣна на нихъ была 108 долл. за тонну; поставка въ 130 недѣль.

Не говоря уже о томъ, что англійскимъ заводчикамъ нужны были, въ среднемъ, болѣе чѣмъ двойные сроки времени для выполненія этихъ заказовъ, ихъ цѣны были отъ 20% до 80% выше.

Не могу не привести при этомъ одного факта, которому я самъ состою свидѣтелемъ. Когда, десять лѣтъ тому назадъ, я переѣхалъ съ Востока въ Калифорнію, въ штатѣ не было ни одного сахарнаго завода, и онъ ввозилъ весь потреблявшійся имъ сахаръ. Теперь у насъ работаетъ 13 заводовъ, и разсчитываютъ, что штатъ не только произведетъ весь нужный ему сахаръ, но и вывезетъ до десяти тысячъ тоннъ. Кромѣ того, первые три завода, выстроенные на моихъ глазахъ, только два или три первыхъ года своего существованія работали вывезенными изъ-за границы германскими машинами;—теперь онѣ всѣ давно выброшены на задній дворъ, и всѣ заводы работаютъ исключительно машинами американскаго изобрѣтенія и издѣлія,—и Союзъ вывозитъ ихъ ежегодно на значительную сумму и въ Германію, у которой такъ недавно перенялъ все свекло-сахарное производство. Слѣдуетъ ли удивляться, что въ Австріи бунты изъ-за безработицы, усмиряемые войсками, сдѣлались хроническимъ явленіемъ, что въ Германіи крахъ лейпцигскаго банка вызвалъ многочисленныя банкротства во всемъ промышленномъ мірѣ страны и серьезнѣйшій финансовый кризисъ, что Россія уже вступила въ острую и быструю тарифную войну съ Союзомъ?

Все вышеизложенное вынудило нашихъ политико-экономовъ-теоретиковъ пересмотрѣть существующія научныя и общепринятыя положенія относительно вопросовъ международной торговли и торговыхъ балансовъ. Какъ извѣстно, развитіе англійской иностранной торговли еще въ началѣ семнадцатаго вѣка породило ученіе меркантилистовъ, державшееся весьма упорно въ теченіе этого и восемнадцатаго столѣтій. Оно было основано на той доктринѣ, что всякое торговое государство можетъ процвѣтать экономически только въ томъ случаѣ, если торговый балансъ стоитъ въ его пользу, и если оно имѣетъ собственный достаточный запасъ золота. Въ тѣ времена добывавшееся внѣ Европы золото поступало почти цѣликомъ въ руки Испаніи и Португаліи, и Англія и Голландія получали его только путемъ барышей отъ работы своихъ торговыхъ флотовъ и при обмѣнѣ продуктовъ своихъ колоній. Хотя остъ-индская англійская торговля требовала постояннаго отлива звонкаго металла изъ Англіи, такъ какъ Остъ-Индія въ то время потребляла только ничтожное, сравнительно, количество англійскихъ товаровъ, даже крайніе меркантилисты понимали, что ея торговля выгодна Англіи, которая не только удовлетворяла ея продуктами свое собственное потребленіе, но и перепродавала за золото другимъ странамъ весь ихъ избытокъ съ огромными барышами. Не то было въ торговлѣ съ Франціей, которая всегда была больнымъ мѣстомъ англійскихъ купцовъ и вызывала нерѣдко радикальныя, часто нелѣпыя правительственныя мѣры, дабы уменьшить неизмѣнно оказывавшіеся въ пользу французовъ торговые балансы. Шотландскій философъ-экономистъ Дэвидъ Юмъ (1711 — 1776) былъ первымъ ученымъ, который усомнился въ вѣрности основныхъ положеній теоріи меркантилистовъ. Онъ утверждалъ, что безпокойство по поводу неблагопріятныхъ, повидимому, торговыхъ балансовъ неосновательно, что Испанія и Португалія не въ состояніи удерживать свое колоніальное золото насильственными мѣрами, что онѣ вынуждены пускать его въ обращеніе за-границу, такъ какъ иначе его цѣнность въ ихъ предѣлахъ неизбѣжно понизится, а все остальное вздорожаетъ, и онѣ только будутъ играть въ руку своимъ сосѣдямъ и торговымъ націямъ вообще, такъ какъ вынуждены будутъ покупать ихъ продукты по высшей цѣнѣ, именно благодаря монополизаціи золота. Адамъ Смитъ и появленіе въ свѣтъ „Богатства народовъ“ нанесли-было, повидимому, смертельный ударъ теоріи меркантилистовъ. Онъ доказывалъ, что всякая торговля выгодна, что ея

барыши состоятъ не въ звонкой монетѣ, которую она можетъ принести странѣ, а въ томъ прибавленіи, придаточной цѣнности, которую она доставляетъ ежегодной производительности земли и работы населенія націи. Стремленіе извѣстной страны „зажимать“ золото въ своихъ предѣлахъ только возвыситъ цѣну на ея импорты и, съ поднятіемъ цѣнъ на ея внутреннемъ рынкѣ, сдѣлаетъ какой-либо экспортъ труднымъ и даже невозможнымъ. Еслибъ Испанія или какая-либо другая страна прибѣгла къ этому средству съ цѣлью сохранить свое золото, она только дала бы этимъ двойное преимущество своимъ соперникамъ въ международной торговлѣ. Всякая торговая сдѣлка предполагаетъ барышъ и даетъ работу торговому флоту; эти двѣ статьи, представляющія собою огромныя суммы, ускользаютъ отъ вычисленій при составленіи итоговъ торговыхъ балансовъ, и совершенно извращаютъ ихъ смыслъ и значеніе.

Это опредѣленіе основъ международной торговли господствовало въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія, и неблагопріятные торговые балансы, сдѣлавшіеся съ нѣкоторыхъ поръ хроническими въ торговой статистикѣ Англіи, перестали быть тѣмъ пугаломъ, которымъ они были для коммерческихъ націй полтораста лѣтъ тому назадъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые современные американскіе политико-экономы, повидимому, собираются вернуться къ меркантилизму. Они утверждаютъ, что изученіе современныхъ международныхъ торговыхъ сношеній и результатовъ дѣятельности прошлаго приводитъ ихъ къ тому заключенію, что въ дѣйствительности меркантилисты семнадцатаго столѣтія были правы, и что только молодые, здоровые народы пользовались въ исторіи и пользуются и теперь торговыми балансами въ свою пользу;—что, несмотря на логичныя, повидимому, объясненія Юма и Смита, постоянные дебеты въ торговомъ балансѣ страны доказываютъ ея упадокъ, и что она живетъ выше своихъ рессурсовъ и средствъ, и только благодаря прежнимъ сбереженіямъ. Англія, по ихъ словамъ, давно достигла кульминаціоннаго пункта своего торговаго развитія, и уже пошла назадъ—прошло то время, когда ея торговля давала ей чистый барышъ. Сумма ея сбереженій, ея запасный капиталъ, образовавшійся за многія предшествовавшія столѣтія и помѣщенный изъ процентовъ во всѣхъ концахъ земного шара, былъ одно время такъ громаденъ, что застой въ немъ и начало уменьшенія еще мало замѣтны и мало чувствительны—но онъ уже началъ таять, распредѣляясь теперь по другимъ, болѣе молодымъ націямъ, съ болѣе благо-

пріятными промышленными и торговыми условіями,—и Америкѣ въ этомъ распредѣленіи достанется львиная часть, такъ какъ она находится въ наилучшемъ положеніи изъ всѣхъ современныхъ народовъ чтобы захватить то, что̀ безпомощно плыветъ мимо.

П. А. Тверской.

Іюль 1901 г.
Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

НАШЕ ЗЕМСТВО,

ЕГО ТРУДЫ И НЕДОЧЕТЫ.

1864—1900.

Кто желаетъ говорить съ полною увѣренностью о такомъ обширномъ и сложномъ вопросѣ, какъ работа мѣстнаго хозяйственнаго самоуправленія, называемаго земствомъ, тому необходимо не только продолжительное личное знакомство съ предметомъ, но и внимательное изученіе громаднаго фактическаго матеріала, накопившагося за тридцать-пять лѣтъ существованія земскихъ учрежденій. Между тѣмъ матеріалъ этотъ еще далеко не собранъ и не разработанъ,— отчасти, конечно, вслѣдствіе недостаточной оцѣнки его первостепенной важности, отчасти же и за отсутствіемъ всякаго центральнаго учрежденія, гдѣ сосредоточивались бы данныя о земской работѣ на всемъ пространствѣ Россіи. Ознакомиться съ ними въ архивахъ отдѣльныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, гдѣ они также большею частью не только не разработаны, но и не разобраны,— требуетъ такого труда и столько времени, что отдѣльному лицу нельзя и мечтать о такомъ изслѣдованіи. Говоря такимъ образомъ, мы тѣмъ самымъ заранѣе отказываемся отъ всякой претензіи на строго научную точность или какую-либо авторитетность настоящаго очерка. Болѣе чѣмъ вѣроятно также, что многіе изъ нашихъ выводовъ, основанные на близкомъ знакомствѣ съ земскимъ дѣломъ, какъ оно поставлено въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ намъ пришлось работать,— покажутся односторонними или не вполнѣ вѣрными людямъ, работавшимъ при совершенно иныхъ условіяхъ на другомъ концѣ Россіи. Но разъ это ясно, разъ всякому видно, что здѣсь излагаются впечатлѣнія и мнѣнія одного лица, вынесенныя имъ изъ своихъ собствен-

ныхъ наблюденій,—намъ кажется, что даже и такія мнѣнія могутъ хотя нѣсколько содѣйствовать освѣщенію одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ нашей общественной жизни.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ обширнаго земскаго дѣла, будетъ нелишнимъ взглянуть вообще на современное положеніе земства и попытаться выяснить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, отношенія къ нему правительства, населенія и той части общества, мнѣнія которой отражаются въ періодической печати.

Еслибы мы желали выразить отношеніе центральнаго правительства къ земству, за послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ, однимъ словомъ, то назвали бы его непостояннымъ, неопредѣленнымъ.

Временами можно было думать, что рѣшено наконецъ безповоротно, что земскія учрежденія—одна изъ существенныхъ частей государственнаго организма, и сокращать ея дѣятельность такъ же неразумно, какъ препятствовать работѣ сердца или желудка, а прекращеніе ея могло бы вызвать мѣстный параличъ. Затѣмъ наступалъ—безъ всякихъ видимыхъ основаній—періодъ, въ теченіе котораго только и слышно было о сокращеніи земской дѣятельности во всѣхъ направленіяхъ, такъ что совершенно послѣдовательно было бы думать, что не сегодня—завтра отъ земства не останется ничего. Только успѣютъ обрадоваться этому сторонники „добраго" стараго времени, какъ опять или поручаютъ земству новую государственную задачу, или спрашиваютъ его мнѣнія о новомъ законопроектѣ, или вводятъ земскія учрежденія тамъ, гдѣ ихъ не было. Но напрасно было бы надѣяться, что—это начало новой эры: рядъ послѣдовательныхъ распоряженій покажетъ намъ, что все-таки нѣтъ большого довѣрія къ разуму и способностямъ мѣстныхъ управленій; надзоръ и опека опять усиливаются, рамки земской работы съуживаются.

Такое неустойчивое, нетвердое отношеніе къ земству какъ нельзя болѣе напоминаетъ отношеніе заботливыхъ, но слишкомъ нервныхъ родителей къ своему подростку, начинающему проявлять признаки нѣкоторой самостоятельности. Ихъ радуютъ его способности и энергія, но страшитъ неожиданно быстрое развитіе. Поэтому его то хвалятъ и поощряютъ, то всѣми силами стараются увѣрить, что онъ еще не „большой", и все упрашиваютъ гувернера построже за нимъ слѣдить. Такое неровное отношеніе бываетъ одинаково неполезно и дѣтямъ, и учрежденіямъ.

Что правительство дѣйствительно недовѣрчиво относится къ земскимъ учрежденіямъ—видно уже изъ той разницы, которую у насъ дѣлаютъ въ отношеніи къ толкамъ извѣстной печати о земствѣ и о другихъ органахъ государственной машины. Едва ли прошло бы безъ

возраженія или поправки какое-нибудь сообщеніе газетъ о предстоящемъ упраздненіи, напр., почтоваго вѣдомства или консисторій,—а многолѣтнія нападки части нашей печати на земство и самыя настойчивыя требованія упраздненія этого института вызываютъ не больше вниманія, чѣмъ сообщеніе о реформѣ городскаго управленія въ Италіи.

На такую неопредѣленность и измѣнчивость отношенія высшихъ сферъ къ земству нельзя смотрѣть безразлично; она имѣетъ трудно формулируемое, но несомнѣнно вредное вліяніе на ходъ всего дѣла. Многихъ хорошихъ людей она отвращаетъ отъ работы въ земствѣ, въ прочности существованія котораго они не увѣрены; во многихъ земскихъ дѣятеляхъ со сколько-нибудь широкими взглядами—постепенно убиваетъ энергію и любовь къ учрежденію, которое, несмотря на свои несомнѣнныя заслуги, не пользуется довѣріемъ.

Отношеніе массы мѣстнаго населенія къ земству мало отличается отъ его отношенія къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ, которыя ему мало понятны. Только наиболѣе развитые и, особенно, служившіе по выборамъ крестьяне имѣютъ представленіе о главныхъ функціяхъ земскихъ учрежденій и о составѣ земскихъ исполнительныхъ органовъ,—но и тѣ, думаемъ, не съумѣли бы опредѣлить границы компетенціи земства, его цѣли, обязанности и права. Для огромнаго же большинства народа,—это просто одна изъ вѣтвей раскидистаго дерева, именуемаго „начальствомъ",—нѣсколько менѣе важная, вѣроятно, чѣмъ исправникъ, и не такая настойчивая, какъ становой.

На службу въ званіи гласнаго крестьяне смотрѣли бы какъ на повинность, въ родѣ службы волостнымъ судьей или старостой, еслибы она не была такъ незамѣтна въ иныхъ уѣздахъ (одинъ уѣздный гласный приходится на 20.000 крестьянъ) и потому мало тягостна для массы. При такихъ условіяхъ, разумѣется, нельзя говорить о какомъ-либо сознательномъ интересѣ къ земской дѣятельности; даже такое непосредственно касающееся плательщиковъ явленіе, какъ земскіе сборы и смѣты, не вызываетъ среди крестьянъ никакого вниманія. Земскіе сборы уплачиваются такъ же неохотно, какъ и всякіе другіе, но, конечно, увеличеніе цѣны вина на 20 коп. въ ведрѣ гораздо ярче отразится въ народномъ сознаніи, чѣмъ увеличеніе земскаго обложенія. Но нѣтъ никакого основанія винить народъ въ такомъ равнодушіи къ дѣлу, касающемуся, въ сущности, его наиболѣе живыхъ потребностей. До сихъ поръ народъ у насъ мало подготовленъ къ сознательной гражданской жизни. Глубокое невѣжество народныхъ массъ относительно всего, что̀ выходитъ за предѣлы рутинной работы надъ землей и за околицу родного села или деревни, служитъ и до сихъ поръ главнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію его экономическаго благо-

состоянія. Объ это невѣжество разбиваются всѣ усилія правительства и земства, направленныя на улучшеніе санитарныхъ условій, школьнаго дѣла, мѣстной промышленности, сельскаго хозяйства, скотоводства и т. п. Въ немъ же кроется основная причина постепеннаго разоренія народа, его безсилія бороться съ хроническими неурожаями, неумѣнья справиться съ несложными задачами мірского хозяйства и управленія, его громадной задолженности казнѣ.

Избавить крестьянъ отъ этой темноты можетъ только школа,—но не та, конечно, школа, изъ которой уходятъ дѣти 11 лѣтъ, выучившись съ грѣхомъ пополамъ читать и писать, а такая, которая научила бы ихъ сознавать себя людьми, съ человѣческими и гражданскими обязанностями и правами. Такая школа можетъ народиться только тогда, когда дѣйствительно убѣдятся въ необходимости просвѣщенія, а не одной грамотности народа, и вмѣсто разъясненій, что одной грамотѣ можетъ учить крестьянскихъ ребятъ только духовенство, а грамотѣ съ примѣсью ариѳметики—земство,—призовутъ на эту громадную работу всѣ наличныя силы и ассигнуютъ на нее всѣ свободныя средства страны.

Періодическая печать, надо ей отдать справедливость, съ большимъ интересомъ относится къ земству и его работѣ. Есть, однако, особенность, которая насъ всегда удивляла, когда мы читали газетныя и журнальныя статьи на эту тему. Мы всѣ какъ-то привыкли къ тому, что о желѣзныхъ дорогахъ пишутъ больше инженеры, о юридическихъ вопросахъ—юристы, о научныхъ вопросахъ—профессора, и намъ кажется естественнымъ, что о каждомъ дѣлѣ говорятъ больше всего люди, спеціально имъ занимавшіеся. О земствѣ же, его задачахъ и его дѣятельности, его заслугахъ и его несовершенствахъ пишутъ, повидимому, преимущественно люди, ничего общаго съ земствомъ не имѣющіе. Это впечатлѣніе получается притомъ не только когда читаешь мнѣнія лицъ, явно враждебныхъ самой идеѣ земства и желающихъ только скорѣйшаго его уничтоженія,—но и статьи лицъ, несомнѣнно сочувствующихъ земству, отстаивающихъ его работу и ратующихъ за предоставленіе ему большей свободы дѣйствій. Такъ и кажется, что никто изъ нихъ никогда въ глаза не видалъ земскаго собранія и уже конечно ни гласнымъ не былъ, ни въ земской управѣ не служилъ.—Есть, конечно, пріятныя исключенія, но какъ ихъ немного! Судить о цѣлесообразности тѣхъ или другихъ мѣропріятій губернскаго земства, о „непомѣрномъ“ ростѣ земскихъ расходовъ—берется всякій, умѣющій держать перо въ рукахъ; но неужели земское дѣло такъ легко, условія его такъ однообразны и пріемы такъ просты, что оно и не требуетъ никакихъ особенныхъ знаній? А между тѣмъ, авторитетно высказываемыя на страницахъ

газетъ сужденія несомнѣнно оказываютъ вліяніе на читателей, прививаютъ имъ тѣ или другіе взгляды, которые ложатся затѣмъ въ основу ихъ собственнаго отношенія къ вопросу. Можетъ быть, цѣлый длинный рядъ причинъ обусловливаетъ особенное отношеніе періодической печати къ земскому дѣлу, но одну причину, намъ кажется, не трудно опредѣлить. Весьма рѣдко и весьма немногіе газеты и журналы слѣдятъ за работой земскихъ собраній при помощи своихъ корреспондентовъ; значительное большинство берутъ свои свѣдѣнія готовыми со страницъ провинціальныхъ газетъ, дающихъ обыкновенно много подробностей о мѣстныхъ собраніяхъ. Авторы болѣе серьезныхъ журнальныхъ статей по земскимъ вопросамъ пользуются вѣроятно также сборниками постановленій или журналами земскихъ собраній. Но ни тѣ, ни другіе матеріалы, однако, не могутъ считаться удовлетворительными. Что касается мѣстныхъ газетъ, то слишкомъ часто забываютъ, что онѣ издаются подъ цензурой, притомъ достаточно строгой. Поэтому, хотя сообщаемые ими факты большею частью вполнѣ достовѣрны, но этихъ фактовъ совершенно недостаточно для правильнаго сужденія о томъ, что̀ думало и сдѣлало собраніе, а главное для того, чтобы знать, *почему* оно то или другое сдѣлало. А это и есть самая важная сторона дѣла, и она-то чаще всего ускользаетъ отъ вниманія столичной прессы, которая судитъ и рядитъ на основаніи отдѣльныхъ, ничѣмъ не освѣщенныхъ фактовъ.

Точно также нельзя составить себѣ вполнѣ правильнаго мнѣнія о направленіи и характерѣ земской дѣятельности просмотромъ постановленій и даже журналовъ собраній. Неизбѣжная сжатость тѣхъ и другихъ, часто полное отсутствіе мотивовъ того или другого рѣшенія,—мотивовъ, которыхъ надо искать во всей исторіи даннаго вопроса въ извѣстномъ земствѣ,—лишаютъ посторонняго изслѣдователя всякой прочной почвы.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробнѣе выяснить отношеніе печати къ земскому дѣлу потому, что практическое значеніе этого отношенія весьма велико. Мы еще только начинаемъ привыкать къ гласности, и несмотря на всѣ ея несовершенства и неточности, благодаря множеству зависящихъ и „независящихъ“ обстоятельствъ, мы въ нее вѣримъ гораздо больше, чѣмъ вѣрятъ за-границей въ свои ничѣмъ не стѣсняемыя, но зато и ничѣмъ не стѣсняющіяся газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно въ провинціи, мы еще очень боимся гласности и не любимъ ея, смутно чувствуя ея силу и не привыкнувъ съ нею обращаться и пользоваться ею...

I.

Одно изъ выраженій, чаще всего встрѣчающихся при различныхъ сужденіяхъ о земствѣ, а именно: „представители земства", „представители крупнаго землевладѣнія", „представители крестьянъ",—въ связи со всѣмъ извѣстными выборами въ гласные,—вызываетъ обыкновенно представленіе, что гласные отъ землевладѣльцевъ, отъ крестьянъ и т. п. являются дѣйствительно выборными отъ этихъ классовъ населенія людьми, которымъ поручено представительство интересовъ этихъ классовъ на земскихъ собраніяхъ. На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ очень многихъ уѣздныхъ земствахъ.

Прежде всего, на избирательные съѣзды крупныхъ землевладѣльцевъ является или такое число правоспособныхъ лицъ, что выборовъ совсѣмъ не бываетъ и всѣ прибывшіе записываются въ гласные; или, если прибудетъ достаточное для выборовъ число, то приходится выбирать все-таки почти всѣхъ прибывшихъ. Никакихъ ясно опредѣленныхъ „интересовъ" у крупныхъ землевладѣльцевъ нѣтъ, никакой программы, и никто не даетъ избраннымъ никакихъ порученій,—каждый будетъ дѣйствовать на собраніи какъ ему Богъ на душу положитъ, такъ какъ рѣшительно никому не предстоитъ давать отвѣта за свои мнѣнія и дѣйствія. Если гласный и будетъ держаться какого-либо опредѣленнаго направленія въ своихъ сужденіяхъ по вопросамъ земскаго хозяйства, то отнюдь не въ зависимости отъ интересовъ крупнаго землевладѣнія, а въ силу личныхъ взглядовъ, характера и образованія—весьма разнообразныхъ. Ясно, что мы только по недоразумѣнію будемъ приписывать имъ свойства, связанныя съ общимъ понятіемъ о „выборныхъ представителяхъ".

Еще менѣе, чѣмъ крупные землевладѣльцы, представляютъ кого-либо или что-либо гласные отъ крестьянъ. Это обыкновенно волостные старшины, писаря, мелкіе лавочники и торговцы,—вообще, тѣ болѣе состоятельные крестьяне, которыхъ въ селѣ зовутъ выразительнымъ именемъ кулаковъ, міроѣдовъ и т. п. Кстати сказать, такъ какъ состоятельность достигается въ деревнѣ почти исключительно торговлей, со всѣми ея традиціонными особенностями, то рѣдкій богатый мужикъ не считается міроѣдомъ, хотя бы онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ и не заслуживалъ такого названія.

Конечно, едва сотая часть тѣхъ 15—20.000 крестьянъ, отъ которыхъ выбирается въ земское собраніе гласный—знаютъ его хотя бы по имени. Личные интересы такого гласнаго часто ничего общаго не имѣютъ съ интересами массы крестьянскаго населенія и нерѣдко

прямо противоположны послѣднимъ. Также какъ и гласнымъ отъ землевладѣльцевъ, имъ не дается никакихъ порученій избирателями, съ которыми они во все трехлѣтіе своей службы не сохраняютъ никакой связи и не несутъ передъ ними никакой отвѣтственности.

На собраніяхъ гласные изъ крестьянъ чрезвычайно рѣдко проявляютъ какую-либо самостоятельность сужденій, почти никогда не высказываютъ своихъ мнѣній и большею частью идутъ за тѣмъ или тѣми изъ гласныхъ, которые умѣютъ понятнѣе для крестьянъ высказывать свои сужденія. Съ ходячимъ мнѣніемъ, что гласные крестьяне на земскихъ собраніяхъ обыкновенно баллотируютъ различные вопросы подъ давленіемъ „начальства", т.-е. земскихъ начальниковъ своихъ участковъ, предводителя и т. п., нельзя согласиться вполнѣ. Что такіе случаи могли быть, что попытки оказать такое давленіе (особенно прежде) имѣли мѣсто—мы, конечно, не станемъ отрицать; но весь нашъ личный, довольно продолжительный опытъ говоритъ, что это—не правило, а исключеніе. Настоящей причиной несомнѣнной несамостоятельности крестьянъ-гласныхъ является все то же отсутствіе образованія, дѣлающее почти недоступнымъ для нихъ все, что выходитъ за предѣлы привычныхъ имъ съ дѣтства обстановки и условій жизни. Вопросы о земской медицинѣ, о значеніи школы, упорядоченіи условій производства и сбыта, о значеніи большихъ путей сообщенія,—все это имъ слишкомъ трудно охватить при отсутствіи предварительной подготовки; къ тому же многіе ораторы не избѣгаютъ даже, въ своихъ рѣчахъ, иностранныхъ словъ и техническихъ терминовъ, такъ что крестьянамъ остается только поддерживать, при рѣшеніи вопроса, наиболѣе понятаго ими гласнаго изъ „переднихъ рядовъ".

Вѣроятно, многіе думаютъ, что земское дѣло много теряетъ отъ того, что къ участію въ немъ не привлечены дѣйствительные представители крестьянскаго населенія, и что эти представители не находятся въ постоянной связи со своими избирателями. Простѣйшій и лучшій способъ обойти это затрудненіе и дать дѣйствительный, хотя бы и совѣщательный голосъ громадному большинству населенія заключается въ учрежденіи болѣе мелкой земской единицы, чѣмъ уѣздъ. Еще болѣе, чѣмъ для направленія обще-уѣздныхъ дѣлъ, это важно для возбужденія сознательнаго отношенія народа къ его главнымъ интересамъ, для привлеченія его къ дѣятельному участію въ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе его здоровья, просвѣщенія и экономическаго благосостоянія, вмѣсто того пассивнаго подчиненія или сопротивленія, которыя онъ теперь оказываетъ мѣрамъ, значенія которыхъ ему никто не объясняетъ.

Понятіе о земскихъ учрежденіяхъ, какъ объ органахъ хозяйствен-

наго управленія уѣзда и губерніи, также очень распространено и также мало выражаетъ дѣйствительную роль земства, какъ и другіе ходячіе термины, съ которыми мы постоянно встрѣчаемся. Хозяйственная, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, дѣятельность земства вообще настолько еще ограничена, что она почти теряется среди другихъ его функцій.

Главныя обязанности земства заключались до сихъ поръ въ заботахъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, въ охраненіи народнаго здравія, въ попеченіи о народномъ образованіи, въ устройствѣ и содержаніи путей сообщенія, въ отправленіи подводной и квартирной повинностей, въ устройствѣ и содержаніи арестныхъ помѣщеній, въ содержаніи земской почты, въ призрѣніи убогихъ, умалишенныхъ и т. п. и въ содѣйствіи развитію народнаго благосостоянія. Много ли тутъ обязанностей собственно хозяйственныхъ? Въ тѣхъ двухъ отрасляхъ дѣла, которыя наиболѣе связаны съ представленіемъ о хозяйствѣ—содѣйствіи народному благосостоянію и продовольственномъ дѣлѣ—дѣятельность земства еще только начинаетъ проявляться и сводится къ устройству складовъ сельско-хозяйственныхъ орудій, устройству опытныхъ полей, выпискѣ улучшенныхъ сѣмянъ и кое-гдѣ—скота, къ поддержкѣ (далеко не вездѣ) кустарныхъ промысловъ, да кое гдѣ—къ устройству выставокъ и музеевъ; по продовольствію же населенія, земство работало сколько-нибудь хозяйственно лишь во время неурожаевъ, а въ нормальные годы ограничивалось счетоводствомъ по капиталамъ, бумажнымъ надзоромъ за хлѣбными магазинами да сборомъ недоимокъ. Вся же остальная работа земскихъ учрежденій сводится или къ удовлетворенію государственныхъ потребностей (пути сообщенія, почта, арестныя помѣщенія, подводная повинность), или къ филантропіи, какъ, напр., больницы, призрѣніе убогихъ, распространеніе образованія.

Это зависитъ, повидимому, отъ того, что собственно для хозяйственной дѣятельности современныя земскія учрежденія недостаточно приспособлены: всякое хозяйство требуетъ, прежде всего, глаза хозяина,—а трое или четверо членовъ управы, изъ которыхъ двое почти безотлучно должны находиться въ уѣздномъ городѣ, конечно, не въ состояніи наблюдать за ходомъ дѣлъ на пространствѣ уѣзда. Здѣсь еще сильнѣе чувствуется несоразмѣрная величина низшей земской единицы. Приходится или держать множество агентовъ, за которыми не можетъ быть активнаго контроля, или дѣйствовать черезъ волостныя правленія; путемъ канцелярской переписки. Къ этому дѣло обыкновенно и сводится.

Болѣе серьезное значеніе придается иногда земству, какъ ходатаю передъ высшимъ правительствомъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ.

И дѣйствительно, кому же ближе знать потребности даннаго края и его населенія, какъ не мѣстнымъ жителямъ? То обстоятельство, что вопросъ о какой-либо потребности предварительно подробно обсуждается въ двухъ собраніяхъ, исключаетъ всякую возможность личныхъ увлеченій и служитъ достаточной гарантіей дѣйствительной необходимости той или другой мѣры, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ.

Предметы земскихъ ходатайствъ, какъ и слѣдовало ожидать по сложности и обширности земскаго дѣла, чрезвычайно разнообразны. Начиная съ просьбъ о разрѣшеніи сомнѣній относительно примѣненія на мѣстѣ или толкованія какого-нибудь правительственнаго распоряженія, или общей просьбы о поддержкѣ какого-либо земскаго предпріятія, они обнимаютъ и вопросы народнаго образованія, и борьбу съ эпидеміями и съ вредными животными, и проведеніе новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ, и отпускъ средствъ на продовольствіе населенія, и разрѣшеніе на изданіе печатнаго органа, и сбавку тарифовъ или пошлинъ,—словомъ, нѣтъ почти ни одной стороны общественной или экономической жизни, которая не затрогивалась бы земскими ходатайствами.

Если вѣрно сказанное выше, что никому не могутъ быть ближе извѣстны потребности края, чѣмъ мѣстнымъ жителямъ, которымъ по закону ввѣрено попеченіе о его пользахъ и нуждахъ, то, повидимому, на ихъ ходатайства должно было бы обращаться особое вниманіе. Конечно, это не значитъ, что всѣ они должны были бы получить удовлетвореніе,—но имъ слѣдовало бы разсматриваться безотлагательно и отклоняться лишь тогда, когда исполненіе ихъ невозможно, или не соотвѣтствуетъ болѣе общимъ и важнымъ интересамъ государства. Въ дѣйствительности, это не совсѣмъ такъ.

Земствамъ случается нерѣдко по цѣлымъ годамъ не получать никакого отвѣта на свои ходатайства, несмотря на повторныя просьбы собраній. Чаще земскія ходатайства отклоняются, а мотивы къ тому, несмотря на разнообразіе ихъ формы, отличаются замѣчательнымъ сходствомъ по существу. Ходатайства или „признаются несвоевременными“ (безъ всякаго указанія,—почему); или „не видно достаточныхъ основаній“ къ удовлетворенію просьбы земства—также безъ поясненій; или: *„закономъ то или другое не предусмотрѣно“*,—когда самое ходатайство было объ измѣненіи закона; или: „другія земства не заявляли подобныхъ ходатайствъ“, и т. п.

Тамъ, гдѣ дѣло, очевидно, серьезное,—особенно если аналогичныя просьбы или заявленія поступили отъ многихъ земствъ,—часто отвѣчаютъ: „ходатайство земства будетъ принято во вниманіе при

предстоящемъ (въ неопредѣленномъ будущемъ) пересмотрѣ этого вопроса".

Если же данное ходатайство сопровождается отрицательнымъ заключеніемъ мѣстной администраціи, то можно быть прямо увѣреннымъ, что оно будетъ отклонено во всякомъ случаѣ.

Просьбы земствъ о разрѣшеніи прислать своихъ представителей въ Петербургъ для личнаго разъясненія подробностей дѣла точно также часто отклоняются; хотя едва ли кто будетъ сомнѣваться, что личными переговорами можно гораздо обстоятельнѣе, а главное—несравненно скорѣе разрѣшить спорный или сложный вопросъ, чѣмъ самой продолжительной перепиской.

Когда наконецъ наступаетъ, для нѣкоторыхъ вопросовъ, возбужденныхъ земствами, счастливый день „пересмотра дѣйствующихъ законоположеній", то приглашеніе къ участію въ предварительныхъ совѣщаніяхъ лицъ, возбудившихъ своими заявленіями этотъ пересмотръ, является не правиломъ,—какъ естественно было бы предположить,—а крайне рѣдкимъ исключеніемъ.

Могло ли бы все это происходить, еслибы роль земства, какъ ходатая о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, какъ представителя всего мѣстнаго населенія, имѣла серьезное значеніе?

II.

Какъ хорошо извѣстно всѣмъ земскимъ людямъ, удовлетвореніе обязательныхъ потребностей давно уже представляетъ самую второстепенную часть дѣятельности земства. Отправленіе подводной и квартирной повинностей, устройство и содержаніе арестныхъ помѣщеній, содержаніе дорожныхъ сооруженій и обязательныхъ коекъ въ больницахъ, обязательные взносы въ губернскій дорожный капиталъ,—все это не требуетъ ни отъ собраній, ни отъ управъ, большой умственной работы, и къ тому же почти не мѣняется годами.

Оставляя въ сторонѣ подобные второстепенные предметы, всю главную работу земства въ наше время можно свести къ тремъ основнымъ задачамъ: *охраненіе народнаго здравія*; *развитіе народнаго образованія и мѣропріятія для улучшенія экономическихъ условій быта мѣстнаго населенія*.

Такъ какъ мы имѣемъ въ виду не всесторонній анализъ земской дѣятельности, а лишь указаніе тѣхъ условій, которыя задерживаютъ правильный ходъ этой дѣятельности и тѣмъ вызываютъ недочеты и несовершенства въ земскомъ дѣлѣ, то мы и не станемъ говорить здѣсь о размѣрѣ и значеніи услугъ, оказанныхъ земствомъ тѣмъ тремъ

обширнымъ отраслямъ жизни государства. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, въ какомъ положеніи было дѣло народнаго образованія и народной медицины до введенія земскихъ учрежденій; объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, о развитіи мѣстной промышленности, особенно кустарной, объ упорядоченіи торговли хлѣбомъ и другими продуктами сельскаго хозяйства и т. п., также мало было слышно въ „доброе“ старое время,—все это, до земства, оставалось десятки лѣтъ въ зачаточномъ состояніи.

Если припомнить, что земскія учрежденія существуютъ всего тридцать-пять лѣтъ; что въ жизни такого громаднаго государства, какъ Россія, такой періодъ времени—весьма малая величина, и тогда, оглядываясь на то, что̀ уже успѣло сдѣлать земство, слѣдуетъ удивляться не тому, что въ его дѣятельности есть недочеты, а тому, какъ оно успѣло столько сдѣлать, несмотря на условія, въ которыя оно поставлено.

А условія эти, съ чисто дѣловой точки зрѣнія, могли бы быть гораздо легче. Не говоря уже о затрудненіяхъ вести дѣло на средства, съ трудомъ собираемыя съ бѣднѣйшаго народа, на почти непреодолимыя препятствія, представляемыя темнотой, безграмотностью, косностью и, выработанной вѣками рабства, инертностью массы населенія,—земству приходилось на каждомъ шагу считаться съ тѣмъ недовѣріемъ, о которомъ говорено выше, и бороться, кромѣ естественныхъ, еще со множествомъ искусственныхъ преградъ.

Укажемъ только важнѣйшія изъ послѣднихъ.

Перваго, самаго могущественнаго средства во всякой работѣ не было у земства, а именно—коопераціи. Раздѣленное на отдѣльныя единицы согласно случайнымъ границамъ губерній, земство не могло, несмотря на просьбы, переходить эти границы. Поэтому не только не могли соединяться для общаго хозяйства мѣстности, находящіяся въ одинаковыхъ климатическихъ, почвенныхъ и бытовыхъ условіяхъ, но не могли получить надлежащаго развитія такія важнѣйшія мѣры для обезпеченія народнаго богатства, какъ страхованіе отъ пожаровъ, отъ падежа скота, отъ градобитія и неурожаевъ—посильныя только обширнымъ районамъ. Это одно искусственное разобщеніе крупныхъ однородныхъ группъ населенія могло приносить государству ежегодно милліонные убытки.

Затѣмъ, независимо отъ недопущенія совмѣстной работы, земства даже сосѣднихъ губерній лишены права совмѣстнаго обсужденія способовъ разрѣшенія своихъ, по существу однородныхъ задачъ. Отъ этого происходило то, что земство одной губерніи затрачиваетъ часто большія деньги на производство опытовъ, только-что давшихъ отрицательные результаты въ какой-нибудь сосѣдней губерніи; или тра-

тить силы и время на выработку мѣропріятій по какой-нибудь отрасли своего хозяйства, не зная, что у сосѣдей давно уже дѣйствуетъ организація и даетъ прекрасные результаты. Нѣтъ никакой возможности опредѣлить, какая громадная непроизводительная затрата времени, энергіи и денегъ порождается такимъ далеко не хозяйственнымъ строемъ.

Главными результатами этихъ условій, кромѣ непроизводительной затраты трудовыхъ денегъ народа, являются неясность задачъ, разнообразіе направленій, постоянныя „перемѣны курса“, которыя характеризуютъ земскую дѣятельность вообще и за которыя на земство сыплется столько незаслуженныхъ имъ упрековъ.

Немаловажнымъ препятствіемъ успѣшной работѣ земства на поприщѣ, указанномъ ему закономъ, является на практикѣ довольно сложная система ограниченій, запрещеній, условій и формальностей, наросшая съ годами на довольно простое и ясное „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“, какъ водоросли наростаютъ на дно корабля, съ тою разницей, что корабль общественной жизни слишкомъ рѣдко вводятъ въ докъ для очистки.

Несмотря на существенный интересъ этого послѣдняго вопроса, мы не можемъ разсматривать его здѣсь въ подробностяхъ,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Ограничимся однимъ или двумя примѣрами.

Земству, какъ мы знаемъ, ввѣрена забота о начальномъ образованіи народа. Всѣ знаютъ, какъ оно горячо, серьезно и сердечно отнеслось къ этой важнѣйшей изъ своихъ обязанностей; какъ оно поставило ее почти повсемѣстно на первый планъ, не жалѣя ни труда, ни денегъ. Въ результатѣ, десятки тысячъ школъ возникли тамъ, гдѣ прежде ихъ были только десятки, и мало-по-малу свѣтъ сталъ проникать въ милліонныя массы народа, застывшаго въ вѣковой темнотѣ.

Не довольствуясь исключительно начальнымъ образованіемъ, которое имѣетъ значеніе только какъ ключъ къ дальнѣйшему развитію, земство стало устраивать школы высшаго порядка: техническія, ремесленныя, сельско-хозяйственныя, фельдшерскія, учительскія семинаріи, а мѣстами—гимназіи и прогимназіи. Но все-таки первой и главной его задачей было распространеніе первоначальнаго обученія.

Казалось бы, что такая дѣятельность должна была бы вызвать самое живое участіе, самую широкую матеріальную и нравственную поддержку со всѣхъ сторонъ и усиленную заботу законодателей объ устраненіи всѣхъ затрудненій и препятствій, могущихъ тормозить эту дѣятельность. Но и въ этомъ дѣлѣ мнительность, нерѣшительность и недовѣріе брали верхъ. Первое, чтò признано было необходимымъ, это—стѣсненіе свободы дѣйствій земства въ этой области, особенно съ

наиболѣе жизненной и интересной ея стороны; постановка преподаванія, программы ученія, воспитательная часть—были изъяты изъ вѣдѣнія земства, а предоставлено было строить школьныя зданія, покупать книги и платить жалованье учителямъ. Это было бы совершенно понятно, еслибы вся иниціатива, вся внутренняя сторона дѣла были вовсе недоступны земскимъ дѣятелямъ, еслибы они противъ воли заботились о школѣ или обнаружили явное неумѣнье справиться съ задачей. Но ничего подобнаго не было.

Затѣмъ признано было, что весь земскій аппаратъ: земскія собранія, управы, училищные совѣты съ правительственными инспекторами и директорами,—вполнѣ пригоденъ для учрежденія и веденія начальныхъ школъ съ опредѣленной программой и спеціально подготовленными (большею частью земствомъ же) учителями,—но совершенно не пригоденъ для устройства и руководства простѣйшихъ школъ грамоты, гдѣ можетъ обучать ребятъ, пожалуй, отставной солдатъ, или любая грамотная баба. Эти элементарныя школы имѣетъ право вести только духовенство, хотя платить за нихъ разрѣшается и земству.

Такое простое, повидимому, распоряженіе привело къ тому, что въ сотняхъ и тысячахъ деревень *совсѣмъ нѣтъ никакихъ школъ*, и именно тамъ, гдѣ земская школа обычнаго типа, съ преподавателемъ-спеціалистомъ и законоучителемъ-священникомъ, является непомѣрно дорогой для 10—20 учениковъ, а духовенство не можетъ открыть школу по недостатку средствъ и преподавателей и вслѣдствіе отдаленности деревни отъ села. Въ отношеніи народа это не только тяжелая мѣра, но и несправедливая, такъ какъ жители самой маленькой деревни платятъ сборы, идущіе на школы, наравнѣ со всѣми остальными жителями.

Возьмемъ другой примѣръ. Понимая, что одно прохожденіе курса начальной школы въ возрастѣ 8—11 лѣтъ не обезпечиваетъ народу даже грамотности, не говоря уже объ умственномъ развитіи,—земство давно сознало необходимость распространенія среди крестьянъ и полезныхъ книгъ. Такъ какъ затрачивать деньги на покупку даже дешевыхъ книгъ подъ силу лишь очень немногимъ крестьянамъ, то самымъ цѣлесообразнымъ способомъ являлось устройство безплатныхъ сельскихъ библіотекъ и читаленъ. Опять-таки естественно было предположить, что можно было бы только радоваться тому, что за дѣло снабженія народа книгой берется земство, которое, конечно, будетъ распространять не переводные романы или грошевую порнографію, какими заваливаютъ народъ на базарахъ. Можно было надѣяться, что охотно пойдутъ на встрѣчу такому начинанію земства удешевленіемъ провоза книгъ, субсидіями на устройство складовъ, сложеніемъ торговыхъ пошлинъ и т. п., какъ это дѣлается для поощренія дру-

гихъ, полезныхъ для государства предпріятій. Напрасныя надежды! Всякій лавочникъ, всякій разносчикъ, заплатившій столько-то рублей за право торговли, имѣетъ полное право продавать въ селахъ и деревняхъ кому угодно всевозможныя книги, разрѣшенныя цензурой,— а цензура ничего не можетъ имѣть противъ глупѣйшихъ „Сонниковъ", „Оракуловъ" и „Энциклопедій" богатаго этимъ хламомъ московскаго рынка. Но земству не предоставлена хотя бы такая же свобода, какъ лавочнику. Мыслимо ли допустить, чтобы въ его средѣ не нашлись люди, способные составить приличный наборъ книгъ для сельской библіотеки или читальни, или пріискать людей, могущихъ выдавать эти книжки и читать ихъ, не развращая по пути духовно и политически чистую душу народа?—Конечно, нѣтъ!

Для земскихъ библіотекъ и читаленъ составляется особый, достаточно скудный, каталогъ; на открытіе каждой сельской библіотеки требовалось особое разрѣшеніе трехъ министровъ, а завѣдующіе библіотеками или чтецы утверждались опять особымъ порядкомъ. Выполненіе всѣхъ этихъ формальностей требуетъ, какъ показалъ опытъ, годъ или два времени; а когда земство, указывая на всѣ неудобства такой системы, ходатайствовало объ упрощеніи ея, то получался иногда отвѣтъ, что существующая система введена недавно (всего нѣсколько лѣтъ), и судить о ея неудобствахъ еще преждевременно.

Очень можетъ быть, что человѣку, ѣдущему въ рессорной коляскѣ, нужно много лѣтъ, чтобы убѣдиться въ неудобствѣ телѣги; но тому, кто сидитъ въ телѣгѣ, вполнѣ достаточно для того и одного часа.

Во всякомъ случаѣ, народныхъ библіотекъ и читаленъ существуетъ много меньше того, сколько было бы, еслибъ земству довѣрять столько же, сколько довѣряютъ торговцу Никольскаго рынка.

Не мало хлопотъ доставляетъ земству и мѣстной администраціи, которой ввѣрена опека надъ этимъ иногда увлекающимся „юношей" среди нашего государственнаго строя, опредѣленіе границъ между мѣстными и обще-государственными интересами. Опредѣленіе это, однако, необходимо, такъ какъ законъ допускаетъ дѣятельность земства въ области мѣстныхъ интересовъ, но воспрещаетъ ему касаться вопросовъ общаго значенія. Года не проходитъ, чтобы сенату не приходилось разбирать разногласій между земскими собраніями и губернаторами по этому поводу, причемъ далеко не всегда ошибочность взгляда оказывается на сторонѣ земства.

Но здѣсь, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ такимъ случаемъ, гдѣ нельзя винить ни ту ни другую сторону, такъ какъ все недоразумѣніе вызывается невыполнимостью самого правила. На самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можно провести строгую границу между *обще-государственными и мѣстными интересами*? Едва ли можно сомнѣваться,

что вопросы объ охраненіи народнаго здравія, о борьбѣ съ эпизоотіями, о народномъ образованіи, о взиманіи податей и повинностей, объ устройствѣ уѣздной полиціи, о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ—и сотни другихъ—существенно затрогиваютъ важнѣйшіе обще-государственные интересы; но развѣ они не представляются также несомнѣнно и мѣстными? Различіе трудно установить даже и въ томъ случаѣ, если признать, что земство можетъ касаться вопросовъ общегосударственнаго значенія лишь поскольку таковые затрогиваютъ строго мѣстные интересы, потому что каждая губернія и уѣздъ—только искусственно отдѣльныя территоріи, а въ сущности составляютъ одно цѣлое со всѣмъ государствомъ. Когда рѣчь идетъ о пересмотрѣ продовольственнаго или больничнаго устава, то развѣ есть земство, для котораго это не было бы однимъ изъ важнѣйшихъ мѣстныхъ интересовъ? Легче было бы прямо опредѣлить тѣ предметы, которыхъ земство совершенно не должно касаться, чѣмъ пытаться раздѣлить органически связанные между собой интересы.

Въ настоящемъ же своемъ положеніи это еще лишній поводъ къ столкновеніямъ и тренію, а треніе—безполезная трата энергіи.

III.

Говоря до сихъ поръ о земской работѣ и о причинахъ, затрудняющихъ правильный ходъ ея, намъ приходилось указывать, главнымъ образомъ, на внѣшнія причины, съ которыми земству или совсѣмъ невозможно бороться, или крайне трудно. Теперь обратимся къ другимъ сторонамъ земской жизни, гдѣ на первомъ планѣ будутъ стоять условія, до нѣкоторой степени зависящія отъ самого земства. Въ этой области нѣтъ недостатка въ фактическихъ данныхъ, и мы чувствуемъ подъ собою болѣе твердую почву—личнаго опыта и наблюденія въ теченіе многихъ лѣтъ.

Главнымъ, руководящимъ органомъ всей дѣятельности всякаго земства, какъ уѣзднаго, такъ и губернскаго, является земское собраніе, состоящее, какъ извѣстно, изъ предсѣдателя, гласныхъ и представителей духовнаго, казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ.

Одинъ изъ характерныхъ признаковъ современнаго земскаго собранія, особенно уѣзднаго—это случайность его состава. Мы уже говорили выше, какъ избираются (если избираются) гласные отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отъ крестьянъ, и нельзя не назвать случайнымъ составъ выборныхъ. Многіе изъ мѣстныхъ жителей, которые по своей дѣловитости, знанію мѣстныхъ условій и образованію были бы крайне полезными членами земскаго собранія, не принимаютъ въ немъ

участія; большинство—вслѣдствіе занятія своими дѣлами, но многіе—и вслѣдствіе отсутствія увѣренности въ прочночти существованія земскихъ учрежденій, или потому, что не признаютъ возможной плодотворную дѣятельность такого мало самостоятельнаго института. Другіе не могутъ участвовать и потому, что служба гласнаго, особенно губернскаго, требуетъ все-таки отъ 100 до 200 рублей расходовъ на проѣздъ и прожитокъ во время собраній. Третьи, наконецъ, не имѣютъ установленнаго имущественнаго ценза.

Но главная причина, по которой многіе мѣстные жители не идутъ даже въ гласные, это—отсутствіе подготовки къ общественной дѣятельности. Быть можетъ, это причина не главная, но нельзя отрицать ея существованія и значенія. Общественная служба требуетъ знаній и подготовки, какъ и всякая другая работа. Отсутствіе личной подготовки еще важнѣе отсутствія знаній. Иной и понимаетъ значеніе земскаго дѣла и очень имъ интересуется, но при одной мысли, что ему придется идти въ общество незнакомыхъ людей, говорить публично, его беретъ такой страхъ, что онъ и не подумаетъ ѣхать на земское собраніе. И такихъ людей много.

По всѣмъ этимъ причинамъ, земское собраніе чаще составляется не изъ тѣхъ людей, которые по всѣмъ своимъ качествамъ наиболѣе были бы полезны для земскаго дѣла, а изъ тѣхъ, для которыхъ названныя причины не служатъ препятствіемъ или потому, что онѣ отсутствуютъ, или потому, что ихъ не сознаютъ.

Независимо отъ всѣхъ такихъ условій, вліяющихъ на пониженіе производительности земскихъ собраній, есть цѣлый рядъ общихъ причинъ, зависящихъ отъ организаціи работы, и которыя также значительно тормозятъ ихъ дѣятельность.

Прежде всего, мы видимъ, что въ теченіе года земскія собранія работаютъ чрезвычайно мало. Въ нормальное время, гласные съѣзжаются лишь разъ въ годъ, на очередныя собранія; но такъ какъ рѣдкій годъ проходитъ безъ экстренныхъ собраній, то мы не ошибемся, принявъ, что гласные бываютъ ежегодно на двухъ собраніяхъ: очередномъ и экстренномъ.

Полагая, затѣмъ, что въ уѣздахъ очередныя собранія продолжаются обыкновенно 4—5 дней, чрезвычайныя—1 день, а въ губерніи—очередныя 12—18 дней и чрезвычайныя—2 дня, мы увидимъ, что уѣздные гласные работаютъ всего 6 дней въ году, а губернскіе—24 дня. Средняя продолжительность ежедневной работы собраній не превышаетъ 5—6 часовъ для уѣздныхъ и 4 часовъ (исключая перерывы) для губернскаго.

Слѣдовательно, вся годовая работа уѣздныхъ земскихъ собраній продолжается около 35 часовъ, а губернскаго—около 70 часовъ. За

это время членамъ необходимо заслушать общій отчетъ управы, отчеты ея по отдѣльнымъ отраслямъ дѣла и по особымъ операціямъ, разсмотрѣть и обсудить смѣту всѣхъ расходовъ на слѣдующій годъ, заслушать и обсудить доклады ревизіонной и другихъ коммиссій и, въ среднемъ, отъ 50 до 120 докладовъ управы по смѣтѣ и отдѣльнымъ вопросамъ.

Большинство докладовъ управы коротки и несложны, но бываютъ и такіе, на слушаніе и обсужденіе которыхъ уходитъ цѣлое засѣданіе, а иногда и два. Продолжительныя пренія вызываютъ также иные доклады специальныхъ коммиссій, которымъ собраніе передаетъ наиболѣе сложные и обширные вопросы. Принимая во вниманіе все это, нельзя удивляться тому, что работа собраній отличается вообще крайней торопливостью; многіе вопросы, даже очень серьезные, проходятъ нерѣдко почти безъ обсужденія, много рѣшеній принимается слишкомъ поспѣшно, такъ что бываетъ, что само собраніе на другой же день требуетъ ихъ пересмотра.

Одно изъ средствъ, чаще всего примѣняемыхъ самимъ собраніемъ для упорядоченія дѣла, состоитъ въ передачѣ болѣе важныхъ или сложныхъ по существу докладовъ на предварительное разсмотрѣніе избранныхъ для этой цѣли коммиссій изъ трехъ, пяти и болѣе гласныхъ. Составъ этихъ коммиссій большею частью также случайный, и только по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣющимъ особое значеніе для всѣхъ уѣздовъ губерніи, очень охотно составляется коммиссія изъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ. Если избраніе коммиссіи явилось результатомъ болѣе или менѣе оживленныхъ преній, то чаще всего собраніе приглашаетъ въ составъ коммиссіи тѣхъ гласныхъ, которые принимали участіе въ преніяхъ. Такъ какъ коммиссіи часто назначаются по мѣрѣ разсмотрѣнія собраніемъ докладовъ, то нерѣдко случается, что собраніе затрудняется выборомъ членовъ въ специальныя коммиссіи, и вотъ почему. При всей случайности состава коммиссій, нельзя не замѣтить, что въ нихъ обыкновенно приглашаются или тѣ гласные, которые раньше проявляли особый интересъ къ тому или другому вопросу, или по своей личной подготовкѣ болѣе компетентны въ извѣстномъ дѣлѣ, или, наконецъ, уже извѣстны собранію своими работами въ прежнихъ коммиссіяхъ. Такихъ гласныхъ бываетъ, однако, не особенно много въ составѣ собранія, и случается, что первыя же двѣ коммиссіи возьмутъ ихъ всѣхъ. А между тѣмъ является вопросъ первостепенной важности, правильное разрѣшеніе котораго несомнѣнно требуетъ предварительнаго выясненія его въ коммиссіи и притомъ изъ знающихъ дѣло и опытныхъ гласныхъ. Какъ тутъ быть? Какъ разъ тѣ гласные, которымъ собраніе охотнѣе всего поручило бы разработку новаго вопроса, уже вошли въ составъ ревизіонной

коммиссіи, коммиссіи по протестамъ губернатора и, скажемъ, коммиссіи по разсмотрѣнію строительныхъ смѣтъ. Такъ какъ работа въ коммиссіяхъ обыкновенно и спѣшная, и напряженная, то рѣдкій гласный согласится участвовать одновременно въ двухъ коммиссіяхъ, и собранію, дѣлать нечего, приходится составить новую коммиссію изъ лицъ, мало знакомыхъ съ вопросомъ или даже съ земскимъ дѣломъ вообще.

Повидимому, значительная доля затрудненій могла бы отпасть, если бы былъ принятъ, напр., такой порядокъ, чтобы въ первомъ же послѣ выборовъ собраніи предсѣдатель предложилъ гласнымъ заявить: какой именно отраслью земскаго дѣла каждый изъ нихъ болѣе интересуется, или по какимъ дѣламъ онъ болѣе свѣдущъ по своей предъидущей дѣятельности и согласенъ былъ бы работать въ собраніяхъ? При такомъ распредѣленіи гласныхъ по отдѣламъ (въ числѣ которыхъ былъ бы богатый членами отдѣлъ „общихъ вопросовъ"), собранію крайне облегчено было бы избраніе членовъ въ спеціальныя коммиссіи, да и составъ этихъ коммиссій былъ бы болѣе подходящій, съ явной пользой для дѣла. Само собою разумѣется, что это было бы только нѣкоторымъ облегченіемъ и не разрѣшало бы всѣхъ затрудненій,—но лучше какой-нибудь порядокъ, чѣмъ никакой.

Такія же постоянныя коммиссіи, какъ, напр., ревизіонная, слѣдовало бы всегда избирать или за годъ впередъ,—или еще лучше—на все трехлѣтіе, предоставивъ ей ревизовать дѣлопроизводство управы и знакомиться съ ея работой не только во время сессій собранія, но и въ теченіе всего года. Этотъ порядокъ, принятый уже многими собраніями, даетъ ревизіонной коммиссіи возможность работать не спѣша и подготовить свои доклады и замѣчанія ко дню открытія собранія, а не къ концу его сессіи; причемъ члены коммиссіи будутъ имѣть возможность участвовать и въ засѣданіяхъ собранія,—что̀ почти невозможно, когда имъ во время сессіи приходится заниматься ревизіей. Если вспомнить, что въ составъ ревизіонныхъ коммиссій избираются обыкновенно наиболѣе опытные и любящіе дѣло гласные, то всякому ясно будетъ и значеніе участія ихъ при обсужденіи вопросовъ въ засѣданіяхъ собранія.

Предварительная разработка вопросовъ въ коммиссіяхъ имѣетъ и хорошія, и дурныя стороны. Она несомнѣнно значительно облегчаетъ работу собранія, а также гарантируетъ, до извѣстной степени, внимательное обсужденіе вопроса хотя бы нѣсколькими гласными. Вредная же сторона дѣла заключается въ томъ, что собраніе скоро привыкаетъ къ этому удобному способу исполненія своихъ обязанностей черезъ другихъ лицъ и доходитъ постепенно до того, что всякій маломальски серьезный вопросъ, надъ которымъ надо подумать,—даже не дослушавъ доклада,—сваливаетъ „въ коммиссію". Когда же коммиссія

представить свое заключеніе, то собраніе также очень часто, не слушая и не обсуждая доклада („къ чему же тогда было выбирать коммиссію?"), на вопросъ предсѣдателя: „угодно ли будетъ согласиться съ мнѣніемъ коммиссіи?"—отвѣчаетъ возгласами: „Согласны! принять!"—и дѣло рѣшается въ двѣ минуты. Главный вредъ такого положенія вещей не въ томъ, что вопросы разрѣшаются неправильно, а въ томъ, что большинство гласныхъ совершенно теряетъ представленіе о ходѣ земскаго дѣла, не знакомится съ нимъ и легко забываетъ даже, въ чемъ именно состояли доводы коммиссіи, заключеніе которой оно такъ скоро и довѣрчиво утвердило. Въ результатѣ, когда черезъ годъ или два снова возникаетъ тотъ же или аналогичный вопросъ, гласные, не ознакомившіеся съ нимъ на прежнемъ собраніи, тратятъ много времени на его обсужденіе, высказываютъ мнѣнія, неправильность которыхъ уже была выяснена раньше, заставляютъ болѣе освѣдомленныхъ гласныхъ тратить еще больше времени на ознакомленіе ихъ съ исторіей вопроса и, тѣмъ не менѣе, постановляютъ часто совершенно противоположное рѣшеніе, иногда разрушающее на половину уже законченную работу.

Безъ сомнѣнія, единственный правильный исходъ изъ этого положенія заключается въ увеличеніи рабочаго времени собраній. Какъ уѣздныя, такъ и губернское собранія могли бы имѣть по два очередныхъ засѣданія въ годъ: одно осенью—для разсмотрѣнія смѣты, а другое въ концѣ весны—для разныхъ дѣлъ. Продленіе срока засѣданій каждой сессіи нежелательно, особенно въ губернскихъ собраніяхъ, такъ какъ и двѣ-три недѣли жить въ губернскомъ городѣ, оставя свои частныя дѣла, для многихъ гласныхъ достаточно тягостно. Установленіемъ же двухъ очередныхъ собраній вмѣсто одного, продолжительность каждаго вѣроятно нѣсколько сократилась бы. Но что, конечно, слѣдовало бы усилить, такъ это дневную работу собраній, особенно губернскихъ. Вечернія засѣданія не должны бы войти въ обычай; опытъ показываетъ, что къ концу дня физическое утомленіе уже сказывается, и занятія собранія, при ослабленномъ вниманіи гласныхъ, идутъ менѣе успѣшно. Продлить утреннія и дневныя работы мнѣ кажется вполнѣ возможнымъ; для этого слѣдовало бы установить начало занятій въ 10 ч. утра, сдѣлать перерывъ отъ 12 до 1 ч. и заниматься еще съ 1 ч. до 5 ч., что̀ дало бы 6 часовъ въ день работы. Эти лишнихъ два часа въ день, при двухнедѣльной сессіи, дали бы еще 24 рабочихъ часа, равныхъ цѣлой недѣлѣ современной работы.

Должность предсѣдателя собранія пріобрѣтаетъ съ каждымъ годомъ все большее значеніе, по мѣрѣ развитія земскаго дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ становится все труднѣе. Предсѣдательство въ собраніяхъ принадлежитъ, какъ извѣстно, губернскому и уѣзднымъ предводителямъ

дворянства и составляетъ, въ сущности, одну изъ важнѣйшихъ обязанностей. Ни одна общественная должность не требуетъ такого сочетанія личныхъ качествъ, знанія дѣла и опытности, какъ должность предсѣдателя собранія, для того, чтобы дѣло шло хорошо.

Предсѣдатель долженъ обладать тѣмъ умѣньемъ обращаться съ людьми, которое называется тактомъ; онъ долженъ вполнѣ владѣть собой, сохраняя хладнокровіе даже въ самыя бурныя минуты и при самыхъ неожиданныхъ происшествіяхъ; онъ долженъ быть безпристрастенъ, всегда внимателенъ, терпѣливъ, твердъ въ рѣшеніяхъ и мягокъ въ обращеніи; умѣть быстро схватывать сущность вопроса и обладать тѣмъ необходимымъ авторитетомъ, который всѣмъ внушаетъ уваженіе. Онъ долженъ основательно знать общее положеніе земскаго дѣла въ своемъ уѣздѣ или губерніи, его исторію и направленіе, экономическое положеніе и бытовыя особенности края; онъ долженъ знать земское „Положеніе", предѣлы компетенцій и законныя права собранія; онъ долженъ пріучить себя говорить какъ можно рѣже и мысли свои излагать ясно и сжато,—особенно когда находитъ нужнымъ резюмировать пренія до постановки вопроса на баллотировку. Онъ долженъ умѣть формулировать вопросы кратко и опредѣленно, чтобы въ собраніи никогда не слышалось, что гласные „не поняли вопроса"; и наконецъ, твердо охраняя свой авторитетъ и предсѣдательскую власть, онъ долженъ прибѣгать къ нимъ какъ можно меньше.

Само собою разумѣется, что я здѣсь пытался только обрисовать свой идеалъ предсѣдателя; но думаю, что чѣмъ большему числу этихъ требованій удовлетворяетъ данное лицо, тѣмъ лучшимъ оно будетъ предсѣдателемъ,—и обратно.

Труднѣе всего—это выработать полное самообладаніе, и затѣмъ—не злоупотреблять властью. Слишкомъ частое настаиваніе, со стороны предсѣдателя, на своихъ правахъ только раздражаетъ гласныхъ, среди которыхъ вездѣ найдутся люди, не уступающіе предсѣдателю ни въ общественномъ положеніи, ни въ образованіи, и стоящіе выше его по опытности и по знанію дѣла. Слишкомъ слабое, съ другой стороны, отношеніе предсѣдателя къ исполненію его требованій гласными ведетъ къ распущенности и полной потерѣ дисциплины, безъ которой не можетъ правильно работать вмѣстѣ ни одна группа людей.

По закону, власть предсѣдателя собранія очень велика; точнѣе выражаясь, она не имѣетъ предѣловъ, такъ какъ въ самомъ собраніи не допускаются никакіе протесты на его распоряженія; недовольные ими или даже увѣренные въ незаконности требованій предсѣдателя гласные обязаны все-таки подчиниться имъ, имѣя лишь право занести свое несогласіе въ журналъ и затѣмъ подать жалобу на предсѣдателя.

Мы не знаемъ ни одного случая превышенія власти предсѣдате-

лями собраній, и думаемъ поэтому, что они крайне рѣдки. Но случаи разногласія между предсѣдателемъ и собраніемъ, гдѣ первый, въ силу своей власти, рѣшаетъ возникшій вопросъ вопреки мнѣнію всего собранія,—бываютъ. Они касаются преимущественно права собранія входить въ разсмотрѣніе того или другого вопроса и прекращенія или продолженія преній по какому-либо предмету. Жалобы на предсѣдателя по такимъ поводамъ очень рѣдки, вѣроятно потому, что никто не ожидаетъ практическаго результата отъ такихъ жалобъ: снятый съ очереди вопросъ едва-ли будетъ вновь внесенъ въ собраніе, а прерванныя пренія никому не интересно возобновлять черезъ годъ, когда самое дѣло уже обыкновенно сдѣлано.

Такъ какъ и предсѣдатели собраній могутъ легко ошибаться, то было бы крайне желательно установить способъ разрѣшенія подобныхъ недоразумѣній безотлагательно, во время самой сессіи собранія. Предоставленіе собранію законнаго исхода въ такихъ случаяхъ предотвратило бы крайне нежелательныя пререканія или выраженія недовольства во время засѣданія.

Земскія управы, являющіяся по закону исполнительными органами земскихъ собраній, избираются на три года изъ гласныхъ или лицъ, могущихъ быть гласными. Выборы въ управу уже не носятъ того случайнаго характера, какъ избраніе въ уѣздные гласные, потому что они обыкновенно служатъ предметомъ предварительнаго обсужденія и переговоровъ, а также и потому, что кругъ лицъ, могущихъ нести обязанности предсѣдателя или члена управы, все-таки ограниченъ. Особенное вниманіе обращается, естественно, на выборы предсѣдателя управы, такъ какъ отъ него именно собраніе ожидаетъ и правильнаго веденія всего земскаго хозяйства, и защиты интересовъ земства въ другихъ вѣдомствахъ и передъ центральнымъ правительствомъ.

И дѣйствительно, въ земскомъ дѣлѣ предсѣдатель управы играетъ несомнѣнно первенствующую роль. Хотя по буквѣ закона онъ только primus inter pares въ коллегіи управы, и его автономія ограничивается назначеніемъ и увольненіемъ служащихъ по письмоводству, но на самомъ дѣлѣ отъ него зависитъ если не все, то почти все, что направляетъ дѣятельность земства по правильному или неправильному пути. Хотя при рѣшеніи вопросовъ въ коллегіи управы онъ имѣетъ только одинъ голосъ и даетъ перевѣсъ лишь при дѣленіи голосовъ коллегіи поровну, — но, конечно, ни одинъ предсѣдатель управы не останется и полгода служить, если члены управы будутъ систематически рѣшать дѣла вопреки его мнѣнію.

Отъ предсѣдателя же большею частью зависитъ и рѣшеніе вопроса: вносить или не вносить въ собраніе то или другое предло-

женіе; по крайней мѣрѣ, безъ его согласія едва-ли на это рѣшатся другіе члены управы. Это до такой степени признается, что собраніе всегда отъ предсѣдателя ждетъ объясненій по докладамъ управы и защиты этихъ докладовъ въ случаѣ критики со стороны гласныхъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ предсѣдателя управы обыкновенно сосредоточивается иниціатива земскихъ мѣропріятій. На немъ же, по тому же неписанному закону, лежитъ и отвѣтственность за правильный ходъ всего дѣла, за точное и разумное выполненіе постановленій собранія и за неисполненіе ихъ въ случаѣ непредвидѣнныхъ препятствій.

Кромѣ того, являясь представителемъ земства во всѣхъ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, гдѣ существуетъ такое представительство, предсѣдатель управы, смотря по своему развитію, знанію дѣла, энергіи и личному характеру, можетъ оказать серьезное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ, прямо или косвенно затрогивающихъ интересы земства. Наконецъ, на долю предсѣдателя выпадаетъ защита ходатайствъ земскаго собранія передъ высшими правительственными инстанціями и всѣ сношенія съ другими земствами по общимъ интересамъ.

Нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ качества и знанія, которыя дѣлаютъ хорошаго предсѣдателя управы; они вытекаютъ изъ тѣхъ требованій, которыя къ нему предъявляютъ его сложныя и трудныя обязанности.

Но всѣ эти качества такъ рѣдко совмѣщаются въ одномъ лицѣ, что найти хорошаго предсѣдателя управы—дѣло очень трудное, и собраніямъ большею частью приходится мириться съ очень многими дѣловыми недостатками, лишь бы получить человѣка, которому вообще можно было бы довѣрить веденіе сложнаго и отвѣтственнаго земскаго хозяйства. Выборъ какъ предсѣдателя, такъ и членовъ управы затрудняется еще тѣмъ, что самостоятельные, знающіе и опытные люди рѣдко соглашаются идти на земскую службу. Прежде всего, такіе люди находятъ и болѣе прибыльную, и болѣе независимую работу, а затѣмъ мало кому охота брать на себя трудныя и отвѣтственныя обязанности, не имѣя никакой увѣренности, что черезъ три года его не забаллотируютъ на выборахъ.

Съ другой стороны, расширяющаяся съ каждымъ годомъ область земской дѣятельности предъявляетъ все бо̀льшія и бо̀льшія требованія къ лицамъ, которымъ довѣряется веденіе дѣла. Большія земскія больницы и дома для умалишенныхъ уже такъ далеко ушли отъ старыхъ больницъ и тюремъ для сумасшедшихъ блаженной памяти приказовъ общественнаго призрѣнія, что стали приближаться къ типу клиникъ; земскіе склады сельско-хозяйственныхъ орудій дѣлаютъ обороты на сотни тысячъ рублей и требуютъ спеціальныхъ знаній для

ихъ веденія; сельско-хозяйственныя школы, опытныя фермы, учительскіе институты—также требуютъ спеціалистовъ; обширныя работы многихъ земствъ по улучшенію старыхъ дорогъ и проведенію новыхъ путей сообщенія, возникшія вслѣдствіе образованія большихъ дорожныхъ капиталовъ; почвенныя изслѣдованія, борьба съ эпизоотіями путемъ предохранительныхъ прививокъ, расширеніе страхового дѣла, учрежденіе санитарныхъ бюро для торговли продуктами сельскаго хозяйства и кустарной промышленности, и сотни другихъ предпріятій, важныхъ для благосостоянія края,—все это требуетъ отъ распорядителей и знаній, и опытности, и большого образованія.

Къ причинамъ, затрудняющимъ избраніе такихъ лицъ изъ среды мѣстныхъ жителей, присоединяется еще одна: требованіе имущественнаго ценза отъ лицъ, желающихъ занять должности по выборамъ земства.

Земству приходится все чаще и чаще прибѣгать къ приглашенію спеціально образованныхъ людей для завѣдыванія отдѣльными отраслями своего хозяйства: агрономовъ съ высшимъ образованіемъ, докторовъ медицины, инженеровъ, и т. п. Наплывъ такихъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, особенно замѣтный, конечно, въ центральныхъ учрежденіяхъ губернскаго земства, не могъ не оказать извѣстнаго вліянія на характеръ и дѣятельность этихъ учрежденій, что̀ мы и видимъ въ дѣйствительности. Въ общемъ несомнѣнно плодотворное, способствующее правильной постановкѣ многихъ важнѣйшихъ отраслей земскаго дѣла, вліяніе это имѣетъ и свои слабыя стороны, вызвавшія въ самое послѣднее время опасенія не однихъ самыхъ консервативныхъ членовъ земскихъ собраній за правильность хода земскаго хозяйства.

Дѣло въ томъ, что служащіе по вольному найму, несмотря на свои техническія знанія и часто хорошее общее образованіе,—совершенно не земскіе люди; они не знаютъ ни условій, ни потребностей края, ни платежной способности его населенія, ни его бытовыхъ особенностей и привычекъ, и главное—не могутъ охватить всю совокупность тѣхъ сложныхъ интересовъ, изъ которыхъ состоитъ земское дѣло. *Свое* же дѣло каждый изъ нихъ хорошо знаетъ, и видя его неизбѣжные недостатки и нужды, повидимому неотложныя, со всей энергіей свѣжаго человѣка и со всѣмъ авторитетомъ научной подготовки начинаетъ настаивать на крайней необходимости тѣхъ или другихъ реформъ и улучшеній. Не имѣя никакихъ вѣскихъ возраженій противъ этихъ (въ отдѣльности вполнѣ разумныхъ) настояній, управа легко можетъ упустить изъ виду общее положеніе ввѣреннаго ей обширнаго дѣла и, уступая просьбамъ своихъ главныхъ сотрудниковъ,

внести въ собраніе такую смѣту, которая заставитъ призадуматься и самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ прогресса.

Когда установишь такую общую точку зрѣнія на вопросъ и особенно когда изложишь его на бумагѣ, то выходъ изъ затрудненія прямо напрашивается. Управа, составляя планъ дѣйствій на будущій годъ и принимая къ свѣдѣнію всѣ указанія и просьбы своихъ главныхъ помощниковъ,—должна обратить, прежде всего, вниманіе на соразмѣрность потребностей со средствами, на соотвѣтствіе всего плана съ общими экономическими задачами своего земства и на пропорціональность его частей. Ставъ на эту почву, она рѣшитъ, что̀ должно быть сдѣлано въ первую очередь и что̀ можетъ быть отложено до слѣдующаго года или даже дальше.

Но на практикѣ далеко не такъ легко выполнить всѣ эти условія, и мы видимъ иногда, что встревоженное быстрымъ ростомъ расходовъ собраніе впадаетъ въ обратную крайность и отказываетъ въ средствахъ на дѣла дѣйствительно неотложныя. Это рѣдко обходится безъ бурныхъ преній въ засѣданіяхъ собранія, гдѣ обѣ стороны невольно увлекаются, и сторонники экономіи и постепенности уже безъ всякой постепенности и экономіи осыпаютъ упреками и управу, и ея ни въ чемъ неповинныхъ сотрудниковъ. Съ теченіемъ времени, конечно, снова устанавливается нарушенное равновѣсіе, но уже одна возможность такихъ колебаній, никогда не полезныхъ въ хозяйствѣ, указываетъ на необходимость ихъ предупрежденія.

Несомнѣнно, что болѣе высокій уровень подготовки лицъ, которымъ ввѣряется веденіе дѣла, является однимъ изъ важнѣйшихъ условій его упорядоченія; но мы уже видѣли, съ какими затрудненіями сопряжено привлеченіе такихъ лицъ на выборную службу земству. Попытки помочь дѣлу численнымъ увеличеніемъ состава управы не дали рѣшительныхъ результатовъ, да по самому существу задачи и не могли дать. Одно увеличеніе содержанія личнаго состава управы также едва-ли достигнетъ цѣли, потому что лучшіе люди, наиболѣе нужные земству, не пойдутъ на такую работу изъ однихъ матеріальныхъ соображеній. Остается, повидимому, только два средства: одно—это сдѣлать службу земству болѣе прочной удлинненіемъ выборнаго срока до 4 или 5 лѣтъ, съ выбытіемъ членовъ управы по очереди, и установленіемъ извѣстнаго опредѣленнаго обезпеченія старости за службу земству; и другое—уже не зависящее отъ земства,—состоитъ въ томъ, чтобы поставить земскія учрежденія на подобающее имъ мѣсто въ общемъ строѣ государства, соотвѣтствующее той пользѣ, которую они приносятъ странѣ, такъ чтобы служба государству въ земствѣ привлекала лучшихъ людей своей независимостью и почетностью.

Нѣсколько выше, говоря о дѣйствіяхъ управы при обсужденіи смѣты, мы упомянули о составленіи ею плана работъ. Подъ этимъ словомъ должно подразумѣвать програму, которая включала бы въ себѣ, въ главныхъ чертахъ, все, что̀ по мнѣнію управы предстоитъ выполнить въ наступающемъ году по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства. Программа эта, которую для удобства управы и собранія можно распредѣлить соотвѣтственно главнымъ статьямъ смѣты, должна по каждому отдѣлу показать: современное положеніе дѣла, общую потребность даннаго отдѣла въ работахъ, расходахъ и т. п. и ту часть этой потребности, которую управа считаетъ необходимымъ выполнить въ предстоящемъ году, какими силами, на какую сумму и средства. Рѣшеніе управы должно быть или достаточно мотивировано въ самомъ планѣ, или,—если мотивы изложены въ особомъ докладѣ,—то планъ долженъ сослаться на этотъ докладъ и указать главныя его основанія. Планъ долженъ заканчиваться сжатымъ общимъ обзоромъ положенія всего земскаго дѣла, какъ съ фактической, такъ и съ финансовой стороны, причемъ, если это возможно, главныя данныя должны быть сопоставлены съ данными за отчетный годъ.

Намъ неизвѣстна ни одна управа, которая составляла бы такой планъ, и многіе гласные, съ которыми мы имѣли случай говорить о немъ, находятъ, что его и невозможно составить. Мы, тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ все больше убѣждаемся въ необходимости подобной программы, и въ отсутствіи ея видимъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ недостатковъ всего земскаго хозяйства.

Безъ обдуманнаго заранѣе плана не можетъ правильно идти ни одно частное хозяйство,—вездѣ будетъ безпорядокъ, непослѣдовательность и неожиданности;—во сколько же разъ будетъ хуже въ громадномъ хозяйствѣ земства, гдѣ губернскій бюджетъ расходовъ нерѣдко превышаетъ милліонъ рублей!

Намъ говорили, что годичная дѣятельность управы вполнѣ опредѣляется смѣтой, и другого плана не нужно. Это намъ кажется совершенно то же, какъ еслибы намъ сказали, что дорога изъ Арзамаса въ Нижній вполнѣ опредѣляется стоимостью провоза, и обозначать ее вѣхами или другими признаками нѣтъ надобности. Смѣта всюду и всегда есть только перечень расходовъ, требуемыхъ для выполненія плана, и сама по себѣ едва-ли имѣетъ другое значеніе.

Безъ всякаго плана и теперь ни одна управа не можетъ работать,—но она представляетъ обыкновенно собранію не цѣльный, стройный планъ, а клочки его, въ видѣ отдѣльныхъ докладовъ и ходатайствъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ, и поэтому не дающихъ никакого общаго представленія о предстоящей работѣ. Именно благодаря отсутствію такой общей картины, которая показала бы каждому гласному

мѣсто, занимаемое каждымъ отдѣльнымъ предложеніемъ и мѣропріятіемъ управы въ ряду другихъ, относительное значеніе каждой работы и связь ея съ другими и со всей исторіей данной отрасли хозяйства,—именно поэтому собраніе часто совершенно невинно искажаетъ и портитъ весь ходъ земскаго дѣла, то увеличивая безъ нужды, то урѣзывая безъ необходимости смѣту, представляемую управой, отвергая (якобы по недостаточности данныхъ) нѣкоторые ея доклады и давая ей часто невыполнимыя въ назначенный срокъ порученія.

Говорятъ также, что такой планъ только свяжетъ руки управѣ и собранію, что земское дѣло—живое и должно примѣняться къ измѣняющимся требованіямъ жизни, и что единственная возможная программа—это польза мѣстнаго населенія и всего государства. Все это—слова и слова. Ничто такъ не связываетъ руки,—да еще ломаетъ и ноги,—какъ безпорядокъ. Рельсы тоже связываютъ свободу движенія поѣзда, но на это никто не жалуется. Что земское дѣло—живое, никто не сомнѣвается, но война, напр., дѣло еще болѣе живое, и необходимость сообразоваться съ измѣняющимися условіями еще болѣе настоятельна,—однако никому не приходитъ въ голову требовать, чтобы война велась безъ всякаго плана. Польза населенія не можетъ быть программой, а только цѣлью, къ которой можно идти разными путями;—разумный выборъ ихъ и представляетъ программу.

Единственное серьезное возраженіе противъ требованія, чтобы управы составляли, кромѣ смѣты, еще и общіе планы своей дѣятельности, состоитъ въ томъ, что это увеличитъ работу управы. Да, это, конечно, новая работа, но такая, которая облегчитъ ей всѣ послѣдующія работы въ теченіе года, и по пути избавитъ ее отъ массы ненужнаго тренія на собраніи. Смазать машину передъ тѣмъ, чтобы пустить ее въ ходъ—тоже дополнительная работа,—но никто противъ нея не возражаетъ.

Бываетъ еще одинъ недостатокъ въ дѣловыхъ отношеніяхъ управы къ собранію, который иногда обращаетъ на себя вниманіе и служитъ поводомъ неоднократныхъ постановленій собраній. Мы разумѣемъ *несвоевременныя составленія и разсылку докладовъ управы*. Серьезность этого дѣла не трудно понять. Когда гласные не получаютъ докладовъ заблаговременно, они являются въ собраніе, совершенно не зная, какіе вопросы будутъ предложены на ихъ разрѣшеніе, и лишены всякой возможности подготовиться къ нимъ.

Первое, что̀ они услышатъ о данномъ дѣлѣ,—это болѣе или менѣе внятное чтеніе болѣе или менѣе обстоятельнаго доклада управы, по окончаніи котораго предсѣдатель собранія предлагаетъ имъ высказаться по поводу прочитаннаго и, послѣ преній, въ которыхъ нерѣдко

принимаютъ участіе двое-трое гласныхъ, или даже никто,—вопросъ ставится на баллотировку.

Мы и теперь припоминаемъ, какъ намъ было трудно въ теченіе перваго года или двухъ—участія въ земскихъ собраніяхъ—исполнить простое требованіе предсѣдателя: „кому угодно принять докладъ управы—прошу встать!" Только-что прочли длинный и усѣянный массою цифръ докладъ о какомъ-нибудь совершенно новомъ и незнакомомъ дѣлѣ, о которомъ даже не знаешь, что̀ надо спросить, чтобы выяснить его себѣ; ждешь преній, которыя хоть что-нибудь выяснятъ... Но всѣ молчатъ, и вдругъ предсѣдатель ставитъ докладъ на баллотировку...

Значительная доля подобныхъ затрудненій отпадаетъ, если всѣмъ гласнымъ дается возможность заранѣе ознакомиться съ вопросомъ и обдумать его. Тогда безъ должнаго сознанія отнесутся къ дѣлу только тѣ, которые вообще безсознательно относятся къ своимъ обязанностямъ и неизвѣстно зачѣмъ попали въ гласные.

Управы ссылаются, при этомъ, на массу текущихъ занятій и на то, что иногда вопросъ возникаетъ передъ самымъ собраніемъ, а потому некогда было разослать докладъ о немъ до открытія собранія. Но такіе вопросы очень рѣдко бываютъ неотложными, а въ такомъ случаѣ—ихъ лучше оставить до слѣдующей сессіи собранія, разославъ доклады по нимъ заблаговременно. Со стороны губернской управы встрѣчается нѣсколько болѣе вѣское возраженіе, а именно, что многіе вопросы возбуждаются уѣздными собраніями, засѣданія которыхъ заканчиваются часто незадолго до губернскаго собранія, и что губернской управѣ трудно или невозможно разослать заблаговременно свои заключенія гласнымъ. Но къ этому всецѣло примѣняется то, что̀ сказано выше: вопросы, носящіе общій, а не временный характеръ—могутъ вноситься въ слѣдующую сессію губернскаго собранія и только выиграютъ отъ этого.

Ни въ чемъ не проявляются такъ наглядно быстрый ростъ и развитіе земскаго хозяйства, какъ въ увеличеніи личнаго состава его учрежденій, въ частности же—канцеляріи управы. Канцеляріи уѣздныхъ управъ хотя и увеличиваются, но далеко не въ такой степени, какъ въ губернской управѣ, что̀ объясняется, повидимому, тѣмъ, что мѐньшая площадь уѣзда допускаетъ болѣе непосредственное завѣдываніе дѣлами со стороны предсѣдателя и членовъ уѣздной управы, ведущее къ сокращенію письменныхъ сношеній. Кромѣ того, и самый характеръ дѣлъ губернскаго земства требуетъ значительно болѣе сложныхъ подготовительныхъ работъ. Поэтому, разсматривая организацію и дѣятельность канцеляріи управы, можно ограничиться пока однѣми губернскими управами.

Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ весь личный составъ канцеляріи одной извѣстной намъ губернской управы не превышалъ двадцати человѣкъ,—теперь ихъ около ста-двадцати, а число отдѣленій управы съ четырехъ дошло до десяти. Если организація канцеляріи въ двадцать—тридцать человѣкъ и не представляла особенно трудной задачи, то нельзя сказать того же про канцелярію изъ ста-двадцати человѣкъ, распредѣленныхъ по десяти отдѣленіямъ, содержаніе которой обходится губернскому земству болѣе ста тысячъ рублей.

Первое, что можно замѣтить объ организаціи канцеляріи управы, это—то, что она ничѣмъ почти не отличается отъ устройства канцелярій правительственныхъ учрежденій, съ которыхъ она какъ будто бы списана. Тѣ же секретари, дѣлопроизводители и ихъ помощники, столоначальники, архиваріусы, регистраторы, старшіе и младшіе писцы; тѣ же рабочіе часы съ 9 утра до 2 часовъ дня, съ правомъ начальства назначать вечернія занятія въ экстренныхъ случаяхъ; та же неопредѣленность въ прохожденіи службы, въ зависимости отъ „усмотрѣнія“ начальства; та же колоссальная переписка, съ ея нумерами, представленіями, отношеніями, циркулярами, журналами, вѣдомостями, ея „имѣетъ честь покорнѣйше просить“, „считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія“ и т. п.;—такъ что единственная разница замѣчается, съ перваго взгляда, только въ томъ, что канцеляристы не въ мундирахъ и не получаютъ ни чиновъ, ни орденовъ.

Насъ завело бы слишкомъ далеко разсмотрѣніе этой сложной пишущей машины во всѣхъ ея подробностяхъ, хотя дѣло это очень серьезное и заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны земства. И теперь уже замѣчаются признаки крайне нежелательныхъ явленій, указывающихъ на то, что предсѣдателю и членамъ управы уже почти не подъ силу постоянный и правильный контроль надъ разросшейся канцеляріей, и имъ приходится или почти безвыходно сидѣть въ своихъ кабинетахъ за бумажной работой, или довѣрять старшимъ служащимъ канцеляріи тотъ надзоръ и руководство, которые должны были бы оставаться въ рукахъ самой управы.

Какъ общій распорядокъ службы въ канцеляріяхъ представляетъ почти точную копію съ организаціи правительственныхъ учрежденій, такъ и система вознагражденія за труды служащихъ почти ничѣмъ не отличается отъ существующаго въ правительственныхъ учрежденіяхъ порядка. Каждой должности присвоивается опредѣленный окладъ, изъ котораго служащіе ежемѣсячно получаютъ жалованье. Точно также нѣкоторые служащіе пользуются квартирами, разъѣздными и т. п.; точно также всѣ они, или почти всѣ, получаютъ къ концу года награды, а въ особыхъ случаяхъ—пособія, и также пользуются отпусками съ сохраненіемъ содержанія. Разница только въ томъ, что оклады эти

обыкновенно выше соотвѣтствующихъ окладовъ на государственной службѣ и значительно чаще увеличиваются собраніями по ходатайству управъ. Но не встрѣчается никакихъ попытокъ поставить заработокъ въ зависимость отъ качества или количества сдѣланной работы или, другими словами, задѣльнаго вознагражденія за трудъ. Точно также, нигдѣ не было опыта замѣны, ничего не значащихъ уже въ силу своей всеобщности, наградъ—„въ размѣрѣ такой-то доли мѣсячнаго оклада"—преміями за особое усердіе или вниманіе къ дѣлу, результатомъ которыхъ являлись бы или улучшеніе качества работы, или экономія земскихъ расходовъ. По нашему мнѣнію, разработка этого вопроса съ тѣмъ, чтобы перейти отъ системы постоянныхъ окладовъ, убивающихъ всякую инициативу въ работникахъ,—къ системѣ задѣльнаго вознагражденія, можетъ привести къ самымъ благопріятнымъ результатамъ какъ для земства, такъ и для его служащихъ.

Порядокъ прохожденія службы и обезпеченіе старости также имѣетъ для земскихъ служащихъ первостепенное значеніе, и правильная постановка этого дѣла несомнѣнно дастъ земству лучшихъ и наиболѣе постоянныхъ работниковъ. Повышеніе по службѣ должно бы быть точно опредѣлено, въ зависимости отъ знаній и опытности служащаго и хорошей службы въ теченіе извѣстнаго времени въ предшествующей должности. Для обезпеченія старости совершенно недостаточно существующихъ теперь единовременныхъ пособій оставляющимъ службу работникамъ, ни тѣхъ случайныхъ маленькихъ пенсій, которыя назначаются собраніями по особымъ представленіямъ управъ. Лучшимъ способомъ было бы введеніе эмеритуры, какъ это и предположено нѣкоторыми земствами, или страхованіе дохода на болѣзнь и старость. Къ сожалѣнію, строгое раздѣленіе земствъ отдѣльныхъ губерній дѣлаетъ учрежденіе эмеритуры особенно труднымъ и дорогимъ способомъ обезпеченія служащихъ, не только потому, что повышаетъ размѣры взносовъ, но и потому, что вводитъ множество затрудненій въ разсчетахъ при переходѣ служащихъ изъ одного земства въ другое. Если уже нельзя устроить общую для всей земской Россіи центральную эмеритальную кассу, то необходимо было бы допустить соединеніе десяти—двѣнадцати сосѣднихъ губерній въ этомъ отношеніи. Отсутствіе же всякаго обезпеченія ведетъ лишь къ тому, что часто лучшіе и наиболѣе нужные земству работники оставляютъ службу земства при первой возможности получить казенное мѣсто.

Кромѣ служащихъ при управахъ, у земства довольно большое число работниковъ на мѣстахъ въ уѣздахъ, на должностяхъ врачей, учителей, ветеринаровъ, страховыхъ агентовъ и др. Наиболѣе существенный общій пробѣлъ, который можно замѣтить въ ихъ службѣ,—это слабость связи между ними и центральнымъ управленіемъ. Это

не значитъ еще, что имъ предоставлена большая автономія и широкая свобода дѣятельности на мѣстахъ,—напротивъ, они почти безъ исключенія поставлены въ довольно тѣсныя рамки,—но эти рамки не живыя, а бумажныя. Правила, инструкціи, ежемѣсячная (если не чаще) отчетность—все это часто даже слишкомъ связываетъ производительную работу мѣстныхъ агентовъ. Но живого контроля и руководства, живого участія въ ихъ работѣ центральные органы проявляютъ очень мало. Зависитъ это въ значительной степени отъ малочисленности состава управъ, училищныхъ совѣтовъ, санитарныхъ бюро и другихъ учрежденій, которымъ присвоено наблюденіе и руководство мѣстными служащими земства,—но отчасти, несомнѣнно, и отъ самой постановки дѣла.

Развитіе письменной отчетности, хотя и даетъ возможность слѣдить за ходомъ дѣла одновременно во многихъ мѣстностяхъ, имѣетъ не мало и дурныхъ сторонъ. Для сопоставленія и разработки данныхъ письменной отчетности расходуется много времени и канцелярскихъ силъ; самая разработка эта, давая общую картину положенія дѣла на всемъ пространствѣ губерніи или уѣзда, обезличиваетъ полученныя свѣдѣнія и до извѣстной степени маскируетъ дѣятельность отдѣльнаго лица или пункта; лица, руководящія дѣломъ, не только тратятъ время на ознакомленіе съ бумажной отчетностью, на исправленіе ея и на обсужденіе выводовъ,—но мало-по-малу перестаютъ видѣть необходимость личнаго знакомства съ дѣломъ на мѣстахъ, предпочитая выяснять всѣ встрѣчающіяся недоразумѣнія путемъ переписки, которая, въ свою очередь, увеличиваетъ запасъ бумаги и расходъ времени на ея разсмотрѣніе. Такимъ образомъ, съ каждымъ годомъ неизбѣжно должна разростаться работа канцелярій и уменьшаться подвижность предсѣдателя и членовъ управы и другихъ лицъ, завѣдующихъ спеціальными отраслями земскаго хозяйства. Это мы и видимъ на самомъ дѣлѣ.

Мы уже упоминали о затрудненіяхъ, вызываемыхъ непомѣрнымъ увеличеніемъ, въ связи съ расширеніемъ дѣла, личнаго состава канцелярій. Но главный недостатокъ увеличенія письменности заключается въ томъ, что она мало-по-малу сама себя душитъ и дѣлаетъ наконецъ совершенно невозможнымъ достиженіе той цѣли, ради которой она создана.

Отчеты и свѣдѣнія по отдѣльнымъ отраслямъ, умѣщавшіеся прежде на одномъ или двухъ листахъ бумаги, разрослись теперь до размѣра брошюръ и даже книгъ въ 50—150 печатныхъ страницъ, поясненныхъ десятками таблицъ, картограммами и діаграммами; число этихъ изданій также все увеличивается, и, въ общемъ, для прочтенія ихъ требуется уже столько времени, что едва ли кто ихъ читаетъ. Отъ

этого происходитъ то серьезное неудобство, что не только гласнымъ, но и членамъ управы уже нельзя быть въ курсѣ земскаго хозяйства; отчеты и изслѣдованія, вся цѣль которыхъ—сдѣлать возможнымъ обозрѣніе земскаго дѣла, сдѣлали его необозрѣваемымъ. Не только „изъ-за деревьевъ лѣса не видно“, но и деревьевъ изъ-за лѣса не видно.

Членъ управы, если и не имѣетъ никакой возможности ознакомиться со всѣмъ, чт̀о дѣлается его товарищами по другимъ отдѣленіямъ, долженъ по крайней мѣрѣ прочесть и изучить то, чт̀о пишется и печатается по его отдѣленію,—и это кромѣ громадной текущей переписки, работы въ коллегіи, руководства и наблюденія за порученными ему дѣлами. Когда же ему, въ самомъ дѣлѣ, разъѣзжать по всему пространству губерніи и слѣдить за дѣятельностью мѣстныхъ агентовъ!..

Поэтому, съ каждымъ годомъ, мѣстные агенты чувствуютъ себя все больше и больше фактически независимыми отъ центральнаго управленія и приходятъ къ убѣжденію, что вся суть только въ своевременномъ представленіи сколько-нибудь приличныхъ отчетовъ,—и тогда ихъ въ два года разъ не потревожитъ пріѣздъ „начальства“.

Это безусловно вредно отзывается на ихъ дѣятельности, которая естественно падаетъ до минимума, а если это невозможно (напр. для земскихъ врачей), то теряетъ въ качествѣ.

И это отнюдь не слѣдуетъ объяснять личной недобросовѣстностью мѣстныхъ работниковъ земства. Вначалѣ, почти всѣ безъ исключенія ревностно исполняютъ свои обязанности, дѣлаютъ прямо непомѣрную работу и отдаютъ дѣлу не только все свое время, но часто и здоровье. Но живой интересъ къ дѣлу поддерживается въ людяхъ только тогда, когда они видятъ, что работа ихъ не пропадаетъ даромъ, что дѣло развивается правильно, что на него обращаютъ вниманіе и что къ ихъ личной работѣ относятся съ интересомъ и участіемъ. Когда же годы проходятъ за годами и положеніе или не мѣняется, или дѣло развивается медленнѣе, чѣмъ ростетъ потребность; когда представленія непосредственныхъ работниковъ (часто по дѣйствительной необходимости, но безъ объясненія) остаются годами безъ результатовъ; когда эти работники видятъ себя постоянно одинокими, не имѣя ни общества, ни совѣта, ни поддержки, ни критики; когда отъ нихъ требуютъ только аккуратнаго представленія вѣдомостей и отчетовъ,—а вопросы, такъ горячо возбуждаемые ими въ этихъ отчетахъ, оставляютъ часто безъ всякаго вниманія,—энергія начинаетъ невольно ослабѣвать, любовь къ дѣлу остываетъ, и самоотверженный, горячій земскій работникъ постепенно превращается въ самаго обыкновеннаго чиновника на жалованьѣ, въ лучшемъ случаѣ пунктуально исполняющаго „возложенныя на него обязанности“, а въ худшемъ—

думающаго уже не о дѣлѣ, а о личномъ благополучіи своемъ и семьи, и прилагающаго всѣ старанія только къ тому, чтобы своевременно отписываться и жить въ ладу съ начальствомъ. На эту сторону дѣла надо обратить вниманіе, такъ какъ сокращеніе письменности до крайнихъ возможныхъ предѣловъ безусловно желательно. Оно не только сбережетъ трудъ служащихъ и деньги земства, но—что̀ гораздо важнѣе—освободитъ членовъ управы хотя бы настолько, что они лишнихъ два раза въ годъ успѣютъ побывать въ уѣздахъ и повидать мѣстныхъ агентовъ,—а это для дѣла существеннѣе цѣлыхъ томовъ переписки.

Замѣчанія, которыми мы заканчиваемъ очеркъ современной постановки земскаго управленія, касаются уже такихъ второстепенныхъ предметовъ, которые могутъ показаться просто мелочными и лишенными всякаго общаго интереса. Но отъ вопросовъ общаго характера, болѣе или менѣе близкихъ всѣмъ, кто сколько-нибудь интересуется общественной жизнью, невольно пришлось перейти къ частностямъ, значеніе которыхъ могутъ оцѣнить только люди, близко стоящіе къ дѣлу и на практикѣ испытавшіе вліяніе этихъ мелочей на ходъ земскаго хозяйства.

Съ цѣлью оставаться постоянно въ области общихъ положеній, мы избѣгали говорить о современной дѣятельности земства по отдѣльнымъ отраслямъ его работы: о постановкѣ народной школы, объ устройствѣ больничнаго дѣла, объ использованіи дорожныхъ капиталовъ, объ организаціи коммиссіонныхъ конторъ и складовъ орудій и т. п.,—несмотря на живой практическій интересъ ближайшаго изслѣдованія организаціи и функцій тѣхъ учрежденій, которыми земство непосредственно соприкасается съ населеніемъ и удовлетворяетъ его потребности.

Нашею главною цѣлью было только указать на тѣ тормазы, на тѣ препятствія, которые мѣшаютъ огромной машинѣ мѣстнаго самоуправленія работать экономно, плавно, безшумно и вырабатывать наибольшее возможное количество общественнаго блага.

Препятствія эти, какъ мы видѣли, распадаются на двѣ главныхъ группы: на препятствія внѣшнія, каковы недостатки въ самыхъ законахъ, отношеніе земства къ центральному правительству, отсутствіе надлежащей гласности, и т. п., — и на препятствія внутреннія, зависящія отъ недостатковъ организаціи труда, какъ собраній и управъ, такъ и мѣстныхъ агентовъ.

Значительное большинство этихъ препятствій и недостатковъ вполнѣ возможно устранить или исправить; для этого нужно только

выяснить ихъ, опредѣлить ихъ относительную важность (ради послѣдовательности реформъ) и постепенно, одно за другимъ, вводить въ жизнь необходимыя улучшенія.

Но всему этому должно предшествовать ясное и твердое сознаніе важности вопроса, открытое признаніе выдающейся роли земства въ ряду государственныхъ учрежденій страны.

Странно, конечно, говорить объ этомъ; странно настаивать на необходимости признанія значенія института, въ теченіе какихъ-нибудь тридцати-пяти лѣтъ создавшаго (будемъ говорить прямо!) народное образованіе и народную медицину, пробудившаго сознаніе солидарности различныхъ сословій государства, вызвавшаго къ дѣятельной работѣ на общую пользу массу силъ, лежавшихъ до того инертнымъ бременемъ на производительныхъ классахъ, расточавшихъ сбереженія прежнихъ поколѣній на содержаніе псовыхъ охотъ, оранжерей и оркестровъ, или на содержаніе заграничныхъ курортовъ и рулетокъ; медленно, но вѣрно работающаго во всѣхъ концахъ громадной Россіи надъ увеличеніемъ производительности народнаго труда, надъ устраненіемъ той многообразной неурядицы, которая до сихъ поръ держитъ наше отечество на самомъ рубежѣ цивилизованныхъ государствъ, несмотря на громадныя преимущества единства власти, единства языка, выдающихся способностей славянской расы и огромныхъ природныхъ богатствъ.

Нечего дѣлать, однако,—надо считаться съ дѣйствительностью.

Конечно, не безъ промаховъ, ошибокъ и недостатковъ въ земской работѣ: и земство можетъ увлекаться мало обдуманными предпріятіями, платясь за это; посвящать все вниманіе одному какому-нибудь дѣлу, забывая другія; иногда оно пытается перешагнуть черезъ какой-нибудь изъ барьеровъ, которыми оно такъ заботливо обставлено; иногда слишкомъ долго ссорится съ мѣстными властями, и т. д., и т. д.

Но если это и недостатки, то это недостатки молодого, сильнаго и энергичнаго юноши, которые несомнѣнно исправитъ жизнь и опытность;—это не пороки безжизненнаго, апатичнаго и разслабленнаго старика, который только и думаетъ о томъ, какъ бы спокойнѣе дожить свой вѣкъ.

Земство полезно странѣ,—слѣдовательно, оно ей необходимо; и если на первыхъ порахъ оно и нуждалось, быть можетъ, въ различныхъ ограниченіяхъ, поводьяхъ и возжахъ, то этому первому воспитательному періоду приходитъ конецъ; пора перейти сознательно и рѣшительно къ слѣдующей стадіи, гдѣ приказанія и наказанія замѣняются совѣтами и содѣйствіемъ. Всякіе опыты и нерѣшительныя движенія то впередъ, то назадъ—ни къ чему не ведутъ, кромѣ по-

тери времени, и порождають лишь взаимное раздраженіе и порчу работы.

Единственный правильный путь—это постепенное развитіе, направляемое разумными и твердыми законами, въ основѣ которыхъ должны лежать только требованія общаго блага.

Нѣтъ никакихъ понужденій сильнѣе довѣрія, нѣтъ никакого контроля могущественнѣе общественнаго мнѣнія.

Ник. Шишковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1901.

Вѣсти о неурожаѣ.—Способы борьбы съ его послѣдствіями.—Роль, предоставленная въ ней земству. — Походъ „Моск. Вѣдомостей" противъ частной продовольственной помощи вообще и противъ участія въ ней органовъ печати въ особенности.—Попытка спасти осужденную систему. — Политическое и научное значеніе гимназическаго ультра-классицизма.—Тюремная дисциплина и тѣлесное наказаніе.—М. Н. Островскій и Н. М. Барановъ †.—Кончина Е. И. В. князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенберскаго.

Теперь нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что значительной части Россіи предстоитъ пережить тяжелое время. Районъ, постигнутый недородомъ, только немногимъ меньше того, который пострадалъ въ 1891 г. Урожай озимыхъ хлѣбовъ получился плохой или неудовлетворительный въ губ. астраханской, уфимской, пермской, вятской, въ области войска донского, въ привислянскихъ губерніяхъ, отчасти въ губерніяхъ самарской, симбирской, казанской, пензенской, рязанской, тамбовской, воронежской, харьковской, таврической, полтавской, владимірской, костромской. Во многихъ мѣстахъ озимые хлѣба пострадали еще съ весны отъ холодовъ, затѣмъ отъ засухи и жаровъ, и бо́льшею частью были скошены на кормъ скоту. Почти во всѣхъ перечисленныхъ губерніяхъ плохи и яровые хлѣба: отъ засухи и жары они остановились въ ростѣ и также пошли отчасти на кормъ для скота. Борьба съ послѣдствіями широко распространеннаго бѣдствія затрудняется тѣмъ, что продовольственное дѣло, переданное закономъ 12 іюня 1900-го года изъ рукъ земства въ руки администраціи, находится въ переходномъ состояніи; не назначены еще (или, по крайней мѣрѣ, еще недавно не были назначены) участковые продовольственные попечители, не приведена, повидимому, въ порядокъ даже письменная часть, легче всего поддающаяся регламентаціи. Въ бессарабской губерніи, напр., уѣздные съѣзды (по словамъ „Одесскихъ Новостей") сразу очутились въ безпомощномъ положеніи; продовольственная часть, до крайности осложнившаяся съ передачей ея въ крестьянскія учрежденія, требовала бы спеціальной канцеляріи, съ опытнымъ бухгалтеромъ во главѣ—а на расходы по этому предмету отпущено только по 200 рублей на уѣздъ. Кишинев-

ская уѣздная земская управа имѣла по продовольственной части всего 180 счетовъ, по числу селъ уѣзда (и сверхъ того 172 счета по капиталамъ); кишиневскому уѣздному съѣзду, за отмѣной круговой поруки, придется вести нѣсколько десятковъ тысячъ личныхъ счетовъ. Съ такими же трудностями приходится, вѣроятно, имѣть дѣло и другимъ уѣзднымъ съѣздамъ. Облегчить внезапно наступившія усложненія могло бы обращеніе къ содѣйствію земства, не исключаемое ни закономъ 1900-го года, ни оффиціальнымъ его толкованіемъ; въ циркулярѣ, недавно разосланномъ губернаторамъ, министерство внутреннихъ дѣлъ прямо предусматривало возможность участія земства въ продовольственной кампаніи и въ обсужденіи вопросовъ продовольственнаго дѣла [1]). Покамѣсть, однако, о такомъ участіи еще не слышно; наоборотъ, судя по газетнымъ сообщеніямъ, земство на этотъ разъ не будетъ призвано ни къ опредѣленію, по отдѣльнымъ мѣстностямъ, размѣровъ сѣменной и продовольственной нужды, ни къ содѣйствію крестьянскимъ учрежденіямъ по организаціи продовольственныхъ мѣропріятій. Очень мало слышно и о чрезвычайныхъ земскихъ собраніяхъ, уѣздныхъ и губернскихъ, прежде всегда созывавшихся при первыхъ вѣстяхъ о неурожаѣ. Между тѣмъ, земство сохраняетъ право ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ—а какая нужда болѣе настоятельна, чѣмъ продовольственная, что̀ полезнѣе для населенія, чѣмъ помощь въ неурожайный годъ? Только-что упомянутый нами циркуляръ прямо относитъ къ вѣдѣнію земства учрежденіе, въ видахъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, благотворительныхъ попечительствъ, обществъ, столовыхъ, пріютовъ, устройство общественныхъ работъ, продажу хлѣба по заготовительной цѣнѣ. И съ этой точки зрѣнія созывъ экстренныхъ собраній былъ бы какъ нельзя болѣе цѣлесообразенъ; чѣмъ раньше и чѣмъ полнѣе организуются всѣ виды помощи, тѣмъ успѣшнѣе будутъ ея результаты. Остается надѣяться, что, въ силу правила: „лучше поздно, чѣмъ никогда", продовольственный вопросъ, въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, будетъ широко поставленъ если не на чрезвычайныхъ, то на очередныхъ земскихъ собраніяхъ.

Признавая, что въ 1901-мъ г. голодъ застаетъ Россію столь же неподготовленною, какъ и въ 1891-мъ, реакціонная печать, вѣрная своимъ привычкамъ, старается доказать, что отвѣтственнымъ за это является одно земство. Недобросовѣстности обвиненія соотвѣтствуетъ, на этотъ разъ, его неумѣлость; въ его мотивировкѣ заключаются всѣ данныя для его опроверженія. „Запасные магазины"—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 206)—„не построены, запасовъ хлѣба нигдѣ никѣмъ не запасено". Что подъ именемъ хлѣбныхъ магазиновъ

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 3 „Вѣстн. Европы" за 1901 г.

и запасовъ здѣсь разумѣются не тѣ, которые обязательно должны имѣться въ сельскихъ обществахъ—это видно изъ продолженія той же статьи (№ 212), гдѣ прямо идетъ рѣчь о *государственныхъ* хлѣбныхъ складахъ или хлѣбозапасныхъ магазинахъ. На какомъ же основаніи отсутствіе государственныхъ магазиновъ можетъ быть поставлено въ вину земству? Каждое земское собраніе вѣдало продовольственное дѣло только въ границахъ своей губерніи или своего уѣзда. Ни въ какія соглашенія по этому предмету различныя земства вступать не могли, никакихъ общихъ предпріятій затѣвать не имѣли права; устройство *государственныхъ* складовъ могло быть только дѣломъ *государственной* власти. Кто жалѣетъ, что въ данную минуту нѣтъ на лицо этого орудія борьбы съ послѣдствіями неурожая, тотъ долженъ обратиться со своими сѣтованіями не по адресу земства. Не отъ земства зависѣло и то, что новый законъ о народномъ продовольствіи, необходимость котораго была обнаружена и сознана еще въ 1892-мъ году, состоялся лишь восемь лѣтъ спустя и измѣнилъ только внѣшнія формы продовольственной помощи, не создавъ новыхъ источниковъ ея... Нѣсколько дальше тотъ же публицистъ, болѣе усердный, чѣмъ искусный, называетъ крестьянскіе запасные магазины „комедіей", засыпку въ нихъ хлѣба—„фикціей и переливаніемъ изъ пустого въ порожнее"; онъ признаетъ—и совершенно правильно,—что „общественные магазины засыпаются не отъ избытковъ большинства крестьянъ, а отъ ихъ скудости", и что каждую весну крестьянинъ беретъ изъ магазина хлѣбъ, засыпанный имъ осенью, не переставая, притомъ, разсматривать его какъ свою личную, а не какъ общественную собственность. Во что же обращается, затѣмъ, столько разъ повторявшееся обвиненіе земства въ недостаточной заботливости о крестьянскихъ магазинахъ, въ извращеніи системы, служившей лучшимъ обезпеченіемъ народнаго продовольствія? Не ясно ли, что даже при самомъ точномъ исполненіи требованій, содержавшихся въ прежнемъ продовольственномъ уставѣ, общественные магазины оказались бы ненадежнымъ средствомъ борьбы съ голодомъ? Въ послѣдніе годы властныя понужденія земскихъ начальниковъ почти вездѣ достигли того, на чемъ рѣдко могло настоять безвластное земство: хлѣбные запасы были доведены до установленнаго уровня—но никакихъ замѣтныхъ результатовъ отъ этого не получилось, и продовольственныя кампаніи второй половины девятидесятыхъ годовъ встрѣчались съ затрудненіями отнюдь не меньшими, чѣмъ кампаніи 1891-го и 1892-го гг. Говоря словами „Московскихъ Вѣдомостей", „никакой помощи продовольственному дѣлу общественные магазины нигдѣ не оказали". Фактически, такимъ образомъ, земство оказывается по этому пункту оправданнымъ—и повтореніе, вслѣдъ за-

тѣмъ, стараго припѣва о земской непредусмотрительности и земскомъ бездѣйствіи производить по истинѣ комическое впечатлѣніе.

Мы видѣли уже, что въ кругъ дѣйствій земства, по разъясненію министерства внутреннихъ дѣлъ, продолжаетъ входить устройство общественныхъ работъ. Это не нравится ненавистникамъ земскихъ учрежденій, спѣшащимъ заявить, что „едва ли не практичнѣе поставить и вести общественныя работы при посредствѣ особо приглашенныхъ администраціей попечителей изъ мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые легко могли бы организовать различныя работы въ предѣлахъ своей мѣстности, зная, притомъ, до извѣстной степени потребности населенія и болѣе или менѣе настоятельную нужду того или иного селенія въ продовольствіи". Мотивируется это смѣлое предложеніе исключительно тѣмъ, что у земства, вопреки лежавшей на немъ обязанности, нѣтъ наготовѣ плановъ общественныхъ работъ. Доказано ли, однако, самое существованіе обязанности, въ неисполненіи которой обвиняется земство? Иниціатива общественныхъ работъ, предпринимаемыхъ въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ, принадлежала до сихъ поръ правительству; отъ него исходила, напримѣръ, обширная организація 1891-92 г., во главѣ которой былъ поставленъ генералъ Анненковъ. Земство не располагало и не располагаетъ средствами, необходимыми для дорого стоющаго дѣла; его вниманіе, до закона 1900-го года, поглощалось, притомъ, трудной и сложной работой по назначенію и раздачѣ продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ. Теперь положеніе вещей измѣнилось: земству предстоитъ новая задача—и нѣтъ причины думать, чтобы она, при содѣйствіи правительства, оказалась ему не по силамъ. Именно земству всего легче опредѣлить, какія работы должны быть поставлены на очередь, всего легче и руководить ихъ исполненіемъ. Еще недавно это признавала та самая газета, которая выступила теперь съ цѣлой анти-земской (и, какъ мы увидимъ ниже, анти-общественной) программой. „Составленіе плановъ общественныхъ работъ"—читаемъ мы въ № 190 „Московскихъ Вѣдомостей"—„облегчается въ настоящее время для земскихъ учрежденій тѣмъ, что, благодаря образованію дорожныхъ капиталовъ, во всѣхъ губерніяхъ уже организованъ техническій надзоръ за дорожною частью". Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, въ видахъ цѣлесообразнаго расходованія дорожнаго капитала, земства, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, составили, на много лѣтъ впередъ, списокъ особенно необходимыхъ дорожныхъ сооруженій и въ значительной степени предрѣшили, тѣмъ самымъ, выборъ общественныхъ работъ. Къ сооруженіямъ ближайшей очереди стоитъ только прибавить слѣдующія за ними по порядку—и населеніе будетъ имѣть источникъ заработковъ, а мѣстность обогатится дорогами и мостами, дѣйствительно для нея необхо-

димыми. Само собою разумѣется, что предметомъ общественныхъ работъ могутъ и должны служить не одни дорожныя сооруженія—но не ими одними исчерпывается и компетентность земства: о потребности въ орошеніи или осушеніи и о другихъ аналогичныхъ мѣстныхъ нуждахъ оно можетъ судить во всякомъ случаѣ не хуже, чѣмъ „дворянеземлевладѣльцы", на которыхъ разсчитываетъ прожектеръ реакціонной газеты. Принадлежность къ дворянскому сословію—еще не гарантія подготовленности къ дѣлу, требующему и навыка, и распорядительности, и техническихъ знаній,—и отъ импровизованныхъ „попечителей" трудно было бы ожидать сколько-нибудь удачнаго исполненія сложной задачи. Немногіе изъ нихъ, притомъ, согласились бы работать безвозмездно: вознагражденіе ихъ составило бы добавочный непроизводительный расходъ, ненужный при сосредоточеніи дѣла въ рукахъ земскихъ управъ.

Не зная ни мѣры, ни предѣла въ своемъ преклоненіи передъ властью, реакціонная печать желала бы устранить отъ активнаго участія въ борьбѣ съ невзгодой не только земство, но и общество, не только организованныя группы, но и отдѣльныхъ лицъ. *Все черезъ посредство администраціи*—вотъ девизъ этихъ своеобразныхъ ревнителей народнаго блага. Исходной ихъ точкой служитъ разысканный ими „забытый циркуляръ" — дѣйствительно забытый, такъ какъ о немъ, если мы не ошибаемся, ни разу не было рѣчи въ столь часто повторявшіеся, на нашихъ глазахъ, голодные годы. Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1841-мъ году, было усмотрѣно, что въ нѣкоторыхъ городахъ учреждаются публичные столы для снабженія бѣдныхъ пищею, и составляемые для сего особые комитеты приступаютъ къ дѣйствіямъ своимъ на основаніи правилъ, утверждаемыхъ мѣстными начальствами. „Отдавая всю справедливость побужденіямъ, которыми участники сихъ человѣколюбивыхъ учрежденій вообще руководствуются", министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, однако, что „благотворительность сего рода требуетъ внимательной осмотрительности со стороны правительства и не можетъ быть допускаема безъ уважительныхъ причинъ... Способъ облегченія дневного пропитанія, весьма заманчивый для бѣдныхъ, можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, если, распространяясь безъ нужды, откроетъ убѣжище праздности". Полагая, такимъ образомъ, что „открытіе столовъ для бѣдныхъ можно допускать при особыхъ лишь затрудненіяхъ въ мѣстномъ продовольствіи бѣднаго класса людей", министерство внутреннихъ дѣлъ признавало нужнымъ, „чтобы губернскія начальства не приступали въ подобныхъ случаяхъ къ какимъ-либо окончательнымъ распоряженіямъ безъ предварительнаго сношенія съ министерствомъ, такъ какъ благотворительность народная можетъ обнаруживаться въ томъ же видѣ и въ другихъ еще

мѣстахъ, а направленіе къ пользѣ общественной непосредственно зависитъ отъ мѣстной власти". Соображенія министерства были одобрены императоромъ Николаемъ I-мъ, сообщены циркулярно губернаторамъ и легли въ основаніе ст. 178 уст. обществ. призрѣнія, по которой „въ случаѣ изъявленія обществами или частными людьми желанія учредить публичные столы для снабженія бѣдныхъ пищей начальники губерній обязаны входить въ ближайшее соображеніе дѣйствительной въ томъ надобности съ мѣстными нуждами и положеніемъ края, о заключеніи же своемъ, предварительно всякому распоряженію объ открытіи столовъ, представлять министерству внутреннихъ дѣлъ и ожидать дальнѣйшаго рѣшенія". По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", „ничего болѣе мудраго, чѣмъ вышеприведенный циркуляръ, ничего болѣе соотвѣтствующаго истиннымъ цѣлямъ и задачамъ государства въ дѣлѣ помощи при продовольственныхъ затрудненіяхъ нельзя найти ни въ оффиціальныхъ, ни въ неоффиціальныхъ трудахъ и матеріалахъ по вопросамъ благотворительности — и еслибы онъ не былъ основательно забытъ, мы избѣжали бы многихъ и многихъ ошибокъ въ дѣлѣ оказанія помощи населенію при недородахъ во всю пореформенную эпоху". Какъ легко, съ этой точки зрѣнія, достигнуть высшей мудрости, какъ просто и удобно разрѣшается одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ государственной политики! Стоитъ только установить лишнюю формальность, перенести рѣшающую власть изъ одной инстанціи въ другую, выше стоящую въ административной іерархіи—и все устроено какъ нельзя лучше, интересамъ государства и народа дана надлежащая охрана!... Не такъ, однако, складывается жизнь, какъ ее рисуютъ себѣ фанатики бюрократизма. Въ вопросахъ благотворительности, какъ и во всѣхъ другихъ, важно не то, отъ кого зависитъ сказать: *позволяю* или *не позволяю*, а то, въ какихъ предѣлахъ можно дѣйствовать безъ спеціальнаго позволенія. Когда нельзя сдѣлать шага, не заручившись предварительно согласіемъ оффиціальнаго учрежденія — да еще, въ добавокъ, учрежденія не близкаго къ мѣсту дѣйствія, — болѣе чѣмъ вѣроятно, что шаговъ будетъ сдѣлано немного. Если циркуляръ 1841-го года и основанный на немъ законъ впали въ забвеніе и нѣсколько десятилѣтій сряду оставались мертвой буквой, то этому были весьма серьезныя причины. Измѣнился, прежде всего, характеръ и духъ законодательства, измѣнилось еще больше настроеніе общества. Въ сороковыхъ годахъ, говоря словами поэта, „девизъ былъ общій: не разсуждать—повиноваться". Личному почину не давалось никакого простора; все было связано строжайшей регламентаціей, исходившей сверху и распространявшейся даже на подчиненные органы власти. Частная предпріимчивость казалась своеволіемъ, безпорядкомъ; организованныя группы возбуждали недовѣріе и

были предметомъ „внимательной осмотрительности" со стороны правительства. Публичные столы, существовавшіе до 1841-го года, руководствовались правилами, утвержденными мѣстнымъ начальствомъ,— но эта гарантія была признана недостаточною: столь маленькое, невинное дѣло было поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія центральной администраціи. Настали другія времена: вѣра въ единоспасительность всеобъемлющаго административнаго вмѣшательства, поколебленная горькимъ опытомъ, уступила мѣсто болѣе широкимъ взглядамъ. Населеніе, въ лицѣ земскихъ учрежденій, было призвано къ завѣдыванію своими мѣстными дѣлами; число частныхъ обществъ быстро возрасло, сфера ихъ дѣйствій раздвинулась во всѣ стороны; отдѣльныя лица почувствовали себя менѣе стѣсненными въ своихъ движеніяхъ; печать, сравнительно свободная, стала указывать пути, по которымъ, въ каждую данную минуту, съ наибольшей пользой можетъ быть направлена частная инищіатива. Цѣлый рядъ правилъ, изданныхъ при другой обстановкѣ, потерялъ, вслѣдствіе этого, всякую raison d'être и не исчезъ изъ кодекса только въ силу инерціи, свойственной нѣкоторымъ отдѣламъ нашего законодательства. Особенно много такихъ постановленій можно найти въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій; къ той же категоріи принадлежитъ и законъ, основанный на циркулярѣ 1841-го года. Весьма вѣроятно, что въ свое время онъ положилъ конецъ устройству „публичныхъ столовъ"; установленная имъ процедура была такъ медленна и такъ сложна, что парализовала въ самомъ началѣ развитіе новой (или, лучше сказать, обновленной: кормленіе бѣдныхъ за общими столами практиковалось еще въ древней Руси) формы благотворительности. Въ городахъ столовыя, въ неурожайную годину, появляются вновь, если мы не ошибаемся, только въ 1880-мъ, въ деревняхъ — только въ 1891-мъ году. Кое-гдѣ открытіе ихъ встрѣчало препятствія или затрудненія, но никакихъ *общихъ* ограничительныхъ мѣръ онѣ не вызывали; никому не приходило въ голову, что для утоленія голода стариковъ, женщинъ, дѣтей (таковъ главный контингентъ посѣтителей столовыхъ) необходимо согласіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Столовыя не могутъ существовать тайно; онѣ дѣйствуютъ на виду у всѣхъ и вполнѣ доступны для надзора. Услуги, оказанныя ими, неисчислимы — неисчислимы именно потому, что открытіе столовыхъ происходило, въ большинствѣ случаевъ (особенно въ 1891-92 и 1892-93 гг.), *своевременно*, прежде чѣмъ голодъ достигалъ слишкомъ большихъ размѣровъ. Совсѣмъ иные результаты получились бы при точномъ соблюденіи „забытаго циркуляра"... Замѣтимъ, въ заключеніе, что буквальный смыслъ вышеприведенной статьи, разсматриваемой въ связи съ циркуляромъ, на которомъ она основана, вовсе не такъ ясенъ, какъ думаютъ восторженные ея по-

клонники. Подъ именемъ „публичныхъ столовъ“ можно разумѣть столовыя, открытыя для каждаго желающаго—а въ столовыя того типа, который выработался во время недавнихъ голодовокъ, допускались только наиболѣе нуждающіеся, по заранѣе составленному списку. Публичные столы сороковыхъ годовъ открывались, притомъ, только въ городахъ, гдѣ гораздо труднѣе опредѣлить степень нужды и установить категоріи нуждающихся.

Въ „забытомъ циркулярѣ“ особенно характеристична слѣдующая фраза: „направленіе (благотворительности) къ пользѣ общественной непосредственно зависитъ отъ мѣстной власти“. Эти слова могли бы послужить эпиграфомъ къ позднѣйшимъ статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей“, озаглавленнымъ: „Что дѣлать и чего не дѣлать въ виду настоящаго неурожая“ (№№ 206, 211, 212, 214). „Благотворительность“ — читаемъ мы здѣсь — „должна давать только хлѣбъ насущный... У насъ она зачастую грѣшила неразборчивою раздачей пособій всякому просящему, что было основательною причиной, вызвавшею необходимость правительственнаго контроля дѣйствій лицъ, желавшихъ заняться частною благотворительностью въ деревнѣ путемъ раздачи пособій, собранныхъ изъ доброхотныхъ пожертвованій... До сего времени въ дѣлѣ воспособленія населенію у насъ участвовали одновременно правительство, земство, Красный Крестъ и частныя лица, при чемъ это дѣло не имѣло никакого объединенія и каждый изъ воспособителей дѣйствовалъ порознь—особенно учрежденія благотворительныя, которыя рѣшительно не желали подчиняться въ раздачѣ продовольствія никакимъ соображеніямъ, кромѣ собственнаго вдохновенія, основаннаго на слухахъ, сообщаемыхъ пріятелями и знакомыми. Зачастую встрѣчались случаи, что въ одномъ мѣстѣ населеніе пользовалось продовольственными средствами съ большимъ излишкомъ, а въ другомъ мѣстѣ ихъ недоставало. Необходимо, поэтому, на будущее время полное объединеніе дѣятельности учрежденій и *лицъ* въ дѣлѣ снабженія населенія продовольствіемъ, конечно, въ рукахъ правительственныхъ, откуда исходили бы всѣ распоряженія по распредѣленію дѣятельности всѣхъ *лицъ* и вѣдомствъ, привлеченныхъ къ дѣлу продовольствія, *не исключая частныхъ лицъ*, распредѣляющихъ свои *личныя* или собранныя ими благотворительныя средства... Всѣ свѣдѣнія о недородѣ и нуждѣ сосредоточиваются теперь у губернатора, и только здѣсь можно найти правильную картину положенія губерніи. Отсюда должно истекать и раздѣленіе дѣятельности ссудной, имѣющей значеніе экономическаго воспособленія, и гуманитарной, имѣющей цѣлью примѣненіе милосердія и благотворительности... Пункты примѣненія благотворительности должны быть указываемы центральною властью въ губерніи и уѣздѣ, по указанію которой благотворительныя учре-

жденія приступаютъ къ своей дѣятельности. Всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, коимъ извѣстно бѣдственное положеніе лицъ, имѣющихъ право на благотворительную помощь, предоставляется *доносить* о семъ ближайшей или уѣздной власти, которая распоряжается немедленно *направленіемъ благотворительности* въ ту мѣстность".

Не будетъ преувеличеніемъ, если мы назовемъ эти измышленія геркулесовыми столбами узкаго, черстваго и вмѣстѣ съ тѣмъ неразумнаго формализма. Въ основаніи ихъ лежитъ совершенно невѣрное освѣщеніе недавняго прошлаго. Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ дѣятельностью кружковъ и отдѣльныхъ лицъ, организовавшихъ на мѣстахъ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, помощь голодающимъ, тотъ знаетъ, что именно они меньше всего грѣшили „неразборчивой раздачей пособій всякому желающему". Наоборотъ, нигдѣ дѣло не было поставлено такъ раціонально, нигдѣ различныя формы помощи не соотвѣтствовали въ такой степени истиннымъ нуждамъ населенія. И это вполнѣ понятно: промѣнять удобства зимней городской жизни на суровую обстановку деревенскаго захолустья, проводить цѣлые мѣсяцы лицомъ къ лицу съ нищетой и горемъ, рисковать здоровьемъ среди тифозныхъ и цынготныхъ больныхъ, испытывать всю тяжесть отказовъ, вызванныхъ недостаточностью средствъ, бороться съ недоброжелательствомъ міроѣдовъ, обезоруживать подозрѣнія мѣстныхъ властей—можно было только съ такимъ запасомъ энергіи и самоотверженія, который самъ по себѣ служилъ гарантіей успѣха. Располагая, въ большинствѣ случаевъ, сравнительно скромными суммами, организаторы частной помощи по неволѣ должны были расходовать ихъ съ величайшею осмотрительностью, чтобы дотянуть до конца неурожайнаго періода. Если часть расходуемыхъ средствъ шла отъ посторонних лицъ, то добавочнымъ стимуломъ къ осторожности служило чувство отвѣтственности передъ жертвователями, желаніе оправдать ихъ довѣріе. Увѣренность въ томъ, что помощь будетъ оказана не только умѣло, но и сердечно, увеличивала приливъ пожертвованій; свободное исполненіе добровольно взятой на себя задачи выходило далеко за предѣлы того, что̀ можетъ быть сдѣлано ex officio, въ силу служебнаго долга. И вотъ чему предлагается теперь положить конецъ, во имя какого-то внѣшняго объединенія—именно и только *внѣшняго*, потому что во внутреннемъ единствѣ не было недостатка и тогда, когда борьба съ послѣдствіями неурожая велась совмѣстно правительствомъ и земствомъ, благотворительными учрежденіями и частными лицами. Самое различіе формъ помощи устраняло опасность ихъ столкновенія. Земство, при содѣйствіи правительства, выдавало *ссуды*, и притомъ въ минимальномъ размѣрѣ, безусловно необходимомъ для поддержанія жизни; благотворительныя учрежденія и частныя лица

выдавали *пособія*, и притомъ такъ, чтобы сохранить, по возможности, физическія и экономическія силы населенія, предупредить крайній ихъ упадокъ. Эти задачи не могли идти въ разрѣзъ между собою; каждая изъ нихъ *дополняла* другую. Въ столовыхъ, ясляхъ, пріютахъ, въ мѣстахъ дешевой продажи хлѣба голодающіе находили то, чѣмъ вовсе не задавалась и не могла задаваться оффиціальная „продовольственная кампанія". По словамъ одного изъ недавнихъ правительственныхъ сообщеній [1]), правительственныя мѣропріятія по продовольственной части преслѣдуютъ „сравнительно узкія" цѣли, обнимая собою „предупрежденіе развитія эпидемическихъ заболѣваній и обезпеченіе населенія запасомъ зерна для посѣва"; этимъ, конечно, „не могутъ быть предотвращены всѣ тяжкія послѣдствія неурожая, не только косвенныя (напр. паденіе цѣнъ на рабочія руки, уменьшеніе площади крестьянскихъ арендъ), но и прямыя, т.-е. разореніе наиболѣе слабыхъ крестьянскихъ хозяйствъ". Отсюда правительственное сообщеніе выводитъ „цѣлесообразность привлеченія къ дѣлу продовольственной помощи частной благотворительности со стороны лицъ, способныхъ отнестись съ участіемъ къ нуждамъ пострадавшаго сельскаго населенія". Для газетныхъ проповѣдниковъ бездушной доктрины непонятны даже эти элементарныя истины: смѣшивая, намѣренно или безсознательно, два различные, даже діаметрально противоположные вида помощи, они рѣшаются утверждать, что *благотворительность должна давать только хлѣбъ насущный!* По самому своему существу благотворительность предполагаетъ полную свободу, отсутствіе предписаній, ограниченій, извнѣ навязанныхъ масштабовъ. Исходя изъ доброй воли, она только въ ней можетъ находить свои предѣлы. Регламентація ея становится мыслимой лишь тогда, когда ее организуетъ формально учрежденное общество—но и въ этихъ случаяхъ чѣмъ меньше правилъ и чѣмъ они шире, тѣмъ больше шансовъ успѣха. Обществу Краснаго Креста можно, конечно, предписать безусловное исполненіе указаній губернатора, но едва ли это окажется благопріятнымъ для его дѣятельности. Едва ли уполномоченные отъ попечительства надъ домами трудолюбія, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, могли бы, во время своей поѣздки въ неурожайныя губерніи (1899 г.), положить основаніе столькимъ полезнымъ предпріятіямъ, еслибы имъ приходилось дѣйствовать подъ диктовку мѣстной администраціи... Ненормальнымъ представлялось бы неравномѣрное распредѣленіе оффиціальной помощи—но *благотворительная* помощь не можетъ быть повсемѣстно одинаковой, потому что для этого понадобились бы слиш-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы" за 1901 г., стр. 351.

комъ большія средства, да и лица, готовыя оказать ее, имѣются на лицо не вездѣ и обладають весьма неравными средствами. Обязательное сосредоточеніе всѣхъ видовъ благотворительной помощи въ рукахъ губернатора привело бы, въ лучшемъ случаѣ, къ тому, что каждому нуждающемуся она была бы оказана въ минимальной дозѣ и прошла бы для него совершенно безслѣдно. Неизбѣжно уменьшились бы и общіе ея размѣры; съ потерей возможности опредѣлять направленіе пожертвованія и распоряжаться его употребленіемъ неминуемо исчезъ бы одинъ изъ главныхъ стимуловъ частной благотворительности. Есть, притомъ, формы помощи, ускользающія отъ всякаго наблюденія и контроля; такова, напримѣръ, раздача денегъ изъ рукъ въ руки, въ видѣ милостыни—и къ этому роду благотворительности, наименѣе желательному и наименѣе цѣлесообразному, непремѣнно стали бы обращаться многіе изъ тѣхъ, кому было бы не по душѣ принудительное посредничество администраціи. Чтобы быть послѣдовательными, „Московскія Вѣдомости" должны предложить установленіе уголовной кары какъ для раздающихъ, такъ и для получающихъ деньги на покупку хлѣба, съ отобраніемъ или взысканіемъ полученныхъ денегъ...

Рука объ руку съ административнымъ полновластіемъ всегда идетъ безгласіе общества. Неудивительно, поэтому, что въ составъ реакціоннаго прожекта входитъ обязательное молчаніе печати (конечно, за исключеніемъ „благонамѣренныхъ" ея òргановъ) о положеніи неурожайныхъ мѣстностей. Прямо это требованіе не высказано, но оно вытекаетъ само собою изъ увѣреній, что „вредъ вздорныхъ корреспонденцій неисчислимъ", что „онѣ сѣютъ неудовольствіе противъ правительства, развиваютъ въ населеніи склонность *требовать* вспомоществованія", что „сентиментальничающая пресса распространяетъ тенденціозно-преувеличенные слухи о голодѣ и вводитъ въ заблужденіе мѣстныхъ дѣятелей, благотворительныя учрежденія и все читающее общество". О степени правдивости такихъ увѣреній можно судить по слѣдующей выходкѣ: „откуда большинству корреспондентовъ (пріѣзжающихъ для собиранія свѣдѣній изъ столицъ и большихъ городовъ) знать нормальное положеніе и питаніе деревни, никогда въ ней не живши и изучая ее лишь изъ окна вагона желѣзной дороги? Немудрено, что подобный корреспондентъ, питаясь самъ въ дорогихъ столичныхъ ресторанахъ изысканными яствами, возмущается при видѣ крестьянина, питающагося хлѣбомъ и квасомъ; эта пища представляется городскому жителю ужасною пищей голодающаго". Не говоримъ уже о томъ, что большинство пишущей братіи гораздо лучше знакомо съ кухмистерскими и дешевымъ домашнимъ столомъ, чѣмъ съ дорогими ресторанами; не говоримъ и о томъ, что корреспонден-

ціи о голодѣ гораздо чаще писались и пишутся мѣстными жителями, чѣмъ заѣзжими гостями, а послѣдніе, за рѣдкими исключеніями, изучали и изучаютъ голодающую деревню не изъ окна вагона. Чтобы оцѣнить по достоинству столь же легкомысленную, сколько и злобную болтовню, достаточно припомнить, ссылкою ли на хлѣбъ и квасъ, какъ на единственную пищу крестьянина, мотивировалась въ печати необходимость помощи голодающимъ? Дурное качество и недостаточное количество хлѣба; отсутствіе другихъ суррогатовъ, играющихъ немалую роль въ нормальномъ пищевомъ довольствіи крестьянина (картофель, капуста, свекла и т. п.); скармливаніе скоту соломы съ крыши; разборка на топливо части дворовыхъ построекъ; соединеніе нѣсколькихъ семействъ въ одной избѣ, для сбереженія топлива; распродажа скота, домашней утвари, одежды; болѣзненный, истощенный видъ населенія, какъ предвѣстникъ развитія эпидемій—вотъ тѣ признаки, изъ которыхъ писавшіе о голодѣ выводили его наличность или близость. Въ отдѣльныхъ случаяхъ они могли, конечно, ошибаться, но такихъ случаевъ едва ли было много; въ большинствѣ сообщеній точно указывались мѣстности, о которыхъ идетъ рѣчь, часто назывались даже имена отдѣльныхъ домохозяевъ. Если и были ошибки—что̀ онѣ значатъ въ сравненіи съ громадной пользой, принесенной яркимъ, рельефнымъ освѣщеніемъ печальной дѣйствительности?.. Что печать, слѣдуя, обыкновенно, за земствомъ, била тревогу не напрасно—объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія голодныхъ годовъ; бѣдствіе—даже тогда, когда его долго не признавали въ административныхъ сферахъ (напр. въ 1891, въ 1897 г.),—въ концѣ концовъ всегда оказывалось реальнымъ, слишкомъ реальнымъ. Да и что̀ это за мѣстные дѣятели, что̀ это за благотворительныя учрежденія, которыя могутъ быть введены въ заблужденіе отзывами печати? Какъ тѣмъ, такъ и другимъ ничто не мѣшаетъ убѣдиться въ дѣйствительности сообщенныхъ фактовъ—и лишь послѣ того установить свое отношеніе къ нимъ. Кто способенъ слѣпо повѣрить газетной корреспонденціи, тотъ не съумѣетъ отнестись критически и къ „донесенію" частнаго лица. Не всегда же, притомъ, господствующимъ недостаткомъ мѣстнаго дѣятеля или благотворительнаго учрежденія является излишняя довѣрчивость; возможенъ и избытокъ скептицизма, особенно опасный при отсутствіи гласности. Пока печати не запрещено говорить о голодѣ, она можетъ нѣсколько разъ возвращаться къ одной и той же темѣ и добиться, наконецъ, желаннаго вниманія. Другое дѣло—„донесеніе" частнаго лица; сто̀итъ только положить его подъ сукно—и оно почти всегда пройдетъ безслѣдно, потому что у немногихъ хватитъ энергіи повторить его, въ видѣ жалобы, передъ высшею властью. Печать, въ добавокъ, легко можетъ достигнуть того, что̀ гораздо труднѣе удается частному

лицу: она можетъ вызвать—и много разъ вызывала—приливъ пожертвованій. Было бы настоящимъ несчастьемъ, еслибы ея свобода, въ теченіе предстоящей продовольственной кампаніи, подверглась какимъ-либо экстраординарнымъ ограниченіямъ.

Въ началѣ минувшаго десятилѣтія участіе общества къ народному бѣдствію безспорно выражалось активнѣе и горячѣе, чѣмъ въ послѣдніе неурожайные годы. Констатируя этотъ печальный фактъ, реакціонная газета приписываетъ его все той же злополучной печати, „сенсаціонно-пессимистическимъ“ сообщеніямъ которой, много разъ опровергнутымъ, читатели, наконецъ, перестали вѣрить. Чтобы убѣдиться въ несостоятельности этого предположенія, стоитъ только припомнить, какую роль играли, напримѣръ, „Русскія Вѣдомости“ или „Недѣля“ въ сборѣ пожертвованій для Приволжья—въ 1898-1899 г., для Бессарабіи—въ 1899 - 1900 г., для херсонской губерніи — въ 1900-1901 г. Причину охлажденія—далекаго, впрочемъ, отъ полнаго равнодушія,—слѣдуетъ искать, какъ намъ кажется, отчасти въ быстротѣ, съ которою неурожаи, особенно послѣ 1891 г., слѣдуютъ одинъ за другимъ, отчасти въ стѣсненіяхъ, которыя встрѣчаетъ частная помощь. Привычное зло перестаетъ казаться страшнымъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ его интенсивность скорѣе расла, чѣмъ уменьшалась. Чѣмъ тяжелѣе удары, наносимые неурожаями народному благосостоянію, тѣмъ больше, притомъ, крѣпнетъ мысль о недостаточности палліативныхъ мѣръ, о безсиліи благотворительности. Права на бездѣйствіе отсюда, конечно, выводить нельзя; какъ бы скромны ни были результаты, достигаемые отдѣльными усиліями, складывать руки все-таки не слѣдуетъ,—но вѣдь мы никого и ничего не оправдываемъ, а только объясняемъ. Несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, и то, что степень участія организованныхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ въ оказаніи помощи голодающимъ прямо пропорціональна степени предоставляемаго имъ простора, — а просторъ, въ послѣднее время, часто бываетъ невеликъ. Это показываетъ, напримѣръ, письмо госпожи Журавской, напечатанное въ № 214 „Русскихъ Вѣдомостей“. Херсонскій губернаторъ, разрѣшая ей помогать голодающимъ въ елизаветградскомъ уѣздѣ, поставилъ ей условіемъ „корреспонденцій и воззваній не писать, пожертвованія принимать черезъ комитетъ Краснаго Креста“. Еслибы такой порядокъ былъ принятъ какъ общее правило, частная помощь голодающимъ оказалась бы, въ будущемъ, еще менѣе значительной, чѣмъ она была въ послѣдніе годы.

Когда въ газетахъ появились первыя вѣсти о предположеніяхъ коммиссіи, учрежденной генералъ-адъютантомъ Ванновскимъ для разсмотрѣнія вопроса о преобразованіи средней школы, когда, вслѣдъ затѣмъ, огла-

шенъ былъ результатъ работъ коммиссіи [1]), можно было ожидать, что противъ задуманныхъ нововведеній немедленно ополчатся присяжные защитники осужденной системы, столь долго славословившіе на всѣ лады ея творцовъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ. Ожиданіе это не оправдалось: продолжатели и подражатели Каткова долго хранили молчаніе, ограничиваясь сочувственною перепечаткой партизанскихъ выходокъ „Гражданина“ и далеко не полнымъ воспроизведеніемъ сдержанныхъ возраженій кн. С. Н. Трубецкого. Только въ половинѣ іюля раздались сигнальные выстрѣлы, предназначенные, очевидно, не столько для открытой борьбы, сколько для заявленія, что сторонники отжившихъ порядковъ бодрствуютъ и не теряютъ надежды на побѣду. Едва ли, однако, эта надежда очень велика: въ аргументаціи „Московскихъ Вѣдомостей“ слышится скорѣе растерянность отчаянія, чѣмъ вѣра въ успѣхъ. Газета, прежде всего, притворяется слѣпою и глухою; она говоритъ такъ, какъ будто бы имѣетъ передъ собою только фантазіи и пожеланія „либераловъ“, а не обдуманный планъ, исходящій отъ министерства народнаго просвѣщенія. „Либералы ни на минуту не сомнѣваются въ томъ, что *ихъ* школьные проекты получатъ законодательную санкцію... Мы не раздѣляемъ торжествующаго оптимизма гг. либераловъ, такъ какъ *ихъ* проекты пока еще только писаны вилами на водѣ“. Всѣ эти полемическіе удары направлены, очевидно, не по надлежащему адресу: на очереди стоятъ, какъ извѣстно, вовсе не проекты „либераловъ“. Правда, газета упоминаетъ нѣсколько дальше о „побратавшихся съ либералами консерваторахъ“, но упоминаетъ о нихъ какъ объ отдѣльныхъ *лицахъ*, вовсе не касаясь ихъ служебнаго положенія. „Передъ нами“—восклицаютъ не столько ловкіе, сколько беззастѣнчивые софисты—„передъ нами нѣтъ еще *окончательныхъ* правительственныхъ проектовъ гимназической и университетской реформы, которые дѣйствительно стоили бы *серьезнаго* разбора, всѣ же фельетонные проекты нашихъ ликующихъ либеральныхъ борзописцевъ свидѣтельствуютъ о такомъ грубомъ ихъ невѣжествѣ въ области обсуждаемыхъ ими вопросовъ, что съ ними немыслимъ споръ даже о самыхъ элементарныхъ частяхъ этихъ вопросовъ“. Читая эти слова, можно подумать, что между „окончательнымъ“ правительственнымъ проектомъ и „фельетонными“ разсужденіями нѣтъ средины. А между тѣмъ она несомнѣнно есть: ее представляетъ собою именно работа коммиссіи, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (ограниченіе числа классическихъ гимназій, немедленное измѣненіе учебныхъ плановъ въ низшихъ гимназическихъ классахъ) получившая Высочайшее одобреніе. Чѣмъ же объяснить отказъ „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ обсужденія

[1]) См. Общественную Хронику въ предъидущей книжкѣ „Вѣстника Европы“.

этой работы? Простой ли увёрткой, вызванной желаніемъ какъ можно дольше не сознаваться въ пораженіи, или надеждой на поворотъ, благопріятный для „охранителей"?... Какъ бы то ни было, политику молчанія реакціонная газета выдерживаетъ не вполнѣ: не разбирая по существу самыя предположенія коммиссіи, она старается заподозрить и дискредитировать ихъ общее направленіе. На сцену выступаетъ старая пѣсня о политической благонадежности школьнаго классицизма и объ опасности, которою грозитъ переходъ къ другой педагогической системѣ. Хорошо сознавая, что теперь, послѣ долгаго опыта, этотъ доводъ не можетъ болѣе имѣть той силы, какую ему удалось придать тридцать лѣтъ тому назадъ, враги реформы совершаютъ настоящее salto mortale: они провозглашаютъ „полуклассицизмъ" гр. Толстого *ложнымъ* классицизмомъ, противопоставляя ему *настоящій* катковскій классицизмъ! Но развѣ при жизни Каткова дѣлалось различіе между этими двумя классицизмами? Развѣ не Каткову принадлежала руководящая роль и въ выработкѣ гимназическаго устава 1871-го года, и въ его поддержкѣ, послѣ введенія его въ дѣйствіе? Что̀ это за дальнѣйшіе шаги къ истинному европейскому классицизму, которые „не суждено" было сдѣлать гр. Толстому, и почему недовершеніе начатаго дѣла не мѣшало полнѣйшему, до конца, единодушію между министромъ и его оффиціознымъ совѣтникомъ?.. „Московскія Вѣдомости" ссылаются на лицей Цесаревича Николая, какъ на идеальную катковскую школу; но развѣ учебные планы этого заведенія отличаются существенно отъ толстовскихъ гимназическихъ плановъ? Если въ его устройствѣ и въ его педагогическихъ пріемахъ есть какія-нибудь особенности, то не зависятъ ли онѣ исключительно отъ малочисленности учениковъ и отъ высокой платы за ученье, дающей возможность содержать по одному тутору на каждыхъ пятнадцать пансіонеровъ? Если и допустить, что эти особенности заслуживаютъ подражанія, можно ли упрекать наши школы въ „игнорированіи" лицея, разъ что условія, въ которыя онѣ поставлены, по необходимости совершенно иныя? Не смѣшно ли думать, что школьные порядки, установленные для 100—150 мальчиковъ изъ зажиточныхъ, бо̀льшею частью привилегированныхъ семействъ, примѣнимы къ учебнымъ заведеніямъ, предназначеннымъ для десятковъ тысячъ дѣтей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній? Съ другой стороны, больше ли, сравнительно съ катковскимъ лицеемъ, прикосновенны къ „политикѣ" воспитанники александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія, въ которыхъ никогда не процвѣталъ и теперь не процвѣтаетъ классицизмъ? [1]). Не ясно ли, что результаты, приписываемые послѣднему,

[1]) Въ александровскомъ лицеѣ преподаваніе греческаго языка никогда не было вводимо; въ училищѣ правовѣдѣнія оно было введено въ семидесятыхъ годахъ, но вскорѣ отмѣнено.

зависятъ на самомъ дѣлѣ отъ причинъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго? Еслибы классицизмъ—*настоящій*, катковскій классицизмъ—и былъ тѣмъ универсальнымъ средствомъ, какимъ его провозглашаютъ наши Дулькамары, то гдѣ взять людей, гдѣ взять средства для его введенія? Какъ доказать родителямъ, что реформа, которой они давно и страстно желаютъ, должна заключаться не въ смягченіи, а въ обостреніи ненавистной имъ системы? Самодовольнымъ и близорукимъ доктринерамъ легко утверждать, что на мнѣніе русскаго общества не нужно и не слѣдуетъ обращать вниманіе; но жизнь беретъ свое, и именно въ области воспитанія нельзя не считаться съ широко распространенными взглядами, съ прочно укоренившимися симпатіями и антипатіями. Сохраненіе status quo невозможно—это допускаютъ даже ученики Каткова, отказываясь признать нашъ современный гимназическій строй *настоящимъ* классицизмомъ; а если это такъ, то направленіе реформы предрѣшено само собою... Напрасно московская газета обращается къ чувству страха, утверждая, что походъ противъ классицизма ведется во имя „эгалитарно-демократическаго принципа", что проектируемой учебной реформой подготовляется *реформа государственная*, что мѣшаетъ убѣдиться въ этомъ только „либеральный гипнозъ", вызванный звонкими фразами: теперь уже для всѣхъ ясно, что не отъ тѣхъ или другихъ школьныхъ программъ зависитъ развитіе въ обществѣ тѣхъ или другихъ чувствъ и взглядовъ, что вопросы образованія должны быть разрѣшаемы помимо всякихъ побочныхъ соображеній, что при различныхъ условіяхъ времени и мѣста одно и то же устройство средней (и высшей) школы можетъ привести—и дѣйствительно приводитъ—къ совершенно различнымъ результатамъ. Полвѣка тому назадъ опаснымъ для государства считался—не только въ Россіи, но и въ императорской Франціи—именно классицизмъ, двадцать лѣтъ спустя возведенный у насъ на степень оплота противъ антиправительственныхъ теченій. Возможность такихъ колебаній—лучшее доказательство тому, что система обученія не можетъ и не должна служить средствомъ достиженія политическихъ цѣлей.

Настоящая классическая школа—таковъ второй доводъ реакціонной газеты—это „усовершенствованное орудіе мысли и науки". Россія, по мысли Каткова, „должна была овладѣть этимъ орудіемъ" въ такой же мѣрѣ, какъ и западная Европы, дабы создать себѣ равноправную съ ней научную школу. И какими бы несовершенствами наши полуклассическія школы ни отличались, онѣ все-таки дѣлали свое дѣло, не такъ, правда, быстро, какъ это было желательно, но все-таки, благодаря имъ, Россія постепенно научно перевооружалась и приближалась къ уровню своихъ западныхъ соперницъ. И вотъ, наши либеральные реформаторы вдругъ хотятъ прекратить это мед-

ленное перевооруженіе, не съ тѣмъ, чтобы его ускорить, а съ тѣмъ, чтобы вообще его упразднить и сдѣлать скачокъ на полстолѣтіе назадъ! Ихъ намѣреніе такъ же нелѣпо, какъ было бы нелѣпо намѣреніе какихъ-нибудь военныхъ реформаторовъ вернуть Россію назадъ къ кремневымъ ружьямъ". Бьющее на эффектъ сравненіе невѣрно уже потому, что въ западной Европѣ школьный классицизмъ—или, лучше сказать, ультра-классицизмъ—далеко не всѣми разсматривается теперь какъ послѣднее слово педагогіи. Его вѣковое господство поколеблено и во Франціи, и въ Германіи. Приведемъ этому одинъ примѣръ, какъ нельзя болѣе характеристичный. На происходившемъ, года два тому назадъ, совѣщаніи о реформѣ средней школы вѣнскій профессоръ Гомперцъ, одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ филологовъ, высказался въ томъ смыслѣ, что лучше совсѣмъ отказаться отъ преслѣдованія цѣли, къ которой стремится, но, при нынѣшней своей постановкѣ, не достигаетъ гимназическій классицизмъ; достаточно предоставить желающимъ возможность углубляться въ изученіе античнаго міра и готовиться къ серьезному знакомству съ классиками [2]). Если такъ начинаютъ судить о „гимназическомъ классицизмѣ" на его родинѣ, нѣтъ, очевидно, причины искусственно поддерживать или укрѣплять его господство въ странѣ, гдѣ онъ всегда былъ растеніемъ привознымъ. Сравненіе, приведенное нами выше, грѣшитъ еще тѣмъ, что рѣчь идетъ не о возвращеніи къ старому порядку, а о созданіи новаго. Средняя школа, проектируемая коммиссіею, не будетъ похожа на изувѣченную гимназію временъ Ширинскаго-Шихматова—и во многомъ будетъ отличаться отъ гимназіи уваровской, сослужившей въ свое время великую службу. Подростающимъ поколѣніямъ преобразованная школа вручитъ—надо надѣяться—не „кремневыя ружья", а усовершенствованное орудіе, приспособленное къ требованіямъ времени. „Кремневымъ ружьемъ" въ нашихъ рукахъ оказался бы, пожалуй, именно ультра-классицизмъ, еслибы мы стали держаться за него слишкомъ упорно: западная Европа могла бы съ нимъ покончить—и, удачно замѣнивъ его, оставить насъ далеко позади себя. Что̀ дали намъ, притомъ, тридцать лѣтъ господства толстовской средней школы? Въ чемъ выразилось то „научное перевооруженіе", которому, будто бы, положили начало наши „полуклассическія" гимназіи? Скорѣе ли развивалась русская наука за послѣднюю четверть вѣка? Много ли сдѣлано ею, за это время, именно въ той области, на которой больше всего должно было отразиться преобразованіе средней школы—въ области классической филологіи? Гдѣ основаніе думать, что замѣна „половины" цѣлымъ—т.-е. нѣсколько лишнихъ уроковъ по древнимъ

---

[1]) См. корреспонденцію изъ Вѣны въ № 198 „Русскихъ Вѣдомостей".

языкамъ и лишній годъ пребыванія въ гимназіи—привела бы къ оздоровленію школы, а не къ обостренію школьной болѣзни?.. Нѣтъ, никакимъ софизмамъ не удастся затмить тотъ несомнѣнный фактъ, что система гр. Толстого лежитъ тяжелымъ гнетомъ на русскомъ обществѣ и что устранить этотъ гнетъ можно только коренной реформой средней школы.

Въ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“ есть одна фраза, бросающая неожиданно яркій свѣтъ на затаенный смыслъ русскаго ультра-классицизма. „Либералы“—говоритъ газета—„борются противъ самой идеи классицизма, противорѣчащей ихъ эгалитарно-демократическому принципу, по которому школы должны хвастаться *количествомъ, а не качествомъ своихъ учениковъ*“. Само собою разумѣется, что *такою* „принципа“ у либераловъ вовсе нѣтъ; кто не лишенъ здраваго смысла, тотъ не можетъ не цѣнить *качество* ученья, не можетъ не знать, что самая переполненная школа бываетъ иногда и самою плохою. Это не мѣшаетъ, однако, либераламъ (да и не имъ однимъ) желать возможно большаго увеличенія *количества* учащихся—и вотъ здѣсь-то они и сталкиваются съ псевдо-охранителями, враждебными широкому распространенію образованія, въ особенности высшаго. Нашъ русскій нео-классицизмъ съ самаго начала потворствовалъ этой враждѣ, затрудняя доступъ въ гимназію—или, по меньшей мѣрѣ, окончаніе гимназическаго курса—для дѣтей тѣхъ классовъ, которые принято соединять подъ именемъ „низшаго рода людей“. Чѣмъ меньше оканчивающихъ курсъ въ гимназіи, тѣмъ меньше поступающихъ въ университетъ—тѣмъ лучше, другими словами, исполняется одинъ изъ пунктовъ псевдо-охранительной программы. Проектируемая реформа подрываетъ въ корнѣ этотъ порядокъ вещей: inde ira, отсюда крики негодованія, которыми ее встрѣчаютъ извѣстные органы нашей печати...

Въ какія несимпатичныя формы облекается у насъ иногда преклоненіе передъ сильною властью—объ этомъ можно судить, между прочимъ, по комментаріямъ, которыми реакціонная печать встрѣтила новый законъ о дисциплинарной отвѣтственности арестантовъ. Формы отвѣтственности и способы ея примѣненія поставлены закономъ въ зависимость отъ категоріи, къ которой принадлежитъ арестантъ. По отношенію къ арестанту подслѣдственному начальникъ тюрьмы имѣетъ право принять своею властью лишь самыя мягкія дисциплинарныя мѣры—выговоръ наединѣ и выговоръ въ присутствіи другихъ арестантовъ; всѣ остальныя кары (максимумъ которыхъ—за исключеніемъ, о которомъ будетъ упомянуто ниже,—содержаніе въ темномъ карцерѣ въ продолженіе семи дней, но съ обязательнымъ переводомъ

въ свѣтлый карцеръ и съ разрѣшеніемъ прогулки черезъ три дня на четвертый) могутъ быть налагаемы на подслѣдственныхъ арестантовъ лишь съ согласія прокурорскаго надзора. Для заключенныхъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ установлены болѣе строгія наказанія (арестъ въ свѣтломъ карцерѣ на срокъ до одного мѣсяца; арестъ въ темномъ карцерѣ на такой же срокъ, но съ обязательнымъ переводомъ въ свѣтлый карцеръ черезъ три дня на четвертый; для лицъ, которыя до своего осужденія не были изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, наказаніе розгами до 50 ударовъ), но они могутъ быть назначаемы не иначе какъ по соглашенію съ лицомъ прокурорскаго надзора и тюремнымъ инспекторомъ и съ утвержденія губернатора, а въ Петербургѣ—съ согласія главнаго тюремнаго управленія). По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", наказаніе, при такихъ условіяхъ, всегда явится запоздавшимъ: для того, чтобы соглашеніе состоялось, нужны личные переговоры или письменныя сношенія,—а запоздавшее наказаніе не вполнѣ достигаетъ цѣли. Ergo—нужно расширить единоличную власть начальника тюрьмы. Не слышатся ли здѣсь отголоски старой вѣры въ спасительную силу моментальной расправы—расправы, которая можетъ и не быть справедливой, лишь бы только она имѣла устрашающее значеніе? Эта вѣра, выросшая на крѣпостной почвѣ, долго держалась у насъ и въ войскахъ, и въ школѣ, и въ семьѣ, медленно уступая—и все еще уступивъ не вполнѣ—другимъ, болѣе человѣчнымъ и разумнымъ взглядамъ. Ея адепты до сихъ поръ проводятъ ее вездѣ, гдѣ только можно—и сокрушаются каждый разъ, когда наблюдаютъ ея оскудѣніе. Зрѣлище гуманности, проникающей даже въ тюрьму, для нихъ невыносимо. Они не видятъ или не хотятъ видѣть, что эта гуманность заключена въ довольно узкія границы, что кары, могущія постигнуть арестантовъ, все еще очень и очень чувствительны и что соглашеніе между властями—гарантія хотя и весьма условная, но совершенно необходимая, въ особенности при томъ уровнѣ, на которомъ стоятъ, въ большинствѣ случаевъ, наши тюремныя начальства. Отсрочка наказанія на нѣсколько часовъ, даже на нѣсколько дней—неудобство ничтожное сравнительно съ опасностью, которую представляло бы отсутствіе всякаго промежутка между рѣшимостью прибѣгнуть къ наказанію и приведеніемъ ея въ исполненіе. Въ особенности велика эта опасность была бы въ случаѣ назначенія тѣлеснаго наказанія. Яркой иллюстраціей ея можетъ служить слѣдующій случай, недавно оглашенный въ печати. Начальникъ екатеринодарской областной тюрьмы, ссылаясь на 444-ю и 473-ю статьи Устава о ссыльныхъ, которыя предоставляютъ тюремному начальству, съ утвержденія полицеймейстера, право подвергать наказанію розгами или плетьми ссыльно-поселенцевъ и каторжныхъ за маловаж-

ные поступки, учиненные ими во время тюремнаго заключенія, порѣшилъ, въ виду недѣйствительности мѣръ, принимавшихся къ обузданію лишеннаго всѣхъ правъ состоянія каторжника Г—ко, подвергнуть его тѣлесному наказанію розгами до 75-ти ударовъ и постановленіе это направилъ для утвержденія къ екатеринодарскому полицеймейстеру. Послѣдній съ такимъ постановленіемъ не согласился и съ своей стороны назначилъ Г—ко въ наказаніе заключеніе въ темной комнатѣ въ теченіе трехъ сутокъ. Начальникъ тюрьмы обратился къ начальнику области съ жалобой на полицеймейстера, въ которой доказывалъ, что полицеймейстеръ въ правѣ былъ измѣнить только число назначенныхъ имъ, жалобщикомъ, ударовъ, а не замѣнять самое наказаніе такимъ, наложеніе котораго предоставлено власти начальника тюрьмы и другихъ начальствующихъ лицъ, но не полицеймейстера. На эту жалобу отъ областной администраціи послѣдовалъ отвѣтъ, что такая суровая мѣра, какъ наказаніе розгами, едва ли въ отношеніи Г—ко необходима, что подобнаго рода наказаніе глубоко оскорбительно для человѣческаго достоинства, сознаніе котораго присуще всякому человѣку, въ томъ числѣ и арестанту, что поэтому въ отношеніи Г—ко, если это необходимо, нужно избрать другой родъ наказанія и вообще на будущее время избѣгать примѣненія тѣлесныхъ наказаній, хотя и предусмотрѣнныхъ закономъ, но, безспорно, уже отжившихъ свой вѣкъ... Невелика, очевидно, была въ данномъ случаѣ вина арестанта, если полицеймейстеръ—т.-е. лицо, по самому своему званію едва ли склонное къ чрезмѣрной снисходительности,—призналъ возможнымъ назначить за нее только трехдневное заключеніе въ карцерѣ. А между тѣмъ, начальникъ тюрьмы, предоставленный самому себѣ, не затруднился бы исполнить свое первоначальное намѣреніе и этимъ, быть можетъ, вызвалъ бы въ арестантѣ опасное ожесточеніе. Характерна, дальше, попытка начальника тюрьмы доказать, что полицеймейстеръ въ правѣ измѣнять только мѣру, но не родъ наказанія. Если тюремное начальство *такъ* понимаетъ свою власть, то можно ли сомнѣваться въ необходимости ея ограниченія? Замѣчателенъ, наконецъ, отвѣтъ областной администраціи на жалобу начальника тюрьмы. Когда такіе взгляды на значеніе тѣлесныхъ наказаній высказываются на высокихъ ступеняхъ административной іерархіи, не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, что наступило время для оффиціальной отмѣны дѣйствительно отжившей кары? Разсчитывать на то, что она выйдетъ изъ употребленія сама собою, едва ли возможно, да едва ли и справедливо. Представимъ себѣ, что екатеринодарскій полицеймейстеръ раздѣлялъ бы взгляды начальника тюрьмы или просто не нашелъ бы въ себѣ достаточно энергіи для противодѣйствія ему: тѣлесное наказаніе было бы приведено въ исполненіе, несмотря на

отрицательное отношеніе къ нему областной администраціи... Еще болѣе яркимъ подтвержденіемъ нашей мысли служитъ практика судебно-административныхъ крестьянскихъ учрежденій. Намъ уже не разъ приходилось указывать на крайнее разнообразіе этой практики, въ одномъ уѣздѣ вовсе или почти вовсе не допускающей тѣлеснаго наказанія, въ другомъ,—сосѣднемъ и поставленномъ въ совершенно однородныя условія—допускающей его довольно часто. Съ теченіемъ времени это разнообразіе все болѣе и болѣе бросается въ глаза, потому что увеличивается число уѣздовъ, упраздняющихъ у себя, de facto, унизительный видъ расправы. Вотъ, напримѣръ, свѣдѣнія, сообщаемыя корреспондентомъ „Волгаря“ относительно саратовской губерніи, за 1899 г. Волостные суды постановили здѣсь всего 129 приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи, но, вслѣдствіе замѣны розогъ, по распоряженію земскаго начальника или по рѣшенію уѣзднаго съѣзда, другими карами, исполнено изъ нихъ лишь 38. Въ хвалынскомъ уѣздѣ не былъ исполненъ ни одинъ приговоръ о тѣлесномъ наказаніи; въ уѣздахъ аткарскомъ, балашовскомъ и царицынскомъ „порка“ была допущена только по одному разу. На противоположномъ концѣ лѣстницы стоитъ сердобскій уѣздъ, гдѣ изъ 27 приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи исполнено *семнадцать*. Нормально ли такое положеніе вещей, при которомъ вѣроятность исполненія позорнаго наказанія зависитъ исключительно отъ образа мыслей нѣсколькихъ должностныхъ лицъ? Виноваты ли сердобскіе крестьяне, что среди мѣстныхъ дворянъ крѣпостническія традиціи сохранились въ бо̀льшей силѣ, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ?..

Скончавшійся недавно М. Н. Островскій занималъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій вліятельные посты товарища государственнаго контролера, министра государственныхъ имуществъ и предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта. Еще прежде назначенія на первую должность онъ былъ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Татаринова по преобразованію контрольной системы и контрольныхъ учрежденій. Изъ мѣръ, проведенныхъ имъ въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ, особенно замѣчателенъ лѣсоохранительный законъ 1888-го года. Если онъ мало успѣлъ сдѣлать для земледѣлія, для сельскаго хозяйства, то это объясняется обстоятельствами времени. „Когда въ эпоху *диктатуры сердца*“—говорили мы въ 1893 г., по поводу перехода М. Н. Островскаго въ государственный совѣтъ,—„былъ положенъ конецъ господствовавшему въ 70-хъ годахъ игнорированію крестьянскаго вопроса, заботливость о крестьянскомъ хозяйствѣ проникла во всѣ вѣдомства—и, между прочимъ, въ министерство государственныхъ имуществъ, принимающее,

начиная съ 1881 г. (т.-е. главнымъ образомъ при М. Н. Островскомъ), цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію для крестьянъ арендованія казенныхъ оброчныхъ статей. Возникшее движеніе остановилось на полъ-дорогѣ, потому что интересы, выдвинутые на первый планъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, скоро уступили мѣсто другимъ. Усилилось покровительство фабричной промышленности, далеко не всегда совмѣстное съ попеченіемъ о развитіи и процвѣтаніи земледѣлія. Большое вниманіе оказывалось, правда, и помѣщичьему хозяйству, но больше въ видѣ созданія для него дешеваго кредита и усиленной административно-судебной защиты, чѣмъ въ видѣ такихъ мѣръ, которыя бы служили на пользу земледѣлія вообще". Неурожаи 1891 и 1892 гг. опять поставили на очередь забытый вопросъ; задумано было преобразованіе министерства, но осуществленіе его выпало уже на долю преемника М. Н. Островскаго. О роли, которую играль М. Н. Островскій какъ предсѣдатель департамента законовъ, возможны, пока, только догадки.—Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ М. Н. Островскій, занимавшій уже тогда довольно высокое служебное положеніе, былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ и докладчикомъ ревизіонной коммиссіи литературнаго фонда (общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ). Пишущій эти строки, бывшій въ то время членомъ комитета фонда, хорошо помнитъ, съ какою любовью, съ какимъ усердіемъ М. Н. Островскій исполнялъ скромную обязанность, возлагавшуюся на него довѣріемъ общества. Въ его желаніи активно послужить литературѣ чувствовалась сердечная къ ней близость, столь понятная въ братѣ Александра Николаевича Островскаго.

Почти одновременно съ М. Н. Островскимъ скончался Н. М. Барановъ, бывшій нижегородскій губернаторъ, въ послѣдніе годы жизни засѣдавшій въ первомъ департаментѣ сената. Нѣкоторые изъ его некрологовъ очень похожи на панегирики—и это вполнѣ понятно: онъ принадлежалъ, повидимому, къ числу тѣхъ энергичныхъ натуръ, которыя обаятельно дѣйствуютъ на окружающихъ, въ особенности если послѣдніе больше привыкли чувствовать, чѣмъ разсуждать. Для посторонняго наблюдателя не менѣе ясна другая, оборотная сторона медали. Мы считаемъ себя въ правѣ упомянуть о ней какъ для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, такъ и потому, что мы много разъ ея касались при жизни Н. М. Баранова. Онъ былъ если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ губернаторовъ, прибѣгавшихъ къ экстраординарной административной расправѣ не только при уличныхъ безпорядкахъ, не только при крестьянскихъ волненіяхъ (въ этихъ случаяхъ подобная расправа практиковалась и раньше), но и въ видѣ наказанія за отдѣльные проступки, подлежавшіе судебному

разбору [1]). Распоряженія его по этому предмету были оглашаемы имъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ будто бы для того, чтобы они могли стать прецедентами и въ другихъ губерніяхъ. Онъ открывалъ, на время ярмарки, внѣ-законную „камеру судебно-полицейскихъ разбирательствъ", состоявшую изъ двухъ помощниковъ полицеймейстера и одного члена ярмарочнаго комитета [2]) Когда нижегородская губернія, въ 1891-мъ г., пострадала отъ неурожая, Н. М. Барановъ долго не хотѣлъ признавать серьезность положенія, высказывалъ мысль, что крестьянинъ, въ годину бѣдствія, чувствуетъ себя „льготнѣе" чѣмъ въ обыкновенную пору, говорилъ о необходимости замѣнить ссуды задѣльной платой за общественныя работы, запрещалъ собирать и раздавать пожертвованія помимо организованныхъ съ этою цѣлью въ губерніи учрежденій. Правда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его образъ дѣйствій рѣзко измѣнился къ лучшему, и онъ вступилъ въ памятную до сихъ поръ борьбу съ лукояновскимъ государствомъ въ государствѣ; но мы имѣли случай показать, въ свое время, что въ сущности лукояновцы были только послѣдовательными и упорными продолжателями политики, которую сначала внушалъ, а потомъ осудилъ губернаторъ [3]). Въ нашихъ глазахъ, поэтому, „энергія" Н. М. Баранова— далеко не образецъ для подражанія. Иначе направленная, она принесла бы, быть можетъ, плодотворные результаты; но при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ дѣйствовалъ Н. М. Барановъ, она причинила, думается намъ, больше вреда, чѣмъ пользы. Въ préfets à poigne Россія никогда не знала недостатка; желателенъ у насъ другой типъ администратора, къ которому Н. М. Барановъ даже не приближался.

Наше внутреннее обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда появилось извѣстіе о кончинѣ, 18-го августа, Е. И. В. князя Евгенія Максимиліановича Романовскаго, герцога Лейхтенбергскаго. Покойный, начавъ службу въ гвардейской кавалеріи, отличился какъ въ хивинскомъ походѣ, такъ и во время послѣдней русско-турецкой войны, когда онъ, командуя сводно-драгунскою бригадою второй кавалерійской дивизіи, состоялъ въ передовомъ отрядѣ генерала Гурко. Позже онъ командовалъ 37-ою пѣхотною дивизіею, а затѣмъ находился въ распоряженіи Е. И. В. Главнокомандующаго войсками гвардіи и с.-петербургскаго округа.

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 10 „Вѣстн. Европы" за 1887 г.

[2]) См. Внутр. Обозр. въ № 12 за 1891 г.

[3]) См Внутр. Обозр. въ № 5 за 1892 г.

НАШИ ФИНАНСЫ.

— Краткій обзоръ исполненія государственныхъ росписей, въ связи съ прочими оборотами государственнаго казначейства, за 1881—1899 годы, составленный по отчетамъ государственнаго контроля товарищемъ государственнаго контролера А. Иващенковымъ. Спб., 1901.

I.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ исторіи нашихъ финансовъ представляютъ слѣдующія важныя особенности. Въ это время очень возросли наши государственные доходы и взамѣнъ хроническихъ до того дефицитовъ появились крупные избытки доходовъ надъ расходами. Въ теченіе шести лѣтъ, предшествующихъ этому періоду, обыкновенные государственные доходы (не считая свободныхъ остатковъ заключенныхъ смѣтъ и выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) поднялись съ 654 до 729 милл. р., что соотвѣтствуетъ ежегодному возрастанію въ 13 милл. р.; а съ 1866 по 1899 г. доходы (вмѣстѣ съ выкупными платежами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) съ 770 милл. р. выросли до 1673 милл., и среднее ежегодное ихъ приращеніе опредѣляется уже въ 70 милл. р. Исполненіе росписей по обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ въ теченіе 1881—1886 гг. заключалось съ среднимъ дефицитомъ въ 28 милл. р. въ годъ; исполненіе росписей въ слѣдующія 13 лѣтъ дало избытокъ доходовъ въ 1,5 милліарда рублей, что равносильно образованію свободныхъ остатковъ, въ среднемъ, въ 116 милл. р. въ годъ.

Наблюдая столь важныя явленія въ исполненіи росписей нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, естественнымъ образомъ задаешься слѣдующими вопросами: какими измѣненіями составныхъ частей бюджета было это достигнуто; какія общія экономическія причины обусловили тотъ характеръ нововведеній въ нашей финансовой системѣ, который привелъ къ столь блестящимъ результатамъ, и почему на путь извѣстныхъ преобразованій финансовое вѣдомство выступило лишь въ послѣднія 15 лѣтъ, тогда какъ къ возвышенію государственныхъ доходовъ и устраненію дефицитовъ стремились, конечно, всѣ наши министры финансовъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду,—пользуясь недавно

изданнымъ трудомъ г. Иващенкова объ исполненіи государственныхъ росписей за 1881—1899 гг.,—дать краткій отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ вопросовъ: какими нововведеніями и преобразованіями государственныхъ росписей достигнуто огромное возростаніе государственныхъ доходовъ и образованіе давно неизвѣстныхъ намъ крупныхъ постоянныхъ избытковъ доходовъ надъ расходами.

Увеличеніе государственныхъ доходовъ можетъ быть послѣдствіемъ общаго развитія экономической жизни страны и благосостоянія ея населенія; оно можетъ быть результатомъ удачнаго преобразованія податной системы или усиленнаго дѣйствія податного пресса и, наконецъ, его можетъ произвести обращеніе финансового вѣдомства къ новымъ источникамъ доходовъ, не имѣющихъ налоговаго характера. Обращаясь къ выясненію того, какія изъ указанныхъ причинъ играли важнѣйшую роль въ нашемъ случаѣ, мы должны прежде всего остановиться на слѣдующихъ общихъ итогахъ роста поступленій по главнѣйшимъ категоріямъ доходовъ.

Общее приращеніе государственныхъ доходовъ съ 1886 по 1899 г. составляетъ слишкомъ 900 милл. р.; въ томъ числѣ прямые налоги (вмѣстѣ съ выкупными платежами бывшихъ государственныхъ крестьянъ, замѣнившими взимавшуюся съ нихъ ранѣе оброчную подать) дали увеличеніе поступленію на 44 милл. р., пошлины—на 47 милл. р., косвенные налоги—на 294 милл. р., и источники хозяйственнаго характера (регаліи, имущества, предпріятія)—на 536 милл. р. Такимъ образомъ, почти 60% приращенія за 13 лѣтъ государственныхъ доходовъ обязаны тому источнику послѣднихъ, который не имѣетъ характера налоговъ, а составляется промышленными или хозяйственными предпріатіями; 33% приращенія государственныхъ доходовъ дали косвенные налоги; остальныя двѣ категоріи доходовъ составили вмѣстѣ лишь 10% общаго приращенія поступленій (по нѣкоторымъ, маловажнымъ статьямъ произошло сокращеніе доходовъ). Разсматривая перечисленныя категоріи доходовъ сами по себѣ, внѣ ихъ отношенія къ общему росту послѣднихъ, мы увидимъ, что тогда какъ прямые налоги возросли за описываемое время на 35%, косвенные—на 80% и пошлины—почти вдвое. Доходы хозяйственнаго характера увеличились на 650%; въ 1886 г. они поступили въ казну въ размѣрѣ 82 милл. р., а въ 1899 г.—въ суммѣ 618 милл. р.

Соотвѣтственно указанной неравномѣрности возростанія различныхъ статей государственныхъ доходовъ, составъ послѣднихъ въ 1899 г. значительно отличается отъ состава ихъ въ 1886 г. Косвенные налоги въ началѣ разсматриваемаго періода составляли почти половину (375 милл. р.) общей суммы поступленій, а въ концѣ его—менѣе двухъ пятыхъ (38%); прямые налоги въ 1886 г. давали государствен-

ному казначейству 130 милл. р., или 1/6 его рессурсовъ, а въ 1899 г.—173 милл. р., или 10%; относительное значеніе пошлинъ также нѣсколько уменьшилось и на счетъ всѣхъ этихъ категорій доходовъ выросли доходы хозяйственные: въ 1886 г. они составляли 11% общей суммы государственныхъ доходовъ, а въ 1899 г.—35%.

Приведенныя данныя относительно возростанія различныхъ категорій государственныхъ доходовъ показываютъ, что особенное развитіе въ теченіе разсматриваемаго періода получила хозяйственная дѣятельность фиска, вслѣдствіе чего наши государственные доходы болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ характеръ доходовъ промышленныхъ.

Хозяйственныя предпріятія государства принадлежатъ по преимуществу къ числу предпріятій монопольныхъ, и только при этомъ условіи промышленная дѣятельность можетъ служить прочнымъ основаніемъ государственнаго бюджета. Чеканка монеты, почтовое и телеграфное дѣло издавна составляли привилегію государства; нѣкогда такой же привилегіей была и въ новѣйшее время опять сдѣлалась винная торговля. Къ монополіямъ, въ сущности, принадлежитъ и желѣзнодорожное дѣло, такъ какъ для сооруженія новыхъ путей требуется разрѣшеніе государства, а послѣднее, конечно, руководствуется при этомъ соображеніями о возможномъ вліяніи новыхъ дорогъ на доходность старыхъ. Если вышеуказанныя отрасли государственной промышленной дѣятельности принадлежатъ къ числу монополій, создаваемыхъ искусственно, то сельско-хозяйственныя его предпріятія нельзя не считать монополіями естественнаго характера, особенно если принять во вниманіе тотъ фактъ, что главнымъ источникомъ нашихъ государственныхъ доходовъ разсматриваемаго характера являются лѣса, а цѣнность лѣсныхъ матеріаловъ повышается изъ года въ годъ уже въ силу постепеннаго уничтоженія лѣсовъ, состоящихъ во владѣніи частныхъ лицъ. Перечисленныя отрасли хозяйственной дѣятельности государства принесли въ 1899 г. 590 милл. р.; остальныя же предпріятія, не имѣющія монопольнаго характера (заводы, склады, банковыя операціи и т. п.), дали меньше 30 милл. р., или 4—5% доходовъ данной категоріи. Общая сумма хозяйственныхъ доходовъ съ 1886 г. возросла на 536 милл. р., и это было слѣдствіемъ частью развитія прежнихъ статей промышленной дѣятельности, частью—появленія новыхъ видовъ хозяйственныхъ предпріятій. Новой отраслью промышленной дѣятельности государства является питейная торговля, доставившая въ 1899 г. 110 милл. р. валового дохода. Новшествомъ по справедливости нужно считать и развитіе казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства, такъ какъ въ прежнее время финансовое вѣдомство относилось къ этому хозяйству отрицательно, и въ рукахъ государства находились такія дороги, которыя оно не могло передать въ частныя

руки. Казенныя желѣзныя дороги принесли въ 1899 г. 348 милл. р., въ 1886 г. онѣ дали лишь 13 милл. р., т.-е. доходы государства по этой статьѣ увеличились на 335 милл. р. Такимъ образомъ, двѣ новыя отрасли промышленной дѣятельности подняли государственные доходы на 445 милл. р.; остальные 90 милл. р. приращенія доходовъ хозяйственнаго характера получены благодаря развитію прежнихъ предпріятій. Почтово-телеграфное дѣло принесло въ 1899 г. на 20 милл. р. больше сравнительно съ 1886 г., лѣсоводство—на 35 милл. р., денежные капиталы—на 10 милл. р. болѣе и т. д. Возростаніе этихъ доходовъ было слѣдствіемъ упорядоченія хозяйства (лѣсное дѣло) и общаго развитія экономической жизни страны (почта и телеграфъ). Эти причины до извѣстной степени обусловили и крупное возростаніе доходовъ казны отъ желѣзныхъ дорогъ; но главной причиной этого явленія было приращеніе сѣти казенныхъ рельсовыхъ путей.

Въ 1886 г. хозяйственныя предпріятія давали фиску 11% суммы его поступленій; въ 1899 г. доходы этого рода составляли уже 35% обыкновенныхъ доходовъ государства. Ростъ промышленныхъ доходовъ послѣдняго на этомъ, однако, не остановился: по предварительнымъ свѣдѣніямъ, въ 1900 г. эти доходы почти уравнялись съ поступленіями косвенныхъ налоговъ, и въ будущемъ слѣдуетъ ожидать дальнѣйшаго ихъ возростанія. Правда, одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ этого рода доходовъ—казенная винная торговля—съ распространеніемъ ея на всю территорію имперіи—перестанетъ, вѣроятно, служить источникомъ крупнаго приращенія доходовъ; но министерство финансовъ позаботилось уже о томъ, чтобы найти ей замѣстителя и въ подлежащихъ сферахъ разработывается проектъ введенія табачной монополіи. Два-три года тому назадъ ходили слухи о передачѣ въ казну разработки нефтяныхъ мѣсторожденій, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что послѣ истощенія табачной монополіи, какъ источника возростанія доходовъ государства, возникнетъ вопросъ о монополіи нефтяной.

Очень интересно было бы изслѣдовать вопросъ о томъ, чѣмъ объясняется пристрастіе министерства финансовъ къ доходамъ хозяйственнаго характера. Понятно стремленіе правительствъ конституціонныхъ государствъ,—гдѣ каждый рубль налога можно взять съ населенія лишь съ согласія его представителей,—обезпечить себѣ независимый источникъ доходовъ въ видѣ монополіи того или другого рода. Но наше правительство находится въ иномъ положеніи, и развитіе хозяйственныхъ источниковъ его доходовъ объясняется, конечно, причинами, не имѣющими политическаго характера. Изслѣдованіе этихъ причинъ не составляетъ, однако, задачу настоящей замѣтки, которая имѣетъ цѣлью констатировать факты изъ исторіи фи-

нансовъ, а не дать имъ надлежащее объясненіе. Но и оставаясь въ границахъ отведенной себѣ задачи, мы можемъ до извѣстной степени намѣтить ту сферу явленій, въ которой слѣдуетъ искать объясненія интересующаго насъ вопроса.

II.

Главнѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ въ прежнее время служили прямые и косвенные налоги. Прямые налоги взимались съ лицъ, имуществъ и промышленныхъ предпріятій, и ихъ можно еще классифицировать, какъ уплачиваемые земледѣльческимъ населеніемъ, городскимъ и торгово-промышленнымъ классомъ. Обращаясь къ тому, какъ измѣнилась сумма этихъ налоговъ въ теченіе разсматриваемаго періода, мы увидимъ, что налоги, уплачиваемые городскимъ и торгово-промышленнымъ классами, удвоились и дали приращеніе въ суммѣ на 46 милл. р.; налоги же, взимаемые съ земледѣльческаго населенія, уменьшились, а не увеличились. Эти факты приводятъ къ двумъ заключеніямъ: первое, что и при значительномъ возвышеніи сборовъ съ городскихъ и торгово-промышленныхъ классовъ, имѣвшемъ мѣсто въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ,—когда былъ увеличенъ налогъ на городскую недвижимость, введенъ новый квартирный налогъ и подверглось радикальному преобразованію обложеніе промысловъ и торговли,—эти сборы, въ качествѣ источника возростанія государственныхъ доходовъ, могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе; второе, что платежеспособность земледѣльческихъ классовъ напряжена у насъ до крайности и финансовому вѣдомству приходится не усиливать, а ослаблять прямое ихъ обложеніе. Такимъ образомъ прямые налоги въ общей системѣ нашего бюджета теряютъ свое прежнее значеніе.

Земледѣльческое населеніе составляетъ главную массу потребителей разныхъ продуктовъ; поэтому, ослабленіе его платежеспособности, а слѣдовательно и экономической состоятельности, должно бы подрывать финансовое значеніе и нашихъ косвенныхъ налоговъ. Эти налоги, однако, возросли за описываемое время на 80%; но ближайшее разсмотрѣніе предмета показываетъ, что такой результатъ достигнутъ путемъ крайняго напряженія платежныхъ средствъ населенія, что̀ и выразилось, какъ сказано выше, уменьшеніемъ поступленія прямыхъ налоговъ.

Поступленіе косвенныхъ налоговъ возросло съ 1886 г. на 294 милл. р.; 33 милл. р. этого приращенія дохода относятся на долю двухъ новыхъ налоговъ, нефтяного и спичечнаго, и 52 милл. р.—на долю стараго налога, сахарнаго. Эти три налога взимаются съ та-

кихъ продуктовъ, которые еще только входятъ въ общее потребленіе; поэтому увеличеніе ихъ поступленія обезпечено даже при неизмѣнномъ состояніи налога. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, возростаніе дохода было слѣдствіемъ не только развитія потребленія сахара, спичекъ и керосина, но и возвышенія акциза. Оба эти обстоятельства содѣйствовали возростанію (на 19 милл. р.) поступленія и другого косвеннаго налога—табачнаго; но этотъ налогъ не можетъ уже служить такимъ надежнымъ источникомъ приращенія государственныхъ доходовъ, какъ акцизъ съ сахара или нефтяныхъ маслъ, потому что табакъ составляетъ предметъ давнишняго потребленія русскаго народа и потребленіе это, по разсчету на душу, не ростетъ, а сокращается. Еще съ бо́льшей вѣроятностью это можно сказать о питейномъ доходѣ. Налогъ на вино составлялъ нѣкогда самый важный источникъ государственныхъ доходовъ и въ 60-хъ годахъ ему принадлежала $^1/_3$ часть доходовъ. Съ тѣхъ поръ поступленіе этого налога сильно увеличилось, и въ 1899 г. онъ далъ государственному казначейству 310 милл. р. Возростаніе этого дохода, однако, зависитъ не столько отъ роста потребленія вина, сколько—отъ возвышенія акциза. Питейный доходъ увеличивается даже въ то время, когда потребленіе вина сокращается. Въ началѣ 80-хъ годовъ въ Европейской Россіи потреблялось 28 милл. ведеръ спирта въ годъ и питейный доходъ составлялъ 252 милл. р.; въ концѣ этого десятилѣтія потребленіе вина упало до 25 милл. ведеръ, а питейный доходъ поднялся до 270 м. р.; во второй половинѣ 90-хъ годовъ потребленіе спирта сократилось до 24 милл. ведеръ, а доходъ отъ питей поднялся до 280—290 милл. р. Возростаніе питейнаго дохода—при сокращеніи потребленія спирта—объясняется отчасти развитіемъ потребленія пива и виноградныхъ винъ; но въ значительной степени оно зависитъ отъ возвышенія акциза. За разсматриваемыя 13 лѣтъ питейный доходъ увеличился на 73 милл. р., и больше трети этого возростанія слѣдуетъ приписать возвышенію налога.

Таможенные доходы увеличились съ 1886 г. на 117 милл. р. Возростаніе это объясняется отчасти увеличеніемъ ввоза иностранныхъ товаровъ; въ бо́льшей же мѣрѣ оно обязано возвышенію таможенныхъ пошлинъ. Нѣтъ надобности объяснять, какъ тяжело отражается покровительственная таможенная политика на русскомъ потребителѣ и на русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, которому, такимъ образомъ, совершенно почти отрѣзана была возможность пользоваться хорошими заграничными машинами. Очевидно, поэтому, что разсматриваемый источникъ государственныхъ доходовъ натянутъ почти до крайнихъ предѣловъ. То же самое можно сказать и о питейномъ доходѣ, а эти два косвенныхъ налога обусловили увеличеніе государственныхъ до-

ходовъ на 190 милл. р., тогда какъ поступленіе остальныхъ, болѣе легкихъ, косвенныхъ налоговъ возросло за разсматриваемыя 13 лѣтъ лишь на 104 милл. р.

Итакъ, два главныхъ косвенныхъ налога, доставившихъ государственному казначейству 44% его поступленій въ 1886 г. и 32% въ 1899 г., натянули соотвѣтствующіе налоговые источники до крайнихъ предѣловъ; третій косвенный налогъ—табачный—взимается также съ потребленія, относительно сокращающагося. Прямое обложеніе земли (вмѣстѣ съ выкупными платежами) достигло такихъ предѣловъ, что его не въ состояніи выносить бѣднѣющее сельское населеніе. Остаются три второстепенныхъ косвенныхъ налога (сахарный, нефтяной и спичечный) и прямой, промысловый налогъ, обѣщающіе еще значительное приращеніе поступленій; но эти налоги въ совокупности даютъ государственному казначейству лишь 1/10 его доходовъ, и ихъ даже чрезмѣрное возвышеніе не можетъ значительно увеличить доходы государства. Послѣднее имѣетъ еще дополнительный источникъ доходовъ въ пошлинахъ, взимающихся при всякаго рода сдѣлкахъ; и такъ какъ, съ развитіемъ промышленной жизни, число сдѣлокъ увеличивается, то пошлины долго еще будутъ давать фиску постоянно ростущій доходъ. Но объ этомъ доходѣ мы можемъ сказать то же, что̀ и о двухъ предшествующихъ; а всѣ несовершенно еще натянутые источники государственныхъ доходовъ налоговаго характера въ совокупности не составляютъ и 1/5 части суммы государственныхъ доходовъ. Возвышеніе налоговъ, поэтому, становится все менѣе и менѣе надежнымъ источникомъ увеличенія государственныхъ доходовъ.

Правда, въ теченіе разсматриваемыхъ тридцати лѣтъ, прямые и косвенные налоги вмѣстѣ съ пошлинами дали приращеніе поступленій на 385 милл. р., что̀ соотвѣтствуетъ ежегодному возростанію дохода на 30 милл. р.; но достаточно перечислить фискальныя мѣры этого періода, чтобы убѣдиться въ томъ, какое напряженіе податного пресса потребовалось для достиженія этого результата: не проходило почти года безъ того, чтобы не были повышены существующіе сборы или введены новые.

Въ 1887 г. возвышены: тарифъ бандеролей на табачныя издѣлія, гербовый сборъ (на 35%), цѣна гербовой актовой бумаги (на 25%), акцизъ съ сахара (съ 65 до 85 к. съ пуда), таможенныя пошлины на нѣкоторые товары, цѣна свидѣтельствъ и билетовъ на мелочной, развозный и розничный торги, и введены дополнительный сборъ съ акціонерныхъ обществъ и товариществъ на паяхъ и обложеніе спеціальныхъ текущихъ счетовъ. Въ 1888 г. повышенъ акцизъ съ хлѣбнаго вина на 1/4 к., уменьшенъ размѣръ возвращаемаго акциза за вывозимый за границу спиртъ и сокращенъ размѣръ безакцизнаго въ пользу

винокуренныхъ заводчиковъ перекура; повышена таможенная пошлина на нѣкоторые предметы, установлены акцизы съ зажигательныхъ спичекъ и нефтяныхъ маслъ. Въ 1889 г. повышены таможенныя пошлины на нѣкоторые товары и акцизъ съ сахара (съ 85 к. до 1 р. на пудъ), и введенъ дополнительный раскладочный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, содержимыхъ по свидѣтельствамъ на мелочной торгъ. Въ 1890 г. установлена надбавочная 20%-ная пошлина на большую часть привозимыхъ изъ-за границы товаровъ. Въ 1891 г. введенъ новый таможенный тарифъ. Въ 1892 г. увеличена пошлина на хлопокъ, установленъ дополнительный акцизъ съ рафинада (40 к. на пудъ), удвоенъ акцизъ для всѣхъ спичекъ, кромѣ безопасныхъ; повышенъ акцизъ съ хлѣбнаго вина на ³/₄ к., и съ нефтяныхъ маслъ на 50%. Въ 1893 г. увеличенъ съ 3 до 5% процентный сборъ съ чистой прибыли предпріятій, подлежащихъ этому сбору; введенъ дополнительный двухрублевый сборъ съ пуда табаку высшихъ сортовъ и повышенъ на 50% патентный сборъ съ табачныхъ фабрикъ. Въ 1894 г. акцизъ сахара возвышенъ до 1 р. 75 к. съ пуда (съ отмѣною акциза на рафинадъ), увеличенъ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ и введенъ квартирный налогъ. Въ 1895 г. установленъ 5%-ный сборъ съ доходовъ отъ вкладовъ, вносимыхъ въ банкирскія заведенія и мѣняльныя лавки, и сборъ съ судовъ, приходящихъ въ петербургскій портъ. Въ 1897 г. увеличенъ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. Въ 1899 г. введенъ новый промысловый налогъ.

Въ виду столь энергичныхъ усилій выжать съ плательщика возможно большія суммы и принимая во вниманіе наступившее оживленіе нашей промышленности, облегчивъ имъ, конечно, достиженіе этой цѣли,—мы не можемъ считать указанное выше возростаніе поступленій налоговъ и пошлинъ (на 30 милл. р. въ годъ) особенно благопріятнымъ результатомъ нашей фискальной политики, и не удивляемся тому, что министерство финансовъ стремится увеличить источники государственныхъ доходовъ, не имѣющихъ налоговаго характера. Эти доходы возростаютъ съ быстротой 40 милл. р., тогда какъ налоги и пошлины увеличивали доходы государства на 30 милл. р. въ годъ. Сравнивая ту и другую категорію доходовъ, не слѣдуетъ, однако, забывать, что расходы взиманія хозяйственныхъ доходовъ гораздо выше, нежели расходы взиманія налоговъ, и государство получаетъ отъ нихъ относительно гораздо меньшій чистый остатокъ. Такъ, изъ 110 милл. р. валового дохода 1899 г. отъ продажи питей—76 милл. р. были поглощены операціонными расходами. Несмотря на 350 милл. р., получаемыхъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, государству приходится еще тратить на это дѣло, въ среднемъ, около 13 милл. р. изъ другихъ рес-

сурсовъ, потому что весь доходъ желѣзныхъ дорогъ поглощается эксплоатаціонными расходами, платежами по желѣзнодорожнымъ займамъ и др. Главная выгода государства отъ развитія казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства заключается, поэтому, не въ барышахъ предпріятія, а въ томъ, что, забирая въ свои руки желѣзныя дороги и упорядочивая завѣдываніе ими, казна освобождается отъ приплатъ по гарантіи капиталовъ частныхъ дорогъ, лежавшихъ на ней въ прежнее время въ размѣрѣ 40—50 милл. р. въ годъ. Развитіе казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства не увеличило до сихъ поръ доходовъ государства,—оно лишь уменьшило его расходы.

Итакъ, крупное возростаніе въ теченіе 1886—99 гг. нашихъ государственныхъ доходовъ было слѣдствіемъ крайняго напряженія источниковъ нѣкоторыхъ старыхъ налоговъ, введенія новыхъ налоговъ, преобразованія промысловаго налога и развитія хозяйственной дѣятельности государства. Этому возростанію содѣйствовало и отличавшее прошлое десятилѣтіе оживленіе нашихъ промышленныхъ дѣлъ.

III.

Остановимся теперь немного на фактѣ крупныхъ избытковъ государственныхъ доходовъ надъ расходами.

Государство взимаетъ съ своихъ подданныхъ налоги для того, чтобы покрыть производимые имъ расходы. Составляя роспись доходовъ и расходовъ, финансовое вѣдомство, поэтому, возвышаетъ, если нужно, налоги и принимаетъ другія мѣры увеличенія государственныхъ доходовъ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для покрытія предстоящихъ расходовъ, а проектируя эти послѣдніе, оно сообразуется съ матеріальнымъ положеніемъ и платежеспособностью населенія. Въ нашей финансовой практикѣ послѣднихъ тринадцати лѣтъ установилось иное отношеніе къ дѣлу: роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ изъ года въ годъ исполняется съ крупными превышеніями первыхъ надъ вторыми. До 1888 г. наша смѣта чуть не ежегодно заключалась съ болѣе или менѣе крупнымъ дефицитомъ, а въ годъ, предшествующій поступленію финансовъ въ завѣдываніе покойнаго Вышнеградскаго, дефицитъ составлялъ 60 милл. р. Обыкновенные государственные расходы возросли съ того времени на 630 милл. р. (съ 832 до 1.462 милл. р.). Поэтому для приведенія въ равновѣсіе нашего государственнаго бюджета достаточно было бы, чтобы государственные доходы съ 1886 по 1899 г. поднялись на 690 милл. р. (630 милл. р. для покрытія возросшихъ расходовъ и 60 милл. р. на устраненіе изъ бюджета дефицита). Это могло бы быть достигнуто безъ особеннаго

обремененія плательщика, такъ какъ одни только хозяйственные доходы государства (регаліи, доходы отъ имуществъ и предпріятій) и пошлины возросли за разсматриваемое время на 583 милл. р., а прямые налоги съ промысловъ, торговли и городскихъ поселеній дали приращеніе поступленія на 44 милл. р. Оставалось еще найти средства для покрытія 63 милл. р. приращенія расходовъ и 16 милл. р. сокращенія государственныхъ доходовъ по разнымъ второстепеннымъ статьямъ. Это могло бы быть достигнуто простымъ развитіемъ потребленія населеніемъ предметовъ, обложенныхъ акцизами и пошлинами, при самомъ развѣ незначительномъ возвышеніи послѣднихъ. Но наше финансовое вѣдомство энергично стремилось къ усиленному обложенію главнѣйшихъ предметовъ общаго потребленія; поступленіе косвенныхъ налоговъ возросло поэтому почти на 300 милл. р., и, за покрытіемъ обыкновенныхъ расходовъ, государственное казначейство получило въ 1899 г. около 220 милл. р. чистыхъ остатковъ. Избытки государственныхъ доходовъ надъ расходами образуются у насъ ежегодно, начиная съ 1888 г., и за истекшія съ тѣхъ поръ 12 лѣтъ исполненіе росписи обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ дало государственному казначейству въ суммѣ болѣе 1,5 милліарда чистыхъ остатковъ.

Такіе блестящіе результаты достигнуты были не естественнымъ ростомъ государственныхъ доходовъ, какъ слѣдствіемъ промышленнаго развитія страны, а тѣмъ, что при составленіи смѣты доходовъ слишкомъ мало принималось во вниманіе экономическое положеніе народа. Съ населенія бралось въ данный моментъ по возможности все, что оно могло дать, причемъ неуклонно высказывалось предположеніе, что если экономическое его состояніе и нельзя признать удовлетворительнымъ, то это есть явленіе временное; что пройдетъ немного лѣтъ, и жертвы, приносимыя настоящими поколѣніями на алтарь финансоваго и промышленнаго процвѣтанія государства (въ видѣ повышенныхъ налоговъ вообще, высокихъ таможенныхъ пошлинъ въ частности, и въ видѣ переплаты внутреннимъ фабрикантамъ и заводчикамъ за покупаемые у нихъ товары) окупятся сторицею. Такимъ образомъ, содержаніе смѣты (реальной, а не оффиціальной) нашихъ государственныхъ доходовъ перестало находиться въ зависимости отъ тѣхъ двухъ основаній, которымъ обыкновенно руководствуется при составленіи смѣты финансовое вѣдомство. Мы не ограничивали своихъ предположеній о возвышеніи дохода ни соображеніями о предстоящихъ расходахъ, ни разсчетами о томъ, какъ повліяетъ усиленное обложеніе на матеріальное состояніе народа. Естественнымъ результатомъ такой политики была блестящая внѣшность нашихъ финансовъ, выражаемая крупными избытками доходовъ надъ расходами, при одновременномъ умноженіи

очень тревожныхъ признаковъ относительно матеріальнаго благополучія страны.

Что касается мотивовъ такой финансовой политики, ихъ нужно прежде всего искать, повидимому, въ томъ обстоятельствѣ, что важнѣйшей своей задачей министерство Вышнеградскаго считало возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія, и въ виду этого оно принимало разнообразныя мѣры для накопленія золота въ странѣ. Одной изъ такихъ мѣръ является покупка золота казной за границей; а чтобы совершать такую операцію, нужно имѣть свободные рессурсы, которые предполагалось получать повышеніемъ государственныхъ доходовъ, съ одной стороны, и возможнымъ ограниченіемъ расходовъ государства—съ другой. Вышнеградскій, можно сказать, безжалостно проводилъ такую политику; въ первые четыре года завѣдыванія его министерствомъ финансовъ государственные доходы поднялись на 170 милл. руб., тогда какъ государственные расходы увеличивались едва на 10 милл. руб. въ годъ. Удовлетвореніе ростущихъ государственныхъ потребностей было этимъ стѣснено до крайности, зато исполненіе росписей давало десятки милліоновъ рублей въ годъ чистыхъ остатковъ. Нынѣшнее министерство финансовъ не такъ сдерживаетъ ростъ государственныхъ расходовъ, но и оно придерживается той же политики образованія свободныхъ остатковъ, и въ послѣднее время выставило, какъ извѣстно, особую теорію для обоснованія такого образа дѣйствій. Не будемъ разбирать здѣсь этого ученія о необходимости для Россіи имѣть свободныя суммы въ государственномъ казначействѣ для встрѣчи разнаго рода случайностей, требующихъ экстраординарныхъ расходовъ. Замѣтимъ только, что крупные остатки при исполненіи росписей нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ образуются не путемъ открытаго преслѣдованія министерствомъ финансовъ цѣли полученія такихъ остатковъ. Они появляются какъ бы неожиданно для этого вѣдомства. Происходитъ это потому, что наша роспись составляется съ уменьшеніемъ доходовъ сравнительно съ тѣмъ, чего можно ожидать въ дѣйствительности. Этимъ пріемомъ сдерживается требованіе различныхъ вѣдомствъ (исключая, впрочемъ, вѣдомства финансовъ) увеличенія расходовъ; а къ концу года оказывается, что доходы поступили въ большей суммѣ сравнительно съ предположеніями, и образовался крупный остатокъ. Такъ, за послѣднія 5 лѣтъ росписями предполагалось поступленіе доходовъ въ суммѣ 6.534 милл. руб., расходы исчислены были въ суммѣ 6.448 милл. руб., и превышеніе доходовъ надъ расходами опредѣлялось въ скромной цифрѣ 86 милл. руб. Въ дѣйствительности же доходовъ получено 7.410 милл. руб., расходы были произведены въ размѣрѣ 6.488 милл. руб., и сумма остат-

ковъ достигла 922 милл. руб., т.-е. слишкомъ въ 10 разъ превысила смѣтныя предположенія.

Какъ бы то ни было, а исполненіе росписей нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ даетъ крупные остатки; поэтому, недостатокъ средствъ не можетъ служить препятствіемъ къ удовлетворенію главнѣйшихъ потребностей государства. Онъ и не служилъ до сихъ поръ препятствіемъ этому въ случаяхъ, когда рѣчь шла о требованіяхъ военнаго дѣла, о воспособленіи крупной промышленности или о проектахъ самого министерства финансовъ. Достаточно сказать, что на перевооруженіе арміи и флота изъ полуторамилліарднаго остатка по исполненію смѣтъ за 1887—99 гг. израсходовано 235 милл. руб., а на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ (вызвавшее прежде всего необыкновенное оживленіе нашей крупной промышленности)—500 милл. руб. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ такими потребностями государства, какъ народное образованіе и воспособленіе земледѣлію и мелкимъ промысламъ крестьянъ. Министерства, вѣдающія эти важные предметы, въ финансовомъ отношеніи можно считать совершенно заброшенными; а земства, нѣсколько восполняющія недостатокъ затратъ государства на дѣло низшаго образованія, вмѣсто сочувствія, встрѣчаютъ препятствіе выполненію своихъ предположеній. Новый законъ о предѣльности земскаго обложенія особенно тяжко отразится именно на народномъ образованіи. Тѣмъ необходимѣе, чтобы государство увеличило свои затраты на этотъ предметъ; а наличность свободныхъ суммъ въ государственномъ казначействѣ и образованіе крупныхъ ежегодныхъ остатковъ по выполненію росписей служатъ ручательствомъ того, что недостатокъ средствъ не можетъ служить препятствіемъ удовлетворенію этой важной потребности.

В. В.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1901.

Десятилѣтіе франко-русскаго союза.—Свиданіе монарховъ въ Данцигѣ и французскія манифестаціи.—Противорѣчія и странности въ современной дипломатической практикѣ.—Балканскія дѣла и формула status-quo.—Воинственная русская газета въ Бухарестѣ.—Германія и китайскій вопросъ.—Война въ южной Африкѣ.—Смерть Криспи.

Прошло уже цѣлое десятилѣтіе со времени возникновенія близкой оффиціальной дружбы между Россійской имперіей и французскою республикой. То, что въ началѣ казалось страннымъ и рискованнымъ, представляется теперь вполнѣ привычнымъ и естественнымъ; новая группировка державъ не вызываетъ уже ничьихъ опасеній. Самый характеръ франко-русскаго союза совершенно измѣнился: французы перестали надѣяться на обратное завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи при помощи Россіи, и наши воинственные патріоты все меньше и рѣже говорятъ о неминуемой, будто бы, борьбѣ съ Германіею для осуществленія національныхъ задачъ русской политики. Прежній антагонизмъ между Германіею и ея тройственнымъ союзомъ, съ одной стороны, и Франціею и Россіею — съ другой, значительно смягчился и отчасти уступилъ мѣсто вполнѣ безобиднымъ и довѣрчивымъ отношеніямъ. Берлинская дипломатія пользуется всякимъ случаемъ, чтобы выразить свою готовность сблизиться съ Франціею и дѣйствовать съ нею за-одно въ крупныхъ международныхъ вопросахъ; французы—хотя и не всегда охотно—идутъ на встрѣчу этимъ попыткамъ, какъ можно было видѣть во время недавнихъ событій въ Китаѣ, гдѣ французскія войска сражались рядомъ съ нѣмецкими подъ начальствомъ германскаго фельдмаршала. Опираясь на Россію, Франція избавилась отъ чувства придавленности и безсилія во внѣшнихъ дѣлахъ, отъ постояннаго страха новыхъ столкновеній съ Германіею; она вновь пріобрѣла свободу дѣйствій и возстановила свое самостоятельное положеніе въ Европѣ, причемъ острое чувство непріязни къ нѣмцамъ все болѣе теряло почву. Въ свою очередь и Россія, опираясь на Францію, сознавала себя менѣе связанною съ традиціями тройственнаго союза и могла играть вполнѣ независимую роль въ „европейскомъ концертѣ", не считаясь съ односторонними вліяніями Берлина и Вѣны. Какъ могущественный противовѣсъ политическому преобладанію Германіи и ея „лиги мира", франко-русскій

союзъ достигъ своей цѣли и успѣлъ уже войти въ колею общепризнанной дипломатической рутины. Будучи союзниками Франціи, мы въ то же время поддерживаемъ оффиціальную дружбу съ германскою имперіею; свиданіе двухъ императоровъ въ Данцигѣ служитъ для нѣмцевъ достаточнымъ ручательствомъ того, что послѣдующія празднества въ Дюнкирхенѣ и Реймсѣ ни въ чемъ не нарушатъ интересовъ Германіи. Нѣмецкая печать довольна тѣмъ, что морской смотръ у Данцига произойдетъ раньше соотвѣтственныхъ французскихъ манифестацій, а французы усматриваютъ только необходимую мѣру благоразумія въ этомъ предварительномъ удовлетвореніи нѣмецкаго національнаго самолюбія. Совмѣщеніе русско-германской дружбы съ франко-русскимъ союзомъ наглядно подтверждаетъ такимъ образомъ безусловно-мирныя тенденціи послѣдняго, къ общему удовольствію заинтересованныхъ народовъ.

Личныя свиданія монарховъ и правителей имѣютъ вообще умиротворяющее вліяніе на политику, сглаживая возможныя шероховатости и способствуя устраненію или смягченію существующихъ разногласій; но они не создаютъ и не направляютъ событій, а обыкновенно сами представляютъ симптомъ политическаго затишья. Нѣтъ основанія ждать какихъ-либо перемѣнъ въ современномъ ходѣ международныхъ дѣлъ; между тѣмъ нѣкоторыя перемѣны были бы желательны,—и еслибы руководящіе министры великихъ державъ были менѣе поглощены вопросами текущей практики, они могли бы удѣлить извѣстную долю вниманія по крайней мѣрѣ наиболѣе крупнымъ недочетамъ и странностямъ въ дѣятельности нынѣшней европейской дипломатіи. Многіе важные интересы, охрана которыхъ лежитъ непосредственно на обязанности иностранныхъ кабинетовъ, остаются въ полномъ пренебреженіи, тогда какъ второстепенные частные споры вызываютъ энергическія мѣропріятія, мотивы которыхъ не всегда понятны. Возьмемъ для примѣра недавній фактъ перерыва дипломатическихъ сношеній между Франціею и Турціею изъ-за денежныхъ претензій нѣсколькихъ французскихъ капиталистовъ, учредителей общества доковъ и набережныхъ въ Константинополѣ. Быть можетъ, претензіи были въ данномъ случаѣ основательны; но онѣ имѣютъ частный характеръ, и прежде чѣмъ взять ихъ подъ свою защиту, слѣдовало бы удостовѣрить правильность ихъ при помощи третейскаго суда или какимъ-либо другимъ способомъ. Французскій посолъ въ Константинополѣ, Констанъ, заранѣе призналъ предъявленныя требованія справедливыми во всемъ ихъ объемѣ и сдѣлалъ ихъ предметомъ грознаго ультиматума, послѣ того какъ настойчивые мирные переговоры съ султаномъ не привели къ желанному результату;—онъ положилъ на вѣсы всю силу и авторитетъ великой державы, чтобы побѣдить сопротив-

леніе или недобросовѣстную уклончивость Порты. Не получивъ удовлетворенія въ назначенный срокъ, Констанъ уѣхалъ изъ Константинополя, и этотъ временный разрывъ, вѣроятно, заставитъ турецкое правительство подчиниться французскимъ домогательствамъ. Если возможно было поступить столь круто при поддержкѣ денежныхъ интересовъ частной компаніи, то почему же ни одинъ изъ европейскихъ кабинетовъ не проявлялъ подобной же энергіи для понужденія Порты къ исполненію обязательствъ, возложенныхъ на нее берлинскимъ трактатомъ относительно Македоніи, Старой Сербіи и Арменіи? Повальныя избіенія армянъ, возмутительныя насилія и беззаконія въ балканскихъ земляхъ, оставленныхъ подъ турецкою властью, совершались безнаказанно на глазахъ дипломатіи, которая ограничивалась лишь скромными представленіями и ходатайствами, безъ всякаго оттѣнка угрозы; ни одинъ посланникъ не уѣзжалъ по этому поводу изъ Константинополя и не прекращалъ дружественныхъ отношеній съ Портою,—какъ это сдѣлалъ теперь представитель Франціи во имя нарушенныхъ интересовъ небольшой группы капиталистовъ. Судьба цѣлыхъ народностей, находящихся номинально подъ покровительствомъ Европы, цѣнится какъ будто ниже частныхъ матеріальныхъ правъ и выгодъ отдѣльныхъ лицъ, имѣющихъ свои предпріятія въ предѣлахъ Турціи. Нормально ли такое рѣзкое различіе въ отношеніяхъ дипломатіи къ обязательствамъ частнымъ и международно-политическимъ?

Политика бездѣйствія и пассивнаго выжиданія, усвоенная великими державами относительно христіанскихъ подданныхъ султана, принесетъ еще свои горькіе плоды. Кровавыя неурядицы въ Македоніи и Старой Сербіи стали въ послѣднее время хроническими; мѣстныя турецкія власти организуютъ военно-полицейскія экспедиціи противъ христіанскаго населенія, подъ предлогомъ отысканія тайныхъ складовъ оружія, и подвергаютъ мирныхъ жителей жестокимъ расправамъ только за то, что въ качествѣ сербовъ, болгаръ или грековъ они не могутъ чувствовать себя солидарными съ господствующимъ мусульманствомъ и, слѣдовательно, не могутъ быть вѣрными подданными султана. Совершенное безправіе большинства народа, отданнаго на произволъ вооруженныхъ мусульманскихъ фанатиковъ, создаетъ почву для освободительныхъ плановъ и стремленій, въ которыхъ видную роль играютъ патріоты сосѣднихъ странъ—Болгаріи и Сербіи; это естественное явленіе позволяетъ туркамъ сваливать отвѣтственность за безпорядки на иноземныхъ агитаторовъ, и такое толкованіе легко находитъ вѣру среди дипломатовъ, не расположенныхъ вообще къ славянскимъ народностямъ. Болгарская или иная внѣшняя агитація принимается за источникъ волненій въ злосчастныхъ турецкихъ областяхъ Балканскаго полуострова,—тогда какъ она есть только неизбѣжное послѣд-

ствіе убійственнаго режима, основаннаго на фанатической религіозной враждѣ властвующихъ къ управляемымъ. Агитація не можетъ не возникнуть тамъ, гдѣ люди живутъ въ постоянномъ страхѣ за жизнь свою и своихъ близкихъ, гдѣ никто не огражденъ отъ внезапнаго насилія, прикрываемаго авторитетомъ законной власти, и гдѣ отъ имени этой власти дѣйствуютъ и распоряжаются башибузуки. Явившееся на подобной почвѣ возбужденіе не нуждается въ искусственномъ подогрѣваніи извнѣ. Дипломатическія ссылки на агитацію и на необходимость сохраненія status-quo совершенно извращаютъ дѣйствительное положеніе вещей: существующій въ Турціи „status" издавна осужденъ самою дипломатіею, какъ противорѣчащій элементарнѣйшимъ условіямъ правильнаго государственнаго быта. Австрійская дипломатія, съ наибольшимъ постоянствомъ придерживающаяся принципа status-quo относительно балканскихъ дѣлъ, имѣетъ, собственно, въ виду сохраненіе территоріальныхъ границъ Турціи, отдѣльныя части которой тяготѣютъ къ сосѣднимъ небольшимъ государствамъ; этотъ международный status-quo незамѣтно подмѣнивается, однако, внутреннимъ status'омъ, и охранительный догматъ, путемъ простой игры словъ, распространяется дипломатіею на турецкіе порядки, подлежащіе упраздненію со временъ берлинскаго конгресса. Точка зрѣнія вѣнскаго кабинета раздѣляется почти всею австро-нѣмецкою печатью; тѣ же взгляды преобладаютъ и въ разсужденіяхъ германскихъ газетъ. Когда гдѣ-нибудь въ Македоніи или Старой Сербіи турки врываются въ храмы, грабятъ и избиваютъ жителей, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, и въ странѣ происходитъ по этому случаю агитація, то австрійскіе публицисты, вслѣдъ за дипломатами, отыскиваютъ зачинщиковъ за-границею, указываютъ на иностранные революціонные комитеты и намекаютъ на косвенное или прямое закулисное участіе Россіи въ мятежныхъ движеніяхъ противъ власти султана. Предполагается, что агитація какихъ-нибудь македонцевъ или старосербовъ, недовольныхъ турецкими экзекуціями, можетъ имѣть только одну цѣль—присоединеніе данной мѣстности къ Болгаріи или Сербіи, а такого рода цѣли составляютъ, какъ извѣстно, старинную спеціальность русскаго панславизма. Россія имѣетъ интересъ въ расширеніи территоріи балканскихъ государствъ на счетъ Турціи, и потому она признается отвѣтственною всякій разъ, когда волнуются турецкіе христіане. Шаблонными фразами объ иноземной агитаціи и о важности status-quo замазываются самыя вопіющія безобразія, которыхъ не должны бы терпѣть культурныя націи въ предѣлахъ Европы.

Удивительнѣе всего то, что австрійская теорія принята въ основу соглашенія, заключеннаго вѣнскими дипломатами съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ 1897 году и повидимому не отмѣненнаго

еще понынѣ; говорятъ даже, что руководитель австро-венгерской внѣшней политики, графъ Голуховскій, ссылаясь на это соглашеніе, требовалъ или собирается требовать отъ Россіи объясненій по поводу печальныхъ балканскихъ событій, въ которыхъ участвуютъ, будто бы, русскіе агенты и русскіе рубли. Пора отнестись серьезно къ сложнымъ и труднымъ задачамъ на ближнемъ Востокѣ; никакая погоня за агитаторами не устранитъ причинъ періодическихъ волненій и возстаній, усложняемыхъ еще взаимнымъ соперничествомъ мѣстныхъ племенъ и національностей. Вмѣсто безплодныхъ дипломатическихъ соглашеній, обезпечивающихъ свободу дѣйствій турецкихъ пашей, необходимо позаботиться о мѣрахъ къ обезпеченію спокойнаго существованія народовъ, подвластныхъ туркамъ, и о доставленіи имъ автономіи въ предѣлахъ, установленныхъ берлинскимъ трактатомъ. Въ этой области интересовъ было бы вполнѣ умѣстно и справедливо примѣнить ту настойчивость, какую выказала французская дипломатія въ переговорахъ съ Портою по частному дѣлу общества набережныхъ и доковъ въ Константинополѣ. Сознательная настойчивость въ достиженіи разумной и законной цѣли не только не приводитъ къ опаснымъ столкновеніямъ, но, напротивъ, предупреждаетъ ихъ; она заранѣе уничтожаетъ зародыши будущихъ бѣдствій, которыя современемъ могутъ оказаться неминуемыми при политикѣ пассивнаго бездѣйствія. Эти вопросы заслуживали бы того, чтобы ихъ включили въ кругъ обсужденій при свиданіяхъ правителей и руководящихъ министровъ великихъ державъ; но, къ сожалѣнію, въ подобныхъ случаяхъ принято не затрогивать предметовъ, относительно которыхъ существуютъ еще непримиримыя традиціонныя разногласія и предубѣжденія. Между тѣмъ нельзя отрицать, что балканскій кризисъ все болѣе обостряется и что европейскимъ кабинетамъ придется заняться имъ по неволѣ, рано или поздно.

Впрочемъ, нѣтъ и надобности въ международныхъ совѣщаніяхъ для правильной постановки турецко-балканскаго вопроса; достаточно было бы ввести бо̀льшую ясность въ опредѣленіе желательныхъ практическихъ цѣлей въ этой области, чтобы по крайней мѣрѣ каждое правительство для себя знало въ точности, чего держаться и какъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ. Этой ясности и опредѣленности взглядовъ именно не хватаетъ заурядньмъ дипломатамъ, все искусство которыхъ заключается въ умѣньѣ скрывать отсутствіе мыслей и поддѣлываться подъ готовыя чужія формулы и правила. Стараніе маскировать дѣйствительные интересы вызывается иногда преувеличенною заботою о дружелюбныхъ отношеніяхъ съ иностранцами; но эта преувеличенная забота о чужой дружбѣ, какъ показываетъ опытъ, обыкновенно приводитъ къ результату прямо противоположному, и даетъ

лишь болѣе широкій просторъ недовѣрію и подозрительности. Наша дипломатія, руководимая побужденіями миролюбія, согласилась, напримѣръ, съ австрійскимъ толкованіемъ турецкаго status quo и заключила въ этомъ смыслѣ компромиссъ 1897 года; но этимъ она нисколько не избавилась отъ постоянныхъ обвиненій и заподозриваній со стороны оффиціозной австрійской печати, и Россія по прежнему привлекается къ отвѣту при малѣйшемъ неблагопріятномъ поворотѣ балканскихъ дѣлъ. Безцеремонность этихъ заграничныхъ обвиненій возростаетъ по мѣрѣ того, какъ усиливается дружеское усердіе съ нашей стороны. Замѣтимъ кстати, что ни одна великая держава не стѣсняется имѣть и высказывать свои собственные взгляды по интересующимъ ее вопросамъ, хотя бы эти взгляды и не были согласны съ понятіями и желаніями другихъ кабинетовъ; почему же мы одни должны добровольно играть роль какихъ-то подсудимыхъ, уличаемыхъ въ отступленіи отъ австрійской или британской точки зрѣнія? Зачѣмъ намъ было принимать двусмысленную формулу вѣнскаго кабинета, когда у насъ есть— или должно быть—свое самостоятельное пониманіе событій? Русская дипломатія имѣетъ столь же мало основаній подчиняться австрійскому вліянію, какъ австрійская—русскому, и никто, конечно, не удивился бы нашему притязанію на равноправность съ Австро-Венгріею въ этомъ отношеніи. Но разъ мы подписались подъ австрійскими идеями и требованіями, мы становимся какъ бы въ положеніе отвѣтчиковъ и отдаемъ себя подъ контроль австрійской дипломатіи; оттого, напр., иностранныя газеты считаютъ вполнѣ естественнымъ, что графъ Голуховскій можетъ требовать объясненій отъ нашего правительства по поводу дѣйствій русскихъ агентовъ на Балканскомъ полуостровѣ, а никому не придетъ въ голову допустить, что русскій министръ иностранныхъ дѣлъ обратится къ вѣнскому кабинету съ запросомъ по поводу незаконныхъ австрійскихъ распоряженій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ такое же отвѣтственное положеніе мы ставимъ себя относительно Англіи: мы даемъ ей обѣщанія и беремъ на себя обязательства, безъ всякой съ ея стороны взаимности, а потомъ намъ приходится оправдываться передъ англичанами, точно такъ же какъ и передъ австрійцами,— чего никогда не дѣлаютъ Англія и Австрія относительно Россіи. Мы настолько привыкли къ этому неравенству отношеній, что мы его даже не замѣчаемъ. Это неравенство устанавливается нами самими, и кромѣ невыгодъ и непріятностей оно намъ ничего не приноситъ. При самомъ искреннемъ желаніи угодить иностраннымъ кабинетамъ, даже такимъ, которые съ своей стороны относятся къ намъ съ явнымъ недоброжелательствомъ и недовѣріемъ, наша дипломатія не можетъ уберечься отъ противорѣчій и недомолвокъ, отъ несоотвѣтствія между фактами и словами,—тѣмъ болѣе, что факты не всегда отъ нея зави-

сать; къ этому присоединяется еще разнообразіе мнѣній, высказываемыхъ по иностранной политикѣ въ нашей печати, а при зависимомъ положеніи послѣдней является возможность приписывать тѣ или другія газетныя статьи оффиціальному воздѣйствію. Такимъ образомъ мы всегда оказываемся въ чемъ-то виноватыми передъ Австріею и Англіею, и наша политика получаетъ въ глазахъ иностранцевъ какой-то двусмысленный характеръ. Ничего подобнаго не было бы, еслибы мы открыто признавали за собою такую же свободу политическихъ мнѣній и дѣйствій, какою пользуются другія страны во внѣшнихъ дѣлахъ. Правительство не отвѣчало бы тогда и за разсужденія патріотическихъ газетъ, и не подозрѣвалось бы въ солидарности съ идеями и планами, которымъ оно совершенно чуждо; но за то были бы извѣстны дѣйствительные его взгляды и намѣренія,—какъ извѣстны всѣмъ взгляды и намѣренія кабинетовъ вѣнскаго и лондонскаго. Въ наше время гласность столь же необходима въ иностранной политикѣ, какъ и во внутренней. При отсутствіи или слабости этого существеннаго элемента современной политической жизни, заграничная публика поневолѣ почерпаетъ свѣдѣнія о Россіи изъ разныхъ случайныхъ и мутныхъ источниковъ, къ несомнѣнному ущербу нашей международной репутаціи.

Нѣкоторыя иностранныя газеты, между прочимъ, дѣлаютъ неожиданныя и весьма нелестныя заключенія о нашей политикѣ, на основаніи статей новаго русскаго органа, издаваемаго въ Бухарестѣ подъ названіемъ: „Православный Востокъ". Въ первомъ же нумерѣ этого журнала отъ 8 (21) августа, излагается нѣчто совершенно невозможное не только съ австрійской, но и съ русской точки зрѣнія, и даже просто съ точки зрѣнія здраваго смысла. Одновременно проектируется созданіе балканской федераціи подъ русскимъ протекторатомъ, обузданіе честолюбія Болгаріи, отреченіе ея отъ „схизмы" и возсоединеніе съ греческою церковью. „Православный Востокъ"—говорится въ руководящей редакціонной статьѣ—имѣетъ цѣлью сближеніе балканскихъ народовъ—грековъ, румынъ, сербовъ и болгаръ—съ единовѣрною имъ Россіею, выясненіе ихъ жизненныхъ интересовъ и защиту ихъ отъ чужестранныхъ посягательствъ. Для этого необходимо образованіе балканскаго союза, подъ мощнымъ покровительствомъ Россіи..." „Сближеніе" начинается съ того, что газета смѣло распредѣляетъ австрійскія земли между Румыніею, Сербіею и Черногоріею, отдаетъ разныя балканскія области грекамъ и сербамъ, и дѣлитъ между ними же Македонію, не оставляя ничего для болгаръ. „Мы не покушаемся на права болгаръ,—говорится далѣе,—но напомнимъ имъ, что они захватили (?) по берлинскому и санъ-стефанскому договорамъ... города, составлявшіе принадлежность бывшей сербско-печской патріархіи и

сербскаго царства и населенные сербами, а также части Восточной Румеліи, населенныя эллинами". Газета не хочетъ допустить участіе болгаръ въ дѣлежѣ Македоніи, но все-таки обѣщаетъ быть безпристрастною: „Если болгары докажутъ намъ, что ихъ предки заселили Македонію или въ нее переселились, то мы охотно примемъ во вниманіе ихъ доводы и доказательства. Столбцы нашей газеты для нихъ всегда будутъ открыты. Но пусть знаютъ въ то же время болгары, что исторію и историческіе факты не передѣлаешь и что мы не имѣемъ права ни передѣлывать по-своему исторію, ни извращать историческіе факты, ни тѣмъ болѣе защищать несправедливѣйшій для народовъ Балканскаго полуострова санъ-стефанскій договоръ. Пусть болгары объ этомъ (?) подумаютъ и поразмыслятъ, прекратятъ церковный расколъ, возвратятся въ лоно православной церкви, которая вскормила и взлелѣяла ихъ народность и сохранила ихъ до сегодняшняго дня, не сдѣлавъ ихъ ни папистами, ни протестантами, не лишивъ ихъ языка (!). Тогда—прибавляетъ газета—и греки, и сербы, и румыны станутъ снова по духу братьями болгаръ, забудутъ убійства и преслѣдованія ихъ соотечественниковъ въ Македоніи со стороны агентовъ анархическаго болгарскаго македонскаго комитета и не менѣе преступной болгарской экзархіи. И когда это совершится, то православная Россія довершитъ свободу всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, не покушаясь на ихъ достояніе и права". Злобныя выходки противъ болгаръ должны служить какъ бы предисловіемъ къ ихъ „сближенію" съ Россіею. Главный сотрудникъ и повидимому редакторъ газеты, г. Н. Дурново, въ двухъ статьяхъ усердно повторяетъ разныя обвиненія и ругательства по адресу болгаръ, называетъ Болгарію „страною убійцъ и воровъ", и обрушивается мимоходомъ также на русскую дипломатію и на „русскихъ панславистовъ", которые, будто бы, заправляли нашей политикою въ семидесятыхъ годахъ. Мы не знаемъ, кому нуженъ этотъ полуграмотный ругательный листокъ на двухъ языкахъ—французскомъ и русскомъ—подъ громкимъ названіемъ „Православнаго Востока"; но имя г. Дурново, какъ и направленіе его идей, наводитъ иностранцевъ на мысль о новой русской интригѣ, задуманной, будто бы, не безъ вѣдома и одобренія дипломатіи. Казалось бы, такому предположенію противорѣчитъ не только содержаніе, но и самый тонъ этого листка; однако, нѣтъ такой нелѣпости, которой не повѣрили бы за-границею, когда дѣло касается внѣшней политики Россіи.

Расправа великихъ державъ съ Китаемъ окончилась; фельдмаршалъ Вальдерзе, въ качествѣ побѣдителя, вернулся въ отечество и сдѣлался на нѣкоторое время героемъ дня: возникли даже слухи о

назначеніи его канцлеромъ, вмѣсто графа Бюлова, который значительно повредилъ своей популярности неудачнымъ проектомъ таможеннаго тарифа. Торжественныя встрѣчи и привѣтствія, которыхъ удостоился графъ Вальдерзе, заключали въ себѣ, быть можетъ, много фальшиваго и ходульнаго, чѣмъ и вызывались насмѣшливые отзывы въ значительной части нѣмецкой печати; но, не одержавъ крупныхъ военныхъ побѣдъ, онъ несомнѣнно сыгралъ крупную политическую роль на дальнемъ Востокѣ, гдѣ впервые Германія въ его лицѣ стояла во главѣ великихъ державъ. Внѣшніе наглядные факты краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій: въ умахъ восточныхъ народовъ, на громадномъ материкѣ Азіи, останется впечатлѣніе, что германскій начальникъ командовалъ всѣми иноземными войсками и ихъ генералами, въ томъ числѣ и британскими и французскими,—и впечатлѣніе это неизбѣжно повлечетъ за собою соотвѣтственные выводы. Чутье „міровой политики", отличающее Вильгельма II, подсказало ему, какъ завоевать первенствующее положеніе въ далекихъ краяхъ безъ риска, при невольномъ содѣйствіи главнѣйшихъ соперниковъ и даже противниковъ Германіи. Уже теперь можно видѣть, что наибольшія матеріальныя выгоды отъ расширенія доступа во внутреннія области Китая достанутся на долю нѣмцевъ; германская промышленность и торговля пріобрѣтаютъ новые богатые рынки, и германскій флагъ будетъ все сильнѣе конкуррировать съ британскимъ на моряхъ и океанахъ. Заключительный эпилогъ китайской экспедиціи разыгрывается также въ Германіи: младшій братъ богдыхана, принцъ Чжунъ, прибылъ съ спеціальною миссіею для искупленія вины Китая передъ германскимъ императоромъ, посланникъ котораго, баронъ Кеттелеръ, былъ убитъ въ Пекинѣ. Юный принцъ, котораго нѣмецкія газеты называютъ „принцемъ искупленія" (Sühneprinz), долженъ продѣлать передъ Вильгельмомъ II обрядъ многократныхъ преклоненій, по образцу китайскаго церемоніала, установленнаго для торжественныхъ случаевъ при дворѣ богдыхана; это будетъ для китайцевъ первый примѣръ примѣненія къ иностранному монарху того культа, который до сихъ поръ составлялъ исключительную привилегію „сына Неба". Мысль о такомъ унизительномъ преклоненіи передъ чужимъ монархомъ, говорятъ, до того угнетала принца Чжуна и его свиту, что онъ заболѣлъ во время своей остановки въ Базелѣ или намѣренно замедлилъ свое путешествіе въ Берлинъ подъ предлогомъ болѣзни. Миссія принца Чжуна какъ бы символически выражаетъ преклоненіе Китая предъ Германіею, какъ міровою державою.

Мирная жизнь не скоро еще возстановится на дальнемъ Востокѣ; но внѣшніе слѣды международныхъ экзекуцій мало-по-малу изглаживаются, результаты военныхъ предпріятій ликвидируются, и начнется

новый періодъ замаскированной иностранной опеки надъ Китаемъ. У насъ осталась на рукахъ огромная обуза—Манчжурія, судьба которой составитъ вѣроятно важнѣйшій предметъ дипломатической дѣятельности новаго русскаго посланника въ Пекинѣ, г. П. Лессара. Опытность и энергія этого дипломата, его практическое знаніе и пониманіе азіатскихъ дѣлъ, его близкое знакомство съ враждебною намъ политикою Англіи, гдѣ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ служилъ при русскомъ посольствѣ,—все это повидимому обезпечиваетъ насъ отъ повторенія грубыхъ ошибокъ и недоразумѣній недавняго прошлаго.

Война въ южной Африкѣ все еще продолжаетъ свирѣпствовать, несмотря на неоднократныя оффиціальныя возвѣщенія объ ея окончаніи. Фельдмаршалъ Робертсъ успѣлъ уже давно получить отъ парламента денежную награду въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ (немногимъ менѣе милліона рублей) за блестящія рѣшительныя побѣды надъ боэрами и за присоединеніе территорій обѣихъ республикъ къ британскимъ владѣніямъ, — а боэры упорно воюютъ по прежнему и нерѣдко наносятъ чувствительные удары англичанамъ. Такъ какъ боэры не располагаютъ уже артиллеріею и дѣйствуютъ лишь небольшими разрозненными отрядами, то, по англійскому толкованію, теперь нѣтъ настоящей войны, а происходятъ только отдѣльныя разбойническія нападенія, къ которымъ не обязательно примѣнять обычаи международнаго военнаго права. Чтобы положить конецъ этой безнадежной партизанской борьбѣ, захватывающей отчасти и населеніе Капской колоніи, британское правительство рѣшило обнародовать прокламацію къ бургерамъ съ цѣлью склонить ихъ къ добровольному подчиненію. Идея этой прокламаціи принадлежитъ министерству сосѣдней съ Трансваалемъ колоніи Наталь; она была одобрена Чемберлэномъ, который затѣмъ предписалъ главнокомандующему лорду Китченеру передать текстъ воззванія на разсмотрѣніе правительствъ Капской колоніи и Наталя и, въ случаѣ ихъ согласія, немедленно выпустить прокламацію въ свѣтъ. Само собою разумѣется, что смыслъ этого обращенія къ бургерамъ заключается въ угрозѣ: всѣ участники „вооруженныхъ бандъ", принадлежащіе къ числу гражданъ бывшихъ республикъ, равно какъ и всѣ члены правительствъ этихъ бывшихъ республикъ, должны положить оружіе и покориться до 15 (2) сентября; въ противномъ случаѣ они подвергаются навсегда изгнанію изъ предѣловъ южной Африки, и ихъ имущество, движимое и недвижимое, будетъ употреблено на содержаніе семействъ всѣхъ непокорныхъ бургеровъ.

Нынѣшніе англійскіе министры не признаютъ другихъ мотивовъ человѣческихъ дѣйствій, кромѣ страха и корысти,—хотя въ своихъ соб-

ственныхъ рѣшеніяхъ и поступкахъ они, конечно, руководятся и болѣе высокими побужденіями. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ бургеры бывшихъ южно-африканскихъ республикъ непрерывно доказываютъ на дѣлѣ, что они охотно готовы пожертвовать всѣмъ, что имъ дорого въ жизни, ради сохраненія независимости, — а теперь, когда имъ почти нечего терять, ихъ запугиваютъ потерею имущества и будущимъ изгнаніемъ! Въ политикѣ не принято руководствоваться психологіею, а между тѣмъ послѣдняя даетъ себя знать на каждомъ шагу; такъ и въ настоящемъ случаѣ произошло то, чего слѣдовало ожидать: главные вожди боэровъ поочередно заявили въ отвѣтныхъ прокламаціяхъ, что будутъ бороться до конца. Близорукіе политическіе пріемы Чемберлэна и его коллегъ оцѣниваются, однако, весьма высоко большинствомъ англичанъ, и воинственный министръ колоній остается чуть ли не самымъ вліятельнымъ и популярнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Англіи. Въ этомъ заключается наиболѣе печальный симптомъ для будущаго.

Въ началѣ августа умеръ въ Неаполѣ, на 82-мъ году жизни, Франческо Криспи, послѣдній крупный дѣятель итальянской борьбы за освобожденіе и національное единство. Въ молодости революціонеръ и республиканецъ, затѣмъ эмигрантъ, вѣрный сотрудникъ Маццини, помощникъ Гарибальди въ знаменитой сицилійской экспедиціи „тысячи", приведшей къ изгнанію Бурбоновъ изъ Неаполя, позднѣе министръ Италіи и союзникъ Бисмарка, — Криспи провелъ жизнь, чрезвычайно богатую событіями и приключеніями. Властный по натурѣ, энергическій и предпріимчивый, онъ подчинялъ окружающихъ не столько силою и убѣдительностью своихъ доводовъ, сколько необыкновенно смѣлымъ и увѣреннымъ тономъ своего краснорѣчія. Съ начала шестидесятыхъ годовъ онъ занималъ видное мѣсто въ итальянскомъ парламентѣ, въ рядахъ крайней лѣвой, оставаясь въ то же время адвокатомъ по профессіи и газетнымъ публицистомъ; только въ 1876 году, въ возрастѣ 57-ми лѣтъ, онъ впервые достигъ значительнаго оффиціальнаго положенія, сдѣлавшись президентомъ палаты депутатовъ; годъ спустя, онъ былъ назначенъ министромъ, но вскорѣ долженъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе возбужденнаго противъ него обвиненія въ двоеженствѣ. Несмотря на оправдательный приговоръ суда, Криспи былъ надолго устраненъ отъ власти; лишь черезъ десять лѣтъ, въ августѣ 1887 года, послѣ смерти Депретиса, онъ сталъ главою кабинета. Криспи съ увлеченіемъ проводилъ тогда политику, направленную къ созданію могущества Италіи при помощи вооруженій и внѣшнихъ союзовъ,—не останавливаясь предъ жертвами, непосильными для народа; онъ сблизился съ Бисмаркомъ, мечталъ о территоріальныхъ

пріобрѣтеніяхъ при содѣйствіи Германіи и не скрывалъ своихъ враждебныхъ плановъ относительно Франціи. Колоссальные дефициты въ государственномъ бюджетѣ, возроставшіе при немъ изъ года въ годъ, взволновали наконецъ общественное мнѣніе, и въ концѣ 1890 года министерство Криспи пало. Вторично онъ былъ министромъ-президентомъ съ конца 1893 до начала марта 1896 года, когда затѣянная имъ экспедиція для покоренія Абиссиніи завершилась катастрофою при Адуѣ. Своею фантастическою погонею за внѣшнимъ величіемъ Италіи онъ довелъ страну до полнаго финансоваго разстройства и безсилія; насущные интересы и потребности населенія оставлялись имъ безъ вниманія, и его политическая система, навѣянная успѣхами Бисмарка, послужила источникомъ бѣдствій, съ которыми не скоро еще справится итальянская нація. Смерть его напомнила итальянскому обществу, что Криспи былъ не только неудачнымъ подражателемъ „желѣзнаго канцлера", но и однимъ изъ героевъ великой эпохи національнаго освобожденія и объединенія Италіи, и въ немъ чествовали именно заслуги этого славнаго прошлаго.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1901.

— Великій Князь Николай Михаиловичъ.—Князья Долгорукіе, сподвижники императора Александра I въ первые годы его царствованія. Біографическіе очерки. Съ 12 портретами. Спб. 1901.

Любители и спеціалисты русской исторіи съ удовольствіемъ встрѣтятъ эту книгу, очень любопытную и по тексту, и по художественнымъ приложеніямъ. Первымъ основаніемъ этой книги, какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи, были статьи о князьяхъ Долгорукихъ, написанныя Вел. Кн. Николаемъ Михаиловичемъ для „Біографическаго Словаря", издаваемаго И. Р. Историческимъ Обществомъ; но въ тѣ біографіи не могли войти многія подробности, не отвѣчавшія задачамъ „Словаря", и это побудило автора издать свой трудъ отдѣльно, въ болѣе полномъ видѣ, съ приложеніемъ документовъ, извлеченныхъ изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ, а также съ приложеніемъ снимковъ съ миніатюрныхъ фамильныхъ портретовъ.

Въ предисловіи авторъ говоритъ о значеніи біографіи для цѣлой системы историческаго изложенія: „Каждая историческая эпоха выдвигаетъ историческихъ дѣятелей, личность которыхъ, ихъ жизненная обстановка и міросозерцаніе налагаютъ отпечатокъ на событія эпохи, даютъ имъ краски, тонъ, живо чувствуемые, хотя и не поддающіеся иногда точному опредѣленію. Біографическія подробности объ историческихъ дѣятеляхъ даютъ поэтому ключъ къ уразумѣнію истиннаго характера и хода событій, и въ этомъ случаѣ біографія приходитъ на помощь трудамъ обще-историческаго содержанія, имѣющимъ предметомъ не лица, а эпоху. Для русской исторіи XVIII и начала XIX вѣка біографическія данныя объ историческихъ дѣятеляхъ имѣютъ въ особенности важное значеніе, такъ какъ руководящая роль въ правительствѣ принадлежала въ это время массѣ избранниковъ и случайныхъ людей, свѣдѣній о которыхъ сохранилось сравнительно очень мало: блеснувъ яркимъ метеоромъ среди своихъ современниковъ, они

обыкновенно исчезали въ ихъ памяти съ тою же быстротой, съ какой совершалось ихъ возвышеніе".

Не всѣ, конечно, изъ случайныхъ людей были такъ мало извѣстны и такъ забывались,—вспомнимъ, напр., Потемкина или Аракчеева,—но вообще, и въ данномъ случаѣ, замѣчаніе совершенно справедливо и біографія несомнѣнно остается въ высшей степени важнымъ объясненіемъ исторіи. Въ настоящей книгѣ разсказано четыре біографіи: князя Петра Петровича Долгорукаго, дѣятеля Екатерининскихъ временъ (1744—1815), и трехъ его сыновей: Владиміра, Петра и Михаила. Наиболѣе подробно разсказана біографія князя Петра Петровича-сына, любимца императора Александра I; т.-е. объ немъ сохранилось больше свѣдѣній. Другія біографіи представляютъ почти только свѣдѣнія формулярнаго списка; но формулярные списки прошлаго времени бываютъ иногда чрезвычайно характерны. Напримѣръ, князь Владиміръ Петровичъ „почти съ колыбели" былъ записанъ въ гвардію: сержантомъ въ 1781 году, младшимъ адъютантомъ въ штабъ генералъ-поручика Нащокина въ 1783 г., флигель-адъютантомъ „съ заслугою за подпоручичій и поручичій чины по одному году" въ 1784 г., декабря 9-го, и наконецъ генералъ- (д. б.: генеральсъ-) адъютантомъ въ 1789 г. іюля 28-го, когда онъ былъ назначенъ въ штабъ генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. Далѣе, „ноября 4-го 1789 года князь былъ произведенъ въ подполковники въ Александрійскій легкоконный полкъ, а изъ онаго въ 1790 году переведенъ въ Смоленскіе драгуны. Съ этимъ полкомъ онъ участвовалъ въ походѣ противъ турокъ, въ числѣ войскъ князя Потемкина. Въ 1794 году онъ сражался подъ знаменами Суворова въ Польшѣ. Въ слѣдующемъ 1795 году князь Долгорукій произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Павлоградскаго легкоконнаго полка, а въ 1796 году участвовалъ въ персидскомъ походѣ въ корпусѣ графа Валеріана Зубова". Такимъ образомъ одиннадцати лѣтъ онъ имѣлъ уже по службѣ „заслугу", шестнадцати лѣтъ былъ подполковникомъ, а двадцати одного года „сражался подъ знаменами Суворова" и Суворовъ могъ „всегда съ похвалами отзываться о военныхъ дарованіяхъ князя". Князь Петръ Петровичъ-сынъ „почти со дня своего рожденія былъ зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка"; пятнадцати лѣтъ произведенъ въ капитаны, а двадцати лѣтъ былъ уже полковникомъ. Это было уже при императорѣ Павлѣ: князь числился въ гарнизонномъ полку и, тяготясь этой службой, искалъ болѣе живой дѣятельности и при тогдашнихъ суровыхъ обычаяхъ не побоялся обратиться съ просьбой къ самому императору Павлу: первая просьба была оставлена безъ отвѣта, вторая возвращена „съ наддраніемъ", но третью князь все-таки послалъ къ наслѣднику престола Александру Павловичу, и въ 1798 году князь

(двадцати одного года) былъ назначенъ комендантомъ города Смоленска въ чинѣ генералъ-маіора. При императорѣ Александрѣ онъ быстро возвысился, пріобрѣлъ значеніе въ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ, считался при императорѣ Александрѣ ревностнымъ представителемъ русской политики, но и рано умеръ.

Князь Михаилъ Петровичъ (род. 1780) четырехъ лѣтъ былъ уже зачисленъ въ Преображенскій полкъ, откуда въ 1795 (т.-е. пятнадцати лѣтъ) былъ выпущенъ ротмистромъ въ Павлоградскій конный полкъ, а въ слѣдующемъ году, т.-е. шестнадцати лѣтъ, участвовалъ въ кавказскомъ походѣ гр. Валеріана Зубова; двадцати лѣтъ онъ былъ полковникомъ; затѣмъ шла дѣятельная дипломатическая военная служба, опять кончившаяся очень рано: въ 1808 году онъ былъ убитъ въ сраженіи со шведами въ Финляндіи.

Такія быстрыя карьеры покажутся въ наше время странными; но онѣ бывали нерѣдки въ восемнадцатомъ столѣтіи и находятъ свое объясненіе прежде всего, конечно, въ сильномъ вліятельномъ положеніи фамилій, но также, въ очень значительной степени, въ несомнѣнныхъ личныхъ дарованіяхъ и въ томъ болѣе широкомъ образованіи, какое можно было пріобрѣсти при условіяхъ своего положенія. Таковъ былъ, напримѣръ, князь Петръ Петровичъ-сынъ, выдающимся дарованіямъ котораго отдавали справедливость и его враги; таковъ былъ братъ его Михаилъ, который „поражалъ всѣхъ своимъ разностороннимъ образованіемъ, знаніемъ многихъ языковъ и тѣмъ живымъ интересомъ, съ которымъ онъ относился ко всему для него новому". Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ.

Въ противоположность нынѣшнему времени, въ восемнадцатомъ вѣкѣ и еще въ девятнадцатомъ, молодые люди вообще очень рано вступали въ жизнь: сидѣли гораздо меньше въ школахъ, но зато раньше знакомились съ жизнью, которая давала свой опытъ; и такъ бывало не только въ аристократическомъ кругу, который, какъ въ настоящемъ случаѣ, рано открывалъ карьеру, но и у людей средняго круга, и трудно сказать, было ли это хуже, чѣмъ теперь; по крайней мѣрѣ меньше отнимала времени служебная рутина, въ большомъ количествѣ несомнѣнно безплодная, или дурная школа.

Бо̀льшую долю книги занимаютъ приложенія изъ новыхъ документовъ, заимствованныхъ изъ государственныхъ и частныхъ архивовъ; документы очень интересны, особенно для дипломатической исторіи.

Наконецъ, очень любопытную сторону книги представляютъ приложенные къ біографіямъ двѣнадцать портретовъ, начиная съ главы семьи, характернаго генерала Екатерининскихъ временъ, и продолжая молодымъ поколѣніемъ князей Долгорукихъ. Портреты взяты частью изъ коллекціи миніатюръ, принадлежащихъ Вел. Кн. Николаю Михаиловичу,

частью принадлежатъ кн. П. В. Долгорукому. Снимки прекрасно исполнены въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и самые портреты, какъ намъ кажется, отличаются большимъ художественнымъ достоинствомъ.

Отмѣтимъ, наконецъ, встрѣтившіяся опечатки въ текстахъ документовъ, мѣняющія смыслъ: на стр. 31, convention *contre* la France et la Prusse, вѣроятно *entre*; стр. 35: perdre sa *partie*,—можетъ быть, *patrie*?

— **Сборникъ Кирши Данилова. Изданіе Императорской Публичной Библіотеки по рукописи, пожертвованной въ Библіотеку княземъ М. Р. Долгоруковымъ.—Подъ редакціею П. Н. Шеффера.—Съ фототипическимъ снимкомъ. Спб. 1901.**

Изданіе Имп. Публ. Библіотеки, редактированное г. Шефферомъ, встрѣчено будетъ съ величайшимъ интересомъ любителями народно-поэтической старины. Этотъ первый обширный сборникъ русской эпической поэзіи изданъ былъ въ первый разъ въ 1804 году Якубовичемъ (не сполна), затѣмъ, нѣсколько позднѣе, онъ явился въ изданіи извѣстнаго археографа Калайдовича въ 1818. Въ тѣ времена, когда господствовали литературныя понятія классицизма, потомъ романтизма, значеніе народной поэзіи еще не было достаточно ясно для эстетиковъ и историковъ литературы; но затѣмъ, когда къ намъ достигли новые взгляды, выработанные въ европейской, особливо нѣмецкой наукѣ, сборникъ Кирши Данилова оцѣненъ былъ впервые такъ, какъ онъ того въ дѣйствительности заслуживалъ: его стали изучать, какъ драгоцѣнный остатокъ старины, какъ настоящій кладъ народной поэзіи. Но самая рукопись, въ которой заключался этотъ кладъ и которую хотѣли бы теперь изучить во всѣхъ подробностяхъ, въ это время исчезла изъ виду и ее считали потерянной. Только въ послѣднее время прошли сначала неясные слухи, потомъ совершенно достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что рукопись, къ счастью, сохранилась.

„Въ 1894 году въ библіотекѣ князя Михаила Ростиславовича Долгорукова, въ его имѣніи Огаревкѣ (богородицкаго уѣзда, тульской губерніи) былъ найденъ завѣдывавшимъ тогда земскими школами богородицкаго уѣзда Н. В. Чеховымъ считавшійся долгое время утраченнымъ рукописный оригиналъ „Древнихъ Россійскихъ Стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ". Въ 1896 г. была напечатана въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ" замѣтка П. Н. Шеффера объ этой рукописи, и Императорская Публичная Библіотека, при его посредствѣ, обратилась къ князю М. Р. Долгорукову съ просьбой уступить ей найденную рукопись. Въ отвѣтъ на это, князь Долгоруковъ, въ письмѣ на имя покойнаго директора Библіотеки А. Ѳ. Бычкова, высказалъ желаніе пожертвовать

рукопись въ Библіотеку, если она согласится въ возможно скоромъ времени напечатать полное изданіе рукописи и пустить его въ продажу по доступной цѣнѣ".

Публичная Библіотека приняла эти условія; рукопись была выслана въ Библіотеку и въ особомъ совѣщаніи спеціалистовъ, еще при А. Ѳ. Бычковѣ, были выработаны пріемы изданія. „Имѣя въ виду научный характеръ изданія и уступая желанію спеціалистовъ, А. Ѳ. Бычковъ рѣшилъ не замѣнять точками наивно-грубыхъ мѣстами выраженій оригинала; но такъ какъ двѣ пѣсни оказалось все-таки невозможнымъ напечатать цѣликомъ, страницы 23 и 183—187 напечатаны въ двухъ видахъ: съ бо́льшимъ количествомъ пропусковъ—для общедоступныхъ экземпляровъ и съ ме́ньшимъ—для ста нумерованныхъ экземпляровъ, которые не поступятъ въ продажу".

Редакція изданія поручена была г. Шефферу, и онъ отнесся къ дѣлу съ величайшимъ вниманіемъ, какого и требовало изданіе столь важнаго памятника. Въ обширномъ предисловіи онъ пересмотрѣлъ разные вопросы, соединенные съ памятникомъ. Во-первыхъ, онъ излагаетъ исторію самой рукописи и доказываетъ, что рукопись, принадлежавшая князю Долгорукому, есть именно оригиналъ изданія Калайдовича. Далѣе, г. Шефферъ указываетъ, что̀ новаго представляетъ рукопись (и ея настоящее изданіе) сравнительно съ прежнимъ изданіемъ Калайдовича. Напримѣръ, оказывается, что Калайдовичъ при всей внимательности, съ какою онъ вообще издавалъ памятники, въ данномъ случаѣ „безъ оговорокъ сгладилъ и діалектическія черты, рѣзко выступающія на общемъ фонѣ орѳографіи сборника, и вообще довольно много особенностей народнаго языка",—между тѣмъ эти діалектическія черты не лишены значенія, какъ вообще для изученія народнаго языка, такъ и для опредѣленія настоящей рукописи. Далѣе, въ изданіи Калайдовича неправильно переданы ноты. „Переписчики дошедшей до насъ рукописи, очевидно, не были знакомы съ нотнымъ письмомъ, копировали нотныя строки оригинала механически, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно разобрать, на линейкѣ или между линейками стоитъ та или другая нота. Ширевичъ (исправлявшій ноты въ изданіи Калайдовича) разрѣшалъ всѣ сомнительные случаи безъ всякихъ оговорокъ, а иногда прямо измѣнялъ запись мелодіи". Въ настоящемъ изданіи ноты переданы прямо въ факсимиле.

Исторія самой рукописи остается нѣсколько неясной и до сихъ поръ. Въ современныхъ и позднѣйшихъ свѣдѣніяхъ есть не мало разнорѣчій. Сопоставляя всѣ эти данныя, г. Шефферъ считаетъ возможнымъ сказать съ увѣренностью лишь слѣдующее: „сборникъ, о которомъ идетъ рѣчь и который есть нѣкоторое основаніе называть сборникомъ Кирши Данилова, заключаетъ въ себѣ записанные въ

XVIII-мъ вѣкѣ сибирскіе (по всей вѣроятности, западно-сибирскіе) тексты былинъ и пѣсенъ. Дошедшій до насъ списокъ относится къ 80-тымъ годамъ XVIII-го вѣка и представляетъ копію, восходящую къ списку, часть котораго несомнѣнно существовала въ 1768-мъ году; но заключалъ ли въ себѣ этотъ оригиналъ дошедшаго до насъ списка тексты, непосредственно записанные по порученію Демидова, или это была копія, сдѣланная для Демидова съ болѣе стараго оригинала и когда именно, въ послѣднемъ случаѣ, записаны тексты, вошедшіе въ этотъ оригиналъ,—мы не знаемъ, хотя несомнѣнно, впрочемъ, что въ цѣломъ видѣ онъ не могъ быть составленъ раньше 1721 года".

Настоящее изданіе, поставившее себѣ цѣлью точное воспроизведеніе рукописи, представляло не мало трудностей. „Въ рукописи довольно много поправокъ, и, приступая къ печатанію текста, необходимо было рѣшить: воспроизводить ли въ изданіи текстъ рукописи въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ, безъ поправокъ, сдѣланныхъ, повидимому, частью переписчиками, частью другими лицами, и отнести всѣ поправки въ примѣчанія, остановиться ли на представляющихся лучшими чтеніяхъ, не обращая вниманія на то, первоначальны эти чтенія или являются результатомъ поправокъ, или ввести въ текстъ изданія всѣ поправки, оговоривъ ихъ въ примѣчаніяхъ? Но воспроизвести текстъ безъ поправокъ — еслибы даже это и представлялось особенно цѣлесообразнымъ — сколько-нибудь послѣдовательно нельзя, потому что часто невозможно разобрать, что было написано раньше на мѣстахъ, гдѣ теперь буквы написаны по подскобленному, а остановиться на чтеніяхъ, представляющихся лучшими,—значило бы выдвинуть на первое мѣсто фиктивную редакцію въ изданіи, одна изъ главныхъ задачъ котораго—дать возможно точное представленіе о дошедшемъ до насъ спискѣ сборника. Поэтому мы предпочли напечатать въ текстѣ изданія текстъ рукописи со всѣми поправками (конечно, мы не имѣли при этомъ въ виду карандашныхъ замѣтокъ, которыя несомнѣнно новѣйшаго происхожденія), оговоривъ послѣднія въ примѣчаніяхъ".

Въ приложеніяхъ къ изданію помѣщены письмо Демидова къ Герарду-Фридриху Миллеру съ приложенной къ письму пѣсней, и перепечатаны предисловія къ первому и ко второму изданію сборника Кирши Данилова, 1804 и 1818 года. Далѣе, нѣсколько указателей: таблица, указывающая, какимъ листамъ рукописнаго сборника Кирши Данилова соотвѣтствуютъ тѣ или другія страницы второго (1818 г.) и третьяго (1878 г.) изданій этого сборника; указатель именъ и названій въ текстѣ сборника Кирши Данилова; предметный указатель и словарь мѣстныхъ словъ въ сборникѣ Кирши Данилова.

— **В. А. Бильбасовъ. Историческія монографіи. Томъ четвертый. Спб. 1901.**

Въ настоящемъ томѣ „Монографій" помѣщены слѣдующія статьи: Никита Панинъ и Мерсье де Ла-Ривьеръ; Екатерина II и Мельхіоръ Гриммъ; Денисъ Дидро; Князь де-Линь; Принцъ Нассау-Зигенъ. Такимъ образомъ всѣ статьи относятся къ временамъ императрицы Екатерины II. Обширная статья о Дидро появилась впервые за нѣсколько лѣтъ до „Исторіи Екатерины Второй" (1890); остальныя были напечатаны въ 1890-хъ годахъ уже въ связи съ этой работой. Это—обстоятельныя изслѣдованія о людяхъ, которые бывали близки ко двору Екатерины Второй, пользовались ея вниманіемъ и между прочимъ оставили о ней свои воспоминанія. Трое первые принадлежали литературѣ и одинъ былъ знаменитый писатель; Гриммъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ постояннымъ корреспондентомъ императрицы; принцъ де-Линь былъ придворный и дипломатъ, но также былъ прикосновенъ къ литературѣ. Эта близость къ императрицѣ даетъ имъ интересъ и для ея біографіи; своеобразныя литературныя отношенія составляютъ вообще любопытную черту конца восемнадцатаго вѣка.

Настоящій томъ „Монографій" очень интересенъ. Въ свой разсказъ авторъ вложилъ обычныя свойства своего дарованія и свѣдѣній. Онъ прекрасно владѣетъ литературой предмета и кромѣ того обогащаетъ ее архивными данными. Лица, на которыхъ онъ останавливается, всѣ были характерные люди той эпохи, и авторъ даетъ имъ обыкновенно опредѣленныя, наглядныя характеристики; быть можетъ, иной разъ его оцѣнки покажутся нѣсколько рѣзкими (напримѣръ относительно Гримма), но строгій приговоръ историка - не бѣда; впослѣдствіи, по соображенію другихъ обстоятельствъ, онъ можетъ быть смягченъ, но во всякомъ случаѣ сохранитъ свою цѣну потому, что рельефно выставитъ извѣстную сторону лица или событія, которая уже не останется забытой. Разсказъ, какъ всегда, очень живой и книга во всякомъ случаѣ должна служить не однимъ спеціалистамъ; для каждаго образованнаго человѣка она можетъ доставить и поучительное, и интересное чтеніе.—А. П.

Въ августѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Андреевская, В. П.—Снѣгурочка. Разсказы изъ дѣтской жизни для дѣтей младшаго возраста. Третье изданіе. Спб. 901. Стр. 78.

Бизантъ, Вальтеръ.—Два пути. Передѣлано съ англійскаго А. Анненской. („Всходы"). Спб. 901. Стр. 155.

Блюмбергъ, Я.—Учебникъ прямолинейной тригонометріи для среднихъ

учебныхъ заведеній. (Около 500 пояснительныхъ примѣровъ и задачъ для упражненія распредѣлены по соотвѣтствующимъ статьямъ). Изд. 3-е, исправленное и нѣсколько дополненное. Спб. 901. Стр. 100. Ц. 1 р.

Будкевичъ, Ф. П.—Частный проектъ гражданскаго уложенія Россійской имперіи. (Съ объяснительною запискою и приложеніемъ). Варшава. Стр. 145. Ц. 2 р.

Бѣляевъ, I., прот.—Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Историко-этнографическій очеркъ. Дешев. библіот. „Русск. Паломника". Спб. 901. Стр. 186. Ц. 25 к.

Васюковъ, С.—Цѣлебный край. Кавказскія минеральныя воды. Оригинальный литературно-художественный путеводитель, съ рисунками, справками жел. дорогъ и пр. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 901. Стр. 252.

Грунмахъ, проф., и *Розенбоомъ*, инженеръ. — Промышленность и техника. Энциклопедія промышленныхъ знаній. Т. II. В. I. Силы природы и ихъ примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полный переводъ съ IX нѣмецкаго изд. проф. Н. А. Гевехуса. Спб. 901. Стр. 48. Ц. перваго вып. 50 к.

Деникеръ, I. и Л.—Семейное воспитаніе во Франціи. Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. XXXVI. Спб. 901. Стр. 44. Ц. 30 к.

Дрейфусъ, Альфредъ. — Пять лѣтъ моей жизни. 1894—1890.? Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Е. Смирнова. Спб. 901. Стр. 357. Ц. 1 р. 20 к.

Загорскій, К. Я.—Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Спб. 901. Стр. 322.

Зиминъ, Н. П., инженеръ.—О результатахъ научныхъ изслѣдованій, произведенныхъ надъ механическими фильтрами въ С.-Америкѣ. Докладъ. Москва. 901. Стр. 54.

Зиминъ, Н. П., инженеръ, и О. Н. *Зимина*. — Американскій способъ очищенія воды и различныя системы механическихъ фильтровъ. Очеркъ. Москва. 901 г. Стр. 53. Ц. 75 к.

Каптеревъ, П. Ѳ.—О страхѣ и мужествѣ въ первоначальномъ воспитаніи. Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія. Вып. XXXVII и XXXVIII. Спб. 901. Стр. 75. Ц. 60 к.

Каульбарсъ, К. В., баронъ.—Въ защиту „Штатскаго ребенка". Защищенные рейды и—... твердая „Исходная точка" улучшенныхъ „Парусныхъ" судовъ. Брошюра. Кронштадтъ. 901. Стр. 48.

К. Г., А.—Малый складной букварь. Ц. 3 к.

Кнопфъ (Knopf, S. A., D-r.). Туберкулезъ, какъ народная болѣзнь, и борьба съ нимъ. Переведено съ согласія автора (и съ его предисловіемъ къ русскому изданію) подъ редакціей Ф. М. Блюменталя. Москва. 901. Стр. 59. Ц. 40 к.

Красильникова, Н.—Прочти и разскажи! Сборникъ статей для пересказа и стихотвореній для заучиванія наизусть. Спб. 901. Стр. 84. Ц. 40 к.

Кулябко, С. Н.—Общественно-этическія замѣтки. М. 901. Стр. 71. Ц. 30 к.

Лоджъ, Оливеръ. (Проф. физики въ Ливерпулѣ). Лекціи по исторіи астрономіи, съ 120 рисунками въ текстѣ. Перев. съ англійскаго С. Замойскаго. Спб. 901. Стр. 335. Ц. 1 р. 25 к.

Миропольскій, С.—Наставленія для обучающихъ по „Учебнику грамоты для молодыхъ солдатъ". Спб. 901. Стр. 31. Ц. 15 к. (Безъ пересылки).

——— Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Изданіе седьмое. Спб. 901. Стр. 111. Ц. 15 к. (Безъ пересылки).

Митигъ, К.—Иллюстрированный путеводитель по Ригѣ, ея окрестностямъ и острову Руно. 2-е изданіе перевода съ четвертаго исправленнаго и допол-

веннаго изданія къ юбилейной выставкѣ 1901 г. Съ 4 картинами, 25 рисунками въ текстѣ и 1 планомъ города. Рига. 901. Стр. 108.

Муровъ, Г. Т.—Люди и нравы дальняго Востока. Отъ Владивостока до Хабаровска. (Путевой дневникъ). Томскъ. 901. Стр. 161.

Нечаевъ, А. П., прив.-доцентъ Спб. университета. Наблюденія надъ развитіемъ интересовъ и памяти въ школьномъ возрастѣ, произведенныя слушателями педагогическихъ курсовъ военно-учебнаго вѣдомства. Спб. 901. Стр. 43.

Новичъ, Н.—Французскіе поэты. Спб. 900. Стр. 367. Ц. 1 р.

——— Словацкіе поэты. Спб. 901. Стр. 87. 40 к.

Позднѣевъ, А.—Извѣстія Восточнаго института. Томъ I. 1899—1900 академическій годъ. Стр. 34. Томъ II. 1900—1901 академическій годъ. Вып. I-й. 900. Стр. 88. Томъ II. 1900—1901 академическій годъ. Вып. II. Стр. 220. Владивостокъ. 901.

Пфейферъ, проф.—Оспа въ общедоступномъ изложеніи. Безплатное приложеніе къ журналу „Народное Здравіе". № 24. Спб. 901. Стр. 48.

Рибо.—Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія. Переводъ съ французскаго. Спб. 901. Стр. 232. Ц. 80 к.

Рыбкинъ, М.—Опытъ руководства къ начальному обученію дѣтей. Вып. I. Введеніе. Руководство къ обученію дѣтей 7 лѣтъ и отсталыхъ. Асхабадъ. 901. Стр. 20. Цѣна перваго вып. 30 к., съ пересылкою 35 к.

Силантьева, А. А.—По вопросу о мѣрахъ борьбы съ луговымъ мотылькомъ. Брошюра. (Изд. Департамента земледѣлія). Спб. 901. Стр. 12. Ц. 2 к.

Симиренко, Л. П.—Иллюстрированное описаніе маточныхъ коллекцій питомника. Кіевъ. 901. Стр. 406. Ц. 2 р., съ пересылкой 2 р. 50 к.

Скворцовъ, Ир., проф.—О народномъ просвѣщеніи и объ организаціи его въ Россіи. Харьковъ. 901. Стр. 111.

Старке, К. Н.—Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Переводъ съ французскаго. Спб. 901. Стр. 385. Ц. 1 р. 60 к.

Тимашевъ-Берингъ, В. А.—Четыре разсказа. Иллюстраціи по рисункамъ М. А. Фелькнеръ. М. 901. Стр. 162. Ц. 1 р. 50 к.

Уманскій, А. М.—Новый таможенный уставъ по европейской и азіатской торговлѣ. Разд. III. Спб. 901. Стр. 131. Ц. 1 р.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Томъ II. Вып. VIII. 1877—1884. Стр. 84. Вып. IX. 1877—1884. Стр. 164. Цѣна каждаго выпуска 40 к. М. 901.

Юзефовичъ, Б. М.—Сборникъ статей и записокъ по вопросамъ народнаго образованія. Кіевъ. 901. Стр. 186.

Goloubeff.—Zemstvo du gouvernement de Viatka. Aperçu historique de ses travaux. (Брошюра). Paris. 900. Стр. 131.

Pokrovsky, N. P.—Catalogue of minerals, ores and rocks, exposed by the Museum of the Mining-Institute at St.-Petersburg. International exhibition of Glasgow, 901. St.-Petersburg. 901. Стр. 65.

Les Etats Unis d'Europe (Congrès de Sciences politiques de 900) par M. M. Anatole Leroy-Beaulieu, André Fleury, René Dollot, Paul Lefebure, Gaston Isambert, Henry de Montardy. Paris. 901. Pages 183. Prix 2 fr. 50.

The Jewish Encyclopedia. Publishers' Announcement on the Completion of the First Volume. (Брошюра). London. 901. Стр. 32.

——— Vol. I. Aach-Apocaliptic literature. New York and London. 901. Стр. 685.

— Викторія. Первая въ Европѣ типографская скоропечатная тигельная машина съ цилиндрическимъ красочнымъ аппаратомъ. Брошюра въ 59 стр. съ рисунками.

— Восьмой санитарный съѣздъ земскихъ врачей С.-Петербургской губерніи. Выпускъ I. Положеніе земско-медицинскаго дѣла въ 1895—1899 гг. Стр. 290. Вып. II. Доклады по вопросамъ программы. Стр. 337. Вып. III. Доклады и протоколы. Стр. 340. Спб. 901.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Амурско-приморскій золотоносный районъ. Выпускъ II. Спб. 901. Стр. 54.

— Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ. Изъ залы суда. (Ставропольскій окружный судъ и тифлисская судебная палата). Спб. 901. Стр. 39. Ц. 20 к.

— Журналы вятской губернской оцѣночной коммиссіи 1900—1901 года. Вятка. 901. Стр. 121.

— Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. Изданіе 2-е. Вып. 2. Спб. 901. Стр. X+544. Изд. М. З. и Г. И.

— Литературная хрестоматія для всѣхъ. Составлена Одесскимъ Обществомъ любителей науки, литературы и искусства. (Пособіе для устройства образовательныхъ чтеній въ учебныхъ заведеніяхъ, аудиторіяхъ и семьѣ). Т. I-й, выпускъ II. (Окончаніе I-го тома). Одесса. 901. Стр. 749. Ц. 1 р. 25 к.

— Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ Имуществъ за седьмой годъ его существованія. Спб. 901. Стр. 280.

— Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей, поступившіе въ министерство финансовъ отъ начальниковъ губерній и другихъ лицъ. Спб. 901. Стр. 339.

— Отчетъ Московскаго Общества взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій за 1900 г. М. 901. Стр. 83.

— Отчетъ Харьковскаго комитета по перевозкѣ минеральнаго топлива, руды, флюсовъ и соли изъ горнозаводскаго района юга Россіи за 1900 г. Мин. Пут. Сообщенія. Харьковъ. 901. Стр. 75.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ второй. 1901 г. Состояніе озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ около 1 іюня 1901 г. Приложеніе къ „Сборнику Пермскаго Земства“. Пермь. 901 г. Стр. 15.

— Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губерніи за 1900 г. Выпускъ I. Саратовъ. 901. Стр. 131.

— Сборникъ Семейно-педагогическаго кружка въ городѣ Казани. I. Казань. 901. Стр. 40.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губерніи. Томъ VII. Сводъ экономическихъ данныхъ по губерніи. Часть I-я. Сводъ естественно-историческихъ и экономическихъ данныхъ. Изданіе Уфимской губернской земской управы. Уфа. 901. Стр. 289. Ц. 1 р. 50 к.

— Сельско-хозяйственная хроника Херсонской губерніи. За мартъ 1901 г. Изд. Херсон. губ. зем. управы. Херсонъ. 901. Стр. 117.

— Текущая сельско-хозяйственная статистика Олонецкой губерніи. В. I. Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства за періодъ съ половины апрѣля до начала іюня 1901 г. Петрозаводскъ. 901. Стр. 69.

— XXXII Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго 2-го мая 1869 года Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи за 1900 г. Спб. 901. Стр. 94.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Nouvelles conversations de Goethe avec Eckermann.* 1897—1900. Стр. 320. Paris, 1901. Edition de la „Revue Blanche“.

„Новые разговоры Гёте съ Экерманомъ“—подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно въ Парижѣ книга, посвященная вопросамъ текущей французской литературы и общественной жизни. Оригинальность книги заключается въ томъ, что авторъ ея скрываетъ свое имя, и вмѣсто того, чтобы избрать псевдонимъ, совершаетъ своего рода литературную поддѣлку, совершенно, впрочемъ, откровенную. Онъ сочиняетъ продолженіе къ знаменитымъ разговорамъ Гёте съ Экерманомъ: Гёте представленъ нашимъ современникомъ. Онъ мирно живетъ въ Веймарѣ, занятъ новымъ изданіемъ своихъ сочиненій, и въ чтеніи корректуръ ему помогаютъ Экерманъ и нѣсколько молодыхъ ученыхъ. Къ Гёте пріѣзжаютъ гости изъ Лейпцига, а также изъ Франціи; онъ обмѣнивается письмами съ Морисомъ Барресомъ и другими; разсказываетъ о своемъ свиданіи съ Верлэномъ; слѣдитъ за новѣйшей французской литературой; интересуется дѣломъ Дрейфуса, конгрессами рабочей партіи, парламентскими преніями. Въ сужденіяхъ его сказывается философская опредѣленность автора „Фауста“ и вмѣстѣ съ тѣмъ пониманіе явленій нашего времени, еще не выяснившихся, не вылившихся въ твердыя формулы, созданныхъ вѣчно новыми требованіями человѣческой мысли и художественнаго вкуса.

Авторъ „Новыхъ разговоровъ“ поступаетъ, конечно, очень смѣло, —даже дерзко,—вкладывая свои мнѣнія о современной Франціи въ уста великаго поэта. Но въ свое оправданіе онъ могъ бы привести много доводовъ. Во французской литературѣ послѣднихъ лѣтъ очень въ ходу всякаго рода хронологическія перетасовки, перемѣщеніе людей минувшихъ временъ въ центръ современныхъ событій, или же введеніе въ вымышленную фабулу романовъ живыхъ людей, общественныхъ дѣятелей или писателей, называемыхъ прямо по имени. Образовался новый родъ литературы, нѣчто среднее между романомъ и исторической хроникой. Начинателемъ въ этой области былъ Анатоль Франсъ; его аббатъ Жеромъ Коньяръ соединяетъ грубоватую матеріалистическую жизнерадостность XVIII вѣка съ тонкой иронiей француза

конца XIX в., добродушную любовь къ людямъ и радостямъ жизни съ утонченнымъ идеализмомъ, съ исканіемъ метафизическихъ истинъ сквозь грубую оболочку явленій, и съ безпощаднымъ скептицизмомъ вѣрнаго ученика Ренана. Внѣшняя обстановка повѣстей, въ которыхъ выступаетъ аббатъ Коньяръ, выдержана въ духѣ XVIII вѣка, но вся философія, всѣ его поученія относятся къ дѣйствительности нашихъ дней, къ этическимъ вопросамъ, порожденнымъ сложной жизнью современнаго культурнаго общества. Всѣ новѣйшіе романы Анатоля Франса составляютъ серію, озаглавленную „современной исторіей". Уже это названіе доказываетъ, что въ его манерѣ есть преднамѣренность; онъ избралъ ее, какъ наиболѣе соотвѣтствующую и современнымъ требованіямъ реализма, и свободѣ фантастическаго вымысла. Главный герой всѣхъ романовъ этой серіи, професоръ Бержере,—вымышленное лицо, и всѣ обстоятельства его личной жизни, также какъ и событія, происходящія вокругъ него, въ семьяхъ мѣстныхъ обывателей, относятся къ фабулѣ романа, но въ самый центръ вымысла вплетена живая дѣйствительность, парижскія событія послѣднихъ лѣтъ. Политическіе и общественные дѣятели обсуждаются безъ всякаго стѣсненія, совершенно свободно—какъ въ исторической хроникѣ. Мотивы ихъ дѣйствій обсуждаются въ романахъ Франса такъ открыто, какъ будто дѣло идетъ не о живыхъ, всѣмъ извѣстныхъ людяхъ, а о придуманныхъ романистомъ типичныхъ, общечеловѣческихъ фигурахъ. Манера Анатоля Франса привилась во Франціи, — пикантный элементъ газетной хроники очень часто вплетается въ вымышленное дѣйствіе романовъ и повѣстей. Поль Аданъ, напр., вмѣшиваетъ въ личную жизнь своихъ героевъ людей, пользующихся извѣстностью въ Парижѣ, — заставляя ихъ такимъ образомъ участвовать въ событіяхъ, въ дѣйствительности не происходившихъ, но весьма возможныхъ среди неожиданностей парижской жизни. Въ „Vice Filial", напр., среди друзей героевъ романа — композитора и блестящаго boulevardier — названъ человѣкъ, весьма извѣстный въ парижскихъ литературныхъ кружкахъ,—Феликсъ Фенеонъ, сотрудникъ „Revue Blanche" и одинъ изъ участниковъ довольно громкаго политическаго процесса. Герой Поля Адана постоянно пользуется разными дружескими услугами Фенеона, избираетъ его своимъ секундантомъ въ дуэли съ какимъ-то директоромъ театра, уговариваетъ свою дочь выйти за него замужъ, разсуждаетъ съ нимъ о парижскихъ злобахъ дня и т. д., — и это странное сплетеніе дѣйствительности и вымысла придаетъ особую пикантность бытовому роману Адана. Морисъ Барресъ въ „Безпочвенникахъ", Франсуа де-Ніонъ въ „Façades", Октавъ Мирбо въ своихъ новѣйшихъ повѣстяхъ и полу-беллетристическихъ, полу-публицистическихъ очеркахъ усвоили себѣ ту же манеру, и такимъ образомъ во Франціи все болѣе разви-

вается теперь новый родъ литературы, который вѣрнѣе всего можетъ быть названъ „историческимъ романомъ изъ современной жизни".

Авторъ „Новыхъ разговоровъ" вводитъ манеру Анатоля Франса въ область критики и публицистики. Онъ соединяетъ импрессіонизмъ съ историческимъ чутьемъ. О новѣйшихъ литературныхъ явленіяхъ и о текущихъ общественныхъ вопросахъ онъ говоритъ такъ, точно все это уже стало историческимъ прошлымъ, сохраняя, однако, непосредственность образующейся жизни, полной движенія и неожиданностей. Новизна его метода оправдываетъ въ значительной степени его смѣлое обращеніе съ памятью Гёте. Какъ ни дерзко съ его стороны приписывать свои собственные взгляды великому олимпійцу, этотъ пріемъ объясняется тѣмъ, что личность Гёте остается при этомъ въ сторонѣ. Гёте „Новыхъ разговоровъ"—только типичный и наиболѣе яркій представитель понятій твердо установившихся и освященныхъ преклоненіемъ нѣсколькихъ поколѣній. Критикъ отодвигаетъ современную дѣйствительность на сто лѣтъ назадъ — и въ этомъ ретроспективномъ освѣщеніи виднѣе ея истинная сущность, отдѣленная отъ капризовъ мѣняющихся эстетическихъ вкусовъ. Воплощая судъ исторіи въ лицѣ Гёте, критикъ увеличиваетъ психологическую правдоподобность своего вымысла. Въ геніальномъ мыслителѣ легче предположить даръ провидѣнія и пониманія будущихъ поколѣній — и поэтому въ „Новыхъ разговорахъ" не чувствуется никакой внутренней фальши. Гёте мягко и снисходительно говоритъ о новѣйшихъ французскихъ писателяхъ, и, разбирая ихъ качества, указывая на ихъ недостатки, принимаетъ во вниманіе не только ихъ абсолютное литературное значеніе, но и то, что̀ ихъ дѣлаетъ людьми своего времени, выразителями историческаго момента. При всей твердости своихъ художественныхъ принциповъ онъ—сторонникъ новизны въ литературѣ,—не внѣшняго оригинальничанья, которое онъ строго осуждаетъ, а искренняго стремленія обогатить идейную жизнь новыми мыслями, чувствами и художественными формами. Въ „Новыхъ разговорахъ Гёте съ Экерманомъ" очень тонко выдержано равновѣсіе между строгостью безотносительной принципіальной критики и сочувствіемъ къ современности. Авторъ книги даже оправдываетъ, — говоря для большей убѣдительности устами Гёте, а не Экермана, — склонность критиковъ къ преувеличенію заслугъ писателей своего поколѣнія, и требуетъ полнаго безпристрастія только къ явленіямъ, вполнѣ опредѣлившимся и отошедшимъ въ прошлое. „Между разными литературными поколѣніями,— говоритъ Гёте „Новыхъ разговоровъ",—не должно быть никакихъ личныхъ отношеній, ни дружбы, ни обмѣна взаимныхъ увѣреній въ симпатіи. Когда Шиллеръ преувеличенно хвалитъ Тика, и доказываетъ, что онъ былъ бы способенъ написать „Ифигенію", то я считаю это

совершенно естественнымъ. А между тѣмъ Шиллеръ ошибается. Когда Леметръ называетъ Лоти геніальнымъ писателемъ, а де-Мёнъ и Вогюэ провозглашаютъ другъ друга великими мыслителями, это меня ничуть не возмущаетъ. Вполнѣ естественно, что личная привязанность къ автору вліяетъ на сужденіе о его книгѣ. Но пристрастіе допустимо только относительно людей своего поколѣнія, своего круга. Напротивъ того, между различными поколѣніями искренность и твердость критики должны быть непоколебимы. Пока Анатоль Франсъ говоритъ о своихъ друзьяхъ и сверстникахъ, о Нальякѣ, дю-Плессисѣ, онъ имѣетъ полное право увлекаться и ошибаться. Но когда онъ разбираетъ — хотя бы, напр., произведенія Гонкура, который былъ на тридцать лѣтъ старше его, и уже принадлежитъ почти къ другому вѣку, онъ долженъ, изъ уваженія къ самому себѣ, быть искреннимъ и безпристрастнымъ. Отношенія двухъ разныхъ поколѣній должны держаться въ области чистой критики — въ нихъ не должно быть никакой примѣси личныхъ чувствъ, никакихъ постороннихъ соображеній".

Въ этихъ словахъ Гёте намѣчается основная мысль автора „Новыхъ разговоровъ". Онъ хочетъ выяснить условія, при которыхъ развитіе литературы наиболѣе правильно и плодотворно. Одно изъ этихъ условій—солидарность между людьми того же поколѣнія, между писателями, связанными общностью стремленій и вкусовъ. Другое—борьба противъ всего уже опредѣлившагося, свершеннаго, отошедшаго въ прошлое. Безъ борьбы, безъ критическаго отношенія къ предшественникамъ, никогда ничего новаго не создавалось. Въ мятежномъ отношеніи къ прошлому бываетъ часто много ошибочнаго—безпристрастный судъ исторіи возстановляетъ впослѣдствіи справедливость оцѣнокъ,— но разрушительный элементъ необходимъ для творчества. Каждое новое поколѣніе должно стремиться пересоздать жизнь во всѣхъ областяхъ; только тогда оно можетъ проявить всѣ свои активныя силы. Выясняя эту мысль Гёте „Новыхъ разговоровъ" возмущается противъ вошедшаго во французскіе литературные нравы протектората „старшихъ" надъ „младшими". Молодые писатели начинаютъ съ того, что обращаются къ покровительству литературныхъ свѣтилъ, увѣряя ихъ въ своемъ почитаніи и прося ихъ содѣйствія. Въ результатѣ получается униженіе и вредъ для обѣихъ сторонъ. „Старшіе", т.-е. люди, уже давшіе то, что̀ могли дать, и чувствующіе вокругъ себя нарожденіе новой жизни, рады сочувствію молодежи и готовы покровительствовать ей, совершенно не интересуясь, въ сущности, ея начинаніями. „Вотъ, напр., Эредіа,—говоритъ Гёте.—Онъ любитъ молодежь, окружаетъ себя начинающими писателями, оказываетъ имъ всяческое содѣйствіе,—но я увѣренъ, что онъ совершенно не признаетъ ихъ произведеній. Онъ ихъ даже не читаетъ, такъ какъ въ литературѣ всѣ мы

цѣнимъ или геніальныхъ писателей, или нашихъ школьныхъ товарищей". А начинающіе писатели или неискренни въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ старшаго поколѣнія, или, попадая подъ ихъ вліяніе, лишають себя самобытности. „Въ большинствѣ случаевъ, — говоритъ Гёте, ставшій обличителемъ нравовъ конца XIX вѣка, — отношенія знаменитаго писателя съ новичками въ литературѣ основаны на довольно низменныхъ и некрасивыхъ чувствахъ. Молодой человѣкъ имѣетъ въ виду разныя практическія выгоды, а знаменитый писатель хочетъ обезпечить себѣ популярность въ кружкахъ литературной молодежи, т.-е., быть можетъ, будущихъ академиковъ". Обобщая свои взгляды на отношенія между смѣняющимися литературными поколѣніями, авторъ „Новыхъ разговоровъ" настаиваетъ на необходимости борьбы. Взаимное уваженіе и признаніе этимъ не исключается, но никакихъ личныхъ услугъ и симпатій, нарушающихъ свободу дѣйствія, не слѣдуетъ допускать. „Такъ какъ личныя отношенія,—говоритъ Гёте, — нарушаютъ искренность критики, то остается одинъ исходъ: избѣгать личнаго знакомства, или относиться съ полнымъ равнодушіемъ къ людямъ другого поколѣнія. Въ противномъ случаѣ получается то зло, которое мы наблюдаемъ теперь въ литературныхъ нравахъ. Молодые люди теряютъ въ большинствѣ случаевъ способность проявлять ту долю новизны, ту частицу своего, которую всякое новое поколѣніе непремѣнно должно вносить въ жизнь. Эта новизна выясняется и приводится въ сознаніе современниковъ только путемъ нападокъ, борьбы, иногда даже несправедливаго ожесточенія противъ старшихъ. Чтò было бы, еслибы Шиллеръ, съ его нѣжнымъ и признательнымъ сердцемъ, встрѣтилъ со стороны Лессинга сочувствіе и поддержку? Ему было бы безконечно трудно высвободиться изъ-подъ гнёта идей Лессинга — между тѣмъ какъ въ борьбѣ съ Лессингомъ онъ ярко и блестяще проявилъ свою самобытность. И неужели вы думаете, что Брюнетьеръ не повредитъ своимъ авторитетомъ двадцатилѣтнему юношѣ, который принесетъ ему для его журнала рукопись, обнаруживающую серьезный талантъ? Личныя симпатіи между двумя людьми различнаго возраста и различнаго положенія всегда пагубны для развитія личности одного изъ нихъ. И, конечно, всегда уступать будетъ болѣе молодой и скромный; у него образуется привычка, быть можетъ, очень удобная въ жизни, но губящая творческія силы—привычка подчиняться вліянію старшихъ".

Гёте еще много говоритъ на эту тему въ „Новыхъ разговорахъ", такъ какъ вопросъ объ отношеніяхъ современности къ прошлому, въ особенности къ литературнымъ авторитетамъ минувшихъ эпохъ, кажется автору капитальнымъ. Въ наше время литература молодого поколѣнія очень рѣзко идетъ противъ всѣхъ традицій—въ особенности во

Франціи. Цѣль „Разговоровъ"—оправдать эту смѣлость, принимая во вниманіе всѣ заблужденія, къ которымъ она приводитъ, и объясняя ихъ преимущество передъ болѣе губительнымъ зломъ—отсутствіемъ самобытности. Говоря отъ имени Гёте, авторъ старается разсуждать какъ можно безпристрастнѣе. Онъ внушаетъ „молодымъ" смѣлость и мысли о борьбѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ большой строгостью относится къ ихъ начинаніямъ, и безпощадно разрушаетъ нѣкоторые кумиры молодого поколѣнія. Во Франціи образовалось за послѣдніе годы много новыхъ литературныхъ школъ, каждая со своей обособленной эстетикой; онѣ возводятъ въ идеалъ презрительное отношеніе къ жизни во имя обособленныхъ поэтическихъ настроеній. Изысканность языка доводится ими часто до полной туманности—и все это основывается на стремленіи къ крайнему индивидуализму, къ обогащенію поэзіи неизвѣданными, новыми ощущеніями. Авторъ „Новыхъ разговоровъ" относится съ полнымъ несочувствіемъ ко всѣмъ этимъ попыткамъ обновленія литературы, считая ихъ, напротивъ того, причинами вырожденія. Онъ требуетъ уваженія къ классическимъ формамъ языка и одобряетъ такъ называемыхъ „натуристовъ" за ихъ стремленіе къ простотѣ и чистотѣ литературныхъ формъ. Если даже натуристы и не создали до сихъ поръ истинно выдающихся произведеній, то они во всякомъ случаѣ идутъ по вѣрному пути, возставая противъ преувеличеннаго новаторства другихъ литературныхъ школъ. Авторъ указываетъ на связь ихъ метода съ реализмомъ и простотой классической литературы—Гёте объявляетъ себя въ одномъ изъ разговоровъ солидарнымъ со школой натуристовъ. „Я тоже натуристъ,—говоритъ онъ, — и полагаю, что въ натуризмѣ вся надежда и жизнь литературы". По этому поводу Гёте высказываетъ очень пессимистическій взглядъ на новѣйшую французскую литературу — видно, что авторъ „Новыхъ разговоровъ" не увлекается внѣшней новизной художественныхъ пріемовъ и строго судитъ произведенія своихъ современниковъ. „Среди новѣйшаго поколѣнія,—говоритъ Гёте,—есть отдѣльные писатели, чарующіе своимъ неотразимымъ художественнымъ дарованіемъ, но въ общемъ новѣйшая литература поражаетъ отсутствіемъ силы, сочности и гармоніи. Это объясняется тѣмъ, что художественное творчество стало искусственнымъ, что оно намѣренно отстраняется отъ правды и простоты, ищетъ слишкомъ сложнаго въ жизни, извращаетъ языкъ. Главная же причина упадка литературы—въ томъ, что въ основѣ ея лежитъ индивидуализмъ, который вноситъ въ нее фальшь и безсиліе. Индивидуализмъ—отрицаніе генія и даже самой жизни. Я вполнѣ убѣжденъ, что подъ страхомъ вырожденія и смерти литература вернется—въ своихъ основныхъ теченіяхъ—къ жизни чувства, къ объективности, пантеизму и гуманности. Такъ какъ

она не можетъ умереть, то непремѣнно должна пойти по этому пути. Это урокъ, который намъ даютъ единственные геніи нашей эпохи— Толстой и Ибсенъ".

Подобное осужденіе индивидуализма несомнѣнно слишкомъ рѣзко и едва ли вполнѣ справедливо. Но оно объясняется тѣмъ, что авторъ говоритъ не отъ своего имени, не какъ критикъ, воспитанный на идеяхъ конца XIX вѣка, а отъ имени великаго пантеиста Гёте, и хочетъ придать наибольшую внутреннюю правдоподобность своему смѣлому вымыслу. Но въ этомъ ясномъ пониманіи коренныхъ недостатковъ современной литературы—въ особенности французской— одна изъ главныхъ заслугъ автора „Новыхъ разговоровъ". Принадлежа самъ къ поколѣнію, которое онъ судитъ и осуждаетъ, онъ, однако, сохраняетъ достаточно безпристрастія и смѣлости, чтобы видѣть заблужденія своихъ современниковъ и разоблачать ихъ. Онъ преклоняется передъ многими современными писателями и восторженно говоритъ о нихъ въ своей книгѣ, но его вкусы и симпатіи не ослѣпляютъ его, и въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ онъ часто выступаетъ противникомъ новѣйшихъ эстетическихъ принциповъ.

Очень любопытны въ этомъ отношеніи страницы, посвященныя опредѣленію мистицизма и символизма. Критикъ обнаруживаетъ въ нихъ прежде всего искреннее желаніе разобраться въ этомъ спутанномъ вопросѣ, не превознося и не осуждая отдѣльныхъ представителей символизма и мистицизма въ современной литературѣ. Онъ вкладываетъ свое объясненіе въ уста Гёте, который смотритъ на вопросъ широко, т.-е. имѣетъ въ виду не только символизмъ и мистицизмъ новѣйшихъ эстетовъ, занятыхъ исканіемъ изысканныхъ новыхъ ощущеній. Авторъ считаетъ символизмъ и мистицизмъ не созданіемъ поэтовъ нашего времени, а вѣчнымъ элементомъ духовной жизни и художественнаго творчества. Гёте ссылается въ обсужденіи символизма на свои собственныя произведенія и на писателей различныхъ эпохъ. Предметомъ его разбора становится такимъ образомъ не маленькая группа поэтовъ, не литературная мода—а литературное и философское движеніе, одинаково сильное въ концѣ XVIII вѣка, какъ и въ концѣ XIX, какъ и во всѣ другія времена. Чтобы подчеркнуть свое широкое пониманіе вопроса, критикъ не останавливается на произведеніяхъ многочисленныхъ символистовъ и мистиковъ нашего времени. Изъ общей массы онъ выбираетъ только два имени—Мориса Метерлинка и Марселя Швоба, которыхъ считаетъ классическими писателями, „потому что они любятъ, почитаютъ и знаютъ до глубины закона языка". Ихъ пониманіе мистицизма и символизма Гёте сравниваетъ, въ одномъ изъ разговоровъ, со своимъ собственнымъ, а изъ писателей другихъ эпохъ онъ называетъ Новалиса,

Карлейля, Эмерсона. Сопоставляя ихъ всѣхъ между собой, Гёте выясняетъ свой взглядъ, въ которомъ современная любовь къ чудесному и выходящему за предѣлы дѣйствительности соединяется съ трезвой опредѣленностью и реализмомъ. На различіи между манерой Метерлинка и Швоба Гёте выясняетъ разницу между мистицизмомъ и символизмомъ. „Смыслъ этихъ двухъ словъ, при всей. ихъ близости, различенъ. Мистицизмъ—метафизическое міросозерцаніе, символизмъ же—только извѣстнаго рода художественный пріемъ". Метерлинкъ—мистикъ, и самъ далъ опредѣленіе мистицизма въ „Trésor des Humbles", говоря о различіи міра внѣшняго отъ міра внутренняго, заключеннаго въ душѣ человѣка и познаваемаго духовнымъ взоромъ. Метерлинкъ раздвоиваетъ вселенную, находя въ ней двѣ жизни, двѣ дѣйствительности, не знающія и не понимающія одна другую, не соразмѣримыя никакимъ общимъ мѣриломъ. Символизмъ выясняется на примѣрѣ Марселя Швоба: „Мы называемъ его символистомъ,—говоритъ Гёте,—вовсе не потому, что находимъ у него какое-нибудь своеобразное пониманіе внѣшняго міра, монизма или дуализма, сущности человѣческой жизни. Онъ—символистъ только по манерѣ своего творчества. Для изображенія характеровъ, страстей, внѣшней природы Швобъ никогда не прибѣгаетъ къ психологическому анализу или описанію. Онъ вовсе не хочетъ представить читателю въ подробностяхъ и съ полной отчетливостью данный предметъ, а только намѣчаетъ самые яркіе рельефы, характерныя движенія и особенности, которыя составляютъ обособленную сущность предмета, отдѣляющую его отъ всѣхъ другихъ. Онъ опредѣляетъ предметы и живыя существа знаками, которые вызываютъ ихъ образъ у читателя, которые возсоздаютъ ихъ индивидуальность. Эти знаки и составляютъ символъ, т.-е. сокращенное выраженіе явленія, вполнѣ ему отвѣчающее. Символъ—знакъ, и символизмъ сводится къ выбору знаковъ, наиболѣе полно выражающихъ или конкретныя сущности, какъ это дѣлаетъ Швобъ, или нравственныя истины, какъ это часто дѣлалъ я самъ".

Проводя строгое различіе между мистицизмомъ и символизмомъ, Гёте, однако, признаетъ сильное вліяніе мистицизма, какъ метафизическаго ученія, на искусство. Въ своемъ пониманіи мистицизма онъ расходится съ Метерлинкомъ. „Нѣтъ двухъ міровъ,—говоритъ онъ,—нѣтъ двухъ параллельныхъ, никогда не встрѣчающихся между собой жизней. Въ себѣ я не чувствую этой двойственности, и не чувствую ее во вселенной, часть которой составляю. Другой міръ слѣдуетъ искать только въ нашемъ собственномъ. Тайна—не *внѣ* міра, а въ мірѣ. Не слѣдуетъ изгонять божественное въ невѣдомое и недоступное пониманію небытіе—нужно извлекать его изъ реальнаго бытія шагъ за шагомъ, мысль за мыслью. Эта теорія хороша тѣмъ, что она

по крайней мѣрѣ плодотворна. Она не считаетъ наибольшей добродѣтелью презрѣніе къ жизни и невѣдѣніе ея. Напротивъ того, она превозноситъ изученіе жизни и любовь къ ней".

Въ этомъ опредѣленіи мистицизма авторъ „Новыхъ разговоровъ" выдерживаетъ тонъ классическаго мыслителя, котораго дѣлаетъ выразителемъ своихъ мнѣній, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ мысли, вполнѣ соотвѣтствующія современному пониманію мистицизма и связаннаго съ нимъ символическаго искусства. Кромѣ теоретическихъ разсужденій, въ „Новыхъ разговорахъ" есть много критическихъ оцѣнокъ современныхъ писателей. Авторъ очень вѣрно и тонко разбираетъ юморъ Жюля Ренара, иронію Анатоля Франса, реалистическій талантъ Эрвьé, очень ѣдко вышучиваетъ Кларти, оставаясь вполнѣ почтительнымъ къ внѣшнему таланту журналиста. Во всѣхъ своихъ характеристикахъ и оцѣнкахъ онъ соблюдаетъ чувство мѣры, предпочитая быть снисходительнымъ вмѣсто того, чтобы становиться рѣзкимъ, обнаруживая тонкій вкусъ и пониманіе современной Франціи въ вопросахъ какъ литературныхъ, такъ и общественныхъ.

Чтобы обезпечить за собой какъ можно больше свободы въ обсужденіи современной дѣйствительности, авторъ сохраняетъ псевдонимъ и скрывается за именемъ Гёте. Но въ парижскихъ литературныхъ кругахъ этотъ псевдонимъ не составляетъ тайны. „Новые разговоры", прежде чѣмъ выйти отдѣльной книгой, печатались въ „Revue Blanche" и принадлежатъ перу извѣстнаго критика этого журнала — Леона Блума.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 сентября 1901.

Провинціальная печать и разные виды цензуры. — Проектируемый перечень темъ, запретныхъ для печати. — „Признаки времени" въ земской жизни; инцидентъ въ харьковскомъ губернскомъ земствѣ, процессъ въ Симферополѣ. — Избіенія сектантовъ. — Народъ въ народномъ домѣ. — Еще о высшей русской школѣ въ Парижѣ.— Н. Ѳ. Крузе, Г. А. Мачтетъ и Ѳ. Э. Ромеръ †.—Post-scriptum: циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Минувшимъ лѣтомъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати совершилъ поѣздку въ провинцію, посѣтивъ преимущественно тѣ города, гдѣ существуютъ прочно установившіяся, сравнительно широко распространенныя газеты. Въ Саратовѣ, гдѣ такихъ газетъ двѣ („Саратовскій Листокъ" и „Саратовскій Дневникъ"), мѣстные журналисты возбудили передъ кн. Шаховскимъ цѣлый рядъ ходатайствъ, прося, между прочимъ, о разрѣшеніи издавать газеты безъ предварительной цензуры, а если это невозможно — о назначеніи цензора, независимаго отъ администраціи (саратовскія газеты цензируются въ настоящее время старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій, на содержаніе котораго мѣстныя повременныя изданія обязаны вносить 1200 руб. въ годъ). Кн. Шаховской, признавая, что саратовскія газеты, по обилію и разнообразію матеріала, по широтѣ программы, занимаютъ выдающееся положеніе въ ряду провинціальныхъ изданій, нашелъ, однако, что освобожденіе ихъ отъ предварительной цензуры было бы преждевременно, тѣмъ болѣе, что обѣ газеты и при подчиненіи цензурѣ подвергались временному запрещенію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что представитъ министру внутреннихъ дѣлъ о цѣлесообразности назначенія для саратовскихъ газетъ самостоятельнаго цензора. Намъ кажется, что въ виду освобожденія отъ цензуры двухъ провинціальныхъ газетъ—„Кіевлянина" и „Южнаго Края"—распространеніе этой мѣры на всю вообще провинціальную прессу было бы актомъ справедливости, тѣмъ менѣе опаснымъ, чѣмъ больше сумма карательныхъ средствъ, которыми располагаетъ администрація по отношенію къ безцензурнымъ повременнымъ изданіямъ. Что газеты, выходящія подъ цензурой, подвергались и подвергаются иногда временному запрещенію—это свидѣтельствуетъ скорѣе противъ, чѣмъ въ пользу дѣйствующаго порядка: если цензура безсильна предупредить уклоненія, вызывающія чрезвычайную репрессію, то она, очевидно, не достигаетъ своей цѣли. Едва ли нормально притомъ перенесеніе отвѣтственности съ цензора, пропустившаго статью или рядъ статей,

на редакцію, дѣйствовавшую въ силу цензурнаго разрѣшенія. По ст. 180-й устава о цензурѣ и печати, напечатавшій дозволенную, но потомъ запрещенную и изъятую изъ обращенія книгу получаетъ отъ правительства вознагражденіе за понесенный чрезъ то убытокъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что цензурное разрѣшеніе, однажды данное, должно, по смыслу нашихъ законовъ, служить гарантіей для всѣхъ, кого оно касается, и что между ст. 180-ой и 154-ой (допускающей временное запрещеніе подцензурныхъ изданій) существуетъ внутреннее противорѣчіе?

Въ чемъ заключается практическое различіе между цензоромъ, зависящимъ отъ мѣстной администраціи (или входящимъ въ ея составъ), и такъ называемымъ самостоятельнымъ цензоромъ, непосредственно подчиненнымъ главному управленію по дѣламъ печати—это мы узнаемъ, между прочимъ, изъ статьи „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 207), посвященной поѣздкѣ кн. Шаховского. Вице-губернаторъ—въ провинціи чаще всего, на практикѣ, завѣдующій цензурой, а на время управленія губерніей передающій цензурныя функціи одному изъ совѣтниковъ губернскаго правленія,—вице-губернаторъ, по словамъ московской газеты, желаетъ, „чтобы въ его вѣдомствѣ все обстояло благополучно или, по крайней мѣрѣ, чтобы изъ избы соръ не выносился. И вотъ, начинается безпощадное подчасъ вычеркиванье непріятныхъ извѣстій изъ мѣстной хроники. Но такое вычеркиванье является далеко не всегда законнымъ; къ нему можетъ отнестись неодобрительно главное управленіе по дѣламъ печати. И вотъ иногда между цензоромъ и редакторомъ устанавливается молчаливое соглашеніе, въ силу котораго первый смотритъ сквозь пальцы на радикализмъ руководящихъ статей, на тенденціозный и вредный подборъ общихъ извѣстій, а послѣдній избѣгаетъ въ своей газетѣ мѣстныхъ сообщеній, прямо или косвенно непріятныхъ для цензора. Къ чему ведетъ все это? Провинціальные читатели отравляются изо дня въ день ядомъ систематически подбираемыхъ извѣстій и радикальныхъ статей. Мѣстная печать перестаетъ интересоваться краевыми вопросами, уклоняется отъ разработки ихъ, чѣмъ отталкиваетъ отъ себя и серьезныхъ работниковъ". Изъ этого положенія „Московскія Вѣдомости" видятъ только одинъ выходъ: „назначеніе въ возможно бо̀льшемъ количествѣ спеціальныхъ цензоровъ, подчиненныхъ одному лишь главному управленію по дѣламъ печати, мало заинтересованныхъ въ ходѣ мѣстныхъ дѣлъ, но за то твердо знающихъ и хорошо понимающихъ, что̀ можно и чего нельзя допускать въ печати. На это потребуются средства, и можетъ быть весьма значительныя [1]); но останавливаться ли передъ такими

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, неудобства содержанія цензора на счетъ цензируемыхъ имъ изданій такъ очевидны, что порядокъ, существующій въ Саратовѣ, едва ли можетъ быть возведенъ на степень общаго правила.

затратами, когда дѣло касается вопроса столь важнаго"? „Столь важнымъ" этотъ вопросъ кажется московской газетѣ потому, что она считаетъ всѣ провинціальныя изданія, за очень немногими исключеніями, „принадлежащими къ такъ называемому оппозиціонному лагерю", ихъ мнѣнія—зачастую крайне радикальными; въ провинціи, по ея словамъ, „появляется въ печати многое, чего безцензурныя либеральныя газеты въ столицѣ печатать не рѣшились бы". Опровергать мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей" о провинціальной печати мы не будемъ; слишкомъ очевидны его преувеличенія (кто повѣритъ, напримѣръ, что подцензурныя провинціальныя газеты свободнѣе, по общимъ вопросамъ, столичныхъ безцензурныхъ?), слишкомъ ясно, что „радикализмъ" и „оппозиція", въ данномъ случаѣ, не что иное, какъ синонимы образа мыслей, несогласнаго съ реакціоннымъ credo. Насъ интересуетъ только фактическая сторона картины, нарисованной московскою газетою. Въ существованіе „молчаливыхъ соглашеній" между редакціями провинціальныхъ газетъ и администраторами-цензорами мы не вѣримъ—не вѣримъ уже потому, что для провинціальнаго журналиста всего дороже именно возможность говорить о *мѣстныхъ* дѣлахъ и нѣтъ никакого разсчета жертвовать ею изъ-за нѣсколько бо̀льшаго, во всякомъ случаѣ весьма ограниченнаго простора сужденій по общимъ вопросамъ. Кто интересуется послѣдними, тотъ читаетъ одну изъ столичныхъ газетъ, дающихъ, въ этой области, и больше фактовъ, и больше комментаріевъ къ фактамъ. На почвѣ общей политики конкурренція съ столичной печатью для провинціальныхъ газетъ немыслима; завоевать себѣ прочное положеніе, пріобрѣсти сравнительно широкій кругъ читателей онѣ могутъ лишь путемъ всесторонняго освѣщенія мѣстныхъ дѣлъ и интересовъ. Только этимъ и объясняется ходатайство саратовскихъ редакцій о назначеніи въ Саратовъ самостоятельнаго цензора. Особыхъ поводовъ къ жалобамъ на чиновника, цензирующаго ихъ газеты, у нихъ не было—и все-таки онѣ тяготились его надзоромъ, больше всего, очевидно, направленнымъ противъ „вынесенія сора изъ избы". Эта сторона провинціальной цензорской дѣятельности подмѣчена „Московскими Вѣдомостями" совершенно вѣрно. И вице-губернаторъ, и совѣтники губернскаго правленія, и чиновники особыхъ порученій безспорно заинтересованы въ томъ, чтобы внутренняя жизнь губерніи оставалась по возможности недоступной для гласности, а слѣдовательно и для критики; въ томъ же заинтересованъ, за рѣдкими исключеніями, и общій ихъ начальникъ—губернаторъ. Спрашивается, однако, многимъ ли меньше будетъ въ томъ заинтересованъ „самостоятельный" цензоръ? Въ провинціи между должностными лицами, особенно одного и того же вѣдомства, очень легко и скоро устанавливается извѣстная солидарность, извѣстный esprit de corps,

заставляющій каждаго стоять за всѣхъ и всѣхъ—за каждаго. Нѣтъ основанія думать, чтобы отъ него остался свободенъ цензоръ, хотя бы и назначенный непосредственно главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. Если онъ самъ и не раздѣляетъ взгляда, въ силу котораго дѣйствія должностного лица подлежатъ исключительно контролю начальства и должны быть неприкосновенны для „фолликюлеровъ", ему трудно будетъ устоять противъ упрашиваній и упрековъ цѣлой группы, къ которой онъ принадлежитъ по своему служебному положенію, противъ неудовольствія наиболѣе видныхъ ея представителей. Даже центральная администрація, принимая карательныя мѣры противъ печати, уступаетъ иногда настояніямъ другихъ вѣдомствъ; тѣмъ вѣроятнѣе дѣйствіе постороннихъ давленій на цензора, стоящаго въ водоворотѣ провинціальныхъ теченій. Облеченный, de facto, почти неограниченною властью, онъ именно потому является отвѣтственнымъ за каждое слово, дозволенное имъ къ печати,—отвѣтственнымъ не только передъ начальствомъ, но и передъ всѣми вліятельными элементами губернскаго общества. Во всемъ зависимымъ отъ него издателямъ, редакторамъ, сотрудникамъ нелегко будетъ рѣшиться на обжалованіе его распоряженій. Когда цензируетъ газету, между дѣломъ, одинъ изъ мѣстныхъ администраторовъ, онъ безъ особаго неудобства можетъ быть замѣненъ другимъ лицомъ, менѣе придирчивымъ и суровымъ; гораздо труднѣе замѣнить „самостоятельнаго" цензора, хотя бы излишняя его строгость и не подлежала сомнѣнію въ глазахъ начальства. Назначеніе отдѣльнаго цензора кажется намъ, поэтому, меньшимъ изъ двухъ золъ, но отнюдь не „единственнымъ выходомъ" изъ затруднительнаго положенія. А между тѣмъ, главнымъ назначеніемъ провинціальной печати и мы считаемъ разработку мѣстныхъ вопросовъ: именно на этой почвѣ она можетъ оказать существенно важныя услуги и своему краю, и всему государству. Исполненіе задачи, на ней лежащей, сдѣлается возможнымъ только тогда, когда она будетъ освобождена отъ предварительной цензуры. Надзоръ за нею перейдетъ тогда въ руки центральной власти, непричастной къ мелкимъ провинціальнымъ счетамъ и разсчетамъ и гораздо менѣе, чѣмъ мѣстная администрація, заинтересованной въ приглаживаніи и расцвѣчиваніи дѣйствительности.

Во время бесѣды съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати редакторы саратовскихъ газетъ возбудили вопросъ, одинаково важный для всѣхъ органовъ печати—вопросъ о пересмотрѣ и отмѣнѣ разныхъ ограничительныхъ циркуляровъ, изъ которыхъ многіе потеряли всякое значеніе. Князь Шаховской отвѣчалъ, что главное управленіе по дѣламъ печати уже занято этимъ вопросомъ и вскорѣ къ руководству редакціямъ и цензорамъ будетъ изданъ сводъ тѣхъ циркуляровъ, которые признается необходимымъ оставить въ силѣ.

Нельзя не пожелать, чтобы въ основаніе этой работы былъ положенъ истинный смыслъ закона, отъ котораго давно и весьма рѣзко уклонилась административная практика. На основаніи ст. 140-ой уст. о ценз. и печ., если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, *въ теченіе нѣкотораго времени*, какого-либо *вопроса государственной важности*, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Ст. 156-ая того же устава предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ неисполненія редакторомъ выходящаго безъ предварительной цензуры повременнаго изданія распоряженія о неоглашеніи или необсужденіи въ печати какого-либо *вопроса государственной важности*, пріостановить выпускъ въ свѣтъ такого изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Подчеркнутыя нами слова часто остаются мертвою буквой: обязательное молчаніе налагается на печать не только по *вопросамъ государственной важности*, но и по отдѣльнымъ *фактамъ*, не имѣющимъ никакого общаго значенія, и налагается, притомъ, на неопредѣленное время. Изъ чрезвычайной мѣры предосторожности, оправдываемой необходимостью, правило ст. 140-ой обратилось въ одно изъ многихъ ограниченій печатнаго слова, уменьшающихъ и безъ того болѣе чѣмъ умѣренную его свободу. Къ повременнымъ изданіямъ подцензурнымъ ст. 140-ая вовсе непримѣнима: обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы они не касались запретныхъ предметовъ, лежитъ на цензурѣ; тѣмъ не менѣе, если намъ не измѣняетъ память, бывали случаи временнаго запрещенія провинціальныхъ изданій, мотивированнаго ст. 140-ою и 156-ою... Сводъ циркуляровъ, объявляющихъ ту или другую тему недоступной для печати, слѣдовало бы издавать ежегодно, исключая изъ него, каждый разъ, всѣ тѣ, которые потеряли свою raison d'être. Это было бы большимъ облегченіемъ для безцензурныхъ изданій, которымъ теперь, при безсрочности запретовъ, всегда грозитъ опасность невольной ошибки,—и вмѣстѣ съ тѣмъ возвращеніемъ къ порядку, предъуказанному въ словахъ закона: *на нѣкоторое время*.

Къ какимъ результатамъ приводитъ иногда широкое примѣненіе ст. 140-ой, объ этомъ можно судить по остающемуся до сихъ поръ не отмѣненнымъ циркуляру 14-го декабря 1892-го года, запрещающему: 1) печатать извѣстія, касающіяся внутренней жизни учебныхъ заведеній, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, безъ разрѣшенія подлежащаго учебнаго начальства, и 2) обсуждать дисциплинарныя взысканія, налагаемыя на воспитанниковъ этихъ заведеній. „*Вопросомъ* государственной важности" отдѣльные *факты* изъ жизни учебныхъ

заведеній считать, очевидно, нельзя, за исключеніемъ развѣ тѣхъ экстренныхъ случаевъ, когда рядъ повторяющихся школьныхъ безпорядковъ грозитъ общественному спокойствію и подавленіе ихъ путемъ дисциплинарныхъ мѣръ принимаетъ характеръ трудной административной задачи. Такое положеніе вещей всегда бываетъ непродолжительнымъ и обнимаетъ собою далеко не всѣ учебныя заведенія—а вышеприведенный циркуляръ дѣйствуетъ непрерывно уже болѣе восьми лѣтъ и не дѣлаетъ никакого различія между школами разныхъ категорій. Вынужденное молчаніе печати невыгодно, прежде всего, для самого министерства народнаго просвѣщенія. Еще въ 1882 г. министерство предписало подробно доносить ему о всѣхъ наиболѣе важныхъ происшествіяхъ и несчастныхъ случаяхъ съ учащимися. Несмотря на это, ему за послѣднее время неоднократно приходилось узнавать о выдающихся событіяхъ въ жизни учащихся—напр. о самоубійствахъ или о покушеніяхъ на самоубійство—не отъ подчиненныхъ ему мѣстныхъ органовъ, а отъ другихъ вѣдомствъ и изъ иныхъ посторонних источниковъ. Это вызвало, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, новое циркулярное предписаніе министерства народнаго просвѣщенія, заключающее въ себѣ почти буквальное повтореніе распоряженія 1882-го года. Справедливо находя, что исполненіе этого требованія гарантировано теперь отнюдь не больше, чѣмъ прежде, „Русскія Вѣдомости" (№ 198) указываютъ на печать, какъ на лучшій источникъ свѣдѣній, столь важныхъ для министерства. Съ отмѣною декабрьскаго циркуляра 1892-го года печать получила бы возможность говорить о „внутренней жизни" учебныхъ заведеній—и этого было бы достаточно, чтобы предупредить намѣренное замалчиваніе „происшествій" со стороны начальства учебныхъ заведеній. Не менѣе важно и право печати *обсуждать* все совершающееся въ школѣ. Мы узнаемъ изъ той же статьи „Русскихъ Вѣдомостей", что въ пользу такого права высказалась недавно коммиссія по вопросу о преобразованіи средней школы, состоящая при московскомъ педагогическомъ обществѣ. Она нашла, что вмѣстѣ съ гласностью въ школу проникла бы „струя свѣжаго воздуха", что гласность „всего легче могла бы уничтожить въ школѣ послѣдніе остатки бюрократизма", что „многіе порядки сдѣлались бы тогда невозможными, многія злоупотребленія были бы выведены на свѣтъ Божій, и печать сдѣлалась бы надежной помощницей правительства въ его усиліяхъ создать истинно педагогическую школу".

Для сторонниковъ земства не можетъ быть ничего печальнѣе зрѣлища бюрократическихъ тенденцій, проникающихъ въ среду земскихъ учрежденій. Господствовавшій до сихъ поръ типъ отношеній между

земскими управами и состоящими на земской службѣ отличался отсутствіемъ начальническихъ замашекъ со стороны однихъ, угодливости и „чинопочитанія"—со стороны другихъ. Бывали отдѣльныя уклоненія отъ этого типа, но они имѣли случайный характеръ и скоро уступали мѣсто нормальному порядку. Земскіе врачи, техники, статистики оставались самостоятельными дѣятелями, исполняющими, конечно, указанія и требованія своей управы, но пользующимися ея довѣріемъ и не стѣсненными излишнимъ формализмомъ. Только благодаря этому земство могло сдѣлать столь многое — особенно въ области статистики и медицины,—при столь небольшихъ средствахъ и въ столь короткое время. Теперь появляются все чаще и чаще зловѣщіе признаки, заставляющіе ожидать рѣшительнаго регресса въ земской сферѣ. Не земскимъ духомъ повѣяло, напримѣръ, въ Екатеринославлѣ, съ избраніемъ въ предсѣдатели губернской управы г. Родзянко. Уже въ его вступительной рѣчи прозвучали ноты, мало гармонирующія съ обычнымъ земскимъ тономъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы служащіе въ оцѣночно-статистическомъ отдѣленіи управы статистики вели путевые журналы о своей служебной дѣятельности и представляли ихъ на разсмотрѣніе управы. Двое изъ статистиковъ не захотѣли подчиниться этому распоряженію, проникнутому недовѣріемъ къ добросовѣстности служащихъ—и были уволены отъ должности. Узнавъ объ этомъ, служащіе оцѣночно-статистическаго отдѣленія харьковской губернской земской управы, по словамъ харьковскаго корреспондента „Россіи" (№ 812), условились между собою выразить въ частномъ письмѣ порицаніе г. Родзянко за примѣненіе имъ столь суровой мѣры. Когда намѣреніе служащихъ сдѣлалось извѣстно губернской управѣ, она предложила завѣдующему оцѣночно-статистическимъ отдѣломъ В. Ф. Арнольду объявить служащимъ въ его отдѣлѣ, что они не имѣютъ права собираться въ управѣ для обсужденія вопросовъ, не имѣющихъ отношенія къ оцѣночнымъ работамъ, и что въ случаѣ осуществленія ими намѣренія послать порицаніе предсѣдателю екатеринославской губ. земской управы, будутъ приняты мѣры для устраненія подобныхъ незаконныхъ дѣйствій. Завѣдующій отдѣломъ передалъ служащимъ распоряженіе управы въ его первой части; что же касается вопроса объ „осуществленіи намѣренія" служащихъ, то онъ отклонилъ отъ себя исполненіе этого порученія, находя, что не въ правѣ вмѣшиваться въ дѣйствія служащихъ, носящія частный характеръ и къ службѣ отношенія не имѣющія. Бумага, адресованная первоначально г. Арнольду, была вновь получена имъ въ пакетѣ на имя „статистическаго отдѣла", что̀ поставило его въ необходимость созвать всѣхъ служащихъ отдѣла и сообщить имъ содержаніе бумаги управы. Предостереженіе управы

не могло возъимѣть дѣйствія, такъ какъ письмо г. Родзянко было уже послано. Тогда управа увѣдомила г. Арнольда, что онъ увольняется отъ службы за допущеніе въ зданіи управы совѣщанія служащихъ ввѣреннаго ему отдѣла по предмету, не имѣющему отношенія къ оцѣночнымъ работамъ, несмотря на сдѣланное управой предостереженіе. Черезъ недѣлю управа постановила уволить и всѣхъ служащихъ въ статистическомъ отдѣлѣ, за отсылку письма г. Родзянко. Увольненіе г. Арнольда и всего статистическаго отдѣла вызвало большое возбужденіе въ земскихъ кругахъ и среди служащихъ, тѣмъ болѣе, что по вопросу объ увольненіи всѣхъ статистиковъ голоса членовъ управы раздѣлились пополамъ, и постановленіе получило силу лишь благодаря перевѣсу голоса предсѣдателя управы, г. Гордѣенко. Уже давно между нынѣшнимъ составомъ земской управы и нѣкоторыми видными служащими по вольному найму установились весьма натянутыя отношенія, и конфликтъ рано или поздно долженъ былъ произойти. Теперь онъ произошелъ, и притомъ въ размѣрахъ чрезвычайныхъ. Въ управу посыпались прошенія объ увольненіи отъ должностей отъ служащихъ разныхъ отдѣловъ, и теченію земскаго дѣла грозитъ чуть ли не полное разстройство. Болѣе 20 служащихъ уходятъ изъ земства. Рушатся отдѣлы оцѣночно-статистическій, санитарный, хозяйственный, сильно страдаетъ страховой, уходятъ солидные врачи изъ земской больницы. И чуть ли не всѣ уходящія лица, помимо ссылки на расправу съ служащими оцѣночно-статистическаго отдѣла, мотивируютъ свои ходатайства объ отставкахъ крайне тягостной атмосферой подозрительности, наушничества и сыска, среди которыхъ приходится служить. Надежды на то, что конфликтъ можетъ уладиться, почти нѣтъ никакой. Предсѣдатель управы заявилъ уже нѣкоторымъ солиднымъ служащимъ, что прошенія ихъ объ увольненіи будутъ приняты. Въ виду изъ ряда вонъ выходящаго факта ухода со службы массы служащихъ по вольному найму и крайне тяжкаго положенія земства, лишающагося заразъ многихъ незамѣнимыхъ работниковъ, члены управы гг. Костомаровъ и Линтваревъ—очевидно, тѣ, которые остались въ меньшинствѣ,—подали въ управу заявленіе о необходимости созванія экстреннаго губернскаго земскаго собранія. Состоялось ли это собраніе—не знаемъ; но рано или поздно харьковскому губернскому земству придется высказать свое мнѣніе о фактѣ, небываломъ въ лѣтописяхъ земскихъ учрежденій. Мы называемъ его небывалымъ именно потому, что разгромъ, въ данномъ случаѣ, исходитъ отъ самой земской управы, добровольно разрывающей связь со множествомъ полезныхъ и знающихъ дѣятелей и рискующей, изъ-за неважной причины, надолго разстроить весь ходъ земскаго дѣла. Если даже на сторону меньшинства управы станетъ большинство земскаго собранія, трудно будетъ со-

брать во-едино разсыпавшуюся храмину; многіе изъ удаленныхъ могутъ найти къ тому времени другія занятія и отказаться отъ возвращенія въ обстановку, тяжесть которой чувствовалась ими еще до наступленія кризиса... Стòитъ только харьковскому инциденту повториться еще нѣсколько разъ—и ряды земской службы будутъ пополняться заурядными работниками, видящими въ ней только средство къ жизни.

Далеко не благопріятный свѣтъ на земскую администрацію бросаетъ и процессъ бывшаго эконома симферопольскихъ земскихъ богоугодныхъ заведеній, Шкредова, съ священникомъ этихъ заведеній, о. Беззабавой. По объясненію Шкредова, онъ былъ уволенъ отъ должности вслѣдствіе обвиненія его о. Беззабавой въ штундизмѣ и въ пропагандѣ этой ереси среди другихъ служащихъ. На судѣ предсѣдатель губернской земской управы Харченко и членъ ея Серебряковъ, завѣдующій богоугодными учрежденіями, утверждали, что поводомъ къ увольненію Шкредова послужили вовсе не его вѣрованія; но, по показанію самого Серебрякова, онъ обращался къ епархіальному миссіонеру для выясненія религіозныхъ убѣжденій Шкредова, а по словамъ миссіонера, Серебряковъ говорилъ ему, что впредь до полученія отъ него сообщенія о принадлежности или непринадлежности Шкредова къ штундистамъ со стороны управы никакихъ мѣръ противъ Шкредова принято не будетъ. Между тѣмъ, на судѣ епархіальный миссіонеръ заявилъ, что по совѣсти не можетъ считать Шкредова штундистомъ. Когда Шкредовъ, еще до суда, обращался къ священнику Беззабавѣ съ просьбою указать хоть одинъ фактъ, дающій основаніе считать Шкредова штундистомъ, священникъ отвѣтилъ: „достаточно того факта, что одна изъ сидѣлокъ до поступленія Шкредова на службу пожертвовала на церковь при богоугодныхъ заведеніяхъ разновременно до 1.000 руб., а съ поступленіемъ Шкредова жертвовать перестала"... Что городской судья оправдалъ священника, котораго Шкредовъ обвинялъ въ клеветѣ—это совершенно понятно: признаковъ клеветы, въ юридическомъ смыслѣ слова, утвержденіе о принадлежности кого-либо къ штундизму въ себѣ не заключаетъ. Съ формальной стороны не виновата и управа, не вышедшая за предѣлы своихъ полномочій; но едва ли можно отрицать, что разслѣдованіе религіозныхъ убѣжденій служащаго и увольненіе его по одному лишь *подозрѣнію* въ ихъ неправильности — ненормальныя явленія земской жизни. На стражѣ противъ еретической пропаганды стоятъ другія учрежденія и лица, не нуждающіяся въ поддержкѣ добровольцевъ изъ числа земскихъ дѣятелей.

Нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ принимаетъ самыя различныя

формы. У людей болѣе развитыхъ и, слѣдовательно, болѣе сдержанныхъ она выражается въ такихъ пріемахъ, какіе раскрылъ процессъ Шкредова; толпу она побуждаетъ, отъ времени до времени, къ прямому, грубому насилію, не всегда встрѣчающему отпоръ со стороны крестьянскихъ властей. Вотъ что произошло недавно, по словамъ „Южанина“, въ селѣ Тишковкѣ, елизаветградскаго уѣзда (херсонской губерніи). Штундистъ Шевченко, проживающій въ м. Братолюбовкѣ, по дорогѣ зашелъ въ Тишковку и остановился у одного изъ тамошнихъ штундистовъ, Удодова. Черезъ нѣкоторое время къ Удодову пришелъ еще одинъ штундистъ. Въ домъ вошелъ сельскій староста, который призналъ, что штундисты устроили собраніе для моленія, и отправилъ хозяина и его двухъ гостей въ холодную. Черезъ нѣкоторое время въ сельское правленіе пришелъ по своему личному дѣлу штундистъ Муцетъ. „А, ты пришелъ провѣдать братчиковъ!“— воскликнулъ староста, и приказалъ Муцета также отправить въ холодную. Въ холодной Муцетъ жаловался товарищамъ на свое нездоровье. Къ вечеру ему сдѣлалось очень плохо, такъ что онъ отъ пищи отказался и промучился всю ночь. На другой день утромъ арестованные штундисты были освобождены. Жена Муцета тотчасъ же отвезла его въ новоархангельскую земскую больницу. Муцетъ пробылъ въ больницѣ три дня. Пріѣхавшая на третій день жена Муцета увидѣла, что мужу очень плохо. Не желая, очевидно, чтобы мужъ ея умеръ въ больницѣ, она повезла его домой въ Тишковку. По дорогѣ Муцетъ скончался, какъ полагаетъ врачъ—отъ заворота кишокъ. Погребеніе Муцета послужило поводомъ къ дикой расправѣ съ штундистами. Муцета хотѣли похоронить внѣ ограды одного изъ трехъ сельскихъ кладбищъ. Крестьяне не допустили этого и набросились на штундистовъ, которыхъ били палками, кулаками и пр. Штундисты попрятались въ свои дома, но толпа принялась разбивать окна. Нѣкоторые благоразумные крестьяне сдѣлали попытку защитить штундистовъ и успокоить толпу, но послѣдняя пригрозила непрошеннымъ защитникамъ тѣмъ же, и послѣдніе поспѣшили ретироваться. На другой и третій день, когда хотѣли при помощи сельскихъ властей похоронить трупъ Муцета внѣ оградъ двухъ другихъ кладбищъ, повторилась та же исторія. Лишь на четвертый день трупъ Муцета похороненъ былъ въ 10 верстахъ отъ Тишковки, въ чистомъ полѣ. Троихъ изъ избитыхъ освидѣтельствовали земскіе врачи, причемъ оказалось, что тѣла штундистовъ были покрыты множествомъ кровоподтековъ; у одного нѣсколько зубовъ выбито. Врачи донесли о результатахъ освидѣтельствованія прокурорскому надзору, причемъ установили, что нанесенные потерпѣвшимъ побои по многочисленности, продолжительности и болѣзненности носятъ характеръ истязанія... Нѣчто подобное, но,

къ счастію, безъ вины властей, произошло на дняхъ въ Кіевѣ. По словамъ „Кіевлянина", „вечеромъ 12-го августа, на Бульонской улицѣ, въ одной изъ квартиръ дома № 58, происходило собраніе сектантовъ, въ числѣ болѣе 80 человѣкъ обоего пола; пѣніе ихъ было слышно на улицѣ. Трое чернорабочихъ, бывшихъ навеселѣ, вошли въ помѣщеніе собранія и стали требовать на водку. Ихъ попросили удалиться, но они подняли шумъ, стали ругаться, и ихъ пришлось удалить болѣе крутыми мѣрами. Босяки выбѣжали на улицу и стали кричать, что ихъ бьютъ. Толпа пыталась ворваться во дворъ, но дворникъ заперъ ворота; тогда буяны съ криками и шумомъ стали чѣмъ попало ломать ворота, а другіе швыряли камни въ окна второго этажа. Имъ удалось сорвать ворота съ петель, предварительно сломавъ ихъ; они ворвались во внутрь усадьбы и цѣлымъ градомъ каменьевъ стали разбивать стекла въ большомъ стеклянномъ коридорѣ. Обыватели усадьбы были въ большой паникѣ; неизвѣстно, до чего дошло бы дѣло, еслибы буяны не услышали свистка ночного сторожа. Они оставили усадьбу, боясь прихода полиціи, но, какъ оказывается, устроили засаду. Когда часть сектантовъ, главнымъ образомъ мужчины, вышли на улицу, на Лабораторной улицѣ ихъ нагнала толпа и стала избивать палками, бросать камни и т. д. Бòльшую часть женщинъ и дѣтей, оставшихся изъ страха въ квартирѣ, гдѣ происходило собраніе, проводилъ затѣмъ домой явившійся городовой. Въ коридорѣ почти всѣ стекла разбиты; также много стеколъ разбито въ домѣ № 58 со стороны улицы"... Какъ ни печальны подобныя явленія, обвинять за нихъ огульно народную массу было бы крайне несправедливо. Нашъ народъ, говоря вообще, относится къ иначе вѣрующимъ безъ всякой вражды, безъ озлобленія. Чтобы пробудить въ немъ фанатизмъ, нужно стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ—накопленіе буйныхъ элементовъ, особенно возможное въ большихъ городахъ, или подстрекательство отдѣльныхъ лицъ, или злоупотребленіе властью (какъ въ с. Тишковкѣ), или, наконецъ, стихійное раздраженіе, вызываемое иногда зрѣлищемъ непривычныхъ, мало понятныхъ житейскихъ порядковъ (напр. воздержанія отъ водки, отъ ссоръ и ругательствъ). Почвой для всхода брошенныхъ такимъ образомъ сѣмянъ служитъ все еще слишкомъ широко распространенное невѣжество и связанная съ нимъ неустойчивость ума и воли. Избіеніе сектантовъ—это одинъ изъ наружныхъ признаковъ зла, искоренимаго только просвѣщеніемъ.

Къ источникамъ просвѣщенія, въ которомъ такъ нуждается и котораго такъ жаждетъ русскій народъ, присоединяются, въ послѣднее время, народные дома и другіе центры разумныхъ развлеченій, устраиваемые попечительствами народной трезвости и частными обществами. Для того, чтобы они могли привести къ желанной цѣли, необходимо,

чтобы въ устроенныхъ для народа садахъ, театрахъ, читальняхъ и т. п. онъ чувствовалъ себя какъ дома—конечно, не въ смыслѣ распущенности и разнузданности, а въ смыслѣ отсутствія всякихъ ненужныхъ стѣсненій. Стóитъ только дать понять народу, что двери „народнаго" дома открыты для него какъ бы изъ милости, что, памятуя оказываемое ему снисхожденіе, онъ долженъ хранить видъ униженный и смиренный—и въ домѣ водворится пустота, менѣе всего желательная для его учредителей; народная волна опять отхлынетъ туда, гдѣ грязно, но привольно. Народный домъ Императора Николая, недавно открытый въ Петербургѣ, сразу, повидимому, занялъ надлежащее положеніе, сразу взялъ правильную ноту: его посѣтителямъ изъ среды народа дышется такъ же легко и свободно, какъ и посѣтителямъ изъ среды „общества" — и его постоянно наполняютъ народныя массы. Казалось бы, что этому можно только радоваться; но не такъ представляется дѣло сквозь призму застарѣлаго барства. „Нужно видѣть"— пишетъ петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 220),—„какъ всѣ эти Иваны и Сидоры ходятъ въ народномъ домѣ и во всѣхъ загородныхъ садахъ, съ какимъ сознаніемъ собственнаго превосходства... Смотришь на этакого Ивана Безроднаго, какъ онъ преважно шествуетъ въ саду съ цыгаркой въ зубахъ во всемъ величіи смазныхъ сапогъ, и чувствуешь, что это уже не Иванъ Безродный, а самъ Аховъ [1], который завтра сядетъ за столъ и спроситъ: чего моя нога хочетъ?"... Какъ характерна эта выходка для цѣлой группы людей, ничего не забывшихъ и ничему не научившихся! Въ первыхъ проблескахъ настроенія, вызываемаго чувствомъ *собственнаго достоинства*, они видятъ проявленія вѣры въ *собственное превосходство* — и приходятъ въ ужасъ отъ произведенія своей фантазіи. „Народъ" — восклицаетъ поклонникъ традиціонныхъ привилегій, — „тотъ народъ, который пришелъ въ столицу на заработки, начинаетъ понимать, что онъ что-то такое особое, выдающееся, какая-то сила, съ которою всѣ считаются, которою всѣ интересуются... Конечно, всѣмъ этимъ Иванамъ и Сидорамъ еще далеко до представленія о peuple souverain, но уже что-то начинаетъ бродить въ этихъ темныхъ головахъ, въ которыя со всѣхъ сторонъ вдалбливаютъ: ты сила, ты богъ, тобою все, безъ тебя ничего". Когда Иванъ Безродный совсѣмъ обратится въ Ахова, тогда"—таково заключительное пророчество испуганнаго „охранителя" — „наше народничанье съ насъ сейчасъ соскочитъ; но до тѣхъ поръ много воды утечетъ, и дай Богъ, чтобы *только* (курсивъ въ подлинникѣ) воды". Этотъ послѣдній намекъ достойно вѣнчаетъ зданіе, возведенное отчасти страхомъ, отчасти негодованіемъ неиспра-

---

[1]) Одинъ изъ „самодуровъ", выведенныхъ на сцену у Островскаго.

вимаго крѣпостника при видѣ бывшаго раба, осмѣливающагося считать себя человѣкомъ.

Мы говорили недавно о „русской высшей школѣ общественныхъ наукъ", учреждаемой въ Парижѣ. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 197) напечатано теперь извлеченіе изъ устава этого учебнаго заведенія. Высшая школа общественныхъ наукъ учреждается при „Русской группѣ международнаго союза для развитія наукъ, искусствъ и образованія". Преподаваніе въ школѣ будетъ вестись преимущественно на русскомъ языкѣ и будетъ состоять, во-первыхъ, изъ систематическихъ курсовъ по различнымъ отраслямъ обществовѣдѣнія, изъ отдѣльныхъ лекцій и рефератовъ и, наконецъ, изъ практическихъ занятій, экскурсій, осмотровъ и пр. Профессоры школы и лица, читающія при ней отдѣльныя лекціи, пользуются полною свободой преподаванія подъ своею личною отвѣтственностью и въ предѣлахъ существующаго во Франціи законодательства. Совѣту профессоровъ принадлежитъ завѣдываніе дѣлами школы. Изъ своей среды совѣтъ избираетъ исполнительную коммиссію, состоящую изъ пяти членовъ: предсѣдателя, двухъ товарищей его и двухъ секретарей. Предсѣдателемъ совѣта избранъ на 1901-2 г. И. И. Мечниковъ, товарищами предсѣдателя—М. М. Ковалевскій и Е. В. де-Роберти, генеральнымъ секретаремъ — Ю. С. Гамбаровъ. Школа открыта для всѣхъ и преподаваніе въ ней безплатное; 10 франковъ въ годъ взимается только съ тѣхъ постоянныхъ слушателей, которые пожелаютъ, доказавъ свои занятія, получить свидѣтельство объ успѣшныхъ занятіяхъ въ школѣ. Предполагается 13 каѳедръ: 1) философія и методологія математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ наукъ; 2) философія и методологія общественныхъ наукъ; общая соціологія; 3) всеобщая исторія; 4) статистика и географія; 5) антропологія и этнографія; 6) сравнительное языковѣдѣніе; 7) исторія религій; 8) исторія экономическихъ отношеній и ученій; 9) исторія политическихъ ученій и учрежденій; 10) исторія идей и учрежденій гражданскаго права (семья, собственность, наслѣдованіе и т. д.); 11) соціальная криминологія; 12) исторія метафизическихъ и нравственныхъ ученій; 13) исторія литературы и искусствъ. Въ числѣ профессоровъ и преподавателей состоятъ: бывшій проф. московскаго университета М. М. Ковалевскій, бывшій проф. петербургскаго унив. Н. И. Карѣевъ, бывш. проф. моск. унив. Ю. С. Гамбаровъ, бывш. проф. кіевск. университета Е. В. Аничковъ, бывш. проф. спб. университета А. А. Исаевъ, профессоры кіевск. унив.—И. В. Лучицкій, брюссельск. унив.—Е. В. де-Роберти и И. И. Щепкинъ и др. Администрація школы разсчитываетъ, кромѣ того, на участіе И. И. Мечникова, А. И. Чупрова, Н. А. Карышева, В. И. Семевскаго, М. И.

Туганъ-Барановскаго, С. А. Венгерова, П. Б. Струве и др. Въ блестящемъ успѣхѣ поставленнаго такимъ образомъ дѣла едва ли можно сомнѣваться.

Въ жизни скончавшагося недавно Н. Ѳ. фонъ-Крузе, наполненной честнымъ, полезнымъ, но, бо̀льшею частью, мало замѣтнымъ трудомъ, было два момента, когда его имя становилось предметомъ вниманія и сочувствія въ широкихъ сферахъ русскаго общества. Въ первый разъ это случилось благодаря должности, рѣдко дающей право на популярность. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Н. Ѳ. былъ цензоромъ въ Москвѣ—и съумѣлъ поставить себя такъ, что увольненіе его отъ службы было настоящимъ горемъ для образованныхъ читателей. Его просвѣщенному взгляду, его свободѣ отъ эгоистическихъ опасеній, заставляющихъ охранять прежде всего самого себя, свою служебную карьеру, въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ „Русскій Вѣстникъ", именно тогда занявшій первое мѣсто въ рядахъ умѣренно-либеральной печати. Само собою разумѣется, что нѣсколькими годами раньше или позже такой цензоръ былъ бы совершенно немыслимъ: раньше—потому что отъ цензуры требовалось подавленіе всякаго проблеска свободной мысли, позже—потому что на почвѣ борьбы между преобразовательными и регрессивными тенденціями вновь успѣло вырости недовѣріе къ литературѣ. Цензорская дѣятельность Н. Ѳ. совпала съ тѣмъ короткимъ періодомъ, когда необходимость коренныхъ реформъ одинаково признавалась и правительствомъ, и лучшею частью общества, а сторонники застоя не рѣшались идти дальше глухого ропота и салоннаго фрондерства. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что кромѣ Крузе нашелся только одинъ цензоръ (В. Бекетовъ, въ Петербургѣ), обратившій цензуру въ союзницу печати. Большой заслугой было, слѣдовательно, умѣнье понять знаменія времени, еще бо̀льшей—рѣшимость сообразовать съ ними цензорскую дѣятельность. Продолженіе этой дѣятельности въ томъ же духѣ скоро сдѣлалось невозможнымъ — и Н. Ѳ. въ 1859 г. оставилъ службу. Ему поднесенъ былъ адресъ, подписанный наиболѣе выдающимися представителями литературы; существовала даже, какъ видно изъ любопытныхъ писемъ М. Н. Каткова къ В. П. Безобразову [1]), мысль объ открытіи въ честь его „національной подписки". Осуществилась ли эта мысль—не знаемъ (самъ Катковъ, повидимому, то бралъ ее назадъ, то вновь старался пустить въ ходъ); но чрезвычайно характерно уже самое ея появленіе. Крузе—писалъ тогда Катковъ—„былъ піонеромъ новой области, которая открылась для русской мысли и слова; онъ

---

[1]) Они напечатаны, послѣ смерти Крузе, въ „Новомъ Времени" (№ 9140).

шелъ впередъ, развѣдывая пути, не отступая ни на шагъ... Интрига (веденная противъ Крузе) со временемъ откроется, и само правительство отдастъ ему должную справедливость, потому что, дѣйствуя по своему убѣжденію, онъ дѣйствовалъ не вопреки истиннымъ стремленіямъ верховной власти и служилъ ей честно и вѣрно". Шесть лѣтъ спустя, при открытіи земскихъ учрежденій, Н. Ѳ. былъ выбранъ предсѣдателемъ ямбургской уѣздной, а вслѣдъ затѣмъ—с.-петербургской губернской земской управы. Онъ горячо принялся за дѣло; руководимое имъ, петербургское земство могло бы занять одно изъ первыхъ мѣстъ и служить, наравнѣ съ московскимъ, образцомъ для другихъ земскихъ губерній. Случилось иначе: въ январѣ 1867 г. земскія учрежденія петербургской губерніи были закрыты, а Крузе отрѣшенъ отъ должности. Положивъ конецъ земской дѣятельности Крузе, этотъ ударъ отразился на всемъ послѣдующемъ ходѣ земскаго дѣла въ петербургской губерніи. Исторія его до сихъ поръ еще не написана. Никто не могъ бы разсказать ее такъ хорошо, какъ самъ Крузе. Нужно надѣяться, что въ его бумагахъ найдутся, по крайней мѣрѣ, матеріалы, которыми могъ бы воспользоваться, впослѣдствіи, лѣтописецъ русскаго земства... Состоя предсѣдателемъ с.-петербургской земской управы, Н. Ѳ. внимательно слѣдилъ за развитіемъ земскаго дѣла въ другихъ губерніяхъ; въ это именно время онъ написалъ „Земскія обозрѣнія", напечатанныя въ нашемъ журналѣ (1866 г., №№ 1, 2 и 4). Въ концѣ жизни Н. Ѳ. возвратился на государственную службу (онъ былъ членомъ совѣта государственнаго дворянскаго земельнаго банка), но такого поприща, которое соотвѣтствовало бы его призванію, она передъ нимъ не открыла, и онъ можетъ быть причисленъ къ тѣмъ русскимъ людямъ, силы которыхъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, въ значительной мѣрѣ остались безъ надлежащаго примѣненія. Не маловажны потери, понесенныя, такимъ образомъ, русскою жизнью.

Другого рода испытанія пришлось перенести Г. А. Мачтету, скончавшемуся въ Ялтѣ, 14-го августа, не достигнувъ еще пятидесятилѣтняго возраста. Исключенный изъ гимназіи „за увлеченіе идеями Чернышевскаго", онъ два года пробылъ въ Америкѣ, занимаясь поденной работой; вскорѣ послѣ возвращенія въ Россію онъ былъ арестованъ и сосланъ сначала въ архангельскую губернію, потомъ въ Сибирь, пребываніемъ въ которой внушены нѣкоторые изъ лучшихъ его разсказовъ („Двѣ правды", „Мірское дѣло"). Тринадцать лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ о современныхъ русскихъ беллетристахъ („Вѣстникъ Европы" 1888 г., № 7) мы указали довольно подробно какъ сильныя стороны, такъ и недостатки произведеній Г. А. Мачтета. „Г. Мачтетъ"—говорили мы тогда—„никогда не остается равнодуш-

нымъ къ своему предмету. Если онъ слишкомъ усердно ищетъ средствъ и источниковъ вліянія на читателей, то это обусловливается именно интенсивностью чувства, подъ властью котораго онъ пишетъ. Онъ нанизываетъ одинъ оборотъ рѣчи на другой, вращается нѣсколько разъ вокругъ одной и той же точки не потому, чтобы ему нужно было прикрыть шумихой словъ пустоту мысли или холодность ощущеній, а потому, что все кажется ему недостаточнымъ и блѣднымъ сравнительно съ образами, носящимися передъ его глазами. Отсюда слабыя стороны г. Мачтета, но отсюда же и привлекательность лучшихъ его страницъ, полныхъ горячаго одушевленія. Такихъ страницъ не мало и въ „Жидѣ", продиктованномъ негодованіемъ противъ вѣковой несправедливости, и въ разсказахъ, дышащихъ ненавистью къ крѣпостному праву („И одинъ въ полѣ воинъ", „Его часъ насталъ!"), и въ картинахъ пробуждающейся жизни, общественной или личной („Именемъ закона!", „Онъ и мы", „Человѣкъ съ планомъ"). Всего выше г. Мачтетъ поднимается тогда, когда ему удается быть сдержаннымъ и простымъ—простымъ и въ обработкѣ сюжета, и въ способѣ изложенія. Таковъ онъ въ особенности въ разсказахъ изъ сибирской жизни". По удостовѣренію С. А. Венгерова, сочиненія Г. А. Мачтета очень нравятся иностранцамъ, цѣнящимъ восторженный призывъ автора къ добру и свѣту. Разсказы его переведены на языки французскій, англійскій, нѣмецкій, датскій, ново-греческій, польскій, чешскій, болгарскій, грузинскій.

Покойный Ѳ. Е. Ромеръ, большой знатокъ сельскаго хозяйства, талантливый публицистъ, писавшій сначала въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и „Русскомъ Вѣстникѣ", потомъ въ „Новомъ Времени", читателямъ нашего журнала извѣстенъ преимущественно какъ беллетристъ, далеко не лишенный дарованія. Особенно выдается его повѣсть: „Въ средѣ образовъ звѣриныхъ", окончаніе которой помѣщено въ настоящей книжкѣ „Вѣстника Европы". Раньше у насъ были напечатаны слѣдующіе его разсказы: „Дилеттанты" (1872 г., №№ 4-6), „Деревенскій Линчъ" (1876 г., № 7), „Счастливчикъ" (1884 г., №№ 9 и 10) и „Сестры" (1900 г., №№ 8 и 9).

Р. S. До насъ только-что дошли газеты, въ которыхъ напечатанъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 17-го августа, на имя начальниковъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Отлагая до слѣдующей книжки подробное изложеніе его содержанія, отмѣтимъ только тѣ его пункты, которые прямо касаются вопросовъ, затронутыхъ въ нашемъ внутреннемъ обозрѣніи. Подтверждая свой прежній циркуляръ по продовольственному дѣлу, намѣтившій виды участія зем-

ства въ продовольственномъ дѣлѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ „признаетъ соотвѣтственнымъ безотлагательное обсужденіе уѣздными земскими собраніями всѣхъ пострадавшихъ отъ недорода уѣздовъ вопроса о степени неурожая и мѣрахъ, которыя наряду съ указанными въ законѣ 12-го іюня 1900 года средствами вспомоществованія нуждающемуся населенію, путемъ выдачи продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ, могли бы быть приняты земствомъ съ тою же цѣлью. Придавая въ семъ отношеніи большое значеніе отзыву мѣстныхъ людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣла и бытовыми условіями сельской жизни, министръ находитъ соотвѣтственнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда указанные вопросы не были еще предметомъ обсужденія земскихъ собраній, созвать для разрѣшенія оныхъ чрезвычайныя какъ уѣздныя, такъ и губернскія земскія собранія, и просить губернаторовъ сдѣлать надлежащія по сему предмету распоряженія, не испрашивая, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, указаннаго въ ст. 66 Пол. земск. учр. разрѣшенія министерства, если предметомъ обсужденія собраній будутъ вопросы, до продовольственныхъ мѣропріятій относящіеся". Къ числу такихъ мѣропріятій министръ относитъ и общественныя работы. Надеждамъ нашихъ земствофобовъ на совершенное устраненіе земства отъ участія въ продовольственной кампаніи нанесенъ, такимъ образомъ, рѣшительный ударъ. Не увѣнчалась успѣхомъ и агитація ихъ въ пользу безусловной централизаціи и полнѣйшаго обезличенія частной помощи. По этому вопросу министръ внутреннихъ дѣлъ остановился на слѣдующихъ соображеніяхъ: „при всѣхъ значительныхъ неурожаяхъ общественная благотворительность частныхъ лицъ, какъ въ видѣ денежныхъ пожертвованій, такъ и путемъ личнаго труда по организаціи продовольственной помощи лицами, добровольно посвящающими свои силы этому дѣлу, приносила немаловажную пользу страдавшему отъ неурожаевъ населенію. Къ сожалѣнію, однако, начиная съ недорода 1891-1892 гг. и при всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ же бѣдствіяхъ, нерѣдко обнаруживалось, что иные благотворители наряду съ оказаніемъ матеріальной помощи жителямъ неблагополучныхъ мѣстностей стараются возбудить въ ихъ средѣ недовольство существующимъ порядкомъ и ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству. При этомъ не въ полной мѣрѣ удовлетворенная нужда, неизбѣжныя при этомъ болѣзни и разстройства хозяйства создаютъ весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежныя въ политическомъ смыслѣ лица для своихъ преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему. Обыкновенно, при первыхъ же извѣстіяхъ о значительномъ недородѣ, въ пострадавшую мѣстность стекаются отовсюду лица съ небезупреч-

нымъ политическимъ прошлымъ, стараются вступить въ сношенія съ пріѣзжающими изъ столицъ уполномоченными различныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій и принимаются ими по невѣдѣнію въ сотрудники на мѣста, чѣмъ создаются немаловажныя затрудненія интересамъ порядка и управленія. Руководствуясь этими соображеніями, министръ признаетъ нужнымъ предоставить губернаторамъ допускать, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, обращеніе къ частной благотворительности какъ нуждающихся обществъ, такъ и близко стоящихъ къ нимъ должностныхъ и частныхъ лицъ, путемъ печати и посредствомъ учрежденія добровольныхъ подписокъ и пріема пожертвованій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цѣляхъ устраненія всякихъ злоупотребленій въ семъ отношеніи какъ имущественнаго, такъ и иного характера, онъ такое проявленіе частной благотворительности, независимо отъ требованій, выраженныхъ въ циркулярѣ 19-го іюня сего года относительно печатанія въ періодическихъ изданіяхъ воззваній и приглашеній къ различнаго рода пожертвованіямъ, считаетъ совершенно необходимымъ подчинить контролю мѣстныхъ властей. Хотя никто изъ желающихъ не можетъ, собственно, быть лишенъ права участія въ дѣлѣ продовольственной помощи на свои личныя средства, но устраиваемыя кѣмъ бы то ни было съ этою цѣлью общественныя учрежденія, въ видѣ столовыхъ, врачебныхъ пунктовъ или пріютовъ, должны открываться не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстной власти, по надлежащемъ удостовѣреніи, что учрежденія эти не могутъ служить инымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ продовольственною помощью, цѣлямъ. Что же касается благотворительной дѣятельности на средства, собираемыя путемъ подписки и объявленій, то дѣятельность такого рода можетъ быть разрѣшаема лишь лицамъ, дѣйствительно способнымъ оправдать общественное довѣріе, а потому пожертвованія на указанный предметъ могутъ быть собираемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Засимъ, относительно командированія въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ, изъ столицъ, крупныхъ городскихъ центровъ и т. п., особыхъ уполномоченныхъ или группъ изслѣдователей, врачей, либо иныхъ представителей благотворительныхъ обществъ и кружковъ, министръ признаетъ необходимымъ установить, чтобы изъ столицъ командировались для дѣятельности этого рода лишь лица, относительно благонадежности коихъ не имѣется неблагопріятныхъ свѣдѣній въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ, чтобы всѣ такіе уполномоченные, какъ равно и лица, стоящія во главѣ командированныхъ для врачебно-продовольственной помощи отрядовъ, по прибытіи въ губернію, представлялись губернатору, который располагаетъ свѣдѣніями о томъ, гдѣ помощь населенію наиболѣе необходима, и руководились его указаніями въ отношеніи мѣста и по-

рядка своихъ дѣйствій, причемъ сотрудниковъ изъ числа мѣстныхъ обывателей избирали не иначе, какъ съ его разрѣшенія, и, наконецъ, отчеты о дѣятельности своей представляли въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чрезъ губернатора". Безспорно, этими распоряженіями создаются значительныя затрудненія для организаціи помощи на мѣстахъ, но все же она остается возможной и подчиняется, въ большинствѣ случаевъ, только *контролю*, а не руководству администраціи. Въ концѣ циркуляра выражена увѣренность, что періодическія сообщенія губернаторовъ о ходѣ продовольственной кампаніи „будутъ содержать въ себѣ безусловно достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи губерніи въ продовольственномъ отношеніи, чуждыя, въ равной мѣрѣ, какъ неумѣстнаго преувеличенія бѣдствія, такъ и опаснаго умаленія истинной степени продовольственной нужды".

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

На основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, симъ доводится до общаго свѣдѣнія, что на настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1) *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до татарскаго нашествія.* — Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ заимствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2) *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* — Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ:—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго по-

---

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

казать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія.

Примѣчаніе. Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3) *Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.*—Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западно-европейскихъ языковъ. — Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденія этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4) *Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.*—Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (общеславянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ М. И. Михельсона.

Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія.

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявляемымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою коммиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ.

Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ, и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

К. Н. Старке. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Переводъ съ французскаго. Изд. Л. Ѳ. Пантелѣева. Спб., 1901. Стр. XI+385. Ц. 1 р. 60 к.

Въ предварительной „замѣткѣ насчетъ (?) русскаго перевода", г. А. Поповъ (вѣроятно, редакторъ перевода) говоритъ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ имъ при своей работѣ въ виду отсутствія точнаго и полнаго изданія сочиненія К. Старке. Дѣло въ томъ, что „К. Н. Старке до сихъ поръ еще не удалось изложить свои изслѣдованія на своемъ родномъ языкѣ. Самое позднее изданіе ихъ — французскій переводъ 1891 года". Однакоже, когда переводчикъ сличилъ это изданіе съ нѣмецкимъ и англійскимъ переводами, то „вынужденъ былъ многое передѣлать по нѣмецкому переводу 1888 года, сдѣланному самимъ авторомъ". Но на какомъ языкѣ написано подлинное сочиненіе К. Старке —объ этомъ не сказано ни слова, и мы такъ и не узнаемъ изъ предисловія, каковъ „родной языкъ" автора. Намъ остается только догадываться, что вѣроятно это языкъ датскій, такъ какъ подъ предисловіемъ самого Старке значится: „Копенгагенъ. Январь 1888". Мы не разъ уже указывали на необходимость приводить подлинныя заглавія книгъ и точныя имена авторовъ, при переводѣ иностранныхъ сочиненій на русскій языкъ, для избѣжанія недоумѣній, и намъ кажется, что это простое и легко выполнимое требованіе вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ читающей публики. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собою книгу, заслуживающую полнаго вниманія: это замѣчательно добросовѣстное изслѣдованіе, изобилующее любопытными фактическими данными и освѣщающее предметъ съ разныхъ новыхъ сторонъ; ясное и общедоступное изложеніе оживляется полемикою противъ нѣкоторыхъ популярныхъ теорій—особенно Моргана и Макъ Леннана.

С. Н. Сыромятниковъ (Сигма). Опыты русской мысли. Книга первая. Спб. 1901. Стр. 319. Ц. 1 р.

Странное и претенціозное заглавіе книжки должно повидимому показать читателю, что въ ней содержится нѣчто совершенно новое и самостоятельное: „опыты" г. Сигмы должны какъ будто положить начало выработкѣ особой „русской мысли", которая до сихъ поръ замѣнялась у насъ общечеловѣческою или европейскою, т.-е., по мнѣнію автора, инородческою. Въ дѣйствительности книжка заключаетъ въ себѣ рядъ фельетонныхъ очерковъ, замѣтокъ и разсужденій по самымъ разнообразнымъ вопросамъ въ духѣ давно извѣстныхъ идей національной самобытности и государственнаго консерватизма. Авторъ любитъ парадоксы, неожиданныя сравненія и параллели, которыя даютъ ему случай выказать свою начитанность или даже ученость; изъ его словъ видно, что онъ ѣздилъ по всему свѣту, *бывалъ* и въ Америкѣ, и въ Индіи, и на дальнемъ Востокѣ. Самые „опыты русской мысли", какъ сообщаетъ г. Сигма въ предисловіи, были задуманы имъ „на Персидскомъ заливѣ" „и навѣяны русскими переселенцами Приморской области". Къ сожалѣнію, это обиліе пережитыхъ впечатлѣній отражается нѣкоторою растерянностью и сбивчивостью въ ходѣ мыслей автора, что, конечно, не могло способствовать правильному указанію истинныхъ путей русской мысли. „Западныя державы,—говоритъ между прочимъ г. Сигма, — захватили Америку, Австралію, Африку. Намъ, русскимъ, остался одинъ изъ плохихъ кусковъ Европы и небольшая обитаемая полоса сѣверной Азіи"... Мы прежде думали, что ужъ по части пространства отечественной территоріи намъ жаловаться невозможно,—что, напр., Европейскую Россію никакъ нельзя назвать „однимъ изъ плохихъ кусковъ (!) Европы" и что наши азіатскія владѣнія вовсе не представляютъ „*небольшой* обитаемой полосы сѣверной Азіи", если даже исключить тундры и тайги; а по „русской мысли" г. Сигмы выходитъ, что мы занимаемъ еще слишкомъ мало мѣста на европейско-азіатскомъ материкѣ, или что мѣсто это—плохое. Авторъ хотѣлъ высказать нѣчто оригинальное, а вышло что-то совсѣмъ непонятное или неправдоподобное. Такими qui pro quo переполнена книжка г. Сигмы. Въ полемикѣ противъ либерализма онъ настойчиво опровергаетъ то, чего никто не высказываетъ въ русской „либеральной" печати, и старательно умалчиваетъ о дѣйствительныхъ мнѣніяхъ „либераловъ"; а когда приходится къ слову,— напр., въ спорѣ съ княземъ Мещерскимъ, — г. Сигма столь же убѣжденно излагаетъ отъ себя разныя хорошія мысли о земствѣ, свободѣ печати и т. п., не замѣчая, что это и есть „русскій либерализмъ". Самоувѣренный тонъ автора мѣшаетъ впечатлѣнію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о предметахъ безразличныхъ; слово „и", повторяемое на каждомъ шагу безъ особенной надобности, не даетъ читателю слѣдить за описаніемъ или разсказомъ, а постоянные скачки отъ Индіи къ Европѣ и обратно—отнимаютъ охоту разбираться въ этихъ зигзагахъ мнимой „русской мысли".

С. П. Ранскій. Соціологія Н. К. Михайловскаго. Спб., 1901. Стр. XI+228.

Критическій этюдъ г. Ранскаго обстоятельно знакомитъ читателя съ содержаніемъ главныхъ работъ Н. К. Михайловскаго и даетъ имъ возможно-объективную оцѣнку, въ связи съ необходимыми литературными указаніями. Будучи почитателемъ г. Михайловскаго, какъ публициста, авторъ не принадлежитъ къ числу безусловныхъ поклонниковъ его „соціологіи"; по крайней мѣрѣ онъ допускаетъ, по отношенію къ ней, право критики.

Проф. В. Минто. Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ съ англійскаго С. А. Котляревскаго, подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Четвертое изданіе. Москва. 1901. Стр. XXIV+542.

Въ короткое сравнительно время книга проф. Минто завоевала у насъ прочное положеніе въ учебной литературѣ, въ качествѣ одного изъ лучшихъ популярныхъ руководствъ по научной логикѣ. Къ русскому переводу приложенъ сборникъ примѣровъ для упражненій въ логическомъ анализѣ, съ пояснительными введеніями, заимствованными у Бэна.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1901 г.
(Тридцать-шестой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Января	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА
принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1901.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть 1902 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

УМЕРШАЯ НАУКА

I.

Наука — отраженіе вѣчной истины въ человѣческомъ умѣ. Оно будетъ болѣе или менѣе отчетливымъ, смотря по свойствамъ феноменовъ, въ которыхъ преломляется на своемъ пути лучъ этой истины; но исчезнуть оно не можетъ,—пока существуетъ человѣческій умъ. Другими словами: съ человѣческой точки зрѣнія наука—вѣчна и умереть не можетъ.

Она вѣчна не только въ своей идеѣ, но и въ отдѣльныхъ своихъ проявленіяхъ. Дѣйствительно, характеръ этихъ проявленій обусловливается характеромъ тѣхъ феноменовъ, въ которыхъ преломляется лучъ истины прежде чѣмъ достигнуть человѣческаго ума. Но разъ освященный этимъ преломленіемъ—феноменъ получаетъ абсолютную цѣнность, обезпечивающую ему интересъ человѣчества на весь вѣкъ его существованія. „Умершая наука" — въ строгомъ смыслѣ слова — совмѣщеніе несовмѣстимыхъ понятій.

Противоположность наукамъ образуютъ съ этой точки зрѣнія *вѣрованія*. Они—созданія высшей потребности человѣческой души и живутъ поэтому лишь до тѣхъ поръ, пока жива потребность, призвавшая ихъ къ жизни. Находясь такимъ образомъ въ зависимости отъ подверженныхъ постояннымъ измѣненіямъ факторовъ, они возникаютъ и исчезаютъ, смѣняя отжившія формы и ѣняясь въ свою очередь новыми, порожденными новымъ фаомъ развитія общества. Исторія умственной культуры челоества усѣяна трупами умершихъ—естественной или насильэнною смертью—вѣрованій.

Бываютъ, однако, случаи, когда вѣрованія, не довольствуясь

той естественной, хотя и зыбкой почвой, которую они находятъ въ человѣческой душѣ, стараются вступить въ союзъ съ наукой, заимствуя и обнаруженные ею факты и законы, и примѣняемые ею методы. Дѣлаютъ они это, конечно, съ цѣлью обезпечить себѣ ту вѣчность, которая въ силу естественныхъ условій составляетъ достояніе науки; но результатъ отъ этого союза получается противоположный. Подчинившись чуждой ей цѣли, перейдя изъ вѣдѣнія созерцающаго въ вѣдѣніе желающаго и требующаго естества человѣческой души, наука перестаетъ быть отраженіемъ истины, которая, по законамъ оптики, можетъ отражаться только въ спокойной, а не во взволнованной стихіи. Вырванная изъ своей родной среды, она сохраняетъ лишь внѣшнее подобіе науки; на дѣлѣ же это призракъ, миражъ, движущійся не собственной силой, а произволомъ того вѣтра, который его уноситъ. Залога вѣчности въ немъ нѣтъ; проживъ свое время, онъ гибнетъ, доставляя пытливому наблюдателю интересное зрѣлище „умирающей", а вскорѣ затѣмъ „умершей науки".

Конечно, интересъ этого зрѣлища въ различныхъ случаяхъ различенъ; его степень зависитъ отъ блеска личностей, связавшихъ свои имена съ именемъ умершей науки, отъ суммы энергіи и остроумія, потраченныхъ на ея сооруженіе, отъ ея живучести въ предѣлахъ времени и мѣста, отъ ея вліянія на своихъ современниковъ, отъ того обаянія наконецъ, которое окружало ее при жизни. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія первенство среди умершихъ наукъ принадлежитъ той, характеристикѣ которой посвящена настоящая статья,—*астрологіи*; достаточно будетъ сказать, что, возникши въ эпоху зарождающагося стоицизма, перешедши изъ Греціи въ Римъ, изъ Рима въ Византію и къ арабамъ, возродившись съ новою силой въ эпоху возрожденія всѣхъ наукъ вообще, она насчитывала еще страстныхъ поклонниковъ въ эпоху Ришельё и Валленштейна и погибла лишь въ восемнадцатомъ вѣкѣ, послѣ двухтысячелѣтняго слишкомъ царствованія надъ умами людей.

Мы сказали, что астрологія возникла въ эпоху зарождающагося стоицизма; дѣйствительно, мы увидимъ, что и этотъ ядовитый анчаръ выросъ въ томъ же греческомъ вертоградѣ, изъ котораго мы получили всѣ наши науки и искусства. Ея источники, поэтому, греческіе и—за потерею греческихъ оригиналовъ—латинскіе. Такъ великъ и полонъ былъ, однако, мракъ забвенія, окутавшій астрологію послѣ ея гибели, что эти источники въ девятнадцатомъ вѣкѣ, возродившемъ почти всю прочую сокровищницу греческой и римской литературы, даже не издавались;

только въ самое послѣднее время они вновь привлекли интересъ естественныхъ блюстителей этой сокровищницы, филологовъ. Интересъ этотъ усилился, благодаря ряду греческихъ папирусовъ астрологическаго содержанія, найденныхъ за послѣдніе годы въ Египтѣ; работы по изданію всѣхъ этихъ матеріаловъ производятся компетентными людьми со всею той энергіей и тщательностью, которыя характеризуютъ филологическую дѣятельность нашихъ временъ. Кончатся эти работы еще не скоро; а по ихъ окончаніи назрѣетъ новая задача—опредѣлить такъ называемую филіацію астрологическихъ источниковъ, т.-е. ихъ зависимость другъ отъ друга, возстановить потерянныя звенья и т. д. Тогда только будетъ расчищена почва для возведенія зданія вполнѣ научной исторіи греческой астрологіи.

Но отдаленность срока вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія задачи не освобождаетъ историко-филологическую науку отъ обязанности посильнаго ея рѣшенія теперь же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается важнаго и интереснаго во многихъ отношеніяхъ вопроса. Съ этой точки зрѣнія мы должны быть обязаны ученому французскому филологу Буше-Леклерку, автору прекрасно извѣстной и у насъ четырехтомной „Исторіи вѣдовства въ древности", за его послѣдній, недавно появившійся трудъ по интересующему насъ вопросу (L'astrologie grecque, par A. Bouché-Leclercq. Paris 1899. 658 стр.). Это сочиненіе, счастливо совмѣщающее солидность научной подкладки съ живостью и остроуміемъ изложенія, послужило толчкомъ къ написанію настоящей статьи; ему же мы въ значительной мѣрѣ обязаны и матеріалами, вошедшими въ ея составъ.

II.

Звѣздное небо намъ, сынамъ сѣвера, ничего или почти ничего не говоритъ. Бѣлыя ночи лѣтомъ, холодныя ночи въ прочія времена года, дѣлаютъ его наблюденіе невозможнымъ или неудобнымъ; часы, компасъ и еще календарь дѣлаютъ его также излишнимъ. Вотъ почему оно большинству изъ насъ представляется наборомъ свѣтлыхъ точекъ, въ которомъ мы не видимъ да и не желаемъ видѣть ни порядка, ни смысла; мы въ крайнемъ случаѣ любуемся имъ, какъ красивымъ зрѣлищемъ, въ ясную, безоблачную ночь; но своей зависимости отъ него мы не признаемъ и не чувствуемъ.

Не то было въ старину, въ той благодатной странѣ юга,

которая родила и выростила нашу культуру. Вращеніе небеснаго свода, будучи само по себѣ въ тѣхъ широтахъ болѣе быстрымъ, чѣмъ у насъ, становилось вдвое замѣтнѣе вслѣдствіе большей прозрачности глубокаго южнаго неба, большей яркости звѣздъ. Его правильность рано была замѣчена; всѣ свѣтила мѣрнымъ торжественнымъ хороводомъ, то погружаясь въ волны моря, то опять всплывая на поверхность голубого эѳира, медленно кружились вокругъ огромнаго созвѣздія, которое одно постоянно оставалось на небосклонѣ. Это центральное созвѣздіе прежде всего и болѣе всего привлекало вниманіе наблюдателя. Наклоненное надъ сѣвернымъ горизонтомъ, оно казалось чудовищемъ изъ сѣверныхъ странъ, небеснымъ первообразомъ тѣхъ дикихъ звѣрей, которые иногда, спускаясь съ лѣсистыхъ балканскихъ горъ, наводили ужасъ на обитателей ихъ подножія. Его назвали поэтому Медвѣдицей. При нѣкоторомъ усиліи фантазіи удалось разобрать на небесномъ сводѣ ея хвостъ, ея туловище, ея четыре ноги, ея голову. Эта послѣдняя, обращенная къ югу, словно кого-то высматривала; взоръ переносился на югъ—и тамъ встрѣчалъ самое яркое созвѣздіе южнаго небосклона, огненнаго гиганта съ поясомъ изъ трехъ сверкающихъ звѣздъ. Если то была Медвѣдица, то здѣсь очевидно былъ ея естественный врагъ, вѣчный Охотникъ среди небесныхъ свѣтилъ. Тогда въ томъ другомъ, меньшемъ, но не менѣе яркомъ созвѣздіи, которое восходило на короткое время позади и пониже Охотника, пришлось признать его неотлучнаго Пса—„Пса на привязи" (Seirios Kyon, „Сиріусъ"). Очевидно, Охотникъ съ тѣмъ и кружится вокругъ Медвѣдицы, чтобы поразить ее; очевидно, Медвѣдица потому и вращается все на одномъ мѣстѣ, чтобы уберечься отъ его нападенія. Этимъ было найдено вполнѣ удовлетворительное объясненіе съ точки зрѣнія древнѣйшаго охотничьяго и пастушьяго быта.—Позднѣе оно показалось недостаточнымъ; Медвѣдица, символъ Артемиды, была принята за саму богиню; въ Охотникѣ былъ признанъ дерзновенный смертный, осмѣлившійся преслѣдовать своей любовью строгую дѣвственницу; онъ получилъ имя Любовника—Оріона (перв. Oarion—отъ oar, „любовь"). Охотникомъ онъ при всемъ томъ могъ оставаться, такъ какъ сама Артемида была богиней-охотницей; въ быстромъ погруженіи подъ горизонтъ, т.-е. снисхожденіи въ преисподнюю, можно было признать кару, постигшую его за его нечестіе,—и дѣйствительно, Одиссей въ аду видитъ его какъ вѣчнаго охотника преисподней, подобно тому какъ обитатели земли знаютъ его вѣчнымъ охотникомъ въ небесахъ.—Еще позже—полюбилось другое объясненіе. Медвѣдица была уже

не Артемидой, а одной изъ ея нимфъ, уступившею любви Зевса и нарушившею обѣтъ дѣвственности. За это она была превращена въ медвѣдицу, а ея сынъ, плодъ ея несчастной любви, выросъ подъ чудеснымъ покровительствомъ своего отца и сталъ со временемъ удалымъ охотникомъ. Однажды онъ встрѣтился съ тѣмъ звѣремъ, который былъ нѣкогда его матерью. Онъ замахнулся на него копьемъ, но боги, чтобы предотвратить невольное матереубійство, перенесли обоихъ въ среду небесныхъ свѣтилъ,—нимфу какъ Медвѣдицу, ея сына какъ „Стража медвѣдицы“ (Arctophylax или Arcturus). Въ качествѣ послѣдняго онъ отожествленъ, однако, не съ Оріономъ, слишкомъ далекимъ отъ Медвѣдицы, а съ близкимъ къ ней созвѣздіемъ, которое у Гомера называется Пастухомъ, Bootes; позднѣе имя Боота осталось за всѣмъ созвѣздіемъ, а имя Арктура перешло къ его наиболѣе яркой звѣздѣ. Но злопамятная Гера не могла простить страдалицѣ того, что она нѣкогда была ея соперницей, и упросила Океана не принимать ее въ свою прохладную купель.

Въ послѣднемъ объясненіи мы имѣемъ образчикъ той игры творческой фантазіи грековъ, которую они называли „катастеризмомъ“: небесное явленіе представляется вѣчнымъ, но безстрастнымъ памятникомъ того, что̀ нѣкогда происходило на землѣ. Благодаря такимъ катастеризмамъ, все небесное пространство было заселено бывшими обитателями земли, будь то люди, чудовища или даже предметы въ родѣ корабля Аргонавтовъ, вѣнца Аріадны или лиры Аріона. Герои и символы земныхъ подвиговъ и страданій были перенесены въ недвижную, безстрастную стихію; лишившись такимъ образомъ своей бурной земной природы, они сохранили, однако, тихую симпатію, тихую грусть или тихую злобу. Не наборъ свѣтлыхъ точекъ видѣлъ античный человѣкъ въ звѣздномъ небѣ: онъ взиралъ на него и его хорошо знакомыхъ обитателей съ чувствомъ то благодарности, то состраданія, то страха, какъ къ сонму высшихъ, одушевленныхъ существъ.

Но помимо этой пищи, которую давалъ его воображенію небесный сводъ, съ его правильнымъ, мѣрнымъ движеніемъ, онъ чисто практическимъ образомъ вліялъ на жизнь грека. Съ переходомъ отъ пастушьяго къ земледѣльческому быту, трудъ человѣка былъ поставленъ въ гораздо болѣе тѣсную зависимость отъ временъ года; а что чередованіе временъ года сопровождается восходомъ или закатомъ тѣхъ или другихъ свѣтилъ — это было нетрудно замѣтить. И вотъ звѣздное небо стало живымъ календаремъ грековъ, несравненно болѣе удобнымъ, чѣмъ неточные и различные

для различныхъ общинъ гражданскіе календари; имъ руководились для опредѣленія времени той или другой работы.

Ты, лишь на неба средину со Псомъ Оріонъ лучезарный
Выйдутъ, подъ утро жъ Арктура Заря розоперстая узритъ,
Всѣ виноградныя грозди отрѣжь и домой отнеси ихъ;
Десять и дней и ночей (sic) ты ихъ Солнцу показывать долженъ,
Пять дней въ прохладѣ держать; на шестой же въ объемистый выжми
Чанъ Діониса дары благодатнаго. А погрузятся
Въ море Плеяды, Гіады и славная мощь Оріона—
Долженъ ты помнить, о, другъ мой, что срокъ пахотьбы наступаетъ...

Это—мѣсто изъ „крестьянскаго календаря", какъ его называютъ, Гесіода, образецъ тѣхъ правилъ для полевыхъ работъ, которыя знали и понимали во всей Греціи. Но небесныя свѣтила были не одними только знаками—signa, какъ ихъ называли римляне,—по которымъ судили о наступленіи благопріятнаго времени для той или другой работы, — имъ приписывалось гораздо болѣе интимное участіе. Правда, мы можемъ только догадываться о чувствѣ стыда и страха, съ которымъ смотрѣлъ на стоявшаго въ зенитѣ Оріона нерадивый виноградарь, не успѣвшій убрать свой урожай; но вотъ образчикъ изъ того же крестьянскаго календаря въ нѣсколько иномъ родѣ: говорится про самый разгаръ лѣта, когда кузнечики на деревьяхъ трещатъ:

Тою порою... мужчины
Слабы: имъ Сиріусъ темя и бедра насквозь прожигаетъ,
Сохнетъ отъ зноя ихъ кожа...

Замѣтьте: не солнце послѣ восхода Сиріуса, а самъ Сиріусъ обезсиливаетъ мужчинъ; невзгоды знойнаго лѣта, съ его слабостью, лихорадками и т. д., приписываются непосредственному воздѣйствію вредныхъ лучей лютаго Пса небеснаго охотника,—недаромъ онъ сверкаетъ такимъ зловѣщимъ, такимъ багровымъ блескомъ, точно налитый кровью глазъ разъяреннаго чудовища! Дѣйствительно, этотъ Сиріусъ, кажущійся намъ яснымъ и скорѣе съ синеватымъ отливомъ, по единодушному свидѣтельству древнихъ, былъ красной звѣздой; это—самая интересная астрофизическая загадка изъ древняго міра.—Да, недоброе „вліяніе" имѣетъ на людей Сиріусъ; совершенно иной характеръ присущъ тѣмъ двумъ бѣлымъ звѣздамъ, которыя сіяютъ повыше Оріона на пути отъ него къ Медвѣдицѣ. Это—Діоскуры, Касторъ и Поллуксъ; къ нимъ взываетъ пловецъ, когда тучи окутали небо, и буря грозитъ гибелью его ладьѣ. Внемлютъ они его молитвѣ—разорвется покровъ тучъ, умолкнутъ вѣтры и волны, сладкимъ залогомъ

спасенія засіяетъ тихій свѣтъ божественной четы на небесной тверди. И грекъ не сомнѣвался въ томъ, что это онѣ, эти ясныя звѣзды, разогнали тучи и усмирили море;—онѣ помогаютъ, кому хотятъ, т.-е. добрымъ, а не злымъ:

А мы къ сицилійскимъ волнамъ поспѣшимъ,
Спасать корабли среди бури.
Преступное сердце съ эѳирныхъ высотъ
Спасенья отъ насъ не увидитъ;
Но тотъ, кто и правду, и долгъ свой хранилъ,
И жизнь не позорилъ,—тотъ милъ намъ,

—говорятъ онѣ сами у Эврипида („Электра", пер. И. Ѳ. Анненскаго). Итакъ, божественная сила звѣздъ несомнѣнна; мы всѣ подчинены ихъ могучему, хотя и глубоко таинственному „вліянію"... influentia, какъ говорили позднѣе римляне; у насъ это послѣднее слово опять вошло въ моду, съ утратой своего первоначальнаго, астральнаго характера, какъ имя загадочной болѣзни. И это вліяніе не только непосредственно, но и произвольно; не только произвольно, но и разумно. Такъ-то догматъ *всемірной симпатіи* (sympatheia tôn holôn) возникъ самъ собою въ народномъ сознаніи древнихъ грековъ; философіи было предоставлено обосновать и развить его и затѣмъ—передать его въ научно обработанномъ видѣ той царственной наукѣ, которой онъ былъ нуженъ, какъ необходимое основаніе ея выводовъ.

Но прежде чѣмъ это могло случиться, греческая философія должна была получить толчокъ извнѣ. Эпоха этого толчка—начало третьяго вѣка; все-же надлежитъ помнить, что медленная инфильтрація идей, о которыхъ будетъ рѣчь, могла происходить и дѣйствительно происходила и раньше. Но эта инфильтрація лишь въ слабой степени для насъ уловима; давая здѣсь лишь общую характеристику религіозно-научнаго движенія, создавшаго астрологію, мы имѣемъ право оставить ее безъ вниманія.

III.

Съ древнихъ поръ,—хотя и не столь древнихъ, какъ это воображали позднѣе,—систематическое наблюденіе небесныхъ свѣтилъ происходило въ долинѣ Евфрата, среди *халдеевъ*. Но не весь небесный сводъ одинаково привлекалъ ихъ вниманіе: лишенные творческой фантазіи грековъ, а равно и ихъ метафизическихъ наклонностей, они не знали догмата всемірной симпатіи и не чувствовали потребности вѣрить въ таковую. Звѣзды вообще

въ правильномъ движеніи кружились вокругъ земли—именно эта правильность не давала возникнуть мысли о ихъ божественности. Это свойство было приписано тѣмъ изъ нихъ, которыя именно своимъ уклоненіемъ отъ всеобщихъ законовъ доказывали, что въ нихъ живетъ самостоятельная сила; это были, прежде всего, оба „свѣтила" въ тѣсномъ смыслѣ, боги Шамашъ (солнце) и Синъ (луна), прокладывающіе себѣ свой собственный путь по небесной тверди. Правда, и ихъ движенія были закономѣрны, но зато они по временамъ затемняли свой божественный обликъ—очевидно, желая этимъ подать людямъ вѣсть о чемъ-то важномъ, имѣющемъ рѣшающее значеніе для ихъ жизни. Не менѣе ясна была наличность произвольной и, стало быть, божественной силы у пяти другихъ меньшихъ звѣздъ. И онѣ переходили отъ одного созвѣздія къ другому, но не правильнымъ шагомъ, какъ тѣ, а какимъ-то страннымъ, порывистымъ: то быстрѣе, то опять медленнѣе; случалось, что онѣ останавливались, затѣмъ шествовали въ обратномъ направленіи, затѣмъ опять съ удвоенной быстротой продолжали свой путь. Очевидно, и эти пять звѣздъ принадлежали къ богамъ-„возвѣстителямъ". Самой блестящей и свободной изъ всѣхъ было присвоено имя главнаго вавилонскаго бога, Мардука (Юпитеръ); въ красавицѣ-вечерней звѣздѣ признали богиню любви, Иштарь (Венера); багровая звѣзда о зловѣщемъ сіяніи была пріурочена къ богу смерти, Нергалу (Марсъ); равнымъ образомъ другая немилая звѣзда, желтая и медленная—къ мрачному Нинибу (Сатурнъ); оставшейся пятой, неотлучной спутницѣ солнца, дали имя бога мудрости и спеціально вѣдовства, Набу. Храмы халдейскіе, возвышавшіеся на семи террасахъ, позднѣе были сравнительно недурно приспособлены къ тому, чтобы служить обсерваторіями: приблизившись на цѣлыхъ семь этажей къ богамъ, можно было съ гораздо бо̀льшимъ удобствомъ вступать съ ними въ сношенія.

Такимъ образомъ, халдеи были творцами столь важной въ позднѣйшей астрологіи *семипланетной системы*; имъ же приходится приписать и первое установленіе ея необходимаго коррелата, *зодіака*—хотя и очень неполнаго. Дѣйствительно, не трудно было замѣтить, что всѣ планеты, включая солнце и луну, движутся всегда по одной и той же полосѣ небесной тверди—какъ равно и то, что пребываніе спеціально солнца въ той или другой ея части создаетъ чередованіе временъ года. Полоса эта состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ коихъ одна сильно возвышается надъ горизонтомъ, проходя почти черезъ зенитъ,—другая, сравнительно, очень мало. Пока солнце пребываетъ въ первой,—

длится жаркая и сухая пора года; когда оно переходитъ во вторую, начинается ненастная, зимняя пора. Эти зимнія ненастья жреческая мудрость объясняла тѣмъ, что солнце тогда погружается въ волны небесныхъ водъ: тѣ четыре, сравнительно отчетливыя созвѣздія, которыя составляли зимнюю половину зодіака, были поэтому названы именами водныхъ существъ. Это были: человѣкъ-скорпіонъ (съ котораго начиналось погруженіе солнца), коза-рыба, водолей (пора самыхъ обильныхъ дождей) и рыбы. Въ весеннее равноденствіе солнце, оставляя небесныя воды, начинало свое восхожденіе: его знакъ, поэтому, изображали на подобіе быка (самого солнца), передней частью своего тѣла вылѣзающаго изъ воды (такое изображеніе, добавимъ, осталось на всѣ времена за созвѣздіемъ Тельца). Затѣмъ оно, прошедши свою самую пріятную пору въ знакѣ благодатныхъ отроковъ-близнецовъ, превращалось въ лютаго, разрушительнаго звѣря въ созвѣздіи льва, и лишь въ знакѣ ласковой дѣвы умѣряло свой пылъ. Изъ этихъ-то восьми знаковъ, четырехъ водныхъ и четырехъ, такъ сказать, сухопутныхъ, состоялъ, насколько мы можемъ судить, халдейскій зодіакъ; ихъ имена, съ легкими измѣненіями, сохранились и понынѣ. Это 1—4) Скорпіонъ, Козерогъ, Водолей, Рыбы, и 5—8) Телецъ, Близнецы, Левъ, Дѣва. Я долженъ прибавить, что въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, въ силу такъ называемой „прецессіи", весеннее равноденствіе приходилось не въ мартѣ (астрономическомъ), а въ апрѣлѣ, т.-е. именно въ знакѣ Тельца.

Съ такимъ неполнымъ зодіакомъ, вычисленія позднѣйшей, классической астрологіи были немыслимы;—какъ составленіе гороскоповъ, такъ и опредѣленіе благопріятныхъ дней требовало полнаго, двѣнадцатизначнаго планетнаго пути. И дѣйствительно, нѣтъ никакихъ указаній на то, что эти вычисленія производились древними халдеями. Конечно, если вѣрить свидѣтельствамъ греческихъ и римскихъ астрологовъ, то придется всю ихъ сложную систему признать древне-халдейскимъ изобрѣтеніемъ; но въ томъ-то и дѣло, что эти свидѣтельства никакого довѣрія не заслуживаютъ. Въ такой сомнительной наукѣ, какой была астрологія съ ея произвольными и чисто условными постулатами, авторитетъ древности былъ часто единственнымъ, которымъ можно было прикрыть какое-нибудь вопіющее прегрѣшеніе противъ здраваго смысла; отсюда масса такихъ ссылокъ на „халдеевъ" и на глубокую древность, къ которымъ лишь въ самое послѣднее время стали относиться скептически. Самымъ вѣрнымъ способомъ разобраться въ настоящей халдейской астрологіи является

тотъ, при которомъ привлекаются исключительно оригинальные клинописные тексты, притомъ древнѣйшіе, а не тѣ, которые относятся къ эпохѣ Арсакидовъ, когда классическій востокъ успѣлъ уже испытать на себѣ воздѣйствіе греческой культуры.

Если же сосредоточиться на этихъ древнѣйшихъ текстахъ, то халдейская астрологія предстаетъ передъ нами въ довольно несложномъ видѣ. Правда (это необходимо предпослать), сосредоточиться на нихъ не особенно легко: приходится принимать на вѣру чтенія и толкованія ассирологовъ, а для нихъ астрологическіе тексты принадлежатъ къ самымъ темнымъ и труднымъ. Но отъ этого страдаютъ только частности; общая картина получается довольно ясная и вразумительная. Изъ этой общей картины видно, прежде всего, что халдейская астрологія не имѣла даже того внѣшняго подобія научности, которымъ позднѣе греческая астрологія подчинила себѣ умы даже серьезныхъ людей. Ея характеръ былъ чисто ремесленный: отмѣчается само явленіе, затѣмъ послѣдствіе, которое оно можетъ имѣть для земныхъ дѣлъ. Марсъ въ оппозиціи съ Сатурномъ (?)—„счастье царю"; съ Венерой—„шесть мѣсяцевъ царь остается въ странѣ"; съ Юпитеромъ—„гибель для страны" и т. д. Особенное значеніе приписывается лунѣ и ея затменіямъ; затѣмъ—ореоламъ и другимъ явленіямъ метеорологическаго характера. И здѣсь сообщаются примѣты: такое-то явленіе полезно для страны и царя, вредно для Финикіи; при такомъ-то—будетъ урожай; при другомъ—справедливость будетъ царить въ странѣ и т. д.

Какъ видно отсюда, предметомъ заботы халдейскихъ маговъ была высшая политика, царь и страна; они были придворными астрологами. При строго монархическомъ характерѣ восточныхъ государствъ естественно должно было возникнуть мнѣніе, что если астральные боги берутъ на себя трудъ сообщить что-либо человѣку, то это ихъ сообщеніе можетъ имѣть отношеніе только къ царю, а не къ простымъ смертнымъ. Вотъ почему мы настоящихъ гороскоповъ у этихъ подлинныхъ халдеевъ не находимъ. Мысль, что звѣзды озабочены судьбою также и обыкновеннаго человѣка—по тонкому и правильному замѣчанію Буше-Леклерка—была результатомъ греческаго демократизма; прибавлю отъ себя, что она имѣла своимъ основаніемъ греческій, а не восточный догматъ всемірной симпатіи.

IV.

Вотъ какова была нехитрая мудрость, которая, проникнувъ въ впечатлительную и воспріимчивую Грецію и получивъ въ ней, благодаря своему облыжному ореолу баснословной древности, широкое распространеніе, породила научную астрологію. Но для того, чтобы греческая почва могла воспринять и выростить восточное сѣмя, нужно было, чтобы новь народнаго сознанія была вспахана сохой *философской мысли*. Это случилось главнымъ образомъ въ V и IV вѣкахъ; но первыя, безсознательныя усилія въ указанномъ направленіи восходятъ къ началамъ греческой философіи. Іонійскіе мыслители съ ихъ наивной космогонической спекуляціей установляютъ догматъ единаго происхожденія вселенной изъ единаго *одушевленнаго* вещества, или, говоря правильнѣе, теоретически подкрѣпляютъ этотъ постулатъ народной вѣры; спеціально Гераклитъ, видѣвшій въ человѣческой душѣ „искру звѣзднаго естества", частицу того же огня, который живетъ и дѣйствуетъ въ небесныхъ свѣтилахъ, значительно содѣйствовалъ научному обоснованію догмата всемірной симпатіи. Ученіе Пиѳагора въ своей астрономической части было скорѣе неблагопріятно для позднѣйшихъ астрологическихъ домысловъ—гипотеза о движеніи земли отнимала у нихъ почву, но зато въ своей математической части снабдила будущихъ астрологовъ отличнымъ оружіемъ для ихъ мистическихъ конструкцій. Таинственное значеніе четы и нечеты, какъ женскаго и мужескаго рода въ ариѳметикѣ, священный характеръ троицы и седьмицы,—все это, развиваясь и пополняясь, перешло со временемъ въ арсеналы астрологовъ, которые удержали даже имя „успѣвающихъ" ученыхъ пиѳагоровой школы, mathematici. Все-же эта фантастическая ариѳметика и геометрія могли дать пищу лишь созрѣвшей астрологіи; ея возникновенію содѣйствовала гораздо болѣе философія Эмпедокла, этого мага среди грековъ V вѣка. Этотъ удивительный человѣкъ—кающійся богъ, какъ онъ себя называлъ—въ трояcомъ отношеніи подготовилъ нарожденіе астрологіи. Во-первыхъ, своимъ положеніемъ о Любви и Враждѣ, какъ обѣихъ дѣйствующихъ въ мірозданіи силахъ; это центральное положеніе его космогоніи если и не было прямымъ философскимъ выраженіемъ догмата всемірной симпатіи, то все-же уживалось съ нимъ какъ нельзя лучше. Во-вторыхъ, своимъ ученіемъ о четырехъ стихіяхъ, комбинаціями которыхъ являются всѣ существующіе въ мірѣ предметы, не исключая и человѣка;

этимъ ученіемъ однородность всего сущаго была подчеркнута гораздо энергичнѣе и нагляднѣе, чѣмъ даже устарѣвшими гипотезами іонійцевъ о происхожденіи міра изъ единаго вещества. И дѣйствительно, въ его принятой и дополненной Аристотелемъ формѣ это ученіе сдѣлалось одною изъ основныхъ аксіомъ позднѣйшей астрологіи, но для этого оно нуждалось въ вспомогательной гипотезѣ, установленіе которой было третьей заслугой Эмпедокла. Это была его теорія „изліяній" (aporrhoeae, effluvia), посредствомъ которыхъ предметы могутъ даже на далекомъ разстояніи оказывать дѣйствіе другъ на друга; такъ человѣкъ въ огненной части своего естества можетъ воспринимать изліянія огненной стихіи—т.-е. звѣздъ. Не трудно догадаться о томъ, съ какимъ жаромъ должна была со временемъ астрологія ухватиться за эту мысль, дававшую ей возможность благополучно разрѣшить одно изъ самыхъ серьезныхъ недоумѣній, возбуждаемыхъ ея построеніями; но объ этомъ вопросѣ еще впереди,—здѣсь же умѣстно будетъ замѣтить, что теорія изліяній находилась въ полномъ согласіи съ греческой физикой въ ея зачаточномъ и даже болѣе чѣмъ зачаточномъ видѣ. Еще Эпикуръ объяснялъ зрительныя ощущенія постоянными отдѣленіями отъ предметовъ „призраковъ" (simulacra), дѣйствующихъ на наше зрѣніе; въ сравненіи съ этимъ объясненіемъ то, которое предполагало „движеніе" или „колебаніе" среды (Kinêsis—зародышъ теоріи Ньютона), играло лишь очень скромную роль. Отсюда видно, сколь естественными должны были показаться эмпедокловы „изліянія" уму его современниковъ, грековъ V вѣка.

Но какъ высоко мы ни ставили бы заслуги Эмпедокла съ той—очень условной—точки зрѣнія, на которой мы стоимъ здѣсь,—несравненно сильнѣе было вліяніе Платона. Правда, у него немного такого, что̀ могло бы сослужить астрологіи непосредственную службу, но зато это немногое таково, что въ него можно было вложить многое, освящая и то и другое великимъ именемъ философа-пророка. Божественность „идей" заставляла признать ихъ обителью пространство въ вышнихъ сферахъ надъ звѣзднымъ небомъ; отсюда былъ только одинъ шагъ до отожествленія идей съ тѣми знаками, которыми младенческій умъ древнѣйшихъ грековъ населилъ небесную твердь, и если астрологія этого шага не сдѣлала, то потому только, что эти знаки внѣ узкой полосы зодіака ее не интересовали. Но и души, будучи родственны божественнымъ идеямъ, должны были обитать въ той же сферѣ звѣздъ, какъ и онѣ, и лишь необходимость земного существованія заставила дать имъ бренную оболочку въ видѣ тѣла. Это

тѣло не могло быть дѣломъ рукъ творца—Деміурга,—иначе оно было бы такъ же безсмертно, какъ и всѣ его творенія. Нѣтъ, онъ поручилъ его созданіе божествамъ *планетъ*, коихъ семь, Солнце, Луна, Меркурій, Венера и еще три „безъименныхъ". И такъ, планеты божественны—это разъ. Затѣмъ, свойства человѣка зависятъ отъ свойствъ или воли создавшей его планеты; это—богатая мысль, содержащая въ зародышномъ видѣ всю позднѣйшую „генетліалогію", т.-е. добрую половину практической астрологіи. Читатель замѣтитъ, что идеи вліянія планетъ на *рожденіе* человѣка мы не встрѣчали до сихъ поръ ни у греческихъ философовъ, ни у халдеевъ, ни въ греческой народной вѣрѣ; это—новое сѣмя, брошенное Платономъ, и его комментаторы уже позаботятся о томъ, чтобы оно не пропало даромъ: неоплатонизмъ сплошь и рядомъ подаетъ руку астрологіи.

Что касается Аристотеля, то его трезвая и сухая физика не давала пищи надъ-эѳирнымъ мечтаніямъ; все-же одинъ пунктъ его ученія можно было использовать—именно тотъ, въ которомъ онъ исправилъ ученіе Эмпедокла о стихіяхъ. Его систематическій умъ не удовольствовался той формой, которую придалъ этому ученію самъ авторъ: число и подборъ стихій должны были показаться ему произвольными, еслибы не удалось ихъ вывести логическимъ путемъ изъ болѣе простыхъ и раціональныхъ принциповъ. И Аристотелю это удалось. Изслѣдуя основныя свойства тѣлъ, онъ нашелъ, что они сводятся къ двумъ парамъ: сухое и влажное, теплое и холодное; помноживъ эти два бинома другъ на друга—$(a+b)\times(c+d)=ac+bc+ad+bd$—мы получаемъ именно наши четыре стихіи. Сухая и теплая стихія—это огонь; влажная и теплая—воздухъ; сухая и холодная—земля; влажная и холодная—вода. Безъ натяжки, какъ видитъ читатель, дѣло не обходится, но нельзя было требовать отъ астрологіи, чтобы она ее замѣтила и обнаружила. Напротивъ, ей было пріятно, что она хоть въ чемъ-нибудь могла позаимствоваться у Аристотеля и связать со своими конструкціями имя великаго философа—великаго также и въ своей физикѣ, о которой не слѣдуетъ судить по только-что приведенному образчику. И дѣйствительно, формула Аристотеля играетъ не послѣднюю роль въ тѣхъ квази-физическихъ объясненіяхъ планетныхъ изліяній и вліяній, которыми астрологи удовлетворяли научныя потребности своихъ довѣрчивыхъ и непритязательныхъ кліентовъ.

Теперь недоставало только одного, чтобы достроить философскій фундаментъ астрологіи. Міръ былъ одушевленъ и божественъ, доступный ощущенію и познаванію человѣка, благодаря

своей однородности съ нимъ, какъ макрокосма съ микрокосмомъ, обусловленной образованіемъ обоихъ изъ однѣхъ и тѣхъ же стихій, т.-е. однѣхъ и тѣхъ же комбинацій однихъ и тѣхъ же основныхъ свойствъ; та же однородность, при наличности излияній, подчиняетъ человѣка непосредственному воздѣйствію поднебесныхъ сферъ, занимаемыхъ божественными свѣтилами,—воздѣйствію, сказывающемуся всего сильнѣе при образованіи самого тѣла человѣка, или бренной оболочки его безсмертной души. Это—самое яркое, хотя и не единственное проявленіе всемірной симпатіи. Со всѣмъ этимъ можно было согласиться—и все-таки отрѣзать всѣ дальнѣйшіе выводы однимъ крайне серьезнымъ вопросомъ. Допустимъ, что судьба человѣка предопредѣлена вліяніемъ планетныхъ божествъ; можно ли отсюда вывести заключеніе, что это предопредѣленіе *можетъ сдѣлаться извѣстнымъ человѣку?* Скорѣе—нѣтъ; вѣдь что̀ я знаю, того я могу избѣгнуть; а разъ я могу его избѣгнуть, то гдѣ же тутъ предопредѣленіе? Какъ видитъ читатель, нашъ фундаментъ не могъ считаться законченнымъ до рѣшенія вѣчнаго спора о детерминизмѣ и свободѣ воли; положимъ, этотъ споръ стоитъ на порогѣ всякой теоріи вѣдовства; вездѣ жаждущаго откровеній встрѣчаетъ неумолимая дилемма: „либо судьба не предопредѣлена—тогда вѣдовство невозможно; либо она предопредѣлена—тогда оно безцѣльно". Но именно астрологія, какъ единственная построенная на философскихъ, научныхъ началахъ форма вѣдовства, должна была серьезнѣе, чѣмъ какая-либо другая, къ нему отнестись.

Къ счастью для нея, отъ этой работы ее освободила философская школа, сильнѣе прочихъ заинтересованная въ утвердительномъ, оптимистическомъ рѣшеніи вопроса о вѣдовствѣ—школа *стоическая*. Построивъ — въ противоположность раціонализму, скептицизму и индифферентизму другихъ ученій—свою метафизику и добрую часть своей этики на догматѣ существованія божества и попеченія о человѣкѣ, стоицизмъ жаждалъ возможности неопровержимо доказать этотъ свой коренной догматъ указаніемъ на фактичность вѣдовства; дѣйствительно, разъ вѣдовство есть, есть и божество, есть и его забота о человѣкѣ. Когда, поэтому, возникла новая наука, поставившая предугаданіе судьбы на твердую, какъ казалось, почву,—другія философскія школы отнеслись къ ней съ болѣе или менѣе явнымъ недоброжелательствомъ, но стоицизмъ принялъ ее съ полной готовностью, какъ желанную гостью и союзницу.

И тутъ мы дошли до того момента, когда на достаточно раз-

рыхленную почву греческой культуры было брошено сѣмя восточныхъ, халдейскихъ идей.

V.

Одной изъ наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ страницъ древней исторіи является сравненіе обоихъ важнѣйшихъ по ихъ вліянію на современность народовъ древности—грековъ и евреевъ —въ ихъ отношеніи къ иностраннымъ культурамъ.

У евреевъ это отношеніе—принципіально враждебное и пренебрежительное. Обладая традиціей, возводящей ихъ исторію въ непрерывномъ чередованіи поколѣній къ самому сотворенію міра, традиціей, въ которой они явно были выставлены избранниками среди народовъ и племенъ,—они a priori не могли признать превосходства, вообще или въ частностяхъ, чужой культуры передъ своею. По мѣрѣ того, какъ они стали знакомиться съ другими культурными народами восточнаго бассейна Средиземнаго моря, особенно съ египтянами и греками,—для нихъ становилось яснымъ, что всѣ культурныя блага этихъ народовъ были заимствованы когда-то у ихъ предковъ, что они, стало быть, были учителями народовъ. Греческая философія, прежде всего, ученица еврейской: Пиѳагоръ, Сократъ, Платонъ почерпнули содержаніе своего ученія изъ книгъ Моисея. Равнымъ образомъ и греческіе поэты, не только Гомеръ и Гесіодъ, но и баснословные, какъ Линъ и Мусей, были плагіаторами еврейскихъ книгъ, въ подтвержденіе чего приводились не только поразительныя созвучія, въ родѣ только-что упомянутыхъ именъ Мусея и Моисея, но и ясныя свидѣтельства—увы, подложныя!—всѣхъ названныхъ поэтовъ. Мало того,—даже языческія религіи, съ ихъ многобожіемъ и идолопоклонствомъ, были еврейскаго происхожденія: Моисей ввелъ культъ боговъ въ Египтѣ, а отъ египтянъ онъ перешелъ и къ другимъ народамъ. Все это приводится мною, разумѣется, ad memoriam vetustatis, non ad contumeliam civitatis, говоря словами Цицерона—и пожалуй еще съ одной задней мыслью: я думаю, кое-кому изъ нашихъ современниковъ, по сю и по ту сторону рубежа, полезно будетъ взвѣсить значеніе параллели, которая проводится здѣсь.

Дѣйствительно, діаметральную противоположность евреямъ образуютъ въ интересующемъ насъ вопросѣ эллины, и нигдѣ этотъ контрастъ не выступаетъ разительнѣе, чѣмъ въ сочиненіи перваго по времени грека, сознательно, хотя и поверхностно

изучившаго иностранныя культуры, Геродота. Пытливый, любознательный, жадный до всякаго ученія, откуда бы оно ни исходило, онъ и свой народъ представлялъ себѣ такимъ же умственно молодымъ ученикомъ всѣхъ и каждаго, какимъ онъ былъ самъ. Лишь только замѣтитъ онъ какое-нибудь сходство между роднымъ и иностраннымъ институтомъ, какъ для него становится яснымъ, что именно этому институту его предки научились у иностранцевъ. Конечно, настала и для Греціи пора, когда она заявила о своемъ культурномъ превосходствѣ передъ другими народами, но эта пора была порой упадка греческой культуры. Въ этомъ-то и заключается поучительность нашей параллели. Народу-ученику принадлежитъ міръ; кто самодовольно объявляетъ періодъ ученія своего народа оконченнымъ, тотъ этимъ самымъ жертвуетъ его будущимъ.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, т.-е. къ началу III вѣка до Р. X., Греція еще охотно сознавала себя ученицей. А поучиться было чему: незадолго до того, благодаря побѣдамъ Александра Великаго, заставы между Греціей и Востокомъ пали; сближеніе между греческой и восточной цивилизаціей произошло болѣе полное, чѣмъ когда-либо до того. Однимъ изъ результатовъ этого сближенія была дѣятельность вавилонскаго жреца *Бероса*, написавшаго на греческомъ языкѣ объемистое сочиненіе объ исторіи своей родной страны. Мы о немъ имѣемъ только смутное представленіе; все-же несомнѣнно, что не послѣднее мѣсто въ немъ занимали астрологическія наблюденія и примѣты, вся эта таинственная мудрость, накоплявшаяся въ глиняныхъ библіотекахъ вавилонскихъ царей за нѣсколько сотенъ тысячелѣтій... Да, нѣсколько сотенъ тысячелѣтій; Беросъ былъ щедръ на нули. По своему научному содержанію халдейская астрономія была не такова, чтобы особенно поразить греческихъ ученыхъ, которые къ тому времени, путемъ примѣненія къ результатамъ своихъ наблюденій математическаго метода, успѣли поставить свою науку на очень почтенный уровень—нужно было, поэтому, раздавить ихъ возраженія подъ тяжестью цифръ. Это было тѣмъ желательнѣе, что новымъ просвѣтителямъ грозила серьезная конкурренція со стороны египтянъ и ихъ „династій“, головокружительная древность которыхъ изумила еще Геродота; и дѣйствительно, какъ разъ къ этому времени египтянинъ Манеѳонъ выступилъ такимъ же посредникомъ между своимъ и греческимъ народомъ, какимъ былъ Беросъ для греко-вавилонскихъ отношеній. Беросъ, поэтому, опредѣлилъ древность своей родины, съ тѣхъ поръ какъ въ ней начали производиться астрономическія наблюденія,—въ 490.000

лѣтъ; въ такомъ почтенномъ возрастѣ можно было не бояться египетской конкурренціи.

Откровенія Бероса глубоко взволновали весь греческій міръ. Самъ жрецъ получилъ приглашеніе переселиться въ благодатный Косъ, тогда одинъ изъ центровъ эллинистической культуры и едва ли не самый привлекательный уголокъ греческаго міра, съ его древней (по греческимъ, но не вавилонскимъ понятіямъ) школой Асклепіадовъ—т.-е. медицинскимъ факультетомъ, по нашему, — съ его прекраснымъ, здоровымъ климатомъ, съ его живой умственной жизнью, о которой свидѣтельствуютъ стихотворенія Ѳеокрита и новонайденнаго Герода. Здѣсь эллинизованный вавилонянинъ нашелъ многочисленныхъ и благодарныхъ слушателей для своихъ лекцій; здѣсь, повидимому, произошло то соединеніе восточнаго оккультизма съ греческой наукой, плодомъ котораго была *научная греческая астрологія*.

Дѣйствительно, хотя мы и не знаемъ въ частности, много ли было новаго для грековъ въ астрономической наукѣ Бероса и халдеевъ—я уже сказалъ, что греческая астрономія развивалась и раньше, хотя, быть можетъ, и не безъ (неуловимыхъ для насъ) халдейскихъ инфильтрацій,—но одна мысль была во всякомъ случаѣ новостью для нихъ: божественныя планеты своимъ положеніемъ предвѣщаютъ человѣку будущее. За эту мысль одна часть греческихъ астрономовъ жадно ухватилась; другая, правда, отнеслась къ ней очень скептически. Въ астрономіи произошелъ расколъ. Примкнувшая къ халдейской мудрости группа естественно держалась и послѣ своихъ учителей и присвоила себѣ даже ихъ имя; отсюда—нарицательное: chaldaei, какъ обозначеніе *греческихъ* астрологовъ, начиная съ III вѣка до Р. Х.,—нарицательное, такъ долго вводившее въ заблужденіе и древнихъ, и новыхъ ученыхъ. Конечно, слава Эллады ничуть не пострадала бы, хотя бъ ей пришлось даже всю астрологію уступить Вавилону,—скорѣе напротивъ; все же справедливость требуетъ, чтобы мы и въ этой области соблюли принципъ: suum cuique. Вавилону принадлежитъ, кромѣ нѣкоторыхъ элементарныхъ астрономическихъ свѣдѣній, самый принципъ гаданія по затменіямъ и констелляціямъ, а равно его чисто ремесленное приложеніе въ отдѣльныхъ случаяхъ для предсказанія судьбы царей и царствъ; Греціи принадлежитъ философскій и систематическій духъ, превратившій ремесленную практику халдеевъ въ раціонально обоснованную и послѣдовательно развитую во всѣхъ своихъ частяхъ науку—или, по крайней мѣрѣ, квази-науку.

Приступая въ нижеслѣдующемъ къ изложенію этой квази-

науки, я прошу читателя не ожидать... или, говоря правильнѣе, не опасаться, что ему будетъ предложено нѣчто въ родѣ сокращеннаго руководства греко-халдейской астрологіи. Конечно, Буше-Леклеркъ имѣлъ право заявить, въ концѣ своего предисловія, съ чисто-французскимъ остроуміемъ: „on ne perd pas son temps en recherchant à quoi d'autres ont perdu le leur"; изгнанная изъ числа математическихъ и естественныхъ наукъ, астрологія нашла себѣ убѣжище въ храмѣ исторіи, какъ и всякая сила, когда-либо вліявшая на человѣческій умъ. Руководства греческой астрологіи, поэтому, необходимы, и заслуга только-что названнаго ученаго состоитъ именно въ томъ, что онъ съумѣлъ дать намъ таковое, вполнѣ удовлетворяя справедливыя требованія настоящей минуты. Но свою задачу я вижу, разумѣется, не въ томъ, чтобы эксцерптировать богатыя коллекціи французскаго филолога—тѣмъ болѣе, что безъ приложенія діаграммъ и другихъ чертежей такой эксцерптъ былъ бы невразумителенъ. Отсылая, поэтому, читателя за всѣми частностями къ труду Буше-Леклерка, я ограничусь изложеніемъ однѣхъ только руководящихъ идей, поскольку онѣ различимы для насъ въ лабиринтѣ конкуррирующихъ астрологическихъ системъ древняго міра. А затѣмъ мы, вновь поднявъ оставленную историческую нить, прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу астрологіи въ античную эпоху—ея побѣдное шествіе по всѣмъ землямъ римской имперіи, ея борьбу съ враждебными стремленіями философіи, науки, политики и религіи (особенно христіанской), ея мартирологъ и конечное торжество.

VI.

Прошу читателя представить себѣ рулетку—вообще похожую на ту, которая употребляется для извѣстной всѣмъ азартной игры. Только шариковъ въ этой рулеткѣ будетъ вмѣсто одного цѣлыхъ семь—золотой, серебряный, голубой, бѣлый, красный, розовый и черный. Затѣмъ, желобокъ у обода рулетки, по которому катятся шарики, раздѣленъ на двѣнадцать равныхъ отдѣленій, каждое изъ которыхъ снабжено особою надписью, имѣющею отношеніе къ жизни человѣка—„родители", „бракъ", „имущество" и т. д. Равнымъ образомъ и край вертящагося диска разбитъ на двѣнадцать отдѣленій, съ фантастическими знаками въ каждомъ изъ нихъ: водолеемъ, львомъ, скорпіономъ и т. д. Желающій узнать свою судьбу приводитъ рулетку въ движеніе. Это движеніе двойное: двѣнадцать отдѣленій диска быстро мѣ-

няютъ свое положенie относительно двѣнадцати отдѣленій обода, но и семь шариковъ точно также мѣняютъ свое положенie по отношенію къ тѣмъ и другимъ. Наконецъ, рулетка остановилась; голубой шарикъ занялъ мѣсто во „львѣ“ противъ „имущества“, серебряный—въ „рыбахъ“ противъ „счастья“, красный вмѣстѣ съ чернымъ—въ „скорпіонѣ“ противъ „дѣтей“ и т. д. Если мы теперь знаемъ значенie каждаго изъ шариковъ и каждаго изъ фантастическихъ знаковъ, то мы, комбинируя ихъ со значеніемъ отдѣленій обода, можемъ приняться за гаданie.

Такова, во всей своей простотѣ, основная схема греческой астрологіи; читатель, конечно догадался, что въ небесной рулеткѣ семи шарикамъ соотвѣтствуетъ семь планетъ съ ихъ семью отчасти дѣйствительными, отчасти символическими цвѣтами; равнымъ образомъ краю диска съ его двѣнадцатью фантастическими знаками—зодіакъ. Планеты движутся въ кажущемся безпорядкѣ, зодіакъ—мѣрно и правильно; недвижнымъ остается лишь „двѣнадцатидомный“ кругъ человѣческой жизни, представляющій изъ себя произвольный, но необходимый вымыселъ астрологовъ. Присмотримся ближе къ каждой изъ этихъ трехъ частей нашей системы.

Планеты, прежде всего, въ греческой астрологіи тѣ же, что и въ халдейской; даже относительно пріуроченія ихъ къ отдѣльнымъ богамъ греческаго Олимпа не было разногласій, если не считать планеты Меркурія, которую нѣкоторые пробовали-было дать Аполлону. Мы безъ труда можемъ представить себѣ, почему эта попытка не имѣла успѣха: первой союзницей астрологіи была стоическая философія, а она отожествляла Аполлона съ солнцемъ—пришлось голубую планету оставить тому другому божеству, одинаково родственному ея халдейскому обладателю, богу вѣдовства и мудрости, Набу. Но, послѣдовавъ въ этомъ пунктѣ за своими вавилонскими предшественниками, греки въ остальномъ были самостоятельны: они оставили Селенѣ—лунѣ—ея женскій полъ, въ противоположность богу-Сину, своихъ вдохновителей, и признали за Геліемъ—солнцемъ—также и въ астрологіи то преобладающее положенie, которое онъ занималъ въ представленіи ихъ народа, но которое у земляковъ Бероса принадлежало богу луны.

Еще радикальнѣе была реформа зодіака. Необходимость двѣнадцатизначнаго пути солнца и луны была подсказана тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ обходъ солнца соотвѣтствуетъ (приблизительно) двѣнадцати обходамъ луны; это астрономическое соображенie одержало верхъ надъ астрогностическимъ, которое

не различаетъ въ зодіакѣ двѣнадцати отчетливо отдѣленныхъ группъ звѣздъ. Къ тому же, въ силу упомянутой выше „прецессіи“, меридіанъ весенняго равноденствія пересталъ проходить черезъ созвѣздіе Тельца: онъ пересѣкалъ зодіакъ между нимъ и Рыбами. Здѣсь, поэтому, нужно было установить новый знакъ, которому—въ силу, вѣроятно, ассоціаціи по смежности—было присвоено имя Овна; миѳологамъ предоставлялось, путемъ новаго катастеризма, отожествить его съ тѣмъ златоруннымъ бараномъ, который перевезъ Фрикса и Геллу въ далекую Колхиду... Но почему это сверкающее животное стало столь невзрачнымъ созвѣздіемъ? Очень естественно: вѣдь Фриксъ содралъ съ него его золотое руно, прежде чѣмъ заклать его въ жертву Зевсу и этимъ перенести на небесную твердь; для склонныхъ къ мистицизму людей такія совпаденія равносильны доказательствамъ. По той же причинѣ пришлось придумать новое созвѣздіе между Близнецами и Львомъ; на помощь пришла миѳологія. Во Львѣ она сразу признала Немейскаго льва, съ которымъ боролся Гераклъ, въ одномъ изъ Близнецовъ (по очень распространенному варіанту)—самого Геракла. Теперь нужно было вспомнить, что когда Гераклъ боролся... положимъ, не со львомъ, а съ гидрой,—но придираться было бы грѣшно... Гераклу сильно повредилъ ракъ, ущипнувъ его за ногу, чтò и вызвало пословицу: „противъ двоихъ и Гераклъ безсиленъ“; требуемому созвѣздію было дано имя Рака. Наконецъ, нужно было огромнаго Скорпіона разбить на три части. Изъ жала въ его хвостѣ сдѣлали особую „стрѣлу“, которую дали въ руки Стрѣльцу (почему этотъ Стрѣлецъ изображенъ кентавромъ—это другой вопросъ, не вполнѣ еще разъясненный); его же Клешни (chelae) были вначалѣ выдѣлены въ особое созвѣздіе. Позднѣе это показалось неудобнымъ; а такъ какъ эти клешни примыкаютъ непосредственно къ знаку Дѣвы, въ которой греки давно признали свою небесную Дѣву-Правду, то ихъ замѣнили символомъ правды—Вѣсами. Это было очень удобно: обѣ чашки вѣсовъ соотвѣтствовали обѣимъ клешнямъ скорпіона, такъ что можно было въ главныхъ чертахъ сохранить контуры первоначальнаго рисунка.

Теперь двѣнадцатизначный зодіакъ былъ готовъ; это—тотъ же, которымъ пользуемся и мы, который знаютъ всѣ хотя бы только по календарю. Но главный принципъ халдейскаго дѣленія былъ нарушенъ: пріуроченіе зимнихъ созвѣздій къ воднымъ, лѣтнихъ къ земнымъ существамъ—выдержано не было. Стрѣлецъ и Овенъ разрушили серію водныхъ чудовищъ, затемненную уже превращеніемъ морскихъ человѣка-скорпіона и козы-рыбы въ сухопут-

ныхъ Скорпіона и Козерога; равнымъ образомъ и водный Ракъ былъ совершенно неумѣстенъ между земными знаками Близнецовъ и Льва. Оно и понятно: то дѣленіе было дѣленіе халдейское, не имѣвшее почвы въ греческихъ представленіяхъ.

А затѣмъ астрологія благодаритъ астрономію за оказанную ей помощь и проситъ ее въ дальнѣйшее не вмѣшиваться; съ этимъ дальнѣйшимъ она разсчитываетъ справиться сама при содѣйствіи миѳологіи и мистической математики пиѳагоровской традиціи. Дѣйствительно, теперь предстояло главное: на нерушимомъ основаніи догмата всемірной симпатіи построить систему вліяній небесныхъ свѣтилъ на людскія дѣла. Вліять могли они только—это было ясно—сообразно со своими собственными качествами, которыя надлежало такимъ образомъ опредѣлить. Казалось бы, этимъ затронута область астрофизики, т.-е. одной изъ дисциплинъ научной астрономіи; но на самомъ дѣлѣ астрологія прекрасно съумѣла обойтись безъ услугъ этой тогда еще зачаточной науки. Въ силу своего наивнаго матеріализма она, наскоро, своими средствами соорудивъ чрезвычайно зыбкій астрофизическій фундаментъ, воздвигла на немъ зданіе совершенно фантастической астропсихологіи — зданіе, просуществовавшее, тѣмъ не менѣе, двадцать вѣковъ.

Нетрудно понять, что для строго-научной системы вліяній нужно было установить, во-первыхъ, его *качественную*, во-вторыхъ, его *количественную* сторону; разъ обѣ эти стороны для каждой звѣзды опредѣлены—остальное будетъ дѣломъ комбинаціи, методъ которой будетъ уже вполнѣ раціональнымъ. Скажу теперь же, что именно этой раціональности комбинаціоннаго метода астрологогія была обязана тѣмъ обаяніемъ, которое окружало ее въ глазахъ даже разсудительныхъ людей: пораженные красивой стройностью астрологическихъ діаграммъ, безошибочностью и опредѣленностью астрологическихъ вычисленій, они склонны были забывать о произвольности самыхъ элементовъ этихъ діаграммъ и вычисленій,—тѣмъ болѣе, что для нихъ онъ былъ освященъ глубокой древностью... Все это необходимо было предпослать теперь же—для того, чтобы читатель снисходительно отнесся къ нелѣпости тѣхъ астрофизическихъ и астропсихологическихъ элементовъ, къ изложенію которыхъ мы переходимъ теперь.

VII.

Говоря о *качествахъ* небесныхъ свѣтилъ, можно было понимать это слово либо въ общемъ, либо въ индивидуальномъ значеніи. Съ первой точки зрѣнія нужно было условиться только въ томъ, какія звѣзды считать благодѣтельными и какія вредными, со второй—дифференцировать общее понятіе пользы или вреда въ смыслѣ сообщенія человѣку того или другого физическаго или душевнаго преимущества или изъяна. Безусловно необходимо было только первое различеніе, безъ котораго астрологія теряла всякій смыслъ; что касается второго, то безъ него въ крайнемъ случаѣ можно было обойтись, такъ какъ спеціализація понятія „польза" или „вредъ" могла быть достигнута другимъ способомъ: для опредѣленія „генитуръ" (vulgo—гороскоповъ) имѣлся съ этой цѣлью двѣнадцатидомный кругъ жизни, а для „иниціативъ" (т.-е. рѣшенія вопроса, благопріятенъ ли данный моментъ для того или другого дѣла) сверхъ того и самый характеръ вопроса, съ которымъ обращались къ небеснымъ руководителямъ, опредѣлялъ заодно и спеціальный смыслъ получаемаго отвѣта. Вотъ почему только общее качественное различіе было возведено въ основной непреложный догматъ, по которому ни разногласія, ни колебаній не было. Согласно этому догмату, Солнце и Юпитеръ были безусловно благодѣтельными, Марсъ и Сатурнъ—безусловно вредными планетами, Венера и Луна были скорѣе благодѣтельны, только въ болѣе слабой степени; что касается Меркурія, то это—планета измѣнчивая, легко сама подпадающая вліянію тѣхъ, въ обществѣ которыхъ она находится.

Откуда же эта странная и на первый взглядъ произвольная теорія?

Вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта мы дать не можемъ;—за вычетомъ тѣхъ разумныхъ (относительно) соображеній, которыя тотчасъ будутъ приведены, все-таки получается ирраціональный остатокъ, въ которомъ мы можемъ подозрѣвать либо неуловимое вліяніе халдейскихъ традицій, либо произволъ писавшаго подъ покровомъ вымышленной древности автора системы. Разумныя основанія заключаются въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, въ дѣйствительныхъ качествахъ наблюдаемыхъ свѣтилъ. Такъ, относительно благодѣтельности Солнца, источника всякой жизни, никакихъ сомнѣній быть не могло; Юпитеръ внушалъ любовь и уваженіе къ себѣ своимъ мягкимъ, полнымъ, слегка розовымъ

по мнѣнію древнихъ, блескомъ, равно какъ и царственной величавостью своего плавнаго теченія. Наоборотъ, Марсъ съ его багровымъ сіяніемъ наводилъ страхъ на людей, а его порывистыя движенія по зодіаку изобличали въ немъ страстный, гнѣвный характеръ; точно также и желтое око Сатурна сулило людямъ недоброе, а его старческая медленность заставляла предполагать въ немъ степеннаго и осторожнаго, но не участливаго бога. Во-вторыхъ, и миѳологія могла освѣтить своимъ поэтическимъ, но обманчивымъ сіяніемъ темную область астропсихологіи. Конечно, было бы софизмомъ выводить гибельныя свойства планеты Марса изъ такихъ же свойствъ миѳологическаго Марса, или Ареса, этого ненавистнаго богамъ бога, какъ его называетъ Софоклъ: наоборотъ, именно вслѣдствіе своей предполагаемой зловредности, наша планета была пріурочена халдеями Нергалу, богу смерти, а греками—Аресу. Но разъ миѳологическія отожествленія были даны, можно было ввѣрить себя миѳологіи и для дальнѣйшаго пути. Такъ, насъ поражаетъ недостаточно видная роль нашей любимицы, вечерней звѣзды Венеры. Несомнѣнно, что „эта красивѣйшая изъ звѣздъ", какъ ее называетъ Гомеръ, именно за свою красоту и была отожествлена халдеями съ Иштарью, а греками съ Афродитой; но ее скомпрометтировали ея интимныя отношенія къ Аресу (Марсу), о которыхъ повѣствуетъ миѳологія. Наконецъ, были и соображенія чисто-физическаго характера,—хотя вѣроятно, что они явились лишь позднѣе, ради якобы научнаго обоснованія уже получившей распространеніе теоріи. Сюда относятся стихійные принципы Аристотеля—жара и холодъ, сушь и влага. Солнце—источникъ жары, земля—влаги; жаръ, умѣряемый влагой, рождаетъ жизнь. На этомъ шаткомъ основаніи покоится теорія планетныхъ вліяній, освященная великимъ именемъ Птолемея. Сатурнъ, будучи далекъ и отъ земли, и отъ Солнца,—холоденъ и сухъ, а потому вреденъ; Марсъ, вслѣдствіе близости къ Солнцу, жарокъ и сухъ, а потому тоже вреденъ; Юпитеръ тепелъ и влаженъ, и потому благодѣтеленъ; то же относится и къ Венерѣ; само Солнце жарко, но его жаръ умѣряется влагой, получаемой отъ земли; Луна холодна и влажна, Меркурій неуловимъ. Нечего настаивать на изъянахъ и непослѣдовательностяхъ этой теоріи,—они вполнѣ естественны въ вѣрованіи, стремящемся принять видъ науки. О спеціальной характеристикѣ можно не распространяться; само собою разумѣется, что планетные боги сообщаютъ тѣ качества, которыя имъ присущи въ народномъ представленіи.

При отчетливости и пластичности греческаго Олимпа эти качества можно было опредѣлить безъ особаго труда.

Количественное различеніе планетъ имѣетъ своимъ основаніемъ ихъ относительную силу или слабость; сила и слабость опредѣляются — тутъ мы еще болѣе углубляемся въ область абсурда—либо поломъ планеты, либо ея положеніемъ. Съ точки зрѣнія пола планеты распадаются на мужскія (Солнце, Юпитеръ, Марсъ, Сатурнъ) и женскія (Луна и Венера). Что касается Меркурія-Гермеса, то онъ разыгрываетъ роль Гермафродита, являясь мужчиной среди мужскихъ и женщиной среди женскихъ планетъ; вообще, по странной ироніи судьбы, планета бога мудрости была избрана орудіемъ для самыхъ ирраціональныхъ конструкцій. Положеніе планеты въ значительной степени опредѣляется занимаемымъ ею въ зодіакѣ мѣстомъ,—о чемъ рѣчь будетъ ниже,—но въ извѣстныхъ отношеніяхъ оно отъ него независимо. Такъ, прежде всего, планеты распадаются на двѣ секты: дневную, подъ главенствомъ Солнца, и ночную, подъ главенствомъ Луны; члены дневной секты бываютъ сильнѣе днемъ, чѣмъ ночью; члены ночной—наоборотъ. Затѣмъ: мужскія планеты какъ бы теряютъ свой полъ на западномъ небосклонѣ вечеромъ, заходя послѣ солнца; женскія теряютъ его на восточномъ при требуемыхъ симметріей условіяхъ. Затѣмъ предполагается, что (кажущаяся) регрессія неблагопріятно дѣйствуетъ на планеты, причемъ благодѣтельныя въ значительной мѣрѣ теряютъ свои благотворныя качества, относительно же злыхъ традиція двоится: по инымъ, онѣ равнымъ образомъ слабѣютъ въ своей гибельной энергіи; по инымъ, вынужденное отступленіе ихъ раздражаетъ, такъ что онѣ еще болѣе прежняго свирѣпствуютъ. Но довольно объ этомъ;—обратимся къ зодіаку, которому пришлось еще въ большей степени испытать на себѣ силу безстрашной передъ абсурдомъ фантазіи астрологовъ.

Мы врядъ ли ошибемся, усмотрѣвъ вліяніе нивеллирующей систематичности стоицизма въ странной попыткѣ астрологовъ— распространить также и на знаки зодіака качественныя различія планетъ; при этомъ та небольшая доля разумности, которую можно было признать за характеристикой планетъ, пропала окончательно. Мы еще можемъ вдуматься въ теорію, согласно которой Марсъ, возсіявъ при рожденіи мальчика, вдохновляетъ его пылкостью и отвагою; Венера вливаетъ въ дѣвочку чары обольстительной красоты и т. д.; это совершенно въ духѣ поэтической фикціи Горація: „quem tu, Melpomene, semel nascentem placido lumine videris“... Но представимъ себѣ кого-нибудь, за-

давшагося цѣлью прослѣдить такія же воздѣйствія на человѣка, напримѣръ, Рака или Скорпіона, Тельца или Козерога! И все же астрологическая фантазія, послѣдовательная до самоотверженія, и передъ этимъ абсурдомъ не отступила; приведемъ ради пробы прогнозъ для рождающихся подъ знакомъ Овна. Они будутъ имѣть успѣхъ, если займутся обработкой шерсти—причина ясна; они нерѣдко будутъ заливаемы волнами бѣдствія—такъ вѣдь и того златоруннаго барана заливали воды Геллеспонта; они будутъ людьми робкими и недалекими, но въ то же время вспыльчивыми, съ тонкими блеющими голосами—подобно настоящимъ баранамъ, и т. д. Это намъ серьезно говоритъ серьезный поэтъ первыхъ временъ имперіи, Манилій; но далеко ли отъ этой его премудрости до забавной пародіи, которую сатирикъ Петроній, двумя поколѣніями позже, влагаетъ въ уста своей наиболѣе удачной фигурѣ, отпущеннику Трималхіону? Вотъ что̀ этотъ послѣдній преподноситъ своимъ непритязательнымъ по части учености гостямъ, показывая имъ шуточное воспроизведеніе зодіака на обѣденномъ блюдѣ. „Извольте видѣть: вонъ это—небеса, а на нихъ цѣлая дюжина боговъ сидитъ. Вотъ, значитъ, какъ вертятся они, двѣнадцать обличьевъ и выходитъ. Къ примѣру—Баранъ вышелъ; ладно! Кто, значитъ, родился подъ тѣмъ бараномъ, у того и скотины много, и шерсти; голова крѣпкая, рожа безстыжая! не попадайся такому: забодаетъ! Вотъ объ эту пору школяровъ много родится, да тѣхъ, что барашкомъ завиты... Ну, а тамъ, значитъ изъ небесовъ и Теленокъ выходитъ: народъ тутъ все брыкливый родится, да пастухи, да разные вольнопромышленники. А когда Двойни выдутъ—родятся повозки парой, да быки, да двойчатки, да тѣ еще, что̀ „и вашимъ, и нашимъ“. А подъ Ракомъ я самъ родился: вотъ и стою я крѣпко да цѣпко, и имѣнія у меня много и на морѣ, и на землѣ; ракъ-то вѣдь и туда и сюда годится... А на Льва родятся все обжоры да командиры разные, на Дѣву—бабьё всякое, да бѣглые, да тѣ, кому на цѣпи сидѣть; а какъ Вѣсы выдутъ—родятся все мясники да москательщики, да хлопотуны разные, а на Скорпіона—Боже упаси—родятся такіе, что и отравить, и зарѣзать человѣка готовы; на Стрѣлка—пойдутъ все косоглазые, у кого одинъ глазъ на насъ, а другой на Кавказъ; на Козерога—все бѣдняки, у кого съ горя шишки ростутъ; на Водолея—все трактирщики, да головы тыквой; ну, а подъ Рыбами,—все повара да говоруны разные. Вотъ и вертится небо какъ жерновъ, и все какая-нибудь дрянь выходитъ: то народится человѣкъ, то помретъ“ (гл. 39; пер. проф. И. И. Холодняка).

Та же манія нивеллировки повела къ тому, что и знаки зодіака были раздѣлены на мужскіе и женскіе. Эта попытка была для астрологіи пробой огня, и она ее выдержала если не блистательно, то все-же съ достаточнымъ для вѣрующаго человѣка успѣхомъ. Дѣло въ томъ, что свободы выбора тутъ не было: мистическая ариѳметика, освященная именемъ Пиѳагора, заранѣе объявила нечетъ мужскимъ, а четъ женскимъ, и порядокъ созвѣздій тоже былъ установленъ заранѣе: надлежало начинать съ Овна, знака весенняго равноденствія. Итакъ, мужскими должны быть: Овенъ, Близнецы, Левъ, Вѣсы, Стрѣлецъ и Водолей;—если снисходительно отнестись къ Вѣсамъ, какъ безразличнымъ въ отношеніи пола, то проба вышла на славу. Сомнительнѣе обстояло дѣло съ женской половиной, обнимавшей по необходимости четныя созвѣздія—Тельца, Рака, Дѣву, Скорпіона, Козерога и Рыбъ. Очень пріятнымъ было присутствіе Дѣвы въ этой группѣ; Козерогъ тоже былъ на своемъ мѣстѣ—люди умные знали, что это была первоначально коза-рыба, каковой ее и изображали иллюстрированныя діаграммы; Рака съ Рыбами и Скорпіона можно было въ крайнемъ случаѣ объявить самками,—кто ихъ разберетъ! Но что̀ тутъ было дѣлать съ Тельцомъ, который подъ своимъ греко-римскимъ именемъ (taurus) сталъ у поэтовъ символомъ того, что̀ Ницше называетъ „das ewig Männliche"?.. Вѣра находчива: Пиѳагоръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ ошибаться. Обратите вниманіе на изображеніе Тельца: видна одна только передняя половина (причина указана выше, гл. III). А если такъ, то что̀ мѣшаетъ намъ признать его телкой?.. Сказано—сдѣлано; но астрономія отнеслась съ полнымъ пренебреженіемъ къ бреднямъ своей блудной дочери, и послѣдней пришлось по неволѣ, чтобы оставаться понятной, и впредь называть Тельца Тельцомъ, хотя и разумѣть подъ нимъ тёлку.

Критика притупляется мало-по-малу при этомъ постоянномъ общеніи съ абсурдомъ; самъ того не замѣчая, человѣкъ, разъ вступивъ на наклонную плоскость оккультизма, все ниже и ниже по ней опускается. Все-же одно обстоятельство не перестаетъ вызывать наше недоумѣніе. Мы еще миримся съ символизмомъ Льва или Дѣвы, которые имѣли за собой въ глазахъ грековъ подавляющую древность въ полмилліона лѣтъ, придуманную Беросомъ; но вотъ Овенъ, Ракъ, Вѣсы—мы видѣли, на какихъ шаткихъ и произвольныхъ основаніяхъ они были перенесены въ среду свѣтилъ зодіака; возможно ли допустить, чтобы люди въ здравомъ умѣ изъ этихъ произвольныхъ посылокъ дѣлали дальнѣйшія заключенія, строили зданіе своей науки на висящемъ въ воздухѣ

фундаментѣ? И все-же это было такъ—и бываетъ такъ всегда, гдѣ только вѣрованіе вторгается въ область науки. Шаткость основанія не служитъ помѣхой тамъ, гдѣ само основаніе быстро забывается,—остается же самый фактъ подъ ослѣпляющимъ ореоломъ священности. Забывчивость— господствующая звѣзда въ генитурѣ умершей науки.

VIII.

Астрологъ, однако, имѣетъ дѣло не съ планетами или знаками зодіака въ отдѣльности, а съ комбинаціей тѣхъ и другихъ. При этой комбинаціи планеты играютъ роль непосредственно дѣйствительныхъ силъ, между тѣмъ какъ знаки зодіака только вліяютъ въ качественномъ или количественномъ отношеніи на ихъ дѣйствительность. Качественная модификація очень любопытна съ точки зрѣнія популярной астрологіи, давая обильную пищу фантазіи гадателей: легко представить себѣ, что зловредный Марсъ будетъ производить совершенно другое дѣйствіе, находясь въ созвѣздіи насильника-Льва или коварнаго Скорпіона, чѣмъ когда его пылъ будутъ охлаждать Рыбы или умѣрять чаши Вѣсовъ дѣвы-Правды. Но въ сохраненныхъ намъ научныхъ изложеніяхъ этотъ пунктъ мало развитъ; астрологи какъ будто стыдливо чураются метода, доступнаго также и всякимъ невѣжественнымъ Трималхіонамъ. Тѣмъ съ бо̀льшимъ усердіемъ развили они разновидности *количественнаго* вліянія на силу планетъ ихъ положенія въ зодіакѣ; дошли они при этомъ до такихъ тонкостей, что у непосвященнаго читателя, при разборѣ ихъ построеній, умъ за разумъ заходитъ и онъ начинаетъ подозрѣвать, что именно въ этомъ дѣйствіи и заключается смыслъ всей системы,—другими словами, что чиноначальники астрологической науки нарочно постарались ее загромоздить произвольными и головоломными теоріями, чтобы она не могла сдѣлаться достояніемъ болѣе широкаго круга людей.

Мы за ними, разумѣется, въ самыя дебри ихъ науки не послѣдуемъ; боюсь, однако, что уже тѣ теоріи, которыхъ придется по необходимости коснуться въ этой главѣ, послужатъ достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ только-что сказанному. Это будутъ—теорія „жилищъ“ (domicilia), теорія экзальтацій, теорія аспектовъ и теорія терминовъ.

Руководящій принципъ всѣхъ этихъ теорій состоитъ въ необходимости найти какіе-нибудь регулятивы для оцѣнки вліянія *всѣхъ* планетъ на какого-нибудь человѣка или какое-нибудь дѣй-

ствіе. Для этого нужно было поставить ихъ въ условія взаимодѣйствія, опредѣляя какъ преобладающее положеніе той или другой изъ нихъ, такъ и сочувственное или несочувственное вліяніе на „господствующую“ планету остальныхъ. Первыя двѣ теоріи служатъ преимущественно первой изъ этихъ двухъ цѣлей, послѣднія двѣ—второй.

Итакъ, прежде всего—теорія *жилищъ*. Ея основное положеніе гласитъ такъ: каждая планета въ одномъ (или въ двухъ) изъ знаковъ зодіака находится, такъ сказать, у себя „дома“; равнымъ образомъ каждый знакъ служитъ жилищемъ одной какой-нибудь планетѣ. Находясь дома, планета „радуется“; эта радость сообщаетъ ей сугубую силу, увеличивая благодѣтельность добрыхъ и вредность злыхъ. Легко понять, какую благодарную тему для насмѣшекъ эта „теорія жилищъ“ дала врагамъ астрологіи: какъ, у планетъ, этихъ бродягъ среди звѣздъ, оказываются опредѣленныя мѣстожительства?—Пришлось придумать какое-нибудь объясненіе: вѣдь самое слово „планета“ (planêtês отъ planâsthai—„блуждать“) было протестомъ противъ всякой попытки ихъ прикрѣпленія. Объясненіе нашлось довольно убѣдительное на первый взглядъ. Конечно, планеты теперь безостановочно блуждаютъ, но вѣдь это ихъ движеніе когда-нибудь же началось. Такъ вотъ, тѣ знаки, которые планеты занимали въ то время, когда таинственная рука привела ихъ въ движеніе,—эти знаки и являются для нихъ точно родными очагами.—Это было очень заманчивое объясненіе, но... презрительная улыбка гиганта греческой философіи, Аристотеля, подрывала всякое довѣріе къ нему. „Движеніе небеснаго свода никогда не имѣло начала—оно предвѣчно“, учила перипатетическая школа, и конечно не астрологіи съ ея легковѣснымъ научнымъ багажемъ было опровергать это ученіе. Его можно было только игнорировать, что она и дѣлала порой—причемъ судьба сулила ей такой успѣхъ въ будущемъ, о которомъ она и мечтать не смѣла. Дѣйствительно, пришло время, когда начало всемірнаго движенія стало обязательнымъ догматомъ вѣрующихъ: когда рука Творца украсила небесный сводъ звѣздами, она должна была и планеты размѣстить въ опредѣленныхъ мѣстахъ зодіака, по которому онѣ движутся нынѣ. Такъ-то астрологическая теорія жилищъ получила высшую санкцію, на какую она только могла разсчитывать; thema mundi языческихъ звѣздочетовъ стало иллюстраціей къ Книгѣ Бытія.

Присмотримся ближе къ этому thema mundi и основанной на немъ теоріи жилищъ; мы найдемъ въ ней ту же смѣсь остро-

умныхъ (если не разумныхъ) выводовъ и комбинацій съ произвольными и сумасбродными домыслами.—Если вы согласны,—говорили астрологи,—что солнце обнаруживаетъ наибольшую силу въ знакѣ Льва (т.-е. въ іюлѣ мѣсяцѣ, по нашему), то какъ можете вы не допускать такого же усиленія, въ связи съ положеніемъ въ зодіакѣ, и для другихъ планетъ? Выводъ опять-таки очень заманчивый; устранивъ возраженія противниковъ, адепты спорной науки объявили пока знакъ Льва жилищемъ Солнца, а затѣмъ стали искать приличныхъ обиталищъ также и для остальныхъ. Было ясно, прежде всего, что началомъ міра было новолуніе—иначе какъ объяснить, что и мѣсяцъ, и (лунный) годъ съ него начинаются? Это значитъ, что Луна была въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Солнцемъ, стало быть, либо въ Ракѣ, либо въ Дѣвѣ; въ пользу Рака говоритъ то обстоятельство, что Солнцу и Лунѣ, какъ предводителямъ обѣихъ сектъ, дневной и ночной, естественно было подѣлить между собой и зодіакъ на двѣ равныя части, и что было гораздо разумнѣе провести грань между Ракомъ и Львомъ (причемъ Лунѣ достались бы мѣсяцы январь—іюнь, а Солнцу—іюль—декабрь), чѣмъ между Львомъ и Дѣвой. Далѣе: Меркурій никогда далеко отъ Солнца не отходитъ—ему поэтому мѣсто въ Дѣвѣ... Но прежде чѣмъ идти дальше, необходимо ознакомиться еще съ однимъ соображеніемъ нашихъ іерофантовъ. Дѣло въ томъ, что знаковъ двѣнадцать, планетъ же семь; пристроивъ каждую планету, мы получимъ въ остаткѣ пять пустыхъ знаковъ, что будетъ явной несообразностью и сдѣлаетъ невозможными раціональныя астрологическія вычисленія. Нельзя ли поэтому допустить, — благо мы получили по серіи дневныхъ и ночныхъ знаковъ,—что и каждая планета имѣетъ два жилища, дневное и ночное? Солнце и Луна, разумѣется, въ счетъ не идутъ: было бы странно назначать Солнцу, творцу дня, ночное жилище; остальныя же пять планетъ прекрасно заполнятъ пять пустыхъ знаковъ, что̀ и послужитъ подтвержденіемъ всей теоріи. Конечно, можно спросить: какъ же быть тогда съ нашимъ thema mundi? Вѣдь въ моментъ великаго толчка каждая планета занимала только одно мѣсто, а не два! Но... гдѣ же принято, чтобы вѣрующіе ставили щекотливые вопросы?

Итакъ, давъ Меркурію дневное жилище рядомъ съ Солнцемъ, въ Дѣвѣ, мы должны дать ему еще ночное рядомъ съ Луной, въ Близнецахъ,—этого требуетъ симметрія. Ближайшая къ Солнцу планета, послѣ Меркурія—Венера; ея дневное жилище, поэтому, рядомъ съ Дѣвой, въ Вѣсахъ, а ночное—рядомъ съ Близнецами, въ Тельцѣ. Послѣ Венеры—Марсъ; пристроимъ его на день

рядомъ съ Вѣсами въ Скорпіонѣ, а на ночь—рядомъ съ Тельцомъ, въ Овнѣ. Послѣ Марса—Юпитеръ; отведемъ ему, по тѣмъ же принципамъ, Стрѣльца и Рыбъ, и, равнымъ образомъ, Сатурну—Козерога и Водолея.

Теперь, скептики, полюбуйтесь-молъ на стройность нашей системы и устыдитесь вашихъ сомнѣній. Мы распредѣляли планеты по знакамъ, руководясь вполнѣ опредѣленнымъ, не допускающимъ колебаній принципомъ—ихъ разстояніемъ отъ Солнца (разстояніемъ, замѣчу мимоходомъ, зодіакальнымъ, а не дѣйствительнымъ, котораго тогда еще не знали); посмотрите, однако, какія прелестныя совпаденія при этомъ получились. Можно ли было лучше пристроить Марса, чѣмъ у бодливаго Овна и злобнаго Скорпіона, или зиждительницу Венеру лучше, чѣмъ въ домѣ Тельца—или, говоря правильнѣе, тёлки—этого символа зиждительной силы природы? Гдѣ холодный Сатурнъ будетъ чувствовать себя лучше, чѣмъ въ обоихъ зимнихъ знакахъ, Козерогѣ и Водолеѣ?—Но это еще не все: послушайте дальше, и вы будете поражены. Марсъ живетъ въ Овнѣ, а Овенъ—знакъ какого мѣсяца? не марта ли (Martius отъ Mars)? Венера-Aphrodite помѣщена въ Тельцѣ, мѣсяцъ котораго, Aprilis, своей явной этимологіей указываетъ на богиню, въ честь которой онъ названъ. Меркурію достались Близнецы, знаки мѣсяца мая; а май отъ кого получилъ свое имя, какъ не отъ Маи, матери Меркурія? Луна получила Рака, созвѣздіе іюня; а это вы, конечно, знаете, что Junius названъ такъ въ честь Юноны, и что эта римская Юнона тожественна съ луной! Сатурна пріютилъ Козерогъ, знакъ декабря; что же,—зналъ объ этомъ римскій законодатель, когда онъ отвелъ мѣсяцъ декабрь Сатурну и его главному празднику, веселымъ сатурналіямъ?—Я ничуть не приглашаю читателя принять на вѣру предложенныя здѣсь, отчасти рискованныя, этимологіи; достаточно того, что сами римляне считали ихъ правильными. А съ ихъ принятіемъ совпаденія дѣйствительно становятся поразительными; Буше-Леклерка они даже навели на мысль, что реформа римскаго календаря состоялась подъ вліяніемъ астрологическихъ соображеній и спеціально теоріи жилищъ. Наукѣ придется считаться съ этой остроумной комбинаціей ученаго французскаго филолога; понятно, однако, что астрологіи греко-римскаго міра такая ересь и въ голову придти не могла: она преклонилась передъ чудесностью достигнутыхъ результатовъ, и „теорія жилищъ" съ thema mundi, или безъ него, стала однимъ изъ самыхъ твердыхъ ея догматовъ.

Менѣе интересна вторая изъ указанныхъ теорій — теорія

экзальтацій и *депрессій*. Ея основное положеніе—то же, что и въ теоріи жилищъ, съ прибавленіемъ отрицательнаго элемента: а именно, есть въ зодіакѣ мѣста, въ которыхъ планеты обрѣтаютъ наибольшую силу, и, наоборотъ, такія, въ которыхъ онѣ ослабѣваютъ до минимума; мѣста экзальтаціи отчасти совпадаютъ съ жилищами, отчасти же нѣтъ, причемъ никакого разумнаго принципа установить не удалось. Насколько можно догадаться, мы имѣемъ въ теоріи экзальтацій—теорію, первоначально конкуррировавшую съ теоріей жилищъ (вѣроятно, съ цѣлью эманципировать астрологію отъ сомнительнаго thema mundi), а затѣмъ—какъ это нерѣдко бываетъ въ исторіи вѣрованій съ черезчуръ вліятельными ересями—благодушно принятую, наравнѣ съ нею, въ общую систему. Фактъ тотъ, что астрологія пользуется на одинаковыхъ правахъ и теоріей жилищъ, и теоріей экзальтацій; о популярности же этой послѣдней достаточно свидѣтельствуетъ самое слово „экзальтація", перешедшее во всѣ культурные языки именно въ его астрологическомъ смыслѣ—усугубленія душевной энергіи.

Зато третья теорія—теорія *аспектовъ*—требуетъ нашего полнаго вниманія, какъ одинъ изъ главныхъ рычаговъ всей астрологической динамики и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ любопытнѣйшій результатъ вторженія въ астрологію математическаго мистицизма Пиѳагора. Планеты дѣйствуютъ не только на землю и на ея обитателей, но и другъ на друга; это—прямой выводъ изъ догмата всемірной симпатіи, относящійся къ нему точно такъ же, какъ теорія пертурбацій относится къ догмату всемірнаго тяготѣнія. Остается опредѣлить пути этого взаимодѣйствія—и вотъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ сокровенная математика, отвѣчаетъ священный характеръ основной цифры міроданія, двунадесятницы. Зодіакъ, этотъ вѣчный путь планетъ, раздѣленъ своими знаками на двѣнадцать этаповъ; пользуясь этими двѣнадцатью точками, мы можемъ (въ виду дѣлимости числа 12 на 2, 3, 4, 6) вписать въ кругъ зодіака правильные шестиугольникъ, четыреугольникъ (т.-е. квадратъ), треугольникъ и двуугольникъ (т.-е. діаметръ). Возьмемъ созвѣздіе Льва: проводя отъ него діаметръ, мы натолкнемся на Водолея; вписавъ правильный треугольникъ съ однимъ угломъ во Львѣ, найдемъ въ обоихъ остальныхъ углахъ Овна и Стрѣльца; вписавъ квадратъ — Тельца, Водолея и Скорпіона; вписавъ шестиугольникъ—Близнецовъ (Овна, Водолея, Стрѣльца) и Вѣсы. Это значитъ, выражаясь астрологически, что Левъ находится съ Водолеемъ въ діаметральномъ аспектѣ, съ Овномъ и Стрѣльцомъ—въ тригональномъ, съ

Тельцомъ и Скорпіономъ—въ квадратномъ, и съ Близнецами и Вѣсами—въ секстильномъ. Всего, значитъ, семь созвѣздій, съ которыми Левъ находится въ аспектѣ; семь исходящихъ отъ него лучей—блестящее подтвержденіе священнаго характера пиѳагоровой седьмицы и вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе тѣхъ семи лучей свѣта, которые мы встрѣчаемъ еще въ христіанскомъ художествѣ. Что касается остальныхъ четырехъ знаковъ—обоихъ смежныхъ, Рака и Дѣвы, и еще Рыбъ и Козерога,—то они, не состоя со Львомъ ни въ какомъ аспектѣ, для него „безразличны".

Не всѣ эти четыре аспекта одинаково благопріятны и сильны. Читатель не забылъ дѣленія знаковъ зодіака на мужскіе и женскіе; теперь ему не трудно будетъ убѣдиться, что секстильный и тригональный аспекты соединяютъ между собою знаки одного пола; напротивъ, квадратный—различныхъ. Отсюда слѣдуетъ, что первые два аспекта благопріятны, послѣдній—неблагопріятенъ; надъ этой логикой можно смѣяться сколько угодно, но принципъ въ ней несомнѣнно есть. Далѣе: секстильный и тригональный аспекты, будучи оба благопріятны, не одинаково сильны. Дѣйствительно, мы тѣмъ ярче различаемъ предметы, чѣмъ болѣе они находятся противъ насъ; тригональный лучъ, поэтому, сильнѣе бокового, секстильнаго. Теперь слѣдовало бы ожидать, что діаметральный аспектъ, соединяющій созвѣздія того же пола подъ самымъ сильнымъ лучомъ, окажется въ высшей степени благопріятнымъ аспектомъ; но тутъ астрологическія школы разошлись. Одна, въ угоду послѣдовательности, признала этотъ принципъ; но другая замѣтила, что соединенныя діаметральнымъ аспектомъ созвѣздія находятся въ оппозиціи другъ съ другомъ—можетъ ли оппозиціонное настроеніе быть въ то же время дружелюбнымъ? Это соображеніе показалось рѣшающимъ, и діаметральный аспектъ былъ причисленъ къ враждебнымъ.

Читатель согласится, что развитая здѣсь теорія аспектовъ добыта совершенно независимо отъ теоріи жилищъ; теперь пусть онъ вернется къ этой послѣдней—онъ не преминетъ замѣтить цѣлый рядъ новыхъ совпаденій. Солнце живетъ во Львѣ; рядомъ съ нимъ, въ Дѣвѣ, безразличный Меркурій—въ смежномъ, стало быть, безразличномъ созвѣздіи. Далѣе, въ Вѣсахъ, Венера, благодѣтельная, но слабая планета — подъ слегка благопріятнымъ секстильнымъ аспектомъ. Еще далѣе, въ Скорпіонѣ, зловредный Марсъ—подъ безусловно враждебнымъ квадратнымъ аспектомъ. Затѣмъ, въ Стрѣльцѣ, самая благодѣтельная изо всѣхъ планетъ, Юпитеръ,—подъ самымъ благопріятнымъ изо всѣхъ аспектовъ, тригональнымъ. Наконецъ, въ Козерогѣ и Водолеѣ недоброже-

лательный Сатурнъ — подъ аспектомъ отчасти безразличнымъ, отчасти діаметральнымъ, слѣдовательно враждебнымъ. На такія совпаденія слѣдуетъ обращать вниманіе; ими объясняется убѣдительность теоріи для ея адептовъ, а съ нею и ея обаяніе и живучесть.

Но въ чемъ же заключается польза, которую астрологія извлекала изъ этой мистической геометріи? Въ томъ, что она давала ей возможность комбинировать вліянія даже отдаленныхъ другъ отъ друга, даже находящихся выше и ниже горизонта планетъ. Безъ этой возможности арсеналъ астрологовъ былъ бы очень бѣденъ и имъ пришлось бы во многихъ случаяхъ просто отмалчиваться на обращенные къ нимъ вопросы; планетъ всего семь—очень легко могло бы не оказаться ни одной въ восходящемъ и поэтому особенно важномъ для вопрошающаго созвѣздіи; да и если бы оказалась одна, то ея всѣмъ извѣстное значеніе не нуждалось бы въ талантѣ и учености астролога для своего истолкованія. Теперь не то. Даже въ совершенно пустомъ созвѣздіи мы, тѣмъ не менѣе, найдемъ изліянія если не всѣхъ, то большей части планетъ, и эти изліянія, сами по себѣ очень неодинаковыя по своимъ свойствамъ и силѣ, будучи комбинированы, дадутъ очень сложное и далеко не каждому доступное построеніе. Вы нашли въ восходящемъ созвѣздіи Юпитера—не торопитесь радоваться; конечно, если это созвѣздіе—Стрѣлецъ, Рыбы или Ракъ, т.-е. жилище или мѣсто экзальтаціи свѣтлаго бога, то это хорошій знакъ: самъ радостный, онъ и васъ постарается обрадовать; но что̀, если это будетъ Козерогъ, мѣсто его депрессіи? Утомленный, немощный, онъ не сможетъ удѣлить вамъ своихъ благодѣтельныхъ лучей. Но пусть онъ будетъ въ хорошемъ созвѣздіи: все-же нужно предварительно удостовѣриться, что остальныя планеты не будутъ противодѣйствовать его добрымъ намѣреніямъ. Особенно опасно вліяніе обоихъ malefici,—Марса и Сатурна; въ какомъ аспектѣ находятся они по отношенію къ стоящему, скажемъ, въ Ракѣ Юпитеру? Допустимъ, что въ тригональномъ или секстильномъ—это очень хорошо: находясь въ дружелюбномъ настроеніи, они придутъ къ нему на помощь, одинъ—своимъ пыломъ, другой—своей хладнокровной разсудительностью. Недурно также, если они окажутся гдѣ-нибудь въ Близнецахъ или Львѣ: смежныя созвѣздія безразличны, такъ что вредныя свѣтила будутъ лишены возможности злоумышлять. Но горе, если мы одного изъ нихъ найдемъ въ Козерогѣ—особенно Сатурна, который тамъ „живетъ“: дѣйствуя на Юпитера всей силой своихъ лучей во враждебномъ діаме-

тральномъ аспектѣ, онъ вольетъ медленный ядъ своего коварства въ его тихій, цѣлебный свѣтъ. Все-же это еще полбѣды въ сравненіи со слѣдующей констелляціей: Марсъ въ Овнѣ, Сатурнъ въ Вѣсахъ—первый въ своемъ жилищѣ, второй въ своей экзальтаціи—оба во враждебномъ квадратномъ аспектѣ и притомъ такъ, что ихъ лучи падаютъ на разстояніи менѣе 7° направо и налѣво отъ Юпитера—это значитъ, что Юпитеръ „въ осадѣ", связанъ по рукамъ и ногамъ своими злонамѣренными противниками. Такой аспектъ убійственъ: онъ знаменуетъ рядъ несчастій и преступленій и раннюю смерть для рождающагося ребенка, вѣрную неудачу для предпринимаемаго дѣла — если только не найдется какой-нибудь благодѣтельной звѣзды, Венеры или Солнца, которая подъ сильнымъ тригональнымъ аспектомъ броситъ свой лучъ какъ разъ между осаждаемымъ и однимъ изъ осаждающихъ: этимъ она сниметъ „осаду" и возвратитъ Юпитеру свободу дѣйствій.—Наоборотъ, очень благопріятна для вопрошающаго такая констелляція, при которой зловредная планета осаждается двумя благодѣтельными: именно такая неожиданно счастливая констелляція, по поэтической фикціи Шиллера, склонила Валленштейна заключить роковой для него союзъ съ врагами его отечества („Смерть Валленштейна", д. I, сц. 1; пер. Шишкова, мѣстами исправленный):

Счастливѣйшій аспектъ!
Такъ, наконецъ, они сошлися, три
Великіе предвѣстника событій,
И вотъ двѣ благодатныя звѣзды,
Венера и Юпитеръ, осаждаютъ
Коварнаго, губительнаго Марса
И вредоносца заставляютъ мнѣ
Служить. Онъ долго мнѣ враждебенъ былъ,
Онъ ударялъ багровыми лучами
То четвернымъ, то супротивнымъ свѣтомъ [1])
Отвѣсно ль, косвенно ль, въ мои планеты
И благотворнымъ силамъ ихъ мѣшалъ.
Теперь онѣ врага преодолѣли
И плѣннаго на небеса влекутъ.

Такъ-то можно безъ преувеличенія сказать, что только благодаря теоріи аспектовъ греческая астрологія стала тѣмъ, чѣмъ она была въ теченіе вѣковъ—чарующей разнообразіемъ своихъ комбинацій и кажущейся научностью своихъ вычисленій книгой судебъ.

[1]) Т.-е., то въ квадратномъ, то въ діаметральномъ аспектѣ.

Гораздо меньшее значеніе имѣла въ этомъ отношеніи другая, тоже очень распространенная теорія — теорія *терминовъ*. Ея смыслъ тоже состоялъ въ томъ, что она давала возможность установить вліяніе планетъ въ тѣхъ созвѣздіяхъ, гдѣ ихъ въ данную минуту не было; но насколько теорія аспектовъ рѣшала эту задачу осмотрительно и — съ извѣстной точки зрѣнія — убѣдительно, настолько рѣшеніе теоріи терминовъ было произвольно, грубо и нелѣпо. Состояло оно въ слѣдующемъ: въ каждомъ изъ двѣнадцати созвѣздій пять изъ семи планетъ имѣютъ свои „термины", въ которыхъ даже въ ихъ отсутствіе пребываетъ ихъ сила, оказывая этимъ благотворное или вредоносное вліяніе на силу гостящей въ нихъ планеты. Тутъ уже догматъ всемірной симпатіи насъ не вывозитъ, разумъ вообще молчитъ; не будучи въ состояніи обосновать свой постулатъ раціональнымъ образомъ, наши авторы ставятъ его подъ защиту вымышленной, полумилліоннолѣтней халдейской или египетской древности. Частности можемъ оставить въ сторонѣ; прибавлю здѣсь для поясненія, что такъ какъ на каждое созвѣздіе приходилось по грубому разсчету (360^0:12) по 30^0, то въ каждомъ терминѣ ихъ было, среднимъ числомъ, 6 — но именно только среднимъ числомъ, такъ какъ термины были неравны между собой.

Само собой разумѣется, что арсеналъ *астрологической статики*, какъ мы ее можемъ назвать, всѣмъ этимъ далеко не исчерпанъ — мною изложены только четыре главнѣйшія изъ руководящихъ теорій, да и тѣ только въ общихъ чертахъ. Но ихъ достаточно для того, чтобы сознательно отнестись къ той области астрологической науки, въ которой она входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ жизнью — къ области астрологической *динамики*. Астрологическая динамика обнимаетъ главнымъ образомъ двѣ отдѣльныя дисциплины — теорію генитуръ (или генетліалогію) и теорію иниціативъ.

IX.

Интересно, прежде всего, метафизическое основаніе той и другой теоріи: на первый взглядъ можетъ показаться, что мы имѣемъ дѣло съ противорѣчіемъ. Теорія генитуръ учитъ насъ опредѣлять судьбу человѣка, жизнь котораго началась подъ той или другой констелляціей; что намъ скажутъ звѣзды, то и исполнится, какъ бы ни старался человѣкъ пересилить, перехитрить или перемолить судьбу. Здѣсь, поэтому, мы стоимъ на почвѣ не

только детерминизма, но и прямо фатализма.—Напротивъ, иниціатива имѣетъ основаніемъ возможность выбора для человѣка. Прежде чѣмъ рѣшиться на какой-нибудь важный поступокъ, я спрашиваю астролога, благопріятствуютъ ли ему звѣзды; если я его совершу, то совершится и то, что астрологъ прочелъ въ своей діаграммѣ, но я могу его и не совершить—предсказаніе дается здѣсь въ чисто условной формѣ. Въ моихъ рукахъ шаръ; если я его брошу, то онъ полетитъ въ уже данномъ звѣздами направленіи, измѣнить которое я не властенъ,—но я могу его не бросить.—При болѣе внимательномъ разборѣ это противорѣчіе какъ будто устраняется. Въ сущности, генитура—та же иниціатива, только примѣненная къ акту рожденія человѣка. И здѣсь формально возможна и условная постановка отвѣта: если ребенокъ родится при данной констелляціи, его судьба будетъ такая-то; допуская, что онъ могъ бы и не родиться при ней, и предсказаніе звѣздъ теряетъ свою силу. Въ томъ, что эта условность чисто формальная, виноваты не звѣзды, а независимые отъ нихъ физіологическіе законы; а впрочемъ, если примкнуть къ методу тѣхъ, которые при установленіи генитуръ рожденіе замѣняютъ зачатіемъ (о чемъ ниже), то и формальная условность замѣняется реальной,—генитура сводится всецѣло къ иниціативѣ, переходя изъ области абсолютнаго въ область относительнаго фатализма.—Но стóитъ вникнуть еще глубже въ предметъ—и противорѣчіе вновь воцаряется, и на этотъ разъ полное, неумолимое, безнадежное. Вѣдь въ моей генитурѣ заключено и то, что̀ по здравымъ воззрѣніямъ Аристотеля и эллиновъ вообще составляетъ главный элементъ счастья — многочадіе и благочадіе? Другими словами, генитура моихъ дѣтей въ зародышевомъ состояніи находится въ моей собственной? А если такъ, то гдѣ же тутъ хотя бы и формальная условность? Далѣе: разъ моя судьба предопредѣлена, то предопредѣлены всѣ мои поступки, а тѣмъ болѣе важные; какой же смыслъ имѣетъ тогда иниціатива? Звѣзды не могутъ меня предостеречь, а только предсказать мнѣ вмѣстѣ съ моимъ неизбѣжнымъ поступкомъ и его неизбѣжныя послѣдствія.

Рѣшеніе этого труднѣйшаго вопроса было не по силамъ астрологіи; она предоставила его своей покровительницѣ и союзницѣ, стоической философіи,—и тутъ мы возвращаемся къ темѣ, затронутой въ IV главѣ. Изъ стоиковъ нѣкоторые, а именно самые глубокіе, послѣдовательные и неустрашимые умы, отвѣтили на нашъ вопросъ серьезно и безжалостно: да, боги предопредѣлили судьбу человѣка во всѣхъ ея частностяхъ. Но

можно ли, въ такомъ случаѣ, ее узнать? Можно,—мы видѣли, почему именно стоицизмъ дорожилъ этой возможностью. А узнавъ ее, можно ее измѣнить? Нѣтъ, конечно. Но для чего же тогда ее узнавать? Для того, чтобы ей заранѣе покориться съ достойнымъ мудреца безстрастіемъ,—ибо „volentem ducunt fata, nolentem trahunt“, какъ сказалъ лучшій выразитель стоическихъ идей, Сенека.

Отсюда практическій выводъ для астрологовъ: занимайтесь сколько угодно генитурами,—благо вы тутъ имѣете дѣло съ пущеннымъ уже шаромъ,—но не касайтесь иниціативъ. Вашъ кліентъ только высмѣетъ васъ, если вы ему истолкуете отвѣтъ звѣздъ въ такой формѣ: „ты отправишься сегодня моремъ въ Египетъ и на пути туда потонешь“; онъ преспокойно останется въ Римѣ— и не потонетъ. Понятно, что астрологи не могли примириться съ ученіемъ, которое отнимало у нихъ большую половину ихъ кліентовъ. А такъ какъ, съ другой стороны, и стоицизмъ не желалъ жертвовать своимъ союзомъ съ астрологіей, то состоялся компромиссъ. Были установлены тонкія различія между необходимостью (anankê, necessitas), рокомъ (heimarmenê, fatum), судьбой (peprômenê, sors) и т. д.—казуистика вышла довольно сложная, смотря по численности и силѣ обстоятельствъ, умѣряющихъ абсолютизмъ предопредѣленія. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, воля восторжествовала надъ разсудкомъ, и иниціативы были спасены.

Но если по вопросу объ иниціативахъ астрологія имѣла дѣло съ покладистой метафизикой, то по вопросу о генитурахъ она натолкнулась на совершенно неожиданное сопротивленіе со стороны точныхъ наукъ. Какъ ни естественно, съ точки зрѣнія непосредственнаго чувства, то представленіе, которымъ такъ охотно занимались поэты, отъ Гораціева: „quem tu, Melpomene, semel *nascentem* placido lumine videris“ и до новѣйшей польской пѣсенки: „o, gwiazdeczko, coś błyszczała, gdym ja ujrzał świat“ (о, звѣздочка, блиставшая, когда я увидѣлъ свѣтъ)—на чемъ было оно, строго разсуждая, основано? На догматѣ всемірной симпатіи, отвѣчаетъ астрологія. Разнообразныя изліянія божественныхъ планетъ, дѣйствующія и непосредственно, и подъ углами своихъ различныхъ аспектовъ, взаимно усиливая и умѣряя другъ друга, сосредоточиваются на рождающемся младенцѣ и кладутъ этимъ неизгладимую печать на него, опредѣляя его наружность, характеръ и судьбу. Тутъ эмбріологія, которая хотя и была въ тѣ времена сама въ эмбріологическомъ состояніи, но все же знала много неизвѣстнаго простымъ смертнымъ, ставила съ виду

наивный вопросъ: но какъ же вы объясняете, что у близнецовъ, родившихся въ одно и то же время и получившихъ поэтому одну и ту же астральную печать, бываютъ тѣмъ не менѣе различія и въ наружности, и, чаще, въ характерѣ, и, еще чаще, въ судьбѣ? Астрологія съ улыбкой сострадания показываетъ противницѣ вертящееся гончарное колесо: „попробуй,—говоритъ она ей,—два раза подъ рядъ очень быстро брызнуть чернилами на его окружность!“ Колесо остановилось. „Видишь? Чернильныя пятна оказались на далекомъ разстояніи одно отъ другого. Небесный же сводъ вращается несравненно быстрѣе этого колеса; и ты удивляешься тому, что у рождающихся — вѣдь, все-же, одинъ послѣ другого—близнецовъ оказываются различныя констелляціи, различныя генитуры?“—На это сравненіе—сравненіе знаменитое, доставившее его автору, Нигидію, прозвище „Гончаръ“ (Figulus) — эмбріологія съ притворнымъ смиреніемъ ничего не отвѣчаетъ и ставитъ другой вопросъ, на этотъ разъ очень серьезный. „Ты говоришь—печать; но вѣдь печать вовсе не налагается въ моментъ рожденія. У рождающагося младенца наружность та же, что и нѣсколько секундъ до рожденія: ужъ если говорить о роковомъ рѣшающемъ моментѣ, когда налагается печать, то имъ будетъ моментъ зачатія, а не рожденія“.—Да, это возраженіе вѣское; спасибо за наставленіе. Чтò же, будемъ ставить генитуру по моменту зачатія.—„Интересно знать, какъ вы это будете дѣлать?“—Астрологія смущена: дѣйствительно, затрудненія серьезныя. Чтò же, родители укажутъ.—„Въ самомъ дѣлѣ, укажутъ съ точностью минуты и секунды? Посмотри на гончарное колесо: одной секундой раньше или позже—и вся констелляція другая,—генитура никуда не годится!“ — „А ты посмотри, чтò говоритъ божественный Петосирисъ: Veteres Aegyptii semel in mense hora praeelecta cum uxoribus concumbebant; itaque cum purgationis tempore conceptionem factam esse cognoverant illam horam ut genitalem signabant. Конечно, это дѣло родителей; но во всякомъ случаѣ дана возможность опредѣлить моментъ“... — Моментъ чего? — коварно спрашиваетъ эмбріологія.—„Конечно, зачатія“.—Ошибаешься: только совокупленія. А зачатіе совершается уже затѣмъ, неощутимо, въ неопредѣлимый, иногда довольно долгій срокъ.

Возраженіе на видъ убійственное, на дѣлѣ же очень выгодное для астрологовъ: они, какъ и вообще оккультисты, рады всему, чтò расширяетъ область неопредѣлимаго. Неопредѣлимъ тотъ моментъ для медицинской науки; для астролога же онъ, благодаря средствамъ его науки, оказывается вполнѣ опредѣли-

мымъ. Солнце—источникъ всякой жизни; Луна—спеціально богиня родовъ и женской половой жизни, почему греки и отожествляли ее съ Артемидой, а римляне—съ Юноной (Juno Lucina). Отсюда слѣдуетъ (по крайней мѣрѣ по астрологической логикѣ), что въ моментъ зачатія Луна была въ томъ же положеніи относительно Солнца, какъ и въ моментъ рожденія; зная второй, можно съ математическою точностью опредѣлить первый. Что это вѣрно, это доказывается слѣдующимъ обстоятельствомъ, необъяснимымъ для медицинской науки, но вполнѣ объяснимымъ для астрологіи. Медики признаютъ доношеннымъ ребенка, который рождается въ теченіе десятаго (луннаго) мѣсяца; они признаютъ затѣмъ, что недоношенный ребенокъ жизнеспособенъ, если онъ рождается въ теченіе восьмого, и нежизнеспособенъ, если онъ рождается въ теченіе девятаго мѣсяца (это, дѣйствительно, тогда признавалось, да и нынѣ многими признается). Какъ объяснить эту меньшую крѣпость болѣе зрѣлаго плода? Вотъ какъ: въ восьмомъ мѣсяцѣ Луна находится въ тригональномъ аспектѣ съ тѣмъ созвѣздіемъ, въ которомъ она находилась въ моментъ зачатія—стало быть, въ благопріятномъ; въ девятомъ мѣсяцѣ, напротивъ, въ квадратномъ—тутъ она враждебно смотритъ на свое собственное дѣло и рада вредить ему; наконецъ, съ начала десятаго мѣсяца она вступаетъ опять въ благопріятный, секстильный аспектъ—и ребенокъ внѣ опасности.

Понятно, что послѣ этого урока эмбріологіи осталось только сконфуженно предоставить поле побѣдительницѣ,—генитура была спасена. Впрочемъ, немногіе послѣдовали совѣту ставить генитуру по моменту зачатія, который мало говорилъ воображенію; большинство удовлетворялось его совпаденіемъ по лунному фазису съ моментомъ рожденія и предпочитали въ прочемъ держаться этого послѣдняго. За причинами дѣло не стало: свѣтъ, воздухъ—однимъ словомъ, то, въ чемъ скорѣе всего можно искать самого вещества планетныхъ изліяній, воспринимаются человѣкомъ лишь въ моментъ рожденія. Итакъ, тема зачатія уже дана въ темѣ рожденія, но много другого имѣется только въ темѣ рожденія,—вполнѣ резонно было, поэтому, именно ее положить въ основаніе искомой генитуры.

Но этимъ пока только принципъ установленъ; спрашивается, какъ примѣнять въ частности вышеизложенныя теоріи астрологической статики къ ожидающей рѣшенія первой практической задачѣ?

X.

Вернемся для этого къ нашей рулеткѣ.

Въ ней было три составныхъ части. Во-первыхъ, разноцвѣтные шарики—это планеты. Во-вторыхъ, вертящійся дискъ съ его двѣнадцатью отдѣленіями, обозначенными фантастическими символами—это зодіакъ. Мы можемъ теперь, на основаніи сказаннаго въ VIII главѣ, нѣсколько изукрасить его край и его поверхность. Прежде всего мы раздѣлимъ каждое изъ двѣнадцати отдѣленій на пять неравныхъ по величинѣ клѣтокъ, изображая въ каждой по планетѣ,—это будутъ термины. Затѣмъ мы соединимъ ихъ между собой линіями, которыя образуютъ въ дискѣ шесть діаметровъ, четыре треугольника, три квадрата и два шестиугольника, согласно вышеизложеннымъ четыремъ аспектамъ. Наконецъ, мы въ каждомъ отдѣленіи намалюемъ тѣ планеты, жилищемъ, экзальтаціей или депрессіей которыхъ оно является. А затѣмъ обратимъ вниманіе на третью составную часть нашей рулетки.

Мы ее уже назвали выше. Это тотъ недвижный внѣшній ободъ рулетки, по которому вертятся шарики; его имя—*кругъ генитуры*. И онъ, подобно зодіаку, раздѣленъ на двѣнадцать частей; но эти части—„мѣста“ или „дома“, какъ ихъ технически называютъ—отмѣчены именами, имѣющими непосредственное отношеніе къ человѣческой жизни [1]). Въ тѣ времена, когда люди щадили свою и чужую память и не совали своей амбиціи туда, гдѣ ей не мѣсто, нашлась поэтическая полезность, уложившая весь этотъ комплектъ двѣнадцати домовъ въ слѣдующее, сравнительно недурное двустишіе:

---

[1]) Позволимъ себѣ, въ интересахъ любопытныхъ, сообщить порядокъ и имена этихъ двѣнадцати домовъ, съ обозначеніемъ центровъ и покровителей; слѣдуетъ при этомъ помнить, что первымъ домомъ считается восходящій въ данную минуту, вторымъ—имѣющій взойти послѣ него и т. д.; перечисленіе идетъ поэтому отъ гороскопа къ нижнему преполовенію и т. д. I—*Гороскопъ*: „домъ жизни“; II—„домъ прибыли“; III—„домъ братьевъ“, онъ же и „домъ дружбы“; покровительница—„богиня“; IV—*нижнее преполовеніе*: „домъ родителей“, онъ же и „домъ вотчины“; V—„домъ дѣтей“; покровительница—„добрая судьба“; VI—„домъ пороковъ“, онъ же и „домъ болѣзней“; покровительница — „злая судьба“; VII—*закатъ*; „домъ брака“; VIII—„домъ смерти“ и „домъ наслѣдства“; IX—„домъ религіи“ и „домъ странствій“; покровитель—„богъ“; X—*верхнее преполовеніе*; „домъ чести“; XI—„домъ заслуги“; покровитель—„добрый геній“; XII—„домъ вражды“ и „неволи“; покровитель—„злой геній“.

Vita, lucrum, fratres, genitor, nati, valetudo,
Uxor, mors, pietas, regnum benefactaque, carcer.

Порядокъ довольно сумбурный, система сомнительнаго достоинства; объясняется это для вѣрующихъ тѣмъ, что боги не подчинены законамъ человѣческой логики, а для невѣрующихъ—тѣмъ, что нашъ кругъ явился компромиссомъ между нѣсколькими—по крайней мѣрѣ тремя различными построеніями. Этотъ вопросъ, какъ слишкомъ спеціальный, мы оставляемъ въ сторонѣ; беремъ только то́, что̀ непосредственно связано съ самой душой астрологіи.

Перенося нашу рулетку съ земли на небо, мы превращаемъ нашъ двѣнадцатидомный кругъ генитуры въ неподвижный обручъ, внутри котораго скользитъ зодіакъ съ его знаками и планетами. Этотъ обручъ одной своей половиной находится подъ землей, другой—надъ нею; тотъ пунктъ на востокѣ, гдѣ горизонтъ его пересѣкается, отдѣляя подземную часть отъ надземной, называется — *гороскопомъ*. Гороскопъ, такимъ образомъ, — твердая точка въ кругу генитуры; поставить гороскопъ значитъ—опредѣлить тотъ градусъ въ движущемся зодіакѣ, который въ минуту рожденія ребенка соотвѣтствовалъ гороскопу круга генитуры. Разъ гороскопъ опредѣленъ—остальное можетъ быть вычислено съ математическою точностью.

Гороскопъ, такимъ образомъ, самый важный пунктъ круга генитуры, одинъ изъ его четырехъ „центровъ"; остальные три—верхнее преполовеніе, закатъ и нижнее преполовеніе. Они сами собою сильны; изъ остальныхъ восьми домовъ шесть сильны покровительствомъ шести изъ семи планетъ, которыя витаютъ въ нихъ, такъ сказать, incognito, подъ разными псевдонимами—какъ „богъ" и „богиня" (т.-е. Солнце и Луна), „добрый" и „злой геній" (Юпитеръ и Сатурнъ), „добрая" и „злая судьба" (Венера и Марсъ),—причемъ человѣческой логикѣ сдѣлана хоть та уступка, что богъ и богиня и равнымъ образомъ оба добрыхъ и оба злыхъ начала поставлены въ діаметральный аспектъ другъ съ другомъ. Въ остальномъ же довольно рискованно углубляться въ эту умопомрачительную теорію покровительствъ, этотъ неудачный сколокъ съ теоріи жилищъ въ зодіакѣ, которая, если помнитъ читатель, тоже не отличалась лойяльнымъ отношеніемъ къ закону о достаточномъ основаніи.

Чего же мы, однако, спрашивается, достигли? Достигли того, что получили возможность гадать. Правда, на практикѣ дѣло безъ затрудненій не обходится; зодіакъ вѣдь не кругъ; его наклонность—

и притомъ наклонность измѣняющаяся—къ экватору не даетъ намъ права раздѣлить его на двѣнадцать созвѣздій, по 30° каждое; необходимы точныя вычисленія триногометрическаго характера для того, чтобы свести градусы зодіака къ градусамъ круга. Но вѣдь на то астрологи и были mathematici; для удобства же непросвѣщенной братіи были издаваемы такъ-называемыя „таблицы восходовъ", неудобство которыхъ состояло лишь въ томъ, что онѣ для различныхъ широтъ были различныя. Многіе, поэтому, предпочитали crassa Minerva—дѣлить зодіакъ, подобно кругу, на 12×30 градусовъ; гадать, въ сущности, можно было и по этому сокращенному in usum profanorum методу.

Но, съ таблицами восходовъ или безъ нихъ, дѣло сводилось къ тому, чтобы сопоставить части круга генитуры съ соотвѣтственными частями зодіака и опредѣлить вліяніе планетъ на каждую изъ нихъ. Среди конкуррирующихъ планетъ должна быть выдѣлена „господствующая"; господствующая — та, которая находясь самолично или путемъ аспекта въ данномъ знакѣ, имѣетъ въ немъ въ то же время свое жилище, или свою экзальтацію, или, по крайней мѣрѣ, свой терминъ, которая находится въ сильномъ благопріятномъ аспектѣ съ симпатичными ей планетами той же секты, и т. д. Возьмемъ, ради примѣра, девятый домъ—тотъ, который, находясь подъ покровительствомъ „бога", имѣетъ ближайшее отношеніе къ „религіи" новорожденнаго (pietas у нашего поэта) и въ то же время—о логической связи лучше не спрашивать—содержитъ указаніе на предстоящія ему „странствія". Допустимъ, что соотвѣтствующій знакъ зодіака—двойной (т.-е. Рыбы, Близнецы, Вѣсы)—это значитъ, что на долю новорожденнаго выпадетъ сугубая мѣра скитаній. Допустимъ, что въ этомъ знакѣ господствуетъ Меркурій—путешествія будутъ прибыльны. Съ Юпитеромъ въ соотвѣтственномъ знакѣ они получаютъ значеніе царскихъ (или вообще государственныхъ) командировокъ; съ Венерой—любовныхъ экскурсій; но если господствуетъ Марсъ, то путешествіе грозитъ опасностью жизни будущаго странника. И тутъ возможны подраздѣленія: Марсъ въ Стрѣльцѣ—путникъ подвергнется нападенію разбойниковъ; Марсъ въ водномъ знакѣ—грозитъ кораблекрушеніе; Марсъ въ водномъ человѣческомъ знакѣ (т.-е. Водолеѣ)—опасность отъ пиратовъ и т. д. Но мы еще не приняли во вниманіе *силу* господствующей планеты, отъ которой зависитъ и сила угрожающей опасности, а равно и помощь или противодѣйствіе, оказываемыя ей другими планетами. Если въ допущенномъ нами случаѣ Марсъ въ Стрѣльцѣ будетъ въ своемъ терминѣ, не ослабленный регрессіей

и подъ благопріятнымъ аспектомъ Сатурна—странникъ будетъ разбойниками убитъ; если тотъ же Марсъ при тѣхъ же условіяхъ окажется подъ враждебнымъ аспектомъ Меркурія—онъ спасется цѣной выкупа; если подъ такимъ же аспектомъ Венеры—ему предстоятъ приключенія „Кавказскаго плѣнника"; если Юпитера—его выручатъ государственныя власти, и т. д.

Какъ видитъ читатель, благодаря кругу генитуры, и планеты, и зодіакъ получили опредѣленный смыслъ; вся эта разнообразная, но непонятная до тѣхъ поръ музыка сферическихъ гармоній вылилась, благодаря ему, въ понятныя и недвусмысленныя слова. Мы далеко не исчерпали всего, что̀ могутъ сказать звѣзды относительно будущихъ путешествій младенца; а между тѣмъ рубрика „странствія"—лишь одна изъ многихъ, составляющихъ вмѣстѣ циклъ событій его жизни. Разработывая столь же тщательно и другія, астрологъ получалъ длинное и подробное повѣствованіе о всей его дальнѣйшей судьбѣ до самой кончины;—отъ его умѣлости зависѣло составить его въ такихъ выраженіяхъ, чтобы, въ случаѣ опроверженія фактами, найти для себя спасительную лазейку.

Дѣйствительно, въ этомъ заключалась—какъ и во всякомъ вѣдовствѣ—великая опасность. Хорошо, если пророчества генитуры сбудутся; недурно также, если удастся хоть post factum представить ихъ сбывшимися; но если они недвусмысленно опровергнуты,—астрологъ долженъ взять вину на себя. Звѣзды не лгутъ, не лжетъ и безподобный Петосирисъ, баснословный египетскій жрецъ, которому молодая Греція, на этотъ разъ скорѣе изъ разсчета, чѣмъ изъ великодушія, подарила свое дѣтище; но астрологи—люди, и по человѣческой слабости могутъ ошибаться. Ошибка же тѣмъ легче можетъ быть допущена, чѣмъ сложнѣе система, и вотъ вторая (послѣ желанія съузить кругъ избранниковъ) и пожалуй главная причина сложности астрологической науки. И эта сложность роковымъ образомъ должна была рости и рости; повторенныя „ошибки" должны были породить мнѣніе, что въ самой системѣ есть незамѣченный пробѣлъ. Мы, вотъ, опредѣливъ гороскопъ, по порядку сопоставляемъ дома̀ круга генитуры со знаками зодіака; не слишкомъ ли это просто? Другая школа астрологовъ поступаетъ иначе: она, измѣривъ по зодіаку разстояніе солнца отъ луны, отмѣчаетъ эту дугу по тому же зодіаку и, опредѣливъ такимъ образомъ „клиръ фортуны", съ него ведетъ счетъ домамъ; это—труднѣе, ученѣе и потому правильнѣе. Третья этимъ осложненіемъ не довольствуется, она для каждой рубрики „отецъ", „мать", „братъ", „сестра"

и т. д. производитъ соотвѣтственную пунктуацію путемъ измѣренія разстоянія между соотвѣтственными планетами—Сатурномъ и Солнцемъ для отца, Венерой и Луной для матери, Сатурномъ и Юпитеромъ для брата и т. д.; кто разъ научился этому, тотъ къ тому первому, болѣе простому методу, не возвращался. Разсудокъ не протестовалъ; принеся столько жертвъ, онъ уже находился въ настроеніи проигравшагося игрока, ставящаго на карту свое послѣднее имущество, лишь бы только обманчивый миражъ успѣха хоть разъ сталъ дѣйствительностью.

И въ этомъ заключается то, что обезоруживаетъ современнаго критика античной астрологіи. Звѣзды не лгутъ—это символъ вѣры, который нельзя было отнять у этихъ людей, не дѣлая ихъ глубоко несчастными; „Природа проложила свои пути во многихъ направленіяхъ, желая, чтобы человѣкъ доискивался ихъ самыми разнообразными средствами",—это второе, вспомогательное соображеніе, оправдывающее не только своего безъименнаго автора, но и лучшую—если не бо̀льшую—часть всей секты. „Попробуемъ считать дома отъ клира фортуны; быть можетъ, это одинъ изъ тѣхъ многихъ путей Природы. Въ случаѣ успѣха будемъ считать этотъ путь правильнымъ,—въ противномъ случаѣ будемъ искать другихъ путей. Невѣрно поняли люди твою генитуру—научи ихъ; есть въ ней ошибка—исправь ее; не можешь исправить—сойди съ арены. Минута уступаетъ минутѣ, человѣкъ—человѣку, секта—сектѣ, методъ—методу, но принципъ вѣренъ: наука правдива, звѣзды не лгутъ"...

Ѳ. Зѣлинскій.

СУММА
ТРЕХЪ СЛАГАЕМЫХЪ...

ПОВѢСТЬ.

I.

Было апрѣльское утро, свѣжее, сѣренькое, дождливое... Въ центрѣ Москвы, въ красивомъ барскомъ домѣ—тихо. Хозяинъ еще спалъ. Въ его большой спальнѣ—совершенно темно отъ спущенныхъ бѣлыхъ сторъ и тяжелыхъ занавѣсей.

Около десяти часовъ, спавшій вдругъ проснулся, какъ отъ толчка, сѣлъ въ постели и прошепталъ:

— Во снѣ что-ли? Нѣтъ, это было уже въ полуснѣ... Какъ чуть очнулся, такъ и взволновался... отъ насущнаго. Такъ бываетъ, говорятъ, у людей, у которыхъ большое горе или просто большая бѣда. Забудется все во снѣ, а чуть начнется явь,— ощущенье тяжести на душѣ является прежде сознанія о томъ, кто ты, что̀ ты, и гдѣ ты...

Помолчавъ мгновенье, онъ снова забормоталъ. Разговаривать вслухъ съ самимъ собой и даже шутить было его привычкой—и любимой.

— Да, да... Ну-т-ка... Кто я?... Я—Алексѣй Борщовъ, бывшій лейбъ-гусаръ. Только-что воевалъ; венгерцевъ усмирялъ и вышелъ въ отставку. А что̀ я такое? Товарищи въ полку звали на разные лады—мудрецомъ, барышней, тюленемъ, Сократомъ Платоновичемъ и преподобнымъ Алексѣемъ Божіимъ человѣкомъ. Звали тоже и абракадабристомъ. А гдѣ я?.. Да въ той же Москвѣ,

гдѣ родился, и въ томъ же дѣдовскомъ домѣ на Тверскомъ бульварѣ. А что̀ я теперь собираюсь учинить съ собой? То-то вотъ, братецъ. Къ этому я и веду рѣчь. Что̀? Даже жутко подумать.

Онъ собрался-было позвать, какъ всегда, лакея для того, чтобы тотъ поднялъ занавѣсы, но остановился и опять заговорилъ вслухъ:

— Это одинъ изъ самыхъ роковыхъ моментовъ жизни. Мнѣ кажется, что иногда оно похоже на то, что человѣкъ облегчаетъ милліону свалиться къ нему на голову. Милліону нравственному, а не изъ рублей состоящему. Чортъ ли въ этакомъ!.. Иногда же оно похоже на то, что человѣкъ шалитъ заряженымъ пистолетомъ, со взведеннымъ куркомъ, и приставляетъ его то къ виску, то къ глазу, забавляясь тѣмъ, что находится на волоскѣ отъ смерти.

И вздохнувъ глубоко отъ волненія, онъ провелъ руками по головѣ и по лицу.

— Да; день!—зашепталъ онъ.—Денекъ начинается. День въ жизни великій. И какимъ тамъ Сократомъ Платоновичемъ или абракадабристомъ я ни будь, по мнѣнію товарищей, а все-таки по неволѣ начнешь раздумывать и всякую всячину приплетать. Прямо таки страшно. И ужъ, конечно, страшнѣе, чѣмъ на войнѣ. Что̀ тамъ? Ничего. Двумъ смертямъ не бывать. А тутъ впереди цѣлая вереница привидѣній на встрѣчу тебѣ идетъ по той дорогѣ, которую ты берешь. Да. Невѣдомыя условія предстоящей новой жизни—это именно призраки страшные. А между тѣмъ ты ихъ на себя самъ же и вызываешь. Оставайся. Не вступай на эту дорогу. Стой или возьми другую, гдѣ не предвидится встрѣча съ привидѣніями.

Борщовъ вздохнулъ снова и прибавилъ громко на всю спальню, какъ еслибы обращался къ кому-нибудь:

— Да, да. Это такой шагъ, послѣ котораго жизнь принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ. Начинается новая стадія земного существованія. Да еще какая стадія!.. Она всю жизнь мою захватитъ, заполонитъ.

И Борщовъ, вмѣсто того, чтобы позвонить своего давнишняго лакея, крѣпостного человѣка Степана, вылѣзъ изъ постели, накинулъ халатъ и самъ раздвинулъ занавѣси на окнѣ и поднялъ стору. Глянувъ на улицу, онъ удивился. Несмотря на его якобы мрачное философствованіе, на душѣ его было въ дѣйствительности такъ свѣтло и радостно, что онъ былъ удивленъ, увидя хмурое небо и накрапывающій дождь. Ему почему-то представилось, что въ такой день его жизни и погода должна быть дивная.

Тѣмъ паче слѣдовало ожидать этого, что весна была на дворѣ, снѣгъ уже давно сошелъ, а на трехъ чахлыхъ деревцахъ сосѣдняго церковнаго двора виднѣлись уже съ недѣлю почки.

Борщовъ отворилъ окно, выставленное наканунѣ, желая подышать чистымъ, теплымъ воздухомъ, но на него пахнуло сыростью, подулъ легкій свѣжій вѣтерокъ будто съ запахомъ тающаго гдѣ-то снѣга.

Внизу на улицѣ виднѣлось нѣсколько прохожихъ, больше простой народъ, но въ ту же минуту проѣхала большая карета четвернею цугомъ... Мальчишка форейторъ нещадно стегалъ „подручнаго" гнѣдого коня... Кучеръ съ окладистой бородой важно возсѣдалъ среди огромныхъ и широкихъ козелъ подъ голубымъ чехломъ съ серебряной бахромой и съ гербомъ. Два ливрейныхъ лакея, стоя на запяткахъ и держась руками за ремни, увидѣли Борщова у окна и ухмыльнулись ему изъ вѣжливости. „Знакомый баринъ!"—говорили ихъ добродушныя лица.

Борщовъ тоже при видѣ этой кареты, кучера и лакеевъ пробурчалъ себѣ самому:

— Князь Задонскій? Куда такъ рано?

Странное совпаденіе будто слегка озадачило его. Почему онъ сегодня, въ этотъ особенный, знаменательный день, самъ поднялъ занавѣсы, глянулъ на улицу и перваго человѣка, котораго увидѣлъ, именно проѣзжающаго князя... Именно его, князя Виктора Юрьевича Задонскаго? Вѣдь онъ, и одинъ онъ, въ Москвѣ—его соперникъ.

— Впрочемъ, какой же это соперникъ?—громко воскликнулъ Борщовъ.—Мямля, байбакъ... Зачѣмъ онъ къ Ипатовымъ ѣздитъ и ежедневно у нихъ торчитъ отъ зари до зари—неизвѣстно никому.

И закрывъ снова окно, Борщовъ отошелъ и разсмѣялся.

— Даже ему самому неизвѣстно! Привозитъ букеты и все пристаетъ, чтобы въ воду поставили... А то цвѣты-молъ завянутъ. Привозитъ конфекты, и самъ, болтая, съѣдаетъ ихъ до тла. Добрый человѣкъ, но... соперникомъ ничѣмъ и ни въ чемъ быть не можетъ. Хотя онъ въ Надю влюбленъ... Положительно! И давно. Въ началѣ зимы уже говорила вся Москва, что онъ—ея женихъ.

Борщовъ началъ тихо двигаться по комнатѣ, не ходить, а бродить, какъ еслибы искалъ что-нибудь.

— Странная это черта характера!—началъ онъ снова бурчать себѣ подъ носъ.—Люди говорятъ, что это якобы гамлетов-

ская черта. Все обсуждать, все взвѣшивать, все разбирать по ниточкѣ, и каждую ниточку оглядывать, обнюхивать со всѣхъ сторонъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ бояться сдѣлать шагъ... Все собираться только дѣйствовать. Но теперь-то? Рѣшился ли я? Понятно, рѣшился. Конецъ. И давно бы пора. Давнымъ-давно. Еще въ новый годъ, помню, на волоскѣ висѣло, во время мазурки... А теперь уже апрѣль... И что̀ меня остановило? Остановила мысль, что глупо, пошло, даже какъ бы оскорбительно для собственнаго достоинства сдѣлать предложеніе среди глупаго пляса. И вотъ, отложилъ до слѣдующаго дня... А на утро, вотъ здѣсь же, такъ же вотъ, проснулся, сталъ разсуждать и испугался... И отложилъ совсѣмъ...

Постоявъ среди комнаты, Борщовъ выговорилъ громко и съ чувствомъ:

— Конецъ! Я ее люблю. И она меня любитъ. Я это знаю. Такъ что̀ же? Чего философствовать, да разбирать по ниточкамъ и чувство свое, и всѣ послѣдствія поступка. Конецъ!

Онъ позвонилъ и, при появленіи лакея, весело и бодро приказалъ полушутя:

— Ну-съ, Степанъ Макарычъ, пожалуйте. Умываться, бриться, облачаться и чай пить. И полную форму тащи сюда!

— Сами поднялись, да еще и мундиръ давай?—удивился лакей.—Это что̀ же такое?

— Чудеса въ рѣшетѣ, Степанъ.

— Понятно, чудеса! Аль балуетесь?

Камердинеръ, пожилой человѣкъ лѣтъ пятидесяти, уже около двадцати лѣтъ ходившій за своимъ барчукомъ, а потомъ бариномъ Алексѣемъ Андреевичемъ, обожалъ его, конечно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обращался съ нимъ вполнѣ фамильярно.

— Сегодня такой день, Степанъ... Все одно что большой праздникъ или день именинъ, либо рожденье мое... Я жениться собрался. Вотъ тебѣ!

Степанъ помолчалъ нѣсколько мгновеній, глядя барину въ лицо, и наконецъ выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Что же! Благослови Господь. Дѣло доброе.

— Чего же ты, будто огорчился или оробѣлъ?

— Наше холопское дѣло такое... Вотъ ходилъ, ходилъ... А тутъ барыня... Не угодилъ ей,—она и турнула. А я, коли за вами не ходить, такъ хоть въ рѣчку. Привыкъ.

— Ну, это не бойся... Не такая она—моя будущая супруга.

— Онѣ, я знаю, добрыя.

— Стало быть, догадался—кто?

— Эвося... Тутъ не приходится догадываться. Вѣстимое дѣло—Надежда Павловна... Люди всѣ давнымъ-давно сказываютъ. И наши, и ихніе...

— Да, правда, Степанъ. Я давно собираюсь. Всю зиму почти. Да все страшно было... Такое дѣло, что возврата нѣтъ. Вся жизнь отъ этого будетъ такая или сякая.

— Не знаю, Алексѣй Андреевичъ, почему господа этакое разсужденіе имѣютъ. По нашему, что̀ же тутъ такого особливаго? Жисть—жистью, а супружество—супружествомъ. Одно другому не мѣшаетъ.

— Вотъ ты и врешь. Я тебѣ сейчасъ докажу, что мѣшаетъ. Ты былъ женатъ? Овдовѣлъ? Были у тебя два сына, а теперь одинъ Илюша. Другой—попалъ зимой въ прорубь и много заставилъ тебя слезъ пролить. И ты всегда соглашался, что еслибы не женился ты—этого горя у тебя бы не было. Или женился бы на другой, на той, что тебѣ тогда прочили, на косой Аграфенѣ. А она и теперь еще жива, потому что была здоровенная всегда, и дѣтей было бы у тебя—сколько у нея теперь. Куча, чуть не дюжина.

Степанъ усмѣхнулся и замоталъ головой.

— Это я все знаю. Отъ васъ сто разовъ слыхалъ и сто разовъ вамъ докладалъ, что это вы все путаете. Это—господское разсужденье и все колобродство одно. А жисть у всякаго человѣка своя собственная, какая ему положена. И финтить ему нѐдляче...

Черезъ полчаса Борщовъ уже сидѣлъ въ большой столовой своей истинно-барской квартиры, завтракалъ и просматривалъ газеты, двѣ русскихъ и одну французскую. Онъ почти одинъ въ своей средѣ начиналъ день завтракомъ съ газетами. Это была привычка, пріобрѣтенная за границей, за время двухлѣтняго пребыванія по болѣзни.

Изъ газетъ онъ узналъ важное извѣстіе. Въ Парижѣ дѣла шли плохо. Наступали смутные дни. Республиканское правительство, свергнувшее короля Лудовика-Филиппа, казалось, висѣло само на волоскѣ, потому что ожидалась, чувствовалась контръ-революція.

— Ну, и Христосъ съ ними! — воскликнулъ онъ весело.— У меня дѣло важнѣе... И дни тоже предстоятъ революціонные...

Борщовъ уже кончилъ завтракъ, когда одинъ изъ старыхъ крѣпостныхъ лакеевъ вдругъ вбѣжалъ въ столовую съ парадной лѣстницы.

— Алексѣй Андреевичъ! — воскликнулъ онъ:—Митрій Митричъ пожаловалъ...

— Гдѣ? Что?!—вскочилъ Борщовъ.

— Вотъ-съ... извольте поглядѣть. Только-что подъѣхали.

Борщовъ бросился къ окну и увидѣлъ у подъѣзда своего дома большой дорожный экипажъ, именуемый „dormeuse“, страшно запачканный, почти рыжій отъ пыли и грязи. Четверка худыхъ, заморенныхъ почтовыхъ лошадей какъ-то не шла хотя и къ загрязненному, но все-таки элегантному „дормёзу“.

Изъ дверецъ кареты, отворенной швейцаромъ, вылѣзалъ плотный, даже толстый человѣкъ, лѣтъ сорока.

Это былъ другъ Борщова и товарищъ по полку, тоже бывшій гусаръ, но тоже бросившій службу и жившій въ деревнѣ.

Борщовъ быстро растворилъ окно и крикнулъ:

— Верзилинъ! Какими судьбами?

Толстякъ поднялъ голову и кивнулъ головой.

— Судебъ никакихъ!—крикнулъ онъ. — Зачѣмъ противорѣчишь себѣ! Омерзительное, подлое, братецъ, происшествіе... И вотъ къ тебѣ!.. Въ Москву. Къ Косолапамъ.

Борщовъ бросилъ салфетку на столъ и быстро двинулся на лѣстницу. Друзья облобызались, а черезъ нѣсколько минутъ пріѣзжій товарищъ ужъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Вещи его вносились въ домъ.

— Да объяснися толкомъ!—сказалъ Борщовъ.—Я не пойму. Отчего вдругъ собрался? И безъ жены! Ты никогда съ ней не разстаешься.

— Мерзопакостное, говорятъ тебѣ, происшествіе,—сумрачно отвѣтилъ Верзилинъ, любившій всегда шутить самымъ серьезнымъ голосомъ и съ самымъ угрюмымъ лицомъ.

— Слышалъ. Да какое?

— Ко мнѣ повадился шляться да вокругъ меня увиваться и примѣриваться не кто иной, душа моя, какъ самъ Кондратій.

— Какой Кондратій?—вытаращилъ глаза Борщовъ.

— Кондратій Иванычъ—пріятель всѣхъ тучныхъ домосѣдовъ. И вотъ, сталъ онъ собираться меня хватить... Но я не будь глупъ, душа моя, сейчасъ смекнулъ... Съ недѣлю назадъ, смотрю —красныя звѣздочки и таракашки послѣ обѣда начали прыгать передо мною. А тамъ, дня четыре тому, вдругъ... Хлопъ! Нога правая и рука вотъ, тоже, малость самую, започивали, сами безъ меня спать собрались. Ну, думаю, врешь, голубчикъ Кондратій, не на того напалъ. Не даромъ у меня отца родного да старшаго брата ты, треклятый, хватилъ. И я, стало быть, уче-

ный... И вотъ тотчасъ собрался—и маршъ сюда, въ Москву, къ Косолапамъ. Чтò они укажутъ, черти—посмотрю.

Борщовъ началъ смѣяться, вспомнивъ, что другомъ такъ звались Эскулапы.

— На все согласенъ. Только на одно не пойду... Если запретятъ мнѣ хересъ да велятъ пѣшкомъ ходить всякій день,—это—ни-ни! Врутъ.

— Именно это-то самое и велятъ! —хохоталъ Борщовъ.—Вѣдь ты еще въ полку въ этомъ былъ грѣшенъ. Тебѣ и тогда предсказывали, что кончишь ударомъ. Ну, вотъ...

— Никогда!... Не предсказывали, а каркали,--и накаркали, черти. Предсказаніе тѣмъ хорошо, что оно есть предупрежденіе. Предсказала мнѣ разъ одна цыганка-гадалка,—какъ и всѣ онѣ,—что я кончу жизнь тѣмъ, что утону; но я этому, понятно, не вѣрю. А еслибы я это и вѣрно зналъ, то я, душа моя, въ дождикъ на улицу выходить бы не сталъ. Графины съ водой къ обѣду ставить запретилъ бы. А ужъ умываться—избави Богъ. Никогда. Однако все-таки я теперь вспомнилъ, что мнѣ въ Петербургѣ накаркали это и доктора... И какъ только этотъ подлецъ, Кондрашка, толконулъ меня теперь малость, такъ вотъ я сейчасъ же и собрался сюда... И приму всѣ мѣры... Наша жизнь—въ нашихъ рукахъ!.. Впрочемъ, я забылъ совсѣмъ... Ты вѣдь отчаянный... Какъ, бишь, это... Тьфу! Слово забылъ... Ну, нашъ Михаилъ Юрьевичъ любилъ его и часто повторялъ.

— Лермонтовъ? Да. Любилъ... И правъ оказался, пожалуй...

— Какъ слово-то?

— Фаталистъ!

— Вò! вò!.. Ты вѣдь этой чепухой тоже зараженъ. Тоже вѣришь, что жизнь наша на небесахъ написана и подписана кѣмъ-то. Быть по сему! И конецъ! Какъ ни вертись.

— Нѣтъ. Я, собственно, вовсе не фаталистъ, — задумчиво отвѣтилъ Борщовъ.—А я вѣрю, что если вотъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы взять вправо, вдругъ возьметъ влѣво, то конечно...

— Такъ! Такъ! Помню! Слыхалъ!—перебилъ Верзилинъ.—И никогда твоего ученія я понять не могъ. Скорѣе пойму, что, вотъ, написано, молъ, на облацѣхъ небесныхъ: „отставному полковнику лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Дмитрію Верзилину отдать Богу душу изъ-за подлеца Кондрашки“! Но и сіе враки. Не можетъ тоже быть. Было бы написано, то было бы и неизбѣжно. А мы можемъ себя заранѣе ограждать. Нѣтъ, душа моя, еслибы, вотъ, Михаилъ Юрьичъ не лѣзъ на всѣхъ, то былъ бы

живъ... Ты что же это, другъ?—прибавилъ толстякъ:—будто не веселъ, пригорюнился? Эй! проснися!

Борщовъ, дѣйствительно, сидѣлъ задумавшись глубоко и, придя въ себя, вымолвилъ:

— Пригорюнишься, братецъ... Я жениться собрался.

— Во! Дѣло капитальное. Надо мозги расправить по неволѣ. Надо подумать, да и подумать. Иное дѣло, кабы это на небесахъ было прописано... И даже съ росчеркомъ. Тогда бы ничего. Валяй какъ по писаному.

— Да вотъ, Дмитрій, — серьезно заговорилъ Борщовъ:— я теперь чую, что стою якобы на перепутіи. Двѣ дороги. Одна дорога—счастье всей жизни. Другая—если не несчастье, то...

— Осѣчка.

— Да. Но иная осѣчка въ жизни—дѣло ужасное,

— Хуже, пожалуй, чѣмъ осѣчка на медвѣдя, который къ тебѣ на заднихъ лапкахъ шагаетъ, имѣя намѣреніе не расшаркнуться, а шаркнуть.

И послѣ паузы Верзилинъ прибавилъ:

— Но, серьезно говоря, по душѣ,—это, братъ, намѣреніе чудо. Дивное, велелѣпное! Сто лѣтъ проживешь,—ничего умнѣе не надумаешь. Всякая тварь да бракосочетается и да хвалитъ Господа! Такъ въ писаніи не сказано только по недосмотру. Надо бы еще прибавить: „не оженивыйся псой пахнетъ".

— Чего ты только не соврешь!—невольно засмѣялся Борщовъ.

— Извѣстное всему міру природное явленіе, душа моя. Всякій старый холостякъ начинаетъ псиной отдавать. И старыя дѣвицы тоже... Брюнетка—калеными орѣхами, а блондинка—желудковымъ кофеемъ.

Борщовъ снова раза два начиналъ серьезно заговаривать съ старымъ товарищемъ о своемъ насущномъ дѣлѣ, которое поглощало его, но возможности не было. Полковникъ отвѣчалъ шутками и прибаутками.

Однако, въ дружеской бесѣдѣ прошло уже не мало времени, и Борщовъ, узнавъ, что уже второй часъ, быстро собрался заняться своимъ туалетомъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ, и въ силу обычая, и ради удовлетворенія какого-то торжественнаго внутренняго чувства, ѣхать въ полу-парадной формѣ. Обыкновенно онъ ходилъ въ статскомъ платьѣ, и только въ особые дни облачался въ мундиръ, заслуженный въ венгерскую кампанію.

Около двухъ часовъ Борщовъ былъ уже на Кузнецкомъ-Мосту и въ знаменитомъ магазинѣ золотыхъ вещей Розенштрауха покупалъ браслетъ съ огромнымъ рубиномъ и брилліантами.

„Это будетъ память о нынѣшнемъ днѣ! — думалъ онъ.— Вырѣжемъ потомъ число и мѣсяцъ. И я ее попрошу носить, никогда не снимая".

Оставалось только купить конфектъ, что часто дѣлалъ онъ,— а на нынѣшній день, исключительный, могъ бы и обойтись безъ этой любезности.

— Все равно!—рѣшилъ онъ.—По дорогѣ...

И онъ приказалъ кучеру ѣхать на Тверскую, въ модную кондитерскую Файэ. Выбравъ красивую бонбоньерку, въ ожиданіи, покуда ее наполняли двумя фунтами разныхъ конфектъ, онъ отошелъ къ окну и, глядя на улицу и прохожихъ, задумался.

„Да, сегодня... наконецъ"...

Это слово „наконецъ", мысленно произнесенное вслухъ, вдругъ удивило его самого. Оно было неподходящимъ къ положенію. „Наконецъ"—можно сказать лишь послѣ борьбы и побѣды, послѣ преодолѣнія какихъ-либо препятствій... А въ данномъ случаѣ ничто не стояло преградой между нимъ и осуществленіемъ его мечты о счастьѣ,—кромѣ его сборовъ.

Ипатовы, мужъ и жена, пожилые люди, заурядно почтенные, были одними изъ видныхъ представителей стараго московскаго дворянства. Онъ—любимый предводитель дворянства дальняго уѣзда; она—любимая устроительница большихъ и веселыхъ обѣдовъ и баловъ. Ихъ сынъ Левъ—добрый малый, причисленный къ канцеляріи графа Закревскаго, московскаго сатрапа, первый танцоръ и дирижеръ, но и не послѣдній кутила у Яра и Шевалье. Ихъ дочь—всѣми любимая Надя, и любимая равно молодыми и старыми за что-то особенно кроткое, мягкое, ласкательное во всемъ ея существѣ.

Надя Ипатова выѣзжала уже третью зиму, а между тѣмъ Борщовъ, начавшій часто бывать у Ипатовыхъ, считался лишь первымъ ея претендентомъ. Его перваго Москва зачислила въ женихи Нади. До тѣхъ поръ вся молодежь очень любила m-lle Nadine, но никто за ней не ухаживалъ. Пріятельницы повѣряли ей, самой близкой, самой сердечной подругѣ, всѣ свои тайны. А ей нечего было имъ повѣрять. Кругомъ нея, каждую зиму, всѣ эти пріятельницы выходили замужъ, становились матерями, „открывали" новые дома въ Москвѣ или исчезали въ провинцію, а Надя, имѣя все за собой,—оставалась.

Только въ эту зиму появился наконецъ и около нея человѣкъ,

къ которому тотчасъ же и родители, и друзья, и вся среда, отнеслись какъ къ жениху. Это былъ Борщовъ. Одновременно, однако, съ этимъ женихомъ въ домѣ ихъ постоянно пребывалъ по старому другой человѣкъ. Это былъ москвичъ родомъ, долго отсутствовавшій и снова поселившійся въ своемъ домѣ на Кисловкѣ. Но его не причисляли вообще къ категоріи жениховъ.

„Князь Задонскій никогда не женится!"—было давно рѣшено московскими родителями невѣстъ.

Сидя уже третью зиму почти безвыходно въ домѣ Ипатовыхъ, князь не ухаживалъ за Надей, хотя постоянно возилъ ей цвѣты и конфекты. Но раза два въ зиму онъ садился вдругъ въ дилижансъ и уѣзжалъ на время въ Петербургъ, гдѣ — какъ было хорошо извѣстно москвичамъ—онъ такъ же безвыходно сидѣлъ въ домѣ генерала барона фонъ-Альтбаха и такъ же возилъ букеты и конфекты его дочери Эмиліи.

Затѣмъ, вернувшись въ Москву, онъ тотчасъ же аккуратно начиналъ посѣщенія Ипатовыхъ, гдѣ его искренно любили всѣ, давно считали другомъ дома, но, конечно, не женихомъ, да пожалуй и не „парой" для Нади. Задонскому было уже сорокъ-пять лѣтъ, а ей только-что минуло двадцать-два... Онъ не танцовалъ, игралъ—и очень скверно—въ вистъ-преферансъ, и, проводя вечера въ Англійскомъ клубѣ, считался политиканомъ и „солиднымъ" человѣкомъ по положенію, придворному званію и крупному состоянію въ полномъ, образцовомъ порядкѣ. Къ довершенію всего, князь былъ нѣсколько тученъ и имѣлъ большую плѣшь на затылкѣ. Положимъ, что эта плѣшь была у него уже чуть не въ двадцать лѣтъ... Но тогда это считалось страннымъ явленіемъ, а теперь—вполнѣ законнымъ. А это не въ примѣръ хуже.

Павелъ Николаевичъ и его жена Марья Борисовна Ипатовы относились къ Задонскому сердечно, какъ къ человѣку безспорно доброму, въ полномъ смыслѣ, со словъ Москвы—„bon comme du pain blanc",—не глупому и крайне скромному, до застѣнчивости, среди общества, въ которомъ онъ, однако, вращался съ рожденія. Надя положительно любила князя, считая его первымъ другомъ семьи, чувствуя, что все хорошее и дурное „у нихъ" князь приметъ къ сердцу, какъ свое собственное горе или свою радость. Молодой Левъ Ипатовъ обожалъ князя и, отъ природы большой эгоистъ, удивлялъ всѣхъ этимъ своимъ обожаніемъ.

Впрочемъ, была, въ отношеніяхъ Ипатовыхъ и Задонскаго тайна и—большая... Но существованіе этой тайны было извѣстно только самому Павлу Николаевичу и князю... И больше никому,

буквально. Даже Марья Борисовна ничего не знала, такъ какъ мужъ, откровенный съ ней во всемъ, въ дѣлахъ своихъ былъ скрытенъ, говоря, что это—„не женская статья“.

Широко—да уже и давненько—живущій въ Москвѣ Ипатовъ привелъ свои дѣла въ самое печальное положеніе. Когда-то три большія, „чистыя“, не заложенныя имѣнія въ трехъ губерніяхъ теперь были въ полномъ разореніи. Состояніе Ипатова, по его собственному опредѣленію, „трещало по всѣмъ швамъ и разъѣзжалось по всѣмъ давнишнимъ заплатамъ“...

А этихъ заплатъ много наставилъ Павелъ Николаевичъ, начавъ штопанье уже въ тѣ времена, когда еще не былъ женатъ, а весело служилъ въ Малороссіи, въ одномъ уланскомъ полку, извѣстномъ картами, дуэлями и „отчаяніемъ“. Самъ онъ никогда особенно отчаяннымъ кутилой не бывалъ, но, разумѣется, „отставать“ отъ товарищей кто же станетъ!..

Теперь, спустя двадцать-пять лѣтъ послѣ первой заплаты, незначительной, накопилось ихъ, конечно, много и значительныхъ. Были даже заплаты заплатъ, такъ какъ уплатъ за все это время не было, а займы продолжались.

И тайна между Ипатовымъ и Задонскимъ заключалась въ томъ, что одинъ былъ долженъ другому уже второй годъ—семьдесятъ-восемь-тысячъ ассигнаціями. Шестьдесятъ и двѣнадцать Ипатовъ взялъ въ два раза самъ, чтобы „обернуться“. Шесть тысячъ были причтены къ суммѣ... Ихъ въ разное время по мелочамъ перебралъ у князя молодой Левушка; за то Павелъ Николаевичъ часто попрекалъ сына и говорилъ:

— Я въ твои годы долговъ не дѣлалъ!

И это была истинная правда. Онъ потомъ уже наверсталъ потерянное время.

— Надо же, однако, жить!—говорилъ не отцу, а друзьямъ Левушка, получавшій отъ отца лишь шестьсотъ рублей, да изъ канцеляріи генералъ-губернатора четыреста.

При этомъ ни Левушка, ни его мать, ни Надя, конечно, не знали ничего о положеніи своемъ, которое становилось очень мудренымъ. Ихъ только удивляло не мало, что родовое имѣніе въ воронежской губерніи „наскучило“ Павлу Николаевичу.

— И далеко! И крестьяне мошенники! Вѣчно оттягиваютъ уплату оброка. Лучше продать.

Имѣніе это—отличное, подгородное, въ восемьсотъ душъ—соглашался купить князь Задонскій, и конечно—изъ любезности или по добротѣ—въ тридорога...

За послѣднее время Ипатовъ, видя, какъ неотступно преслѣ-

дуетъ его Надю повсюду гусаръ Борщовъ, сталъ надѣяться на поправленіе своихъ дѣлъ.

Борщовъ былъ не бѣднѣе князя по московскимъ слухамъ, но если даже вычесть то, что̀ Москва, по своей вѣковой привычкѣ, приврала, то все-таки Борщовъ—очень богатый человѣкъ.

А времена и нѝровы таковы, что богачъ-зять не дастъ родителей жены въ обиду и всегда вытянетъ изъ денежной бѣды. Ипатовъ говорилъ себѣ:

— Вонъ князь Щенятевъ чуть-было по міру не пошелъ, а выдалъ замужъ свою Варюшку за казака Яловойска́го... Всѣ дѣла устроилъ да домъ еще въ Москвѣ себѣ купилъ. И когда онъ теперь мимо Опекунскаго Совѣта проѣзжаетъ, то всегда плюетъ и кричитъ:—„Что̀ взялъ, идолъ? Думалъ—придушилъ! Анъ вотъ тебѣ!"—И шишъ показываетъ.

Однако зима прошла, надо было собираться въ деревню, а Борщовъ, именуемый всей Москвой женихомъ Нади—не посватался снова.

„Прежде казалось, онъ тянетъ,—думалось Ипатову,—а теперь кажется, какъ будто—на попятный".

И онъ былъ смущенъ.

Зато сама Надя была не только смущена, но грустна... „Красная горка" прошла. Двѣ ея подруги, которыя на святкахъ и не мечтали о замужествѣ и только ей завидовали, что у нея вѣрный претендентъ,—теперь ужъ уѣхали съ мужьями, одна въ Пензу, другая въ Петербургъ.

А Борщовъ продолжаетъ къ нимъ ѣздить и становится вторымъ Задонскимъ, то-есть другомъ дома—и только... А между тѣмъ Надя была увлечена имъ, даже болѣе... Никогда еще не любивъ никого, она не могла опредѣлить вѣрно свое чувство къ Борщову, и только смутно понимала, что это—любовь.

— Еслибъ онъ былъ не богатый, не гусаръ, я бы все-таки за него пошла, — часто говорила Надя своей нянѣ, Дарьѣ Васильевнѣ.

— Будь онъ даже не дворянинъ!—воскликнула она однажды.— Я, кажется, все-таки за него бы пошла...

— Тьфу, дитятко! Типунъ тебѣ на языкъ!—отозвалась только нянюшка, негодуя и ужасаясь.

А между тѣмъ Дарья Васильевна мысленно оправдывала свою питомицу. Борщовъ былъ на всѣ глаза красивый, статный молодецъ, ласковый и обходительный. Даже вся дворня Ипатовыхъ его любила и тоже надѣялась, что вотъ если попадешь въ приданое къ барышнѣ—на вѣкъ счастливъ будешь у этакого барина.

Наконецъ, вся семья Ипатовыхъ и всѣ ихъ дворовые, жившіе при нихъ, мечтая о замужествѣ Нади, думали и говорили:

— Всѣмъ взялъ, да еще вдобавокъ—гусаръ. Не то, что нашъ Левушка... Рябчикъ.

Между тѣмъ въ домѣ Ипатовыхъ уже третій день замѣчалось нѣкоторое заботливое оживленіе. Былъ отданъ приказъ—собираться...

Собираться на лѣто въ московское имѣніе было большой возней съ кучей всякихъ хлопотъ. Одни холопы радовались повидаться съ родней, а кто и съ женами да съ дѣтьми послѣ шести- и семи-мѣсячной разлуки. Господа относились къ переѣзду безучастно. Въ деревнѣ жара, глушь, хозяйскія заботы, скука.

Теперь же, послѣ нѣкотораго разочарованія отъ прошлой зимы, самъ Ипатовъ ходилъ сумрачный, а семья это видѣла, замѣчала и тоже пріуныла.

— Чтò же это?.. Борщовъ-то!—наивно и кисло сказалъ за обѣдомъ Левушка, не обращая вниманія на присутствіе лакеевъ.

— Дуракъ!—огрызнулся на сына разсердившійся Павелъ Николаевичъ.

Марья Борисовна только покачала на сына головой. Надя смутилась, покраснѣла и чуть не расплакалась.

Послѣ обѣда Ипатовъ, глазъ-на-глазъ, сказалъ сыну:

— Что ты махонькій что-ли? при холопахъ брякаешь! Сестру да и насъ срамишь.

— Да они, папа, всѣ знаютъ...—отвѣтилъ сынъ.

II.

— Да. Знаменательный день и роковой шагъ...—бормоталъ Борщовъ.—А повліяетъ вѣдь онъ на всю жизнь!

Борщовъ выходилъ изъ кондитерской съ бомбоньеркой въ рукахъ... Сѣвъ въ коляску, онъ крикнулъ бодро, хотя со страннымъ оттѣнкомъ въ голосѣ:

— Къ Ипатовымъ!

Въ звукѣ его голоса было волненіе счастливаго человѣка.

Экипажъ двинулся... Поставивъ бомбоньерку на сидѣнье около себя, онъ почти безсознательно собрался надѣвать перчатки.

Одной не было... Въ ногахъ тоже не было. Онъ обернулся назадъ и увидѣлъ на тротуарѣ, противъ дверей кондитерской,

ясно бѣлѣвшуюся перчатку. Одновременно какой-то прохожій мальчуганъ поднялъ ее... Борщовъ остановилъ кучера.

— Эй, мальчикъ!—крикнулъ онъ и махнулъ рукой.

Этотъ догадался и рысью подбѣжалъ къ коляскѣ, подавая перчатку.

Но она была вся въ грязи...

— Досада какая!—воскликнулъ Борщовъ.—Какъ это глупо! Точно на грѣхъ.

Онъ подумалъ мгновеніе, потомъ посмотрѣлъ на часы и тотчасъ же весело разсмѣялся.

Подумаешь, что будто мнѣ назначенъ часъ. Не все ли равно:— въ три часа, въ пять часовъ. Лишь бы сегодня. Да и то потому, что я хочу сегодня. Хочу самъ.

И онъ велѣлъ ѣхать въ перчаточный магазинъ.

Черезъ четверть часа коляска уже снова отъѣзжала отъ магазина, а Борщовъ напяливалъ на руки свѣжія перчатки. Еще минутъ чрезъ десять, онъ подъѣзжалъ къ подъѣзду большого дома на Поварской и уже издали увидѣлъ карету четверней цугомъ, которую хорошо зналъ.

Князь Задонскій былъ у Ипатовыхъ, хотя въ эту пору дня обыкновенно никогда не бывалъ.

Борщовъ быстро вошелъ на подъѣздъ и въ швейцарскую.

Швейцаръ, снявшій, или, вѣрнѣе, поймавшій налету сброшенную шинель, какъ-то необычно сіялъ и что-то сказалъ барину, котораго любилъ и считалъ „своимъ“.

Но Борщовъ, нѣсколько взволнованный, не разслышалъ или не понялъ его словъ, и быстро сталъ подниматься по широкой парадной лѣстницѣ.

Въ дверяхъ залы на него чуть не налетѣлъ дворецкій дома, спѣшившій изъ гостиной. Борщовъ невольно замѣтилъ, что лицо стараго дворецкаго было не такое, какъ всегда, а озабоченно-радостное.

Борщовъ прошелъ залу, и черезъ двери въ гостиную до него долетѣли знакомые голоса, необычно громкіе, веселые... Очевидно, царило въ домѣ особенное оживленіе по поводу чего-то...

Едва Борщовъ вошелъ въ гостиную, гдѣ оказалась въ сборѣ вся семья и былъ гость, Задонскій, какъ замѣтилъ что-то особенное... Всѣ были, видимо, чѣмъ-то обрадованы и довольны... Но, поглядѣвъ на молодую дѣвушку, онъ встрѣтилъ ея взглядъ—необычный, странный и даже почти тревожный.

„Что такое?“—мысленно спросилъ онъ и сталъ тоже тревоженъ.

Онъ поздоровался со всѣми. Князь Задонскій подалъ ему руку особенно весело и крѣпко пожалъ его руку.

Самъ Ипатовъ протянулъ ему руку дружески-величественно, какъ начальникъ, принимающій подчиненныхъ въ высокоторжественный день.

— Я думаю, Paul,—сказала Марья Борисовна,—что мы monsieur Борщову можемъ сказать сейчасъ же.

Ипатовъ взглянулъ на жену, сдѣлалъ едва замѣтное движеніе бровями и въ то же мгновеніе произнесъ:

— Алексѣй Андреевичъ, отчего въ парадѣ сегодня? Чтò это значитъ?

Борщовъ слегка смутился и не зналъ, чтò отвѣтить.

— Та-акъ...—протянулъ онъ и снова поглядѣлъ на молодую дѣвушку. Вѣроятно, взоръ его что-то сказалъ ей, потому что Надя удивилась, а затѣмъ опустила глаза, будто оробѣвъ.

Домашній enfant terrible, Левушка, не вытерпѣлъ и выговорилъ:

— Что же? Мундиръ на Алексѣѣ Андреевичѣ какъ нельзя болѣе кстати. Онъ будто предчувствовалъ, что попадетъ къ намъ въ торжественную обстановку.

— Léon! Не болтай пустяковъ!—рѣзко выговорилъ Ипатовъ.

— Какая торжествен... — началъ-было упавшимъ голосомъ Борщовъ, но не договорилъ. И отъ непониманія чего-то происходящаго кругомъ, и отъ какого-то тревожнаго чувства, запавшаго ему въ душу отъ взгляда молодой дѣвушки, онъ растерялся.

На его недосказанный вопросъ никто не отвѣтилъ.

Марья Борисовна шепнула что-то сыну, и молодой человѣкъ быстро вышелъ, кинувъ добродушно-насмѣшливый взглядъ на Борщова.

Ипатовъ обернулся къ князю и заговорилъ:

— Да. Да... Итакъ, дайте кончить... Это—титулъ или почетное званіе. Вотъ поэтому я и говорю, что Тулу или Орелъ, не говоря уже о настоящихъ степныхъ губерніяхъ, никогда нельзя сравнивать съ Москвой.

— Но здѣсь изъ-за близости къ столицѣ,—отвѣтилъ князь,—земля должна быть дороже. Подмосковное имѣніе—не то, что черниговское или саратовское, или...

— Титулъ. Титулъ... Повторяю вамъ!—весело закричалъ Ипатовъ.—Очень пріятно его носить, но изъ него, по пословицѣ, шубы не сошьешь. Cela ne rapporte rien.

— Да и земля не дороже,—вступилась Марья Борисовна.

— Какъ не дороже? Должна быть...

— Должна? Должна? Мало ли что̀!..

И супруги Ипатовы, какъ бывало часто, горячо принялись дуэтомъ спорить съ княземъ.

Борщовъ воспользовался этимъ и, быстро подойдя къ молодой дѣвушкѣ, выговорилъ:

— Надежда Павловна... Два слова.

— Говорите.

— Нѣтъ. Такъ нельзя. Отойдемте на мгновеніе.

Борщовъ двинулся къ балконной двери. Надя послѣдовала за нимъ.

— Надежда Павловна... Я не хочу откладывать ни на одно мгновеніе то, зачѣмъ пріѣхалъ. Было времени много. Цѣлая зима. Я откладывалъ. Теперь ни на секунду. Я пріѣхалъ спросить васъ, согласны ли вы... Могу ли я надѣяться. Вы понимаете меня... Вѣдь да?.. Да? Отвѣчайте!..

Борщовъ, смущенный и говорившій опустивъ глаза, вдругъ поднялъ ихъ на молодую дѣвушку и чуть не отступилъ отъ нея на шагъ.

Надя стояла предъ нимъ, широко раскрывъ большіе темноголубые глаза, слегка разинувъ красивый ротикъ, а лицо ея вдругъ преобразилось и выражало какой-то крайній перепугъ.

— Я надѣялся... Я думалъ,—заговорилъ Борщовъ взволнованно,—думалъ, что если я предложу вамъ мою руку и мое сердце, давно уже принадлежащее вамъ, то...

— Алексѣй Андреевичъ...—шопотомъ воскликнула Надя и поблѣднѣла.

— Что̀ съ вами?

— Боже мой! Что же это?!—снова чуть слышно пролепетала, почти простонала Надя и смолкла.

И она еще болѣе поблѣднѣла, пошатнулась и прислонилась спиной къ простѣнку у балконной двери.

— Говорите. Говорите. Что̀ вы? Что̀ значитъ... Говорите же...

— Мы сейчасъ дали...—глухо произнесла Надя.—Вотъ сейчасъ князь Викторъ Юрьевичъ сдѣлалъ мнѣ честь...

Борщовъ не понималъ ничего, а между тѣмъ понялъ все. Онъ не понималъ словъ ея. Но понялъ ея лицо, ея страшные глаза, ея мертвенную блѣдность. Онъ понялъ, что есть что-то между ними, а это „что-то“ —бѣда, ударъ, несчастіе, будущее горе.

— Я не понимаю!—отчаянно и уже громко произнесъ онъ.

— Князю дано слово!—черезъ силу произнесла молодая дѣвушка, и голосъ ея дрожалъ.

— Князю? Сдѣлалъ вамъ предложеніе? Когда?

— Сейчасъ...—прошептала Надя и, тихо поднявъ руки ,взяла себя за голову. Затѣмъ, будто собравшись съ силами, она двинулась и пошла изъ гостиной.

— Nadine, куда же ты?—спросила мать и, очевидно, замѣтя что-то въ походкѣ дочери, поднялась, взглянула удивленно на Борщова и вышла за дочерью.

Борщовъ отошелъ отъ балконной двери, приблизился къ Ипатову и князю, весело о чемъ-то спорившимъ, будто ради забавы. Но онъ ничего не слышалъ, будто не сознавалъ, что̀ творится кругомъ, почти не зналъ, гдѣ онъ въ эти мгновенія...

Борщовъ вернулся домой съ такимъ лицомъ, что его Степанъ испугался, но не посмѣлъ спросить, что̀ съ бариномъ. Очевидно, случилось нѣчто черевчуръ важное

Дѣйствительно, на Борщова нашелъ какой-то столбнякъ; онъ безсмысленно приглядывался къ окружающему, ни о чемъ, собственно, не думалъ и чувствовалъ только, что будто раздавленъ, Черезъ часа два онъ понемногу оправился, и ему стало еще хуже. Полное отчаяніе овладѣло имъ... А главное—явилось тяжелое и горькое сознаніе:

„Самъ виноватъ!“

Еслибы она, любимая имъ давно дѣвушка, отвѣтила отказомъ, сказала бы, что не любитъ его—было бы, конечно, легче. Но такое страшное совпаденіе—и нелѣпое, и роковое вмѣстѣ—было прямо несчастіемъ.

— Да неужели же въ самомъ дѣлѣ—дурацкій мелкій случай можетъ играть въ жизни такое огромное значеніе!—восклицалъ онъ отчаянно. — Да! Вотъ! Эта перчатка. Да. Перчатка! Я отъ нея опоздалъ на четверть часа.

— А не поддаваться?! Бороться! Побѣдить мелочь, пустякъ... Повернуть судьбу на свой ладъ?!—кричалъ онъ черезъ минуту.

Разумѣется, въ тотъ же вечеръ онъ, давъ себѣ слово ничего не говорить никому о своемъ ужасномъ приключеніи,—все подробно передалъ своему любимцу-лакею.

— Это не потому,—разрѣшилъ Степанъ задачу,—что вы запоздали. Вы полагаете, не урони вы перчатокъ, то все бы потрафилось къ вашему удовольствію. Нѣтъ, надо сказывать, что такъ, стало быть, на роду написано.

Но это утвержденіе Степана подѣйствовало на Борщова совершенно особенно. Ему еще яснѣе тотчасъ показалось, что виной всему—глупѣйшая случайность.

„Судьба,—думалось ему,—по отношенію къ будущему—вздоръ, а только по отношенію къ прошедшему. Все, что̀ было—зови судьбой. А все, что̀ впереди—отъ насъ зависитъ. Но вѣдь и прошлое отъ насъ равно зависѣло? Да... Какъ же тогда?“

И Борщовъ прибавилъ озлобленно:

— Никакого чорта тутъ не поймешь. Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше голова кругомъ идетъ. Говорятъ люди: все на свѣтѣ къ лучшему. Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes. Но вѣдь они это говорятъ только тогда, когда несчастливы. Себя утѣшаютъ. И это выходитъ—зеленъ виноградъ.

Не зная, что̀ дѣлать и что̀ предпринять, Борщовъ написалъ молодой дѣвушкѣ записку, умоляя о свиданіи внѣ дома, чтобы объясниться послѣдній разъ.

Надя почти ежедневно, послѣ полудня, гуляла на бульварѣ или съ учительницей музыки, или со своей няней. Борщовъ не разъ встрѣчалъ ее во время этихъ прогулокъ и позволялъ себѣ останавливаться и говорить съ ней, иногда довольно долго. Гулять вмѣстѣ было нельзя и не принято. Но разговаривать, стоя среди бульвара, было можно. Иногда, разойдясь, они снова сходились, снова останавливались и снова болтали. Особенно когда Надя бывала съ няней. Ипатовы это, конечно, знали, но не воспрещали дочери.

Степанъ снесъ его довольно длинное посланіе нянюшкѣ, съ которой былъ давно въ дружескихъ отношеніяхъ, прося передать барышнѣ.

Черезъ часъ Борщовъ получилъ отвѣтъ и чуть не скомкалъ со зла записку любимой дѣвушки. Надя писала, что не придетъ на свиданіе, ибо уже не имѣетъ права, а преклоняется предъ волей Божіей. Она соглашалась, что все происшедшее ужасно, даже загадочно по своей роковой простотѣ. „Да. Пустой случай,—писала она,—рѣшаетъ и мою всю жизнь, и вашу всю жизнь. Еще два дня назадъ, я не только бы пошла пѣшкомъ въ Іерусалимъ, чтобы быть вашей женой,—я бы дала десять лѣтъ жизни за это. Да и мало ли что̀ дала бы. Но теперь я преклоняюсь предъ судьбой. Я говорю: Господи, да будетъ воля твоя! Скажите себѣ тоже“.

— Боже мой!—закричалъ Борщовъ.—Одно слово. Ея слово. Отца и матери слово. И вся жизнь двухъ людей будетъ иная.

Рѣшивъ, однако, не поддаваться, онъ черезъ того же Степана вызвалъ на бульваръ няню. Она явилась, и Борщовъ объяснилъ все старухѣ подробно, хотя былъ увѣренъ, что она знаетъ не меньше его, если не больше—отъ своей питомицы.

— Нянюшка, ради Господа, помогите мнѣ... Помогите намъ, и мнѣ, и Надеждѣ Павловнѣ. Спасите!

— Что же я тутъ, родной мой, могу?—отозвалась безпомощно Дарья Васильевна.

— Усовѣстите Надежду Павловну. Она васъ любитъ.

— Знаю. Но дѣло-то это такое... Вы, молодой народъ, по верхамъ летаете... По вашему—все трынъ-трава, а по нашему, все—Господне произволеніе. Женился человѣкъ, убился человѣкъ, родился ли, померъ ли—все это Господь опредѣлилъ. А о Надѣ скажу: суженаго конемъ не объѣдешь... Вы полагаете, суженый—значитъ, женихъ или супругъ будущій... Анъ нѣтъ. Суженое значитъ—что тебѣ судьба судила по волѣ Божіей—въ земной жизни, да и за гробомъ. Какъ же мы, грѣшные, можемъ идти противъ воли Божіей? Да и хотѣли бы, то не можемъ. Вотъ ты хотѣлъ-было суженое Надюшѣ—объѣхать. Анъ тебѣ перчатка помѣшала. Не будь ея, было бы иное что!.. И теперь, если и станемъ мы противиться—ничего не выйдетъ. Выйдетъ, какъ Господь Богъ велитъ.

И несмотря ни на какія увѣренія и убѣжденія, Дарья Васильевна стояла на своемъ.

— Вы знаете, что Надежда Павловна меня любитъ.

— Вѣстимо. Давно... Все мы ждали.

— Какъ же она пойдетъ за немилаго и стараго!—продолжалъ Борщовъ.—Вѣдь онъ для вашей питомицы—старикъ. И не жаль вамъ ее?.. Вы, стало быть, не любите ее, если не хотите помочь спасти.

— Полно! Полно тебѣ... Языкъ безъ костей. Не люблю! Да я за мою Надюшеньку въ огонь да и въ воду... Да что тутъ толковать. Вы, господа молодые, не понимаете, что въ Божіе произволеніе лазать не слѣдъ. Грѣхъ. И великій грѣхъ. Ты, Владыко Господи, судилъ такъ, а я, молъ, не хочу, сдѣлаю эндакъ. Ну, бѣда и будетъ. То-то вы, господа. Хотите быть выше всего, да и выше Бога, прости Господи.

И Дарья Васильевна угрюмо насупилась; а пока Борщовъ молчалъ, не зная, что сказать, старуха поднялась со скамьи и выговорила:

— Пора мнѣ... Дѣловъ у насъ теперь видимо-невидимо.

— Такъ вамъ не жаль Надежды Павловны!—вскрикнулъ Борщовъ.—Не любите вы ее.

— Христосъ съ вами!—отозвалась старуха, смѣняя „ты“ на „вы“ изъ-за обиды.—Даже и не поймешь, какъ вы все это перемѣняете на свой ладъ. Почему же я буду жалѣть дитятко свое,

когда ее добрый да богатый князь за себя беретъ? Слава тебѣ, Господи!

— Но она его не любитъ. Она меня любитъ. Меня!..

— Это пройдетъ живёхонько. И думать забудетъ.

— Стерпится—слюбится!—вскрикнулъ Борщовъ злобно.

— Извѣстное дѣло. На то законъ такой. Ну, простите, мнѣ пора. У насъ дѣловъ, дѣловъ...

Старуха двинулась и поплелась. Борщовъ остался на мѣстѣ и, подумавъ, выговорилъ вслухъ:

— И я дуракъ. Развѣ можно было надѣяться убѣдить старую дуру! Да и не можетъ она тутъ ничего...

Вернувшись домой, Борщовъ продолжалъ волноваться. И вдругъ ему пришла мысль, показавшаяся блестящею.

„Переговорить съ братомъ. Повліять на него,—думалъ онъ.— Просить, умолять, обѣщать... Обѣщать золотыя горы. Да. Онъ такой. Его купить можно. И онъ добрый. Да. Отправлюсь къ этому Левушкѣ и объяснюсь прямо. Его обожаетъ мать... А она имѣетъ вліяніе на мужа“.

Однако, рѣшивъ одно, Борщовъ тотчасъ же сдѣлалъ совсѣмъ другое. Утопающій хватается за соломинку... Борщовъ вдругъ рѣшился на шагъ, который считалъ самъ нелѣпымъ и безцѣльнымъ.

Онъ отправился къ самому Ипатову, безъ всякихъ предисловій; онъ разсказалъ ему все и объяснилъ причину своего опозданія съ предложеніемъ. Ипатовъ былъ даже удивленъ... Но удивленъ, конечно, не тѣмъ обстоятельствомъ, отъ какихъ мелкихъ причинъ бываютъ великія событія. Это онъ даже зналъ давно или слыхалъ. Онъ удивился самому Борщову. Почесть все дерзостью онъ не могъ, зная, что молодой человѣкъ не способенъ на что-либо подобное, но убѣдиться въ томъ, что Борщовъ „странный“ человѣкъ, онъ считалъ себѣ въ правѣ.

— Господь съ вами, Алексѣй Андреевичъ!

Вотъ все, что̀ онъ могъ сказать, даже воскликнуть.

— Ваше одно слово—и все можетъ измѣниться. Князь—человѣкъ умный и добрый. Если Надежда Павловна скажетъ ему съ вашего разрѣшенія, что она меня любитъ, что она согласилась лишь потому, что...

— Господь съ вами! Слово данное назадъ не берутъ и не просятъ взять. Это считается подл.... Ну, совсѣмъ нехорошимъ. А я... Моя дочь... Да развѣ мы это можемъ! Наконецъ, поймите,

что это и не... Не нужно... Или не слѣдуетъ. Это, стало, воля Божья.

Борщовъ слышалъ уже въ который разъ это выраженіе,— оно взбѣсило его.

— Истинно вѣрующій человѣкъ и разумно вѣрующій,— вскрикнулъ онъ,—не можетъ и не долженъ допускать, что Творецъ міра руководитъ мелкими дѣлами человѣковъ. Это даже— грѣхъ.

— Такъ сказывается, Андрей Алексѣевичъ,—холодно отвѣтилъ Ипатовъ.—Въ данномъ же случаѣ, извините, я особенно вѣрю, что это было... что это была... Не знаю, какъ выразиться?.. Было все предопредѣлено заранѣе... Случайность? Судьба? Господь? Говорите и объясняйте какъ хотите. Еслибы вы пріѣхали къ намъ на полчаса ранѣе и сдѣлали бы ваше предложеніе Надѣ, то, дѣйствительно, и я, и жена, и сама Надя—съ радостью отнеслись бы къ этому и были бы счастливы... Но теперь, воля ваша... Теперь... Стало быть такъ суждено.

— Но Надежда Павловна не любитъ князя. Она будетъ вѣкъ несчастна!—съ отчаяніемъ произнесъ Борщовъ.

Ипатовъ развелъ руками, но тотчасъ прибавилъ:

— Это человѣкъ достойный, добрый и... по пословицѣ...

— Стерпится-слюбится!—воскликнулъ Борщовъ насмѣшливо и иронически.

Ипатовъ обиженно насупился, и лицо его говорило, что онъ желаетъ прекратить нелѣпый разговоръ. Борщовъ простился и вышелъ съ мыслью идти прямо къ молодому Ипатову, но затѣмъ вспомнилъ, что онъ за два года никогда не былъ собственно у него, въ гостяхъ, въ его комнатахъ въ нижнемъ этажѣ. Поразмысливъ, онъ рѣшилъ, что будетъ лучше, удобнѣе и приличнѣе вызвать молодого человѣка къ себѣ.

Чрезъ часъ его записка была уже у молодого Ипатова, а еще чрезъ часъ и самъ онъ входилъ въ кабинетъ Борщова.

Левушка явился веселый, довольный, смѣющійся, но опять-таки, какъ показалось Борщову, слегка насмѣшливо.

Вслѣдствіе этого, принявъ у себя молодого человѣка, онъ прямо заговорилъ безъ предисловій, почти рѣзко. Онъ объяснилъ, что братъ, если онъ любитъ сестру, долженъ помочь, убѣдить ее самоё, а равно убѣдить мать не дѣлать несчастными двухъ людей.

— Одного, Алексѣй Андреевичъ,—сказалъ Ипатовъ:—васъ. Да. А сестра—такой человѣкъ, что ее за турку какого замужъ выдай,—она будетъ счастлива, будетъ его любить, и уважать, и

покоить. Надя—рыба. Я удивляюсь, что она инымъ нравится. Я этакихъ не люблю. Нюня! Размазня!

Борщовъ остановилъ разсужденія Ипатова, говоря, что все это къ дѣлу не идетъ, и сталъ объяснять ему нѣчто болѣе существенное...

— У меня почти такое же состояніе, какъ и у князя. Я слышалъ, что дѣла вашего батюшки не совсѣмъ въ порядкѣ. Я бы почелъ себя счастливымъ, еслибы могъ помочь ему современемъ, какъ близкій человѣкъ, какъ сынъ, son beau fils, помочь выйти изъ затрудненій.

— Папа долженъ тому же князю чуть не до ста тысячъ,—разсмѣялся молодой человѣкъ.

— Какъ?—удивился Борщовъ.

— Да. Entre nous. Теперь этотъ долгъ пойдетъ на смарку. Или папа ему нашъ домъ на Поварской отдастъ. А ему цѣна красная—тридцать тысячъ.

— Но я могу предложить вашему отцу уплатить князю этотъ долгъ. Оно все тоже.

— И да, и нѣтъ. Оно этакъ вѣрнѣе. Вы только обѣщаете. А князь... Не посадитъ же онъ въ яму своего тестя. Оно вѣрнѣе.

— Я могу быть и вамъ полезенъ. Вамъ лично,—нѣсколько смущаясь, вымолвилъ Борщовъ.

— Merci. Князь тоже. Онъ даритъ мнѣ имѣніе свое около Москвы. Маленькое, но миленькое. Тысячъ тоже тридцать стоитъ.

Левушка всталъ и, прощаясь, разсмѣялся громко, весело и уже прямо насмѣшливо. Борщовъ оторопѣлъ, затѣмъ насупился, будто слегка обидѣлся.

— Все пропало! Со всѣхъ точекъ зрѣнія... Все кончено!—рѣшилъ Борщовъ.

Вечеромъ того же дня, сидя съ пріятелемъ Верзилинымъ, который ничего не зналъ о происшедшемъ, Борщовъ, по прежнему разстроенный, угрюмый и озабоченный, снова услыхалъ отъ друга, уже разъ въ десятый, тотъ же вопросъ:

— Да что же съ тобой? Скажи, ради Создателя! Чѣмъ чортъ не шутитъ,—можетъ быть, я и умное что посовѣтую тебѣ.

Борщовъ началъ угрюмо развивать угнетавшую его мысль о власти случая.

Верзилинъ слушалъ внимательно, но сопѣлъ, вздохнулъ раза два тяжело и, наконецъ, произнесъ:

— Вотъ что, душа моя Алексѣй, ты меня этимъ философствованіемъ не пужай. Я изъ робкихъ! Ни съ чего растеряюсь...

А ты лучше объяснися этакъ фигурно... Иносказательно! Ты, помню, у насъ въ полку былъ мастеромъ на всякія такія удобопонятныя аллегоріи. Вотъ ты мнѣ теперь все, что̀ хочешь сказать, объясни побасенкой, присказкой.

— Аллегоріей? Ладно. Какъ бы это изловчиться?—добродушно отозвался Борщовъ, и чрезъ мгновенье заговорилъ:

— Знаешь ты старо-калужскую дорогу?.. Калужку, какъ ее народъ называетъ... Не знаешь. Ну, не бѣда. Слушай. На этой дорогѣ есть одно такое мѣсто... Стоитъ огромная, развѣсистая береза, одна изъ тѣхъ, что еще при матушкѣ-царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ насажали по всѣмъ почтовымъ трактамъ. Въ этомъ самомъ мѣстѣ отъ этой березы дорога вдругъ раздѣляется. Изъ одной—двѣ.

— Одна вправо идетъ. А другая влѣво пошла!—воскликнулъ Верзилинъ.—Не видалъ, а чувствую...

— Такъ! Именно! Но ты очень хорошо выразился, говоря, что одна идетъ, а другая пошла. Вторая-то—эта та самая, которую человѣкъ невѣдомо почему взялъ. Энта идетъ. Ну, и Богъ съ ней. А эта пошла... Ты по ней пошелъ. Стало—шабашъ. Дѣло прошлое!

— Это я не нарочно сказалъ, душа моя. Видитъ Богъ, сорвалось. Я умныя вещи говорю всегда—нечаянно.

— Ну, слушай. Вотъ, стало быть, одна дорога раздѣляется тамъ на двѣ... Прямо предъ тобой уголокъ въ аршинъ ширины... Возьми малость въ одну сторону или малость въ другую сторону и иди...

— Шествуй!—перебилъ Верзилинъ.

— Да... И все прямо... Одна дорога, правая, приведетъ тебя въ Калугу, а тамъ приблизительно въ Смоленскъ, а тамъ Литва, а затѣмъ Польша, а за ней Германскій Союзъ, Франція, Атлантическій океанъ, Америка.

— И это все пѣшкомъ? Затруднительно. Надо прежде охмелѣть...

— Слушай. За Америкой опять океанъ, за нимъ—что̀ хочешь. Ну, Китай что-ли... А тамъ, такъ ли, сякъ ли, ты опять въ Европѣ и опять въ Москвѣ. И какъ знаешь, такъ и дѣлай! Хочешь—оставайся здѣсь. Хочешь—опять ступай.

— Опять по старой калужкѣ? И опять въ Америку?! Нѣтъ, душа моя, шалишь. Я лучше останусь...

— Хорошо. Слушай. Взялъ ты у этихъ двухъ березъ не вправо, а влѣво... И пришелъ ты не въ Калугу, а въ Тулу... И все прямо, да прямо... У тебя Кіевъ, или Харьковъ что-ли,

Екатеринославъ, Крымъ, Черное море, Турція... За ней... За ней... Ну, хоть Аравія что-ли.

— Счастливая?..

— Ну да... Затѣмъ океанъ и Австралія. А за Австраліей... Что? Ну-т-ка, отвѣчай.

— Я, душа моя, учился чуть ли не сорокъ лѣтъ назадъ. Стало быть, не взыщи... За Австраліей, насколько мнѣ помнится —черти на куличкахъ.

— Полюсъ! Дмитрій... Стой! Дальше идти или ѣхать нельзя. Иначе говоря, такое событіе въ жизни, что весь пройденный путь—ни къ чему не привелъ. Не привелъ, то-есть, къ гладкому, ровному существованію. И вотъ возьми ты у старой березы на вершокъ вправо — придешь къ Америкѣ и можешь кружить всю жизнь по земному шару. А возьми на вершокъ влѣво—придешь къ южному полюсу... И дальше нельзя!

— И шутка это сказать!—серьезно вымолвилъ Верзилинъ:— мнѣ и не въ домёкъ было, что въ Астралію дорога-то на Тулу. Скажи на милость! Ай да Тула! Да и Калуга тоже ничего. Тоже лицомъ въ грязь не ударила.

— И представь себѣ, что при выборѣ, двинуться ли тебѣ туда, или сюда, случайность заставитъ тебя взять не ту дорогу. И вотъ я, милый другъ, у этакой березы былъ на сихъ дняхъ, хотѣлъ взять ту дорогу, которая меня привела бы... Не знаю тоже—куда. Но ту, которая казалась мнѣ настоящей, ведущей въ кругосвѣтное путешествіе, а не въ полюсы. Дорога по экватору что-ли, а не по меридіану. И это мнѣ не удалось. Я противъ воли...

— Взялъ по меридіану.

— Да. Или нѣтъ, вѣрнѣе... Я остался у березы покуда.

— Ну, что же. Такъ бери которую облюбилъ.

— Не могу.

— Отчего?

— Отъ меня не зависитъ. Другіе не хотятъ... Даже больше того. Удивительнѣе. Глупая случайность не захотѣла.

Верзилинъ развелъ руками, не зная, что сказать. Послѣ паузы онъ выговорилъ:

— Да. Я вотъ не Сократъ Платонычъ, какъ мы всѣ тебя звали въ полку. Никогда не философствую. Въ судьбу, написанную на небесахъ, какъ говорилъ намъ незабвенный Михаилъ Юрьевичъ, тоже не вѣрю. А вотъ въ этакое удивительное дѣйствіе случайностей и неожиданностей на наше земное существо-

ваніе, признаюсь, вѣрю. Иногда дурацкій случай, на видъ скверный, ведетъ къ добру, и наоборотъ, дивный случай—къ бѣдѣ.

— Еще бы! — воскликнулъ Борщовъ.—Помнишь товарища князя Шемахидзе. Не попади онъ за дуэль по приказу государя въ солдаты, то не былъ бы теперь командиромъ дивизіи, потому что не побывалъ бы на Кавказѣ и не надѣлалъ бы тамъ чудесъ храбрости. Сидѣлъ бы ротмистромъ въ Царскомъ, да пилъ шампанское. Ни онъ, ни мы не знали прежде, каковъ у него духъ...

— Да! Правда!—воскликнулъ и Верзилинъ.—А ты вотъ другого вспомни-ка. Въ прошлую кампанію колонновожатый Кротковъ, чтò изъ-за раны въ палецъ, то-есть изъ трусости, выбылъ изъ строя, а на перевязочномъ пунктѣ, сидя съ тряпочкой на пальцѣ, небось, радовался про себя, что продѣлаетъ больного мѣсяцъ, другой... и останется цѣлъ и невредимъ. А чтò вышло-то? Помнишь вѣдь.

— Нѣтъ, не помню... И Кроткова не помню.

— Наскочили на нихъ гонведы, да всѣхъ, человѣкъ двадцать, съ докторомъ и съ фельдшеромъ, въ окрошку обратили саблями.

И послѣ паузы Верзилинъ прибавилъ:

— И скажу я... Вотъ такъ-то и ты, братецъ, утѣшься, если чтò у тебя теперь худое. Можетъ, къ лучшему.

— Нѣтъ. Мое дѣло иное!—воскликнулъ Борщовъ.—Я не могу утѣшать себя мудрствованіемъ. Я теряю счастье всей моей жизни. Все разбито... И чѣмъ? Чѣмъ? Знаешь ли ты—чѣмъ? Чтò разбило мою жизнь? Перчатка, упавшая въ грязь.

И на удивленіе Верзилина, Борщовъ кратко, но горячо разсказалъ другу все...

— Ну, что же? Не ужасно это?—кончилъ онъ.—Вѣдь этотъ случай почти невѣроятенъ. Обыкновенно бываетъ отказъ дѣвушки, отказъ родителей человѣку, дѣлающему предложеніе, но это не есть случайность... Оно, какъ бы сказать, нѣчто законное, что-ли? Ты хочешь одно, а они—другое. А вѣдь тутъ дичь... Чепуха! Опоздалъ на четверть часа...

— Незадача, братецъ, вотъ чтò. Какъ бываетъ удача шалая, даже безсмысленная, незаслуженная. Повернулся—удалося все. Не довернулся—то удалося еще лучше. Это кому бабушка, какъ сказывается, ворожитъ. А любитъ она всегда дураковъ. Да вотъ хоть, помнишь, у насъ случай съ перстнемъ полкового командира?

— Нѣтъ. Съ какимъ перстнемъ?

— Какъ съ какимъ. Чтò ты? — воскликнулъ Верзилинъ.— На плацу на нашемъ.

— Не помню. Да, скажу, совсѣмъ не знаю. Должно быть, это было послѣ меня.

— Да-а. Ну, можетъ быть. Только не думаю. Ну, такъ слушай и мотай себѣ на усъ, заруби на носу, благо любишь размышлять объ судьбѣ, объ фортунѣ и обо всякой такой ерундѣ. Случай, братецъ, простой, и нѣтъ того лейбъ-гусара, который бы его не зналъ. Слушай! Было полковое ученье... Командиръ, окончивъ его, хватился: нѣтъ на рукѣ перстня, которымъ онъ очень дорожилъ. Гдѣ перстень? Непремѣнно на плацу въ пескѣ. А каковъ плацъ нашъ—самъ знаешь... А сколько лошадиныхъ копытъ по немъ отплясало и каждое отдѣльное копыто по нѣскольку разъ на томъ же еще мѣстѣ—счесть любой математикъ не сможетъ. Гдѣ тутъ найти перстень? Нечего и пробовать. Подумалъ, подумалъ командиръ и приказалъ созвать гусаръ, сколько понадобится, чтобы составить плотную шеренгу отъ угла до угла всего плаца. Ну, созвали, сколько—не помню, но много, выстроили ихъ въ рядъ сплошной стѣнкой. Скомандовали: ложись на брюхо или становись на четвереньки и ползи, не спѣша, перерывая песокъ подъ носомъ старательно и аккуратно. Кто найдетъ перстень командира, тому пятьдесятъ рублей въ награду. Весело поползли наши молодцы, не спѣша и перетрясывая всякую песчинку. Прошелъ часъ, а они развѣ только восемь саженъ отработали... Вдругъ, откуда ни возьмись, идетъ чрезъ плацъ прямо на нихъ какой-то дуралей, мѣщанинъ. Ну, остановился, глазѣетъ и дивится. „Чтò это вы, братцы, такое, ползете?“ — спрашиваетъ. А ему молодцы въ отвѣтъ: „Убирайся съ дороги, проклятый. Перстень командира ищемъ въ пескѣ, а ты его, пожалуй, еще пуще втопчешь сапожищами“. Мѣщанинъ поглядѣлъ на свои сапожища, а тамъ пригдядѣлся по близости да, шагнувъ, поднялъ что-то и кричитъ: „Братцы, эвотъ... Не онъ ли это? Перстень-то“... Ну, и получилъ пятьдесятъ рублей.

Борщовъ невольно разсмѣялся.

— И злы были наши гусары, да и дивились. Этакая куча людей, ёрзая на животѣ, встряхнула да перенюхали зря сколько квадратныхъ саженъ песку, а этотъ лѣшій пришелъ, опросилъ и пятьдесятъ рублей получилъ. Вотъ тутъ и разсуждай объ судьбѣ! Судьба индѣйка, сказывается. Вздоръ это. Она—свинья...

— Да, братъ, но такіе перстни сплошь и рядомъ встряхиваютъ человѣческое существованіе.

— Судьба! Воля Божья!

— Судьба! Воля Божья! Слушай, Верзилинъ, не говори глупостей!—заоралъ вдругъ Борщовъ, какъ оскорбленный.

— Какой ты чортъ гусаръ!—часто слыхалъ отъ товарищей Борщовъ.—Ты профессоръ логики и психологіи, ты докторъ доктиссимусъ по самой мудреной наукѣ, „абракадабристикѣ"... Къ тому же гусаръ долженъ быть „горячка", а ты чуть не рыба. Къ тому же вѣчно разсуждаешь и разсуждаешь. Оторви тебѣ на войнѣ ногу ядромъ, ты будешь страшно озабоченъ вопросомъ: что̀ бы было, кабы вмѣсто ноги да оторвало бы руку.

Эти шутки товарищей имѣли основаніе.

Цѣлую недѣлю послѣ невѣроятнаго случая, когда „роковой шагъ знаменательнаго дня" оказался роковымъ въ обратномъ смыслѣ, Борщовъ отъ зари до зари философствовалъ о томъ, что̀ было бы, еслибы онъ не опоздалъ. И что̀ будетъ теперь?...

Горевать, какъ сталъ бы всякій другой, ему, собственно, было невозможно. Разумъ былъ слишкомъ поглощенъ думаньемъ и умозаключеніями.

Понемногу Борщовъ успокоился... Только браслетъ, купленный для свадебнаго подарка, который лежалъ въ ящикѣ стола и изрѣдка попадался ему подъ руку, его почему-то сердилъ и даже раздражалъ. Бывая прежде, почти ежедневно у Ипатовыхъ, теперь онъ, конечно, прекратилъ свои посѣщенія, и наконецъ однажды собрался съ визитомъ изъ приличія.

Но онъ выбралъ пріемный день, и зналъ, что найдетъ много народу, вслѣдствіе чего будетъ „легче" и ему, и Надѣ.

Дѣйствительно, гостиная оказалась полнёхонька. Ипатовы поздоровались съ нимъ радушно и просто, а Надя протянула руку, не глядя на него и даже опустивъ глаза въ полъ.

И за все время, что онъ просидѣлъ, разговаривая съ разнымъ народомъ, онъ не спускалъ глазъ съ молодой дѣвушки, чтобы встрѣтиться съ нею глазами.

Но Надя за все время ни разу не взглянула на него, а когда онъ поднялся, прощаясь, и снова протянулъ ей руку, она точно такъ же опустила глаза въ землю.

Борщовъ вернулся домой грустный.

Чрезъ два дня онъ рѣшился на поступокъ, который не могъ привести ни къ чему, но ему страстно захотѣлось исполнить внезапную выдумку. Онъ тысячу разъ задавалъ себѣ вопросъ: Сколько времени будетъ Надя любить и помнить его, сожалѣть, что не вышла за него... Долго? Всегда? Или очень, очень недолго?

Онъ засѣлъ за сочиненіе цѣлаго письма на ея имя. Но вышло что-то нелѣпое и даже совсѣмъ безтактное. Борщовъ понялъ, почувствовалъ это. Онъ изорвалъ нѣсколько листковъ письма и написалъ кратко:

„Надежда Павловна. Вотъ браслетъ, который я хотѣлъ дать вамъ на память о томъ днѣ, когда вы должны были сдѣлаться подругой моей жизни. Я умоляю васъ принять его теперь. Я глубоко увѣренъ, что вы идете замужъ не по влеченію сердца, а изъ-за повиновенья родителямъ и ради даннаго вами слова. Вѣрю, что вы сожалѣете... Возьмите этотъ браслетъ и носите его всегда... Но возвратите мнѣ его тотчасъ, когда перестанете жалѣть, что не соединили свою судьбу съ моей, когда скажете себѣ самой, что все къ лучшему, что вы счастливы, выйдя замужъ за князя"...

Положивъ записку въ футляръ, Борщовъ перевязалъ его тесьмой и концы припечаталъ, чтобы Надя не открыла его при немъ и не возвратила записки, не читая.

Чрезъ день онъ снова поѣхалъ къ Ипатовымъ, рѣшивъ, что если почему-либо не удастся передать Надѣ футляръ съ браслетомъ и письмомъ, то ѣхать чрезъ день, два опять... И хоть еще много разъ... но добиться своего.

Онъ нашелъ дома одну Марью Борисовну. Ея мужъ былъ въ отсутствіи, въ имѣніи; Левушка, разумѣется, какъ всегда, былъ невѣдомо гдѣ, а Надя не вышла въ гостиную, ссылаясь на нездоровье... конечно, вымышленное.

Борщовъ былъ отчасти опечаленъ, что не увидитъ молодой дѣвушки по ея собственной волѣ. Философствованіе никакъ не могло, конечно, утишить то, чтò творилось на сердцѣ...

Марья Борисовна, женщина совершенно простая, ограниченная и крайне добрая, не умѣла, да и не могла, по „характеру", играть комедіи: у нея всегда за всю жизнь было „чтò на умѣ, то и на языкѣ".

Поэтому, едва только явился и сѣлъ передъ ней человѣкъ, который дочери долго очень нравился и равно долго былъ намѣченнымъ женихомъ для нея въ ихъ семьѣ, Марья Борисовна не вытерпѣла и заговорила на чистоту. Она знала, конечно, все случившееся со словъ всѣхъ своихъ и даже няни. Но за то добрая и религіозная женщина, оказалось, судила еще хуже,—конечно, съ точки зрѣнія Борщова.

— Это счастье, — заговорила она, уже объяснившись насчетъ странной случайности.—Счастье для Нади и для васъ. Вотъ Богъ-то... Во всемъ виденъ. Во всемъ воля Божья. Пріѣзжайте

вы раньше на четверть часа... И все пошло бы иначе... И сколько времени-то было, голубчикъ мой дорогой, и у васъ, и у князя... Тянулось, тянулось... Чуть не двѣ зимы... А тутъ вдругъ въ одинъ день и часъ... Онъ запоздалъ потому, что его дома задержали по дѣлу... Хотѣлъ-то быть въ полдень. И вотъ вы бы прежде и пріѣхали... А Господь-то все видитъ... Вотъ вы уронили перчатку да и поѣхали за другими. А тутъ Господня воля и произошла. Вотъ, пишутъ мнѣ изъ Калуги, съ моей старинной пріятельницей что̀ случилось. Удивительно! Была она въ гостинницѣ, спѣшила ѣхать изъ города въ имѣніе. А горничная ея Марѳа, умная, догадливая, говоритъ: „Барыня пріѣдетъ поздно. Плита холодная. Ефимъ будетъ безпремѣнно пьянъ. Кромѣ простокваши ничего вамъ не найдется. Развѣ еще яичницу сами смастеримъ. Покушайте на скорую руку здѣсь"... Она, моя горемычная, и согласись. Экипажъ у подъѣзда. Лошади не стоятъ. У нея свой заводъ и кони диво. Ну-съ, вотъ, подали обѣдать... Она заспѣшила. Поскорѣе, да поскорѣе... Подавилась косточкой отъ цыпленка, да на диванѣ сидючи предъ престоломъ Всевышняго Творца и предстала.

— Вмѣстѣ съ косточкой,—отозвался Борщовъ угрюмо и раздражительно.

— Да, смѣйтесь! Вы, молодежь, всѣ невѣрующіе. А все Господь Богъ. Его произволеніе. Безъ Его воли ничто...

— А она была-то, Марья Борисовна, нехорошая женщина, злая?..—перебилъ Борщовъ.

— Добрѣйшая. Что̀ вы! Святая, скажу, женщина.

— За что же Господь Богъ ее такъ наказалъ?

Ипатова не отвѣтила, пристально поглядѣла на Борщова и наконецъ произнесла:

— Вы, стало, не понимаете, что̀ я вамъ хочу сказать.

— Что̀ ни случись—все воля Божья. Такъ.

— Вѣстимо.

— И все-то, все, всегда—къ лучшему, коли Господь...

— Стало быть, хорошее дѣло и то, что ваша пріятельница подавилась,—сухо разсмѣялся Борщовъ.—Слава тебѣ, Господи!

— Что̀ вы! Ахъ, право! Какъ это не грѣхъ такъ сказывать! Охъ, молодежь!

— Ну, оставимте эти разговоры Марья Борисовна. У меня до васъ большая просьба. Дайте честное слово, что исполните, что̀ я попрошу васъ.

Ипатова побоялась и не сразу согласилась, но затѣмъ побожилась, что все исполнитъ въ точности.

— Вотъ браслетъ,—заговорилъ Борщовъ, вынимая изъ кармана футляръ. Я его хотѣлъ подарить Надеждѣ Павловнѣ въ тотъ злополучный день. Я васъ прошу—не открывая его... Не открывая, Марья Борисовна. Вы побожились. Помните. Передайте его Надеждѣ Павловнѣ. А что̀ будетъ потомъ—ея дѣло. Что̀ она захочетъ, то и сдѣлаетъ.

— Нехорошо это,—заявила Ипатова.—Вы не женихъ и чужой человѣкъ, а поэтому...

— Дарить не имѣю права. Правда. Но вы побожились, а Надежда Павловна не божилась, и пускай она...

— Его возвратитъ вамъ.

— Пускай поступитъ какъ хочетъ.

— Я полагаю, что она его не возьметъ.

— А я хочу вѣрить, что возьметъ и будетъ носить, какъ память о человѣкѣ, который ее больше любитъ, чѣмъ князь Викторъ Юрьевичъ.

— Этого вы знать не можете. Вы ему въ душу не заглядывали. Чужая душа...

— Потемки!—перебилъ Борщовъ насмѣшливо.—Правда!.. А бываетъ часто, что и голова потемки—незамѣтная для самого себя и забавная для другихъ.

Свадьба князя Задонскаго была объявлена на первое іюля. Въ маѣ вѣнчаться было нельзя по коренной примѣтѣ, что супружеская чета будетъ „маяться“ всю жизнь. Такихъ храбрыхъ, чтобы вѣнчаться въ маѣ, бывало всегда мало, а кто и рѣшался пренебречь стародавней примѣтой, тѣ жестоко платились за это. Московскіе дѣды и бабушки имѣли про запасъ сотни примѣровъ, какъ „маялись“ всю жизнь всѣ тѣ, что не побоялись мая мѣсяца.

Въ іюнѣ свадьба не могла состояться, благодаря длинному петровскому посту. Извѣстно, что бракосочетаніе, хотя и священное таинство, было бы великимъ грѣхомъ, еслибы совершалось среди дней поста и молитвы. Играть на театрѣ, танцовать и жениться въ эти дни нельзя. Все остальное разрѣшается.

Почему и зачѣмъ? Да мало ли у насъ явленій, къ которымъ вопросы почему, отчего или зачѣмъ совсѣмъ не подходящи. „Почему у лошадей не ростутъ во рту лимоны?“—сказалъ поэтъ, да еще якобы самъ Пушкинъ.

Вся Москва стала сожалѣть, что свадьба, богатая, блестящая, веселая и интересная, будетъ въ глухое время, въ такіе дни,

когда всѣ разъѣдутся по имѣніямъ, иногда очень дальнимъ. Одни подмосковные члены общества могли пріѣхать.

То же самое соображеніе огорчало и Ипатовыхъ.

— Чтò за свадьба въ пустой Москвѣ!

Марья Борисовна, а вмѣстѣ съ ней и сама невѣста готовы были на то, чтобы отложить свадьбу до осени. Павелъ Николаевичъ воспротивился громко и даже сердито.

— Мало-ли что бываетъ!—сказалъ онъ женѣ глазъ на глазъ. —Не всѣ женихи становятся супругами. Помилуй Богъ!

Князь Задонскій неожиданно предложилъ нѣчто совсѣмъ невѣроятное, чтò сначала огорошило Ипатовыхъ.

— Вѣнчаться тотчасъ. Въ апрѣлѣ. Чрезъ десять дней.

— А приданое? Вещи. Серебро... Бѣлье... Всякая всячина, отъ брошекъ до чулокъ...—заявила Марья Борисовна.

— Послѣ можно все сдѣлать.

— А обычай... Вѣдь только крѣпостные вѣнчаются чрезъ недѣлю послѣ сговора.

Князь сталъ убѣждать всѣхъ, что все это не имѣетъ никакого значенія.

— Хорошо это было при царѣ Горохѣ.

А Левушка заявилъ храбро:

— Можно обвѣнчаться сегодня, сейчасъ. Послѣ, вотъ, вечерни. Никому не сказываясь и никого не приглашая. Все глупости.

И послѣ двухдневныхъ переговоровъ и разсужденій, Ипатовы и Задонскій удивили, но не обрадовали всю Москву, то-есть „свою“ всю Москву. Свадьба была объявлена 30-го апрѣля. Борщовъ узналъ о неожиданномъ и отважномъ рѣшеніи Ипатовыхъ одинъ изъ первыхъ. Объявилъ ему объ этомъ самъ Левушка, пріѣхавшій отъ имени сестры просить его быть шаферомъ, какъ близкаго человѣка, большого друга дома.

Борщовъ встрепенулся при этомъ предложеніи. Онъ собирался непремѣнно уѣхать изъ Москвы, чтобы не видѣть, какъ судьба торжественно насмѣется надъ нимъ. А теперь приходилось „помогать“ судьбѣ, участвовать въ вѣнчаніи, держа вѣнецъ надъ головой дѣвушки, которую выбралъ-было себѣ въ подруги всей жизни.

Однако, отказаться было немыслимо—считалось кровной обидой, не разбирая мотивовъ отказа.

Черезъ недѣлю послѣ предложенія быть шаферомъ, Борщовъ, въ полной лейбъ-гусарской формѣ, уже собирался въ церковь.

Бракосочетаніе должно было происходить въ той церкви,

гдѣ за это время считалось чуть не обязательнымъ вѣнчаться всякому члену московскаго большого свѣта. Это была домашняя церковь оберъ-гофмейстера князя Трубецкого въ его родовомъ домѣ въ Знаменскомъ переулкѣ. Вдобавокъ, утверждали, что вѣнчаніе въ этой церкви приноситъ счастье. Но примѣта была такъ же обоснована, какъ и другая, насчетъ мая мѣсяца. Помнили и пересчитывали браки счастливые.

Разумѣется, маленькая домовая церковь и зала передъ церковью были переполнены приглашенными. Помимо жениха и невѣсты, былъ интересенъ для всѣхъ и шаферъ-гусаръ, Борщовъ, такъ какъ эта „своя“ вся Москва знала, конечно, всю исторію сватовства двухъ человѣкъ заразъ. Въ церкви перешептывались: „перчатка“...

Ипатовы сіяли... Князь былъ горделиво-счастливъ и не замѣчалъ, какъ многія молодыя дѣвушки, глядя на него, морщились или ухмылялись и тихонько „сочувствовали“ Надѣ Ипатовой, которая была блѣдна какъ полотно и медлительна, холодна движеніями, лицомъ и взоромъ красивыхъ глазъ.

Борщовъ былъ приличенъ, улыбался, разговаривалъ, исполнялъ свою обязанность шафера безупречно, то-есть ловко, даже красиво, держалъ вѣнецъ и молодцомъ шелъ за невѣстой вокругъ аналоя...

И за все время вѣнчанія онъ почти не спускалъ глазъ съ ея блѣднаго лица и съ ея лѣвой руки, на которой блестѣлъ его браслетъ.

Кàкъ все происходило и произошло—онъ, однако, не видѣлъ, не сознавалъ и никогда потомъ вспомнить не могъ.

Когда начались поздравленія, толкотня, поцѣлуи и пожатія рукъ, онъ почти выбѣжалъ изъ церкви, изъ дома, и, бросивъ свою карету на дворѣ пѣшкомъ, выбѣжалъ на улицу...

Сдерживаемыя рыданія душили его... Онъ испугался и бѣжалъ отъ скандала.

— Но браслетъ надѣла! Браслетъ надѣла!—повторялъ онъ вслухъ.—Это еще хуже... Ужъ лучше бы ей меня не любить... А такъ—еще тяжелѣе.

III.

Со дня свадьбы той, которая сдѣлалась княгиней Задонской, а должна была стать женой Борщова, въ жизни послѣдняго—заурядной, безцѣльной, монотонной—много воды, какъ говорится, утекло, воды ненужной, ничего не стòющей.

Борщовъ, тотчасъ же послѣ грустнаго и обиднаго по своей нелѣпости происшествія, покинулъ Москву и долго странствовалъ лѣтомъ по Россіи, а зимой за границей, изрѣдка останавливаясь отдохнуть въ своемъ домѣ близъ Тверской, но почти не видаясь ни съ кѣмъ.

Чувство его, любовь, влюбленность или увлеченіе--онъ самъ теперь не зналъ—прошло, не было горемъ. Поступокъ княгини Надежды Павловны поразилъ Борщова, и удивилъ, и опечалилъ, и заставилъ болѣе, чѣмъ когда-либо, философствовать, а наконецъ излечилъ...

Послѣ свадьбы Задонскіе уѣхали на все лѣто въ украинское имѣніе, маіоратное, извѣстное со временъ Екатерины Великой. Затѣмъ они поселились въ Петербургѣ.

Борщовъ усиленно и довольно удачно изрѣдка добывалъ свѣдѣнія о жизни своей возлюбленной, и былъ почти доволенъ, узнавая, что княгиня—„ничего".

— Ничего?!

Удивительное руское выраженіе. Удивительное понятіе, необъяснимое, не переводимое ни на одинъ языкъ и почти загадочное. „Ничего" не равно нулю, какъ бы по логикѣ слѣдовало, а равно какой-то особенной единицѣ.

Не даромъ Бисмаркъ облюбилъ это россійское выраженіе. Не даромъ Деруледъ написалъ прелестное стихотвореніе, озаглавленное: „Nitchevo". Не даромъ одинъ математикъ выразился, что объяснить „ничего" можно такъ же, какъ доказать квадратуру круга.

И вотъ послѣ полугода чередовавшихся извѣстій о томъ, что женщина, вышедшая противъ воли замужъ,—„ничего", Борщовъ, будучи случайно и временно въ Москвѣ, получилъ посылку съ почты.

Это былъ браслетъ. При немъ—крошечная записка съ тремя строчками:

„Я уже три мѣсяца не ношу это, а теперь мнѣ непріятно, что это у меня, и я отсылаю вамъ. Все на свѣтѣ дѣлается если не къ лучшему, то и не къ худшему и къ тому, что̀ долженствуетъ быть!"

— Стало быть, она любила меня и сожалѣла ровно три мѣсяца!—горько улыбнулся Борщовъ.

И въ ту же ночь онъ вышвырнулъ браслетъ въ окно на середину улицы.

— Слѣдовало бы, чтобы бѣднякъ поднялъ. Но этого не

будетъ. Найдетъ богатый. Фортуна или судьба—не слѣпая, а умалишенная.

И Борщовъ оказался правъ. Въ семь часовъ утра купецъ-прасолъ, съ торговымъ оборотомъ тысячъ въ сто, первый увидѣлъ браслетъ среди грязной мостовой.

— Вещица ничего!—сказалъ онъ себѣ.—Моей Анисьѣ Матвѣевнѣ пригодится...

Прошло такъ года три... Два раза Борщовъ былъ увлеченъ двумя молодыми дѣвушками и былъ близокъ къ тому, чтобы сдѣлать предложеніе.

Первый разъ въ Германіи, на-водахъ, онъ познакомился съ русскимъ семействомъ и очень увлекся молоденькой, въ полномъ смыслѣ, провинціальной барышней, попавшей прямо изъ Пензы въ Карлсбадъ.

Наканунѣ того дня, что онъ собирался оффиціально сдѣлать предложеніе родителямъ „миленькой, добренькой, простенькой Олюшки", молодая дѣвушка сама спросила у него: любитъ ли онъ ее и собирается ли взять въ жены.

Борщовъ отвѣтилъ прямо, рѣшительно и твердо, какъ еслибы отвѣтъ этотъ давно былъ заготовленъ:

— Вы мнѣ очень нравитесь. Я васъ очень люблю и уважаю, такъ же, какъ и вашего батюшку, но... но бракъ есть нѣчто очень серьезное... Надо семь разъ отмѣрить, а затѣмъ уже отрѣзать.

И, разумѣется, онъ, мѣрившій даже двадцать разъ за все свое пребываніе на-водахъ, теперь рѣшилъ не отрѣзать.

Почему — онъ самъ не зналъ. Олюшка была невиновата. Виноватъ былъ простой, дѣловой, наивно-разсудительный оттѣнокъ ея голоса, когда она спрашивала.

— Жениться, такъ жениться. А что же тянуть такъ!—сказалъ ея голосъ.

Черезъ годъ Борщовъ былъ во второй разъ увлеченъ. Но эта новая привязанность сердца была не пензенская простушка, погубившая себя въ его глазахъ чистотой сердца и помышленій.

На этотъ разъ предметъ сердечной вспышки была дѣвушка петербургскаго бомонда, съ громкимъ именемъ, дочь страшнаго богача, чуть не милліонера... еще очень недавно. Теперь же у него оставался одинъ домъ-дворецъ на Сергіевской, стоющій триста тысячъ, но заложенный, вѣрнѣе „распрозаложенный" за триста-тридцать.

Молодая дѣвушка блистала въ своей средѣ... то-есть, какъ говорится: „имѣла большой успѣхъ". Въ чемъ успѣхъ?—не объ-

яснялось... Съ ней были всѣ особенно любезны и милы. Она страшно много танцовала. Но за шесть лѣтъ „выѣздовъ“ ни одинъ человѣкъ не сдѣлалъ ей предложенія. Всякаго въ красавицѣ, умной и эффектной, пугали ея энергичность и культъ... самой себя. Къ тому же она объявляла своимъ девизомъ: „Oser est pouvoir!“

Она же, любившая острить, говорила часто такіе „mots“, которые повторялись съ ужасомъ. Однажды она заявила:

— Конечно, всему есть на свѣтѣ границы... Но вѣдь всякую границу можно и перенести.

Борщовъ, сильно увлеченный блестящей звѣздой своего круга, все-таки боялся, колебался и медлилъ сдѣлать предложеніе. И однажды одна фраза на балѣ, въ мазуркѣ, рѣшила его судьбу. Онъ услышалъ эту фразу случайно, только потому, что двинулся чрезъ танцующихъ къ буфету, чтобы выпить стаканъ лимонаду. Онъ вдругъ нежданно очутился около своей пассіи.

— Съ милымъ въ шалашѣ, или съ постылымъ во дворцѣ?— весело сказали ей, подводя двухъ кавалеровъ.

— О! Какое наивное предложеніе! — воскликнула она.— Chers enfants, mon choix est fait d'avance. Я уже въ тринадцать лѣтъ рѣшила этотъ вопросъ. Конечно, давайте сначала постылаго!

И поднявшись съ мѣста, она театрально-торжественно и, надо ей отдать честь, съ большимъ комизмомъ протянула руку красивому студенту, который шагнулъ ближе къ ней, такъ какъ изображалъ постылаго во дворцѣ.

Борщова отъ этой шутки, которую онъ видѣлъ и слышалъ, покоробило, и онъ даже забылъ о жаждѣ.

Не слова молодой дѣвушки, а иронія въ ея голосѣ и какая-то циничная искренность голоса поразили его. Чувствовалось, что дѣвушка дѣйствительно, навѣрное, еще будучи тринадцати лѣтъ, рѣшила этакъ вопросъ о своемъ замужествѣ.

И при мысли, что онъ собирался дѣлать ей предложеніе, Борщовъ рѣшилъ:

— Нѣтъ. Если le ton fait la musique, то музыка ея души такова, что отъ нея надо подальше...

Опять случилось то же... Какъ одинъ вопросъ провинціальной барышни, простосердечной, но разсудительной, когда-то оттолкнулъ его, такъ и теперь одна фраза свѣтской дѣвушки-циника— испугала его.

— „Давайте *сначала* постылаго!“—повторилъ онъ мысленно и прибавилъ вслухъ:—Excusez du peu!

Прошло еще два года. Ненужная вода все текла... Борщовъ жилъ въ Москвѣ по прежнему въ своемъ домѣ и по прежнему одинъ. Онъ начиналъ хандрить и скучать. Вращаясь постоянно въ обществѣ, онъ, однако, не видѣлъ ни одной молодой дѣвушки, которую бы рѣшился назвать женой.

Онъ часто бывалъ въ одномъ многочисленномъ семействѣ старика и старожила Рагозина, у котораго были четыре дочери, двѣ племянницы и одна дальняя родственница, сирота, называвшая его дядей только ради приличія.

Сирота-дѣвушка, по имени Анюта, красивая, недалекая, но кроткая, нравилась Борщову... Но его чувство къ ней было особенное. Это была жалость.

Дѣвушка въ богатомъ домѣ играла роль Сандрильоны, замарашки... Ее обходили во всемъ, и она изображала нѣчто уже исчезнувшее изъ русскаго дворянскаго быта—нахлѣбницу, приживалку. Будучи красивѣе своихъ названныхъ кузинъ, она, однако, ходила въ ихъ обноскахъ. Даже на балахъ она появлялась въ прошлогоднихъ платьяхъ своихъ родственницъ. Впрочемъ, это не мѣшало ей танцовать больше всѣхъ, такъ какъ вся молодежь-кавалеры любили ее, хотя и на особый ладъ, будто добраго товарища, славнаго малаго.

Ухаживателей у нея не было совсѣмъ — ни одинъ никогда серьезно къ ней не отнесся, и никто никогда предложенія ей не сдѣлалъ.

Бывая въ этой семьѣ часто, Борщовъ, незамѣтно для самого себя, поступалъ такъ, какъ еслибы именно ухаживалъ за дѣвушкой. Онъ возилъ ей конфекты, ѣздилъ на тѣ балы, на которые ее бралъ воспитатель, танцовалъ съ ней кадрили и отсиживалъ съ ней мазурку, когда у нея не было кавалера. Однако, обращеніе его съ дѣвушкой—думалось ему—не позволяло предполагать никому чего-либо, кромѣ простыхъ дружескихъ отношеній. Онъ смотрѣлъ на нее дѣйствительно какъ на добраго, симпатичнаго ему пріятеля.

Когда Рагозину говорили, что богатый холостякъ Борщовъ „увивается“ около его воспитанницы и что изъ этого можетъ что-либо выйти, то старикъ отряхивался, какъ отъ услышанной глупости.

— Экъ вѣдь выдумаютъ! — говорилъ онъ. — На ней никто никогда не женится. И красивая, и добрая, и все-таки не совсѣмъ дура—а вотъ поди ты!.. Для всѣхъ-то мужчинъ—она будто товарищъ, а не дѣвица-невѣста.

Наконецъ, однажды, уже въ концѣ зимы, богатый москвичъ,

вдовецъ съ двумя дѣтьми, приближавшійся къ пятидесяти годамъ, никогда, повидимому, не обращавшій никакого вниманія на Анюту, вдругъ явился къ Рагозину съ предложеніемъ руки и сердца его воспитанницѣ.

Рагозинъ, въ восторгѣ, что можетъ пристроить сироту, передалъ его предложеніе Анютѣ. Дѣвушка была поражена и даже сражена.

Отвѣтивъ своему пестуну: „Дайте подумать!"—она вечеромъ почувствовала себя нехорошо, легла рано въ постель, а на утро не поднялась, жалуясь, что ей еще болѣе нездоровится.

Борщовъ, до котораго дошла вѣсть о предложеніи пожилого вдовца, встрепенулся и цѣлый день проходилъ суровый и озабоченный.

Объяснить это свое душевное состояніе онъ могъ легко. Ему было чрезвычайно жаль дѣвушку, такъ какъ, помимо огромной разницы лѣтъ между нею и претендентомъ, онъ былъ очень неказистъ на видъ, плѣшивый, въ очкахъ, съ брюшкомъ и другими особенностями, мало подходившими къ понятію объ женихѣ.

Онъ рѣшилъ повидать Анюту, переговорить съ ней и въ качествѣ друга узнать, какъ она смотритъ сама на такой бракъ.

— Если она противъ этого и Рагозинъ будетъ ее неволить, то я посовѣтую ей и настою, чтобы она набралась храбрости и отстояла себя, не давала себя приносить въ жертву.

Дня три онъ напрасно пріѣзжалъ съ цѣлью повидаться съ другомъ. Анюта была нездорова и не выходила изъ своей комнаты. Борщовъ велѣлъ передать ей записку, въ которой просилъ ничего не предпринимать, не посовѣтовавшись съ нимъ.

На другой же день, пріѣхавъ къ Рагозину, онъ нашелъ въ гостиной Анюту, не больную, а просто печальную и даже будто подъ гнетомъ душевной борьбы.

Улучивъ нѣсколько минутъ, чтобы безъ свидѣтелей перемолвиться съ ней, онъ узналъ именно то, чего ожидалъ. Она объяснила, что воспитатель ея требуетъ ея согласія на бракъ съ человѣкомъ, котораго она не только любить, но и уважать не можетъ, зная случайно закулисную сторону его жизни.

— И кромѣ того,—прибавила Анюта,—я еще болѣе несчастна потому, что люблю другого. Выйти за этого другого замужъ я, конечно, надѣяться не могу, но могу хоть оставаться съ моей любовью, не оскверняя этого чувства бракомъ съ противнымъ мнѣ человѣкомъ.

Послѣднее поразило Борщова. Онъ почему-то думалъ, даже былъ убѣжденъ, что дѣвушка совершенно свободна сердцемъ.

Онъ, удивляясь, спросилъ ее, почему она не можетъ выйти замужъ за любимаго человѣка.

— Очень просто, почему. Онъ меня не любитъ,—отвѣтила Анюта.—Онъ меня очень любитъ, какъ мнѣ кажется, но это не то чувство, которое ведетъ къ браку. Онъ мнѣ другъ.

Борщовъ сталъ дѣлать разные вопросы, чтобы выяснить положеніе дѣла, но дѣвушка отвѣчала уклончиво, сбивчиво, путалась и смущалась, и наконецъ сказала:

— Не могу отвѣчать... Вы догадаетесь, кто онъ.

— Что же за бѣда, если я догадаюсь? Я никому ничего не скажу, даю вамъ мое честное слово. А между тѣмъ, если вы признаетесь,—быть можетъ, я могу быть вамъ полезенъ.

— Я не могу вамъ назвать его... Именно вамъ-то я и не могу назвать,—наивно отвѣтила Анюта.—Это поставило бы меня, да и васъ—въ самое неловкое положеніе.

Борщовъ прозрѣлъ сразу и смутился. Почему-то простая мысль, что дѣвушка можетъ быть увлечена имъ, вслѣдствіе его обращенія съ нею, не приходила ему на умъ.

Разговоръ оборвался сразу. Анюта смущенно смолкла, а онъ хотѣлъ заговорить, но не зналъ, что̀ сказать. Наконецъ, притворясь, что онъ ничего не понялъ, Борщовъ вымолвилъ:

— Отстаивайте себя, не позволяйте выдавать себя замужъ насильно. Вы еще молоды и сто разъ успѣете выйти замужъ за подходящаго человѣка.

Пріѣхавъ домой, Борщовъ былъ, однако, взволнованъ. Онъ узналъ, что его любятъ и любятъ искренно. Опять-таки, не слова Анюты, а ея лицо, ея голосъ и, наконецъ, всѣ мелочи въ ихъ отношеніяхъ за зиму, которыя онъ сталъ вспоминать, доказывали это.

— Да я-то ее не люблю!—воскликнулъ онъ на свою мысль, и затѣмъ прибавилъ:

— А чувства у меня къ ней развѣ никакого нѣтъ?.. Есть! Какое? Хорошее, большое... Чистая ли дружба это? По совѣсти—нѣтъ. А любовь ли? Вотъ какая была къ Ипатовой... Тоже нѣтъ.

Послѣ двухъ дней волненій отъ размышленія, Борщовъ узналъ новость: сирота-приживалка, именуемая воспитанницей, якобы уже дала слово и выходитъ замужъ. Онъ, не мѣшкая, бросился, къ Рагозину и, пріѣхавъ, не давъ ему выговорить ни слова, попросилъ позволенія переговорить наединѣ съ его воспитанницей. Удивленный старикъ согласился, не понимая, въ чемъ дѣло.

Дѣло же было въ томъ, что Борщовъ пріѣхалъ умолять дѣ-

вушку обождать, отсрочить рѣшеніе всего, чтобы дать подумать... ему самому.

Онъ хотѣлъ сказать ей:

„Я боюсь рѣшаться тотчасъ сразу... Я боюсь за свое да и за ваше счастье... Подождемъ".

Когда Анюта вышла въ гостиную, онъ былъ пораженъ ея видомъ. Дѣвушка страшно измѣнилась за три дня. Она была блѣдна, съ сверкающимъ взглядомъ и съ горькимъ выраженіемъ осунувшагося лица. Онъ совершенно растерялся и опять не зналъ, что̀ сказать.

— Вы обѣщали мнѣ,— заговорилъ онъ какъ-то робко,—и не сдержали обѣщанія. Вы обѣщали отстоять себя, не давать себя вѣнчать насильно. Я пріѣхалъ просить васъ оттянуть все... не спѣшить... подождать.

— Зачѣмъ?—грустно произнесла Анюта.

— Затѣмъ, что... Время можетъ многое выяснить... Въ иныхъ случаяхъ не надо спѣшить...

— Нѣтъ! Я рѣшилась. Я иначе разсуждаю теперь. Выйти за человѣка, котораго я люблю, я не могу... А если не онъ, то не все ли равно—кто, какой... Лучше обманывать человѣка стараго, пожившаго и нехорошаго, злого, нежели такого, который, можетъ быть, будетъ дѣйствительно любить меня, а я, выйдя за него, буду принуждена обманывать его.

— Какъ обманывать?..

— Да. Я всей душой и сердцемъ всегда буду принадлежать другому. Я это чувствую. Любить можно въ жизни только одинъ разъ. Я люблю... Ну, и буду всегда любить все того же... Нѣтъ, лучше, если уже выходить замужъ въ моемъ положеніи, то за такого, котораго даже и уважать не можешь.

Борщовъ стоялъ страшно взволнованный; кровь стучала у него въ головѣ, и онъ рѣшался... Рѣшался сказать: „Ну, будьте счастливы, насколько это будетъ возможно. Сожалѣю, что вы не хотите послушаться моего совѣта—обождать"...

И онъ заговорилъ:

— Сожалѣю Анна Ивановна, что вы не хотите...

Голосъ за его спиной заставилъ его вздрогнуть и обернуться.

— Что̀ прикажете доложить?—говорилъ лакей.

— Что̀ это?—спросилъ Борщовъ, не слыхавшій первыхъ словъ.

— Онъ у дядюшки, и мнѣ надо идти къ нимъ,—отвѣтила Анюта,—сказать окончательно: да или нѣтъ.

И она прибавила лакею:

— Скажи, что сейчасъ буду.

— Анна Ивановна,—глухимъ, сдавленнымъ голосомъ вымолвилъ Борщовъ:—за меня вы пойдете?.. Если я люблю васъ... Отвѣчайте!..

Анюта вскрикнула и вдругъ отчаянно зарыдала...

Свадьба Борщова, вѣрнѣе—замужество сироты, сдѣлавшей блестящую партію, нашумѣло въ Москвѣ. Никто этого не ожидалъ. А самъ Борщовъ?..

Размышляя и философствуя о своей судьбѣ, то-есть, о своей женитьбѣ, Борщовъ пришелъ къ заключенію, что въ этой женитьбѣ, въ этомъ роковомъ, знаменательномъ шагѣ его жизни, не оправдалась его теорія о томъ, что именно правитъ земнымъ существованіемъ человѣка. Онъ тоже не ожидалъ, не хотѣлъ и не собирался жениться на сиротѣ Анютѣ, то-есть, брать вправо или влѣво у березы, гдѣ расходятся двѣ дороги. Ея воля ничѣмъ тоже себя не проявила; она даже не посмѣла намекнуть на то, что любитъ его, а лишь наивно проговорилась. Случая какого-либо, который бы повліялъ на все, не было. Предложеніе стараго вдовца заставило его броситься тотчасъ же съ совѣтомъ, а не съ своимъ предложеніемъ. Докладъ лакея, памятный ему, поставившій его въ положеніе, гдѣ надо было рѣшиться немедленно... Да. Но все значеніе этого мгновенія трудно было теперь взвѣсить и оцѣнить. Можетъ быть, онъ все-таки кончилъ бы предложеніемъ, узнавъ, что она дала слово... Можетъ быть— да. А можетъ быть и—нѣтъ. Многое, отлагаемое на время—отложено навсегда.

Борщовъ, стоявшій подъ вѣнцомъ со смутой на душѣ отъ мысли, что онъ женится какъ-то необыкновенно, какъ будто совсѣмъ случайно и будто невѣдомо, въ силу какихъ побужденій, вскорѣ же послѣ свадьбы считалъ себя счастливымъ. Жена обожала его, даже будто стыдила его своимъ обожаньемъ, такъ какъ онъ чувствовалъ, что не заслужилъ и недостоинъ такой глубокой, рабской любви.

Послѣ свадьбы молодые уѣхали въ деревню и прожили въ глуши болѣе года. Ожиданіе появленія на свѣтъ перваго ребенка понудило ихъ собраться въ Москву, такъ какъ въ ихъ дебряхъ была только одна старая повитуха изъ просвиренъ. Выписать въ деревню изъ Москвы доктора-акушера Анна Ивановна Борщова не хотѣла, объясняя мужу, что придется брать наугадъ и очутиться, пожалуй, въ зависимости отъ перваго попавшагося

неуча или шарлатана. Въ Москвѣ, вскорѣ послѣ ихъ переѣзда, у молодой женщины родился ребенокъ, сынъ. И въ домѣ на Тверскомъ бульварѣ была уже семья.

Послѣдующіе два-три года жизни Борщова окончательно сдѣлали его философомъ и позитивистомъ на особый, „самодѣльный“ ладъ. Въ его мирномъ существованіи случилось нѣчто отчасти любопытное.

Попавъ когда-то — невѣдомо почему и невѣдомо зачѣмъ — въ гусары, онъ, разумѣется, и не воображалъ воевать, а между тѣмъ попалъ случайно въ кампанію и на поляхъ Венгріи храбро сражался невѣдомо зачѣмъ. Впрочемъ, во всей Россіи было тоже неизвѣстно или, по крайней мѣрѣ, непонятно, зачѣмъ россіяне проливаютъ свою кровь за австрійскую династію, Гекубу для Россіи.

Не будучи честолюбивъ и не считая себя храбрецомъ, онъ велъ себя примѣрно и даже отличился. Всѣ предсказывали ему быструю и блестящую военную карьеру, но, едва вернувшись въ Петербургъ и въ полкъ, онъ подалъ въ отставку, претендуя только на мундиръ, такъ какъ не любилъ „простое“ платье.

Живя въ Москвѣ и собираясь жениться, а въ антрактахъ своего прозябанія путешествуя по Европѣ, чтобы снова вернуться на Тверской бульваръ, Борщовъ ни разу не искусился мыслями о служебной карьерѣ. То, что̀ носитъ это названіе, казалось ему чѣмъ-то безконечно глупымъ. Онъ понималъ и допускалъ мечты и усилія въ этомъ направленіи лишь для выходцевъ изъ низшихъ слоевъ или для людей мало имущихъ, желающихъ имѣть какъ можно болѣе казенныхъ денегъ въ мѣсяцъ.

И вдругъ, года чрезъ полтора послѣ его женитьбы, судьба захотѣла надъ нимъ пошутить.

Находясь въ Москвѣ, онъ вдругъ узналъ, что его бывшій товарищъ по службѣ, хотя и другого полка и много старше чиномъ, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Чрезъ мѣсяца два послѣ этого, будучи въ Петербургѣ по дѣлу, онъ навѣстилъ товарища, чтобы поздравить его, и вышелъ изъ кабинета министра — губернаторомъ...

Жена, по возвращеніи его въ Москву, ахнула и спросила:

— Зачѣмъ? Богъ съ тобой!

— А шутъ его знаетъ — зачѣмъ. Какъ-то такъ вышло!

И онъ очутился администраторомъ большой губерніи, которая была на счету не простыхъ, а мудреныхъ. Почему въ Россіи есть губерніи простыя, спокойныя, и есть мудреныя, неспокойныя, даже

опасныя для ихъ правителей,—на этотъ вопросъ никто еще никогда не отвѣтилъ...

Чрезъ года три губернаторства самаго безукоризненнаго,—то-есть, не заявивъ себя ничѣмъ ни съ хорошей, ни съ дурной стороны,—Борщовъ былъ вызванъ пріятелемъ-министромъ и былъ ошеломленъ предложеніемъ:

— Хочешь ко мнѣ въ товарищи?

Всегда прямодушный Борщовъ чуть не отвѣтилъ:

— Да съ какого же чорта?

Ему ясно представилось сразу, что онъ, какъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, и корова, запряженная въ пролетку,—совершенно одно и то же.

Однако, онъ призадумался въ виду этого заманчиваго предложенія... и согласился.

„Отчего не попробовать?.. Петербургъ—вмѣсто губернскаго города. Большой окладъ—въ придачу къ своимъ очень хорошимъ средствамъ. Свѣтская жизнь, которую любитъ жена. Наконецъ... ореолъ... Да.. Ореолъ, который,—каковъ онъ ни будь,—всѣмъ милъ.

Борщовъ вернулся въ свою губернію, чтобы только приготовить сдачу ея своему замѣстителю, который долженъ былъ явиться черезъ два мѣсяца...

Но чрезъ мѣсяцъ по возвращеніи, онъ получилъ отъ пріятеля-петербуржца депешу, гласившую:

„Нашъ общій другъ проситъ тебя увѣдомить, что онъ уходитъ“.

Борщовъ, благодаря подписи, понялъ, кто уходитъ и куда уходитъ. Это былъ пріятель-министръ. Разумѣется, онъ понялъ тоже, что это выраженіе не вполнѣ точно. Съ тѣхъ поръ, что Русь стоитъ, никто еще по собственной волѣ изъ министровъ не уходилъ. Каждаго или просятъ уйти, или „спускаютъ“. Спасибо еще, что въ Россіи нѣтъ европейскаго термина „палъ“, приравнивающаго высшаго сановника къ лошади или коровѣ.

Послѣ „ухода“ сослуживца-пріятеля, Борщовъ вскорѣ же былъ вызванъ въ Петербургъ новымъ министромъ.

— Вѣроятно, все за тѣмъ же, — объяснилъ онъ женѣ.— Дался я имъ... Видно, я, къ моему величайшему удивленію, считаюсь однимъ изъ лучшихъ губернаторовъ.

Тотчасъ выѣхавъ на берега Невы и тотчасъ явившись къ новому министру, Борщовъ вышелъ отъ него нѣсколько озадаченный.

Начальникъ, перелистывая его прошлогодній всеподданнѣйшій

докладъ, лежавшій на его столѣ, и справляясь въ кучѣ бумагъ, лежавшихъ на другой сторонѣ стола, доказывалъ Борщову краснорѣчиво и даже настолько убѣдительно, что и отвѣчать было нечего, что онъ, Борщовъ—невозможный губернаторъ.

— Такъ нельзя! Такъ нельзя! Это немыслимо. Это меня ставитъ въ необходимость доложить... Этакъ же нельзя!—заканчивалъ министръ всякое разсужденіе свое по поводу разныхъ фактовъ изъ губернаторской дѣятельности Борщова.

И губернаторъ, вернувшись въ свою гостинницу, ясно понялъ, что возвращаться въ свою губернію не приходится. Развѣ только затѣмъ, чтобы уложить вещи и перевезти семью въ деревню. И какъ легко сталъ гусаръ-философъ администраторомъ съ блестящей карьерой впереди, такъ же легко обратился и въ простого смертнаго.

— Вотъ ужъ могу сказать,—думалъ Борщовъ:—воля моя тутъ была ни при чемъ. Не попади пріятель въ министры, и я бы не попалъ въ губернаторы; не уйди онъ вдругъ, и я бы не ушелъ, а пожалуй далеко бы пошелъ. Да только вотъ что̀: зачѣмъ?! Кой чортъ изъ этого?

Спустя почти два года послѣ ухода изъ губернаторовъ, Борщовъ снова очутился въ Москвѣ, но не простымъ обывателемъ, а крупнымъ чиновникомъ, пожалуй даже и сановникомъ, но все-таки административной мелкотой сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ едва не сдѣлался когда-то на берегахъ Невы.

Случилось это просто.

Попавъ вдругъ въ отставку, онъ поселился въ деревнѣ, и, конечно, началъ сильно скучать. Въ хозяйство онъ не вмѣшивался, ничего въ этомъ не понимая и не желая „мѣшать“ старику-управителю, нѣмцу изъ чеховъ; а помимо агрономіи, въ деревнѣ была только почта, газеты и журналы, такъ какъ ближайшіе сосѣди, съ которыми можно было водиться, были за пятьдесятъ и болѣе верстъ.

И какъ-то однажды Борщовъ рѣшилъ, что надо начать снова служить и не иначе какъ въ Москвѣ. Когда-то, получая мѣсто губернатора, онъ уже обмѣнилъ свой военный чинъ на статскій, съ большой для себя выгодой, такъ какъ статскіе чины въ обиходѣ гораздо дешевле военныхъ. Поэтому, начавъ хлопотать, онъ получилъ вскорѣ почетную должность въ первопрестольной, съ изряднымъ жалованьемъ и съ пустымъ дѣломъ. Благодаря прежней службѣ, онъ уже шагнулъ быстро впередъ и, будучи уже при двухъ звѣздахъ, рѣшилъ, что въ слѣдующую наградную

очередь надо отдѣлаться отъ третьей звѣзды, у которой даже и ленты нѣтъ, а предпочесть иное.

— Звѣздъ въ Москвѣ много, а „тайныхъ" очень мало!— разсуждалъ онъ, забывъ, какъ прежде относился ко всему подобному.

И вскорѣ, весной, послѣ Пасхи, на Тверскомъ бульварѣ уже процвѣталъ тайный совѣтникъ.

Однажды въ яркій солнечный день, сверкавшій въ большія окна столовой стариннаго барскаго дома, среди нея сидѣли за завтракомъ мужъ, жена и трое дѣтей. Онъ—около сорока-пяти лѣтъ—казался на видъ нѣсколько старше, вслѣдствіе своей полноты, вѣрнѣе—грузности и какого-то особеннаго спокойствія и въ лицѣ, и даже въ движеніяхъ. Это было характерное „степенство", свойственное пожилымъ и довольнымъ людямъ и являющееся предмѣстникомъ и предвѣстникомъ преждевременно надвигающейся старости.

Это и былъ Алексѣй Андреевичъ Борщовъ, его жена, Анна Ивановна, бывшая сирота Анюта, ихъ два сына и старшая дочь, кромѣ четвертаго ребенка, маленькой дѣвочки, еще не умѣвшей сидѣть за столомъ.

Борщова, женщина уже тридцати лѣтъ, оставалась по прежнему красивой женщиной, благодаря правильнымъ чертамъ, ровному цвѣту лица и прекраснымъ сѣрымъ глазамъ, хотя безъ всякаго выраженія. Если до замужества никто никогда въ нее влюбленъ не былъ, то и послѣ замужества ею никто не прельщался и не увлекался. Ея правильное, но безжизненное лицо могло объяснить это явленіе. Оно наглядно свидѣтельствовало, что женщина была очень недалекой и, вдобавокъ, крайне флегматичной. Она даже мужа и дѣтей любила какъ-то особенно спокойно.

Дѣти Борщова, казалось, были въ родителей. Плотныя, румяныя, повидимому цвѣтущія здоровьемъ, они слишкомъ мало, однако, шалили и совсѣмъ не умѣли капризничать. Казалось, что нервная система въ ихъ организмѣ—отсутствуетъ.

Женясь неожиданно для самого себя, Борщовъ не раскаивался, любилъ жену, считая ее добрѣйшей, разсудительнѣйшей женщиной. Что она красива—онъ видѣлъ и слышалъ ото всѣхъ; что она простовата—онъ видѣлъ, но такъ какъ никто ему объ этомъ не говорилъ,—онъ думалъ, что одинъ это знаетъ. Дѣтей своихъ онъ считалъ самыми умными дѣтьми всей Москвы, такъ какъ они почти никогда не шумѣли, не дрались и не ревѣли.

— Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ,—думалось иногда Борщову,—правъ тотъ, кому принадлежитъ изреченіе: „Все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ".

Сидя за завтракомъ, мужъ и жена спорили—отчасти добродушно и мирно, потому что спорили о томъ же, о чемъ шелъ споръ уже нѣсколько лѣтъ.

У Борщова изъ головы не выходила его исторія съ Ипатовой. Разумѣется, между мужемъ и женой сотни и тысячи разъ бывали разговоры и препирательства объ этомъ. Борщовъ искренно, черезчуръ искренно, говорилъ женѣ, что онъ, собственно, „случайно" женатъ на ней. Въ первые годы брака Анна Ивановна волновалась и сердилась, а теперь только изрѣдка раздражительно подсмѣивалась надъ „толчкомъ" мужа.

— Не могу же я, однако, не говорить правду!—воскликнулъ Борщовъ.—Глупый случай, а только онъ сдѣлалъ Ипатову княгиней Задонской.

— Но не могу и я считать себя твоей случайной женой, а нашихъ дѣтей—случайными дѣтьми. Это все отчаянное безсмысліе!—возразила жена.

— Однако, это такъ,—говорилъ онъ.

— Тогда правда и то, что̀ тебѣ говорилъ твой же другъ,—что мы случайные христіане, случайные православные, случайно живущіе на случайной планетѣ Землѣ и въ случайной Россіи.

Борщовъ на такое объясненіе тоже отвѣчалъ полнымъ согласіемъ, и тѣмъ еще болѣе сердилъ жену.

— Конечно. Не только можетъ быть, а навѣрное. Случайное дѣйствіе міровое, случайный катаклизмъ чего-либо гдѣ-либо произвелъ землю. Христіанство и подавно—случай. Россія могла бы быть Печенѣгіей или Монголіей, а тѣмъ паче королевствомъ польскимъ, подвластнымъ Варшавѣ, еслибы не одолѣла случайно своихъ враговъ. А что касается до религіи, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Россія была бы мусульманкой, такъ какъ Владиміру должно было нравиться узаконенное многоженство. Но увы! онъ узналъ вдругъ, что Магометъ запретилъ строго употребленіе вина, а Руси одно веселіе—пити.

— Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Такъ же, какъ вотъ ты могъ бы случайной уродиться и умнымъ!—уже раздражительно отозвалась Анна Ивановна.

Борщова знала, что она вышла замужъ когда-то единственно по любви, такъ какъ ей даже на умъ не приходило, что посватавшійся за нее былъ человѣкъ съ состояніемъ. Она знала равно, что онъ, съ своей стороны, тоже женился на ней только

по любви, такъ какъ она была сиротой, воспитанницей, чуть не нахлѣбницей у родственника. Теперь ихъ семейное счастье было полное, примѣрное. Къ любви и уваженію взаимнымъ прибавилась и великая крѣпкая связь людей, узелъ—и чуть не Гордіевъ — привычка! Но женщину все-таки нѣсколько оскорбляло искреннее убѣжденіе мужа, что пресловутая исторія съ Надей Ипатовой всецѣло повліяла на все его земное существованіе, заставило его противъ воли существовать иначе, нежели онъ когда-то самъ себѣ опредѣлялъ.

Женщина, разумѣется, негодовала еще сильнѣе, вслѣдствіе своей простоты, когда мужъ ея увѣрялъ:

— Не урони я перчатку, то вотъ ихъ,—онъ указалъ на дѣтей, —и на свѣтѣ никогда бы не было. У меня отъ Ипатовой и у тебя отъ другого мужа—были бы, можетъ, дѣти, но не они... Никакъ не они.

— Стало быть, дѣти наши,—восклицала она,—съ философской точки зрѣнія, — незаконныя дѣти! Имъ не слѣдуетъ жить на свѣтѣ. Имъ надо умереть скорѣе.

— Ну, этакъ разговаривать нельзя!—вспыхивалъ Борщовъ.

— Да вѣдь имъ же, по твоему, не слѣдовало родиться.

— „Не слѣдовало"—не есть точное опредѣленіе... Надо сказать иначе. Сказать, что...

— И поэтому ты не можешь и не долженъ любить свою семью... Ты принуждаешь себя къ этому.

— Развѣ я тебѣ когда сказалъ это?.. Развѣ я тебя не люблю? Или дѣтей не люблю?

— Нѣтъ, я знаю, что ты насъ любишь, что ты доволенъ и счастливъ... Но все-таки faute de mieux...

— Неправда!

— Правда. И это постоянное сожалѣніе, что ты случайно не женился на предметѣ своей страсти, конечно, оскорбительно.

— Никогда! Тысячу разъ я тебѣ объяснялъ, что это не есть сожалѣніе!—воскликнулъ Борщовъ.—Это—простое умствованіе... Это какой-то протестъ моей души противъ роли случая въ нашемъ земномъ существованіи. Эта власть случая меня возмущаетъ, и я не могу съ этимъ примириться. Вотъ я повторяю, что я долженъ былъ жениться на Ипатовой... Долженъ былъ!

— А я говорю: на мнѣ... Хотѣлъ на ней, а долженъ былъ— на мнѣ. Нашъ бракъ—не случайность... А потеря знаменитой и пресловутой перчатки—глупость.

— ...Имѣвшая огромное послѣдствіе въ жизни моей: бракъ Ипатовой съ княземъ и мой бракъ съ тобой.

— Такова была судьба... Такъ должно было случиться. И перчатка тутъ ни при чемъ.

— Но вѣдь отъ нея все пошло...

— Нѣтъ, не отъ нея, а отъ многихъ иныхъ причинъ... Не выдумай люди носить перчатокъ, то ты и не имѣлъ бы ихъ...

— Да-а... Если этакъ... то скажи ужъ лучше, что виноватъ въ поворотѣ моей судьбы тотъ, кто изобрѣлъ изъ кожи дѣлать одѣяніе пальцевъ...

— Понятно... Причина причины... Или самая первая причина...

— Господь, конечно! Зачѣмъ Господь сотворилъ животныхъ съ такой кожей, изъ которой можно выдѣлывать предметы для туалета нашего... Этакъ мы дойдемъ ужъ не до Адама, а до чепухи...

— У чепухи и должна быть первоисточникомъ чепуха,— отвѣчала Борщова.

Разумѣется, Борщовъ никогда не соглашался съ женой и стоялъ на своемъ.

— Случай—владыко міра!—говорилъ онъ.

Часто думая и размышляя о томъ, что̀ такое земное существованіе въ смыслѣ удачи и незадачи, счастья и несчастья земного, Борщовъ вспоминалъ много случаевъ, которые видѣлъ или о которыхъ слышалъ. Но особенно одинъ примѣръ чаще всего приходилъ ему на умъ. Судьба Ильи, сына его лакея Степана. Молодой, сравнительно, человѣкъ, сынъ бывшаго крѣпостного, получивъ, благодаря Борщову, кое-какое образованіе въ коммерческомъ училищѣ, былъ теперь въ такомъ положеніи, что всѣ дивились и, конечно, завидовали. Когда-то, будучи еще двадцатидвухлѣтнимъ малымъ, онъ отправился въ Петербургъ, искать себѣ мѣста по бухгалтеріи, которую, однако, зналъ слабовато.

Однажды онъ, рекомендованный, явился къ банкиру, полунѣмцу, полу-русскому, милліонеру, холостяку, котораго всѣ всегда аттестовали на одинъ ладъ: человѣкъ черствый и безсердечный, педантъ и формалистъ во всемъ, какъ въ банковскихъ книгахъ и счетахъ, такъ и въ чувствахъ, и даже въ религіи. Илюша явился къ банкиру-милліонеру просить занятій. Принятый въ кабинетѣ рѣзко, спѣшно, осмотрѣнный какъ неодушевленный предметъ зоркимъ окомъ дѣльца-финансиста, онъ услыхалъ то же, что̀ многіе слышали чуть не ежедневно: „Мѣстъ нѣтъ. Зайдите опять. Если будетъ, то возьму на мѣсяцъ въ видѣ испытанія и безъ жалованья!“

Илюша поклонился, пошелъ къ дверямъ кабинета, но вдругъ

пріостановился, нагнулся и, поднявъ что-то, вернулся снова къ письменному столу банкира.

— Чтò вы?—спросилъ этотъ, какъ бы огрызаясь.

— Спичка,—скромно отвѣтилъ Илюша.—Необожженая. Пригодится.—И онъ положилъ спичку на зеленое сукно стола.

Затѣмъ онъ снова вѣжливо поклонился и пошелъ къ дверямъ. Банкиръ рѣзко окликнулъ его словами:

— Молодой человѣкъ!..

Онъ вернулся и приблизился снова.

Банкиръ спросилъ, какъ его имя, кто онъ родомъ, гдѣ учился и еще кое-что... Особеннаго ничего не узналъ онъ.

На другой день Илюша былъ уже на службѣ въ конторѣ. Чрезъ мѣсяцъ онъ получилъ должность съ большимъ жалованьемъ. Чрезъ годъ онъ былъ секретаремъ банкира. Лѣтъ чрезъ пять онъ уже сталъ его близкимъ человѣкомъ, участникомъ въ дѣлѣ, пайщикомъ... Холостякъ и бобыль, не любившій никого, не могъ ни единаго дня обойтись безъ молодого человѣка. Однажды стараго холостяка нашли мертвымъ въ постели. Вскрыли его тѣло и нашли правильный разрывъ сердца. Затѣмъ тоже вскрыли его завѣщаніе и нашли правильно оформленную волю, по которой около двухъ милліоновъ назначались: „Самому аккуратному и дѣльному человѣку, котораго я встрѣтилъ за всю мою жизнь“.

Все сдѣлала аккуратность Илюши?.. Все сдѣлало одиночество черстваго человѣка? Да. Но спичка была поднята съ полу прежде.

Однажды Борщова, дѣлавшая визиты въ городѣ, вернулась домой и сообщила мужу новость. Задонскіе, которыми мужъ такъ интересовался, къ ея досадѣ пріѣхали въ Москву, вслѣдствіе болѣзни князя и очень серьезной. Борщовъ тотчасъ же навелъ справки, и узналъ, что, дѣйствительно, князь очень плохъ. Его едва довезли въ Москву изъ имѣнія. Болѣзнь была странная. Прострація силъ. Справившись чрезъ недѣлю еще разъ, Борщовъ узналъ, что князь уже въ безнадежномъ положеніи. Всѣ лучшіе доктора Москвы были призваны, и всѣ единогласно заявили, что въ данномъ случаѣ наука безсильна.

— Чтò княгиня?—спрашивалъ Борщовъ у всѣхъ, кто бывалъ въ домѣ умирающаго.

— Она только озабочена. Она не знаетъ, что мужъ при смерти. Ей не говорятъ.

Два дня подъ-рядъ справлялся Борщовъ о положеніи князя, и узнавалъ одно:

— „Надежды нѣтъ“! На третій день онъ узналъ: „Скончался“.

— Чтò княгиня?—былъ его первый вопросъ.

— Ничего. Не плачетъ даже... Но какая-то странная, будто сонная... Измучилась, что-ли, ухаживая за мужемъ день и ночь.

Борщовъ отправился на первую панихиду. Все высшее общество Москвы было на лицо въ большомъ домѣ на Поварской, принадлежавшемъ когда-то Ипатовымъ, но только десятая доля могла проникнуть въ спальню, гдѣ у постели служилась панихида. Когда всѣ стали разъѣзжаться, Борщовъ прошелъ въ спальню, но княгини въ ней не было...

Онъ поглядѣлъ на покойника и подивился. Покойный казался даже моложавѣе того, чѣмъ былъ во дни своей женитьбы. Лицо было бѣлѣе, морщинъ и слѣда не было. Онъ казался тридцатилѣтнимъ.

„Распухъ“,—подумалъ Борщовъ.

Онъ узналъ отъ знакомыхъ, что княгиня совсѣмъ не появлялась на панихидѣ.

— Говорятъ, очень ужъ убита. Съ ногъ свалило. Она вѣдь и не подозрѣвала, что онъ при смерти. Напрасно дѣлаютъ это близкіе, якобы изъ жалости. Вѣдь оно еще хуже.

На слѣдующія панихиды Борщовъ не поѣхалъ и отправился прямо на похороны.

Церковь была, конечно, тоже переполнена. Протѣснившись впередъ, ставъ невдалекѣ отъ гроба, Борщовъ увидѣлъ въ углу церкви, за клиросомъ, даму въ глубокомъ траурѣ, сидящую на стулѣ, а близъ нея мальчика, тоже въ черномъ. Дама была къ нему спиной, но онъ догадался, что это княгиня. Служба длилась страшно долго.

Наконецъ все было кончено... Духовенство и пѣвчіе смолкли. Принесли крышку гроба. Наступила тишина, но началась какая-то суетня. Слышались разговоры шопотомъ, долетали до слуха отдѣльныя слова.

— Ни за что не пойду! — разслышалъ Борщовъ за своей спиной.—Я ихъ до смерти боюсь...

— Прощаться! Неправильное выраженіе!—говорилъ другой кто-то.—Иди-говори до свиданія. Вотъ это такъ.

— Да. Только не до скораго. Ce serait—excès de politesse.

Кто-то ворчалъ угрюмо:

— Какая глупая трата денегъ! Безцѣльная, непроизводительная. Надо бы гробъ въ три рубля, безъ пѣвчихъ и безъ всякой вообще mise en scène. Только глумленіе надъ мертвымъ.

А Борщовъ, слушая, вдругъ задалъ себѣ, будто нечаянно, вопросъ:

— Еслибы я не былъ теперь женатъ?.. Рѣшился бы я? Разумѣется, рѣшился бы! Я бы тотчасъ пошелъ ей сказать: „я по прежнему люблю васъ“.

А затѣмъ онъ снова спросилъ себя:

— А еслибы мнѣ сказали: „Твоя жена умретъ, и тогда“... Нѣтъ, ни за что... У меня тоже стерпѣлось, слюбилось...

Въ ту же минуту Борщовъ увидѣлъ даму въ траурѣ, которая приближалась къ гробу, поддерживаемая мужчиной. Лицо ея показалось ему знакомымъ, а между тѣмъ женщины съ такимъ осунувшимся и худощавымъ лицомъ между его московскихъ знакомыхъ не было и назвать даму онъ не могъ.

Но, взглянувъ на высокаго мужчину, который ее обнялъ, поддерживая, Борщовъ ахнулъ, узнавъ его и поэтому сразу догадавшись, кого онъ ведетъ.

Это былъ Левушка Ипатовъ, но уже совершенно возмужалый и съ типичными, по времени, бакенбардами петербургскаго чиновника,—котлетами, какъ ихъ называли.

— Боже мой! Какъ она перемѣнилась! — мысленно воскликнулъ Борщовъ.—Это другая... Другая женщина.

Княгиня подошла къ гробу, поднялась на ступеньку, нагнулась надъ покойникомъ, и вдругъ церковь огласилась такимъ рыданіемъ, что все зашевелилось. Многіе безсознательно двинулись впередъ, какъ бы на помощь случившемуся.

Княгиня лежала ничкомъ на тѣлѣ, протянувъ чрезъ него руки и уронивъ на нихъ голову. Ипатовъ, наклоняясь къ сестрѣ, громко повторялъ:

— Надя... Надя...

Мальчикъ стоялъ за матерью и тупо, испуганно поглядывалъ то на гробъ и профиль покойника, то на спину матери.

Чрезъ нѣсколько мгновеній Левушка обернулся къ обступившей кругомъ кучкѣ знакомыхъ и что-то сказалъ тревожно. Двое ближайшихъ двинулись быстро впередъ и едва успѣли подхватить вдругъ осунувшуюся и скольвнувшую съ гроба на полъ княгиню. Она была безъ памяти. Рослый Левушка, обхвативъ сестру, взялъ ее на руки и, въ свой чередъ слегка поддерживаемый знакомымъ, отнесъ ее на клиросъ.

Особенное молчаніе царило въ церкви и всѣ лица были взволнованно-сумрачны. Казалось, что всѣ присутствующіе еще оставались подъ вліяніемъ слышаннаго сейчасъ отчаяннаго вопля вдовы.

Пріѣхавъ домой, Борщовъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ, не спросивъ, дома ли жена, что̀ дѣлалъ всегда, и заперся на ключъ. Ему хотѣлось быть наединѣ съ собой, со всѣмъ тѣмъ, что̀ поднялось съ глубины души.

— Ну-т-ка, Эдипъ, разрѣши! — говорилъ онъ самому себѣ, еще по пути домой, а теперь одинъ въ своей комнатѣ сталъ повторять вслухъ.—Да, голубчикъ Эдипъ... не знаю, какъ по батюшкѣ, хотя это и слѣдовало бы помнить... Я тебѣ разскажу загадку, а ты разрѣши. Она пошла за князя противъ воли. Она была несчастна, когда вѣнчалась. Она пожертвовала собой... И ради даннаго ею слова... И ради разореннаго отца... Да. Ея замужество—было горькой минутой ея жизни. А теперь? Теперь она рыдала у гроба этого человѣка, какъ еслибы теряла все въ жизни. Все... Что̀ же это такое?.. Нечего, молъ, спрашивать. Привычка. Стало быть, мы и жизнью дорожимъ лишь по привычкѣ.

Цѣлыхъ три дня послѣ похоронъ князя, Борщовъ только и думалъ о томъ, что̀ видѣлъ въ церкви. Кончилось тѣмъ, что ему захотѣлось повидать княгиню.

И онъ отправился къ ней съ визитомъ. Онъ рѣшилъ, что объяснитъ свое посѣщеніе какъ изъявленіе сочувствія къ ея горю.

Швейцаръ его впустилъ со словами: „дома-съ". Онъ прошелъ залу, хорошо знакомую, вошелъ въ гостиную, еще болѣе памятную, и остановился, глядя на балконную дверь.

— Да. Вотъ гдѣ тогда все произошло,—подумалось ему,—поворотъ въ жизни.

Борщовъ сѣлъ и сталъ ждать, глядя на дверь въ слѣдующую комнату, которая была заперта, и изъ которой онъ нетерпѣливо, даже въ волненіи, ждалъ появленія княгини.

Прошло минутъ пять, и въ дверяхъ показалась фигура совершенно ему незнакомая. Вышла женщина лѣтъ около сорока, бѣлокурая, съ маленькими глазками и крупными зубами.

— Княгиня меня послала сказать вамъ, что она очень извиняется, но не можетъ принять васъ.

Вотъ что̀ заявила на ломаномъ французскомъ языкѣ зубастая дама, по выговору которой Борщовъ догадался, что она—англичанка.

Онъ что-то пробормоталъ себѣ самому непонятное и прибавилъ:

— Скажите, что я очень сожалѣю.

Англичанка продолжала:

— Въ такіе дни, послѣ такого великаго горя, княгиня отказывается даже родныхъ видѣть, не только постороннихъ.

— „Постороннихъ"!—повторилъ Борщовъ мысленно. — Да. Что же? Правда. Она для меня по прежнему близкая, а я ей— посторонній. Бываетъ такъ въ жизни сплошь и рядомъ.

Однако, вернувшись домой, онъ сталъ размышлять, что поступилъ, пожалуй, нелѣпо. Заѣхать, чтобы сдѣлать визитъ „de condoléance", конечно, слѣдовало, но только оставить карточку, а докладывать о себѣ было безтактно. По особой странной логикѣ сердца—именно его-то княгиня и должна была „не желать" теперь видѣть. Покойный мужъ ея и онъ, Борщовъ, были все-таки какъ будто соперниками... И князь побѣдилъ его... И дважды... Все, что онъ видѣлъ на похоронахъ, доказывало эту его вторую побѣду. Да, она искренно, глубоко страдаетъ... Страшный ударъ постигъ ее. А тогда, въ гостиной, у балконной двери? Развѣ то было не страданіе? А затѣмъ? Вѣдь онъ не переродился послѣ женитьбы. Каковъ былъ всю жизнь, таковъ и остался. Не уродъ. Добрякъ. Но ограниченный, пошлый, отчасти смѣшной или, вѣрнѣе, ridicule. Во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ—дюжинное существо.

— Что же это?!—повторялъ Борщовъ.—Не хочу отвѣчать— привычка. Нѣтъ, это другое... И не лестное!

Гр. Евг. Саліасъ.

УЧЕБНОЕ ДѢЛО

въ

НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ

Если что-либо должно быть безспорнымъ въ Россіи, такъ это—истина, что путь къ благосостоянію и могуществу открываетъ народамъ просвѣщеніе: чтобы дѣйствовать, надо знать и умѣть. Для нашей новѣйшей исторіи необходимость нагнать въ этомъ отношеніи западныхъ сосѣдей сдѣлалась, со временъ Петра Великаго, руководящимъ завѣтомъ. Тѣмъ печальнѣе, что на этомъ безусловно указанномъ намъ пути мы встрѣчаемся не только съ колоссальными препятствіями, воздвигаемыми громадностью пространства при малочисленности населенія, скудостью матеріальныхъ средствъ, отсталостью, но наталкиваемся, кромѣ того, на затрудненія, созданныя нами самими—невыясненностью нашихъ образовательныхъ программъ, шаткостью мнѣній, неудовлетворительною организаціей учрежденій. Нельзя не признать національнымъ несчастьемъ, что до сихъ поръ мы стоимъ передъ „университетскимъ вопросомъ"; что, несмотря на пять попытокъ въ теченіе ста лѣтъ опредѣлить постановку высшаго образованія въ странѣ, несмотря на уставы 1804 и 1835 года, измѣненія 1849, уставы 1863 и 1884 года,—опять становится необходимымъ пересмотръ самыхъ основъ университетскаго быта. А между тѣмъ, отъ функціонированія университета, какъ центральнаго просвѣтительнаго органа, зависитъ жизненность всѣхъ остальныхъ частей воспитательной системы страны: всѣ общеобразовательныя и спеціальныя школы, все высшее, среднее и низшее

преподаваніе, всѣ профессіи, поскольку онѣ основаны на знаніи и умѣніи, болѣе или менѣе получаютъ свое направленіе и жизненные импульсы отъ университета. Тревожная постановка университетскаго вопроса для общества—все равно, что діагнозъ порока сердца для больного.

Длительные недуги и часто повторяющіеся крисисы обыкновенно объясняются не какимъ-либо однимъ злокозненнымъ вліяніемъ, а, какъ говорится, „цѣлымъ рядомъ“ условій. Не трудно видѣть, даже при самомъ бѣгломъ обзорѣ, что въ нашемъ государствѣ и въ нашемъ обществѣ есть многія укоренившіяся свойства, которыя вносятъ противорѣчія въ жизнь университетовъ и затрудняютъ въ Россіи, болѣе нежели гдѣ-либо, удовлетворительное разрѣшеніе университетскаго вопроса.

Наше правительство стяжало нѣкогда свои лучшіе лавры тою руководящей просвѣтительной дѣятельностью, безъ которой не было бы современной Россіи. Ясное сознаніе и твердая воля Петра, Екатерины, Александра II и другихъ самодержцевъ прокладывали новые пути обществу, даже когда оно не понимало своихъ истинныхъ нуждъ. Въ умахъ государей и наиболѣе славныхъ ихъ сподвижниковъ при этомъ никогда не возникало опасенія, что они своей просвѣтительной работой подкапываютъ почву подъ собственными ногами: они чувствовали свою силу и видѣли ясно, что ихъ путь къ величію лежитъ тамъ же, гдѣ идетъ путь страны къ свѣту и самодѣятельности. Поэтому университеты, какъ разсадники просвѣщенія, имѣли въ государяхъ своихъ основателей и главныхъ покровителей, и содѣйствовали имъ въ проведеніи всѣхъ крупныхъ государственныхъ начинаній XIX-го вѣка. Но въ томъ же правительствѣ, которое основало университеты и въ широкой мѣрѣ ими пользовалось, стало сказываться все сильнѣе и сильнѣе иное теченіе: недовѣріе къ свободному духу университетскаго изслѣдованія и преподаванія, опасеніе, что закваска, вносящая броженіе мысли въ умы народа, подорветъ начала порядка и власти. Съ этой точки зрѣнія—сближеніе съ Западомъ представлялось не только прогрессомъ, но опасностью. Подъ вліяніемъ борьбы этихъ направленій въ нашихъ государственныхъ сферахъ отношеніе правительства къ университетамъ, первоначально простое и благосклонное, стало измѣняться. Получился рядъ оттѣнковъ среди представляющихъ его государственныхъ людей. Рѣже стали смѣлые ревнители просвѣщенія и свободной науки, строго раздѣлявшіе вопросъ о власти отъ вопроса о вліянія подвѣдомственныхъ органовъ, увѣренные въ исторической силѣ русскаго правительства и не смущавшіеся проявле-

ніями жизненности въ находящихся подъ его руководствомъ учрежденіяхъ. Чаще стали появляться люди подозрительные и пугливые, проявлявшіе свою силу въ неугомонномъ вмѣшательствѣ въ жизнь подчиненныхъ органовъ, тратившіе время на надзоръ и опеку, одержимые постоянною боязнью, какъ бы не поступиться въ чемъ-нибудь правами и достоинствомъ. Наконецъ, встрѣчаются и такіе представители государственной власти, которые, какъ бы затерявшись въ сложныхъ задачахъ, поставленныхъ временемъ, видятъ практичность и пониманіе жизни въ смѣшеніи всевозможныхъ системъ, въ переходахъ отъ одного направленія къ противоположному.

Подобныя же разлагающія вліянія приходится наблюдать въ отношеніи общества къ университетамъ. Было время, и не такъ еще давно, когда уваженіе къ культурной роли университетовъ проникало все образованное общество, когда сравнительно немногочисленная культурная среда смыкалась около университетовъ въ своего рода масонствѣ, гордомъ своими особенностями и солидарностью. Но мало-по-малу наступилъ расколъ. Передовой классъ общества сталъ дифференцироваться. Среди него появились увлекающіеся, непримиримые, для которыхъ университетскій строй казался слишкомъ тѣснымъ, слишкомъ правильно организованнымъ, слишкомъ связаннымъ съ отвлеченной наукой. Въ самой университетской молодежи, вслѣдствіе вполнѣ естественныхъ свойствъ возраста и темперамента, эти теченія нашли извѣстную почву для дѣятельности. При этомъ въ пылу споровъ и столкновеній для многихъ затемнялось первенствующее значеніе университета, какъ организованной общественной силы, какъ проводника знаній и образованности, а временные интересы партій и рискованныя соображенія политической игры выдвигались на первый планъ.

Однимъ словомъ, и правительство, и общество, пришли въ замѣшательство вслѣдствіе того усиленнаго бѣга впередъ, который сдѣлался для Россіи исторической необходимостью: одни стали отставать и тормазить, другіе—порываться въ разбродъ, и отъ этого массового движенія прежде всего пострадали университеты, судьба которыхъ связана съ движеніемъ впередъ, но—съ движеніемъ организованнымъ.

Если эти общія наблюденія вѣрны, то правильное и прочное рѣшеніе университетскаго вопроса должно совершиться въ смыслѣ развитія его просвѣтительныхъ задачъ и самодѣятельности, и въ то же время—укрѣпленія его внутренней организаціи. Только такой самодѣятельный университетъ будетъ вѣрнымъ по-

мощникомъ правительства въ его культурныхъ предначертаніяхъ и авторитетнымъ руководителемъ общественнаго воспитанія.

Съ цѣлью показать, что разсмотрѣніе частныхъ условій университетскаго быта приводитъ къ выводамъ, согласнымъ съ этой общей характеристикой,—обратимся къ разбору одной изъ важнѣйшихъ сторонъ современной университетской жизни и постараемся выяснить ея главные недостатки и наиболѣе подходящія мѣры къ ихъ устраненію.

При этомъ драгоцѣннымъ средствомъ для того, чтобы составить себѣ правильное сужденіе, должна быть, на ряду съ наблюденіями надъ дѣйствительностью, провѣрка тѣхъ положеній и доказательствъ, которыя были положены въ основу этой дѣйствительности, какъ ея руководящія начала. Было бы наивно начинать разсужденія и споры всегда сначала, какъ будто они не велись въ преемственной послѣдовательности лѣтъ двадцать-тридцать назадъ, когда вырабатывался теперешній строй. Въ сопоставленіи съ выяснившимися теперь результатами тогдашніе аргументы сторонъ получаютъ новое и поучительное освѣщеніе. Для того, чтобы возстановить эти положенія и аргументы въ ихъ истинномъ значеніи, нельзя, конечно, обращаться къ громкимъ преувеличеніямъ боевой прессы, необходимо черпать изъ оффиціальныхъ источниковъ, изъ записокъ и соображеній, опредѣлившихъ самый исходъ дѣла. Лишь такимъ способомъ можно установить связь между принципами и фактами и гарантировать основательность полученныхъ изъ этого сопоставленія выводовъ.

I.

У всѣхъ еще свѣжо въ памяти возникновеніе господствующаго нынѣ устава 1884 года. Онъ былъ, прежде всего, не педагогическою, а политическою мѣрою. Правда, ему предшествовало разслѣдованіе состоянія университетовъ, произведенное въ 1875 году отдѣломъ Высочайше учрежденной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря И. Д. Делянова, объѣздившимъ всѣ университеты и собравшимъ довольно объемистый матеріалъ. Но, какъ указывалось въ самой коммиссіи, матеріалъ этотъ представлялъ непровѣренную массу самыхъ разнородныхъ показаній и документовъ. На ряду съ интересными наблюденіями, въ немъ встрѣчалось множество голословныхъ обвиненій, необоснованныхъ впечатлѣній и тенденціозныхъ преувеличеній. Попытки установить главные, преобладающіе факты съ помощью

критическаго разбора этого матеріала сдѣлано не было, а изъ этой весьма богатой сокровищницы были извлечены кое-какія эффектныя данныя, чтобы ихъ якобы документальнымъ авторитетомъ подкрѣпить нареканія меньшинства коммиссіи, добивавшагося преобразованія университетовъ. Присутствовавшіе въ коммиссіи ректоры университетовъ, съ покойнымъ С. М. Соловьевымъ во главѣ, единогласно протестовали противъ подобныхъ пріемовъ и основанной на нихъ характеристики преподаванія въ университетахъ.

Дѣйствительно, огульное порицаніе университетскаго преподаванія за „путаницу и несообразность" представлялось по меньшей мѣрѣ неожиданнымъ въ примѣненіи къ университетамъ, которымъ отдавали свои лучшія силы такіе ученые, какъ С. М. Соловьевъ, Тихонравовъ, Буслаевъ, Срезневскій, Потебня, Каченовскій, Таганцевъ, Сергѣевичъ, Бутлеровъ, Менделѣевъ, Столѣтовъ, Боткинъ, Захарьинъ, и т. д., и т. д. Къ нему, повидимому, не были первоначально подготовлены и сами министры, проведшіе реформу, потому что еще въ 1874 году графъ Толстой, въ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, высказалъ „взглядъ вообще благопріятный для ученой дѣятельности университетовъ и для умственнаго и нравственнаго уровня слушателей университетскихъ лекцій". Что же касается статсъ-секретаря Делянова, то онъ открылъ самыя засѣданія коммиссіи 1875 года восхваленіемъ университетовъ, на которые „лучшая часть нашего общества смотритъ съ нѣкоторымъ почтеніемъ", такъ какъ съ самымъ „словомъ университетъ для ихъ бывшихъ воспитанниковъ многое сливается и многое отзывается". И въ теченіе совѣщаній онъ не одинъ разъ возражалъ противъ преувеличенныхъ укоровъ по адресу принятой въ университетахъ системы образованія, которая „при всѣхъ толчкахъ, ими неоднократно перенесенныхъ, дала то, что̀ мы видимъ и слышимъ". И тѣмъ не менѣе, при обсужденіи дѣла въ государственномъ совѣтѣ, тѣмъ же статсъ-секретаремъ Деляновымъ, уже въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, была представлена характеристика университетскаго быта, по рѣзкости не уступавшая статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей".

„Съ величайшимъ прискорбіемъ—говорилъ онъ—должно замѣтить, что университеты наши, за послѣднее время, вовсе не находились на высотѣ своего призванія и далеко не служили государству въ той мѣрѣ, въ какой должны были бы ему служить. Даже самимъ себѣ они не давали, ни по качеству, ни по количеству, тѣхъ ученыхъ дѣятелей, которыхъ должны были бы готовить и для себя, и для другихъ высшихъ учебныхъ заведеній... Та же

несостоятельность была обнаружена университетами и въ дѣлѣ приготовленія преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній... Если отъ учебной сферы обратиться къ судебной, то едва ли и здѣсь не оказалась та же несостоятельность нашихъ университетовъ, если не въ количественномъ, то въ качественномъ отношеніи... Изъ сферы административной нельзя не привести нижеслѣдующее свидѣтельство одного изъ высокопоставленныхъ администраторовъ: умственный уровень лицъ, поступающихъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній на службу, въ настоящее время такъ низокъ, что безотлагательный подъемъ его становится дѣломъ первой государственной необходимости. Не говоря уже о томъ, что большинство этихъ лицъ не приносятъ съ собой на службу никакого спеціальнаго подготовленія, рѣдкостью является нынѣ способность изложить правильно и связно какую-нибудь вовсе незатѣйливую бумагу. Скудость нашей ученой и учебной литературы, за немногими исключеніями, крайняя неудовлетворительность всей нашей журналистики и періодической печати, главными дѣятелями которой являлись большею частью питомцы нашихъ университетовъ, равно какъ и вообще низкій уровень и въ большинствѣ превратность мнѣній нашей, такъ называемой, интеллигенціи, все это общеизвѣстные факты, которые нельзя не признать лишь дальнѣйшимъ доказательствомъ несостоятельности нашихъ университетовъ".

Такъ резюмировалъ въ рѣшительную минуту свое мнѣніе объ университетахъ министръ народнаго просвѣщенія, самъ воспитанникъ московскаго университета, свидѣтель и сотрудникъ реформъ императора Александра II, юристъ по спеціальному образованію, имѣвшій всѣ данныя для того, чтобы оцѣнить заслуги университетовъ, хотя бы въ судебной области, хотя бы на необыкновенномъ превращеніи суда Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ въ судъ новыхъ судебныхъ уставовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что центръ тяжести вышеприведенной характеристики лежитъ въ ея концѣ—въ возлагаемой на университеты отвѣтственности за „низменный уровень и въ большинствѣ превратныя мнѣнія нашей, такъ называемой, интеллигенціи". Университетъ явился козломъ отпущенія за грѣхи всей нашей интеллигенціи, за прискорбные инциденты нашего духовнаго роста. Университетская наука и управленіе оказались виноваты въ томъ, что въ Россіи появились радикальные взгляды и террористическіе кружки. Въ своей настойчивой кампаніи противъ всѣхъ видовъ общественной самодѣятельности „Московскія Вѣдомости" и ихъ послѣдователи указывали на университеты,

какъ на главные очаги крамолы, требовали надъ ними дѣятельной административной опеки. Важно, что эти нареканія не только служили средствомъ, чтобы запугать и запутать публику, но переходили въ государственныя учрежденія, становились лозунгомъ для законодательныхъ работъ и глубокихъ преобразованій.

Такъ, напримѣръ, учрежденіе своего рода парниковъ для приготовленія желательныхъ педагоговъ и юристовъ въ Лейпцигѣ и въ Берлинѣ мотивировалось необходимостью окружить воспитанниковъ особой политической атмосферой, не свойственной русскимъ университетамъ. „Студенческая среда въ лейпцигскомъ университетѣ настолько чужда тому духу нерадѣнія, праздности, распущенности и оппозиціи наставникамъ и правительству, который, по несчастью, такъ распространенъ въ нашей студенческой средѣ, что она не только несочувственно, но и крайне враждебно относится къ тѣмъ нигилистическимъ и соціалистическимъ ученіямъ, которымъ, къ прискорбію, слишкомъ нерѣдко поддаются нѣкоторые изъ нашихъ студентовъ". Уже въ особомъ совѣщаніи 1874 года, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, была намѣчена необходимость борьбы противъ студенческаго пролетаріата. Въ 1880 году, графъ Д. А. Толстой такъ характеризовалъ этотъ классъ, на который „направляются усилія пропаганды, среди котораго вербуются новобранцы вредныхъ ученій. При скитальческомъ существованіи, перебиваясь изо дня въ день, студенты этого класса, предоставленные себѣ, находящіеся внѣ всякаго нравственнаго надзора, живутъ Богъ знаетъ гдѣ, знакомы Богъ знаетъ съ кѣмъ, нерѣдко образуютъ гнѣзда недовольства и раздраженія, откуда выходятъ явленія, заботящія правительство и общество". Въ соображеніяхъ министра народнаго просвѣщенія, представленныхъ государственному совѣту въ 1884 году, при обсужденіи новаго устава, краски еще болѣе сгущены: „При возможности, безъ всякаго правильнаго, постояннаго и серьезнаго ученія, достигать весьма существенныхъ правъ и преимуществъ для государственной службы, среди полнѣйшей праздности, предоставленные самимъ себѣ, никѣмъ не направлявшіеся и не управлявшіеся, въ борьбѣ нерѣдко съ крайнею матеріальною нуждою и при распространявшейся, нерѣдко и съ каѳедръ, а чаще всего періодическою печатью, наклонности винить во всемъ общія условія нашей общественной и государственной жизни, многіе изъ студентовъ нашихъ университетовъ легко могли поддаваться всякаго рода увлеченіямъ и лжеученіямъ и становиться готовою добычею даже для крамольной пропаганды".

Повидимому, проступки и ложныя мнѣнія „нѣкоторыхъ"

или даже „многихъ“ не давали основанія обращать взысканій противъ цѣлыхъ учрежденій, цѣлаго ученаго сословія. Казалось бы также, что противъ отдѣльныхъ проступковъ имѣлись въ распоряженіи различныя законныя мѣры наказанія и пресѣченія, а ложнымъ мнѣніямъ и увлеченіямъ молодежи слѣдовало противопоставить нравственное вліяніе. Но отвѣтственность за проступки и увлеченія была возложена на самые университеты и виною всему выставлена ихъ организація, антипатичное бюрократіи коллегіальное самоуправленіе. „Корень зла,—по мнѣнію министра,—заключался въ томъ, что правительство совершенно устранило себя отъ учебнаго дѣла въ университетахъ и предоставило его личному произволу профессоровъ, столь же произвольному усмотрѣнію факультетскихъ собраній и университетскаго совѣта и существовавшему лишь на бумагѣ наблюденію ректора и декановъ, которые, какъ выборныя отъ профессоровъ должностныя лица, никоимъ образомъ не могли наблюдать надъ ихъ дѣятельностью съ какимъ-либо начальническимъ авторитетомъ. Вслѣдствіе такого самоустраненія правительства отъ учебнаго дѣла университетовъ, одинъ произволъ, профессорскій, неминуемо долженъ былъ вызвать другой произволъ,—студентскій“.

На счетъ университетской автономіи были поставлены, съ одной стороны, „отчужденіе отъ власти“, съ другой—неряшливое и безтолковое веденіе учебнаго дѣла, вслѣдствіе котораго студенты, будто бы, сдѣлались жертвами политической агитаціи. Отсюда получилась и руководящая точка зрѣнія для задуманныхъ министерствомъ преобразованій: она сводилась къ бюрократизаціи университетовъ.

Если поэтому, по замѣчанію статсъ-секретаря Головина, реформа 1863 года исходила изъ довѣрія и уваженія къ профессорскому составу и изъ желанія усилить его нравственное вліяніе на студентовъ, то реформа 1884 была принята, какъ выраженіе недовѣрія къ добросовѣстности и благонадежности профессорскихъ коллегій. Большинство общаго собранія государственнаго совѣта указывало на это и обращало вниманіе на одинъ неотразимый выводъ изъ такой постановки дѣла: „Если такое обвиненіе было бы справедливо, то издавать новый уставъ для университетовъ, служащихъ мѣстомъ противоправительственныхъ стремленій, не слѣдовало бы. Съ такими заведеніями нужно бы распорядиться иначе: профессоровъ, оказывающихъ явное противодѣйствіе мѣропріятіямъ правительства, должно бы немедленно уволить отъ должностей, какъ несоотвѣтствующихъ ни своему назначенію, ни условіямъ государственной службы, а

самые университеты закрыть впредь до того времени, когда представилась бы возможность имѣть ректорами и преподавателями лицъ, отдающихъ свою дѣятельность въ полное распоряженіе правительства". Разсужденія, положенныя въ основу преобразованія 1884 г., имѣли то неудобство, что, при допущеніи ихъ правильности, доказывали слишкомъ много, гораздо больше того, что̀ предлагало министерство. Для того политическаго исцѣленія, которое имѣлось въ виду, надо было не реформировать, а уничтожить университеты. На это не рѣшились, вѣроятно, по педагогическимъ соображеніямъ. Но въ такомъ случаѣ новый уставъ, какъ мѣра политическая, оказывался недостаточнымъ или ненужнымъ.

II.

Проведеніе подобныхъ мѣръ, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія, имѣетъ ту хорошую сторону, что какъ бы ни были онѣ тягостны и вредны, въ соприкосновеніи съ жизнью онѣ неудержимо разлагаются. Исторія устава 1884 года представляетъ поучительную иллюстрацію къ этой истинѣ. Прежде чѣмъ явилась надежда на его законодательную отмѣну, прежде чѣмъ была оффиціально признана необходимость отнестись къ нему критически, онъ разошелся по швамъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и это разложеніе для нѣкоторыхъ существенныхъ его сторонъ началось чуть ли не со дня его вступленія въ силу.

Бюрократизація университетовъ представлялась настолько ненавистною мѣрою—трудно подобрать иное выраженіе,—что проводившіе ее сочли необходимымъ снабдить свое преобразованіе еще другимъ, болѣе привлекательнымъ элементомъ, и уставъ 1884 года явился подъ двумя флагами: правительственной опеки и академической свободы. Застрѣльщики движенія обрушились съ такой же усердной критикой въ коммиссіи 1875 года на „крѣпостной бытъ нашихъ студентовъ, какъ и на „путаницу" профессорскаго преподаванія. „Втѣсняя всѣхъ и каждаго въ искусственныя и произвольныя рамки, факультеты препятствуютъ естественному ходу ихъ научнаго образованія и развитія дарованій, и однимъ даютъ черезчуръ много, а другимъ черезчуръ мало, и не то, что̀ каждому нужно. Нельзя всѣхъ и каждаго, въ ту пору, когда должны быть пріобрѣтаемы основы для высшаго образованія, заставлять идти однимъ и тѣмъ же путемъ и усвоивать себѣ одни и тѣ же предметы. Одни по свойствамъ своей натуры могутъ наиболѣе преуспѣть, сосредоточивая силы сначала на одной

группѣ предметовъ, потомъ на другой; другіе же, напротивъ, находятъ отдохновеніе, изучая одновременно нѣсколько разнородныхъ предметовъ"... „При несомнѣнной даровитости русскаго народа, не системѣ ли нашего университетскаго крѣпостного быта мы обязаны тѣмъ, что до сихъ поръ не пріобрѣли достаточной самостоятельности въ дѣлѣ науки?" По поводу свободной записи на профессорскіе курсы и соединеннаго съ ней гонорарнаго вознагражденія высказывались самыя смѣлыя надежды. „Плата за ученіе, въ видѣ гонорара, сразу установитъ нравственныя и вполнѣ добросовѣстныя отношенія между профессорами и студентами и поведетъ къ столь желательному сближенію между ними на почвѣ науки. Студенты, записываясь на лекціи профессора и при этомъ взнося причитающіяся именно за эти лекціи деньги, тѣмъ самымъ будутъ заявлять свою надежду наилучше у него научиться; профессоръ же естественно будетъ прилагать всѣ усилія сколь можно полнѣе оправдать возложенныя на него надежды" (Мнѣніе меньшинства въ общемъ собраніи государственнаго совѣта). Къ этому благодушному оптимизму примѣшивались, однако, замѣчанія, показывавшія, что умыселъ иной тутъ былъ. Для сторонниковъ свободы слушанія она неразрывно соединялась съ представленіемъ о поставленныхъ правительствомъ экзаменаціонныхъ требованіяхъ. „Дабы побудить профессора съ оными сообразоваться, нѣтъ иного средства, кромѣ предоставленія студентамъ свободы ученія. Преподаватели принуждены будутъ сообразоваться съ потребностями слушателей, соотвѣтствующими экзаменаціоннымъ требованіямъ". Самую безпощадную критику этихъ положеній представилъ И. Д. Деляновъ. Онъ указывалъ въ коммиссіи 1875 года, что такъ какъ студентамъ не будетъ выбора между преподавателями, то свобода выбора останется номинальной; такъ какъ придется установить обязательные учебные планы факультетовъ, то свобода слушателя останется пустымъ словомъ. Онъ шелъ дальше и раскрывалъ непримиримое противорѣчіе во взглядахъ сторонниковъ реформы. „Какъ согласить предположеніе объ удивительномъ умственномъ и нравственномъ превращеніи (въ виду предполагавшейся свободы слушанія) съ требованіями усиленія власти и надзора за столь зрѣлыми людьми? Казалось, что одно изъ двухъ: или одни платоническіе совѣты безъ инспекціи, посѣщенія квартиръ, педелей и т. д., или вся эта нравственная инспекціонная обстановка съ нѣкоторой понудительной силою въ расположеніи ученія". Такія здравыя сужденія не помѣшали этому государственному человѣку въ 1884 году проводить тѣ самыя начала, вывѣсочный характеръ

которыхъ онъ такъ прекрасно понималъ. Въ представленіи въ государственный совѣтъ свобода преподаванія и ученія фигурировала на видномъ мѣстѣ рядомъ съ усиленіемъ правительственнаго вліянія. Свобода преподаванія, допущенная въ Германіи, заключается въ томъ: 1) что каждому профессору предоставлено вести преподаваніе по своей части вполнѣ самостоятельно, безъ предписанной программы, въ томъ объемѣ и по тому методу, которые указываютъ ему собственныя его научныя убѣжденія; 2) что чтеніе лекцій по извѣстной наукѣ не составляетъ монополіи лица, занимающаго соотвѣтствующую каѳедру, а можетъ быть предпринимаемо и другими преподавателями; и 3) что профессоры не имѣютъ обязательныхъ слушателей, приписанныхъ къ ихъ курсамъ и ими изъ прочитаннаго экзаменуемыхъ". Извѣстно, насколько были осуществлены эти широкіе принципы въ нашихъ университетахъ при дѣйствіи устава 1884 года. Всѣ указанія большинства членовъ коммиссіи 1875 года и затѣмъ большинства членовъ государственнаго совѣта, возражавшихъ противъ введенія предложенныхъ мѣръ, оправдались. Въ дѣйствительности „крѣпостной бытъ" студентовъ сталъ лишь болѣе тягостнымъ и принялъ опредѣленную форму оброчныхъ отношеній. Подъ вліяніемъ частью условій, которыхъ нельзя было устранить, но слѣдовало предусмотрѣть — немногочисленности преподавательскихъ силъ и скудости преподавательскаго вознагражденія,— частью вслѣдствіе опеки, установленной министерствомъ и факультетами, сохранились и развились и монополія преподавателей, и прикрѣпленіе слушателей къ обязательнымъ курсамъ, и испытанія изъ прочитаннаго, да, въ довершеніе картины, прибавилась оброчная повинность слушателей въ пользу профессоровъ—такъ называемый гонораръ. Едва ли противники устава 1884 года съумѣли бы сами придумать болѣе злую каррикатуру на неискренность и внутреннія противорѣчія этого устава, нежели оброкъ, установленный его составителями во имя свободы преподаванія и сближенія между профессорами и студентами.

Новый уставъ ставилъ себѣ одною изъ главныхъ цѣлей подчинить преподаваніе дѣятельному и постоянному контролю правительства. Наиболѣе подходящимъ для этого средствомъ признаны были экзамены. Мысль естественная: ни департаментскіе чиновники, ни попечители и ихъ помощники не могутъ съ удобствомъ и приличіемъ слѣдить за лекціями и семинаріями профессоровъ, но представилось заманчивымъ разъ въ годъ ставить результаты профессорскаго преподаванія на судъ назначенныхъ со стороны экзаменаторовъ, обязанныхъ одинаково критически

отнестись и къ окончившимъ курсъ, и къ ихъ учителямъ. Поэтому экзаменная реформа была поставлена какъ бы во главѣ угла новой системы. Статсъ-секретарь И. Д. Деляновъ ссылался для характеристики ея значенія на слова французскаго педагога Бигѳ: „Aussi n'y a-t-il de réforme sérieuse pédagogique que celle qui porte d'abord sur la réforme des examens; vous n'aurez rien fait, tant que vous vous serez borné à réformer l'enseignement lui même".

Меньшинство государственнаго совѣта, сочувствовавшее планамъ гр. Толстого и И. Д. Делянова, такъ изображало будущія испытательныя коммиссіи. „Составъ коммиссій, начиная съ предсѣдателей до послѣдняго изъ членовъ, вполнѣ зависѣлъ бы отъ правительства. Въ противуположность уставу 1863 года, который все дѣло наблюденія за занятіями студентовъ изъялъ изъ рукъ правительства и отдалъ на волю университетскихъ коллегій, новый уставъ передавалъ бы это дѣло, отъ его начала до конца, въ руки правительства, предоставляя ему самому въ началѣ установлять испытательныя требованія и въ концѣ удостовѣряться, черезъ посредство имъ самимъ учреждаемыхъ коммиссій, въ усвоеніи студентами знаній, необходимыхъ для удовлетворенія означеннымъ требованіямъ". На этихъ соображеніяхъ была построена система испытаній окончательныхъ, такъ называемыхъ полукурсовыхъ и зачетовъ полугодій. Въ теченіе 17-лѣтняго дѣйствія устава всѣ части этой системы подверглись перерожденію и вырожденію. Полугодія стали сливаться въ года, зачеты обратились большею частью въ стѣснительную формальность, полукурсовыя испытанія преобразовались постепенно въ курсовые переходные экзамены, и министерство само санкціонировало эти измѣненія. Государственныя экзаменныя коммиссіи превратились сразу въ факультетскія, съ депутатомъ отъ министерства въ лицѣ предсѣдателя, съ случайнымъ и несправедливымъ раздѣленіемъ на членовъ коммиссіи профессоровъ и приглашаемыхъ экзаменаторовъ и, что хуже всего, съ неподходящими программными требованіями и стѣснительными правилами. Объ этомъ еще будетъ рѣчь впереди. Теперь предстояло лишь отмѣтить, какъ мало соотвѣтствовали дѣйствительныя формы предначертаніямъ составителей устава.

Кромѣ экзаменовъ, вмѣшательство министерства въ руководство преподаваніемъ должно было выражаться въ просмотрѣ учебныхъ плановъ и обозрѣній преподаванія. Въ первое время этотъ надзоръ „центральныхъ учрежденій" за дѣятельностью „мѣстныхъ" ученыхъ подавалъ поводъ къ многочисленнымъ иници-

дентамъ. Профессорамъ, пользующимся всероссійской, а иногда и европейской извѣстностью, приходилось выслушивать не только внушительныя наставленія по предмету преподаваемыхъ ими наукъ, но иной разъ даже строгія замѣчанія, въ родѣ того, что такой-то предметъ—особенно слабо поставленъ въ такомъ-то университетѣ. Но мало-по-малу рвеніе въ этомъ смыслѣ улеглось, и дѣло приняло обычный видъ общенія—исходящими и входящими бумагами... Грознѣе представлялись попытки опредѣлить содержаніе преподаванія распоряженіями относительно учебныхъ плановъ и требованіями экзаменаціонныхъ программъ. Любопытный примѣръ представлялъ распорядокъ занятій и подраздѣленій, установленный для историко-филологическаго факультета, составлявшаго предметъ особыхъ заботъ тѣхъ сотрудниковъ университетской реформы, которые видѣли въ ней продолженіе гимназической. Напомнимъ о созданной ими, недолговѣчной классической школѣ безъ классическаго отдѣленія, съ урѣзаннымъ курсомъ по „дополнительнымъ" предметамъ—по исторіи и словесности, безъ общихъ курсовъ философіи и исторіи новой философіи, которая была достойнымъ образомъ оцѣнена на страницахъ „Вѣстника Европы" при самомъ ея появленіи. Ей суждено было просуществовать только пять лѣтъ: противъ нея возстали самые испытанные по своей благонамѣренности профессора, и она уступила мѣсто выработанному при старомъ уставѣ порядку распредѣленія занятій на общихъ курсахъ и спеціальныхъ отдѣленіяхъ. Менѣе счастливымъ оказался юридическій факультетъ: на немъ до сихъ поръ держится распорядокъ каѳедръ и распредѣленіе занятій, намѣченное съ начала введенія устава и рекомендованное педагогическому міру знаменитымъ введеніемъ къ программамъ для юридическихъ испытательныхъ коммиссій, достопримѣчательнымъ по своему циническому отношенію къ наукѣ. (Ср. статью „Стараго профессора" въ „Русской Мысли" за декабрь 1899 года). Зато, именно по поводу этого факультета и раздаются наиболѣе громкія жалобы, и притомъ не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ.

Въ общемъ, какъ разъ въ той своей части, которая, по заявленію реформаторовъ 1884 года, вызывалась непосредственными практическими потребностями и вопіющими недостатками университетскаго строя, новый уставъ потерпѣлъ полное крушеніе безъ всякой формальной отмѣны, въ эпоху безспорнаго господства проведшей его партіи и безпрекословнаго исполненія ея распоряженій. Осталась въ силѣ его бюрократическая и дисци-

плинарная стороны, и неустройство ихъ даетъ себя чувствовать главнымъ образомъ въ студенческихъ безпорядкахъ, противъ которыхъ принято бороться. Но эти безпорядки все-таки безпокоятъ: они играютъ приблизительно ту роль въ педагогическомъ мірѣ, какую желѣзнодорожныя катастрофы играютъ въ министерствѣ путей сообщенія: они разрушаютъ оффиціальную фикцію, что все обстоитъ благополучно. Такъ или иначе, теперь и общество, и правительство, призваны обсуждать уставъ 1884 года во всѣхъ его частяхъ. При этомъ обсужденіи нельзя не имѣть въ виду нѣкоторыхъ предварительныхъ вопросовъ: какую цѣну имѣетъ организація, которая не выдержала пробы въ рукахъ своихъ иниціаторовъ по тѣмъ задачамъ, которыя признавались главными, практически существенными? Какого отношенія заслуживаютъ обломки этой подвергшейся саморазложенію системы и попытки подновить и распространить испробованныя ею средства?

III.

Посмотримъ, какъ поставлено въ дѣйствительности, при уставѣ 1884 года, учебное дѣло, ради котораго существуютъ университеты. При выработкѣ устава указывалось, съ удареніемъ на неудовлетворительность студенческихъ занятій, на то, что большинство студентовъ на лекціи не ходитъ, наукою не интересуется, а приготовляется кое-какъ по жалкимъ литографированнымъ запискамъ къ экзаменамъ, разсчитывая на снисходительность профессоровъ и удачу въ лотереѣ избранія билетовъ. И. Д. Деляновъ съ обычной прозорливостью отмѣтилъ, во время домашняго обсужденія этого дѣла въ коммиссіи 1875 года, значительныя преувеличенія такой характеристики, указавъ, что она мало примѣнима къ медицинскому и математическому факультетамъ, на которыхъ студенты работаютъ систематически и усердно, и особенно примѣнима лишь къ юридическому. Замѣчанія эти слѣдовало бы особенно держать въ памяти въ настоящее время, когда сплошь и рядомъ порицанія, относящіяся къ студентамъ юридическаго факультета, примѣняются ко всему университету. Какъ бы то ни было, въ оффиціальныхъ представленіяхъ и заявленіяхъ по дѣлу преобразованія министерство всецѣло поддерживало вышеупомянутую отрицательную характеристику. Бѣда въ томъ, что преобразованіе 1884 года, основанное на измѣненіи экзаменовъ и экзаменаціонныхъ программъ, нисколько не

устранило отмѣченныхъ недостатковъ. Праздныхъ студентовъ,—пробивающихся черезъ университетъ при помощи разныхъ военныхъ хитростей,—теперь не меньше, а скорѣе больше, чѣмъ при порядкѣ 1863 года,—а это доказываетъ, что мѣры противъ зла были приняты неподходящія.

Въ настоящее время учебныя занятія въ университетахъ складываются, помимо прямого дѣйствія профессоровъ на слушателей, въ зависимости отъ трехъ факторовъ: давленія министерства, заботъ факультетовъ и отношенія студентовъ. Министерство обезпечило себѣ значительное участіе въ распорядкѣ занятій установленіемъ программъ и организацiей экзаменаціонныхъ коммиссій. Факультеты заботятся о полнотѣ и послѣдовательности преподаванія, и съ этою цѣлью устанавливаютъ обязательные учебные планы; студенты реагируютъ на всѣ эти постановленія и приспособляютъ ихъ такъ или иначе къ своимъ потребностямъ. Можно сказать, что если министерству не удалось провести того плана полнаго завѣдыванія учебнымъ дѣломъ черезъ посредство экзаменныхъ коммиссій, о которомъ мечтали инициаторы устава 1884 года, если ему пришлось въ значительной степени сдѣлать уступки мѣстнымъ особенностямъ и самостоятельности факультетовъ,—то, съ другой стороны, и факультеты никогда не въ состояніи дѣйствительно овладѣть ходомъ учебныхъ занятій студентовъ при помощи учебныхъ плановъ и обязательныхъ указаній: студенты обезвреживаютъ возложенныя на нихъ тяжелыя требованія, освобождая себя фактически отъ посѣщенія значительной части указанныхъ имъ занятій. Въ предѣлахъ обширныхъ обязательныхъ плановъ они по разнымъ соображеніямъ выкраиваютъ себѣ свои собственные учебные планы и выдерживаютъ или не выдерживаютъ ихъ, смотря по интересамъ и характеру. Слишкомъ часто выдерживаютъ плохо, но, помимо лѣни, въ данномъ случаѣ несомнѣнно сказывается ненормальность порядка, вытекающаго изъ нагроможденія неисполнимыхъ требованій и просѣиванія этихъ требованій самою „жизнью“. Неуваженіе къ распоряженіямъ сверху и фикціи всякаго рода играютъ при этомъ слишкомъ большую роль. Своеобразное взаимодѣйствіе между дѣйствіями властей и дѣйствіями студентовъ заслуживаетъ внимательной оцѣнки.

Начнемъ съ централизирующаго вліянія министерства. Руководящая мысль составителей устава 1884 года въ этомъ отношеніи заключалась въ томъ, что министерство, которое ограничивается проведеніемъ общихъ правилъ, надзоромъ, случайными ревизіями и вмѣшательствомъ по отдѣльнымъ случаямъ, устра-

няется отъ главнаго завѣдыванія учебнымъ дѣломъ. Чтобы осуществлять это завѣдываніе, оно должно вмѣшаться въ научную область и „властно“ установить цѣли, объемъ и характеръ окончательныхъ требованій къ различнымъ научнымъ предметамъ, а затѣмъ проводить эти требованія, отдѣливъ окончательные экзамены отъ текущаго преподаванія и поручивъ ихъ не факультетскимъ, а особымъ „государственнымъ“ коммиссіямъ. Главныя черты плана были резюмированы въ государственномъ совѣтѣ слѣдующимъ образомъ:

„Мѣра, предложенная министромъ народнаго просвѣщенія, изобрѣтаетъ сообразное природѣ злоцѣленіе, а именно:

„1) Она предполагаетъ установленіе, отъ имени правительства, общихъ для всѣхъ университетовъ и вполнѣ опредѣленныхъ экзаменаціонныхъ требованій, для удовлетворенія коимъ студентъ долженъ ознакомиться съ главными основаніями изучаемой имъ науки, въ ея цѣлости. Требованія сіи, публикуемыя во всеобщее извѣстіе, студентъ зналъ бы еще прежде своего вступленія въ университетъ и, вслѣдствіе того, съ перваго дня своей университетской жизни, имѣлъ бы передъ своими глазами весь объемъ предстоящаго ему труда. Въ этихъ экзаменаціонныхъ требованіяхъ содержался бы крайній предѣлъ того, что̀ правительство признаетъ за благо требовать отъ лица, ищущаго сопряженныхъ съ университетскимъ образованіемъ преимуществъ, и за пріобрѣтеніемъ имъ этого низшаго предѣла знаній установлено было бы обязательное и отвѣтственное наблюденіе факультетовъ, которые, въ свою очередь, стояли бы, въ этомъ отношеніи, подъ постояннымъ наблюденіемъ попечителя округа и министерства народнаго просвѣщенія.

„2) Коль скоро правительство опредѣлило бы само, чему студенты должны выучиться во время пребыванія своего въ университетѣ и, чрезъ назначаемыя имъ испытательныя коммиссіи, ежегодно провѣряло бы результаты всего ихъ ученія, этимъ самымъ оно и профессоровъ поставило бы въ необходимость заняться какъ слѣдуетъ обученіемъ молодыхъ людей и устранило бы всѣ тѣ неправильности, коими страдало у насъ при дѣйствіи устава 1863 года университетское преподаваніе.

„При этомъ измѣнились бы и столь неудовлетворительныя взаимныя отношенія между профессорами и студентами. Переставъ быть рѣшителемъ судьбы студента, профессоръ обратился бы въ доброжелательнаго руководителя студента на пути къ его цѣли; съ своей стороны, студентъ, чувствуя постоянную въ профессорѣ нужду, естественно сталъ бы дорожить его указаніями

и лекціями, которыя при прежнемъ порядкѣ столь неисправно посѣщались и никѣмъ не записывались, за исключеніемъ одного или двоихъ, принявшихъ на себя ихъ составленіе и литографированіе, для распространенія потомъ между товарищами.

„3) Испытаніе производилось бы не изъ случайно избранныхъ отрывковъ науки, а изъ цѣлаго ея объема, въ главныхъ и крупныхъ линіяхъ предмета, обозначенныхъ въ экзаменаціонныхъ требованіяхъ“.

Самыя вѣскія возраженія были, по обыкновенію, представлены лицомъ, которое взяло на себя главную отвѣтственность за проведеніе новаго устава. И. Д. Деляновъ замѣтилъ между прочимъ, что девять-десятыхъ студентовъ ищутъ въ университетѣ единственно достиженія практическихъ цѣлей, и ихъ еще болѣе „духовно изсушатъ“ заранѣе извѣстныя экзаменныя требованія. „Хотя онъ и раздѣляетъ мнѣніе о необходимости опредѣленныхъ экзаменныхъ требованій, но не можетъ скрыть отъ своей совѣсти, что эта напередъ, еще па гимназической скамьѣ, извѣстность всего, что̀ потребуется на университетскомъ выпускномъ экзаменѣ, въ нашъ вѣкъ акцій и облигацій, будетъ съ своей стороны способствовать уменьшенію идеальныхъ стремленій въ наукѣ и жизни“. Большинство членовъ коммиссіи 1875 года, съ С. М. Соловьевымъ и Кремлевымъ во главѣ, указывало на другіе недостатки указанной системы, которые дѣйствительно и обнаружились со всею силою при введеніи ея въ дѣйствіе. Основныя точки зрѣнія были при этомъ выражены съ такой силою и достоинствомъ, что и теперь, при пересмотрѣ вопроса, нельзя не возвратиться къ этимъ доводамъ.

Большинство восходило въ своемъ сужденіи къ назначенію университетовъ въ отличіе ихъ отъ спеціальныхъ школъ. „Въ университетское преподаваніе необходимо и существенно входитъ духъ научнаго изслѣдованія,—оно неразрывно связано съ самой разработкой науки, чего нѣтъ въ школьномъ преподаваніи, которое направляется лишь къ сообщенію знанія, къ рѣшительной цѣли. Разсуждаютъ такъ: для государственной службы нужны учителя, юристы, медики,—приготовленіе молодыхъ людей для этихъ профессій составляетъ задачу университета, какъ учрежденія государственнаго, слѣдовательно университетское преподаваніе и экзамены должны быть принаровлены къ этой цѣли. Отсюда выводъ, что на экзаменахъ должно требовать только такихъ знаній, какія нужны для начинающаго государственную службу по той или другой отрасли ея, а университетское преподаваніе должно быть принаровлено къ этимъ экзаменнымъ требованіямъ,—

значитъ, съ степени научнаго должна быть сведена на степень профессіональнаго преподаванія, механической выучки для опредѣленной, утилитарной цѣли. И это, говорятъ, должно совершаться во имя прогресса, это низведеніе университетскаго преподаванія съ его высоты, это освобожденіе университета отъ науки, отъ обязательной для нихъ, а не дозволительной только службы наукѣ, именуется отмѣною крѣпостного быта университета".

Образованіе особыхъ „государственныхъ" коммиссій для производства окончательныхъ испытаній заключало въ себѣ униженіе университета еще и въ другомъ смыслѣ. Соловьевъ и его товарищи разсѣяли поверхностное сближеніе съ германскимъ порядкомъ, при помощи котораго сторонники новаго устава старались прикрыть свои начинанія авторитетомъ высокой нѣмецкой культуры. Они доказали, что коммиссіонные экзамены не будутъ штаатсъ-экзаменами ни въ нѣмецкомъ смыслѣ,—такъ какъ въ Германіи существуетъ свобода преподаванія, и съ прохожденіемъ университетскаго курса не связаны никакіе экзамены,—ни въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ практикуются у насъ испытанія при поступленіи на службу, напримѣръ на службу дипломатическую. „Штаатсъ-экзамены не унижаютъ университета, ибо штаатсъ-экзаменъ есть экзаменъ на должность... Испытуемому говорятъ: вы, можетъ быть, знаете очень много, но мы желаемъ увѣриться, знаете ли вы именно то, что̀ намъ нужно. Но совершенно отдѣльная коммиссія, безъ значенія штаатсъ-экзамена, а прямо для испытанія кончившаго курсъ въ университетѣ, прямо, слѣдовательно, для провѣрки его познаній, здѣсь пріобрѣтенныхъ, унижаетъ университетъ, отнимаетъ у него право, котораго не отнимаютъ ни у какой казенной школы". Дѣйствительность въ нѣкоторомъ смыслѣ даже превзошла опасенія, такъ какъ въ 1875 году еще предполагали, что коммиссіонные экзамены будутъ введены дѣйствительно въ связи съ свободой слушанія, что̀ придавало бы имъ извѣстный смыслъ съ точки зрѣнія огражденія государства отъ дурныхъ послѣдствій произвольныхъ комбинацій, подсказанныхъ интересами отдѣльныхъ слушателей. Но на дѣлѣ получилось совершенно своеобразное соединеніе обязательнаго слушанія съ отдѣленнымъ отъ преподаванія экзаменомъ. При этомъ истинный смыслъ мѣры—выраженіе недовѣрія преподавателямъ, хотя бы подъ условіемъ униженія университета—раскрывался ясно. Но въ такомъ случаѣ оставалось замѣтить вмѣстѣ съ большинствомъ государственнаго совѣта: „Нельзя не обратить вниманія на ту необъяснимую двойственность воззрѣній, которую

обнаружило бы правительство, оказывая профессору величайшее довѣріе разрѣшеніемъ самостоятельно преподавать науку цѣлымъ поколѣніямъ и тѣмъ самымъ вліять на умственное ихъ развитіе, и въ то же время не довѣряя ему экзаменовать, т.-е. контролировать результатъ своего преподаванія".

Двѣнадцатилѣтняя практика государственныхъ коммиссій вполнѣ оправдала всѣ указанныя опасенія и, кромѣ того, раскрыла недостатки, которые при обсужденіи новаго устава не предусматривались или предусматривались не въ достаточной степени. Было уже достаточно говорено о томъ, что по цѣлому ряду пунктовъ предположенную систему не удалось осуществить, такъ что нынѣ дѣйствующій порядокъ представляетъ не обдуманное и законченное цѣлое, а неорганическій компромиссъ. Но въ другихъ отношеніяхъ система коммиссіонныхъ испытаній несомнѣнно оказываетъ вліяніе на занятія,—едва ли только—благопріятное. Вліяніе это сводится, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ условіямъ:

1) выработанныя министерствомъ однообразныя программы обезличиваютъ преподаваніе;

2) стремленіе вмѣстить въ программу предметъ въ полномъ его объемѣ вліяетъ на выработку элементарныхъ и поверхностныхъ курсовъ;

3) накопленіе матеріала на окончательныхъ испытаніяхъ обращаетъ ихъ въ пробу памяти;

4) отдѣленіе экзаменаціонной процедуры отъ текущаго преподаванія усиливаетъ всѣ неизбѣжныя неудобства экзаменаціонной оцѣнки познаній и умѣній и уменьшаетъ значеніе реальной подготовки;

5) исключительная важность коммиссіонныхъ экзаменовъ для пріобрѣтенія правъ разстраиваетъ ходъ учебныхъ занятій высшихъ курсовъ, сосредоточивая вниманіе студентовъ на приготовленіи къ приближающемуся искусу.

Каждое изъ этихъ наблюденій требуетъ нѣсколько болѣе обстоятельнаго обсужденія.

Въ исторіи выработки устава одною изъ самыхъ поразительныхъ чертъ является невозмутимость, съ которой его виновники одновременно ратовали *противъ* принудительной школьной системы нашихъ университетскихъ занятій и *за* принудительное однообразіе программъ окончательнаго испытанія, которыя должны дать тонъ всему преподаванію. Какимъ-то фокусомъ разнообразіе и свобода обращались въ принудительность и шаблонъ; то, что̀ считалось безусловно вреднымъ, когда исходило отъ факультетовъ

и университетовъ, становилось панацеей, когда исходило отъ министерства и его ученаго комитета. При этомъ не принималось во вниманіе ни разнородность мѣстныхъ условій и силъ, ни личные взгляды преподавателей, ни движеніе наукъ, ни трудность формулировать въ короткой программѣ научныя требованія, ни странность роли профессора профессоровъ, которую принимало на себя министерство. Тяготѣніе бюрократіи къ централизаціи было слишкомъ велико, и русская университетская наука получила опредѣленныя указанія изъ подлежащихъ канцелярій.

По вопросу о необходимости требовать на окончательныхъ экзаменахъ знанія предметовъ „въ ихъ полномъ объемѣ" какъ-то мало было разногласій между защитниками новаго устава и противниками его. Между тѣмъ представленіе, что можно и слѣдуетъ стремиться къ изложенію наукъ въ полномъ объемѣ, отзывается нѣкоторою наивностью. Дѣло, очевидно, сведется на практикѣ къ весьма поверхностнымъ обзорамъ, такъ какъ для научной постановки такихъ курсовъ потребовалось бы время, которымъ ни одинъ преподаватель не располагаетъ, и способности усвоенія, которыми не располагаетъ ни одинъ студентъ. Всеобъемлющія требованія программъ приводили поэтому въ дѣйствительности къ различнымъ, болѣе или менѣе нежелательнымъ исходамъ. Одни профессора стремятся къ рекомендованной энциклопедичности и разжижаютъ для этой цѣли свои курсы до такой степени, что они теряютъ университетскій характеръ. Другіе сосредоточиваютъ чтенія на извѣстныхъ отдѣлахъ, избранныхъ по степени ихъ важности или типичности, опуская остальные, или касаются ихъ лишь слегка; въ такомъ случаѣ приходится устраивать разныя фикціи на окончательномъ экзаменѣ. Третьи, наконецъ, предоставляютъ студентамъ приготовляться не по курсамъ, а по сокращеннымъ учебникамъ, и въ этомъ случаѣ окончательный экзаменъ не имѣетъ никакого значенія „окончательности", а лишь отвлекаетъ отъ университетскихъ занятій. Помимо всего сказаннаго, возникаетъ вопросъ, тѣсно связанный съ уже разсмотрѣннымъ первымъ: какое есть разумное основаніе понуждать всѣхъ и каждаго профессора читать общіе и даже всеобъемлющіе курсы, когда многіе и вполнѣ достойные профессора, ни по взглядамъ, ни по способностямъ, не считаютъ эти курсы для себя подходящими? Какъ смотрѣть, напримѣръ, съ точки зрѣнія положеній, получившихъ оффиціальное признаніе, на курсы покойнаго извѣстнѣйшаго знатока византійской исторіи въ Россіи, который всегда и по принципу читалъ такъ назы-

ваемые спеціальные курсы? [1]) Повторяю,—извѣстное смягченіе требованій было внесено жизнью, но зачѣмъ ставить требованія, которыя придется обходить?

Особенно вопіющимъ зломъ современныхъ окончательныхъ испытаній является подавляющая масса матеріала, по которому предстоитъ дать отчетъ передъ экзаменаторами. Правила составлялись съ видимою боязнью пропустить хоть какую-нибудь часть важнѣйшихъ предметовъ,—какъ будто такимъ пропускомъ будетъ опредѣлено, что испытуемый никогда къ соотвѣтствующей части науки не обратится, или—что она получитъ въ университетѣ нежелательную съ точки зрѣнія правительства постановку. Въ результатѣ, этотъ *окончательный* экзаменъ, это испытаніе взрослыхъ людей въ усвоеніи ими высшаго образованія обращается въ самую ребяческую передачу затверженныхъ уроковъ, въ пробу памяти и нервовъ, несказанно мучительную для экзаменующихся, но тяжелую и для экзаменаторовъ. Какъ оцѣнивать подобныя познанія? Какъ опредѣлить уровень физическихъ требованій, которыя могутъ быть предъявлены различнымъ паціентамъ? Какъ отличить недоборы перегруженной памяти и разстроенной нервной системы отъ дѣйствительнаго незнанія? Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ окончательное испытаніе въ государственной коммиссіи поставлено несравненно хуже, чѣмъ были поставлены тѣ дѣйствительно довольно жалкіе курсовые экзамены, надъ которыми иронизировали составители новаго устава, какъ надъ испытаніями памяти, какъ надъ провѣркой затверженныхъ чужихъ словъ.

Основное начало современныхъ окончательныхъ испытаній—отдѣленіе ихъ отъ текущаго преподаванія—не выдерживаетъ критики съ педагогической точки зрѣнія и порождаетъ множество затрудненій. Уже въ коммиссіи 1875 года была установлена большинствомъ правильная точка зрѣнія на этотъ предметъ. „Высшая правительственная коммиссія 1874 года, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, обсуждая недостатки организаціи учебныхъ заведеній, въ пунктѣ 1-мъ своихъ соображеній указываетъ на необходимость упрочить органическую связь между учащими и учащимися; въ пунктѣ 5-мъ въ ряду способовъ вліянія преподавателей на учащихся ставитъ оцѣнку преподавателями умственнаго развитія учащихся; въ пунктахъ 6-мъ и 7-мъ не одобряетъ стремленія учащихся къ утилитарнымъ цѣлямъ, когда работы

---

[1]) См. статью И. М. Гревса о В. Г. Васильевскомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1899 г.

учащихся направлены не столько къ самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ, сколько къ выдержанію экзамена для практическихъ цѣлей, такъ что экзаменъ становился для учащихся вопросомъ первой важности". Между тѣмъ какъ разъ въ коммиссіи Валуева гр. Д. А. Толстой провелъ положеніе о необходимости отдѣленія окончательныхъ испытаній отъ текущаго преподаванія. Это отдѣленіе совершилось, какъ мы знаемъ, не вполнѣ, потому что экзаменуютъ все-таки профессора и экзаменуютъ въ значительной степени по своимъ курсамъ, но оно совершилось въ томъ смыслѣ, что обзоръ элементарныхъ свѣдѣній по предметамъ выдвинулся безусловно на первый планъ и своей количественной тяжестью задавилъ все остальное, всю самостоятельную работу, которую ведутъ студенты въ университетѣ. Единственный сколько-нибудь реальный остатокъ этой работы, подлежащій оцѣнкѣ коммиссіи, это—сочиненіе. Затѣмъ все идутъ отвѣты устные и письменные,—отвѣты по затверженному матеріалу. Какое понятіе можетъ дать такое испытаніе о навыкѣ къ работѣ, о знакомствѣ съ методами и умѣньѣ пользоваться ими?! А между тѣмъ, самостоятельное чтеніе и исполненіе практическихъ работъ признавались существенными средствами обученія самими иниціаторами новыхъ экзаменныхъ порядковъ, вводились въ курсы университетовъ задолго до преобразованія 1884 года, и съ каждымъ годомъ развиваются въ университетской практикѣ. Когда же дѣло доходитъ до окончательнаго испытанія, все это приходится отбросить въ сторону и свести дѣло на механическое выспрашиваніе по „однородной" программѣ. Сторонній предсѣдатель коммиссіи не имѣетъ понятія объ этихъ самостоятельныхъ занятіяхъ и не имѣетъ времени въ четыре-пять недѣль пересмотрѣть и оцѣнить рефераты и семинарскія работы, если таковые представлены. Члены коммиссіи, надо надѣяться, имѣли время и возможность познакомиться съ испытуемыми и сблизиться съ ними, но оцѣнку свою они принуждены давать на основаніи совершенно другихъ данныхъ,—которыя далеко не всегда приводятъ къ одинаковымъ результатамъ съ указаніями, почерпнутыми изъ близкаго будничнаго знакомства съ студентами. Всякій профессоръ изъ своей практики приведетъ множество случаевъ, когда лучшіе студенты оказываются мало способными держать окончательныя испытанія съ ихъ калейдоскопомъ отвѣтовъ по самымъ различнымъ частямъ университетскаго курса. Бываетъ и обратно: безпристрастный членъ экзаменаціонной коммиссіи, скрѣпя сердце, принужденъ писать: „весьма удовлетворительно" и присуждать дипломъ первой степени молодымъ людямъ, про которыхъ онъ, какъ профессоръ,

отлично знаетъ, что они ничѣмъ толкомъ не занимались и не интересовались, а „приналегли“ къ экзамену и съ успѣхомъ отрапортовали по билетамъ „однородной програмы“. Оговорки экзаменныхъ требованій относительно оцѣнки спеціальныхъ работъ студентовъ не вносятъ дѣйствительной поправки въ это зло, потому что спеціальныя или, лучше сказать, самостоятельныя занятія нельзя оцѣнить въ полчаса и у экзаменнаго стола: цѣна имъ обнаруживается въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ въ теченіе самаго хода этихъ занятій. Итакъ, отдѣленіе окончательнаго испытанія отъ текущаго преподаванія осуждаетъ себя по самой своей постановкѣ и во всякомъ случаѣ стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ желаніемъ поднять интенсивность и значеніе самостоятельныхъ занятій студентовъ.

Защищая планъ государственныхъ экзаменаціонныхъ коммиссій, меньшинство государственнаго совѣта, между прочимъ, сильно ставило въ упрекъ существовавшимъ по уставу 1863 года переходнымъ испытаніямъ значительную потерю времени. „На такого рода испытанія университеты тратили полтора и два мѣсяца драгоцѣннаго времени, которое отнималось у преподаванія. Особенно страдало отъ этого второе полугодіе, которое сокращалось, при такихъ порядкахъ, до трехъ мѣсяцевъ, не говоря уже о томъ, что съ приближеніемъ времени испытаній студенты переставали посѣщать лекціи и принимались за изученіе готовыхъ литографическихъ записокъ“. Mutato nomine, de te fabula narratur: можно подумать, что дѣло идетъ именно о теперешнемъ порядкѣ.

Трудно даже приблизительно подсчитать количество времени, которое непроизводительно отнимается у преподаванія въ настоящее время. Переходные экзамены возстановлены въ прежней силѣ и съ прежними вычетами изъ курса, за единственнымъ исключеніемъ третьяго года, а грозная тѣнь окончательныхъ испытаній падаетъ на весь четвертый годъ и мѣшаетъ занятіямъ въ то время, когда они могли бы быть особенно производительны.

Обратимся теперь къ дѣятельности факультетовъ. Проводя новый уставъ, министерство призвало ихъ къ особенному контролю за полнотою и послѣдовательностью преподаванія, и, благодаря этому контролю, подъ покровомъ оффиціальныхъ требованій и отдѣленныхъ коммиссій, въ значительной степени сохранилась система обязательныхъ учебныхъ плановъ, которую въ пухъ и прахъ разносили ревизоры 1875 года. Студентамъ по прежнему указывается

въ подробностяхъ, какими предметами они должны заниматься, какихъ профессоровъ слушать; для провѣрки этихъ занятій существуютъ экзамены и зачеты; переходъ съ одного семестра на другой, съ одного курса на другой, совершается въ силу дѣйствительныхъ или номинальныхъ испытаній и разрѣшеній факультета. Однимъ словомъ, студенты поставлены по отношенію къ своимъ занятіямъ подъ полную опеку факультетовъ. Не будемъ пока высказываться о принципіальной пользѣ или о принципіальномъ вредѣ такой системы. Укажемъ только на ея очевидные недостатки и преувеличенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что наши факультеты примѣняютъ ее съ избыткомъ рвенія. При выработкѣ учебныхъ плановъ они впадаютъ постоянно въ однѣ и тѣ же ошибки, неизмѣнное повтореніе которыхъ доказываетъ, что онѣ вытекаютъ изъ положенія. Факультетскіе планы всегда имѣютъ характеръ указателей къ обширнымъ энциклопедіямъ по тому или другому разряду наукъ. Всѣ важнѣйшіе предметы представлены хоть понемногу—всѣ вѣдь имѣютъ научную важность, между всѣми есть внутренняя связь. Факультетскія засѣданія для опредѣленія распорядка занятій носятъ своеобразный характеръ—точно собираются въ дальній путь и набиваютъ чемоданы всѣмъ, что̀ когда-нибудь, при какомъ-нибудь случаѣ можетъ понадобиться. Молодому словеснику конечно надо слушать исторію, русскую и всеобщую, и исторію литературы, русской и всеобщей. Но для студента-филолога обязательно значительное знакомство съ древними языками. Пусть же онъ занимается древними языками. Необходимо серьезное философское образованіе—назначить имъ столько-то часовъ философіи и исторіи философіи. Въ методологическомъ отношеніи важно всѣмъ познакомиться съ самой научной изъ наукъ этого разряда—съ сравнительнымъ языкознаніемъ. Но неприлично было бы русскому филологу остаться незнакомымъ съ славянскимъ міромъ: пусть послушаетъ славянскую грамматику и славяновѣдѣніе... Кромѣ естественной защиты каждымъ профессоромъ правъ своего предмета, играютъ роль и другія соображенія. Какой-нибудь почтенный, заслуженный профессоръ хорошо помнитъ, какое благодѣтельное вліяніе на его развитіе имѣли занятія тѣмъ или другимъ изъ родственныхъ предметовъ, посѣщеніе лекцій того или другого знаменитаго въ исторіи русскихъ университетовъ преподавателя. Это будетъ вѣскимъ аргументомъ для того, чтобы включить соотвѣтственную науку въ число обязательныхъ. И въ результатѣ получится учебный планъ, какой дай Богъ одолѣть лѣтъ въ восемь, если равномѣрно и добросовѣстно слѣдовать всѣмъ его указаніямъ. Все въ немъ предусмо-

трѣно, кромѣ того, что голова студента имѣетъ предѣлы вмѣстимости. Объективныя, всестороннія связи между науками не даютъ еще правъ каждому отдѣльному субъекту рекомендовать изученіе всѣхъ наукъ, между которыми есть связи. И слѣдовало бы начинать съ обратнаго положенія, что въ обширныхъ рамкахъ четырехъ факультетовъ возможны и необходимы многочисленныя комбинаціи предметовъ, соразмѣренныя съ интересами и силами учащихся. Существованіе отдѣленій на нѣкоторыхъ факультетахъ вызвано этой потребностью, но уступки, которыя дѣлаются въ данномъ случаѣ требованіямъ раздѣленія труда, весьма недостаточны. Факультеты въ своей сферѣ, такъ же, какъ и министерство съ программами окончательныхъ испытаній, противорѣчатъ извѣстному требованію: non multa, sed multum. Объ одномъ результатѣ, однако, постоянно говорятъ и на факультетахъ, и въ министерствѣ, и въ обществѣ, но говорятъ какъ о фактѣ самостоятельномъ, не имѣющимъ никакой прямой связи съ формами министерской и факультетской опеки: это—о нехожденіи студентовъ на лекціи. Явленіе это объясняется обыкновенно студенческой лѣнью, но помимо нея и помимо недостатковъ отдѣльныхъ курсовъ, которые отгоняютъ отъ нихъ слушателей, оказывается своего рода реакція самосохраненія со стороны студентовъ на факультетскія требованія. Едва ли будетъ ошибкой сказать, что ни одинъ отличный студентъ не слѣдуетъ вполнѣ факультетскому плану. Всѣ держатъ экзамены, но каждый выполняетъ, насколько возможно, свой собственный планъ, не имѣя въ виду выражать этимъ неуваженіе профессорамъ и предметамъ, которыхъ онъ не слушаетъ, а для того, чтобы сосредоточить свои занятія на томъ, что̀ ему подъ силу и по склонности.

IV.

Выяснивъ по мѣрѣ возможности недостатки дѣйствующей въ силу устава 1884 года системы, мы можемъ сознательно отнестись къ мѣрамъ, предлагаемымъ для ея исправленія. Представляются, повидимому, три возможныхъ выхода изъ затрудненій: ввести дѣйствительную, а не номинальную свободу слушанія; ввести дѣйствительную, а не фактическую систему школьнаго принужденія; улучшить исторически сложившуюся въ русскихъ университетахъ систему факультетскаго руководства.

Противъ заманчивой мысли реорганизовать университеты по нѣмецкому образцу, на началѣ полной свободы преподаванія—го-

воритъ многое. Въ коммиссіи 1875 г. и въ государственномъ совѣтѣ въ 1884 г. ее безусловно осуждали защитники университетской автономіи.

Указывалось на то, что мы не готовы для нея ни по составу преподавателей, ни по составу слушателей. Для того, чтобы дѣйствительно провести свободный выборъ между преподавателями, необходимо имѣть возможность, по крайней мѣрѣ, дублировать преподаваніе всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ. Располагаемъ ли мы такимъ запасомъ ученыхъ, хотя бы даже между приватъ-доцентами, не говоря уже о профессорахъ, чтобы устроить между ними дѣйствительную конкурренцію? Въ Германіи конкурренція эта существуетъ не только въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго университета, но и между самыми университетами. Если въ какомъ-нибудь Вюрцбургѣ или Роштокѣ нѣтъ средствъ, чтобы дать слушателямъ хорошихъ руководителей по всѣмъ спеціальностямъ, то слушатели, не получающіе удовлетворенія своимъ потребностямъ, уйдутъ въ Мюнхенъ или Гёттингенъ. Слава Германіи—въ томъ, что и Вюрцбургъ имѣлъ Либиха и Рентгена. У насъ конкурренція еще въ такомъ жалкомъ, зачаточномъ состояніи, что примѣняется даже удивительный порядокъ прикрѣпленія къ округамъ, и введенъ этотъ порядокъ министерствомъ, поддерживавшимъ уставъ 1884 года, при составленіи котораго столько было толковъ о свободной конкурренціи.

По поводу неподготовленности нашихъ студентовъ къ проведенію полной свободы слушанія защитники устава 1863 года высказывались очень энергично. „Какъ показываетъ практика кіевскаго университета,—гдѣ въ прежнее время отчасти практиковалась свобода слушанія,—студенты наши склонны проводить первые годы безъ всякихъ систематическихъ занятій, а подъ конецъ дѣлаются усилія наверстывать потерянное время выслушиваніемъ громаднаго числа лекцій"... „Свобода слушанія, при нравахъ нашей учащейся молодежи, способна повести лишь къ полной дезорганизаціи и безъ того слабыхъ силъ и средствъ большинства нашихъ университетовъ".

И. Д. Деляновъ, не сочувствовавшій свободѣ слушанія, хотя и пользовавшійся ея призракомъ въ своихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ, указывалъ на любопытное психологическое объясненіе несовмѣстимыхъ съ свободою свойствъ нашихъ студентовъ. На первомъ мѣстѣ онъ ставилъ „лѣнь, прирожденную человѣку, и въ особенности молодому, вышедшему изъ-подъ гимназической или семинарской ферулы". Нѣтъ надобности возводить лѣнь или склонность разбрасываться въ народно-психологическія черты

русскихъ студентовъ. Не мало могутъ разсказать о тѣхъ же свойствахъ знатоки нѣмецкой университетской молодежи: тамъ тоже большинство студентовъ тратитъ первые семестры довольно безполезно, а многіе специализируются въ студенческіе годы не на изученіи наукъ, а на поглощеніи пива и на корпораціонныхъ экскурсіяхъ. Но въ Германіи относятся философски къ этимъ неизбѣжнымъ явленіямъ въ жизни молодежи, въ увѣренности, что радикальныхъ педагогическихъ средствъ противъ нихъ нѣтъ, а жизненная борьба исправитъ кого нужно. У насъ эти явленія, конечно, выразились бы гораздо сильнѣе и оказали бы болѣе вредное вліяніе; общество само еще такъ неустроено, что нуждается скорѣе въ благодѣтельномъ воздѣйствіи со стороны университета, чѣмъ способно оказать на него такое воздѣйствіе; идейныя противоположности рѣзче, смута въ умахъ и отношеніяхъ слишкомъ велика, темпераменты нервнѣе. Было бы плохой услугой нашей молодежи оставить ее совершенно безъ указаній во время прохожденія университетскаго курса.

Къ этому присоединяется и другой рядъ соображеній, выяснившійся съ особенной силой за послѣднее время: свобода слушанія въ университетѣ обратитъ нашихъ студентовъ въ вольныхъ слушателей. Между теперешнимъ предоставленіемъ оканчивающимъ курсъ въ университетѣ служебныхъ профессіональныхъ правъ и опредѣленнымъ руководствомъ и контролемъ надъ ихъ занятіями—существуетъ неразрывная связь. Нельзя требовать отъ государства, чтобы оно предоставляло права и преимущества лицамъ, которыя занимались чѣмъ хотѣли и какъ хотѣли. Оттого полная свобода слушанія можетъ совмѣщаться, съ государственной точки зрѣнія, лишь съ совершенно независимыми отъ прохожденія курса государственными экзаменами. Оттого система коммиссіонныхъ экзаменовъ проводилась у насъ подъ флагомъ свободы слушанія. Положимъ—флагъ защищалъ въ данномъ случаѣ контрабанду; но чѣмъ искреннѣе и полнѣе будетъ осуществляться свобода слушанія, тѣмъ сильнѣе обособятся требованія государства и тѣмъ неизбѣжнѣе станетъ отдѣленіе всякаго рода правъ и преимуществъ отъ прохожденія университетскаго курса.

Мы уже столько посвятили мѣста доказательству, что порядокъ отдѣленныхъ государственныхъ испытаній вреденъ, что считаемъ лишнимъ возвращаться къ этой сторонѣ дѣла. Но вопросъ можетъ быть освѣщенъ и съ другой стороны. Что̀ бы ни говорили враги университетовъ, не подлежитъ сомнѣнію ни для кого изъ безпристрастныхъ наблюдателей, что наши университеты имѣютъ за собою великую и, можетъ быть, главную заслугу—

насажденіе въ правящихъ кругахъ нашего общества высшаго образованія. Эта заслуга крупнѣе всѣхъ тѣхъ значительныхъ результатовъ, которыхъ они достигли въ служеніи наукѣ и въ распространеніи профессіональныхъ свѣдѣній. Это великое историческое дѣло на пустынной и загроможденной препятствіями почвѣ связано именно съ ихъ историческимъ складомъ, съ почетнымъ мѣстомъ, которое было предоставлено ихъ воспитанникамъ въ государственной дѣятельности и профессіяхъ, связанныхъ съ функціями государства. Эти права и преимущества университетскаго курса сформировались потому, что Россія нуждается для пополненія своего государственнаго персонала не только въ людяхъ, обладающихъ опредѣленными знаніями или выдержавшихъ тотъ или другой экзаменъ, но прежде всего въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, съ культурнымъ достояніемъ, которое было бы не ниже того, какое получаютъ руководящіе люди на Западѣ. Пріобрѣтеніемъ этихъ правъ университеты не принижаютъ своихъ стремленій до ступеней табели о рангахъ, но возвышаютъ культурное значеніе государственной службы и либеральныхъ профессій. Отнятіе этихъ правъ было бы равносильно покровительству стремленіямъ, которыя ничего общаго ни съ высшимъ образованіемъ, ни съ свободой знанія не имѣютъ. Не мудрено, что за отнятіе правъ поднимаются голоса людей, не расположенныхъ къ университету и его воспитанникамъ. И было бы очень наивно со стороны убѣжденныхъ сторонниковъ университетовъ увлечься словами: „свобода слушанія“, „разрывъ съ практическими стремленіями“—и сдать заслуженную университетами позицію ихъ врагамъ.

Въ связи съ агитаціей въ пользу отнятія правъ университетскихъ воспитанниковъ стоитъ характерное предположеніе отбирать въ университетъ только тѣхъ, кто интересуется наукой, а остальныхъ, ищущихъ практической дѣятельности и правъ, направлять экзаменоваться въ государственныхъ коммиссіяхъ, допуская ихъ слушать лекціи, сколько они хотятъ и какъ хотятъ, въ качествѣ вольныхъ слушателей. За эти проекты надо быть глубоко благодарными ихъ составителямъ, потому что они приводятъ всю заманчивую проповѣдь свободы слушанія и государственныхъ экзаменовъ къ ея конечнымъ послѣдствіямъ и—къ чему-то нелѣпому... Вмѣсто университетовъ получаются какія-то ученыя семинаріи для приготовленія „людей чистой науки“, вполнѣ равнодушныхъ къ практической жизни и дѣятельности. Вмѣсто студентовъ—не только „отдѣльные“, но и „временные“ посѣтители университетскихъ аудиторій, могущіе быть удалены изъ нихъ безъ вся-

кихъ осложненій при первомъ недоразумѣніи или неудовольствіи. Вмѣсто совмѣстной работы профессоровъ со слушателями—испытательныя коммиссіи, которыя будутъ фабриковать дипломы и отказывать въ нихъ, въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, какъ проводитъ время испытуемый до появленія передъ экзаменнымъ столомъ, и какими путями пріобрѣлъ умѣнье отвѣчать на вопросы программы. Я думаю, что многіе даже изъ тѣхъ, кто не совсѣмъ доволенъ традиціонными порядками русскихъ университетовъ, присмотрѣвшись къ этой картинѣ, предпочтутъ продолжать занятія съ молодыми людьми, ищущими, между прочимъ, и правъ въ практической жизни. Ихъ, быть можетъ, утѣшитъ соображеніе, что и практическая жизнь нуждается не въ однихъ людяхъ, упразднившихъ въ себѣ всякіе помыслы о высшемъ образованіи, и что большинство тѣхъ, кто не гнушается дипломомъ и нуждается въ немъ, совсѣмъ не такъ цинически равнодушно къ идеямъ высшаго образованія, какъ изображаютъ строгіе цензоры нашего студенчества. Будемъ надѣяться, что послѣднимъ не удастся провести программу, истиннымъ девизомъ которой можетъ быть Тацитовское: „pacem vocant, solitudinem faciunt".

Если свобода слушанія и соединенныя съ нею отдѣленіе государственныхъ экзаменовъ и отнятіе у университетскихъ воспитанниковъ правъ не годятся для нашихъ университетовъ, то является вопросъ: не слѣдуетъ ли подчинить послѣдніе строгой школьной системѣ? Можно, пожалуй, распредѣлить всю массу студентовъ между преподавателями, ассистентами и туторами, слѣдить за всѣми подробностями занятій каждаго кружка, задавать уроки, производить репетиціи. Мнѣ кажется, подобная организація такъ же мало годна для нашихъ университетовъ, какъ и свобода слушанія.

Во-первыхъ, ее едва ли будетъ подъ силу осуществить съ нашимъ довольно скуднымъ преподавательскимъ составомъ. Чтобы провести ее сколько-нибудь достойнымъ образомъ, нуженъ весьма многочисленный штатъ руководителей, способныхъ разрѣшить чрезвычайно трудныя педагогическія задачи занятій съ взрослыми людьми. Конечно, номинально во главѣ будутъ стоять профессора, но при множествѣ студентовъ они должны будутъ передовѣрять бо̀льшую часть занятій ассистентамъ и туторамъ, а помощь послѣднихъ, какъ бы она ни была полезна при постоянномъ руководствѣ профессора, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть замѣной этого руководства. Попытка перестроить университетское преподаваніе такимъ способомъ—повліяетъ такимъ обра-

зомъ неизбѣжно на пониженіе его качества. Во-вторыхъ, нельзя не принять во вниманіе и то, что студенты, въ общемъ, едва ли отнесутся сочувственно къ подобной реформѣ. Помимо дурныхъ побужденій, въ данномъ случаѣ скажется совершенно естественное стремленіе молодыхъ людей къ извѣстной самостоятельности и свободѣ располагать своимъ временемъ и способностями. Проводить школьную систему въ университетѣ можно было бы только путемъ постояннаго и педантическаго гнета, ежедневной борьбы съ уклоненіями, съ оппозиціей. На это можно было бы рѣшиться только при неимѣніи никакихъ другихъ средствъ и при увѣренности въ громадной пользѣ подобнаго порядка, а, надо сказать въ заключеніе, такого убѣжденія быть не можетъ. Наоборотъ, такая попытка совершенно убьетъ свободный интересъ къ наукѣ, которымъ живутъ не только ученыя изслѣдованія, но и воспитаніе юношества. Что̀ бы ни говорили объ университетской молодежи, въ большинствѣ ея представителей, въ той или другой формѣ, въ той или другой степени, проявляются идеальныя стремленія. Всѣ эти лучшіе будутъ подавлены школьной муштровкой, а чернь, которая есть вездѣ, немного выиграетъ отъ того, что ее прогонятъ сквозь строй репетицій. Подчинять организацію университетовъ желанію подгонять худшую часть ихъ состава едва ли умѣстно и полезно.

Остается подумать объ усовершенствованіи выработавшейся у насъ исторически системы факультетскаго руководства. При этомъ придется пользоваться и учебными планами, и экзаменами, и практическими занятіями, но пользоваться такъ, чтобы по возможности ослабить, если не устранить, присущіе каждому изъ этихъ педагогическихъ средствъ недостатки.

Мы видѣли, напримѣръ, что руководство обращается въ деспотизмъ или въ фикцію, если связывать съ нимъ слишкомъ обширныя и неподатливыя требованія, и тѣмъ самымъ закрывать студентамъ возможность удовлетворять свободную любознательность. Первымъ указаніемъ, отсюда вытекающимъ, должно быть составленіе учебныхъ плановъ, обнимающихъ лишь предметы строго необходимые для подготовки по каждой отдѣльной спеціальности, а не совокупность предметовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе отдаленное отношеніе къ ней. Иначе говоря, вмѣсто общихъ плановъ по факультетамъ или хотя бы даже по отдѣленіямъ, въ томъ обширномъ смыслѣ, какъ у насъ употреблялось до сихъ поръ слово „отдѣленіе“, планы обязательныхъ курсовъ должны быть *групповые* на менѣе широкомъ, но прочномъ фундаментѣ.

Напримѣръ, на историко-филологическомъ факультетѣ можно

было бы разрѣшить, быть можетъ, слѣдующія комбинаціи предметовъ, кромѣ логики и психологіи, которыя должны слушаться всѣми:

1) *Древніе языки* (и литература), сравнительное языкознаніе, исторія древней философіи, древняя исторія.

2) *Славянскія нарѣчія*, славяновѣдѣніе, сравнительное языкознаніе, исторія всеобщей литературы (или исторія русской литературы).

3) *Русскій языкъ*, исторія русской литературы, исторія всеобщей литературы, исторія философіи, русская исторія.

4) (*Германскіе*) (или романскіе) языки, сравнительное языкознаніе, исторія всеобщей литературы, исторія философіи, всеобщая исторія.

5) *Исторія*, всеобщая и русская, исторія философіи и древніе языки (или русскій языкъ и литература, или исторія искусства).

6) *Философія*, исторія всеобщей литературы, всеобщая исторія, древніе языки.

7) *Исторія искусствъ*, исторія философіи, всеобщая исторія, исторія всеобщей литературы, древніе языки.

Въ каждой группѣ одинъ предметъ будетъ главнымъ и на него должно быть обращено особенное вниманіе занимающагося.

При такой системѣ студенты будутъ значительно облегчены по отношенію къ числу обязательныхъ часовъ, и тѣмъ самымъ получатъ возможность записываться на необязательные курсы по свободному выбору. Само собой разумѣется, что они главнымъ образомъ будутъ подбирать дополнительные часы по родственнымъ спеціальностямъ,—историки, быть можетъ, запишутся на нѣкоторые курсы юридическаго факультета, философы иной разъ будутъ слушать физіологію и т. п. Всѣхъ возможныхъ комбинацій въ этомъ случаѣ нельзя ни предусмотрѣть, ни предписать, но необходимо расчистить имъ дорогу. На другихъ факультетахъ будетъ, быть можетъ, нѣсколько трудно провести такое дробленіе, но очевидно и на нихъ можно будетъ допустить нѣсколько обязательныхъ комбинацій вокругъ центральныхъ наукъ, напримѣръ: вокругъ математики, физики, химіи, астрономіи, геологіи, біологіи и географіи—на математическомъ факультетѣ; вокругъ гражданскаго права, уголовнаго, государственнаго и политической экономіи—на юридическомъ. Всего труднѣе раздробить предметы медицинскаго факультета, вслѣдствіе его профессіональныхъ задачъ, которыя не допускаютъ спеціализаціи для большинства врачей. Но и тутъ, вѣроятно, можно расположить преподаваніе

такъ, что одни и тѣ же предметы будутъ изучаться въ большемъ или меньшемъ объемѣ, смотря по выбору преимущественной спеціальности. Во всякомъ случаѣ, еслибы задача и не допускала совершенно однообразнаго рѣшенія для всѣхъ факультетовъ, необходимо обратить серьезное вниманіе на предлагаемое рѣшеніе тамъ, гдѣ оно возможно, потому что оно несомнѣнно облегчитъ серьезное прохожденіе главныхъ, обязательныхъ предметовъ и откроетъ доступъ къ занятіямъ предметами необязательными.

Возраженія противъ подобной системы могутъ быть троякаго рода. Можно сказать, что она придаетъ университетскимъ занятіямъ слишкомъ спеціальный характеръ: желательно, чтобы всѣ проходящіе, напр., филологическій факультетъ занимались древними языками, чтобы всѣ слушали исторію русской литературы, всеобщую и русскую исторію. Но, по пословицѣ, „le mieux est l'ennemi du bien".

Лучше пожертвовать обязательностью этихъ предметовъ, которые, при талантливыхъ преподавателяхъ, несомнѣнно будутъ привлекать и необязательныхъ слушателей, нежели дробить курсъ на мелкіе кусочки и заставлять студентовъ придумывать обходы факультетской многопредметности. Другое возраженіе будетъ, конечно, представлено съ точки зрѣнія префессіональныхъ требованій. Можно ли студентамъ, занимавшимся на группахъ, давать профессіональныя права внѣ этихъ группъ? Если нельзя, то не будетъ ли это значительнымъ практическимъ затрудненіемъ для начинающихъ? Придерживаясь примѣра филологическаго факультета, какой ходъ получатъ, напр., окончившіе курсъ по философской, по эстетической группѣ? Эти комбинаціи стоятъ, конечно, дальше отъ обыкновенныхъ профессій преподавателей древнихъ языковъ, русскаго языка и словесности, новыхъ языковъ, исторіи, но, не говоря о лицахъ, ищущихъ научной дѣятельности или просто высшаго образованія, занимающіеся на этихъ группахъ могутъ получить,—быть можетъ, подъ условіемъ дополнительнаго экзамена,—права преподаванія по родственнымъ спеціальностямъ, напр. занимавшіеся философіей—по исторіи и русской словесности. То небольшое осложненіе занятій, которое отсюда возникнетъ, будетъ для нихъ удобнѣе, нежели теперешній порядокъ, при которомъ они проходятъ подъ игомъ чужого спеціальнаго отдѣленія, изыскивая обходы и добиваясь снисхожденія. Да и въ интересахъ самихъ профессій едва ли будетъ хуже, если исторію, напр., иногда будетъ преподавать и тотъ, кто ревностно занимался въ университетѣ философіей. Мы при-

выкли и не къ такимъ перемѣщеніямъ спеціальностей, и не у насъ однихъ они практикуются: въ Англіи значительная часть практикующихъ юристовъ въ университетѣ занималась филологіей или математикой. Главное,—сдѣлать университетскія занятія интенсивными и плодотворными, а нѣкоторыя приспособленія къ профессіональнымъ требованіямъ всегда легко будетъ устроить.

Наконецъ, третье возраженіе, или скорѣе недоумѣніе, можетъ возбудить вопросъ объ организаціи курсовъ для большаго числа возможныхъ комбинацій. Ясно, что при сильной дифференціаціи учебныхъ плановъ, которую я рекомендую, не всегда возможно будетъ вести предполагаемыя группы, какъ теперь ведутся отдѣленія. Нельзя обезпечить особыми курсами всѣ эти комбинаціи, изъ которыхъ нѣкоторыя будутъ, конечно, представлены небольшимъ числомъ студентовъ, нѣкоторыя могутъ въ данный моментъ не быть представлены вовсе. Но такъ какъ важнѣйшіе факультетскіе предметы будутъ появляться въ разныхъ комбинаціяхъ, то основные курсы по нимъ можно будетъ читать для слушателей съ разными учебными планами, а кромѣ того по каждому предмету потребуются спеціальные курсы и практическія занятія, въ родѣ нѣмецкихъ privatissima, на которыхъ придется работать и съ весьма небольшимъ числомъ слушателей. Во всякомъ случаѣ задача будетъ однородна съ тою, которую разрѣшаютъ съ полнымъ успѣхомъ нѣмецкіе университеты, но значительно легче послѣдней.

Я убѣжденъ, что уже предлагаемая разверстка учебныхъ плановъ будетъ значительно содѣйствовать оживленію интереса и увеличенію успѣшности занятій въ нашихъ университетахъ. Вторымъ могущественнымъ средствомъ въ томъ же направленіи должно быть, несомнѣнно, развитіе самостоятельныхъ занятій студентовъ. Не можетъ быть и рѣчи объ отмѣнѣ лекціоннаго способа преподананія. Лекціи всегда сохранятъ свое громадное значеніе для общаго ознакомленія съ науками, и совершенно напрасно въ послѣднее время ведется походъ противъ нихъ. Ни книги, ни учебники, никогда ихъ не замѣнятъ. Помимо личной талантливости изложенія, которая играла и играетъ слишкомъ видную роль въ университетской жизни, чтобы ее можно было игнорировать,—профессорскіе курсы, даже средніе, представляютъ незамѣнимое руководство, потому что каждый изъ нихъ является въ результатѣ не только научнаго знанія, но приспособленія къ условіямъ даннаго времени и мѣста, чѣмъ не можетъ быть книга даже отличная. Пусть нѣкоторые курсы застываютъ, пусть другіе страдаютъ нѣкоторой неряшливостью и

нескладностью, пусть цитаты подведены менѣе точно, обороты рѣчи употреблены менѣе обдуманно, чѣмъ это дѣлается въ издаваемыхъ для большой публики книгахъ. Въ общемъ—русскимъ профессорамъ не приходится стыдиться своихъ курсовъ ни передъ кѣмъ: они вкладывали въ нихъ лучшее достояніе своего знанія и труда, дѣлали для нихъ даже больше, чѣмъ для спеціальныхъ изслѣдованій или печатныхъ изданій. Сколько можно у насъ назвать талантливыхъ профессоровъ, которые именно въ этой-то формѣ проявляли всю свою ученость и умѣнье!

Но, несмотря на громадное значеніе лекцій, вполнѣ признано теперь, что истинно плодотворными университетскія занятія становятся только если студенты принимаютъ въ нихъ активное, сознательное участіе. Изъ лабораторій и клиникъ практическія занятія перешли въ семинаріи, и въ настоящее время даже самый отсталый въ этомъ отношеніи изъ нашихъ факультетовъ, юридическій, усиленно заботится объ организаціи разнаго рода практическихъ занятій для своихъ слушателей. Надо только въ этомъ отношеніи, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо иномъ, остерегаться переполненія, однообразной регламентаціи и школьнаго педантизма. Предложенная выше подвижная группировка предметовъ сама по себѣ будетъ содѣйствовать главному условію успѣшности: студентъ будетъ заниматься тѣмъ, что̀ его интересуетъ и что̀ самъ выбралъ. Но къ этому надо прибавить, что *обязательныя* практическія занятія должны назначаться даже въ предѣлахъ группы еще съ большею осторожностью, нежели курсы, такъ какъ дѣло въ этомъ случаѣ—не только въ слушаніи и пассивномъ усвоеніи, но и въ опредѣленномъ активномъ участіи. Едва ли студентъ будетъ въ состояніи справляться болѣе чѣмъ съ двумя семинаріями одновременно: само собою разумѣется, впрочемъ, что ближайшія указанія могутъ быть выработаны лишь факультетами, по соображеніи всѣхъ наличныхъ условій.

Способы веденія практическихъ занятій такъ же различны, какъ различны методы наукъ и преподаванія, съ одной стороны,—индивидуальности преподавателей—съ другой. У одного профессора будетъ разборъ изслѣдовательскихъ работъ, у другого—интерпретація памятниковъ, у третьяго—сочиненія на темы пропедевтическаго или общеобразовательнаго характера, у четвертаго—упражненія, приспособленныя для будущихъ педагоговъ, у пятаго—анализъ юридическихъ казусовъ, у шестого—состязательныя обсужденія тезисовъ, у седьмого—репетиціи съ цѣлью усвоенія курса или дополненій къ нему, и т. д. Всѣ эти виды занятій могутъ вызвать величайшій интересъ, и каждый изъ нихъ мо-

жетъ стать въ тягость, если предписывать его какъ единственно пригодный.

Особенно велика опасность впасть въ школьный педантизмъ по отношенію къ занятіямъ репетиціоннаго характера. Они сами по себѣ менѣе разсчитаны на самостоятельность сужденія, нежели на пріобрѣтеніе и выясненіе полезныхъ свѣдѣній, и какъ разъ потому слѣдуетъ придавать ихъ организаціи возможно непринужденный видъ—иначе эти занятія будутъ наказаніемъ. Одинъ профессоръ разсказывалъ мнѣ, что онъ съ большимъ успѣхомъ практикуетъ передъ своимъ экзаменомъ его репетицію, на которой отвѣчаютъ лишь желающіе, и дѣло сводится на толковое повтореніе курса. Студенты охотно принимаютъ участіе въ этихъ репетиціяхъ, но попробуйте сдѣлать ихъ общеобязательными и сопроводить взысканіями—они тотчасъ обратятся въ невыносимую тягость.

Затронувъ экзаменный вопросъ, мы прибавимъ лишь немного къ тому, что̀ было сказано по поводу дѣйствующихъ въ настоящее время порядковъ: наблюденія надъ недостатками послѣднихъ само собою наводятъ на желательныя улучшенія.

Безъ провѣрокъ и испытаній обойтись нельзя, разъ дѣло идетъ о дарованіи правъ, служебныхъ или профессіональныхъ, но руководящимъ началомъ при организаціи испытаній должна быть *возможно тѣсная связь съ текущимъ преподаваніемъ.*

Окончательное испытаніе изъ всѣхъ предметовъ курса за одинъ разъ, даже если курсъ будетъ взятъ въ объемѣ группы, а не отдѣленія или факультета, должно быть совершенно отмѣнено. Поэтому не представляется никакой нужды въ государственной испытательной коммиссіи съ стороннимъ факультету предсѣдателемъ, хотя министерство всегда можетъ прислать своего делегата на любой экзаменъ и, если найдетъ нужнымъ, можетъ даже систематически командировать своихъ делегатовъ на послѣдніе экзамены. Оспаривать или опровергать это право нѣтъ никакого основанія до тѣхъ поръ, пока университеты будутъ находиться въ завѣдываніи министерства народнаго просвѣщенія: подобные делегаты могутъ быть полезны министерству различными сообщеніями о нуждахъ преподаванія, его характерѣ, замѣченныхъ недостаткахъ и желательныхъ измѣненіяхъ и т. п. Что роль делегата будетъ щекотливая и трудная—не подлежитъ сомнѣнію; что на этой почвѣ могутъ быть большія злоупотребленія и непріятности—также вѣрно, но самое право естественно вытекаетъ изъ положенія министерства.

Въ виду того, что экзамены не скучатся въ формѣ оконча-

тельнаго испытанія, было бы крайне желательно предоставить студентамъ сдавать ихъ по мѣрѣ приготовленія, въ указанные періоды, хотя бы весною, но безъ оставленія на второй годъ на курсы. Такое оставленіе теперь ведетъ иногда къ совершенно нелѣпымъ послѣдствіямъ. Весьма часто случается, напримѣръ, что оставленный слушаетъ во второй годъ не повтореніе тѣхъ курсовъ, ради которыхъ онъ былъ оставленъ, а совершенно другіе, затѣмъ выдерживаетъ экзаменъ по послѣднимъ и идетъ дальше съ тѣми самыми пробѣлами, которые были обнаружены неудачнымъ экзаменомъ. Если студентъ не выдержалъ, напримѣръ, экзамена изъ древней исторіи, то пусть онъ слушаетъ еще разъ древнюю же исторію, а не среднюю или новую. Съ другой стороны, за что заставляютъ студента, выдержавшаго удовлетворительно по всѣмъ предметамъ курса, кромѣ одного или двухъ, слушать вновь не только предметы, по которымъ обнаружились слабыя знанія, а также и тѣ, по которымъ пріобрѣтены уже достаточныя знанія? Если засчитывать предметы по мѣрѣ приготовленія по нимъ, безъ отношенія къ курсамъ, то будутъ, конечно, случаи засидѣвшихся студентовъ, будутъ скучныя повторенія однихъ и тѣхъ же испытаній, распредѣленіе послѣднихъ будетъ не такъ просто и съ внѣшней стороны компактно, но все это вѣдь второстепенныя неудобства, меньшее зло сравнительно съ осаживаніемъ студентовъ на цѣлые годы безъ опредѣленно поставленной имъ при этомъ цѣли, а противъ злоупотребленій предложенной постановкой дѣла не трудно принять мѣры.

Особенный вѣсъ при оцѣнкѣ должна играть самостоятельная работа студентовъ, ихъ сочиненія, рефераты, свидѣтельства объ ихъ участіи въ семинаріяхъ и практическихъ занятіяхъ: все это имѣетъ несравненно больше значенія, чѣмъ отвѣты по затверженнымъ курсамъ или учебникамъ. Даже на самыхъ испытаніяхъ желательно возможно часто примѣнять письменныя клаузурныя работы,—приблизительно въ родѣ того, какъ это дѣлается въ Англіи. Письменный отвѣтъ имѣетъ преимущество обдуманности, менѣе подверженъ вліянію экзаменаціонныхъ случайностей, наконецъ—ему можетъ быть приданъ задачный характеръ съ тѣмъ, чтобы работа обнаружила скорѣе оріентированность экзаменующагося въ предметѣ и умѣнье обращаться съ его данными, нежели способность отрапортовать по книгѣ. Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы установить мысль, что въ этомъ направленіи возможны весьма существенныя улучшенія даже при факультет-

скомъ руководствѣ занятіями и при соединеніи ихъ съ пріобрѣтеніемъ служебныхъ и профессіональныхъ правъ.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что уставъ 1884 года имѣлъ странную исторію. Онъ не достигъ того, что составляло его цѣль, а къ тому, чего онъ достигъ, едва ли слѣдовало стремиться. Политическія соображенія, которыми онъ былъ вызванъ, не оправдались: радикальныя идеи могутъ продолжать существовать въ университетѣ, потому что, въ зависимости отъ разнообразныхъ условій, онѣ существуютъ въ странѣ; соціальный составъ студенчества не измѣнился, потому что нѣтъ силы, которая могла бы сдѣлать русское общество богатымъ и аристократическимъ.

Съ педагогической точки зрѣнія, реформа принесла вредъ учебному дѣлу, такъ какъ заключала въ себѣ непримиримыя противорѣчія и очевидную фальшь: ни качество преподаванія, ни успѣшность студенческихъ занятій—не возросли, хотя профессіональныя требованія были выдвинуты впередъ въ ущербъ научнымъ; попытка непосредственнаго вмѣшательства центральной власти въ руководство преподаваніемъ привела лишь къ непріятностямъ для факультетовъ и профессоровъ, къ изданію нѣсколькихъ документовъ, которыхъ лучше было бы не издавать, и къ ухудшенію порядка экзаменовъ.

Въ частности, не только не было достигнуто успокоеніе студенчества, а наоборотъ, столкновенія между учащейся молодежью и учебными властями стали чаще и обострились. Полный успѣхъ имѣла только одна сторона преобразованія—бюрократизація университетовъ; но и въ правительствѣ, и въ обществѣ, возникаютъ сомнѣнія, чтобы этотъ результатъ былъ самъ по себѣ такимъ благомъ, ради котораго стоило пожертвовать всѣмъ остальнымъ. Трудно уклониться отъ вывода, что порядокъ, такъ дурно выдержавшій короткое испытаніе семнадцати лѣтъ, подлежитъ коренному пересмотру и измѣненію.

Павелъ Виноградовъ.

Москва.

РОДНАЯ ПРИРОДА

Посвящается Ольгѣ Алексѣевнѣ Баратынской.

О, городъ лжи; о, городъ сплётенъ;
Гдѣ разумъ, совѣсть заглушивъ,
Ко благамъ нашимъ беззаботенъ
И намъ во вредъ трудолюбивъ;
Гдѣ воспрещенъ голодный нищій;
Гдѣ карта есть духовной пищи
Для продовольствія ума;
О, ты—веселое кладбище,
Благообразная тюрьма!
Давно мнѣ воли было надо;
Просторный нуженъ былъ мнѣ видъ,—
И вотъ ужъ стѣнъ твоихъ громада
Ни думъ, ни взора не тѣснитъ.
О, лѣса шумъ; о, шорохъ нивы;
О, жизнью вѣющій покой!
Съ меня мгновенно, какъ рукой,
Сняла деревня гнетъ тоскливый.
Какъ лѣтъ ужъ нѣсколько назадъ,
Опять, среди родной природы,
Въ глубоко-старческіе годы,
Я жизнь люблю, я жизни радъ.
Опять ищу уединенья
Въ дубовомъ, миломъ мнѣ, лѣсу,
Куда обдумывать несу
Дней пережитыхъ впечатлѣнья.

Сперва заросшую межу
Пройду всю вдоль, между овсами,
И въ лѣсъ усталыми шагами,
Но съ духомъ бодрымъ я вхожу.
Здѣсь, въ тишинѣ его глубокой,
Людскихъ помѣхъ я не боюсь;
Теперь, свободный, одинокій,
Я созерцаю и молюсь.
Какъ счастливъ я моей свободой
На этомъ пнѣ, въ лѣсной тѣни,
И что бесѣдъ моихъ съ природой
Дубы—свидѣтели одни!
Мнѣ стихъ становится потребенъ,
Чтобъ ей воздать хвалу мою,—
И я слагаю и пою
Ей благодарственный молебенъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Ильиновка.—Іюль, 1901.

МАТЕРІАЛЪ
ДЛЯ
ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА

Изъ воспоминаній Ѳ. А. Бурдина, 1843—1883 гг.

„Не разобравши мусора, не возведешь зданія“...—*Ѳ. Б.*

Въ продолженіе моей сорокалѣтней службы при дирекціи императорскихъ театровъ перемѣнилось пять директоровъ: А. М. Гедеоновъ, А. И. Сабуровъ, графъ Борхъ, С. А. Гедеоновъ и баронъ Кистеръ. Во всякомъ вѣдомствѣ, и хоть не часто, но встрѣчаются хорошіе начальники, а если спросить меня, который изъ директоровъ, управлявшихъ почти полвѣка русской сценой, былъ особенно хорошъ, то я долженъ по чистой совѣсти отвѣтить, что ни одинъ изъ нихъ, по моему мнѣнію, не оказался вполнѣ на высотѣ своего положенія,—а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если русская драматическая сцена пришла за это время въ упадокъ; какое искусство могло бы процвѣтать послѣ полувѣковового давленія на него, когда актеръ былъ закрѣпощенъ, а авторъ—не болѣе какъ жалкій проситель. Чтобы объяснить, какъ пріятно было въ тѣ времена трудиться для театра, приведу прежде всего письмо А. Н. Островскаго, писанное имъ въ то время, когдъ онъ былъ уже на вершинѣ своей славы. Дѣло шло о постановкѣ его пьесы: „Василій Ивановичъ Шуйскій и Дмитрій Самозванецъ“.

„Любезный другъ,—пишетъ мнѣ А. Н. Островскій,—я едва держу перо въ рукахъ: постоянное сидѣнье за работой, бессонныя ночи совершенно разстроили мои нервы; извѣстіе, которое я получилъ вчера отъ тебя, добило меня совершенно (объ отказѣ поставить пьесу). Хотя оно было для меня не новостью, такъ какъ поутру я былъ въ конторѣ (импер. театровъ), видѣлъ тамъ Чаева, слышалъ отъ него о постановкѣ его „Дмитрія Самозванца" въ Москвѣ,—но вечеромъ, когда получилъ твое письмо, мнѣ какъ-то особенно представилось жестокимъ все оскорбленіе, которое мнѣ наносятъ; со мной сдѣлалось просто дурно, а сегодня я весь разбитъ и, вѣроятно, слягу. Письмо теперь у тебя въ рукахъ,—посылай его или разорви, дѣлай такъ, какъ укажетъ твоя любовь ко мнѣ [1]). Я боюсь, чтобы С—въ (секретарь директора, управлявшій московскими дѣлами), узнавъ о письмѣ, не нагадилъ еще хуже; мнѣ-то онъ ничего не сдѣлаетъ,—я теперь человѣкъ посторонній театру,—онъ можетъ повредить Садовскому, который хочетъ поставить въ свой бенефисъ „Минина". Нельзя ли дать ему взятку,—узнай, какъ это дѣлается, а я передамъ Садовскому"...

Видя полнѣйшее пренебреженіе къ русскому театру, онъ, 27 сентября 1866 года, писалъ мнѣ слѣдующее:

„Объявляю тебѣ по секрету, что я совсѣмъ оставляю театральное поприще. Причины вотъ какія: выгодъ отъ театра я почти не имѣю (хотя всѣ театры въ Россіи живутъ моимъ репертуаромъ). Начальство театральное ко мнѣ не благоволитъ, а мнѣ ужъ пора видѣть не только благоволеніе, но и нѣкоторое уваженіе; безъ хлопотъ и поклоновъ съ моей стороны ничего для меня не дѣлается; а ты самъ знаешь, способенъ ли я къ низкопоклонству; при моемъ положеніи въ литературѣ, играть роль вѣчно кланяющагося просителя—тяжело и унизительно. Я замѣтно старѣю и постоянно нездоровъ, а потому ѣздить въ Петербургъ, ходить по высокимъ лѣстницамъ мнѣ ужъ нельзя. Повѣрь, что я буду имѣть гораздо больше уваженія, которое я заслужилъ и котораго стою, если развяжусь съ театромъ.

„Давши театру 25-ть оригинальныхъ пьесъ, я не добился, чтобы меня хоть мало отличали отъ какого-нибудь плохого переводчика. По крайней мѣрѣ, я пріобрѣту себѣ спокойствіе и независимость, вмѣсто хлопотъ и униженія. Современныхъ пьесъ болѣе писать не стану; я ужъ давно занимаюсь русской исто-

[1]) По моему совѣту, онъ написалъ письмо къ министру, который и приказалъ поставить его пьесу.

ріей и хочу посвятить себя исключительно ей,—буду писать хроники, но не для сцены. На вопросъ: отчего я не ставлю своихъ пьесъ?—я буду отвѣчать, что онѣ неудобны. Я беру форму „Бориса Годунова",—такимъ образомъ, постепенно и незамѣтно я отстану отъ театра"...

Чтобы еще ярче выяснить положеніе драматическаго писателя того времени, къ этимъ двумъ письмамъ знаменитаго драматурга прибавлять нечего. Положеніе артистовъ было еще печальнѣе. Безцеремонность обращенія съ ними начальства доходила до того, что директоръ А. М. Гедеоновъ, однажды разсердившись на режиссера балетной труппы, Марселя, далъ ему за кулисами, во время представленія, подзатыльника. Жаловаться было некому, а поддержать иначе человѣческое достоинство—значило лишиться съ семьей куска хлѣба,—и бѣднякъ молча, со слезами, перенесъ нанесенное ему тяжкое оскорбленіе. Въ другой разъ тотъ же Гедеоновъ вздумалъ повторить подобную манипуляцію съ извѣстнымъ пѣвцомъ О. А. Петровымъ, но встрѣтилъ съ его стороны сильный отпоръ и никому объ этой исторіи не разсказывалъ. Впрочемъ, къ чести Гедеонова нужно сказать, что онъ, послѣ такого деликатнаго урока, къ ручной расправѣ больше не прибѣгалъ. Человѣческія отношенія тогда были вообще не въ ходу: тотъ же Гедеоновъ не захотѣлъ почтить горя извѣстной артистки Петровой и заставилъ ее пѣть въ тотъ день, когда у нея умеръ отецъ. Начальство того времени приняло за правило выдерживать артистовъ долгое время на маленькомъ жалованьѣ. Эта система называлась „ежовыми рукавицами", изъ которыхъ не должно выпускать подчиненныхъ,—иначе, дескать, они зазнаются, и съ ними ладу не будетъ. Прибавки давались очень туго и весьма небольшія. Такія звѣзды русской сцены, какъ Мартыновъ, Самойловъ и Максимовъ, получали полные оклады: 1.140 руб. жалованья, 35 р. поспектакльной платы и полъбенефиса на 16-мъ и 17-мъ году своей службы. Понятно, что всегда артисты были въ нуждѣ и въ долгахъ.

Максимовъ, играя первыхъ любовниковъ и будучи любимцемъ публики, получалъ самое ограниченное содержаніе. Обязанный имѣть для своего амплуа хорошій гардеробъ, онъ вошелъ въ неоплатные долги. На просьбу его о прибавкѣ жалованья, Гедеоновъ отвѣчалъ отказомъ, добавя, что „подчиненные обязаны хорошо служить, а начальство само знаетъ, когда нужно сдѣлать прибавку".—„Я служу хорошо, ваше превосходительство; а если, по вашему мнѣнію, моя служба дурна, то дайте

мнѣ отставку, и я уѣду въ провинцію".—„А! такъ вотъ ты какъ разговариваешь съ начальствомъ! Хорошо! я тебѣ дамъ отставку, но испрошу также Высочайшее повелѣніе—за дерзость не дозволять тебѣ играть въ провинціи; тогда я и посмотрю, что̀ ты будешь дѣлать!"—„Я пойду въ услуженіе къ вашему сыну,—отвѣчалъ Максимовъ:—онъ мнѣ за роль камердинера заплатитъ больше, чѣмъ вы платите за роли первыхъ любовниковъ". Но и этотъ аргументъ не подѣйствовалъ на директора, и Максимовъ еще долго получалъ самое ограниченное содержаніе.

Самойлову артисты обязаны тѣмъ, что имъ стали платить хорошее вознагражденіе. На 30-мъ году его службы или даже еще позднѣе, ему дано было 3.600 р. жалованья, 35 разовыхъ и бенефисъ, обезпеченный въ 2.000 руб. Этотъ же окладъ данъ былъ впослѣдствіи Мартынову и Максимову. Къ сожалѣнію, Самойловъ добился такого вознагражденія не силою своего таланта, а настоятельными просьбами извѣстной въ свое время Мины Ивановны, которой ни въ чемъ не могли отказать въ дирекціи. Впослѣдствіи она сама мнѣ часто хвалилась услугой, оказанной Самойлову.

Вѣчная нужда мѣшала нравственному росту артистовъ и сознанію собственнаго достоинства, развивала прихлебательство и желаніе попользоваться небольшими крупицами, падающими изъ рукъ богача. Это—главная причина, почему артисты не стояли высоко въ общественномъ мнѣнія.

Не съ пренебреженіемъ нужно смотрѣть на русскій театръ, а удивляться и тому, что̀ есть; еслибы не были посажены хорошія сѣмена такими просвѣщенными любителями драматическаго дѣла, какъ князь Шаховской, Катенинъ, Писаревъ, Кокошкинъ, Грибоѣдовъ, С. Т. Аксаковъ, то русская сцена не видала бы тѣхъ талантовъ, которые блистали съ 30-хъ по 60-е года. Первое и главное мѣсто въ исторіи русскаго театра принадлежитъ А. М. Гедеонову, такъ какъ онъ управлялъ театрами одновременно въ Москвѣ и Петербургѣ долѣе всѣхъ.

Въ это доброе старое время управленіе было наполовину семейное, наполовину крѣпостное. Директоръ — помѣщикъ, и обращался съ подчиненными какъ съ прислугой, говорилъ всѣмъ „ты", не исключая и женщинъ. Въ этомъ обращеніи не было ничего удивительнаго: министръ двора, князь П. М. Волконскій, говорилъ „ты" самому Гедеонову, когда тотъ былъ уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Самъ по себѣ Гедеоновъ былъ добрый человѣкъ, имѣлъ мягкое сердце и не могъ переносить чужихъ слезъ. Зная его слабую сторону,—чтобы полу-

чить что-нибудь, если онъ не хотѣлъ цѣнить заслугъ,—артисты прибѣгали къ слезамъ, и этимъ достигали своей цѣли.

Онъ считалъ себя знатокомъ въ драматическомъ искусствѣ и съ излюбленными молодыми артистами и артистками самъ проходилъ роли; хотя это и не вело къ усовершенствованію, но прихоть начальника выдвигала артиста впередъ. Онъ былъ человѣкъ далеко не глупый и, самое главное, необыкновенно ловкій. Это былъ образецъ царедворца того времени, умѣвшаго угодить всякому вліятельному лицу.

Преданіе говоритъ, что его карьера началась слѣдующимъ образомъ: онъ былъ начальникомъ придворной конторы въ Москвѣ, при восшествіи на престолъ императора Николая Павловича. Во время празднествъ коронаціи онъ узналъ, что наверху не желали, чтобы на торжественномъ обѣдѣ присутствовалъ, если не ошибаюсь, извѣстный тогда вельможа, кн. Юсуповъ. Гедеоновъ взялся это устроить.—„Какъ ты это сдѣлаешь? — спросилъ его кн. Волконскій: — князя Юсупова нельзя обойти приглашеніемъ“.— „Это мое дѣло, ваше сіятельство,—отвѣчалъ Гедеоновъ:— только поручите его мнѣ; князь Юсуповъ приглашеніе получитъ, пріѣдетъ, но обѣдать не будетъ,—за это я вамъ ручаюсь“... Министръ согласился. Въ обѣденный часъ пріѣзжаетъ кн. Юсуповъ, въ парадномъ мундирѣ, входитъ по лѣстницѣ; вдругъ съ нимъ сталкивается бѣгущій сверху камеръ-лакей, опрокидываетъ на него чернильницу и со слезами проситъ прощенія за свою неловкость. Разумѣется, кн. Юсуповъ не могъ перепачканный присутствовать на обѣдѣ и долженъ былъ возвратиться домой.

Когда Гедеоновъ былъ уже въ полной силѣ, начальникъ жандармскаго управленія въ Москвѣ, генералъ Перфильевъ, сказалъ Щепкину: „Ну, вотъ, вашъ Гедеоновъ слетитъ съ мѣста своего не ныньче, такъ завтра“.—„Какимъ образомъ, ваше пр—ство?“ — „Онъ обѣщалъ помочь пріобрѣсти расположеніе одной бывшей хорошенькой воспитанницы театральной школы двумъ сильнымъ людямъ, изъ которыхъ каждый, обманутый, можетъ столкнуть его съ мѣста“.—Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ. Гедеоновъ крѣпокъ по прежнему. Щепкинъ, встрѣтивши генерала, говоритъ ему: „Ваше предсказаніе не сбылось о нашемъ директорѣ“.— „Вывернулся,—отвѣчалъ Перфильевъ:—помогъ третьему, на котораго и эти господа претендовать не смѣютъ“.

Е. Н. Жулева разсказывала мнѣ по этому поводу слѣдующее о себѣ: когда ее выпустили изъ школы на 320 руб. жалованья, она была совершенно одинока въ Петербургѣ, и съ такимъ маленькимъ содержаніемъ, не знала, куда приклонить го-

лову. Ей посовѣтовали просить у директора казенную квартиру.— „Дурочка,—сказалъ ей Гедеоновъ,—зачѣмъ тебѣ маленькая, комната,—Ю. предлагаетъ тебѣ цѣлый домъ съ прислугой, со всей роскошью, съ туалетами".—„Подумайте, что вы говорите, ваше превосходительство! Когда вы взяли меня изъ Москвы, вы обѣщались заступить мнѣ мѣсто отца, а развѣ отецъ можетъ сдѣлать такое предложеніе дочери? У меня только и есть одно достояніе—честь, и ее вы хотите отнять у меня. Если бы у васъ была дочь, рѣшились ли бы вы сказать ей то же самое?"—„Ты глупа,—отвѣчалъ онъ:—развѣ моя дочь была бы въ такомъ положеніи, какъ ты!" Съ бѣдной дѣвушкой сдѣлалась истерика. Гедеоновъ бросился къ ней на помощь, сталъ ее успокаивать, говоря, что онъ пошутилъ; но квартиры ей все-таки не далъ, и она, около года, не имѣя постояннаго пристанища, гостила то у однихъ, то у другихъ знакомыхъ семейныхъ чиновниковъ театральнаго вѣдомства, пока не получила прибавку и могла нанять себѣ маленькую квартиру.

Она же, какъ очевидная свидѣтельница, передала мнѣ другой случай.

За танцовщицей Прихуновой (впослѣдствіи княгиней Гагариной), когда она была воспитанницей, ухаживалъ другъ Гедеонова, старикъ Жеребцовъ, извѣстный богачъ; но дѣвочка чувствовала къ нему отвращеніе. Видѣть ее можно было во время школьныхъ спектаклей, на которые Гедеоновъ приглашалъ своихъ друзей, гдѣ и давалъ имъ возможность ухаживать за воспитанницами.

Во время одного изъ такихъ спектаклей, Прихунова убѣжала къ себѣ отъ преслѣдованій Жеребцова; комната Жулевой отдѣлялась отъ комнаты Прихуновой тонкой перегородкой. Гедеоновъ пришелъ къ Прихуновой и всячески ее разбранилъ за то, что она ушла. Прихунова оправдывалась тѣмъ, что она не можетъ выносить преслѣдованій Жеребцова. Гедеоновъ приказалъ ей немедленно идти въ залу; она отказалась, и онъ, взбѣшенный, вытолкнулъ ее. Жулева все слышала изъ своей комнаты. Впослѣдствіи, чтобы отомстить Прихуновой, несмотря на то, что она была отличной солисткой въ балетѣ, онъ держалъ ее десять лѣтъ на 300 руб. жалованья.

Не даромъ, въ тѣ времена день выпуска изъ школы назывался „розговѣньемъ".

Гедеоновъ терпѣть не могъ тѣхъ воспитанницъ, которыя выходили замужъ за артистовъ.—„Это только плодить нищихъ",—

говаривалъ онъ, и всегда подобныхъ артистовъ и артистокъ держалъ на пищѣ св. Антонія...

При всемъ томъ, до конца царствованія императора Николая Павловича, театръ не находился въ упадкѣ по слѣдующимъ причинамъ: предшественники Гедеонова оставили въ наслѣдство громадные таланты: Каратыгины, Сосницкіе, Брянскіе, Рязанцовы, Дюръ, Мартыновъ, Максимовъ и друг. Театръ французскій могъ соперничать съ „Comédie Française“; балетъ, если не превосходилъ прочіе европейскіе балеты, то и не уступалъ имъ,— и все это потому, что самъ императоръ страстно любилъ театръ во всѣхъ отрасляхъ и почти не пропускалъ перваго представленія ни одной оригинальной русской пьесы.

Русскимъ театромъ тогда самостоятельно распоряжался Н. И. Куликовъ, человѣкъ безспорно умный, знающій свое дѣло, но властолюбивый до деспотизма; при этомъ недостаткѣ онъ не могъ бы служить въ настоящее время. Тогда же онъ властвовалъ безапелляціонно, потому что въ его распоряженія никто не вмѣшивался, а съ такими большими талантами ему дѣлать дѣло было не трудно.

Цензура того времени своею строгостью, правда, превосходила всякое вѣроятіе: Островскій—за свою пьесу: „Свои люди—сочтемся“—былъ отданъ подъ надзоръ полиціи, изъ-подъ котораго его освободили только по восшествіи на престолъ императора Александра II-го. Божба, слово: „чортъ“—на сценѣ были недозволительны; вымарки дѣлались цензурою безъ всякаго смысла, искажая пьесы. Чтобы оцѣнить вполнѣ дѣйствія цензоровъ,—интересующихся этимъ отсылаю въ театральную библіотеку просмотрѣть цензурованные экземпляры того времени. Нордштремъ и Гедерштернъ—вотъ имена тѣхъ „купёровъ“ III-го Отдѣленія, которые, въ продолженіе 20-ти лѣтъ обезображивали русскую драматическую литературу.

Говоря о цензурѣ, приведу нѣсколько характерныхъ случаевъ. Для одного изъ первыхъ моихъ бенефисовъ я представилъ въ цензуру четыре пьесы, изъ которыхъ ни одна не была одобрена. Я отправился къ Гедеонову и разсказалъ ему объ этомъ:—„А зачѣмъ ты выбираешь такія пьесы?“—говоритъ онъ; я отвѣчаю ему, что у цензоровъ такіе особенные взгляды, къ которымъ невозможно приладиться, и ни за одну пьесу нельзя поручиться, будетъ ли она одобрена, или запрещена.

— Чтò же я могу сдѣлать?

— Вы, ваше пр—ство, очень хороши съ Леонтіемъ Васильевичемъ (Дубельтъ, начальникъ III-го Отдѣленія въ то время); вамъ

достаточно черкнуть ему два слова, и онъ разрѣшитъ хоть одну пьесу.

— Ты какую же хочешь?

— „Картину семейнаго счастія"—Островскаго.

— Ну, хорошо, я напишу ему.

Онъ далъ мнѣ записку, и я отправился къ Дубельту. Дубельтъ былъ большой пріятель Гедеонова; они вмѣстѣ проводили почти каждый вечеръ. По пріемамъ, это былъ человѣкъ очень любезный и вѣжливый.—Чѣмъ могу быть вамъ полезнымъ, мой любезный другъ?—спросилъ онъ меня.

— У меня горе, ваше пр—ство: бенефисъ на носу, а всѣ представленныя мною пьесы не дозволены.

— Ай, ай, ай! Какъ это вы, господа, выбираете все такія пьесы, которыя мы не можемъ одобрить... все непремѣнно съ тенденціями!

— Никакихъ тенденцій, ваше пр—ство, но цензура такъ требовательна, что положительно не знаешь, что̀ и выбрать.

— Какую же пьесу вы желаете, чтобы я вамъ дозволилъ?

— „Семейную картину"—Островскаго.

— Въ ней ничего нѣтъ политическаго?

— Рѣшительно ничего; это небольшая сценка изъ купеческаго быта.

— А противъ религіи?

— Какъ это можно, ваше пр—ство!

— А противъ общества?

— Помилуйте, это просто характерная бытовая картинка!

Дубельтъ позвонилъ.

— Позвать ко мнѣ Гедерштейна, и чтобы онъ принесъ съ собою пьесу: „Картина семейнаго счастія".

Является высокая, сухая, безстрастная фигура камергера Гедерштерна съ пьесой и толстой книгой.

— Вотъ г. Бурдинъ проситъ разрѣшить ему для бенефиса неодобренную вами пьесу Островскаго,—такъ я ее дозволяю.

— Но, ваше пр—ство...—началъ-было Гедерштернъ.

— Дозволяю, слышите?!

— Но, ваше пр—ство, въ книгѣ экстрактовъ... извольте прочесть...

— А, Боже мой! я сказалъ, что дозволяю. Подайте пьесу!

Гедерштернъ подалъ пьесу, на которой онъ сверху написалъ: „Дозволяется. Генералъ-лейтенантъ Дубельтъ", и не зачеркнулъ даже прежде написаннаго на ней: „Запрещается. Ге-

нералъ-лейтенантъ Дубельтъ". Такъ въ этомъ видѣ пьеса находится и теперь въ театральной библіотекѣ.

— Очень радъ, что могъ быть вамъ полезенъ, мой любезный другъ!—подавая руку и отдавая пьесу, сказалъ Дубельтъ, а Гедерштернъ, нахмуривши брови и взявши подъ мышку книгу судебъ, мрачный, ушелъ изъ кабинета.

Впослѣдствіи со мной былъ курьезный случай въ III-мъ Отдѣленіи, который стóитъ занести въ мои воспоминанія.

Комедія Островскаго „Воспитанница" не была одобрена цензурой къ представленію. Я сталъ хлопотать о ея дозволеніи. В. П. Бутковъ, государственный секретарь, очень меня любившій, будучи очень хорошъ съ начальникомъ III-го Отдѣленія, Потаповымъ, далъ мнѣ по этому случаю къ нему письмо, съ которымъ я пріѣхалъ въ III-е Отдѣленіе и отдалъ, для передачи, дежурному офицеру. Онъ просилъ меня немного подождать, потому что генералъ очень занятъ.

Въ это время пріѣхалъ туда флигель-адъютантъ, полковникъ Н. В. Мезенцовъ, съ которымъ я былъ давно хорошо знакомъ, когда онъ еще былъ въ чинѣ поручика. Увидя меня, онъ спросилъ, зачѣмъ я здѣсь. Я разсказалъ ему и спросилъ въ свою очередь:—„Ну, а вы какъ попали въ эту трущобу?"—„Отчего же—трущоба? Это очень полезное учрежденіе, на этомъ мѣстѣ много хорошаго можно сдѣлать". Я возражалъ; у насъ завязался споръ, а тутъ меня пригласили къ Потапову. Каково же было мое изумленіе, когда черезъ нѣсколько дней я прочелъ, что Мезенцовъ назначается начальникомъ III-го Отдѣленія, и въ то время, когда я съ нимъ спорилъ о пользѣ этого учрежденія, онъ ужъ знакомился съ дѣлами, для пріема ихъ отъ Потапова.

Впрочемъ, наши добрыя отношенія впослѣдствіи не измѣнились, такъ что онъ, по моему ходатайству, разрѣшилъ къ представленію двѣ прежде запрещенныя пьесы: „Противъ теченія"—Крылова, и „Шуба овечья, да душа человѣчья"—А. Потѣхина.

Потаповъ, выслушавъ тогда мою просьбу, сказалъ мнѣ:

— Къ сожалѣнію, г-нъ Бурдинъ, я долженъ отказать вамъ. Я не могу дозволить того, чтò было запрещено моимъ предшественникомъ, генераломъ Тимашевымъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ мы должны быть послѣдовательны. Во всемъ должна быть система. Пьеса г. Островскаго—съ такимъ вреднымъ направленіемъ, что не можетъ быть допущена на сцену.

— Въ чемъ же это вредное направленіе, ваше пр—ство? Это не болѣе, какъ картина нравовъ.

— Въ насмѣшкахъ и издѣвательствахъ надъ дворянствомъ Дворянство дѣйствуетъ патріотически, приноситъ огромныя жертвы, освобождаетъ крестьянъ—и за это же потѣшаются надъ нимъ!

— Но, ваше пр—ство, тутъ не задѣтъ ни крестьянскій вопросъ, ни благородныя чувства дворянства.

— Конечно, прямо ничего не говорится, но мы не такъ просты, чтобы не понимать намековъ и не умѣть читать между строкъ. Еще разъ извините меня, но я эту пьесу не дозволю для представленія.

Разумѣется, я поклонился и ушелъ.

Впослѣдствіи эта пьеса была дозволена и тоже очень курьезнымъ образомъ.

Временно назначенъ былъ исправляющимъ должность начальника III-го Отдѣленія генералъ Анненковъ, братъ извѣстнаго писателя П. В. Анненкова. Пьеса И. С. Тургенева „Нахлѣбникъ" была тоже подъ запрещеніемъ. П. В. Анненковъ, какъ другъ И. С. Тургенева, просилъ брата разрѣшить эту комедію.— „Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ онъ,—и не только эту, а всѣ тѣ, которыя ты признаешь нужными, только присылай поскорѣе, потому что на этомъ мѣстѣ я останусь очень недолго".

П. В. Анненковъ послалъ ему нѣсколько пьесъ, въ числѣ которыхъ находилась и „Воспитанница". И вотъ такимъ образомъ она попала на сцену. Она имѣла большой успѣхъ и до сихъ поръ смотрится публикой съ большимъ удовольствіемъ; это—прекрасное художественное произведеніе, не имѣющее никакого тенденціознаго характера.

Какъ оригинально смотрѣла цензура на дѣло, я разскажу другой случай. Когда А. В. Головнинъ (1862 г.) былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, онъ старался сблизиться съ лучшими представителями русской литературы и выразить имъ свое полное уваженіе и вниманіе; поэтому онъ представилъ государю императору пьесу Островскаго „Мининъ", какъ прекрасное драматическое произведеніе, исполненное высокихъ патріотическихъ чувствъ. Государь императоръ соизволилъ пожаловать автору, въ знакъ своего удовольствія, брилліантовый перстень. Авторъ получилъ за пьесу Высочайшій подарокъ, а цензура запретила эту пьесу, находя, что хотя содержаніе патріотическое и достойно одобренія, но представленіе ея на сценѣ „не своевременно", и пьеса пролежала болѣе семи лѣтъ въ архивѣ III-го Отдѣленія.

Говоря о Дубельтѣ, не могу умолчать объ одномъ случаѣ, гдѣ Гедеоновъ, какъ искусный царедворецъ, ядовито подшутилъ

надъ нимъ. Это было весною, грязь стояла непроходимая; они вмѣстѣ въ каретѣ ѣхали по Невскому проспекту. На встрѣчу имъ взбѣсившіяся лошади несли коляску, въ которой находились еще маленькіе тогда великіе князья, Михаилъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ. Лошадей сбѣжавшійся народъ и полиція кое-какъ остановили. Дубельтъ и Гедеоновъ бросаются къ великимъ князьямъ, пересаживаютъ ихъ въ свою карету и благополучно отправляютъ. Дубельтъ говоритъ, что немедленно нужно извѣстить императрицу, какой опасности подвергались великіе князья, и какъ они счастливы, что были имъ полезны.—„Конечно,—отвѣчаетъ Гедеоновъ,—но мы въ грязи, намъ нужно переодѣться; поскорѣе перемѣни платье и заѣзжай за мной". Дубельтъ беретъ извозчика, ѣдетъ переодѣваться; Гедеоновъ также беретъ извозчика, но ѣдетъ прямо во дворецъ. Проситъ доложить о себѣ государынѣ; та принимаетъ и съ удивленіемъ видитъ его перепачканнымъ; разспрашиваетъ, въ чемъ дѣло. Гедеоновъ разсказываетъ исторію съ великими князьями и какъ онъ помогъ имъ, ни слова не говоря о Дубельтѣ. Государыня горячо его поблагодарила, и онъ воротился домой прежде, чѣмъ Дубельтъ успѣлъ переодѣться; а когда тотъ заѣхалъ за нимъ, чтобы ѣхать во дворецъ, то Гедеоновъ, въ отвѣтъ ему, хохоталъ до истерики, смѣясь надъ его простотой.

Чтобы покончить съ Гедеоновымъ, скажу, что онъ былъ большой мастеръ угодить и услужить сильнымъ міра сего, а съ артистами онъ былъ добръ,—по выраженію М. С. Щепкина,—тогда, когда хорошо поѣстъ, выпьетъ, выиграетъ въ карты, удачно проведетъ часъ съ хорошенькой женщиной; вотъ тогда съ нимъ можно было разговаривать съ успѣхомъ. Графъ В. Ѳ. Адлербергъ, сдѣлавшись министромъ двора, во многомъ ограничилъ власть А. М. Гедеонова; видя при новомъ царствованіи свое вліяніе ослабѣвшимъ, онъ вышелъ въ отставку, уступивъ свое мѣсто А. И. Сабурову.

Объ А. И. Сабуровѣ много сказать нечего. Его дѣятельность не была продолжительна. Какъ онъ относился къ драматическому искусству,—по этому поводу про него сохранился анекдотъ, что онъ заказывалъ одному автору написать для русской сцены что-нибудь въ родѣ „Горе отъ ума".

Въ числѣ добрыхъ о немъ воспоминаній можно сказать одно: за все время своего директорства онъ получилъ жалованья 1 р. 40 к., отдавая все бѣднымъ артистамъ и чиновникамъ.

Его смѣнилъ графъ Борхъ, большой баринъ, важный, спѣсивый, малодоступный, для котораго русская сцена и русская

литература была terra incognita. Онъ самъ признавался, что не знаетъ ни одной русской пьесы. Пріѣхавъ разъ въ театръ во время представленія „Ревизора", онъ спросилъ: „Что это—хорошая пьеса?"—А посмотрѣвъ, сказалъ: „Кто это пишетъ подобныя глупости?!"

При нашемъ представленіи ему въ первый разъ, онъ, несмотря на то, что принадлежалъ къ первымъ чинамъ двора, былъ видимо сконфуженъ и съ дрожью въ голосѣ прочиталъ по бумажкѣ заранѣе приготовленную рѣчь, въ которой прежде всего хотѣлъ озаботиться о нуждахъ русской сцены, приглашалъ артистовъ письменно изложить свое мнѣніе, что̀ они найдутъ необходимымъ для процвѣтанія драматическаго искусства.

Двое легковѣрныхъ, Григорьевъ и я, составили и подали ему наши записки; онъ ихъ передалъ на разсмотрѣніе П. С. Ѳедорову; тѣмъ преуспѣваніе и кончилось. А Ѳедоровъ долго не могъ простить намъ этого. Всегда безукоризненно одѣтый, тщательно выбритый, гордо кругомъ смотрящій, холодный, неподвижный, онъ никогда не высказывалъ ни одобренія, ни порицанія. Говорилъ очень мало, выражаясь однозвучно: „А!.. Гм!.. Да!.." но и то рѣдко, а большею частью выражался одной миникой. Въ главныхъ роляхъ въ балетѣ, какъ молчаливый, онъ занималъ бы видное мѣсто. Самое главное, что̀ онъ требовалъ отъ всѣхъ—это безпредѣльныхъ знаковъ внѣшняго уваженія. Онъ очень спокойно переносилъ противодѣйствіе, но не терпѣлъ противорѣчія.

Послѣ себя онъ оставилъ одну важную реформу: будучи поклонникомъ внѣшности, онъ обязалъ музыкантовъ являться въ спектакль въ черномъ фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Это—единственный слѣдъ, который остался отъ его управленія.

Послѣ Борха былъ назначенъ С. А. Гедеоновъ. Всѣ, кому дорого родное искусство, ожили надеждой. Молодой, умный, высокообразованный, ученый, самъ литераторъ, энергичный, честолюбивый, онъ составлялъ исключеніе между своими предшественниками. Отъ него имѣли право ожидать многаго. Начало было блестящее. Онъ сошелся тогда же съ А. Н. Островскимъ, которому далъ закончить задуманную и начатую имъ драму „Василиса Мелентьева", имѣвшую, несмотря на плохое исполненіе главныхъ ролей, большой успѣхъ. Къ несчастью, для русскаго искусства еще не наступила свѣтлая эпоха.

Со времени министерства графа В. Ѳ. Адлерберга, самостоятельность директора театровъ была почти совершенно уничтожена. Контракты съ артистами, прибавки жалованья утвер-

ждались министромъ; расходы на постановку пьесъ зависѣли не отъ директора, а отъ контроля; при отказѣ министра и контроля, директоръ игралъ жалкую роль, обращаясь въ совершенный нуль. Эта участь и постигла С. А. Гедеонова; къ довершенію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ съ самаго начала своего поступленія не сошелся съ барономъ Кистеромъ, съ которымъ и началась ожесточенная вражда. Въ отзывахъ одинъ о другомъ, они доходили до крайне неприличныхъ выраженій. Баронъ Кистеръ, будучи всесильнымъ лицомъ при А. В. Адлербергѣ, парализовалъ всѣ дѣйствія Гедеонова; на все безусловно необходимое слѣдовали отказы, и если что̀ утверждалось, то только по представленію начальника репертуарной части, П. С. Ѳедорова. Имени же директора было достаточно для отказа. Бо̀льшаго униженія власти директора, какъ въ это время, никогда въ театрѣ не было. Жалобы Гедеонова министру оставались безслѣдны; несмотря на многочисленныя просьбы объ отставкѣ, ему ея не давали. Тогда, озлобленный, оскорбленный, желчный, онъ махнулъ на все рукой и отъ всего отказался. Что̀ бы ни шло въ театрѣ, его мы не видали, и только когда императоръ удостоивалъ посѣщать русскіе спектакли, онъ являлся по служебной необходимости. Кромѣ того, несмотря на свой умъ, высокое образованіе, онъ не любилъ ничего русскаго, ни въ какой отрасли не признавалъ русскаго искусства и торжественно заявлялъ, что за два такта музыки Верди отдастъ всю русскую музыку.

При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и такомъ взглядѣ на дѣло, ему стало все ненавистно, и онъ безвыходно проводилъ безсонныя ночи въ яхтъ-клубѣ, разстроивая окончательно свое здоровье и желая избавиться отъ каторжной для него должности, что̀ вскорѣ и послѣдовало. Но организмъ его былъ такъ потрясенъ нравственными оскорбленіями, что послѣ этого онъ жилъ очень недолго.

Послѣ С. А. Гедеонова мѣсто директора оставалось вакантнымъ, а завѣдываніе театрами принялъ на себя контролеръ императорскаго двора, баронъ Кистеръ. Человѣкъ энергичный, ловкій, разсчетливый, будучи небольшимъ чиновникомъ (смотрителемъ Ботаническаго сада), онъ съумѣлъ сдѣлаться необходимымъ министру и составилъ себѣ неслыханную блистательную карьеру, достигши въ 15 лѣтъ изъ коллежскаго совѣтника чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, получивъ званіе статсъ-секретаря, орденъ св. Александра Невскаго съ брилліантами, большую аренду и, сверхъ того, сдѣлавъ себѣ огромное состояніе.

Завѣдываніе театрами давало возможность барону Кистеру часто находиться возлѣ особы государя императора, и онъ ухватился за это мѣсто, какъ за случай къ своему возвышенію, потому что аристократія глядѣла на него какъ на „parvenu". Отставной поручикъ, потомъ смотритель Ботаническаго сада, будучи совершенно чуждъ искусству и не питая любви къ нему, онъ смотрѣлъ на дѣло только съ точки зрѣнія экономіи и прибыли. Но какъ занятіе искусствомъ не есть занятіе коммерческое и отъ него надо ожидать не прибылей, а убытковъ, а баронъ Кистеръ создалъ себѣ высокую репутацію экономіей, то онъ свое управленіе и началъ обрѣзываніемъ всѣхъ статей необходимаго расхода и взиманіемъ законныхъ и незаконныхъ налоговъ со всего, что̀ имѣло соприкосновеніе съ театромъ. Не даромъ графъ Соллогубъ въ своемъ четверостишіи назвалъ его „Пугачевымъ" русской сцены.

Главнымъ помощникомъ по управленію театрами онъ взялъ къ себѣ Л., котораго личность необходимо очертить въ моихъ воспоминаніяхъ. Это былъ неудавшійся офицеръ, неспособный къ службѣ, неудавшійся художникъ, состоявшій на посылкахъ при Брюлловѣ, неспособный къ какому-нибудь искусству, и вполнѣ удавшійся слуга для того господина, который могъ ему быть выгоденъ. Самолюбивый, заносчивый, бездарный, а потому завистливый и злой, онъ былъ пригрѣтъ С. А. Гедеоновымъ, который опредѣлилъ его смотрителемъ какого-то отдѣленія въ Эрмитажѣ, а сдѣлавшись директоромъ, поручилъ ему должность начальника надъ гардеробной и декораціонной частями, гдѣ онъ ожилъ и оперился.

Будучи всѣмъ обязанъ Гедеонову, Л., несмотря на то, что Гедеоновъ былъ въ кровной враждѣ съ барономъ Кистеромъ, съумѣлъ сдѣлаться первымъ человѣкомъ и у Кистера. Этого одного вполнѣ достаточно для его нравственной характеристики. Въ служебныхъ отношеніяхъ къ нему какъ нельзя болѣе можно примѣнить два стиха И. С. Тургенева:

„Удавъ—надъ подчиненнымъ,
Передъ начальствомъ—глистъ".

Съ черствымъ сердцемъ, фельдфебельскими пріемами, съ грубой, отталкивающей физіономіей, неуклюжій, онъ своимъ крикомъ и топаньемъ ногами наводилъ страхъ и ужасъ на тѣхъ маленькихъ людей, которые отъ него зависѣли. И вотъ этотъ-то приниженный краскотеръ у Брюллова, вѣчно голодный, вѣчно пресмыкающійся, вкусилъ сладость власти, а потому понятно, съ

какой алчной жадностью эта несчастная, ощипанная ворона, въ которую воткнули два павлиньихъ пера, бросилась терзать маленькихъ пташекъ.

Зная конекъ барона Кистера—экономію, онъ захотѣлъ перещеголять въ этомъ своего начальника. Правило барона Кистера — *сберегать*, онъ превратилъ въ правило—*отнимать*: воспитанники, пробывшіе въ школѣ много лѣтъ, выпускались на сцену, по окончаніи курса, безъ жалованья,—*впредь до открытія свободныхъ суммъ*.—Это невѣроятно, но вѣрно!—У заслуженныхъ артистовъ убавляли жалованье; артистамъ съ развивающимися талантами и трудящимся обѣщали прибавки, и не давали ихъ по нѣскольку лѣтъ, заставляя переносить голодъ, нужду и входить въ неоплатные долги. Частные театры обложили непосильной пошлиной и разорили многихъ. По произволу чиновниковъ запрещали спектакли въ клубахъ (напримѣръ, во „2-мъ Общественномъ Собраніи"). Въ Москвѣ же произволъ этихъ блюстителей интересовъ дирекціи дошелъ до грабежа; брали съ клубовъ и антрепренеровъ не только деньгами, но и угощеніемъ. Декораціи, костюмы—обратились въ тряпье; самые театры оставались въ грязномъ, неопрятномъ видѣ, полуразрушенные до того, что сцена въ Большомъ театрѣ, послѣ управленія барона Кистера, признана была опасною.

Скаредность дирекціи по отношенію къ русскому театру доходила до того, что для постановки пьесы: „Правда хорошо, а счастье лучше", А. Н. Островскаго, отказали въ Москвѣ въ ничтожномъ расходѣ на садовую бесѣдку, и бенефиціантъ Музиль сдѣлалъ ее на собственный счетъ. Въ Петербургѣ же, во время представленія этой же пьесы, въ послѣднемъ актѣ, который происходитъ въ столовой богатаго купца, за неимѣніемъ обѣденнаго стола, поставили карточный, да и тотъ еле живой, покрывши плохонькой салфеточкой. Какъ разъ въ то время, когда императоръ былъ въ театрѣ, этотъ столъ на сценѣ развалился, но, къ сожалѣнію, это случилось передъ самымъ поднятіемъ занавѣса, а не во время дѣйствія.

Такая фиктивная экономія потребовала впослѣдствіи для возобновленія всего громадныхъ суммъ. Чтобы устранить частную конкурренцію и наживать больше денегъ, сняли въ аренду Малый театръ, но не приготовили для этого ни декорацій, ни пьесъ, ни артистовъ. Открыли театръ—играть некому и нечего, сборовъ никакихъ и ожидаемыхъ прибылей—тоже.

Л., неутомимо стараясь соблюсти охранительныя начала, запретилъ носить на сценѣ генеральскіе эполеты, орденскія ленты,

чиновничій вицмундиръ и даже офицерскій темлякъ и кокарду. Онъ перечитывалъ уже много лѣтъ игранныя пьесы и по своимъ соображеніямъ дѣлалъ вымарки того, что̀ считалъ неприличнымъ и либеральнымъ. Наконецъ, въ порывѣ усердія, *сократилъ* „Горе отъ ума“. Это сокращеніе вызвало бурю негодованія въ публикѣ и печати, и въ послѣдующія представленія комедію играли въ прежнемъ видѣ.

Не знаю, до чего бы дѣло дошло, еслибы оно не разрѣшилось увольненіемъ Кистера, а съ нимъ и Л. При этомъ добавлю, что при соблюденіи экономіи Л. себя не забывалъ; онъ получалъ оклады: по должности начальника репертуарной части, по должности завѣдывающаго гардеробною и декоративною частями, какъ смотритель въ Эрмитажѣ и, сверхъ того, имѣлъ казенную квартиру и экипажъ; да еще получалъ аренду. Самъ онъ былъ сытъ, а до другихъ что̀ ему за дѣло?

Въ продолженіе всей моей службы я не видѣлъ такого ликованія въ театрѣ, какое было по случаю его увольненія, и за нимъ осталось имя „безполезнаго злодѣя“.

Если спросятъ, какъ же могло идти дѣло съ подобными директорами? Я отвѣчу, что со времени выхода въ отставку А. М. Гедеонова до вступленія барона Кистера, да и при немъ еще, настоящимъ директоромъ театровъ былъ начальникъ репертуарной части, П. С. Ѳедоровъ, назначенный на эту должность еще графомъ В. Ѳ. Адлербергомъ. На этой личности сто̀итъ остановиться. Павелъ Степановичъ Ѳедо̀ровъ былъ человѣкъ съ замѣчательными административными способностями. Съ большимъ умомъ онъ соединялъ въ себѣ угодливость чиновника, хитрость царедворца и тонкость дипломата. Начавъ свою карьеру въ присутственномъ мѣстѣ, съ писарской должности, чуть не босикомъ, обтирая перо о свои волосы и переписывая бумаги у окна, имѣя помадную банку вмѣсто чернильницы, онъ самоучкой образовалъ себя; имѣя отличный слухъ, онъ сдѣлался музыкантомъ, изучалъ иностранные языки, посвящалъ свободное время чтенію и обратилъ на себя благонравіемъ и религіозностью вниманіе всемогущаго тогда князя Голицына, мистика, который приласкалъ усерднаго юношу и далъ ему возможность выйти въ люди. Ѳедоровъ впослѣдствіи съ благоговѣйнымъ уваженіемъ разсказывалъ, какъ всякое воскресенье, послѣ обѣдни, онъ являлся къ А. С. Голицыну съ просвирой, съ другими также благонравными молодыми людьми, какъ ихъ привѣтливо встрѣчалъ князь, поилъ чаемъ и читалъ наставленія. Любознательный, съ эстетическими наклонностями, онъ близко сошелся съ артистами. Былъ

другомъ Мартынова, Максимова, Самойлова и друг.; женился на театральной воспитанницѣ и весь свой досугъ посвящалъ театру. Одаренный наблюдательностью, онъ написалъ много маленькихъ интересныхъ пьесъ, имѣвшихъ большой успѣхъ въ свое время. Между ними лучшая—по вѣрному изображенію быта чиновниковъ—„Архиваріусъ“; всего же имъ было написано, переведено и передѣлано съ французскаго до ста пьесъ.

Какъ было не радоваться артистамъ такому назначенію? На дѣлѣ, однако, оказалось не то. Простой, веселый, обходительный, пріятный въ обществѣ человѣкъ, онъ замкнулся въ непроницаемую броню чиновника и сдѣлался чуждымъ для артистовъ. Этого потребовала карьера. Прежде всего онъ былъ чиновникъ, чиновникъ исполнительный; на первомъ планѣ стояло угожденіе начальству. Съ кончиной императора Николая, русскій театръ сталъ видимо падать; много большихъ талантовъ сошло въ могилу. Императорская фамилія посѣщала театръ рѣже. Не нравилось современное направленіе новыхъ пьесъ, гдѣ русская жизнь являлась во всей своей тяжелой неприглядности. Государь—разсказывали—говорилъ, что Островскій—человѣкъ талантливый, но онъ не можетъ смотрѣть его пьесы: „Я пріѣзжаю въ театръ отдохнуть отъ трудовъ и развлечься, —замѣчалъ онъ,—а посмотрѣвъ пьесы Островскаго, уѣзжаю еще болѣе грустный и разстроенный“. Такъ какъ Θедоровъ зналъ, чтò можетъ скорѣе нравиться, то все его вниманіе было обращено на балетъ, который и достигъ высшей степени совершенства.

Русскій театръ былъ забытъ и брошенъ; къ несчастію, Θедоровъ былъ человѣкъ съ небольшими средствами; явились любимцы, начались злоупотребленія въ раздачѣ ролей, въ составленіи спектаклей, чтобы дать возможность любимцамъ получать побольше разовыхъ; на постановку не обращалось никакого вниманія. Появились оперетки съ ихъ растлѣвающимъ нравственность направленіемъ, развращавшимъ вкусъ публики. Режиссерами назначались или плуты, или самые бездарные, ограниченные люди; большіе таланты перемерли; на авторовъ, если они не были отъявленные пролазы, не обращалось никакого вниманія,—и въ концѣ концовъ получилось полное разложеніе русской сцены. Несмотря на это, Θедоровъ держался крѣпко,—онъ по прежнему оставался въ силѣ у Адлерберга; чтò же могли ему сдѣлать часто смѣнявшіеся директора, люди и не любившіе, и не понимавшіе искусства?..

Θедоровъ служилъ очень долго при графѣ В. Θ. Адлербергѣ, еще когда онъ управлялъ почтовымъ департаментомъ, и пользо-

вался уже тогда его особымъ расположеніемъ; сдѣлавшись министромъ двора, графъ назначилъ Өедорова начальникомъ театральной школы и инспекторомъ репертуара.

Предупрежденные о недостаткахъ Өедорова, директора̀ театровъ давали слово начать свое управленіе съ его отставки, но незнакомые съ дѣломъ, они черезъ мѣсяцъ, какъ дѣти, подчинялись ему вполнѣ, и Өедоровъ обращался съ ними какъ съ дѣтьми, устроивая такъ, какъ будто онъ исполнялъ не свои, а ихъ приказанія. Онъ имѣлъ необыкновенную проницательность сразу видѣть слабыя стороны своего начальника, и на этихъ струнахъ давалъ удивительные, артистическіе концерты. Не было такого администратора, при которомъ онъ бы не могъ удержаться, и мало этого—онъ всегда имѣлъ на каждаго свое вліяніе.

Неблагопріятные отзывы печати только усиливали положеніе Өедорова и давали ему опору. Начальство видѣло въ этихъ отзывахъ несправедливое порицаніе себѣ, а не Өедорову, и еще крѣпче держалось за него.

Хороши были и рецензенты того времени; для нихъ ничего не существовало, кромѣ личныхъ отношеній и собственнаго интереса. Не могу пропустить разсказа Сѣтова, бывшаго тогда главнымъ режиссеромъ въ русской оперѣ; этотъ разсказъ переданъ мнѣ А. Н. Островскимъ. Когда въ журналахъ нападки на Өедорова стали обращать на себя вниманіе высшаго начальства, то Сѣтовъ, находившійся съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, задумалъ его выручить.

Болѣе всѣхъ ожесточенно бранили Өедорова А. Григорьевъ и В. Крестовскій, жену котораго не приняли на сцену.

Сѣтовъ, будучи пріятелемъ А. Григорьева, предложилъ ему работу для дирекціи: перевести „Донъ-Жуана“ Моцарта за 500 руб. А. Григорьевъ, вѣчно нуждавшійся, охотно согласился. Сѣтовъ пригласилъ его работать у себя на дому и безъ церемоніи заперъ его, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ иначе никогда не кончитъ работу.

Пользуясь пребываніемъ Григорьева, онъ сталъ ему доказывать, какъ невыгодно ссориться съ Өедоровымъ, который можетъ быть ему полезенъ и дать возможность заработать хорошія деньги. —„Чтò же мнѣ дѣлать?“ — спрашиваетъ Григорьевъ.—„Оставить всѣ нападки на Өедорова и съ нимъ помириться.—„Я бы оходно радъ, но тутъ замѣшанъ Крестовскій: Өедоровъ не принялъ его жену на сцену“. — „Это можно устроить, — сказалъ Сѣтовъ,—она будетъ принята, только напишите Өедорову извинительное письмо и сознайтесь, что были неправы“. А. Гри-

горьевъ, въ надеждѣ на будущій хорошій гонораръ, отправился къ Крестовскому, который, въ свою очередь, обрадовался обѣщанному пріему жены, тотчасъ же согласился на его предложеніе, и они написали Ѳедорову самое лестное письмо, сознаваясь въ своихъ заблужденіяхъ, прося все забыть и извинить ихъ.

Получивъ это письмо, Ѳедоровъ собралъ всѣ ругательныя статьи и вмѣстѣ съ письмомъ отвезъ Адлербергу. „Вотъ, ваше сіятельство,—сказалъ онъ ему, показывая то и другое,—теперь вы сами можете оцѣнить безпристрастіе и побужденія нашихъ критиковъ".

Прочитавъ все это, графъ Адлербергъ отвѣтилъ Ѳедорову, что онъ и прежде ничему не вѣрилъ.

Съ этого времени довѣріе къ Ѳедорову было окончательно упрочено, и на отзывы въ печати о театрѣ уже не обращали никакого вниманія. Прибавлю къ этому, что жена Крестовскаго на сцену принята не была, а Григорьеву что-то заплатили, причемъ Сѣтовъ, отдавая ему деньги, сказалъ: „Вотъ тебѣ, за начатую работу и хорошее поведеніе, отъ Ѳедорова,—а ты больше не трудись; мы эту оперу ставить раздумали".

Но, строго осуждая Ѳедорова, за его вредное отношеніе къ русскому театру, надо быть справедливымъ и къ его заслугамъ.

Русская опера исключительно ему обязана своимъ блестящимъ возрожденіемъ,—онъ первый привлекъ къ ней и русскія силы, и русскихъ композиторовъ, которыхъ до него совершенно игнорировали. Впослѣдствіи онъ разошелся съ оперой, но она была уже поставлена на прочную ногу.

Въ судьбѣ Ѳедорова много трагическаго. Чтобъ угодить начальству, онъ обращалъ вниманіе только на тѣ части, которыя могли его возвысить въ глазахъ высшихъ особъ, т.-е. на балетъ и на внѣшній порядокъ и чистоту въ школѣ, которую иногда посѣщалъ и самъ императоръ.

Невниманіемъ и злоупотребленіями своими онъ оттолкнулъ зато отъ себя всѣхъ честныхъ артистовъ. Имѣя дочь и не имѣя обезпеченныхъ средствъ къ жизни, онъ желалъ составить ей приданое, обезпечить семью, и для того ничѣмъ не пренебрегалъ. Но судьба горько посмѣялась надъ нимъ: жена умерла ранѣе его; дочь захворала тяжкою, неизлечимою болѣзнью и тоже скоро скончалась. И вотъ старикъ, тяжело больной, съ дорого стоющимъ ему богатствомъ, остался одинъ на свѣтѣ, окруженный общимъ недоброжелательствомъ и той маленькой кучкой людей, которая изъ него высасывала кое-какія выгоды,—

и если смерть его была встрѣчена безъ злорадства, то и безъ всякаго сожалѣнія.

Чтобы дополнить мой очеркъ, я долженъ описать промежутокъ, бывшій со времени удаленія начальника репертуарной части Неваховича, до назначенія на эту должность Өедорова.

Послѣ Неваховича около двухъ лѣтъ эту обязанность исправлялъ секретарь директора, Е. М. С—овъ. Начавъ свою карьеру писцомъ, онъ сорокъ лѣтъ просидѣлъ, записывая входящія и исходящія. Маленькій, злой, заикающійся, окаменѣлый въ канцелярскомъ строченьѣ, онъ доползъ до званія секретаря директора; ему была знакома одна литература—отношеній и рапортовъ; на право инспектора ему давало только родство съ Каратыгинымъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. У него было двѣ слабости: взяточничество и поклоненіе Бахусу; бралъ онъ по мелочамъ, какъ Рисположенскій, въ комедіи Островскаго „Свои люди сочтемся", а выпивкой занимался у артистовъ, кормившихъ его обѣдами. На одномъ такомъ пиршествѣ у капельмейстера Кажинскаго, ему, упившемуся, хозяинъ дома при всѣхъ положилъ въ задній карманъ полдюжины серебряныхъ ложекъ. Артистка Левкѣева за какое-то дѣло, которое онъ обѣщалъ ей устроить, поднесла ему золотые часы; а такъ какъ С—овъ своего слова не сдержалъ и ничего для нея не сдѣлалъ, то она пожаловалась директору, заявивъ при этомъ, что онъ взялъ съ нея золотые часы. „Они и теперь на немъ",—добавила Левкѣева. Гедеоновъ позвалъ С—а и безъ гнѣва, спокойно сказалъ ему: „Сними часы и отдай!" С—овъ такъ же спокойно снялъ и отдалъ; Левкѣева спокойно ихъ на себя надѣла—и всѣ разошлись съ миромъ.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость С—ву: онъ сберегалъ казенные интересы, и для этого отстаивалъ бенефисную систему, по которой авторамъ ничего не платилось. Бо̀льшая часть пьесъ Кукольника, Полевого были играны даромъ, потому что шли въ бенефисъ. Авторы получали отъ бенефиціантовъ незначительный подарокъ, а иногда только угощеніе. На этомъ же основаніи были даромъ играны пьеса Островскаго „Не въ свои сани не садись" и комедія Сухова-Кобылина „Свадьба Кречинскаго", давшія дирекціи сотни тысячъ, а авторамъ даже не было выражено благодарности [1]).

Послѣ Куликова режиссеромъ былъ Вороновъ, — человѣкъ

[1]) Дирекція стала платить авторамъ, когда образовался литературно-театральный комитетъ, послѣ исполнившагося столѣтія русскаго театра.

очень любознательный, самъ себя образовавшій; онъ зналъ почти всѣ иностранные европейскіе языки; но какъ артистъ и режиссеръ былъ человѣкъ ограниченный и, кромѣ того, формалистъ до крайней степени. При этомъ онъ былъ лишенъ Ѳедоровымъ самостоятельности, и вся его дѣятельность прошла въ наблюденіи, чтобы артисты не отступали отъ тѣхъ правилъ, которыя для нихъ установлены начальствомъ.

Послѣ него, Я—инъ игралъ роль болѣе дѣятельную, зато и болѣе вредную для русской сцены. Интриганъ, не останавливавшійся ни передъ чѣмъ, онъ съумѣлъ угодить Ѳедорову, а потому и пользовался большей самостоятельностью, чѣмъ Вороновъ, и употреблялъ ее на то, чтобы вывести свою дочь и привить къ русской сценѣ—оперетку. Вороновъ, какъ человѣкъ преданный искусству, чего отнять у него было нельзя, еще старался поддерживать прежнія традиціи, а Я—инъ растлилъ русскую сцену и, заботясь только о своихъ выгодахъ, довелъ ее до настоящаго упадка. Закончилъ онъ свою карьеру, какъ и слѣдовало ожидать, очень печально. Думая только о своихъ интересахъ, онъ снялъ театръ въ Тифлисѣ и, будучи главнымъ режиссеромъ, во время самаго разгара сезона тихонько уѣхалъ туда со всей семьей, бросивши театръ на произволъ судьбы. Министръ, графъ А. В. Адлербергъ, приказалъ за это исключить его со всей семьей изъ службы и впредь не принимать. Вся труппа его ненавидѣла и называла „каторжнымъ". На дѣятельности Лепина и Натарова я не останавливаюсь; это были люди добрые, но безличные и безсловесные, лишенные всякой иниціативы, бывшіе только на побѣгушкахъ у Ѳедорова. Это были не режиссеры, а старшіе капельдинеры.

Вотъ при какихъ условіяхъ русская драматическая сцена существовала слишкомъ сорокъ лѣтъ,—какъ же она могла не дойти до того современнаго печальнаго положенія, въ которомъ она теперь (1883 г.) находится?!

Изъ всего, что̀ мнѣ, такимъ образомъ, припомнилось, видно, что всѣ при мнѣ бывшіе директора были какъ будто чужіе для театра, и театръ былъ для нихъ чужой. Отправлялась только одна форменная сторона дѣла—и ничего болѣе.

Только другія отрасли сценическаго искусства, за исключеніемъ русскаго драматическаго театра, довольно прочно поставлены.

Балетъ, при содѣйствіи хорошихъ иностранныхъ хореографовъ, процвѣтаетъ, не уступая ни одной европейской сценѣ.

Русской оперѣ даютъ неистощимый матеріалъ композиторы цѣлаго міра, а пѣвцовъ подготовляютъ столичныя консерваторіи.

Иностранные театры всегда будутъ прекрасны, если есть, чѣмъ заплатить за нихъ.

Французскій, нѣмецкій репертуаръ и талантливые артисты тотчасъ явятся,—только дайте имъ хорошія деньги.

Одинъ русскій драматическій театръ нужно еще создать. Для него не существуетъ школы, хорошія преданія исчезли вмѣстѣ съ большими талантами. Провинціальные артисты, хотя и не лишенные дарованія, но не имѣя серьезной подготовки, внесли на императорскую сцену дурные вкусы и дурныя привычки. За исключеніемъ А. Н. Островскаго, находящагося уже въ преклонныхъ лѣтахъ, нѣтъ драматическихъ авторовъ, а есть только театральные закройщики, а потому обязанность директора—поставить дѣло такъ, чтобы авторы и люди, посвящающіе себя сценической дѣятельности, не задумываясь, отдавали свою будущность театру.

Все это не трудно,—трудно отыскать только лицо съ такой любовью къ искусству и съ такими стремленіями.

У насъ издавна былъ обычай,—не въ одномъ театральномъ вѣдомствѣ,—нагрѣвать руки около казеннаго имущества; не даромъ сложилась и поговорка: „дай мнѣ случай кормить воробья на казенный счетъ,—я прокормлю корову“.

Въ дирекціи это кормленіе совершалось въ прежнія времена довольно открыто, особенно при А. М. Гедеоновѣ. Отсутствіе контроля и гласности упрощало дѣло. Хищники были крупные и мелкіе. Къ крупнымъ, въ тѣ времена, относилась контора театровъ, съ управляющимъ во главѣ, и канцелярія двора, которыя братски дѣлили между собою проценты со всѣхъ поставокъ, дѣлаемыхъ для театра, а поставки были громадныя, если вспомнить, что постановка какого-нибудь балета стоила отъ 30 до 40 тысячъ рублей.

А. Н. Островскій разсказывалъ мнѣ, какъ однажды, на сценѣ Малаго театра, А. Н. Верстовскій своеобразно отрекомендовалъ ему прибывшаго изъ Петербурга управляющаго тамошней конторой, Л. Д. К.: „Вотъ, батюшка, рекомендую одного изъ умнѣйшихъ людей, какихъ я зналъ когда-либо; онъ чуть не пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ, а теперь у него тысяча душъ!“ Когда К. выдавалъ свою дочь замужъ, то говорили, что приданое, цѣн-

ностью въ 40 т. р., поднесъ ему англійскій магазинъ, бывшій тогда привилегированнымъ поставщикомъ для театра.

Въ тѣ блаженныя, чуть не допотопныя времена, въ кассѣ еще не были заведены перенумерованныя книги, откуда вырываются теперь билеты для продажи. Билеты были картонные, прочные, всегда одни и тѣ же,—только отъ времени до времени измѣнялись цвѣта и при входѣ въ залъ отбирались отъ публики. Продавалъ кассиръ, а контролировалъ чиновникъ дирекціи, называвшійся смотрителемъ за сборами. Въ каждомъ театрѣ былъ особенный смотритель. Это мѣсто было неисчерпаемымъ источникомъ дохода. При описанномъ мною порядкѣ, смотритель за сборами и кассиръ были полновластными хозяевами и могли показывать сборы—какіе имъ было угодно. Смотритель за сборами въ Александринскомъ театрѣ, Кр., нажилъ нѣсколько домовъ, а кассиры, получая грошевые оклады, ѣздили на своихъ лошадяхъ, жили открыто и вели большую картежную игру.

Однажды К., зашедши на сцену, взглянулъ въ залу въ дырочку, находящуюся въ занавѣсѣ, и, видя почти полный театръ, спросилъ у Кр.:

— Сколько сбору?

— Около двухъ-сотъ рублей.

— Мало! прибавь что-нибудь!—сказалъ ему К.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! — отвѣчалъ Кр.

Кр. въ то же время былъ смотрителемъ дома дирекціи, и отъ ремонта, отопленія и освѣщенія имѣлъ еще хорошіе доходы. Говорили, будто на его обязанности лежало одѣвать и кормить прислугу директора.

Однажды онъ явился къ А. М. Гедеонову съ слѣдующей просьбой:

— Ваше пр—ство, у меня есть маленькій домишка въ Измайловскомъ Полку, но къ моему горю съ очень крошечнымъ дворомъ; теперь время лѣтнее, можно дешево купить дровъ, а сложить ихъ некуда; не позволите ли вы ихъ сложить на дворѣ дома дирекціи,—это мнѣ сдѣлаетъ большую экономію.

— Сдѣлай милость, любезный!—отвѣчалъ Гедеоновъ.

Кр. привезъ на казенный дворъ всего одинъ возъ дровъ и этимъ возомъ отапливалъ цѣлую зиму всѣ свои дома!!

Не могу здѣсь пропустить исторію Руадзе, тоже бывшаго когда-то смотрителемъ Большого театра.

Руадзе, въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, привелъ отъ персидскаго шаха слона въ подарокъ госу-

дарю. Какъ онъ поступилъ на службу и сдѣлался чиновникомъ — сказать не могу, но онъ долгое время былъ смотрителемъ Большого театра и нажилъ хорошее состояніе.

Однажды императоръ, проѣзжая по Большой Морской, увидѣлъ на углу Кирпичнаго переулка огромный строящійся домъ. Тамъ теперь помѣщается ресторанъ Бореля.

— Кто строитъ этотъ домъ?—спросилъ государь.

Ему отвѣчаютъ:

— Руадзе.

— Кто онъ такой?

— Былъ чиновникъ, теперь въ отставкѣ.

— Откуда же онъ могъ взять столько денегъ, чтобы выстроить такой домина? Вѣроятно, казну обокралъ! Нарядить слѣдствіе, узнать и донести мнѣ.

Наряжена была коммиссія изъ почтенныхъ людей, подъ предсѣдательствомъ графа А. Ѳ. Орлова.

Когда Руадзе пригласили въ коммиссію и, послѣ обычныхъ формальностей, спросили его, гдѣ онъ взялъ денегъ, чтобы выстроить такой домъ,—Руадзе отвѣчалъ:

— У жены.

— А она откуда взяла?

— Спросите у нея самой!

Пригласили въ коммиссію жену Руадзе; она была очень красивая и бойкая женщина; на вопросъ членовъ, гдѣ она взяла деньги, г-жа Руадзе смѣло отвѣчала:

— Въ этомъ я не обязана давать вамъ отчетъ.

Тѣмъ слѣдствіе и кончилось; такъ доложили и государю.

По этому случаю я слышалъ очень характерный анекдотъ.

У Руадзе былъ очень близкій знакомый генералъ, кавказскій уроженецъ, гигантскаго роста, лѣтъ далеко за семьдесятъ, одинъ изъ тѣхъ генераловъ, которые присутствуютъ на всѣхъ купеческихъ именинахъ, похоронахъ и свадьбахъ; онъ всѣмъ говорилъ „ты“ и объяснялся съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ.

Онъ крестилъ дѣтей у Руадзе и былъ у него постояннымъ гостемъ.

Когда, по Высочайшему повелѣнію, назначили слѣдствіе, генералъ поѣхалъ къ графу Орлову, хлопотать за Руадзе.

— Пожалуйста, графъ, — сказалъ онъ ему,—не обижай ты Руадзе; я его давно знаю,—онъ хорошій человѣкъ. Ты хочешь знать, гдѣ онъ взялъ деньги, изволь, я скажу: онъ былъ смотри-

телемъ въ Большомъ театрѣ: нужно что̀ покрасить... ну, понимаешь, бралъ; нужно театръ отопить—ну, бралъ; освѣтить—бралъ; починить... ну, бралъ; нанять рабочихъ—бралъ; жена у него молодая, здоровая,—при этомъ онъ сдѣлалъ выразительный жестъ,—ну, понимаешь... бралъ! Я тебѣ говорю, не тронь его,—хорошій человѣкъ"!

. . . .

1883 г.

ПО ПОЛЯМЪ И ЛѢСАМЪ

Деревенскіе очерки.

I.

На свободной рѣкѣ.

Вчера, когда я ѣхалъ по ровному открытому полю, широкая пыльная дорога разстилалась предо мною; по сторонамъ попадались пашни съ зрѣющими хлѣбами, скошенные луга, ручьи, перелѣски; кое-гдѣ вдали виднѣлись деревеньки, села... Какая-то тихая грусть наполняла мою душу, въ головѣ роилась неясная, робкая мысль... Когда я ѣхалъ лѣсомъ, и вѣковыя ели и сосны, тѣснясь къ узкому проселку, зелеными шатрами вѣтокъ завѣшивали отъ меня густое голубое небо, а по сторонамъ въ чащѣ, несмотря на солнечный день, бродилъ сумракъ,—душа безпокойно рвалась на просторъ, къ свѣту; мысль, какъ эхо оборванной пѣсни, пугливо замирала... Сегодня цѣлое утро я брожу по берегу рѣки и, какъ дитя, любуюсь ея просторомъ, смотрю на далекій противоположный берегъ, потонувшій въ нѣжной голубой дымкѣ, и слушаю тихіе, ровные всплески волны, набѣгающей на отмель... И кажется мнѣ: тревоги оставили мою душу, мысль свободна, какъ свободна эта могучая, великая рѣка...

Я сидѣлъ на уступѣ громаднаго песчаника и смотрѣлъ вдаль... Солнце, склонившееся къ западу, отбросило на отмель мою тѣнь, длинную, съ узкимъ очертаніемъ плечъ и съ тонкими руками; правѣе, на рѣкѣ, уродливымъ силуэтомъ обрисовалась

тѣнь пароходной пристани, съ длиннымъ, тонкимъ шестомъ на кровлѣ...

Небольшое суденышко, съ дощатой, выгнутой въ дугу кровлей, съ двумя крошечными конурками и съ навѣсомъ для товаровъ и для „сѣрой" публики,—пріютило меня подъ своимъ кровомъ, и я вторыя сутки живу здѣсь и жду парохода „съ низовъ". Сегодня ночью я нѣсколько разъ просыпался, разбуженный пароходными свистками, выбѣгалъ на палубу, а когда узнавалъ, что къ пристани причалилъ не попутный мнѣ пароходъ—снова уходилъ въ узенькую комнатку и снова томился въ ожиданіи.

За эти томительные часы ожиданій я успѣлъ перезнакомиться съ персоналомъ служащихъ пристани. Невысокій, коренастый мѣщанинъ, съ сѣденькой бородкой и съ сѣрыми узенькими глазками, по имени Лукичъ,—былъ старшимъ на пристани, а парень лѣтъ двадцати, „Ѳедька", его братъ, исполнялъ роль помощника. Лукичъ былъ молчаливъ и угрюмъ, Ѳедька—всегда веселъ и разговорчивъ. Старшій братъ какъ-то приниженно и подобострастно поддерживалъ разговоръ, нерѣдко вставляя въ свою рѣчь кроткое „извините", а Ѳедька говорилъ смѣло, авторитетно и съ лукавой улыбкой на устахъ. Бывало, Лукичъ войдетъ въ конурку, гдѣ я былъ временно водворенъ, сотретъ пыль съ окна, съ деревяннаго диванчика и со стола, спѣшно подмететъ шваброю полъ и безмолвно уйдетъ, если не заговоришь съ нимъ; а если скажешь что-нибудь—онъ коротко отвѣтитъ тихимъ и подавленнымъ голосомъ... Ѳедька ни разу не заходилъ въ комнату для пассажировъ, но зато не упускалъ случая побесѣдовать со мною при встрѣчѣ, и всегда почти самъ начиналъ разговоръ, или разспрашивая о томъ, гдѣ я былъ, что̀ видѣлъ, куда ѣду и зачѣмъ, или повѣствуя мнѣ о своемъ Хвалынскѣ. Какъ-то онъ даже высказалъ мнѣ свою, очевидно, сокровенную мечту уплыть въ Каспійское море...

— Хорошо тамъ, говорили наши хвалынскіе!—восклицалъ онъ.—Уплывутъ они къ морю на баркахъ, а потомъ и зазимуютъ тамъ... Годъ-другой поживутъ—и домой маршъ!.. а въ карманахъ-то деньжонки!..

Ѳедька вскидывалъ на меня блестящіе глаза, чесалъ собственный затылокъ, сдвинувъ на лобъ фуражку, и продолжалъ описывать подробности жизни хвалынскихъ рыбопромышленниковъ на морѣ:

— А одинъ, солдатъ, Сидѣлинымъ онъ прозывается... Такъ тотъ въ теплыя страны угодилъ съ однимъ купцомъ... Тутъ-то

разсказалъ, чтò тамъ дѣлается... Лихоманкой только захворалъ— ну и вернулся.

Захлебываясь и нервно подергивая плечами, Ѳедька принимается передавать мнѣ все, чтò слышалъ отъ солдата Сидѣлина о теплыхъ странахъ, съ очевидной безцеремонностью скрашивая свой разсказъ вымыслами собственнаго производства...

Ѳедька былъ удивительно смѣшной малый: узкоплечій, большеголовый, на длинныхъ, тонкихъ ногахъ, съ длинными, жилистыми руками и съ впалой грудью. Лицо его, круглое, веснущатое, съ крошечнымъ вздернутымъ носомъ и большимъ ртомъ, во время улыбки заплывало складками, а сѣрые глазки—и безъ того узенькіе—обращались въ щелочки.

Какъ-то утромъ я увидѣлъ его сидящимъ на моемъ излюбленномъ мѣстѣ. Подъ откосомъ крутого берега лежалъ громадный камень-песчаникъ, очевидно, оторвавшійся когда-то отъ прибрежныхъ песчаныхъ скалъ и погрузившійся въ Волгу; обмелѣвшая рѣка разоблачила бѣглеца, и онъ лежалъ теперь на отмели до половины обнаженнымъ.

Заслыша мои шаги по песчаному берегу, Ѳедька улыбнулся, какъ всегда это дѣлалъ, и принялся поправлять длинныя удилища, надъ которыми сидѣлъ серьезный и сосредоточенный.

— Не клюетъ!.. проклятая...—выругался онъ, не оборачиваясь. Утопая до щиколокъ въ водѣ, я пробрался на камень и сѣлъ рядомъ съ рыболовомъ. Ѳедька продолжалъ бранить рыбу за ея невниманіе къ приманкѣ, которой ему хотѣлось обмануть животное, упомянулъ о тихомъ утрѣ, когда уловъ, собственно, долженъ бы быть удачнымъ, покосился почему-то на солнышко, выплывшее въ небо изъ-за высокаго берега, и твердо проговорилъ:

— Не придетъ онъ... пароходъ-отъ... загоститесь вы у насъ...

— Что же, пусть... у васъ хорошо,—пошутилъ я.

— А дома-то, мотри, жена ждетъ, дѣтки малыя...

Улыбка сошла съ его лица. Выпятивъ глаза, онъ пристально уставился на плавающій по заводи поплавокъ и, казалось, ждалъ —вотъ-вотъ клюнетъ рыба... Рыба, однако, только шутила съ нимъ.

— У насъ тутъ... чтò... привольно! — воскликнулъ онъ и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.—Вотъ тоже въ нашемъ городѣ, въ Хвалынскѣ—хорошо! бѣда, какъ хорошо!.. Да, только, вишь ты, наше-то вотъ съ братомъ дѣло не ладно: ушли мы изъ дома-то!..

— Что же такъ?

— Такъ вышло; старшой братъ насъ обидѣлъ. Отецъ-то у насъ два года тому назадъ умеръ... и матушка умерла... Остался отъ него домъ и хорошій, пятиоконокъ... Лавочка тоже при немъ; дядя Ѳедосѣй лавочку-то содержитъ. Вотъ они оба, дядя-то, да братъ старшой, Николай, возьми, да и обидь насъ. Какъ отецъ-то умеръ, они и давай насъ съ братомъ выживать, да такъ приспичили, что хоть въ петлю полѣзай. Въ передней горницѣ самъ съ семьей поселился, а намъ въ кухнѣ уголокъ отвелъ. Бывало— обѣдъ на дворѣ, они тамъ всѣ съ щенками-то своими, съ ребятами-то, за столомъ сидятъ, а мы смотримъ, да зубами щелкаемъ... Пошли-было мы и въ судъ, и туда и сюда, а ничего изъ этого не вышло, потому,—говорятъ всѣ,—дѣло ваше семейное, мы въ этомъ не судьи!.. А братъ-то мой, вотъ что Лукичемъ-то прозывается—вишь, какой фефела!.. баба, одно слово. Я бы, на его мѣстѣ, за горло старшого-то, а онъ!.. Поныль-поныль, да вотъ сюда въ услуженіе и пошелъ... а я-то на кожевенный заводъ опредѣлился...

Ѳедька смолкъ на минуту, перемѣнилъ червяка и, снова закинувъ въ воду удочку, продолжалъ:

— Ну, и работа проклятая на этомъ заводѣ! Руки и ноги совсѣмъ изъѣло, сокъ тамъ этакій „ѣдучій“ въ чанахъ, а въ чаны-то эти безъ портковъ приходится залазить, потому—портковъ-то не наносишься, изъѣстъ. Ноги и руки-то вонъ какъ изъѣлъ проклятый этотъ самый сокъ!

Ѳедоръ показалъ мнѣ свои руки, покрытыя еще не совсѣмъ зажившими струпьями и съ трещинами кожи на сгибахъ пальцевъ и кистей.

— А здѣсь—что! харчуюсь съ братомъ, полтора рубля еще платятъ, въ мѣсяцъ... Да и такъ-то—встрѣтилъ пароходъ, проводилъ, а потомъ опять сиди вотъ тутъ и жди, пока клюнетъ... Богъ дастъ, денегъ накоплю—въ море уплыву!..

На палубѣ конторки показался Лукичъ. Окликнувъ брата, онъ помахалъ рукою и скрылся. Ѳедька поручилъ мнѣ слѣдить за удочками и ушелъ на зовъ Лукича.

Вечеромъ я сидѣлъ на палубѣ и, скучая, посматривалъ на покойную рѣчную гладь. Солнце сѣло давно, погрузившись въ темно-синюю сплошную тучу. Въ небѣ, надъ головою, переливались яркія звѣздочки... Нагорный берегъ рѣки рѣзко очерченнымъ гребнемъ обрисовывался на фонѣ неба; на рѣкѣ кое-гдѣ мерцали огоньки бакановъ. Порой съ рѣки опахивалъ лицо холодный вѣтеръ, принося изъ мрака вечера чуть слышные звуки...

Вѣтеръ стихалъ, гладь рѣки по прежнему становилась покойной, какъ застывшая сталь...

Послышался отдаленный протяжный свистокъ парохода. Я осмотрѣлся по сторонамъ. Кучка безпорядочно расположенныхъ огней виднѣлась далеко-далеко въ сумракѣ вечера. По временамъ чуть слышно доносился шумъ, ровный и протяжный... Пароходъ шелъ „съ верховъ", и это обстоятельство отозвалось во мнѣ досадой.

Крошечная дощатая дверка скрипнула, и на палубѣ появился Ѳедька. Усиленно прожевывая что-то и громко чавкая губами, подошелъ онъ къ периламъ, наклонившись къ водѣ, осмотрѣлъ даль и, обернувшись ко мнѣ, произнесъ:

— „Съ верховъ" идетъ! Ахъ, ты!.. вѣрно „мериканскій"!..

Улыбающаяся рожа Ѳедьки сердила меня.

— Вѣрно, ночьку-то еще переночуете у насъ, — не то участливо, не то насмѣшливо добавилъ онъ:—поутру на-а-вѣрное придетъ какой-нибудь, потому никогда не бывало, чтобы столько времени...

Онъ еще бормоталъ что-то, уходя, но я его уже не слушалъ. На палубу вышелъ тихонькій и скромненькій Лукичъ. Молча подошелъ онъ къ периламъ, посмотрѣлъ вверхъ по рѣкѣ и молча отошелъ, огибая комнату для пассажировъ, поднимая лицо кверху и заботливо осматривая фонарь, горѣвшій на верхушкѣ мачты. Огни приближавшагося парохода, между тѣмъ, становились явственнѣй,—явственнѣй становился и шумъ колесъ. Я смотрѣлъ на приближавшійся пароходъ такъ же, какъ смотрятъ на желанную и долго жданную тучу въ засуху, когда она повернется и пройдетъ надъ чужими полями и лугами. Пароходъ пробѣжалъ мимо конторки, сверкая сотнями огней въ окнахъ каютъ двухъ этажей и рубки, далъ свистокъ и медленно повернулся, чтобы причалить къ нашей пристани. На палубѣ появились Ѳедька и Лукичъ; оба были въ фуражкахъ съ бляхами и въ пиджакахъ. Размѣстившись по палубѣ, они ожидали приближенія парохода. Тихо подвигаясь, горящая огнями громада придвинулась къ пристани, и конторка заколыхалась на взбаломученной рѣкѣ... По деревянному помосту, переброшенному на пароходъ, сошелъ матросъ.

— Никого? — коротко спросилъ онъ, суя въ руку Лукича свою ладонь.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Дьяволъ!.. Чортъ бы тебя побралъ!.. — ворчалъ на подмосткахъ другой матросъ, поспѣшно шагая за высокимъ мужи-

комъ въ длинномъ, несуразномъ кафтанѣ на широкихъ плечахъ. —Безъ билета бы ихъ, дьяволовъ, возить!—добавилъ онъ, когда преслѣдуемый имъ мужикъ былъ уже на конторкѣ. На пароходной палубѣ вернувшагося матроса обступила публика, очевидно, заинтересовавшаяся происшедшимъ. Студентъ, двѣ дѣвочки и священникъ въ широкополой соломенной шляпѣ стояли на мостикѣ трапа, переговариваясь и посматривая въ сторону мужика.

Сойдя съ парохода, безбилетный пассажиръ сталъ въ тѣнь, отброшенную кровлей конторки, какъ бы прячась отъ преслѣдовавшихъ его глазъ любопытныхъ. Лукичъ посмотрѣлъ на него равнодушно, а Ѳедька глянулъ въ его сторону съ ехидной улыбкой и подмигнулъ невысокому, коренастому матросику.

Пароходъ недолго постоялъ у пристани, свистнулъ и, грузно поворачиваясь, захлопалъ по водѣ плицами колесъ, точно онъ недоволенъ былъ, не захвативши съ пустынной пристани новаго пассажира, или радовался, спихнувъ на берегъ „зайца“.

— Чтò это такъ тебя? а? — обращаясь къ мужику, началъ Лукичъ, когда пароходъ, повернувшись, пробѣгалъ мимо пристани внизъ по теченію.

— Чтò?.. Такъ вышло... билета у меня не оказалось,—все еще пряча лицо въ тѣни, отвѣчалъ мужикъ. Къ нимъ подошелъ Ѳедька, посматривая въ мою сторону.

— Какъ же это ты? а?..—продолжалъ участливо Лукичъ.

— Денегъ не хватило, на билетъ-то... вотъ оно и вышло такъ, ссадили...

— Денегъ не оказалось?.. А-а!..—разводилъ руками Лукичъ.

Мужикъ помолчалъ, посмотрѣлъ на меня и тихимъ, надтреснувшимъ голосомъ началъ:

— И всè хорошо было, двѣ станціи проплылъ!.. Только какой-то купецъ привязался ко мнѣ, зачѣмъ, молъ, ночью шатаюсь по палубѣ и не сплю, когда люди спятъ... Спать-то—не спалось, потому очень ѣсть захотѣлось... думàю, не перехвачу ли у кого краюху хлѣба... А тутъ еще матросъ какой-то случился. И онъ: „Что, говоритъ, не спишь? шляешься тутъ, а тамъ у кого-нибудь что-нибудь пропадетъ... Билетъ-то есть?“—спрашиваетъ. Тутъ-то вотъ все и обозначилось; пристали, вотъ, сюда и высадили...

Мужикъ смолкъ и, повѣсивъ голову, уставился въ полъ.

— А далеко-ли пробираешься-то? — продолжалъ любопытствовать Лукичъ. По его лицу и по тону голоса замѣтно было, что поведеніе безплатнаго пассажира и правдоподобность пред-

положенія матроса зернами сомнѣнія и страха упали въ боязливую и подозрительную душу караульщика пустынной пристани.

— Въ низы пробираюсь, на рыбные промыслы... рыбаки мы,—отвѣчалъ мужикъ. Лукичъ и Ѳедька отошли отъ него, направляясь въ свою конурку.

— Рыбаки... ха-ха!.. — негромко разсмѣялся Ѳедька и еще тише добавилъ:—Не-знай, какую только рыбку-то ловитъ...

Онъ оглянулся на мужика, посмотрѣлъ въ мою сторону и захлопнулъ за собою дверь.

Ночью мнѣ не спалось. Съ вечера поднявшійся вѣтеръ усилился, рѣка взволновалась. На высокіе борта конторки набѣгали угрюмыя, стонущія волны; вѣтеръ яростно упирался въ дощатыя стѣнки постройки, отчего онѣ потрескивали и вздрагивали. Вверху на мачтѣ бился фонарь, съ мигающимъ отъ вѣтра пламенемъ свѣчи. Надъ рѣкой лежала густая, непроглядная темень, и только одинокіе, чуть замѣтные огоньки бакановъ мигали вдали... По небу неслись темныя тучи... Гдѣ-то далеко-далеко, по временамъ, вспыхивали зарницы. Утомленный бездѣйствіемъ и ожиданіемъ, одиноко бродилъ я по палубѣ и ждалъ— когда минуетъ эта темная, непогожая ночь... Какъ-то скучно было и темно на душѣ. Лукичъ и Ѳедька, очевидно, спали,—огонекъ померкъ въ ихъ обиталищѣ, и узкая рама окна темнымъ пятномъ рисовалась теперь на фонѣ обѣленныхъ стѣнъ постройки... Въ щель неплотно притворенной двери въ мою конурку падала полоса свѣта, озаряя грязный полъ; чѣмъ дальше отъ двери, тѣмъ шире и блѣднѣе становилась полоса свѣта...

Подъ навѣсомъ, около кулей и мѣшковъ съ какимъ-то товаромъ, я замѣтилъ лежащаго человѣка и вспомнилъ о безбилетномъ пассажирѣ. Это былъ онъ, темноволосый, широкоплечій мужикъ съ худощавымъ лицомъ и темными глазами. Все время, пока я прохаживался по палубѣ пристани, онъ ничѣмъ не выдалъ своего присутствія, и только послѣ того, какъ я подошелъ къ нему, онъ кашлянулъ, смахнулъ съ лица прядь темныхъ волосъ и промолвилъ:

— Вѣрно и вы, баринъ, парохода поджидаете?..

— Да.

— Поутру, вѣрно, будетъ...

Я закурилъ папиросу, прислонился къ периламъ и началъ наблюдать все еще лежавшаго на полу скучающаго „зайца“. Онъ лежалъ съ вытянутыми ногами, съ руками, скрещенными

на груди; голова его упиралась въ куль съ хлѣбомъ, а лицо, съ темной широкой бородой, было залито блѣднымъ свѣтомъ.

— Вотъ, баринъ... не будетъ ли ваша милость... хлѣбца бы мнѣ хоть кусочекъ... Цѣлый день не ѣмши.

Я совершенно не ожидалъ такого вступленія со стороны незнакомца; кто знаетъ, можетъ быть, неожиданно и для самого просителя сорвалась эта тягучая и жалобная фраза. Я принесъ едва начатую булку и вручилъ ее просителю. Онъ приподнялся, сѣлъ на полъ, стащилъ съ головы фуражку и перекрестился.

— Спаси васъ Христосъ!..

Я посмотрѣлъ на его громадную фигуру, на лицо, снова потонувшее въ тѣни, и отошелъ; мужикъ ѣлъ булку съ какой-то еще никогда невиданной мною жадностью.

— Спасибо вамъ, добрый баринъ, спасибо!.. Спаси васъ Христосъ, Царь небесный!..

Онъ долго еще повторялъ слова благодарности, подходя ко мнѣ, кивая головою и переминаясь съ ноги на ногу.

— Вы куда же пробираетесь?—прервалъ я непрерывный потокъ словъ голоднаго человѣка, который черезъ полчаса снова захочетъ ѣсть, но уже не рѣшится просить.

— Да, вотъ... на низы... до Вольска пробираюсь; тамъ у меня земляки...

Мужикъ помолчалъ немного, поведя глазами вправо,—можетъ быть, въ ту сторону, куда пробирался,—и снова началъ:

— Такъ-то вотъ, безъ единой копѣйки вышелъ изъ дома, хлѣбъ тоже прикончилъ... а не-знай, мотри, еще далеко до тѣхъ-то мѣстъ?..

Я высказалъ свои соображенія о времени, какое потребуется для переѣзда до Вольска, и тутъ же вспомнилъ, что при томъ способѣ передвиженія, какой избралъ мой собесѣдникъ, къ названному числу часовъ надо прибавить еще сколько-то времени. Какъ велика эта прибавка, у меня не хватило смѣлости отгадать; высказать же свои соображенія собесѣднику я также не рѣшился.

— Многонько еще!—вздрогнувъ, замѣтилъ онъ и перевелъ печальные глаза въ сумрачную даль ночи. Блѣдный свѣтъ фонаря на мачтѣ тускло озарялъ его спину, голову и правую щеку; вѣтеръ отдувалъ въ сторону прядь темныхъ волосъ.

— Маяться, вотъ, пришлось, а годы не молодые,—началъ онъ опять, но крайне нерѣшительнымъ тономъ, словно сомнѣваясь, что бесѣда его интересна мнѣ.

— Что же, плохо у васъ въ деревнѣ? неурожай?.. — спро-

силъ я, стѣсняясь за свой вопросъ. Мнѣ часто приходилось задавать вопросы о неурожаѣ, слушая деревенскаго жалобщика; такъ поступаютъ почти всѣ туристы-наблюдатели,—какъ будто въ деревнѣ истинной причиной многихъ бѣдъ является только эта хроническая мужицкая бѣда, какъ будто въ деревнѣ нѣтъ другихъ факторовъ жизни.

— Неурожай-то... вѣрно, что лѣтъ, мотри, десять плохо земля родитъ... Мое-то дѣло особое, изъ деревни-то уйти-ть пришлось, потому неладно немножко вышло...

Мужикъ помолчалъ, подумалъ, осмотрѣлъ меня, и только послѣ усиленной работы мысли продолжалъ:

— Съ міромъ у меня нелады вышли: порѣшили они, вишь ты, высѣчь меня!.. Въ этакіе-то годы! въ сорокъ-то семь лѣтъ!.. Немного зазорно будетъ... сраму-то этого не пережить... Вотъ тутъ я и порѣшилъ—не покориться ихнему издѣвательству... Человѣкъ сорокъ-семь лѣтъ промаялся, не видаючи добра, а тутъ нà-ко, поди: лягъ имъ да подставь!.. Тоже и мы были исправные плательщики, когда все по хозяйству исправно было; тоже и мы недоимки не задерживали и всячески міру старались, а тутъ... какъ мальчишку какого, несмышленыша разложить, да и высѣчь при всемъ народѣ!..

Собесѣдникъ мой нервно передернулъ плечами и мотнулъ головою. Очевидно, такіе же доводы приводилъ онъ и своему міру, когда отстаивалъ свои права передъ позорящей, но никого не исправляющей розгой. Только тогда, вѣроятно, тонъ его голоса былъ иной, иное было выраженіе на лицѣ и не такъ слабо, какъ теперь, вѣроятно, блестѣли его глаза, отражая глухое, но уже нескрытое неудовольствіе и протестъ.

— А за чтò, спрашивается, они меня загубить-то хотѣли? За что передъ всѣмъ народомъ осрамить задумали?.. Осталась, вишь ты, у меня одна лошадёнка, да телушка лѣтъ четырехъ. Приходитъ староста съ сборщиками и говоритъ: „Продай, говоритъ, свою скотину, потому недоимки приказано обобрать". — „Чего, говорю, я продавать-то буду! овецъ продалъ, жеребчика, лѣтъ шести былъ—продалъ, сарай разобралъ—продалъ".—„Все равно, говоритъ, продавай и остальныхъ!" Я, было, и такъ, и сякъ, молъ, по закону послѣднюю-то лошадь не приходится продавать, а ему, проклятому, выслужиться захотѣлось передъ начальствомъ... Тёлку-то у меня описали, за лошадь прицѣнились, да не далъ... Глядь, дня черезъ два старшина изъ волости и съ писаремъ!.. А старшина-то, да и писарь тоже, страсти какъ сердиты на меня,—еще съ покойнымъ отцомъ у нихъ вышло,

ихнее жульничество онъ передъ начальствомъ раскрылъ... Схватили они мою кобылу, да насильно въ опись ее!.. Стой, думаю, не дамъ. Писарь бранить меня принялся, старшина-то съ палкой наскакиваетъ... Тутъ я его и давай!.. побилъ... Послѣ этакого-то грѣха они меня въ судъ бы должны, въ настоящій судъ-отъ... А они чтò? на міру меня осудили, да въ розги!... Что жъ это, бродяга что-ли я какой, или каторжникъ? Честно жизнь свою прожилъ—въ безчестіи умирать не приходится...

Мужикъ отрицательно помоталъ головою и перевелъ сумрачный взоръ внизъ по рѣкѣ.

— Какъ же вы поступите, если придется вернуться въ деревню?—спросилъ я его. Онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ глазахъ и промолчалъ. Мнѣ показалось, что ему никогда не приходила въ голову такая мысль, и что только послѣ моего вопроса онъ понялъ весь ужасъ своего положенія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не вѣчно же онъ будетъ скитаться по Волгѣ, „зайцемъ" перескакивая съ пристани на пристань,—когда же нибудь придется ему возвратиться въ родныя палестины? Чтò тогда будетъ? Озлобленный и оскорбленный старшина не забудетъ обиды, вспомнитъ о розгахъ,—и законность приговора станетъ въ его рукахъ законнымъ орудіемъ возмездія!..

— Не-знай какъ, може и придется,—послѣ размышленія началъ мой собесѣдникъ.—У меня тамъ съ купцомъ дѣло: зимой деньги у него бралъ подъ работу, двѣ десятины ржи долж̀онъ я выжать... Вѣрно, ужъ баба одна управится...

Мы долго молчали. Злосчастный протестантъ противъ мірского приговора и произвола старшины по прежнему стоялъ, облокотившись на перила и щурящимися глазами посматривая въ густую мглу, нависшую надъ рѣкою. Я разсматривалъ его широкую спину, блѣдное лицо съ туманнымъ взоромъ печальныхъ глазъ, и мнѣ становилось жаль человѣка, „безъ руля и безъ вѣтрилъ" выплывшаго въ открытое море жизни. Онъ не могъ устоять передъ темной силой „міра", склоннаго чинить *ненастоящій* судъ, и міръ пригрозилъ ему безчестіемъ; онъ не хочетъ умереть въ безчестіи, и, бросая семью, бѣжитъ, куда глаза глядятъ, забывъ подумать о будущемъ...

Пошелъ дождь... По крышѣ конторки и по палубѣ забарабанили рѣдкіе и громкіе удары капель... На рѣкѣ сдѣлалось еще темнѣе... Мужикъ тихо, какъ тѣнь, прошелъ по палубѣ и улегся на прежнее мѣсто, кутаясь въ кафтанишко.

Вернувшись въ конурку и плотно притворивъ за собою дверь,

я легъ на жесткій диванчикъ, но долго не могъ заснуть въ эту темную, скучную ночь. Съ каждой минутой усиливавшійся дождь немилосердно барабанилъ въ тонкую крышу постройки; рѣзкій, холодный вѣтеръ постукивалъ неплотно вставленными стеклами рамы, мѣшая мнѣ забыться и отдохнуть. Не легко было отдѣлаться и отъ впечатлѣній прожитого дня. Почему-то вспомнился мнѣ темноволосый мужикъ, бѣглецъ деревни и протестантъ противъ *безчестнаго* мірского приговора. Забитый, растерянный, съ ясной печатью какой-то нерѣшительности и несмѣлости на лицѣ, залитомъ краскою смущенія, сошелъ онъ съ парохода, сопровождаемый бранью матроса, и сталъ въ тѣни, стыдясь пассажировъ и пароходной прислуги. Потомъ, вспомнилось мнѣ, я видѣлъ его лежащимъ на грязной палубѣ, въ узкой полосѣ свѣта... Скучая, а можетъ быть борясь съ безсонницей отъ голода, онъ первымъ заговорилъ со мною и робко попросилъ хлѣба... Теперь онъ, вѣроятно, спитъ подъ стонъ разыгравшейся непогоды, а можетъ быть по прежнему обдумываетъ свое положеніе, выбившее его изъ колеи обычной жизни...

Вдругъ почему-то припомнился мнѣ рыжій Ѳедька, съ веснущатымъ, курносымъ лицомъ. Онъ также сбѣжалъ на рѣку, оставивъ проклятый кожевенный заводъ, съ „ѣдкимъ“ сокомъ въ чанахъ, изъѣвшимъ ему и руки, и ноги. Вѣроятно, онъ спитъ теперь безмятежно и сладко, не задумываясь о минувшемъ днѣ... Кто знаетъ, можетъ быть ему, какъ и мнѣ, не даетъ спать шумъ дождя, вой вѣтра въ щеляхъ дощатыхъ стѣнокъ, и онъ мечтаетъ о томъ, когда уплыветъ на море, устроится въ рыбацкой артели и будетъ наживать деньги... Робкій и тихій Лукичъ, конечно, не рѣшится уплыть въ море вмѣстѣ съ юнымъ и смѣлымъ братомъ.

Я прислушался. Въ сосѣдней конуркѣ было тихо; очевидно, оба брата спали, убаюканные ровнымъ покачиваніемъ конторки. Какъ ребенка въ колыбели убаюкивало и меня это ровное, медленное покачиваніе—и я закрывалъ глаза... Воспоминанія далекаго дѣтства воскресали въ моей памяти... Вспоминались мнѣ красивыя, звучныя былины, пропѣтыя кѣмъ-то; вспоминались разсказы и легенды, подслушанные чьимъ-то чуткимъ ухомъ; воскресали въ памяти пѣсни, какія сложилъ народъ, прославляя широкую матушку-Волгу, и люди, имена которыхъ народъ нераздѣльно связываетъ съ широкой, могучей рѣкой, вставали предо мною живыми образами... Свободная, великая рѣка! не одного удальца вскормила ты на своихъ берегахъ, не въ одномъ „добромъ молодцѣ“ воспитала ты храбрый, свободный духъ!.. Много храбрецовъ погибло въ твоихъ могучихъ и бурныхъ водахъ, а

все-же ты, какъ чародѣй, влечешь къ себѣ человѣка, бодраго духомъ, и манишь къ себѣ усталую, слабую душу. Искрами золота переливаются твои волны въ ясный солнечный день,—темной могилой кажутся онѣ въ непогожую ночь, когда ревущія волны отражаютъ темное, беззвѣздное небо!.. И въ ясный солнечный день бредетъ къ тебѣ человѣкъ, заскучавшій по свободѣ; пробирается онъ къ тебѣ, крадучись, и въ темную, беззвѣздную ночь...

Утромъ меня разбудилъ свистокъ парохода. Я соскочилъ съ диванчика и выбѣжалъ на палубу.

— На низы опять,—не замедлилъ сообщить мнѣ Ѳедька.

Большой американскій пароходъ собирался отчалить отъ конторки. Въ толпѣ матросовъ и пассажировъ я замѣтилъ моего ночного собесѣдника. Крадучись, шагъ за шагомъ протискивался онъ въ толпѣ мужиковъ къ дощатымъ сходнямъ съ явнымъ намѣреніемъ войти на пароходъ вмѣстѣ съ другими. Бѣгло остановилъ онъ взоръ смущенныхъ и робкихъ глазъ на мнѣ, потупился, съёжился, и скоро я увидѣлъ его рослую фигуру уже на пароходѣ.

Ѳедька съ ядовитой улыбкой на губахъ посмотрѣлъ въ его сторону, перевелъ узенькіе глазки на меня и насмѣшливо улыбнулся...

Пароходъ отчалилъ; быстро продвинулась мимо конторки его широкая корма съ обтрепаннымъ флагомъ... Взбаломученныя колесами волны, отбѣгая отъ парохода, бѣлыми гребнями ударялись въ бортъ конторки, дробясь и разлетаясь брызгами...

Было тихое, ясное утро. Надъ рѣкой разстилался туманъ... Мѣстами, надъ покойною гладью прозрачныхъ волнъ, клубы тумана сгущались, какъ далекія пушистыя облака въ небѣ, и быстрой грядой подвигались впередъ, внизъ по рѣкѣ. Словно громадные воздушные корабли распустили паруса и летятъ надъ широкой рѣкой, легкіе, быстрые и свободные!..

II.

Одинокій.

Послѣдніе неурожайные годы сильно потрясли хозяйство Демьяна, и изъ него, зажиточнаго въ деревнѣ мужика и исправнаго по части повинностей общественника, становился обычный „голодающій“, „недоимщикъ“. Старательный и работящій мужикъ

былъ Демьянъ, отличный распорядитель въ своемъ хозяйствѣ, но ни стараніе, ни опытность—не удержали его на высотѣ прежняго положенія. Изъ трехъ лошадей онъ двухъ продалъ, оставивъ себѣ только сиваго мерина; коровы были также проданы скупщику; тотъ же „наѣзжій“ въ ихъ деревню человѣкъ перехватилъ за безцѣнокъ овецъ и свиней Демьяна. Изба и сараи усадьбы Демьяна, раньше каждый годъ ремонтировавшіеся,—тоже опустились: лѣсъ вздорожалъ, соломы для починки кровли избы и сараевъ не хватало,—приходилось еще прикупать у сосѣдей или въ ближайшей купеческой экономіи...

Рабочія руки, которыми держалось хозяйство Демьяна, также оказались лишними. Раньше вмѣстѣ съ нимъ на поляхъ и лугахъ работали два сына его и ихъ жены; кромѣ того, онъ нанималъ еще работника, старика Степана, который пасъ его скотъ въ лѣсахъ сосѣдняго помѣщика. Неизмѣннымъ же помощникомъ Демьяна былъ Михей, парень лѣтъ двадцати, который на положеніи племянника пріютился въ семьѣ дяди съ ранняго дѣтства. Это былъ низенькій и коренастый человѣкъ, съ маленькой головой, худощавымъ, рябоватымъ лицомъ и большими темными глазами, въ которыхъ всегда таилась какая-то печальная, невысказанная дума. Шапка темныхъ вьющихся волосъ прикрывала его голову; не всегда расчесанныя, густыя пряди спадали съ висковъ на щеки, прикрывая широкій лобъ, отчего лицо Михея казалось суровымъ. Михей рѣдко улыбался, мало говорилъ, былъ недовѣрчивъ къ людямъ и скрытенъ. Почти всѣ въ деревнѣ считали его хмурымъ и злымъ, хотя многіе, особенно женщины, и жалѣли его за круглое сиротство.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, осенью, къ Демьяну пріѣхала его родная сестра Лукерья, съ четырехлѣтнимъ сыномъ на рукахъ. До этого, больная женщина жила въ городѣ, гдѣ вмѣстѣ съ мужемъ работала на спичечной фабрикѣ. Мужъ Лукерьи умеръ, и опечаленная вдова затосковала по деревнѣ, и, предчувствуя скорую смерть, поторопилась добраться до родныхъ, чтобы послѣ смерти оставить на ихъ рукахъ одинокаго сына. Предчувствія Лукерьи сбылись. Только годъ прожила она въ семьѣ брата, и хотя и была въ послѣднемъ градусѣ чахотки, тѣмъ не менѣе въ работѣ не отставала отъ женъ племянниковъ. Больная женщина, выбиваясь изъ силъ, стараніемъ и трудомъ заботилась расположить къ себѣ брата, надѣясь обезпечить этимъ сносное будущее для своего сына. Послѣ смерти Лукерьи куда же было дѣвать четырехлѣтняго мальчика, и, какъ того желала мать, онъ остался въ семьѣ дяди, вмѣстѣ съ другими ребятами выростая и разви-

ваясь... Съ десяти лѣтъ Михей пасъ скотину дяди, а года черезъ два исполнялъ уже и другія, болѣе сложныя работы: боронилъ, сгребалъ сѣно, ѣздилъ въ ночевую и т. п.

Михей привязался къ семьѣ дяди, особенно къ самому Демьяну, но все-же никогда не могъ отдѣлаться отъ мысли, что онъ „такъ, по родственному только, остался съ добрыми людьми". Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока Демьяну нужны были услуги племянника. Но вотъ наступившіе „голодные" годы потрясли хозяйство дяди, тяжело отразившись и на судьбѣ Михея.

Два сына Демьяна, Прохоръ и Иванъ, еще съ весны ушли на заработки на лѣсные промыслы, такъ какъ ихъ рабочія руки оказались совершенно лишними въ разоренномъ хозяйствѣ отца. Старикъ Демьянъ былъ увѣренъ, что свободно управится лѣтомъ при помощи Михея и „Митяньки", сына Прохора, почему съ большой охотой и отпустилъ сыновьевъ на сторону. Видя сборы Прохора и Ивана, Михей началъ-было проситься у дяди отпустить его вмѣстѣ съ ними пытать счастіе, но Демьянъ отклонилъ это желаніе племянника. Втайнѣ же въ его головѣ сложился такой планъ.

— Если, Богъ дастъ, хлѣбъ уродится—будетъ надобенъ и Михей,—соображалъ онъ.—Ну, а если Богъ накажетъ—придется и его, молодца, отправить... пусть попытаетъ счастье на чужихъ людяхъ,—слава Богу, не маленькій...—Своими соображеніями Демьянъ подѣлился только съ женой.

Проводилъ старикъ сыновъ на сторонніе заработки, дождался весны, съ помощью племянниковъ вспахалъ землю, засѣялъ яровое и ждалъ, что̀ уродится... Надежды старика не оправдались. Выпавшіе весною дожди поправили озимое, выростили и яровое, но потомъ наступила засуха, и когда пришла пора уборки хлѣба— Демьянъ съ печалью покачивалъ головою и тихо шепталъ:

— Вѣрно, прогнѣвили мы Господа Бога...

— А вотъ что̀ я тебѣ скажу, Михей!—какъ-то разъ приступилъ къ парню дядя:—хлѣба-то, вѣрно, нечего и ждать... одни управимся... Пойди-ка ты къ сынамъ, отыщи ихъ въ лѣсу и займись...

Михей не сразу понялъ то, что̀ сказалъ ему дядя; съ недоумѣніемъ выкатилъ онъ на Демьяна свои и безъ того громадные глаза и переспросилъ.

— Я говорю—въ лѣсъ иди... на работу. Прямо по Уфимкѣ и спустись до села Никольскаго, а тамъ верстъ шесть-семь пройдешь и до Софроновской пристани доберешься, а оттуда-то и до промысловъ—рукой подать!..

Въ эту ночь Михей долго не могъ заснуть, обсуждая предложеніе дяди. Прежде всего ему страннымъ казалось, что всегда разсудительный дядя посылаетъ его въ лѣсъ на промыслы въ серединѣ лѣта, зная, что работа тамъ подходитъ къ концу, и что въ это время года всего легче найти работу въ деревняхъ или въ помѣщичьихъ и купеческихъ экономіяхъ; досадовалъ онъ также на дядю и за то, что онъ не отпустилъ его весною, когда отправлялись на заработки Прохоръ и Иванъ. Зналъ онъ многоводную и глубокую Уфимку, потому что не разъ бывалъ на ея крутыхъ, лѣсистыхъ берегахъ, не разъ переплывалъ ее на паромѣ, наѣзжая въ с. Иглино на базаръ или въ церковь,—не зналъ онъ только, какъ и гдѣ найти какую-то Софроновскую пристань, а тамъ, еще дальше, и лѣсные промыслы. Поутру Михей проснулся съ новымъ, еще никогда не испытаннымъ имъ чувствомъ. Все, къ чему онъ привыкъ за нѣсколько лѣтъ жизни въ семьѣ дяди, все, что̀ онъ считалъ *своимъ*,—вдругъ показалось ему какимъ-то чужимъ, и самъ дядя, съ бѣлой бородой, и добрая тетка, и всѣ, всѣ—стали какими-то чуждыми, холодными и недоброжелательными... Но надо было повиноваться дядѣ съ его непремѣнными доводами: Михей съ дѣтства побаивался Демьяна; съ этихъ же поръ научился уважать авторитетъ главы семьи, гдѣ всегда былъ такой образцовый порядокъ и всѣхъ сравнивающая строгость.

Вечеромъ Демьянъ повстрѣчалъ Михея на дворѣ и непреклоннымъ тономъ повторилъ:

— Вотъ, Михей, послѣ праздника... съ Богомъ! пойди!..— И онъ мотнулъ головою.

— Ладно!—скромно отвѣтилъ племянникъ.

— Самъ тебя до Уфимки-то довезу, потому въ Иглино надо поѣхать, въ судъ... къ земскому!..—только и добавилъ дядя.

Миновалъ праздникъ, и Михей сталъ собираться на заработки. На другой день, около обѣда, они оба подъѣзжали уже къ Уфимкѣ. Дорога была плохая, тряская и грязная; колеса телѣги то-и-дѣло подпрыгивали на пенькахъ; деревянныя скрипучія оси задѣвали за деревья, сплошной массой сомкнувшіяся по сторонамъ глухого проселка... Демьянъ сидѣлъ въ передкѣ телѣги и обдерганнымъ кнутикомъ подгонялъ мерина, все время пути сохраняя какое-то сосредоточенное молчаніе, а Михей примостился на охапкѣ соломы на другомъ концѣ телѣги и равнодушными глазами посматривалъ по сторонамъ. Какая-то апатія охватила парня. Ему все равно было—куда и зачѣмъ везетъ его дядя; не думалъ онъ также и о томъ—что̀ и гдѣ онъ оты-

щетъ, кого встрѣтитъ, и для чего собственно онъ пустился въ невѣдомое пространство?

Путники добрались до рѣки и на паромѣ переплыли на „нагорную“ сторону. Демьянъ остановилъ на пескѣ лошадь, бросилъ въ телѣгу кнутъ и, обращаясь къ племяннику, проговорилъ:

— Вотъ тебѣ этой дорогой и идти!—указалъ онъ налѣво.— Верстъ пятнадцать, али двадцать пройдешь—горъ направо не будетъ, лощина тамъ этакая съ рѣчкой... Лощину пройдешь— опять пойдутъ горы... Тутъ вотъ, за горами-то, Никольское село и будетъ...

Михей выслушалъ рѣчь старика, посмотрѣлъ на высокій берегъ съ густымъ лѣсомъ, оглянулъ дорогу, на которую указалъ дядя, и, остановивъ глаза на старикѣ, спросилъ:

— Такъ все прямо и идти?.. по дорогѣ?..

— Такъ прямо и иди, одна дорога-то... А до сыновъ дойдешь,—скажи, молъ, отецъ деньжатъ проситъ прислать... Обѣщать-обѣщали, а и до сего дня... ни копѣечки... На̀ вотъ тебѣ!— вдругъ перемѣнивъ голосъ, проговорилъ Демьянъ и сунулъ въ руку парня пятиалтынный. Тотъ посмотрѣлъ на монету, вскинулъ глаза на дядю и тихо спросилъ:

— А какъ тамъ быть?.. коли въ лѣсу работы не будетъ? въ деревню вернуться?..

— Ну-у!.. не будетъ! Найдешь: сыны-то, вонъ, нашли же!..

Старикъ взялся за вожжи, пытливо посмотрѣлъ въ лицо племянника и добавилъ:

— Ну, съ Богомъ!.. Прощай!.. Скажи, мотри, Прохору насчетъ деньжатъ-то...

Онъ мотнулъ головою, слегка прикоснувшись рукой къ картузу, еще разъ оглядѣлъ парня, вскочилъ въ телѣгу, зачмокалъ губами и принялся хлестать кнутомъ лошадь, которая съ трудомъ сдвинула телѣгу, глубоко погрузившуюся колесами въ сыпучій песокъ.

Михей остался одинъ и уныло посмотрѣлъ въ сторону отъѣзжавшаго дяди. Меринъ вывезъ телѣгу на бугорокъ, на минуту пріостановился, какъ бы для того, чтобы передохнуть, но сѣдокъ хлестнулъ кнутомъ по бокамъ лошади, и она зашагала быстрѣе... Вотъ телѣга поднялась еще выше и стала спускаться съ пригорка... Вотъ уже видно только дугу, да картузъ на головѣ Демьяна... Въ воздухѣ взвился кнутъ, лошадь дернула, и за кустомъ олешника скрылись и дуга, и картузъ... Сѣрое облачко пыли показалось изъ-за пригорка и разсѣялось...

Михей постоялъ немного въ грустномъ раздумьѣ и побрелъ

по дорогѣ, на которую указалъ ему дядя. Узкая, каменистая и плохо наѣзженная, она проложена была по берегу рѣки у подошвы холмовъ, которые кое-гдѣ прорѣзывали неглубокія балки. Дорога спускалась въ эти балки, переползала черезъ ручьи, гремящіе водою, и снова тянулась по однообразной волнистой мѣстности. Направо, надъ узкой прибрежной террасой тянулся густой лѣсъ, налѣво лежала рѣка,—широкая и быстрая,—а дальше за нею, растилался луговой берегъ, съ блестящими пятнами озеръ и темно-сѣрыми рощицами...

Въ полдень путникъ расположился подъ тѣнью липы, у ручья, струившагося по дну глубокой балки. Обмакивая въ ключевую воду куски ржаного хлѣба, Михей ѣлъ съ какой-то жадностью и торопливостью; имъ вдругъ овладѣло желаніе какъ можно скорѣе преодолѣть неизвѣстный путь и добраться до лѣсныхъ промысловъ, или хотя бы до села Никольскаго; остаться же на глухомъ незнакомомъ берегу, когда наступитъ ночь—представлялось ему чѣмъ-то невѣроятнымъ... Съ дѣтства побаивался онъ угрюмаго лѣса; боялся онъ и людей, впервые оставивъ семью и знакомую деревню.

Сверху изъ-за излучины рѣки показался длинный плотъ, съ бревенчатой избой по срединѣ и съ двумя высокими мачтами на концахъ. Нѣсколько человѣкъ плотовщиковъ, столпившись около мачтъ, усиленно работали бабайками, управляя движеніемъ плота; другіе, вращая громадный воротъ, укорачивали канатъ, на концѣ котораго по дну рѣки тащился тяжелый зубчатый лотъ. Люди кричали и перебранивались, лихорадочнѣе работая по мѣрѣ приближенія къ новой излучинѣ русла, отъ изгиба которой вверхъ по рѣкѣ тянулась длинная песочная отмель: плотовщики боялись посадить на песокъ громадный „грузовой“ плотъ.

Михей внимательно слѣдилъ за движеніемъ плота, и за работою людей, и въ немъ роилось робкое желаніе—встать, окрикнуть людей и попросить ихъ взять его съ собою, но потомъ онъ скоро прогналъ отъ себя это желаніе. Озабоченные плотовщики, поглощенные работою, не замѣтили на берегу одинокой фигуры Михея; за собственными криками и за всплесками воды они не разслышали бы и его окрика... Плотъ благополучно миновалъ отмель, и скоро за излучиной рѣки виднѣлись лишь высоко торчащія, движущіяся мачты... Михей уныло посмотрѣлъ вслѣдъ удалившагося плота и опустилъ глаза...

Солнце погрузилось за гранью лѣса; длинныя тѣни деревъ протянулись по берегу и сползли въ рѣку... Близился вечеръ... Михея смущало одиночество въ незнакомой мѣстности, на берегу

безлюдной рѣки; темный лѣсъ страшилъ его все сильнѣе и сильнѣе густѣющими тѣнями, вѣстниками глухой темной ночи. Шелъ онъ незнакомой дорогой и не зналъ, куда она приведетъ его. А вдругъ она оборвется, уткнувшись куда-нибудь въ берегъ рѣки, или выведетъ къ стогамъ сѣна, а дальше луговъ сколько ни ищи продолженія дороги—ничего, кромѣ сплошного кустарника или густого лѣса, не найдешь... Михей поднималъ глаза къ небу, разсматривалъ бѣлыя облака на его гладкой лазури и слушалъ, какъ печально попискивали въ прибрежныхъ кустахъ какія-то птички. Думы его становились тревожнѣе и тревожнѣе; взоромъ искалъ онъ живую душу и на дорогѣ, и на рѣкѣ, и въ чащѣ лѣса. Иногда, встрепенувшись и вытянувъ шею, онъ вдругъ принимался отыскивать глазами показавшуюся ему струйку дыма, возвѣщавшую о присутствіи человѣка, но потомъ въ ту же минуту разочаровывался, и снова душу его наполняло тяжелое чувство одиночества... А солнце опускалось ниже и ниже, тѣни въ лѣсу густѣли, на рѣкѣ становилось темнѣе...

Дорога разомъ упала въ глубокій оврагъ, вытянулась на противоположный его склонъ и, повернувъ направо, параллельно берегу рѣки, затерялась на широкой песчаной отмели. Лѣсъ оборвался, уступивъ мѣсто широкой лощинѣ, съ виднѣвшимися кое-гдѣ на ней стогами сѣна. Оглядѣвшись, Михей подумалъ, что это, вѣрно, и есть та лощина, о которой говорилъ Демьянъ. Обогнувъ кусты, Михей увидѣлъ синеватую струйку дыма, обрисовавшуюся на фонѣ воды и на темной стѣнѣ отдаленнаго лѣса,— и сердце одинокаго человѣка безпокойнѣе забилось отъ радости. Михей прибавилъ шагу. Скоро онъ разсмотрѣлъ, что расплывшаяся надъ водой полоска дыма поднималась отъ костра, вокругъ котораго сидѣли люди...

Къ берегу, немного выше песчаной косы, былъ причаленъ толстыми канатами небольшой плотъ. На берегу сидѣли плотовщики и ужинали. Ихъ было трое: сѣдой старикъ, съ обнаженной лысой головою и большимъ краснымъ носомъ на широкомъ лицѣ; мужикъ лѣтъ тридцати, усатый, плечистый и съ суровымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, и парень-подростокъ. Плотовщики хлебали кашицу съ какимъ-то глубокомысленнымъ видомъ, изрѣдка перебрасываясь отрывочными замѣчаніями.

Старикъ Игнатій Савельевъ, мелочной лавочникъ изъ Благовѣщенскаго завода, все время длиннаго и томительнаго путешествія носилъ на своемъ лицѣ какое-то сосредоточенно-угрюмое выраженіе, много думалъ и мало говорилъ; его сынъ Сергѣй,

словно заразившійся настроеніемъ отца, тоже казался хмурымъ, а работникъ Ванюшка побаивался и отца, и сына, и проклиналъ въ душѣ собственнаго родителя за то, что онъ отдалъ его въ работники къ этимъ „аспидамъ", какъ про себя называлъ своихъ угрюмыхъ хозяевъ батракъ. Игнатій Савельевъ съ сыномъ придерживались старой вѣры; во время плаванія они допускали паренька ѣсть съ ними изъ одной чашки, отвели батраку уголъ для спанья въ балаганѣ, сооруженномъ изъ лубковъ и соломы по срединѣ плота,—во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ чуждались Ванюшки. Старикъ строгимъ голосомъ командовалъ имъ во время плаванія, бранилъ за неисправности и даже грозился ссадить паренька на берегъ, если онъ не будетъ повиноваться...

Суровый отъ природы, Савельевъ еще больше озлобился, когда сообразилъ, что много прогадалъ, давши лѣсопромышленнику задатокъ за лѣсъ, не осмотрѣвши товара на мѣстѣ, и теперь носилъ въ душѣ глухую злобу на обманщика-лѣсоторговца. Недоволенъ былъ онъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что вмѣсто двухъ недѣль, въ продолженіе которыхъ предполагалъ сплавить купленный лѣсъ до завода—въ пути теперь онъ уже три недѣли, а дома у него лавка на рукахъ неопытной въ торговлѣ жены, да и въ полѣ нуженъ былъ свой глазъ. Разсчетливый въ дѣлахъ и скупой въ жизни, при неудачахъ Савельевъ становился еще разсчетливѣе и скупѣе; черствый и подозрительный къ людямъ, озлобляясь на себя за собственные промахи и неудачи, онъ дѣлался до крайности озлобленнымъ по отношенію къ другимъ, и ему начинаю казаться, что всѣ люди сговорились подорвать его дѣла и расхитить его, долгими годами нажитое, богатство. А богатство Савельева съ каждымъ годомъ упрочивалось и разросталось. Арендованный имъ участокъ земли оказался удобнымъ для веденія хозяйства; дѣлà въ мелочной лавочкѣ шли хорошо; неурожаи послѣднихъ лѣтъ явились для него новой ареной дѣятельности: Савельевъ за безцѣнокъ скупалъ скотину, крестьянскій скарбъ, по пониженной цѣнѣ вербовалъ за зиму рабочихъ изъ среды голодающихъ,—и чѣмъ шире становилась арена его дѣятельности, тѣмъ жаднѣе становился онъ, будто обрадовавшись несчастію другихъ...

Минувшей осенью, не желая упустить случая дешевизны рабочихъ рукъ, онъ надумалъ соорудить новый домъ, въ которомъ рѣшилъ поселить сына Сергѣя, сдавъ на его руки вновь открытую мелочную лавочку, а весною, вмѣстѣ съ сыномъ и батракомъ Ванюшкой, поѣхалъ вверхъ по Уфимкѣ, чтобы собственноручно сплавить закупленный лѣсъ.

— Глухое тутъ мѣсто—ни души!..—съ какой-то подавленной ноткой въ голосѣ произнесъ старикъ, нарушая тишину трапезы и осматриваясь по сторонамъ. Старикъ и батракъ молча посмотрѣли въ сторону идущаго Михея.

— Глухо! глухо тутъ...—немного спустя, опять повторилъ старикъ, и снова пристально посмотрѣлъ въ сторону незнакомаго путника, точно ощаривая глазами его одинокую, усталую фигуру.

Немного спустя, Михей подошелъ къ плотовщикамъ, медленно стащилъ съ головы картузъ и робко произнесъ:

— Хлѣбъ да соль милости вашей!..

— Благодаримъ,—коротко отвѣтилъ старикъ.

Михей потоптался ногами на пескѣ, посмотрѣлъ на чашку съ остатками хлебова и потомъ, поочередно окинувъ глазами каждаго изъ плотовщиковъ, спросилъ:

— Не-знай, далеко, что-ли, до Никольскаго?..

Старикъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ глазахъ посмотрѣлъ на парня, но все-же отвѣтилъ:

— А кто его знаетъ, гдѣ оно... Никольское-то...

Савельевъ приставилъ къ краю чашки ложку, нѣсколько разъ осѣнилъ себя крестомъ и поднялся.

— Про Никольское, братъ, мы только слыхали!—добавилъ онъ и, захвативъ съ земли жестяную кружку, отправился къ водѣ.

— Плохо, плохо, коли Никольскаго не знаешь!—съ насмѣшкой въ голосѣ произнесъ Сергѣй, бѣгло окинувъ пришельца равнодушнымъ взоромъ.

— Впервые я тутъ-та!..—замѣтилъ и Михей.

— Работы ищешь, ай въ гости на Петровки шелъ, да заблудился? — прежнимъ тономъ разспрашивалъ парня Сергѣй. Михей промолчалъ, понявъ насмѣшку бородатаго мужика съ злыми и насмѣшливыми глазами.

Старикъ вернулся къ потухающему костру, около котораго расположились плотовщики, передалъ сыну кружку, наполненную водою, и молча посмотрѣлъ на незнакомца, щуря сѣрые глаза изъ-подъ сѣдыхъ нахмуренныхъ бровей; сѣденькая бородка его при этомъ тряслась, словно онъ говорилъ что-то про себя или шепталъ беззвучно и таинственно.

— Куда пробираешься? — коротко спросилъ онъ парня и подозрительно смѣрилъ его съ ногъ до головы.

— На лѣсные промыслы, за Софроновскую... — отвѣтилъ Михей.

— Тутошный?

Михей назвалъ свою деревню и, немного помолчавъ, спросилъ:

— Не знаешь ли, дѣдушка, до вечера-то, вѣрно, не дойдешь до Никольскаго?

— Не знаю,—протянулъ старикъ равнодушнымъ тономъ.

Наступило неловкое молчаніе. Михей нѣсколько попятился и, отвернувъ лицо въ сторону, уставился глазами на противоположный берегъ, потомъ перевелъ глаза на Ванюшку, который перемывалъ въ рѣкѣ чашки и ложки, посмотрѣлъ и на Сергѣя, лежащаго у костра, и снова встрѣтился съ холоднымъ взоромъ старика Савельева.

— И деревня-то, вѣрно, далече?—спросилъ послѣ короткой паузы Михей.

— А кто ее знаетъ... не знаемъ мы... Мы тоже впервые тутъ: причалили, вотъ, плотъ на ночлегъ, а гдѣ тутъ деревня— Богъ вѣсть!

Старикъ проговорилъ все это такимъ тономъ, которымъ, казалось, хотѣлъ дать понять слушателю: „проходи, молъ, неизвѣстный человѣкъ, да и ищи деревню, а это не наше дѣло". И Михей, казалось, понялъ затаенную мысль старика; опустивъ голову, онъ стоялъ и размышлялъ о томъ, что̀ ему дѣлать— идти ли дальше, или расположиться на ночлегъ около незнакомыхъ плотовщиковъ. Скучающими глазами онъ снова окинулъ рѣку, берегъ и поднялъ глаза кверху...

Солнце сѣло. Яркая полоса заката горѣла за дальнимъ лѣсомъ, отражаясь въ рѣчной глади. Слѣва, изъ-за кустовъ противоположнаго берега, на небо выползла темно-синяя хмурая туча, и тамъ, гдѣ отражалась она въ водѣ, виднѣлась темная полоса, слегка взбаломученная ровной мелкой рябью... Въ лицо подувалъ вѣтеръ; обугливавшіяся полѣнья костра потрескивали и дымили...

Ванюшка забралъ утварь, котомки, и по толстой доскѣ, переброшенной съ берега на плотъ, прошелъ къ балагану; за нимъ слѣдомъ ушелъ и Сергѣй, чуть слышно напѣвая про себя какую-то тягучую пѣсенку, и, задравъ лицо кверху, разсматривалъ густую синюю тучу. Старикъ Савельевъ еще разъ посмотрѣлъ на Михея, какъ будто собираясь сказать ему что-то на прощанье, и, мотнувъ головою, не спѣша отошелъ отъ костра. Перебравшись по доскѣ на плотъ, онъ осмотрѣлся, подумалъ что-то и, наклонившись, втащилъ на плотъ доску, по которой перешелъ. Доска глухо ударилась о бревно, а старикъ, осѣняя грудь широкимъ крестомъ, прошелъ къ балагану. Немного спустя, плотовщики залѣзли подъ соломенный навѣсъ, неплотно притворивъ за собою узкую дощатую дверку.

Оставшись одинокимъ, Михей подсѣлъ къ костру, подбросилъ на уголья нѣсколько вѣтокъ и принялся ѣсть хлѣбъ. Гдѣ-то далеко за рѣкою глухо прогудѣлъ громъ, словно отголосокъ отдаленнаго пушечнаго залпа. Михей покосился на тучу, и его глаза ослѣпила тонкая фіолетовая лента, прорѣзавшая сплошной темно-синій фонъ тучи... Раскатъ грома донесся до его слуха еще глуше... Приближалась гроза...

Немного спустя, изъ балагана вылѣзъ старикъ Савельевъ. Перекрестившись, обвелъ онъ глазами небо и остановился на приближавшейся тучѣ... Послѣ этого медленно обошелъ онъ плотъ, осторожно ступая по бревнамъ, осмотрѣлъ канаты и снова вернулся къ балагану. Посмотрѣвши въ сторону Михея, сидѣвшаго около костра, Савельевъ тихо проговорилъ:

— Кто его знаетъ, что̀ это за человѣкъ?.. Бредетъ откуда-то одинъ, Никольское какое-то спрашиваетъ, а кто знаетъ, что̀ у него на умѣ?..

Старикъ еще разъ подозрительно посмотрѣлъ на Михея и добавилъ:

— Много тутъ разныхъ шляется... много...

Блеснула яркая молнія почти надъ самою головою старика, и въ воздухѣ обрушился глухой ударъ грома... Старикъ перекрестился и залѣзъ въ балаганъ, плотно притворивши за собою дверку.

Михей рѣшилъ переночевать возлѣ костра плотовщиковъ. „А если надвигающаяся синяя туча разразится ливнемъ,—думалъ онъ,—то придется попроситься на ночлегъ къ нимъ въ балаганъ". Онъ былъ радъ близости людей, и не могъ себѣ представить, какъ боязно было бы, еслибы пришлось провести ночь одиноко на пустынномъ берегу глухой лѣсной рѣки. Чѣмъ больше выдвигалась на небо синяя туча, тѣмъ чаще прорѣзывали молніи ея сплошной темный покровъ и явственнѣе доносились удары грома... Заря потухла,—ее заслонила туча своимъ темно-синимъ зубчатымъ краемъ; вода потемнѣла, вѣтеръ подулъ рѣзче; по рѣкѣ побѣжали волны, набѣгая на отмель и слегка покачивая плотъ. Михей еще старательнѣе подбрасывалъ въ костеръ дрова и опасливо озирался... Рѣка темнѣла, наступили раннія сумерки. Съ темнаго неба опустилась сѣрая сплошная полоса дождя; съ каждымъ мгновеніемъ она ближе и ближе придвигалась къ рѣкѣ, и скоро со стороны ея послышался грозный шумъ. Молніи вспыхивали яркими змѣевидными лентами; громъ, не переставая, оглушалъ грозными ударами и рѣку, и лѣсъ, со стороны котораго теперь доносился шумъ взбаломученной вѣтромъ листвы... Дождь

прозрачными пузырьками запрыгалъ по водѣ, забарабанилъ по бревнамъ плота, по песку, и нѣсколько крупныхъ капель съ шипѣньемъ упало въ костеръ. Глаза Михея то-и-дѣло ослѣпляли яркія молніи; ревъ вѣтра, шумъ воды и грозные раскаты грома сплошнымъ адскимъ хоромъ гремѣли въ его ушахъ... Онъ всталъ и, подойдя къ водѣ, позвалъ старика; на его зовъ никто не откликался. Онъ еще ближе подошелъ къ водѣ и еще громче окликнулъ плотовщиковъ... Ревъ вѣтра и раскаты грома слышались ему въ отвѣтъ. Михей кричалъ, что̀ было мочи, и звалъ плотовщиковъ, и просилъ ихъ пустить его въ балаганъ на ночлегъ въ эту бурную и грозную ночь. Дверка балагана на мгновеніе отворилась, и изъ-за нея высунулась голова старика. Старикъ мотнулъ бородой, какъ будто крикнулъ что-то, и скоро дощатая дверка снова захлопнулась... Надъ рѣкой разразился сплошной ревущій ливень, и Михей, что̀ было духу, бросился въ ближайшіе кусты. Здѣсь забрался онъ въ чащу кустарника, накинулъ на плечи армячишко, пряча голову отъ дождя, глаза отъ ослѣпительно-яркихъ молній и затыкая уши отъ страшныхъ, потрясающихъ землю, ударовъ грома...

Въ душѣ его закипѣла злоба, на уста просилось проклятіе и на этотъ ливень, и на эти ослѣпительныя молніи и оглушающіе раскаты грома, и на все это темное небо и пустынный, безпріютный берегъ рѣки...

Закипѣла въ душѣ его злоба и на этого сѣдого, подозрительнаго старика-плотовщика, высунувшаго изъ балагана свою сѣдую бороду, для того, чтобы потомъ плотнѣе захлопнуть за собою дощатую дверцу... Вдругъ вспомнилъ онъ въ эту минуту и Демьяна, выгнавшаго его изъ родного угла, чтобы отыскивать неизвѣстно какіе лѣсные промыслы. И только въ эту темную непогожую ночь онъ понялъ весь смыслъ своего одиночества, только теперь разгадалъ онъ весь ужасъ своего положенія... Нужны были его рабочія руки дядѣ Демьяну, пріютившему сиротку-мальчика, и онъ держалъ у себя племянника по родственному; сталъ онъ для семьи лишнимъ ртомъ—и его выбросили, какъ ненужную, лишнюю вещь... Припоминая всю свою прошлую жизнь, Михей только теперь понималъ свою сиротскую горькую долю—и безотчетная, непонятная злоба душила его, и ему вдругъ захотѣлось сорвать на комъ-нибудь эту злобу...

Онъ поднялъ глаза и, ослѣпленный молніей, въ ту же секунду сощурилъ ихъ. Ударъ грома близко обрушился сзади него, и земля подъ ногами загудѣла: очевидно, молнія расщепала бли-

жайшую сосну... Михей перекрестился, но молитва не шла ему на умъ. Сердце безпокойно билось, въ груди спиралось дыханіе...

Онъ обвелъ въ темнотѣ глазами и уставился расширенными зрачками въ сторону плота. При вспышкѣ молній онъ успѣлъ разсмотрѣть темную воду съ ревущими волнами и плотъ,—и злоба съ новою силою закипѣла въ его душѣ... Ему хотѣлось, чтобы совершилось что-нибудь необыкновенное; ему хотѣлось, чтобы молнія упала на балаганъ и спалила бы и его, и всѣхъ, кто укрылся подъ соломою; ему хотѣлось, чтобы мятущіяся волны оборвали канаты и разметали бы плотъ противнаго, злого старикашки... Буйный вѣтеръ, взбаломученная листва нашептывали ему эти недобрыя мысли, а пѣнящіяся волны, съ шумомъ и всплескомъ набѣгая на отмель, казалось, съ злорадствомъ манили его къ себѣ...

Михей вылѣзъ изъ-подъ кустовъ, крадучись и изрѣдка посматривая на балаганъ, пробрался къ колу, на которомъ былъ намотанъ конецъ каната, и спѣшно развязалъ толстую мочальную веревку... Онъ остановился и прислушался... Дождь по прежнему шумѣлъ, гудѣла рѣка, вспыхивали молніи... Дверца балагана стукнула, и на плоту выросла темная фигура; при свѣтѣ молніи Михей разсмотрѣлъ старика... Онъ размахивалъ руками и что-то кричалъ... Верхній конецъ плота стало относить отъ берега. Старикъ бросился къ балагану, громко окрикнулъ сына и батрака, и скоро всѣ трое они, вооружившись шестами, старались удержать двинувшійся плотъ. Не помня себя, Михей спрятался за кусты и при вспышкѣ молніи слѣдилъ за всѣмъ, что̀ творилось на плоту. Взбаломученная, бѣшеная рѣка несла плотъ внизъ по теченію... Слышались безпомощные, отчаянные крики плотовщиковъ, а несмолкаемые раскаты грома заглушали эти слабые голоса... Рѣка пѣнилась и роптала...

Михей быстро бѣжалъ по берегу, тяжело дыша и размахивая руками. Въ груди его стучало сердце, въ головѣ все еще роилась злая, нашептанная ночью мысль... Вотъ онъ остановился и оглянулся. Густая мгла разстилалась надъ рѣкою, по прежнему шумѣлъ дождь, вспыхивали молніи, и вода, набѣгая на берегъ темными волнами, словно подсмѣивалась надъ его злобою...

Вас. Брусянинъ.

РУССКІЙ КНЯЖЕСКІЙ ДВОРЪ
въ
ГОРОДѢ ГОРСЕНСѢ
1780—1807 г.

Окончаніе.

III *).

При той нѣжной дружбѣ, какою были соединены между собой всѣ четверо братьевъ и сестеръ Брауншвейговъ, легко представить себѣ, какое горе должна была вызывать смерть когонибудь среди остававшихся въ живыхъ. Между тѣмъ, прошло всего два года, какъ смерть начала уже вырывать изъ этой дружной семьи ея членовъ. Первой умерла принцесса Елизавета, въ возрастѣ 39 лѣтъ. Она была, какъ упоминалось выше, наиболѣе красивая и одаренная изъ всѣхъ четверыхъ Брауншвейговъ. Больше всѣхъ напоминая покойную мать наружностью, она походила на нее и складомъ душевнымъ, причемъ унаслѣдовала отъ принцессы Анны Леопольдовны и склонность къ глубокой меланхоліи. Удивляться этому не приходится, зная, при какихъ обстоятельствахъ родилась Елизавета. Крѣпостью здоровья она никогда не отличалась, и въ Холмогорахъ часто хворала.

---

*) См. выше: сент., 5 стр.

Новыя благопріятныя условія жизни въ Горсенсѣ, быть можетъ, и укрѣпили бы силы принцессы, еслибъ ее не подтачивала глубокая грусть. Принцесса, повидимому, полюбила окружавшихъ ее въ Горсенсѣ приближенныхъ, обходилась съ ними въ высшей степени ласково и доброжелательно, но въ глубинѣ души продолжала мучительно тосковать о тѣхъ, съ кѣмъ ей пришлось разстаться, вступая на датскую почву. Горе принцессы станетъ болѣе понятнымъ для читателей, если мы скажемъ, что двѣ молодыя любимыя служанки, сопровождавшія Брауншвейговъ въ Данію, были въ сущности ихъ сестрами, незаконными дочерьми покойнаго отца ихъ, принца Антона-Ульриха, родившимися и выросшими въ холмогорскомъ острогѣ. Императрица Екатерина, повидимому, на этого рода узы между Брауншвейгами и упомянутыми служанками и намекала въ тѣхъ строкахъ своего письма къ королевѣ датской, гдѣ говорится о томъ, какъ страшно тяжела будетъ для Брауншвейговъ внезапная разлука съ тѣми изъ ихъ русской свиты, съ которыми они выросли, сжились, къ которымъ крѣпко привязаны и на которыхъ вполнѣ могутъ положиться. У датскаго правительства, однако, какъ мы знаемъ, были свои соображенія, и обѣ сводныя сестры Брауншвейговъ были, наравнѣ съ прочими русскими спутниками принцевъ и принцессъ, возвращены обратно въ Холмогоры.

Въ началѣ 1782 г. здоровье принцессы Елизаветы особенно пошатнулось; она никогда не чувствовала себя вполнѣ здоровой, и настроеніе духа ея было постоянно угнетенное. Горсенскій полковой лекарь Ледереръ, исполнявшій также обязанности придворнаго врача, не видѣлъ, впрочемъ, въ этихъ симптомахъ чего-либо угрожающаго и полагалъ, что недугъ, въ концѣ концовъ, уступитъ вліянію лекарствъ, прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ и усиленному питанію. Принцессу пичкали лекарствами, катали и на саняхъ, и въ каретѣ, выписывали для нея портеръ и эль изъ Лондона, устрицы изъ Хусума, виноградъ и другіе рѣдкіе плоды изъ Италіи,—здоровье ея не улучшалось. Въ октябрѣ того же года она совсѣмъ слегла и черезъ три недѣли скончалась (20 окт. 1782 г.), горько оплакиваемая не только сестрой и братьями, но и всѣми, кто зналъ ее.

Въ Копенгагенъ былъ немедленно отправленъ нарочный—довѣренный камердинеръ Клаусенъ, съ донесеніемъ о печальномъ событіи и за распоряженіями относительно lit de parade, траура и самаго погребенія.

Черезъ шесть дней пришло отъ королевы Юліаны-Маріи письмо съ соболѣзнованіемъ:

„Herzlich geliebte Kinder!

„Was soll ich sagen um Ihnen über den schmerzlichen Verlust einer geliebten Schwester zu trösten. Mein eigenes Herz ist zerrissen von diesem . Zufall, mit einer gerechten und nicht allgemeinen Betrübnisz, und mische aufrichtig meine Thränen mit den Ihrigen...

„Bis im Tod getreue und zärtliche Mutter
Juliane-Marie".

„D. 26 Oktober 1782".

Клаусенъ также не замедлилъ вернуться и привезъ съ собой въ трехъ повозкахъ: новый черный балдахинъ для катафалка, съ двойными бархатными подборами, отдѣланными широкой серебряной бахромой, бархатный коверъ съ серебряными крестами по угламъ, второй бархатный балдахинъ съ серебряной бахромой, такъ называемый парадный, подъ которымъ должны были нести гробъ, и черную бархатную подушку съ серебряной бахромой; затѣмъ, 24 аршина лучшаго сукна для трауриаго костюма принцевъ, 75 арш. хорошаго сукна для траурнаго убранства комнатъ, 98 аршинъ обыкновеннаго сукна для парадныхъ траурныхъ ливрей и одеждъ кучеровъ, форейторовъ, конюховъ и пр., 119 арш. чернаго крепа, серебряную вызолоченную княжескую корону и 6 толстыхъ восковыхъ свѣчей, вѣсомъ по 8 ф. каждая.

Траурной одеждой или деньгами на покупку ея былъ снабженъ весь дворцовый штатъ отъ главноуправляющаго дворомъ камергера Плейарта и его жены-гофмейстерины до послѣдняго работника и судомойки. Пріемную залу обили, какъ и два смежныхъ покоя, чернымъ сукномъ, убрали изъ нея ради простора большую печку и соорудили въ этой залѣ lit de parade.

Городскому живописцу заказали шесть гербовъ Брауншвейгско-Люнебургскаго дома, которые были прикрѣплены къ древкамъ и разставлены вокругъ lit de parade. По обѣ стороны послѣдней поставлено было также по столику,—на одномъ находился серебряный вызолоченный футляръ съ сердцемъ покойной (тѣло было набальзамировано), а на другомъ—ея драгоцѣнные уборы и украшенія. При погребеніи же сердце было присоединено къ тѣлу, которое схоронили въ двухъ гробахъ; внутренній былъ сосновый, обитый тафтой и выложенный внутри вмѣсто стружекъ брауншвейгскимъ хмелемъ, а наружный—дубовый, обитый чернымъ бархатомъ и атласомъ, съ серебряными украшеніями. Къ крышкѣ наружнаго гроба была прибита массивная серебряная

доска, съ выгравированнымъ крупными латинскими буквами именемъ покойной и брауншвейгскимъ гербомъ.

Парадная выставка тѣла продолжалась около трехъ недѣль, и только 15 ноября состоялись пышныя похороны, по церемоніалу, соотвѣтствующему высокому сану покойной, какъ особѣ княжескаго рода. Послѣ погребенія всѣ принимавшіе участіе въ церемоніи и многіе другіе получили подарки, а дворцовой прислугѣ выдано было для дѣлежа 226 риксдалеровъ, кромѣ различныхъ вещей изъ гардероба умершей принцессы. Вообще весь штатъ получилъ по какой-нибудь вещицѣ на память о покойной, и даже королева Юліана-Марія согласилась принять на память брилліантовыя серьги принцессы Елизаветы. Бѣдные жители города получили щедрую милостыню.

Похороны принцессы обошлись въ общемъ въ немалую сумму 6.471 риксдалеровъ, 79 скиллинговъ (подробный счетъ былъ, по обычаю, провѣренъ и подписанъ королевскимъ ревизоромъ Линде), и такъ какъ это произвело значительную брешь въ личной кассѣ принцевъ, то управляющему пришлось подумать о томъ, какъ бы наверстать этотъ расходъ. Камергеръ Плейартъ и обратился въ Копенгагенъ съ представленіемъ о необходимости оставить неизмѣнной отпускавшуюся ежегодно на гардеробъ и прочіе личные расходы высокихъ особъ сумму въ 4.000 риксдалеровъ, хотя высокихъ особъ и осталось теперь всего трое. Представленіе Плейарта уважили, но и при суммѣ въ 4.000 риксдалеровъ сводить концы съ концами было все-таки не очень легко, такъ какъ расходы Брауншвейговъ на дѣла благотворительности, подарки, приданыя, пенсіи и т. п. все росли; принцы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ туго поддавались экономическимъ соображеніямъ. Зато управляющему удалось произвести нѣкоторыя реформы въ хозяйственной части, которыя, являясь желательными въ экономическомъ отношеніи, не шли въ разрѣзъ и съ желаніями придворнаго штата. Всѣ эти реформы были, конечно, предварительно одобрены свыше, такъ какъ все житье-бытье горсенскаго двора находилось, какъ мы знаемъ, подъ постояннымъ строгимъ контролемъ копенгагенскаго двора.

Особый назначенный королемъ ревизоръ тщательно провѣрялъ годовую отчетность по управленію горсенскимъ дворомъ, и какъ главно-управляющему, такъ и гофъ-интенданту и его помощнику приходилось прилагать къ каждому счету оправдательные документы—росписки торговцевъ, поставщиковъ, слугъ и проч. До какой степени контроль былъ строгъ — могутъ показать, напр., слѣдующіе факты. Однажды помощникъ интен-

данта купилъ у какого-то крестьянина изъ окрестностей Горсенса нѣсколько метелъ, причемъ, по полному безграмотству крестьянина, росписки отъ него не получилъ. Когда дѣло дошло до провѣрки счетовъ за данное время, королевскій ревизоръ немедленно написалъ въ Горсенсъ: „Въ недѣльномъ счетѣ отъ 11 января 1783 г. недостаетъ оправдательной росписки на произведенный помощникомъ интенданта Бушемъ расходъ въ 1 риксд. 1 марку 4 скиллинга за метлы, каковая и должна быть доставлена". Пришлось виновному представить контролеру надлежащее объясненіе. На другой годъ тотъ же помощникъ интенданта былъ притянутъ ревизоромъ къ отвѣту за переплаченный имъ русскому священнику лишній далеръ. Злополучный служащій дѣйствительно какъ-то просчитался при переводѣ русскихъ денегъ на датскія (счетъ тогда существовалъ двойной: на рубли и на ассигнаціи) и передалъ священнику лишнее, въ чемъ смиренно и признался ревизору, прибавивъ при этомъ, что не осмѣливается потребовать лишняго далера обратно отъ „этого непокладистаго господина". Ошибка была милостиво прощена. Два же года спустя, самъ интендантъ, по той же причинѣ, ошибся при уплатѣ жалованья священнику на цѣлыхъ 10 риксд. 82 скиллинга, и въ отвѣтѣ своемъ на замѣчаніе ревизора писалъ послѣ обычныхъ извиненій слѣдующее: „Собственно можно было бы потребовать эти деньги отъ русскаго священника обратно, но я полагаю, что лучше оставить это дѣло, такъ какъ если этого безпокойнаго человѣка станутъ принуждать вернуть деньги въ кассу, выйдутъ большія непріятности, а толку, все равно, не будетъ". Чтобы покончить съ такими примѣрами, приведемъ еще одинъ довольно курьезный. На счетѣ интенданта за купленныхъ для горсенскаго двора оленя (2 риксд. и 3 марки) и 2 зайцевъ (по 3 марки) ревизоръ сдѣлалъ красными чернилами такую помѣтку: „Въ сущности зайцы поставлены на 8 скиллинговъ дороже, чѣмъ они могутъ стоить".

Особенно чувствительно отзывались на бюджетѣ горсенскаго двора сравнительно частыя свадьбы приближенныхъ особъ женскаго пола и служанокъ. И тѣ и другія, видимо, считались завидными невѣстами, которыхъ женихи разбирали нарасхватъ. Насколько тутъ играло роль то обстоятельство, что невѣсты получали приданое изъ дворцовой кассы—судить не беремся, а что приданое это было приличное—видно изъ тѣхъ же документовъ по отчетности. Похороны дворцовыхъ слугъ также принимались на счетъ дворцовой казны, но смертные случаи далеко не такъ опустошали казну Брауншвейговъ, какъ свадьбы, кре-

стины (высокія особы никогда не отказывались крестить у своихъ слугъ) и прощальные подарки приближеннымъ, оставлявшимъ по той или иной причинѣ свою службу.

Первая значительная перемѣна въ придворномъ штатѣ произошла въ 1784 г., когда камергеръ Плейартъ съ супругой по собственному желанію оставили службу при горсенскомъ дворѣ и были замѣнены: онъ—гофъ-интендантомъ фонъ-Шенкомъ, а она—госпожей фонъ-Грамбоу. Мѣсто самого Шенка занялъ придворный кавалеръ, подполковникъ Лиліенсвьольдъ, а на его мѣсто присланъ былъ королевой ея собственный бывшій придворный кавалеръ, камеръ-юнкеръ фонъ-Гаухъ. Въ концѣ же предыдущаго 1783 года уволилась, по случаю выхода замужъ, придворная дама принцессы, дѣвица фонъ-Крогъ, и на ея мѣсто поступила дѣвица фонъ-Сегестедъ, которая также прослужила лишь три года и вышла замужъ. Послѣдней дамѣ мы обязаны любопытнымъ документомъ, содержащимъ интересныя данныя о горсенскихъ принцахъ и принцессахъ. Документомъ этимъ является письмо бывшей дѣвицы Сегестедъ (въ первомъ бракѣ госпожи фонъ-Левецау, во второмъ Фабриціусъ) къ какому-то генералу, которое мы и приводимъ въ дословномъ переводѣ.

„Ваше превосходительство! То, что̀ сообщилъ вамъ господинъ ректоръ Вурмъ изъ Горсенса о четверыхъ потомкахъ русскаго царя Ивана, вполнѣ вѣрно, но можно сообщить и еще многое объ этихъ достопримѣчательныхъ и несчастныхъ персонахъ. Старшая изъ нихъ, моя незабвенная принцесса Екатерина, отличалась добрѣйшею душой, благороднѣйшимъ образомъ мыслей и искреннимъ благочестіемъ, довольно острымъ умомъ и деликатностью въ обращеніи, подобной которой я не знавала. Она совершенно лишилась слуха на восьмомъ году жизни, говорила только на родномъ языкѣ и даже не имѣла, пока пребывала въ русской темницѣ, случая научиться какому-нибудь другому языку, кромѣ русскаго. Если принцесса желала бесѣдовать съ кѣмъ-либо, то говорящая съ нею особа должна была помѣститься прямо противъ нея, такъ чтобы глаза принцессы все время могли слѣдить за движеніями губъ говорящей особы, и только когда принцесса повторяла слова послѣдней, можно было быть увѣреннымъ, что слова данной особы были ею поняты. Послѣ моего поступленія на службу при горсенскомъ дворѣ въ 1783 году, у моей принцессы явилось большое желаніе научиться писать по-нѣмецки, и придворный учитель языковъ сталъ обучать ее этому. Дѣло подвигалось, конечно, очень медленно, главнымъ образомъ изъ-за полнаго отсутствія у нея слуха. За

выговоромъ она слѣдить не могла, но своимъ неутомимымъ прилежаніемъ достигла все-таки того, что могла довольно понятно излагать свои мысли по-нѣмецки письменно, какъ ваше превосходительство увидите изъ приложеннаго письма ко мнѣ, которымъ моя принцесса почтила меня въ день новаго года, въ концѣ моей трехлѣтней службы при ней. Она пожелала также учиться играть на клавикордахъ, и къ тому времени, какъ я покинула дворецъ, могла порядочно играть пятнадцать небольшихъ пьесокъ, сама не слыша ни единаго звука. Обнаруживала она также большую охоту къ рисованію и срисовывала, за что бралась, очень хорошо. Такимъ образомъ, она была постоянно занята то рукодѣліемъ, то письмомъ, то рисованіемъ, то музыкой. И это давало ей полное нравственное удовлетвореніе, которое высказывалось и въ ея разговорѣ, и во всемъ ея мягкомъ обхожденіи и манерахъ. Я видѣла ее печальной лишь въ тѣ минуты, когда она вспоминала о своемъ несчастномъ братѣ, принцѣ Иванѣ, и говорила о его страданіяхъ въ темницѣ. Младшая принцесса Елизавета умерла до моего назначенія придворной дамой, но во время моего пребыванія въ домѣ дяди моего, камергера Гарсдорфа (онъ жилъ рядомъ съ дворцомъ), я имѣла честь пользоваться приглашеніями отъ имени этой принцессы изъ-за моего умѣнья немножко играть на клавикордахъ. Она очень любила музыку. Во время этихъ посѣщеній я и успѣла замѣтить, что эта въ общемъ весьма обходительная и любезная принцесса высказывала сильное неудовольствіе своимъ, какъ ей казалось, слишкомъ зависимымъ положеніемъ. Такъ я помню, что управляющій дворомъ однажды, желая сдѣлать ея свѣтлости удовольствіе, принесъ ей щегленка, который былъ обученъ таскать воду къ себѣ въ клѣтку. Въ первую минуту она казалась довольной, но потомъ, замѣтивъ на ножкѣ птицы цѣпочку, залилась слезами, открыла окно, сняла съ птички цѣпь и отпустила на свободу, говоря: „Ты мое живое изображеніе, и я дамъ тебѣ свободу“. Она говорила немного по-нѣмецки. Писемъ ея я никогда не видала, но, мнѣ кажется, она писала королевѣ Юліанѣ-Маріи.

„Принцы были люди очень добрые, но не получившіе никакого образованія, такъ какъ выросли въ тюрьмѣ. Отецъ ихъ, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, былъ ихъ единственнымъ учителемъ, который, однако, не смѣлъ даже обучать ихъ нѣмецкому языку. Поэтому имъ трудно пришлось, когда они прибыли сюда въ страну въ зрѣлыхъ лѣтахъ; потомъ они немножко выучились говорить по-нѣмецки, а еще меньше писать, но я все-таки имѣю честь приложить небольшой образчикъ письма младшаго принца

Алексѣя. Не думаю, чтобы старшій принцъ умѣлъ особенно писать.

„Въ карты же умѣли играть всѣ четверо, и въ ломберъ, и въ тресетъ, и были искусны также въ игрѣ въ шашки и на бильярдѣ. Высокимъ особамъ было предоставлено свободно прогуливаться въ экипажахъ и верхомъ, а также посѣщать окрестныя усадьбы, но въ 10 ч. вечера они, какъ и весь придворный штатъ, обязаны были быть дома. Въ самомъ городѣ имъ не разрѣшалось бывать въ гостяхъ при жизни младшихъ принцессы и принца. Послѣ же ихъ смерти, принцессѣ Екатеринѣ и принцу Петру было разрѣшено посѣщать высокопоставленныхъ особъ въ городѣ. Лѣтомъ къ обѣденному столу высокихъ особъ приглашались и мужчины, и дамы высшихъ ранговъ; я хорошо помню, что наименьшимъ рангомъ, обусловливавшимъ приглашеніе, считался чинъ статскаго совѣтника. По вечерамъ зимою, какъ и лѣтомъ, гости чаще всего приглашались въ воскресенье — присутствовать на концертѣ и ужинать. Развлекались высокія особы и катаньемъ на саняхъ, а принцы долгое время очень увлекались также каруселью въ выстроенномъ около дворца манежѣ. Дворцовый садъ, въ который былъ выходъ прямо изъ покоевъ главнаго зданія, былъ обнесенъ высокимъ, глухимъ заборомъ и служилъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ высокія особы могли гулять безъ сопровожденія придворнаго кавалера. Во дворцѣ постоянно дежурилъ военный караулъ, подъ начальствомъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона. Для этой цѣли около покоевъ принцевъ была отведена комната, гдѣ дежурный офицеръ и ночевалъ. Вотъ вамъ, мой отеческій другъ, все, чему я за три года была свидѣтельницей.

„Думаю, что не лишнее будетъ приложить еще рисунокъ Холмогоръ, работы принцессы Екатерины. Рисовано это на память, и это одна изъ ея первыхъ работъ того времени, когда я имѣла счастье служить ей. Еслибы эта принцесса была воспитана на свободѣ, и всѣ дарованія, которыя были заложены въ ней, были развиты въ ней въ молодые ея годы, она бы навѣрное во всѣхъ отношеніяхъ была образцомъ для своего пола.

„Если мнѣ удастся этими строками удовлетворить вашимъ желаніямъ, то это искренно обрадуетъ

вашу почтительную и преданную слугу

Е. Н. Фабриціусъ, рожденную Сегестедъ".

Приводимъ и упомянутое нѣмецкое письмо принцессы Екатерины къ госпожѣ Сегестедъ.

„Meine liebe Freulein, dero angenehme gesellchaft ist mir eine so süsse gevohnheit geworden das ich nicht an die vergangenen

tage zuruck denke ohne vergnügen, besonders da ich nicht weis wie lange ich die freude habe sie bei mir zu behalten: noch lange waren meine wünsche, vielleicht sind es nicht die ihrige, nun ich mus zufrieden sein: danck, hertzlich danck für dem vorigen jahr. Gott erfülle in diesem neuen iahre dero hertzens wünsche und mache sie so glücklich als sie es verdienen. Ich bin mit wahre freundschaft

dero ergebene Catharina.

„Den 1-st Jan. 1786.

„Pour mademoiselle de Sehested".

Запечатано письмо было краснымъ сургучомъ; самая печать изображала птицу, щебечущую на вѣткѣ, вокругъ которой шла надпись: „la liberté".

Такіе успѣхи сдѣлала принцесса уже подъ руководствомъ второго учителя. Первый, синьоръ Юпертъ, черезъ два года оставилъ службу при горсенскомъ дворѣ, и на его мѣсто былъ приглашенъ молодой датчанинъ Клейнъ, который, проживъ долго въ Россіи, говорилъ по-русски, а также владѣлъ нѣмецкимъ и немного французскимъ языками. Этотъ Клейнъ и оказался въ высшей степени полезнымъ человѣкомъ, при которомъ познанія принцессы Екатерины и особенно принца Алексѣя сильно подвинулись впередъ. Такъ какъ первоначальное жалованье учителю было назначено очень маленькое, то черезъ годъ главноуправляющій горсенскимъ дворомъ обратился въ Копенгагенъ къ королевѣ съ почтительнѣйшей просьбой о прибавкѣ успѣвшему заявить себя такимъ добросовѣстнымъ и умѣлымъ преподавателемъ Клейну пятидесяти риксдалеровъ въ годъ, а также о предоставленіи ему вакансіи довѣреннаго камердинера (!), какъ только она освободится.

Черезъ три года вакансія эта дѣйствительно освободилась, за смертью Клаусена, и учитель былъ назначенъ на мѣсто послѣдняго. Итакъ, переводъ изъ учителей въ камердинеры считался повышеніемъ, изъ чего можно заключить, что должность камердинера при горсенскомъ дворѣ была и почетнѣе, и лучше оплачивалась, нежели должность учителя. Сдѣлавъ подъ руководствомъ новаго учителя основательные успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ, принцъ Алексѣй не преминулъ дать понятіе о своихъ успѣхахъ теткѣ своей, королевѣ датской, написавъ ей вмѣстѣ съ сестрой поздравленіе по случаю новаго года. Черезъ нѣсколько дней королева отвѣтила письмомъ, заканчивавшимся такъ:

„Meine Freude ist nicht zu beschreiben, der ruhigen Zufrie-

denheit welcher Sie meine geliebte Kinder in den Staaten des Königs geniessen. Gott erhalte Sie in diesen Gesinnungen, und gebe Ihnen sämmtlich ein vergnügtes Hertz und eine ununterbrochene Gesundheit und aller ersinnliche Wohlergehen.

„Bis in Tod aufrichtig treu ergebene und zärtliche Juliane Marie. Christiansborg, den 13 Januar 1784".

Съ полученіемъ письма племянника и племянницы, очевидно, съ сердца королевы спала тяжесть,—она могла теперь предполагать, что ея русскіе родные, наконецъ, освоились съ чужой стороной и довольны своимъ положеніемъ,—не то, что въ началѣ, когда разлука съ русскими приближенными заставляла ихъ даже жалѣть о холмогорскомъ острогѣ. Вообще, съ усвоеніемъ принцессой Екатериной и принцемъ Алексѣемъ нѣмецкаго языка, переписка ихъ съ королевой развилась и сдѣлалась болѣе интимною.

Письма Брауншвейговъ всегда дышали горячей преданностью и благодарностью къ августѣйшей родственницѣ, которая, въ свою очередь, отвѣчала на нихъ очень тепло и сердечно. Часто выражалась въ письмахъ Брауншвейговъ и живѣйшая сердечная признательность ихъ къ императрицѣ Екатеринѣ, великодушію которой они были обязаны счастливой перемѣной въ ихъ судьбѣ. Вѣроятно, Екатерина II была посвящена въ эти отношенія между теткой и племянниками и считала первую вполнѣ достойной горячей привязанности послѣднихъ, такъ какъ указомъ, изданнымъ въ мартѣ 1796 года, утвердила датскую королеву наслѣдницею ея родственниковъ въ Горсенсѣ, буде она переживетъ ихъ.

Весной 1785 года королева, въ знакъ особаго своего расположенія, прислала племянницѣ и племянникамъ свой новый портретъ (гравюру на мѣди), чѣмъ безконечно обрадовала ихъ.

Движимый вообще столь свойственными Брауншвейгамъ родственными чувствами, принцъ Алексѣй, какъ только выучился излагать свои мысли по-нѣмецки, написалъ также письмо своему дядѣ, герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, извѣстному прусскому фельдмаршалу, называя его въ письмѣ „дорогимъ отцомъ". Герцогъ былъ очень тронутъ этимъ и немедленно отвѣтилъ письмомъ, начинавшимся слѣдующими словами:

„Geliebter Sohn! Ich empfange mit Erkenntlichkeit und übernehme mit Zärtlichkeit den mir übertragenen Namen Vater. Mein Hertz fühlte schon längst die Zärtlichkeit eines Vaters für Ihnen, doppelte Regungen empfinde ich jetzt, da Sie mir mit Ihren Geschwistern diesen süssen Nahmen von selbst ertheilen"... и т. д.

Принцесса Екатерина также писала дядѣ, поздравляя его съ новымъ годомъ (1786 г.).

Въ 1786 г. въ штатѣ горсенскаго двора произошли новыя, хотя и не столь существенныя измѣненія. Пріѣхавшіе съ Брауншвейгами изъ Россіи русскій священникъ и двое церковнослужителей вернулись въ Россію, получивъ изъ кассы горсенскаго дворца, по соизволенію королевы Юліаны-Маріи, первый 300 риксдалер., а послѣдніе по 150 риксдалер. на дорогу. На ихъ мѣсто изъ Россіи присланы были священникъ и служки. Затѣмъ, вмѣсто вышедшей въ этомъ году замужъ дѣвицы Сегестедъ, должность придворной дамы заняла дѣвица Елена фонъ-Сальдернъ, пріемная дочь бывшаго главноуправляющаго горсенскимъ дворомъ, камергера Плейарта, еще дѣвочкой жившая при этомъ дворѣ и научившаяся тогда по-русски. Черезъ годъ же она заступила умершую въ это время гофмейстерину госпожу фонъ-Грамбоу.

Въ октябрѣ 1787 г., спустя пять лѣтъ послѣ смерти принцессы Елизаветы, скончался принцъ Алексѣй, 41 года отъ роду. Въ концѣ 1784 и началѣ 1785 г. принцъ этотъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, перенесъ корь, затѣмъ былъ здоровъ до осени 1787 г., когда сталъ прихварывать. Болѣзненная мысль, что онъ не переживетъ въ этомъ году дня смерти сестры, сильно способствовала общему упадку силъ и развитію недомоганія, такъ что принцъ дѣйствительно и пережилъ роковой день лишь двумя днями, скончавшись 22 октября.

Принца Алексѣя также очень любили, и кончина его вызвала глубокія сожалѣнія не только во дворцѣ, но и во всемъ городѣ. Похороны его были столь же торжественны, какъ и похороны раньше почившей принцессы, и обошлись почти въ такую же сумму.

Въ 1788 г. скончался герцогъ Людвигъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, старшій братъ королевы Юліаны-Маріи и герцога Фердинанда, и оставилъ племянницѣ и племяннику—принцессѣ Екатеринѣ и принцу Петру—5.500 риксдалер. Деньги эти были присоединены къ казнѣ горсенскаго двора. Въ томъ же году хозяева горсенскаго дворца имѣли рѣдкое удовольствіе встрѣчи съ родственниками въ лицѣ кронпринца Фредерика и принца Фредерика. Изъ описанія этого посѣщенія придворной дамой, извѣстной уже намъ дѣвицей Еленой фонъ-Сальдернъ, видно, что ей-то этотъ визитъ солоно пришелся, такъ какъ бесѣда между высокими особами шла все время черезъ нее, и за столомъ ей безотлучно приходилось стоять напротивъ мѣста принцессы Екатерины, чтобы послѣдняя могла слѣдить за движеніями ея губъ,

передававшихъ рѣчи собесѣдниковъ принцессы. Принцесса, какъ описываетъ та же придворная дама, была „въ изысканномъ парижскомъ туалетѣ и пріобрѣла въ этотъ день неизмѣнную симпатію будущаго короля“ (т.-е. Фредерика VI).

Въ началѣ 1791 года съ принцемъ Петромъ случилось несчастье,—онъ сломалъ себѣ ногу, и на цѣлыхъ шесть недѣль долженъ былъ отказаться отъ обычныхъ прогулокъ и движенія на свѣжемъ воздухѣ. Объ этомъ происшествіи, конечно, было тотчасъ же дано знать королевѣ, и она не замедлила прислать племяннику соболѣзнующее письмо. Заботливое леченіе и тщательный уходъ, однако, скоро поставили принца опять на ноги, и онъ могъ по прежнему предаваться своимъ любимымъ удовольствіямъ. По его желанію и съ разрѣшенія королевы, пользовавшему его врачу было пожаловано 100 риксдалер., ухаживавшимъ за принцемъ двумъ камердинерамъ—по 50, и наконецъ шестерымъ лакеямъ по 5.

Тотъ же годъ былъ отмѣченъ двумя свадьбами при горсенскомъ дворѣ. Вышли замужъ младшая придворная дама, дѣвица фонъ-Косъ, и камеристка Люткисъ, и обѣ, по заведенному обычаю, получили приданое,—первая въ 1.500 риксдалер., а вторая—въ 300.

Болѣзнь принца и эти двѣ свадьбы, въ соединеніи съ другими непредвидѣнными расходами, вызывавшимися главнымъ образомъ щедростью на подарки, привели кассу горсенскаго дворца къ временному банкротству, и ей высочайше разрѣшенъ былъ заемъ въ 7.000 риксдалер. изъ кассы королевскаго намѣстника въ г. Оргусѣ.

Добросовѣстный и бережливый гофъ-интендантъ Лиліенскьольдъ былъ очень смущенъ такимъ временнымъ затрудненіемъ въ деньгахъ и въ донесеніи королевскому ревизору высказалъ, вмѣстѣ со своимъ глубокимъ сожалѣніемъ по этому поводу, твердую надежду, что впредь этого не случится. Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ въ бюджетѣ горсенскаго двора соблюдался строгій балансъ, и, начиная съ 1793 г., отъ годовой ренты въ 32.000 рублей стали даже оставаться значительные излишки, которые помѣщались на текущій счетъ и увеличивали казну горсенскаго двора.

Въ 1793 г. принцессѣ Екатеринѣ пришлось лишиться своей преданной и опытной старшей придворной дамы, дѣвицы Елены фонъ-Сальдернъ, которая послѣ семилѣтней службы также пожелала выйти въ отставку, съ цѣлью обвѣнчаться съ ротмистромъ фонъ-Сундтъ. Въ награду за отличную службу ей, кромѣ обыч-

наго приданаго въ 1.500 риксдалер., была пожалована, послѣ ея развода съ ротмистромъ,—что̀ случилось довольно скоро,—пенсія въ 100 риксдалер. въ годъ, которую она и получала все время, пока существовалъ самый горсенскій дворъ.

Въ 1796 году Брауншвейговъ постигли болѣе серьезныя утраты: въ октябрѣ умерла ихъ тетка и покровительница, королева Юліана-Марія, а черезъ мѣсяцъ—и императрица Екатерина II. Горе принцессы Екатерины и принца Петра было, повидимому, искренне и глубоко, но въ самой судьбѣ ихъ эти двѣ смерти не произвели никакой перемѣны къ худшему. Опекуномъ Брауншвейговъ сталъ сынъ покойной королевы, принцъ Фредерикъ, всегда относившійся къ своимъ двоюроднымъ сестрамъ и братьямъ доброжелательно и лично знавшій ихъ, а изъ Россіи и по смерти Екатерины II аккуратно продолжали высылать разъ назначенную ренту.

Въ іюлѣ слѣдующаго года внезапно скончался главноуправляющій горсенскимъ дворомъ, камергеръ фонъ-Шенкъ, вступившій на службу Брауншвейгамъ съ перваго же года ихъ прибытія и прослужившій имъ такимъ образомъ почти семнадцать лѣтъ. Потерять такого приближеннаго было, конечно, тяжело, и Брауншвейги могли утѣшать себя только тѣмъ, что на его мѣсто назначенъ былъ, какъ они того желали, тоже долгое время находившійся у нихъ на службѣ гофъ-интендантъ Лиліенскьольдъ, а на мѣсто послѣдняго повышенъ придворный кавалеръ фонъ-Гаухъ, въ свое время смѣнившій точно такъ же повышеннаго Лиліенскьольда. Новымъ же придворнымъ кавалеромъ явился братъ фонъ-Гауха.

Въ то же лѣто сталъ недомогать принцъ Петръ. На помощь постоянному придворному врачу былъ приглашенъ докторъ Фельдманъ изъ Фредериціи, который прописалъ больному пить минеральныя воды Спа. Леченіе это, однако, не принесло желанныхъ результатовъ; прибѣгли къ совѣтамъ другого доктора изъ Оргуса, но и этотъ не помогъ больному. 13 января 1798 г. принцъ скончался и былъ похороненъ по церемоніалу, выработанному предыдущими двумя похоронами.

Для бѣдной глухой принцессы Екатерины смерть послѣдняго брата, который дольше всѣхъ прочихъ дѣлилъ съ нею и горе, и радость, была, разумѣется, тяжелымъ ударомъ. Послѣ смерти принца Алексѣя, двумъ остававшимся въ живыхъ Брауншвейгамъ разрѣшено было уже не только посѣщать окрестныя помѣщичьи усадьбы, но и принимать приглашенія городской знати. Очень любя общество и сами любимые всѣми за свою простоту, обхо-

дительность и доброту, они и вели довольно открытую жизнь, часто принимая у себя и сами бывая въ гостяхъ. Но вотъ, начиная съ 1795 года, мирное, благодушно-веселое существованіе Брауншвейговъ стало омрачаться смертями близкихъ родственниковъ, которые на продолжительное время повергали весь горсенскій дворъ въ трауръ и грусть и пріостанавливали всякое веселье. Рядъ этихъ смертей и завершился смертью одного изъ самихъ хозяевъ двора. Судьбѣ угодно было оставить старшую изъ четырехъ Брауншвейговъ, переселившихся въ Данію, глухую принцессу Екатерину пережить всѣхъ остальныхъ, такъ что уже на склонѣ лѣтъ она была, въ буквальномъ смыслѣ слова, круглою сиротою. Теперь, впрочемъ, она могла легче перенести свое полное сиротство, нежели если бы это случилось въ началѣ ея пребыванія въ Горсенсѣ. Теперь она успѣла вполнѣ освоиться на новой родинѣ, сжиться съ окружавшими ее людьми и до извѣстной степени ознакомиться съ датскимъ и съ нѣмецкимъ языками; вмѣстѣ съ тѣмъ и русскій языкъ успѣлъ пробить себѣ дорогу въ окружавшую ее среду, такъ что потеря послѣдняго близкаго человѣка, для котораго русскій языкъ былъ роднымъ, не могла обречь принцессу на нравственное одиночество. Ей было съ кѣмъ перемолвиться словомъ; не было со стороны окружавшихъ ее и недостатка въ сочувствіи, въ желаніи облегчить ей горе, помочь разсѣяться. Принцесса, вообще умѣвшая наполнить свое время, склонная по природѣ къ различнымъ занятіямъ, сама съ своей стороны облегчала задачу окружающихъ отвлечь ея мысли отъ горестныхъ событій и вернуть ей прежнее душевное равновѣсіе.

Касса горсенскаго двора была въ отличномъ состояніи, и можно было вообще не скупиться на средства развлеченія принцессы и исполненіе различныхъ ея желаній. Между прочимъ, главноуправляющій дворомъ Лиліенскьольдъ испросилъ разрѣшеніе произвести, съ прибавкой жалованья, учителя языковъ и довѣреннаго камердинера Клейна въ секретари принцессы, чтобы онъ могъ постоянно быть къ ея услугамъ и помогать придворнымъ дамамъ развлекать ее чтеніемъ или разговоромъ. Обязанности же послѣднихъ были не изъ легкихъ, несмотря на всю обходительность и умѣнье принцессы цѣнить услуги, и придворная дама, дѣвица Косъ, черезъ восемь лѣтъ почтительнѣйше просила о прибавкѣ ей жалованья, мотивируя свою просьбу такъ: „Смѣю сказать, что въ эти восемь лѣтъ со смерти принца Петра должность моя была сопряжена съ трудностями, какихъ не выпадало на долю моихъ предшественницъ. Со смертью секретаря Клейна, который каждое утро чи-

талъ принцессѣ два часа, и это стало моимъ дѣломъ, такъ какъ, благодаря многолѣтнему навыку въ разговорѣ съ принцессой, мнѣ было ближе всего взять на себя эту обязанность и возмѣстить достойной дамѣ причиненную ей смертью Клейна утрату, въ чемъ усердно помогаетъ мнѣ и моя достойная сослуживица. 25 марта 1806 г.—Косъ".

Мало-по-малу жизнь при горсенскомъ дворѣ вошла въ обычную колею. Принцесса по прежнему стала много принимать у себя и выѣзжать сама, являясь почетной и желанной гостьей во всѣхъ знатныхъ домахъ города и окрестностей, а также радушной и любезной хозяйкой у себя. Правда, она не могла принимать участія въ общей бесѣдѣ, но могла разговаривать съ отдѣльными лицами, обмѣниваться со своими гостями ласковыми улыбками, добродушными кивками головы, поднимать за ихъ здоровье бокалы, угощать ихъ, наконецъ играть съ ними въ карты, и все это, по крайней общительности и общей веселости ея нрава (которыя отмѣчаются всѣми знавшими ее), доставляло ей несомнѣнное живое удовольствіе.

День 60-лѣтней годовщины рожденія принцессы (26 іюня 1801 г.) былъ отпразднованъ съ особой торжественностью, и принцесса вся сіяла, являясь весь день центромъ торжества и общаго веселья, достигшаго своего кульминаціоннаго пункта вечеромъ, когда весь садъ и дворецъ были роскошно иллюминованы. Картину, изображавшую часть сада въ этомъ праздничномъ убранствѣ и поднесенную, нѣкоторое время спустя, принцессѣ, послѣдняя повѣсила у себя въ комнатѣ и не разставалась съ нею до самой смерти.

Не надѣясь, что ей придется еще много разъ встрѣчать день своего рожденія, принцесса стала подумывать о составленіи формальнаго завѣщанія. Въ сущности, въ немъ не было особенной надобности, такъ какъ еще давно, съ согласія императрицы Екатерины, установлено было, что на оставшееся послѣ четырехъ Брауншвейговъ имущество изъ Россіи никакихъ притязаній не будетъ, и наслѣдницей будетъ считаться ихъ тетка, королева датская Юліана-Марія, съ ея потомствомъ. Такимъ образомъ, законнымъ наслѣдникомъ принцессы Екатерины былъ теперь сынъ покойной ея тетки, принцъ Фредерикъ, на котораго принцесса, послѣ смерти тетки, и перенесла всю свою нѣжность; послѣдній также платилъ кузинѣ искренней привязанностью, и на ея сердечныя письма немедленно отвѣчалъ въ томъ же сердечномъ, родственномъ тонѣ. Такимъ образомъ, желая сдѣлать формальное завѣ-

щаніе, принцесса имѣла въ виду, главнымъ образомъ, кое-какія распоряженія чисто личнаго характера.

28 октября 1802 г., завѣщаніе было составлено, но наслѣднику суждено было умереть раньше завѣщательницы. Впрочемъ, онъ успѣлъ еще при жизни получить нѣкоторую долю будущаго наслѣдства. Какъ уже было упомянуто, въ бюджетѣ горсенскаго двора съ теченіемъ времени (начиная съ 1793 г.) замѣчался значительный перевѣсъ прихода надъ расходомъ, оставались излишки, которые отчислялись на текущій счетъ, и вотъ въ 1798 году принцъ Фредерикъ согласился принять составившуюся изъ этихъ излишковъ сумму въ 33.300 далеровъ, съ обязательствомъ вернуть деньги въ кассу горсенскаго двора, если дворъ почувствуетъ нужду въ деньгахъ. Въ 1799 г. принцъ на такихъ же условіяхъ принялъ еще 4.000 риксдалер., въ 1802 г.—15.000 риксдал. и въ 1804 г. 7.000 риксд. Такъ какъ горсенскій дворъ за все это время ни разу не ощущалъ недостатка въ деньгахъ, то переданныя принцу суммы никогда и не были востребованы обратно.

Въ томъ же 1802 году, въ которомъ было сдѣлано завѣщаніе, у принцессы Екатерины явился новый духовникъ, синодальный соборный іеромонахъ Ѳеофанъ, присланный съ двумя служками на смѣну отозванному русскому причту придворной горсенской церкви [1]). Іеромонахъ этотъ, по многимъ свидѣтельствамъ, былъ человѣкъ въ высшей степени грубый, властолюбивый, корыстолюбивый и интриганъ. Разочарованный въ своихъ надеждахъ занять при горсенскомъ дворѣ преобладающее положеніе, онъ съ первыхъ же шаговъ сталъ проявлять общее свое недовольство самымъ рѣзкимъ образомъ. Всѣ старанія двора смягчить требовательнаго монаха оставались тщетными. Ему выхлопотали прибавку къ жалованью; наняли ему прекрасное помѣщеніе; отпускали изъ дворца 8 куб. саж. дровъ и 4 пуда воск. свѣчей ежегодно; выдавали порядочную сумму столовыхъ денегъ и, вдобавокъ, постоянно приглашали къ столу принцессы; богато украсили по его желанію церковь, обновили утварь и облаченія и проч.;—но ему все было мало. Слабую, добрую и довѣрчивую принцессу онъ обиралъ всячески подъ маской благочестія, а если въ дѣло вмѣшивался главноуправляющій, поднималъ страшный шумъ, нимало не щадя спокойствія принцессы.

---

[1]) Предшественникомъ Ѳеофана былъ архимандритъ Іосифъ, который сообщалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Брауншвейгахъ историку Бантышъ-Каменскому (см. „Русскую Старину“, январь 1873 г.).

Корыстолюбіе, безъ сомнѣнія, и заставило его всячески напѣвать въ уши принцессѣ, что ей слѣдуетъ написать новое завѣщаніе, такъ какъ въ старомъ она-де не упомянула о многомъ, касающемся ея погребенія;—Θеофанъ надѣялся, что, составляя новую духовную, принцесса не забудетъ о немъ. По крайней мѣрѣ, онъ только все и твердилъ ей, чтобы она высказала свою послѣднюю волю, не стѣсняясь никакими соображеніями, совершенно свободно.

Но принцесса обманула ожиданія своего духовнаго отца, и когда послѣдній получилъ отъ нея, для прочтенія, черновую новой духовной, то пришелъ въ такую ярость, что обозвалъ духовную „еретической", разорвалъ ее на глазахъ принцессы и швырнулъ клочки въ печку. Насколько онъ умѣлъ терроризировать принцессу—показываетъ то, что она не только снесла такую дерзость, но даже долгое время не говорила о ней никому. Только когда Θеофанъ былъ отозванъ изъ Горсенса и собирался уѣхать, дѣло это всплыло наружу.

Послѣ смерти принцессы Екатерины, главноуправляющій Лиліенскьольдъ, желая какъ можно лучше выполнить волю покойной, предложилъ ея придворной дамѣ, дѣвицѣ фонъ-Косъ, изложить письменно все, что ей было извѣстно по поводу второго завѣщанія принцессы. Госпожа Косъ исполнила желаніе Лиліенскьольда, и документъ, писанный ея рукой, сохраняется въ датскомъ архивѣ. На обложкѣ документа значится слѣдующее: „Объясненіе придворной дамы фонъ-Косъ по поводу того, что она помнитъ о завѣщаніи, уничтоженномъ русскимъ священникомъ". Самый же документъ гласитъ:

„Пишу во исполненіе требованія господина главноуправляющаго дворомъ, камергера Лиліенскьольда, изложить все, что я могу припомнить и сообщить по поводу второй духовной ея свѣтлости принцессы Екатерины, при составленіи которой я, за болѣзнью секретаря Клейна, присутствовала и которая затѣмъ была разорвана и брошена въ печку священникомъ Θеофаномъ по той причинѣ, что принцесса начала свою духовную словами: „Во Имя Отца и Сына и Святого Духа".

„Я помню, что, во-первыхъ, принцесса заклинала главноуправляющаго, камергера Лиліенскьольда, и камеръ-юнкера Гауха (интенданта) исполнить распоряженія, которыя за нѣсколько лѣтъ до того передавала мнѣ по-русски, а главноуправляющему по-датски; а именно:

„1) Чтобы ни подъ какимъ видомъ не было дозволено вскрывать ея тѣло.

„2) Чтобы позаботились послѣ ея смерти зарыть всѣ четыре гроба высокихъ персонъ въ землю [1]) и надъ ними положить большую плиту, которую не легко было бы поднять.

„3) Чтобы выдано было вознагражденіе духовнику, который будетъ присутствовать при ея смерти.

„4) Чтобы позаботились о вдовахъ.

„5) Чтобы роздали комнатной прислугѣ ея гардеробъ.

„6) Чтобы было предоставлено его королевскому высочеству принцу Фредерику, а по немъ его сыновьямъ, высокимъ наслѣдникамъ принцессы, распредѣлить, чтò они пожелаютъ выдать ея дамамъ и кавалерамъ, какъ то уже изволили дѣлать блаженной памяти покойная королева и его королевское высочество послѣ смерти братьевъ и сестры принцессы.

„На томъ же листкѣ былъ помѣщенъ перечень всѣхъ драгоцѣнностей принцессы, насколько я помню—на русскомъ языкѣ. Къ цѣннымъ мѣхамъ принцессы принадлежатъ: мантилья изъ золотой парчи съ новой собольей опушкой, шуба, отдѣланная сѣрымъ мѣхомъ и соболемъ, и горностаевый плащъ.

„Были еще различные пункты, которыхъ я не могу припомнить; не помню также, было ли чтò опредѣлено русскому священнику или кому другому изъ штата принцессы; но чтò помню, о томъ и свидѣтельствую клятвенно.

„Когда въ 1804 году, по приказанію его королевскаго высочества наслѣднаго принца, было произведено разслѣдованіе о томъ, дѣйствительно ли принцесса отдала священнику Ѳеофану брилліантовый перстень и золотую табакерку, и оказалось правда, что принцесса подарила означенному священнику перстень, а табакерку дала ему для передачи его величеству императору русскому,—я, Косъ, почтительнѣйше просила принцессу не забыть вычеркнуть изъ своего перечня (въ духовной) эти вещи, на чтò принцесса сказала, что все сожжено имъ, такъ какъ она прегрѣшила, начавъ духовную во имя св. Троицы.

„Послѣ отъѣзда Ѳеофана, ея свѣтлость нѣсколько разъ говорила, что необходимо позаботиться о бѣдныхъ, и что послѣ того, какъ священникъ рѣшилъ ея сомнѣнія, она снова намѣревалась составить завѣщаніе. Благородная дама скоро исполнила это рѣшеніе. Почувствовавъ приближеніе кончины, она приказала написать императору Россіи просьбу оказать покровительство ея окружающимъ и тѣмъ, кто вообще пользовался ея поддержкой.

---

[1]) Гробы трехъ скончавшихся ранѣе Брауншвейговъ стояли открыто въ особой часовнѣ горсенской монастырской церкви.

Устно принцесса распорядилась относительно нѣкоторыхъ дорогихъ ей предметовъ, которые она желала унести съ собой въ могилу,—между прочимъ фамильный портретъ Брауншвейгскій и многое другое, что̀ и было исполнено въ точности.

„Косъ, 1-ая придворная дама покойной принцессы Екатерины".

Разгнѣванный неудачей съ завѣщаніемъ, Ѳеофанъ, какъ есть полныя основанія предполагать, составилъ другой планъ—устроить возвращеніе принцессы въ Россію и постриженіе ея въ монахини, надѣясь, вѣроятно, что тогда ему представится возможность поживиться около нея. А можетъ быть, онъ только руководился желаніемъ насолить ненавистнымъ датчанамъ, которые становились между нимъ и принцессой. Какъ бы то ни было, онъ написалъ отъ имени принцессы письмо къ Александру I, полное жалобъ на окружающихъ принцессу датчанъ, заставилъ ее переписать письмо и увезъ его съ собой въ Россію, когда былъ отозванъ изъ Горсенса. Вотъ это письмо, перепечатываемое нами изъ „Русской Старины" (январь 1873 г., стр. 71; статья академика Куника: „Правительница Анна Леопольдовна; судьба ея семейства").

„Благочестивеиши самодержавнешій Все Милостивѣишіи Государъ—Я много разъ слышала, что вы делаете великіе милости для всехъ людей, и что вы любите всехъ, и что вы сами прошенія всехъ нещастныхъ примаете, и слушаете, и я потому осмелилася къ Вашему Императорскому Величеству написать писмо, и я теперича впервое разъ покорнѣше благодарю вамъ потому, что вы мне, нещаснои, всакой годъ изволите посылать денги изруской земли для моего содержаніе; но я сказываю правду Вашему Величеству, (отъ) оныхъ никакой позы (пользы) не имела, потому что мои дански (датскіе) придворни все употребляи денга для своеи ползы и что они были прежде совсемъ бѣдны и ничто не имели, а теперича они о того (оттого) зделялись богачы, потому они всегда люкавы были; и они все дорогіе вещи взяли послѣ смерти мойхъ братцовъ и сестрица и все комнаты себѣ взяли, и у полковника одного, я думаю, пятнаца комнатъ, а у мене четырѣ. И все они делали, что имъ угодно; и мне тогда по луче было, какъ братцы мой живы были, а когда они умерли я осталась толко одна нещасная, на старости моей, а я поболше нещаслива потому что ничего не слышу, потому что я потеряла совсѣмъ слышанья на восьмомъ году жизни моей; и потому оны лукавые объ манываютъ меня, что я

ничего не слышу, и они всякой день ѣздятъ гулятъ, а я всегда одна дома, и когда они дома быватъ они ко мне никогда неходятъ, какъ кушатъ и они разумеютъ говорить по русскому языку и со мною не говорятъ никогда, а все сами съ собою говорятъ по дансвому. И когда они сами здумаютъ, то они много ко мнѣ привезутъ гостѣ; они говорятъ всегда сними, а я смотрю то на гостѣ, то придворни и приготовлятъ много кушатъ; они всегда меня худо обижаютъ и не даютъ мнѣ пива одной бутылка; они говорятъ ето дорого, и они наливаютъ мнѣ токо одинъ стаканъ, и онъ стоитъ у меня, когда я пожелаю пить; и про всякую вещь они меня всегда много обижаютъ и потому я всякои день плачу и не знаю за что меня сюда Богъ послалъ и почему я такъ долго живу на светѣ, и я всякой день поминаю Холмогоръ, потому что мнѣ тамъ былъ рай, а тутъ адъ. Сколко мнѣ худо тутъ жить между лукавыми данскими, которые хитры и всегда меня такъ много обижаютъ [1]) и когда бы я ето все своеи воли и меня обижаютъ, какъ имъ угодно. И когда священикъ мой ко мне приходитъ, они всегда примѣчаютъ крѣпко, чтобы я ничто ему объ этомъ не говорила; я теперича еще скажу Вашему Императорскому Величеству, что я ни одно слово не разумею по нѣменскому и по данскому и они меня заставляютъ часто писать писма и я всегда пишу по русский, а они переводятъ по нѣменский совсемъ противно моймъ мысли и оны пишутъ по нѣменскию все то что толко на добно для ихъ ползъ и после они меня заставляютъ писать и я все ето перепишу сама и не разумею по нѣменскому и данскому ни одно слова, и они меня научили писать по нѣменскихъ, потому чтобъ я для нихъ ползы все писала и послѣ они по силаютъ это писмо въ Копенгагенъ кпринцу; после они просили меня написать имъ пансіонъ по рускому языку для нихъ ползы и я обетомъ ничего не знала, и потому не хотѣла обетомъ писатъ, и они меня заставляли и я сердилась, бранила ихъ и плакала; послѣ они сказали, что ето приказалъ принцъ Фридрикъ; послѣ они сами изсвоей головы видумали и написали по рускому языку, и меня заставили переписать; и я не хотела обетомъ писать, потому что это не мои и не дански (т.-е. не датскія), но русски деньги и что ето не справедливо имъ получать руски денги, и что они сами выдумали отсвоей хитрости и лукавства; и что они меня принудили на писать противъ моей воли и желанія, и когда я

---

[1]) Тутъ зачеркнуты слѣдующія слова: „и потому я всякои день“ „какъ имъ угодно“.

имъ писала пансіонъ, то они меня одну заперли въ комнату ссекретаремъ и не пускали священика моего, чтобъ онъ ето не видѣлъ, не пускали и запретили мнѣ крѣпко, чтобъ я ему не говорила, и я написала послѣ все, что они заставили, потому что я бояласся, чтобъ принцъ на меня не сердился, чтобъ меня поболше не обижали. И я думала, что Ва̀шего Императорское величество ето не подпишите; я думала, что вы узнаете обетой ихъ хитрости и что вы уразумѣете, что ето несправедливо, потому что священикъ обетомъ не пописался (не подписался); и когда бы я знала что они выграютъ по своему лукавству и что вы не узнаете ихъ хритрости, то я ихъ бы и когда (никогда) непослушала, то они говорили что ето принцъ приказалъ, и что я бы лучше захотѣла умереть, нежели написать пасіонъ, потому что ето великой грѣхъ давать рускіе денги имъ за хитрость и лукавства и за ихъ обиди, и я потому побоше плачу, не могу спать и желею, что я не умерла прежде етого.

„И я теперь покорнѣше прошу васъ, Всемилостивѣши Імператоръ, простить меня за ето, ради Бога, потому что я написала ето (т.-е. прошеніе о выдачѣ придворнымъ пенсіи отъ рускаго двора) противъ моего желаніе и неизволте посила (посылать) денги лука̀вымъ данскимъ (датчанамъ) и когда милосердный Богъ дастъ мнѣ смерть, то извольте сребрену посуду и всѣ веще и все мой кардиропни дѣнги и прочія взять въ Питербуркъ, потому что привезли всѣ изруской земли. И я теперь, припаде предстопи ваши, прошу васъ со слѣзами; здѣлать всѣмилостивѣшу милость нещасной мнѣ, и когда угодно есть вашей воли, то изволте мене нещасну въ монастиръ, и тогда не надобно будетъ сюды посилить всякои годъ многи денги для моего содержаніе; мнѣ есть уже шездесятъ три года, и я желаю по стрыщся вмонахинь и тамъ я буду спокойна, и буду молйтся за здоровье ваше, и буду спости мою душу; я желаю очень окончить жизнь свою въ монастыре, и за ето милость вашу благословитъ васъ самъ Богъ, а я буду чувствовать и благодарить васъ здешнѣй и будущеи жизни. Всемилостивеши Імператоръ, вашего імператорскаго величествомъ, покорнѣшая слуга Екатерина, принцесса брауншвеска

„Августа 16/28 дня 1803 году, Горсенсъ, что въ Ютландіи“.

Къ письму приложена собственная печать ея свѣтлости съ изображеніемъ буквы *С*. И затѣмъ на собственноручномъ письмѣ принцессы прибавлено свидѣтельство причта:

„Получилъ я сіе письмо въ церквѣ изъ собственныхъ рукъ принцессы и, во уваженіе ея свѣтлости прошенія, имѣю пер-

вѣйшую въ жизни моей честь всеподданѣйше представить оное вашему императорскому величеству. Синодальный соборный іеромонахъ

„Θеофанъ".

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь церковникъ Петръ Стефановъ".

„При полученіи сего письма былъ свидѣтелемъ и подписуюсь Петръ Ивановъ Поликратовъ".

Самый слогъ письма и многое въ его содержаніи указываютъ, что авторомъ письма былъ не кто иной, какъ самъ Θеофанъ. Неосновательность высказанныхъ въ письмѣ жалобъ ясна каждому, кто по этой статьѣ прослѣдилъ за порядками при горсенскомъ дворѣ [1]). Да и кромѣ того одинъ изъ главныхъ пунктовъ письма, на которомъ въ сущности и держится все обвиненіе, можетъ быть опровергнутъ рѣшительно. Пунктъ этотъ—тотъ, гдѣ говорится, что принцесса ни одного слова не разумѣетъ по-нѣмецки и по-датски. Между тѣмъ существуютъ неоспоримыя доказательства противнаго. Такимъ образомъ, это утвержденіе приходится считать прямой, несомнѣнной ложью, въ которой невозможно, однако, заподозрить самоё принцессу. Все же, чтò мы узнаемъ изъ датскихъ документовъ о личности Θеофана, даетъ полное основаніе считать его способнымъ и на весьма некрасивые поступки, и на нравственное насиліе надъ

---

[1]) Выпишемъ здѣсь для полноты свѣдѣній нѣсколько отчетовъ по закупкамъ съѣстного для стола принцессы въ тотъ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь. Эти выписки яснѣе всего покажутъ, что у принцессы постоянно былъ хорошій и разнообразный столъ, а не только тогда, когда у нея за столомъ бывали гости, какъ то вытекаетъ изъ приведеннаго письма:

1803 г.

„Съ 1 по 15 сентября куплено помимо ежедневно доставляемаго на кухню мясникомъ Прейтунъ: 46 ф. форелей по 1 маркѣ, 4 ф. щукъ по 12 скилл.; 61 дес. яицъ по 1 м. 8 ск., 23 курицы по 2 кр., 4 каплуна, 43 утки по 1 м. 14 ск., 39 голубей по 1 м., 5 индѣекъ по 4 кр. 6 ск., 1 олень за 13 риксдал., 3 глухаря, 26 цыплятъ по 12 ск., 8 ф. карповъ, 18 ф. копченой лососины по 2 м., 16 ф. карасей по 7 ск., 8 ф. трески по 8 ск., 14 штукъ свѣжихъ макрелей по 10 ск., 17 штукъ копченыхъ макрелей по 12 ск., 32 ф. вяленой трески по 12 ск., 22 дес. раковъ на 2 риксдал. 4 м., 2 поросенка по 3 м. 8 ск., 36 штукъ камбалъ".

1805 г.

„Съ 3 по 11 марта куплено изъ окрестностей Горсенса: 14 ф. угрей по 9 ск., 4 ф. карасей по 8 ск., 2 зайца по 5 м., 12 дес. яицъ по 22 ск., 2 оленя по 3 риксдал. 4 ск., 8 индѣекъ по 1 риксдал. 2 м. 8 ск., 2 курицы по 2 м., 21 ф. щукъ по 11 ск., 16 ф. форели по 14 ск., 8 утокъ по 3 м. 8 ск., пара голубей по 2 м. 8 ск., 10 дес. раковъ по 10 ск., 6 глухарей по 12 ск., 1 индюкъ за 2 риксдал., 1 глухарь за 5 м. 8 ск.".

принцессой. Вотъ, между прочимъ, отрывокъ письма главноуправляющаго Лиліенскьольда къ министру Бернсторфу.

„Такъ какъ мой долгъ сообщать вашему превосходительству обо всемъ, что касается нашего двора, то я долженъ коснуться главнаго, что ежедневно служитъ для двора источникомъ всякихъ дрязгъ и сплетенъ, а именно поведенія русскихъ монаховъ и поповъ, которыхъ по истинѣ можно назвать язвой египетской. Лживые, безстыдные слухи, которые эти люди постоянно распространяютъ о нашемъ дворѣ, еще наименьшее, что они себѣ позволяютъ. Ихъ же лицемѣрное, корыстное и нахальное поведеніе съ ея свѣтлостью принцессой Екатериной превосходитъ всякія вѣроятія; никто и не повѣритъ, если не привести примѣровъ. Послѣдній монахъ, Ѳеофанъ, былъ хуже всѣхъ. Когда принцесса Екатерина въ свои именины дала этому монаху двѣ бумажки по десяти риксдалеровъ, онъ не захотѣлъ и взять такого ничтожнаго подарка, говоря: въ Россіи царь даетъ по 100 риксд. Боясь его ненасытности, добрая принцесса постоянно удвоивала свои подарки, такъ что ея личная касса постоянно требовала пополненія. При его отъѣздѣ, принцессѣ пришлось заплатить ему еще 150 далер. за нѣсколько русскихъ книгъ, такъ какъ онъ хотѣлъ все превратить въ деньги. Лучшую золотую съ брилліантами табакерку принцессы онъ взялъ съ собой, говоря, что хочетъ подарить ее отъ имени принцессы императору. Также взялъ онъ и перстень съ брилліантами, и маленькое золотое распятіе изъ комнаты принцессы. Дошло до того, что онъ еще въ послѣдній день, прощаясь съ ея свѣтлостью, взялъ съ ея ночного столика серебряный подсвѣчникъ, вынулъ изъ него огарокъ, а подсвѣчникъ положилъ себѣ въ карманъ...“ и т. д.

Невозможное поведеніе Ѳеофана, видимо, было извѣстно и принцу Фредерику, который, въ одномъ изъ своихъ писемъ главноуправляющему Лиліенскьольду, пишетъ, напр., слѣдующее: „То, что монахъ теперь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ разумнѣе, будетъ, какъ и вы надѣетесь, имѣть полезное дѣйствіе, чего я особенно желаю ради спокойствія самой принцессы, которая по своей участи имѣла бы всѣ права на мирную и счастливую старость“.

Авторъ датскаго труда пишетъ относительно судьбы письма принцессы Екатерины или монаха Ѳеофана, что послѣдній, вернувшись въ Россію, видимо, побоялся все-таки дать письму ходъ, опасаясь разслѣдованія дѣла, которое обнаружитъ истину и можетъ вывести на свѣжую воду самого Ѳеофана. На самомъ дѣлѣ, какъ сообщаетъ покойный академикъ Я. К. Гротъ („Русская

Старина", апрѣль 1875 г., стр. 766), „есть доказательство и на то, что это письмо дѣйствительно дошло до императора Александра Павловича: оно, по его повелѣнію, было препровождено синодальнымъ оберъ-прокуроромъ княземъ А. Н. Голицынымъ къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ князю Чарторысскому, при отношеніи отъ 5 дек. 1804 года. Къ нему присоединено было еще и другое подлинное письмо принцессы, позднѣе написанное къ государю".

Приводимъ здѣсь и это послѣднее, почерпнутое нами изъ той же статьи Грота.

„Благочестивешій самодержавнѣшій, всемилостивешій государъ. Я имею честъ послатъ златую табакирку для вашего Імператорскаго Вѣличества чрезъ отца моево духовнаго соборнаго Іеромонаха Өеофана, изволтѣ оную принятъ взнакъ мое чувствителности за ваши Імператорски высоки милости для менѣ, я имею честъ сказатъ правду вашему Імператорскому величеству, что етотъ Іеромонахъ многа для менѣ старался и многа для менѣ добро делалъ. Я всегда молюся богу о сохраненіи жизни вашей и я сегда пребуду сдолжнымъ почтѣніемъ истиннымъ усердіе и преданностью.

Всемилостивешій Государь вашего Імператорскаго величества покорнешая слуга Брауншвеиска люнебурска Екатерина.

„Горсенсъ іюля 25 дня 1804 года".

Если, однако, въ сохранившихся въ датскомъ архивѣ съ того времени документахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы письмо, набрасывавшее такую тѣнь на датчанъ, имѣло въ свое время какія-либо послѣдствія, то можно заключить, что оно ихъ и не имѣло и дѣйствительно оставалось, какъ пишетъ авторъ датскаго труда, г. Фрійсъ, подъ спудомъ въ теченіе чуть-ли не столѣтія, до 1873 г., когда вдругъ появилось въ русской печати, вызвавъ и въ русской, и въ датской прессѣ, рядъ статей, посвященныхъ разслѣдованію вопроса. Но перейдемъ къ дальнѣйшему повѣствованію.

Въ Горсенсѣ съ отозваніемъ Өеофана вздохнули полегче. На дорогу ему было ассигновано изъ дворцовой кассы 300 риксд., да за книги, стоившія, по мнѣнію главноуправляющаго, самое большее—20 риксдалеровъ, безпрекословно уплатили ему по его требованію 150 риксдалеровъ, только бы поскорѣе отвязаться. Черезъ два дня по его отъѣздѣ, главноуправляющему пришлось еще разъ вспомнить ненасытнаго монаха; ему былъ представленъ счетъ за взятые Өеофаномъ у купца въ долгъ:

13 арш. голубого шелковаго муара . . .	26	риксд.	
15 „ люстрину	22	„	
15 „ желтой тафты	12	„	3 м.
За шитье	5	„	3 м.
	66	риксдалеровъ.	

Главноуправляющій заплатилъ и это, въ радостной увѣренности, что больше уже ничто не будетъ напоминать имъ о Ѳеофанѣ.

Преемникъ послѣдняго, однако, оказался не лучше, если судить по приводимымъ ниже отзывамъ о немъ Лиліенскьольда, взятымъ изъ писемъ послѣдняго къ министру Бернсторфу и къ принцу Христіану.

Первый отрывокъ заимствуемъ изъ того же письма, откуда была взята и характеристика Ѳеофана.

„Русскій священникъ Орловскій, поступившій на мѣсто Ѳеофана, не лучше своихъ предшественниковъ. Онъ женатъ, но такъ обращается съ женой, что она много разъ убѣгала отъ него. Кромѣ того, онъ постоянно ссорится съ своимъ хозяиномъ и служанками, такъ что приходилось вмѣшиваться магистрату. Прибылъ сюда этотъ человѣкъ бѣднякомъ; едва имѣлъ, во что одѣться и одѣть своихъ, и принцесса велѣла немедленно ихъ всѣхъ экипировать. Ему выдали нѣсколько сотъ риксдалеровъ изъ дворцовой казны; вмѣсто того же, чтобы быть благодарнымъ за эти благодѣянія, онъ поноситъ дворъ и ея свѣтлость. Онъ такъ безстыденъ, что когда добрая принцесса послала его ребенку пирожное и подложила подъ него бумажку въ 5 риксдалеровъ, онъ прислалъ деньги обратно, заявляя, что не приметъ такихъ пустяковъ. Съ такимъ же пренебреженіемъ отнесся онъ къ парѣ новыхъ шелковыхъ чулокъ, которые принцесса подарила ему на память въ день годовщины смерти своего брата. Теперь, собираясь уѣхать отсюда и желая все превратить въ деньги, по примѣру своего предшественника, онъ навязалъ принцессѣ нѣсколько старыхъ русскихъ книгъ, за которыя мнѣ, по распоряженію ея свѣтлости, пришлось выдать ему 113 риксдалеровъ, хотя, по моему, онѣ не стòютъ больше 20 [1]), и за такіе поступки эти жадные люди не подвергаются никакой отвѣтственности. Ваше превосходительство можете по этимъ примѣрамъ судить о дурныхъ поступкахъ этихъ людей, и какихъ непріятностей мнѣ, какъ главноуправляющему, стоитъ улаживать всѣ эти безпорядки.

[1]) На аукціонѣ имущества, послѣ смерти принцессы, книги эти были оцѣнены всего въ 4 риксдалера.

Положеніе мое очень щекотливое—стоять между злонамѣреннымъ, корыстолюбивымъ попомъ и слабой, легковѣрной и склонной къ суевѣрію дамой. И сколько бѣдъ и непріятностей могутъ еще натворить эти попы и монахи, разъ принцесса считаетъ ихъ ангелами во плоти, свободными отъ всякихъ человѣческихъ слабостей! Я и прошу ваше превосходительство устроить черезъ русскаго министра въ Копенгагенѣ, чтобы этимъ русскимъ монахамъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, запрещено было такъ докучать ея свѣтлости, смущать робкую совѣсть принцессы и подъ прикрытіемъ религіи добиваться непозволительныхъ выгодъ" и т. д.

Принцу же Христіану Лиліенскьольдъ писалъ объ Орловскомъ такъ: „Что̀ мучитъ ея свѣтлость, такъ это ненасытные, дурные попы; тотъ, который у насъ теперь, получилъ въ прошломъ году 997 риксдалеровъ жалованья; принцесса изъ своихъ личныхъ денегъ сшила ему и его женѣ и дѣтямъ платья, подарила ему серебра на 80 риксдалеровъ, и еще, по счету придворной дамы Косъ, онъ получилъ отъ ея свѣтлости чистыми деньгами 400 риксд. Затѣмъ, по желанію принцессы, мнѣ пришлось выдать ему впередъ 300 риксдалеровъ. Такимъ образомъ, онъ получилъ за годъ 1.600 риксдалеровъ—и все-таки не доволенъ. Теперь онъ клянчитъ у принцессы, чтобы эти 300 риксдалеровъ пошли не въ зачетъ, и я, ради спокойствія принцессы, осмѣливаюсь предложить вамъ согласиться" и т. д.

Въ маѣ 1803 года принцъ Фредерикъ въ послѣдній разъ посѣтилъ горсенскій дворецъ и бесѣдовалъ со своей кузиной. 7 декабря 1805 года принцъ скончался, и опекунство надъ горсенскимъ дворомъ перешло къ сыну его, принцу Христіану, а наслѣдственныя права—къ послѣднему и его младшему брату, принцу Фердинанду, вмѣстѣ.

Порядокъ жизни при самомъ горсенскомъ дворѣ отъ этого не измѣнился; все шло по старому до осени 1806 г., когда здоровье принцессы стало слабѣть. Никакихъ угрожающихъ симптомовъ, впрочемъ, не обнаруживалось, такъ что и закупки на 1807 г. были сдѣланы въ обычныхъ размѣрахъ; напр., куплено было 300 саж. дровъ, 250 четв. овса, 6 большихъ бочекъ краснаго вина, 100 бутылокъ лучшаго оливковаго масла для день и ночь горѣвшей лампадки въ комнатѣ принцессы, и пр., и проч. Такъ какъ дѣло было лишь въ упадкѣ силъ, а не въ упадкѣ расположенія духа, то принцесса продолжала съ удовольствіемъ видѣть у себя гостей, но уже понемногу заразъ. Одинъ изъ ея гостей рекомендовалъ принцессѣ для укрѣпленія силъ пить

Château de Rivesales и d'Acqueria Hermitage, и главноуправляющій немедленно распорядился выпиской 20 бутылокъ перваго названнаго вина и боченка послѣдняго. Вина эти, однако, не понравились принцессѣ и остались лежать въ погребѣ дворца, а по смерти принцессы поступили, съ прочими запасами, на аукціонъ.

Съ начала 1807 г., на помощь постоянному домашнему врачу принцессы былъ приглашенъ горсенскій полковой врачъ Шварцъ, а затѣмъ выписанъ и еще врачъ изъ г. Оргуса. Но помощь врачей была не въ силахъ остановить все усиливавшейся общей старческой слабости, и 20 апрѣля того же года принцесса тихо скончалась, оплакиваемая всѣми, кто зналъ ее и пользовался ея добротой и лаской. Въ тотъ же день главноуправляющій Лиліенскьольдъ отправилъ принцу Христіану слѣдующее письмо: „Съ искреннею горестью и печалью, которыхъ не можетъ выразить мое слабое перо, сообщаю, что Богу угодно было отозвать къ себѣ нашу возлюбленную принцессу Екатерину сегодня въ шесть часовъ вечера. Дорогой принцъ! Горе двора велико и неутѣшно... Простите мнѣ, милостивый принцъ, что я отъ горя изъ-за этой великой утраты не могу больше держать пера въ рукахъ".

Передъ смертью принцесса взяла съ Лиліенскьольда и гофъинтенданта Гауха торжественное обѣщаніе исполнить ея послѣднія желанія: 1) чтобы ея тѣло не было вскрыто и набальзамировано, какъ то было сдѣлано съ тѣлами умершихъ до нея сестры и братьевъ; 2) чтобы ея гробъ, вмѣстѣ съ гробами ея сестры и братьевъ, стоявшими открыто въ построенной для нихъ часовнѣ при монастырской церкви, были схоронены въ землѣ подъ поломъ часовни на глубинѣ трехъ аршинъ и замурованы такъ, чтобы эта ихъ общая могила могла противостоять разрушительной силѣ времени. Затѣмъ, принцесса желала, чтобы въ гробъ къ ней были положены портретъ предка Брауншвейгской фамиліи и еще нѣсколько другихъ вещей, которыми она особенно дорожила при жизни, между прочимъ серебряный рубль съ изображеніемъ ея покойнаго брата, императора Іоанна Антоновича. Всѣ эти распоряженія и были выполнены преданными людьми при погребеніи принцессы, происшедшемъ съ обычной пышностью. Только сооруженіе склепа пришлось отложить до болѣе счастливыхъ временъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Такъ какъ тѣло не было набальзамировано, то во внутренній гробъ былъ положенъ толстый слой брауншвейгскаго хмеля, пересыпаннаго камфорой, смолкой и ароматическими порошками. Для обивки гроба внутри и погребальнаго наряда принцессы

было куплено 41 аршинъ бѣлаго французскаго атласа, 52 арш. бѣлыхъ атласныхъ лентъ, пара бѣлыхъ шолковыхъ чулокъ, пара бѣлыхъ амазонскихъ перчатокъ и пара бѣлыхъ атласныхъ башмаковъ.

Провожала тѣло принцессы на мѣсто послѣдняго успокоенія громадная толпа—не только ея собственные придворные, но и, буквально, весь городъ, гдѣ она прожила двадцать-семь лѣтъ и гдѣ оставила по себѣ самую лучшую память своей сердечной добротой и щедростью на дѣла благотворенія.

12 мая Лиліенскьольдъ писалъ принцу Христіану, что „гробъ незабвенной принцессы Екатерины, со всѣми княжескими почестями, поставленъ въ субботу, 9 мая, рядомъ съ гробами ея усопшихъ родныхъ въ княжеской часовнѣ монастырской церкви", —прибавляя при этомъ, что день погребенія былъ „самымъ горестнымъ днемъ для всѣхъ насъ. Это горе наноситъ послѣдній ударъ моей старости. Только бы Богъ далъ мнѣ силы выдержать,—много, еще очень много осталось дѣла и не легкаго".

Согласно формальному завѣщанію принцессы, прежній порядокъ долженъ былъ сохраниться при горсенскомъ дворѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня ея смерти, и въ теченіе всего этого времени придворный штатъ долженъ былъ получать обычное жалованье. Главноуправляющій, однако, поспѣшилъ ввести кое-какія сокращенія расходовъ, напр. уменьшилъ число блюдъ за обѣдомъ и ужиномъ, отмѣнилъ дессертъ и проч.

Вся обстановка дворца, весь инвентарь живой и мертвый, хозяйственные запасы и самый дворецъ назначены были къ продажѣ, чтобы легче было произвести раздѣлъ между наслѣдниками, и престарѣлому главноуправляющему дворомъ было не мало хлопотъ и заботъ съ оцѣнкой всего имущества, для чего приглашались эксперты, и составленіемъ подворной описи. Благодаря тревожнымъ временамъ, распродать все удалось, однако, не скоро и по очень невысокимъ цѣнамъ (исключая винъ). Напримѣръ, за самый дворецъ выручено было около девяти тысячъ риксдалеровъ; купило его правительство, для приспособленія подъ военный франко-испанскій лазаретъ [1]). Вполнѣ закончена была ликвидація бывшаго горсенскаго двора только въ 1811 г., причемъ въ пользу наслѣдниковъ очистилось 145.716 риксд. 2 мар. 2 скилл.

---

[1]) Въ 1808 г. въ Даніи были расквартированы союзныя французскія и испанскія войска, такъ какъ Данія заключила союзъ съ Наполеономъ противъ Англіи и Швеціи.

Въ приведенномъ выше письмѣ-челобитной принцессы Екатерины къ Александру I упоминалось о ея болѣе раннемъ ходатайствѣ передъ русскимъ правительствомъ насчетъ пенсіи горсенскому придворному штату. Дѣйствительно, еще въ 1799 г., принцесса просила императора Павла Петровича о назначеніи, послѣ ея смерти, ея приближеннымъ пожизненной пенсіи въ размѣрѣ получаемаго ими теперь содержанія, на что и было получено милостивое согласіе государя.

Вскорѣ же послѣ смерти принцессы, горсенскій бургомистръ Карё, бывшій при ликвидаціи горсенскаго дворца представителемъ интересовъ старшаго изъ наслѣдниковъ, принца Христіана, писалъ послѣднему: „Насколько извѣстно, блаженной памяти принцесса въ послѣдніе дни своей жизни обращалась къ русскому двору съ ходатайствомъ о сохраненіи за всѣмъ ея штатомъ и вдовами бывшихъ ея служащихъ пожизненнаго того содержанія, которое они получали по день ея смерти. Ходатайство должно было быть передано самимъ его королевскимъ высочествомъ кронпринцемъ, но резолюціи еще не послѣдовало“.

Затѣмъ въ Россію былъ посланъ списокъ всѣхъ лицъ придворнаго горсенскаго штата, съ обозначеніемъ года вступленія ихъ на службу и размѣра получаемаго ими содержанія. Отвѣтъ русскаго правительства нѣсколько замедлился,—вѣроятно, изъ-за тревожныхъ политическихъ событій того времени,—и когда былъ полученъ, оказалось, что ходатайство принцессы уважено только по отношенію къ лицамъ, вступившимъ на ея службу не позже 1799 г. Остальные могли разсчитывать лишь на единовременное вознагражденіе въ размѣрѣ ихъ годового жалованья. Къ первому разряду принадлежали 54 лица, и общая сумма ихъ содержанія, а слѣдовательно и пенсіи, превышала 24.000 риксд. въ годъ. Ко второму разряду менѣе счастливыхъ лицъ принадлежали 16 человѣкъ, но и имъ удалось-таки, въ концѣ концовъ, выхлопотать себѣ у русскаго правительства пенсію на пять лѣтъ, въ размѣрѣ $^2/_3$ получавшагося ими при горсенскомъ дворѣ жалованья.

Выше было сказано, что вообще всѣ послѣднія желанія покойной, высказанныя ею своимъ приближеннымъ, были свято выполнены послѣдними при погребеніи, за исключеніемъ одного, а именно погребенія ея вмѣстѣ съ братьями и сестрами въ подземномъ склепѣ подъ поломъ часовни, служившей имъ усыпальницей. Но уже лѣтомъ того же 1807 года принцъ Христіанъ сообщилъ своему довѣренному, бургомистру Карё, свой планъ приведенія въ исполненіе желанія почившей принцессы. Принцъ

полагалъ отмѣтить общую могилу Брауншвейговъ плитой такъ называемаго норвежскаго мрамора въ 4 арш. длины и 2 арш. ширины, и затѣмъ еще мраморною колонною съ именами всѣхъ четверыхъ, братьевъ и сестеръ, и цифрами, обозначавшими годы ихъ рожденія и смерти. Бургомистръ, однако, высчиталъ, что одно такое сооруженіе, кромѣ склепа, обойдется въ 1.388 далер., нашелъ такой расходъ черезчуръ обременительнымъ для казны принца, и написалъ, что воля принцессы будетъ исполнена и тогда, если упомянутое сооруженіе будетъ замѣнено плитой изъ боргольмскаго песчаника съ выгравированными на ней Брауншвейгскимъ гербомъ, именами умершихъ и годами ихъ рожденія и смерти. Принцу, повидимому, показалось, что песчаниковая плита слишкомъ мизерна для княжескаго надгробнаго памятника, такъ какъ онъ продолжалъ настаивать на мраморѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указанная сумма расходовъ заставляла и его колебаться въ своемъ рѣшеніи. Вспыхнувшая вскорѣ война принудила заинтересованныхъ лицъ отложить на время рѣшеніе вопроса объ исполненіи воли принцессы Екатерины, и только нѣсколько лѣтъ спустя вопросъ этотъ вновь былъ поставленъ на очередь, благодаря 82-лѣтнему камергеру Лиліенскьольду, бывшему главноуправляющему горсенскимъ дворомъ, обѣщавшему принцессѣ на ея смертномъ одрѣ позаботиться объ исполненіи всѣхъ ея последнихъ желаній.

На этотъ разъ дѣло и доведено было до конца. Расходы по сооруженію склепа, исчисленные теперь въ 1.366 риксд., удалось уменьшить продажею на вѣсъ снятыхъ съ гробовъ массивныхъ серебряныхъ досокъ (съ именами почившихъ), становившихся излишними, разъ гробы должны были скрыться подъ землей. Вмѣсто этихъ досокъ къ гробамъ прикрѣпили мѣдныя буквы (Е, А, Р и С), шесть вершковъ высоты, и княжескія короны изъ того же металла. Самые гробы были опущены въ каменный склепъ глубиной въ три аршина, а по обѣ стороны могилы въ стѣны самой часовни были вдѣланы двѣ овальныя мраморныя доски съ латинскими надписями. Надпись на одной гласитъ въ переводѣ:

„Этотъ памятникъ посвященъ двумъ принцамъ и двумъ принцессамъ герцогскаго Брауншвейгско-Люнебургскаго дома. Попеченія Екатерины II и Христіана VII и Юліаны-Маріи доставили имъ тихую, мирную жизнь здѣсь въ городѣ".

На другой же доскѣ вырѣзано:

„Здѣсь покоятся останки принцевъ: Петра, родившагося 30 марта 1745 г., умершаго 13 января 1793 г., и Алексѣя,

родившагося 10 марта 1746 г., умершаго 22 октября 1787 г., и ихъ сестеръ: Екатерины, родившейся 26 іюля 1741 г., умершей 23 апрѣля [1]) 1807, и Елизаветы, родившейся 9 января 1743 г. и умершей 19 апрѣля [2]) 1792 г., дѣтей Антона-Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго и Анны герцогини Мекленбургской;—рождены въ Россіи, скончались всѣ въ Горсенсѣ, въ Ютландіи. Миръ ихъ праху".

Дождавшись, въ 1818 г., исполненія послѣдней воли своей бывшей госпожи, старикъ Лиліенскьолдъ вскорѣ послѣ того и умеръ.

Итакъ, можно считать, что въ 1818 году прозвучала послѣдняя нота грустной драмы потомковъ царя Іоанна Алексѣевича.

П. Ганзенъ.

---

[1]) Указаніе это ошибочно, такъ какъ на самомъ дѣлѣ принцесса умерла 20 апрѣля.

[2]) Тоже невѣрно: Елизавета скончалась 20 октября.

РОДИНА

РОМАНЪ.

— Henry Bordeau. Le pays natal. Paris, 1901.

VI *).

Вечеромъ 20 августа Жакъ Альваръ и его комитетъ собрались въ Аннеси, въ редакціи „Будущность Савойи“, въ ожиданіи результата выборовъ. Меранъ съ нѣсколькими другими, наиболѣе вліятельными людьми, не любившими шумной толпы, уклонился отъ полученнаго приглашенія. Старики облеклись въ праздничные сюртуки, въ которыхъ они появлялись на земледѣльческихъ съѣздахъ или на похоронахъ, и почтительно толковали о всеобщей подачѣ голосовъ. Молодежь, въ свѣтлыхъ костюмахъ, относившаяся къ этому собранію какъ къ простому развлеченію, беззаботно разгуливала по комнатамъ.

Жакъ пощипывалъ кончикъ своей бѣлокурой бородки. Онъ нисколько не сомнѣвался въ побѣдѣ и старался придать своему лицу счастливое выраженіе побѣдителя, мысленно подготовляя благодарственную рѣчь, съ которой онъ собирался обратиться къ своимъ избирателямъ.

Люсьенъ стоялъ въ амбразурѣ окна и разговаривалъ съ графомъ Феррези, пришедшимъ сюда исключительно изъ любопытства. Странное поведеніе жены воскресило его давнишнія подозрѣнія. Онъ съ новымъ жаромъ отстаивалъ анархистовъ, цитировалъ своему собесѣднику Бакунина и показывалъ нумеръ газеты

---

*) См. выше: сент., стр. 248.

„Мятежъ“, въ которомъ Жанъ Гравъ доказывалъ полную нелѣпость голосованія. Во всѣхъ группахъ шелъ разговоръ о выборахъ. Въ кружкѣ пессимистовъ предсѣдательствовалъ адвокатъ Брена̀, и его рѣзкія слова производили впечатлѣніе холоднаго душа на развеселившуюся и увѣренную въ успѣхѣ компанію. Въ концѣ стола Шаравѐ дѣлалъ приблизительныя выкладки, возможныя при благопріятномъ исходѣ дѣла, а майоръ Баро̀ слѣдилъ черезъ плечо за его работой, волнуясь заранѣе, что его мщеніе можетъ неудаться. Въ одномъ изъ угловъ залы, толстый нотаріусъ Тайларъ распоряжался приготовленіями къ тонкому, но сытному ужину и потихоньку отвѣдывалъ кое-какія кушанья.

„Префектура противъ насъ, и мы будемъ побиты, — разсуждалъ онъ самъ съ собою.—Тогда, понятно, никто не захочетъ ѣсть. Необходимо хоть теперь поддержать ресторатора“.

Принесли избирательные листы общинъ сѣвернаго и южнаго Аннеси. Шараве складывалъ ихъ, приводя въ порядокъ и распредѣляя по кантонамъ. Жакъ совершенно спокойно прочелъ вслухъ результаты избранія. Въ южномъ Аннеси за него было меньшинство, а въ сѣверномъ Аннеси—огромное большинство, благодаря Мерану, который былъ тамъ главнымъ совѣтникомъ. Въ общемъ, 3.285 противъ 2.864 голосовъ.

— Мы побиты,—сказалъ Брена̀.—Рюмилли, Торенъ и Фавержъ противъ насъ.

— Только не Фавержъ, — поправилъ майоръ Баро сухо.

Стали приходить дурныя вѣсти. Кантонъ Рюмилли, одинъ изъ самыхъ населенныхъ въ округѣ, давалъ Фроссару лишнихъ триста голосовъ.

— Я это предсказывалъ,—произнесъ Брена̀, радуясь неуспѣху сотоварища. И успѣхъ, и неуспѣхъ Альвара были ему въ одинаковой степени непріятны: онъ хотѣлъ, чтобы Альваръ былъ униженъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремился занять то мѣсто въ судебномъ мірѣ, которое стало бы вакантнымъ, еслибы Альваръ былъ выбранъ и уѣхалъ въ Парижъ.

— Подождемъ до конца,—произнесъ Жакъ тѣмъ спокойнымъ голосомъ, который доводилъ Брена̀ до отчаянія.—У насъ еще нѣтъ двухъ кантоновъ, моего и кантона майора, Альби и Фавержа. Я на нихъ очень разсчитываю.

— Конечно,—подтвердилъ Баро.

Люсьенъ, заинтересованный, отошелъ отъ окна.

— Я пойду въ префектуру, посмотрѣть вывѣшенные результаты выборовъ,—сказалъ онъ.

— Я пойду съ вами,—вызвался графъ Феррези.

Они вышли на опустѣвшую улицу, по дорогѣ, обсаженной деревьями, еще усиливавшими своей темной зеленью сумракъ ночи, и подошли къ зданію префектуры, всѣ окна котораго были ярко освѣщены. Тамъ народъ кишѣлъ толпою, и волненіе его достигало крайней степени при каждомъ новомъ голосованіи. Слышались крики: „Да здравствуетъ Альваръ!“ или: „Да здравствуетъ Фроссаръ!“ Партіи перебранивались между собой, напирали другъ на друга. Среди толкотни слышались пьяные крики.

Люсьенъ и Феррези не рѣшились подвигаться дальше. Послѣдній воспользовался случаемъ, чтобы дать волю накопившемуся въ немъ раздраженію.

— Вся ваша страна—въ рукахъ кабатчиковъ. На мѣстѣ феодальныхъ за̀мковъ выросли кабаки. Народъ требуетъ вина и веселья. Ему нужны арены, и вотъ появился судъ присяжныхъ и выборное начало. Точно на боѣ быковъ онъ привѣтствуетъ побѣдителя и освистываетъ побѣжденнаго. Несчастный народъ! Онъ чувствовалъ бы себя чудесно подъ властью добраго тирана и даже подъ властью злого.

— На нашей обязанности — нравственно возвысить этотъ народъ,—сказалъ Люсьенъ,—или, вѣрнѣе говоря, направлять его. На его долю выпадаетъ слишкомъ много тяжелаго. Мы не должны этого забывать.

Графъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Я думалъ, что вы терпѣть не можете народъ...

Въ эту минуту стали вывѣшивать результаты выборовъ двухъ кантоновъ, Альби и Фавержа. Въ своемъ собственномъ Жакъ былъ выбранъ почти единогласно, но въ кантонѣ майора Фроссаръ отсталъ отъ него только на нѣсколько голосовъ. Еще недоставало голосовъ Тона и Торанъ-Сала. Такимъ образомъ избраніе оставалось подъ сомнѣніемъ, такъ какъ у Альвара было только отъ полутораста до двухсотъ голосовъ больше чѣмъ у его соперника.

— Вотъ разозлится-то майоръ!—замѣтилъ иронически графъ Феррези, когда они вмѣстѣ съ Люсьеномъ возвращались въ редакцію „Будущности Савойи“. И въ самомъ дѣлѣ Баро страшно разсердился на свой кантонъ. Онъ думалъ, что ему главнымъ образомъ будетъ принадлежать честь побѣды. Онъ надѣялся, что въ этотъ день ему удастся насытить свою злобу къ Фроссару, и теперь чувствовалъ приливъ усиленной ненависти. Отъ волненія слова останавливались у него въ горлѣ и онъ хранилъ грозное молчаніе.

Альваръ, умѣвшій очень ловко подчинять себѣ людей, подошелъ къ нему и успокоилъ его, проговоривъ безъ всякаго волненія:

— Безъ васъ у меня не было бы ни одного голоса въ вашемъ кантонѣ. Благодаря вамъ, Фроссаръ получилъ только нѣсколькими голосами больше меня. Это ничтожно до смѣшного. Спасибо вамъ.

Эти слова были очень пріятны старику, но онъ все-таки продолжалъ молчать и стоялъ, выпрямившись и раскраснѣвшись, въ ожиданіи окончательнаго результата. Его самолюбіе страдало. Шутки и смѣхъ затихли въ залѣ. Даже Тайларъ вылѣзъ изъ своего темнаго угла, гдѣ онъ украдкою разрѣзывалъ пирогъ. Самые убѣжденные начали сомнѣваться. Въ другихъ проснулся инстинктъ игроковъ, и они начали страстно увлекаться этой борьбой, принимавшей наконецъ вполнѣ серьезный оборотъ. Люди, легко приходившіе въ отчаяніе, если успѣхъ заставлялъ себя ждать, начали поговаривать о томъ, какъ печально бываетъ потерпѣть неудачу, находясь уже совсѣмъ близко отъ цѣли. Одинъ молодой человѣкъ, не отличавшійся философскимъ направленіемъ ума, разразился проклятіями.

— Эти крестьяне—настоящіе лакеи. Они появляются на свѣтъ, держа наготовѣ коробку сигаръ въ рукахъ, чтобы броситься на первый зовъ барина, и всю жизнь пресмыкаются, отыскивая ноги разныхъ должностныхъ лицъ, чтобы почистить имъ обувь.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ агентъ избирательнаго комитета. Онъ принесъ избирательный листъ Тона, и результатъ избранія былъ неблагопріятенъ. Всѣ отнеслись къ этой частной неудачѣ какъ къ катастрофѣ и стали обвинять Брена̀, бывшаго мэромъ въ Тонѣ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, хлопоталъ противъ своего кандидата, но никогда не разсчитывалъ, что можетъ оказать такое вліяніе. На всѣхъ лицахъ отразилось уныніе. Всѣ глаза обратились на Жака. Онъ продолжалъ торжествующе улыбаться и ничего не отвѣчалъ на печальныя предсказанія. Брена, совершенно подавленный своимъ неожиданнымъ могуществомъ, пришелъ въ бѣшенство отъ этого спокойствія. Онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ, насладиться плачевнымъ видомъ побѣжденнаго.

Наконецъ, запыхавшійся мальчишка прибѣжалъ сообщить результаты выборовъ въ Тонѣ и въ Торанъ-Салѣ, которые только-что были оглашены въ префектурѣ. Альваръ былъ выбранъ большинствомъ пятисотъ голосовъ. Всѣ стали привѣтствовать

побѣдителя. Всѣ начали приходить въ себя послѣ безпокойства и сильнѣйшаго нервнаго напряженія.

— А теперь будемъ ѣсть и пить,—объявилъ Тайларъ, потягивавшій вино въ продолженіе цѣлаго вечера.

Бокалы были наполнены шампанскимъ. Лица расцвѣли улыбками и разговоры оживились. Каждый старался преувеличить свое политическое значеніе и свою избирательную работу. Обнаружилось соревнованіе среди членовъ комитета. Жакъ не улыбался больше и ничего не говорилъ. Онъ думалъ о своемъ успѣхѣ.

Съ улицы сталъ доноситься какой-то гулъ, сначала глухой и отдаленный, но постепенно вcomponents— возроставшій, и наконецъ подъ окнами редакціи раздались крики и вопли. Это шла толпа и кричала: „Да здравствуетъ Альваръ!“ Этотъ побѣдный крикъ ворвался въ комнату черезъ открытыя настежь окна. Жакъ подошелъ къ окошку, и его фигура, освѣщенная позади лампами, выступила чернымъ силуэтомъ. При его появленіи крики удвоились. Народъ пришелъ въ совершенное неистовство и уже какъ-то хрипѣлъ, выкрикивая свои восторженные возгласы. Альваръ почувствовалъ внезапное вдохновеніе, высунулся изъ окна и, поднявъ бокалъ, произнесъ своимъ могучимъ и отчетливымъ голосомъ, покрывшимъ сразу гулъ радостныхъ криковъ:

— Пью за всеобщую подачу голосовъ! Пью за Аннеси! Пью за весь французскій народъ!

— Ура!—завопило въ отвѣтъ двѣ тысячи голосовъ.

Новый депутатъ смотрѣлъ внизъ, на всю эту плотную черную кишѣвшую и кричавшую массу. Онъ наслаждался своимъ тріумфомъ, сохраняя при этомъ видъ полнѣйшаго равнодушія.

— Въ такія минуты чувствуешь, что живешь,—сказалъ онъ Люсьену Галанду, который, нагнувшись черезъ плечо графа Феррези, старался разсмотрѣть отдѣльныя лица въ толпѣ, едва освѣщенной газовыми рожками.

Точно волны въ морѣ двигались и колебались человѣческія головы. Въ этомъ водоворотѣ совершенно терялись отдѣльныя черты лица: съ перваго взгляда можно было разсмотрѣть только одни блестѣвшіе глаза и раскрывшіеся рты. Широкія скользящія полосы тѣни и свѣта, рельефно выдѣляя нѣкоторыя группы, придавали другимъ странный, почти безобразный видъ. Толпа напоминала какое-то грозное тысячеголовое чудовище.

Вскорѣ Люсьенъ сталъ различать отдѣльныя подробности. Какой-то старикъ размахивалъ въ воздухѣ своей мягкой шляпой, похожей больше на лохмотья, и раскрывалъ ужасный, беззубый

ротъ. Кучка работницъ съ растрепанными прическами посылала Жаку воздушные поцѣлуи, и ихъ искаженныя, но серьезныя лица выражали охватившее ихъ желаніе. Толстый крестьянинъ въ синей блузѣ до такой степени надсаживался отъ крика, что можно было опасаться каждую минуту, какъ бы у него не сдѣлался апоплексическій ударъ. Какой-то мальчишка, взобравшись на фонарь, вопилъ, закинувъ голову съ совершенно обезумѣвшими глазами.

Люсьенъ смотрѣлъ съ страстнымъ увлеченіемъ, какъ будто передъ нимъ открывался новый міръ. Манифестація стала ослабѣвать. Альваръ закрылъ окно и, по свойственной ему потребности похвастать, сказалъ настолько громко, чтобы быть услышаннымъ Люсьеномъ:

— Теперь мнѣ въ высокой степени наплевать на весь этотъ народъ!

Въ эту минуту Галандъ почувствовалъ къ нему глубокое презрѣніе. Онъ какъ разъ въ это время думалъ о томъ, какъ такая же толпа привѣтствовала его отца и дѣда; подъ впечатлѣніемъ недавняго зрѣлища, онъ смотрѣлъ на Альвара какъ на вора, укравшаго довѣріе и восторгъ народа, а на самого себя — какъ на отступника. Онъ вдругъ необыкновенно сильно почувствовалъ и совершенно ясно отдалъ себѣ отчетъ въ той внутренней работѣ, которая незамѣтно совершалась въ немъ съ самаго перваго дня его возвращенія на родину.

Публика въ залѣ обмѣнивалась самыми поверхностными разсужденіями и замѣчаніями.

— Это какіе-то обезумѣвшіе дикари, — замѣтилъ кто-то, говоря о народѣ.

И вдругъ Люсьенъ Галандъ, котораго всѣ до тѣхъ поръ считали дилеттантомъ въ политикѣ, возразилъ:

— Почему же? Они привѣтствуютъ радостными криками счастье и силу своего избранника. Мнѣ бросается въ глаза ихъ непосредственность, а не ихъ безобразіе.

Графъ Феррези отвелъ его въ сторону и, указывая на Альвара, прошепталъ:

— Здоровая грудь, могучій голосъ, общія мѣста — и вотъ они покорены. Ихъ, какъ женщинъ извѣстнаго сорта, всего больше плѣняетъ физическая сила. Передъ нею они дѣлаются покорными какъ собаки. Наполеонъ до сихъ поръ остается самымъ популярнымъ героемъ среди вашего народа, который, въ сущности, миролюбивъ до трусости, и эта иронія приводитъ меня въ восторгъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Люсьенъ,—народъ просто чувствуетъ свою слабость и требуетъ поддержки, а главное—любви.

Но итальянецъ продолжалъ увлекаться собственнымъ краснорѣчіемъ и говорилъ съ такимъ жаромъ, какъ будто его несчастныя отвлеченныя теоріи въ самомъ дѣлѣ могли перейти въ дѣйствіе:

— Долой народъ и всю общественную дѣятельность! Мы должны стать выше отечества и законовъ и свободно развивать наши силы по теоріи Ницше,—мы, составляющіе духовную аристократію человѣчества!

Жакъ услышалъ эту фразу, и на губахъ его появилась нехорошая улыбка, а въ умѣ промелькнула гадкая мысль. Вѣдь однимъ грубымъ, унизительнымъ словомъ онъ могъ бы раздавить всю гордость этого маленькаго болѣзненнаго человѣка, такъ презрительно относившагося къ политикѣ.

Чтобы немного посбить спѣси съ новаго депутата, Брена́ принялся разбирать толпу на составные элементы.

— Прежде всего она состоитъ изъ нищихъ и мошенниковъ, образующихъ всегда ядро всякой манифестаціи. Прибавьте къ нимъ горсть дѣйствительно сочувствующихъ, потомъ такихъ, которые заразились общимъ восторгомъ, кучку любопытныхъ, явившихся за новостями и случайно примкнувшихъ къ общему движенію, и, наконецъ, такихъ людей, которые вотировали противъ Альвара, но сразу перешли на его сторону, какъ только его выбрали.

Между тѣмъ толпа, обошедши весь городъ, возвращалась подъ окна редакціи, сдѣлавшись еще болѣе многочисленной и шумной. Но теперь ея характеръ измѣнился. Теперь она была занята главнымъ образомъ не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ, стараясь какъ можно болѣе оскорбить и унизить его. На воздухъ то-и-дѣло подбрасывали отвратительное чучело, набитое отрубями, а на спинѣ у этого чучела было написано огромными буквами: „Фроссаръ". Временами свѣтъ газовыхъ рожковъ падалъ прямо на эту надпись. Толкаясь и давя другъ друга, толпа остановилась подъ тѣмъ окномъ, гдѣ стоялъ Жакъ Альваръ. Ему захотѣлось вызвать эффектъ шаблонной фразой, и онъ закричалъ:

— Привѣтствую свободу и народъ!

Но его вибрирующій возгласъ не произвелъ ни на кого ни малѣйшаго дѣйствія, и тогда онъ завопилъ во всю силу своихъ легкихъ:

— Къ чорту Фроссара!

И этотъ крикъ вызвалъ яростный восторгъ всей толпы.

Жакъ смѣялся. Во всей этой сценѣ онъ чувствовалъ только свою власть надъ людьми. Бенгальскіе огни, зажженные подъ окнами, освѣщали его лицо краснымъ свѣтомъ.

Успѣхъ еще подчеркивалъ его мужественную красоту. Въ эту минуту ничто не казалось ему невозможнымъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы перевернуть весь міръ.

Люсьенъ Галандъ смотрѣлъ на него и думалъ среди уличнаго шума и гвалта:

„Съ какою легкостью онъ бросаетъ человѣка на растерзаніе этому дикому звѣрю. Въ концѣ концовъ, онъ, пожалуй, и правъ, презирая толпу и вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь ей польстить. На послѣднихъ выборахъ она съ торжествомъ носила Фроссара, сидѣвшаго на четверенькахъ на столѣ, а сегодня его же оскорбляетъ подъ видомъ этого грубаго чучела.

Между тѣмъ толпа двинулась дальше, продолжая рычать:

— Къ чорту Фроссара!

— За ужинъ!—провозгласилъ повелительно Тайларъ.

— Поѣдемте!—сказалъ графъ Феррези Люсьену Галанду.— Мнѣ далеко ѣхать. Мой экипажъ во дворѣ гостинницы „Англія“. Я васъ подвезу въ Ментонъ.

— Не надо ли сообщить Меранамъ о твоей побѣдѣ?—обратился Люсьенъ къ Жаку, прежде чѣмъ уйти.—Можетъ быть, ужъ слишкомъ поздно къ нимъ заѣзжать?

Но тотъ его не слушалъ. Въ его ушахъ еще раздавались восторженные крики толпы. Онъ ни разу не вспомнилъ объ Анни. Комитетъ усѣлся за ужинъ, не обративъ вниманія на отсутствіе Феррези и Галанда. Подъ вліяніемъ крѣпкихъ и хорошихъ винъ, головы побѣдителей разгорячились. Къ высокопарнымъ фразамъ по поводу общей политики стали скоро присоединяться игривые анекдоты старичковъ и откровенные разсказы молодыхъ людей о ихъ любовныхъ похожденіяхъ.

Жакъ почти совсѣмъ не разговаривалъ. Ему казалось, что вмѣстѣ съ толпой исчезло все сладостное чувство побѣды, и теперь на первый планъ выступило убожество противника и вся унизительная банальность тріумфа. Теперь ему было жаль горячности своихъ стремленій и постояннаго напряженія мысли, всего того, что̀ онъ пережилъ за время выборовъ. Затишье, которое теперь должно было наступить, заранѣе выводило его изъ себя, и три недѣли, отдѣлявшія его отъ свадьбы, представлялись ему скучными и монотонными по сравненію съ только-что пережитыми бурными днями. Онъ сожалѣлъ, что не можетъ переско-

чить черезъ нихъ и сразу очутиться въ Парижѣ. Онъ мысленно уже составлялъ себѣ планъ будущей политической дѣятельности. Въ палатѣ онъ постарается какъ можно скорѣе присмотрѣться къ людямъ и заручиться полезными отношеніями, подлаживаясь, если это окажется нужнымъ, къ ничтожнымъ людямъ и вездѣ выжидая удобной минуты.

Упрочивши такимъ образомъ свое положеніе, онъ уже безъ малѣйшаго для себя риска выступитъ съ рѣчью необыкновенно ясной, точной и дѣловитой. Впрочемъ онъ не собирался ограничиваться этимъ. Онъ разсчитывалъ занять видное мѣсто въ судебномъ мірѣ и принять участіе въ прессѣ, которая, какъ и адвокатура, привлекала его перспективой ежедневной борьбы. Для его дѣятельности открывалось обширное поле, и онъ всѣми силами жаждалъ какъ можно скорѣе на него выступить.

Нарисовавъ себѣ картину будущаго, онъ окинулъ взглядомъ сидѣвшихъ за столомъ, увидѣлъ веселыя, добродушныя лица въ перемежку съ недовольными и завистливыми—и презрительно отвелъ глаза въ сторону. Онъ относился уже свысока къ своимъ помощникамъ и наслаждался сознаніемъ собственнаго превосходства. Боязнь встрѣтить въ этомъ обществѣ себѣ равнаго заставила его вспомнить Люсьена. Онъ опасался яснаго и насмѣшливаго ума своего бывшаго товарища.

— А гдѣ же Галандъ?—спросилъ онъ.

— Онъ уѣхалъ въ Ментонъ,—отвѣтилъ кто-то изъ сидѣвшихъ за столомъ, а Тайларъ презрительно добавилъ:

— Эти парижане никогда ничего не ѣдятъ.

Въ два часа утра комитетъ вышелъ изъ редакціи. Нѣсколько молодыхъ людей исчезли еще раньше, отправившись по разнымъ увеселительнымъ заведеніямъ. Жака раздражало, что при выходѣ эта толпа не отличалась особенной сдержанностью; онъ отсталъ и пошелъ сзади съ майоромъ Баро, который держался важно и торжественно, что̀, по мнѣнію новаго депутата, вполнѣ соотвѣтствовало обстоятельствамъ. Лошадь Феррези медленно подвигалась по улицѣ, наполненной толпившимися зѣваками.

— Вы только взгляните!—сказалъ Люсьенъ, когда экипажъ выѣхалъ на площадь.

Вся площадь чернѣла и кишѣла народомъ. Съ середины ея поднималось тонкое пламя, окруженное цѣпью оборванцевъ, которые плясали вокругъ него и вопили: „Къ чорту Фроссара!“ Они сжигали чучело.

Графъ возмутился.

— Положительно, народъ—это самый гнусный изъ всѣхъ властителей. Я предпочитаю его ненависть его любви.

И онъ сталъ повелительно покрикивать, чтобы имѣть возможность проѣхать черезъ толпу.

„Да, народъ одинаково слѣпъ и въ любви, и въ ненависти,—думалъ Люсьенъ.—Этотъ бѣдняга Фроссаръ, который, по разсказамъ Мерана, представляется мнѣ такимъ наивнымъ и безвреднымъ ничтожествомъ, въ сущности недостоинъ проклятій, которыя равняютъ его со многими великими людьми. Толпѣ нужны укротители въ родѣ Альвара, которые всегда имѣютъ наготовѣ и ласку, и кнутъ".

Въ это время они подъѣзжали къ префектурѣ. Серпъ луны на ущербѣ освѣщалъ ея художественный фасадъ въ стилѣ Людовика XIII.

— Посмотрите!—проговорилъ Галандъ, указывая пальцемъ своему спутнику на толстяка, который вытиралъ себѣ платкомъ лобъ.

— Это Фроссаръ,—уже шопотомъ прибавилъ онъ.—Однако его разжаловали довольно быстро.

Побѣжденный спасался, покинутый всѣми. Онъ убѣжалъ изъ префектуры черезъ заднюю дверь. Жалкій, приниженный, боясь всевозможныхъ оскорбленій, спѣшилъ онъ убѣжать домой. Безъ своихъ депутатскихъ полномочій онъ сразу утратилъ всякое значеніе; не посмѣлъ даже оставить на головѣ высокую форменную шляпу, обращавшую на себя всеобщее вниманіе, ту самую шляпу, которая была на немъ надѣта все время, пока тянулись выборы, и которая, съ его провинціальной точки зрѣнія, служила важнымъ аттрибутомъ его сана и вмѣстѣ съ тѣмъ олицетвореніемъ парижскаго шика.

— Прислушайтесь! — прошепталъ графъ. — Онъ ушелъ во̀время.

Перепившаяся кучка людей, предводительствуемая прежнимъ лакеемъ, выгнаннымъ изъ префектуры, стрѣляла изъ хлопушекъ и кричала у рѣшотки:

— Эй, префектъ! Тебѣ вернули твою Фроссариху. Получай обратно свою гусыню!

— Какое безобразіе!—не удержался Люсьенъ.

— Поѣдемте скорѣе отсюда.

Графъ Феррези ударилъ лошадь. Скоро они очутились въ открытомъ полѣ и вдохнули въ себя чистый ночной воздухъ. Красные фонари ихъ экипажа отбрасывали дрожащій свѣтъ по обѣ стороны дороги, освѣщая попеременно то деревья, то за-

боры, то кучи камней. Уставъ отъ долгаго пребыванія въ толпѣ, они наслаждались уединеніемъ и тишиной. Графъ, всегда чувствительный къ холоду, закутался пледомъ. Этотъ день вызвалъ въ немъ приливъ желчи противъ всего человѣчества. Люсьенъ постепенно освобождался отъ того тяжелаго чувства отвращенія, которое затягивало его цѣлый день, какъ болотная тина.

„Нужно прежде всего имѣть жалость къ этому народу,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Онъ не вѣдаетъ, чтò творитъ. Никто не заботится о немъ по настоящему, никто не любитъ его какъ слѣдуетъ. Вмѣсто настоящей духовной пищи, ему преподносятъ пустыя обѣщанія и пышныя слова, а потомъ удивляются его нравственному малокровію. У него не было свободы выбора: съ одной стороны Фроссаръ угощалъ его мутной похлебкой, которую онъ называлъ своей радикальной программой; съ другой стороны выступилъ Альваръ со своимъ винегретомъ. А между тѣмъ ему нужно было бы выяснить, какимъ путемъ народная жизнь, приливая къ Парижу, въ концѣ концовъ слишкомъ централизировалась, слишкомъ подпала подъ власть администраціи и стала терять свои естественныя преимущества, отдаваясь во власть большого города. Нужно было бы доказать ему, что въ государственномъ устройствѣ, какъ и во всякомъ частномъ домѣ, необходимъ порядокъ и послѣдовательность. Хорошо было бы прочесть цѣлый рядъ самыхъ простыхъ и общедоступныхъ лекцій сначала очень небольшому кружку слушателей. Такъ какъ демократія уже существуетъ, то надо извѣстнымъ образомъ воспитать и направить эту пока еще безсознательную силу. Конечно, послѣ всѣхъ благихъ начинаній всегда рискуешь быть осыпаннымъ оскорбленіями и сожженнымъ въ видѣ чучела, но, по крайней мѣрѣ, будешь сознавать, что пріобрѣлъ на это гораздо болѣе правъ, чѣмъ бѣднягa Фроссаръ. Мой отецъ любилъ народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ къ нему глубокую жалость. Буду подражать ему хоть въ послѣднемъ“...

Между тѣмъ графъ Феррези изливалъ свое раздраженіе:

— Когда я былъ ребенкомъ, г-нъ Галандъ,—у моихъ родителей была кухарка, славившаяся своимъ искусствомъ рѣзать утокъ. Въ одинъ прекрасный день она меня попросила подержать одну изъ своихъ жертвъ во время этой операціи. Когда же я уклонился отъ содѣйствія, потому что вся эта процедура возбуждала во мнѣ отвращеніе, то она со свойственной ей рѣзкостью сказала мнѣ: „Нечего нѣженкой-то прикидываться,—сами же будете уплетать ихъ за обѣ щеки“. Въ словахъ этой служанки заключалось нѣчто символическое. Мы относимся брез-

гливо къ грязной работѣ въ общественной жизни, а между тѣмъ пользуемся тѣми выгодами, которыя она доставляетъ. Мы охотно соглашаемся на то, чтобы рабочіе страдали, производя для насъ предметы совершенно ненужной роскоши, и даже не стараемся просвѣтить ихъ на этотъ счетъ. Но лично противъ нихъ мы ничего не имѣемъ и даже испытываемъ относительно ихъ нѣкоторую жалость, которая льститъ нашему сердцу. Въ этомъ заключается какая-то странная слабость, г-нъ Галандъ. Посмотрите на Альвара. Онъ не отказался бы помочь зарѣзать утку. И въ этомъ его преимущество надъ нами. Моя, напримѣръ, смѣлость не идетъ дальше мысли. На дѣлѣ я всегда очень робокъ. Такова особенность вырождающихся народовъ: соединять въ людяхъ умственную силу съ физической слабостью...

Но Люсьенъ не слушалъ его. Онъ все думалъ о легкомысліи и несправедливости народа, а графъ Феррези, утомленный собственными разглагольствованіями, раскашлялся и прошепталъ:

— Я хотѣлъ бы убить одного человѣка, да не могу.

Закутавшись въ свой пледъ, онъ весь дрожалъ, а глаза его горѣли злымъ огнемъ.

Съ террасы своего дома въ Ментонѣ Мераны видѣли, какъ на фонѣ ночного неба взлетали ракеты и разсыпались золотымъ дождемъ. Они всѣ вмѣстѣ далеко за полночь сидѣли въ гостиной, открытыя окна которой, пропуская ночную свѣжесть, позволяли имъ видѣть и темное озеро, и ярко освѣщенный Аннеси.

Анни, вся взволнованная, позвала родителей, чтобы показать имъ сигнальныя ракеты.

— Кандидаты,—сказалъ Меранъ,—должны были бы выбрать себѣ какой-нибудь цвѣтъ, какъ жокеи на скачкахъ. Смотря по обстоятельствамъ, и зажигался бы огонь извѣстнаго цвѣта. Такимъ образомъ каждый бы зналъ результаты выборовъ. Жакъ мнѣ очень обѣщалъ во всякомъ случаѣ прислать посыльнаго,—прибавилъ онъ,—и во всякомъ случаѣ не исполнитъ, конечно, своего обѣщанія, потому что въ случаѣ удачи ему будетъ не до того, а если онъ провалится, то что̀ за удовольствіе ему будетъ посылать такое извѣстіе! Завтра узнаемъ, чѣмъ это все кончилось, а теперь пойдемте спать.

— Да, пора спать,—подтвердила г-жа Меранъ.—Конечно, Жака выбрали.

— Ахъ, папочка, подождемъ еще минутку!—умоляюще прошептала Анни, не допускавшая, чтобы женихъ могъ забыть о ней.—Сейчасъ навѣрное кто-нибудь да пріѣдетъ.

— Ну, хорошо. Подождемъ,—согласился Меранъ.—Эти дѣ-

вушки воображаютъ, что о нихъ всегда думаютъ, но скоро, дитя мое, ты поймешь свою ошибку. Всѣ мужчины—эгоисты. Спроси хоть у мамы.

Анни подошла къ окну и облокотилась на подоконникъ. Передъ нею за озеромъ и выше деревьевъ сада смутно возвышались горы, едва освѣщенныя восходящимъ серпомъ луны. До нея долеталъ легкій шумъ волнъ, разбивавшихся о берегъ. Глубокая тоска безъ опредѣленной причины, но съ которой ей трудно было справиться, зарождалась въ ея сердцѣ. Среди тоски окружающихъ предметовъ, тонувшихъ въ сумракѣ, ей становилось понятнымъ одиночество людей. Души тщетно отыскиваютъ и зовутъ другъ друга въ глубокой тьмѣ, напоминающей эту ночь. Любовь скользитъ по нимъ, не освѣщая и не согрѣвая ихъ, какъ блѣдные лучи этой луны, спрятанной за вершинами горъ. Влюбленные не знаютъ другъ друга; живя вмѣстѣ, они остаются другъ другу чужими. И ея будущій мужъ будетъ жить подлѣ нея, ни разу не заглянувъ въ ея сердце, которое всецѣло принадлежало ему, и которое онъ совсѣмъ не зналъ, сдѣлавшись ея женихомъ. Ей казалось, что Жакъ для нея потерянъ, и что ихъ раздѣляютъ безграничныя ледяныя пространства. У нея даже являлось желаніе, чтобы Жакъ провалился на выборахъ. Это дало бы ей возможность утѣшать его. Она погибала отъ жалости къ нему и къ самой себѣ.

Жанна подошла и закутала платкомъ плечи сестры. Она замѣтила блѣдность Анни и грустное выраженіе ея глазъ. Ей захотѣлось разспросить ее. Все ея дѣтское лицо измѣнилось, и она собралась сказать что-то очень важное. Она обняла Анни и проговорила:

— Я тебя ужасно люблю. Зачѣмъ ты отъ насъ уѣзжаешь?..

— Вотъ кто-то пріѣхалъ!—закричала Анни, перебивая ее, и вся грусть разсѣялась какъ дурной сонъ.

Раздался звонокъ, и лакей ввелъ Люсьена.

Она бросилась къ нему.

— *Онъ* выбранъ?

— Да,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Мнѣ хотѣлось это вамъ сообщить.

— Это *онъ* васъ послалъ? Не правда ли?—спросила она.

Чтобы не огорчить ее, Люсьенъ отвѣчалъ:

— Да, я пріѣхалъ по порученію Жака.

Но онъ выговорилъ это холодно и невесело.

Жанна не спускала съ него своихъ большихъ, ясныхъ глазъ, которые схватывали все слишкомъ быстро.

Люсьенъ сталъ передавать подробности.

Когда онъ разсказалъ о символическомъ чучелѣ и о бѣгствѣ струсившаго Фроссара, то Меранъ разгорячился.

— Знаете ли вы, мой милый Галандъ,—вы сразу уничтожаете болѣе тридцати анекдотовъ изъ моего репертуара. Чтò за дикая судьба!—она посылаетъ трагическій конецъ этому водевильному герою, вся сила котораго заключалась въ его комизмѣ.

Анни стояла молча, наслаждаясь успѣхомъ своего жениха.

„Всѣ его хлопоты и утомленія кончены,—думала она.—Теперь онъ будетъ принадлежать одной мнѣ. Онъ будетъ меня разспрашивать, и я ему все, все разскажу про себя".

Она совсѣмъ забыла о томъ, что Жанна съ таинственнымъ видомъ собиралась ей что-то сказать въ ту минуту, какъ пріѣхалъ Люсьенъ.

Провожая гостя, Меранъ говорилъ, уже стоя на крыльцѣ:

— Однако дорого мнѣ обошлось пораженіе Фроссара. Порядочность заставляетъ меня перестать разсказывать о немъ анекдоты, а я это такъ любилъ дѣлать за столомъ, въ хорошей компаніи!

Возвращаясь домой и проходя по аллеѣ парка, Люсьенъ думалъ:

„Какъ Анни была хороша сегодня! Все ея лицо такъ и свѣтилось любовью. Сколько страданій готовитъ ей жизнь! Она, какъ и народъ, ничего не знаетъ. Какъ народъ, она будетъ страдать въ поискахъ за счастьемъ,—и къ ней, и къ нему у меня одна жалость. Но чтò я могу для нихъ сдѣлать?"

VII.

Люсьенъ Галандъ сталъ жить безвыѣздно въ своемъ имѣніи. Безучастно выслушивалъ онъ запутанныя объясненія своего арендатора Фаверà. Старикъ являлся къ нему съ зарею и уводилъ его то въ поле, то въ лугà. Тамъ онъ старался заинтересоваться ходомъ полевыхъ работъ, наблюдая, какъ пахали землю или какъ собирали отаву.

Къ нему часто заходилъ Жакъ Альваръ, являвшійся въ Ментонъ, чтобы ухаживать за своей невѣстой. Его посѣщенія и вѣчныя жалобы на скуку доставляли Люсьену весьма мало удовольствія.

— Меня совершенно убиваетъ отсутствіе всякой дѣятельности,—говорилъ Жакъ.

— Ты не можешь себѣ представить, до какой степени я жалѣю, что избирательная борьба кончилась. Еще первое время послѣ выборовъ я имѣлъ предлоги не оставаться подолгу въ Ментонѣ: то нужно было благодарить нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, оказавшихъ мнѣ содѣйствіе, то успокаивать взволнованные умы враждебныхъ кантоновъ, то окончательно устроить въ Парижѣ дѣла газеты, въ которой я собираюсь принимать ближайшее участіе. Теперь все это кончилось. По утрамъ я изучаю бюджетъ Франціи, а по вечерамъ я долженъ насильно разыгрывать влюбленнаго. Но все-таки это принесетъ мнѣ тридцать тысячъ франковъ дохода, а деньги необходимы человѣку, который хочетъ пользоваться властью.

Вполнѣ обладая искусствомъ извлекать пользу изъ общенія съ разными людьми, онъ умѣло сводилъ разговоръ къ интересовавшимъ его вопросамъ и заставлялъ Люсьена высказываться относительно парижскаго общества, а также относительно политическаго и экономическаго положенія тѣхъ странъ, съ которыми онъ познакомился во время своихъ многочисленныхъ путешествій. И Люсьенъ часто изумлялся, когда Жакъ преподносилъ ему его же разсужденія, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

За два дня до свадьбы онъ зашелъ къ Галанду, когда тотъ кончалъ завтракать. Въ лицѣ его было напряженное выраженіе, являвшееся у него въ тѣ дни, когда онъ собирался что-нибудь отстаивать или вообще вести какую-нибудь борьбу.

Люсьенъ провелъ его въ маленькую гостиную. На каминѣ передъ фотографіей Анни стояли розы. Жакъ вынулъ изъ портфеля два письма.

— Я прошу у тебя,—сказалъ онъ, обращаясь къ своему товарищу,—совѣта и помощи. Прежде всего—совѣта. Вотъ, прочти. Это блестящій примѣръ того, до какой степени молодыя дѣвушки способны увлекаться всѣмъ мистическимъ, а для тебя это можетъ быть интересно, какъ для психолога.

Говоря это, онъ протянулъ одно изъ писемъ Люсьену, но тотъ, видимо, не рѣшался его взять.

— О, ты вполнѣ можешь его прочесть. Это не будетъ нескромностью съ твоей стороны. Вѣдь это—письмо моей жены, и рѣчь идетъ только о религіи.

Онъ уже говорилъ: „моя жена", потому что привыкъ считать совершившимся все, чтò было имъ окончательно рѣшено.

Люсьенъ съ видимымъ смущеніемъ и непонятной для него самого грустью прочиталъ слѣдующее:

— „Есть вещи, которыя мнѣ очень хотѣлось бы знать, но

которыя я не умѣю вамъ высказать, Жакъ. Мнѣ необходимо вамъ ихъ написать. Онѣ мучатъ меня все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ приближается желанный день нашей свадьбы. Я очень часто молчу, но вы не должны заключать изъ этого, что я мало думаю, и я прошу васъ быть снисходительнымъ ко мнѣ.

„Вы знаете, до какой степени я желаю нашего счастья. Мнѣ только кажется, что оно можетъ быть достигнуто цѣною нашего полнаго довѣрія и единенія нашихъ душъ. И мнѣ дѣлается иногда страшно при мысли, что на свѣтѣ не можетъ встрѣтиться двухъ душъ, которыя одинаково любили бы другъ друга и у которыхъ были бы на все одинаковые взгляды. Жакъ, прежде я не думала ни о чемъ подобномъ, но послѣднее время мнѣ приходятъ въ голову совсѣмъ новыя мысли.

„Я совсѣмъ не умѣю ясно выражать словами, что̀ думаю, Жакъ, но меня очень пугаетъ, что я ничего о васъ не знаю. Съ своей стороны, я вполнѣ готова открыть вамъ мою душу, какъ только вы этого захотите. Вѣдь я уже отдала вамъ сердце; оно все полно вами. Но мнѣ очень хотѣлось бы знать и ваши мысли. Не сочтите меня слишкомъ требовательной: мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы у насъ съ вами была одна вѣра и одна любовь!

„Одна изъ моихъ подругъ разсказывала мнѣ, что, прежде чѣмъ согласиться на предложеніе своего будущаго мужа, она попросила позволенія поговорить съ нимъ наединѣ нѣсколько минутъ, чтобы сообщить ему о своемъ рѣшеніи сохранить и послѣ замужества полную свободу. Быть свободной, Жакъ, это именно то, чего я не хочу. Я хочу всецѣло подчиниться вашей волѣ. Развѣ у насъ съ вами не одно желаніе—любить другъ друга и взаимно помогать другъ другу становиться лучше? Вы, такой сильный, вы можете сдѣлать столько хорошаго! Если вы признаете меня достойной помогать вамъ, то самъ Богъ благословитъ нашу любовь.

„Я такъ хотѣла бы, чтобы вы были религіозны! О, я не требую отъ васъ того религіознаго жара, котораго, къ несчастью, нѣтъ и во мнѣ, но только жажды истины и старанія согласовать свои поступки со своими вѣрованіями. Пожалуйста, не смѣйтесь надо мной и надъ моей просьбой. Это было бы очень зло съ вашей стороны. Любите меня, какъ я васъ люблю. Скажите мнѣ, что вы вѣрите въ то, во что̀ я вѣрю, и я буду вполнѣ счастлива.

„Анни Меранъ“.

Жакъ по выраженію лица Люсьена слѣдилъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе производило на него чтеніе этого письма.

— Какая у нея тонкая душа и какое глубокое религіозное чувство! Она будетъ очаровательной женой, — проговорилъ Люсьенъ.

— Немного слишкомъ восторженной,—возразилъ Жакъ.— Хотя, конечно, съ замужествомъ всѣ эти нравственныя формулы немного измѣнятся и ослабѣютъ. Ея религіозное чувство будетъ менѣе...

— Будетъ менѣе возвышенно и опошлится?.. Чтò ты ей отвѣтишь?

— Я? Ничего. Гораздо лучше говорить, чѣмъ писать. Я болѣе увѣренъ въ своихъ словахъ, чѣмъ въ мысляхъ. Я сейчасъ же отправлюсь въ „Тополи“, и тамъ, въ тѣни деревьѣвъ, мы поговоримъ о ея религіозныхъ убѣжденіяхъ.

— Но вѣдь она хочетъ знать о твоихъ убѣжденіяхъ.

— Ну, такъ что-жъ! Развѣ я не объявлялъ публично, что обществу трудно обходиться безъ религіи? Развѣ я не говорилъ о религіи справедливости и братства?

— Да, объ утилитарной религіи, какъ общественной охранѣ.

Жакъ презрительно развелъ руками.

— Чего же ты хочешь еще? Во мнѣ нѣтъ чувства божественнаго. Я не мучусь, стараясь познать невѣдомое. Зачѣмъ выискивать то, чтò выше насъ и намъ недоступно? Нашего зрѣнія хватаетъ только на извѣстное пространство; не значитъ ли это, что для насъ было бы безполезно видѣть дальше. Ради Бога, бросимъ все это и не будемъ тратить время и силы на вещи вполнѣ безполезныя.

— И, быть можетъ, единственно важныя, — замѣтилъ Люсьенъ.

— Анни меня нисколько не затрудняетъ,—продолжалъ Жакъ, протягивая ему второе письмо.—Вотъ это болѣе важно. Нужно тебѣ сказать...—онъ съ минуту колебался—нужно тебѣ сказать, что графиня Феррези была моей любовницей.

— Вотъ какъ!..—смущенно пробормоталъ Люсьенъ, и мысль о томъ, какъ несчастна Анни, невольно промелькнула въ его головѣ.

— Не легко было мнѣ заставить ее согласиться на мою женитьбу,—продолжалъ между тѣмъ Жакъ.—Наконецъ, мнѣ показалось, что я это устроилъ, и вдругъ, въ послѣднюю минуту, она разыгрываетъ мнѣ комедію съ самоубійствомъ. Да прочти же это письмо! Потомъ я тебѣ объясню, въ чемъ состоитъ услуга, о которой я собираюсь просить тебя.

— Нѣтъ. Я терпѣть не могу читать любовныя письма!—съ

раздраженіемъ проговорилъ Люсьенъ. — Помимо своего желанія залѣзаешь въ чужія души и проникаешь въ тайны, которыя тебѣ не принадлежатъ. Я ужъ и безъ того чувствую себя виноватымъ, что прочелъ первое письмо.

— Тѣмъ не менѣе, нужно, чтобы ты прочелъ и второе. Ты не можешь отказать мнѣ въ помощи. Ты мой самый давнишній другъ. Все это серьезнѣе, чѣмъ ты думаешь.

И чтобы вполнѣ убѣдить Люсьена, онъ прибавилъ:

— Да скорѣе читай! Быть можетъ, дѣло идетъ о спасеніи человѣческой жизни.

Галандъ съ отвращеніемъ взялъ письмо. Ему казалось, что Жакъ впутывалъ его въ какое-то неблаговидное и небезопасное предпріятіе. Письмо было слѣдующаго содержанія:

„Сегодня—годовщина нашего перваго свиданія. Это было 11-го сентября, вы помните? Уже цѣлый годъ я принадлежу тебѣ. Это былъ настоящій свадебный вечеръ; онъ далъ мнѣ новую жизнь и совершилъ во мнѣ большій переворотъ, чѣмъ та злосчастная ночь, въ которую изъ ничего не вѣдавшей дѣвушки, я превратилась въ женщину, не знавшую любви. Съ того вечера я живу только твоими поцѣлуями. Съ той поры я стала рабой твоихъ желаній. Ты подавилъ во мнѣ всякую гордость, всякое желаніе нравиться. Я не узнаю себя: я не чувствую больше, что душа моя можетъ существовать отдѣльно,—она всецѣло перешла въ мое физическое существо, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ безумной влюбленности. Тебѣ захотѣлось поработить меня еще больше,—ты принудилъ меня согласиться отдать тебя другой женщинѣ, обѣщая украдкой возвращаться ко мнѣ. Я была до такой степени покорной рабой, что согласилась на это. Ты меня подвергъ настоящей пыткѣ, заставляя видаться съ своей невѣстой и любоваться ею, думая о вашихъ будущихъ ласкахъ. Этого мало! Ты говорилъ ей о любви въ моемъ присутствіи, ты поцѣловалъ ее при мнѣ, поцѣловалъ губами, одинъ видъ которыхъ сводитъ меня съ ума. Черезъ три дня ты прижмешь эту женщину къ своей груди. Ты будешь цѣловать ее поцѣлуями, которые я такъ знаю. Но я не увижу этого проклятаго дня. Знай, что я умру. Я рѣшила это вечеромъ въ Ментонѣ, на озерѣ, при лунѣ. Завтра утромъ, прежде чѣмъ это письмо попадетъ въ твои руки, я брошусь со скалы въ озеро. Умирая, я не шлю тебѣ проклятій. Я только хочу, чтобы ты еще разъ увидалъ мое тѣло, когда меня вынутъ изъ воды, чтобы я все еще была красива и чтобы ты, не имѣя возможности

обладать мною, позавидовалъ, въ холодныхъ объятіяхъ своей жены, червямъ, которые будутъ ѣсть меня въ могилѣ.

„Леонора“.

Люсьенъ Галандъ быстро всталъ.

— Она не убила себя? Ты ее видѣлъ сегодня?

— Нѣтъ, я ея не видалъ,—отвѣчалъ очень спокойно Жакъ.

— Но ты знаешь, что она жива?

— Я ничего не знаю. Но если женщина впадаетъ въ декламацію, то она никогда не убьетъ себя. Просто она дошла до сильнаго нервнаго разстройства, а отъ ея нервовъ можно всего ожидать. Я совсѣмъ не желаю, чтобы въ послѣднюю минуту моя свадьба разошлась изъ-за какого-то глупѣйшаго скандала. Самъ я не могу къ ней идти. Ея мужъ и Меранъ все время на сторожѣ. Меранъ получилъ анонимное письмо; онъ мнѣ его показывалъ. Я его увѣрилъ, что любовникъ графини—ты, и что она-то и была причиной твоего возвращенія въ Савойю, а что раньше вы встрѣчались въ Парижѣ и въ Италіи.

— Ты не имѣлъ на это никакого права!—съ раздраженіемъ проговорилъ Люсьенъ. — Я тебѣ запрещаю пользоваться моимъ именемъ.

— Прежде всего,—возразилъ, нимало не смущаясь, Жакъ,— нужно было отклонить подозрѣніе. И, въ сущности, не все ли это тебѣ равно? Такая связь только можетъ льстить твоему самолюбію, а Меранъ очень скроменъ. Ну, а мужъ о тебѣ ничего не знаетъ. Ты долженъ къ ней пойти,—продолжалъ онъ, въ то время какъ Люсьенъ началъ въ волненіи расхаживать по комнатѣ.—Ты передашь ей эту записку,—она безъ адреса,—успокоишь ее. Она должна, наконецъ, понять, что моя женитьба не поведетъ за собой разрыва съ нею. Она приглашена на свадьбу. Я хочу, чтобы она была. Если она откажется, то мужъ ея пойметъ, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что онъ уже о многомъ догадывается. Ея присутствіе необходимо.

— Я не хочу принимать ни малѣйшаго участія въ твоихъ интригахъ,—проговорилъ Люсьенъ въ сильномъ волненіи.

Тогда Жакъ притворился тоже взволнованнымъ.

— Послушай, другъ мой,—сказалъ онъ:—время проходитъ. Какъ только я получилъ это письмо, такъ тотчасъ же сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ. Я гораздо болѣе безпокоюсь, чѣмъ это можетъ показаться. Я думаю, я увѣренъ, что Леонора не убила себя. Но, не получая отъ меня никакого отвѣта и находясь въ такомъ нервномъ состояніи, она дѣйствительно можетъ рѣшиться на самоубійство. Съ каждымъ часомъ это становится все воз-

можнѣе. Кого ты хочешь, чтобъ я къ ней послалъ? Кто убѣдитъ ее, что она должна остаться жить для меня? Вѣдь я самъ не могу побѣжать къ ней, не возбудивъ ревности ея мужа и не вызвавъ цѣлой драмы у Мерановъ. Экипажъ мой стоитъ у крыльца, и ты въ немъ доѣдешь до Таллуара, а потомъ проѣдешь въ „Тополи", гдѣ и найдешь меня. Поѣзжай скорѣе, умоляю тебя!

Онъ говорилъ такъ убѣдительно, что Люсьенъ Галандъ рѣшился исполнить его просьбу.

— Ну хорошо, я поѣду,—сказалъ онъ и прибавилъ, подумавъ объ Анни:

— Но ты поклянешься мнѣ, что совершенно порываешь съ графиней Феррези?

Жакъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Вотъ дикая идея!

— О! въ такомъ случаѣ я остаюсь.

— Ну хорошо!—клянусь тебѣ, что порву съ нею окончательно. Это рѣшено!—и онъ слегка пожалъ плечами.

— Въ случаѣ какого-нибудь несчастія, я разсчитываю на тебя,—прибавилъ онъ, когда Люсьенъ былъ уже въ дверяхъ.

„Еслибы Жакъ хоть сколько-нибудь дорожилъ жизнью своей несчастной любовницы,—подумалъ Люсьенъ, — то онъ сразу, какъ только пріѣхалъ, заговорилъ бы о ней и прочелъ бы мнѣ сначала ея письмо, вмѣсто того, чтобы поднимать на смѣхъ религіозныя убѣжденія Анни Меранъ".

Между тѣмъ Анни съ безпокойствомъ ожидала своего жениха.

Красота солнечнаго сентябрьскаго дня не трогала ея и не пробуждала въ ней веселыхъ мыслей и радостныхъ чувствъ.

Осень только-что начиналась, и въ ней сохранилось еще все великолѣпіе уходящаго лѣта. Безоблачное небо отражалось въ спокойномъ, какъ зеркало, озерѣ, какъ бы соперничая съ нимъ мягкостью и нѣжностью тоновъ. Ущелья горъ и берега синѣли, подернутые блестящей дымкой, и эта дымка колебалась и сверкала на солнцѣ. По утрамъ на горизонтѣ тихо всплывали и таяли розовато-бѣлыя облака, напоминавшія своими дивными сочетаніями розы и лиліи, а по вечерамъ закатъ рдѣлъ, какъ горячіе уголья, и разгорался пожаромъ.

Въ природѣ еще чувствовалась неутраченная сила молодости.

Анни ждала жениха подъ навѣсомъ густыхъ, переплетавшихся между собою вѣтвей. Въ кустахъ журчалъ фонтанъ, и музыкальная жалоба какъ-то особенно гармонично сливалась съ

ароматомъ японской жимолости. Анни любила душистую свѣжесть этого укромнаго уголка и часто приходила сюда мечтать.

— Что-то подумаетъ онъ о моемъ письмѣ? — говорила она себѣ.

Она трепетала отъ охватившей все ея существо жажды самопожертвованія. Ея любовь выражалась тѣмъ, что всѣ ея лучшія духовныя стороны развились и усилились, доводя ее порой до экстаза, а въ ея физическомъ существѣ, невинномъ и все еще спокойномъ, появлялось временами только какое-то неопредѣленное мучительное чувство.

Воспоминаніе о поцѣлуяхъ Жака, заставлявшихъ ее всю вспыхивать, доводили ея нѣжность до слезъ, не вызывая въ ней ни малѣйшаго смущенія.

Ея застѣнчивость, прелести которой она и не подозрѣвала и которая придавала ея лицу очаровательное выраженіе невиннаго ребенка, тяготила ее. А вмѣстѣ съ тѣмъ какая радость была бы для истинно любящаго ее человѣка побѣдить въ ней эту застѣнчивость! Ее мучила мысль, что ея женихъ считаетъ ее ничтожнымъ ребенкомъ. Она не рѣшалась высказываться и страдала отъ своего молчанія. А между тѣмъ она догадывалась, что человѣку, увѣренному въ томъ, что его любятъ, легко бываетъ освободить свою душу отъ всего, что̀ ее стѣсняетъ, и обнажить ея глубину передъ любимымъ существомъ. Поэтому ей было особенно непонятно, почему Жакъ не старался оставаться наединѣ съ нею, а если это и случалось, то говорилъ съ нею совершенно такъ же, какъ и при другихъ? Такимъ образомъ ей по неволѣ приходилось сдерживать тѣ порывы нѣжности и радости, которыхъ требовалъ и вызывалъ бы въ ней человѣкъ страстно ее полюбившій.

— Вы могли во мнѣ сомнѣваться?—началъ Жакъ, подойдя къ Анни.—Почему вамъ пришло въ голову, что въ жизни мы не во всемъ съ вами будемъ сходиться? Я не буду касаться вашей вѣры. Мнѣ даже нравится, что вы—вѣрующая. Женщины должны быть религіозны. Развѣ въ моихъ рѣчахъ и политическихъ программахъ я не требовалъ свободы вѣроисповѣданія, наравнѣ съ общественной справедливостью?..

И онъ сталъ приводить другіе, не менѣе убѣдительные примѣры, говоря съ той вкрадчивою дрожью въ голосѣ и тѣмъ страстнымъ тономъ, которые дѣлали его опаснымъ ораторомъ, смягчая и скрадывая его слишкомъ опредѣленное желаніе властвовать. Онъ старался проникнуть въ тайну жизни и снисходилъ къ людскимъ слабостямъ и страданіямъ. Онъ то улыбался,

сверкая своими бѣлыми зубами, то вдругъ въ его глазахъ появлялось озабоченное и глубокомысленное выраженіе.

Анни сидѣла какъ зачарованная и почти не слышала того, что̀ онъ говорилъ.

Сознаніе, что онъ говорилъ такъ красиво для нея одной, дѣлало ее счастливой. Когда онъ ушелъ, она постаралась припомнить весь этотъ разговоръ, котораго такъ жаждала. Слова Жака, взятыя сами по себѣ, безъ обаянія его личности, показались ей такими жалкими и ничтожными, что сердце въ ней мучительно сжалось. Она увидала, что сумракъ, изъ котораго она хотѣла вырваться, сгустился еще больше. Не имѣя достаточно силъ, чтобы взять на себя всю тяжесть такого сознанія, она стала мало-по-малу проникать въ таинственную область неизбѣжныхъ страданій, связанныхъ съ любовью. Что̀ это за чувство, овладѣвающее людьми, прежде чѣмъ они успѣютъ отъ него защититься? Оно безпощадно влечетъ другъ къ другу два существа, совершенно не знавшія одинъ другого, и которыя, даже сблизившись, благодаря этому чувству, быть можетъ, все-таки останутся навсегда чужими другъ другу. Неужели достаточно ласковаго слова, очаровательной наружности или страстнаго взгляда, чтобъ перевернуть цѣлую жизнь!

Эти ужасныя мысли пугали ее, но она съ изумленіемъ замѣчала, что онѣ не разбивали вполнѣ ея сердца. Ее охватывала безконечная нѣжность, непонятная для нея самой. Она сознавала, что счастье ускользало отъ нея, но шла впередъ, какъ будто грядущее сулило ей полное счастье...

Леонора Феррези проснулась на зарѣ и почувствовала на своемъ лицѣ еще невысохшія слезы. Одѣваясь, она невольно залюбовалась собою въ зеркалѣ. Линіи ея плечъ, пряди волнистыхъ волосъ и тонъ кожи вполнѣ удовлетворили ее. Она грустно улыбнулась своему отраженію, какъ улыбаются дорогимъ близкимъ людямъ, съ которыми больно бываетъ разставаться. Она надѣла темное платье съ бѣлыми горошинками, достаточно простое и вмѣстѣ съ тѣмъ выгодно оттѣнявшее матовую бѣлизну ея кожи.

Изъ дому она вышла украдкой. Можно было подумать, что она отправилась на любовное свиданье. Всѣ окна были закрыты. Она прошла Таллуаръ, поднялась на гору и пошла по тропинкѣ, которая вела къ скалѣ надъ озеромъ. На минуту она остановилась, чтобы нарвать лиловыхъ цвѣтовъ безвременника, блестѣвшихъ на лужайкѣ, какъ маленькіе ночники. Она съ удивленіемъ

услыхала протяжные окрики пастуховъ и равномѣрный звонъ косъ: начался второй покосъ и, значитъ, уже вездѣ закипѣла работа. Сквозь вѣтви деревьевъ она увидала озеро, сморщенное зыбью до того легкой, что можно было подумать, будто его взволновало дыханіе сиренъ. Блѣдно-голубыя прозрачныя воды озера манили къ себѣ и возбуждали желаніе выкупаться. Густой утренній туманъ смягчалъ очертанія горъ, казавшихся почти бѣлыми въ яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Повсюду еще чувствовалась дѣвственная свѣжесть и нѣга пробужденія; гармонично сливались лазурные и бѣлоснѣжные тоны, мягкія линіи и неуловимые оттѣнки. Вся природа стремилась къ свѣту и жизни. Ласковый привѣтъ зарождавшагося дня пробудилъ въ Леонорѣ слишкомъ большую радость, и на мгновеніе она закрыла глаза.

Но она все-таки очень хотѣла умереть, и пошла на скалу, къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла съ Анни Меранъ. Она подошла къ самому краю, взглянула на воду, которая такъ и притягивала къ себѣ, и снова на лужайку, чтобы нарвать еще побольше цвѣтовъ. Она смѣшала душистую дрякву со стеблями розоваго вереска и не особенно торопилась переходить въ область тѣней, безстрастныхъ и не знающихъ больше мученій любви. Составивъ букетъ, она рѣшила, что къ нему слѣдовало прибавить еще нѣсколько злаковъ. Бросаясь со скалы, она будетъ держать эти цвѣты въ рукахъ; они останутся на водѣ и укажутъ Жаку, гдѣ будетъ находиться ея тѣло. Надо сдѣлать такъ, чтобы ее легко можно было найти и чтобы ее не оставляли слишкомъ долго въ водѣ. Она вспомнила Офелію и еще нѣкоторыя другія красивыя смерти въ литературѣ, и стала въ полголоса напѣвать первый куплетъ пѣсенки, которую пѣла маленькая рыбачка:

Тамъ на горѣ, высоко,
Есть птичка, и поетъ
Она и днемъ, и ночью —
Ли-у-ла, —
Поетъ и днемъ и ночью,
Какъ сладостна любовь.

Другихъ куплетовъ она не помнила, и букетъ ея былъ готовъ. Ничто больше не удерживало ее въ жизни. Она сохраняла полное спокойствіе и дружелюбно смотрѣла на маленькія волны, ходившія по озеру.

„Да, сейчасъ,—подумала она.—Только отдохну немного, я такъ устала!“

Она усѣлась на траву и старалась связать обрывки мыслей. Ей вспомнилось, что по дорогѣ, возлѣ Таллуара, она встрѣтила

женщинъ, отправлявшихся на работу. Онѣ несли на плечахъ большія грабли, чтобы сгребать сѣно. Ихъ изуродованныя фигуры и увядшія лица ясно свидѣтельствовали о тяжелой трудовой жизни. Цѣлый день онѣ будутъ мучиться на прицекѣ; мужья ихъ будутъ грубо обращаться съ ними; грудныя дѣти будутъ отнимать у нихъ послѣднія силы. Онѣ это знаютъ,—и все-таки даже и не подумаютъ умереть.

Леонора позавидовала ихъ судьбѣ.

„Онѣ находятъ счастье въ исполненіи своихъ ежедневныхъ обязанностей; онѣ полезны по крайней мѣрѣ, а я даже никому не могу доставить радости".

Она поднесла букетъ къ лицу. Могучею жизнью природы повѣяло на нее отъ этихъ дикихъ цвѣтовъ.

„Всѣ эти ароматы, весь этотъ блескъ, вся эта жизнь кругомъ мучитъ меня,—подумала она.—Мнѣ хотѣлось бы еще разъ увидать себя, только нѣтъ зеркала. Мнѣ хотѣлось бы проститься съ собою. Но почему собственно мнѣ такъ хотѣлось умереть?.."

Она положила цвѣты на землю и, закрывъ лицо обѣими руками, оперла на нихъ голову. Ей вспоминались поцѣлуи Жака, припомнилась Анни, склонявшаяся вотъ тутъ надъ водою. Ей представлялось какъ Жакъ обнимаетъ молодую дѣвушку, уноситъ ее на рукахъ...

Она вскочила и бросилась къ обрыву, но вдругъ громко, мучительно вскрикнула и отступила въ ужасѣ.

Впервые увидала она смерть лицомъ къ лицу, и все ея физическое существо затрепетало отъ ужаса.

„Какъ трудно, однако, умереть!—подумала она.—Я никогда не рѣшусь съ открытыми глазами; надо закрыть глаза. Пречистая Дѣва, помоги мнѣ!.."

Она оглядѣлась кругомъ,—ужъ это въ послѣдній разъ,—долго глядѣла. Потомъ закрыла глаза и замерла на мѣстѣ, вся похолодѣвъ и какъ бы прикованная къ землѣ. Одинъ шагъ отдѣлялъ ее отъ смерти. Смерть звала ее, улыбалась ей: въ ней—конецъ страданьямъ и вѣчный покой. Вдругъ она стала отступать, все еще съ закрытыми глазами и протянувъ впередъ руки, какъ будто отталкивая отъ себя что-то невидимое. Когда она наконецъ открыла глаза, то была уже далеко отъ края обрыва. Съ горькимъ рыданіемъ бросилась она на траву, чувствуя себя униженной, пристыженной и громко повторяя себѣ:

— Малодушная, трусиха! боишься умереть!..

Графиня Феррези распорядилась, чтобы къ ней никого не принимали. Закрывъ ставни такъ, чтобы онѣ едва пропускали

свѣтъ, сидѣла она въ полутьмѣ и упивалась собственнымъ униженіемъ. Она представляла себѣ насмѣшливое лицо своего любовника, когда онъ встрѣтитъ ее живую, послѣ ея торжественнаго объявленія о своей смерти.

„Онъ пріѣдетъ,—думала она.—Я не хочу его видѣть. Я увѣрена, что онъ не повѣрилъ моему самоубійству. А вѣдь я все-таки очень хотѣла умереть, но не могла; я не виновата въ этомъ. Я несчастная женщина, и у меня не хватаетъ смѣлости“.

Ей припомнился трагическій день, когда она хотѣла убить свою соперницу, и при этомъ воспоминаніи она вся задрожала.

„Ахъ, меня нечего опасаться!—подумала она.—У меня неистовыя желанія, но нѣтъ силъ, чтобы дѣйствовать рѣшительно. Прежніе люди дѣйствовали такъ же быстро, какъ думали. Хорошо быть такими! Теперь уже я была бы мертвой... Онъ презираетъ меня за мою слабость. Я не буду въ состояніи вынести его взгляда. А можетъ быть, онъ даже и не явится, чтобы узнать, существую ли я еще“...

И она жалобно заплакала.

— Несчастная я, несчастная!..

Къ ней вошла горничная и доложила, что господинъ Галандъ очень проситъ, чтобы его приняли, потому что онъ долженъ видѣть графиню по неотложному и крайне важному дѣлу.

Съ минуту она колебалась, но потомъ приказала ввести молодого человѣка.

Люсьенъ передалъ ей письмо Жака, которое она распечатала съ лихорадочной поспѣшностью. Вѣроятно это письмо было не изъ особенно нѣжныхъ, потому что графиня не могла сдержаться передъ своимъ гостемъ и разразилась рыданіями.

— Онъ не вѣритъ!.. — говорила она прерывавшимся отъ слезъ голосомъ:—онъ не вѣритъ... что я хотѣла умереть. Ахъ! какъ онъ жестокъ ко мнѣ!..

Совершенно обезсилѣвъ и уставъ, она вытерла глаза и повѣдала Люсьену свое горе. Она говорила о мученіяхъ любви, о своей попыткѣ самоубійства, о своемъ внезапномъ страхѣ и о стыдѣ, который ей пришлось пережить. Собственный разсказъ успокоилъ нѣсколько ея нервы.

— Когда не хочешь жить,—заключила она,—то чувствуешь себя какъ будто уже мертвой. Вѣдь не правда ли, настоящая смерть состоитъ въ потерѣ всякой радости и надежды? Она—внутри насъ.

Люсьенъ взялъ ее за руку.

— Не говорите, что вамъ стыдно,—сказалъ онъ.—Вы такъ

трогательны въ своей любви, что мнѣ становится васъ невыносимо жаль. Всякому человѣку вполнѣ естественно бояться смерти.

Онъ сказалъ ей еще нѣсколько дружескихъ фразъ, и вдругъ неожиданнымъ движеніемъ она поднесла руку молодого человѣка къ своимъ губамъ.

— Вотъ вы, вы—добрый!—прошептала она.—Ахъ, скажите мнѣ, за что любятъ безжалостныхъ людей?

Онъ сталъ говорить ей объ Анни Меранъ, и незамѣтно свелъ разговоръ къ просьбѣ отказаться отъ этой любви, приносившей ей одни страданія.

— О, не требуйте этого отъ меня!—прервала она его.— Вы сами видите, что у меня нѣтъ никакихъ силъ. Онъ меня околдовалъ. Понимаете вы это? Я проклята. Я—его вещь. Въ своемъ письмѣ,—прибавила она,—онъ назначаетъ мнѣ свиданіе черезъ три недѣли, и, замѣтьте, онъ нисколько себя не компрометтируетъ. Онъ пишетъ мнѣ всегда на пишущей машинѣ и безъ адреса. У меня нѣтъ ни единой строчки, написанной его рукою. Онъ хочетъ, чтобы я была на его свадьбѣ. Нѣтъ, я не поѣду; а если и поѣду, то только для того, чтобы устроить какой-нибудь непоправимый скандалъ.

Наконецъ, ему все-таки удалось ее немного успокоить, и когда онъ всталъ, чтобы уходить, то она имѣла видъ человѣка, вполнѣ покорившагося обстоятельствамъ, и только изрѣдка вздыхала и всхлипывала.

Проѣзжая по ментонской дорогѣ, онъ встрѣтилъ Мерана, который тонко улыбнулся, замѣтивъ, что Люсьенъ ѣдетъ изъ Таллуара.

„Онъ воображаетъ, что я возвращаюсь съ любовнаго свиданья",—подумалъ молодой человѣкъ, и мысленно разразился проклятіями противъ Жака:

„Негодяй! Онъ собирается подарить три недѣли своей женѣ, прежде чѣмъ возвратиться къ любовницѣ. Изъ чего онѣ всѣ сдѣланы, чтобы любить этого человѣка, который относится къ нимъ съ такимъ презрѣніемъ?!.. Но я долженъ помѣшать его гнусной измѣнѣ. Это—мой долгъ. Я долженъ предупредить Анни или ея отца. Эта свадьба не состоится. Я успѣю разстроить ее, въ моемъ распоряженіи—еще сорокъ-восемь часовъ".

Но черезъ нѣсколько времени онъ безнадежно махнулъ рукой. Какое-то ложное чувство чести не позволяло ему сдѣлать того, что̀ совѣтовала совѣсть. Жакъ, хотя и противъ его воли, сдѣлалъ его повѣреннымъ своей тайны. Эта тайна не принадлежала Люсьену. Самъ Жакъ посвятилъ его въ грязныя подроб-

ности своей любовной связи, заставилъ быть почти своимъ сообщникомъ, и Галандъ находилъ, что не имѣлъ права становиться ему поперекъ дороги.

Но его продолжалъ преслѣдовать образъ Анни.

„Я поступилъ бы вполнѣ безкорыстно, спасая ее",—подумалъ онъ, и повторилъ самъ себѣ:

„Да, вполнѣ безкорыстно. Я не люблю ее".

И, давъ волю своему гнѣву, онъ наконецъ, самъ не зная какъ, пришелъ къ слѣдующему выводу, удивившему его самого.

„Жакъ отнялъ у меня все, что̀ могло сдѣлаться цѣлью моей жизни. Мои предки работали для народнаго блага, и мнѣ, какъ ихъ наслѣднику, должна была принадлежать часть народной симпатіи. Жакъ не любитъ народъ, но отнимаетъ его у меня. Когда Анни была еще ребенкомъ, то моя мать назначила ее мнѣ въ жены. Жакъ не любитъ ее и отнимаетъ ее у меня. Ахъ, зачѣмъ я уѣхалъ съ родины, а главное, зачѣмъ я сюда вернулся?!"

VIII.

Утромъ въ день своей свадьбы Анни, проснувшись, сейчасъ же подбѣжала къ окну. Ей хотѣлось посмотрѣть, хорошій ли будетъ день. Солнце всходило великолѣпно, съ востока тянулись по небу длинныя розовато-лиловыя полосы, а на западѣ, точно стараясь убѣжать отъ солнца, таяли легкія тучки. Молодая дѣвушка смотрѣла на чистое небо, и ей казалось, что оно предвѣщаетъ ей счастье. Она долго стояла у окна, стараясь налюбоваться въ послѣдній разъ разстилавшейся передъ ней, съ дѣтства знакомой картиной, и тихая, спокойная улыбка озаряла ея лицо. Молодость восторжествовала надъ печальными мыслями; она вѣрила въ жизнь, въ счастье и въ свою любовь.

Ей помогли надѣть вѣнчальное платье. Блѣдная отъ волненія, высокая и тонкая въ своемъ атласномъ нарядѣ съ тяжелымъ шлейфомъ, она напоминала сказочную принцессу, умирающую съ тоски въ уныломъ заключеніи. Зеркала отражали ея тонкую, граціозную фигуру и лицо съ выраженіемъ чистоты, серьезности и даже чего-то мистическаго.

Огромные букеты цвѣтовъ, въ которыхъ преобладали розы, наполняли комнату своимъ ароматомъ.

Прежде чѣмъ сойти въ залу, она еще разъ посмотрѣла въ окно и не могла удержаться отъ невольнаго возгласа удивленія.

Тучи, казавшіяся еще недавно едва замѣтными, теперь затянули все небо. Свѣтлые предвѣстники радости постепенно исчезали.

Вошла Жанна, вся въ розовомъ, свѣжая и хорошенькая.

— Тебя ждутъ. Пора...—сказала она.

Но прежде чѣмъ онѣ вышли, младшая сестра горячо расцѣловала старшую.

— Вѣдь ты будешь счастлива и часто будешь навѣщать насъ? Не правда ли?—повторила нѣсколько разъ Жанна съ влажными отъ слезъ глазами.

Въ гостиной Жакъ, съ своей обычной горделивой осанкой, высокій и стройный, въ ловко сидѣвшемъ фракѣ, разговаривалъ съ нѣсколькими приглашенными на свадьбу членами комитета. Здѣсь былъ Бардо, тяжеловѣсный и корректный, какъ всегда; адвокатъ Брена, уже успѣвшій гдѣ-то выпить и закусить; маленькій, юркій и франтоватый стряпчій Колларъ, весь поглощенный стараніемъ оказаться на высотѣ предстоявшей ему задачи, и, наконецъ, нотаріусъ Шараве, сіявшій отъ того, что ему удалось-таки вытѣснить Тайлара и самому составить свадебный контрактъ.

У одной изъ жардиньерокъ графъ Феррези со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ рисовалъ передъ Люсьеномъ Галандомъ мрачную картину нищеты въ Италіи. Графиня, въ туалетѣ цвѣта морской воды, сіяла ослѣпительной красотой. Она разговаривала съ г-жею Меранъ и старалась не поворачиваться къ Жаку, смотрѣвшему на нее такъ, точно онъ открылъ въ ней новую прелесть.

У Анни сжалось сердце, когда она, войдя въ залъ, замѣтила, до какой степени мысли Жака были далеки отъ нея.

„Однако, какое ничтожное мѣсто я занимаю въ его жизни!“—подумала она, и легкая тѣнь грусти набѣжала на ея лицо.

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ это подмѣтилъ одинъ Люсьенъ, имѣвшій наканунѣ горячее объясненіе съ Жакомъ. Онъ требовалъ отъ него окончательнаго разрыва съ графиней, угрожалъ въ противномъ случаѣ предупредить Мерана и отказывался быть шаферомъ. Жакъ Альваръ пробовалъ отшучиваться.

— И какое тебѣ дѣло?—смѣясь, говорилъ онъ.—Однако, я вижу, что ты просто неравнодушенъ къ моей женѣ. Я буду поступать, какъ мнѣ захочется, а ты будешь молчать, потому что не имѣешь права сказать ни слова.

Но Галандъ продолжалъ съ упорствомъ настаивать на своемъ. Онъ горячо доказывалъ, что его отношенія съ Меранами таковы, что молчаніе съ его стороны является преступленіемъ. И въ

концѣ концовъ, Жакъ, такъ и не понявшій причины горячности Люсьена, долженъ былъ повѣрить, что его неожиданный противникъ на этотъ разъ дѣйствительно поступитъ рѣшительно. Онъ уступилъ, и чтобы окончательно покончить съ инцидентомъ, которому онъ не придавалъ особенной важности, торжественно поклялся, что его отношенія съ графиней кончены разъ навсегда.

Графиня Феррези поцѣловала Анни.

— Какъ вы прелестны, моя дорогая!—сказала она.

Отъ всего ея существа, отъ блестящихъ глазъ, отъ матовой кожи, отъ округленныхъ очертаній роскошнаго тѣла вѣяло возбуждающей чувственностью. Жаку она казалась несравненно красивѣе Анни.

Люсьенъ отвернулся, замѣтивъ поцѣлуй графини. Ему стало невыносимо грустно. Жакъ подошелъ къ женщинамъ и сталъ говорить имъ обѣимъ какія-то приторныя любезности. Его вкрадчивый голосъ былъ хорошо слышенъ Люсьену.

„Навѣрное,—думалъ онъ,—его порочная натура испытываетъ особенное наслажденіе. Ему нравится видѣть ихъ вмѣстѣ“.

Въ эту минуту къ нему подошелъ Жакъ.

— Сегодня вечеромъ мы отправимся въ Aix-les-Bains, гдѣ намъ уже приготовлено помѣщеніе,—сказалъ онъ.—Потомъ мы проведемъ двѣ или три недѣли въ Италіи, а затѣмъ уже окончательно устроимся въ Парижѣ. Мнѣ хочется быть тамъ до открытія палаты; необходимо позондировать почву и приготовиться къ своей роли.

— Читалъ ли ты сегодняшній нумеръ „Фигаро“?—продолжалъ онъ.—О, тамъ прелюбопытная статья о новой палатѣ. Новый составъ какъ будто не изъ особенно важныхъ. Обо мнѣ отозвались довольно лестно.

Анни взглядомъ, полнымъ нѣжности, издали слѣдила за женихомъ.

„Она воображаетъ, что онъ говоритъ мнѣ о ней“,—подумалъ Люсьенъ, и нахмурился. Когда Жакъ отошелъ отъ него, чтобы раскланяться съ новыми гостями, онъ весь отдался своимъ невеселымъ мыслямъ.

„Мнѣ грустно,—думалъ онъ,—потому что совершается то, что навсегда разлучитъ меня съ Анни. Я сознаю прекрасно, что теперь уже ничего нельзя измѣнить, и все-таки мнѣ невыносимо грустно. Она приближается къ пропасти съ закрытыми глазами. Въ древности такъ украшали дѣвушекъ, приносимыхъ въ жертву жестокому божеству. Я не знаю, люблю ли я ее, но

знаю одно, что мысль о ея будущихъ страданіяхъ отзывается болью въ моемъ сердцѣ".

— Предложите мнѣ руку, г-нъ Галандъ!—раздался около него голосъ Жанны, сопровождавшей свою сестру въ качествѣ demoiselle d'honneur.—Вы всегда забываете обо мнѣ!

И, дѣйствительно, онъ увидѣлъ, что свадебное шествіе уже выстроилось и готово было тронуться въ путь.

Всѣ размѣстились по экипажамъ. По обѣимъ сторонамъ паперти сплошной стѣной стояли крестьяне. Было очень много женщинъ,—онѣ пришли посмотрѣть, какъ будутъ вѣнчать „ихъ барышню". Среди нихъ было не мало старухъ, и на ихъ морщинистыхъ лицахъ отражалось то же жгучее любопытство, которымъ дышали лица молодыхъ женщинъ въ свѣтлыхъ платкахъ, съ глазами, разгорѣвшимися отъ созерцанія невиданныхъ нарядовъ. У входа въ церковь, старый, костлявый и высокомѣрный по виду швейцаръ, совершенно потонувшій въ своемъ красномъ истрепанномъ, но подправленномъ для торжественнаго случая одѣяніи,—настоящій Донъ-Кихотъ въ одеждѣ Санчо,—опирался съ необыкновеннымъ достоинствомъ на свою алебарду. Онъ дерзко обращался съ толпой и грубо водворялъ порядокъ. Часъ тому назадъ, онъ еще обрабатывалъ землю, и черезъ часъ долженъ былъ вернуться на свое поле, но надѣтыя на время пестрыя лохмотья сразу внушили ему стремленіе къ власти и желаніе добиваться признанія своего авторитета со стороны окружающихъ.

Кареты, наконецъ, остановились, образовавъ длинный рядъ, и пріѣхавшіе одинъ за другимъ вышли изъ нихъ. Жакъ присматривался къ толпѣ; онъ относился ко всей церемоніи почти такъ же, какъ къ какому-нибудь избирательному собранію. Анни совсѣмъ замечталась; теперь она походила на святую со стариннаго образа,—до такой степени ея лицо было сосредоточенно и одухотворено.

Выглянуло солнце, и цѣлый снопъ голубыхъ и красныхъ лучей упалъ въ церковь сквозь цвѣтныя стекла оконъ и разсыпался блестящей пылью по тусклому золоту алтаря, по ризѣ священника, по краснымъ мантіямъ маленькихъ пѣвчихъ, по серебристому платью невѣсты, по шолку, атласу и муару приглашенныхъ дамъ. Все заблестѣло, засіяло, засверкало, и точно по волшебству бѣдная деревенская церковь стала неузнаваема.

Ментонскій священникъ, очень добрый и очень добродѣтельный старичокъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней готовилъ къ этому торжественному событію прекрасную рѣчь, пересыпанную изреченіями и метафорами.

Но, произнеся латинскій текстъ, онъ забылъ всѣ заранѣе подготовленныя фразы, и началъ говорить то, что̀ подсказывало ему сердце. Онъ изобразилъ картину настоящаго христіанскаго брака, въ которомъ мужъ и жена всецѣло и безповоротно отдаются другъ другу, освѣщаютъ свою земную любовь любовью небесной и подкрѣпляютъ и самоусовершенствуютъ себя въ жизни взаимнымъ уваженіемъ и привязанностью.

Анни, растроганная, узнавала въ словахъ священника свои собственныя мысли, а Жакъ вспоминалъ и обдумывалъ заинтересовавшую его статью въ „Фигаро". Когда священникъ въ послѣдній разъ благословилъ новобрачныхъ, графиня Феррези сдѣлалась такой же бѣлой, какъ вѣнчальное платье Анни, а Люсьену стало еще тяжелѣе.

Когда служба кончилась, всѣ столпились въ тѣсной ризницѣ. Новобрачную осыпали поздравленіями и всевозможными пожеланіями. Она улыбалась въ отвѣтъ любезной, но какъ будто отсутствующей улыбкой. Г-жа Меранъ и на этотъ разъ не могла удержаться отъ свойственной ей привычки все расхваливать.

— Нашъ милый священникъ сказалъ прекрасную рѣчь! А солнце? Развѣ вы не замѣтили, какъ оно постаралось? Вокругъ головы моей дѣвочки образовался ореолъ. Ахъ, она такая у меня прелесть! И швейцаръ имѣлъ довольно приличный видъ. А замѣтили вы, до какой степени была набожно настроена толпа? Ахъ, это такъ утѣшительно, въ нашъ вѣкъ, видѣть религіозное чувство!—безъ умолку трещала она. Меранъ, молчаливый и грустный, представлялъ себѣ ту пустоту въ домѣ, которая будетъ послѣ отъѣзда Анни. Майоръ Бардъ, выпрямившись во весь ростъ, жестикулировалъ надъ самой головой Коллара, а Брена̀, стиснутый двумя толстыми дамами, мысленно разсчитывалъ: „Альваръ—адвокатъ общины Ментона; эта община ведетъ большой процессъ. Теперь я навѣрное замѣщу его"... И съ этими мыслями онъ дружески пожалъ руку своему собрату. Жакъ, весьма ловко приноравливавшійся ко всякимъ обстоятельствамъ, очаровывалъ рѣшительно всѣхъ своею находчивостью. Онъ задержалъ на одно мгновеніе руку графини Феррези въ своей рукѣ, и она вся поблѣднѣла отъ этой неожиданной ласки.

По выходѣ изъ церкви, свадебный кортежъ, съ новобрачными въ первой парѣ, направился домой. У самаго подъѣзда имъ сунулась подъ ноги какая-то собачонка. Жакъ отшвырнулъ ее ногой; онъ сдѣлалъ это такъ быстро, что этого почти никто и не замѣтилъ.

— О, этотъ вездѣ съумѣетъ прочистить себѣ дорогу!—сказалъ съ хохотомъ одинъ изъ поселянъ.

Крики: „Да здравствуетъ новобрачная!" „Да здравствуетъ депутатъ!"—льстили тщеславію Альвара. Народъ, какъ и всегда, въ его глазахъ былъ не болѣе какъ машиной для производства шумныхъ манифестацій.

Свадебный обѣдъ былъ необыкновенно торжественнымъ и затянулся очень надолго, какъ это принято въ провинціи. Мало-по-малу чопорность и нѣкоторая натянутость смѣнились непринужденнымъ весельемъ. Только Меранъ и майоръ Бардъ оставались попрежнему чуждыми общему оживленію. Меранъ огорчался отъѣздомъ дочери, и къ этому огорченію присоединилось еще неудовольствіе обѣдать въ обществѣ ничего не понимающихъ людей: женщины не знали толка въ винахъ, а мужчины совсѣмъ не умѣли разговаривать. „Каждый порядочный человѣкъ обязанъ разъ въ недѣлю устроивать у себя званый обѣдъ, но гости должны принадлежать къ избранному обществу",—доказывалъ онъ своей сосѣдкѣ за столомъ, почтенной и неглупой дамѣ. Къ избранному обществу онъ причислялъ знатоковъ тонкой ѣды и тонкаго остроумія. Что же касается до майора, то онъ все время повторялъ про себя выученный наизусть тостъ, который собирался сказать въ видѣ экспромпта, но съ ужасомъ убѣждался, что забылъ заключительную фразу и тщетно старался припомнить ее, вытаращивъ самымъ непозволительнымъ образомъ глаза на одного изъ гостей, сидѣвшихъ противъ него. Графиня Феррези не могла забыть, какъ въ ризницѣ Жакъ многозначительно пожалъ ея руку. Въ этомъ она увидала доказательство того, что онъ все еще любилъ ее. Гордость ея была сломлена, и она заранѣе соглашалась дѣлить его съ другою. Люсьенъ Галандъ сидѣлъ рядомъ съ Жанной Меранъ. Прислушиваясь къ ея оживленной болтовнѣ, онъ находилъ ее забавной и милой. „Я какъ-то никогда не замѣчалъ этой дѣвушки",—подумалъ онъ. Но онъ и теперь не разсмотрѣлъ, съ какимъ простодушіемъ и съ какой грустью останавливались на немъ свѣтлые глаза Жанны, и потому мысленно къ своей первой фразѣ прибавилъ уже совсѣмъ несправедливую: „Она будетъ интересна и большая кокетка". Безцеремонное веселье, царившее за столомъ, видимо стѣсняло Анни, но она все-таки улыбалась въ отвѣтъ на довольно плоскія шутки своего мужа. Она чувствовала усталость, и ей казалось, что ея счастье тускнѣло подъ любопытными взглядами этихъ чужихъ ей людей. Жакъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Онъ считалъ себя уже своимъ въ домѣ Мерановъ, и потому дѣлалъ

безцеремонныя замѣчанія относительно сервировки и прислуги, громко жалуясь на то, что бургундское охладили, вмѣсто того, чтобы подогрѣть.

Послѣ обѣда, когда молодежь принялась за танцы, новобрачные исчезли.

Поѣздъ въ Aix-les-Bains долженъ былъ отойти въ шесть часовъ.

Пріѣхавъ въ Aix-les-Bains и устроившись въ отелѣ, Жакъ повелъ свою жену обѣдать въ казино. Они сѣли на террасѣ, откуда былъ виденъ паркъ, въ которомъ уже сгущались сумерки. Вдали виднѣлись горы, еще освѣщенныя отблескомъ заходившаго солнца.

Вдоль деревьевъ, окружавшихъ небольшое озеро, были развѣшаны гирлянды венеціанскихъ фонариковъ. Когда ихъ зажгли, длинныя свѣтящіяся разноцвѣтныя ленты прорѣзали темноту и отразились въ неподвижной водѣ.

Еще не совсѣмъ стемнѣло и звѣзды едва замѣтно загорались на небѣ,—только одна Венера блестѣла уже ярко. Это былъ одинъ изъ тѣхъ чудныхъ теплыхъ сентябрьскихъ вечеровъ, въ которые какъ будто возвращается вся прелесть лѣта, а послѣдніе цвѣты благоухаютъ еще сильнѣе, страшась приближенія холодной осени.

Маленькія лампочки подъ зелеными и розовыми абажурами освѣщали разставленные на террасѣ столы, придавая имъ особенно нарядный видъ.

Анни и ея мужъ заняли одинъ изъ лучшихъ столовъ у самой балюстрады, рядомъ со столомъ, который каждый вечеръ оставляли для греческаго принца. Вокругъ нихъ стоялъ неясный, характерный для казино шумъ. Легкій морской вѣтерокъ доносилъ до нихъ отдаленные звуки какой-то веселой музыки, по временамъ совершенно заглушаемые голосами обѣдавшихъ и стукомъ посуды.

Отъ яркаго свѣта лампъ колебались пятна тѣней на лицахъ, то подчеркивая, то смягчая характерныя черты, придавая имъ самое разнообразное выраженіе и дѣлая ихъ то правильными, то неправильными, то веселыми, то дерзкими. Бѣлыя скатерти, блѣдные цвѣты на столахъ, розовая гвоздика, камеліи, свѣтлые туалеты и накрахмаленные пластроны выступали особенно рѣзко при этомъ освѣщеніи.

Женщины въ яркихъ платьяхъ, съ вызывающими манерами, и мужчины съ дѣловымъ, безпокойнымъ видомъ, свойственнымъ игрокамъ или прожигателямъ жизни, почти безпрерывно подни-

мались и спускались по витой лѣстницѣ, огибавшей террасу. Вся эта безпокойная жизнь производила впечатлѣніе скользящихъ яркихъ пятенъ на темномъ фонѣ.

Это зрѣлище очень недолго занимало Анни; скоро въ уголкахъ ея губъ показалось знакомое грустное выраженіе. „Въ нашей комнатѣ было бы гораздо лучше. Мы были бы тамъ вдвоемъ", — подумала она, но ничего не сказала, такъ какъ всегда боялась сдѣлать хоть что-нибудь непріятное своему мужу. Кромѣ того, она думала, что Жакъ привелъ ее сюда, желая доставить ей этимъ удовольствіе и дать ей случай воспользоваться свободой замужней женщины. Эти мысли, которыя она ему приписала, нѣсколько утѣшили ее, и она вполнѣ искренно и почти весело улыбнулась мужу.

Жакъ былъ очень милъ и въ прекраснѣйшемъ настроеніи духа. Только голосъ его раздавался ужъ черезчуръ громко, точно онъ хотѣлъ, чтобы всѣ его слушали. И, дѣйствительно, съ сосѣднихъ столовъ всѣ смотрѣли на него. Женщины, видимо, любовались его красивой осанкой, острымъ взглядомъ и бѣлокурой бородой; а онъ, казалось, для нихъ именно и предназначалъ свои красивыя фразы. Онъ сѣлъ такъ, что вся его фигура была освѣщена, а нѣжное лицо Анни совершенно исчезало въ полумракѣ. Она все время чувствовала, что на нихъ смотрятъ; это сильно смущало ее, и она опустила глаза на стоявшую передъ нею тарелку съ земляникой. Она поняла, что и теперь ея мужъ принадлежалъ не ей одной. „Ея мужъ"—въ этихъ словахъ была для нея какая-то таинственная прелесть; она не могла произнести этихъ словъ, чтобы не повторить ихъ нѣсколько разъ съ глубокою радостью. Эти слова точно ласкали ея безмолвныя губы. И она подняла голову, чтобы посмотрѣть еще разъ на „своего мужа"; но такъ какъ и теперь всѣ продолжали любоваться имъ,—она почувствовала, что уже не можетъ восхищаться имъ, какъ прежде.

— Не хочешь ли пойти въ паркъ?—предложилъ онъ ей за дессертомъ.

— Очень хочу, — отвѣтила она. — Вечеръ такой чудесный!

Она взяла его подъ-руку, и они спустились къ „Виллѣ цвѣтовъ". Ее поразила скука, царившая въ этой блестящей толпѣ, несмотря на веселую обстановку.

Они медленно прошли по игорной залѣ, куда уже начинали собираться игроки.

Жакъ, не переставая разговаривать съ женой, положилъ на зеленое сукно два луидора, выигралъ на нихъ еще два и,

забравъ всѣ четыре, пошелъ дальше, соображая, что вечеръ ему окупился. Анни ничего даже и не замѣтила. Въ эту минуту она чувствовала невольное отвращеніе ко всѣмъ этимъ накрашеннымъ женщинамъ, которыя ее толкали, проходя мимо.

Въ этотъ вечеръ давали концертъ. Оркестръ исполнялъ увертюру изъ „Тристана и Изольды". Въ дрожащихъ звукахъ скрипки слышались перерывы неудержимаго желанія. Это была чудная жгучая пѣсня, вся проникнутая чувственными мученіями любви. И тревожная нѣга ночи, сливаясь съ тоской желанія, выраженнаго въ звукахъ, дѣйствовала на нервы, какъ удушливый запахъ туберозы.

Анни была совершенно подавлена. Она прижала руку къ груди. Въ ней просыпалось предчувствіе чего-то неизвѣданнаго, томительнаго и жгучаго, какъ эти звуки и вся эта ночь. Но въ ней не было страха,—любовь и невинность оберегали ее. Жакъ видѣлъ, какъ опьяняла ее музыка, но не понималъ, какъ можно до такой степени поддаваться своимъ впечатлѣніямъ. Ему было непріятно, что въ такой день Анни могла наслаждаться искусствомъ, а не была занята исключительно имъ однимъ.

„Она очень свѣженькая и удивительно бѣла, но положительно не въ моемъ вкусѣ",—подумалъ онъ.

Они направились въ паркъ. Онъ держалъ въ своей рукѣ ея нѣжную руку, и пальцы ихъ переплетались.

— Любишь ли ты меня, Анни? — тихо спросилъ онъ, наклонившись къ ней.

— О, я такъ тебя люблю!—прошептала она и, совершенно обезсиленная отъ наплыва безграничной нѣжности, склонилась головой на его плечо.

Они медленно шли по лужайкѣ и углубились въ темную аллею. Ея глаза закрылись подъ его поцѣлуемъ. Когда она сдѣлала усиліе и открыла ихъ, то увидѣла, что они были окружены гуляющими. И опять ей стало больно и обидно.

Они вернулись къ себѣ и подошли къ открытому окну. Вдали неясными очертаніями рисовались горы. Что-то грустное и притягательное было для Анни въ робкомъ мерцаніи безчисленныхъ звѣздъ. Высоко въ воздухѣ изъ казино взлетали ракеты, отливавшія то краснымъ, то зеленымъ, то голубымъ. Жакъ, не спускавшій съ нихъ глазъ, обратилъ вниманіе жены на то, какъ красиво отражались разноцвѣтные огни въ озерѣ.

„Мы любимъ другъ друга, — думала Анни.—Я его жена, и все мое существо принадлежитъ ему одному. Мы неразрывно связаны до самой смерти. Она одна разлучитъ насъ, но и тамъ,

за гробомъ, наши души соединятся еще тѣснѣе для вѣчнаго блаженства. Мы будемъ любить другъ друга всегда, всегда..."

А Жакъ въ это время соображалъ, что ему придется потерять нѣсколько недѣль совершенно безполезно. Ему вспоминались утонченныя ласки опытной Леоноры, а его жена, этотъ милый и довѣрчивый ребенокъ, не была способна возбудить въ немъ сильнаго желанія. Онъ не испытывалъ ни малѣйшаго трепета передъ ея невинностью и чистотой. Его душа оставалась всегда холодной и равнодушной во время самыхъ пылкихъ ласкъ. Въ этотъ упоительный и полный глубокаго значенія часъ онъ не видѣлъ чуда, совершаемаго любовью въ робкой, застѣнчивой дѣвушкѣ, которая такъ довѣрчиво и безсознательно готова была ему отдаться. До нихъ доносилась отдаленная музыка, жгучая и страстная, а теплый ночной вѣтерокъ возбуждалъ ихъ своимъ чуть слышнымъ трепетнымъ прикосновеніемъ.

„Ну, что же, насталъ часъ любви, будемъ любить..."—подумалъ Жакъ.

Но Анни все еще продолжала любоваться красотой ночи.

Тогда онъ приблизилъ свое лицо къ ея лицу.

— Анни, дай мнѣ поцѣловать тебя!—сказалъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, крѣпко прижалъ ее къ себѣ. Его поцѣлуй скользнулъ по ея щекѣ и обжегъ ея губы. Онъ почувствовалъ, какъ она вся затрепетала, испуганная этимъ новымъ, еще неизвѣданнымъ ею ощущеніемъ.

Онъ не видѣлъ ея взгляда. Въ этомъ взглядѣ выразилась безконечная тоска, ужасъ дѣвственной чистоты, побѣжденной и старающейся укрыться въ темномъ ночномъ сумракѣ. Она предчувствовала, что ничто въ ея дальнѣйшей жизни не замѣнитъ ей радости ожиданія, что именно во время ласкъ особенно сильно будетъ мучить ее душевный разладъ и глубокое, непреодолимое одиночество...

Когда начался балъ, — Люсьенъ Галандъ поднялся, чтобы отправиться домой. Въ это время къ нему подошла графиня Феррези.

— Вы, кажется, не танцуете?—спросила она.—Я все время слѣдила за вами. Какой у васъ печальный и сосредоточенный видъ! О чемъ это вы думали?

— Мнѣ почему-то вспомнились стихи Данте, то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о Беатриче: „Отъ одного ея взгляда затихаетъ всякое страданіе".

— Но я здѣсь никого не вижу, къ кому это было бы при-

мѣнимо,—проговорила графиня, и оба они въ это время думали о глазахъ Анни.

— Пойдемте вальсировать!—предложила она.

Люсьенъ согласился, и они стали танцовать. Онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ запахъ ириса, которымъ она душилась, смѣшанный съ удушливымъ ароматомъ туберозъ, украшавшихъ ея корсажъ. Онъ любовался ея лицомъ, разгорѣвшимся отъ вальса, и черными, какъ вороново крыло, волосами. Его душа устала, но онъ былъ возбужденъ физически, и его потянуло къ ней.

Ей захотѣлось отдохнуть, но она попросила его остаться около нея.

— Развѣ вы не видите, что я готова разрыдаться? Я двигаюсь точно во снѣ и невыносимо мучусь,—сказала она ему.

Чисто женское желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими страданіями заставляло ее искать общества человѣка, который зналъ тяжелую тайну ея любви. Но въ этотъ вечеръ у Люсьена не находилось для нея словъ утѣшенія,—онъ хотѣлъ остаться одинъ, и потому поспѣшилъ проститься съ нею.

Послѣ ухода Люсьена, графиня пробовала развлечься съ молодыми людьми, но ей не удалось ни на одну минуту заглушить терзавшую ее мучительную ревность. Она мысленно слѣдила за Анни и Жакомъ, и когда въ полночь ея мужъ повезъ ее въ Таллуаръ, она ненавидѣла соперницу всѣми силами своей души. До этой минуты она и не подозрѣвала, что способна на такую глубокую ненависть, и никогда еще такъ ясно не сознавала всей низменности чувства, дѣлавшаго ее рабою Жака.

Люсьенъ Галандъ шелъ по дорогѣ въ Авюлли и мысленно повторялъ особенно сильно поразившую его фразу несчастной графини: „Я двигаюсь какъ во снѣ“.

Эти слова онъ примѣнялъ и къ себѣ. Мучительное состояніе, въ которомъ онъ находился, заставило его, наконецъ, догадаться, что онъ любитъ Анни.

Смеркалось, когда онъ дошелъ до дома. Онъ прошелъ въ будуаръ своей матери и остановился у окна, облокотившись на подоконникъ. Онъ не велѣлъ зажигать огня. Теперь онъ уже не боролся со своею скорбью, и то, что̀ онъ испытывалъ, было глубокимъ страданіемъ вполнѣ взрослаго человѣка, а не мимолетнымъ огорченіемъ юноши, какъ бывало до сихъ поръ. Онъ серьезно задумался надъ своей жизнью, и всѣ его прошлыя связи, всѣ покинутыя имъ любовницы, всѣ давно минувшія печали, все это казалось ему теперь такимъ пустымъ и ничтожнымъ.

Онъ окончательно увѣрился, что его долгое, безцѣльное и праздное пребываніе въ Парижѣ лишило его настоящаго счастья.

— Я обязанъ былъ жить здѣсь. Здѣсь всѣ бы меня любили и уважали за то добро, которое вѣками дѣлали для этого края мои предки. Анни ждала, но Жакъ предупредилъ меня, и она отдала ему свое сердце, жаждавшее ласки, потому что онъ первый взглянулъ на нее влюбленными глазами. И черезъ нѣсколько часовъ она будетъ принадлежать ему всецѣло...

Онъ безъ всякой жалости растравлялъ свои сердечныя раны мучительными и вполнѣ реальными картинами.

„Она была такъ чиста,—думалъ онъ,—что никогда не возбуждала во мнѣ ни тѣни желанія. И теперь мнѣ больше всего жаль ее. Я страдаю не отъ любви, а отъ того, что слишкомъ поздно понялъ, въ чемъ должна была состоять цѣль моей жизни“.

Сознаніе пустоты собственнаго существованія, глубокаго смысла котораго онъ до сихъ поръ не понималъ, соединилось въ немъ съ ревнивой жалостью къ несчастной Анни.

Вдругъ онъ вздрогнулъ отъ внезапно-раздавшагося въ комнатѣ голоса Фавера̀. Старикъ вошелъ къ нему безъ всякаго стѣсненія.

— Ни зги не видать!—Да есть ли здѣсь кто-нибудь?—кричалъ онъ, спотыкаясь.

Въ темнотѣ Люсьенъ не могъ разсмотрѣть, что старикъ едва передвигалъ ноги и постоянно хватался за мебель.

— Что̀ вамъ нужно, Фавера̀?—спросилъ онъ, поворачиваясь въ сторону вошедшаго.

— Что̀ мнѣ нужно?—повторилъ тотъ.—Одни женятся, другіе умираютъ, и такъ идетъ все на свѣтѣ.

„Онъ просто пьянъ“,—рѣшилъ молодой человѣкъ.

— Вы были на свадьбѣ у нашего депутата, а я—на похоронахъ нашего старшины, — говорилъ заплетающимся языкомъ Фавера̀.—Ну, съ горя и пришлось опрокинуть парочку стаканчиковъ. Понимаете?

— Вполнѣ понимаю. Покойникъ, вѣроятно, былъ очень хорошій человѣкъ?

— Это нашъ старшина-то? Да это самый большой дуракъ въ цѣлой общинѣ.

Люсьенъ невольно улыбнулся.

— Вы понимаете, — продолжалъ Фавера̀, заминаясь и безпрестанно повторяя одни и тѣ же слова,—его и выбрали-то для того собственно, чтобы все по-своему дѣлать... Ну, всякій и дѣлалъ, что̀ ему вздумается... А вотъ на похоронахъ мы порѣ-

шили выбрать васъ нашимъ старшиной. Чего же еще лучше-то желать? Вы какъ разъ вернулись изъ Парижа, далеко искать не приходится, надо брать то, что̀ подъ рукой. Вашъ покойникъ-батюшка былъ нашимъ старшиной цѣлыхъ двадцать лѣтъ. Вотъ теперь меня къ вамъ и послали. Ужъ не откажите! Что-жъ, идетъ что-ли?

— А!—вырвалось невольное восклицаніе у Люсьена.—Обо мнѣ подумали, когда явилась необходимость замѣнить самаго большого...

Но, чтобы избѣжать всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ, онъ поспѣшилъ прибавить:

— Хорошо, я подумаю объ этомъ, Фавера̀. А теперь оставьте меня въ покоѣ.

Крестьянинъ ушелъ, бормоча:

— Въ такомъ случаѣ покойной ночи, господинъ старшина...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Аннеси!..

Едва поѣздъ остановился, какъ Люсьенъ Галандъ ловко спрыгнулъ на платформу. Съ пледо́мъ въ рукахъ, онъ нетерпѣливо дожидался, когда поѣздъ подойдетъ къ станціи.

— Здравствуйте, Фавера̀, какъ поживаете?—обратился онъ къ старому крестьянину, дожидавшемуся его.—Не правда ли, хорошая погода стоитъ и можно ждать урожая?

— Да, господинъ старшина, земля крѣпнетъ и поправляется отъ жары.

Молодой человѣкъ чувствовалъ себя веселымъ и бодрымъ. Онъ возвращался изъ Парижа, гдѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ 15-го января до первыхъ чиселъ мая. Когда онъ выѣзжалъ изъ города, то шелъ дождь, а въ Савойѣ онъ засталъ яркое солнце. Это солнце только-что вышло изъ густыхъ зимнихъ тумановъ, точно вновь омытое, праздничное и уже горячее. Онъ съ наслажденіемъ грѣлъ свое тѣло, затекшее отъ цѣлой ночи, проведенной въ вагонѣ. Его радовало, что природа такъ весело привѣтствовала его, и онъ торопился домой, къ прежней деревенской жизни. Влѣзая въ телѣжку, онъ вспомнилъ о непріят-

номъ впечатлѣніи, полученномъ при тѣхъ же обстоятельствахъ, годъ тому назадъ.

„Какъ люди легко мѣняются!—подумалъ онъ.—Теперь я даже понимаю, какъ важно и полезно званіе старшины, которымъ меня здѣсь величаютъ".

Телѣжка, нагруженная багажомъ, уже готова была тронуться, какъ вдругъ къ станціи подошелъ, широко шагая, высокій господинъ съ сѣдою бородой и рѣзкими чертами лица.

— Господинъ Галандъ! господинъ Галандъ!—закричалъ онъ, обращаясь къ Люсьену.

— Это вы, господинъ Бренà?

— Дѣло выиграно по всей линіи. Я узналъ отъ вашего арендатора, что вы должны пріѣхать сегодня утромъ. Мнѣ хотѣлось лично передать вамъ радостную новость при вашемъ выходѣ изъ вагона.

— Благодарю васъ. Когда состоялось постановленіе суда?

— Вчера. Это самая свѣжая новость.

— Ну, поздравляю васъ. Ментонская община будетъ обязана своимъ водопроводомъ исключительно вамъ. Я возвращаюсь какъ разъ ко времени майскихъ засѣданій. Въ воскресенье мы постановимъ въ совѣтѣ благодарить васъ.

Адвокатъ, отличавшійся прямотою и не особенно любившій похвалы, когда онѣ превышали заслугу, отрицательно покачалъ головою.

— Добрая половина успѣха зависѣла отъ васъ, господинъ Галандъ. Въ вашемъ отчетѣ, послужившемъ основаніемъ для моего доклада и защитительной рѣчи, были очень ясно изложены всѣ обстоятельства дѣла.

Они назначили день, когда могли увидѣться, чтобы прочитать вмѣстѣ благопріятное для нихъ рѣшеніе суда, и старый шарабанъ тронулся въ путь, поскрипывая колесами.

— Значитъ, общинная тяжба покончена?—спросилъ Фаверà.

— Повидимому. Я сомнѣваюсь, чтобы противная партія стала апеллировать.

— Это хорошо, многіе порадуются, — заключилъ старый арендаторъ, съ своей обычной простотою, но, подумавъ немного, выразилъ свое недовѣріе къ суду:

— Прокурорамъ приходится много денегъ платить. Кто выиграетъ тяжбу, тотъ въ одной рубахѣ уходитъ, а кто проиграетъ, тотъ и голышомъ пойдетъ.

Сквозь вѣтви платановъ Люсьенъ любовался на свое озеро и на свои горы, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій утренній воздухъ.

— Какая чудная погода!—замѣтилъ онъ:—и для земли она хороша, и для людей.

Но такъ какъ арендаторъ мрачно молчалъ, то Люсьенъ обратилъ наконецъ вниманіе на его осунувшееся лицо.

— Мой добрый Фаверà, у васъ такой грустный видъ, какъ будто бы вы возвращаетесь съ похоронъ,—сказалъ онъ ему.

— Нѣтъ, господинъ старшина, на похороны-то я только еще собираюсь.

— У васъ умеръ кто-нибудь?

— Да вотъ старуха помираетъ. Со вчерашняго дня ужъ и не встаетъ. А у насъ, извѣстно, коли ужъ не встаетъ человѣкъ,—значитъ, только и осталось ему, что помирать.

— А что̀ же у нея болитъ?

— Да ничего. Такъ, просто, захирѣла и ослабла. Вѣдь она работала за мужчину; десятерыхъ дѣтей вскормила, не считая васъ. Конецъ ея пришелъ.

— Докторъ былъ?

— А что̀ ему дѣлать? Мы сами, и безъ докторовъ, помираемъ.

— Бѣдная Жюльена!

Они замолчали. Старикъ примирялся съ этой смертью, какъ съ естественнымъ явленіемъ. Проработавъ цѣлую жизнь и, такимъ образомъ, исполнивъ свое назначеніе, люди умирали. И ему скоро предстояло умереть, такъ же быстро и просто. Послѣ смерти старухи, помогавшей ему всю жизнь, собственная кончина представлялась ему еще болѣе легкой. Во всю остальную дорогу они молчали. Наконецъ, въѣхали въ ворота, и повозка остановилась во дворѣ.

— Пойдемъ къ Жюльенѣ,—сказалъ молодой человѣкъ.

Но Фаверà не торопился.

— Грязно у насъ,—проговорилъ онъ наконецъ.—Дочери замужъ повыходили, а младшая съ придурью и только за скотиной ходитъ. Когда старуха была на ногахъ, все хорошо было. А теперь все прахомъ пошло.

Они вошли въ избу. Большая комната, служившая вмѣстѣ кухней, столовой и спальной, была вымыта и тщательно прибрана. Въ котелкѣ, поставленномъ на плиту, кипятилась вода. На подоконникѣ, между горшкомъ герани и дамской шляпой съ бѣлыми перьями, стояла курица, глядя въ комнату и то-и-дѣло вытягивая голову, чтобы выбрать поудобнѣе мѣсто, куда спрыгнуть. Въ глубинѣ, возлѣ кровати съ пологомъ, стояла молодая дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ, безъ шляпы. Она держала ложку съ лекарствомъ, такъ что изъ-за нея почти нельзя было разгля-

дѣть больную. Услыхавъ стукъ отворяемой двери, она обернулась и, замѣтивъ молодого человѣка, вспыхнула до ушей. Люсьенъ, какъ только вошелъ, сразу узналъ въ молодой дѣвушкѣ Жанну Меранъ, по особенному рыжеватому цвѣту ея волосъ.

— Ахъ, это вы, господинъ Галандъ!—проговорила она.

Въ своемъ смущеніи она была очаровательна.

Онъ поклонился ей и подошелъ къ своей кормилицѣ.

— Какъ же это, моя бѣдная Жюльена, ты заболѣла какъ разъ къ моему пріѣзду!—сказалъ онъ.—Ты должна скорѣй выздоравливать и готовить мнѣ самыя вкусныя яичницы.

— Господинъ Люсьенъ!—выговорила старушка.

Она произнесла эта два слова сдавленнымъ голосомъ, съ большимъ усиліемъ, и повернула къ нему голову. Съ помощью Жанны онъ приподнялъ ее немного и прислонилъ къ подушкѣ. Старушка поблагодарила ихъ.

— Ну, вотъ! Теперь мнѣ легче.

На ея исхудавшемъ лицѣ остались только кости да кожа. Все лицо сдѣлалось точно восковое, и только на щекахъ горѣли два маленькихъ красныхъ пятнышка. Ея высохшую шею перерѣзывала глубокая морщина. Правая рука ея, сухая и узловатая, какъ мертвый сукъ дерева, была вытянута вдоль тѣла, но въ глазахъ еще сохранялось выраженіе неземного спокойствія. Въ этихъ ясныхъ глазахъ отразилась долгая трудовая жизнь, освѣщавшаяся свѣтомъ глубокой вѣры.

Она уже чувствовала прикосновеніе смерти, но смерть не пугала ее.

— Вотъ, я скоро встрѣчусь съ вашей матушкой, господинъ Люсьенъ,—тихо сказала она.

Онъ вспомнилъ, что она закрыла глаза его матери, и взялъ ея уже похолодѣвшую руку.

— Не захочешь же ты насъ покинуть,—сказалъ онъ.—Я просто не позволяю тебѣ этого.

Она сморщила лицо, стараясь улыбнуться.

— Господь, по благости Своей, призываетъ меня къ Себѣ,—сказала она.—Жаль, вотъ, только старика оставлять да меньшую дочку,—она вѣдь у насъ дурочка. Жить труднѣе, чѣмъ умереть.

Жанна, отошедшая въ сторону во время этого разговора, снова подошла къ кровати.

— Вы попадете прямо въ рай, моя милая Жюльена,—сказала она.

— Слава Тебѣ, Господи! А то куда же еще?—и глаза старушки при этихъ словахъ заблестѣли кротко и довѣрчиво.

Она взглянула на деревянное распятіе, висѣвшее на стѣнѣ и украшенное букетикомъ букса, и снова постаралась улыбнуться. Во дни своей молодости она обладала большимъ юморомъ. Эта черта сказалась въ ней и теперь:

— Знаете, что̀ я выпрошу для себя у Господа Бога на томъ свѣтѣ?—прошептала она.—Мягкое кресло, чтобы отдохнуть хорошенько. Мнѣ вѣдь никогда не приходилось какъ слѣдуетъ посидѣть.

Разговоръ утомилъ ее, и она замолчала.

Она сдѣлала все, отъ нея зависѣвшее, чтобы быть любезной съ гостями. Замѣтивъ, что Жанна плакала, она сказала Люсьену:

— Видите, за мною барышни ухаживаютъ. Молоденькія-то всегда добрыя бываютъ, словно ангелы.

Жанна поцѣловала ее. Больная приняла молча этотъ поцѣлуй и закрыла глаза. Вскорѣ она заснула тяжелымъ сномъ. Дурочка вошла въ комнату и молча усѣлась возлѣ кровати. Подъ закопченнымъ навѣсомъ плиты Фавера̀ рѣзалъ картофель, и казался по виду совершенно равнодушнымъ.

Галандъ и Жанна вышли вмѣстѣ.

— Какъ вы думаете, выживетъ она?—спросилъ Люсьенъ.

— Нѣтъ. Она совсѣмъ ослабѣла и ничего не ѣстъ. Я даю ей чаю съ ромомъ, чтобы немножко поддержать ее. Вчера ее причастили. Боюсь, что она не доживетъ до утра.

Она направилась къ воротамъ, и Люсьенъ послѣдовалъ за нею.

— Эти люди,—сказалъ онъ,—учатъ насъ, какъ надо умирать.

— Ахъ, а я ужасно боюсь смерти!—сказала молодая дѣвушка.—Я хотѣла бы дожить до глубокой старости и совсѣмъ выжить изъ ума, чтобы умереть незамѣтно для самой себя.

Она уже смѣялась, такъ какъ, благодаря своей молодости, была не въ состояніи долго оставаться подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ. Онъ посмотрѣлъ на нее, удивляясь, какая она стала хорошенькая. На ней было розовое батистовое платье, заложенное на таліи въ складку. Воротникъ изъ широкой прошивки оставлялъ открытыми гибкую шею и затылокъ, сверкавшій бѣлизной. Она такъ и не надѣла шляпы, и ея рыжеватые волосы, завивавшіеся надъ лбомъ и на вискахъ, образовали блестящій ореолъ вокругъ ея лица. Она была выше и крѣпче Анни и въ ней не было хрупкой граціи, отличавшей ея сестру. Она скорѣе плѣняла своею искренностью и простотою.

Они подошли къ саду.

— Розы распустились,—сказалъ онъ.—Это первыя. Я нарву ихъ вамъ.

— Хорошо, мы ихъ поставимъ въ комнату больной.

Срѣзая цвѣты, онъ сталъ разспрашивать ее о ея родителяхъ и сестрѣ.

— Анни скоро пріѣдетъ,—отвѣчала молодая дѣвушка.—Мы ее ждемъ. Она насъ очень безпокоитъ: такъ исхудала и кашляетъ. Докторъ предписалъ ей перемѣну воздуха.

— А мужъ ея съ нею?

— О! Жакъ слишкомъ занятъ. Онъ произноситъ рѣчи въ палатѣ, пишетъ въ газетахъ, принимаетъ разныхъ знаменитостей. Мнѣ случалось видѣть ихъ у него. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго. Вы знаете, я была въ Парижѣ этой зимой.

Она очень гордилась этимъ обстоятельствомъ.

— Я была съ мамой,—продолжала она.—Мы пробыли тамъ цѣлую недѣлю.

— Значитъ, у г-жи Альваръ большіе пріемы?

— Она, бѣдняжка, не очень-то рада имъ! Это все мужъ навязываетъ ей цѣлую кучу разныхъ политическихъ дѣятелей. Цѣлый звѣринецъ. За столомъ они спорятъ, не обращая никакого вниманія на женщинъ. Послѣ обѣда всѣ исчезаютъ въ курильную комнату, а когда возвращаются оттуда, то отъ нихъ пахнетъ табакомъ и ликерами; они всѣ красные и глаза у нихъ блестятъ. Я просто ихъ не выношу. Ну, ужъ и дѣлалъ же мнѣ Жакъ злые глаза!—а бѣдная Анни не знала, куда дѣваться.

— Съ кѣмъ же вы обѣдали?—спросилъ Люсьенъ, котораго забавляла болтовня Жанны.—Можетъ быть, я знаю кого-нибудь изъ нихъ.

— Я ужъ теперь не помню именъ. Постойте, одинъ былъ сенаторъ, маленькій, высохшій старичокъ съ лукавыми глазками. Онъ уѣхалъ первый,—и какъ его стали всѣ отдѣлывать, еслибы вы только слышали! Говорили, что онъ фальшивъ, какъ жетонъ, и отличается умѣньемъ устраивать всевозможныя западни и ловушки. Это былъ ни болѣе, ни менѣе какъ министръ въ отставкѣ.

— Это навѣрное Миллярденъ.

— Да, именно. Потомъ было двое очень извѣстныхъ депутатовъ, Фельтанъ и Гертефоръ. Ихъ имена встрѣчаются въ „Нувеллистѣ", въ отчетахъ о самыхъ бурныхъ засѣданіяхъ, гдѣ даже дерутся. Первый изъ нихъ не отличается изяществомъ. У меня невольно явилось подозрѣніе, что онъ никогда не стрижется. Отъ него такъ и вѣетъ провинціей, а онъ хочетъ казаться бульвардистомъ. Своимъ грубымъ голосомъ съ южнымъ акцентомъ выкрикиваетъ онъ остроты, которыя ему кажутся очень легкими, но которыя въ дѣйствительности вѣсятъ сто кило.

— Ну, а другой?

— Другой,—повторила она и сморщила лицо съ выраженіемъ отвращенія,—онъ мнѣ всѣхъ больше ненравится. Хорошъ, нечего сказать, и съ какимъ шикомъ говоритъ! А самъ надъ всѣмъ смѣется и точно обшариваетъ васъ глазами. Онъ усѣлся рядомъ со мной въ гостиной и началъ дѣлать мнѣ комплименты. Мнѣ такъ хотѣлось уйти!

— Берегитесь: этотъ человѣкъ пользуется большимъ успѣхомъ у женщинъ.

— Ну, ужъ меня-то онъ не могъ бы плѣнить. Кромѣ этихъ, было еще нѣсколько незначительныхъ депутатовъ, добрыхъ толстяковъ, смотрѣвшихъ на Жака разинувъ рты отъ восхищенія.

— Однако, я всегда думалъ, что вашъ зять ухаживаетъ за радикалами.

— Вы знаете, я въ этомъ ничего не понимаю. Папа тоже, какъ и вы, говоритъ, что Жакъ хочетъ какъ будто бы улизнуть отъ своей партіи... Это я нехорошо сказала,—не правда ли? Мама увѣряетъ, что онъ обратитъ своихъ противниковъ на путь истинный. Я нашла, что во всѣхъ этихъ господахъ чувствовалось что-то фальшивое, и на зло имъ рѣшила ни въ чемъ съ ними не соглашаться.

— Да, мы часто приносимъ наши убѣжденія въ жертву нашимъ антипатіямъ.

— За обѣдомъ стали говорить о Вальянѣ, который, за недѣлю передъ тѣмъ, хотѣлъ взорвать зданіе палаты. Можно было ожидать, что у нихъ сдѣлается ударъ,—такъ они всѣ кричали: „Онъ заслуживаетъ казни"!.. Тогда я имъ сказала: „Да, за свою неловкость". Всѣ сдѣлали видъ, что нашли это очень остроумнымъ, однако смѣялись весьма желчно. Я была очень довольна.

— Вы молодецъ!—засмѣялся Люсьенъ.

Она посмотрѣла по направленію къ воротамъ.

— Моя прислуга что-то не идетъ. Она должна была придти за мною и принести стараго вина для Жюльены. Бѣдная старушка, она уже не въ состояніи его пить.

— Не хотите ли вы, въ ожиданіи ея, обойти мои владѣнія, или, можетъ быть, зайдете посидѣть у меня въ гостиной?

— Нѣтъ, нѣтъ,—быстро проговорила она, и въ ея ясныхъ глазахъ появилось встревоженное выраженіе.—Погуляемъ лучше по каштановой аллеѣ.

Въ рукахъ она держала розы, которыя онъ ей далъ, и держала очень осторожно, чтобъ не уколоться шипами.

Онъ окинулъ ее взглядомъ и залюбовался ея гордой походкой и свѣжимъ личикомъ.

„Точно олицетвореніе весны“,—подумалъ онъ.

— Здѣсь ни у кого нѣтъ такихъ хорошихъ деревьевъ, какъ у васъ, господинъ Галандъ,—сказала она.

— Да, это все старики. Мнѣ такъ пріятно опять увидать ихъ. Я немножко забылъ о нихъ.

— Нечего сказать, „немножко“! Совсѣмъ забыли. Вѣроятно вамъ очень весело было въ Парижѣ, что вы за десять лѣтъ ни разу сюда не пріѣхали? А я, мнѣ кажется, не могла бы жить въ Парижѣ круглый годъ. Слишкомъ тамъ много народа и всѣ куда-то спѣшатъ. Здѣсь такъ тихо живется.

— Вы очень любите деревню?

— Да, но не слишкомъ. Иногда въ ней скучно бываетъ. Когда я была маленькая, я никогда не скучала. Когда мы уѣзжали на зиму изъ Ментона въ Аннеси,—я плакала и цѣловала на прощанье всѣ двери. Мнѣ казалось всегда, что старый тополь передъ домомъ грустно такъ кивалъ мнѣ головой и прощался со мной,—а это вѣтеръ колыхалъ его вѣтви.

Они дошли до конца тѣнистой аллеи.

— А! „Лѣсокъ влюбленныхъ“!—проговорила она, указывая на группу сосенъ и розовыхъ кустовъ.

— Бѣдные влюбленные не приходятъ сюда больше,—прибавила она, смѣясь,—съ тѣхъ поръ, какъ вы насажали эти желѣзныя колючки.

— Это не я сдѣлалъ, а мой управляющій. Я уже отправилъ его.

— Нужно было наложить ему въ карманы всю эту проволоку.

Они повернули назадъ, и Люсьенъ не особенно ловко завелъ опять разговоръ объ Анни и объ ея здоровьѣ.

— Она стала очень малокровна,—сказала Жанна.—Воздухъ родины подкрѣпитъ ее.

Они замолчали. Каждый думалъ объ одномъ и томъ же, объ отсутствовавшей Анни. Жанна вспоминала, какъ Жакъ презрительно обращался съ женою: едва представлялъ ей своихъ гостей; когда она заговаривала, то останавливалъ ее насмѣшливымъ взглядомъ, отъ котораго она вся вспыхивала, и дѣлалъ все это очень просто, какъ будто что-то вполнѣ естественное. Ей представлялась ея сестра, какою она ее видѣла въ послѣдній разъ,—блѣдною, утомленною, съ темными кругами вокругъ глазъ и съ голубыми жилками, просвѣчивавшими сквозь кожу на исхудавшихъ

рукахъ. А Люсьенъ въ это время думалъ о томъ, какъ Анни могла бы украсить его жизнь.

Послѣ продолжительнаго молчанія Жанна спросила:

— Почему вы не были у нея въ Парижѣ? Это не хорошо.

— Да, я сознаю. Но въ политическихъ дѣятеляхъ для меня есть что-то отталкивающее.

По его быстрому отвѣту она поняла, что и онъ все время думалъ объ Анни, и у нихъ снова наступило молчаніе. Жанна глядѣла въ землю, но даже не замѣчала игры солнечныхъ лучей, падавшихъ сквозь листву на песокъ дорожки. Она поднесла къ лицу букетъ розъ и даже закрыла имъ глаза, какъ будто хотѣла стереть цвѣточными лепестками навернувшіяся слезы.

Они опять подошли къ воротамъ.

— Вотъ и Катерина,—сказала молодая дѣвушка, замѣтивъ свою горничную.

— Я скоро опять навѣщу Жюльену. А теперь прощайте!— и она граціозно наклонила голову.

Онъ прослѣдилъ за нею глазами, пока она не скрылась за поворотомъ дороги, и тогда только пошелъ домой. Онъ испыталъ настоящее удовольствіе, когда отворилъ ставни и началъ устраиваться у себя.

Послѣ завтрака онъ прошелъ къ арендатору. Жюльена, съ четками въ высохшихъ рукахъ, шевелила губами, но словъ уже не было слышно, а глаза ея сдѣлались стеклянными и были полны какой-то глубокой тайны. Дурочка сидѣла въ ногахъ кровати и глядѣла, ничего не понимая. Ей велѣли тамъ сидѣть,— она и сидѣла. Остальные члены семьи работали, какъ обыкновенно. Погода стояла хорошая и работа была спѣшная. Курица перескочила со стола на кровать больной. Люсьенъ прогналъ ее. Отъ луча солнца, пересѣкавшаго комнату, колебался золотистый столбъ пыли и слышно было, какъ однообразно жужжали мухи. На порогѣ появился Фаверà.

— Это конецъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку.

Онъ собрался провожать Люсьена, чтобы показать ему разныя работы, производившіяся въ имѣніи, но тотъ не согласился.

— Нѣтъ, только не вы. Оставайтесь съ вашей женою.

— Ну, ужъ она теперь не нуждается больше въ компаніи,— проговорилъ старикъ; а когда баринъ ушелъ въ сопровожденіи рабочаго, то онъ отыскалъ въ своемъ сараѣ нѣсколько досокъ и началъ ихъ распиливать. Но среди работы онъ долженъ былъ остановиться. Что-то застилало ему глаза и рука дрожала. Онъ

мастерилъ гробъ для своей бѣдной старухи. Люсьенъ вернулся домой уже къ ночи.

Жюльена умерла часъ тому назадъ, вмѣстѣ съ вечерней зарей. Ея увядшее лицо сохраняло выраженіе торжественности и кроткой серьезности. Видно было, что смерть была для нея „вѣчнымъ покоемъ". Въ ея сложенныхъ на груди рукахъ такъ и остались четки.

Жанны Меранъ не было, но видно было, что она приходила. Объ этомъ можно было догадаться по тому, какъ прибрана была комната. На маленькомъ столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, была поставлена грубо сдѣланная гипсовая Мадонна съ отбитой рукой. Передъ статуэткой ярко выдѣлялся большой букетъ розъ и вѣтка букса въ стаканѣ съ освященной водой. Въ тѣни, возлѣ плиты, двѣ старухи-сосѣдки варили супъ, бормоча въ полголоса молитвы.

Дурочка молча слѣдила за ними глазами. Люсьенъ взялъ вѣтку букса и, по обычаю, крестообразно окропилъ ею покойницу. Онъ крѣпко пожалъ руку Фаверà, поднявшагося къ нему на встрѣчу.

— Мой бѣдный другъ,—сказалъ онъ,—она была настоящей праведницей, и душа ея теперь въ раю. Я всю ночь останусь при ней вмѣстѣ съ вами.

— Нѣтъ,—возразилъ старикъ:—вы вѣдь издалека пріѣхали.

— Она оставалась при моей матери, когда та умерла. Я отлично помню. Я хочу здѣсь остаться.

Ночь проникала въ комнату, и ея грустная тишина и мракъ еще усиливали впечатлѣніе смерти. На столъ поставили двѣ зажженныя свѣчи. Легкія тѣни забѣгали по лицу умершей, такъ что казалось, будто она двигалась. Дурочка подошла къ кровати и стала звать ее, но, не получая отвѣта, потянула четки, лежавшія въ рукахъ покойницы. Кости слабо хрустнули. Одна изъ сосѣдокъ поспѣшила увести сиротку.

Люсьенъ сходилъ поужинать и вернулся, чтобъ расположиться въ избѣ на ночь. Присутствуя при этой мирной кончинѣ и глядя на ясное выраженіе этого мертваго лица, онъ испытывалъ глубокое душевное спокойствіе. Онъ чувствовалъ, какъ легко умереть, если есть сознаніе, что въ жизни сдѣлалъ все, что могъ.

Розы сильно пахли. Онъ взялъ нѣсколько вѣтокъ, чтобы украсить ими кроватъ покойницы, и замѣтилъ, что это были розы не изъ его сада.

„Мои унесла Жанна Меранъ,—подумалъ онъ,—и вмѣсто нихъ принесла эти".

Вслѣдъ за этою еще другая мысль промелькнула въ его головѣ; но такъ какъ въ немъ не было никакого самомнѣнія, то онъ постарался не останавливаться долго на этой мысли.

Поздно ночью онъ вышелъ на воздухъ, чтобы расправить уставшіе члены. Надъ нимъ кротко сіяли звѣзды; легкій вѣтерокъ ласкалъ его, принося ему свѣжесть и запахъ майскихъ цвѣтовъ и травы. Ему стало почти холодно, и онъ вернулся. Онъ не испытывалъ даже грусти. Смерть не лгала, обѣщая покой, и онъ съ удовольствіемъ думалъ о полезно проведенномъ днѣ и всѣхъ занятіяхъ и работахъ, которыми полна была теперь его жизнь. Это чувство полной удовлетворенности даже удивило его.

„Вѣдь однако же я не жду больше ничего особеннаго ни отъ жизни, ни отъ весны, ни отъ любви, ни отъ всего того, что̀ полно молодости, нѣжности и аромата“...

II.

Меранъ говорилъ съ женой о старшей дочери, пріѣхавшей изъ Парижа съ утреннимъ поѣздомъ. Въ это время Анни одѣвалась къ завтраку, а Жанна помогала ей и болтала безъ умолку.

Меранъ прохаживался взадъ и впередъ по залѣ съ заложенными за спину руками. Его глаза были опущены и онъ имѣлъ очень озабоченный видъ. По временамъ онъ останавливался передъ женой.

— Наша Анни была нѣжнаго сложенія, но это была вполнѣ здоровая дѣвушка,—началъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Теперь она вернулась къ намъ похудѣвшая и поблѣднѣвшая до неузнаваемости. Куда дѣвался ея чудный цвѣтъ лица и нѣжный, такъ красившій ее румянецъ? Она поблекла и поблѣднѣла. Я увѣренъ, что у нея чахотка, но не понимаю, какъ ея собственный мужъ до сихъ поръ не замѣтилъ этого.

Г-жа Меранъ стала защищать зятя.

— Увѣряю тебя, мой другъ, что ты преувеличиваешь. Анни только заплатила дань парижскому климату и у нея нѣтъ ничего серьезнаго. Ей вреденъ разслабляющій сырой столичный воздухъ, и ты увидишь, что черезъ недѣлю наша голубка станетъ неузнаваема. Мы приложимъ къ этому всѣ старанія, а у меня, къ счастію, есть прекрасное средство отъ малокровія. Мнѣ подарила его одна монахиня: это просто желѣзо въ вареньѣ.

Какъ разъ въ эту минуту вошла Анни съ сестрой. На всемъ ея существѣ, на худомъ лицѣ съ выдавшимися скулами и большими печальными, окруженными синевой, глазами, на слишкомъ тонкой шеѣ, на узкихъ плечахъ и на маленькихъ, слабыхъ рукахъ, лежалъ отпечатокъ серьезной болѣзни. Жанна, съ ея цвѣтущимъ лицомъ и бойкимъ видомъ, еще болѣе подчеркивала эти зловѣщіе признаки.

Молодая женщина, казалось, была очень довольна своимъ возвращеніемъ.

— Я побывала въ моей комнатѣ, и мнѣ кажется, что я никогда и не уѣзжала отсюда, и что я опять такая же свободная молодая дѣвушка, какъ и Жанна,—сказала она.

Сѣли за столъ, но завтракъ прошелъ безъ всякаго оживленія, несмотря даже на обычное хорошее расположеніе духа г-жи Меранъ.

— Бѣдная Жюльена умерла,—грустно проговорила Анни.— Мнѣ ее очень жаль. Я такъ привыкла видѣть ее въ Авюлли и у насъ, когда она приходила стирать. Вѣчно она работала и никогда не жаловалась.

Жанна ухватилась за слова сестры, какъ за средство для оживленія разговора, и начала подробно разсказывать, какъ умирала старуха.

— Она была очень спокойна послѣднюю недѣлю передъ смертью,—говорила она.—Я не отходила отъ нея, но не замѣтила, когда именно она умерла. И, вообрази себѣ, Анни,—я едва могла справиться съ двумя сосѣдками, которыя во что бы то ни стало хотѣли ее обмыть и одѣть еще живую. Онѣ увѣряли меня, что „такъ будетъ удобнѣе, пока тѣло еще не остыло“.

Меранъ, большой охотникъ до разнаго рода оригинальныхъ бытовыхъ чертъ, на этотъ разъ ничѣмъ не отозвался на слова Жанны. Онъ, не отрываясь, съ глубокою печалью смотрѣлъ на старшую дочь. Та замѣтила это и спросила:

— Развѣ ты не радъ моему пріѣзду, папà? Чтò съ тобой?

Онъ не могъ дольше сдерживаться:

— Чтò со мной? Я вижу, что ты больна,—вотъ чтò со мной. Объясни ты мнѣ, пожалуйста, почему у тебя такой видъ?

Вмѣсто всякаго отвѣта, она расплакалась.

Г-жа Меранъ, желая успокоить взволнованные нервы своихъ домашнихъ, объявила, что сейчасъ подадутъ рисъ съ шампиньонами, любимое кушанье Анни и ея отца. Но на этотъ разъ они едва прикоснулись къ нему, и завтракъ окончился такъ же печально, какъ и начался.

— Не пойдешь ли ты пройтись со мною по парку,—предложилъ дочери Меранъ, когда всѣ вышли изъ-за стола.—Теперь не особенно жарко, потому что дуетъ свѣжій вѣтерокъ. Я покажу тебѣ кое-какія новыя растенія; а когда ты устанешь, мы сядемъ отдохнуть на скамейку,—помнишь, тамъ въ концѣ сада?

— Конечно пойдемъ,—отвѣтила Анни.—Идемъ, Жанна!

Но Жанна, отлично понявшая, что отцу хочется поговорить наединѣ съ Анни, сдѣлала видъ, что ей лѣнь идти.

Меранъ и его дочь, не торопясь, вышли изъ дома. Анни не надѣла шляпы и захватила съ собою только зонтикъ отъ солнца. Когда они подошли къ озеру, Меранъ взялъ дочь за руку.

— Послушай меня, Анни,—сказалъ онъ:—я вижу, что ты утомлена, но это еще не самое важное,—здѣсь ты, навѣрное, поправишься,—но я не могу видѣть твоихъ грустныхъ глазъ. Скажи мнѣ правду, прошу тебя,—счастлива ли ты? Добръ ли съ тобою Жакъ?

Она уронила на песокъ зонтикъ и разразилась рыданьями. У нея больше не было силъ скрывать тайну, отъ которой она умирала. Ея слезы сами по себѣ уже были признаніемъ.

Взволнованный до глубины души, онъ прижалъ ее къ своей груди. Онъ давалъ ей выплакаться, не смущая ее никакими разспросами. Успокоившись немного, она проговорила наконецъ:

— Да, папà, я очень несчастна.

— Скажи мнѣ, чѣмъ онъ тебя обидѣлъ?—прошепталъ онъ, не выпуская ее изъ своихъ объятій.

Она безнадежно махнула рукой:

— Это слишкомъ долго разсказывать, и, кромѣ того, я не хочу васъ мучить. Достаточно, что я одна страдаю.

— Ты неправа, Анни,—серьезно возразилъ Меранъ.—Ты обязана сказать мнѣ всю правду. Если ты несчастна въ замужествѣ, то ты должна вполнѣ довѣриться мнѣ. Никто другой не хочетъ такъ, какъ я, помочь тебѣ, моя дорогая. Я сдѣлаю все возможное, чтобы вернуть тебѣ потерянное счастье. Развѣ ты сама не видишь, что должна разсказать мнѣ рѣшительно все?

Она спрятала лицо на его груди. Она чувствовала себя растерянной, и эта поддержка ободрила ее. У нея явилось желаніе облегчить свое переполненное сердце, но она уже столько времени прожила наединѣ со своимъ горемъ, что у нея не хватало рѣшимости сразу открыть его. Да и помимо этого, нѣкоторыхъ вещей, слишкомъ интимныхъ, она и не могла разсказать.

Переживая мысленно всѣ выпавшія на ея долю страданія, она наконецъ дошла до ихъ источника. Съ поразительной ясностью

она припоминала день свадьбы, день, нанесшій первый ударъ ея загубленной любви. Въ этотъ вечеръ она, невинная и чистая, вся отдалась ему, увлекаемая своей любовью, но онъ не повѣрилъ ни ея чистотѣ, ни ея невѣдѣнію. Теперь для нея это было ясно. Сколько разъ, съ тѣхъ поръ, ей приходилось видѣть его недовѣрчивую улыбку каждый разъ, когда заходилъ разговоръ о молодыхъ дѣвушкахъ. „Знаю я,—обыкновенно говорилъ онъ,—онѣ всѣ испорчены"... Послѣ этой печальной ночи онъ всегда руководствовался исключительно своимъ желаніемъ. Онъ смотрѣлъ на нее какъ на рабыню, созданную для удовольствія своего господина, и при этомъ „господина" очень занятаго, которому дорога каждая минута. Онъ никогда не старался скрасить ихъ отношенія нѣжностью, придающей цѣну всякой ничтожной ласкѣ. Встрѣтивъ какъ-то случайно одного изъ своихъ женатыхъ товарищей, онъ довольно прозрачно намекалъ тому на полное спокойствіе своей супружеской жизни.

Эти воспоминанія заставляли ее содрогаться отъ стыда. Вся кровь прилила къ ея поблѣднѣвшимъ за послѣднее время щекамъ. У нея сохранилась способность краснѣть даже въ тѣ минуты, когда она бывала совершенно одна. Прислонившись головой къ груди отца, она чувствовала себя раздѣленной отъ него своимъ страданіемъ. Потомъ она вспомнила, что уже все кончено, что, по крайней мѣрѣ, она можетъ отдохнуть физически, и отъ этой мысли ей стало немного легче.

Меранъ, все время терпѣливо ожидавшій, когда она заговоритъ, не выдержалъ и спросилъ:

— И давно онъ такъ мучитъ тебя?

Она уронила съ отчаяніемъ руки.

— Я никогда и не была счастлива... Даже тогда, когда я еще была его невѣстой,—прибавила она совсѣмъ упавшимъ голосомъ, точно внезапно открыла новую причину для грусти.

И она начала свою исповѣдь. Ея голосъ звучалъ тихо и говорила она отрывистыми фразами. Порою отецъ прижималъ ее сильнѣе къ себѣ и шепталъ: „Бѣдная дѣвочка!"

— Онъ меня не любитъ,—говорила она,—онъ никогда меня не любилъ. Я не могу сказать, какъ я это узнала сейчасъ же послѣ свадьбы,—не было ничего особеннаго, но все было такъ мучительно!.. Въ Италіи мы сидѣли цѣлыми часами въ кофейняхъ: онъ читалъ газеты, просматривалъ статьи по политической экономіи; я ждала его. Когда въ Римѣ и во Флоренціи я начинала восхищаться какой-нибудь картиной въ музеѣ, онъ смѣривалъ меня съ ногъ до головы такимъ презрительнымъ взглядомъ, точно

я неспособна была ничего понять. И я помню хорошо, какъ передъ картиной Винчи „Скромность и тщеславіе“ онъ въ своей записной книжкѣ выводилъ столбцы цифръ, подсчитывая сумму предметовъ вывоза. О, сколько разъ я вся холодѣла отъ его пренебрежительнаго и презрительнаго отношенія! Слова замирали у меня на губахъ, я молчала, а онъ упрекалъ меня за молчаливость. Мы никогда не говорили по душѣ. Когда я высказывала какую-нибудь серьезную мысль, онъ просто издѣвался надо мной. Онъ всегда относился ко мнѣ какъ въ полнѣйшему ничтожеству. А между тѣмъ мнѣ такъ хотѣлось его слушать,—вѣдь я не особенно стояла за свои взгляды, я такъ была бы рада, еслибы онъ взялся руководить мною,—но въ его присутствіи я всегда чувствовала себя какимъ-то неодушевленнымъ предметомъ и онъ такъ мало щадилъ меня при этомъ...

Онъ понялъ тайный смыслъ этихъ послѣднихъ словъ.

Она снова расплакалась и потомъ все-таки продолжала:

— Въ Парижѣ я стала уже совсѣмъ одинока. Днемъ онъ обыкновенно занимался дѣлами, вечерами же водилъ меня въ разные маленькіе театры и кафе-шантаны, гдѣ я должна была слушать возмутительныя непристойности. Онъ видимо веселился отъ души, а когда замѣчалъ мое печальное лицо, то говорилъ: „Пожалуйста, не жеманься. Въ сущности, это тебя забавляетъ, но ты не хочешь въ этомъ признаться“. Онъ говорилъ, что „учитъ меня жить“. Довольно скоро онъ перестаъ брать меня съ собою. Онъ отправлялся одинъ. Я видѣла его только за столомъ...

Она помолчала съ минуту. Теперь она сидѣла, закрывъ лицо руками, вся подавленная нахлынувшими на нее горькими воспоминаніями этого медоваго мѣсяца. Она не могла безъ ужаса вспомнить вечеровъ, проведенныхъ въ различныхъ увеселительныхъ заведеніяхъ, гдѣ Жакъ заставлялъ ее слушать неприличные куплеты и смотрѣть на циничныя представленія, возмущавшія ее до глубины души. Какъ грубо объяснялъ онъ ей, какимъ гнуснымъ ремесломъ занимались всѣ эти падшія женщины, которыя почти задѣвали ихъ, когда они проходили въ толпѣ. Такъ вотъ что̀ онъ называлъ жизнью и вотъ чему онъ хотѣлъ сразу научить ее!

— Я не въ силахъ передать тебѣ все, что̀ мнѣ пришлось вытерпѣть,—опять начала она.—Въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ моей замужней жизни я испытала цѣлый безпрерывный рядъ булавочныхъ уколовъ; они попадали мнѣ прямо въ сердце. Онъ возвращался иногда очень поздно, и нисколько не заботился

о томъ, что я тревожусь. Иногда онъ безъ всякаго предупрежденія не приходилъ къ обѣду. Мнѣ все время приходилось просить у него денегъ на хозяйство...

— Но я всегда высылалъ деньги на твое имя.

— Онъ расписывался за меня на почтѣ и отдавалъ мнѣ только письма, деньги же всегда оставлялъ у сѐбя. Но это, собственно говоря, и не важно,—вѣдь я, все равно, отдала бы ихъ ему же.

Она не упомянула о томъ, какъ онъ упрекалъ ее приданымъ и добивался отъ нея точныхъ свѣдѣній о состояніи ея родителей.

Меранъ нѣжно провелъ рукой по ея лицу.

— Моя дорогая бѣдная дѣвочка!—сказалъ онъ:—эти ежедневныя непріятности въ сущности тяжелѣе большого настоящаго горя. И женщины, безъ жалобъ переносящія свое несчастное существованіе, часто, въ сущности, страдаютъ гораздо больше тѣхъ, которыхъ обманываютъ грубо и совершенно открыто. Послѣднія, по крайней мѣрѣ, имѣютъ право уйти, чтобы залечить свои раны. А между тѣмъ во всѣхъ этихъ гадостяхъ, разсказанныхъ тобою, законъ не видитъ достаточной причины для развода.

— Не будемъ говорить о законахъ,—остановила его Анни.— Разводъ уже есть, онъ у меня въ сердцѣ. Оно мертво. Вѣдь такъ часто продолжаютъ еще жить, когда на самомъ дѣлѣ жизнь уже кончена.

Меранъ всѣми силами старался утѣшить и по возможности успокоить молодую женщину:

— Я увижусь и поговорю съ нимъ. Онъ долженъ сознаться, что былъ неправъ относительно тебя. Развѣ возможно, чтобы онъ не любилъ тебя? Ты сама не понимаешь, до какой степени ты очаровательна. Я заставлю его понять... Иногда мужчинѣ необходимо, чтобы другіе восхищались женщиной. Необходимо его подзадорить... Жакъ, занятый дѣлами и увлеченный честолюбіемъ, просто еще не привыкъ относиться сознательно къ жизни сердца. Но имѣй терпѣніе,—можетъ быть, его сердце еще заговоритъ. Вы еще можете быть счастливы. Еще далеко не все погибло, моя милая Анни.

— О, это еще не все, папа, хотя я передала тебѣ то, что̀ всего больше заставило меня страдать. Осталось самое трудное. Я боюсь, что это всего больше поразитъ тебя.

Меранъ, все время не терявшій надежды, что зло еще поправимо, былъ совершенно потрясенъ этими словами.

— А!—вырвалось у него:—такъ, значитъ, есть еще что-то.

Она видимо колебалась. Нѣкоторое время она всматривалась въ его серьезное лицо, выражавшее столько участія къ ней. Это выраженіе состраданія и нѣжности и заставило ее говорить дальше.

— Однажды въ Парижѣ, два мѣсяца тому назадъ, я встрѣтила графиню Феррези. Я была съ Жакомъ, но онъ, какъ мнѣ тогда показалось, не замѣтилъ ее. Я очень обрадовалась, подошла къ ней и пригласила ее къ себѣ. Она сказала мнѣ, что недавно пріѣхала и придетъ ко мнѣ при первой возможности. И дѣйствительно, она явилась къ намъ вмѣстѣ съ мужемъ, который сказалъ мнѣ, что они живутъ въ Парижѣ уже четыре мѣсяца. Я замѣтила эту странность уже послѣ ихъ отъѣзда, когда вспомнила, что жена его говорила мнѣ о своемъ недавнемъ пріѣздѣ. Я думала, что этимъ она хотѣла оправдать свой запоздавшій визитъ. Мы возобновили прежнія отношенія. Жакъ заставлялъ меня приглашать ихъ обѣдать...

Она остановилась, все еще видимо колеблясь, а потомъ продолжала уже безъ всякихъ остановокъ:

— Мы часто видались съ ними. Я ничего не подозрѣвала. Въ началѣ прошлаго мѣсяца я получила анонимное письмо. Я его разорвала, но помню его отъ слова до слова. Вотъ что̀ тамъ было написано: „Если г-жа Альваръ хочетъ узнать, насколько мужъ ей вѣренъ, то совѣтую ей завтра около трехъ часовъ придти на улицу Вилье и остановиться передъ домомъ подъ нумеромъ 16. Тогда, надѣюсь, глаза ея раскроются". Моей первой мыслью было показать это письмо Жаку. Я, конечно, такъ бы и поступила, еслибы между нами, вообще, существовала какая-нибудь откровенность. Я дала себѣ обѣщаніе не вѣрить этому анонимному письму. Кромѣ того, я должна признаться, извѣстіе объ измѣнѣ, въ которой меня приглашали убѣдиться, не причиняло мнѣ особенныхъ страданій,—я какъ-то плохо вѣрила въ ея реальность. И между тѣмъ, на другой день, въ три часа, я уже была въ закрытой каретѣ передъ указаннымъ домомъ, но на другой сторонѣ улицы. Я унизилась до шпіонства... Мнѣ стыдно до слезъ при одномъ воспоминаніи объ этомъ. Въ такихъ случаяхъ теряешь всякое чувство собственнаго достоинства, о немъ какъ-то забываешь, когда любишь. Графиня Феррези явилась первая. Она нисколько не скрывалась, даже не надѣла вуаля. Увѣренной походкой она подошла къ подъѣзду и скрылась въ немъ. Сердце мое сжалось; у меня было такое чувство, точно оно перестало биться. Черезъ полчаса явился и Жакъ, въ открытой коляскѣ. Былъ ясный апрѣльскій день. Онъ при-

казалъ кучеру ждать и, быстро перейдя тротуаръ, тоже скрылся въ подъѣздѣ. Я сидѣла въ моей каретѣ совершенно обезсиленная и подавленная. Они назначали другъ другу свиданія, нисколько не считая нужнымъ скрываться, среди бѣлаго дня. Они даже могли придти вмѣстѣ. Приблизительно черезъ часъ они вмѣстѣ и вышли. У подъѣзда Жакъ пожалъ ей руку, вскочилъ въ коляску, и мнѣ даже показалось, что я разслышала, какъ онъ приказалъ кучеру: „Въ министерство внутреннихъ дѣлъ". Я знала, что онъ долженъ былъ быть днемъ у министра. Я совсѣмъ забыла, что и мнѣ пора ѣхать. Въ эту минуту я уже ни о чемъ не думала, даже не страдала; жизнь какъ будто замерла во мнѣ. Мой кучеръ прочелъ всѣ свои газеты и подошелъ къ окошку кареты. Его голосъ привелъ меня въ сознаніе. „Дѣлать нечего, барынька,—сказалъ онъ мнѣ,—по всему видно, что вамъ уже его не дождаться. Не пора ли намъ домой? Не слѣдуетъ показывать мужчинамъ, что ими ужъ очень дорожатъ"... Пристыженная, я вышла изъ кареты и, расплатившись съ кучеромъ, пошла по улицѣ. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я принуждена была остановиться: я задыхалась и чувствовала боль въ сердцѣ. Я взяла извозчика и вернулась домой. Жакъ еще не возвращался. Онъ явился прямо къ обѣду веселый и улыбающійся. Онъ говорилъ, что пріобрѣтаетъ значеніе въ политическомъ мірѣ. Я думала, что буду испытывать къ нему ненависть, а на самомъ дѣлѣ не чувствовала ровно ничего. Любовь, отвращеніе и ревность—всѣ эти чувства такъ поблѣднѣли за эти нѣсколько часовъ. Мнѣ кажется, что въ этотъ день я умерла. Я стала совсѣмъ другой.

— Негодяй!—прошепталъ съ отчаяніемъ Меранъ.

И прибавилъ съ послѣдней тѣнью надежды, но ужъ безъ всякой убѣдительности въ голосѣ:

— Они могли встрѣтиться въ знакомомъ домѣ и случайно выйти вмѣстѣ. Можетъ быть, это совсѣмъ не то, что̀ ты думаешь.

— О, папа, въ такомъ случаѣ меня и не предупредили бы. И потомъ...—она сильно покраснѣла при мысли о своемъ униженіи,—я справлялась. Жакъ ничего не боится. Развѣ я имѣю для него хоть какое-нибудь значеніе? Квартира нанята на имя г-на Лавернэ: это—названіе бывшаго имѣнія его отца около Аннеси.

— Я не умѣю бороться, — прибавила она.—Я слишкомъ слаба и робка. Я ему не сказала ни слова.

Сердце ея тревожно забилось. Она вспомнила, что на другой же день послѣ этого ужаснаго дня она была вынуждена

переносить ласки Жака, потому что у нея не хватило силъ для энергичнаго протеста, и только серьезная болѣзнь избавила ее окончательно отъ унизительныхъ отношеній, сдѣлавшихся для нея невыносимыми.

— Знаешь ты, когда началась эта связь?—спросилъ Меранъ.

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтила Анни, — но иногда мнѣ кажется, что она была еще до свадьбы. Весьма возможно, что онъ уже давно полюбилъ ее. Теперь я поняла значеніе нѣкоторыхъ словъ и взглядовъ графини Феррези. Но почему же онъ хотѣлъ на мнѣ жениться, если любилъ ее? Скажи мнѣ, почему? Такая лживость мнѣ непонятна.

Она разрыдалась. Меранъ нѣжно погладилъ ее по щекѣ.

— Моя бѣдная Анни! Я очень виноватъ передъ тобой. Я не имѣлъ права соглашаться на твое замужество. У меня не хватило твердости. Ты любила Жака, и я не былъ въ состояніи разбить твою любовь.

— Не упрекай себя,—рыдая, возразила она.—Я его любила, это правда, но дѣвушки не понимаютъ ровно ничего. Когда сердце хочетъ любить, оно ищетъ привязáнности. Пониманіе приходитъ позднѣе и очень часто тогда, когда зло уже непоправимо.

— Нужно было меня слушаться.

— Когда любишь, то уже никого не слушаешь. У дѣвушекъ всегда слишкомъ большой запасъ нѣжности, ихъ слѣдовало бы пріучать самостоятельно разбираться въ людяхъ, чтобы вѣрно судить о нихъ. Развѣ я могла хорошо знать молодыхъ людей? Мы постоянно жили въ деревнѣ и только на очень короткое время пріѣзжали въ Парижъ. Жакъ былъ первымъ человѣкомъ, обратившимъ на меня вниманіе, и я приняла за любовь всѣ незначительныя любезности, которыя обыкновенно каждый молодой человѣкъ оказываетъ молодой дѣвушкѣ.

Меранъ что-то серьезно обдумывалъ, точно принималъ какое-то важное рѣшеніе. Прежде чѣмъ окончательно осудить своего зятя, онъ старался дать себѣ ясный отчетъ о всѣхъ его поступкахъ. Онъ не сомнѣвался, что Жакъ еще до свадьбы былъ любовникомъ графини Феррези, и что онъ говорилъ ему о связи Люсьена Галанда съ итальянкой—съ единственной цѣлью навести его на ложный слѣдъ. Теперь онъ постепенно убивалъ его дочь. Зло уже было почти непоправимо.

— Ты останешься у насъ, Анни,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Его ты больше не увидишь. Разводъ необходимъ.

Она посмотрѣла на отца своими большими затуманенными глазами.

— Ахъ, теперь это уже все равно!

И такъ какъ она все еще плакала, закрывая лицо руками, онъ понялъ, что она считаетъ себя окончательно погибшею. На минуту его охватило отчаяніе и страшный гнѣвъ. Онъ стиснулъ зубы и прошепталъ:

— Негодяй! я его выгоню, я убью его!

Она слегка подняла опущенную голову.

— Нѣтъ, оставь его въ покоѣ!—проговорила она.—Я ему все прощаю, но въ этомъ нѣтъ никакой заслуги съ моей стороны, потому что я его больше не люблю. Я узнала слишкомъ много дурного, я слишкомъ страдала. Моя любовь умерла. Когда я искала любви въ моихъ страданіяхъ, то я ея больше не находила.

Онъ взялъ ея голову обѣими руками и глубоко заглянулъ ей въ глаза.

— Мое дорогое дитя, скажи мнѣ, что̀ съ тобою? Чѣмъ ты больна̀?

— Доктора не говорятъ ничего опредѣленнаго. Они нашли у меня расширеніе сердца. Я почувствовала себя дурно въ тотъ день, когда увидѣла ихъ вмѣстѣ. Съ той поры у меня было два припадка. Ахъ! Ахъ!

У нея вдругъ сдѣлалось удушье и лицо ея исказилось отъ боли. Онъ взялъ ее на руки и съ большимъ трудомъ донесъ домой.

Сейчасъ же послали за докторомъ Раво, который какъ разъ проводилъ лѣто въ Ментонѣ. Онъ былъ для всѣхъ непогрѣшимымъ авторитетомъ. Онъ внимательно осмотрѣлъ больную.

— Не скрою отъ васъ, что положеніе очень серьезное,— объявилъ онъ Мерану.—Это грудная жаба.

И онъ постарался объяснить ему, въ чемъ именно состоитъ эта въ высшей степени предательская болѣзнь. Онъ говорилъ, что настоящая причина ея еще не вполнѣ изслѣдована; онъ описывалъ ея постепенный ходъ и ея тяжелые припадки, во время которыхъ паціентъ испытываетъ такое ощущеніе, точно его сердце сдавлено тисками. Онъ закончилъ тѣмъ, что болѣзнь эта въ высшей степени опасна для такого истощеннаго субъекта, какъ г-жа Альваръ.

Когда Меранъ вернулся къ лежавшей на постели дочери, она улыбнулась ему. Чуть замѣтный румянецъ окрасилъ ея щеки.

Она не имѣла вида тяжело больной, а только казалась слабой и малокровной. Въ Парижѣ она уже совѣтовалась съ докторами, и знала, что одинъ изъ подобныхъ припадковъ можетъ быть для нея смертельнымъ.

П. С.

МѢСЯЦЪ ВЪ АМЕРИКѢ

Изъ дорожныхъ записокъ.

I.

По океану.

Для удобства пассажировъ, слѣдующихъ изъ Англіи въ Америку, въ Лондонѣ имѣется, какъ извѣстно, особый поѣздъ, прибывающій въ Ливерпуль за полчаса до отхода парохода и останавливающійся у самой пристани противъ сходней.

Не вполнѣ довѣряя такой непривычной для насъ точности и памятуя обычаи разныхъ „не-американскихъ" желѣзныхъ дорогъ, особенно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ итальянскихъ, мы, изъ опасенія опоздать, выѣхали изъ Лондона наканунѣ, и ночь передъ выѣздомъ изъ Европы провели въ Ливерпулѣ, въ „Adelphi-Hôtel". При подсчетѣ стоимости билетовъ кругосвѣтнаго путешествія, чѣмъ я занимался въ дождливый мартовскій вечеръ еще въ Ниццѣ, выяснилось, что стоимость билета отъ Ливерпуля черезъ Нью-Іоркъ, Санъ-Франциско, Гонолулу до Нангасаки составляетъ сумму около 1.100 р. на пассажира. Въ отдѣленіи конторы Кука, куда я отправился за разъясненіемъ нѣкоторыхъ деталей, мнѣ порекомендовали обратиться въ парижское отдѣленіе конторы, указавъ на возможность пониженія стоимости проѣзда, если всѣ билеты указаннаго маршрута будутъ взяты заразъ и при посредствѣ конторы Кука. И дѣйствительно, при проѣздѣ нашемъ, въ началѣ апрѣля того же года, черезъ Парижъ, билеты Ливерпуль-Нангасаки контора Кука продала намъ по 650 р. за билетъ. Билеты имѣли

силу въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня полученія ихъ на проѣздъ изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ на одномъ изъ пароходовъ „Cunard-Line“; на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ Америки до Санъ-Франциско, и на дальнѣйшее путешествіе до Нангасаки на одномъ изъ пароходовъ „White-Star-Line“. Въ стоимость билета входитъ проѣздъ вездѣ въ I классѣ, а также полное содержаніе и отдѣльная для насъ двухъ каюта на океанскихъ пароходахъ. На вопросъ, какимъ образомъ контора Кука можетъ дѣлать столь значительную уступку на билетахъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что стоимость разныхъ маршрутовъ между одними и тѣми же пунктами не можетъ значительно разниться одна отъ другой, и размѣръ стоимости опредѣляется кратчайшимъ маршрутомъ. Въ данномъ случаѣ билетъ по кратчайшему направленію Ливерпуль-Суэцъ-Нангасаки стôитъ около 600 р., и только при незначительной разницѣ отъ этой суммы болѣе длинный путь, черезъ Америку, можетъ имѣть своихъ кліентовъ. Одновременно съ пріобрѣтеніемъ билетовъ было рѣшено, что для насъ будетъ оставлена каюта на пароходѣ „Lucania“, отходящемъ изъ Ливерпуля въ 4 часа 30 минутъ 10-го (22-го) апрѣля. Детали дальнѣйшаго нашего путешествія предоставлялось намъ выяснить въ нью-іоркскомъ отдѣленіи того же бюро Кука.

Ровно за часъ до отхода парохода, омнибусъ отеля повезъ насъ на пароходъ „Lucania“. За десять минутъ до отхода, при видѣ хаоса и сутолоки, царившихъ на пароходѣ и на пристани, казалось, что пароходъ не можетъ уйти въ назначенное время. Но такъ казалось непривычному глазу: „Lucania“ отошла минута въ минуту въ назначенные 4 ч. 30 м.

Тотчасъ по отходѣ парохода, слѣдуя указаніямъ „Бедекера“, мы получаемъ отъ „second steward“'а нумерà нашихъ мѣстъ за обѣденнымъ столомъ; затѣмъ, на верхней палубѣ вносимъ два шиллинга за два складныхъ кресла на все время плаванія на „Lucania“. Этимъ заканчиваются заботы объ устройствѣ нашемъ на „Lucania“: мы имѣемъ каюту, мѣста за обѣденнымъ столомъ и longue-chaises на верхней палубѣ, предусмотрительно выбранныя нами на лѣвомъ, т.-е. на солнечномъ, южномъ борту парохода. При обратномъ рейсѣ въ Европу, по той же причинѣ всегда предпочитается правый бортъ, и только опоздавшіе мирятся съ сѣвернымъ.

Знакомство съ пароходомъ, которому мы ввѣрили нашу судьбу, мы начинаемъ съ просмотра маленькой брошюры о немъ, которую администрація парохода даетъ пассажирамъ немедленно по отплытіи. Пароходъ „Lucania“ общества „Cunard“ принадлежитъ

къ разряду великановъ, не часто встрѣчаемыхъ и въ океанѣ. „Lucania“ поднимаетъ 1.400 пассажировъ и 400 человѣкъ команды. При длинѣ въ 625 футовъ и вмѣстимости въ 12.590 тоннъ, „Lucania“ обладаетъ машиной въ 30.000 лошадиныхъ силъ. „Lucania“—если вѣрить розданной намъ брошюрѣ—имѣетъ за собой всесвѣтный „рикордъ“ на скорость, такъ какъ ей удалось однажды сдѣлать переходъ черезъ океанъ, изъ Нью-Іорка въ Квинстоунъ, въ 5 дней 7 часовъ 23 минуты, при средней скорости въ 22,01 узла въ часъ. Этотъ самый переходъ, но въ обратномъ направленіи, считая отъ Квинстоуна до якорной стоянки въ Upper-bay подъ Нью-Іоркомъ, мы сдѣлали въ 5 дней 20 часовъ, дѣлая отъ 496 до 533 миль, т.-е. отъ 863 до 927 верстъ въ день. Для лучшаго освѣщенія этихъ цифръ приведу въ примѣръ, что наибольшая точная скорость парохода „Добровольнаго флота“ „Владиміръ“ на одномъ изъ переходовъ его изъ Портъ-Саида въ Сингапуръ, въ 1895 г., не превосходила 225 миль (392 версты); причемъ въ одинъ особенно неудачный день того же плаванія нашего на „Владимірѣ“, при сильномъ встрѣчномъ вѣтрѣ, мы сдѣлали всего 120 миль (около 209 верстъ). Теперь погода благопріятствовала нашему плаванію; мы отложили въ сторону брошюру съ описаніемъ нашей „Lucania“, изъ которой я почерпнулъ приведенныя цифры, и пошли осматривать пароходъ, или, вѣрнѣе сказать, ту часть его, которая предоставлена въ распоряженіе пассажировъ.

Выше всѣхъ палубъ помѣщенъ мостикъ капитана, подъ нимъ—служебная палуба. Обѣ эти палубы недоступны для обыкновенныхъ пассажировъ. На третьей палубѣ помѣщены: библіотека съ письменными столами, каюты перваго класса и нѣкоторыхъ офицеровъ парохода, громадный музыкальный залъ съ роялемъ и органомъ, вестибюль главной лѣстницы, курительная комната, залъ второго класса. Внутренняя отдѣлка всѣхъ этихъ помѣщеній роскошная.

По бокамъ этихъ помѣщеній на палубѣ оставлены широкіе „променады“. Каждый „променадъ“ перваго класса имѣетъ длину до 125 метровъ, такъ что одинъ обходъ по палубѣ кругомъ перечисленныхъ помѣщеній составляетъ около 1/4 километра, или 1/4 версты. Такъ всѣ и гуляютъ, считая 4 круга за километръ, гуляютъ очень скоро, съ дѣловымъ видомъ, съ трубкой въ зубахъ и подавшись всѣмъ корпусомъ впередъ, такъ какъ, благодаря большой скорости парохода, на этой палубѣ, прикрытой сверху, снизу и съ одной стороны, всегда сильный вѣтеръ. А спиной къ каютамъ сидятъ или, вѣрнѣе, лежатъ на своихъ

longue-chaises отгулявшіе пассажиры, съ носами, закутанными въ пледы, всякій на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, имѣя однихъ и тѣхъ же сосѣдей на все время плаванія. Предоставляю судить, насколько это интересно и насколько интересъ этого положенія повышается къ концу семидневнаго плаванія.

На пароходѣ господствуетъ принципъ: пароходъ для пассажировъ. Администрація парохода, начиная отъ „purser"—такъ называется старшій офицеръ администраціи, завѣдующій хозяйствомъ парохода и сношеніями съ пассажирами—и кончая прислугой, не только внимательно исполняютъ свои обязанности, но даже стараются угадать мельчайшія желанія пассажировъ, чего мы не встрѣчали на другихъ океанскихъ пароходахъ, которыми намъ приходилось пользоваться. Книги выдаются пассажирамъ особымъ библіотекаремъ. Каталогъ книгъ содержитъ въ себѣ нѣсколько сотъ томовъ большею частью англійскихъ книгъ, преимущественно путешествій и англійскихъ классиковъ. Довольно обширное, человѣкъ на тридцать, помѣщеніе библіотеки отдѣлано въ стилѣ renaissance и освѣщается, какъ и весь пароходъ, электрическими лампочками. Письменные столики, стоящіе вдоль стѣнъ, всѣ сплошь заняты пишущими письма; кандидаты на столики сидятъ на диванахъ и креслахъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что въ вестибюлѣ вывѣшенъ сегодня громадный мѣшокъ съ надписью, что письма, брошенныя въ него сегодня до 10 ч., будутъ отправлены завтра утромъ въ Европу изъ Квинстоуна. Въ слѣдующіе дни плаванія было легче найти свободный письменный столъ, особенно при килевой качкѣ, которая болѣе чувствительна была въ библіотекѣ, расположенной на носу парохода. Рядомъ съ библіотекой помѣщается—drawing-room. Въ обширномъ залѣ, могущемъ свободно вмѣстить до сотни пассажировъ, вездѣ ковры, зеркала, столики, цвѣты, мягкая мебель, и... надпись, воспрещающая джентльменамъ вытягиваться на диванахъ въ этой залѣ. Несмотря на скромность просьбы, „gentlemen"'ы располагаются съ ногами на диванахъ и въ этой залѣ, и спятъ, похрапывая, осѣненные какой-нибудь роскошной тропической пальмой. Но „некуреніе" соблюдается строго. Курить разрѣшается на воздухѣ и въ курительной комнатѣ, и больше нигдѣ; за все время путешествія въ предѣлахъ Англіи и Америки мнѣ не случалось видѣть ни одной попытки нарушить этотъ обычай. Наша курительная комната отдѣлана въ стилѣ „Jacobean" періода; каминъ ея больше, чѣмъ камины прочихъ комнатъ. Тутъ курятъ, пьютъ, играютъ въ карты. Особый ходъ ведетъ въ парикмахерскую. Выйдя изъ курительной комнаты на палубу, входимъ въ вестибюль, по рос-

кошной лѣстницѣ котораго, минуя слѣдующую палубу, спускаемся въ dinning-room, настолько обширныхъ размѣровъ, что одновременно въ немъ могутъ обѣдать около 400 человѣкъ. Недалеко отъ столовой находится и наша каюта, въ которой, къ нашему наивному удовольствію и удивленію, вполнѣ исправно дѣйствуютъ всѣ кнопки, краны, крючки, сѣтки... Вообще, оставивъ въ сторонѣ роскошь внутренней отдѣлки парохода, нельзя не обратить вниманія на полную солидность и комфортабельность постройки всѣхъ даже мелочей, на великолѣпную механическую вентиляцію всѣхъ помѣщеній, на безукоризненно вѣжливую и услужливую прислугу, но, конечно, каждый остается въ предѣлахъ своихъ обязанностей,—т.-е. steward изъ столовой не приметъ на себя порученій на променадную палубу или въ курительную комнату, гдѣ есть свои steward. На стѣнѣ нашей каюты вывѣшены фамилии нашихъ steward'а и stewardess'ы. Steward—симпатичный старикъ-англичанинъ—слегъ на другой день плаванія и „ушелъ", какъ говорятъ англичане, т.-е. умеръ наканунѣ прихода нашего въ Нью-Іоркъ, прослуживъ въ обществѣ „Cunard" 35 лѣтъ.

Ровно въ 6 часовъ, за полчаса до обѣда, на пароходѣ слышна повѣстка, разыгрываемая на охотничьемъ рогѣ. Въ 6 ч. 30 м.—вторая повѣстка, обозначающая начало обѣда. При распредѣленіи мѣстъ было принято во вниманіе заявленіе жены моей имѣть мѣста поближе къ нашей каютѣ, и намъ были предоставлены два мѣста за однимъ изъ маленькихъ обѣденныхъ столовъ, каждый на 10 человѣкъ. Знакомимся съ нашими сосѣдями. Противъ насъ сидитъ супружеская чета американцевъ милліонеровъ Нью-Іорка, m-r и m-ss B*. За все время плаванія, въ общемъ разговорѣ нашемъ съ этими B*, принимаетъ дѣятельное участіе сидящій рядомъ съ ними испанецъ. Сидящій рядомъ съ нами шведъ хранитъ глубокое молчаніе. На противоположномъ концѣ нашего стола разговоръ идетъ на нѣмецкомъ языкѣ. Всѣ пассажиры на лицо, такъ какъ нѣтъ и намека на качку. Большинство въ обѣденныхъ туалетахъ, но со слѣдующаго дня и вплоть до конца плаванія мы не видѣли не только обѣденныхъ туалетовъ, но и большинства самихъ пассажировъ. Обѣдъ подается на американскій ладъ. Предъ каждымъ обѣдающимъ лежитъ карточка, на которой напечатано отъ 10 до 12 перемѣнъ; въ каждой перемѣнѣ 5—6 блюдъ. Предоставляется самому обѣдающему составлять себѣ меню обѣда и обдумывать всѣ составныя части салатовъ и соусовъ, такъ какъ всѣ помѣщенныя въ карточкѣ вещи подаются au naturel. Этотъ порядокъ преслѣдовалъ насъ всю дорогу отъ Ливерпуля черезъ Америку и Тихій

океанъ и окончился лишь съ выѣздомъ изъ Японіи, вмѣстѣ съ окончаніемъ сферы англійскаго языка... Благодаря этому порядку въ Америкѣ нельзя разсѣянно отнестись къ menu обѣда; садясь за обѣденный столъ, необходимо сосредоточиться на вопросѣ о составленіи menu обѣда изъ тѣхъ голыхъ элементовъ пищи, которые въ изобиліи перечислены на лежащей предъ вами карточкѣ. Процессъ составленія обѣденнаго menu у американцевъ напоминаетъ священнодѣйствіе. Menu обсуждается, каждое блюдо пускается на голосованіе съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ, и только по окончаніи этого дѣла подвязываются салфетки, лица проясняются и начинается обѣденный разговоръ. Несмотря на несомнѣнную гигіеничность отвлеченія человѣка отъ житейскихъ заботъ передъ обѣдомъ, мы скоро начинаемъ скучать по европейскому способу питанія. Ѣдятъ американцы часто и много, но при этомъ умѣютъ остаться сухопарыми.

Провизія и даже фрукты за все время семидневнаго плаванія сохраняютъ свѣжесть, благодаря обширнымъ холодильникамъ и замораживающимъ камерамъ. Ледъ, по американскому обычаю, подается на столъ въ изобиліи. Хлѣбъ печется ежедневно свѣжій.

Рано утромъ 11—23 апрѣля, мы останавливались у Квинстоуна, сдать почту въ Европу и принять почту въ Америку. Съ выходомъ въ океанъ началась зыбь.

Большинство дамъ вынуждено было лежать и обѣдать по каютамъ или на палубѣ.

Около 11 ч. утра, встрѣчаемъ какой-то пароходъ обыкновенныхъ размѣровъ, и тутъ дѣлаемъ наблюденія, что пока нашъ пароходъ сдѣлаетъ два полныхъ колебанія, встрѣчный дѣлаетъ ихъ три. Нашъ пароходъ раскачивается величественно, медленно; каждый размахъ его, кажется, никогда не кончится; эта медленность размаховъ и значительная величина ихъ даже при незначительномъ числѣ градусовъ накрена, очевидно усиливаетъ дурное впечатлѣніе качки на людей, подверженныхъ морской болѣзни.—Съ этого дня началась монотонная жизнь на пароходѣ, ежедневными событіями которой являются: breakfest, или первый завтракъ, отъ $8^1/_2$ до 10 ч. утра; luncheon, или второй завтракъ, въ 1 ч.; чай въ 5 часовъ, и обѣдъ въ 6 ч. 30 м.

Въ воскресенье, въ 10 ч. 30 м., гонгъ призвалъ къ богослуженію, происходящему въ столовомъ залѣ. Спустившись въ залъ, мы застали тамъ пѣніе псалмовъ подъ аккомпаниментъ піанино. Сидящій около меня лакей любезно помогаетъ мнѣ находить псалмы по врученной мнѣ книгѣ. Запѣваетъ старшій офицеръ

(purser), во время богослуженій исполняющій обязанности minist'ra. Избираются подходящіе псалмы, напр. 21 съ припѣвомъ:

O, hear us when we cry to Thee
For those in peril on the sea! [1])

Первый день плаванія нашего былъ особенно тоскливъ, чему способствовалъ воскресный день. Даже рояль закрытъ по случаю воскресенья. Въ библіотекѣ всѣ письменные столы свободны, чему, впрочемъ, способствуетъ и килевая качка.

Въ слѣдующіе—не-воскресные дни нѣкоторое разнообразіе вноситъ игра на роялѣ одного изъ пассажировъ, недурного піаниста, ученика одной изъ нѣмецкихъ консерваторій; но большинство пассажировъ исключительное вниманіе обращаетъ на качку.

По вечерамъ въ курительной залѣ происходитъ аукціонъ на скорость. Въ этой мрачной, со стѣнами темнаго дерева комнатѣ, въ воздухѣ которой клубятся облака табачнаго дыма, и порогъ которой повидимому никогда не переступала нога женщины, въ послѣобѣденное время всѣ мѣста за столами заняты игроками въ pocker—въ азартную карточную игру, напоминающую нашу трынку. Всѣ въ шапкахъ на головахъ, всѣ сосутъ трубки и пьютъ разные drinks. Надписи вездѣ убѣдительно просятъ пользоваться особыми горшками, поставленными у каждаго кресла для плеванія и выколачиванія золы изъ трубокъ. Несмотря на азартъ, подчасъ и крупный, лица игроковъ безстрастны, отсутствіе разговоровъ почти торжественное. Это тоже священнодѣйствіе, продолженіе обѣденнаго священнодѣйствія. Къ назначенному для аукціона часу въ этой комнатѣ становится тѣсно, многіе стоятъ. Одинъ изъ пассажировъ, объявляетъ, что начинается аукціонъ; на карточныхъ столахъ пріостанавливается игра. Продаются съ аукціона различныя цифры. На слѣдующій день всю сумму аукціона получаетъ тотъ счастливецъ, котораго цифра совпадаетъ съ числомъ миль, сдѣланныхъ пароходомъ въ сутки. Суточная скорость парохода опредѣляется въ полдень и вывѣшивается въ вестибюлѣ ежедневно въ началѣ перваго часа, вмѣстѣ съ показаніемъ географіи положенія парохода въ послѣдній полдень.

На пароходѣ имѣется своя типографія, ежедневно печатающая наше menu. На второй день плаванія намъ розданы отпечатанные въ той же типографіи списки пассажировъ, карта

---

[1]) Услышь насъ, молящихся Тебѣ за тѣхъ, кто находится въ опасности на морѣ!

плаванія, для отмѣтокъ на ней хода парохода, и перепечатка изъ „Times" объ одномъ изъ предыдущихъ плаваній нашей „Lucania". Рейсъ „Lucania", окончившійся въ Нью-Іоркѣ 7 февраля, продолжался, небывало для „Lucania", долго—7 дней 19 часовъ, что составляетъ „рикордъ" для „Lucania" на долгое плаваніе. Все время плаванія были бури, шквалы, грозы. Одинъ день „Lucania" прошла только 121 милю. Опять „рикордъ", потому что до тѣхъ поръ „Lucania" не ходила менѣе 175 миль.

Затѣмъ трагическая сторона того плаванія смягчена была комическимъ эпизодомъ (такъ пишется въ газетной замѣткѣ) съ китами, стадо которыхъ остановило пароходъ, такъ какъ капитанъ боялся, что киты попортятъ винты, если винты будутъ вращаться. Несмотря на всѣ бѣдствія и на то, что въ эти дни погибло много судовъ, „Lucania" пришла въ совершенно исправномъ видѣ, но съ обледенѣлыми снастями и мачтами, чего фотографическое изображеніе, конечно, приложено.

Несмотря на столь очевидную, послѣ прочтенія этой статейки, выносливость „Lucania", настоящая наша качка на ней становится все непріятнѣе. На четвертый день плаванія, послѣ одной хорошей волны, всѣ кресла покатились по палубѣ. Теперь всѣ кресла привязаны; гуляющихъ по палубѣ швыряетъ то къ борту, то отъ борта. Впрочемъ, неожиданныя попаданія другъ къ другу въ объятія расшевелили даже англичанъ; начались разговоры, знакомства, стало немного повеселѣе, но не несчастнымъ пассажирамъ III-го класса, къ которымъ на палубу нѣтъ-нѣтъ да и вкатитъ волна. Общій интересъ поддерживается пароходомъ „St. Louis", который мы обгоняемъ на четвертый день плаванія нашего, несмотря на то, что онъ вышелъ изъ Ливерпуля на 4 часа раньше насъ.

За два дня до прихода въ Нью-Іоркъ, въ залѣ II класса былъ любительскій концертъ, повторенный въ залѣ I класса наканунѣ конца нашего плаванія. Какъ всѣ общественныя предпріятія англичанъ, концерты были обставлены и президентами, открывавшими концерты торжественными спичами, и печатными программами, а сборъ съ концертовъ предназначался въ пользу домовъ и пріютовъ для старыхъ мореплавателей—однимъ словомъ, все было серьезно, кромѣ самихъ исполнителей. Памятуя благотворительную цѣль концерта,—и публика, и президентъ—faisaient bonne mine au mauvais jeu.

Къ вечеру шестидневнаго плаванія показывается земля. Чудная лунная ночь манитъ на палубу. Откладываю въ сторону взятую мной изъ пароходной библіотеки „United States pictures

drawn with pen and pencil, by Richard Lovett“ и добросовѣстнаго „Бедекера“, по которому я „готовился“ къ Америкѣ вообще и къ Нью-Іорку въ частности, и поднимаюсь на палубу.

Пароходъ идетъ уменьшеннымъ ходомъ, извиваясь между берегами, заливами и островами, сплошь застроенными и освѣщенными электричествомъ. Съ удивленіемъ узнаёмъ, что этотъ заселенный, громаднаго протяженія берегъ—еще не Нью-Іоркъ, что Нью-Іоркъ—еще въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ. Ровно въ полночь мы стали на якорь въ Upper-bay.

Гуляя въ эту ночь по палубѣ парохода, стоящаго мирно на якорѣ посреди великолѣпнаго залива, освѣщеніе береговъ котораго кажется намъ волшебной иллюминаціей, мы отовсюду слышимъ и восхищенія ночью, и похвалы нашему удачному переходу. И только мы, новички въ Америкѣ, отмѣчаемъ особое впечатлѣніе колоссальности размѣровъ всего видимаго нами; въ колоссальности этой мы начинаемъ чувствовать близость неизвѣстной еще Америки.

И размѣры привезшаго насъ парохода, и количество воедино собранныхъ на немъ пассажировъ, и сплошные десятки верстъ приморскаго берега, освѣщеннаго a giorno, указываютъ на такой размахъ жизни, какого мы не встрѣчали нигдѣ въ Европѣ...

Весенняя лунная ночь такъ тепла, нервы такъ приподняты, что съ палубы мы ушли въ каюту далеко за полночь.

II.

Первый день въ Америкѣ.

Къ разсвѣту, 17 (29) апрѣля, надъ заливомъ Upper-bay повисъ настолько густой туманъ, что съ середины парохода не видно носа его. На пароходѣ непрерывно работаютъ и паровой свистокъ, и сирена, и колоколъ. Кругомъ насъ изъ тумана несутся также свистъ, ревъ, звонъ. Около семи часовъ туманъ сталъ расходиться, мы снялись съ якоря и пошли отъ New-Brighton'a, около котораго стояли, къ New-York'y. Вскорѣ среди суетливо оживленнаго рейда предъ нами открылась громадная статуя „Свободы“, стоящая на островкѣ у входа въ нью-іоркскую бухту и держащая факелъ въ поднятой вверхъ рукѣ. Этотъ подарокъ французскаго народа американскому служитъ входнымъ маякомъ. Подойдя къ Нью-Іорку, идемъ нѣкоторое время мимо ряда доковъ или верфей и, остановившись противъ нашего дока № 40, начинаемъ

заворачивать въ докъ. Два маленькихъ пароходика, уткнувшись носами—одинъ въ правый бортъ нашей „Lucania“ около носа, другой въ лѣвый бортъ ея около кормы, даютъ полный ходъ своимъ машинамъ, въ нѣсколько минутъ поворачиваютъ нашъ громадный пароходъ на 90^0, вбуксировываютъ его въ докъ и устанавливаютъ лѣвымъ бортомъ къ пристани, на которой встрѣчающія пароходъ дамы машутъ маленькими американскими флагами.

Пристали мы скоро, но не скоро попали „домой“, въ городъ, непривычно-сказочные силуэты домовъ котораго высились передъ нами. Въ ожиданіи трапа, пассажиры толпятся у борта, переговариваются съ встрѣчающими. Всѣ пассажиры одѣты во все новенькое, съ иголочки; туалеты большею частью не соотвѣтствуютъ обстановкѣ,—на нѣкоторыхъ дамахъ одѣты чуть не бальныя платья. Недоумѣніе наше разъясняютъ обѣденные наши сосѣди; въ Америкѣ таможня славится своей особенной строгостью по отношенію къ своимъ же американцамъ, въ подтвержденіе чего изданъ недавно законъ. Съ берега передаютъ почту, и въ одномъ изъ нумеровъ сатирическаго журнала „Life“ нарисована слѣдующая каррикатура: таможенный чиновникъ въ традиціонномъ костюмѣ дяди Сама, приставивъ дуло револьвера ко лбу пассажира, заставляетъ его раздѣваться для таможеннаго осмотра. Рядомъ—дорожный сундукъ, вещи изъ котораго разбросаны; жена пассажира на колѣняхъ умоляетъ неумолимаго дядю Сама. Подпись: „Вотъ какъ дядя Самъ обращается со своими!“

Подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ ожидаемаго безцеремоннаго перерыванія нашихъ вещей, сходимъ съ парохода въ громадный сарай, длиннѣе нашего парохода. Тутъ начался адъ: съ парохода спускаютъ по наклоннымъ доскамъ всякій багажъ безъ различія размѣровъ; нѣсколько десятковъ носильщиковъ подхватываютъ багажъ, взваливаютъ на ручныя телѣжки и развозятъ съ большимъ грохотомъ по всему сараю, сваливая его въ кучи, примѣрно, по буквамъ, наклееннымъ на багажъ пароходной прислугой. Дальше предоставляется разбираться въ багажѣ самимъ пассажирамъ. Поймавъ изъ одной кучи одинъ изъ нашихъ чемодановъ, посадивъ на него жену, я въ теченіе какого-нибудь часа выудилъ и сгруппировалъ всѣ наши девять вещей, за исключеніемъ одного, самаго большого сундука. Только черезъ два часа пребыванія нашего въ сараѣ, сундукъ нашъ отыскался въ кучѣ „О“, куда онъ отдѣльно привезенъ былъ носильщикомъ, принявшимъ стоящія на немъ „Ѳ. К.“ за „О. К.“. Убѣдившись, что всѣ вещи на лицо и слѣдуя указаніямъ чека, выданнаго мнѣ

еще на пароходѣ, я пристроился въ хвостъ людей, дефилирующихъ передъ таможеннымъ инспекторомъ, минутъ черезъ пятнадцать добрался до него и взамѣнъ перваго билетика получилъ другой, съ фамиліей чиновника, имѣющаго осмотрѣть багажъ.

Назначенный мнѣ чиновникъ занятъ осмотромъ багажа нашихъ сосѣдей, и жена моя съ ужасомъ указываетъ на производимый имъ безпорядокъ въ вещахъ сосѣда-американца. Передъ началомъ осмотра нашего багажа, я говорю, что мы не американцы, что мы иностранцы, транзитные пассажиры. Таможенный чиновникъ открываетъ два-три сакъ-вояжа и, робко озираясь, мѣтитъ мѣломъ всѣ прочія мѣста. Продолжая мою убѣдительную рѣчь, я спрашиваю его, не могу ли предложить ему что-нибудь. Онъ моментально отворачивается отъ меня, но за спиной оказывается выразительно открытая рука, которая, заполучивъ нѣсколько шиллинговъ, быстро отходитъ отъ меня. Сейчасъ же появляется express-man, навѣшиваетъ на наши вещи чеки, половинку которыхъ отдаетъ намъ, и мы—свободны, выпущены изъ сарая. Минутъ черезъ пять ѣзды въ старой, разваливающейся, дребезжащей каретѣ по отвратительной мостовой,—чѣмъ славится Нью-Іоркъ,—мы добрались до французскаго „Hôtel Martin“, куда вскорѣ доставленъ и нашъ багажъ. По поводу отвратительныхъ мостовыхъ Нью-Іорка въ одномъ изъ описаній Нью-Іорка помѣщенъ разсказъ, что на вопросъ обитателю Нью-Іорка, почему Нью-Іоркъ останавливается передъ расходомъ на мостовыя, послѣдовалъ отвѣтъ, что самъ Нью-Іоркъ не останавливается передъ ассигнованіемъ денегъ, но что деньги, ассигнованныя на мостовыя, останавливаются передъ мостовыми!..

Еще на пароходѣ, знакомясь съ планомъ Нью-Іорка, я предчувствовалъ легкость передвиженій по городу. Громаднѣйшій городъ распланированъ геніально: одинъ рядъ улицъ, идущихъ во всю длину узкаго продолговатаго полуострова, на которомъ расположенъ Нью-Іоркъ, носитъ названіе первой, второй и т. д.— до одиннадцатой (если не ошибаюсь)—avenue (аллеи), а всѣ короткія поперечныя улицы называются первой, второй и т. д.— до 177—street (улица). По всѣмъ (кромѣ 5-ой) „ave“ ходятъ или электрическія tramway, или паровые elevated, т.-е. желѣзныя дороги, идущія надъ улицами по желѣзнымъ мостамъ на высотѣ вторыхъ или третьихъ этажей домовъ; между желѣзныхъ колоннъ-опоръ этихъ мостовъ движутся пѣшеходы, экипажи, иногда электрическія дороги. Всѣ street расположены въ разстояніи $^1/_{20}$ мили одна отъ другой, такъ что проѣхать изъ нашей 9-й street въ 129-ую street значитъ проѣхать 120 улицъ, т.-е. 6 миль

(4 версты). Но переѣздъ этотъ дѣлается въ 25 минутъ, причемъ поѣздъ останавливается на 24 станціяхъ, расположенныхъ на каждой пятой street; конечно, останавливается на 2-3 секунды; конечно, остановка моментальная, подхватываніе поѣзда съ мѣста—тоже. Пока вы подходите къ станціи, пока поднимаетесь на станцію, мимо васъ промчится нѣсколько поѣздовъ. Не останавливаясь передъ кассой,—остановиться не позволитъ идущая сзади васъ публика,—надо сунуть на ходу 5 сентовъ (10 коп.) въ окошечко кассы, получить въ обмѣнъ билетъ (ticket), на ходу же бросить ticket въ стеклянный ящикъ (chopper box). За проваломъ билетика въ копилку наблюдаетъ особый желѣзнодорожный агентъ, большею частью негръ. Въ это время поѣздъ отходитъ, вы опоздали, но горевать нечего: за нимъ, не больше какъ черезъ двѣ-три минуты, а чаще черезъ минуту, идетъ другой. Въ вагонъ надо не входить, а вскакивать и торопиться сѣсть,—иначе, при моментальномъ дерганіи поѣзда, рискуете очутиться на колѣняхъ у сосѣда. Подъ каждой станціей вдоль street, въ уровень съ мостовыми, проложены рельсы для tramway. По этимъ электрическимъ линіямъ вагоны мчатся немного тише, чѣмъ поѣзда elevated, почти наѣзжаютъ на экипажи, на пѣшеходовъ, на велосипедистовъ, но только почти, такъ какъ благодаря сильнымъ тормазамъ, останавливаются моментально. Безопасность общественная отъ этого выигрываетъ, но удовольствіе ѣзды сомнительно. Во всякомъ случаѣ, въ Америкѣ надо имѣть кожу, очень крѣпко пришитую къ костямъ,—иначе всѣ внутренности разболтаются.

Осмотръ Нью-Іорка мы начали съ парка „Castle-Garden", расположеннаго на оконечности полуострова. Паркъ этотъ далеко не представляетъ мѣста отдохновенія и тишины, такъ какъ съ одной стороны онъ граничитъ съ городской суетой, съ трехъ другихъ сторонъ онъ окруженъ водами рѣкъ и морского залива, покрытыми движущимися по всѣмъ направленіямъ пароходами. На одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ города—Broadway—мы насчитали 26 этажей въ домѣ „св. Павла"; пока это самый высокій домъ Нью-Іорка. Расположенная на Broadway площадь „City Hall" особенно поразительна. Среди нея разбитъ хорошенькій паркъ съ цвѣточными клумбами, окруженный чудовищами отъ 12 до 26 этажей, принадлежащими большею частью газетамъ; въ одномъ изъ этихъ домовъ помѣщается почта. Отъ почты иду по Park-Row, не идя по срединѣ улицы только изъ боязни быть раздавленнымъ, но постоянно перебѣгая справа налѣво, чтобы видѣть правые дома, и слѣва направо, чтобы видѣть лѣвые дома. Пройдя нѣсколько шаговъ, попадаю въ такое мѣстечко Нью-Іорка, что

у меня закружилась голова. Я стоялъ подъ желѣзной колоннадой. Надо мной неслись съ грохотомъ поѣзда. Передо мной, сзади, слѣва, справа отъ меня двигались вагоны электрическихъ дорогъ, двигались съ быстротой 20—25 верстъ въ часъ. Кажется, вагонъ летитъ на васъ. Стойте смирно, не шевелитесь; вагонъ круто поворачиваетъ по рельсамъ; хвостъ его, какъ-то непривычно для нашего глаза, относитъ въ сторону. Вотъ вагонъ сейчасъ, кажется, влѣпитъ другому въ бокъ, но разъѣзжаются, буквально, на полъ-аршинѣ.

Намѣтивъ соотвѣтствующій вагонъ, я поѣхалъ на 6-й ave, гдѣ пересѣлъ на elevated, доѣхалъ до 50-ой street и прошелся по Центральному-Парку. При распланированіи города американцы оставили подъ „Central-Park“ кусочекъ площадки въ 4 кв. версты „неудобной“ земли, состоящій изъ болотъ и скалъ, истратили на него 30 милліоновъ рублей и сдѣлали изъ него чудный уголокъ природы, съ массой разнообразныхъ видовъ. По парку пролегаютъ 16 верстъ безукоризненнаго шоссе, 10 верстъ спеціальныхъ дорожекъ для всадниковъ и 45 верстъ дорожекъ для пѣшеходовъ. Всѣ эти дороги большею частью пересѣкаются въ разныхъ горизонтахъ, не мѣшая одна другой. Кромѣ того, нѣсколько городскихъ улицъ пересѣкаютъ паркъ, проходя или подъ парковыми дорогами, или надъ ними. По срединѣ парка два громадныхъ резервуара рѣки Кротонъ, по размѣрамъ напоминающіе озера. Часть парка полуобработана, сохранила характеръ лѣса, въ которомъ на свободѣ живутъ граціозныя бѣлки. Въ паркѣ много памятниковъ, въ томъ числѣ игла Клеопатры, подаренная Нью-Іорку Измаиломъ-пашой въ 1877 г. Сестру этой иглы мы видѣли въ Александріи. Нельзя сказать, чтобы скульптурные американскіе памятники украшали паркъ.

Сегодня, въ субботу, въ паркѣ аристократическое гулянье. Лошади, экипажи, выѣзды и экстравагантные дамскіе туалеты поразительны. Завтра, въ воскресенье, какъ предупредили меня пароходные спутники В., катанье будетъ еще роскошнѣе, но „нашего общества въ воскресенье въ паркѣ видѣть нельзя,—по воскресеньямъ катаются большею частью евреи“. При входѣ въ паркъ расположенъ звѣринецъ, тоже „американскій“ звѣринецъ, т.-е. колоссальный и даровой. Звѣринецъ занимаетъ часть парка, и въ немъ масса звѣрей,—напримѣръ, стадо слоновъ, три чудовищныхъ гиппопотама и т. д. Пасть одного, самаго большого гиппопотама болѣе двухъ аршинъ отъ угла до угла. Ворота изъ звѣринца выходятъ на 5-й ave. На этой аристократической улицѣ Нью-Іорка не только нѣтъ elevated, но даже и рельсовъ по землѣ,

и только конные омнибусы допускаются къ ѣздѣ по ней. Прогулка по 5-й ave на крышѣ такого омнибуса особенно интересна въ субботу, когда омнибусъ едва движется среди нарядныхъ элегантныхъ экипажей. Сама улица представляетъ непрерывную, на протяженіи 9 верстъ, выставку chef d'œuvre'овъ архитектуры, да еще невиданной, изумительной архитектуры. Не говоря уже про спеціальный типъ домовъ-чудовищъ, представляющихъ изъ себя желѣзныя сооруженія, стѣны которыхъ заполнены только частью кирпичомъ, большею же частью зеркальными громадными стеклами, американцы оказались народомъ, обладающимъ въ высшей степени вкусомъ и мѣрой изящнаго. Конечно, ихъ колонны все тѣхъ же классическихъ орденовъ; они, конечно, не выдумали новаго стиля, но надо видѣть, какъ они разработываютъ renaissance и особенно готику въ своихъ церквахъ. Пятая ave— улица дворцовъ, изъ которыхъ худшій не сконфузилъ бы любую европейскую столицу.

Впечатлѣній для перваго дня въ Америкѣ довольно,—можетъ быть, и съ избыткомъ довольно; какъ въ чаду отъ всего видѣннаго, вернулся я домой, и ночью все просыпался: то—снилось мнѣ—я не успѣлъ выйти изъ вагона, то не могу сосчитать всѣхъ этажей дома, то на меня мчится автомобиль...

III.

Нью-Іоркъ.

На слѣдующій день, въ воскресенье, предполагаемъ прогулку по Нью-Іорку, начиная отъ дальняго конца его. Чтобы добраться до этого дальняго конца города, приходится пройти пѣшкомъ не болѣе ста шаговъ; остальное путешествіе совершается со скоростью 20—25 верстъ въ часъ въ вагонахъ электрическаго tramway и парового elevated. Въ Riverside Park'ѣ, расположенномъ на возвышенномъ берегу Гудзона, масса велосипедистовъ катается по воскресеньямъ. Подобно саранчѣ, они ѣдутъ въ двѣ колонны, одна на встрѣчу другой. На протяженіи двухъ верстъ стоятъ въ канавкахъ велосипеды отдыхающихъ спортсменовъ; они сидятъ тутъ же на скамейкахъ. Велосипедами не только заполнены канавки, но велосипеды стоятъ прислоненные къ парапету набережной. Катаются оба пола безъ различія возрастовъ; не рѣдкость видѣть бабушку съ внуками. Заводы, приготовляющіе велосипеды, дѣлаютъ въ Америкѣ большія дѣла и довели стоимость велоси-

педа до 20 долларовъ (меньше 40 р.) за штуку, но прочностью, надо признаться, такіе велосипеды не отличаются.

Тотчасъ при входѣ въ паркъ стоитъ нѣчто въ родѣ храма—гробница генерала Гранта и его жены. Гробница представляетъ изъ себя копію гробницы Наполеона въ „Hôtel des Invalides", стòитъ милліонъ рублей и сооружена исключительно на средства, вырученныя отъ продажи жетоновъ съ ея изображеніемъ. Это обстоятельство особенно льститъ національному чувству американцевъ, и они охотно это вездѣ разсказываютъ.

Пройдя черезъ „Riverside Park" и затѣмъ прилегающій къ нему „Morning Park", можно попасть въ „Central Park", почти не выходя изъ зелени. Для удобства осмотра этого „Central Park" по немъ ходятъ элегантные шарабаны, „park-carriadge". За 25 сентовъ (50 к.) такой park-carriadge обвозитъ васъ кругомъ всего парка, причемъ билетъ годенъ въ теченіе сутокъ, съ правомъ прервать въ любомъ мѣстѣ прогулку. Пользуясь этимъ правомъ, можно остановить карету около „Casino" и позавтракать среди чуднаго парка, сзади котораго въ дымкѣ вырисовываются на небѣ силуэты—не горъ, а домовъ. И это очень оригинально и довольно красиво. Возвращаясь домой опять по вчерашней 5-й ave, и опять на крышѣ омнибуса, мы засматриваемся на архитектуру домовъ и единогласно ставимъ на первое мѣсто увитую зеленымъ плющомъ маленькую готическую церковь, недалеко отъ собора св. Патрика, —кажется, св. Ѳомы.

Утромъ я пожелалъ взять ванну; ванны гостинницы въ этотъ моментъ оказались всѣ занятыми, и мнѣ посовѣтовали взять ванну у парикмахера. Таковъ здѣсь обычай: почтовыя марки продаются въ аптекахъ, ванны берутся у парикмахеровъ, морожеными и прохладительными напитками торгуютъ также аптеки.

Сегодня понедѣльникъ, и улицы Нью-Іорка еще болѣе оживлены. Банкиръ Hoffman, къ которому намъ слѣдовало зайти, помѣщается въ самомъ центрѣ дѣлового Нью-Іорка, такъ называемаго down-town (нижняго города). Подъемъ къ нему на домовыхъ lift'ахъ (подъемная машина) не совсѣмъ пріятенъ, благодаря большой скорости движенія машинъ; спускъ въ lift'ѣ еще непріятнѣе. Недалеко отъ нашего банкира находится денежная биржа. Боже, что̀ мы увидали, зайдя на верхнюю галерею биржевого зала и заглянувъ съ нея въ залъ! Дикіе звѣри при видѣ мяса ведутъ себя скромнѣе. Тутъ азартъ ничѣмъ не прикрывается; совершенно приличные на видъ джентльмены бѣгаютъ, орутъ, толкаются...

Одно изъ модныхъ мѣстъ Нью-Іорка—кондитерская „Гюлеръ".

Эта кондитерская тянется вглубь саженъ на пятнадцать; стойка около одной изъ стѣнъ торгуетъ только прохладительными напитками, и къ стойкѣ этой трудно протолкаться. Особенно въ ходу ice-soda-cream, или мороженое, на которое нацѣживается подъ большимъ давленіемъ содовая вода. „Гюлеръ“ вошелъ въ моду, и поэтому у него уже не одна, а нѣсколько кондитерскихъ въ Нью-Іоркѣ, да и не въ одномъ Нью-Іоркѣ, а во всѣхъ большихъ американскихъ городахъ. Ресторанъ нашего отеля „H. Martin“ имѣетъ репутацію европейско-французскаго ресторана; вѣроятно, въ вящшее отличіе его отъ американскихъ ресторановъ, въ столовой его разрѣшается куреніе. Избѣгая табачной атмосферы, мы обѣдали въ находящемся недалеко отъ насъ „House Morton-Ladies restaurant“, большинство посѣтителей котораго—дамы. Женщина въ американскихъ городахъ никогда и нигдѣ не нуждается въ кавалерѣ, какъ его понимаютъ въ Европѣ. Въ мѣста, открытыя для доступа женщинѣ, онѣ идутъ съ полной увѣренностью на полную безопасность. Несмотря на всю видимую дѣловитость и эмансипацію американскихъ лэди, онѣ не забываютъ носить чудовищныхъ размѣровъ шляпы. Кто-то, въ своемъ описаніи Америки, замѣтилъ, что парижскія модистки поставляютъ американкамъ „завтрашнія“ моды.

Безпокойный духъ любопытства, особенно присущій туристамъ, заставилъ насъ однажды измѣнить излюбленному нами „House Morton-Ladies restaurant“ и зайти въ одинъ изъ многочисленныхъ ресторановъ „Child“. Это тоже широко раскинувшаяся по всей Америкѣ организація дешевыхъ столовыхъ, гдѣ подаютъ великолѣпное молоко, плохой обѣдъ, и гдѣ прислуживающія интеллигентныя миссъ произносятъ негодующее: „о-о!“, если неопытный посѣтитель обратится къ нимъ съ просьбой о винѣ. Пришлось ограничиться великолѣпнымъ молокомъ и плохимъ супомъ.

Движеніе при въѣздѣ на бруклинскій мостъ сегодня, въ понедѣльникъ, благодаря будничному дню, оказалось еще сильнѣе, а пребываніе на этомъ мѣстѣ вечеромъ хотя бы и недолгое время—еще головокружительнѣе, чѣмъ днемъ. Вечеромъ эта площадка освѣщена электричествомъ пожалуй сильнѣе, чѣмъ днемъ; мельканіе ярко освѣщенныхъ прозрачныхъ вагоновъ еще непріятнѣе и утомительнѣе. Вскочивъ въ проходящій мимо насъ электрическій вагонъ, мы промчались въ немъ въ Бруклинъ черезъ East-River, по знаменитому висячему мосту, величайшему изъ висячихъ мостовъ въ свѣтѣ, стоившему 30 милліоновъ рублей. Длина моста—900 слишкомъ саженъ, разстояніе между опорами—

250 саженъ. Подъ мостомъ проходятъ морскія суда. По мосту проходятъ и проѣзжаютъ до 160 тысячъ людей ежегодно. По рединѣ, поверху идутъ пѣшеходы. Подъ пѣшеходами идетъ желѣзная дорога elevated; по бокамъ—желѣзныя дороги для электрическихъ tramway и обыкновенныя—для экипажей и велосипедистовъ. Tramway идутъ со скоростью 20—25 верстъ и обгоняютъ ѣдущіе рысью экипажи, а средняя паровая желѣзная дорога идетъ со скоростью до 50 верстъ. Ѣдете вы въ стеклянномъ вагонѣ желѣзной дороги; слѣва отъ васъ уходятъ назадъ, пятясь, обгоняемые вами поѣзда, экипажи; справа мелькаютъ встрѣчные поѣзда, экипажи. Вотъ расположеніе горизонтовъ всего этого движенія мѣняется: нашъ поѣздъ идетъ немного вверхъ, поѣзда боковые идутъ внизъ, надъ ними спускаются пѣшеходы... Подъ всѣмъ этимъ, на глубинѣ 25 саженъ—громадная рѣка, кишащая океанскими пароходами, и два—конца имъ не видать—города, Нью-Іоркъ и Бруклинъ. И вездѣ огни, электрическія иллюминаціи, колоссальныя рекламы—въ нѣсколько саженей буква,—постоянно мѣняющія свѣтъ. Выскочивъ изъ вагона въ Бруклинѣ, мы пересѣли въ обратный вагонъ электрической дороги, идущій медленнѣе, чѣмъ мы ѣхали, и, пересаживаясь затѣмъ нѣсколько разъ, добрались до угла 8-ой street и Университетской. Опять до нашего дома намъ осталось пройти не болѣе ста шаговъ. Планъ Нью-Іорка не вполнѣ выдержанъ въ маленькой части, старомъ коммерческомъ Нью-Іоркѣ, такъ называемомъ down-town, гдѣ находится и наша гостинница; въ этой части улицы и проспекты носятъ различныя имена, напр. Университетская и друг.

20-го апрѣля (2 мая) продолжаемъ наше знакомство съ Нью-Іоркомъ, основавъ программу сегодняшняго дня на заявленіи „Бедекера", что лучшія улицы Нью-Іорка—5-ая ave, Broadway, Madison Square, 14-я и 23-я streets. По всѣмъ этимъ улицамъ считаемъ обязанностью—гдѣ проѣхать, гдѣ пройти, мѣстами перебѣгая черезъ улицу, а вся длина ихъ—нѣсколько вѣдь верстъ. Уличное движеніе по всѣмъ этимъ улицамъ сильнѣе въ будни, чѣмъ въ праздники, и въ теченіе сутокъ замѣтно сокращается въ часы завтраковъ и обѣдовъ. Но это сокращеніе уличнаго движенія вовсе не отзывается на количествѣ обращающихся общественныхъ вагоновъ и поѣздовъ; только въ извѣстные промежутки времени вагоны ходятъ почти порожніе. На пересѣченіи Центральнаго Парка съ 81-ой улицей расположено обширное зданіе „Metropolitan Museum of art", составляющее только часть будущаго зданія, которое „и по размѣрамъ своимъ должно быть достойно города Нью-Іорка", какъ заявилъ одинъ изъ консерваторовъ музея. Вѣр-

нѣе было бы называть эти зданія монументами. Въ украшеніе фасадовъ ихъ входятъ цементныя колонны размѣрами съ колонны Исаакіевскаго собора. Строящаяся часть зданія при немъ складывается изъ большихъ цементныхъ штукъ на желѣзныхъ штыряхъ, поднимаемыхъ и укладываемыхъ на мѣсто при помощи гигантскихъ паровыхъ крановъ и блоковъ. При входѣ въ помѣщеніе, уже открытое для публики, расположены египетскія и греческія коллекціи. По срединѣ зданія, въ залѣ, освѣщенномъ сверху, выставлены громадныя модели болѣе знаменитыхъ сооруженій всего свѣта,—такъ, напр., „Notre Dame de Paris“, римскаго Пантеона и друг. Всѣ коллекціи—это опять американская особенность—расположены очень широко, около каждой вещи можно свободно обойти, одна вещь не лѣзетъ на другую. По нашему, по европейскому, въ этомъ зданіи можно было бы потѣсниться, а американцы думаютъ иначе...

Возвращаясь домой къ завтраку, я зашелъ въ bar выпить кружку содовой воды. Хозяинъ bar'а вступилъ въ разговоръ и задалъ мнѣ вопросъ о моей національности. Я предложилъ ему угадывать. Перебрали безуспѣшно французовъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, испанцевъ, бельгійцевъ, датчанъ; узнавъ, что я русскій, почтенный хозяинъ обрадовался, засуетился, спросилъ: „чи панъ мўве по-польску“; это былъ пинскій уроженецъ, настоявшій на рукопожатіи въ качествѣ русскаго... Желая хотя немного взглянуть на домашній семейный бытъ американцевъ, мы съ женой рѣшили поступиться на одинъ день нашей полной свободой туристовъ, не имѣющихъ знакомыхъ въ городѣ, и поѣхали разыскивать миссисъ Н., къ которой мы имѣли письмо отъ ея родственницы, миссисъ Р., нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселившейся въ Россіи. Н.—люди средняго достатка и занимаютъ скромную квартиру на 93-й улицѣ. Но эта квартира все-таки, какъ всѣ американскія жилища, совершенно изолирована и расположена въ отдѣльномъ домикѣ въ четыре этажа. Любезная хозяйка водила насъ по всему дому. Наверху помѣщается комната ея младшаго, еще грудного ребенка и прислуги, въ 3-мъ этажѣ —спальни хозяйки, ея мужа и ихъ старшей дочери; во 2-мъ этажѣ —гостиная и столовая, въ 1-мъ этажѣ—кабинетъ мужа и кухня. Вездѣ проведены вода и электричество, комнаты отапливаются газомъ, блюда подаются элеваторами. Повторяю,—это обычная обстановка квартиръ людей средняго достатка, живущихъ своимъ трудомъ.

Пользуясь относительно раннимъ временемъ, мы успѣли побывать на выставкѣ картинъ американскихъ художниковъ, устроен-

ной въ изящномъ небольшомъ зданіи „The national academy of design“, расположенномъ на углу 4-й ave и 23-й street.

Откровенно сознаемся, что ѣхали мы съ большимъ предубѣжденіемъ, ѣхали больше очищая совѣсть по долгу туристовъ. И тѣмъ пріятнѣе для насъ было противное. Выставка опять-таки совсѣмъ не похожа на видѣнныя нами до сихъ поръ. Заплативъ за входъ по 25 сентовъ (50 коп.), что̀ замѣчательно дешево для Америки, поднимаемся по широкой мраморной лѣстницѣ во второй этажъ. Стѣны верхней площадки лѣстницы украшены выставленными картинами. Съ каждой стороны лѣстницы расположено по залу, всего 4 зала. И лѣстницы, и залы богато убраны коврами, картинъ выставлено немного, всего около 300, освѣщены очень умѣло черезъ потолокъ, обтянутый горизонтально полотномъ, отчего получается пріятный разсѣянный свѣтъ. Нигдѣ нѣтъ выставочнаго каленкора и уродливыхъ станковъ и мольбертовъ; всѣ картины развѣшаны по стѣнамъ. По срединѣ—мягкіе диваны, кресла; къ услугамъ посѣтителей—маленькіе письменные столы со всѣми приспособленіями; шаговъ по мягкимъ коврамъ не слышно. Очевидно, американцы полагаютъ, что комфортабельная домашняя обстановка не умаляетъ удовольствія созерцанія хорошихъ картинъ, хотя бы это была и выставка ихъ. Что же касается самыхъ картинъ, то нельзя не отмѣтить непривычное для европейскихъ выставокъ отсутствіе плохихъ или сомнительныхъ произведеній. Нѣсколько пейзажей и портретовъ настолько хороши, талантливы и оригинальны, что заставили насъ побывать на этой выставкѣ еще два раза. Несмотря на дешевыя входныя цѣны, несмотря на дешевизну (25 сентовъ) прекрасно изданнаго иллюстрированнаго каталога, —нельзя сказать, чтобы выставка была популярна. Посѣтителей немного. Посѣщеніе картинныхъ выставокъ въ Америкѣ вошло въ моду пока среди американскаго high society (понимать надо—милліонеровъ), но еще не практикуется среднимъ классомъ. Поэтому, несмотря на малочисленность посѣтителей на выставкѣ, предъ крыльцомъ ея на улицѣ большой съѣздъ разныхъ элегантныхъ собственныхъ экипажей. Въ нижнемъ этажѣ того же зданія помѣщены читальни студентовъ академіи; въ одной изъ читаленъ, среди роскошной художественной обстановки изъ персидскихъ, японскихъ и другихъ экзотическихъ ковровъ, тканей, бронзъ и фарфоровъ, мы съ удовольствіемъ отдохнули за чашкой душистаго китайскаго чая, сервированнаго намъ какой-то хорошенькой miss, переодѣтой японкою. Почтенная дама-патронесса взыскала съ насъ по 15 с. (30 коп.) за чай. Выйдя изъ этого

фешенебельнаго уголка Нью-Іорка на демократическія улицы, мы попали, вѣроятно, для бóльшаго контраста впечатлѣній, подъ дождь, пошедшій какъ-то вдругъ, безъ предупрежденій. Не успѣли мы скрыться въ первый проходящій вагонъ, какъ разразилась гроза, да вѣдь какая,—тоже американская. Повидимому, громадное количество электричества въ Нью-Іоркѣ, въ связи съ массой желѣза и высотой большинства зданій, вліяетъ на грóзы надъ Нью-Іоркомъ. Такъ или иначе, но гроза въ Нью-Іоркѣ—зрѣлище весьма внушительное и просто-таки страшное. Въ вагонъ, въ который мы вскочили, вслѣдъ за нами стала вскакивать публика, и вскорѣ въ вагонѣ съ 70 мѣстами набралось 200 человѣкъ. Какъ неожиданно началась гроза, такъ же моментально она и окончилась.

Наканунѣ отъѣзда нашего изъ Нью-Іорка, кромѣ повторительнаго визита на картинную выставку мѣстной академіи живописи, намъ удалось побывать въ „American Museum of Natural History“, расположенномъ въ Центральномъ-Паркѣ. Это наша кунсткамера, только опять предметы выставлены тамъ такъ широко, какъ намъ и во снѣ не снилось. Въ обширномъ залѣ съ 1.000 креселъ (Lecture room или Aula) въ видахъ народнаго образованія происходятъ публичныя и, разумѣется, съ безплатнымъ входомъ, чтенія, сопровождаемыя туманными картинами. Коллекція породъ деревьевъ занимаетъ сосѣдній залъ Каждая порода представлена пнемъ съ разрѣзами долевымъ и поперечнымъ; на каждомъ пнѣ—карта Америки, съ указаніемъ района нахожденія породы. Все это—за громадными зеркальными стеклами. Такъ же богато составлены и расположены коллекціи камней, минераловъ и т. п. Въ роскошномъ антропологическомъ отдѣленіи расы людскія представлены группами восковыхъ фигуръ, воспроизводящими картины семейнаго быта, промысловъ, ремеслъ и т. п. Въ подвальномъ этажѣ зданія расположены уборныя. Вездѣ—мраморъ, никкель, электричество, а главное—вездѣ ширь, свобода, безукоризненная вентиляція. Двери въ кабинеты начинаются на высотѣ $^1/_8$ аршина отъ полу и кончаются на высотѣ 2 арш.—ноги и голова посѣтителя всегда на виду подъ контролемъ всей публики. Въ томъ же обширномъ залѣ находится десятка полтора мраморныхъ умывальниковъ; изъ никкелированныхъ крановъ можно всегда получать теплую и холодную воду. Останавливаюсь надъ описаніемъ этой уборной, такъ какъ она не составляетъ исключительной особенности, но представляетъ типичное, повсемѣстно въ Соед.-Штатахъ распространенное явленіе. Всѣ общественныя зданія и всѣ отели обяза-

тельно имѣютъ уборныя, безукоризненно устроенныя и съ безплатнымъ входомъ для всѣхъ прохожихъ. На полкахъ мраморныхъ умывальниковъ этихъ уборныхъ лежатъ груды полотенецъ. Если прислуга зазѣвается и не успѣетъ во-время подложить чистыхъ полотенецъ, посѣтитель звонитъ и требуетъ полотенецъ, ничего не платя за это. Впрочемъ, „Бедекеръ“ говоритъ, что содержатели гостинницъ жалуются на тягость этой повинности, возложенной на нихъ, взамѣнъ какихъ-либо уличныхъ подобныхъ устройствъ, въ Америкѣ совершенно отсутствующихъ.

Для сообщенія между этажами музея къ услугамъ посѣтителей имѣются нѣсколько элеваторовъ, пользованіе которыми, какъ и вездѣ, безплатно, хотя и внутреннія лѣстницы зданія достаточно пологи и удобны. Во второмъ этажѣ помѣщены чучела млекопитающихъ и хищныхъ. Кромѣ отдѣльныхъ экземпляровъ, большею частью чудовищныхъ размѣровъ, разставленныхъ въ стеклянныхъ шкапахъ по стѣнкамъ, по срединѣ залы установлены стеклянныя клѣтки, доходящія размѣрами до 15 аршинъ на 7 аршинъ въ планѣ. За цѣльными зеркальными стеклами этихъ клѣтокъ установлены цѣлыя группы животныхъ. Вотъ, напр., стадо лосей пасется въ осенней рощицѣ. Самка гложетъ осенніе красные листья съ дерева, самецъ насторожился. Двое молодыхъ лосятъ пьютъ изъ ручейка, переданнаго цвѣтными стеклами. Для полноты иллюзіи—тутъ же на травкѣ лежитъ пометъ животныхъ. Такъ же правдиво, живо и художественно скомпонованы группы изъ жизни бобровъ, бизоновъ, коршуновъ и т. д.

Въ слѣдующемъ залѣ выставлены полные скелеты мастодонта, ихтіозавра. Чудовищные морскіе восьминоги, пульпы, подвѣшены къ потолку въ расправленномъ видѣ и достигаютъ въ діаметрѣ до 4 саженъ; такая штучка можетъ свободно закусить человѣкомъ.

За обѣдомъ у Н., хозяинъ дома интересовался впечатлѣніемъ, которое произвело на насъ четырехдневное пребываніе въ Нью-Іоркѣ и хвастался планомъ Нью-Іорка. Я признался, что планъ геніаленъ, но еще двѣсти лѣтъ тому назадъ Петръ Великій, закладывая основаніе Петербурга, распланировалъ Васильевскій-Островъ именно по такому же плану. Изъ скромности, я умолчалъ, что Петербургъ только началъ съ геніальнаго плана; Нью-Іоркъ же, основанный кое-какъ, безъ плана, скоро спохватился и кончилъ геніальнымъ планомъ. Благодаря удобству плана и быстротѣ перемѣщеній, нигдѣ не удавалось мнѣ видѣть за короткое время такъ много, какъ въ Нью-Іоркѣ. Любезность американцевъ внѣ сомнѣнія, только надо знать, къ кому обратиться. Нельзя, конечно, разговаривать съ кондукторомъ,—ему, очевидно, некогда, но на ко-

роткій, быстрый и дѣловой вопросъ всегда получается такой же отвѣтъ, кидаемый на ходу. „Бедекеръ" предупреждаетъ, что въ Америкѣ часто приходится обижаться на грубость прислуги, и совѣтуетъ не требовать отъ нея услугъ сверхъ обычныхъ. Въ этомъ совѣтѣ и заключается объясненіе пресловутой грубости американской прислуги. За все время пребыванія нашего въ Америкѣ, мы не видали даже намека на грубость прислуги, если не считать грубостью, что швейцары не вытягиваются въ струнку и, кланяясь посѣтителю, ограничиваются кивкомъ головы, что кондуктора, окончивъ контроль билетовъ, садятся на диваны въ томъ же вагонѣ, рядомъ съ вами, разговариваютъ безъ подобострастныхъ позъ, но дѣлаютъ все, что надо.

IV.

Ніагара.

Въ нью-іоркской конторѣ Кука, при разработкѣ дальнѣйшаго маршрута нашего путешествія, мы остановились на пароходѣ „Gaelic", отходящемъ изъ St.-Francisco въ часъ дня 13 (25) мая. На Америку, такимъ образомъ, намъ оставалось всего четыре недѣли. Проѣздъ изъ Нью-Іорка до С.-Франциско, избранный нами по Burlington-line, предоставлялъ право остановки въ пути. Поѣздка на Ніагару являлась лишь маленькимъ уклоненіемъ отъ этого пути, на которое мы рѣшились, полагая, что Ніагара въ Америкѣ—въ родѣ папы въ Римѣ: нельзя быть въ Америкѣ и не видать Ніагары.

Во время путешествія по Америкѣ багажъ стѣсняетъ туриста менѣе чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ. Не желая таскать за собой большой багажъ, еще наканунѣ отъѣзда изъ Нью-Іорка я сдалъ у себя же въ гостинницѣ два нашихъ большихъ чемодана expressman"'у (примѣнительно къ нашимъ порядкамъ—„артельщику"), который, не взвѣшивая сундуковъ, нацѣпилъ на нихъ по мѣдному кружечку съ нумерами, дубликаты этихъ кружечковъ далъ мнѣ, записалъ, что я желаю получить мои вещи въ городѣ Чикаго, въ гостинницѣ „Аудиторіумъ", взыскалъ одинъ долларъ, и этимъ окончилась операція сдачи багажа, занявшая около трехъ минутъ. По пріѣздѣ нашемъ въ Чикаго, при записываніи у входа въ „Hôtel Auditorium" нашихъ именъ въ книгу для обитателей отеля, я вручилъ конторщику свои чеки, и черезъ пять—десять минутъ багажъ былъ доставленъ въ нумеръ.

Въ день отъѣзда нашего изъ Нью-Іорка мы были на центральномъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ Нью-Іорка за четверть часа до отхода поѣзда. Вопреки распространенному ходячему мнѣнію объ отсутствіи какихъ-либо личныхъ стѣсненій пассажирамъ на желѣзныхъ дорогахъ въ Америкѣ, мы нашли, что не только на желѣзныхъ дорогахъ, но и въ гостинницахъ, и въ театрахъ, публика обставлена гораздо бо́льшими требованіями, чѣмъ въ Европѣ, но подчиняется этимъ требованіямъ американская толпа безапелляціонно. Личной свободы у каждой отдѣльной личности въ общественныхъ мѣстахъ въ Америкѣ гораздо меньше, чѣмъ въ Европѣ, опека надъ толпой въ Америкѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо.

За пять минутъ до отхода нашего поѣзда, отошелъ предыдущій, и только тогда насъ стали пускать на платформу. Нашъ поѣздъ „Empiry State Express“ дороги „New-York Central and Hudson River“ рекламируется какъ „fastest regular train in the world“ (самый быстрый поѣздъ въ мірѣ)—такъ пропечатано въ росписаніи. И дѣйствительно, 143 мили (215 в.), отъ Нью-Іорка до Альбани, поѣздъ этотъ пробѣгаетъ, не останавливаясь, въ 2 часа 40 минутъ, т.-е. со средней скоростью около 80 верстъ въ часъ. Вагоны всѣ одного класса, въ поѣздѣ всего 4 вагона. Первый отъ локомотива вагонъ—для курильщиковъ; второй и третій—ladie's car, но тутъ сидятъ и некурящіе мужчины. Послѣдній вагонъ—parlor car, или салонъ, за пользованіе креслами котораго полагается добавочная плата. Нашъ вагонъ—проходной порединѣ, съ диванчиками, на два мѣста каждый, по бокамъ. Спинки диванчиковъ перекидныя. Всѣ 70 пассажировъ—на виду другъ у друга; приспособленій для багажа никакихъ нѣтъ. Въ углу каждаго вагона—купэ съ туалетомъ. Вагоны всѣ на трехъ-осныхъ телѣжкахъ. Стѣны вагоновъ сплошь изъ стеклянныхъ оконъ. Едва пассажиры успѣли войти въ вагоны и размѣститься въ нихъ согласно безапелляціоннымъ указаніямъ кондукторовъ, поѣздъ помчался. Сигналомъ отправленія служило „all right“ оберъ-кондуктора, сказанное имъ машинисту,—ни свистковъ, ни звонковъ не было. Легкій поѣздъ сразу развилъ большую скорость, съ которой мы мчались 2 часа 40 минутъ. Многія дамы и нѣкоторые кавалеры поблѣднѣли и, видимо, чувствовали себя нехорошо; хотя даже и при этой скорости нельзя было пожаловаться на качку или тряску, благодаря отличному подвижному составу, но это непрерывное, въ теченіе трехъ часовъ, мельканіе въ окнахъ, этотъ шумъ, этотъ ревъ локомотивовъ, эти быстрые повороты,—все это, конечно, не было нормальное состояніе человѣка. Воду

паровозъ набираетъ на ходу, опуская трубу на подобіе хобота въ канаву между рельсами, наполненную водой. Вскорѣ послѣ отхода поѣзда, кондукторъ пошелъ по вагонамъ. Прокооловъ наши билеты, онъ моментально всунулъ мнѣ ихъ за ленту шляпы. При концѣ путешествія, онъ же, проходя мимо меня и не останавливаясь, вынулъ ихъ оттуда. Пассажиръ для кондуктора, очевидно, не живое существо, а нѣчто въ родѣ подставки для билетовъ и, во всякомъ случаѣ, предметъ второстепеннаго значенія, по сравненію съ самимъ билетомъ.

Отойдя отъ станціи, поѣздъ идетъ черезъ Нью-Іоркъ и его предмѣстья, совершенно независимо отъ улицъ, мѣстами надъ ними, мѣстами—тоннелями—подъ ними. Далѣе, за предмѣстьями Нью-Іорка, поѣздъ идетъ по лѣвому берегу рѣки Гудзонъ вверхъ противъ теченія ея. Гудзонъ своей шириною ближе всего напоминаетъ низовья нашего Амура, но съ тою, впрочемъ, разницею, что на Амурѣ мы не замѣтили ни морскихъ судовъ, ни желѣзныхъ дорогъ по обоимъ берегамъ рѣки, ни доковъ, ни верфей, ни фабрикъ, ни желѣзныхъ мостовъ, ни многаго чего другого, что̀ мы видѣли на Гудзонѣ.

Верстахъ въ пятнадцати за Нью-Іоркомъ начинается „palissades“, т.-е. скалистый базальтовый берегъ въ видѣ колоннъ, высотою до 75 саженъ. Городки и ихъ станціи мелькаютъ такъ быстро, что не всегда успѣваешь прочесть названіе станціи. Въ промежуткахъ между заселенными мѣстами попадаются безмятежные ландшафты. Очень хорошо сочетаніе широчайшей рѣки съ укромными уголками и заливчиками ея лѣваго берега, по которому мы мчимся, но характернѣе и интереснѣе та промышленная энергическая дѣятельность, слѣды которой повсюду видны на рѣкѣ и ея берегахъ.

Время подходитъ къ полудню. Негръ-лакей предлагаетъ карточку завтрака, на которой во всѣхъ видахъ, даже въ видѣ супа, фигурируютъ излюбленныя американцами устрицы. Передъ нами устанавливается дощечка, долженствующая изображать столъ, и мы отлично позавтракали, придерживаясь спеціальныхъ американскихъ яствъ и питей и удовлетворяя такимъ образомъ не только нашъ аппетитъ, но и несносную любознательность туристовъ. Въ menu нашемъ фигурировали поэтому знаменитыя нью-іоркскія устрицы blue-point, калифорнское бѣлое вино и замороженный чай. Сосѣдъ нашъ, заказавъ себѣ завтракъ вслѣдъ за нами, замѣтилъ намъ, что сегодня за нами „рикордъ“ перваго (по времени) завтрака въ вагонѣ. Не поручусь, что мы не послужили объектомъ для какого-нибудь пари.

Въ Albany поѣздъ стоялъ $3^1/_2$ минуты; часть пассажировъ ушла, часть вошла на ихъ мѣсто. У всѣхъ багажъ не болѣе одного чемоданчика, если не „установленнаго", то установившагося образца: длиною 26″, шириною 13″ и высотою $6^1/_2$″. Только такой чемоданчикъ можетъ быть запихнутъ подъ сидѣнье. Отъ Albany до Utica мы помчались еще быстрѣе, чѣмъ изъ Нью-Іорка, сдѣлавъ 96 миль въ 1 ч. 45 м. Конечно мѣстами мы ѣхали немного тише средняго, но мѣстами подхватывали такъ, что духъ замиралъ. Въ городѣ Сиракузы поѣздъ пошелъ много медленнѣе, такъ какъ поѣздъ шелъ по улицамъ города, ничѣмъ и никѣмъ по обыкновенію не огороженный, по тѣмъ же рельсамъ, по которымъ ходятъ городскіе tramway. Но зато паровозъ все время звонитъ и воздерживается отъ свиста, вѣрнѣе говорить—отъ рева.

Въ Buffalo намъ пришлось оставить нашъ поѣздъ, идущій прямо въ Chicago. На перемѣну поѣзда съ покупкой билетовъ отпущено съ запасомъ—4 минуты. И дѣйствительно, такъ все устроено, что этихъ 4 минутъ достаточно съ запасомъ. На перегонѣ Buffalo-Niagara въ вагонѣ появился коммиссіонеръ, черезъ посредство котораго предоставляется возможность еще въ вагонѣ обзавестись и нумеромъ въ одной изъ гостинницъ городка Ніагара, и экипажемъ на прогулку по водопадамъ, и билетами на разные элеваторы, канатныя дороги и тому подобное, чего при осмотрѣ Ніагары туристу миновать не полагается.

На эту Ніагару мы пріѣхали подъ вечеръ. Нашъ „Hôtel Imperial", въ который мы запродались еще въ поѣздѣ, оказался, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ желѣзнодорожнымъ вокзаломъ. При входѣ въ отель въ Америкѣ посѣтители вписываютъ въ книгу свою фамилію и мѣстность, откуда прибылъ, чѣмъ и оканчивается паспортная операція, дѣлающая совершенно излишними въ Америкѣ наши европейскіе паспорты. Впрочемъ, банкиры, при уплатѣ по европейскимъ переводамъ, будучи американскими банкирами, тѣмъ не менѣе не брезгаютъ заглянуть иногда въ европейскій паспортъ. Послѣ записи въ книгу, отъ путешественника требуются два свѣдѣнія: съ ванной или безъ ванны желаетъ онъ имѣть нумеръ, и по какому плану будетъ онъ жить. Вопросы ставятся краткіе. „Ванна?"—„Да!"—„Американскій, европейскій?"—подразумѣвается: „планъ". По выясненіи плана, на путешественника бросается быстрый, рѣшающій все дѣло взглядъ, и ему вручается ключъ отъ предназначеннаго ему нумера. Вся процедура водворенія въ отель занимаетъ 2—3 минуты. По аме-

риканскому плану путешественникъ поступаетъ на полный пансіонъ гостинницы, за что платитъ отъ 3½ до 5 долларовъ (отъ 7 до 10 р.) въ сутки, въ зависимости главнымъ образомъ отъ гостинницы; въ предѣлахъ одной гостинницы нумера и стоимость ихъ отличаются между собой очень мало, такъ какъ обставлены они всѣ безъ исключенія въ высшей степени комфортабельно, разница же этажей совершенно сглаживается подъемными машинами. Европейскій планъ, очевидно, не въ фаворѣ у содержателей гостинницы. Живущіе по европейскому плану платятъ отъ 2 до 4 долларовъ только за нумеръ и, питаясь, если пожелаютъ, въ томъ же отелѣ,—за однимъ столикомъ со своимъ сожителемъ по гостинницѣ, но живущимъ по американскому плану,—заплатятъ около 5 долларовъ только за питаніе въ теченіе дня. Въ „H. Imperial“ намъ отвели нумеръ-квартирку, состоящую изъ спальни и второй комнаты съ ванной, туалетомъ и прочими удобствами, назначивъ 3½ д. (7 р.) съ каждаго по американскому плану, что̀ по американскимъ цѣнамъ было болѣе чѣмъ сносно. Къ приходу нашего поѣзда обѣденное время нашего отеля окончено, и намъ обѣщанъ въ видѣ исключенія ужинъ, но не раньше какъ черезъ часъ. Желая утилизировать этотъ часъ, выходимъ изъ гостинницы и направляемся на водопады, отлично зная, куда и какъ идти, благодаря подготовкѣ по „Бедекеру“ въ вагонѣ. Практика путешествія научила насъ, что эти предварительныя подготовки тогда только даютъ вполнѣ удовлетворительные результаты, если сдѣланы непосредственно передъ экзаменомъ изъ нихъ.

Городокъ Ніагара невеликъ и молодъ, но, будучи вставленъ въ центръ Петербурга, сконфузилъ бы Петербургъ своимъ превосходствомъ. Улицы въ немъ широкія, мостовыя асфальтовыя; тротуары тоже широкіе и асфальтовые; тумбъ и собакъ для ихъ украшенія нѣтъ; быстроходные и частые tramway, электрическое и газовое освѣщеніе, великолѣпные извозчичьи экипажи, благоустроенная почта, водопроводы, телефоны, парки, монументы...

Шагахъ въ двухстахъ отъ гостинницы, при поворотѣ съ главной улицы въ Prospekt-Park, открывается живописный видъ на скромную часть Ніагарскаго водопада, которую можно назвать правильнѣе водоскатомъ, въ родѣ нашей Иматры. Пройдя по парку нѣсколько сотъ шаговъ до мѣста, съ котораго виденъ большой водопадъ, убѣдившись, что весь водопадъ расположенъ въ натурѣ такъ, какъ мы ожидали, и что мы, слѣдовательно, выдержали экзаменъ изъ предварительной подготовки по „Бедекеру“, мы рѣшили остаться послушными учениками „Бедекера“ и прогуляться

на водопадъ при лунѣ. Для восхищенія водопадомъ при лунномъ освѣщеніи, „Бедекеромъ“ прямо и точно указывается мѣсто: Luna-Island. Этотъ Лунный островокъ лежалъ предъ нами, но теперь не было луны,—значитъ, нельзя было восхищаться. Въ ожиданіи луны, обѣщанной намъ сегодня черезъ два часа, мы вернулись въ гостинницу поужинать, съ твердымъ намѣреніемъ придти черезъ два часа на Luna-Island; но усталость сдѣлала свое дѣло, и описываемый „Бедекеромъ“ лунный эффектъ остался нами непровѣреннымъ.

Въ 8 ч. утра былъ поданъ экипажъ, на который мы имѣли билетъ весьма распространенной по Америкѣ системы. На билетѣ этомъ, или на чекѣ, какъ его называютъ американцы, напечатаны всѣ мѣсяцы, числа мѣсяца отъ 1 до 31, доллары отъ 1 до 100, часы отъ 1 до 12 дня и отъ 1 до 12 ночи, минуты отъ 1 до 60, число пассажировъ отъ 1 до 4, срокъ найма экипажа въ часахъ отъ 1 до 10. Такой билетъ годенъ на всякія комбинаціи; при выдачѣ его мнѣ простригли: 5 мая, 5 долларовъ, 4 часа (продолжительность пользованія экипажемъ), 2 пассажира. Конечно, такая простижка требуетъ меньше времени, чѣмъ заполненіе какого бы то ни было бланка.

Изъ гостинницы насъ везутъ сначала въ противоположную отъ водопадовъ сторону: при описанной системѣ чековъ обязателенъ заѣздъ въ полицейское бюро, въ которомъ записываютъ нумеръ нашего чека и простригаютъ время начала пользованія имъ. Изъ бюро насъ везутъ въ Prospekt-Park, гдѣ мы категорически отказываемся взлѣзть на башню, построенную спеціально для того, чтобы на нее лазали туристы, и сходимъ въ паркъ, чтобы по мостикамъ надъ водопадами пройти на острова „Трехъ сестеръ“, расположенные по срединѣ водопадовъ; за шумомъ и грохотомъ воды, падающей съ высоты 25 саженъ, трудно разговаривать. Послѣ „Трехъ сестеръ“, туристовъ возятъ по парку—вмѣстѣ съ нами ѣздитъ еще нѣсколько экипажей—и заставляютъ поминутно вылѣзать изъ экипажа и сходить на разные висячіе балкончики, откуда видны водопады въ разныхъ положеніяхъ, но все время сверху. Вездѣ надписи, предостерегающія публику выходить за барьеры, вездѣ барьеры, такъ что безопасность посѣщенія этихъ висячихъ балкончиковъ полная, но тѣмъ не менѣе ощущенія и впечатлѣнія сильныя. Затѣмъ, по программѣ туристовъ, слѣдовало бы прокатиться на маленькомъ пароходикѣ, подходящемъ къ подножію водопада, но мы не въ сезонѣ, пароходъ еще не дѣлаетъ рейсовъ, гостинницы по берегамъ водопада еще закрыты. Мы ѣдемъ въ экипажѣ за нѣсколько

верстъ внизъ по рѣкѣ, большею частью не видя ея, и выходимъ на берегу рѣки въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гудзонъ внезапно съуживается до 90 метровъ, образуя такъ называемое Whirlpoolrapids. Глубина Гудзона тутъ—около 120 саженъ. Вода мчится и подпираетъ себя такъ, что по срединѣ рѣки она сажени на 3 выше, чѣмъ у береговъ. Въ этомъ мѣстѣ, въ 1883 году, погибъ знаменитый пловецъ, капитанъ Веббъ, пытавшійся переплыть потокъ. Но послѣ него многимъ удалось это въ бочкахъ. Въ програму обыкновенныхъ туристовъ этотъ опытъ не входилъ, и насъ везутъ дальше. На слѣдующей остановкѣ по наклонной желѣзной дорогѣ мы спустились къ самой водѣ и получили вполнѣ головокружительное впечатлѣніе и отъ самаго спуска къ водѣ, и отъ мчащейся мимо воды. Казалось бы довольно,—но насъ везутъ обратно къ водопадамъ, переѣхавъ черезъ мостъ на другой берегъ рѣки. Этотъ мостъ самъ по себѣ достоинъ вниманія, перекрывая на высотѣ 40 саженъ пролетъ въ 137 саженъ. По мѣрѣ приближенія къ водопадамъ, начинаемъ все болѣе сознавать могущественность и величественность этого чуда природы. Первое впечатлѣніе вовсе не такое сильное; требуется время, чтобы оглядѣться, вникнуть въ масштабы окружающаго, прислушаться къ реву водопадовъ. Чѣмъ больше вы смотрите на водопады, тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе производятъ они на васъ. Нельзя не сознаться, что общему цѣльному наслажденію Ніагарой вредитъ извѣстная опошленность водопада эксплоатаціею туриста. Вездѣ съ васъ спрашиваютъ билеты, вездѣ назойливо предлагаютъ фотографіи, мѣстныя бездѣлушки, вездѣ лѣзутъ гиды съ предложеніями своихъ услугъ и выклянчиваніемъ „на чаекъ". И это тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что, кромѣ Ніагары, въ Америкѣ нигдѣ не существуетъ обычая давать на чай; случалось даже, что прислуга отказывалась отъ подачки, заявляя не безъ достоинства: „мы оплачены".

Дѣло эксплоатаціи силы паденія воды водопада и переработки ея въ электрическую энергію находится еще въ зачаткѣ. Для нѣсколькихъ установленныхъ пока тюрбинъ отведенное подземными галереями количество воды еще не настолько значительно, чтобы отразиться на размѣрахъ самаго водопада. Но нельзя поручиться, что американцы не расхитятъ водопадъ настолько, что онъ уменьшится въ своей величественности.

Одинъ изъ лучшихъ видовъ на Ніагару—съ площадки лѣваго берега. Прямо передъ нами—лѣвый канадскій водопадъ, носящій названіе „Лошадиной-Подковы". На протяженіи версты,—считая по кривой,—валится въ пропасть громадный слой воды. Въ пропасти—

пушечная канонада; столбъ водяной пыли стоитъ надъ водопадомъ, облака брызгъ вылетаютъ иногда выше верхней рѣки, въ брызгахъ—радуга.

Немного не доѣзжая до начала водопада, среди хорошенькаго „Queen Victoria Niagara Falls Park“ расположенъ „Table Rock House“, въ которомъ насъ переодѣваютъ въ кожаныя панталоны, куртки съ капюшономъ, гамаши. Такъ одѣтые чуть что не въ водолазный костюмъ, мы входимъ въ башню подъемной машины, которая спускаетъ насъ къ средней части водопада. Черезъ темный, сырой туннель мы выходимъ на узкую площадку въ скалѣ.

Свѣтъ божій мелькаетъ черезъ струи водопада. Передъ тѣмъ, чтобы смѣнить наши водолазные костюмы на обыкновенное платье, насъ улавливаетъ фотографъ, предлагающій сняться на уединенной скалѣ среди водопада, убѣждая, что это вовсе не страшно, такъ какъ снимать онъ будетъ тутъ же на дворикѣ, на фонѣ деревяннаго заборчика, а потомъ переклеитъ насъ на водопадъ. За фотографомъ слѣдуетъ одна изъ водопадныхъ барышенъ, убѣждающая или купить виды Ніагары, или хоть взглянуть на ея индійскій музей, разложенный на нѣсколькихъ столикахъ тутъ же въ залѣ...

Ровно въ 5 ч. къ намъ въ нумеръ постучался управляющій гостинницы съ извиненіемъ, что онъ ошибся, сказавъ мнѣ, что поѣздъ отходитъ въ 5 ч. 45 м., и что на самомъ дѣлѣ поѣздъ отходитъ въ 5 ч. 10 м. Оставшіяся 10 м. оказались вполнѣ достаточными, чтобы расплатиться въ гостинницѣ, сдать весь нашъ багажъ expressman'у, купить билеты и сѣсть въ вагонъ поѣзда, проходившаго черезъ Ніагару съ остановкой на одну минуту. Черезъ 40 минутъ ѣзды, на станціи Buffalo, намъ пришлось перемѣнить поѣздъ. Въ виду предстоящаго ночного переѣзда, мы заняли мѣста въ спальномъ вагонѣ Вагнера, за что приплатили по 2½ доллара, т.-е. по 5 р. Днемъ вагонъ Вагнера мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго американскаго пассажирскаго вагона, развѣ только бо̀льшей роскошью внутренней отдѣлки и тѣмъ, что каждый диванчикъ предназначается не двумъ, а одному пассажиру. На ночь диванчики сдвигаются, съ потолка опускаются еще постели, и вагонъ превращается въ спальный, съ корридоромъ по срединѣ и съ постелями въ два яруса, длиною—вдоль вагона—въ ростъ человѣка, а шириною безъ малаго два аршина; за занавѣсками, отдѣляющими эти клѣтки отъ общаго коридора, каждый раздѣвается и одѣвается, сидя на своей постели и имѣя надъ головой вершка четыре свобод-

наго пространства. Такимъ образомъ, въ вагонахъ по системѣ Вагнера пассажиры днемъ ѣдутъ вмѣстѣ, а ночью—порознь. На ночь дается безукоризненное бѣлье, одѣяла, подушки. Въ роскошныхъ туалетныхъ комнатахъ въ изобиліи находится мыло, полотенца. При туалетныхъ—маленькія отдѣленія для курящихъ.

Утромъ слѣдующаго дня поѣздъ подходилъ къ Чикаго.

V.

Чикаго.

Уже за нѣсколько верстъ до Чикаго становится виднымъ темное дымное облако, стоящее надъ городомъ. Въ предмѣстьяхъ Чикаго едва видны вторые ряды зданій—такая масса дыма и копоти выбрасывается изъ трубъ фабрикъ, заводовъ, а иногда и частныхъ домовъ, имѣющихъ свои котлы для элеваторовъ, для электрическаго освѣщенія, для отопленія.

Такъ какъ съ нами никакого багажа нѣтъ, то, выйдя на станціи изъ вагона, мы пошли пѣшкомъ въ „Hôtel Auditorium“, отстоящій минутахъ въ десяти ходьбы отъ вокзала. Уже этотъ хорошенькій переходъ убѣждаетъ насъ, что мы попали въ городъ еще болѣе американскій, чѣмъ Нью-Іоркъ, о которомъ мы начинаемъ теперь вспоминать какъ о тихомъ, спокойномъ городѣ.

Чикаго гораздо грязнѣе, чѣмъ Нью-Іоркъ, да ему и некогда быть чище,—уличное движеніе въ немъ еще болѣе адское, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ; электрическіе вагоны не останавливаются на углахъ, а только пріостанавливаются, т.-е. уменьшаютъ ходъ на секунду-другую,—и ужъ тутъ не зѣвайте. И надъ всѣмъ городомъ туча—пара и дыма. Высокихъ домовъ больше, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ; иногда они и выше.

Также какъ и въ Парижѣ, также какъ и въ Нью-Іоркѣ, на перекрестныхъ улицахъ въ Чикаго тоже стоятъ полисмены, одѣтые въ темные сюртуки и такіе же шлемы, съ блестящими нумерными звѣздами на груди, и дирижируютъ уличнымъ движеніемъ; только въ Парижѣ почти всѣ экипажи запряжены лошадьми, въ Нью-Іоркѣ на улицахъ лошади въ рѣдкость (за исключеніемъ немногихъ улицъ), а въ Чикаго масса всего. Электрическіе tramway ходятъ по улицамъ поѣздами по нѣскольку вагоновъ; среди конныхъ экипажей много автомобилей и велосипедистовъ; пѣшеходы идутъ по широчайшимъ тротуарамъ, густой толпой. Особенно сильное движеніе на Randolph street.

Среди этой суматохи ѣдетъ шарабанъ, полный музыкантовъ, играющихъ марши—это реклама какого-то портного. Одновременно трубными звуками зазываютъ съ подъѣзда какого-то дома зайти посмотрѣть зрѣлище, а напротивъ на тротуарѣ паровая машина сбиваетъ сливочное масло, выпуская на улицу отработанный паръ. Хозяинъ этой маслобойки иногда дѣйствуетъ паровымъ свисткомъ, для привлеченія вниманія проходящихъ на его машинку. Для привлеченія вниманія на свое дѣло американцы не останавливаются ни передъ чѣмъ. Вотъ на воздухѣ, среди дыма и копоти, летаетъ лента съ надписью, гдѣ можно имѣть лучшую ваксу. Прохожіе невольно заинтересовываются летающей на свободѣ лентой и, только внимательно присмотрѣвшись, открываютъ, что лента привязана къ веревкѣ летучаго змѣя, запущеннаго съ крыши одного 19-этажнаго дома; присматриваясь невольно, прочли рекламу на лентѣ,—что̀ и требовалось при всей этой затѣѣ.

На стѣнахъ всѣхъ элеваторовъ Чикаго, въ 1899 году красовалась напечатанная трехсаженными буквами реклама: „Schlitz, то самое пиво, которое сдѣлало городъ Мильуоки знаменитымъ“. Элеваторы принадлежатъ разнымъ компаніямъ, и надо полагать, что пиву „Schlitz“ стоило не дешево объявить столь мало до тѣхъ поръ извѣстный фактъ о происхожденіи знаменитости цѣлаго города Мильуоки.

„Hôtel Auditorium“, расположенный на бульварѣ на берегу озера Мичиганъ, представляетъ изъ себя типичный образчикъ американскихъ отелей. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ десяти-этажныхъ корпусовъ, раздѣленныхъ улицей, подъ которой проходитъ туннель со стѣнами изъ бѣлаго мрамора, соединяющій оба корпуса гостинницы. Въ нижнихъ этажахъ обоихъ корпусовъ расположены громадныя сѣни, общественныя уборныя, парикмахерскія, очень распространенныя въ Америкѣ „manicur“ и „pedicur“, конторы желѣзнодорожныхъ билетовъ, конторы театральныхъ билетовъ, кіоски газетъ, „bar“, или кабаки безъ ѣды, „grill-room“, или кабаки съ ѣдой, и т. д., и т. д. Въ обширныхъ сѣняхъ—вѣчная толпа, передъ окнами на улицу всѣ кресла заняты; сидятъ въ нѣсколько рядовъ, курятъ, сплевываютъ и смотрятъ на улицу; для пользованія этимъ даровымъ удовольствіемъ не требуется даже быть обитателемъ гостинницы. Въ первомъ же этажѣ расположены роскошныя столовыя, на нѣсколько сотъ человѣкъ каждая, освѣщаемыя электрическими лампочками, но не собранными въ ослѣпляющія глазъ люстры, а раскиданными и по потолку, и по стѣнамъ, и по зеркаламъ стѣнъ, и стоящими подъ

цвѣтными абажурами на столахъ, отчего получается спокойный, ровный свѣтъ въ залѣ. Во время обѣда играетъ порядочный струнный оркестръ. На нарядныхъ дамахъ колоссальныя шляпки, напоминающія подвижные цвѣтники, но фраки и smocking не такъ обязательны, какъ въ Европѣ и въ особенности въ Англіи. Роскошь постройки перваго этажа граничитъ съ монументальностью.

Продѣлавъ операцію записи въ отельную книгу, мы получаемъ ключъ отъ № 1832. Цифра „одна тысяча“ обозначаетъ флигель № 1, цифра „8 сотъ“ обозначаетъ 8-ой этажъ, цифра 32 есть № нашего помѣщенія. Чтобы разыскать нашъ №, слѣдовательно, не требуется услугъ проводника. Въ тѣхъ же сѣняхъ предъ нами нѣсколько клѣтокъ элеваторовъ. Мы нажимаемъ кнопку съ надписью „up“ (вверхъ), въ отвѣтъ—передъ одной изъ клѣтокъ зажигается надпись „first elevator up“ (первый элеваторъ вверхъ), вслѣдъ за чѣмъ у входа въ клѣтку появляется элеваторъ съ проводникомъ. Минутъ черезъ десять, въ нашъ нумеръ вносятъ багажъ, сданный нами въ гостинницѣ Ніагары. Нумеръ нашъ мало чѣмъ отличается отъ нумеровъ всѣхъ большихъ американскихъ отелей. Особенность отелей въ Америкѣ та, что нумера въ каждомъ отелѣ мало чѣмъ отличны одинъ отъ другого, такъ что желающіе помѣститься въ болѣе скромной обстановкѣ должны искать болѣе скромныхъ отелей; помѣщенія съ особенно роскошной обстановкой имѣются въ нѣсколькихъ роскошныхъ отеляхъ, въ которыхъ опять нумера мало чѣмъ отличаются одинъ отъ другого. Такимъ образомъ достигается полное равенство въ пользованіи отелемъ для всѣхъ обитателей его. Но во всякомъ случаѣ, будутъ ли это обыкновенные первоклассные отели, или же спеціальные, славящіеся роскошной отдѣлкой своихъ нумеровъ,—вездѣ обитатели отеля получаютъ свѣтлый нумеръ, ковры на полу, комфортабельную постель, съ проведеннымъ въ нумеръ электричествомъ, и теплую, и холодную воду, и все это въ изобиліи,—напр., въ нашемъ помѣщеніи 6 электрическихъ лампочекъ въ люстрѣ, 2 по бокамъ туалета, одна переносная и по одной въ умывальной, въ ванной и гардеробной комнатахъ.

Главной отличительной чертой американскихъ отелей отъ европейскихъ является полная постоянная исправность всѣхъ описанныхъ приспособленій, составляющая истинный комфортъ американскаго жилища. Цѣны—не выше европейскихъ. Такъ, напр., нашъ нумеръ, состоящій изъ одной большой комнаты и другой маленькой съ ванной, стóитъ 6 р. въ сутки. Тѣмъ не

менѣе, „Бедекеръ“ правъ, говоря, что путешествіе по Америкѣ для обыкновеннаго путешественника обходится скромному путешественнику примѣрно вдвое, чѣмъ по Европѣ, гдѣ мы ограничились бы болѣе скромнымъ помѣщеніемъ хотя бы и въ первоклассной гостиницѣ. Въ Америкѣ средній уровень требованія, предъявляемаго къ отелямъ, выше, чѣмъ въ Европѣ, и обыкновенный образъ жизни средняго американца обставленъ такими удобствами для всѣхъ, какія въ Европѣ доступны лишь избраннымъ... по карману.

Часть одного изъ корпусовъ отеля занята театромъ на 4.500 человѣкъ. Въ Америкѣ большею частью театральныя труппы не пріурочены къ зданіямъ, и антреприза театральнаго зданія является независимой отъ антрепризы театральныхъ труппъ, которыя обыкновенно кочуютъ изъ города въ городъ, нанимая на коротенькіе сроки театры. Во время нашего пребыванія въ Чикаго, театръ „Hôtel Auditorium“ пустовалъ, и мнѣ его показали въ видѣ исключенія, какъ довольно-таки рѣдкому въ Чикаго русскому. Театръ отдѣланъ роскошно, но распланированъ по-американски, какъ всѣ видѣнные мной потомъ въ Америкѣ театры, и роскошные, и не-роскошные: ложъ почти нѣтъ; parterre расположенъ болѣе наклонно, чѣмъ въ европейскихъ театрахъ; въ верхнихъ ярусахъ, выступающихъ на средину зрительныхъ залъ, также ряды креселъ, значительно возвышающихся рядъ надъ рядомъ. Такимъ образомъ, нѣтъ кресла въ театрѣ, съ котораго не была бы видна вся сцена, и ни одинъ зритель не заслоняетъ сцены отъ другого, и вмѣстѣ съ тѣмъ внутренность залы, и по количеству, и по качеству мѣстъ, утилизируется лучше, чѣмъ въ европейскихъ театрахъ. Въ зависимости отъ такого однообразія мѣстъ, и цѣны на мѣста въ каждомъ театрѣ варіируютъ незначительно: такъ, напр., цѣна на кресло въ parterre не зависитъ отъ ряда; вмѣстѣ съ тѣмъ цѣны эти невысоки,—обыкновенно около 1 д. (2 р.) за кресло въ parterre. И въ театрахъ, какъ и въ гостинницахъ, достигается равенство условій для посѣтителей.

Въ конторѣ театра мнѣ предложили краткое описаніе зданія нашей гостинницы, разсчитанное на пораженіе посѣтителя голыми цифрами: напримѣръ, высота зданія, „Auditorium“—40 саженъ, въ зданіи 40 верстъ газовыхъ и водопроводныхъ трубъ, 400 верстъ электрическихъ проводовъ и т. д.—до милліоновъ рублей стоимости.

Подъ однимъ изъ корпусовъ расположены громадныя котельное и машинное отдѣленія для парового отопленія и электри-

ческаго освѣщенія. Въ бель-этажѣ зданія четыре роскошныхъ зала наполнены первоклассными американскими и европейскими картинами, между которыми есть даже Rose Bonheur. Подъ особенно дорогими картинами приставлены ошеломляющія цифры стоимости ихъ. Это—такъ называемый художественный отдѣлъ нашего отеля. Подобныя выставки встрѣчаются и въ другихъ отеляхъ Чикаго, съ просьбой посѣтить ихъ; входъ даромъ. Это опять американскій разсчетъ: изъ 10.000 человѣкъ, можетъ быть, 100 человѣкъ съѣдятъ или выпьютъ что-нибудь въ расположенномъ рядомъ, роскошномъ bar гостинницы, обыкновенно украшенномъ самыми дорогими изображеніями нимфъ. Въ этихъ роскошныхъ bar'ахъ, или кабачкахъ, доступныхъ лишь для мужчинъ, обыкновенно ничего не взимается за ѣду, но, конечно, хорошо оплачиваются напитки, до которыхъ американцы большіе охотники. Пьютъ больше спиртъ подъ видомъ джина, коньяка и разныхъ питей изъ ликеровъ, такъ называемыхъ „coctail"; виноградныя вина не въ спросѣ, вѣроятно по дѣловитости американцевъ, не любящихъ терять время и избирающихъ кратчайшую дорогу. Несмотря на пристрастіе къ напиткамъ, за обѣдомъ, въ общей столовой, рѣдко можно увидѣть вино на столѣ. Эта характерная черта лицемѣрія наблюдается по всей Америкѣ, достигая въ нѣкоторыхъ штатахъ полнаго, узаконеннаго запрещенія торговать въ штатѣ спиртомъ. Несвободны американцы отъ лицемѣрія и въ отношеніи празднованія воскреснаго дня. Американцы празднуютъ субботу; тутъ у нихъ и туалеты, и музыка; занятія въ субботу кончаются въ 12 часовъ дня; а въ воскресенье они у обѣдни и затѣмъ скучаютъ, съ осмотрительностью выбирая занятія, воскресному дню приличествующія,—напримѣръ, въ излюбленный ими lawn-tennis они играть не могутъ, потому что при этой игрѣ въ мячъ надо считать, а считать въ воскресенье нельзя; на велосипедѣ въ воскресенье ѣздить можно, но только послѣ обѣдни. Къ сожалѣнію, я не навелъ точныхъ справокъ, снимаютъ ли они съ велосипедовъ по воскресеньямъ счетчики, или же только завѣшиваютъ ихъ на воскресенье, чтобы въ понедѣльникъ посмотрѣть на результаты ихъ воскреснаго безсчетнаго и безгрѣшнаго занятія.

Гуляя по городу въ воскресенье утромъ на другой день нашего пріѣзда въ Чикаго, намъ казалось, что мы ходимъ по вымершему городу, въ родѣ Помпеи,—такая тишина, такое отсутствіе движенія на улицахъ, все заперто. Несмотря на воскресенье и на дождичекъ, моросившій съ утра, мы беремъ cab (каретку) и ѣдемъ черезъ весь громадный Чикаго въ Livingston

Park, расположенный, какъ и наша гостинница, на берегу Мичигана. Паркъ очень хорошъ, но обойти его невозможно,—его можно только объѣхать,—такъ онъ великъ. Прилегающіе къ парку кварталы—аристократическіе, и они наполнены прелестными виллами-дворцами роскошныхъ, оригинальныхъ и разнообразныхъ стилей. Въ Европѣ принято думать, что каменныя строенія должны быть болѣе или менѣе симметричны, и что „разбросанность" допускается и рекомендуется лишь въ деревянныхъ строеніяхъ. А американцы рѣшили, что симметрія всегда скучна, и ихъ каменныя виллы являются плодомъ не стѣсняемаго этимъ предразсудкомъ вдохновенія. Въ паркѣ, разумѣется, есть городской зоологическій садъ, въ которомъ особенно хорошо представлены бизоны: на лужайкѣ съ деревьями и искусственнымъ ручейкомъ, окруженной массивной чугунной рѣшоткой, пасется стадо дикихъ громадныхъ бизоновъ, изъ которыхъ одинъ—страшное на видъ чудовище—немного меньше слона, стоящаго въ сосѣдней загородкѣ. Рядомъ съ зоологическимъ садомъ находится ресторанчикъ безъ права продажи крѣпкихъ напитковъ. Продаваемое въ немъ пиво „malt-meal" носитъ на этикеткѣ удостовѣреніе, что спирта въ пивѣ не больше 2%. Дождь не проходилъ; мы рѣшили отложить нашъ визитъ на мѣсто бывшей всемірной выставки, отъ которой сохранились многія зданія, и поплелись назадъ. Намъ казалось, что даже кучеръ нашъ, получивъ приказаніе ѣхать къ „battle-of-Manilla", недоволенъ нами, или, по крайней мѣрѣ, недоумѣваетъ, чего это мы таскаемся въ воскресенье, да еще въ дождь. „Battle-of-Manilla", которую намъ рекомендовали посмотрѣть, какъ модный „гвоздь" Чикаго, представляетъ изъ себя довольно средственно исполненную панораму морского боя американцевъ у береговъ Манилы. Но главная приманка здѣсь не въ панорамѣ, а въ представленіи, которому панорама служитъ лишь декораціей. Начинается представленіе полной темнотой,—только въ окнахъ домовъ и на улицахъ Манилы видны огоньки. При слабомъ свѣтѣ зари проясняются силуэты домовъ, горъ, кораблей; восходитъ солнце, начинается бой, слышны пушечные выстрѣлы, виденъ взрывъ корабля; на капитанскомъ мостикѣ ближайшаго корабля появляется американка въ костюмѣ „Америки" и поетъ національный гимнъ. Подъемъ патріотизма полный, у многихъ слезы на глазахъ. Громъ рукоплесканій зрителей и ихъ воинственные клики заканчиваютъ представленіе, сопровождавшееся все время громкимъ объясненіемъ лектора.

За обѣдомъ въ „Hôtel Auditorium", къ столу подошелъ лакей и на ломанномъ русскомъ языкѣ предложилъ мнѣ нумеръ мѣстной

газеты „Under Ocean". Еще наканунѣ, тотчасъ послѣ пріѣзда нашего въ Чикаго, едва мы успѣли войти въ отведенный намъ нумеръ, мнѣ подали визитную карточку съ незнакомой мнѣ фамиліей. Сойдя въ parlor, я былъ аттакованъ interviewer'омъ. Несмотря на мое категорическое ему заявленіе, что я ничего не имѣю сообщить ему, несмотря на то, что я вовсе не спустился въ parlor къ двумъ слѣдующимъ interviewer,—на слѣдующій день въ поданномъ мнѣ нумерѣ „Under Ocean" явилась длинная замѣтка объ interview со мной, причемъ изложенныя въ ней мысли о сибирской дорогѣ я прочелъ съ большимъ интересомъ, какъ совершенно для меня новыя и, во всякомъ случаѣ, мною interviewer'у не сказанныя. Подавшій мнѣ газету человѣкъ скромно извинился, что не могъ удержаться заговорить со мной, такъ какъ съ самой выставки не имѣлъ случая говорить по-русски. На вопросъ мой, не тянетъ ли его на родину, онъ столько же остроумно, какъ и откровенно отвѣтилъ, что боится на родинѣ безнадежно затосковать по Америкѣ. Очевидно, у бѣдняги не всѣ счета съ родиной сведены.

Отъѣздъ нашъ изъ Чикаго назначенъ во вторникъ, 27 апрѣля (9 мая); значитъ, въ распоряженіи нашемъ цѣлый день — понедѣльникъ. Этого, конечно, болѣе чѣмъ недостаточно не только для изученія, но даже для поверхностнаго осмотра такого города, въ которомъ пересѣкаются 30 съ чѣмъ-то желѣзнодорожныхъ линій, въ которомъ около 25 хлѣбныхъ элеваторовъ, который является центромъ паровозной и вагонной строительной а также міровой мясной торговли (особый городокъ Пульмана), наконецъ, число жителей котораго съ 450 тысячъ въ 1880 году и 1.100.000 въ 1890 году возросло свыше, чѣмъ до 2.000.000 къ 1899 году. Приходится отказаться отъ посѣщенія городка Пульмана, отстоящаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чикаго. Еще въ субботу, въ день пріѣзда нашего въ Чикаго, я пытался побывать на знаменитыхъ скотобойняхъ города Чикаго, на такъ называемомъ stock-yard, упустивъ изъ виду, что американцы празднуютъ субботу съ 12-го часа дня.

Право проникнуть на скотобойни я основывалъ на весьма скромныхъ данныхъ, располагая только собственной визитной карточкой и завѣреніемъ „Бедекера", что администрація скотобоенъ весьма предупредительно показываетъ ихъ иностраннымъ инженерамъ. Зайдя въ контору „Swift & C", упоминаемому „Бедекеромъ" въ числѣ нѣсколькихъ крупныхъ торговыхъ домовъ мясного рынка и выслушавъ сожалѣніе, что рынокъ закрытъ до понедѣльника, я получилъ приглашеніе осмотрѣть рынокъ въ по-

недѣльникъ и нѣсколько изящныхъ иллюстрированныхъ брошюръ объ устройствѣ и состояніи рынка. Въ прошломъ 1898 году,—гласитъ одна изъ этихъ брошюръ,—черезъ скотобойни города Чикаго прошло:

быковъ.	2.480.897	головъ
свиней	8.817.114	„
овецъ	3.589.439	„
прочаго скота . . .	527.500	„

всего свыше 15 милліоновъ головъ скота.

Въ понедѣльникъ утромъ сажусь-вскакиваю въ вагонъ электрическаго tramway. Вагонъ мчится вдоль State-street съ такой быстротой, что трудно слѣдить за мелькающими нумерами поперечныхъ улицъ. Сосѣдъ мой, незнакомый мнѣ американецъ, говоритъ мнѣ отрывисто: „Не надо трудиться присматриваться къ нумерамъ улицъ на фонарныхъ столбахъ,—нумера улицъ обозначены на каждомъ магазинѣ“. Вагонъ проходитъ въ это время мимо магазиновъ №№ 3349, 3350, 3351, затѣмъ мелькаетъ поперечная улица № 34, за ней идутъ магазины №№ 3401, 3402 и т. д. до улицы № 35. Благодаря этой остроумной системѣ нумераціи домовъ, представляется возможность по адресу, состоящему изъ названія одной улицы и одного нумера дома, опредѣлить мѣстонахожденіе дома съ точностью до 100 саженъ. Тотчасъ за 35-й улицей вагонъ проходитъ по мосту надъ угольной желѣзнодорожной станціей, на сотняхъ путей которой стоятъ многія тысячи вагоновъ съ углемъ. Ѣдущимъ на stock-yard приходится выскакивать изъ вагона на углу 45-й улицы, откуда вагонъ поперечной линіи доставляетъ пассажира къ воротамъ stock-yard'a.

Войдя въ ворота yard'a, я не сталъ разыскивать конторы Swift & C., въ которую я заходилъ въ субботу, а толкнулся въ первую попавшуюся дверь—такъ скорѣе, благо двери здѣсь ходятъ въ обѣ стороны и запираются сами, особымъ тормазомъ, безъ шума,—и очутился въ конторѣ торговаго дома „Nelson Morisson“. Глава дома, сейчасъ же по предъявленіи мной моей визитной карточки, весьма любезно далъ мнѣ письмо къ своему сыну, m-r Ira Morisson, для осмотра ихъ „дома“. Минутъ черезъ десять ходьбы внутри yard'a среди обширныхъ загоновъ, полныхъ предназначеннымъ къ убою скотомъ, я добрался до m-r Ira Morisson, подъ руководствомъ котораго и происходилъ бѣглый осмотръ заведеній ихъ торговаго дома. Начали съ колбаснаго отдѣленія, въ которомъ выдѣлывается, конечно, машинами, отъ 100 до 120 тысячъ фунтовъ колбасъ ежедневно. Въ слѣдующемъ отдѣленіи убивается по 4.000 овецъ въ сутки на одинъ

ножъ, при десятичасовой работѣ мясника, что̀ составляетъ 400 овецъ въ часъ, или около 7 овецъ въ минуту. Мясникъ, стоя на одномъ мѣстѣ, только и дѣлаетъ, что машетъ рукой съ ножомъ, а овцы, подвѣшенныя за заднія ноги, подаются ему на блокахъ, движущихся по рельсамъ подъ потолкомъ. Двигаясь дальше, туши проходятъ мимо цѣлаго ряда рабочихъ, дѣлающихъ каждый свое дѣло надъ свѣжими, еще судорожно шевелящимися тушами: кто отдѣляетъ голову отъ туловища, кто сдираетъ шкуру, и т. д., и все безостановочно, какъ на фабрикѣ. Отрѣзанныя головы идутъ далѣе по одному направленію, подраздѣляясь опять на мозги, языки и т. д.; шкуры—по другому, туши—по третьему. Слѣдуя за тушами, пріостанавливаемся предъ станкомъ, очищающимъ ножки: на нѣсколько секундъ рабочій прикладываетъ ножки къ быстро вращающемуся барабану съ ножами на поверхности, и ножки очищены и отъ копытъ, и отъ шерсти, и отъ кожи. Ежедневно на этомъ станкѣ одинъ рабочій очищаетъ 8.000 ножекъ въ 10 часовъ работы, т.-е. на очистку ножки требуется около 5 секундъ. Слѣдующія за тѣмъ нѣсколько отдѣленій заняты спеціально телячьими языками и вырабатываютъ очень вкусные, маринованные въ уксусѣ, телячьи языки, которые въ видѣ консервовъ расходятся по всему свѣту. Далѣе идетъ приготовленіе окороковъ десятками тысячъ. Проба ихъ на соленость и прокопченность производится обоняніемъ: иглой прокалывается окорокъ, игла подносится къ носу. Одинъ человѣкъ успѣваетъ перепробовать отъ 1½ до 2 тысячъ окороковъ въ день; незабракованные окорока штемпелюются особой машиной. Въ слѣдующемъ за симъ отдѣленіи для варки тушъ имѣется 60 огромныхъ котловъ.

Въ подземномъ отдѣленіи находятся холодильники съ температурой, искусственно поддерживаемой около 5^0 R. мороза. Въ этихъ отдѣленіяхъ при мнѣ висѣло около 5 тысячъ говяжьихъ тушъ. Въ машинномъ отдѣленіи громадные холодильные насосы покрыты слоемъ снѣга и льда, а въ пяти вершкахъ отъ нихъ ходятъ паровые поршни. По словамъ m-r Ira Morisson, заведеніе ихъ потребляетъ въ день отъ 15 до 16 вагоновъ, т.-е. отъ 22 до 24 тысячъ пудовъ угля. Снаружи дома кипитъ работа по нагрузкѣ произведеній фирмы и на конныя подводы, и въ желѣзно-дорожные вагоны, между которыми попадаются и спеціальные вагоны-ледники, предназначенные для перевозки замороженныхъ тушъ. Значительная часть замороженныхъ тушъ въ особо приспособленныхъ для того судахъ доставляется въ Европу.

Всѣ приведенныя выше цифры относятся лишь къ дому Мо-

риссона, а такихъ фирмъ на чикагскомъ мясномъ рынкѣ нѣсколько; нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ еще болѣе широкія операціи, чѣмъ домъ Мориссоновъ. Всѣ фирмы вмѣстѣ перерабатываютъ въ день отъ 30 до 60 тысячъ головъ скота.

Недалеко отъ „дома“ Мориссоновъ, рядомъ съ ближайшими выходными изъ stock-yard'а воротами, стоитъ конный рынокъ. Сегодня почему-то нерабочій день; осматривалъ я конный рынокъ безъ провожатыхъ, поэтому никакихъ цифръ не слышалъ, но и непосредственныя впечатлѣнія даютъ понятіе о размѣрахъ дѣла. Собственно конный рынокъ, „horse-market“, помѣщается въ громадномъ восьми-угольномъ зданіи, построенномъ въ родѣ цирка, съ 16 рядами скамей, расположенныхъ амфитеатромъ примѣрно на 4—5 тысячъ человѣкъ. Со средней арены въ обѣ стороны сквозь все зданіе идетъ широкая, крытая улица, сообщающаяся крытыми же галереями съ конюшнями. Въ этомъ зданіи происходятъ аукціоны лошадей. Входъ во всѣ конюшни свободный. Случайно я попадаю въ одну изъ самыхъ большихъ конюшенъ m-r Tichenor, у котораго стоятъ сотни кровныхъ и полукровныхъ лошадей. Въ слѣдующей конюшнѣ, лошадей на 60, стояло нѣсколько колоссальныхъ ломовыхъ, ростомъ до 9 вершковъ.

Среди лихорадочной дѣятельности дѣловые янки могутъ удѣлять на завтракъ нѣсколько минутъ. „Lunch-room“, расположенные среди этого дѣлового квартала, вполнѣ удовлетворяютъ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ. Въ обширномъ залѣ стоятъ вдоль всей длины ея длинные, неширокіе столы, соединенные маленькими столиками—первый со вторымъ, третій съ четвертымъ и т. д. Снаружи передъ столами стоятъ прикрѣпленныя къ нему вертящіяся табуретки; между столами—женская прислуга. Крѣпкихъ напитковъ не полагается, курить воспрещено. Требованія исполняются моментально. За завтракъ изъ ростбифа, сладкаго пирога съ ревенемъ и молокомъ и чашкой кофе взыскиваютъ 35 сентовъ (70 коп.). Несмотря на то, что на завтракъ мой потребовалось всего десять минутъ, около меня дважды перемѣнились сосѣди.

Пользуясь остатками дня, предпринимаю поѣздку на хлѣбные элеваторы, расположенные по берегу небольшой канализованной рѣчки Чикаго, протекающей черезъ городъ. Сторожъ элеватора „Rock-Island A“ требуетъ разрѣшенія для осмотра элеватора. Разрѣшеніе это получается тутъ же, рядомъ, отъ завѣдующаго элеваторомъ, взявшаго при этомъ съ меня слово, что, по окончаніи осмотра элеватора, я зайду къ нему въ контору. Въ элеваторѣ „Rock-Island A“ съ 1895 г. принимается

исключительно маисъ (кукуруза), а въ сосѣднемъ—„B"—исключительно пшеница. Въ конструктивномъ смыслѣ элеваторъ не представляетъ ничего интереснаго; будучи построенъ 30 лѣтъ тому назадъ, онъ является первообразомъ новѣйшихъ усовершенствованныхъ и детально оборудованныхъ элеваторовъ. Но, несмотря ни на примитивность сооруженія, ни на несоотвѣтствіе расположенія своихъ механизмовъ съ нынѣшнимъ подвижнымъ составомъ (въ Америкѣ весь подвижной составъ изъ 28′ длины перестроивается на 35′ причемъ всѣ товарные вагоны ставятся на тележкахъ), элеваторъ, какъ коммерческое предпріятіе, работаетъ во всю. По сравненію съ европейскими элеваторами, обращаетъ вниманіе полное отсутствіе въ элеваторѣ какихъ-либо очистительныхъ аппаратовъ: не имѣя выгоды загрязнять зерно и въ виду требованія на рынкѣ только чистаго инспектированнаго зерна, практическіе янки не находятъ выгоднымъ уплачивать желѣзнымъ дорогамъ за перевозку мусора и очищаютъ зерно на мѣстѣ его производства; поэтому всѣ очистительные аппараты у нихъ находятся на мѣстахъ производства зерна, элеваторъ же лишь принимаетъ, взвѣшиваетъ, хранитъ и отпускаетъ чистое зерно Всѣ операціи элеватора производятся механизмами; даже для выгребанія зерна изъ вагоновъ имѣются особыя приспособленія въ видѣ деревянныхъ ковшей-лопатъ, приводимыхъ въ движеніе парами и только направляемыхъ людьми. Осмотрѣнный мною элеваторъ можетъ принять 48 вагоновъ въ часъ при помощи 6 норій и отпустить черезъ 10 рукавовъ по 12 тысячъ бушелей зерна. А такихъ элеваторовъ около 25 на одной рѣкѣ Чикаго. Общее впечатлѣніе отъ элеваторовъ—полное отсутствіе какого-либо щегольства, полная утилизація всего дѣла, вплоть до описанной мною выше отдачи въ наемъ наружныхъ стѣнъ подъ рекламу пива.

Выйдя изъ элеватора на божій свѣтъ, только далеко не чистый, пропитанный дымомъ, сквозь который едва видно на нѣсколько сотъ саженей, я отправился пѣшкомъ домой, находя, что на сегодня впечатлѣній довольно. Но, проходя мимо „Temple-House", я забылъ и усталость, и обѣденное время: передо мной былъ 20-этажный домъ, наружныя двери котораго, устроенныя на подобіе турникета, но съ дверными полотнищами, вращаются при помощи невидимаго механизма. И вотъ сквозь эти двери непрерывно поглощается и выбрасывается людская толпа. Поглотился и я, и очутился въ Hall, или внутреннемъ дворѣ, крытомъ на высотѣ 20-го этажа стеклянной крышей. Со всѣхъ этажей на этотъ дворъ выходятъ галереи. Одинъ изъ 14 домовыхъ

lift (подъемныхъ машинъ) непріятно быстро доставилъ меня въ 19-й этажъ, гдѣ помѣщается „Temple-theater“; 57 ступеней выше, что̀ надо сдѣлать уже идя по лѣстницѣ, помѣщается обсерваторія, видъ съ которой сильно страдаетъ изъ-за копоти и дыма. Внизъ черезъ всѣ 19 этажей я спустился по лѣстницѣ. Во всѣхъ этажахъ помѣщены магазины, конторы, рестораны; вездѣ — толпа; всѣ 14 подъемныхъ машинъ работаютъ непрерывно и, какъ вездѣ въ Америкѣ—даромъ. Очевидно, что такой Temple-House—это то же, что̀ въ Европѣ пассажи; только американцы ухитрились поставить пассажъ вертикально, не говоря уже про то, что масштабъ предпріятія больше любого европейскаго пассажа. Американскій широкій масштабъ присущъ, впрочемъ, всему нами видѣнному американскому, начиная съ природы страны. Не только серьезныя предпріятія, благодаря отличной организаціи, принимаютъ въ Америкѣ колоссальные, на европейскій взглядъ, размѣры, но даже и увеселительныя предпріятія американцевъ преувеличены по сравненію съ европейскими: если бить скотъ, то десятками тысячъ головъ въ день; если разводить клубнику, то для этого организовать дѣло изъ 20.000 агентовъ, какъ это дѣлаетъ одинъ торговый домъ, поставившій въ теченіе апрѣля 1899 г. 700 вагоновъ клубники въ Чикаго (изъ замѣтокъ въ „Under Ocean“); если живая фотографія, такъ изъ тысячи снимковъ и длящаяся нѣсколько минутъ; если danse du ventre (со временъ всемірной выставки привился въ Чикаго и этотъ египетскій танецъ живота) такъ на сценѣ одновременно появляются не одинъ, а три живота. Чикаго, повидимому, не только эмансипировался отъ вліянія европейской жизни—чѣмъ не можетъ похвастаться Нью-Іоркъ, находящійся въ вѣчномъ общеніи съ Европой, но Чикаго не упускаетъ, гдѣ только возможно, какъ будто посмѣяться надъ Европой: напр., бляхи полицейскія имѣютъ здѣсь видъ европейскихъ орденскихъ звѣздъ, лакеи въ театрахъ одѣты въ военную европейскую форму, съ густыми эполетами.

Вечеромъ мы отъ души хохотали въ опереткѣ „Ми́кадо“, прошедшей въ блестящемъ исполненіи. Особенность американскаго исполненія оперетки—отсутствіе французской сальности, взамѣнъ чего преобладаютъ здоровый юморъ и акробатизмъ. Театръ, какъ я описывалъ, очень удобенъ. Дамы приходятъ въ громадныхъ шляпахъ, но, съ поднятіемъ занавѣса, шляпы снимаютъ и кладутъ ихъ къ себѣ на колѣни,—поля же шляпъ, конечно, лежатъ на колѣняхъ сосѣдей.

Завтра мы покидаемъ Чикаго.

Ѳ. И. Кноррингъ.

АЛМАЗЪ

Я—тусклое стекло; ты—блещущій алмазъ...
Я часто видъ мѣнялъ, я плавился не разъ
Надъ яростнымъ огнемъ страстей, любви, страданій;
Ты не мѣняешься; твои навѣки грани
Холодной пылью звѣздъ Создатель отточилъ,
Въ кристальной твердости текучесть заключилъ
И гранямъ чистоты прозрачно-безтѣлесной
Далъ крѣпость, равную ихъ нѣжности небесной.

Я—тусклое стекло, и я твой блескъ люблю;
Въ твоихъ лучахъ намекъ на міръ иной ловлю,
Тотъ міръ, гдѣ сонмы душъ безцѣльно и безплотно
Играютъ, искрятся, струятся безаботно,
Гдѣ мутныхъ чувствъ земныхъ давно забытъ разсказъ,
Гдѣ вѣчность—радуга, и каждый мигъ—алмазъ,
Міръ сбывшейся мечты, отъ вѣка недоступный
Тому, въ комъ страждетъ духъ, печальный иль преступный.

Я—тотъ, въ комъ страждетъ духъ, и грустный свой удѣлъ
За радужный твой сонъ отдать бы не хотѣлъ...
— Всегда сверкать?—О, нѣтъ! Но, встрѣтившись съ тобою,
Иной ужаленъ былъ я страстною мечтою:
О, еслибъ пострадать отъ твоего огня,
Чтобъ грани чистыя коснулися меня
Холодной молніей и въ блескѣ поразили,
И болью свѣтлою, какъ ласкою, пронзили.

Мечта моя сбылась. Недаромъ сердце ждало
Расплаты за любовь. Твои лучи, какъ жало,
Приблизились, впились, твой свѣтъ въ меня проникъ,
Твой холодъ жегъ меня, и былъ—я помню—мигъ,
Со мной слился твой гнѣвъ, съ тобой—мои страданья.
Теперь тотъ мигъ смѣненъ разлукой безъ свиданья.
Прости навѣкъ, огонь мнѣ чуждой красоты!
Я отъ тебя страдалъ. Я радъ, что я—не ты.

Н. Минскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1901.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по продовольственному дѣлу. — Новая организація этого дѣла въ особенно неблагополучныхъ по урожаю уѣздахъ.—Общественныя работы. — Общественная и частная помощь голодающимъ. — Циркуляръ о врачебной части въ неурожайныхъ губерніяхъ.—Статьи Д. И. Менделѣева объ „общеобразовательныхъ гимназіяхъ". — Возможные предѣлы сокращенія гимназическаго курса.—P.-S.—Новый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, 7-го сентября, по продовольственному дѣлу.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 17-го августа) на имя начальниковъ губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1901 года, безспорно принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ правительственныхъ актовъ послѣдняго времени. Одну характерную его черту—обращеніе къ содѣйствію земства во всемъ томъ, что не изъято изъ его вѣдѣнія закономъ 12-го іюня 1900 года, — мы отмѣтили уже въ предыдущей книжкѣ нашего журнала. Заслуживаетъ вниманія и то, что циркуляръ признаетъ затруднительность для многихъ земствъ организовать общественныя работы на общія земскія средства, „такъ какъ въ періодъ недорода поступленіе земскаго сбора неизбѣжно замедляется, да и самое увеличеніе земскихъ смѣтъ съ изъясненною цѣлью представится, во многихъ случаяхъ, врядъ ли желательнымъ"... „Несоотвѣтственнымъ" министръ считаетъ и позаимствованіе на общественныя работы изъ спеціальныхъ земскихъ капиталовъ, имѣющихъ особое назначеніе. Все это—какъ бы косвенный отвѣтъ обвинителямъ земства, упрекающимъ его за неустройство общественныхъ работъ... Источникомъ средствъ на ихъ производство циркуляръ указываетъ неизрасходованные остатки дорожныхъ капиталовъ, а также ссуды, которыя земства, на основаніи закона 8-го февраля 1899 года, могутъ получать, за счетъ этихъ капиталовъ, изъ государственнаго казначейства. Упрощается, вмѣстѣ съ тѣмъ, порядокъ полученія подобныхъ ссудъ, если онѣ испрашиваются „съ продовольственною цѣлью". Мы едва ли

ошибемся, если скажемъ, что значительная часть неизрасходованныхъ остатковъ дорожнаго капитала существуетъ лишь на бумагѣ, на самомъ дѣлѣ числясь въ недоимкахъ. Болѣе реальную услугу могутъ оказать ссуды за счетъ дорожнаго капитала; весь вопросъ въ томъ, хватитъ ли ихъ на организацію общественныхъ работъ, необходимыхъ для прокормленія населенія. Пять милліоновъ на двѣнадцать губерній, т.-е., въ среднемъ, съ небольшимъ 400 тысячъ на губернію — цифра не особенно крупная, даже если къ ней присоединятся коекакіе свободные остатки. Циркуляръ допускаетъ еще одну категорію общественныхъ работъ, открываемыхъ административною властью, преимущественно тамъ, гдѣ почему-либо не устроено работъ земскихъ; но это будутъ, по выраженію циркуляра, работы *мелкія*, а слѣдовательно и значеніе ихъ останется второстепеннымъ. Какъ велика сумма, ассигнованная на эти послѣднія работы — изъ циркуляра не видно. Болѣе видныхъ результатовъ слѣдуетъ ожидать отъ дѣятельности попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, состоящаго подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, если оно, по примѣру 1899 года, приметъ участіе въ устройствѣ общественныхъ работъ.

Въ организацію продовольственной помощи, насколько она предоставлена, закономъ 1900 года, административнымъ учрежденіямъ, циркуляръ вноситъ одно важное нововведеніе. Порядокъ, установленный закономъ 1900 года, признается удовлетворительнымъ „въ мирное, такъ сказать, въ продовольственномъ отношеніи время", но „не въ годины серьезныхъ бѣдствій". Въ уѣздахъ, наиболѣе „неблагополучныхъ по урожаю", создаются, на время продовольственной кампаніи, „особые органы завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ, снабженные надлежащими полномочіями распорядительной власти и средствами для активнаго веденія дѣла". Эти функціи возлагаются на уѣзднаго предводителя дворянства, а если онъ заявитъ о невозможности посвятить свой трудъ исключительно продовольственному дѣлу— на одного изъ членовъ продовольственнаго присутствія уѣзднаго съѣзда, по выбору губернатора. Губернатору предоставляется попеченіе о томъ, чтобы дѣятельность этихъ лицъ по народному продовольствію не затруднялась исполненіемъ ихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей и не встрѣчала препятствій въ отдаленности ихъ мѣста жительства отъ уѣзднаго города или въ иныхъ причинахъ. Для насъ не совсѣмъ ясно, въ чемъ и какъ можетъ выразиться это попеченіе. Кандидатъ предводителя вступаетъ въ исполненіе его должности только при наличности опредѣленныхъ условій, къ числу которыхъ не принадлежитъ возложеніе на предводителя особаго порученія; то же самое слѣдуетъ сказать и о депутатѣ дворянства, который, притомъ, весьма

часто живетъ не въ предѣлахъ уѣзда, занятъ другими дѣлами и не можетъ надолго принять на себя отправленіе должности предводителя. Въ большинствѣ случаевъ, поэтому, предводителю придется соединить функціи по продовольственному дѣлу съ обычными занятіями, и губернаторъ будетъ лишенъ возможности освободить его отъ послѣднихъ. Еще труднѣе будетъ для губернатора устраненіе неудобствъ, связанныхъ съ отдаленностью мѣста жительства предводителя отъ уѣзднаго города. Потребовать отъ предводителя, чтобы онъ переселился, на время продовольственной кампаніи, въ уѣздный городъ или въ одну изъ ближайшихъ къ нему мѣстностей, губернаторъ, очевидно, не въ правѣ; не можетъ онъ и замѣнить предводителя, живущаго на окраинѣ уѣзда, другимъ лицомъ, потому что единственнымъ основаніемъ подобной замѣны является, за силою циркуляра, отказъ самого предводителя отъ веденія продовольственнаго дѣла. Далеко не безспорной, въ нашихъ глазахъ, представляется, дальше, самая необходимость централизаціи, вводимой циркуляромъ. Ничего подобнаго не установилъ законъ 1900 года—не установилъ, очевидно, потому, что практика прежнихъ продовольственныхъ кампаній, столь многочисленныхъ именно въ послѣднее десятилѣтіе, доказала цѣлесообразность, въ примѣненіи къ уѣзду, коллегіальнаго начала. Послѣ изданія закона широко распространенный неурожай встрѣчается въ первый разъ; нѣтъ, слѣдовательно, указаній опыта, которыми можно было бы объяснить измѣненіе или дополненіе только-что изданныхъ правилъ. Съ продовольственнымъ дѣломъ справлялись и земскія управы, и особыя продовольственныя коммиссіи. Если послѣднія кое-гдѣ (напр. въ лукояновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи) систематически противодѣйствовали губернской администраціи и столь же систематически пренебрегали интересами голодающаго населенія, то это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ ихъ предсѣдателей—уѣздныхъ предводителей дворянства. Понятно, что неудобства такой „оппозиціи“ обнаружились бы съ еще бòльшей силой, еслибы веденіе продовольственнаго дѣла находилось въ рукахъ одного предводителя. Съ другой стороны, единовластіе предводителя легко можетъ уменьшить энергію остальныхъ членовъ продовольственнаго присутствія уѣзднаго съѣзда. По смыслу циркуляра, предводитель является въ одно и то же время и распорядителемъ, и наблюдателемъ. Эти двѣ функціи трудно совмѣстимы; одна изъ нихъ почти всегда идетъ въ разрѣзъ съ другою. Право надзора, вполнѣ достаточное для вліянія на общій ходъ дѣла, предводитель имѣлъ бы и безъ спеціальныхъ полномочій, какъ предсѣдатель продовольственнаго присутствія уѣзднаго съѣзда, облеченный, притомъ, правомъ ревизіи по отношенію къ земскимъ начальникамъ. Трудно представить себѣ такіе случаи, когда успѣшное веденіе

продовольственнаго дѣла требовало бы, въ уѣздѣ, *единоличной* распорядительной власти. На мѣстахъ такою властью обладаютъ земскіе начальники, до извѣстной степени—и участковые попечители; въ губернскомъ центрѣ она принадлежитъ губернатору. Уѣздъ — промежуточная инстанція, въ которой на первый планъ неизбѣжно выступаетъ *обсужденіе*, а не *исполненіе*. Обсужденіе — дѣло коллегіи, которая и создана закономъ 1900 года въ видѣ продовольственнаго присутствія уѣзднаго съѣзда.

Должность участковаго продовольственнаго попечителя, учрежденная закономъ 1900 года, призывается къ жизни только теперь, въ виду наступившаго уже неурожая. „Засвидѣтельствованная почти повсемѣстно губернскими и уѣздными учрежденіями трудность найти продовольственныхъ попечителей въ обыкновенное время" — читаемъ мы въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ — „устранится, надо надѣяться, въ мѣстностяхъ пострадавшихъ, гдѣ положеніе нуждающихся въ помощи бѣдняковъ вызоветъ, какъ это было всегда, общее сочувствіе и готовность служить дѣлу продовольствія голодающихъ". Раздѣляя эту надежду, мы не можемъ не замѣтить, что земство и въ обыкновенное время безъ всякихъ затрудненій находитъ достаточное число лицъ, готовыхъ принять на себя безвозмездно исполненіе, на мѣстахъ, различныхъ земскихъ функцій. Санитарные попечители дѣйствуютъ не только во время эпидемій; дорожные попечители слѣдятъ не только за экстреннымъ, капитальнымъ, но и за нормальнымъ ремонтомъ путей сообщенія. Столь же легко было бы найти и продовольственныхъ попечителей, если бы учрежденіе постоянныхъ продовольственныхъ участковъ не совпало съ изъятіемъ изъ рукъ земства бо̀льшей части продовольственнаго дѣла. Объясняется это весьма просто. Въ бюрократической организаціи мѣстный попечитель—нѣчто въ родѣ низшаго административнаго агента, *подчиненнаго* стоящей надъ нимъ власти; въ земской организаціи онъ является сотрудникомъ управы, вмѣстѣ съ нею работающимъ на пользу мѣстнаго населенія... Насколько постоянный продовольственный попечитель имѣетъ преимущество передъ временнымъ, приглашеннымъ только для участія въ одной, начавшейся уже продовольственной кампаніи—это мы покажемъ ниже; но, конечно, и временные попечители могутъ оказать немаловажныя услуги. Кругъ лицъ, въ которомъ ихъ слѣдуетъ искать, намѣченъ циркуляромъ совершенно правильно: это—мѣстные землевладѣльцы, постоянно живущіе въ предѣлахъ уѣзда, приходскіе священники, земскій и врачебный персоналъ, учителя и учительницы мѣстныхъ министерскихъ, земскихъ и церковно-приходскихъ училищъ. Къ этому перечню слѣдовало бы прибавить еще одну категорію: наиболѣе уважаемыхъ изъ среды мѣстныхъ крестьянъ, указанныхъ ad hoc

волостнымъ сходомъ или земскимъ собраніемъ. Заслуживаетъ полнаго сочувствія и выраженное въ циркулярѣ желаніе возможно бо̀льшаго уменьшенія территоріи продовольственныхъ участковъ, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа продовольственныхъ попечителей. Чѣмъ меньше участокъ, тѣмъ легче будетъ попечителю справиться съ своими сложными и трудными обязанностями.

Опытъ предшествующихъ продовольственныхъ кампаній, по словамъ циркуляра, „доказалъ невозможность, въ случаяхъ значительныхъ недородовъ, заблаговременнаго составленія тѣхъ списковъ нуждающихся, которые требуются собственно для выдачи ссудъ. Тотъ же опытъ свидѣтельствуетъ о вредѣ преждевременнаго заготовленія означенныхъ списковъ, при которомъ возбуждаются преувеличенныя надежды на помощь, общее желаніе всѣхъ получить ссуду и даже стремленіе нѣкоторыхъ состоятельныхъ домохозяевъ привести свое хозяйство въ видъ обѣднѣвшаго, путемъ продажи запасовъ, излишковъ и инвентаря. Составленіе списковъ и приговоровъ обществъ о ссудахъ умѣстно, поэтому, лишь непосредственно передъ выдачею самыхъ ссудъ“. Для опредѣленія, на первое время, общаго размѣра ссуды для каждаго общества циркуляръ рекомендуетъ производство приблизительнаго разсчета, основаннаго на среднемъ, при данномъ урожаѣ, сборѣ съ десятины и на средней величинѣ семейства. Что такой способъ дѣйствій принятъ въ нынѣшнемъ году—это понятно, потому что заблаговременному установленію списка нуждающихся препятствовало отсутствіе продовольственныхъ попечителей и вообще незаконченность новой продовольственной организаціи; но едва ли желательно возвести его на степень постояннаго правила. Спѣшность работы неизбѣжно уменьшаетъ ея внутреннюю цѣнность; списокъ, составленный передъ самой выдачей ссудъ, едва ли будетъ отличаться точностью и полнотою. Продовольственному попечителю, если онъ занялъ этотъ постъ задолго до неурожая, нетрудно—въ особенности при небольшихъ размѣрахъ участка—изучить всесторонне каждое крестьянское хозяйство. Онъ можетъ опредѣлить заранѣе степень устойчивости каждаго хозяина, количество силъ, которыми онъ располагаетъ для борьбы съ нуждою. Прибавивъ къ этимъ основнымъ даннымъ легко доступныя для него свѣдѣнія объ убыткахъ, непосредственно причиненныхъ неурожаемъ, онъ можетъ, въ самомъ началѣ неурожайнаго періода, установить съ достаточною точностью и число нуждающихся, и размѣръ нужды. Тщательной, неторопливой можетъ быть, затѣмъ, и повѣрка составленнаго такимъ образомъ списка—повѣрка, заканчиваемая передъ самымъ назначеніемъ ссудъ и принимающая въ разсчетъ всѣ происшедшія до тѣхъ поръ перемѣны, всѣ вновь открывшіяся обстоятельства. При такомъ способѣ дѣйствій гораздо менѣе вѣроятны зло-

употребленія, возможность которыхъ предусматривается циркуляромъ. Привести свое хозяйство „въ видъ обѣднѣвшаго“ и этимъ путемъ пріобрѣсти право на ссуду всего удобнѣе именно тогда, когда списокъ нуждающихся составляется въ послѣднюю минуту: разыграть роль разореннаго тѣмъ легче, чѣмъ больше было времени для приготовленія къ ней. Не думаемъ, впрочемъ, чтобы на такую роль нашлось много охотниковъ; въ неурожайные годы цѣны на скотъ и на другія принадлежности крестьянскаго инвентаря падаютъ такъ быстро, что потери отъ ихъ поспѣшной распродажи едва ли будутъ уравновѣшены полученіемъ ссуды. Едва ли, притомъ, можно ожидать „общаго желанія“ получить ссуду; оно вызывалось преимущественно круговой порукой, которая теперь, по отношенію къ продовольственнымъ ссудамъ, болѣе не существуетъ... Какъ бы удачно, съ другой стороны, ни были придуманы основанія для *приблизительнаго* исчисленія ссуды, замѣнить собою разсчетъ, сдѣланный на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ, оно не можетъ. Средній сборъ съ десятины—величина обманчивая, потому что она можетъ зависѣть отъ сравнительно высокаго урожая на землѣ хорошо унавоженной и хорошо обработанной, т.-е. на землѣ болѣе состоятельныхъ хозяевъ. Средняя семья—понятіе сплошь и рядомъ не соотвѣтствующее дѣйствительности; наиболѣе многочисленныя семьи часто оказываются, притомъ, и наиболѣе нуждающимися. Что исчисленная путемъ приблизительнаго разсчета цифра ссуды „рѣдко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенною“—это вполнѣ правдоподобно; но отсюда еще не слѣдуетъ, что она столь же рѣдко оказывалась слишкомъ низкой... При приблизительномъ разсчетѣ вовсе, въ добавокъ, не принимаются во вниманіе лица рабочаго возраста; между тѣмъ, право на ссуду можетъ быть признано и за этими лицами, если они „лишены почему-либо всякой возможности имѣть заработокъ для собственнаго пропитанія“ [1]).

„Правительственная помощь“—читаемъ мы въ циркулярѣ—„не должна выходить изъ предѣловъ строгой необходимости и не должна касаться лицъ, имѣющихъ собственныя средства къ перенесенію бѣдствія или къ самопомощи, такъ какъ широкая раздача продовольственныхъ пособій могущимъ обойтись безъ оныхъ семействамъ, независимо отъ непроизводительности расходовъ казны въ этихъ случаяхъ, имѣетъ, по пагубнымъ послѣдствіямъ такой системы въ будущемъ, не менѣе вредное, съ точки зрѣнія пользъ и нуждъ государ-

---

[1]) Мы заимствуемъ эти слова изъ правилъ о продовольственной помощи, установленныхъ въ 1897-98 г. по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Въ обсуждаемомъ нами циркулярѣ сдѣлана ссылка на эти правила, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они до сихъ поръ сохраняютъ свою силу.

ственныхъ, значеніе, чѣмъ оставленіе безъ надлежащей помощи истинно нуждающихся". Этому основному началу „должны соотвѣтствовать всѣ мѣропріятія какъ центральнаго управленія, такъ и мѣстныхъ учрежденій по продовольственной части въ годы неурожая". Чѣмъ важнѣе извѣстное положеніе, тѣмъ меньше оно должно оставлять мѣста для недоумѣній. Желательно было бы, поэтому, болѣе точное опредѣленіе понятія о лицахъ, „имѣющихъ собственныя средства къ перенесенію бѣдствія или къ самопомощи". Слѣдуетъ ли относить къ этой категоріи такихъ домохозяевъ, имущество которыхъ, взятое въ совокупности, *въ обрѣзъ* можетъ покрыть собою издержки по продовольствію ихъ семьи до слѣдующаго урожая? У крестьянина есть, напримѣръ, одна лошадь и одна корова, цѣнность которыхъ представляетъ собою, приблизительно, необходимое для него количество кулей хлѣба. Имѣетъ ли онъ право на полученіе продовольственной ссуды? При буквальномъ толкованіи циркуляра этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ отрицательно; между тѣмъ, отказъ въ ссудѣ, при данныхъ условіяхъ, былъ бы равносиленъ совершенному разоренію хозяйства, сопряженному съ тяжкой потерей для всего государства. Намъ кажется, что тѣ принадлежности крестьянскаго хозяйства, которыя не могутъ быть проданы за долги, должны считаться какъ бы неотчуждаемыми и въ неурожайный годъ, т.-е. ихъ наличность не должна быть разсматриваема какъ препятствіе къ полученію ссуды. Конечно, при выдачѣ ссудъ необходима разборчивость и осторожность; но мы не думаемъ, чтобы ошибка въ сторону снисходительности была *такимъ же* зломъ, какъ ошибка въ сторону строгости. Примѣняясь къ извѣстному изреченію Екатерины II-ой, можно сказать, что лучше выдать ссуду десяти крестьянамъ, которымъ она нужна не безусловно, чѣмъ отказать въ ней одному „истинно нуждающемуся". Съ состоятельныхъ крестьянъ ссуда можетъ быть взыскана обратно; вредъ, причиненный бѣдняку отказомъ въ выдачѣ ссуды, сплошь и рядомъ можетъ оказаться непоправимымъ.

Отступая отъ прежней административной практики, циркуляръ опредѣляетъ ежемѣсячную выдачу хлѣба на взрослаго человѣка не въ 30 фунтовъ, а въ одинъ пудъ, и не считаетъ предѣльнымъ срокомъ выдачи открытіе весеннихъ работъ. Столь же симпатично и другое нововведеніе, разрѣшающее выдачу ссудъ на обсѣмененіе не только надѣльныхъ, но и внѣ-надѣльныхъ земель, если послѣднія состоятъ въ собственности крестьянъ. Нельзя не пожалѣть, что эта послѣдняя льгота не распространена на земли, арендуемыя крестьянами. Когда надѣлъ (напр., такъ называемый даровой) очень малъ, а собственной земли у крестьянъ нѣтъ, арендуемая земля сплошь и рядомъ необходима для прокормленія крестьянской семьи. Особенно важно

своевременное обсѣмененіе этой земли въ тѣхъ случаяхъ, когда она взята въ аренду на много лѣтъ и арендаторъ обязанъ уплатить землевладѣльцу условленную сумму, хотя бы земля осталась незасѣянною. Опасаться, что ссуда на обсѣмененіе арендной земли окажется какъ бы подаркомъ состоятельнымъ хозяевамъ, нельзя какъ потому, что за подобными хозяевами вовсе не признается права на ссуду, такъ и потому, что общій размѣръ ссуды на обсѣмененіе циркуляръ ограничиваетъ половиною трехдушевого надѣла высшаго размѣра, установленнаго крестьянскими положеніями для даннаго уѣзда.—Вполнѣ цѣлесообразны, далѣе, указанія циркуляра, касающіяся продажи хлѣба по заготовительной его стоимости и снабженія населенія дешевымъ кормомъ для скота. Обѣ операціи предоставляются земству; для производства первой разрѣшено временное позаимствованіе изъ спеціальныхъ земскихъ капиталовъ, а для второй обѣщана, условно, правительственная поддержка. Для подвоза кормовыхъ продуктовъ въ неурожайныя мѣстности введенъ въ дѣйствіе удешевленный тарифъ ($^1/_{125}$ коп. съ пудоверсты). Какой цифры могутъ достигнуть ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе—изъ циркуляра не видно; мы узнаемъ только, что относительно закупки (распоряженіемъ министерства финансовъ) и доставки потребнаго для каждой губерніи количества зерна состоялось соглашеніе между министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

Воспроизведя, въ сентябрьской общественной хроникѣ, ту часть циркуляра, которая относится къ частной помощи голодающимъ, мы замѣтили, что для организаціи помощи на мѣстахъ созданы значительныя затрудненія, но она все-таки остается возможной и подчиняется, въ большинствѣ случаевъ, только *контролю*, а не руководству администраціи. Фанатики бюрократизма, безусловно враждебные личной и общественной иниціативѣ, рекомендовали полнѣйшую централизацію благотворительности; они находили, что общество и частныя лица могутъ и должны помогать голодающимъ не иначе, какъ черезъ посредство администраціи, указывающей и пункты, и способы примѣненія благотворительности. Такъ далеко циркуляръ не идетъ; онъ признаетъ, что никто изъ желающихъ не можетъ быть лишенъ права участія въ дѣлѣ продовольственной помощи на свои личныя средства, и не считаетъ нужнымъ, чтобы эта помощь проходила непремѣнно черезъ руки администраціи. Если не по буквѣ, то по смыслу циркуляра добровольные участники продовольственной помощи свободны въ выборѣ мѣста и формъ дѣятельности; только для нѣкоторыхъ ея видовъ требуется предварительное согласіе администраціи. Столовыя, врачебные пункты, пріюты „должны открываться не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстной власти, по надлежащемъ удостовѣреніи, что учрежденія эти

не могутъ служить инымъ цѣлямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ продоволольственною помощью". Поводомъ къ принятію этой мѣры послужили, какъ видно изъ циркуляра, обнаруженные во время прежнихъ недородовъ случаи противоправительственной агитаціи, происходившей подъ покровомъ помощи нуждающимся. Много ли было такихъ случаевъ, вполнѣ ли они доказаны—этого мы, конечно, не знаемъ; но если они и не составляли рѣдкаго исключенія, предупредить повтореніе ихъ можно было бы, какъ намъ кажется, безъ установленія стѣснительныхъ правилъ, едва ли совмѣстныхъ съ широкимъ развитіемъ благотворительной помощи. Какимъ образомъ администрація можетъ „удостовѣриться" заранѣе, что лицо, желающее открыть столовую, пріютъ, врачебный покой, не имѣетъ, при этомъ, политической задней мысли? Болѣе или менѣе надежное средство у нея есть только одно: справка съ спискомъ лицъ, формально признанныхъ политически неблагонадежными. Само собою разумѣется, что на дѣятельность такихъ лицъ былъ бы наложенъ административный запретъ, какъ только сдѣлалось бы извѣстнымъ намѣреніе ихъ основать „общественное учрежденіе". Что касается до всѣхъ остальныхъ лицъ, никогда не обращавшихъ на себя вниманіе политической полиціи, то по отношенію къ нимъ предметомъ „удостовѣренія" могутъ быть только *намѣренія*, *мысли*, т.-е. нѣчто до крайности неопредѣленное или вовсе неуловимое. Изслѣдованіе, при такихъ условіяхъ, рискуетъ обратиться въ простую формальность—или удариться въ догадки, оставляющія полный просторъ для произвола. Нежеланіе стать объектомъ подобнаго изслѣдованія легко можетъ остановить руку, готовую открыться для щедраго пожертвованія. Въ лучшемъ случаѣ понадобится много времени, чтобы собрать свѣдѣнія о прошедшемъ и настоящемъ жертвователя—и устройство столовой или пріюта подвергнется задержкѣ, тягостной для населенія и охлаждающей усердіе устроителя.

Отрицательнымъ признакомъ—отсутствіемъ неблагопріятныхъ свѣдѣній о благонадежности — циркуляръ обусловливаетъ дѣятельность лицъ, командируемыхъ въ неурожайныи мѣстности благотворительными обществами или кружками, изъ столицъ или крупныхъ городскихъ центровъ. Съ другой стороны, однако, эта форма помощи значительно затруднена требованіемъ, чтобы командируемыя лица или отряды руководились указаніями губернатора *въ отношеніи мѣста и порядка дѣйствій*. Почему отдѣльное лицо (или даже цѣлая группа лицъ) можетъ приступить къ продовольственной помощи въ избранномъ имъ самимъ мѣстѣ и видѣ, иногда только испрашивая на то разрѣшеніе администраціи, а при командировкѣ извнѣ такая свобода выбора признается недопустимой—это для насъ не совсѣмъ понятно. Организаторы коллективной помощи, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ

опредѣленный планъ дѣйствій; они хотятъ потрудиться на пользу опредѣленной мѣстности, о бѣдственномъ положеніи которой у нихъ есть достовѣрныя свѣдѣнія, и потрудиться именно такъ, какъ это кажется имъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. Работа въ другой мѣстности, въ другомъ направленіи можетъ не соотвѣтствовать ихъ намѣреніямъ; они могутъ отъ нея отказаться—какъ отказался, напримѣръ, землевладѣлецъ Анушъ отъ исполненія указаній самарскаго губернатора [1],—къ явному вреду для той части населенія, которой они предполагали посвятить свои средства и свои личныя силы. Благотворительность, по самому своему назначенію и свойству, должна быть свободна; если отъ нея—или отъ нѣкоторыхъ ея формъ—устраняются, по соображеніямъ политическаго характера, тѣ или другія отдѣльныя лица, то всѣмъ остальнымъ слѣдовало бы предоставить полный просторъ, не стѣсненный административной опекой. Кто не знаетъ, куда направить свою помощь, тотъ обратится и самъ, безъ всякаго понужденія, къ должностнымъ лицамъ, располагающимъ точными свѣдѣніями о голодающихъ. Конечно, при свободномъ выборѣ пунктовъ и формъ помощи нѣкоторыя мѣстности могутъ оказаться въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ остальныя; но такая неравномѣрность возможна—или даже неизбѣжна—и при вмѣшательствѣ администраціи, потому что общая сумма пожертвованій едва ли будетъ настолько велика, чтобы ею могли воспользоваться въ одинаковой мѣрѣ всѣ пострадавшіе отъ неурожая. Всего менѣе, повидимому, нуждается въ регламентаціи благотворительная дѣятельность такихъ учрежденій, какъ общество Краснаго Креста или попечительство о домахъ трудолюбія. И она, однако, подчинена руководству администраціи. Министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ попечительству о домахъ трудолюбія съ просьбою повторить опытъ оказанія трудовой помощи „въ тѣхъ изъ неблагополучныхъ по урожаю уѣздахъ, *въ коихъ такая помощь будетъ признана необходимою мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ*". Что касается до общества Краснаго Креста, то командировку имъ особыхъ врачебныхъ и врачебно-продовольственныхъ отрядовъ министръ внутреннихъ дѣлъ „призналъ соотвѣтственнымъ постановить въ зависимость отъ удостовѣренія необходимости таковыхъ командировокъ со стороны губернатора", съ указаніями котораго должны „сообразовать свою дѣятельность командируемыя на мѣста лица".

Болѣе чѣмъ когда-либо распространено въ настоящее время, среди извѣстныхъ органовъ печати, систематическое восхваленіе всего исхо-

[1]) См. Общественную Хронику въ №№ 6 и 7 „Вѣстн. Европы" за 1899 г.

дящаго отъ власти и столь же систематическое заподозриваніе всего похожаго на критику административныхъ распоряженій. Этими чертами запечатлѣно, въ полной мѣрѣ, отношеніе „Московскихъ Вѣдомостей" къ циркуляру 17-го августа. „Русскія Вѣдомости" дерзнули замѣтить, что циркуляръ, признавая необходимость благотворительной помощи, „обставляетъ ее, къ сожалѣнію такими стѣсненіями и формальностями, что на широкое ея развитіе разсчитывать едва-ли возможно". Газета г. Грингмута спѣшитъ вывести изъ этихъ словъ, что „Русскія Вѣдомости" предпочитаютъ (?!) порядки, при которыхъ возможны были упомянутыя циркуляромъ проявленія умственной и нравственной смуты. Излишне—продолжаетъ бодрствующій обличитель,—„излишне характеризовать такое странное предпочтеніе; но нельзя не опасаться, что такое отношеніе печати къ мѣрамъ правительства способно дѣйствительно подрывать отзывчивость общества на народную нужду. Это большой грѣхъ либеральной газеты предъ народомъ. Въ жизни народа бываютъ времена и обстоятельства, когда всѣ граждане должны проникаться однимъ чувствомъ, одною мыслью, однимъ стремленіемъ. При наступленіи такихъ временъ должны затихнуть распри, улечься волненія и смириться страсти партійной борьбы. Таковы времена народнаго бѣдствія. Казалось бы, что пока не прошла вполнѣ невзгода, не должно быть мѣста ничему кромѣ энергичной борьбы съ ней, кромѣ дѣятельной помощи пострадавшимъ". И это говоритъ газета, которая не только не сходитъ ни на минуту съ почвы „партійной борьбы" (припомнимъ хотя бы только-что приведенный нами намекъ на неблагонадежность „Русскихъ Вѣдомостей"), но дѣлала и дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы поколебать довѣріе къ правдивости голодающихъ крестьянъ, къ умѣлости и добросовѣстности благотворительныхъ учрежденій! Кто, какъ не „Московскія Вѣдомости", повторялъ и повторяетъ старую басню о „лѣности грубаго простонародья", заставляющей народъ набрасываться, безъ нужды, на всякую даровую помощь? Кто утверждалъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, что благотворительныя учрежденія (во время прежнихъ голодовокъ) „рѣшительно не желали подчиняться въ раздачѣ продовольствія никакимъ соображеніямъ, *кромѣ собственнаго вдохновенія, основаннаго на слухахъ, сообщаемыхъ пріятелями и знакомыми*"? Неужели подобными увѣреніями можно было усилить „отзывчивость общества на народную нужду"? Пробужденію этой отзывчивости, каждый разъ, когда наступало общественное бѣдствіе, болѣе всѣхъ другихъ органовъ нашей прессы способствовала именно та газета, которую теперь такъ беззастѣнчиво призываютъ къ отвѣту „Московскія Вѣдомости"... Сознаніе долга налагаетъ обязанность искренности. Именно потому, что въ годину невзгоды не должно быть мѣста ни-

чему, кромѣ „дѣятельной помощи пострадавшимъ“, печать, достойная своего призванія, должна указать все то, что препятствуетъ, по ея мнѣнію, наилучшей организаціи и широкому распространенію этой помощи. Никому и ничему такое указаніе повредить не можетъ; опаснымъ было бы только молчаніе, исключающее возможность всесторонняго освѣщенія вопроса.

Рука-объ-руку съ инсинуаціями въ газетахъ извѣстнаго типа идутъ хвалебные и непрошенные гимны. Чего только не наговорили „Московскія Вѣдомости“, восхищаясь циркуляромъ 17-го августа! „Временная организація въ наиболѣе неблагополучныхъ уѣздахъ представляется намъ чрезвычайно цѣлесообразною... Возложенное на единоличную отвѣтственность дѣло будетъ выполнено безъ замѣшательства и медленности, которыя были при прежнемъ многовластіи... Никогда еще ни при одномъ неурожаѣ такія подробныя, обстоятельныя и цѣлесообразныя инструкціи отъ высшей правительственной власти, какимъ является циркуляръ 17-го августа, не издавались столь своевременно... Населеніе пострадавшихъ отъ неурожая губерній въ предстоящую продовольственную кампанію не будетъ развращаться неразборчивыми и безпорядочными пособіями сельскимъ обывателямъ, отнюдь въ нихъ не нуждающимся“. Безспорно, циркуляръ 17-го августа изданъ своевременно и регулируетъ многія стороны будущей продовольственной кампаніи; но это и не могло быть иначе, разъ что продовольственное дѣло, въ главной своей части, перешло въ руки администраціи. Для восторга, покамѣстъ, поводовъ еще столь же мало, какъ и для безусловнаго превознесенія настоящаго въ ущербъ прошедшему. Безпристрастная исторія недавнихъ неурожайныхъ годовъ покажетъ несомнѣнно, что замѣшательствъ и медленности со стороны земства, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, допускаемо не было. Чрезвычайныя земскія собранія въ неурожайныхъ уѣздахъ и губерніяхъ созывались, сплошь и рядомъ, не только въ августѣ, но уже въ іюлѣ, и планъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, насколько онъ зависѣлъ отъ земства, былъ готовъ, обыкновенно, къ самому началу продовольственной кампаніи. Что каждое земство составляло свой отдѣльный планъ—это истекало изъ самаго существа тогдашней продовольственной организаціи; ни о какихъ общихъ „инструкціяхъ“ въ то время не могло быть и рѣчи. Нѣтъ, слѣдовательно, и почвы для параллели, проводимой „Московскими Вѣдомостями“. Матеріалъ для сравненій окажется на лицо лишь по изученіи результатовъ продовольственной кампаніи; но и тогда необходимо будетъ имѣть въ виду разницу условій, при которыхъ прежде дѣйствовало земство и дѣйствуетъ теперь министерство внутреннихъ дѣлъ.

Что сосредоточеніе продовольственнаго дѣла въ рукахъ админи-

страціи не всегда устраняетъ пререканія и недоразумѣнія—объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, сообщаемый „Сѣвернымъ Краемъ". Крестьяне кедвомской волости печорскаго уѣзда въ продолженіе двухъ лѣтъ осаждали губернское начальство представленіями о нуждѣ въ продовольствіи. Уѣздный исправникъ, уѣздный врачъ, становой приставъ, урядникъ и мѣстный священникъ подтверждали дѣйствительность нужды, дѣлали сборъ для первоначальной помощи наиболѣе нуждающимся и посылали губернатору сначала непосредственно, а потомъ чрезъ архангельскаго архіерея образцы хлѣба, которымъ питаются крестьяне—хлѣба, похожаго скорѣе на навозъ, чѣмъ на что-либо съѣдомое. Мѣстный же чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ (2-го участка печорскаго уѣзда) нужду отрицалъ и выставлялъ дѣло такъ, что „голодъ въ Кедвѣ" выдуманъ населеніемъ этой волости и прочимъ уѣзднымъ чиноначаліемъ, чтобы повредить ему, такъ какъ продовольственное дѣло въ уѣздѣ—въ его рукахъ. Губернское начальство, согласно донесеніямъ чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, сдѣлало выговоръ становому приставу, производившему сборъ пожертвованій, урядника уволило, священнику сдѣлало внушеніе, врача перевело, а исправнику послано было такое разъясненіе о значеніи ссудъ вообще и о задолженности Кедвы въ частности, что исправникъ сталъ доносить, что голода нѣтъ. Разслѣдованіе, произведенное г. Пругавинымъ, показало, что голодъ былъ, но въ настоящее время „обошелся"... Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса было замедлено громаднымъ разстояніемъ, отдѣляющимъ печорскій край отъ губернскаго города, и затруднительностью сообщеній между ними; но мы хотѣли только показать, что коренное различіе во взглядахъ на продовольственныя нужды населенія возможно и въ средѣ административныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій... Остается теперь узнать, во сколько „обошедшійся" самъ собою голодъ обошелся въ дѣйствительности населенію печорскаго края?

Существенно важнымъ дополненіемъ къ циркуляру 17-го августа служитъ другой циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 20-го августа, относящійся къ организаціи медицинской помощи въ неурожайныхъ губерніяхъ. Указавъ, что ближайшія заботы по этому предмету лежатъ на обязанности земства, министръ поручаетъ губернаторамъ „предложить на обсужденіе предстоящихъ земскихъ собраній нижеслѣдующія главныя основанія означенной организаціи: 1) количество врачебныхъ и фельдшерскихъ участковъ въ уѣздѣ должно быть таково, чтобы участковый врачъ, съ помощью состоящихъ въ его вѣ-

дѣніи фельдшеровъ, имѣлъ фактическую возможность слѣдить за повышеніемъ заболѣваемости въ порученномъ его заботамъ районѣ. При недостаточности существующей организаціи врачебной помощи, она должна быть временно пополнена привлеченіемъ новыхъ врачебныхъ силъ. 2) Фельдшера должны періодически объѣзжать селенія порученнаго ихъ наблюденію участка и о появленіи случаевъ заболѣванія цынгою и острозаразными болѣзнями немедленно сообщать своему участковому врачу, который обязанъ явиться на мѣсто и принять надлежащія мѣры къ поданію помощи. 3) На случай переполненія мѣстныхъ больницъ и во избѣжаніе неудобствъ, связанныхъ съ перевозомъ больныхъ въ холодное время, въ распоряженіе каждаго участковаго врача должны быть даны авансомъ средства, примѣрно по 100 р. каждому, для надлежащей изоляціи и устройства больныхъ, въ нуждающихся въ томъ селеніяхъ. Для ухода за такими больными, при недостаткѣ больничнаго персонала, можетъ быть нанято особое лицо, преимущественно изъ одинокихъ жителей или жительницъ того же селенія. 4) Надлежитъ теперь же, для соблюденія надлежащей экономіи, обезпечить своевременное полученіе фармацевтическихъ средствъ, предполагаемыхъ къ массовому расходованію. 5) О состояніи общественнаго здоровья, о принятыхъ мѣрахъ и о встрѣтившихся потребностяхъ участковые врачи, независимо отъ установленныхъ закономъ срочныхъ донесеній, по мѣрѣ надобности, сообщаютъ непосредственно завѣдующимъ продовольственной частью. Если по обсужденіи означенныхъ предположеній въ подлежащихъ земскихъ собраніяхъ окажется, что какія-либо изъ намѣченныхъ мѣропріятій не могутъ быть приведены въ исполненіе по дѣйствительному недостатку мѣстныхъ средствъ или инымъ уважительнымъ причинамъ, то объ этомъ, съ подробнымъ изложеніемъ дѣла, губернатору надлежитъ войти съ особымъ представленіемъ къ министру. Независимо отъ сего, губернатору необходимо озаботиться составленіемъ особыхъ врачебныхъ отрядовъ, которые могли бы немедленно по наступленіи въ томъ надобности быть командированы губернскою властью въ случаяхъ, когда принятыми на мѣстѣ мѣрами развивающаяся эпидемія прекращена быть не можетъ. Не менѣе двухъ вышеупомянутыхъ отрядовъ съ персоналомъ и всѣмъ больничнымъ инвентаремъ должны всегда имѣться въ полной готовности, для немедленнаго выѣзда въ нуждающійся уѣздъ. Въ случаѣ ихъ командированія, сейчасъ же должны быть формируемы новые запасные отряды. Въ случаѣ невозможности образовать означенные отряды на мѣстныя средства, губернатору предоставляется, одновременно съ сообщеніемъ о томъ въ министерство, входить по сему предмету въ непосредственное сношеніе съ главнымъ управленіемъ общества Краснаго-Креста".—Что основанія организаціи,

намѣченныя въ первыхъ четырехъ пунктахъ циркуляра, будутъ приняты, въ принципѣ, всѣми земскими собраніями неурожайныхъ губерній—въ этомъ нельзя сомнѣваться уже потому, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ обычному, при эпидеміяхъ, образу дѣйствій земскихъ учрежденій. Гдѣ число медицинскихъ участковъ недостаточно для успѣшной борьбы съ эпидеміей, тамъ на помощь уѣздному земству всегда и вездѣ приходитъ губернское; выѣздъ врача на мѣсто, при появленіи эпидеміи, вездѣ признается обязательнымъ; вездѣ, гдѣ нѣтъ больницъ и пріемныхъ покоевъ, практикуется изоляція заразныхъ больныхъ, съ соотвѣтствующимъ уходомъ. Едва ли найдется хоть одна земская губернія, которая, въ прежніе неурожайные годы, не напрягала всѣхъ своихъ силъ для предотвращенія и пресѣченія болѣзней, порождаемыхъ плохимъ питаніемъ. Значеніе новизны—и новизны весьма симпатичной—имѣетъ въ циркулярѣ только обѣщаніе придти на помощь земствамъ, для которыхъ непосильно полное осуществленіе всѣхъ мѣръ, необходимыхъ, во время неурожая, для охраны народнаго здоровья. Нужно надѣяться, что эта помощь будетъ оказываема не только на средства Краснаго-Креста, но, въ случаѣ надобности, и за счетъ государственнаго казначейства... Циркуляръ 20-го августа—это своего рода аттестатъ зрѣлости, выданный земству. Благодаря земству, значительная часть имперіи располагаетъ врачебной организаціей пригодной не только для нормальныхъ, но и для чрезвычайныхъ условій; благодаря земству, выработанъ планъ дѣйствій, удовлетворяющій требованіямъ критическаго времени; благодаря земству, побѣждено, по крайней мѣрѣ отчасти, недовѣріе къ врачамъ и къ врачебному искусству, такъ долго составлявшее типичную черту народной массы. Если земство, въ области народной медицины, какъ и въ области народной школы, часто останавливалось и останавливается на полъ-дорогѣ, то это зависѣло и зависитъ отъ недостатка средствъ, отъ тѣсныхъ рамокъ земскаго бюджета...

Между многочисленными откликами, вызванными проектомъ реформы средней школы, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи Д. И. Менделѣева: „Общеобразовательныя гимназіи“ („Россія“, №№ 834, 836, 839 и 840), какъ по имени автора, такъ и по оригинальности нѣкоторыхъ его предложеній. Гимназическій классицизмъ никогда не пользовался симпатіями знаменитаго ученаго: противъ системы гр. Д. А. Толстого онъ выступалъ уже тогда, когда она еще только приближалась къ осуществленію. Въ статьѣ, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1-го мая 1871 года, Д. И. Менделѣевъ высказывался съ большою силой за *непрерывность* образованія (т.-е. за без-

препятственный переходъ изъ низшихъ училищъ въ высшія), противъ предпочтенія мертвыхъ языковъ живымъ, за главенство русскаго языка, за введеніе естествознанія въ программу средней школы; онъ опасался, что усиленіе преподаванія древнихъ языковъ на счетъ другихъ общеобразовательныхъ предметовъ остановитъ ростъ русскаго образованія. Этимъ взглядамъ онъ остается вѣренъ и теперь, послѣ тридцатилѣтняго опыта; но къ нимъ присоединяются другіе, болѣе спорные. Главныя положенія, проводимыя Д. И. Менделѣевымъ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) для ученья въ гимназіяхъ, какъ общеобразовательныхъ школахъ, готовящихъ къ высшему или научно-спеціальному образованію, совершенно достаточно *шести* лѣтъ; 2) для того, чтобы наше высшее образованіе въ современныхъ условіяхъ жизни Россіи приносило должные плоды, т.-е. давало ученыхъ спеціалистовъ, душою преданныхъ избранному дѣлу, лучше всего устроить такъ, чтобы нормальный возрастъ окончившихъ гимназическій курсъ не превосходилъ 16—17 лѣтъ. Разсмотримъ сначала второе положеніе, связь котораго съ первымъ не можетъ, какъ намъ кажется, быть названа неразрывною.

Основываясь на своихъ студенческихъ воспоминаніяхъ и на своемъ профессорскомъ опытѣ, Д. И. Менделѣевъ считаетъ желательнымъ, чтобы критическій моментъ „непреоборимо-настойчивыхъ жизненныхъ вопросовъ“, совпадающій обыкновенно „съ началомъ роста усовъ и бороды“, заставалъ юношу въ такихъ условіяхъ, при которыхъ господствующимъ интересомъ для него могла бы быть наука; „надо, чтобы къ этому времени умъ и сердце уже были куда-то захвачены, чѣмъ-то увлечены“. Въ тридцатипятилѣтній періодъ профессорской дѣятельности Д. И. Менделѣева (1856—1891) слушателями его сначала были преимущественно „безусые“, а подъ конецъ—„зрѣлые усачи“. „Первыхъ были десятки, послѣднихъ—сотни; но изъ тѣхъ десятковъ для научной дѣятельности выходило больше проку, чѣмъ изъ послѣдующихъ сотенъ“. Не отрицая, что многое зависѣло здѣсь отъ общаго различія между шестидесятыми и восьмидесятыми годами, Д. И. Менделѣевъ утверждаетъ, что значительную долю вліянія оказывалъ и возрастъ. Онъ указываетъ, далѣе, на то, что позднее окончаніе гимназическаго—а слѣдовательно и университетскаго—курса уменьшаетъ число лицъ, посвящающихъ себя научной работѣ. Въ 23-24 года молодой человѣкъ думаетъ уже „о прочномъ устройствѣ жизни, о женитьбѣ, о поддержаніи родителей, о карьерѣ; если и были самые горячіе порывы стать ученымъ, они легко въ этихъ условіяхъ погасаютъ, тушатся вліяніями жизни. Чисто ученая карьера у насъ въ Россіи до сихъ поръ не представляетъ привлекательности ни съ какой стороны: ни почета, ни славы, ни средствъ она не обѣщаетъ; впереди только и есть одно приложеніе—профессура. Но и она, съ тѣхъ поръ какъ дѣйствуетъ нынѣшній универси-

тетскій уставъ, требуетъ не преданности наукѣ, не самобытности, трудно въ ней достигаемой, а только ученой степени, такъ какъ назначеніе профессора ведется путемъ чисто канцелярскимъ, не спрашиваясь свободнаго сужденія людей, посвятившихъ себя научной работѣ... Придетъ, быть можетъ, когда-нибудь иное время, когда наука будетъ и у насъ привлекать къ себѣ хоть съ какой-либо стороны (хоть перестанутъ надъ ней издѣваться, какъ часто дѣлали до сихъ поръ), но теперь этого нѣтъ. Теперь у насъ нужно быть непремѣнно въ извѣстной мѣрѣ идеалистомъ, человѣкомъ не отъ практическаго міра сего, чтобы влеченіе къ наукѣ удержалось въ тѣ годы, которые наступаютъ послѣ окончанія университета,—а кончая на 20-21 году, это встрѣтить можно многое множество разъ чаще, чѣмъ въ 25-26 лѣтъ... Ради развитія научной самостоятельности Россіи надо поскорѣе прекратить современный порядокъ вещей, т.-е. возможно рано выпускать какъ изъ гимназій, такъ и изъ университетовъ". На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Д. И. Менделѣевъ предлагаетъ установить для пріема въ первый классъ гимназіи возрастъ не моложе 9 и не старше 11 лѣтъ, допуская отклоненія лишь въ особыхъ случаяхъ, по рѣшенію совѣта учителей гимназіи; тогда, при шестилѣтнемъ гимназическомъ курсѣ, будутъ выходить изъ гимназіи 15-17-ти лѣтъ, изъ университета—19-21; степень магистра можно будетъ получить уже на 21-мъ, степень доктора—на 22-мъ году.

Что слишкомъ позднее окончаніе курса—одна изъ слабыхъ сторонъ дѣйствующаго порядка, это и въ нашихъ глазахъ не подлежитъ никакому спору. Изъ словъ самого г. Менделѣева видно, однако, что въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ не было ничего подобнаго, хотя гимназическій курсъ въ то время былъ не шести-, а семилѣтній. Изъ уваровскихъ гимназій, какъ и изъ головнинскихъ, поступали въ университетъ, сплошь и рядомъ, 16 и 17-ти лѣтъ, а въ видѣ исключенія—и 15-ти. Если, начиная со второй половины семидесятыхъ годовъ, „великовозрастныхъ" гимназистовъ становилось все больше и больше, если „безусые" первокурсники въ университетѣ все чаще и чаще уступали мѣсто „зрѣлымъ усачамъ", то это зависѣло не только отъ прибавки восьмого года гимназическаго ученья. Требовательность, доведенная до крайности, сухое, безсердечное отношеніе къ ученикамъ, отталкивающій, сплошь и рядомъ, способъ преподаванія главныхъ предметовъ—все это, вмѣстѣ взятое, затрудняло переходъ изъ класса въ классъ и обращало для многихъ восьмилѣтній курсъ ученья въ девяти- или десятилѣтній. Несоотвѣтствіе между числомъ гимназій и числомъ желающихъ попасть въ единственное учебное заведеніе, открывающее доступъ въ университетъ, нерѣдко замедляло и самое поступленіе въ гимназію. При нормальныхъ условіяхъ, обычнымъ вре-

менемъ окончанія ученья въ восьмиклассной школѣ былъ бы девятнадцатый или двадцатый годъ—а на самомъ дѣлѣ большинство гимназистовъ оставляло и оставляетъ школьную скамью годомъ, двумя, тремя позже этого срока. Отсюда печальныя явленія, знакомыя каждому наблюдателю нашей школьной жизни. Стоитъ только вернуться къ семилѣтнему гимназическому курсу и устранить все то, что мѣшаетъ безостановочному его прохожденію—и результатъ, къ которому стремится Д. И. Менделѣевъ, несомнѣнно будетъ достигнутъ. Если, въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, между поступающими въ университетъ и будутъ встрѣчаться двадцатилѣтніе молодые люди, то большой бѣды отъ этого не произойдетъ; важно только, чтобы невысокъ былъ средній возрастъ новичковъ-студентовъ. Искусственно затруднять поступленіе въ гимназію послѣ предѣльнаго возраста (11 лѣтъ для перваго класса) нежелательно уже потому, что это противорѣчило бы непрерывности образованія, за которую стоитъ и Д. И. Менделѣевъ: въ начальной школѣ (въ особенности сельской), которая все больше и больше должна становиться подготовительною ступенью для средней, весьма многіе ученики оканчиваютъ курсъ позже, чѣмъ въ одиннадцать лѣтъ—и это не можетъ быть иначе, потому что условія жизни въ бѣднѣйшихъ классахъ народа не благопріятствуютъ раннему умственному развитію. Едва ли, съ другой стороны, возможно и необходимо столь быстрое полученіе ученыхъ степеней, какъ проектируемое Д. И. Менделѣевымъ. Онъ совершенно правъ, говоря, что въ молодые годы легче сохранить увлеченіе, изъ котораго возникаетъ рѣшимость посвятить себя научной работѣ; совершенно вѣрно и то, что приготовленіе къ магистерскому экзамену и къ защитѣ магистерской и докторской диссертацій длится теперь слишкомъ долго и именно потому часто ни къ чему не приводитъ—но завершеніе всей этой работы въ какіе-нибудь два года было бы противоположною крайностью. И въ прежнее время, когда періодъ ученья оканчивался гораздо скорѣе, степень доктора рѣдко достигалась раньше двадцатипятилѣтняго возраста. Еслибы онъ сталъ опять нормальнымъ срокомъ, то въ этомъ отношеніи не оставалось бы желать ничего лучшаго.

Все сказанное нами до сихъ поръ приводитъ къ убѣжденію, что достаточно раннее окончаніе гимназическаго курса возможно и безъ сокращенія его до *шести* лѣтъ. Посмотримъ теперь, цѣлесообразно ли, само по себѣ, такое сокращеніе. Достигнуть его Д. И. Менделѣевъ предлагаетъ: 1) уничтоженіемъ экзаменовъ; 2) преподаваніемъ одного только новаго иностраннаго языка и одного древняго (латинскаго, въ весьма небольшихъ размѣрахъ), и 3) сокращеніемъ числа уроковъ по математикѣ и русскому языку. Значеніе экзаменовъ—вопросъ спорный, котораго мы здѣсь касаться не будемъ; замѣтимъ только, что противъ

совершенной ихъ отмѣны возстаютъ далеко не одни рутинеры и что лишнія 4—6 недѣль учебнаго времени не представляли бы собою, съ точки зрѣнія пріобрѣтенія новыхъ знаній, чистаго выигрыша, такъ какъ къ концу учебнаго года не можетъ не уменьшиться вниманіе и воспріимчивость учениковъ. Русскому языку и словесности Д. И. Менделѣевъ отводитъ 24 урока въ недѣлю, по 4 въ каждомъ классѣ (по нынѣшнему гимназическому плану ихъ 29, по проекту коммиссіи ген.-ад. Ванновскаго—30), новому иностранному языку—12, по 2 въ каждомъ классѣ (по нынѣшнему плану каждый новый иностранный языкъ располагаетъ 19 часами, по проекту коммиссіи долженъ располагать 16-21 час.), латинскому языку — 6 часовъ, по 2 часа въ каждомъ изъ трехъ старшихъ классовъ (по нынѣшнему плану 42 часа, по проекту коммиссіи—16). Столь значительное уменьшеніе числа уроковъ по языкамъ Д. И. Менделѣевъ мотивируетъ такъ: „Слову не слѣдуетъ придавать въ молодыхъ умахъ черезчуръ большого, ему не подобающаго значенія... Въ жизни слово имѣетъ лишь второстепенное значеніе въ средѣ многообразныхъ другихъ отношеній... Гимназіи вовсе нежелательно превратить въ *языческія* школы, умножая число иностранныхъ языковъ... Отводить около половины учебнаго времени на языки въ періодъ, когда юноша уже начинаетъ интересоваться всѣмъ живымъ окружающимъ (т.-е. въ старшихъ классахъ гимназіи), просто вредно, а предположивъ хорошихъ учителей—даже и опасно, потому что слова и слова пожалуй такъ займутъ умъ юноши, что онъ въ нихъ однихъ увидитъ всю премудрость и станетъ способнымъ не на дѣла жизни, а только на слова, до нихъ относящіяся". Съ этой мотивировкой, какъ она ни остроумна, согласиться трудно. Конечно, дѣло важнѣе слова; но вѣдь слово, сплошь и рядомъ, является дѣломъ, измѣняя настроеніе, побуждая къ дѣйствію, направляя его къ опредѣленной цѣли. Помимо этого, развѣ изученіе языка даетъ только знаніе словъ, его образующихъ? Правильно поставленное и руководимое, развѣ оно не открываетъ доступъ къ цѣлой массѣ фактовъ, полныхъ животрепещущаго интереса? Развѣ, напримѣръ, читая Гоголя или Тургенева, ученикъ знакомится только съ сокровищами русской рѣчи, а не съ цѣлыми полосами русской жизни, болѣе или менѣе тѣсно связанными съ современностью? Къ числу предметовъ, дающихъ не только запасъ словъ, Д. И. Менделѣевъ относитъ исторію и географію: но развѣ литература не соприкасается, на каждомъ шагу, и съ тою, и съ другою, раскрывая передъ читателемъ область прошлаго и унося его то въ близкія, то въ дальнія страны?.. Замѣчанія г. Менделѣева были бы не лишены основанія, еслибы преподаваніе языковъ сосредоточивалось исключительно на грамматикѣ и риторикѣ; но этого нельзя сказать даже о теперешней постановкѣ дѣла, и еще меньше, нужно надѣяться,

это будетъ примѣнимо къ преобразованной средней школѣ. Способность къ „дѣламъ жизни“ обусловливается, между прочимъ, привычкой къ самостоятельному мышленію—а развитію этой привычки изученіе языковъ, съ ихъ литературой, способствуетъ больше, чѣмъ, напримѣръ, изученіе математики. Въ послѣдней области выводъ всегда предрѣшенъ заранѣе; въ первой—свобода заключеній безгранична. Въ виду безчисленныхъ услугъ, которыя можетъ оказать, и въ наукѣ, и въ жизни, знаніе новыхъ иностранныхъ языковъ, едва ли желательно, далѣе, ограничиваться преподаваніемъ въ средней школѣ только одного изъ нихъ [1]). Чтобы принести желанную пользу, преподаваніе чужого языка должно дать ученику возможность читать, легко и свободно, все написанное на этомъ языкѣ. Достигнуть такого результата при числѣ часовъ, отводимыхъ Д. И. Менделѣевымъ на долю иностранныхъ языковъ, едва ли возможно. Въ шесть учебныхъ часовъ, распредѣленныхъ между тремя годами, немыслимо пріобрѣсти сколько-нибудь и для чего-нибудь пригодное знаніе латинскаго языка. Гораздо послѣдовательнѣе, какъ намъ кажется, было бы домогаться совершеннаго устраненія древнихъ языковъ изъ программы средней школы (кромѣ спеціально-классической), чѣмъ оставлять за однимъ изъ нихъ чисто номинальное значеніе. Шесть часовъ на изученіе латинскаго языка—это напрасно потерянное время. Слишкомъ мало и двѣнадцати часовъ, чтобы ознакомиться какъ слѣдуетъ съ французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ. При той господствующей роли, которую Д. И. Менделѣевъ—какъ и всѣ лучшіе педагоги—отводитъ русскому языку и русской словесности, для этого предмета недостаточно и двадцати четырехъ часовъ. Нежелательно и уменьшеніе числа часовъ, посвященныхъ математикѣ. Если сравнить учебный планъ, составленный Д. И. Менделѣевымъ, съ учебнымъ планомъ коммиссіи ген.-ад. Ванновскаго, то въ послѣднемъ гораздо лучше поставленной окажется и исторія (19 уроковъ вмѣсто 15).

Нашъ заключительный выводъ таковъ: сокращеніе гимназическаго курса до шести лѣтъ понизило бы уровень средняго образованія—и понизило бы его безъ всякой надобности, потому что нормально-раннее окончаніе гимназическаго курса можетъ быть достигнуто, какъ показано выше, и при семилѣтней продолжительности его. За этотъ послѣдній срокъ говоритъ и недавній историческій опытъ, между тѣмъ какъ введеніе шестилѣтняго срока было бы, по англійскому выраженію, скачкомъ въ темноту (leap in the dark). Въ педагогическомъ мірѣ весьма

[1]) Преподаваніе второго иностраннаго языка Д. И. Менделѣевъ предлагаетъ сдѣлать факультативнымъ, взимая за него особую плату. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ необходимостью оставаться въ гимназіи по окончаніи учебнаго времени, не можетъ не уменьшить весьма значительно число желающихъ учиться второму иностранному языку.

важно сохраненіе—или возстановленіе—хорошихъ традицій, къ числу которыхъ, по единогласному почти отзыву всѣхъ окончившихъ гимназическій курсъ до реформы гр. Толстого, принадлежитъ семилѣтній срокъ ученья уваровской и головнинской гимназіи.

Чрезвычайно цѣнны замѣтки Д. И. Менделѣева о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметахъ гимназическаго курса. Возражая тѣмъ, кто находитъ ненужнымъ обучать гимназистовъ рисованію, онъ утверждаетъ, что „не встрѣчалъ нормальныхъ дѣтей, не имѣющихъ склонности къ рисованію. Глазъ юноши, все время упражняющійся только надъ буквами и ихъ сочетаніями, конечно можетъ притупиться къ формамъ и цвѣтамъ, къ языку настоящей дѣйствительности, но нормы это не составляетъ, и если учениковъ упражнять въ рисованіи,—ихъ сознательная разумность только прибудетъ. Однако здѣсь, какъ и во всемъ ученіи, все зависитъ отъ учителя. Всего бы лучше имѣть учителей рисованія изъ лицъ, получившихъ университетское образованіе и, слѣдовательно, знающихъ какую-либо спеціальность, можетъ быть готовыхъ преподавать и какой-либо устный предметъ... Если учителя рисованія будутъ избираться между лицами дѣйствительно образованными и любящими свой предметъ, то ихъ вліяніе на учениковъ гимназій будетъ, безъ сомнѣнія, не меньше, чѣмъ многихъ другихъ, такъ какъ они могутъ раскрыть глаза юношей на такія области въ мірѣ, которыя не раскроются преподавателями другихъ предметовъ. Голосъ учителя рисованія нельзя не слушать въ совѣтѣ гимназіи, такъ какъ художественная сторона въ жизни всегда будетъ имѣть свой вѣсъ". Примѣрно то же, хотя въ гораздо меньшей степени, можно сказать и о пѣніи, „такъ какъ, уча пѣнію, какъ и рисованію, гимназіи внесутъ оживленіе и смягченіе въ душу воспитанниковъ и многимъ облегчатъ бремя предстоящей жизни. Часто числа и мѣры, формы, краски и пѣсни по существу говорятъ и учатъ яснѣе словъ, а вмѣстѣ съ ними всегда ихъ оживляютъ. И нельзя не желать, чтобы гимназіи давали образованіе жизненное, и чтобы гимназисты сохранили всю оживленность, свойственную юношеству". Мнѣніе Д. И. Менделѣева столь же оригинально, какъ и удобоосуществимо. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что неуспѣшность обученія рисованію въ среднихъ школахъ и нерасположеніе къ нему большинства учениковъ зависятъ, главнымъ образомъ, отъ того, что оно находится обыкновенно въ рукахъ узкихъ спеціалистовъ и рутинеровъ. Передача его широко образованнымъ людямъ, способнымъ сообщить ученикамъ собственное свое одушевленіе и внушить имъ любовь къ пластическимъ искусствамъ, могла бы отразиться на всемъ послѣдующемъ развитіи молодежи.—Съ большимъ сочувствіемъ Д. И. Менделѣевъ относится къ проектируемому коммиссіею ген.-ад. Ванновскаго введенію законовѣдѣнія въ учебный планъ

средней школы. „Если"—говоритъ онъ—„къ общему среднему образованію предъявлять хоть какія-либо жизненныя требованія, чуждыя односторонностей классическаго пошиба („обтачиванія" ума или его „дрессированія"), то въ гимназіи необходимо ввести преподаваніе русскихъ законовъ. Слышу я, что предмета этого боятся многіе; одни полагаютъ, что онъ будетъ требовать большой зубрежки, ничего не давая ни уму, ни интересу учащихся, а другіе думаютъ, что при объясненіи законовъ возбудится въ ученикахъ критическое отношеніе къ предмету,—а это можетъ дать вредное направленіе умамъ. Но я самъ обучался въ тобольской гимназіи, гдѣ въ свое время особыми предметами (кажется, вплоть до 60-хъ годовъ) были законовѣдѣніе и судоустройство—взамѣнъ греческаго языка, которому насъ совершенно не учили. И помню я отлично, что предметы эти насъ интересовали, требовали зубренія не больше всякихъ другихъ, и никакихъ такихъ вредоносныхъ идей не возбуждали, хотя учителя разсказывали намъ кое-что и про учрежденія въ другихъ странахъ. Думаю даже, что юноши, узнавшіе законы своей страны, будутъ меньше подвержены заразѣ отъ ложныхъ толкователей, чѣмъ тѣ, которые ничего не знаютъ о своихъ законахъ. А законность, которой у насъ, какъ всѣмъ извѣстно, не очень-то много, конечно, можетъ увеличиться только тогда, когда будутъ хоть сколько-нибудь изучать и понимать законы. Да и странно до удивительности, что незнаніемъ законовъ никто не можетъ оправдываться, а этого знанія не сообщаютъ въ гимназіяхъ. Вѣдь запасъ общихъ знаній нигдѣ не увеличится въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а потому наши образованнѣйшіе люди—конечно, кромѣ юристовъ,—часто не имѣютъ никакого понятія о русскихъ законахъ. Нѣкоторыя части законовѣдѣнія—напр. объ устройствѣ крестьянства, о земствѣ, о правахъ на имущество, о наслѣдствѣ, о судѣ присяжныхъ, не говоря уже объ основныхъ законахъ,—могутъ быть чрезвычайно полезны для дальнѣйшей дѣятельности въ жизни". Цѣлесообразнымъ Д. И. Менделѣевъ признаетъ и введеніе въ курсъ средней школы особыхъ уроковъ по отечествовѣдѣнію, хотя хорошо и всесторонне составленный курсъ отечественной географіи и исторіи и есть собственно курсъ отечествовѣдѣнія. Признавая всю важность математики, какъ предмета гимназическаго курса, онъ напоминаетъ, однако, что есть люди способные во многихъ отношеніяхъ, но очень тугіе на простѣйшія математическія построенія,—и находитъ, что ихъ не слѣдуетъ лишать права на высшее образованіе. Судьей, по его словамъ, „долженъ быть совѣтъ учителей гимназіи: онъ отличитъ настоящаго тупицу отъ тугого къ математикѣ или къ иностраннымъ языкамъ. Предѣлъ снисходительности надо искать не въ величинѣ отмѣтокъ, даже не въ аттестатахъ о способностяхъ, поведеніи и прилежаніи, а исключительно

въ голосѣ свободнаго сужденія учителей, такъ какъ при нѣкоторомъ опытѣ всякій учитель, такъ сказать, насквозь видитъ задатки всякаго своего ученика". Яркимъ подтвержденіемъ этого взгляда служитъ тотъ любопытный фактъ, что самъ Д. И. Менделѣевъ очень часто получалъ въ гимназіи худыя отмѣтки по латинскому языку, и при системѣ гр. Д. А. Толстого „много разъ былъ бы оставленъ въ классѣ или даже исключенъ изъ гимназіи"!..

P. S.—Наше обозрѣніе было уже сдано въ печать, когда мы прочли въ газетахъ новый циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 7-го сентября. Въ мартѣ мѣсяцѣ, министерство предложило земствамъ, черезъ губернаторовъ, обсудить вопросъ о составленіи, заблаговременно, плана общественныхъ работъ, которыя могли бы быть организованы въ случаѣ неурожая или другихъ подобныхъ бѣдствій. Изъ поступающихъ въ отвѣтъ на это предложеніе донесеній министерство усмотрѣло, что „нѣкоторыя губернскія земскія управы ограничились изготовленіемъ докладовъ губернскимъ собраніямъ, въ коихъ, удостовѣряя цѣлесообразность установленія работъ дорожныхъ, по обращенію неудобныхъ земель въ культурныя, по устройству водохранилищъ и пр., подробную разработку вопроса предполагаютъ передать на предварительное обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній, съ тѣмъ, чтобы полученныя этимъ путемъ данныя представить послѣдующему губернскому собранію. Не имѣя возраженій противъ объясненнаго направленія дѣла въ губерніяхъ, гдѣ въ текущемъ году населенію не угрожаетъ никакое бѣдствіе, министръ внутреннихъ дѣлъ не признаетъ его допустимымъ въ тѣхъ пораженныхъ недородомъ мѣстностяхъ, кои вызываютъ *немедленное* примѣненіе особыхъ мѣръ воспособленія пострадавшему населенію. Необходимо теперь же опредѣлить: гдѣ, въ неблагополучныхъ по урожаю уѣздахъ или волостяхъ, должны быть организованы работы, какія именно сооруженія, доступныя силамъ и способностямъ мѣстнаго населенія, должны быть выполнены и сколько, приблизительно, средствъ потребуется на ихъ осуществленіе, дабы ближайшія земскія собранія имѣли полную возможность постановить окончательныя рѣшенія по сему предмету, не откладывая дѣла за неимѣніемъ фактическаго матеріала. Указанная постановка дѣла въ особенности необходима въ отношеніи дорожныхъ работъ; безъ наличности заранѣе составленныхъ данныхъ о дорожныхъ сооруженіяхъ, къ выполненію коихъ возможно приступить на началахъ общественныхъ работъ, и выясненія приблизительной стоимости ихъ, земскія собранія не будутъ имѣть возможности высказаться по существенному вопросу объ отпускѣ земству ссудъ изъ казны на означенную надобность, на основаніи закона 8-го февраля 1899 г.; между тѣмъ, безъ

полученія послѣднихъ едва ли не представится затруднительнымъ открыть и самыя работы, такъ какъ наличность дорожнаго капитала можетъ оказаться предназначенною на сооруженія, начатыя подряднымъ способомъ, или такія, которыя не могутъ быть предоставлены нуждающемуся въ воспособленіи населенію данной мѣстности. Въ виду изложеннаго, министръ внутреннихъ дѣлъ проситъ губернаторовъ тѣхъ губерній, которыя постигнуты въ настоящемъ году недородомъ, предложить губернской и уѣзднымъ земскимъ управамъ немедленно заняться изготовленіемъ всѣхъ необходимыхъ для означенной цѣли матеріаловъ при посредствѣ наличнаго техническаго и агрономическаго персонала, и засимъ представить оные на окончательное обсужденіе ближайшихъ земскихъ собраній".

Что планъ общественныхъ работъ, въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, долженъ быть составленъ безотлагательно и по возможности быстро приведенъ въ исполненіе—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; столь же очевидно и то, что ближайшее участіе въ его составленіи должны принять уѣздныя земскія собранія, которыя одни только стоятъ такъ близко къ мѣстности, что могутъ судить о наиболѣе для нея полезныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удобоосуществимыхъ общественныхъ работахъ. Совершенно понятно, поэтому, что губернскія земскія управы предлагаютъ губернскимъ земскимъ собраніямъ передать вопросъ объ общественныхъ работахъ на обсужденіе уѣздныхъ земствъ. Все сводится къ дальнѣйшему направленію дѣла. Уѣздныя земскія собранія, созываемыя теперь обыкновенно не позже сентября, вѣроятно уже установили или установятъ, гдѣ это нужно, какія общественныя работы должны быть предприняты въ ближайшемъ будущемъ. Нуждаются ли такія постановленія въ утвержденіи губернскаго земства? Собственно говоря—нуждаются, потому что распоряженіе дорожнымъ капиталомъ, за счетъ котораго будетъ произведена значительная часть работъ, принадлежитъ губернскому земству, черезъ которое проходятъ и всѣ вообще ходатайства уѣздныхъ земствъ. Нельзя не замѣтить, однако, что передача дѣла на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія замедлитъ окончаніе его мѣсяца на два или на три, въ лучшемъ случаѣ (если будетъ созвано и состоится экстренное собраніе)—на нѣсколько недѣль. Не слѣдовало ли бы, въ виду этого, признать, въ данномъ случаѣ, постановленія уѣздныхъ собраній нетребующими утвержденія губернскимъ земствомъ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько они касаются работъ за счетъ дорожнаго капитала? Вѣдь дорожный капиталъ, насколько онъ образовался изъ прежнихъ *уѣздныхъ* взносовъ на содержаніе судебно-мировыхъ учрежденій, составляетъ, собственно говоря, достояніе уѣздныхъ земствъ, и если завѣдываніе имъ предоставлено

губернскому земству, то основаніемъ къ тому послужили, главнымъ образомъ, соображенія чисто административнаго характера (удобство контроля, двойная гарантія правильности расходовъ). Отъ администраціи, слѣдовательно, зависитъ испросить, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, исключеніе изъ обычнаго порядка. Само собою разумѣется, что за губернскимъ земскимъ собраніемъ должно быть сохранено какъ утвержденіе общаго плана общественныхъ работъ, составляемаго на случай будущихъ неурожаевъ, такъ и обращеніе на общественныя работы той части дорожнаго капитала, которая образуется изъ губернскихъ земскихъ средствъ. Отъ губернскаго земства должны, конечно, исходить и ходатайства, касающіяся интересовъ нѣсколькихъ уѣздовъ или всей губерніи.

НАРОДНЫЙ УЧИТЕЛЬ ВЪ ДЕРЕВНѢ И ЕГО СУДЬБА.

Письмо въ Редакцію.

Изъ лицъ, служащихъ въ разныхъ вѣдомствахъ, едва ли на кого возлагается столько разнообразныхъ обязанностей, сколько приходится выполнять ихъ нашему народному учителю. Помимо прямого своего дѣла, учительства, онъ долженъ быть еще садоводомъ, огородникомъ, пчеловодомъ, регентомъ церковнаго хора, библіотекаремъ, переплетчикомъ, лекторомъ на публичныхъ чтеніяхъ, преподавателемъ гимнастики, ручного труда, а иногда и школьнымъ лекаремъ.

Теперь посмотримъ, при какихъ еще неблагопріятныхъ условіяхъ приходится работать этому терпѣливому труженику.

Извѣстно, что бóльшая часть школьныхъ помѣщеній въ деревнѣ не удовлетворяетъ даже самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены. Классныя комнаты тѣсны, съ полу часто дуетъ, на стѣнахъ—сырость, вентиляціи нѣтъ. Дѣти приносятъ изъ дома на своихъ одеждахъ всѣ слѣды крестьянской неопрятности, а такъ какъ въ школѣ часто бываетъ холодно, то ученики сидятъ въ классѣ въ полушубкахъ и валенкахъ. Отъ этого въ концѣ урока дѣлается такой воздухъ, что „хоть топоръ повѣсь“, какъ мѣтко выражаются сами крестьяне.

И вотъ въ такой-то атмосферѣ учитель долженъ провести 6—7 часовъ при крайне сильномъ умственномъ напряженіи.

Въ школѣ при одномъ учителѣ бываетъ 60—70 учениковъ, и при трехгодичномъ курсѣ народной школы ему приходится заниматься одновременно съ тремя группами (отдѣленіями): когда учитель даетъ урокъ одной группѣ, двѣ другія въ это время исполняютъ самостоятельную работу. Хорошо, если матеріалъ для самостоятельной работы выбранъ удачно: работа интересна, посильна и ее хватитъ на цѣлый часовой урокъ. Тогда все вниманіе учениковъ сосредоточено на ней, и учитель можетъ заниматься съ однимъ отдѣленіемъ, почти не отрываясь.

Но это бываетъ не часто, такъ какъ невозможно каждый разъ выбрать такую работу, чтобы ученики могли исполнить ее самостоятельно. Поэтому учителю постоянно приходится отрываться отъ занятій въ одномъ отдѣленіи и переходить въ другое: то болѣе бойкій ученикъ заявляетъ, что у него работа окончена—необходимо занять

его до конца урока; другой обращается къ учителю за разъясненіемъ какого-нибудь непонятнаго для него вопроса въ самостоятельной работѣ; третій проситъ позволенія выйти изъ класса; нерѣдко также приходится считаться съ нарушающими классную дисциплину шалунами, безъ которыхъ въ многолюдной школѣ обыкновенно не обходится.

Такимъ образомъ, учитель, занимаясь одновременно съ тремя различными группами учащихся, долженъ въ одно и то же время обращать вниманіе на нѣсколько разнородныхъ предметовъ, работать, выражаясь языкомъ психологіи, *съ раздвоеннымъ вниманіемъ*,—а это крайне утомительно.

Дурной воздухъ классныхъ помѣщеній не такъ вредно дѣйствуетъ на учениковъ, какъ на самого учителя, потому что, какъ извѣстно, крестьянскія дѣти, съ пеленокъ привыкшія къ анти-гигіеническимъ условіямъ жизни, отличаются громадною выносливостью, да къ тому же, во время перемѣнъ между уроками, они могутъ отдохнуть и порѣзвиться на открытомъ воздухѣ; но учителю нѣтъ покоя и въ перемѣны.

Народный учитель болѣе, чѣмъ всякій другой преподаватель, долженъ быть не только *учителемъ*, но и *воспитателемъ*, такъ какъ крестьянскія дѣти во многихъ проявленіяхъ жизни добрый примѣръ, доброе вліяніе, могутъ встрѣтить только въ школѣ.

Неряшливость, грубость деревенскихъ ребятъ, привычка говорить непечатныя слова, имѣющія въ деревнѣ полное право гражданства, плевать и сморкаться куда ни попало, исполнять свои естественныя потребности чуть не среди улицы—извѣстны каждому. Сколько нужно умѣнья, силъ и терпѣнія, чтобы хотя отчасти ослабить эти дурныя привычки! Учителю необходимо распространять свое вліяніе на дѣтей не только въ стѣнахъ школы, но и во время игръ ихъ на улицѣ, и даже дома.

Ученье въ сельской школѣ обыкновенно оканчивается въ 3 часа пополудни, но учитель рѣдко уходитъ изъ класса раньше 4 часовъ. Однимъ изъ учениковъ надо перемѣнить книги для чтенія; тотъ проситъ чернилъ, другому надо дать бумаги, перо. Нерѣдко учителю приходится изображать изъ себя „судью“ и рѣшать дѣла „по жалобамъ потерпѣвшихъ“. Учителю не остается времени для отдыха и вечеромъ: онъ занятъ то исправленіемъ тетрадей, то веденіемъ класснаго журнала и подготовкою къ занятіямъ на слѣдующій день. У каждаго изъ учениковъ средняго и старшаго отдѣленія бываетъ по три, четыре тетради: 1) для ариѳметики, 2) для диктовки, 3) для письменнаго изложенія прочитанныхъ статей и орѳографическихъ упражненій,—которыя необходимо исправлять по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю. Я не считаю тетрадей по чистописанію, которыя обыкновенно

исправляются въ классѣ, но во вторую половину года и въ младшемъ отдѣленіи ученики пишутъ въ тетрадяхъ, такъ что при 60—70 учащихся въ иной вечеръ приходится исправить до 100 тетрадей! Сшивать и линевать тетради (а для младшаго отдѣленія нужно линевать и аспидныя доски) приходится тоже самому учителю, такъ какъ покупать готовыя тетради и линеванную бумагу—доступно не для всякой школы.

Вслѣдствіе разбросанности нашихъ русскихъ деревень и широты школьныхъ районовъ, дѣтямъ иногда приходится ходить въ училище за 3 и даже за 5 верстъ. Поэтому многіе ученики ночуютъ въ школѣ. Учителю необходимо наблюдать и за этими учениками и руководить ихъ вечерними занятіями.

Учебное начальство требуетъ, чтобы всѣ вновь поступающія въ училищную библіотеку книги переплетались, переплетъ старыхъ исправлялся, книги снабжались ярлыками и разставлялись на полкахъ въ порядкѣ нумеровъ каталога. Переплетчиковъ же въ деревнѣ нѣтъ, и книги переплетать и исправлять долженъ, конечно, учитель. А на это надо не мало времени, такъ какъ дѣти, не умѣя обращаться съ книгами, сильно треплютъ ихъ. Вслѣдствіе же скудости средствъ на учебныя пособія, необходимо стараться, чтобы одна и та же книга служила какъ можно дольше,—поэтому иногда приходится чинить ее по нѣскольку разъ.

Извѣстно, что самый тяжелый трудъ въ значительной мѣрѣ облегчается, когда человѣкомъ руководитъ сознаніе пользы этого труда. Народный учитель зачастую бываетъ лишенъ этого сознанія. Во многихъ случаяхъ ему приходится тратить свои силы и силы дѣтей на непроизводительную, а иногда прямо-таки Сизифову работу. Сколько времени и энергіи тратится на злополучную букву *ѣ*, эту „нашу мучительницу", какъ справедливо выразился одинъ изъ народныхъ учителей на нижегородской выставкѣ,—погоню за правописаніемъ предлоговъ и второстепенныхъ знаковъ препинанія [1])! А кому и какая отъ этого польза? Кому приходилось читать письма и дѣловыя бумаги, выходящія изъ-подъ пера лицъ, прошедшихъ не только сельскую школу, но городскія училища и первые четыре класса гимназіи, тотъ можетъ удостовѣриться, что всѣ эти правила чрезъ пять, много десять лѣтъ забываются.

А какое примѣненіе въ крестьянской жизни имѣетъ умѣнье рѣшать *типическія* задачи на правило смѣшенія, на встрѣчу двухъ предметовъ, движущихся съ одинаковой скоростью, сложныя задачи

---

[1]) Напр., требуется знать, гдѣ ставится двоеточіе, запятая въ слитномъ предложеніи, знакъ восклицательный и т. п

съ милліонными числами на составныя именованныя числа, знаніе *фокусовъ* объ измѣненіи результатовъ ариѳметическихъ дѣйствій черезъ измѣненіе данныхъ чиселъ? Напр., что̀ будетъ съ частнымъ, если дѣлителя увеличить въ пять разъ? Или такая задача: „куплено нѣсколько ведеръ вина, по 5 руб. за ведро, къ нему прибавлено 20 ведеръ воды, вся смѣсь продана по 3 руб. за ведро и на всемъ винѣ получено 6 руб. прибыли. Сколько ведеръ вина куплено?"—Между тѣмъ многія изъ лицъ, стоящихъ во главѣ контроля надъ работою сельскаго учителя, требуютъ отъ учениковъ этихъ, никому ненужныхъ, знаній [1]).

Всякаго мало-мальски развитого учителя, близко знающаго темную крестьянскую жизнь и ея запросы, мучитъ сознаніе, что бо̀льшая часть времени и силъ у него уходитъ на непроизводительную работу, и ему приходится работать между двухъ огней: учебное начальство требуетъ отъ дѣтей умѣнья рѣшать хитрыя задачи и знанія правилъ ореографіи; крестьянинъ, не признавая ни задачъ, ни ореографіи, требуетъ, чтобы учитель научилъ его сына жить „по-божески" и довелъ „до дѣла": изъ ариѳметики ему достаточно знать, чтобы его не обсчиталъ деревенскій кулакъ и хитрый приказчикъ; по чтенію и письму—ему надо, чтобы его сынъ могъ „разобрать" (прочитать) и написать письмо и всякую „бумагу", нужную ему при сношеніяхъ хотя съ волостнымъ правленіемъ.

Требованія крестьянъ вполнѣ понятны и легко осуществимы. На рѣшеніе же сложныхъ задачъ и погоню за грамматическими условностями уходитъ даромъ много дорогого времени, которое можно было бы употребить на болѣе нужное: напр., на объяснительное чтеніе и бесѣды съ цѣлью сообщить дѣтямъ полезныя знанія и пріохотить ихъ къ чтенію книгъ.

Теперь скажемъ о побочныхъ предметахъ въ курсѣ народной школы: церковномъ пѣніи, гимнастикѣ и сельскомъ хозяйствѣ.

Преподаваніе церковнаго пѣнія въ сельскихъ школахъ и устройство дѣтскихъ хоровъ во главѣ съ регентомъ-учителемъ представляется весьма желательнымъ, но это не всегда и не вездѣ осуществимо даже при наличности у учителя способности къ пѣнію и желанія съ его стороны устроить хоръ. Въ школѣ учатся дѣти 8—12 лѣтъ, а обученіе дѣтей пѣнію въ этомъ возрастѣ—дѣло весьма трудное, такъ что на нѣкоторый успѣхъ можно разсчитывать только при занятіяхъ со старшимъ отдѣленіемъ, въ послѣдній годъ пребыванія дѣтей въ школѣ. Но въ одинъ годъ немного сдѣлаешь. Что же касается участія въ пѣніи окончившихъ курсъ, то замѣчено, что рѣдко

---

[1]) „Русск. Школа", 1898 г., кн. III и IV. „Письма о народной школѣ" М. Н. Ларіонова.

можно встрѣтить среди нихъ желаніе пѣть на клиросѣ въ качествѣ любителей.

Возьмите вы любительскіе хоры въ городахъ. Здѣсь много найдется лицъ разныхъ возрастовъ, у которыхъ есть и голосъ, и способности, и свободное время для спѣвокъ. Но много ли можно встрѣтить и здѣсь порядочныхъ любительскихъ хоровъ? Все больше поютъ или профессіональные пѣвчіе *за плату*, или же учащіеся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ возрастѣ 12—17 лѣтъ, но никакъ не ученики начальныхъ школъ. Сносный басъ или теноръ въ деревнѣ—большая рѣдкость, а съ одними дѣтьми, безъ постороннихъ мужскихъ голосовъ (особенно безъ баса), у самаго способнаго учителя выйдетъ не пѣніе, а визгъ. Предположимъ, что среди взрослыхъ крестьянъ и нашлось бы нѣсколько человѣкъ, обладающихъ голосомъ и способностью къ пѣнію; но для того, чтобы пѣніе въ церкви было болѣе или менѣе сноснымъ, надо не мало употребить времени на спѣвки. А много ли у нашихъ крестьянъ свободнаго-то времени?

Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ, какъ мнѣ лично извѣстно и приходилось слыхать отъ другихъ, крестьяне смѣются надъ поющими на клиросѣ, называя пѣвчихъ „кутейниками" и „пôслушниками"; поэтому многіе изъ взрослыхъ крестьянскихъ ребятъ не становятся на клиросъ, стыдясь. Словъ нѣтъ, что это явленіе ненормальное, и долгъ учителя, а равно и священника—искоренять этотъ предразсудокъ. Но вѣдь цѣлые вѣка идетъ борьба съ предразсудками, которыми полна наша темная народная жизнь,—а мало ли ихъ и теперь среди крестьянъ?

Въ двухклассномъ училищѣ, пожалуй, еще можно надѣяться на устройство церковнаго хора, такъ какъ въ этихъ училищахъ учатся болѣе взрослыя дѣти (8—15 лѣтъ включительно), и, къ тому же, двухклассныя училища обыкновенно устраиваются въ большихъ селахъ, гдѣ часто имѣется фельдшеръ, урядникъ, чиновникъ изъ почтоваго отдѣленія и др. лица изъ сельской интеллигенціи. Среди нихъ иногда найдутся любители церковнаго пѣнія, которые при благопріятныхъ условіяхъ и могутъ быть сотрудниками учителя въ пѣніи. Въ одноклассныхъ же училищахъ съ однимъ учителемъ устройство церковнаго хора—дѣло крайне трудное, а часто совершенно невозможное. Попробуйте съ одними дѣтьми, безъ постороннихъ мужскихъ голосовъ, пропѣть хотя литургію. Поддерживать одному дѣтскій хоръ изъ 6—8 человѣкъ во сто разъ труднѣе, чѣмъ быть регентомъ двадцатиголоснаго, нормальнаго, въ голосовомъ отношеніи, хора, т.-е. когда дисканта поддерживаетъ теноръ, а съ альтами параллельно поютъ басы. Безъ баса же и тенора съ дѣтьми пѣть очень тяжело. Для этого

надо имѣть очень здоровую грудь, каковою обладаютъ немногіе счастливцы изъ народныхъ учителей.

Классное пѣніе во всѣхъ училищахъ ведется, и вездѣ оно, какъ это видно изъ часто публикующихся отчетовъ наблюдателей школъ, поставлено удовлетворительно. Въ классѣ предъ началомъ и послѣ ученія дѣти поютъ „Спаси, Господи", „Царю небесный", „Отче нашъ", Достойно есть" и др. общеупотребительныя молитвы. Изъ свѣтскаго пѣнія исполняются гимны и доступныя дѣтямъ пѣсни бытового и патріотическаго характера. Гдѣ же позволяютъ мѣстныя условія, устраиваются учителями и церковные хоры, безъ всякихъ побудительныхъ средствъ со стороны учебнаго начальства. Но въ послѣднее время раздаются голоса въ пользу введенія церковнаго пѣнія, какъ предмета обязательнаго въ курсѣ народной школы. Недавно вышло распоряженіе о недопущеніи въ учительскія семинаріи лицъ, совершенно неспособныхъ къ пѣнію; а тѣмъ изъ учителей, которые не могутъ преподавать пѣніе, вмѣняется въ обязанность приглашать для обученія этому предмету и устройства церковныхъ хоровъ мѣстныхъ псаломщиковъ.

Не отстранятъ ли эти мѣры многихъ талантливыхъ учителей отъ примѣненія своихъ педагогическихъ дарованій на практикѣ только потому, что они имѣли несчастіе родиться безъ голоса или обладаютъ слабою грудью? И наоборотъ, не случится ли такъ, что какая-нибудь бездарность будетъ держаться на учительскомъ мѣстѣ за то, что, обладая голосомъ, можетъ составить удовлетворительный церковный хоръ? Вѣдь извѣстно, что обладаніе голосомъ и способностью къ пѣнію не всегда соединяется съ хорошими умственными и нравственными качествами человѣка. Поэтому нельзя впередъ сказать, что изъ молодыхъ людей, поступающихъ въ учительскую семинарію, будутъ хорошими учителями только тѣ, которые могутъ пѣть.

Теперь спрашивается, какъ же будетъ поступать неспособный къ пѣнію учитель, если псаломщикъ подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ откажется отъ приглашенія преподавать пѣніе или потребуетъ платы за обученіе? Ужъ не обязанъ ли учитель нанимать особаго преподавателя пѣнія на свои жалкіе гроши, какіе онъ получаетъ за свой тяжелый трудъ? Не лучше ли было бы съ этимъ требованіемъ обратиться чрезъ приходскихъ священниковъ прямо къ псаломщикамъ? Псаломщикъ, какъ спеціалистъ по церковному пѣнію, могъ бы этимъ предметомъ заниматься успѣшнѣе, чѣмъ учитель, у котораго не хватитъ на это ни силъ, ни времени.

Гимнастика въ сельской школѣ едва ли будетъ отвѣчать тому назначенію, какое вообще придается этому предмету. Во-первыхъ, школьныя помѣщенія у насъ такъ тѣсны, что въ большинствѣ изъ

нихъ производить какія бы то ни было гимнастическія упражненія положительно невозможно. Во-вторыхъ, если смотрѣть на гимнастику съ гигіенической точки зрѣнія, какъ на средство, „укрѣпляющее и развивающее мускулы", то этотъ взглядъ по отношенію къ сельской школѣ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики: деревенскіе школьники, по окончаніи занятій, вплоть до самаго вечера катаются на санкахъ, играють въ снѣжки, въ „спрятки" и т. д.; многого заставятъ рубить или пилить дрова, притащить на санкахъ съ рѣки ушатъ воды; весною и осенью дѣти принимаютъ участіе въ полевыхъ и огородныхъ работахъ, напр. боронятъ, сажаютъ овощи и т. п.

Развѣ могутъ нагибаніе туловища, качаніе рукъ, присѣданіе и т. п. гимнастическія упражненія, производимыя въ закрытомъ помѣщеніи съ испорченнымъ воздухомъ, сравниться съ свободными движеніями на открытомъ воздухѣ, чѣмъ деревенскіе ребята могутъ пользоваться ежедневно послѣ занятій въ школѣ?

Оправданіе имѣютъ развѣ только строевыя упражненія воинскаго характера, съ цѣлью облегчить впослѣдствіи усвоеніе строевого ученья при отбываніи воинской повинности. Но не преждевременно ли подготовлять къ солдатчинѣ съ 8-ми лѣтъ? Вѣдь все это скоро забудется. Кромѣ того, стоять на вытяжку, дѣлать по командѣ хитрые повороты, сдвоиваніе рядовъ, ходить въ шагъ, слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за командою преподавателя—для дѣтей 8-12 лѣтъ—занятіе слишкомъ трудное и сильно утомляетъ ихъ.

Объ устройствѣ при школахъ образцовыхъ садовъ, огородовъ, пчельниковъ, опытныхъ полей—когда-то было много шуму. На эти занятія возлагались большія надежды, какъ на лучшее средство проведенія въ народъ правильной агрикультуры,—но эти надежды, какъ оказалось на опытѣ, далеко не оправдались. Я не считаю себя компетентнымъ высказать по этому дѣлу какое-либо рѣшающее мнѣніе, такъ какъ мало знакомъ съ нимъ на практикѣ, но для всякаго поверхностнаго наблюдателя являются очевидными слѣдующіе тормазы этого pium desiderium.

Большинство учителей лѣтомъ не живутъ на мѣстахъ своей службы, уѣзжая въ каникулы кто къ роднымъ, кто погостить къ товарищу, кто на учительскіе съѣзды и курсы, которые все чаще и чаще стали устроиваться въ разныхъ уголкахъ Россіи. Кто же будетъ ухаживать за садомъ, огородомъ, пчельникомъ—въ отсутствіе учителя? Разсчитывать на демонстрацію опытныхъ полей среди крестьянъ можно только тогда, когда сельское хозяйство возможно вести въ широкихъ размѣрахъ, на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ, а не на игрушечныхъ поляхъ и огородикахъ, какіе въ настоящее время устроены при нѣкоторыхъ училищахъ.

Приведу примѣръ изъ сельско-хозяйственныхъ опытовъ одной школы архангельской губерніи.

При одномъ училищѣ имѣется $1^1/_2$ дес. земли. На этомъ пространствѣ учителемъ устроенъ огородъ и небольшое поле, а остальная часть состоитъ подъ лугомъ. Земля обильно удобряется „золотомъ" изъ училищныхъ клозетовъ и навозомъ, получаемымъ отъ учительской коровы. Обработка производится наемнымъ трудомъ, но въ приготовленіи градъ и посадкѣ овощей принимаютъ участіе и ученики. Въ огородѣ успѣшно выводится лукъ, морковь, рѣпа, рѣдька, редисъ, огурцы (въ парникѣ) и др. овощи; на „опытномъ полѣ" хорошо ростетъ рожь, ячмень и картофель, причемъ рожь два раза получалась самъ-двадцать, ячмень—самъ-восемь, а картофель—самъ-десять.

Такіе успѣхи должны бы, повидимому, произвести впечатлѣніе на мѣстныхъ крестьянъ и пріобрѣсти съ ихъ стороны подражателей въ разведеніи овощей и способахъ веденія сельскаго хозяйства.

Но этого на самомъ дѣлѣ не замѣчается. На разведеніе моркови, редиски и огурцовъ крестьяне смотрятъ какъ на „баловство" отъ нечего-дѣлать; картофель, рѣпу и рѣдьку они и сами умѣютъ хорошо разводить, а относительно феноменальныхъ, для архангельской губ., урожаевъ ржи мнѣ пришлось слышать отъ одного крестьянина такой отзывъ: „Еслибы я могъ положить на свое поле столько навозу и такъ хорошо выпахать его, какъ это дѣлаетъ учитель на своемъ клочкѣ земли, то и у меня, навѣрное, выросло бы не хуже. Но гдѣ же мнѣ взять навозу и могу ли я на своемъ заморенномъ конягѣ хорошо пропахать всю свою землю на три души?"

Изъ приведеннаго примѣра видно, что сельско-хозяйственные опыты на небольшомъ пространствѣ земли, несмотря на очевидные успѣхи, мѣстныхъ крестьянъ нисколько не удивляютъ, а отводить для школъ большіе участки земли, при современномъ крестьянскомъ безземельѣ, не вездѣ возможно. Допустимъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля и нашлась бы, но вѣдь для обработки большихъ участковъ учителю придется держать свою лошадь, корову,—имѣть амбаръ для склада продуктовъ и кое-какой хозяйственный инвентарь. А на какія средства онъ будетъ заводить все это?

Далѣе, при шаткости положенія учителей, частыхъ переводахъ ихъ съ одного мѣста на другое, у многихъ ли изъ нихъ хватитъ безкорыстія устроивать поле, огородъ или садъ, который, быть можетъ, черезъ годъ достанется другому? Наконецъ, народная мудрость гласитъ, что „если за двумя зайцами погонишься, то ни одного не поймаешь". Занятія сельскимъ хозяйствомъ не послужатъ ли въ ущербъ выполненію другихъ, болѣе важныхъ задачъ народной школы?

Вслѣдствіе крайняго невѣжества, суевѣрія и косности нашихъ

крестьянъ, среди нихъ вѣками вкоренилось убѣжденіе, что „Богъ захочетъ дать — камень родитъ, не захочетъ — силой не возьмешь". Разсѣйте эти суевѣрія, сообщите крестьянину правильный взглядъ на законы природы, научите его пользоваться книгою, тогда онъ самъ пойметъ, какъ найти средства разумно пользоваться дарами природы.

Погоня *за двумя зайцами* наблюдается у насъ и въ школьномъ дѣлѣ. Послѣдствіемъ такой системы является то, что у насъ ребята на выпускномъ экзаменѣ бойко рѣшаютъ хитрыя задачи, правильно пишутъ подъ диктовку, умѣютъ показать на картѣ Египетъ, разскажутъ о Сусанинѣ; а по выходѣ изъ школы читаютъ однѣ сказки, выросши— становятся такими же суевѣрными, какъ ихъ отцы и дѣды, вмѣстѣ съ ними же участвуютъ въ холерныхъ бунтахъ и обращаются къ колдунамъ, глубоко вѣря въ „порчу" и „присуху".

Школа не довела ихъ до пониманія прелести твореній Пушкина, Тургенева, Толстого; не научила смотрѣть на книгу, какъ на средство пріобрѣтенія знаній, полезныхъ въ практической жизни. Въ школѣ крестьянинъ не получилъ подготовки къ выработкѣ правильнаго міросозерцанія и разумнаго отношенія къ сложнымъ явленіямъ жизни. Сдѣлавшись и грамотнымъ, крестьянинъ остается по прежнему юридически безпомощнымъ, неспособнымъ увеличить продуктивность своего труда, вслѣдствіе неумѣнья примѣнять его на культурныхъ началахъ. Подготовляться же къ этому въ школѣ крестьянину было некогда: надо было учить на память, гдѣ ставится буква *ѣ*; что̀ будетъ съ разностью, если уменьшаемое увеличить на 25; на какихъ горахъ остановился ковчегъ Ноя; сколько ударовъ тянется половинная нота съ точкою; которой ногой и въ какую сторону надо ступить по командѣ: „ряды сдвой".

Въ то время, когда можно было бы прослушать читаемую учителемъ полезную книгу [1]) съ необходимыми объясненіями, его приглашали въ школьный огородъ копать гряды подъ редиску или заставляли вырѣзывать ложку (ручной трудъ). Погоня за многопредметностью въ курсѣ народной школы, тормазя успѣхи въ достиженіи главныхъ задачъ ея, тяжелымъ бременемъ ложится на учителя. Трудъ народнаго учителя становится для многихъ непосильнымъ; его могутъ выносить только люди молодые, со свѣжими силами.

Средняя продолжительность службы народныхъ учителей, какъ

---

[1]) Нѣкоторые учителя, послѣ окончанія занятій, читаютъ дѣтямъ какую-нибудь книжку. Надо быть въ школѣ, чтобы видѣть, съ какимъ захватывающимъ интересомъ дѣти слушаютъ чтеніе. Статья, прочитанная учителемъ съ необходимыми объясненіями, понимается лучше, чѣмъ та же самая статья, прочитанная самостоятельно. Поэтому книги, прочитанныя учителемъ, становятся популярными среди дѣтей, охотнѣе берутся на домъ учениками и перечитываются иногда по нѣскольку разъ.

показали изслѣдованія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, не превышаетъ и 10 лѣтъ: напр., въ ярославской губ. [1]) средняя продолжительность учительства составляетъ для учителей—5,2 года, для учительницъ—9 лѣтъ, въ земскихъ училищахъ тульской губ. [2])—6,8 года.

Учителя оставляютъ свою службу при первой возможности перейти на другую должность, менѣе тяжелую и болѣе сносную въ матеріальномъ отношеніи. Даже такія незавидныя должности, какъ должность волостного писаря, сидѣльца винной лавки, конторщика—зачастую предпочитаются учительской. Дольше остаются на своихъ мѣстахъ только учителя, получившіе низшее образованіе, или люди съ весьма ограниченными способностями: имъ больше некуда дѣваться. Конечно, есть учителя съ солиднымъ образованіемъ и недюжинными способностями, прослужившіе 20 лѣтъ и болѣе, но это уже—герои, а ихъ немного.

Частая смѣна учителей вредно отражается на школѣ. Учитель становится опытнымъ преподавателемъ, хорошимъ воспитателемъ, авторитетомъ—не только для дѣтей, но часто и для взрослыхъ,—только въ такомъ случаѣ, когда онъ на одномъ мѣстѣ проживетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и можетъ дождаться счастія учить дѣтей своихъ прежнихъ учениковъ. При настоящемъ же положеніи дѣла, у многихъ ли хватитъ энергіи на такое самоотверженіе?

О тяжеломъ матеріальномъ положеніи народныхъ учителей извѣстно всякому, кто близко стоитъ къ дѣлу народнаго образованія; объ этомъ всѣ говорятъ и пишутъ не только въ спеціальныхъ педагогическихъ изданіяхъ, но и во всѣхъ газетахъ. Мнѣ случилось прочесть довольно характерный некрологъ одного сельскаго учителя, напечатанный въ „Арханг. Губ. Вѣдом.“:

„21 ноября 1899 г., послѣ тяжелой, продолжительной болѣзни легкихъ, скончался, 43-хъ лѣтъ отъ роду, учитель Ненокскаго приходскаго училища, А. М. Темнорусовъ. Покойный прослужилъ учителемъ двадцать-три гора. По происхожденію А. М. былъ сынъ священника. Только особенной любовью къ учительской дѣятельности и можно объяснить, что покойный, имѣя полную возможность избрать болѣе спокойный и болѣе обезпеченный родъ занятій, продолжалъ всю жизнь трудиться на неблагодарномъ учительскомъ поприщѣ, получая скудное вознагражденіе и живя при самыхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, что̀, безъ сомнѣнія, и было причиною преждевременной его смерти.

---

[1]) „Русск. Шк.“, апрѣль, 1898 г.

[2]) „Народные учителя и учительницы тульской губ.“, гр. П. С. Шереметева. Тула, 1898 г.

„А. М. оставилъ жену — разумѣется, безъ всякихъ средствъ. Несчастная вдова, вслѣдъ за смертью мужа, сама опасно заболѣла и въ день похоронъ А. М. находилась уже въ больницѣ.

„Дѣтей, къ счастію, не осталось.

„Нѣсколькими днями ранѣе умеръ другой учитель—А. В. Мезеневъ, котораго унесла въ цвѣтѣ лѣтъ тоже легочная болѣзнь, быстро развившаяся при тѣхъ убійственныхъ условіяхъ, въ какихъ въ большинствѣ случаевъ живутъ учителя сельскихъ училищъ. Покойный незадолго до смерти былъ уволенъ отъ должности по болѣзни. И счастіе его, что онъ скоро умеръ (какая злая иронія: человѣкъ умеръ къ своему счастію!), а то плохо бы ему пришлось, еслибы болѣзнь затянулась, ибо ни пособій на леченіе, ни жалованья, ни какой-либо иной помощи въ подобныхъ несчастныхъ случаяхъ учителямъ не полагается.

„Эти двѣ свѣжія, могилы—говорится далѣе въ некрологѣ,—наводятъ на грустныя размышленія: ужъ слишкомъ часто повторяются случаи преждевременной смерти учителей, настолько часто, что стало какъ-то непривычно слышать о нормальной, естественной смерти учителя, т.-е. отъ старости; а чаще всего смерть приходитъ либо отъ чахотки, либо отъ голода (не въ прямомъ, разумѣется, смыслѣ, но отъ постепеннаго истощенія, вслѣдствіе плохого питанія).

...„Во всякомъ отзывчивомъ на чужое горе человѣкѣ такая преждевременная, неестественная смерть возбуждаетъ не только печальныя мысли, но подымаетъ на душѣ болѣе сильное чувство протеста противъ причинъ, порождающихъ такіе факты, какъ, напр., случаи вымиранія учителей. Въ послѣднее время чаще и чаще раздаются голоса въ пользу улучшенія участи этихъ тружениковъ,—но это плохо помогаетъ дѣлу: учителя голодаютъ и мрутъ по прежнему.

...„Вѣдь если сдѣлать достояніемъ гласности все то, чтò терпятъ и молчаливо переносятъ десятки тысячъ педагоговъ сельскихъ школъ и такое же количество дѣтей этихъ педагоговъ, то и съ крѣпкими нервами человѣкъ можетъ придти въ содроганіе... Но слишкомъ мало протеста слышится изъ ихъ рядовъ,—ужъ слишкомъ они молчаливы. Молодые учителя, подъ вліяніемъ обаятельныхъ рѣчей, а часто по собственному влеченію, — чтò такъ свойственно юношескому возрасту,—со всей страстью молодости отдаются работѣ и цѣлыми десятками гибнутъ въ непосильной борьбѣ за существованіе. Ужели никому не жаль этихъ десятковъ и сотенъ молодыхъ жизней? Вѣдь прямой интересъ обществу беречь такую дорогую силу... Почему же общество не соблюдаетъ своихъ интересовъ?...“

Это пишется на страницахъ губернскихъ вѣдомостей, òргана очень

скромнаго и сдержаннаго,—поэтому въ справедливости изложеннаго въ некрологѣ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Идеаломъ для многихъ учителей сельскихъ училищъ служитъ рѣдкая возможность перевода въ городъ на должность учителя приходскаго училища. Изъ деревни въ городъ тянетъ учителя, во-первыхъ, то, что служба приходскаго учителя считается государственною и награждается чинами и пенсіей, хотя послѣдняя немного больше инвалидной пенсіи николаевскаго солдата: учитель за 25 лѣтъ службы получаетъ пенсіи по 96 руб. въ годъ! Во-вторыхъ, отсутствіе въ деревнѣ интеллигентнаго общества и учебныхъ заведеній, гдѣ могли бы воспитываться дѣти сельскихъ педагоговъ, заставляетъ учителя стремиться поближе къ культурнымъ центрамъ.

Но учитель, перемѣстившійся въ городъ, изъ Сциллы попадаетъ въ Харибду: вознагражденіе онъ получаетъ почти то же (350—450 руб. въ годъ), но зато содержаніе въ городѣ вдвое дороже.

Въ деревнѣ не нужно много заботиться ни о костюмѣ, ни о пріемахъ, а здѣсь учитель обязанъ являться въ классъ въ недешево стоющей форменной одеждѣ и—по непреложнымъ требованіямъ городского этикета, о которомъ особенно много заботятся въ провинціи,—долженъ дѣлать кому слѣдуетъ визиты и у себя принимать: иначе онъ рискуетъ нажить себѣ опасныхъ враговъ.

Кромѣ того, на основаніи закона 9 (21) іюня 1873 г., учитель, поступившій на государственную службу, въ первые три мѣсяца уплачиваетъ третью часть своего мѣсячнаго жалованья въ казну, такъ что, при окладѣ въ 350 руб., въ первое время онъ получаетъ только по 19 руб. 44 коп. въ мѣсяцъ. Почему бы не освободить отъ этого налога учителей приходскихъ училищъ, получающихъ и безъ того ничтожное содержаніе?

Вслѣдствіе запроса одного изъ попечителей учебнаго округа, г. министръ народнаго просвѣщенія, предложеніемъ отъ 5 іюня 1898 г., за № 14203, объявилъ по учебнымъ округамъ, что на основаніи ст. 231 св. зак. т. III, изд. 1896 г., уст. о сл. прав., учителя приходскихъ училищъ, при утвержденіи въ сей должности, имѣютъ право на полученіе третного не въ зачетъ жалованья (ранѣе учителя этого не знали и правомъ этимъ не пользовались, хотя приходскія училища существуютъ уже болѣе семидесяти лѣтъ: они организованы по уставу 8 декабря 1828 года); но мнѣ извѣстны примѣры, что о выдачѣ этой привилегіи нѣкоторымъ учителямъ означенныхъ училищъ возбуждено ходатайство уже болѣе года тому назадъ,—но до сихъ поръ они ничего не получили.

Такимъ образомъ, учитель городского приходскаго училища находится въ болѣе плохихъ матеріальныхъ условіяхъ, чѣмъ сельскій

учитель, и вотъ, чтобы хотя кое-какъ просуществовать съ семьею, онъ долженъ работать изо всѣхъ силъ: кромѣ обязательныхъ ежедневныхъ пяти уроковъ въ классѣ, учитель даетъ еще 2—3 урока на сторонѣ.

К. Яновскій, въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „Мысли о воспитаніи и обученіи", говоритъ: „Судя по опыту и моимъ наблюденіямъ, я нахожу возможнымъ возложить на учителя обязанность въ гимназіи давать ежедневно по 3 часовыхъ урока, а въ недѣлю до 18 уроковъ, но не болѣе"... А затѣмъ, перечисляя трудности занятія въ классѣ, онъ прибавляетъ далѣе: ...„Если все это (необходимость поддерживать дисциплину и вниманіе всего класса, подгонять слабыхъ и нерадивыхъ учениковъ и пр.) взять вмѣстѣ, то окажется, что 8-ми-часовой физическій трудъ обыкновеннаго рабочаго, какъ бы онъ тяжелъ ни былъ, всегда окажется менѣе тяжелымъ и менѣе вреднымъ для его здоровья, чѣмъ трудъ добросовѣстнаго учителя, даже при 18 урокахъ въ недѣлю и при 3-хъ урокахъ ежедневно...

Между тѣмъ учитель приходскаго училища, занимающійся одновременно съ тремя отдѣленіями и при томъ въ худшихъ гигіеническихъ условіяхъ, чѣмъ учитель гимназіи, даетъ 40—45 уроковъ въ недѣлю, если считать уроки, даваемые внѣ класса на сторонѣ.

Трудность положенія народнаго учителя, помимо многопредметности курса и скуднаго вознагражденія, увеличивается еще оттого, что сфера его дѣятельности такъ обширна и неопредѣленна, что рѣдкій учитель можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ учебнаго начальства. Часто случается такъ, что директоромъ народныхъ училищъ является бывшій учитель словесности; его „конекъ" — ороографія: и вотъ онъ требуетъ отъ учениковъ сельской школы знанія такихъ правилъ правописанія, которыя умѣстны только въ среднихъ классахъ гимназіи. Инспекторъ — математикъ, и подтягиваетъ учителя на рѣшеніи сложныхъ задачъ; а членъ уѣзднаго отдѣленія училищнаго совѣта — любитель декламаціи, и допекаетъ учениковъ на экзаменѣ на выразительномъ чтеніи.

Вотъ тутъ и угодите всѣмъ этимъ блюстителямъ школьнаго дѣла.

Если же у учителя замѣчается какое-нибудь упущеніе, то средства поощренія употребляются самыя простыя: учитель часто, тутъ же въ школѣ, въ присутствіи учениковъ, получаетъ строжайшій выговоръ, съ угрозами перемѣщенія на худшее мѣсто; а это средство въ нѣкоторыхъ учебныхъ районахъ примѣняется очень часто.

На нижегородской выставкѣ 1896 г. мнѣ пришлось познакомиться съ слѣдующею, довольно оригинальною, мѣрою исправленія народныхъ учителей, примѣняемою въ олонецкой губерніи. Тамъ ежегодно отпечатываются и разсылаются во всѣ училища такъ называемыя

„сличительныя вѣдомости“, въ которыхъ отмѣчаются отзывы о каждой школѣ и учителѣ. Точность, едва ли впрочемъ справедливая, тутъ доведена до того, что не только каждая школа, но каждое отдѣленіе распредѣлено по разрядамъ—хорошихъ, посредственныхъ и плохихъ; такъ что вы видите, что у такого-то учителя старшее отдѣленіе находится въ I разрядѣ, среднее—во II и т. д. Тутъ же прописывается одобреніе или порицаніе завѣдывающаго школою.

Я не берусь судить о достоинствѣ этой мѣры, но позволительно сомнѣваться въ томъ, что инспекторъ или иной ревизоръ, одинъ разъ въ годъ посѣщающій училище,—какъ это дѣлается у насъ, вслѣдствіе обширности инспекціонныхъ районовъ,—могъ такъ точно подвести каждое отдѣленіе школы подъ одну общую мѣрку. Вѣдь хорошіе или дурные отвѣты учениковъ при ревизіи зависятъ отъ массы внѣшнихъ, часто случайныхъ причинъ, на которыя господа ревизоры едва ли обращаютъ должное вниманіе. Тутъ имѣетъ большое вліяніе составъ учащихся, ихъ среда и матеріальное положеніе, классное помѣщеніе, даже погода и многіе другіе факторы.

Какъ бы то ни было, но „сличительныя вѣдомости“, какъ мнѣ пришлось впослѣдствіи убѣдиться на дѣлѣ, при знакомствѣ съ олонецкими училищами, не приносятъ никакой пользы, кромѣ озлобленія со стороны публично униженныхъ учителей.

Многіе руководители школьнаго дѣла, въ пылу часто непомѣрнаго усердія, кромѣ программъ, выработанныхъ учебнымъ округомъ, разсылаютъ еще „для руководства и точнаго исполненія“ свои указанія и всевозможныя руководящія замѣтки, такъ что учитель совершенно связанъ этими программами, лишенъ всякой собственной иниціативы и скоро превращается въ автомата, дѣйствующаго исключительно по чужой указкѣ.

Все это дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ и еще болѣе ослабляетъ энергію народнаго учителя, которая такъ необходима въ его тяжеломъ трудѣ, а потому нисколько не нужно удивляться, если народные учителя, при первой возможности, спасаются и бѣгутъ отъ своего дѣла.

И. О—невъ.

Холмогоры.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1901.

Вильгельмъ II, какъ другъ Россіи.—Франко-русскія военныя празднества.—Разсужденія „Temps" объ урокахъ внутренней политики.—Тосты въ честь союза во Франціи.—Особенности франко-русскихъ отношеній.—Смерть Макъ-Кинлея и анархисты.—Еще о китайской миссіи въ Берлинѣ.

Морскіе маневры въ Данцигской бухтѣ окончились необыкновенно миролюбивымъ публичнымъ заявленіемъ Вильгельма II. Отвѣчая на привѣтствіе оберъ-бургомистра въ Данцигѣ, 14 (2) сентября, германскій императоръ произнесъ рѣчь, которую началъ словами: „Я возвращаюсь съ высоко-знаменательнаго свиданія съ моимъ другомъ, русскимъ императоромъ, которое прошло къ полнѣйшему нашему обоюдному удовольствію и которымъ вновь непоколебимо укрѣпляется убѣжденіе, что европейскій миръ сохранится для народовъ на долгія времена (für lange Zeiten). Этотъ фактъ также и мнѣ облегчаетъ сердце, при въѣздѣ въ этотъ старинный, прекрасный ганзейскій городъ"... Десять дней спустя, когда прошли уже великолѣпные „царскіе дни" во Франціи, Вильгельмъ II имѣлъ случай наглядно показать, что самыя восторженныя и блестящія проявленія франко-русской дружбы нисколько не вліяютъ на степень близости его сосѣдскихъ отношеній съ Россіею.

23 (10) сентября, какъ сообщено было въ нашихъ газетахъ со словъ оффиціальнаго „Варшавскаго Дневника" (№ 250), „изволилъ посѣтить посадъ Выштынецъ, волковышскаго уѣзда, сувалкской губерніи, его величество императоръ германскій Вильгельмъ II, гдѣ собраннымъ на базарной площади погорѣльцамъ объявилъ, что Его Императорское Величество Императоръ Николай II, при свиданіи съ нимъ въ Данцигѣ, передалъ 5.000 рублей, и затѣмъ императоръ Вильгельмъ изволилъ высказать слѣдующее:

„Его Величество Императоръ Николай, вашъ Всемилостивѣйшій Государь, мой Дорогой Другъ, съ Которымъ недавно я имѣлъ свиданіе, выражаетъ вамъ моими устами Свой сердечный привѣтъ и полное состраданіе въ причиненномъ вамъ пожаромъ несчастіи. Я передаю вамъ отъ Имени Его Величества подарокъ въ 5.000 рублей, таковые отдаю форстмейстеру фонъ-Саиндъ Пауль, который вмѣстѣ съ начальникомъ уѣзда Линкомъ распредѣлятъ ихъ между пострадавшими. Изъ этого видно, что сердце Всемилостивѣйшаго Государя вашего

полно отцовскаго попеченія о васъ, и потому подарокъ сей примите какъ доказательство Его отцовской милости, которая осѣняетъ своихъ подданныхъ и на отдаленнѣйшихъ окраинахъ государства. Государь надѣется, что вы, со своей стороны, окажетесь достойными Его милости. Приглашаю васъ провозгласить со мною за благоденствіе вашего Всемилостивѣйшаго Государя Николая II „ура".

„Народъ провозгласилъ „ура" за благоденствіе Государя Императора, а затѣмъ за императора Вильгельма. Послѣ этого императоръ изволилъ осматривать всѣ мѣста пожарищъ, и изъ Выштынца его величество, при сопровожденіи толпы народа, при кликахъ „ура", отбылъ обратно верхомъ въ Пруссію".

Этотъ незначительный повидимому эпизодъ любопытенъ во многихъ отношеніяхъ. Императоръ Вильгельмъ II явился въ данномъ случаѣ какъ бы уполномоченнымъ представителемъ русскаго Государя передъ русскими подданными, обывателями небольшого пограничнаго мѣстечка, и эта оригинальная форма представительства, не предусмотрѣнная международнымъ правомъ, сама по себѣ свидѣтельствуетъ объ особой интимности, которая не укладывается въ обычныя рамки дипломатіи. Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" не сказано, на какомъ языкѣ обращался германскій императоръ къ собраннымъ на базарной площади погорѣльцамъ; но, судя по тому, что послѣдніе отнеслись къ его словамъ сознательно и, слѣдовательно, понимали ихъ смыслъ, можно заключить, что рѣчь была произнесена не по-нѣмецки. Если Вильгельмъ II говорилъ по-русски,—что подтверждается какъ будто нѣкоторыми оборотами его рѣчи,—то эта подробность также весьма характерна. Нельзя идти далѣе по части любезностей относительно чужого государства: Вильгельмъ II старается не только поддержать традиціонную дружбу съ Россіею, но и придать этой дружбѣ совершенно исключительный семейный характеръ. Пріѣхать запросто въ сосѣднюю страну съ порученіемъ отъ ея монарха, для оказанія помощи погорѣльцамъ, и затѣмъ „отбыть обратно верхомъ въ Пруссію",—это дѣйствительно поступокъ необычайный для могущественнаго правителя такой великой державы, какъ Германія. Дѣйствовать такимъ образомъ возможно только при отношеніяхъ, далеко выходящихъ за предѣлы оффиціальныхъ дипломатическихъ связей. Для этого недостаточно еще быть другомъ и даже союзникомъ сосѣдняго государства, а нужно имѣть за собою вѣковыя традиціи и родственныя узы Гогенцоллерновъ. Подчеркивая эту спеціальную особенность своего положенія относительно Россіи, Вильгельмъ II невольно—или, быть можетъ, намѣренно—заставляетъ европейскую публику сравнивать это спокойное равноправное положеніе съ горячими порывами и восторгами новѣйшей нашей союзницы, Франціи.

Хотя франко-русскій союзъ существуетъ довольно давно и имѣетъ уже свою исторію, тѣмъ не менѣе всякое новое его подтвержденіе или проявленіе вызываетъ во Франціи какое-то лихорадочное чувство и даетъ поводъ къ шумнымъ одностороннимъ манифестаціямъ. Въ этихъ манифестаціяхъ слишкомъ явно сказывается недостатокъ увѣренности въ своемъ національномъ достоинствѣ и могуществѣ, потребность и жажда внѣшней поддержки и опоры;—не видно сознанія полной равноправности съ союзникомъ, а напротивъ, замѣчаются признаки скрытой подчиненности и зависимости. Французы громко радуются тому, что Россія признаетъ ихъ достойными находиться съ нею въ союзѣ и поддерживаетъ съ ними близкую политическую дружбу на равныхъ правахъ; они ухаживаютъ за союзною державою, какъ влюбленные, трогательно выказываютъ ей свою преданность и благодарность, страстно ищутъ ея расположенія и охотно жертвуютъ ради этого своими республиканскими идеями и привычками. Оттѣнокъ неравенства, присущій франко-русскому сближенію, не ослабляется, а скорѣе усиливается съ годами, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Русскій союзъ несравненно нужнѣе для Франціи, чѣмъ намъ—французскій: для насъ эта политическая комбинація только полезна и удобна, а для французовъ она спасительна, какъ гарантія противъ Германіи и ея союзниковъ. Въ то же время, понимая жизненное значеніе русскаго союза для Франціи, французы сознаютъ, что ихъ республика мало симпатична могущественнымъ европейскимъ монархіямъ,—и они признательны Россіи именно за то, что она не остановилась передъ препятствіемъ, которое долго осуждало ихъ отечество на безнадежную изолированность въ Европѣ. Французамъ кажется, что это препятствіе существуетъ постоянно, такъ какъ оно заключается не столько въ государственномъ строѣ, сколько въ непрерывной внутренней борьбѣ партій, въ хроническомъ разладѣ между приверженцами и противниками республиканскихъ учрежденій; частые внутренніе кризисы не могли оставаться безъ вліянія на настроеніе союзника, и послѣднему ставилось въ заслугу уже простое игнорированіе этихъ кризисовъ въ политической жизни Франціи. Союзъ былъ заключенъ при президентствѣ Карно, и французы были намъ благодарны за то, что мы подтвердили его при Феликсѣ Форѣ; потомъ страна пережила тяжелый періодъ возбужденія и неурядицъ по поводу дѣла Дрейфуса, и намъ опять были благодарны за сохраненіе вѣрности союзу при столь смутныхъ обстоятельствахъ; теперь мы показали себя союзниками при президентѣ Эмилѣ Лубè, который недавно еще служилъ предметомъ ненависти среди французскихъ патріотовъ и реакціонеровъ, и вновь выпали намъ на долю взрывы благодарности за вниманіе и любезность по отношенію къ Франціи и ея

правителямъ. Выходитъ, что сами французы дѣлаютъ насъ судьями своихъ внутреннихъ дѣлъ и заботъ, безъ малѣйшей къ тому надобности; вмѣстѣ съ тѣмъ они откровенно пользуются союзомъ для цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами внѣшней политики. По общепринятому мнѣнію, совпадающему съ отзывами многихъ французскихъ газетъ, празднества въ Дюнкирхенѣ, Реймсѣ и Компьенѣ возвысили популярность президента Лубѐ и упрочили положеніе министерства Вальдека-Руссо,—хотя, очевидно, подобныя же празднества могутъ повториться при всякомъ другомъ президентѣ и при любомъ республиканскомъ кабинетѣ. Соціалистъ Мильеранъ, въ качествѣ министра торговли, участвовалъ въ этихъ торжествахъ и былъ принимаемъ дружелюбно высокопоставленными русскими гостями; но изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что наша дипломатія имѣла въ виду укрѣпить положеніе Мильерана или того правительства, въ составъ котораго онъ входитъ. Впутывая такого рода мысли въ обсужденіе политической стороны происходившихъ празднествъ, французская печать не отдавала себѣ яснаго отчета въ унизительномъ смыслѣ этихъ толковъ для Франціи, какъ великой державы. У насъ не интересовались вопросомъ о томъ, что̀ думаютъ французы о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ и какъ относятся они къ тому или другому изъ нашихъ министровъ; точно такъ же и французы могли совершенно оставить въ сторонѣ наши предполагаемые взгляды па правительство Эмиля Лубѐ. И какъ со стороны французовъ нѣтъ никакой заслуги въ полномъ отсутствіи интереса къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ, такъ и соотвѣтственное безразличіе нашихъ отношеній къ правящимъ лицамъ и партіямъ союзной страны являлось вполнѣ естественнымъ и не заслуживало никакой благодарности.

Наканунѣ прибытія высокихъ гостей въ предѣлы Франціи оффиціозный „Temps" предлагалъ политическимъ партіямъ заключить между собою перемиріе („la trêve du Tsar") и воздержаться отъ дальнѣйшихъ взаимныхъ счетовъ и пререканій во имя патріотизма. „Великое событіе, которымъ торжественно предъ лицомъ Европы повторяется провозглашеніе тѣснаго союза двухъ націй,—говорила газета,—наполняетъ сердца всѣхъ добрыхъ французовъ патріотическою радостью и въ то же время налагаетъ на нихъ важный и непремѣнный долгъ. Если этотъ долгъ будетъ понятъ и исполненъ какъ слѣдуетъ, то русскій союзъ прибавитъ еще одну и не наименьшую услугу къ числу тѣхъ, за которыя мы обязаны признательностью устроителямъ акта, столь согласнаго съ интересами обѣихъ державъ и съ чувствами обоихъ народовъ. Присутствіе высокихъ гостей въ нашей средѣ, крайне цѣнное съ точки зрѣнія дипломатической и европейской, вноситъ великій урокъ въ область нашей національной внутренней жизни. Нѣтъ

француза, который въ настоящій моментъ не сознавалъ бы съ безспорною ясностью, что представлять союзнику, во время его пребыванія во Франціи, зрѣлище нашихъ раздоровъ—было бы нарушеніемъ приличій, гостепріимства и патріотизма. Огромная потребность согласія и умиротворенія овладѣла всѣми нами, даже тѣми изъ насъ, у которыхъ подобное настроеніе наименѣе обычно и наиболѣе неожиданно. Возможно, что этотъ столь спасительный урокъ принесетъ прочные плоды. Было бы странно признавать необходимость этого внутренняго мира только для дней тѣлеснаго присутствія союзника на французской землѣ. Въ дѣйствительности, въ какомъ бы мѣстѣ ни находился нашъ союзникъ, онъ съ одинаковымъ вниманіемъ слѣдитъ за перипетіями нашей домашней исторіи... Мы ни на одну минуту не ускользаемъ отъ наблюденія сосѣдей, и слѣдовательно патріотизмъ всегда повелѣваетъ намъ сдерживать нашу законную борьбу партій въ предѣлахъ умѣренности, настоятельно необходимой для сохраненія престижа Франціи. Многіе изъ насъ слишкомъ забывали объ этомъ въ послѣдніе годы; одно изъ благодѣяній русскаго визита заключается въ напоминаніи намъ всѣмъ о нашемъ патріотическомъ долгѣ". Указавъ на единодушіе французовъ по отношенію къ Россіи, „Temps" съ прискорбіемъ отмѣчаетъ одно непріятное исключеніе, представляемое соціалистическою партіею. Затѣмъ, въ самый день отъѣзда высокихъ гостей, газета возвращается къ „великимъ урокамъ", вытекающимъ изъ русскаго визита, и во имя идеи всеобщаго умиротворенія жестоко нападаетъ не только на соціалистовъ, но и на такъ называемыхъ націоналистовъ и на всѣхъ вообще противниковъ нынѣшняго правительства республики. „Разумѣется само собою,—пишетъ оффиціозный французскій органъ,—что франко-русскій союзъ не предполагаетъ никакого вмѣшательства участниковъ во внутреннія дѣла союзной страны. Русское правительство не переставало обнаруживать въ этомъ отношеніи самый безупречный тактъ. Тѣмъ не менѣе косвенно русскій визитъ даетъ намъ указанія и по внутренней политикѣ—указанія, которыхъ мы не можемъ не понять и которыми обязательно намъ воспользоваться. Первый изъ этихъ уроковъ—тотъ, что соціализмъ образуетъ неисправимую секту, съ которою никакое соглашеніе невозможно для партій, не отвергающихъ идеи отечества. Второй урокъ,—можетъ быть, болѣе важный,—что націонализмъ, какъ политическая партія, не имѣетъ предмета и держится лишь на лицемѣріи, окончательно раскрытомъ послѣдними празднествами", ибо всѣ республиканскія власти и господствующія парламентскія группы блестяще проявили здѣсь тотъ военный патріотизмъ, который считался какъ бы спеціальностью націоналистовъ.

Эти разсужденія газеты „Temps" краснорѣчиво показываютъ, до

какой степени понизился уровень французскаго оппортунизма. Самая мысль объ урокахъ внутренней политики, извлекаемыхъ изъ фактовъ и отношеній внѣшняго союза, звучитъ довольно оригинально въ устахъ республиканцевъ; но если эти уроки нужны были французамъ, то послѣдніе могли легко получить ихъ во всякое время, гораздо раньше сентябрьскихъ военныхъ празднествъ и независимо отъ связанныхъ съ ними событій. Ничего новаго не узнали теперь французы ни о соціалистахъ, ни о націоналистахъ, и отрицательные выводы „Temps" объ этихъ оппозиціонныхъ партіяхъ суть тѣ самые, которые всегда высказывались газетою:—почему же понадобилось примѣшивать русскій визитъ къ потребностямъ внутренней партійной полемики? Враги умѣренной республики, каковы бы ни были ихъ убѣжденія, ничѣмъ не нарушили блистательнаго хода празднествъ и нисколько не мѣшали волшебному впечатлѣнію великихъ „царскихъ дней", а націоналисты, согласно своимъ идеямъ, сильнѣе кого бы то ни было отдавались восторженнымъ чувствамъ,—такъ что не было даже внѣшняго повода къ нападкамъ на эти партіи во имя русскаго союза. Внутреннія дѣла Франціи, какъ справедливо признаетъ и „Temps", совершенно не касаются Россіи, и наша дипломатія вовсе не обязана слѣдить за французскими партійными счетами или принимать въ нихъ какое-либо участіе. Франко-русскій союзъ не имѣлъ бы шансовъ долговѣчности, еслибы судьба его зависѣла отъ преобладанія той или другой политической партіи во Франціи. Въ будущемъ могутъ тамъ получить власть націоналисты или соціалисты, въ силу законно дѣйствующей системы всеобщаго народнаго голосованія, и если мы разъ вступили въ союзъ съ республикою, то мы должны заранѣе предвидѣть возможность въ ней послѣдовательныхъ правительственныхъ перемѣнъ, какъ это и было до сихъ поръ со времени перваго возникновенія союза при президентѣ Карно. Наши французскіе друзья, пытающіеся употребить популярный внѣшній союзъ какъ орудіе внутренней политики, оказываютъ плохую услугу не только намъ, но и своей собственной странѣ, и, конечно, льстивые призывы и намеки республиканскихъ оппортунистовъ не заставятъ нашихъ дипломатовъ уклониться отъ прежняго безусловно-корректнаго и осторожнаго способа дѣйствій. Газетныя статьи, въ родѣ указанныхъ нами, не будутъ имѣть никакихъ практическихъ послѣдствій; но онѣ отчасти характеризуютъ состояніе умовъ и нравовъ въ руководящихъ кругахъ современной Франціи.

Въ газетахъ были подробно описаны знаменательные „царскіе дни" 18—21 сентября (нов. стиля), посвященные морскому смотру въ Дюнкирхенѣ, военнымъ маневрамъ близъ Реймса и заключительному параду 150-тысячной арміи при Бетени. Политическое значеніе этихъ

роскошныхъ празднествъ выразилось въ оффиціальныхъ тостахъ, упоминавшихъ о франко-русскомъ союзѣ. За завтракомъ въ Дюнкирхенѣ, 18 (5) сентября, на привѣтственную рѣчь президента французской республики,—согласно оффиціальнымъ телеграммамъ „Правительственнаго Вѣстника“,—Государь Императоръ соизволилъ отвѣтить слѣдующими словами: „Императрица и Я съ особеннымъ удовольствіемъ возвратились во Францію, въ среду дружественной и союзной націи, и глубоко тронуты оказаннымъ Намъ сочувственнымъ пріемомъ. Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ любовался величественною сѣверною эскадрою и искренно благодарю васъ, господинъ президентъ, за поразительное зрѣлище, которое вы Мнѣ доставили по прибытіи Моемъ во французскія воды. Пью за преуспѣяніе французскаго флота, который, какъ вы только-что сказали, братался съ Моимъ флотомъ въ моряхъ Дальняго Востока, пью за васъ, господинъ президентъ, и за всю Францію“.

На банкетѣ въ фортѣ Витри, послѣ маневровъ, 19 сентября, президентъ Лубѐ произнесъ тостъ, въ которомъ указывалъ, между прочимъ, на „глубокое чувство братства по оружію, соединяющее французскую армію съ русскою“. На это Государь Императоръ изволилъ отвѣтить: „Маневры, на которыхъ мы только-что присутствовали, дали Мнѣ возможность лично оцѣнить степень совершенства, до котораго дошла блестящая французская армія, и этимъ сердечно порадоваться, какъ предметомъ справедливой гордости для дружественной Франціи. Поднимаю бокалъ въ честь доблестной французской арміи, за ея преуспѣяніе и славу, и хочу видѣть въ ней мощную поддержку принциповъ порядка и справедливости, на которыхъ зиждутся миръ и благосостояніе народовъ“.

Заключительный многолюдный банкетъ, устроенный 21 сентября въ обширной палаткѣ у Бетени, ознаменовался рѣчами, имѣвшими болѣе общій политическій характеръ. Президентъ республики напомнилъ о великомъ актѣ союза, подготовленномъ при императорѣ Александрѣ III и президентѣ Карно, и торжественно провозглашенномъ на броненосцѣ „Pothuau“ при Феликсѣ Форѣ; съ тѣхъ поръ—по словамъ Лубѐ—союзъ Россіи и Франціи успѣлъ уже выяснить свое значеніе и принести свои плоды. „Если нельзя сомнѣваться въ существенно-миролюбивомъ характерѣ идеи, давшей ему начало, то никто не будетъ также отрицать, что онъ могущественно способствовалъ поддержанію равновѣсія между европейскими силами, составляющаго необходимое условіе мира, который, чтобы быть благотворнымъ, не могъ оставаться ненадежнымъ или случайнымъ. Союзъ развивался съ годами, и возникавшіе вопросы находили его бодрствующимъ, рѣшительнымъ, примиряющимъ собственные интересы съ общими интере-

сами современнаго міра,—потому что онъ могучъ и заранѣе расположенъ къ рѣшеніямъ, внушаемымъ справедливостью и человѣчностью. Благо, уже принесенное союзомъ, служитъ залогомъ того, которое онъ доставитъ еще въ будущемъ..." Его Величество изволилъ отвѣтить слѣдующими словами:

„Господинъ Президентъ, передъ тѣмъ чтобы покинуть Францію, въ которой еще разъ Мы встрѣтили такой дружественный и горячій пріемъ, Я хочу выразить Вамъ Нашу искреннюю благодарность и тѣ чувства, которыя Мы испытываемъ. Императрица и Я, Мы навсегда сохранимъ драгоцѣнное воспоминаніе объ этихъ нѣсколькихъ дняхъ, столь полныхъ впечатлѣніями, глубоко запавшими въ Наши сердца, и Мы будемъ продолжать, какъ вдали, такъ и вблизи, пріобщаться ко всему, что̀ касается дружественной Намъ Франціи. Узы, связывающія наши страны, были только-что еще разъ закрѣплены и получили новую санкцію въ свидѣтельствахъ взаимной симпатіи, которыя такъ краснорѣчиво были выражены здѣсь и нашли себѣ такой горячій откликъ въ Россіи. Тѣсный союзъ двухъ великихъ державъ, воодушевленныхъ самыми мирными намѣреніями, державъ, которыя, умѣя заставлять уважать свои права, далеки отъ того, чтобы посягать на права чужія, представляетъ изъ себя драгоцѣнное начало общаго умиротворенія всего человѣчества. Я пью за процвѣтаніе Франціи, дружественной и союзной, за ея храбрую армію и за великолѣпный французскій флотъ. Позвольте мнѣ, господинъ Президентъ, возобновить выраженіе Нашей къ Вамъ благодарности и поднять Мой бокалъ въ Вашу честь".

Вся французская нація была увлечена грандіознымъ чествованіемъ русскаго союза; правительство почти въ полномъ составѣ переселилось въ Компьень, и только одинъ министръ финансовъ Кальо оставался въ Парижѣ, въ качествѣ замѣстителя главы кабинета. Сдѣлано было все возможное для увеличенія блеска и роскоши обстановки, среди которой разыгрывалась эта четырехъ-дневная военно-политическая феерія; художественный вкусъ французовъ, ихъ умѣнье устроивать необыкновенно красивые и внушительные спектакли, ихъ страсть къ военнымъ парадамъ и традиціонное искусство гостепріимства проявились здѣсь самымъ блистательнымъ образомъ. Республика хотѣла какъ будто перещеголять предшествовавшія ей правительства, но, слѣдуя по ихъ стопамъ, она не пошла далѣе внѣшняго подражанія и не внесла ничего своего, оригинальнаго, въ общій ходъ и характеръ происходившихъ празднествъ: она принимала высокихъ гостей въ старинной резиденціи французскихъ королей, бывшей позднѣе любимымъ мѣстопребываніемъ Наполеона I и Наполеона III, и Компьенскій за̀мокъ, наполненный драгоцѣнными реликвіями монархіи и им-

періи, ярко свидѣтельствовалъ о скудости самостоятельнаго республиканскаго творчества. Окруживъ себя остатками монархическихъ богатствъ, республика добровольно приняла на себя роль „мѣщанина во дворянствѣ“, и ни въ чемъ не было замѣтно, что она стѣсняется этимъ положеніемъ. Для массы французскаго народа было важно только одно—удостовѣриться вновь въ существованіи союза, обезпечивающаго Францію отъ всякихъ случайностей. Союзъ этотъ необходимъ для Франціи при всякомъ режимѣ и выгоденъ для Россіи при всякихъ обстоятельствахъ,—и потому онъ имѣетъ шансы долговѣчности. Нѣмецкія и англійскія насмѣшки по поводу денежныхъ выгодъ, извлекаемыхъ нами изъ французской дружбы, не заслуживаютъ даже опроверженія: русскіе займы легко помѣщаются въ каждой странѣ, гдѣ имѣются свободные капиталы, и наши процентныя бумаги покупаются французами не изъ сочувствія,—точно такъ же, какъ въ былое время англичане и нѣмцы ссужали насъ деньгами не изъ политическаго разсчёта. Безъ сомнѣнія, для насъ очень удобно имѣть къ своимъ услугамъ богатый французскій рынокъ; но этотъ рынокъ былъ бы намъ одинаково доступенъ и при отсутствіи франко-русскаго союза. Объяснять наше сближеніе съ Франціею финансовыми мотивами было бы ужъ слишкомъ наивно. Союзъ даетъ намъ возможность вести самостоятельную внѣшнюю политику, безъ прежняго стѣснительнаго контроля со стороны Берлина и Вѣны, и отъ насъ зависитъ—пользоваться этой возможностью въ полной мѣрѣ, въ интересахъ международной справедливости, о которыхъ говорилось въ одномъ изъ недавнихъ оффиціальныхъ тостовъ.

Современная группировка великихъ державъ въ высшей степени благопріятна для Россіи: Германія за нами ухаживаетъ, Франція дѣйствуетъ съ нами за-одно, и передъ нашими патріотами открывается широкое поле для самодовольныхъ толкованій, сопоставленій и выводовъ. Но не надо забывать, что это исключительное международное положеніе досталось намъ по стихійнымъ причинамъ, независимо отъ нашихъ заслугъ и усилій, и что оно возлагаетъ на насъ обязанности, отъ которыхъ трудно уже уклониться. Внѣшнему могуществу долженъ соотвѣтствовать внутренній ростъ народа, не только экономическій, но и умственный и нравственный;—безъ этой основы нельзя разсчитывать на успѣхъ въ культурномъ соперничествѣ націй. Политическая сила сама по себѣ не избавитъ насъ отъ мирнаго постепеннаго порабощенія германскими и иными элементами, опирающимися на превосходство знаній, энергіи и предпріимчивости. Недостатокъ внутренняго развитія, бѣдность и невѣжество большинства населенія, пассивность передовыхъ классовъ общества, отсутствіе инціативы,—все это мало гармонируетъ съ репутаціею одной изъ первыхъ державъ совре-

меннаго міра. Усыплять себя поверхностнымъ удовлетвореніемъ національнаго самолюбія было бы крайне опасно для будущаго, и опасность такого усыпленія вполнѣ сознается у насъ, насколько можно судить по многимъ признакамъ.

Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Макъ-Кинлей, неожиданно погибъ отъ руки убійцы, при весьма трагическихъ обстоятельствахъ. На выставкѣ въ Буффало, 6 сентября (нов. ст.), когда президентъ по обыкновенію подавалъ руку всѣмъ желающимъ, къ нему приблизился—для той же повидимому цѣли—нѣкій Чолгошъ и внезапно сдѣлалъ въ него два выстрѣла, изъ которыхъ второй попалъ въ область живота. Своевременно оказанная медицинская помощь возбудила надежду на выздоровленіе Макъ-Кинлея, и въ теченіе нѣсколькихъ дней господствовала увѣренность, что онъ поправится въ скоромъ времени. Пользовавшіе его знаменитые американскіе врачи заявляли объ этомъ съ такою авторитетностью, что друзья Макъ-Кинлея успокоились, министры разъѣхались, и вице-президентъ Рузевельтъ отправился въ горы на охоту; между тѣмъ, недѣлю спустя, 14 сентября, Макъ-Кинлей скончался послѣ мучительной агоніи. Убійца назвалъ себя анархистомъ, но это названіе не объясняетъ мотивовъ преступленія, которое по существу остается непонятнымъ. Макъ-Кинлей ничѣмъ не возбуждалъ противъ себя ненависти или вражды; онъ былъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и исполнительнымъ должностнымъ лицомъ, и вторичное избраніе его на постъ президента состоялось лишь въ силу народнаго довѣрія, вполнѣ оправданнаго первымъ четырехлѣтіемъ его управленія. Обладая замѣчательнымъ тактомъ, гибкостью характера и ораторскимъ талантомъ, онъ пріобрѣлъ широкую популярность благодаря своему умѣнью схватывать господствующія черты общественнаго настроенія и сообразоваться съ ними въ своей практической дѣятельности. Ему было суждено дать сильный толчокъ американскому имперіализму и положить начало активной внѣшней политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, что̀ съ давнихъ поръ составляло предметъ мечтаній многихъ республиканскихъ патріотовъ. Онъ связалъ свое имя съ системою промышленнаго протекціонизма, но понималъ ее не въ смыслѣ односторонняго покровительства крупнымъ предпріятіямъ, а въ смыслѣ поощренія и поддержки національнаго производства. Онъ твердо стоялъ за введеніе золотой валюты, желательной большинству промышленнаго населенія, и на этой почвѣ одержалъ побѣду надъ своимъ соперникомъ при первыхъ президентскихъ выборахъ, Брайаномъ.

Вильямъ Макъ-Кинлей сдѣлалъ свою карьеру какъ типичный аме-

риканецъ, пробивъ себѣ дорогу исключительно упорнымъ трудомъ, настойчивостью и выдержкою. Девятнадцати лѣтъ отъ роду, будучи уже учителемъ, онъ поступилъ въ ряды арміи при началѣ междоусобной войны и участвовалъ въ ней съ 1861 года до конца военныхъ дѣйствій; выйдя въ отставку майоромъ въ 1865 году, онъ занялся изученіемъ юриспруденціи и, два года спустя, принятъ былъ въ адвокаты въ родномъ штатѣ Огайо, въ городѣ Кантонѣ. Въ 1876 году его выбрали въ палату представителей въ Вашингтонѣ, и съ тѣхъ поръ начинается его политическая дѣятельность; вскорѣ онъ выдвинулся и обратилъ на себя вниманіе, какъ энергическій и послѣдовательный защитникъ высокихъ охранительныхъ пошлинъ. Въ 1891 году онъ былъ избранъ губернаторомъ штата Огайо; въ конгрессѣ и внѣ его онъ игралъ уже видную роль въ составѣ республиканской партіи. Выставленный кандидатомъ въ президенты въ 1892 году, онъ получилъ тогда меньшинство голосовъ, и только въ 1896 году онъ достигъ избранія на постъ главы государства. Съ марта настоящаго года онъ былъ президентомъ на вторичный срокъ, и ему предстояло управлять страною еще три съ половиною года. По мѣрѣ своего возвышенія онъ изъ представителя партіи дѣлался все болѣе выразителемъ стремленій и интересовъ цѣлаго народа; онъ сдерживалъ честолюбивые порывы имперіалистовъ послѣ успѣшной войны съ Испаніею изъ-за Кубы и постепенно доставилъ торжество принципамъ умѣренности и благоразумія въ международныхъ отношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Макъ-Кинлей справедливо признается однимъ изъ наиболѣе выдающихся президентовъ великой американской республики, и внезапная смерть его является крупнымъ ударомъ не только для его партіи, для его личныхъ друзей и почитателей, но и для всей страны.

Безпричинное злодѣяніе, жертвою котораго палъ Макъ-Кинлей, вновь выдвинуло на очередь вопросъ о мѣрахъ борьбы съ анархистами, проповѣдниками и организаторами убійствъ, возмущающихъ общественную совѣсть. О необходимости какихъ-либо общихъ международныхъ мѣръ противъ этой опасной психической заразы много говорилось и послѣ убійства президента Карно, и послѣ умерщвленія австрійской императрицы Елизаветы, и послѣ гибели короля Гумберта, и послѣ взрывовъ въ Барселонѣ и въ Чикаго; но всѣ эти толки оставались безплодными, и никакихъ реальныхъ способовъ обузданія кроваваго анархизма придумано не было. Очевидно, рутинныя полицейскія мѣропріятія безсильны противъ темныхъ проявленій душевной ненормальности, выростающихъ на почвѣ злобныхъ инстинктовъ, въ атмосферѣ житейскихъ неудачъ и неудовлетвореннаго честолюбія; нѣтъ еще такихъ спасительныхъ заведеній, въ которыхъ помѣщались бы праздные психопаты, мечтающіе о славѣ путемъ громкихъ убійствъ

или стремящіеся мстить постороннимъ людямъ за свою личную неспособность къ труду, за расшатанность своихъ нервовъ и за неуравновѣшенность своего ума. Если многіе помѣшанные гуляютъ на свободѣ только потому, что для нихъ нѣтъ мѣста въ переполненныхъ больницахъ, то нечего и думать о своевременномъ и цѣлесообразномъ надзорѣ за всѣми ненормальными личностями, которыя кажутся еще безвредными и увлекаются лишь подобіемъ какихъ-то идей. Высылка подобныхъ личностей изъ однихъ мѣстъ въ другія только способствуетъ распространенію заразы, превращая ихъ въ интересныхъ героевъ въ глазахъ малообразованной толпы. Люди, предрасположенные къ душевнымъ заболѣваніямъ, увеличиваютъ собою ряды такъ называемыхъ анархистовъ послѣ каждаго удавшагося покушенія, и мы видимъ теперь, что въ Америкѣ собираются публичные митинги психопатовъ для прославленія „подвига" Чолгоша. Болѣзнь эта серьезнѣе, чѣмъ принято думать, — тѣмъ болѣе, что никто даже не ищетъ надлежащихъ средствъ ея леченія.

Для американцевъ, какъ и для другихъ народовъ, интересы текущаго момента стоятъ на первомъ планѣ, и тотчасъ послѣ гибели Макъ-Кинлея общественное мнѣніе занялось личностью его преемника, Теодора Рузевельта, призваннаго теперь управлять дѣлами Соединенныхъ Штатовъ. Рузевельтъ—одинъ изъ популярнѣйшихъ людей въ Америкѣ; онъ прославился своими подвигами въ войнѣ съ Испаніею, какъ предводитель организованнаго имъ особаго полка смѣльчаковъ; затѣмъ онъ пріобрѣлъ болѣе серьезную извѣстность, въ качествѣ губернатора нью-іоркскаго штата, главнѣйшаго въ союзѣ,—гдѣ онъ пытался противодѣйствовать господству всемогущаго политическаго синдиката, называемаго „Tammany-Ring". Рузевельту всего 43 года; онъ —убѣжденный сторонникъ дѣятельной и предпріимчивой внѣшней политики; ему приписываютъ широкіе, честолюбивые планы, и республиканская партія выбрала его вице-президентомъ, какъ говорятъ, именно для того, чтобы устранить его кандидатуру на постъ президента въ будущемъ,—ибо, по общепринятому мнѣнію, вице-президенты никогда не дѣлаются президентами. Эти партійные разсчеты уничтожены смертью Макъ-Кинлея, и безпокойный Теодоръ Рузевельтъ, сверхъ ожиданія, очутился во главѣ правительства. Въ его лицѣ Соединенные Штаты сдѣлаютъ, вѣроятно, болѣе рѣшительный поворотъ въ сторону имперіализма, и эта перемѣна не можетъ не отозваться на положеніи старыхъ европейскихъ державъ, особенно Англіи. Не лишено значенія также то обстоятельство, что Рузевельтъ—первый президентъ не англійскаго, а голландскаго происхожденія, потомокъ одной изъ старинныхъ фамилій, выселившихся изъ Голландіи въ XVII

вѣкѣ, и, слѣдовательно, близкій по крови нынѣшнимъ южно-африканскимъ боэрамъ.

„Искупительная" китайская миссія въ Берлинѣ имѣла не тотъ конецъ, какой готовился ей по плану Вильгельма II. Глава этой миссіи, несмотря на свою молодость, обнаружилъ искусство настоящаго дипломата: онъ терпѣливо выжидалъ въ Швейцаріи, подъ предлогомъ нездоровья, и откладывалъ свое путешествіе въ Берлинъ до тѣхъ поръ, пока не отмѣненъ былъ придуманный для него унизительный церемоніалъ многократныхъ преклоненій передъ германскимъ императоромъ. Такъ какъ непріятность, предстоявшая принцу Чжуну, могла повредить его здоровью, то нельзя было настаивать на причиненіи этой непріятности, и берлинскому кабинету пришлось отказаться отъ первоначальнаго требованія. Императоръ Вильгельмъ II по собственной инициативѣ далъ знать китайскому принцу, что охотно приметъ его одного, безъ свиты, обыкновеннымъ порядкомъ, въ Потсдамѣ; принцъ тотчасъ же выздоровѣлъ и на слѣдующій день отправился въ Берлинъ. Торжественный пріемъ состоялся 4-го сентября; принцъ Чжунъ произнесъ трогательную рѣчь и прочиталъ еще болѣе трогательное посланіе богдыхана, выслушалъ грозный и въ то же время снисходительный отвѣтъ Вильгельма II,—и задача искупительной миссіи была исполнена. Нѣсколько дней спустя, получено было извѣстіе объ окончательномъ подписаніи мирнаго протокола въ Пекинѣ представителями Китая и иностранныхъ державъ. Протоколъ, изложенный въ двѣнадцати параграфахъ, закрѣпляетъ тѣ условія мира, которыя въ свое время подробно обсуждались въ европейской печати. Такъ закончился цѣлый періодъ остраго китайскаго кризиса на Дальнемъ Востокѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1901.

— **Павелъ I. Собраніе анекдотовъ, отзывовъ, характеристикъ, указовъ и пр. Составили Александръ Гено и Томичъ. Съ приложеніемъ портрета. Спб. 1901.**

Составители книги поставили къ ней эпиграфомъ слѣдующее изреченіе (сказанное „гдѣ-то", „однимъ французскимъ писателемъ", какъ они объясняютъ въ предисловіи): „L'anecdote est le rayon de soleil de l'histoire".

Въ предисловіи подробно говорится объ этомъ значеніи анекдота. „Жизнь каждаго выдающагося человѣка, — начинаютъ составители книги,—имѣетъ свою анекдотическую сторону, и очень часто въ этихъ-то анекдотическихъ сказаніяхъ, въ *большинствѣ случаевъ* прикрашенныхъ народною фантазіею и которыми *строгій историкъ готовъ пренебречь*, какъ чѣмъ-то недостойнымъ себя, пробиваются многія интимныя черты характера государственнаго или общественнаго дѣятеля". Эту мысль высказалъ въ одной изъ своихъ статей нашъ извѣстный историкъ Шильдеръ, а вотъ что замѣтилъ гдѣ-то (?) одинъ французскій писатель (?): „анекдотъ—это солнечный лучъ въ области исторіи". (Переводъ, какъ видимъ, не совсѣмъ точный).

„Прибавимъ *отъ себя*,—продолжаютъ составители,—что обиліе подобныхъ анекдотическихъ сказаній несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что данное лицо пользовалось широкою извѣстностью, что, въ свое время, оно живо поразило народное или общественное воображеніе. Преобладаніе въ нихъ той или иной *нотки* (?), сочувственной или неодобрительной, служитъ лучшимъ показателемъ, въ какую сторону склонилось большинство симпатій". Особенно много такого матеріала имѣется для характеристики императора Павла Петровича.

„Личность этого государя возбуждаетъ къ себѣ не только большой интересъ, но и безспорное сочувствіе. Этотъ интересъ долженъ былъ особенно оживиться съ наступленіемъ столѣтней годовщины его кон-

чины, а это подало намъ мысль собрать и связать въ одно цѣлое наиболѣе яркіе анекдоты, отзывы, характеристики и пр., въ которыхъ отпечатлѣлись личность Павла Петровича и отношеніе къ нему современниковъ"...

Очевидно, составители имѣютъ не совсѣмъ ясное теоретическое понятіе объ „анекдотѣ". Выходитъ такъ, что обиліе анекдотическихъ сказаній свидѣтельствуетъ объ извѣстности того или другого историческаго лица, и если анекдотовъ меньше, значитъ и извѣстность меньше? Но бываютъ не только извѣстныя, но знаменитыя лица, о которыхъ, однако, мало „анекдотовъ"; въ данномъ случаѣ, „извѣстность" императора Павла не требовала доказательствъ анекдотами,—она прямо установлялась тѣмъ, что это былъ императоръ всероссійскій. Обиліе анекдотическихъ сказаній можетъ не стоять въ связи съ своеобразнымъ личнымъ характеромъ авторитетнаго лица и его оригинальными проявленіями. Что исторія не равнозначительна съ анекдотомъ, видно и изъ тѣхъ словъ г. Шильдера, которыя приведены составителями въ предисловіи.

Въ исполненіе своей задачи составители пересмотрѣли немногія отдѣльныя изслѣдованія, посвященныя за послѣднее время царствованія императора Павла,—а главное, разнаго рода матеріалы, разсѣянные въ историческихъ изданіяхъ, какъ „Русская Старина", „Русскій Архивъ" и т. д. Работа чисто компилятивная; собственное участіе составителей ограничилось приведеніемъ выписокъ въ нѣкоторый хронологическій порядокъ; какое-либо историческое или психологическое обобщеніе отсутствуетъ, такъ что ничего цѣльнаго не получается.—Самое обширное собраніе „анекдотическихъ сказаній" не замѣняетъ исторіи, и если, по словамъ г. Шильдера, строгій историкъ готовъ пренебречь ими, то имѣетъ на то не малое право: внѣ анекдотовъ лежитъ вся цѣльность исторической жизни, и самая личность опредѣляется не случайными отрывочными словами и поступками, а всѣмъ складомъ своихъ дѣйствій и своего міровоззрѣнія.—Составители и не пытались выяснить этого общаго историческаго положенія; даже не объединили анекдотическаго содержанія своего сборника, потому что отдѣльныя „сказанія" даютъ весьма различное освѣщеніе предмета.

Собраніе самыхъ фактовъ и „анекдотовъ", конечно, могло бы быть еще увеличено. Нѣкоторыхъ, очень характерныхъ, мы здѣсь не встрѣтили. Въ спискѣ сочиненій, послужившихъ источникомъ книги, Н. И. Гречъ напрасно названъ, въ корректурной ошибкѣ, Гротомъ.—Д.

— Собраніе сочиненій Эдгара По, въ переводѣ съ англійскаго, К. Д. Бальмонта. Томъ первый. Поэмы, сказки. М. 1901. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.

Г. Бальмонтъ составилъ себѣ довольно опредѣленную извѣстность. Это одинъ изъ главныхъ представителей нашего декадентства—литературнаго рода, который не только не внушаетъ намъ ни малѣйшаго сочувствія, но часто внушаетъ прямое отвращеніе, когда онъ представляетъ собой непонятное ломанье подъ предлогомъ исканія новыхъ путей поэзіи. Съ нѣкоторымъ усиліемъ мы поймемъ декадентство на его собственной почвѣ, какъ, напримѣръ, во французской литературѣ: богатая, разнообразная, свободная, съ громаднымъ опытомъ, литература, полагающая и въ данную минуту много благороднаго труда на разъясненіе великихъ вопросовъ человѣческой жизни, имѣетъ право на экстравагантности, въ минуты утомленія или каприза,—но декадентство въ нашей литературѣ, которой нужно еще пріобрѣтать и выработывать основныя условія своего существованія и исполненія своего долга къ обществу, является несносной, нескладной, лишенной всякаго смысла претензіей,—чтобъ не сказать хуже. Не въ примѣръ своимъ сотоварищамъ по „искусству“, г. Бальмонтъ имѣетъ дарованіе, и тѣмъ больше жаль, что онъ растрачиваетъ его—по пустому, потому что пріобрѣтеніемъ для нашей литературы нельзя назвать этихъ потугъ выражать сверхъестественныя чувства, совсѣмъ невѣроятныя стремленія, которымъ нѣтъ мѣста въ обыкновенныхъ условіяхъ человѣческаго существованія, а есть мѣсто только въ безцѣльной и произвольной фантастикѣ, или въ умственномъ разстройствѣ. Но, быть можетъ, это въ самомъ дѣлѣ поэтъ особенный, выходящій изъ рутинныхъ рамокъ творчества, ищущій простора для необычайныхъ созданій своей мысли и фантазіи? Этого не видно,—потому что необычайныя созданія сводятся къ вычурной неестественности и лишены содержанія, безъ котораго истинная поэзія невозможна.

Выборъ Эдгара По для перевода также не лишенъ характерности для декадентскаго писателя. Эдгаръ По есть оригинальное явленіе, и знакомство съ нимъ расширитъ историческій горизонтъ нашей литературы; но, быть можетъ, не всякій переводчикъ съ такой охотой, какъ именно декадентъ, углублялся бы въ эту непрерывную фантастику, въ концѣ концовъ утомительную, даже—мало интересную. Но для декадента это очевидно и есть самое привлекательное: чѣмъ дальше отъ реальной жизни, чѣмъ невѣроятнѣе, тѣмъ лучше.

Это ярко сказалось въ предисловіи русскаго переводчика, гдѣ Эдгаръ По возведенъ на фантастическую высоту; это настоящій пророкъ—новѣйшаго символизма и—декадентства.

„Есть удивительное напряженное состояніе ума,—повѣствуетъ г. Бальмонтъ,—когда человѣкъ сильнѣе, умнѣе, красивѣе самого себя. Это состояніе можно назвать праздникомъ умственной жизни. Мысль воспринимаетъ тогда все въ необычныхъ очертаніяхъ, открываются неожиданныя перспективы, возникаютъ поразительныя сочетанія, обостренныя чувства во всемъ улавливаютъ новизну, предчувствіе и воспоминаніе усиливаютъ личность двойнымъ внушеніемъ, и крылатая душа видитъ себя въ мірѣ расширенномъ и углубленномъ. Такія состоянія, приближающія насъ къ *мірамъ запредѣльнымъ*, бываютъ у каждаго, какъ бы въ подтвержденіе великаго принципа конечной равноправности всѣхъ душъ. Но однихъ они посѣщаютъ, быть можетъ, только разъ въ жизни, надъ другими, то сильнѣе, то слабѣе, они простираютъ почти безпрерывное вліяніе, и есть *избранники*, которымъ дано въ каждую полночь видѣть привидѣнія, и съ каждымъ разсвѣтомъ слышать біеніе новыхъ жизней...

„Въ одномъ изъ своихъ наиболѣе таинственныхъ разсказовъ: „Человѣкъ толпы“, Эдгаръ По описываетъ загадочнаго старика, лицо котораго напомнило ему образъ Дьявола. „Бросивъ бѣглый взглядъ на лицо этого бродяги, затаившаго какую-то страшную тайну, я получилъ“,—говоритъ онъ,—„представленіе о громадной умственной силѣ, объ осторожности, скаредности, алчности, хладнокровіи, коварствѣ, кровожадности, о торжествѣ, о веселости, о крайнемъ ужасѣ, о напряженномъ—и безконечномъ отчаяніи“. Если нѣсколько измѣнить слова этой сложной характеристики, мы получимъ точный портретъ (?) самого поэта. Смотря на лицо Эдгара По, и читая его произведенія, получаешь представленіе о громадной умственной силѣ, о крайней осторожности (?) въ выборѣ художественныхъ эффектовъ, объ утонченной скупости въ пользованіи словами, указывающей на великую любовь къ слову, о ненасытимой алчности души, о мудромъ хладнокровіи избранника, дерзающаго на то, передъ чѣмъ отступаютъ другіе, о торжествѣ законченнаго художника, о безумной веселости безъисходнаго ужаса (?), являющагося неизбѣжностью для такой души, о напряженномъ и безконечномъ отчаяніи“...

Слова дѣйствительно „нѣсколько измѣнены“, но, намъ кажется, параллель,—и вообще совсѣмъ ненужная,—остается произвольной. Описывая старика, Эдгаръ По говоритъ о настоящей скаредности и алчности; нашъ авторъ подмѣняетъ ее „алчностью души“, „утонченной скупостью въ пользованіи словами“, и т. п. Эдгаръ По говоритъ (хотя неясно, но раздѣльно) о веселости и крайнемъ ужасѣ,—нашъ авторъ подставляетъ „безумную веселость безъисходнаго ужаса“, вещь нелегко вообразимую, но такое вообще подобаетъ Эдгару По,—по взгляду нашего автора, въ этомъ и заключается его величіе.

Далѣе, „Загадочный старикъ, чтобы не остаться наединѣ съ своей страшной тайной, безустали скитается въ людской толпѣ; какъ Вѣчный Жидъ, онъ бѣжитъ съ одного мѣста на другое, и когда пустѣютъ нарядные кварталы города, онъ какъ отверженный спѣшитъ въ нищенскіе закоулки, гдѣ омерзительная нечисть гноится въ застоявшихся каналахъ. *Такъ точно* (?) Эдгаръ По, проникнувшись философскимъ отчаяньемъ, *затаивъ* въ себѣ тайну пониманія міровой жизни, какъ кошмарной игры Бо̀льшаго въ меньшемъ (?), всю жизнь былъ подъ властью демона скитанія (?), и отъ самыхъ воздушныхъ гимновъ серафима переходилъ къ самымъ чудовищнымъ ямамъ нашей жизни, чтобы черезъ остроту ощущенія соприкоснуться съ инымъ міромъ, чтобы и здѣсь, въ провалахъ уродства, увидѣть хотя *сѣрное* сіяніе (?). И какъ загадочный старикъ былъ одѣтъ въ затасканное бѣлье хорошаго качества, и подъ тщательно застегнутымъ плащемъ скрывалъ что-то блестящее, бриллiанты или кинжалъ, *такъ* Эдгаръ По въ своей искаженной жизни всегда оставался прекраснымъ демономъ, и надъ его творчествомъ никогда не погаснетъ *изумрудное* (?) сіяніе Люцифера“.

Литературное значеніе Эдгара По авторъ изображаетъ такъ: „Языкъ, замыслы, художественная манера, все отмѣчено въ немъ яркою печатью новизны. Никто изъ англійскихъ или американскихъ поэтовъ не зналъ до него, что можно сдѣлать съ англійскимъ стихомъ прихотливымъ сопоставленіемъ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаній... Никто не зналъ до него, что сказки можно соединить съ философіей. Онъ слилъ въ органически-цѣльное единство художественныя настроенія и логическіе результаты высшихъ умозрѣній, сочеталъ двѣ краски въ одну, и создалъ новую литературную форму, философскія сказки, гипнотизирующія одновременно и наше чувство, и нашъ умъ. Мѣтко опредѣливъ, что происхожденіе Поэзіи кроется въ жаждѣ Красоты, болѣе безумной (?), чѣмъ та, которую можетъ намъ дать Земля, Эдгаръ По стремился утолить эту жажду созданіемъ неземныхъ образовъ...

„Колумбъ новыхъ областей въ человѣческой душѣ, онъ первый сознательно задался мыслью ввести уродство въ область красоты, и съ лукавствомъ мудраго мага (?) создалъ поэзію ужаса. Онъ первый угадалъ поэзію распадающихся величественныхъ зданій, *угадалъ* жизнь корабля, какъ одухотвореннаго существа (?), уловилъ великій символизмъ явленій моря, установилъ художественную, полную волнующихъ намековъ, связь между человѣческой душой и неодушевленными предметами, *пророчески* почувствовалъ настроенія *нашихъ дней* и въ подавляющихъ мрачностью красокъ картинахъ изобразилъ чудовищныя—неизбѣжныя для души—послѣдствія механическаго міросозерцанія“...

„Настроенія нашихъ дней"—очевидно настроенія символизма и декадентства; и еслибы Эдгаръ По дѣйствительно былъ пророкомъ и образцомъ этихъ настроеній, это было бы, пожалуй, очень малою заслугой его для поэзіи и искусства. Это отношеніе Эдгара По къ „настроеніямъ нашихъ дней" еще нуждается въ опредѣленіи, и если новѣйшіе символисты и декаденты желаютъ почерпать въ немъ свое художественное право и авторитетъ, они ошибаются. Эдгаръ По былъ чрезвычайно исключительный, но несомнѣнный талантъ,—и въ этомъ направленіи „наши дни" не въ состояніи были произвести ничего равносильнаго; если они и усиливались, то это не значитъ, что они стояли съ нимъ на одномъ уровнѣ.

Приводимъ еще заключительныя слова предисловія: „Отдѣльныя слова людей, соприкасавшихся съ этимъ великимъ поэтомъ, характеризующія его какъ человѣка, находятся въ полной гармоніи съ его поэзіей. Онъ говорилъ тихимъ, сдержаннымъ голосомъ. У него были женственныя, но не изнѣженныя манеры. У него были изящныя маленькія руки и красивый ротъ, искаженный горькимъ выраженіемъ. Его глаза пугали и приковывали, ихъ окраска была измѣнчивой, то цвѣта морской волны, то цвѣта ночной фіалки. Онъ рѣдко улыбался и не смѣялся никогда. Онъ не могъ смѣяться—для него не было обмановъ. Какъ родственный ему Де-Куинси, онъ никогда не предполагалъ, онъ всегда зналъ. Какъ его собственный герой, капитанъ фантастическаго корабля, бѣгущій въ полосѣ скрытаго теченія къ южному полюсу, онъ во имя Открытія спѣшилъ къ гибели, и хотя на лицѣ у него было мало морщинъ, но на немъ лежала печать, указывавшая на миріады лѣтъ (?).

„Его поэзія, ближе всѣхъ другихъ стоящая къ нашей сложной больной душѣ (?), есть воплощеніе царственнаго Сознанія, которое съ ужасомъ глядитъ на обступившую его со всѣхъ сторонъ неизбѣжность дикаго Хаоса".

Намъ кажется, что, предлагая русскому читателю сочиненія Эдгара По, не слѣдовало ограничиваться тѣмъ романтически напыщеннымъ предисловіемъ, какое далъ переводчикъ; если ужъ было нужно, авторъ могъ сказать и объ изумрудномъ Люциферѣ, и о Колумбѣ, и о фантастическомъ старикѣ, но кромѣ того необходимо было дать, во-первыхъ, болѣе или менѣе обстоятельную біографію писателя, и во-вторыхъ, историко-литературную характеристику, которая помогла бы читателю дать себѣ отчетъ въ характерѣ писателя и въ содержаніи его сочиненій. Въ самомъ дѣлѣ, Эдгаръ По не былъ же изумрудный Люциферъ, а былъ человѣкъ извѣстной эпохи, извѣстнаго круга идей, наконецъ, личнаго характера и личной судьбы, и все это должно было отражаться на его творчествѣ.

Это былъ несомнѣнно человѣкъ сильнаго дарованія и сильнаго ума,—чего нельзя сказать о тѣхъ „властителяхъ цѣлыхъ поколѣній", которые, въ новѣйшей западной литературѣ, „черпали изъ Эдгара По многія изъ своихъ вдохновеній" и которые пересчитаны въ замѣткѣ „отъ издателей" или отъ „Скорпіона" (исключаемъ также упомянутаго здѣсь Достоевскаго, который не совсѣмъ идетъ въ эту категорію). Его мрачную фантазію влекло, во-первыхъ, къ общимъ вопросамъ о существованіи человѣчества,—не однажды возвращается у него тема конца міра, или земного шара,—и къ вопросамъ личной судьбы человѣка, смерти и загробной жизни; его привлекала загадочная сторона человѣческой психологіи; по указаніямъ стараго „месмеризма" онъ не однажды останавливается на гипнотическихъ явленіяхъ, и отыскивая въ нихъ психологическую мистику, едва-ли не теряетъ всякую мѣру, когда гипнотизируетъ умирающаго, наконецъ даже умершаго. Процессъ и послѣдствія смерти были одной изъ нерѣдкихъ его темъ: онъ съ увѣренностью передаетъ бесѣду двухъ любящихъ послѣ ихъ смерти, гдѣ подробно разсказывается о послѣднихъ минутахъ жизни и о наступившемъ загробномъ существованіи. Въ этой темѣ онъ могъ, конечно, смѣло предаваться фантазіи, не опасаясь опроверженій „опыта" и „наблюденія",—на которыхъ, при другихъ случаяхъ, онъ настаиваетъ; характерно только, какъ влекло его къ этимъ таинственнымъ вопросамъ. Мы упоминали, что подобнымъ образомъ онъ хочетъ разсказать и послѣднія времена жизни самой земли.

Другіе разсказы, гдѣ онъ не задается такими фатальными загадками и остается въ предѣлахъ человѣческой психологіи,—какъ темы преслѣдованій совѣсти, „Демонъ извращенности" и т. п., въ сущности, гораздо глубже и внушены не только удивительной силой воображенія, но и глубокимъ психологическимъ наблюденіемъ.—Эти два настроенія, порывы къ необузданной фантастикѣ и изученіе психологическихъ явленій, нерѣдко сливаются, но чаще фантастика беретъ верхъ, и будто бы на почвѣ человѣческой жизни создаетъ нѣчто невѣроятное, какъ напр. въ „Лигейѣ" повторяющееся нѣсколько разъ воскресаніе умершей женщины. Это, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ глубокій символъ, но повторяемыя настойчиво невѣроятности становятся наконецъ утомительны и—не интересны.

Переводчикъ приписываетъ Эдгару По заслугу изобрѣтенія новаго литературнаго рода—философской сказки. Но, если не считать Вольтера, писавшаго сказочно-философскія пародіи, литература восемнадцатаго вѣка уже изобрѣла этотъ литературный родъ, а въ девятнадцатомъ столѣтіи онъ имѣлъ своего представителя въ Гофманѣ,—какъ вообще въ американскомъ писателѣ сказались стремленія европей-

скаго романтизма. У него была своеобразность независимаго дарованія, но затѣмъ найдется немало общаго съ настроеніемъ той эпохи, обильной мистицизмомъ и фантастикой, философскими исканіями, и излишествами. У Эдгара По мрачное настроеніе богатой фантазіи было повидимому прирожденное, но едва-ли не было оно еще увеличено такими же излишествами: его какъ будто преслѣдовалъ кошмаръ. „Колумбъ новыхъ областей въ человѣческой душѣ" былъ не совсѣмъ Колумбомъ,—такимъ была скорѣе цѣлая романтическая школа. Для бòльшей точности въ характеристикѣ слѣдовало именно выдѣлить черты, общія Эдгару По съ его литературной эпохой, школой, и его особенности личныя.

Въ параллели, которую проводитъ нашъ авторъ между Эдгаромъ По и „загадочнымъ старикомъ", онъ опустилъ одну черту послѣдняго, а именно „кровожадность". Параллель вышла не полна; но авторъ могъ бы найти въ Эдгарѣ По особенность, постоянно повторяющуюся, которую можно было бы приравнять къ кровожадности—именно, его страсть къ мрачнымъ, приводящимъ—или долженствующимъ приводить въ ужасъ, картинамъ. Въ этомъ смыслѣ и Эдгаръ По кровожаденъ, какъ у насъ одинъ критикъ называлъ Достоевскаго жестокимъ талантомъ. Но между двумя писателями есть одна великая разница... Впечатлѣнія бываютъ различны; мы не могли освободиться отъ впечатлѣнія,—читая страшные разсказы Эдгара По,—что это разсказы предумышленно страшные, что это не всегда непосредственное выраженіе овладѣвающей поэтомъ страшной фантазіи, а иногда только придуманная, а потому натянутая исторія,—и если разъ читатель почувствуетъ эту придуманность, очевидно, исторія уже не производитъ желаемаго дѣйствія. Обыкновенно, такія исторіи переполнены всякими ужасами, — напр. „Метценгерштейнъ", „Сказка извилистыхъ горъ", „Гопъ-Фрогъ", „Маска Красной Смерти", даже „Лигейя" и др.,— и читатель наконецъ не пугается этихъ ужасовъ, заподозривъ, что они, можетъ быть,—бутафорскіе.

Поклонники „поэзіи ужаса" у Эдгара По вѣроятно съ негодованіемъ объявятъ наше впечатлѣніе варварскимъ непониманіемъ; но люди безпристрастные, вѣроятно, согласятся, что у Эдгара По есть дѣйствительно этотъ грѣхъ накопленія внѣшнихъ „ужасныхъ" подробностей—въ видѣ „башенъ", въ которыхъ вмѣсто домовъ живутъ его герои, черныхъ озеръ, тумана, краснаго мѣсяца, воскресающихъ мертвецовъ, привидѣній, смерти, являющейся въ маскѣ на балу, наконецъ въ видѣ часовъ, бой которыхъ производитъ въ слышащихъ его неудержимый смѣхъ, въ видѣ лодокъ, стремящихся безъ всякаго двигателя, и т. д. безъ конца, что̀ есть очень часто одна безвкусная манера старой романтики. Нечего говорить, что „поэзія ужаса" изобрѣ-

тена не Эдгаромъ По, и что эти внѣшнія подробности, которыми онъ пугаетъ своихъ читателей, не могутъ равняться съ тѣмъ дѣйствительнымъ и глубокимъ ужасомъ, какой находитъ сильный наблюдательный художникъ прямо въ области жизни, какъ Гоголь въ „Запискахъ сумасшедшаго", или, на почвѣ народнаго вѣрованія, въ „Віѣ",—или какъ Достоевскій въ длинномъ рядѣ его героевъ съ разстроенною личною жизнью и потрясенной нервной системой.

Переводъ, въ прозѣ и въ стихахъ, очень хорошъ и, надо думать, вѣренъ (мы не дѣлали сличеній съ подлинникомъ). Сдѣлаемъ два замѣчанія. Напрасно переводчикъ превратилъ одного извѣстнаго нѣмецкаго писателя романтической школы, князя Пюклера-Мускау, въ англичанина или американца Пёклера Мёскау (стр. 262). Напрасно также въ словѣ „судно" онъ систематически дѣлаетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Книга напечатана книгоиздательствомъ „Скорпіонъ". Странный титулъ книгоиздательства уже обращалъ на себя вниманіе печати; надо удивляться, что издателямъ могла нравиться такая безвкусица. Остается необъясненнымъ: какой это „Скорпіонъ" — созвѣздіе, или гадъ? — Т.

— П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть третья. Національизмъ и общественное мнѣніе. Выпускъ первый. Изданіе редакціи журнала „Міръ Божій". Спб. 1901.

Книга г. Милюкова, продолженіе которой мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ въ этомъ первомъ выпускѣ третьей части, есть безспорно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій нашей исторической литературы за послѣднее время. Отличительной чертой этой литературы давно уже стала чрезвычайная спеціализація—масса изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, изслѣдованій несомнѣнно цѣнныхъ и необходимыхъ, но все больше указывавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость обобщенія, которое съ одной стороны давало бы возможность ввести эти частности въ научное обращеніе, какъ выработанный результатъ, а съ другой могло бы указывать тѣ пробѣлы, какіе остаются еще въ нашемъ историческомъ знаніи для постройки цѣлаго.

Обобщеніе,—связанное и съ новыми изслѣдованіями,—въ трудѣ г. Милюкова имѣетъ ту особенную цѣнность, что предпринято съ новой точки зрѣнія, еще мало примѣненной въ нашей исторіографіи. А именно, авторъ ставитъ основой изслѣдованія вопросъ культуры, въ широкомъ смыслѣ слова, именно прежде всего стихійные или полусознательные историческіе процессы, какими совершается созданіе народа и національности. Въ настоящей части своего труда авторъ разсматриваетъ развитіе и различныя отношенія національизма и об-

щественнаго мнѣнія (языкъ, племя, общественныя формы, возникновеніе общественной критики). Пользуясь, весьма самостоятельно, новѣйшими изслѣдованіями о развитіи національности и общественности, г. Милюковъ разъясняетъ значеніе „національнаго самосознанія", которое нерѣдко понималось самими нашими историками очень односторонно и даже превратно. Авторъ именно указываетъ, что народное, общественное самосознаніе вовсе не есть опредѣленный, данный разъ, фактъ, а напротивъ—само оно есть явленіе историческое, „подлежащее закономѣрному объясненію". „Передъ историческимъ трибуналомъ „общественное самосознаніе" не можетъ фигурировать не только въ роли судьи или адвоката, но даже и въ роли простого свидѣтеля, призваннаго констатировать факты: оно является скорѣе объектомъ разбирательства, и его дѣянія должны быть установлены, взвѣшены и оцѣнены при помощи данныхъ и пріемовъ, независимыхъ отъ его собственныхъ показаній. Эта точка зрѣнія діаметрально противоположна той, съ которой очень часто трактовалась исторія „народнаго самосознанія". Самый этотъ терминъ слишкомъ долго оставался монополіей создавшаго его міровоззрѣнія, по духу котораго всѣ вопросы національной жизни должны были рѣшаться простой справкой съ тѣмъ, что̀ говоритъ или какъ думаетъ объ этомъ „народное самосознаніе". Содержимое народнаго самосознанія, рѣшавшее, въ послѣдней инстанціи, важнѣйшіе вопросы народной жизни, считалось при этомъ не подлежащимъ анализу: оно было дано искони, отъ вѣка вложено въ сознававшій себя народъ. Предметомъ подобнаго „самосознанія" являлся, по необходимости, сложившійся въ прошломъ общественный типъ: и ссылка на „народное самосознаніе" получала смыслъ защиты этого традиціоннаго типа отъ всякихъ покушеній на его измѣненіе. Дѣйствительно, только таково—т.-е. анахронично и традиціонно—и могло быть содержимое „народнаго сознанія" въ періодъ отсутствія всякихъ цѣлесообразныхъ приспособленій для выработки общественной мысли. Въ народномъ сознаніи, по закону контраста, запечатлѣлось преимущественно то, что̀ составляло особенность, отличіе данной національности отъ сосѣднихъ, и этотъ *національзмъ* переносился изъ области внѣшней политики въ область внутренней. Однако, дальнѣйшія усовершенствованія въ процессѣ выработки общественной мысли должны были привести, рано или поздно, къ измѣненію содержанія „народнаго самосознанія". Изъ *національнаго* оно должно было сдѣлаться *общественнымъ*—въ смыслѣ бо̀льшаго вниманія къ внутренней политикѣ, лучшаго пониманія требованій современности въ этой области и болѣе активнаго отношенія къ этимъ требованіямъ".

Опредѣленію этихъ двухъ сторонъ народнаго сознанія посвящена

новая часть труда г. Милюкова. Въ теченіи исторіи совершается постепенное наростаніе этой общественной, критической, стороны народнаго сознанія и соотвѣтственное ослабленіе воззрѣнія націоналистическаго. Авторъ замѣчаетъ, что первоначально онъ думалъ изложить исторію этихъ двухъ процессовъ въ отдѣльности, но затѣмъ нашелъ, что отдѣльное изложеніе потребовало бы повтореній и оторвало бы явленія отъ ихъ естественной связи, и онъ рѣшилъ разсмотрѣть оба процесса параллельно, по тремъ хронологическимъ періодамъ ихъ развитія: развитіе націоналистическихъ идеаловъ въ „органическомъ", завоевательномъ періодѣ нашей исторіи; послѣднія побѣды націонализма и первые успѣхи общественной критики; наконецъ, развитіе общественнаго мнѣнія той эпохи, которую авторъ называетъ критическою. Между эпохой по преимуществу националистической и—критической находится промежуточный періодъ, который „довольно точно укладывается въ хронологическія рамки XVIII столѣтія, такъ характерно начинающагося реформами Петра и столь же характерно кончающагося завоеваніями Екатерины".

Таковъ планъ новаго отдѣла сочиненія г. Милюкова. Въ настоящемъ выпускѣ авторъ, послѣ общаго введенія о значеніи націонализма и общественности, начинаетъ историческимъ объясненіемъ націоналистическихъ понятій и стремленій эпохи московскаго царства, затѣмъ слѣдитъ ихъ развитіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ и возникновеніе критическихъ тенденцій.

Второй отдѣлъ настоящаго выпуска трактуетъ объ „оффиціальной побѣдѣ критическихъ элементовъ надъ націоналистическими". Это—эпоха Петра В., которую авторъ разсматриваетъ также съ точки зрѣнія развитія и борьбы соціальныхъ движеній. Въ основѣ, взглядъ автора тотъ же, какой намѣченъ былъ уже давно, въ его первой диссертаціи. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, является одностороннимъ; тѣмъ не менѣе изложеніе автора исполнено интереса... Въ началѣ книги, въ теоретическихъ разъясненіяхъ, авторъ отклоняетъ высказанные противъ него упреки въ наклонности къ экономическому матеріализму и въ недостаточной оцѣнкѣ субъективнаго элемента въ историческомъ развитіи; но взглядъ его на Петра В. способенъ возобновить эти упреки. Мы надѣемся возвратиться къ этому вопросу, когда авторомъ закончено будетъ изслѣдованіе о XVIII-мъ вѣкѣ.

Между прочимъ, упоминая о книгѣ Валишевскаго, г. Милюковъ замѣчаетъ, что этотъ писатель „удачно популяризируетъ и обставляетъ фактическими доказательствами тотъ взглядъ на Петра В., который начинаетъ въ послѣднее время устанавливаться въ русской литературѣ". Въ этомъ послѣднемъ мы еще сомнѣваемся. — А. П.

— Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи. А. Н. Гилярова, проф. Кіевскаго Университета. М. 901.

Авторъ задался цѣлью очертить религіозныя, нравственныя и мистическія теченія во Франціи конца прошлаго вѣка по ея крупнѣйшимъ литературнымъ произведеніямъ—и исполнилъ свою задачу съ блескомъ и глубиною мысли. Болѣзненное настроеніе французскаго общества, въ которомъ частью упразднены, а частью сильно расшатаны завѣты великихъ представителей XVIII вѣка,—особенно рѣзко отражаются на современной французской литературѣ, заставляя авторовъ,—желающихъ творить *внѣ* нравственнаго и политическаго идеала,—сводить духовныя явленія человѣческой природы исключительно къ животной сторонѣ, какъ къ первоисточнику,—и искать забвенія въ туманныхъ формахъ, изысканныхъ и иногда чудовищныхъ, прикрывающихъ нерѣдко полное отсутствіе содержанія. Превосходно группируя тревожные признаки этого настроенія, подмѣченные еще Тэномъ и Ренаномъ, г. Гиляровъ рисуетъ, по подлиннымъ „документамъ“, развившуюся на почвѣ этихъ признаковъ духовную болѣзнь, внѣдряющуюся во французское общество и заставляющую наиболѣе впечатлительныхъ его членовъ искать выхода въ такихъ ненормальныхъ явленіяхъ, какъ проповѣдь торжествующаго эгоизма, оккультизмъ, крайности символизма и т. п. Масса ссылокъ и цитатъ, переведенныхъ съ большимъ искусствомъ, придаетъ всей картинѣ очень жизненный характеръ. Въ концѣ книги авторъ, извѣрившись, по приведеннымъ имъ примѣрамъ, во всеисцѣляющей силѣ *ума*, взываетъ къ *чувству* и ждетъ отъ него религіозно-нравственнаго возрожденія французскаго общества. Съ этою частью книги трудно согласиться безусловно, такъ какъ на литературу дѣйствуютъ не одни духовные факторы, но и экономически-соціальныя условія общественной жизни, которыхъ она иногда служитъ безсознательнымъ выразителемъ. Издана книга профессора Гилярова очень изящно и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ.

— Идеи и принципы судебнаго дѣятеля. Этюдъ изъ области судебной этики. Е. М. Баранцевича.

Подъ этимъ громкимъ заглавіемъ изданъ, съ массою цитатъ, стиховъ и экскурсій въ область философіи, довольно пестрый панегирикъ, посвященный памяти умершаго судебнаго дѣятеля, Ѳ. П. Ивкова. Покойный былъ почтеннымъ, трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ судьею —и главное его достоинство конечно, состояло въ спокойномъ, твердомъ и уравновѣшенномъ служеніи дѣлу правосудія, безъ шума и

треска, въ молчаливомъ сознаніи исполняемаго общественнаго долга. Приподнятый и восторженный тонъ книжки г. Баранцевича, дѣлающій героя и идеальнаго гражданина изъ человѣка, подобныхъ которому было не мало въ рядахъ первыхъ работниковъ русскаго обновленнаго суда, производитъ тягостное впечатлѣніе и оказываетъ Ѳ. П. Ивкову въ своемъ родѣ двусмысленную услугу. Невольно вспоминается извѣстная испанская пословица: „избави, Боже, отъ друзей, а съ врагами мы и сами справимся", когда приходится, напримѣръ, въ главѣ: „*Могъ ли Ѳ. П. благотворно вліять на людей*",—читать такую его характеристику: „правиломъ жизни Ѳ. П. было сохраненіе молчанія. Говорилъ онъ только самое необходимое, выражаясь въ немногихъ словахъ. Въ случаяхъ, когда онъ пускался въ разсужденія, онъ избѣгалъ обычныхъ разговоровъ, не говоря о людяхъ, чтобы ихъ не бранить, не хвалить и не сравнивать между собою. Находясь среди чужихъ, онъ болѣе молчалъ, а въ извѣстномъ ему кругу направлялъ всегда разговоры на приличные его возрасту, образованію и положенію предметы. Онъ избѣгалъ пировъ, празднествъ и собраній, особенно людей невѣжественныхъ, но всегда посѣщалъ бесѣды сослуживцевъ, дни чествованія людей, чтимыхъ обѣдами и проводами при выходѣ въ отставку или переводѣ на иныя служенія, и часто даже былъ иниціаторомъ подобныхъ собраній и чествованій. Христіанскія поминовенія усопшаго и отданіе послѣдняго долга покойному всегда и во всѣхъ случаяхъ непреклонно почитались Ѳ. П. Театръ онъ не посѣщалъ часто, но когда ему приходилось бывать въ немъ,—не проявлялъ личнаго участія къ актерамъ и не высказывался рѣзко противъ игры актеровъ, воздерживаясь отъ выраженія одобренія, и не волновался, не удивлялся особенно видѣнному зрѣлищу, ибо лишнее удивленіе вовсе не нужно для духовнаго совершенствованія"... Авторъ—горячій поклонникъ судебныхъ уставовъ, но это его симпатичное направленіе, къ сожалѣнію, умаляется въ цѣнѣ, когда приходится видѣть, какихъ безцвѣтныхъ поводовъ достаточно, чтобы привести его въ восторженное состояніе.—И.

Въ теченіе сентября мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аваловъ, З.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Арнгеймъ, А.—Краткій очеркъ математической географіи. Изд. 8-е, безъ измѣненій. Спб. 901. Ц. 50 к.

Балобанова, Е.—Библіотечное дѣло. Спб. 901. Ц. 40 к.

Бошнякъ, Е. И., перев. съ англ.—Какъ написать повѣсть. Практическое руководство къ искусству беллетристики. М. 901. Ц. 2 р.

Васюковъ, С.—„Скорпіоны". Современные дѣятели московской прессы. М. 901. Ц. 50 к.

Введенскій, Н. Е., проф.—Возбужденіе, торможеніе и наркозъ. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Вересаевъ, В.—Записки врача. Спб. 901. Ц. 1 р. 25 к.

Вернеръ, К. А.—Сельско-хозяйственная экономія. М. 901. Ц. 2 р. 60 к.

Видеманъ, К. И.—Банковая бухгалтерія. Вып. 3. Стр. 901.

Вольногорскій, П.—Растенія—друзья человѣка. Очерки и картины изъ жизни разводимыхъ растеній земного шара и ихъ отношеній къ человѣку. Вып. 1: Пищевые злаки. Вып. 2: Овощи. Вып. 3: Пальмы. Вып. 4: Плодовыя растенія. Вып. 5: Техническія растенія. Вып. 6: Наркотическія растенія. М. 901. Изд. Н. Тихомирова. Ц. 60 к., 50 к., 40 к., 30 к., 55 к., 40 к.

Вороновъ, Н. Г.—Элементы исторіи. М. 901. Ц. 50 к.

Галицкій, Н. И.—На берегахъ Невы. Спб. 901. Ц. 80 к.

Гецъ, Ф.—Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу. М. 901. Ц. 30 к.

Горбуновъ, Ив. Ѳед.—Сочиненія. Подъ редакціею и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. Съ портретомъ-геліогравюрой И. Ѳ. Г. и одною изъ его типическихъ сценъ. Т. I и II. Спб. 901. Ц. 4 р.

Грабина, А. Т.—Сережа Мотыльковъ. Опытъ біографіи пшюта. Комич. этюдъ-фельетонъ. Спб. 901. Ц. 75 к.

Гротъ, К. Я.—Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуковскаго. Спб. 901.

Долгоруковъ, В. А.—Путеводитель по всей Сибири и Средне азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Изд. 6-ое. Томскъ, 902.

Донхинъ, Максъ.—Моисей, историч. драма въ 5 д. Харьк. 901. Ц. 25 к.

Ергольскій, В. И.—Пятнадцатилѣтіе Бурашевской колоніи для душ. больныхъ Тверского губернскаго земства (1884—1899 гг.). Тверь, 901.

Зеленинъ, Д.—Международный языкъ науки и культурныхъ сношеній. М. 901. Ц. 25 к.

Ивановъ, А. А.—Николаевская Главная астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Спб. 901. Ц. 50 к.

Канторовичъ, Я. А.—Законы о состояніяхъ. П. р. Л. А. Плющевскаго-Плющика. Спб. 901. Ц. 4 р.

Карѣевъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Т. IV. Первая треть XIX вѣка: Консульство, Имперія и Реставрація. Изд. 2. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 коп.

Котъ-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и разсказы. Т. II. Изд. 3-е. Спб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Лебедевъ, А. И.—Дѣтская и народная литература. Опытъ руководства для систематическаго чтенія. Вып. 1: Книги для дѣтей младш. и средн. возраста (рекомендовано 556 кн. и брошюръ). Н.-Новг. 901. Ц. 40 к.

Левинсонъ-Лессингъ, Ф., проф.—Женщины-геологи. Спб. 901. Ц. 30 к.

Луговой, А.—Сочиненія. Т. V: Тенета. Ром. въ 3 ч. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Любомудровъ, С.—Античные мотивы въ поэзіи Пушкина. Изд. 2. Спб. 901.

Махъ, Эрн.—Научно-популярные очерки. Вып. II: Этюды по естествознанію. Съ нѣм. А. А. Мейеръ, п. р. П. Энгельмейера. М. 901. Ц. 1 р. 20 к.

Пастуховъ, А.—Дружокъ. Азбука и первая послѣ азбуки книга для русскаго и церковно-славянскаго чтенія съ письменными и ариѳметическими упражненіями. 125 рисун. и картинъ. М. 901. Ц. 27 к.

Попова, О. Н.—Родной міръ. Книга для чтенія въ сельской школѣ. Годъ первый. Спб. 901. Ц. 25 к.

Ровинскій, П.—Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Т. II, ч. 2. Спб. 901.

Семеновъ, Е.—Больное мѣсто. Ирк. 901. Ц. 5 к.

Сидней и *Б. Веббъ*.—Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. Т. II. Перев. съ англ. Влад. Ильина.—Спб. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Сильницкій, А.—Культурное вліяніе Уссурійской желѣзной дороги на южно-Уссурійскій край. Съ 2 табл. и картой. Хабаровскъ, 901.

Старостинъ.—Выбранное что̀ лучше. Спб. 901. Ц. 2 р.

Обручевъ, В. А., горн. инж.—Отчетъ о путешествіи въ 1892—94 гг. Центральная Азія, Сѣверный Китай и Нань-Шань. Т. II: Путевые дневники, касающіеся Центральной Монголіи, Джунгаріи и горныхъ системъ Бей-Шаня, восточнаго Тянь-Шаня, Нань-Шаня и Цзинь-Линъ-Шаня. Спб. 901.

Фагэ, Эм.—Девятнадцатый вѣкъ. Литературные этюды. Перев. съ франц. П. Кончаловскаго. М. 901. Ц. 2 р.

Харузинъ, Н.—Этнографія. Лекція, чит. въ Москов. Унив. Изд. посмертное. Вып. I: 1) Часть общая; 2) Матеріальная культура. Спб. 901. Ц. 1 р.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II, вып. X. 1877—1884. М. 901. Ц. 40 к.

Шапиро, А. М.—Гигіена воды и саратовскіе фильтры. Сарат. 901.

Шепелевичъ, Л.—Жизнь Сервантеса и его произведенія. Т. I. Харьк. 901. Ц. 2 р. 40 к.

Шереметевъ, гр., Павелъ.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова. 1883—1895 гг. Спб. 901.

Шляпошниковъ, М., д-ръ.—Четвертый всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Лондонѣ. Харьк. 901. Ц. 15 к.

— Геологическія изслѣдованія о золотоносныхъ областяхъ Сибири. Ленскій золотоносный районъ. Вып. 1-й, съ картой. Спб. 901.

— Журналы засѣданій Тверского очередного губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 1900 г. Тв. 901.

— Изъ залы суда. Дѣло дворянъ Безмѣновыхъ. Ставропольскій Окружный судъ и Тифлисская Судебная палата. Спб. 901. Ц. 20 к.

— Отчетъ Одесской городской управы по народному образованію. Од. 901.

— Популярно-научная Библіотека А. О. Маноцковой: № 4. Наука о здоровьѣ, д-ра Штерлинга. № 5. Общая Ботаника. Л. Жерардена. № 6. Наука о погодѣ, или основы метеорологіи, Ф. Піотровскаго. М. 901. Ц. 80 к., 1 р., 70 к.

— Протоколы Новоторжскаго уѣзднаго земскаго собранія очередного засѣданія 1900 г. Тверь. 901.

ПО ПОВОДУ СОБРАНІЯ СТАТЕЙ И. Е. РѢПИНА.

— **Воспоминанія, статьи и письма изъ-за границы И. Е. Рѣпина. Подъ редакціей Н. Б. Сѣверовой. Спб., 1901 г.**

„Самый большой вредъ нашихъ доктринъ объ искусствѣ происходитъ оттого, что о немъ пишутъ и внушаютъ всегда литераторы и все съ точки зрѣнія литературы“—такъ, между прочимъ, выразился нашъ маститый художникъ И. Е. Рѣпинъ въ своемъ очеркѣ о другомъ выдающемся собратѣ и отчасти учителѣ по живописи, Николаѣ Николаевичѣ Ге. Этотъ очеркъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими статьями и воспоминаніями, вошелъ въ составъ сборника, гдѣ, такимъ образомъ, высказывается объ искусствѣ не „литераторъ“ и не съ точки зрѣнія „литературы“, а крупный, первоклассный художникъ, одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ и выдающихся, не только у насъ, но пожалуй что и европейскихъ знаменитостей, словомъ — Рѣпинъ. Такъ какъ статьи эти уже были раньше напечатаны въ разныхъ современныхъ изданіяхъ и въ свое время вызывали толки и сужденія въ печати и въ обществѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ спеціально полемическій характеръ, то мы не имѣемъ въ виду здѣсь подробно ихъ разбирать: интересъ настоящаго изданія—въ томъ, что статьи, написанныя въ разное время, а иногда по случайнымъ обстоятельствамъ, теперь могутъ быть прочитаны подрядъ; благодаря этому, рельефнѣе выступаетъ эволюція теоретическихъ взглядовъ на искусство автора, значеніе котораго, какъ художника, служитъ, конечно, первымъ и главнымъ основаніемъ къ интересу, возбуждаемому его статьями. И вопросъ—не въ абсолютной вѣрности того или другого высказаннаго имъ мнѣнія, которыя авторъ перемѣнялъ въ зависимости отъ измѣненія собственнаго кругозора и внутренней эволюціи, а именно въ ихъ относительномъ значеніи въ связи съ духовнымъ ростомъ художника. Сопоставимъ сперва нѣсколько мнѣній, высказанныхъ авторомъ въ разные періоды его жизни по основнымъ вопросамъ—о подражаніи и самостоятельномъ творчествѣ, объ искусствѣ своемъ, т.-е. національномъ, „самородномъ“, и отношеніи художника къ „чужому“, иностранному искусству, наконецъ, о взаимоотношеніи пластическихъ искусствъ и литературы—и о принципѣ самодовлѣющаго, чистаго искусства, которому, повидимому, авторъ особенно сталъ склоненъ сочувствовать въ послѣдній періодъ своей дѣятельности.

Въ раннемъ возрастѣ авторъ, какъ это легко понятно, не мино-

валъ попытокъ подражанія чужому творчеству, но встрѣтилъ рѣзкій отпоръ со стороны своего учителя, И. Н. Крамского. Разсказъ И. Е. Рѣпина весьма характеренъ: онъ работалъ надъ темою, заданной академіею художествъ,—„Потопъ“, причемъ, какъ самъ въ этомъ сознается, „безсознательно для себя былъ тогда подъ сильнымъ впечатлѣніемъ „Помпеи“ Брюллова“. „Мой эскизъ,—пишетъ И. Е.,—выходилъ явнымъ подражаніемъ этой картины, но я этого не замѣчалъ... Я уже съ тайнымъ волненіемъ думалъ, что произвелъ нѣчто небывалое; что-то онъ (т.-е. Крамской) скажетъ теперь? Онъ меня уже порядочно избаловалъ похвалами“. Но на сей разъ ожиданія ученика не сбылись: учитель жестоко разбранилъ его за рабское подражаніе картинѣ Брюллова: „Вѣдь это (т.-е. представленный эскизъ „Потопа“) не производитъ никакого впечатлѣнія, несмотря на всѣ эти громы, молніи и прочіе ужасы. Все это составлено изъ видѣнныхъ вами картинъ, изъ общихъ избитыхъ мѣстъ“ (слѣдуютъ точныя указанія заимствованія). Ученикъ, выслушавъ отповѣдь учителя, поникъ головой: „сначала я былъ убитъ, уничтоженъ, — пишетъ онъ, — но мало-по-малу новый взглядъ на композицію и совсѣмъ другой способъ воспроизведенія очень меня поразилъ, и мнѣ захотѣлось поскорѣй попробовать что-нибудь начать по новому, изъ воображенія“ (стр. 32). Надо думать, что какъ ни непріятно было молодому художнику выслушать суровый приговоръ своему произведенію, онъ впослѣдствіи сохранилъ благодарную память человѣку, который имѣлъ мужество не пощадить его, когда онъ видѣлъ, что талантливый юноша сбивается на ложный путь; безъ этого предостереженія врядъ ли бы художникъ такъ скоро сталъ самимъ собой. Впослѣдствіи, отчасти, быть можетъ, подъ впечатлѣніемъ словъ учителя, запавшихъ ему въ душу, отчасти въ связи съ собственнымъ развитіемъ, авторъ возвелъ,—и, конечно, вполнѣ правильно,—въ принципъ художественной оцѣнки независимость пріемовъ творчества. „Подражатели,—писалъ И. Е. Рѣпинъ въ 1893 году, по отъѣздѣ изъ Мюнхена („Письма Художника“, 146),—во мнѣ всегда возбуждаютъ жалость и брезгливое чувство, а послѣдователи всегда опошляютъ свою вѣру“. И въ другомъ мѣстѣ: „Несмотря на все мое обожаніе искусства великихъ мастеровъ Греціи, Италіи и всѣхъ другихъ, я убѣжденъ, что увлеченіе ими художника до подражанія—губительно. Какъ бы ни былъ очарователенъ художникъ старой школы отжившаго времени,—надобно поскорѣй отдѣлаться отъ его вліянія и оставаться самимъ собою, уничтожать въ своихъ начинаніяхъ безпощадно всякое малѣйшее сходство съ нимъ и стремиться только къ своимъ собственнымъ идеаламъ и вкусамъ, каковы бы они ни были“. Далѣе слѣдуетъ оговорка, которая можетъ вызвать возраженія: „увлеченіе новыми художниками не такъ опасно; оно можетъ совпадать съ

личными симпатіями таланта и открывать ему дорогу къ новымъ откровеніямъ неисчерпаемаго и вѣчно новаго искусства" (стр. 135).

Въ области литературы, по крайней мѣрѣ, принято было думать иначе: именно менѣе опасно увлеченіе произведеніями стариннаго искусства, такъ какъ подражаніе имъ требуетъ самодѣятельности и способствуетъ проясненію собственнаго міросозерцанія. На этомъ принципѣ выросъ ново-европейскій классицизмъ, и хотя въ немъ былъ и элементъ подражанія въ болѣе низменномъ, предосудительномъ смыслѣ, который выразился въ лже-классицизмѣ, тѣмъ не менѣе—стремленіе понять и усвоить себѣ принципы стараго искусства, выдѣлить въ нихъ элементы вѣчнаго, устойчиваго во всѣ времена и эпохи и, подражая стариннымъ мастерамъ, сравняться съ ними—это принципъ, который не послужилъ тормазомъ развитія самостоятельнаго или „новаго искусства"; неоклассики остались и въ своихъ подражательныхъ произведеніяхъ людьми „новыми", думавшими и чувствовавшими самостоятельно, оригинальными въ своемъ стремленіи возсоздать или обновить формы былого, но вѣковѣчнаго искусства. Между тѣмъ подражаніе новымъ художникамъ болѣе опасно потому, во-первыхъ, что оно легче; оно не требуетъ особаго напряженія, не требуетъ изученія, не содѣйствуетъ объективированію своего „я", а способствуетъ тому лишь, чтобы плыть по теченію. Совпаденіе „съ личными симпатіями таланта" можетъ вызвать совмѣстную групповую работу, какъ это бываетъ при возникновеніи новой школы, и тогда, конечно, есть взаимное вліяніе членовъ даннаго кружка одного на другого; но когда направленіе опредѣлилось и піонеры движенія выработали новую форму, то подражаніе ей губительно отзывается на неофитахъ: они именно, какъ выразился и г. Рѣпинъ, способны возбуждать жалость и даже брезгливое чувство, идя по проторенной дорожкѣ. И въ этомъ насъ не разубѣждаетъ нѣсколько неожиданная защита подражанія, высказанная тѣмъ же авторомъ немного позже (въ 1897 г.—„Въ защиту новой академіи художествъ", стр. 230): „а вѣдь вы напрасно такъ ужъ боитесь подражанія. Подражаніе въ искусствѣ еще не такое большое преступленіе, какъ кажется пуристамъ самобытнаго творчества. Развѣ самостоятельное творчество доступно всякому? Вѣдь это свойство только исключительныхъ геніальныхъ натуръ", и т. д., и т. д. Общее заключеніе таково: „Человѣкъ есть стиль"—напоминаетъ авторъ слова Бюффона.— „Большой талантъ, внося часть самого себя въ свое созданіе, создаетъ этимъ новый стиль, которому начинаютъ подражать художники, питающіеся въ сферѣ искусства исключительно отъ образцовъ. Они ихъ любятъ больше природы и самихъ себя и не могутъ не подражать, потому что не могутъ самостоятельно творить" (стр. 231).

Конечно, такое объясненіе или оправданіе подражанія равносильно

приговору, но оно и вызываетъ въ насъ недоумѣніе—зачѣмъ же авторъ, наперекоръ тому, что̀ онъ раньше высказывалъ, выступаетъ теперь какъ бы на защиту подражанія? Кому нужны такія произведенія — показатель безсилія самостоятельнаго творчества? Развѣ это искусство? Это—простой дилеттантизмъ, и, при оцѣнкѣ его значенія, нельзя не вспомнить мѣткихъ замѣчаній настоящаго художника о созданномъ имъ типѣ художника-дилеттанта. „У Вронскаго,—писалъ гр. Л. Н. Толстой въ „Аннѣ Карениной",—была способность понимать искусство и вѣрно, со вкусомъ, подражать искусству, и онъ подумалъ, что у него есть то самое, что̀ нужно для художника". Однако, онъ ошибся, ибо онъ не могъ себѣ представить того, чтобы можно было вовсе не знать, какіе есть роды живописи, и вдохновляться непосредственно тѣмъ, что̀ есть въ душѣ, не заботясь, будетъ ли то, что̀ онъ напишетъ, принадлежать къ какому-нибудь извѣстному роду. Такъ какъ онъ не зналъ этого и вдохновлялся не непосредственно жизнью, а посредственно жизнью, уже воплощенною искусствомъ, то онъ вдохновлялся очень быстро и легко и такъ же быстро и легко достигалъ того, что то, что̀ онъ писалъ, было очень похоже на тотъ родъ, которому онъ хотѣлъ подражать". Вронскій могъ стать умѣлымъ критикомъ, такъ какъ онъ обладалъ способностью понимать искусство, но, очевидно, въ немъ не было закваски настоящаго художника. Въ искусствѣ онъ былъ именно лишь дилеттантомъ. Заслуживаютъ ли поощренія подобныя явленія? Мнѣ кажется, что когда представляется выборъ между выработкой дѣйствительнаго таланта или образованіемъ дилеттанта, нѣтъ мѣста колебаніямъ: должно всякому внушать, что художнику обязательно прежде всего вдохновляться непосредственно тѣмъ, „что̀ есть въ душѣ", и не сбивать его призрачной занятливостью умѣнья, подражая другимъ, писать въ разныхъ родахъ. Тотъ, кто любитъ чужія произведенія „больше природы" и „больше самого себя", можетъ удовольствоваться ихъ копированіемъ. Хорошо выполненная копія не внушаетъ ни жалости, ни брезгливаго чувства. Мы невольно вспоминаемъ вышеприведенное предостереженіе Крамского, которому въ свое время внялъ И. Е. Рѣпинъ, и думаемъ, что принципъ Крамского является во всякомъ случаѣ болѣе плодотворнымъ даже въ воспитательномъ отношеніи, а изученіе чужого искусства и даже увлеченіе имъ отнюдь не связано съ подражательностью, которая, какъ признаетъ это и Рѣпинъ, есть низшая способность, показатель неумѣнья вдохновляться непосредственно жизнью. Нѣсколько позже И. Е. Рѣпинъ понялъ, какъ опасно слишкомъ возвеличивать дилеттантизмъ, и правильно возсталъ противъ него въ послѣдней статьѣ разсматриваемаго сборника („По адресу Міра Искусствъ").

Отъ вопроса о подражаніи переходимъ къ вопросу школы. Въ

томъ же очеркѣ о Крамскомъ, вспоминая протестъ будущихъ передвижниковъ, при старомъ режимѣ академіи 60-хъ годовъ, авторъ замѣчаетъ: „Профессора расхохотались бы, еслибы кто-нибудь сказалъ имъ въ то время, что этотъ протестъ молодыхъ людей имѣлъ глубокое національное основаніе, что художники инстинктивно чувствовали въ себѣ уже представителей земли русской отъ искусства. Да даже и практически это было такъ. Ихъ выдѣлилъ изъ своей среды русскій народъ, какъ художниковъ, и ждалъ отъ нихъ понятнаго ему, родного искусства. Западное ему всегда было чуждо. И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нужна особая подготовка, особое воспитаніе, чтобы понимать искусство другой народности" (18). Послѣднее замѣчаніе вполнѣ правильно. Но такой подготовкой, такимъ воспитаніемъ обладали наши художники, какъ Брюлловъ, какъ Бруни, Нефъ и мн. др.—наполовину сами иностранцы. На нихъ, однако, школа оказывала порабощающее вліяніе. Отъ этого надо было освободиться, и не потому, чтобы „западное всегда было чуждо" русскому образованному человѣку (припомнимъ хотя бы слова Достоевскаго: „у насъ, русскихъ—двѣ родины: наша Русь и Европа"... „Русскому Европа такъ же драгоцѣнна, какъ Россія"), а потому что окружающая дѣйствительность, служа источникомъ непосредственнаго вдохновенія, должна найти себѣ выраженіе въ искусствѣ; что этого не происходитъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда школа заслоняетъ эту дѣйствительность условнымъ и неправильнымъ ограниченіемъ района художественнаго воспріятія; что создались ложныя рамки, губительные предразсудки, фальшивыя теоріи, съ которыми нужно было всячески порвать, и въ этомъ, конечно, немаловажная заслуга тѣхъ шестидесятниковъ, блестящимъ преемникомъ которыхъ выступилъ и г. Рѣпинъ. Великое дѣло—связать искусство съ жизнью, дать вдохновенію просторъ, но въ то же время пріурочить его къ запросамъ дѣйствительности, не давая ему всецѣло отвлечься въ область отдаленной мечты. И хотя бы поэзія, и, вообще, міръ художественныхъ эмоцій—составляли особый міръ, мыслимый и внѣ вопросовъ прикладной дѣятельности, часто даже противоположный будничнымъ интересамъ „прозы жизни", онъ можетъ и даже долженъ быть поставленъ въ связь съ положительными устоями реальной жизни, обличая дисгармонію дѣйствительности въ возсозданіи положительныхъ и отрицательныхъ ея сторонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аристотелевское опредѣленіе искусства, какъ „подражанія природѣ", которое и г. Рѣпинъ называетъ „однимъ изъ незыблемыхъ принциповъ искусства" (231), имѣетъ, конечно, лишь условное значеніе. Коррективомъ ему служитъ болѣе широкое толкованіе красоты, какъ воплощенной идеи, у нео-платониковъ. Аристотелевскій реализмъ односторонενъ. Но и идеалистическое искусство не можетъ быть основано

на отрицаніи одной дѣйствительности и признаніи другой потому лишь, что она вошла въ обиходъ художественныхъ традицій. Г. Рѣпинъ напоминаетъ, что у старыхъ профессоровъ академіи—„природа настоящая, прекрасная природа, признавалась только въ Италіи и преподносилась ученикамъ въ пейзажахъ Н. Пуссена. Въ Италіи же были и вѣчно недосягаемые образцы высочайшаго искусства. Профессора все это видѣли, изучали, знали, и учениковъ своихъ вели къ той же цѣли художника, къ тѣмъ же неувядаемымъ идеаламъ" (16).

И вотъ противъ этого и возстала группа художниковъ, съ Крамскимъ во главѣ,—піонеровъ новаго русскаго искусства. Старые боги были временно повержены въ прахъ во имя живой, непосредственной правды. Конечно, если ошибочно—до смѣшного для насъ—положеніе, что „настоящая природа только въ Италіи" и т. п., то и реформаторы не избѣгли другихъ крайностей, отвернувшись отъ „вѣчно-недосягаемыхъ образцовъ", съузивъ въ другомъ направленіи область національнаго искусства и прибѣгнувъ къ доводу—будто „русскому человѣку—западное всегда было чуждо". Доводъ ошибоченъ, но эта ошибочность была исторической необходимостью въ данную пору. Мы можемъ, и не перестаемъ желать, чтобы всякая эволюція человѣческой мысли совершалась безъ рѣзкихъ скачковъ, безъ низверженія однихъ боговъ, съ неизмѣнной замѣной ихъ вскорѣ другими,—однако, жизнь не отвѣчаетъ нашимъ желаніямъ, и въ данномъ случаѣ повторилась та же прерывистость движенія, тѣ же „низверженія" и „возстановленія"... И все это было пережито нашимъ художникомъ, и отрицаніе прошлаго искусства, и возвеличеніе національныхъ сюжетовъ, и, наконецъ, признаніе своего искусства „варварскимъ", и вновь поклоненіе вѣковѣчнымъ образцамъ, и вновь исканіе чего-то новаго... Всѣ эти колебанія весьма типичны и поучительны, но мы вернемся къ положенію автора, выставленному нами въ заголовкѣ этой замѣтки, въ связи съ кореннымъ вопросомъ, выдвинутымъ И. Е. Рѣпинымъ — нужно ли и возможно ли настаивать на полномъ разобщеніи пластическихъ искусствъ и литературы, т.-е., вообще, на разобщеніи или дифференціаціи проявленій духовной дѣятельности человѣка?

Разумѣется, вопросъ не въ размежеваніи установленныхъ еще Лессингомъ, такъ сказать, матеріальныхъ границъ между живописью и поэзіей, въ зависимости отъ средствъ выраженія. Знаменитыя страницы „Лаокоона" должны быть у всѣхъ въ памяти. За послѣднее время сравнительно новымъ является лишь то значеніе, которое стали придавать нашимъ воспринимательнымъ способностямъ и ставить въ зависимость отъ нихъ особыя эмоціи, вызываемыя тѣмъ или другимъ произведеніемъ искусства въ разныхъ его отрасляхъ. И. Е. Рѣпинъ особенно настаиваетъ на такой дифференціаціи, и въ этомъ пожалуй

своего рода знаменіе времени. Направленіе шестидесятниковъ, которое дало намъ въ результатѣ школу передвижниковъ, уступаетъ мѣсто другому теченію, которое является реакціей противъ крайностей прежней школы, т.-е. въ особенности утилитаризма или, вообще, подчиненности искусства „злобамъ дня". И. Е. Рѣпинъ самъ отдалъ широкую дань этому направленію, но въ результатѣ—было ли это ко вреду его искусства? Намъ кажется, что его собственное творчество не только ничуть не пострадало отъ того, что онъ выказалъ отзывчивость на разные вопросы времени, но именно благодаря этой отзывчивости онъ пріобрѣлъ историческую роль, является соучастникомъ умственнаго движенія весьма знаменательной поры духовнаго возрожденія русскаго общества. И вотъ каковы были завѣты его учителя, которымъ онъ послѣдовалъ въ первый, блестящій періодъ своей дѣятельности и воспроизвелъ въ воспоминаніяхъ о Крамскомъ: „Не въ этомъ еще дѣло,—говорилъ Крамской своему ученику,—чтобы написать ту или другую сцену изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни. Она будетъ простой фотографіей съ натуры, этюдомъ, если не будетъ освѣщена философскимъ міровоззрѣніемъ автора и не будетъ носить глубокаго смысла жизни, въ какой бы формѣ это ни проявилось... Рафаэль вовсе не тѣмъ великъ, что писалъ лучше всѣхъ; кто былъ за границей—говорятъ, что многія вещи Караваджіо выше неизмѣримо, по формѣ, Рафаэля; но Рафаэля картины освѣщаются высшимъ проявленіемъ духовной жизни человѣка, божественными идеями. Въ Сикстинской Мадоннѣ онъ выразилъ, наконецъ, идеалъ всего католическаго міра. Оттого-то и слава его разошлась на весь міръ. Да, міръ вѣренъ себѣ; онъ благоговѣетъ только передъ вѣчными идеями человѣчества, не забываетъ ихъ и интересуется глубоко только ими" (38—39). И въ то же время Крамской настаивалъ и на необходимости общаго образованія для художника, и на томъ, чтобы освободиться отъ „рабства западнаго искусства", и на самодѣятельности національнаго искусства,—стало быть, на самостоятельности пріемовъ творчества, непосредственномъ переживаніи своихъ сюжетовъ художникомъ, на выработкѣ оригинальной техники.

Рѣпинъ, какъ извѣстно, во всемъ этомъ произвелъ цѣлый переворотъ въ искусствѣ живописи. Онъ выполнилъ завѣты учителя, но, виртуозъ формы, онъ сталъ со временемъ придавать ей все большее значеніе, и въ 90-хъ годахъ „кается", что его интересуетъ только одно чистое искусство, искусство для искусства. „Никакія благія намѣренія автора,—писалъ Рѣпинъ въ 1893 г.,—не остановятъ меня передъ плохимъ холстомъ. Въ моихъ глазахъ онъ тѣмъ противнѣй, что взялся не за свое дѣло и шарлатанитъ въ чуждой ему области, выѣзжаетъ на невѣжествѣ, въ этихъ случаяхъ, зрителей. И еще разъ каюсь: вся-

кій безполезный пустякъ, исполненный художественно, тонко-изящно, со страстью къ дѣлу—восхищаетъ меня до безконечности, и я не могу достаточно налюбоваться на него,—будь это ваза, домъ, колокольня, костелъ, ширма, портретъ, драма, идиллія. Конечно, чѣмъ выше задача, тѣмъ болѣе отвѣтственности автора, и благо угадавшему свои средства и средства своего искусства вообще"... (80). И въ другомъ мѣстѣ: „кто изъ истинныхъ любителей искусства не простаивалъ подолгу надъ художественными пустяками, не имѣющими серьезнаго значенія" (129). Слова нѣтъ,—одними благими намѣреніями шедёвры не создаются; справедливо и то, что могутъ быть „художественные пустяки", которые способны восхитить понимающаго любителя, но эпитетъ „художественный" уже самъ по себѣ выдѣляетъ значеніе такого рода „пустяка", ибо онъ заключаетъ въ себѣ большія и серьезныя требованія: художественность прежде всего предполагаетъ наличность мысли творящаго; безъ мысли нѣтъ художественности; даже въ орнаментѣ „безсмыслица" недопустима; и въ „пустякѣ",—въ вазѣ, колокольнѣ, ширмѣ и т. д.,—чтобы признать его художественнымъ, должна заключаться какая-нибудь мысль, выраженная въ образной формѣ, быть можетъ не передаваемая словами, но безъ нея данный эпитетъ не можетъ быть приданъ даже пустяку. Далѣе, идутъ вопросы объ оцѣнкѣ мысли, о соотвѣтствіи формы и содержанія, о настроеніи, о качествахъ техники, и пр. и пр., но всѣ эти вопросы, въ маломъ, какъ и въ великомъ, приводятъ насъ не къ обособленному разсмотрѣнію формы, а именно въ соотвѣтствіи ея съ духовнымъ придаткомъ, которымъ выдѣляется художественное произведеніе отъ простого предмета. Тутъ выступаетъ на сцену вопросъ о художественномъ воспріятіи и о спеціализаціи воспринимательныхъ ощущеній, также какъ и творческихъ. Рѣпинъ вполнѣ правильно выразилъ, такъ сказать, специфическія особенности живописи, по поводу Бёклина. Начавъ разсказывать содержаніе его картинъ, авторъ вдругъ останавливается: „и ничего не выходитъ изъ моего описанія; чувствую что это уже область живописи, незамѣнимая другимъ искусствомъ, имѣющая свое право на независимое существованіе,—это надо видѣть, чтобы воспринять" (121).

Конечно, живопись надо *видѣть*, музыку—*слышать*, поэзію—*ощущать*, иначе эти искусства ни къ чему; но должно ли ограничивать ихъ значеніе тѣми специфическими ощущеніями, которыя они въ насъ вызываютъ, обособленно отъ другихъ сторонъ нашего „я"? Аналогиченъ и вопросъ объ отношеніи формы и содержанія въ произведеніи искусствъ и различной оцѣнки замысла и выполненія. По этому поводу еще Вл. С. Соловьевъ вполнѣ правильно напоминалъ о частомъ и вполнѣ ошибочномъ смѣшеніи двухъ различныхъ критеріевъ, съ которыхъ надлежитъ судить о художественномъ произведеніи. Это крите-

ріи—„достойнаго, или идеальнаго бытія, и эстетическаго достоинства". „Понятно,—замѣчаетъ Вл. С.,—что въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ эти критеріи могутъ вовсе не совпадать и должны быть строго различаемы. Весьма слабая степень достойнаго или идеальнаго бытія можетъ быть въ высшей степени хорошо воплощена въ данномъ матеріалѣ, и точно также возможно крайне несовершенное выраженіе самыхъ высшихъ идеальныхъ моментовъ. Въ области искусства это различіе въ глаза бросается, и здѣсь два критерія—обще-идеальный и спеціально-эстетическій—могутъ смѣшиваться только умами совсѣмъ необразованными" [1]). И г. Рѣпину пришлось бороться именно съ проявленіями русской „необразованности", когда онъ совершенно вѣрно отстаивалъ положеніе, что однихъ благихъ намѣреній для художника недостаточно.

Люди, не обладающіе или не развившіе въ себѣ спеціальныя способности къ воспринятію и оцѣнкѣ той или другой формы искусства, склонны—либо увлекаться замысломъ и придавать ему исключительное значеніе, либо признавать однѣ привычныя, традиціонныя формы, не входя въ оцѣнку ихъ по существу, и въ силу этого зачастую отдавать предпочтеніе рутинѣ, ложному или подражательному искусству, передъ настоящимъ, но еще неусвоеннымъ, непонятымъ творчествомъ. „Только спеціалистъ или человѣкъ съ очень развитымъ вкусомъ предпочтетъ Венеру Милосскую (Побѣду) прекрасно отдѣланнымъ, сухимъ римскимъ статуямъ или сладкимъ шедёврамъ Кановы,—замѣчаетъ не безъ основанія И. Е. Рѣпинъ.—Кто кромѣ художника можетъ понять и оцѣнить великую пластику геніальныхъ обломковъ пареенонскаго фронтона? Съ этимъ нельзя не примиряться" (207). Однако, такъ какъ художники работаютъ не только для художниковъ но, между прочимъ, а пожалуй что и главнымъ образомъ, для человѣчества, въ широкомъ смыслѣ слова, то „примиряться" можетъ быть и не зачѣмъ, а надо заботиться, чтобы то, что̀ при современныхъ условіяхъ культуры является привилегіей немногихъ избранниковъ, стало по возможности общимъ достояніемъ. И, конечно, къ этому приведетъ съ теченіемъ времени болѣе равномѣрное распространеніе культуры, возведеніе всѣхъ на наивозможную степень сознательной и духовно свободной жизни. И вотъ тутъ-то представляется вопросъ, обусловившій поворотъ въ воззрѣніяхъ автора и его нѣсколько отрицательное отношеніе къ завѣтамъ своего учителя. „Крамской, однажды, еще въ концѣ 60-хъ годовъ, очень опечалилъ меня въ откровенной бесѣдѣ,—разсказываетъ г. Рѣпинъ.—Онъ былъ убѣжденъ тогда, что когда жизнь въ обществѣ людей подымется до возможнаго благосостоянія, искусству нечего будетъ дѣлать, оно прекратится... Мнѣ казалось, наоборотъ,—

---

[1]) См. „Вопросы Философіи и Психологіи", т. I. (1889 г.), стр. 15.

искусство только и начинается при возможно большомъ благосостояніи народовъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ было такъ на свѣтѣ" (182). Конечно, Крамской жестоко ошибался, если онъ ограничивалъ область искусства утилитарной ролью: онъ этимъ въ корнѣ подрывалъ его значеніе, какъ дѣятельности. Если можно до нѣкоторой степени допустить афоризмъ, что наука прекратится, когда люди овладѣютъ истиной, то нельзя измѣрять благосостояніемъ общества устойчивость искусства. Едва ли приведенныя слова Крамского не суть лишь мимолетная вспышка раздраженія, и придавать имъ серьезное значеніе было бы столь же ошибочно, какъ и обратному пресловутому тезису въ „Поэтѣ" Пушкина: „Подите прочь! Какое дѣло—поэту мирному до васъ"... и пр. Но дѣйствительно, „мораль", какъ выражается г. Рѣпинъ, господствовала у насъ одно время слишкомъ исключительно надъ принципомъ свободы художественнаго творчества, ко вреду послѣдняго. Однако, нужно ли изъ-за этого ударяться въ другую крайность?

Авторъ неоднократно жалуется на порабощеніе дѣятельности, которая по существу должна быть свободной: „Да, у насъ надъ всѣмъ господствуетъ мораль. Все подчинила себѣ эта старая добродѣтельная дѣва и ничего не признаетъ, кромѣ благодѣяній и публицистики" (182). „У насъ царитъ еще утилитаризмъ и литература въ живописи. Обязательными признаются только литературныя традиціи. Еще и теперь многіе, даже художники, защищаютъ тенденцію въ искусствѣ, принимая ее за завѣтъ литературы" (201). „Въ нашей критикѣ преобладаютъ, большею частью, государственныя и бюрократическія тенденціи. Всѣ онѣ обобщаются обязательнымъ требованіемъ утилитарности и морали" (235) и т. д. Вотъ противъ чего борется художникъ, и, отстаивая независимость художественной дѣятельности, онъ обобщаетъ все зло, причиненное, по его мнѣнію, чистому искусству,—въ одномъ понятіи: „порабощеніе литературой". „У насъ художникъ, не смѣетъ быть самимъ собой, не смѣетъ углубляться въ тайники искусства; не смѣетъ совершенствоваться до идеальной высоты пониманія формъ и гармоніи природы. Его, еще не окрѣпшаго, уже толкаютъ на дѣятельность публициста; его признаютъ только иллюстраторомъ либеральныхъ идей. Отъ него требуютъ литературы"... Между тѣмъ, дескать, на западѣ—„тамъ слово литераторъ въ кругу живописцевъ считается оскорбительнымъ; имъ клеймятъ художника, не понимающаго смысла формъ, красоты глубокихъ, интересныхъ сочетаній тоновъ. „Литераторъ"—это кличка пишущаго сенсаціонныя картины на гражданскіе мотивы" (181—182). Все это сказано по поводу Н. Н. Ге. Здѣсь неумѣстно подвергать провѣркѣ сужденія художника о своемъ собратѣ; достаточно принять къ свѣдѣнію, что авторъ избралъ для себя другой путь, чѣмъ тотъ, которымъ шелъ его

старшій сподвижникъ, что онъ во многомъ оцѣнилъ его заслуги, но принципіально разошелся съ нимъ въ пониманіи задачъ искусства. По отношенію же къ новѣйшимъ школамъ живописи авторъ—въ колеблющемся настроеніи: то хвалитъ, то порицаетъ; то предсказываетъ, что и это „нелѣпое, по своему названію, декадентство въ будущемъ увѣнчается лаврами (?)“ (228), то ополчается на направленіе, которое представляется ему „декадентствомъ въ буквальномъ смыслѣ. Его идеалъ—атавизмъ въ искусствѣ. Дилеттантизмъ ставится въ принципѣ школы“ (260) и т. п.

Нельзя ставить въ укоръ автору эти колебанія: впечатлительный и увлекающійся, онъ не сразу отдавалъ себѣ отчетъ въ настоящемъ значеніи того или другого новаго явленія, да и дѣйствительно, въ новѣйшихъ теченіяхъ искусства есть разные элементы, положительные и отрицательные, дѣйствительное движеніе впередъ и несомнѣнные признаки вырожденія или вымиранія. Но въ каждомъ жизненномъ процессѣ эти симптомы неизмѣнно повторяются. Положительной стороной новаго искусства является усовершенствованіе техники, стремленіе къ новому пониманію правды, въ субъективномъ освѣщеніи, реализмъ индивидуальный, расширеніе области искусства, при стремленіи фиксировать даже мгновенныя ощущенія, какъ бы они ни казались незначительны съ общей точки зрѣнія, а съ другой стороны,—какъ выражается г. Рѣпинъ,—„въ главномъ проявленіи новыхъ произведеній должна лежать умозрительная идея—въ прежнихъ отрицалась всякая мысль, всякое исканіе, всякое знаніе формы“ (93). Попутно, правда, достается „символической кабалистикѣ“ и мистицизму, но нѣсколькими страницами ниже (227) авторъ принимаетъ подъ свою защиту и импрессіонизмъ, и мистицизмъ, и символизмъ: всѣ эти направленія „прочно сидятъ въ нѣдрахъ искусства“,—замѣчаетъ онъ, отстаивая ихъ законное raison d'être. Не лишне напомнить, что они сидятъ и „въ нѣдрахъ литературы“, и, какъ общеизвѣстно, за послѣднее время, вновь всплыли и въ поэзіи, и въ литературѣ, параллельно тому, какъ и въ пластическихъ искусствахъ. Такимъ образомъ, полнаго „освобожденія отъ литературы“ нѣтъ въ современномъ содержаніи искусства; только измѣнилось само это содержаніе, т.-е. выступили иныя темы, иныя воззрѣнія, иное настроеніе, и пожалуй сказалась болѣе рельефно подчеркнутая дифференціація способовъ выраженія. Но въ то же время замѣчается и смѣшеніе или отожествленіе различныхъ функцій нашего существа: пишутъ въ краскахъ симфоніи, въ звукахъ гонятся за колоритностью, въ поэзіи—за выразительностью молчанія, въ жизни—за отторженностью отъ жизненныхъ интересовъ. Это все симптомы броженія, которые несомнѣнно

должны вскорѣ,—да отчасти уже это есть,—вылиться въ болѣе стройное, гармоничное цѣлое, гдѣ всякая функція найдетъ свое мѣсто.

Въ итогѣ замѣчаній И. Е. Рѣпина за послѣднія 13 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ взялся за перо, мы усматриваемъ одно положительное пріобрѣтеніе—въ смыслѣ признанія правъ на самостоятельное значеніе пластическихъ искусствъ, совершенство формы, энергичнаго протеста противъ смѣшенія двухъ критеріевъ въ оцѣнкѣ произведеній искусства, защиты образованія, обязательнаго и для художника, наконецъ, признаніе, что есть область живописи, незамѣнимая другимъ искусствомъ, и понять это можетъ лишь тотъ, кто или самъ художникъ въ душѣ, или воспиталъ въ себѣ способность мыслить образами, соотвѣтственно и воспринимать чужую мысль въ ея образной передачѣ. Затѣмъ вопросъ сводится къ пресловутому тезису о „безполезности красоты“. Въ отрицаніи крайностей утилитарныхъ воззрѣній на искусство мы предпочли бы придавать большее значеніе вопросу о художественной правдѣ, которая, на нашъ взглядъ, служитъ достаточнымъ коррективомъ. Тенденціозность, по какимъ бы то ни было мотивамъ, вредна лишь въ томъ, что она можетъ развиться въ ущербъ правдѣ, и тогда она, конечно, является пагубнымъ, даже мертвящимъ элементомъ въ искусствѣ. Произведенія такого рода встрѣчаютъ сочувствіе только въ средѣ лицъ, расположенныхъ a priori къ воззрѣніямъ автора. Районъ ихъ дѣйствія ограниченъ, и чистая иллюзія—думать, чтобы они когда-либо послужили дѣйствительно даже цѣлямъ пропаганды. Тенденціозное произведеніе возстановляетъ противъ себя, не находя доступа въ душѣ тѣхъ, кого авторъ имѣлъ въ виду привлечь на свою сторону. Такъ, патріотическія картинки могутъ нравиться только патріотамъ; „либеральныя“ иллюстраціи—только тѣмъ, кто склоненъ сочувствовать ихъ идеямъ, пренебрегая качествами выполненія. Всѣ подобныя произведенія „сходятъ“ лишь подъ вліяніемъ настроенія минуты и вызываютъ отпоръ, какъ только начинаютъ всматриваться въ нихъ и усматривать не только то, что̀ хотѣлось видѣть, что̀ было заслонено подъ вліяніемъ временного ослѣпленія, происходящаго отъ разныхъ причинъ, а то, что̀ данное произведеніе представляетъ на самомъ дѣлѣ. Но есть другого рода тенденціозность, которая дѣйствуетъ лишь какъ психологическій стимулъ и не развивается въ ущербъ правдѣ и художественности. Если понимать подъ тенденціозностью въ широкомъ смыслѣ—„направленіе къ извѣстной цѣли“, а соотвѣтственно предполагать наличность цѣли, ради которой художникъ творитъ, опредѣленный взглядъ на нѣкоторыя общественныя явленія, выработанныя убѣжденія и сочувствіе или антипатію данному міропониманію, то она можетъ быть присущей и настоящему произведенію искусства, безъ ущерба для его чисто худо-

жественной оцѣнки. Такого рода тенденціозность—личное достояніе художника. Она можетъ одушевлять его, побуждая къ усиленной дѣятельности, поддерживая въ немъ энергію, доставляя нравственное удовлетвореніе въ сознаніи, что онъ не просто изящный трутень, а причастенъ трудовой, „страдной“ жизни человѣчества и вноситъ свою лепту хотя бы въ области чисто духовныхъ интересовъ. Съ этимъ чувствомъ нельзя не считаться, какъ бы оно ни отзывалось „моралью“. И поправка Жуковскаго къ извѣстному стиху Пушкина—„и прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ“—не просто цензурная поправка: понятіе пользы можетъ и должно быть расширено въ смыслѣ нравственнаго удовлетворенія, проясненія духовныхъ эмоцій, наконецъ,—и побѣды надъ собой, подъ обаяніемъ возвышающаго дѣйствія красоты, которая въ абсолютномъ пониманіи не можетъ не быть и добромъ. То чистое, самодовлѣющее искусство, которое И. Е. Рѣпинъ продолжаетъ называть „искусствомъ для искусства“, отстаивая его исключительныя права,—не затрогиваетъ многихъ сокровенныхъ струнъ нашего духовнаго существа. Отъ него все-таки вѣетъ холодомъ, и пусть „безполезность“ красоты—ея показной аттрибутъ въ глазахъ тѣхъ, которые съуживаютъ понятіе пользы—матеріальнымъ благосостояніемъ, она слишкомъ глубокая, слишкомъ неотъемлемая потребность духовнаго существа, чтобы, выступая ея поборникомъ именно какъ духовной потребности, мы въ то же время не желали бы всей душой отстраненія уродливыхъ явленій окружающей насъ дѣйствительности и водворенія отблеска этой вѣчной красоты въ практической жизни. И если ошибочно полагать, какъ это дѣлалъ Крамской, что искусству суждено лишь временное и чисто служебное назначеніе, то и обратно: до тѣхъ поръ, пока въ жизни слишкомъ много волнующихъ насъ „вопросовъ“ и аномалій, съ точки зрѣнія постулатовъ сердца и разума, столь же ошибочно настаивать на выдѣленіи искусства „внѣ жизни“.

Почему тенденціозность, не какъ предвзятость сужденій, а въ смыслѣ приверженности общимъ идеаламъ добра и правды, должна неизбѣжно идти въ разрѣзъ съ художественной правдой? Послѣдняя представляетъ по существу лишь претвореніе или даже перекройку конкретныхъ явленій жизни въ освѣщеніи болѣе общихъ, спекулятивныхъ идей. На этомъ основаніи еще Аристотель устанавливалъ различіе поэзіи и исторіи, отдавая преимущества первой. Мы теперь называемъ этотъ обобщающій процессъ—„философіей“ художника, и считаемъ ее неотъемлемой принадлежностью художественнаго произведенія. Но какимъ образомъ она создается? „Тенденція“ автора прежде всего—показатель его стремленія внести субъективное освѣщеніе въ изображеніи жизни; она—первый шагъ къ проясненію на-

мѣченной себѣ художникомъ проблемы, своего рода элементарный синтезъ, предваряющій аналитическую работу. Собственно творческій процессъ сводится къ образному рѣшенію моральной или умозрительной проблемы, къ расширенію нашего сознанія внесеніемъ въ него конкретныхъ формулъ идейнаго содержанія. У всякаго добросовѣстно мыслящаго художника данный процессъ приводитъ къ новымъ, а иногда и вполнѣ неожиданнымъ для творящаго результатамъ. И тенденція порабощаетъ только бездарныхъ художниковъ или недобросовѣстныхъ мыслителей,—безсознательно недобросовѣстныхъ, что̀ равносильно эпитету неспособныхъ. Для настоящихъ талантовъ тенденція, какъ исходный пунктъ творческой дѣятельности, не представляетъ опасности. Она не ослабила независимость творчества такихъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, въ литературѣ—Данте, въ музыкѣ—Шопенъ, въ живописи—хотя бы Рафаэль, если признавать въ его Мадоннѣ, вслѣдъ за Крамскимъ,—„идеалъ всего католическаго міра". Его тенденціей было исканіе и желаніе воплотить данный идеалъ. Не погубила „тенденціозность" и Рѣпина въ первый періодъ его дѣятельности. И на основаніи всего этого мы безусловно отрицаемъ неизбѣжность противорѣчія тенденціозности автора и художественности его произведеній: если онъ настоящій художникъ, то его произведенія, по своему значенію, всегда окажутся выше и шире первоначально намѣченной имъ себѣ задачи. Къ тому же, критеріи оцѣнки произведенія не должны быть примѣнены къ самому художнику, а психологически—отзывчивость его натуры даже на злобы дня болѣе плодотворный стимулъ, чѣмъ формальное преклоненіе передъ девизами чистаго искусства. Не долженъ художникъ ни бояться жизни, ни отстраняться отъ нея, хотя бы его дѣятельность сводилась къ уединенному воплощенію въ художественные о̀бразы видѣннаго и испытаннаго. Не долженъ онъ бояться и „литературы", за указаннымъ ограниченіемъ,—т.-е. избѣгать неправильнаго смѣшенія способовъ выраженія и спеціальныхъ функцій литературы и изобразительныхъ искусствъ. Для послѣднихъ суть не только въ сюжетахъ, но, возстановляя значеніе спеціально-эстетическаго критерія, мы этимъ не должны упразднять другой,—т.-е. критерій оцѣнки по содержанію. На современной ему литературѣ воспитался когда-то и столь чествуемый въ наши дни Сандро Боттичелли, который настолько проникся образами поэмы Данте, что, какъ извѣстно, выступалъ даже ея простымъ иллюстраторомъ, а современный англійскій критикъ, Вальтеръ Пэтеръ, въ тонкомъ и остроумномъ анализѣ его произведеній установилъ даже общую связь образовъ Боттичелли съ концепціей Данте,—правда, съ новыми и индивидуальными разновидностями.

Но оставимъ далекіе и чуждые намъ примѣры: въ собственной дѣятельности И. Е. Рѣпина, какъ мы уже имѣли случай напомнить, „литература" оказалась ему не такой уже губительной мачихой. Если онъ, съ теченіемъ времени, расширилъ и углубилъ свою дѣятельность, спеціально какъ художника, если въ немъ сказалась потребность усовершенствовать пріемы техники, открылись тайны „вѣчно недосягаемыхъ образцовъ" искусства, отъ которыхъ онъ раньше отворачивался, то въ этомъ позднѣйшемъ признаніи—и значенія западнаго искусства, и преклоненія передъ старыми мастерами, и выгораживаніи правъ живописи на самостоятельное значеніе—выразился періодъ возмужалости художника, который внесъ кое-какія поправки къ своимъ юношескимъ, незрѣлымъ сужденіямъ. Но придавать ли имъ абсолютное значеніе? Мы уже высказались, что многія изъ прежнихъ, если угодно, заблужденій—были исторической необходимостью, при образованіи новой русской школы передвижниковъ, выросшей на завѣтахъ 60-хъ годовъ. Теперь напомнимъ, что одна изъ характерныхъ особенностей міропониманія дѣятелей той эпохи заключалась не только въ утилитаризмѣ, въ принижающемъ значеніи, придаваемомъ искусству въ его чисто служебной роли, но также, и едва ли не главнымъ образомъ, въ широкомъ пониманіи равномѣрнаго распредѣленія функцій человѣческой дѣятельности, въ вѣрѣ въ цѣльнаго и всесторонне развитаго человѣка. Эта точка зрѣнія поддерживалась и Крамскимъ, какъ видно даже по воспоминаніямъ о немъ И. Е. Рѣпина. И если, по вопросу о школѣ, мы склонны замѣнить замѣчанія автора въ защиту подражанія—выводомъ о пользѣ *изученія* произведеній старинныхъ и чужихъ образцовъ, когда это не идетъ въ ущербъ самодѣятельности художника,—то, по отношерію къ утилитаризму, сперва воспринятому, потомъ отвергнутому нашимъ художникомъ, мы бы отстаивали его условное значеніе и теперь, но съ точки зрѣнія цѣльности живого человѣка, какимъ не перестаетъ быть и художникъ. Такъ же условно допустима и тенденція въ художественномъ произведеніи, какъ показатель импульса къ творчеству художника, какъ психологическій стимулъ, поскольку онъ не нарушаетъ правды изображенія, зависящей уже отъ другихъ, специфическихъ свойствъ художественной натуры, отъ умѣнья работать. И въ заключеніе скажемъ, что не „литература" приноситъ вредъ искусству, а просто говоря—необразованность.

Что касается произведеній самого художника, подѣлившагося съ нами теперь своими мнѣніями и колебаніями по вопросамъ теоретическаго характера, то, даже оставляя въ сторонѣ—„Бурлаковъ", „Не ждали" и тому подобныя картины, составившія первую славу Рѣпина, мы невольно задумываемся надъ вопросомъ: безъ „литературы" на-

писалъ ли бы онъ „Дуэль", и еще раньше того—свой шедёвръ—„Судъ надъ Грознымъ",—именно судъ, хотя и безъ свидѣтелей, и безъ судей, самосудъ человѣка, которому въ ужасѣ совершеннаго убійства сына вдругъ открылась вся бездна преступной необузданности самовластія,—эту картину, о которой мѣтко было сказано, что она—„цѣлая поэма"? И поэма,—литература,—въ данномъ случаѣ не только не вредитъ картинѣ, но расширяетъ ея значеніе, даетъ возможность одновременно цѣнить и виртуозность художника и будитъ въ насъ цѣлый міръ мыслей. Такъ нужно ли художникамъ такъ упорно отвертываться отъ литературы? На нашъ взглядъ, истинно художественному произведенію не можетъ повредить полнота вызываемыхъ имъ ощущеній.

Ѳ. Батюшковъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Octave Mirbeau. Les vingt et un jours d'un neurasthénique. Paris, 1901. Стр. 435.

Октавъ Мирбо—оригинальный и талантливый писатель, и каждая его новая книга справедливо возбуждаетъ интересъ. Странно поэтому, что онъ все-таки пользуется иногда недостойными средствами для того, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики. Такъ, напр., онъ называетъ свою новую книгу „Двадцать-одинъ день неврастеника"—хотя въ ней нѣтъ ничего общаго съ модными неврозами или какими-либо психологическими и эстетическими курьёзами. Это просто сборникъ отдѣльныхъ очерковъ, отчасти реалистическаго, отчасти фантастическаго содержанія, газетныхъ хроникъ, сатирическихъ портретовъ, разсужденій о злобахъ дня и т. д. Большинство разсказанныхъ въ книгѣ сценъ и эпизодовъ напечатано было уже раньше въ разныхъ газетахъ, въ сборникѣ же они объединены связующей ихъ фабулой: авторъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ модномъ курортѣ въ Пиренеяхъ. Онъ пріѣхалъ туда лечиться, страдаетъ отъ однообразія окружающихъ его горъ, вѣчно покрытыхъ густымъ туманомъ,—и присматривается отъ нечего дѣлать къ окружающимъ его людямъ. Онъ встрѣчаетъ у источника пріятелей и знакомыхъ, съ которыми давно не видѣлся, видитъ разныя парижскія знаменитости — и пользуется случаемъ, чтобы изобразить ихъ въ болѣе или менѣе карикатурномъ видѣ. Нѣкоторые его знакомые приходятъ къ нему и разсказываютъ ему происшествія и наблюденія изъ своей жизни—большей частью или мрачнаго, или нѣсколько циничнаго характера. Кромѣ того, наблюдая нравы курорта, авторъ изучаетъ психологію современнаго культурнаго общества. Онъ видитъ людей больныхъ, занятыхъ исключительно собой, и потому не стѣсняющихся показать себя въ настоящемъ свѣтѣ, обнаружить всю свою мелочность, все свое уродство и искалѣченность. Въ общемъ получается очень грустное и непривлекательное зрѣлище, которое авторъ возсоздаетъ въ своей книгѣ безъ всякихъ прикрасъ, и даже, напротивъ того, съ безпощадностью, доходящею до цинизма.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе новой книги Мирбо, болѣе интересной своими обличеніями французской жизни, чѣмъ это

можно было бы предположить по странному, намѣренно пикантному заглавію. Мирбò давно уже пользуется большой извѣстностью во Франціи въ качествѣ остроумнаго, наблюдательнаго журналиста, и въ „Vingt et un jours d'un neurasthénique" ясно обрисовываются особенности его дарованія.

Основную ноту всей книги составляетъ рѣзко отрицательное отношеніе къ современной французской жизни. Сатира Мирбò обращена главнымъ образомъ на людей, занимающихъ видное общественное положеніе, на честолюбцевъ, которые любуются достигнутыми ими въ жизни результатами, не замѣчая своей лжи и своего уродства. Мирбò — реалистъ, прекрасно знающій и понимающій жизнь, и поэтому даже въ его каррикатурахъ чувствуется большая внутренняя правда. Наряду съ вымышленными фигурами въ книгѣ его выведены люди, существующіе въ дѣйствительности — разныя парижскія знаменитости. Онъ изображаетъ ихъ безъ всякаго стѣсненія, очень развязно—даже слишкомъ безцеремонно. Очень удачно представленъ у него, напр., знаменитый парижскій адвокатъ Бюи. Мирбò хочетъ показать, что адвокатское искусство заключается въ эффектной риторикѣ, въ умѣньѣ отводить глаза судьямъ и произносить такъ называемыя „жалкія слова", высказывать, напр., свои симпатіи угнетенной народной массѣ, хотя бы даже это не имѣло никакого отношенія къ разбираемому вопросу. Въ доказательство онъ приводитъ—въ каррикатурномъ видѣ, конечно,—рѣчь Бюи въ знаменитомъ въ свое время процессѣ о захватѣ металлургическаго производства. Каррикатура на рѣчь Бюи—одна изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ книгѣ Мирбò, и мы приводимъ ее, какъ образчикъ его тонкаго юмора.

„Господа судьи, — говоритъ Бюи, въ книгѣ Мирбò, — насъ упрекаютъ—скажу прямо: насъ обвиняютъ—въ захватѣ производства мѣди... Мѣди, господа судьи! (сардонически) по истинѣ странное обвиненіе (охорашивается и смѣло смотритъ прокурору прямо въ глаза)! Ошеломляющее обвиненіе, не правда ли? Но, господа судьи, я сейчасъ, однимъ словомъ, однимъ единственнымъ словомъ (онъ теребитъ свой портфель, плотно набитый бумагами)... Я говорю, что сейчасъ однимъ единственнымъ словомъ сдую какъ пыль (сильно ударяетъ кулакомъ по барьеру), уничтожу, развѣю по вѣтру ничтожные доводы нашихъ противниковъ... ихъ мнимые счеты, ихъ мнимыя доказательства (говоря вдругъ спокойнымъ и кроткимъ голосомъ). Я ограничусь однимъ только простымъ сравненіемъ... (Пауза. Онъ съ минуту покачивается, потомъ подбираетъ быстрымъ движеніемъ широкія складки рукава своей тоги, поднимаетъ къ потолку указательный палецъ, наклоняется къ периламъ и перегибается на-двое какъ паяцъ.) Господа судьи

(вкрадчивымъ и тихимъ голосомъ)... землепашецъ... (болѣе внушительно и убѣдительно) земледѣлецъ... (звучно и восторженно) человѣкъ, обрабатывающій землю... (громовымъ голосомъ) крестьянинъ... (пауза. Поднятый палецъ кружится, согнутый, въ воздухѣ, дрожитъ, потомъ разгибается), который сѣетъ хлѣбъ (постепенно возвышая голосъ), который жнетъ, который снимаетъ хлѣбъ... убираетъ его въ амбаръ (дойдя до высшаго напряженія, голосъ постепенно падаетъ до самыхъ глухихъ регистровъ)... Да, господа судьи, можно ли сказать (та же градація жестовъ), что этотъ крестьянинъ... этотъ землепашецъ (тѣ же движенія)... этотъ земледѣлецъ, который посѣялъ хлѣбъ... который его сжалъ... его убралъ... его смололъ... да, я спрашиваю всѣхъ людей съ чистой совѣстью, можно ли сказать, что этотъ землепашецъ, что этотъ земледѣлецъ... что этотъ крестьянинъ... захватилъ хлѣбъ, который онъ посѣялъ, который онъ собралъ... который онъ убралъ... и т. д."

„Бюи,—говоритъ Мирбо̀,—продолжалъ говорить въ томъ же родѣ два дня, и такъ велика была сила его краснорѣчія, что этотъ крестьянинъ... этотъ земледѣлецъ... этотъ землепашецъ... сталъ чѣмъ-то существующимъ въ дѣйствительности, живымъ, и наполнилъ всю залу засѣданія своимъ исключительнымъ и страшнымъ присутствіемъ. Только онъ одинъ и остался—захваченная мѣдь исчезла".

Характеръ французскаго адвокатскаго искусства переданъ съ поразительной мѣткостью въ этой блестящей каррикатурѣ, рисующей всю внутреннюю пустоту бездоказательныхъ, но эффектныхъ фразъ.

Съ такой же ядовитою живостью и смѣлостью изображенъ въ книгѣ Мирбо̀ французскій министръ народнаго просвѣщенія, Жоржъ Лейгъ. Какъ извѣстно, онъ очень непопуляренъ во Франціи, и Мирбо̀ выражаетъ очень распространенное въ интеллигентномъ обществѣ мнѣніе, говоря объ изворотливости, смѣшномъ самомнѣніи и ограниченности министра, который считаетъ себя несмѣняемымъ, благодаря своему умѣнью приспособляться къ принципамъ всякой партіи, стоящей у власти. Одинъ изъ „портретовъ съ натуры" въ книгѣ Мирбо̀ оказался, однако, слишкомъ безцеремоннымъ—даже для французскихъ нравовъ, и вызвалъ протестъ со стороны пострадавшаго: Мирбо̀ разсказываетъ о своей очевидно вымышленной встрѣчѣ съ Эмилемъ Оливье́ въ поѣздѣ желѣзной дороги. Эмиль Оливье́ очень авторитетно критикуетъ порядки современной Франціи, и говоритъ объ ея упадкѣ такъ, какъ будто бы онъ въ свое время не былъ въ значительной степени виноватъ въ ея бѣдствіяхъ. Мирбо̀ изумленъ дерзостью своего собесѣдника, но когда Эмиль Оливье́ начинаетъ предсказывать, что Франція будетъ разбита врагами, что ея земли будутъ раздѣлены между европейскими державами, причемъ Эльзасъ-Лотарингія достанется на долю Германіи,—тогда онъ вдругъ начи-

наетъ понимать странность рѣчей своего собесѣдника. Ему становится яснымъ, что Оливье́ просто забылъ все минувшее, забылъ о своей винѣ передъ отечествомъ, и все еще мнитъ себя защитникомъ Франціи, все еще думаетъ, что, не слѣдуя его совѣтамъ, Франція безразсудно идетъ къ гибели. Этотъ фантастическій разговоръ заключаетъ въ себѣ ясные намеки на хорошо извѣстную рѣчь Эмиля Оливье́ во Французской Академіи. Но рѣзкость карикатуры Мирбо̀ вызвала протестъ со стороны Оливье. Онъ недавно заявилъ въ газетахъ, что никакой бесѣды съ Мирбо̀ у него не было, и потребовалъ судебнымъ порядкомъ, чтобы страницы, касающіяся его, были изъяты изъ книги.

Разсказы о разныхъ извѣстныхъ во Франціи людяхъ чередуются въ книгѣ Мирбо̀ съ вымышленными эпизодами, въ которыхъ проявляется склонность автора къ мрачному юмору, граничащему съ цинизмомъ. Мирбо̀ съ болѣзненнымъ любопытствомъ доискивается до скрытаго въ человѣческой душѣ уродства; онъ любитъ изображать ужасы, на которые способенъ человѣкъ подъ вліяніемъ или страстей, или природной склонности къ злу. Мирбо̀ находится подъ вліяніемъ Эдгара Поэ и часто прямо ему подражаетъ. Онъ старается вызвать ужасъ въ читателяхъ, и съ этой цѣлью сгущаетъ краски, превращаетъ возможныя событія въ небылицы, въ мрачный фарсъ. Но писать „въ духѣ Эдгара Поэ" Мирбо̀ не удается—и во всѣхъ его фантастическихъ сценахъ чувствуется натяжка, фальшь и прямое подражаніе. Мирбо̀—превосходный сатирикъ. Онъ хорошо знаетъ и понимаетъ французскую дѣйствительность, видитъ ясно всю грязь жизни и умѣетъ изображать ее правдиво и остроумно,—оставаясь изящнымъ даже въ своемъ цинизмѣ. Но въ области фантастическихъ ужасовъ Мирбо̀ не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Ему недостаетъ богатства вымысла, и всѣ его эффекты основаны только на совершенно неправдоподобныхъ преувеличеніяхъ реальныхъ происшествій. Такъ, напр., онъ хочетъ изобразить всю жестокость и вмѣстѣ съ тѣмъ тупую ограниченность французскихъ шовинистовъ, и съ этой цѣлью изображаетъ какого-то фантастическаго генерала Аппинара, доходящаго до чудовищности въ своемъ близорукомъ патріотизмѣ. Онъ постоянно твердитъ о военномъ престижѣ Франціи, о военной дисциплинѣ, о солдатской чести и т. д. Мирбо̀ разсказываетъ о своемъ свиданіи съ генераломъ въ квартирѣ послѣдняго. Генералъ принимаетъ его въ комнатѣ, украшенной разными трофеями, свидѣтельствующими о его многочисленныхъ походахъ и побѣдахъ, и между прочимъ излагаетъ ему свой геніальный патріотическій планъ. Во французскихъ колоніяхъ пропадаютъ безъ всякой пользы для отечества огромныя массы негровъ. Генералъ предлагаетъ убивать ихъ въ возможно боль-

шемъ количествѣ и употреблять ихъ кожу для разныхъ издѣлій. Онъ самъ убѣдился на практикѣ, что кожа негровъ отлично годится для выдѣлки—онъ обращаетъ вниманіе посѣтителя на то, что въ комнатѣ, гдѣ происходитъ бесѣда, стѣны обиты кожей мятежниковъ, убитыхъ при одномъ изъ возстаній въ колоніяхъ. Ошеломленный словами генерала и въ особенности невозмутимостью его тона, гость не рѣшается противорѣчить ему, а напротивъ того старается говорить ему въ тонъ. Онъ спрашиваетъ генерала, нельзя ли пользоваться и мясомъ убитыхъ негровъ. Замѣчая такое сочувствіе своимъ планамъ въ посѣтителѣ, генералъ начинаетъ еще болѣе откровенно высказывать свои мысли. Онъ нападаетъ на сантиментальность французовъ, которая такъ вредитъ истинному благу отечества. „Мясо негровъ,—говоритъ онъ,—не годится въ пищу; законъ же, къ сожалѣнію, не позволяетъ касаться бѣлыхъ. А между тѣмъ всѣ преступники и каторжники могли бы отлично пригодиться хотя бы для прокормленія войскъ". Сцена свиданія заканчивается пикантной шуткой. Мирбò предлагаетъ генералу отдать приказъ, чтобы отнынѣ всѣхъ преступниковъ красили въ черный цвѣтъ и обращались послѣ того съ ними какъ съ неграми, т.-е. пользовались ихъ кожей—и уже, кстати, ихъ мясомъ. Но генералъ отвергаетъ его совѣтъ во имя военной чести. „Нѣтъ,—говоритъ онъ,—обмана я не допущу. Такого рода поддѣлка была бы нечестной. Я честный солдатъ. А теперь—налѣво кругомъ маршъ, мнѣ некогда". И Мирбò уходитъ, гордясь въ душѣ тѣмъ, что во Франціи еще есть герои, въ которыхъ воплощается духъ патріотизма.

Эта сцена—типичный образецъ мрачнаго сарказма, съ которымъ Мирбò обличаетъ печальныя стороны французской жизни. Но такого рода сатира ему не удается. Существуютъ классическіе òбразы жестокаго юмора, основаннаго именно на яко бы простомъ и спокойномъ изображеніи чудовищныхъ фактовъ, представленныхъ какъ нѣчто вполнѣ естественное и разумное. Вспомнимъ, напр., знаменитую „Tale of the tub" Свифта, гдѣ авторъ предлагаетъ употреблять въ пищу новорожденныхъ младенцевъ для того, чтобы спасти ирландцевъ отъ вѣчнаго голоданія. Мирбò, очевидно, находится подъ вліяніемъ литературныхъ образцовъ этого рода въ своемъ разсказѣ, но онъ не умѣетъ оставаться въ должныхъ границахъ, не выдерживаетъ тона. Его разсказъ слишкомъ каррикатуренъ, слишкомъ невѣроятенъ, въ примѣненіи къ современнымъ нравамъ, и кажется поэтому фальшивымъ и грубымъ. Таковы же и другіе эпизоды въ томъ же родѣ, какъ, напр., разсказъ о курортѣ, который славится и привлекаетъ гостей яко бы полнымъ отсутствіемъ смертныхъ случаевъ среди паціентовъ. Оказывается, что въ дѣйствительности смертность тамъ очень велика, но

умершихъ хоронятъ ночью, въ величайшемъ секретѣ. Это было бы еще, конечно, вполнѣ вѣроятно—такъ какъ, въ сущности, нѣчто подобное происходитъ во многихъ знаменитыхъ курортахъ для тяжело больныхъ. Но Мирбо вплетаетъ подробность, которая превращаетъ его разсказъ въ нелѣпую сказку. Оказывается, что въ тѣхъ случаяхъ когда паціентъ до начала леченія заявляетъ о своемъ желаніи быть набальзамированнымъ въ случаѣ смерти—онъ непремѣнно очень скоро умираетъ. Объ этомъ заботятся доктора—чтобы доставить заработокъ жителямъ курорта, занимающимся бальзамировкой труповъ. Подобныхъ небылицъ довольно много въ книгѣ Мирбо, и онѣ доказываютъ присутствіе болѣзненной фантазіи у автора, который, въ угоду нѣкоторымъ моднымъ вѣяніямъ въ литературѣ, силится изображать страшное и загадочное въ жизни и людяхъ. Мирбо—изящный сатирикъ, обладающій тонкимъ чутьемъ житейской правды. Талантъ его—чисто французскій; онъ умѣетъ тонко вышучивать; но каждый разъ, когда онъ изображаетъ изъ себя угрюмаго пессимиста, а въ иныхъ случаяхъ и мистика, все, что онъ пишетъ, становится ложью. Лучше всего ему удается описаніе французскихъ нравовъ въ ѣдко-юмористическомъ тонѣ, а также сатира на французскихъ буржуа. Въ „Vingt et un jours d'un neurasthénique“ есть великолѣпныя сцены супружескихъ ссоръ изъ-за пустяковъ, перебранокъ, въ которыхъ сказывается вся скрытая подъ внѣшнимъ изяществомъ манеръ тупость души, пошлыхъ примиреній и т. д. Мирбо очень мѣтко изображаетъ самодовольство французскаго буржуа, его любовь къ пошлымъ патріотическимъ фразамъ. Очень типиченъ, напр., разсказъ о французѣ, который пріѣзжаетъ лечиться во французскій курортъ на границѣ Испаніи, и каждый вечеръ отправляется со своей женой и со своимъ худосочнымъ, уродливымъ сыномъ на пограничный пунктъ—чтобы полюбоваться видомъ „послѣдняго газоваго рожка на французской землѣ“ и сказать по этому поводу нѣсколько прочувствованныхъ словъ. Нѣкоторыя чисто психологическія сцены, разсказы о странныхъ капризахъ чувствъ, переданы Мирбо очень талантливо и съ большой внутренней правдой. Все это придаетъ литературный интересъ его книгѣ, несмотря на указанные нами недостатки.

Въ „Vingt et un jours d'un neurasthénique“ Мирбо проявилъ тѣ же качества своего дарованія, которыми отличаются его романы и драмы. Онъ не только блестящій журналистъ, но и авторъ романовъ и драмъ, пользующихся во Франціи большимъ успѣхомъ. Его знаменитый „Journal d'une femme de chambre“, надѣлавшій столько шума около года тому назадъ,—мѣткая и глубокая сатира на буржуазные нравы Несмотря на излишній цинизмъ нѣкоторыхъ описаній, книга эта задумана очень серьезно и является своего рода историческимъ доку-

ментомъ, рисующимъ современную Францію. Два романа Мирбô, „Sébastien Roch“ и „Abbé Jules“, обличаютъ мрачныя стороны французскаго клерикализма. Въ „Jardin des supplices“ Мирбô хочетъ быть мистикомъ,—какъ и въ нѣкоторыхъ эпизодахъ разобранной нами новой его книги. Онъ изображаетъ ужасы, таящіеся въ человѣческой душѣ, говоритъ объ „инстинктѣ крови“, о жаждѣ убійства, которую онъ считаетъ столь же врожденной человѣку, какъ инстинктъ любви. Но эта книга, несмотря на отдѣльныя прекрасныя страницы, на поэтичныя описанія и драматическіе эпизоды,—одно изъ его болѣе слабыхъ произведеній. Въ драмѣ „Дурные пастыри“ Мирбô возвращается къ сатирическому тону, наиболѣе свойственному его таланту, и съ большой силой и рѣзкостью рисуетъ демагоговъ, не умѣющихъ стать достойными вождями народа.

II.

Max Halbe. Haus Rosenhagen. Drama in 3 Aufzügen. Berlin, 1901.

Максъ Гальбе задается въ своихъ пьесахъ болѣе серьезными задачами, чѣмъ большинство драматурговъ, поставляющихъ драмы и комедіи на многочисленныя нѣмецкія сцены. Драматическая литература —за исключеніемъ произведеній Гауптмана и нѣсколькихъ другихъ— стоитъ теперь въ Германіи на довольно низкомъ уровнѣ. При выборѣ пьесъ для постановки, директорà театровъ имѣютъ главнымъ образомъ въ виду вкусы публики, которая менѣе всего проникнута литературными интересами. Въ театръ идутъ „для развлеченія“,—и поэтому репертуаръ большинства столичныхъ и провинціальныхъ сценъ въ Германіи составляется изъ пьесъ легкаго салоннаго содержанія. Вкусы публики вліяютъ на содержаніе пьесъ еще въ одномъ отношеніи. Литература ввела въ обращеніе въ обществѣ цѣлый рядъ новыхъ идей, новыхъ толкованій вопросовъ нравственности и т. д., и всѣмъ этимъ теперь интересуются или, во всякомъ случаѣ, стараются интересоваться, чтобы избѣжать обвиненія въ отсталости, въ умственной старомодности. Театръ сталъ средствомъ для вульгаризаціи новыхъ идей. Публика полюбила пьесы на модныя психологическія и этическія темы—но, конечно, пьесы эти нравятся лишь тогда, когда онѣ, при всей своей „модности“, не слишкомъ попираютъ требованія буржуазной морали и не имѣютъ слишкомъ вызывающаго или слишкомъ глубокаго значенія, т.-е., если онѣ остаются занятными, не требующими отъ зрителя умственнаго напряженія. Этими требованіями публики объясняется общій характеръ современнаго нѣмецкаго театра,

обиліе мнимо-серьезныхъ пьесъ и комедій съ широкими сатирическими замыслами, но по существу очень посредственныхъ, съ дешевыми эффектами, традиціонными театральными фигурами и шаблонной буржуазной моралью.

Даже талантливые драматурги, какъ напр. Зудерманъ, подчиняются требованіямъ публики, и комедіи его пользуются большимъ успѣхомъ главнымъ образомъ потому, что онъ сосредоточиваетъ свое искусство на эффектности положеній, пикантности діалога и внѣшнемъ „модернизмѣ". И все-же комедіи и драмы Зудермана принадлежатъ къ числу наиболѣе литературныхъ среди пьесъ, пользующихся успѣхомъ.

Кромѣ драмъ Зудермана, имѣли наибольшій успѣхъ въ Германіи за послѣдніе годы такія ничтожныя пьесы, какъ „Jugend von heute" Отто Эрнста—неуклюжая сатира на современную передовую молодежь, „Flachsman als Erzieher" того же автора и другія пьесы въ томъ же родѣ. Въ настоящее время въ Берлинѣ производитъ сенсацію и обогащаетъ полными сборами собственника театра—комедія Роберта Миша, „Das Ewig Weibliche". Сюжетъ ея откровенно опереточный, современные нравы представлены въ балаганной античной обстановкѣ; авторъ вышучиваетъ стремленіе женщинъ къ эмансипаціи, и въ концѣ женщина отказывается отъ своего стремленія къ самостоятельности и покоряется превосходству мужчины. Упадокъ театра вызвалъ теперь въ Германіи совершенно своеобразное явленіе,—за послѣдній годъ развился новый родъ театральныхъ зрѣлищъ. Даже салонныя пьесы современнаго репертуара утомляютъ публику, заставляя ее вдумываться въ затронутые авторами вопросы, и поэтому предпріимчивые театральные заправилы придумали нѣчто болѣе новое — и болѣе занятное. Подъ страннымъ, но имѣвшимъ нѣкоторое время успѣхъ заглавіемъ „Ueberbrettl" основанъ былъ въ январѣ прошлаго года первый „декадентскій театръ" въ Берлинѣ. Директоромъ его сталъ извѣстный писатель, драматургъ и юмористъ Вольцогенъ. Зрительный залъ расписанъ въ стилѣ „Seccesion", а на сценѣ распѣваются куплеты и пѣсни въ родѣ прославившейся совершенно безсмысленной пѣсенки „Der lustige Ehemann" и т. п.; затѣмъ читаются разсказы анекдотическаго содержанія и разыгрываются короткія, одноактныя пьесы. Въ общемъ, это тотъ же кафе-шантанъ, подъ прикрытіемъ художественныхъ цѣлей и въ обстановкѣ парижскихъ cabarets artistiques. Затѣя Вольцогена пришлась чрезвычайно по вкусу нѣмецкой публикѣ, и въ настоящее время подобные „Ueberbrettl" существуютъ во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, составляя очень серьезную конкурренцію театрамъ. Защитники этой театральной новинки видятъ въ усовершенствованныхъ кафе-шантанахъ нѣчто истинно-художественное, стремленіе привить публикѣ вкусъ къ поэзіи,

возродить народную пѣснь и т. д. На сценахъ различныхъ „Ueberbrettl“ поютъ и читаютъ не пошлые куплеты стараго образца, а стихи и пѣсни современныхъ поэтовъ. Но, несмотря на нѣкоторую литературность представленій, успѣхъ „Ueberbrettl“ доказываетъ главнымъ образомъ упадокъ театра и стремленіе замѣнить его болѣе низменными, но болѣе отвѣчающими запросамъ публики зрѣлищами.

Несмотря на общее паденіе театра, въ Германіи есть, конечно, серьезные драматурги, авторы пьесъ съ большими литературными достоинствами. Есть въ Германіи Гауптманъ, и кромѣ него цѣлый рядъ молодыхъ даровитыхъ драматурговъ, Шницлеръ, Гофмансталь, Германъ Баръ, Гиршфельдъ, Максъ Дрейеръ и другіе.

Максъ Гальбе принадлежитъ тоже къ числу даровитыхъ и серьезныхъ молодыхъ драматурговъ. Нѣкоторыя его пьесы, какъ, напр., „Jugend“, имѣли и продолжаютъ имѣть успѣхъ на сценѣ, но въ общемъ публика относится къ нему крайне сдержанно, находя его слишкомъ мало занимательнымъ. Гальбе находится несомнѣнно подъ вліяніемъ Ибсена. Его привлекаютъ болѣзненныя, сложныя натуры, люди, переживающіе тяжелую внутреннюю борьбу, стоящіе на перепутьи между старымъ и новымъ, стремящіеся къ освобожденію отъ всякаго рода переживаній, но не умѣющіе быть свободными. Гальбе изучаетъ современную дѣйствительность и находитъ среди нея большей частью людей съ мятежной душой, но слабой волей, мечтателей, которыхъ всегда побѣждаютъ обстоятельства. Особенность Гальбе заключается еще въ томъ, что драмы его носятъ чисто національный характеръ, коренятся въ условіяхъ нѣмецкой жизни, со всѣми ея вѣковыми традиціями и характерными чертами.

Новая драма Макса Гальбе, „Семья Розенгагеновъ“ (Haus Rosenhagen)—одна изъ новинокъ только-что начавшагося осенняго сезона въ Берлинѣ. Пьеса прошла съ успѣхомъ, и критика отмѣтила художественную законченность отдѣльныхъ характеровъ и тонкость психологическихъ подробностей. Герой драмы—человѣкъ со слабой волей, погибающій отъ безъисходности душевной борьбы, отъ неумѣнья совершить рѣшительный поступокъ. Въ драмѣ изображенъ бытъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, ихъ непреклонная жестокость, ихъ упорство и жадность, а также общая приниженность и тупость жизни въ помѣстьѣ, расположенномъ въ провинціальной глуши. Семья Розенгагеновъ—типичные нѣмецкіе Landjunker. Розенгагенъ-отецъ, его мать, девяностолѣтняя старуха, его племянница, живущая въ домѣ, имѣютъ всѣ одну общую фамильную черту—жадность, стремленіе къ владѣнію какъ можно бо̀льшимъ количествомъ земли. Старикъ Розенгагенъ захватилъ уже почти всю деревню, и по нѣкоторымъ рѣчамъ мѣстнаго пастора видно, что онъ не стѣснялся средствами для достиженія

своей цѣли, что онъ, какъ только могъ, эксплуатировалъ и разорялъ крестьянъ, отнимая у нихъ землю. У него осталось только одно огорченіе—невозможность отнять землю у своего сосѣда—Фосса. Розенгагенъ ведетъ вѣчныя тяжбы съ сосѣдомъ, чувствуетъ къ нему смертельную вражду; вся его жизнь отравлена мыслью о неуступчивомъ сосѣдѣ. Изъ-за него онъ и умираетъ, получивъ ударъ отъ волненія при одномъ разговорѣ о Фоссѣ. Передъ смертью онъ приходитъ въ болѣе миролюбивое настроеніе, и пастору удается примирить враговъ; онъ приводитъ Фосса въ домъ къ Розенгагену, и враги протягиваютъ другъ другу руку. Но, тотчасъ же послѣ ухода Фосса, въ Розенгагенѣ просыпается прежняя ненависть, и онъ завѣщаетъ сыну продолжать распрю до тѣхъ поръ, пока врагъ не сдастся. Сынъ его, составляющій исключеніе въ родѣ Розенгагеновъ, не питаетъ никакой злобы къ сосѣду, но изъ чувства сыновняго долга даетъ клятву отцу исполнить его завѣтъ—послѣ чего старикъ говоритъ, что можетъ спокойно умереть. На этомъ заканчивается первый актъ, составляющій только вступленіе къ драмѣ. Со второго акта начинается совершенно новое дѣйствіе, въ центрѣ котораго стоитъ сынъ Розенгагена—Карлъ. Отецъ умеръ, онъ глава дома, обязанный продолжать традиціи семьи. Но онъ человѣкъ иного склада души, его душитъ атмосфера безсмысленной злобы въ его родной семьѣ, и онъ хотѣлъ бы все измѣнить, внести свѣтъ въ окружающую жизнь. Вначалѣ ему кажется, что это можно устроить безъ борьбы. Онъ обѣщалъ отцу продолжать традиціи семьи Розенгагеновъ, управлять помѣстьемъ и—главное—пріобрѣсти землю Фосса. Онъ мечталъ прежде уѣхать изъ деревни, но теперь отказывается отъ своей мечты и поселяется въ помѣстьѣ. Фоссу онъ предлагаетъ продать ему свою землю за очень высокую цѣну. Фоссъ почти согласенъ—и обѣщаетъ придти дать окончательный отвѣтъ. Карлу кажется, что все устроивается къ лучшему, тѣмъ болѣе, что въ деревню пріѣхала Гермина, дѣвушка, которую онъ горячо любитъ. Онъ надѣется, что она останется съ нимъ навсегда, выйдетъ за него замужъ. Землю Фосса онъ хочетъ пріобрѣсти главнымъ образомъ для того, чтобы построить зàмокъ для своей молодой красавицы-жены. Но обстоятельства осложняются, и Карлъ оказывается вскорѣ окруженнымъ враждебными силами. Двѣ женщины воплощаютъ въ драмѣ противоположныя влеченія, порабощающія душу Карла. Гермина пріѣхала къ Карлу, но только для того, чтобы увезти его съ собой, освободить его отъ мелкихъ интересовъ, все болѣе захватывающихъ его, увлечь его съ собой къ свободной жизни. Она сама не выноситъ никакихъ узъ, вѣрна только своему свободному нраву. Она любитъ Карла—но любитъ его для свободы. Карлъ въ душѣ готовъ идти за Герминой, но его связываетъ долгъ, клятва отцу, и онъ уговариваетъ

Гермину остаться съ нимъ въ деревнѣ. И не только голосъ долга удерживаетъ Карла. Въ помѣстьѣ живетъ еще его двоюродная сестра Марта. Она его любитъ, скрываетъ свою любовь въ виду пріѣзда Гермины; но въ ней силенъ семейный духъ, она тоже боится, что Карлъ уйдетъ отъ земли и станетъ жить свободно гдѣ-то вдали отъ родного гнѣзда. Гермина кажется ей злой искусительницей, и она пользуется всѣми средствами, чтобы спасти отъ нея Карла и удержать его дома. Она поступаетъ нечестно, вліяетъ исподтишка на Фосса, который отказывается продать свою землю и съ прежней ненавистью начинаетъ устроивать всякія стѣсненія и непріятности своему врагу. Карлъ тоже загорается злобой; начинается старая ненависть и борьба. Карлъ горитъ жаждой мщенія. Сначала онъ мечталъ объ освобожденіи, о томъ, чтобы послѣдовать за любимой дѣвушкой въ свободную даль. Но „власть земли и семьи“ сильнѣе, и онъ ею побѣжденъ. Гермина молитъ его уѣхать съ ней; онъ настаиваетъ на томъ, чтобы она осталась. Гермина, послѣ напрасныхъ усилій увлечь его за собой, уѣзжаетъ, предоставивъ Карлу задыхаться въ душной атмосферѣ злобы и распрей. Тогда Марта сознается ему, что она—причина возобновившейся борьбы съ Фоссомъ—и, слѣдовательно, разрыва съ Герминой. Она не хотѣла уступить Карла Герминѣ, хотѣла спасти его отъ свободолюбивой соблазнительницы. Карлъ уничтоженъ признаніемъ Марты, тѣмъ, что такъ сильна въ ихъ семьѣ злоба, жадность и жестокость, и тѣмъ, что эти чувства задавили теперь и его, разбили въ немъ надежды на счастье и свободу. Карлъ стоитъ съ Мартой у окна, видитъ, какъ Фоссъ ходитъ вокругъ дома, ища случая подкрасться къ своему врагу и убить его. Карлъ самъ подставляетъ грудь подъ выстрѣлъ и падаетъ, сраженный пулей непримиримаго врага семьи Розенгагеновъ. Смерть была единственнымъ исходомъ для него, такъ какъ къ свободѣ онъ оказался неспособнымъ, а жизнь „въ семьѣ Розенгагеновъ“ раскрылась передъ нимъ во всемъ своемъ ужасѣ. Такъ заканчивается драма. Основная идея—трагизмъ безволія и ужасъ передъ внезапно открывшимся сознаніемъ паденія—конечно, не нова. Но характеръ Карла и его внутренняя борьба изображены очень горячо и правдиво, а въ образѣ Гермины съ ея стихійной любовью къ свободѣ есть много поэзіи и очарованія.

III.

Adolphe Brisson. Portraits intimes. Paris, 1901. Стр. 360.

Адольфъ Бриссонъ—одинъ изъ выдающихся французскихъ хроникеровъ. Самый родъ его писаній предполагаетъ извѣстную легковѣсность содержанія; задача хроникера заключается въ томъ, чтобы сообщить читателю газеты какую-нибудь новую подробность о хорошо знакомыхъ, интересующихъ въ данный моментъ общество событіяхъ или лицахъ. Хроникеръ никогда не долженъ говорить о чемъ-либо совершенно новомъ или слишкомъ серьезномъ: хроника составляетъ занимательный отдѣлъ газеты и не должна требовать отъ читателя усилія мысли. Она должна привлекать именно общеизвѣстностью сюжета, по поводу котораго хроникеръ высказываетъ остроумное мнѣніе, или же сообщаетъ любопытную интимную подробность. Парижскіе хроникеры представляютъ большей частью два разныхъ типа: одни изъ нихъ щеголяютъ литературнымъ талантомъ, остроуміемъ, красотой слога, неожиданностью и блескомъ мыслей, облеченныхъ въ легко понятную, изящную форму, умѣньемъ сочетать глубокомысліе съ особой формой французскаго ума, enjouement. Иногда они умѣютъ казаться глубокомысленными, высказывая довольно поверхностныя истины; иногда, напротивъ того, они подъ шутливымъ благёрствомъ скрываютъ оригинальныя, новыя мысли. Къ числу такого рода хроникеровъ принадлежатъ Анатоль Франсъ, многія книги котораго составлены изъ газетныхъ хроникъ, затѣмъ Октавъ Мирбò, отчасти Поль Аданъ, Северина и другіе. Привлекательность хроникеровъ второй категоріи заключается не въ блескѣ формы, не въ талантливости изложенія и качествахъ ума, а въ содержательности чисто фактической; вокругъ извѣстныхъ событій, вокругъ именъ извѣстныхъ писателей и общественныхъ знаменитостей они накопляютъ новые факты, разныя жизненныя подробности; ихъ задача—въ томъ, чтобы превратить отвлеченное представленіе о знаменитомъ человѣкѣ въ живой образъ, представить человѣчную сторону его жизни. Они собираютъ „documents humains“, и этимъ приносятъ несомнѣнную пользу и литературѣ, и исторіи, доставляя иногда очень цѣнный матеріалъ. Адольфъ Бриссонъ принадлежитъ ко второй категоріи. Какъ писатель, онъ представляетъ мало интереса. Языкъ его довольно безцвѣтный; его мысли сводятся, въ большинствѣ случаевъ, къ общимъ мѣстамъ, къ преклоненію предъ всѣми знаменитостями. Но онъ отличается умѣньемъ находить и собирать интересные факты, разсказывать подробности о жизни выдающихся людей, передавать атмосферу ихъ жизни, описывать внѣшнее вне-

чатлѣніе, которое они производятъ. Бриссонъ прошелъ хорошую школу. Онъ — зять Франциска Сарсэ и его ученикъ. Сарсэ, каковы бы ни были его недостатки, былъ во всякомъ случаѣ мастеромъ въ области газетной хроники и соединялъ стилистическую ловкость и дарованіе блестящаго causeur'а съ умѣньемъ обогащать свои хроники богатой эрудиціей и новыми характерными свѣдѣніями. Бриссонъ перенялъ у него умѣнье находить интересный матеріалъ и передавать его въ занимательной формѣ. Въ настоящее время вышла пятая серія его „Интимныхъ портретовъ", составленная преимущественно изъ хроникъ, помѣщенныхъ въ свое время въ „Temps". Въ предъидущихъ томахъ, также какъ и въ другихъ сборникахъ такого же характера, „Pointes Sèches" и „Comédie littéraire", Бриссонъ описалъ множество извѣстныхъ писателей, поэтовъ, романистовъ и драматурговъ, а также другихъ знаменитостей, актеровъ, политическихъ дѣятелей, живописцевъ и т. д. Общій планъ его хроникъ, приближающихся къ типу такъ называемыхъ „интервью", всегда одинъ и тотъ же. Бриссонъ приводитъ какую-нибудь причину, побудившую его навѣстить то или другое лицо, причемъ старается всегда придумать какой-нибудь косвенный предлогъ. То онъ зашелъ мимоходомъ въ мастерскую извѣстнаго художника, и кстати сталъ выспрашивать у него подробности о его жизни,—то какой-нибудь поэтъ, бѣжавшій изъ парижской сутолоки въ деревенскую глушь, самъ пригласилъ его отвѣдать какой-то диковинной рыбы, водящейся въ его пруду, и т. д. Очутившись наконецъ въ домѣ „знаменитости", Бриссонъ описываетъ всѣ подробности домашней обстановки, внѣшній видъ хозяина или хозяйки, и затѣмъ передаетъ содержаніе происходившей бесѣды. Во всѣхъ очеркахъ Бриссона есть прежде всего біографія описываемаго имъ лица, разсказанная имъ самимъ, т.-е. имѣющая автобіографическое значеніе. Главный интересъ очерковъ заключается, однако, не въ этихъ фактическихъ свѣдѣніяхъ, а въ теоретическихъ разговорахъ, возбуждаемыхъ Бриссономъ съ своими собесѣдниками. Взгляды драматурговъ на задачи театра и разсказы ихъ о своей манерѣ творчества, разговоры извѣстныхъ живописцевъ о техникѣ живописи, о современныхъ направленіяхъ въ искусствѣ, являются несомнѣнно любопытнымъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе цѣннымъ, что въ печать они могутъ попасть только посредствомъ передачи личныхъ бесѣдъ, такъ какъ лишь очень немногіе художники пишутъ сами о своихъ теоретическихъ взглядахъ.

Бриссонъ очень тактиченъ въ своихъ описаніяхъ. Никто изъ посѣщенныхъ имъ людей не имѣетъ повода протестовать противъ какихъ-либо нескромныхъ разоблаченій или излишка личныхъ подробностей въ его очеркахъ. Онъ передаетъ лишь то, что̀ можетъ быть пріятно его собесѣднику. Даже когда ему приходится говорить о нѣ-

сколько смѣшной претенціозности разныхъ случайныхъ знаменитостей, какъ, напр., о такъ называемомъ „Prince des chansonniers“, Ксавье Привасѣ, избранномъ главой монмартрскихъ пѣвцовъ, онъ очень осторожно даетъ почувствовать свое ироническое отношеніе. Бриссонъ сохраняетъ большую вѣжливость, чтобы не сказать почтительность тона, даже разсказывая о знаменитостяхъ, которыя относятся скорѣе къ разряду курьёзовъ. Такъ, въ новѣйшемъ выпускѣ „Portraits intimes“ есть разсказъ о его визитѣ къ поэту Алькантеру де Браму, извѣстному въ литературныхъ кружкахъ тѣмъ, что онъ изобрѣлъ „знакъ ироніи“ въ дополненіе къ существующимъ знакамъ вопросительному и восклицательному. Бриссонъ проситъ Брама начертать ему этотъ придуманный имъ знакъ, и оказывается, что изобрѣтеніе Брама заключается въ повтореніи знака вопросительнаго, только въ обратномъ видѣ. Брамъ считаетъ, что такимъ подчеркиваніемъ ироническихъ намѣреній автора, можно объяснить тупоумнымъ читателямъ (Брамъ, конечно, гордъ, презираетъ „толпу“ и считаетъ всѣхъ читателей тупицами) даже утонченныя произведенія хотя бы, напр., Анатоля Франса. Напрасно Бриссонъ старается доказать расходившемуся ненавистнику толпы, что Франсъ пишетъ не для тупицъ, нуждающихся въ „знакѣ ироніи“, а для людей со вкусомъ, для которыхъ этотъ знакъ совершенно излишенъ. Брамъ излагаетъ ему въ отвѣтъ цѣлую эстетическую теорію, и Бриссонъ добросовѣстно повторяетъ его доводы, сознаваясь только, что самъ онъ ихъ не понимаетъ. Бриссонъ заслуживаетъ скорѣе упрека въ слишкомъ большомъ пристрастіи къ людямъ, пользующимся извѣстностью. Въ каждомъ изъ нихъ онъ находитъ тѣ или другія выдающіяся качества, и о всѣхъ говоритъ съ уваженіемъ къ ихъ извѣстности. Даже объ Эвзапіи Паладино, извѣстной своими медіумическими способностями неаполитанкѣ, онъ разсказываетъ очень обстоятельно, отмѣчая ея умъ и находчивость и оставляя открытымъ вопросъ о подлинности ея чудесъ или фокусовъ.

Самые интересные очерки въ книгѣ Бриссона относятся къ области литературы. Три визита къ извѣстнымъ современнымъ драматургамъ разсказаны съ изобиліемъ любопытныхъ подробностей. Бриссонъ самъ придаетъ болѣе серьезное значеніе этимъ очеркамъ—это видно уже изъ того, что онъ объясняетъ свои визиты къ каждому изъ драматурговъ не случайными поводами, какъ въ другихъ случаяхъ, а всегда желаніемъ уяснить себѣ что-нибудь противорѣчивое или непонятное въ ихъ жизни или дѣятельности. Такъ, напр., онъ приходитъ къ извѣстному драматургу де-Кюрелю, чтобы удостовѣриться въ томъ, правда ли, что этотъ угрюмый пессимистъ — въ дѣйствительности веселый человѣкъ, понимающій радости жизни. Онъ откровенно

объясняетъ де-Кюрелю причину своего посѣщенія, и слышитъ въ отвѣтъ цѣлый рядъ любопытныхъ сообщеній о его жизни, характерѣ и нѣкоторыхъ пріемахъ его творчества. Де-Кюрель—жизнерадостный, сильный человѣкъ, который самъ доволенъ своимъ счастливымъ характеромъ. Онъ не знаетъ, что̀ такое скука, хотя живетъ бо̀льшую часть года въ деревнѣ, въ своемъ помѣстьѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, охотой и рыбной ловлей. Литературная его карьера далась ему чрезвычайно легко; онъ не переживалъ разочарованій большинства другихъ дебютантовъ. Родители готовили его къ другой дѣятельности—къ управленію большими фабриками, которыя должны были достаться ему по наслѣдству. Но онъ съ дѣтства любилъ только литературу, увлекался Флоберомъ, Мопассаномъ и Толстымъ. Еще очень молодымъ онъ написалъ свою извѣстную реалистическую драму „L'Envers d'une Sainte", и одновременно съ ней двѣ другія. Всѣ три пьесы онъ отослалъ, за разными подписями, Антуану, директору „Théâtre Libre", и получилъ отъ него въ отвѣтъ три восторженныхъ письма по адресу трехъ авторовъ. Этотъ тройной успѣхъ сразу прославилъ де-Кюреля и открылъ ему двери во всѣ театры. Первыя пьесы де-Кюреля имѣли большой литературный успѣхъ, но публикѣ не нравились. Авторъ причисленъ былъ къ представителямъ молодой школы; его называли философомъ, драматургомъ будущаго. Слѣдующія пьесы: „Invitée", „La Figurante", тоже встрѣчены были большимъ сочувствіемъ серьезной критики,—на сценѣ же успѣха не имѣли. Но, къ общему изумленію, послѣ этихъ слишкомъ утонченныхъ для вкуса публики пьесъ, онъ написалъ „Nouvelle Idole", которая имѣла шумный успѣхъ, сохраняя при этомъ всѣ достоинства, обезпечивающія ей самый сочувственный пріемъ со стороны строгихъ цѣнителей. Бриссонъ спрашиваетъ де-Кюреля о средствахъ, которыми онъ достигнулъ этого двойного результата. Въ отвѣтъ ему драматургъ высказываетъ нѣсколько теоретическихъ взглядовъ. Онъ говоритъ, что, придумывая сюжетъ для новой пьесы, онъ остановился сначала на фабулѣ, которая при первомъ набраскѣ сценарія была отвергнута имъ, какъ нѣчто слишкомъ пошлое. Но мало-по-малу онъ сталъ накоплять въ умѣ разные инциденты и мысли вокругъ отвергнутаго сюжета, осложнять характеры, и когда онъ вернулся къ идеѣ, казавшейся ему сначала слишкомъ вульгарной, ему удалось написать истинно драматическое произведеніе; оно понравилось публикѣ своей жизненностью, а знатокамъ—вложенными въ него мыслями. Отсюда де-Кюрель выводитъ слѣдующее общее правило для драматурговъ: „Очень рискованно,—говоритъ онъ,—давать точныя правила сценическаго творчества—но все-же можно дать новичкамъ слѣдующій рецептъ, пародируя стиль поваренныхъ книгъ: возьмите какое-нибудь мелкое событіе

изъ хроники происшествій, окружите его большимъ количествомъ мыслей и подавайте на столъ очень горячимъ. У васъ получится пьеса, которая понравится людямъ со вкусомъ, и въ то же время будетъ полной и законченной. Въ ней будетъ движеніе, а это—сущность драмы, и будетъ философское содержаніе т.-е., то, что̀ составляетъ благородство драмы".

Де-Кюрель говоритъ также о воспитательномъ значеніи театра, и утверждаетъ, что драматургъ не долженъ проводить слишкомъ чуждыхъ, новыхъ идей, потому что публика оттолкнетъ ихъ съ негодованіемъ. Драматургъ не можетъ быть піонеромъ, онъ всегда идетъ въ аръергардѣ, отражаетъ уже существующее; онъ можетъ ускорить начавшееся въ умахъ броженіе, но не создать его. Значеніе Бомарше такъ велико тѣмъ именно, что онъ подмѣтилъ нарожденіе революціоннаго духа и воплотилъ его въ художественныхъ образахъ; благодаря ему, каждый изъ недовольныхъ современностью могъ считать тебя Фигаро. Эта мысль о томъ, что драма должна проводить идеи, уже созданныя жизнью, а не пропагандировать отвлеченные идеалы, заключаетъ въ себѣ несомнѣнную истину и объясняетъ мертворожденность многихъ современныхъ—слишкомъ резонерскихъ, тенденціозныхъ—драмъ, которыя изобилуютъ разсужденіями и совершенно не оказываютъ вліянія на умы.

Интересныя подробности о техникѣ драматическаго искусства Бриссонъ слышитъ изъ устъ популярнаго драматурга Фейдо, автора знаменитой „Dame de chez Maxim", а также „Hôtel du Libre Echange". Оказывается, что авторъ пьесъ, поражающихъ сложностью интриги, запутанностью инцидентовъ, никогда не составляетъ даже сценарія, а придумываетъ всѣ свои эффекты во время работы; онъ импровизаторъ въ полномъ значеніи слова, и это, быть можетъ, и объясняетъ непосредственную веселость его фарсовъ. Кромѣ того, Фейдо поражаетъ Бриссона еще одною чертой. Бриссонъ думалъ встрѣтить человѣка очень веселаго, остроумнаго, а увидѣлъ передъ собой мрачнаго ипохондрика, который говоритъ о мучительности работы: „Работа мнѣ скучна", говоритъ онъ. „Я творю далеко не радостно, и люблю только то, что̀ не относится къ моей профессіи. Въ юности я любилъ писать драмы, потому что это не было моимъ долгомъ и спасало меня отъ обязательныхъ учебныхъ занятій. Я люблю только запрещенные плоды, и теперь, когда писаніе пьесъ стало для меня главнымъ занятіемъ, оно меня тяготитъ. Я работаю съ внутреннимъ недовольствомъ; мнѣ не смѣшны самые удачные эффекты, которые вызываютъ неудержимый смѣхъ у зрителей; я строю пьесы, точно разсчитывая по дозамъ нужные комическіе эффекты, но самъ мечтаю только о скорѣйшемъ окончаніи работы. Я люблю живопись, потому что она для меня не обя-

зательна". Въ разговорѣ съ Бріе, извѣстномъ авторѣ „Remplaçantes", „Evasion" и др., Бриссонъ узнаетъ подробности о его жизни, о его происхожденіи изъ рабочаго класса, и все, что говоритъ Бріе, показываетъ его глубокое знаніе и пониманіе французскаго народа.

Особаго вниманія заслуживаютъ въ книгѣ Бриссона сообщенія о его поѣздкѣ на родину Бальзака и Жоржъ-Сандъ, о разговорахъ съ знавшими ихъ людьми. Онъ находитъ интересныя подробности объ ихъ жизни, откапываетъ неизданныя письма и собираетъ мнѣнія мѣстныхъ жителей о жившихъ среди нихъ великихъ людяхъ.

Все, что Бриссонъ разсказываетъ въ своихъ очеркахъ, имѣетъ большей частью только документальный интересъ, но, благодаря своему умѣнью останавливаться на самомъ характерномъ, онъ вноситъ интересныя и яркія черты въ исторію литературы, какъ современной, такъ и болѣе отдаленной отъ нашего времени.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1901.

Заключенія коммиссіи спб. университета по вопросу объ университетской реформѣ, появившіяся въ газетахъ. — Баллотировка профессоровъ, выслужившихъ двадцатипятилѣтіе.—Университетскія партіи.—Студенческая организація.—„Общая забота".—Съѣздъ учителей въ Москвѣ и педагогическіе курсы въ Одессѣ.—Прекращеніе „Недѣли".—Вопросъ о чести мундира и дѣло поручика Клыкова.—Отсрочка выборовъ гласныхъ въ спб. Думѣ на новое четырехлѣтіе.

Во всѣхъ нашихъ университетахъ выработываются отвѣты на вопросы объ университетской реформѣ, поставленные, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, министромъ народнаго просвѣщенія. Не трудно предвидѣть, что по нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ ни внутри университетовъ, ни между отдѣльными университетами разногласія почти не будетъ. Сюда относится, напримѣръ, вопросъ о возстановленіи выборнаго начала, уничтоженнаго уставомъ 1884-го года. Выборные профессора, выборные деканы, выборный ректоръ—таково, повидимому, pium desiderium громаднаго большинства профессорскаго сословія. На этой почвѣ сходятся люди самыхъ различныхъ настроеній и направленій. Въ разрѣзъ съ теченіемъ пытаются плыть только немногочисленные, въ этой средѣ, сторонники властной руки и административной опеки. За отсутствіемъ вѣскихъ аргументовъ, они охотно прибѣгаютъ къ натяжкамъ, иногда граничащимъ съ вымысломъ. Это орудіе пущено въ ходъ, между прочимъ, противъ коммиссіи, избранной совѣтомъ с.-петербургскаго университета [1]). Изъ того, что коммиссія высказалась за автономію университетовъ, какая-то газета поспѣшила заключить, что рѣчь идетъ объ упраздненіи всякаго контроля надъ университетами, о подчиненіи ихъ всецѣло „гнету господствующей партіи". Каждому профессору предстоитъ, будто бы, пять баллотировокъ, страхъ передъ которыми будетъ тяготѣть надъ нимъ постоянно, лишая его всякой самостоятельности. Что въ такихъ увѣреніяхъ нѣтъ

[1]) Заключенія коммиссіи были напечатаны во многихъ большихъ газетахъ; см., напр., №№ 842, 843 и 846 „Россіи". Составъ коммиссіи былъ слѣдующій: предсѣдатель Н. А. Меншуткинъ, члены—А. И. Введенскій, М. И. Горчаковъ, Н. Л. Дювернуа, А. А. Иностранцевъ, П. К. Коковцевъ, Д. П. Коноваловъ, В. И. Ламанскій, Х. Х. Пещуровъ, С. Ф. Платоновъ, В. Д. Смирновъ и И. Я. Фойницкій.

и тѣни правды—это показалъ какъ нельзя лучше одинъ изъ членовъ коммиссіи, проф. Введенскій [1]). Проектъ коммиссіи, насколько онъ касается порядка избранія профессоровъ, представляетъ собою, во-первыхъ, вовсе не простое повтореніе устава 1863 года. При дѣйствіи послѣдняго, совѣтъ баллотировалъ всѣхъ кандидатовъ, предложенныхъ въ факультетѣ, и могъ, напримѣръ, выбрать того изъ нихъ, который получилъ въ факультетѣ только одинъ голосъ; по мнѣнію коммиссіи, баллотировкѣ въ совѣтѣ должны подлежать исключительно тѣ кандидаты, которые получили въ факультетѣ большинство голосовъ. Совѣту, такимъ образомъ, предстоитъ лишь сдѣлать выборъ между лицами, которыя всѣ признаны достойными занять каѳедру; рѣшеніе его ни въ какомъ случаѣ не можетъ остановиться на лицѣ, не имѣющемъ *никакихъ* научныхъ заслугъ. Между тѣмъ, преобладаніе партійныхъ теченій *возможно* (не говоримъ—вѣроятно) именно и только въ совѣтѣ, гдѣ соединены представители самыхъ различныхъ отраслей науки; юристу трудно оцѣнить работы естествоиспытателя, филологу—работы медика, и недостатокъ твердыхъ основаній для сужденія о заслугахъ кандидата можетъ, пожалуй, быть восполненъ сочувствіемъ или несочувствіемъ къ его образу мыслей. Другое дѣло—факультетъ, гдѣ каждому члену знакомы и доступны, въ бóльшей или меньшей степени, труды кандидатовъ; для постороннихъ соображеній здѣсь почти не остается мѣста, тѣмъ болѣе, что отъ успѣшности выборовъ зависитъ доброе имя факультета. Совершенно невѣренъ, дальше, счетъ баллотировокъ. По проекту коммиссіи для полученія званія приватъ-доцента баллотировки не требуется вовсе; званіе штатнаго доцента не составляетъ необходимой ступени, черезъ которую долженъ пройти каждый будущій профессоръ; возможна, наконецъ, баллотировка прямо въ ординарные профессора. До выслуги пенсіи, баллотировокъ, слѣдовательно, обыкновенно будетъ двѣ, иногда три, иногда одна; четыре—ни въ какомъ случаѣ. Что касается до баллотировки, рѣшающей возможность оставленія на службѣ послѣ выслуги пенсіи, то проф. Введенскій признаетъ ее безусловно необходимой: иначе пришлось бы или предоставлять каждому профессору занимать каѳедру хотя бы до ста лѣтъ, или обязательно удалять всѣхъ профессоровъ, выслужившихъ пенсію, хотя бы для университета нѣкоторые изъ нихъ были полезнѣе молодыхъ. Это—единственный пунктъ, по которому мы расходимся съ мнѣніемъ г. Введенскаго и съ заключеніемъ коммиссіи. Порядокъ, проектируемый коммиссіей, заключается въ слѣдующемъ: по истеченіи 25 лѣтъ учебной службы, каждый штатный преподаватель

---

[1]) См. „Россія“, № 849.

подвергается баллотировкѣ въ засѣданіи совѣта и оставляется въ прежней должности еще на пять лѣтъ, если получитъ большинство избирательныхъ голосовъ. Профессоръ, выслужившій 30 лѣтъ, получаетъ въ пенсію полный окладъ содержанія; должность его считается вакантной, но онъ, буде пожелаетъ, сохраняетъ званіе профессора, члена факультета и совѣта, имѣетъ право читать лекціи, можетъ быть избираемъ во всѣ должности по университету и завѣдывать, по порученію совѣта, учебно-вспомогательными учрежденіями. Если онъ выразитъ желаніе занять должность, ставшую вакантной за выслугой имъ тридцатилѣтняго срока, то выборы для ея замѣщенія производятся общимъ порядкомъ, со включеніемъ выслужившаго срокъ въ число кандидатовъ. На томъ же основаніи производятся выборы на эту должность съ истеченіемъ каждаго дальнѣйшаго пятилѣтія службы. Намъ думается, что весь этотъ порядокъ съ большою выгодой могъ бы быть замѣненъ другимъ, несравненно простѣйшимъ. Излишня, прежде всего, баллотировка на пятилѣтіе, слѣдующее за истеченіемъ двадцатипятилѣтняго срока. При дѣйствіи устава 1863 года она была понятна, потому что тогда не было другого способа продолженія профессорской дѣятельности; но уставъ 1884 года—и это одно изъ немногихъ его достоинствъ—открылъ другую дорогу, разрѣшивъ выслужившему пенсіонный срокъ профессору попрежнему читать лекціи и оставаться членомъ факультета и совѣта. Этимъ достигаются заразъ двѣ цѣли: открывается возможность движенія для молодежи и сохраняется для университета полезная еще, быть можетъ, сила. Къ чему же баллотировка черезъ 25 лѣтъ службы, когда, пять лѣтъ спустя, каѳедра во всякомъ случаѣ станетъ свободной, безъ всякой потери для лица, ее занимающаго? Къ чему омрачать старость ученаго труженика, подвергая его риску быть забаллотированнымъ? Двадцать-пять лѣтъ ученой службы—не столь продолжительный срокъ, чтобы съ нимъ была соединена презумпція устарѣлости и усталости; въ началѣ и даже въ концѣ шестого десятка лѣтъ способность работать на привычномъ поприщѣ сплошь и рядомъ сохраняется еще въ полной силѣ. Если мы не ошибаемся, главнымъ яблокомъ раздора въ университетской средѣ служили, при дѣйствіи устава 1863 года, именно баллотировки на добавочный срокъ службы; возвращеніе къ нимъ опять подастъ поводъ къ нареканіямъ, въ большинствѣ случаевъ неосновательнымъ, но охотно подхватываемымъ и эксплуатируемымъ врагами университетской автономіи. Всего лучше, конечно, было бы отнести выслугу пенсіи, со всѣми ея послѣдствіями, не къ тридцати годамъ ученой службы, а къ двадцати пяти; но если этого не допускаютъ финансовыя соображенія, то пускай профессоръ спокойно, безъ всякой балло-

тировки, сохраняетъ свою должность до истеченія тридцатилѣтняго срока [1]).

Нецѣлесообразнымъ, далѣе, кажется намъ включеніе профессора-пенсіонера, если онъ того пожелаетъ, въ число кандидатовъ на должность, вакантную за выслугою имъ тридцатилѣтняго срока. Съ матеріальной стороны онъ не нуждается въ оставленіи за нимъ этой должности, потому что получаетъ въ пенсію весь окладъ содержанія; не нужна она ему и для продолженія профессорской дѣятельности, потому что право читать лекціи и быть активнымъ членомъ университета принадлежитъ ему во всякомъ случаѣ. Для университета сохраненіе каѳедры за прежнимъ ея обладателемъ почти всегда будетъ чистой потерей, потому что лишитъ его, на пять лѣтъ, новой, свѣжей силы—а противоположный исходъ баллотировки не только будетъ тяжкимъ ударомъ для старика, но, возбудивъ въ немъ чувство обиды, удержитъ его, въ большинствѣ случаевъ, отъ дальнѣйшаго чтенія лекцій и участія въ занятіяхъ совѣта и факультета. Мы думаемъ, поэтому, что занятія профессоромъ, послѣ тридцати лѣтъ ученой службы, *штатной* должности въ томъ же университетѣ допускать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ.

Опасенію, что автономія университетовъ приведетъ къ гнету „господствующей партіи", одна изъ газетъ, стоящихъ за автономію [2]), противопоставляетъ указаніе на то, что нежелательная „низкопробная" борьба партій возникаетъ только на почвѣ неполной, фактически ограниченной свободы (какою была, напримѣръ, свобода нашихъ университетовъ въ послѣдніе годы дѣйствія устава 1863-го года), а при нормальныхъ условіяхъ развивается столь же нормальная „партійность". Партіи, съ этой точки зрѣнія, „столь же необходимы, какъ неизбѣжно желательно и необходимо разнообразіе мнѣній и взглядовъ. Безъ партій университеты будутъ влачить жалкое существованіе. Дискредитируютъ университетъ не партіи, сложившіяся на почвѣ широкой автономіи, а партіи, сложившіяся на почвѣ урѣзанной автономіи". Соглашаясь съ тѣмъ, что урѣзанная автономія—или отсутствіе автономіи—способствуетъ измельчанію университетской жизни, а слѣдовательно и образованію кружковъ, сплоченныхъ узкими, личными интересами, мы не считаемъ существованіе партій необходимымъ для процвѣтанія автономныхъ университетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое

[1]) Само собою разумѣется, что еще больше, чѣмъ къ баллотировкѣ, все сказанное нами выше примѣнимо къ продолженію срока службы по усмотрѣнію министерства народнаго просвѣщенія.

[2]) См. №№ 847 и 848 „Россіи".

партія? Группа людей, соединенныхъ между собою не только общностью взглядовъ, но и общностью практическихъ цѣлей, въ стремленіи къ которымъ она встрѣчаетъ противодѣйствіе другой такой же группы (или другихъ группъ). Въ правильно организованномъ университетѣ у всѣхъ профессоровъ, сознающихъ свое назначеніе, можетъ быть только одна цѣль: поставить преподаваніе на возможно большую научную высоту и оградить его свободу отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Достиженіемъ этой цѣли могутъ—и должны—одинаково дорожить люди самыхъ различныхъ мнѣній. Сходство взглядовъ можетъ вести къ личному сближенію, но не къ партійной организаціи, для которой, въ данномъ случаѣ, недостаетъ побудительной причины. Не слѣдуетъ, притомъ, упускать изъ виду, что значительно бо̀льшая часть преподаваемыхъ въ университетѣ предметовъ вовсе или почти вовсе не соприкасается съ тѣми сторонами государственной и общественной жизни, изъ-за которыхъ проводится, обыкновенно, демаркаціонная черта между партіями... Чѣмъ полнѣе университетская автономія, тѣмъ больше нравственная отвѣтственность профессорской корпораціи—тѣмъ менѣе вѣроятно, слѣдовательно, извращеніе выборовъ подъ вліяніемъ соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ наукой. На мѣсто формулы, противъ которой мы возражаемъ (партіи—въ университетѣ—также необходимы, какъ необходимо разнообразіе мнѣній и взглядовъ), мы предложили бы другую: насколько необходимо въ университетѣ разнообразіе мнѣній и взглядовъ, настолько же возможно и желательно отсутствіе въ немъ организованныхъ партій.

Въ основаніи единодушныхъ пожеланій, направленныхъ къ возстановленію и укрѣпленію выборнаго начала, лежитъ столь же единодушное убѣжденіе, что отмѣна этого начала привела къ глубокому упадку университетовъ. Это убѣжденіе высказывается, между прочимъ, такими лицами, которыхъ никто не рѣшится заподозрить въ „систематической оппозиціи" или въ „тенденціозномъ осужденіи дѣйствующихъ порядковъ". Припомнимъ слова Д. И. Менделѣева, приведенныя нами въ другомъ мѣстѣ [1]): „профессура, съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствуетъ нынѣшній университетскій уставъ, требуетъ не преданности наукѣ, не самобытности, а только ученой степени, такъ какъ назначеніе профессора ведется путемъ чисто канцелярскимъ, не спрашиваясь свободнаго сужденія людей, посвятившихъ себя научной работѣ". Еще характернѣе слова профессора (кіевскаго университета) Романовича-Славатинскаго, труды котораго по государственному праву заслужили, въ свое время, одобреніе „Московскихъ Вѣдомостей". Въ

[1]) См. выше: Внутреннее Обозрѣніе.

статьѣ, озаглавленной: „Историческая справка къ вопросу, какъ поднять значеніе университета и университетскаго образованія“ („Россія“, № 838), онъ ставитъ первымъ условіемъ такого подъема „улучшеніе профессорскаго сословія замѣщеніемъ каѳедръ людьми даровитыми, искренно преданными наукѣ, которые профессуру выбираютъ не какъ служебную карьеру, но какъ удовлетвореніе душевной потребности. Избирать такихъ людей должна сама университетская коллегія, которая, конечно, компетентнѣе всякой канцеляріи въ оцѣнкѣ годности искателей каѳедръ. Къ чему можетъ привести канцелярскій подборъ профессоровъ—показываетъ паденіе нынѣшняго профессорскаго персонала, среди котораго можно найти не мало монументальныхъ представителей недавняго режима“. Весьма любопытны отзывы г. Романовича-Славатинскаго о лицахъ, создавшихъ и поддерживавшихъ этотъ режимъ. Графъ Д. А. Толстой „до нѣкоторой степени самъ былъ человѣкъ науки и къ служителямъ ея относился съ должнымъ вниманіемъ. Но университетъ онъ считалъ гнѣздомъ разрушительныхъ и либеральныхъ идей и свою государственную миссію поставлялъ въ борьбѣ съ ними. Относясь непріязненно къ уставу 63 г., въ теченіе своего управленія онъ всячески его нарушалъ, подготовляя уставъ 84 г., который удалось провести его преемнику. Всѣмъ извѣстны преисполненные ласковости и привѣта пріемы Делянова, но едва ли въ душѣ его таилось то уваженіе къ дѣятелямъ русской науки, которымъ такъ отличались гр. Уваровъ, Головнинъ и даже гр. Толстой. Изъ-за ласковыхъ, привѣтливыхъ пріемовъ подчасъ свѣтилась иронія власти надъ подчиненнымъ: ревизія университетской науки, при посредствѣ комическихъ государственныхъ экзаменовъ, могла быть проведена только при отсутствіи полнаго уваженія къ представителямъ этой науки. Понятно, почему при гр. Деляновѣ такое преобладающее вліяніе и такое рѣшающее значеніе для университета и профессоровъ получила канцелярія и ея члены. Подготовлялась почва для того пріема, который былъ сдѣланъ преемникомъ гр. Делянова профессорамъ одного изъ университетовъ, изъ которыхъ нѣкоторые получили выговоръ за то, что позволили себѣ предстать предъ министромъ не въ мундирахъ, а во фракахъ. Печальное время, тяжелыя воспоминанія“! А какъ недавно еще на нашихъ глазахъ совершались попытки идеализировать это время, скрасить эти воспоминанія! Совершенно правъ г. Романовичъ-Славатинскій и тогда, когда называетъ „существеннымъ недостаткомъ“ нынѣшняго положенія вещей „возможность за каждое вкривь и вкось истолкованное слово безъ суда и расправы быть изгнаннымъ изъ университета“. „Мартирологъ русскихъ профессоровъ“—читаемъ мы дальше—„довольно будетъ об-

ширенъ даже тогда, когда мы не возведемъ его ко временамъ Галича и Арсеньева. Довольно вспомнить имена Павлова, Костомарова, Щапова, Муромцева, Ковалевскаго, Милюкова и другихъ, безъ суда и расправы лишенныхъ каѳедры, чтобы судить о томъ, сколькихъ силъ лишились университеты по однимъ подозрѣніямъ, питаемымъ молвой".

Возвращаемся къ заключеніямъ коммиссіи с.-петербургскаго университета. Она рѣшительно и безусловно осуждаетъ гонораръ, высказывается за улучшеніе матеріальнаго положенія профессоровъ, за неограниченность числа приватъ-доцентовъ, за назначеніе имъ вознагражденія, соразмѣрнаго ихъ труду, за устройство спеціальныхъ курсовъ для лицъ, оставленныхъ при университетѣ въ видахъ приготовленія къ профессорскому званію, за отмѣну ограниченій, съ которыми сопряженъ теперь пріемъ студентовъ, за дозволеніе студентамъ изучать не всѣ предметы избраннаго ими факультета (безъ пріобрѣтенія, въ такомъ случаѣ, служебныхъ правъ), за съѣзды профессоровъ для обсужденія вопросовъ университетскаго преподаванія и университетской жизни, за удаленіе профессоровъ отъ должности не иначе какъ по суду, за отмѣну государственныхъ экзаменовъ, за замѣну инспектора товарищемъ ректора, избраннымъ совѣтомъ изъ своей среды, за возстановленіе выборнаго университетскаго суда. Все это вполнѣ симпатично и цѣлесообразно. Особеннаго вниманія заслуживаютъ предположенія коммиссіи относительно студенческой организаціи. Каждый курсъ избираетъ на одинъ годъ двухъ курсовыхъ старостъ (а при многочисленности курса—и болѣе), служащихъ посредниками въ сношеніяхъ курса съ профессорами и университетской администраціей. Изъ старостъ образуются совѣты старостъ, факультетскіе и общіе, обсуждающіе вопросы учебные и другіе, касающіеся академической жизни и представляющіе свои заключенія на утвержденіе ректора или декана. Засѣданія совѣтовъ старостъ происходятъ не иначе, какъ съ разрѣшенія ректора въ назначенное имъ время, въ университетскихъ помѣщеніяхъ и въ присутствіи товарища ректора или другого профессора, назначеннаго совѣтомъ университета. Факультетскіе совѣты старостъ избираютъ своихъ предсѣдателей и ихъ товарищей или замѣстителей изъ старостъ старшаго курса своего факультета, а общій совѣтъ старостъ избираетъ своего предсѣдателя и его товарища изъ числа предсѣдателей факультетскихъ совѣтовъ старостъ и ихъ товарищей. Въ затруднительныхъ случаяхъ совѣты старостъ могутъ ходатайствовать о созваніи курсовыхъ, факультетскихъ и общихъ собра-

ній студентовъ. Всякое собраніе студентовъ можетъ происходить только съ разрѣшенія ректора, въ часы, свободные отъ учебныхъ занятій, и въ присутствіи товарища ректора или другого профессора, назначеннаго совѣтомъ университета, который наблюдаетъ, чтобы совѣщаніе ограничивалось вопросами, сообщенными ректору при ходатайствѣ о разрѣшеніи собранія. Курсовыя собранія бываютъ двухъ родовъ: разрѣшаемыя по ходатайству старостъ даннаго курса для обсужденія вопросовъ, касающихся лишь этого курса, и разрѣшаемыя по ходатайству факультетскаго или общаго совѣта старостъ для обсужденія вопросовъ, имѣющихъ болѣе общее значеніе. Курсовыя собранія второго рода считаются состоявшимися, если на нихъ присутствуютъ не менѣе двухъ третей наличнаго состава студентовъ даннаго курса. Собранія студентовъ всего факультета разрѣшаются ректоромъ лишь въ томъ случаѣ, если о томъ ходатайствуетъ совѣтъ старостъ этого факультета по постановленію не менѣе двухъ третей совѣта. На этихъ собраніяхъ происходитъ только предварительное обсужденіе вопросовъ, предложенныхъ факультетскимъ совѣтомъ старостъ. Эти вопросы, послѣ обсужденія ихъ въ факультетскомъ совѣщаніи, окончательно редактируются факультетскимъ совѣтомъ старостъ и баллотируются на курсовыхъ собраніяхъ, на которыхъ тѣ же вопросы до баллотировки могутъ вновь быть обсуждаемы, но окончательная редакція, приданная имъ совѣтомъ старостъ, остается безъ перемѣны. Общія совѣщанія студентовъ университета происходятъ по тѣмъ же правиламъ, какъ и факультетскія, съ тѣмъ лишь различіемъ, что они разрѣшаются ректоромъ по ходатайству двухъ третей всѣхъ старостъ университета, окончательную же редакцію вопросовъ, обсуждавшихся на общихъ собраніяхъ, устанавливаетъ передъ ихъ передачей въ курсовыя собранія общій совѣтъ старостъ. На курсовыхъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ одинъ изъ курсовыхъ старостъ, на факультетскихъ и общихъ—предсѣдатель соотвѣтствующаго совѣта старостъ. Студентамъ слѣдуетъ предоставить образовывать подъ вѣдѣніемъ университета различные кружки, общества, научныя, литературныя, художественныя и т. д., а также учрежденія, имѣющія цѣлью матеріальную или нравственную взаимопомощь и другія дозволенныя задачи,—напримѣръ, кассы взаимопомощи, обще-студенческія или факультетскія библіотеки и т. п. Правила такихъ кружковъ, обществъ и учрежденій утверждаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совѣтомъ университета, который можетъ назначать преподавателей для руководства ими.

Учрежденіе студенческаго товарищескаго суда коммиссія признаетъ желательнымъ, но полагаетъ, что не слѣдуетъ ни называть его судомъ чести, ни указывать, что его назначеніе—разбиратель-

ство поступковъ, противныхъ правиламъ чести, потому что понятіе чести содержитъ въ себѣ много условнаго и легко можетъ повести къ недоразумѣніямъ; гораздо опредѣленнѣе выраженіе: „достоинство университета“. Задачей товарищескаго суда долженъ служить разборъ студенческихъ поступковъ, несовмѣстимыхъ съ достоинствомъ университета или со званіемъ студента. Товарищескій судъ долженъ состоять изъ восьми лицъ, избираемыхъ на годъ курсовыми собраніями двухъ старшихъ курсовъ. Каждое собраніе избираетъ судей изъ студентовъ своего или другого старшаго курса, хотя бы другого факультета, или изъ преподавателей университета. Тѣмъ же порядкомъ и на тотъ же срокъ избираются изъ студентовъ двухъ старшихъ курсовъ четыре кандидата для замѣны заболѣвшихъ или отсутствующихъ судей. Избранные судьи выбираютъ предсѣдателя и его товарища изъ своей среды на весь годъ. Дѣла поступаютъ въ товарищескій судъ съ разрѣшенія ректора, которому и сообщается сущность его опредѣленій въ письменной формѣ. Рѣшенія товарищескаго суда, кромѣ оправданія, могутъ состоять или въ предостереженіи, или же въ лишеніи корпоративныхъ правъ, какъ-то: права участвовать въ курсовыхъ собраніяхъ, быть избираемымъ или избирать на студенческія должности и т. п. Если же товарищескій судъ придетъ къ заключенію, что студентомъ совершонъ поступокъ, выходящій изъ компетенціи товарищескаго суда, то ходатайствуетъ передъ ректоромъ о перенесеніи дѣла о такомъ студентѣ въ университетскій судъ.

Таково, въ главныхъ чертахъ, рѣшеніе, предлагаемое коммиссіею для одного изъ самыхъ важныхъ и сложныхъ вопросовъ университетской реформы. Прецедентовъ, въ этомъ отношеніи, не даетъ и уставъ 1863 года, совершенно отрицавшій студенческую организацію; кое-какія указанія можно извлечь только изъ практики другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и изъ нѣкоторыхъ внѣ-легальныхъ явленій, постоянно повторявшихся въ самихъ университетахъ. Коммиссія воспользовалась и тѣми, и другими, и выработанному ею проекту нельзя отказать ни въ цѣлесообразности, ни въ удобоосуществимости. Говоря, четыре мѣсяца тому назадъ, о разныхъ формахъ студенческой организаціи, мы выразили мысль, что курсовыя и факультетскія собранія слѣдовало бы призвать къ жизни словомъ закона; они должны существовать de jure во всѣхъ университетахъ, подобно тому, какъ существуютъ теперь de facto въ военно-медицинской академіи и въ нѣкоторыхъ другихъ высшихъ школахъ. Всѣ остальныя формы студенческихъ организацій могли бы имѣть чисто добровольный, факультативный характеръ; основаніе ихъ слѣдовало бы поощрять и облегчать,

но инициатива должна идти отъ самихъ основателей [1]). На аналогичную почву стала и коммиссія с.-петербургскаго университета. Въ замѣчаніяхъ на ея проектъ, сдѣланныхъ профессоромъ Латкинымъ [2]), высказано предположеніе, что онъ не оставляетъ мѣста для *землячествъ*, созданныхъ самою жизнью и обладающихъ всѣми элементами устойчивости и жизнеспособности. Это предположеніе едва ли основательно: землячества, какъ намъ кажется, могутъ быть подведены подъ понятіе объ учрежденіяхъ, „имѣющихъ цѣлью матеріальную и нравственную взаимопомощь". Чтобы устранить всякое сомнѣніе, можно было бы, конечно, и прямо назвать землячества, какъ одну изъ допускаемыхъ закономъ формъ студенческой корпоративной жизни.

Остается еще одинъ важный вопросъ: могутъ ли учащіеся въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ входить въ составъ одного и того же землячества? Мы продолжаемъ стоять за утвердительное разрѣшеніе этого вопроса, но думаемъ, что оно должно быть дано не университетскимъ уставомъ, а общимъ закономъ, дѣйствіе котораго распространялось бы на всѣ высшія школы... Другія замѣчанія профессора Латкина касаются предсѣдательствованія въ студенческихъ собраніяхъ и состава факультетскихъ и общихъ собраній. Обязанности предсѣдателя г. Латкинъ считаетъ болѣе раціональнымъ возложить не на старость, а на профессоровъ, по избранію самихъ студентовъ; въ факультетскія и общія собранія онъ предлагаетъ ввести систему представительства, т.-е. составлять ихъ не поголовно изъ всѣхъ студентовъ факультета или университета, а изъ депутатовъ отъ курсовъ, въ числѣ, пропорціональномъ количеству студентовъ на каждомъ курсѣ. Относительно предсѣдательства мы не раздѣляемъ мнѣнія г. Латкина; сходки послѣднихъ годовъ доказали съ полною ясностью, что лучше всего руководить студенческимъ собраніемъ могутъ именно лица, свободно выбранныя изъ его среды. Введеніе представительства, по меньшей мѣрѣ въ общеуниверситетскія собранія (и въ факультетскія, при очень значительномъ числѣ студентовъ), и намъ всегда казалось цѣлесообразнымъ [3]). Сохраненіе спокойствія и порядка въ многолюдномъ собраніи слишкомъ труднодостижимо. Это сознаетъ и коммиссія, предоставляя факультетскимъ и общимъ собраніямъ только обсужденіе вопросовъ, а баллотировку ихъ перенося въ курсовыя собранія. Собраніе, ничего не рѣшающее, г. Латкинъ основательно признаетъ совершенно излишнимъ. О товарищескомъ студенческомъ судѣ

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстн. Европы", стр. 789.

[2]) См. № 850 „Россіи".

[3]) См. іюньское Внутреннее Обозрѣніе.

мы говорили подробно въ нашей іюльской хроникѣ, указывая, между прочимъ, что возбужденіе въ немъ дѣлъ слѣдовало бы допускать не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія. Намъ казалось, что такое разрѣшеніе долженъ давать совѣтъ; коммиссія предоставляетъ его ректору. Мы продолжаемъ думать, что коллегіальнымъ обсужденіемъ вопроса лучше обезпечивались бы интересы обѣихъ сторонъ; но это разногласіе не существенное,—лишь бы только званіе ректора вновь стало выборнымъ. Въ число взысканій, опредѣляемыхъ товарищескимъ судомъ, мы считали возможнымъ включить удаленіе изъ университета, но съ предоставленіемъ осужденному права жалобы совѣту; коммиссія ограничиваетъ кругъ взысканій, налагаемыхъ товарищескимъ судомъ, но даетъ ему право, въ особенно важныхъ случаяхъ, переносить дѣло на разсмотрѣніе университетскаго суда. Результатъ и при томъ, и при другомъ порядкѣ, можетъ получиться совершенно одинаковый, и мы готовы признать, что проектированный коммиссіею товарищескій судъ вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію...

Отъ времени до времени какъ въ печати, такъ и въ отзывахъ отдѣльныхъ лицъ, призываемыхъ къ обсужденію реформъ въ сферѣ высшаго образованія, ставится, въ смыслѣ возраженія, вопросъ: мыслимо ли осуществленіе этихъ реформъ, разъ что въ основаніе ихъ кладутся принципы, чуждые, въ данную минуту, другимъ отраслямъ государственной и общественной жизни? Можно ли, напримѣръ, разсчитывать на возстановленіе и расширеніе университетской автономіи, разъ что самоуправленіе вообще все больше и больше оспаривается въ теоріи и ограничивается на практикѣ? Строгая логика подсказываетъ здѣсь отвѣтъ безусловно отрицательный; но *дѣйствительность* и *логика* не всегда совпадаютъ одна съ другою. Въ нашемъ прошедшемъ, не очень отдаленномъ, немало найдется случаевъ одновременнаго движенія по двумъ путямъ, идущимъ въ разныя стороны. Каждая изъ противоположныхъ или существенно различныхъ цѣлей достигалась при этомъ не вполнѣ, именно потому, что рядомъ съ нею преслѣдовались другія, не имѣющія съ нею ничего общаго; но это еще не значитъ, чтобы она не достигалась вовсе. Нарушалась гармонія зданія, окружаемаго строеніями иного стиля; но самое зданіе продолжало существовать, съ бо̀льшими или меньшими недочетами исполняя свое назначеніе. Бывали, конечно, и случаи другого рода; постройка, слишкомъ рѣзко противорѣчившая господствующей модѣ, разрушалась иногда до самаго основанія или, въ отступленіе отъ составленнаго уже плана, не воздвигалась вовсе; но это было скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ. Въ государственной жизни все подчиняется закону необхо-

димости: разъ что она ясно сознана, она беретъ свое, не справляясь съ требованіемъ логики. Мысль объ университетской автономіи возникла, въ настоящее время, не подъ вліяніемъ какихъ-либо отвлеченныхъ соображеній, а подъ давленіемъ неотразимыхъ фактовъ. Изъ противоположнаго начала, восторжествовавшаго семнадцать лѣтъ тому назадъ, сдѣланы были, мало-по-малу, самые крайніе, самые послѣдовательные выводы; тѣмъ не менѣе оно оказалось несоотвѣтствующимъ своему назначенію. Дальше идти въ томъ же направленіи некуда; отсюда неизбѣжность поворота. Онъ можетъ быть болѣе или менѣе полнымъ, болѣе или менѣе рѣшительнымъ, и въ этомъ отношеніи многое зависитъ отъ общей обстановки, среди которой онъ происходитъ; но совершенно предупредить его могла бы только возродившаяся вѣра въ цѣлесообразность дѣйствующаго порядка. Вѣроятнымъ такое возрожденіе назвать нельзя: слишкомъ ясны указанія недавняго опыта, слишкомъ велика и всеобщая радость, вызванная первыми признаками перемѣны... Реформѣ высшаго образованія, если ей суждено осуществиться, придется, безспорно, бороться со множествомъ препятствій, пережить множество испытаній. Она можетъ выйти изъ нихъ обезцвѣченною и обезсиленною; но возможенъ и обратный результатъ. Побѣда самоуправленія въ одной области можетъ увеличить для него шансы успѣха и въ другихъ, гдѣ оно потерпѣло и терпитъ рядъ тяжкихъ ударовъ.

Когда наполеоновскія войска въ 1806-мъ году, послѣ Іены и Ауерштедта, приближались къ Берлину, стоявшій во главѣ города сановникъ убѣждалъ жителей его не забывать, что „спокойствіе—первая обязанность гражданъ“ (Ruhe ist die erste Bürgerpflicht). Тридцать лѣтъ спустя прусскій министръ Роховъ, раздраженный попыткой города Эльбинга „имѣть свое сужденіе“ о политическомъ вопросѣ, объявилъ знаменитую резолюцію, изъ которой образовалось и до сихъ поръ уцѣлѣло „крылатое слово“ объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ“ [1]). Эти два классическія выраженія бюрократической узкости и бюрократической надменности давно уже могутъ служить девизомъ нашей реакціонной прессы; но никогда еще, кажется, она не провозглашала его такъ безцеремонно, какъ въ послѣднее время.

---

[1]) Вотъ подлинный текстъ резолюціи Рохова: „dem Unterthanen ziemt es nicht, die Handlungen des Staatsoberhauptes an den Massstab seiner beschränkten Einsicht anzulegen und sich in dünkelhaftem Uebermuth ein öffentliches Urtheil über die Rechtmässigkeit derselben anzumassen“.

Геркулесовыхъ столбовъ въ этомъ направленіи достигаетъ статья: „Общая забота“, напечатанная въ № 241 „Московскихъ Вѣдомостей“. „Долгъ подданнаго и гражданина“ сводится здѣсь къ соблюденію *спокойствія* и *порядка*. Конечно, „начальство все разберетъ и все благоустроитъ“; но пускай ему не мѣшаютъ граждане, *общей заботой* которыхъ должно быть содѣйствіе всѣмъ благимъ намѣреніямъ и мѣрамъ власти (подразумѣвается, при этомъ, что мѣры, исходящія отъ власти, не могутъ не быть благими, а содѣйствіе имъ должно быть пассивное, ограничивающееся сохраненіемъ „спокойствія и порядка“). Находя, что „средства обсужденія и установки мѣропріятій у насъ обезпечены весьма широко“, газета г. Грингмута восклицаетъ: „не много найдется въ Россіи людей, которые, при нѣкоторомъ самопониманіи, могли бы по совѣсти сказать, что ихъ мнѣніе дало бы правительству лучшее рѣшеніе. Эта мысль почти всегда составляетъ достояніе именно людей ничего не знающихъ и легкомысленныхъ, людей, которыхъ мнѣніе именно ничего бы добраго и не дало для страны“ (вотъ онъ, „ограниченный умъ подданныхъ“). Всѣмъ тѣмъ, кто, „по легкомыслію и дурнымъ привычкамъ либерализма“, забываетъ „долгъ гражданина стоять на стражѣ общественнаго порядка и спокойствія“, всѣмъ тѣмъ, кто „зараженъ mauvaise habitude либеральничанья“ и склоненъ „къ игрѣ въ оппозицію“, „Московскія Вѣдомости“ рекомендуютъ вспомнить, что это можетъ отразиться „на ихъ собственномъ интересѣ, на ихъ доходахъ, заработкахъ и безопасности“. Заканчивается статья такъ: „великая честь правительству, которое благополучно исправляетъ все, что напортятъ подданные, но не мѣшаетъ и подданнымъ подумать о своемъ гражданскомъ долгѣ, который требуетъ съ ихъ стороны не мѣшать, а помогать власти, и всенародно стоять на охранѣ порядка и спокойствія, которые составляютъ главнѣйшую общую заботу всякой разумной націи“. И это говорится въ Россіи, гдѣ ненарушимо, за самыми рѣдкими и небольшими исключеніями, господствуютъ спокойствіе и порядокъ, въ Россіи, гдѣ спокойствіе издавна вошло въ плоть и кровь общества! „Дурныя привычки либерализма“, „mauvaise habitude либеральничанья“ находятъ у насъ выраженіе только въ словѣ; противъ слова и направлена, слѣдовательно, рѣчь „Московскихъ Вѣдомостей“, льстивая по отношенію къ высшимъ, высокомѣрная по отношенію къ простымъ смертнымъ. Если несогласіе съ административнымъ мѣропріятіемъ—всегда признакъ легкомыслія, незнанія или непониманія, то логическій выводъ отсюда ясенъ: если молчаніе прерывается лишь выраженіями восторга, то, конечно, поддѣльнаго. Водворить такое молчаніе—вотъ къ чему стремится реакціонная газета. Въ порывѣ усердія она не стѣсняется взывать къ

чувству страха, забывая мудрую французскую поговорку: la peur est mauvaise conseillère. Всего возмутительнѣе то, что проповѣдь молчанія идетъ отъ органа печати, т.-е. слова, для которой свобода слова столь же необходима, какъ свѣжій воздухъ для здоровья.

Мѣсяцъ тому назадъ въ Москвѣ происходилъ съѣздъ учащихъ въ народныхъ школахъ московскаго уѣзда—первый, кажется, со времени изданія правилъ, допустившихъ, хотя и не на прежнихъ основаніяхъ, возобновленіе учительскихъ съѣздовъ. Многочисленные его участники трудились охотно и усердно и, по удостовѣренію руководителей, выработали цѣлый рядъ существенно важныхъ положеній. Едва ли ошибся предсѣдатель московской уѣздной земской управы, Н. Ѳ. Рихтеръ, указавъ, въ своей заключительной рѣчи, на тѣсную связь между настроеніемъ съѣзда и новыми вѣяніями въ области народнаго просвѣщенія. Еще недавно дѣятельность земской школы встрѣчала недовѣріе со стороны учебной администраціи; теперь оно уступило мѣсто менѣе формальному, менѣе сухому отношенію, выразившемуся, между прочимъ, въ томъ, что проектъ устава общества взаимнаго вспомоществованія учителей московскаго уѣзднаго земства утвержденъ министерствомъ безъ раньше предложенныхъ измѣненій, принять которыя было бы невозможно. Н. Ѳ. Рихтеръ закончилъ свою рѣчь предложеніемъ послать отъ имени съѣзда П. С. Ванновскому привѣтственную телеграмму, съ пожеланіемъ здоровья, которое позволило бы ему довести до конца, на пользу родины, дѣло реформы народнаго образованія. Предложеніе это было покрыто громкими и продолжительными рукоплесканіями.—Что роль народныхъ учителей, на устраиваемыхъ для нихъ собраніяхъ, не должна быть исключительно пассивной—это доказываютъ даже такъ называемые педагогическіе курсы, которыми одно время предполагалось замѣнить учительскіе съѣзды. Строго говоря, участники курсовъ должны только слушать лекціи и исполнять задаваемыя имъ практическія работы; но сила вещей беретъ свое, и курсы, до извѣстной степени, переходятъ въ бесѣды или становятся поводомъ къ указанію условій, измѣненіе которыхъ было бы особенно желательно для учащихъ въ начальныхъ школахъ. Такимъ указаніемъ закончились, напримѣръ, педагогическіе курсы, недавно состоявшіеся въ Самарѣ [1]). На курсахъ, устроенныхъ въ 1900 г. въ Одессѣ, подъ руководствомъ Н. Ѳ. Бунакова, ежедневно происходили бесѣды „по тѣмъ вопросамъ училищевѣдѣнія“ и учительства, которые представляются

---

[1]) См. перепечатку изъ „Самарской Газеты“ въ № 237 „Русскихъ Вѣдомостей“.

наиболѣе интересными и важными мѣстному учительству въ интересахъ успѣшности народнаго образованія“ [1]). Изъ этихъ словъ видно, что даже самый выборъ предметовъ для бесѣдъ совершался при участіи учащихъ въ народныхъ школахъ. Какую пользу могутъ принести подобныя бесѣды—объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ. Въ средѣ одесскаго городского училищнаго совѣта возникла мысль объ устройствѣ въ народныхъ школахъ одесскаго градоначальства „майскихъ союзовъ“, съ цѣлью охраны птичьихъ гнѣздъ отъ разоренія дѣтьми, а также самихъ птицъ и животныхъ отъ жестокаго съ ними обращенія. Эта мысль была одобрена совѣтомъ, и выработанный особою коммиссіею проектъ устава майскихъ союзовъ представленъ на утвержденіе начальства. Иначе посмотрѣли на дѣло народные учителя, собравшіеся на курсы. „Не можетъ быть и тѣни сомнѣнія“—читаемъ мы въ изложеніи заключеній, къ которымъ привели „бесѣды“,—„что въ дѣтяхъ слѣдуетъ возбуждать и развивать любовное и заботливое отношеніе къ животнымъ, къ растеніямъ и къ природѣ вообще. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ отнестись отрицательно къ предложенному на обсужденіе собранія проекту устава майскаго союза, создающему для дѣтей въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ всю ту обычную внѣшность, какую принято устанавливать для общества полноправныхъ зрѣлыхъ людей, для которыхъ она дѣйствительно имѣетъ смыслъ“. Въ какой степени основателенъ упрекъ, сдѣланный здѣсь одесскому проекту устава майскихъ союзовъ—объ этомъ мы судить не можемъ, потому что текстъ проекта намъ неизвѣстенъ; но во всякомъ случаѣ замѣчаніе курсистовъ весьма серьезно и будетъ, вѣроятно, принято во вниманіе при окончательномъ разсмотрѣніи устава. Достигнуть его благой цѣли можно и безъ формализма, къ которому вовсе не желательно пріучать дѣтей.

Мало замѣченнымъ прошло въ печати исчезновеніе газеты, болѣе тридцати лѣтъ игравшей видную и почетную роль среди нашихъ періодическихъ изданій. 28-го іюля министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, на основаніи ст. 131 уст. о ценз. и печ., прекратить дальнѣйшее изданіе безцензурной газеты „Недѣля“, принадлежащей титулярному совѣтнику Гайдебурову. За силою ст. 131-й часть залога, поступившая на удовлетвореніе наложеннаго взысканія, должна быть пополнена до опредѣленной нормы (въ опредѣленный слѣдующею статьею срокъ), подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ,

[1]) Мы заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ „Отчета Одесской Городской Управы за 1900-ый годъ по народному образованію“.

прекращенія изданія. Прав. сенатъ разъяснилъ уже давно, что эта статья примѣнима не только въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе налагается за нарушеніе законовъ о печати, но и вообще каждый разъ, когда залогъ или часть залога, по какому бы то ни было поводу (напр. вслѣдствіе судебнаго рѣшенія по гражданскому иску), изъемлется изъ распоряженія главнаго управленія по дѣламъ печати. Прекращеніе „Недѣли", при непополненіи залога, было, такимъ образомъ, неизбѣжно. Это—большая потеря для нашей печати. Благодаря П. А. Гайдебурову (отцу послѣдняго редактора-издателя „Недѣли"), редактировавшему и издававшему „Недѣлю" сначала вмѣстѣ съ другими лицами (1869—1874), а потомъ, до самой смерти, единолично (1874—1893), вокругъ „Недѣли" образовался кружокъ даровитыхъ и знающихъ сотрудниковъ, доставившій ей широкое распространеніе, особенно въ провинціи. Съ 1878-го года, кромѣ еженедѣльныхъ нумеровъ, стали появляться ежемѣсячно „Книжки Недѣли", въ которыхъ часто дебютировали талантливые беллетристы. Не чуждая увлеченій—то въ сторону „деревни", то въ сторону „народничества", отрицательно относящагося къ либерализму—„Недѣля" всегда оставалась безукоризненно честной, горячо преданной народнымъ интересамъ, безусловно вѣрной истинному назначенію печати. Она стояла на сторонѣ нуждающихся и угнетенныхъ, раскрывая, насколько это отъ нея зависѣло, злоупотребленія мѣстныхъ властей, вызывая активное сочувствіе къ народнымъ бѣдствіямъ. Ни одна газета, кромѣ „Русскихъ Вѣдомостей", не могла сравниться съ „Недѣлей" въ усердной заботѣ о народныхъ массахъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Восполнить пробѣлъ, образовавшійся съ исчезновеніемъ „Недѣли", будетъ нелегко: соединеніе силъ—въ области періодической печати, какъ и во всякой другой,—совершается медленно и, однажды распавшись, далеко не всегда возстановляется въ прежней, долгими годами выработанной формѣ.

Непосредственная причина прекращенія „Недѣли" невольно возбуждаетъ вопросъ о роли, которую играетъ залогъ въ дѣйствующихъ законахъ о печати. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, установляя залогъ, законодатель имѣлъ въ виду обезпечить покрытіе денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ судомъ за проступки печати. Это видно какъ изъ того, что обязанность вносить залогъ не была распространена на подцензурныя изданія (уст. о ценз. и печ., ст. 128, п. 1), такъ и изъ того, что ст. 130 и сл. предусматриваютъ отвѣтственность залога именно за денежныя взысканія, налагаемыя на повременное изданіе (а не за долги издателя). Между тѣмъ, къ судебному преслѣдованію повременныхъ изданій администрація давно уже вовсе не прибѣгаетъ,

предпочитая карать ихъ по своему усмотрѣнію. По суду денежныя взысканія налагаются на газеты и журналы лишь по жалобамъ частныхъ лицъ, одинаково возможнымъ какъ по отношенію къ безцензурнымъ, такъ и по отношенію къ подцензурнымъ изданіямъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что для существованія залоговъ въ настоящее время нѣтъ никакой raison d'être? Конечно, оно затрудняетъ основаніе періодическихъ изданій—но и съ этой точки зрѣнія оно едва ли можетъ быть признано нужнымъ, потому что допущеніе или недопущеніе новой газеты или новаго журнала зависитъ всецѣло и безусловно отъ усмотрѣнія администраціи.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ [1]) намъ пришлось говорить на этомъ мѣстѣ о цѣломъ рядѣ убійствъ, виновниками которыхъ были военнослужащіе, жертвами—лица другихъ сословій, а причиной—охрана или возстановленіе такъ называемой „чести мундира". Мы старались, по этому поводу, установить точнѣе понятіе о *воинской чести* и показать, что оно вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ о *чести мундира*. Воинская честь—находили мы тогда и продолжаемъ находить теперь—„совпадаетъ съ честью вообще, слегка только подчеркивая и выдвигая на первый планъ одну ея сторону. Есть качества, свойственныя каждому честному человѣку, но преимущественно свойственныя тѣмъ, отъ кого постоянно ожидается проявленіе этихъ качествъ. Если, вопреки ожиданію, данное качество оказывается здѣсь отсутствующимъ или недостаточно развитымъ, это считается *особенно* унизительнымъ, *особенно* постыднымъ. Невоздержный священникъ, пристрастный судья, недобросовѣстный ученый навлекаютъ на себя, съ этой точки зрѣнія, порицаніе болѣе строгое, чѣмъ человѣкъ другой профессіи, страдающій тою же слабостью или тѣмъ же порокомъ. Отъ военнаго прежде всего требуется мужество, храбрость; понятно, что больше всего ему вмѣняется въ вину трусость, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже простая осторожность. Въ этомъ только смыслѣ, какъ намъ кажется, и можно говорить о спеціально-воинской чести. По своему внутреннему свойству она не составляетъ чего-то исключительнаго, принадлежащаго единственно однимъ военнымъ; она близко соприкасается, напримѣръ, съ тѣмъ чувствомъ, во имя котораго врачъ или сестра милосердія считаютъ себя не въ правѣ бѣжать изъ зачумленнаго города, отъ постели заразительнаго больного—и во имя котораго они подвергаются осужденію, если не останутся твердыми на

---

[1]) См. „Обществ. Хроники" въ №№ 10 и 11 „Вѣстн. Европы" за 1887 г.

своемъ опасномъ посту... Говорить объ „овеществленіи“ воинской чести въ формѣ мундира, значитъ провозглашать не обязанность быть и оставаться честнымъ, а обязанность оберегать внѣшнимъ образомъ внѣшнюю оболочку, совершенно напрасно возводимую на степень символа. И этой-то оболочкѣ присвоивается преимущество—передъ чѣмъ? Передъ чужою жизнью“! Въ одномъ изъ случаевъ, о которыхъ мы говорили, убійство было совершено въ городскомъ саду; крестьянинъ (содержатель ломовыхъ извозчиковъ) обругалъ офицера, офицеръ уѣхалъ изъ сада за револьверомъ и, возвратясь, застрѣлилъ оскорбителя. Главной причиной несчастья были и здѣсь невѣрныя представленія о *чести мундира*. Словамъ неблаговоспитаннаго, по всей вѣроятности, нетрезваго человѣка было дано значеніе, которое имъ ни въ какомъ случаѣ принадлежать не могло: значеніе обиды для военнаго мундира. Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о воинской чести — въ истинномъ смыслѣ этого слова,—чтобы допустить возможность ея униженія путемъ площадныхъ ругательствъ, произносимыхъ безъ яснаго сознанія ихъ смысла, безъ настоящаго animus injuriendi“... Убійство, послужившее какъ бы отвѣтомъ на эти ругательства, „можетъ быть объяснено только однимъ: убѣжденіемъ, что для защиты или возстановленія чести мундира позволительно—если не обязательно—пустить въ ходъ оружіе, даже противъ безоружнаго. Вотъ противъ этого-то убѣжденія мы и считаемъ долгомъ возставать, нимало не касаясь вопроса о винѣ и отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ. Мы никакъ не можемъ примириться съ мыслью, чтобы фикція могла быть дороже человѣческой жизни, чтобы лицамъ одного сословія принадлежало право произносить и исполнять смертные приговоры надъ лицами другихъ сословій, недостаточно усвоившими себѣ условное понятіе о внѣшнемъ выраженіи спеціальной чести.

Въ исторіи предразсудковъ нѣсколько лѣтъ и даже десятилѣтій—все равно, что нѣсколько дней въ жизни отдѣльнаго лица. Воинская честь и теперь, сплошь и рядомъ, понимается точно такъ же, какъ понималась въ 1887 г.; и теперь, поэтому, во имя ея приносятся иногда кровавыя жертвы. Всѣ соображенія, приведенныя нами выше, примѣнимы вполнѣ къ дѣлу поручика Клыкова, разсмотрѣнному недавно с.-петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ. Подробности этого дѣла извѣстны изъ газетъ; напомнимъ только, что ночью, на гуляньѣ въ Зоологическомъ саду, дворянинъ Малиновскій, будучи въ нетрезвомъ видѣ, нанесъ поручику Клыкову, безъ всякаго повода, оскорбленіе словами; Клыковъ сталъ грозить ему револьверомъ; Малиновскій схватилъ Клыкова за руки (или, по показанію другихъ свидѣтелей, за горло); Клыковъ, вырвавъ руки или откинувшись назадъ,

выстрѣлилъ въ Малиновскаго и нанесъ ему смертельную рану. Обсуждать мѣру виновности поручика Клыкова мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее слово по его дѣлу еще не произнесено [1]; для насъ важна только общественная сторона дѣла, сближающая его съ другими аналогичными процессами. Что въ образѣ дѣйствій подсудимаго играло роль ходячее представленіе о чести мундира—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Еще разъ, слѣдовательно, обнаруживается необходимость распространенія болѣе правильнаго взгляда на воинскую честь—такого взгляда, при которомъ ея охрана не шла бы въ разрѣзъ съ охраной другого, не менѣе цѣннаго блага—человѣческой жизни... Въ видѣ палліатива не безполезна была бы мѣра, предлагаемая г. Дорошевичемъ („Россія", № 856): это—добровольная рѣшимость офицеровъ не посѣщать такихъ увеселительныхъ заведеній, гдѣ большинство публики состоитъ изъ пьяныхъ и невоспитанныхъ людей, гдѣ постоянно происходятъ скандальныя исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, не случайно мѣстомъ гибели Малиновскаго былъ с.-петербургскій Зоологическій садъ; въ одномъ изъ процессовъ 1887-го года ту же роль игралъ городской садъ (съ буфетомъ), въ другомъ—захолустный трактиръ; по словамъ г. Дорошевича, въ прошломъ году военный застрѣлилъ пьянаго въ одномъ изъ одесскихъ низкопробныхъ кафе-шантановъ. Менѣе цѣлесообразной кажется намъ мѣра, предлагаемая другой газетой: разрѣшеніе офицерамъ посѣщать увеселительныя мѣста въ статскомъ платьѣ. Не касаясь общаго вопроса о ношеніи военными, внѣ службы, обыкновеннаго гражданскаго костюма, замѣтимъ только, что съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія оно едва ли что-нибудь измѣнило бы къ лучшему. Пока всякая обида, нанесенная офицеру, признается порочащей его честь, а вмѣстѣ съ нею и честь полка,—побужденія, вызывающія кровавую расправу съ обидчикомъ, остались бы въ полной силѣ, хотя бы въ моментъ нанесенія обиды обиженный и не имѣлъ на себѣ военнаго платья.

Въ № 203 „Вѣдомостей Спб. Градоначальства", 19-го сентября, появилось слѣдующее заявленіе:

„Г. Министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ С.-Петербургскаго Градоначальника, генералъ-лейтенанта Н. В. Клейгельса, что по все-

[1]) Военно-окружный судъ приговорилъ поручика Клыкова къ лишенію всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе на $1^1/_2$ года, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ этого наказанія заключеніемъ въ крѣпости на два мѣсяца.

подданнѣйшему докладу его о необходимости внести нѣкоторыя измѣненія въ организацію с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, а равно подвергнуть пересмотру основанія и порядокъ производства выборовъ столичныхъ гласныхъ, Его Императорскому Величеству благоугодно было, 10 сего сентября, Высочайше соизволить:

„1) на дальнѣйшую разработку въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вышеуказанныхъ предположеній о преобразованіи с.-петербургскаго городского управленія и на внесеніе таковыхъ, по предварительномъ ихъ обсужденіи въ совѣщаніи, образованномъ изъ представителей всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, на уваженіе Государственнаго Совѣта,—и

„2) на пріостановленіе имѣющихъ начаться 26 ноября с. г. выборовъ гласныхъ с.-петербургской городской Думы на предстоящее, съ 1902 года, четырехлѣтіе и продолженіе полномочій нынѣшняго состава гласныхъ и должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія на срокъ впредь до предположеннаго преобразованія городского управленія. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи г. Градоначальникъ увѣдомилъ городскую Управу для надлежащаго исполненія".

Въ тотъ же день, 19-го сентября, въ вечернемъ засѣданіи городской думы, управа привела въ исполненіе предложеніе градоначальника, и вышеизложенное увѣдомленіе министра вн. дѣлъ доложила думѣ.

Дѣло идетъ, какъ то видно изъ увѣдомленія, 1) о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ организаціи одного с.-петербургскаго городского общественнаго управленія, и 2) о пересмотрѣ основаній и порядка производства выборовъ однихъ столичныхъ гласныхъ. Въ нашей печати давно уже высказывались мысли о необходимости именно пересмотра основаній городскихъ выборовъ вообще, и мы не разъ обращали вниманіе на недостатки нынѣ существующихъ основаній и о необходимости привлечь къ управленію городскимъ хозяйствомъ лицъ наиболѣе заинтересованныхъ въ упорядоченіи городской жизни, а именно, такъ-называемыхъ квартирантовъ, которые, собственно, и составляютъ главную массу горожанъ, между тѣмъ какъ домовладѣльцы являются на дѣлѣ не болѣе какъ удобными сборщиками налоговъ и податей съ квартирантовъ. Есть основаніе думать, что наше финансовое вѣдомство не затруднилось бы передать самый квартирный налогъ въ руки городовъ. Что же касается до нѣкоторыхъ измѣненій въ организаціи городского общественнаго управленія, то, по нашему мнѣнію, важнѣйшимъ дѣломъ въ этомъ отношеніи было бы перенесеніе на городское общественное управленіе одного изъ порядковъ, какой существуетъ въ земствѣ, а именно, строгое отдѣленіе лица предсѣдателя управы отъ лица предсѣдателя думы. Въ настоящее

время городской голова является и предсѣдателемъ думы, и предсѣдателемъ управы, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ Городовомъ Положеніи (ст. 120); вредныя послѣдствія такого порядка, при которомъ предсѣдатель управы находитъ себѣ усерднаго защитника въ предсѣдателѣ думы,—очевидны, а потому и не требуютъ дальнѣйшихъ объясненій. Въ земскихъ собраніяхъ предсѣдательство въ нихъ и въ управахъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ одному и тому же лицу...

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь.—Октябрь. 1901.

Книга девятая. — Сентябрь.

Книга десятая. — Октябрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Долгоруковъ, В. А.—Путеводитель по всей Сибири и среднеазіатскимъ владѣніямъ Россіи. Томскъ. 902. Ц. 1 р. 25 к.

О потребности въ такомъ изданіи говорить прежде всего то, что настоящій „Путеводитель по Сибири“ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ является шестымъ изданіемъ. Въ предъидущихъ изданіяхъ помѣщался и переводъ на иностранные языки, но въ шестомъ—остался одинъ русскій текстъ, содержащій въ себѣ всѣ самыя необходимыя свѣдѣнія какъ о городахъ и вообще замѣчательныхъ мѣстностяхъ, такъ и о существующихъ нынѣ путяхъ сообщенія по Сибири, не только почтовыхъ, но и караванныхъ торговыхъ, о минеральныхъ водахъ Азіатской Россіи, объ Обь-Енисейскомъ каналѣ, уральской желѣзной дорогѣ, о. Сахалинѣ, а также и о желѣзно-дорожныхъ путяхъ, ведущихъ въ Сибирь, о сообщеніяхъ по Волгѣ. Къ „Путеводителю“ приложена карта имперіи съ желѣзнодорожною сѣтью и болѣе сотни иллюстрацій, а также подробный указатель главнѣйшихъ наименованій.

Шепелевичъ, Л. — Жизнь Сервантеса и его произведенія. Т. I. Харьк. 901. Ц. 2 р. 40 к.

Авторъ имѣлъ въ виду восполнить недостатокъ въ нашей литературѣ сколько-нибудь цѣльной и вмѣстѣ критической біографіи знаменитаго творца „Донъ-Кихота“, которымъ, такъ сказать, закончились средніе вѣка. „Въ распредѣленіи матеріала,—говоритъ нашъ біографъ, —мы придерживались не внѣшняго, а внутренняго хронологическаго порядка: тамъ, гдѣ появленіе извѣстнаго произведенія слѣдовало за извѣстнымъ періодомъ жизни Сервантеса,—мы разсматривали его въ этомъ порядкѣ“. Другою особенностью распорядка біографіи является то, что разсмотрѣніе „Донъ-Кихота“ перенесено во вторую часть монографіи. Въ приложеніи къ настоящему тому помѣщенъ переводъ новеллы: „Разговоръ двухъ собакъ“ и литературныя примѣчанія къ тексту.

Шапиро, А. М., д-ръ.—Гигіена воды и саратовскіе фильтры. Сарат. 900. Стр. 108.

Настоящая брошюра есть, собственно, докладъ о бактеріологическомъ изслѣдованіи дѣйствій мѣстныхъ фильтровъ, прочитанный въ публичномъ засѣданіи саратовскаго санитарнаго общества. Читатель найдетъ здѣсь въ самой общедоступной формѣ разъясненіе, при какихъ условіяхъ всякій фильтръ можетъ служить къ очищенію воды, и какимъ образомъ тотъ же фильтръ, безъ строгаго соблюденія этихъ условій, не только не очищаетъ воды, но еще болѣе загрязняетъ ее и дѣлаетъ опасною для здоровья. Однимъ словомъ, водяные фильтры, какъ и всякій инструментъ, бываютъ полезны только при правильномъ съ ними обращеніи, а въ противномъ случаѣ они дѣлаются даже пагубными для тѣхъ, кто ими пользуется.

Горовцевъ, А.—Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Спб. 901. Ц. 2 р.

Авторъ имѣетъ цѣлью обратить особенное вниманіе общества на тѣневую сторону не самой идеи трудовой помощи внушившимъ въ бѣдность, а ея практическаго осуществленія. Самый трудъ раздѣляется на двѣ части: общую и особенную; въ общей указывается на мѣсто, какое долженъ занимать трудъ въ ряду другихъ мѣръ борьбы съ бѣдностью, а особенная посвящена главному предмету—трудовой помощи, какъ средству призрѣнія бѣдныхъ, съ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ ея формъ и видовъ въ различныя эпохи и въ различныхъ государствахъ. Авторъ останавливается далѣе на вопросѣ о современномъ положеніи идеи трудовой помощи—и въ частности на нашихъ домахъ трудолюбія, и вообще на исторіи трудовой помощи именно въ Россіи, начиная съ древнѣйшихъ эпохъ.

Карѣевъ, Н. — Исторія Западной Европы въ новое время. Т. IV. Изд. 2-е. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 к.

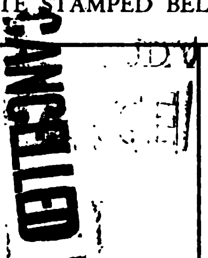
Новое изданіе авторъ пересмотрѣлъ и дополнилъ новыми библіографическими указаніями; оно обнимаетъ собою первую треть истекшаго XIX-го вѣка, а именно: консульство, имперію и реставрацію, съ присоединеніемъ соціальной исторіи Европы за то же время. Вышедшій уже томъ пятый обнимаетъ средину XIX вѣка, начиная отъ іюльской революціи и до конца шестидесятыхъ годовъ; автору остается, чтобы закончить свой обширный и интересный трудъ, въ шестомъ и послѣднемъ томѣ изложить европейскую исторію въ послѣдней трети прошедшаго вѣка—его послѣднія три десятилѣтія.

Старостинъ. — Выбранное, что лучше. Спб. 901. Стр. 461. Ц. 2 р.

Такъ какъ самъ авторъ предлагаетъ читателямъ только лучшія изъ своихъ произведеній, то мы заранѣе можемъ быть увѣрены, что въ книгѣ нѣтъ ничего дурного или скучнаго. Въ сборникѣ избранныхъ сочиненій г. Старостина помѣщены двѣ повѣсти—„Похожденія Хлопова“ и „Послѣдняя“, романъ „Наше счастіе“ и разсказъ „Мой другъ Вагонъ“. Объ этихъ произведеніяхъ художественнаго творчества автора можно сказать только одно,—что они занимательны по содержанію и читаются легко.

Служивый. — Очерки покоренія Кавказа. Съ рисунками и картами. Стр. 147. Ц. 1 р. 75 к.

Книга г. Служиваго, по своимъ внѣшнимъ достоинствамъ, должна быть отнесена къ числу такъ-называемыхъ роскошныхъ изданій. Послѣ небольшого вступленія, заключающаго въ себѣ историческій обзоръ столкновеній Россіи съ кавказскими народами до присоединенія Грузіи, авторъ послѣдовательно излагаетъ главнѣйшія событія въ ходѣ нашихъ войнъ на Кавказѣ съ 1800 года до окончательнаго покоренія страны въ 1864 году; затѣмъ помѣщенъ очеркъ военныхъ дѣйствій въ Малой Азіи во время послѣдней русско-турецкой войны. „Пріобрѣтеніе Кавказа, сопровождавшееся столь продолжительной и кровавой войной,—какъ справедливо замѣчаетъ авторъ въ своемъ „заключеніи“, —имѣетъ огромное значеніе для нашего отечества“; по этому поводу г. Служивый высказываетъ нѣкоторыя общія мысли, проникнутыя чувствомъ патріотизма и „народной гордости“.


CANCELLED